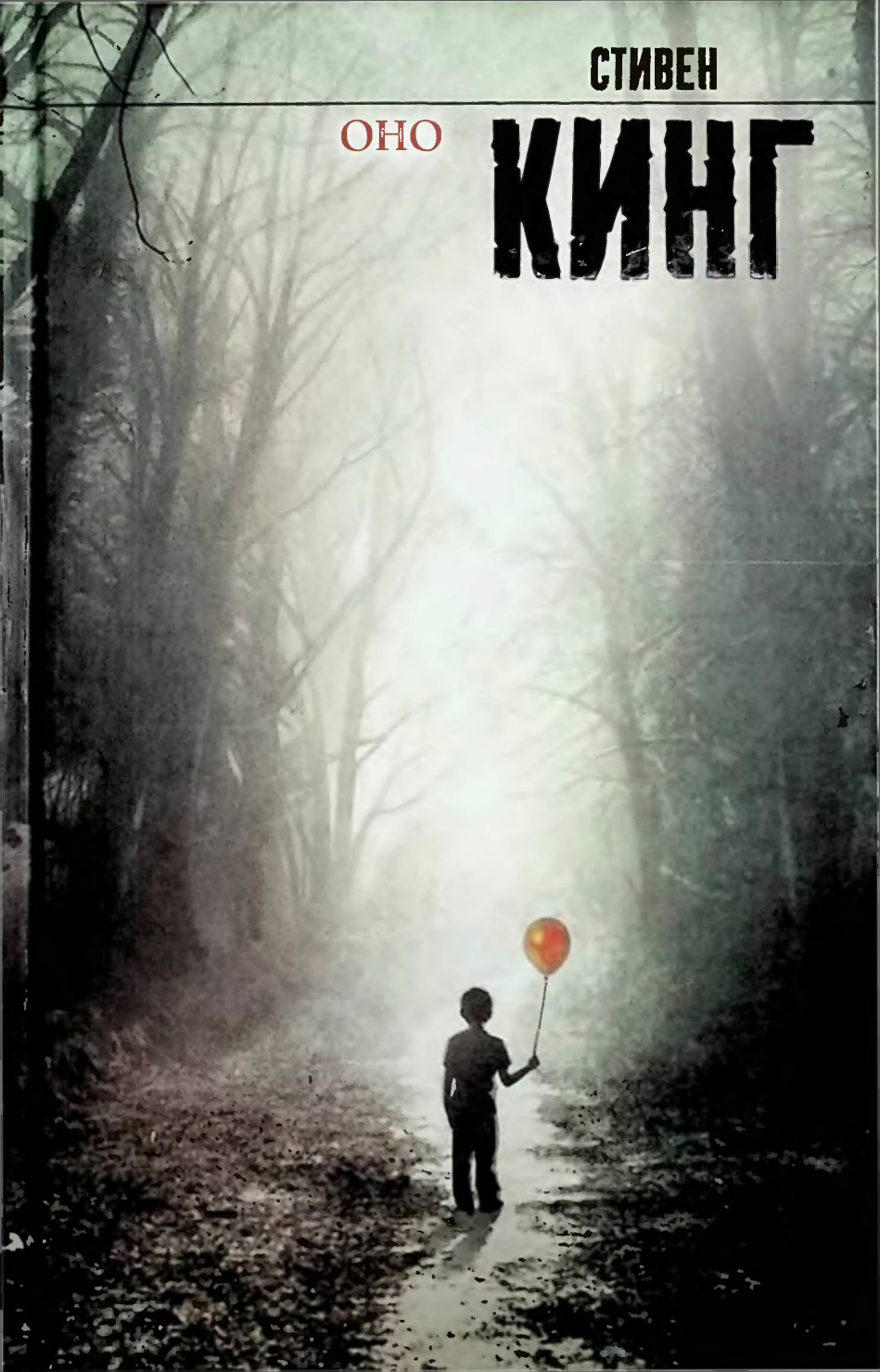
СТИВЕН

КИНГ

ОНО



Стивен Кинг

ОНО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7-Сое)-44
К41

Stephen King

IT

Перевод с английского В.А. Вебера

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Оно : [роман] / Стивен Кинг; [пер. с англ. В. А. Вебера]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 1245, [3] с.

ISBN 978-5-17-105218-8 (С.: Кинг: КИНО)
Motion Picture Artwork
© 2017 Warner Bros. Entertainment Inc. All Rights Reserved
Компьютерный дизайн В.А. Воронина

ISBN 978-5-17-065495-6 (С.: Король на все времена)
Компьютерный дизайн Е.А. Коляды

В маленьком провинциальном городке Дерри много лет назад семерым подросткам пришлось столкнуться с кромешным ужасом — живым воплощением ада.

Прошли годы... Подростки повзрослели, и ничто, казалось, не предвещало новой беды. Но кошмар прошлого вернулся, неведомая сила повлекла семерых друзей назад, в новую битву со Злом. Ибо в Дерри опять льется кровь и бесследно исчезают люди. Ибо вернулось порождение ночного кошмара, настолько невероятное, что даже не имеет имени...

Читайте самый популярный роман С. Кинга в новом переводе без сокращений!

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7-Сое)-44

ISBN 978-5-17-105218-8 (Кинг: КИНО)
ISBN 978-5-17-065495-6 (Король на все времена)

© Stephen King, 1986
© Перевод. В.А. Вебер, 2011
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Эту книгу я с благодарностью посвящаю моим детям. Мои мать и жена научили меня быть мужчиной. Мои дети научили меня, как стать свободным.

Наоми Рейчел Кинг, четырнадцатилетней.

Джозефу Хиллстрому Кингу, двенадцатилетнему.

Оуэну Филипу Кингу, семилетнему.

Ребятки, вымысел — правда, запрятанная в ложь, и правда вымысла достаточна проста: магия существует.

С.К.

Этот старый город, сколько помню, был мне домом.
Этот город будет здесь и после того, как я уйду.
Восточная сторона, западная — приглядитесь.
Тебя разрушили, но ты все равно в моей душе.

*«Майкл Стэнли Бэнд»**

Что ищешь ты среди руин, камней,
Мой старый друг, вернувшийся с чужбины,
Ты сохранил о родине своей
Взлелеянные памятью картины**.

*Георгос Сеферис****

Из-под синевы в темноту.

*Нил Янг*****

---

* «Майкл Стэнли бэнд» — рок-группа, созданная американским гитаристом и певцом Майклом Стэнли Джи (р. 1948), популярная в 1970—1980 гг. Песня «Мой город» написана Майклом Стэнли в 1980 г. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Перевел с англ. Герман Гецевич.

*** Сеферис, Георгос (1900—1971) — известный греческий поэт. Стихотворение «Возвращение из ссылки» написано в 1960 г.

**** Янг, Нил Пегсивэл (р. 1945) —.канадский певец, музыкант, кинорежиссер. «Из-под синевы в темноту» — фраза из самой известной песни Янга «My My Hey Hey» (1979). Сама фраза (Out of the blue and into the black) — из лексикона вьетнамской войны, подразумевавшая уход из-под синего неба во вьетконговские тоннели.

Часть 1

ТЕНЬ ПРОШЛОГО

Они начинают!
Совершенства обостряются,
Цветок раскрывает яркие лепестки
Широко навстречу солнцу,
Но хоботок пчелы
Промахивается мимо них.
Они возвращаются в жирную землю,
Плача —
Вы можете назвать это плачем,
Который расползается по ним дрожью,
Когда они увядают и исчезают...

*«Патерсон», Уильям Карлос Уильямс**

Рожденный в городе мертвеца**.

Брюс Спрингстин

---

* Уильямс, Уильям Карлос (1883—1963) — известный американский поэт, писатель.

** «Рожденный в городе мертвеца»/«Born down in a dead man's town» — первая строка песни «Рожденный в США» (1984) американского певца Брюса Спрингстина (р. 1949).

Глава 1
ПОСЛЕ НАВОДНЕНИЯ (1957 Г.)

1

Начало этому ужасу, который не закончится еще двадцать восемь лет — если закончится вообще, — положил, насколько я знаю и могу судить, сложенный из газетного листа кораблик, плывущий по вздувшейся от дождей ливневой канаве.

Кораблик нырял носом, кренился на борт, выпрямлялся, храбро проскакивал коварные водовороты и продолжал плавание вдоль Уитчем-стрит к светофору на перекрестке с Джексон-стрит. Во второй половине того осеннего дня 1957 года лампы не горели ни с одной из четырех сторон светофора, и дома вокруг тоже стояли темные. Дождь не переставая лил уже неделю, а последние два дня к нему прибавился ветер. Многие районы Дерри остались без электричества, и восстановить его подачу удалось не везде.

Маленький мальчик в желтом дождевике и красных галошах радостно бежал рядом с бумажным корабликом. Дождь не прекратился, но наконец-то потерял силу. Стучал по капюшону дождевика, напоминая мальчику стук дождя по крыше сарая... приятный такой, уютный звук. Мальчика в желтом дождевике, шести лет от роду, звали Джордж Денбро. Его брат, Уильям, известный большинству детей в начальной школе Дерри (и даже учителям, которые никогда не назвали бы его так в лицо) как Заика Билл, остался дома — выздоравливал после тяжелого гриппа. В ту осень 1957 года, за восемь месяцев до прихода в Дерри настоящего ужаса и за двадцать восемь лет до окончательной развязки, Биллу шел одиннадцатый год.

Кораблик, рядом с которым бежал Джордж, смастерил Билл. Сложил из газетного листа, сидя в кровати, привалившись спиной к груде подушек, пока их мать играла «К Элизе» на пианино в гостиной, а дождь без устали стучал в окно его спальни.

За четверть квартала, ближайшего к перекрестку и неработающему светофору, Уитчем перегораживали дымящиеся бочки и четыре оранжевых, по форме напоминающих козлы для пилки дров, барьера. На перекладине каждого чернела трафаретная надпись «ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ ДЕРРИ». За бочками и барьерами дождь выплеснулся из ливневых канав, забитых ветками, камнями, грудами слипшихся осенних листьев. Поначалу вода выпустила на гудрон тонкие струйки-пальцы, потом принялась загребать его жадными руками — произошло все это на третий день дождей. К полудню четвертого дня куски дорожного покрытия плыли через перекресток Уитчем и Джексон, будто миниатюрные льдины. К тому времени многие жители Дерри нервно шутили на предмет ковчегов. Департаменту общественных работ удалось обеспечить движение по Джексон-стрит, но Уитчем, от барьеров до центра города, для проезда закрыли.

Однако теперь, и с этим все соглашались, худшее осталось позади. В Пустоши река Кендускиг поднялась почти вровень с берегами, и бетонные стены Канала — выправленного русла в центральной части города — выступали из воды на считанные дюймы. Прямо сейчас группа мужчин, в том числе и Зак Денбро, отец Билла и Джорджа, убирали мешки с песком, которые днем раньше набросали в панической спешке. Вчера выход реки из берегов и огромный урон, вызванный наводнением, казались практически неизбежными. Бог свидетель, такое уже случалось: катастрофа 1931 года обошлась в миллионы долларов и унесла почти два десятка жизней. Лет минуло немало, но оставалось достаточно свидетелей того наводнения, чтобы пугать остальных. Одну из жертв нашли в двадцати пяти милях восточнее, в Бакспорте. Рыбы съели у несчастного глаза, три пальца, пенис и чуть ли не всю левую ступню. Тем, что осталось от кистей, он крепко держался за руль «форда».

Но нынче уровень воды снижался, а после введения в строй новой плотины Бангорской электростанции, выше по течению, угроза наводнений вообще перестала бы существовать. Так, во всяком случае, говорил Зак Денбро, работавший в «Бангор гидроэлектрик». Что же касается остальных... если на то пошло, будущие на-

воднения особо их не интересовали. Речь шла о том, чтобы пережить это, восстановить подачу электричества, а потом забыть о случившемся. В Дерри научились прямо-таки виртуозно забывать трагедии и несчастья, и Биллу Денбро со временем предстояло это узнать.

Джордж остановился сразу за барьерами, на краю глубокой расщелины, которая прорезала твердое покрытие Уитчем-стрит. Расщелина пересекала улицу практически по диагонали, оканчиваясь на другой ее стороне футах в сорока ниже того места, справа от мостовой, где стоял Джордж. Он громко рассмеялся (звонким детским смехом, который расцветил серость дня), когда капризом бегущей воды его бумажный кораблик потащило на маленькие пороги, образовавшиеся на размытом гудроне. Поток воды прорезал в нем диагональный канал, и кораблик несся поперек Уитчем-стрит с такой скоростью, что Джорджу пришлось бежать изо всех сил, чтобы не отстать от него. Вода грязными брызгами разлеталась из-под его галош. Их пряжки радостно позвякивали, пока Джордж Денбро мчался навстречу своей странной смерти. В этот момент его наполняла чистая и светлая любовь к своему брату Биллу; любовь — и толика сожаления, что Билл не может все это видеть и в этом участвовать. Конечно, он попытался бы рассказать все Биллу, когда вернется домой, но знал, что его рассказ не позволит Биллу видеть все и в мельчайших подробностях, как произошло бы, поменяйся они местами. Билл хорошо читал и писал, но даже в столь юном возрасте Джорджу хватало ума, чтобы понять: это не единственная причина, по которой в табеле Билла стояли одни пятерки, а учителям нравились его сочинения. Да, рассказывать Билл умел. Но еще умел и видеть.

Кораблик пулей проскочил диагональный канал, этот всего лишь сложенный лист с частными объявлениями из «Дерри ньюс», но теперь Джорджу казалось, что это быстроходный катер из военного фильма, вроде тех, какие он иногда по субботам смотрел с Биллом в городском кинотеатре на утренних сеансах. Из военного фильма, где Джон Уэйн сражался с япошками. От носа бумажного кораблика в обе стороны летели брызги, а потом он добрался до ливневой канавы на левой стороне Уитчем-стрит. В том месте, где встречались два потока (один — текущий по расщелине в гудроне, второй — по ливневой канаве), образовался довольно мощный водоворот, и Джорджу показалось, что вода утянет ко-

раблик и перевернет его. Действительно, он опасно накренился, но потом Джордж издал радостный вопль, потому что кораблик выпрямился, развернулся и понесся вниз, к перекрестку. Мальчик бросился его догонять. Над головой октябрьский ветер тряс деревья, которые многодневный ливень (в этом году показавший себя уж очень безжалостным жнецом) едва ли не полностью освободил от груза разноцветных листьев.

2

Сидя в кровати, с еще раскрасневшимися от жара щеками (но температура, как и уровень воды в Кендускиг, наконец-то стала снижаться), Билл закончил складывать бумажный кораблик, но, когда Джордж потянулся к нему, отвел руку.

— А те-еперь принеси мне па-а-арафин.

— Зачем? Где он?

— В подвале на по-о-олке, как только спустишься вниз, — ответил Билл. — В жестянке с надписью «Га-а-алф»... «Галф». Принеси мне жестянку, нож и миску. И ко-о-оробок спичек.

Джордж покорно пошел, чтобы принести все перечисленное Биллом. Он слышал, что мама по-прежнему играла на пианино, не «К Элизе», а что-то другое. Эта музыка ему не нравилась — какая-то сухая и суетливая. Он слышал, как дождь барабанил по окнам кухни. Эти звуки приятно успокаивали в отличие от мыслей о подвале. Он не любил подвал, не любил спускаться туда по лестнице: всегда представлял себе что-то затаившееся внизу, в темноте. Глупо, конечно, так говорил отец, так говорила мать и, что более важно, так говорил Билл, но однако...

Он даже не любил открывать дверь, чтобы включить свет, опасаясь (эта идея была настолько глупая, что он ни с кем ею не делился), что какая-то жуткая когтистая лапа ляжет на его запястье, пока он будет ощупывать стену в поисках выключателя... а потом рывком утащит его в темноту, пахнущую грязью, сыростью и подгнивающими овощами.

Глупость! Тварей, заросших шерстью, переполненных убийственной злобой и с когтями, не существует. Время от времени кто-то сходил с ума и убивал множество людей (иногда Чет Хантли говорил о таком в вечерних новостях) и, разумеется, не следовало

забывать про комми*, но в их подвале никаких страшных монстров не обитало. Тем не менее эта мысль крепко сидела в голове. И в опасные моменты, когда правой рукой он нащупывал выключатель (левой намертво вцепившись в дверной косяк или ручку), подвальное амбре становилось таким сильным, что, казалось, заполняло мир. Запахи грязи, сырости и подгнивших овощей сливались в один безошибочно узнаваемый запах монстра, являвшего собой апофеоз всех монстров. Запах чудовища, которое Джордж не мог хоть как-то назвать, — запах Оно, затаившегося и изготовившегося к прыжку. Существа, которое могло есть все, но отдававшего особое предпочтение мясу мальчиков.

В то утро он открыл дверь и начал ощупывать стену в поисках выключателя, другой рукой привычно вцепившись в дверной косяк, крепко закрыв глаза, с торчащим из уголка рта кончиком языка, который напоминал умирающий корешок, ищущий воду в эпицентре засухи. Смешно? Конечно! Будьте уверены! Посмотрите на Джорджи! Джорджи боится темноты! Он такой маленький! Музыка доносилась из комнаты, которую отец называл общей, а мать — гостиной. Доносилась, словно из другого мира, далекого-предалекого. Так, наверное, воспринимал бы разговоры и смех на переполненном летнем пляже обессиленный пловец, который боролся с подводным течением.

Его пальцы нащупали выключатель. Ух!

Щелчок...

...и ничего. Никакого света.

Черт! Электричество!

Джордж отдернул руку, будто от корзины со змеями. Отступил на шаг от открытой двери в подвал, сердце учащенно билось в груди. Света нет, конечно же... он забыл, что электричество отключили. Оосподи-суси! Что теперь? Вернуться к Биллу и сказать — не смог он принести парафин, потому что электричества нет и ему страшно. Он боится, как бы что-то не схватило его на ступенях лестницы, не комми, не маньяк-убийца, но существо, которое хуже любого из них. Оно просунет какую-то часть своей вонючей туши в зазор между ступенями и ухватит его за лодыжку. Это будет здорово, правда? Другие могли бы посмеяться над такой выдумкой, но Билл смеяться бы не стал. Билл бы рассердился. Билл бы сказал: «Пора повзрослеть, Джорджи... хочешь ты кораблик или нет?»

---

* Комми — коммунисты.

И в этот самый момент, словно мысли Джорджа подтолкнули его, Билл прокричал из спальни:

— Ты та-ам умер, Дж-Джорджи?

— Нет, уже несу, Билл, — тут же откликнулся Джордж, потер руки, пытаясь избавиться от предательских мурашек, покрывших кожу. — Я задержался, потому что захотелось попить.

— Что ж, по-оторопись!

Он спустился вниз на четыре ступеньки к нужной ему полке (сердце колотилось в горле, как большой, теплый молоток, волосы на затылке стояли дыбом, глаза жгло как огнем, руки похолодели), в полной уверенности, что в любой момент дверь в подвал может закрыться сама по себе, отсекая белый свет, льющийся из окон кухни, и он услышит Оно, нечто такое, что хуже всех комми и маньяков-убийц этого мира, хуже япошек, хуже Аттилы, хуже чудовищ в сотне фильмов ужасов. Оно, глухо рычащее... и он услышал бы это рычание в жуткие секунды перед тем, как монстр монстров прыгнул бы на него и вспорол ему живот.

В этот день из-за сильнейшего наводнения, почти потопа, подвальный запах был еще противнее, чем обычно. Их дом располагался достаточно высоко по Уитчем-стрит, рядом с вершиной холма, так что они оказались не в самом худшем положении, но вода все равно стояла на полу подвала, просочившись туда через старый фундамент. Запах был таким неприятным, что дышать приходилось часто и неглубоко.

Джордж принялся быстро-быстро перебирать лежащий на полке хлам: старые банки с обувным кремом «Киви», бархотки для чистки обуви, разбитая керосиновая лампа, две почти пустые пластиковые бутылки «Уиндекса», старая канистра с полиролью «Тэтл». По какой-то причине канистра так поразила его, что он провел тридцать секунд, зачарованно глядя на черепаху на крышке. Отшвырнул канистру от себя... и наконец-то нашел нужную ему жестянку с надписью «Галф».

Схватил и со всех ног взбежал по лестнице, внезапно осознав, что сзади подол рубашки вылез из штанов, что подол этот его и погубит: тварь в подвале позволит ему подняться почти до самого верха, а потом ухватится за подол рубашки, потащит назад и...

Он добрался до кухни и захлопнул за собой дверь. Просто грохнул дверью. Привалился к ней, закрыв глаза, весь в испарине, сжимая в руке жестянку с парафином.

Пианино смолкло, послышался голос матери:

— Джорджи, в следующий раз сможешь хлопнуть дверью чуть сильнее? Возможно, тебе удастся разбить несколько тарелок в серванте.

— Извини, мама! — крикнул он в ответ.

— Джорджи, какашка, — позвал из спальни Билл. Тихонько, чтобы не услышала мать.

Джордж хихикнул. Страх его уже ушел. Ускользнул так же легко, как ускользают воспоминания о кошмарном сне, когда кто-то просыпается в холодном поту, с гулко бьющимся сердцем. Он ощупывает тело, оглядывается, чтобы убедиться: наяву ничего этого не было, и тут же начинает забывать. Половину кошмара не помнит, когда его ноги касаются пола, трех четвертей — когда выходит из душа и начинает вытираться, а уж после завтрака кошмар забывается полностью. Ускользает... до следующего раза, когда, в том же кошмарном сне, все страхи возвращаются.

«Эта черепаха, — подумал Джордж, направляясь к столику, в ящике которого лежали спички. — Где я уже видел такую черепаху?»

Но ответа не нашел и перестал об этом думать.

Взял из ящика коробок спичек, со стойки — нож (держа его лезвием от себя, как учил отец), из буфета для посуды в столовой — маленькую миску. Потом вернулся в комнату Билла.

— Ка-акая же ты жо-опная дырка, Дж-Джорджи. — Впрочем, голос Билла звучал миролюбиво. Он отодвинул от края прикроватного столика атрибуты болезни: пустой стакан, графин с водой, бумажные салфетки, книги, бутылку растирки «Викс вароораб», запах которой всегда будет ассоциироваться у Билла с грудным кашлем и сопливым носом. Там же стоял и старенький радиоприемник «Филко», транслирующий не Баха или Шопена, а песню Литтл Ричарда... но так тихо, что голос Литтл Ричарда лишался присущей ему первозданной мощи. Их мать, которая обучалась игре на рояле в Джульярде*, ненавидела рок-н-ролл. Не просто не любила — он вызывал у нее отвращение.

— Я не жопная дырка, — ответил Джордж, расставляя принесенное на прикроватном столике.

— Она самая, — настаивал Билл. — Большая, грязная жопная дырка, вот ты кто.

---

* Джульярдская школа — одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства.

Джордж попытался представить себе такого ребенка — жопную дырку на ножках, и засмеялся.

— Ты — жопная дырка, которая больше Огасты. — Тут начал смеяться и Билл.

— Твоя жопная дырка больше целого штата, — ответил Джордж. И оба они хохотали почти две минуты.

Потом последовал разговор шепотом, из тех, какие имеют значение только для маленьких мальчиков: выясняли, кто самая большая жопная дырка, у кого самая большая жопная дырка, чья жопная дырка более грязная и так далее. Наконец Билл произнес одно из запретных слов — обозвал Джорджа большой, грязной, засранной жопной дыркой, после чего оба расхохотались. Смех Билла перешел в приступ кашля. Когда же кашель пошел на спад (к тому времени лицо Билла приобрело цвет спелой сливы, что встревожило Джорджа), пианино вновь перестало играть. Оба мальчика повернулись к гостиной, прислушиваясь: не отодвинется ли стул, не раздадутся ли торопливые шаги матери. Билл зажал рот сгибом локтя, подавляя остатки кашля, другой рукой указывая на графин. Джордж налил ему стакан воды, Билл выпил его.

Пианино заиграло вновь — опять «К Элизе». Пьеса эта навсегда осталась в памяти Заики Билла, и даже много лет спустя при этих звуках кожа покрывалась мурашками, сердце сжималось, и он вспоминал: «Моя мама играла эту пьесу в день смерти Джорджа».

— Еще будешь кашлять, Билл?

— Нет.

Билл достал из коробки бумажную салфетку, издал какой-то урчащий звук, отхаркнул мокроту в салфетку, смял ее в комок и бросил в корзинку для мусора у кровати, заполненную такими же комками. Потом открыл жестянку с парафином, перевернул и выложил на ладонь парафиновый куб. Джордж пристально смотрел на него, но помалкивал и ни о чем не спрашивал. Билл не любил, когда Джордж заговаривал с ним, если он что-то делал, а Джордж уже на собственном опыте убедился — если будет держать рот на замке, Билл скорее всего сам все объяснит.

Ножом Билл отрезал маленький кусочек от парафинового куба, опустил в миску, зажег спичку и положил ее на отрезанный кусок парафина. Оба мальчика наблюдали за желтым пламенем, а затихающий ветер время от времени хлестал окно дождем.

— Корабль нужно сделать водонепроницаемым, иначе он намокнет и утонет. — В обществе Джорджа Билл заикался меньше, а

порой заикание вообще исчезало. В школе, однако, оно становилось таким сильным, что говорить он просто не мог. Общение прекращалось, и одноклассники Билла отводили глаза, когда тот, ухватившись за край парты, с покрасневшим лицом, цветом уже не отличавшимся от ярко-рыжих волос, сощурившись, пытался вытолкнуть какое-нибудь слово из упрямящегося горла.

Иногда — чаще всего — слово выталкивалось. Но случалось — застревало намертво. В три года его сбила машина, отбросив на стену дома. Семь часов он пролежал без сознания. Мама всегда говорила, что заикание — следствие того происшествия. Но Джордж иногда чувствовал, что у его отца (и самого Билла) такой уверенности нет.

Кусок парафина в миске почти полностью растаял.

Пламя сходило на нет, стало синим, продвигаясь по картонной спичке, погасло. Билл сунул палец в расплавившийся парафин, зашипев, отдернул. Виновато улыбнулся Джорджу:

— Горячо.

Через несколько секунд сунул вновь, принялся намазывать парафин на бумажный борт, где тот быстро засыхал, образуя пленку молочного цвета.

— А можно мне? — спросил Джордж.

— Давай. Только не капни на одеяло, а не то мама тебя убьет.

Джордж сунул палец в парафин, уже очень теплый, но не горячий, и принялся размазывать его по другой стороне кораблика.

— Толстым слоем не клади, жопная дырка! — одернул его Билл. — Хочешь, чтобы он утонул в первом же плавании?

— Извини.

— Все нормально. Лучше размазывай.

Джордж закончил со своим бортом, потом поднял кораблик. Он стал тяжелее, но не намного.

— Круто. Я собираюсь выйти и отправить его в плавание.

— Давай, — ответил Билл. Теперь он выглядел усталым... усталым — и по-прежнему нездоровым.

— Мне бы хотелось, чтобы и ты мог пойти, — ответил Джордж. Ему действительно хотелось. Билл иной раз любил покомандовать, но у него всегда возникали такие интересные идеи, и он редко обижал брата. — Это же твой корабль.

— Мне тоже хотелось бы пойти. — Билл помрачнел.

— Что ж... — Джордж переминался с ноги на ногу, держа кораблик обеими руками.

— Ты лучше надень дождевик, — предупредил Билл, — не то заболеешь г-гриппом, как я. Наверное, все равно заболеешь, от моих ба-ацилл.

— Спасибо, Билл. Классный кораблик. — И тут Джордж сделал то, чего не делал давно, то что Билл запомнил навсегда: наклонился и поцеловал брата в щеку.

— Теперь ты точно заболеешь, жо-опная дырка. — Но Билл както повеселел. Улыбнулся Джорджу. — И убери все на место, хорошо? Или у мамы случится и-истерика.

— Конечно. — Он собрал все подручные средства, которыми они обеспечили водонепроницаемость бортов кораблика и пересек комнату: кораблик лежал на жестянке с парафином, стоявшей чуть под углом в миске.

— Дж-Дж-Джорджи?

Джордж обернулся, посмотрел на брата.

— Бу-удь осторожен.

— Конечно. — Брови мальчика чуть приподнялись. Такое обычно говорит мать — не старший брат. Странно, как и то, что он поцеловал Билла. — Конечно, буду.

Он вышел. Больше Билл никогда его не видел.

3

И теперь Джордж бежал, догоняя уплывающий вниз кораблик, по левой стороне Уитчем-стрит. Бежал быстро, но вода бежала еще быстрее, и расстояние между ним и корабликом увеличивалось. Он услышал нарастающий рокот и увидел, что в пятидесяти ярдах ниже по холму дождевая вода, текущая по ливневой канаве, уходит в водосток — продолговатый, полукруглый вырез в бордюрном камне. На глазах у Джорджа лишенную листьев ветвь, с черной и блестящей, как кожа тюленя, корой, занесло в пасть водостока. Ветвь на мгновение зависла, а потом ее утащило вниз. Туда и направлялся его кораблик.

— Ох, говно и «Шинола»*! — в ужасе воскликнул он.

* «Шинола» — марка обувного крема. Исходная фраза, популярная во время Второй мировой войны — «Ты не отличишь говно от «Шинолы». Туповат, значит.

Прибавил скорости и уже подумал, что сейчас выхватит кораблик из воды. Но тут нога Джорджа поскользнулась, и он упал, ободрав коленку и вскрикнув от боли. И уже с мостовой, под другим углом, наблюдал, как его кораблик сделал два круга, попав в очередной водоворот, а потом исчез.

— Говно и «Шинола»! — вновь выкрикнул он, стукнув кулаком по гудрону. Заболела и рука, и Джордж заплакал. Так глупо потерять кораблик!

Он поднялся, подошел к водостоку. Опустился на колени, заглянул вниз. Вода гудела, падая в темноту. От этого гудения по коже побежали мурашки. Оно напомнило ему о...

— Ах! — Вскрик вырвался из него, словно выбитый пружиной, и он отпрянул.

Там были желтые глаза — те самые глаза, которые он всегда представлял себе, но никогда не видел в подвале. Это животное, пришла бессвязная мысль, животное, только и всего, какое-то животное, может, домашний кот, которого утянуло туда водой.

И однако он уже изготовился дать деру... побежал бы через секунду-другую, когда его умственный распределительный щит справился бы с шоком, вызванным этими сверкающими желтыми глазами. Он чувствовал грубую поверхность гудрона под пальцами, над ним — холодный слой воды, огибающей их, и тут раздался голос, вполне нормальный, даже приятный голос, обратившийся к нему из водостока.

— Привет, Джорджи.

Джордж моргнул и вновь посмотрел вниз. И не смог поверить тому, что увидел. Это тянуло на выдуманную историю или на фильм, в котором зверушки разговаривали и танцевали. Будь он на десять лет старше, он бы точно не поверил тому, что видел, но он не прожил шестнадцати лет. Только шесть.

В водостоке находился клоун. Освещение там оставляло желать лучшего, но света все-таки хватало, так что Джордж Денбро не сомневался в том, что видел. А видел он клоуна, как в цирке или по телику. И выглядел этот клоун чем-то средним между Бозо* и Кларабелем**, который общался с другими (или это была женщина?..

---

* Бозо — клоунский персонаж, созданный в 1946 г. Аланом Ливингстоном.

** Кларабель — клоунский персонаж (мужчина) детской телепрограммы (1947—1960) на канале Эн-би-си.

с полом клоуна Джордж определиться не мог), дуя в свой ящик в субботней утренней передаче «Худи-Дуди». Только Буйвол Боб мог понять, что говорит Кларабель, и Джорджа это всегда смешило. Он видел, что лицо у клоуна в водостоке белое, пучки рыжих волос торчат с обеих сторон лысой головы, вокруг рта нарисована большая клоунская улыбка. Живи Джордж несколькими годами позже, он подумал бы сначала о Рональде Макдональде*, а уж потом о Бозо или Кларабеле.

В одной руке клоун держал связку шариков всех цветов, словно какой-то огромный спелый фрукт.

В другой руке — кораблик Джорджа.

— Хочешь свой кораблик, Джорджи? — Клоун улыбнулся.

И Джордж улыбнулся. Ничего не смог с собой поделать. На такую улыбку нельзя не ответить.

— Конечно, хочу.

Клоун рассмеялся.

— «Конечно, хочу». Это хорошо! Это очень хорошо! А как насчет шарика?

— Ну... конечно. — Он потянулся вперед... а потом с неохотой отвел руку. — Я ничего не должен брать у незнакомых людей. Так говорил мой папа.

— У тебя мудрый папа, — ответил клоун из водостока, улыбаясь. И как, спросил себя Джордж, он мог подумать, что у клоуна желтые глаза? Они же ярко-синие, с искринкой, такие же, как у мамы и Билла. — Правда, очень мудрый. Поэтому я тебе представлюсь. Я, Джорджи, Боб Грей, так же известный, как Пеннивайз, Танцующий клоун. Пеннивайз, познакомься с Джорджем Денбро. Джордж Денбро, познакомься с Пеннивайзом. И теперь мы знаем друг друга. Я перестал быть незнакомцем для тебя, и ты перестал быть незнакомцем для меня. Заметано?

Джордж засмеялся:

— Думаю, да, — потянулся к кораблику... и вновь отвел руку. — Как ты оказался там, внизу?

— Ветер с дождем просто задули меня туда, — ответил Пеннивайз, Танцующий клоун. — Они задули туда весь цирк. Ты чувствуешь запах цирка, Джордж?

---

* Рональда Макдональда можно увидеть во многих «Макдональдсах». Появился в 1963 г. Ныне его знают 96% американских школьников.

Джордж наклонился вперед. Внезапно в нос ударил запах арахисовых орешков! Горячих поджаренных арахисовых орешков. И уксуса! Белого, который через дырку в крышке льют на картофель-фри! А еще запах сахарной ваты и жарящихся пончиков. Плюс слабый, но ядреный запах говна диких животных. Распознал он и запах опилок на арене. Но при этом...

При этом никуда не делись запах мутного потока, и гниющих листьев, и темных водосточных теней. Сырой, гнилостный запах. Подвальный запах.

Только остальные запахи были сильнее.

— Конечно, чувствую.

— Хочешь свой кораблик, Джорджи? — спросил Пеннивайз. — Я повторяю вопрос только потому, что он вроде бы не так уж тебе и нужен. — Он поднял кораблик выше, улыбаясь. Клоун был в мешковатом шелковом костюме с большими оранжевыми пуговицами, ярко-синем галстуке, больших белых перчатках, какие обычно носили Микки Маус и Дональд Дак.

— Да, хочу. — Джордж смотрел в водосток.

— И шарик? У меня есть красные, зеленые, желтые, синие...

— Они летают?

— Летают? — Глаза клоуна округлились. — Да, конечно, летают. Они летают! А еще есть сахарная вата.

Джордж потянулся к водостоку.

Клоун схватил его за руку.

И Джордж увидел, что лицо клоуна изменилось.

Он увидел перед собой ужас, в сравнении с которым самые жуткие образы существа в подвале казались сладкими грезами. Увиденное разом, одним ударом когтистой лапы, лишило его рассудка.

— Они летают, — проворковала тварь в водостоке сдавленным, посмеивающимся голосом. Она крепкой, обжимающей хваткой держала руку Джорджа и тащила его к ужасной темноте, куда с шумом и ревом низвергалась вода, унося к океану смытый в нее дождем мусор. Джордж изогнул шею, чтобы не смотреть в эту запредельную черноту, и закричал в дождь, бессвязно кричал в белое осеннее небо, широкой дугой изогнувшееся над Дерри во второй половине того дня, осенью 1957 года. Его пронзительные, душераздирающие крики услышала вся Уитчем-стрит: в домах, что ниже водостока, что выше, люди бросались к окнам или выбегали на крыльцо.

— Они летают, — рычало Оно, — летают, Джорджи, и когда ты окажешься внизу со мной, ты тоже будешь летать, ле...

Плечо Джорджа прижало к бетону бордюрного камня, и Дэйв Гарденер, который оставался дома, из-за наводнения не пошел в «Корабль обуви», где работал, увидел только мальчика в желтом дождевике, маленького мальчика, кричащего и дергающегося в мутной воде, которая перехлестывала его лицо, отчего крики частично захлебывались, пузырясь.

— Все внизу летает, — шептал посмеивающийся, мерзкий голос, а потом внезапно мальчик услышал, как что-то рвется, накатила волна слепящей боли, и на том для Джорджа Денбро все закончилось.

Дэйв Гарденер поспел туда первым, и хотя он подбежал к водостоку через сорок пять секунд после первого крика, Джордж Денбро уже умер. Гарденер схватился за дождевик на спине мальчика, вытащил его на мостовую... и начал кричать сам, когда тело Джорджа повернулось у него в руках. Левая сторона дождевика стала ярко-красной. Кровь лилась в водосток из рваной дыры в том месте, где была левая рука мальчика. Круглая головка плечевой кости, отвратительно яркая, торчала из порванной материи.

Глаза мальчика смотрели в белесое небо и уже начали наполняться дождем, когда Дэйв, пошатываясь, двинулся навстречу другим людям, бегущим по улице.

Ч

Где-то внизу, в водостоке, почти до отказа набитом мусором («Там никого не могло быть, — потом объяснял шериф округа репортеру «Дерри ньюс», и в голосе слышались ярость и раздражение: он едва сдерживался, чтобы не сорваться на крик. — Даже Геркулеса унесло бы этим потоком»), сложенный из газетного листа кораблик Джорджа мчался вперед по темным кавернам и длинным бетонным тоннелям, в которых ревел водяной поток. Какое-то время он плыл бок о бок с дохлым куренком, чьи когтистые, как у ящерицы, лапки смотрели в потолок, с которого капала вода. Потом, в каком-то пересечении к востоку от города, куренка унесло влево, а кораблик Джорджа поплыл прямо.

Часом позже (мать Джорджа лежала в палате интенсивной терапии городской больницы Дерри, там ей дали успокоительного, а

Заика Билл, бледный и потрясенный, молча сидел на кровати, слушая рыдания отца, доносящиеся из гостиной, где мать играла на пианино «К Элизе», когда Джордж вышел из дома) кораблик вылетел из бетонной трубы, как пуля вылетает из ружейного ствола. Поплыл по водоводу и далее по безымянному каналу. Двадцать минут спустя, когда кораблик добрался до бурлящей, вздувшейся реки Пенобскот, на небе начали появляться первые просветы синевы. Прекратился и дождь.

Кораблик нырял носом, раскачивался, иной раз черпал воду, но не тонул. Два брата хорошо потрудились: борта оставались водонепроницаемыми. Я не знаю, где закончилось его плавание, и закончилось ли. Возможно, он достиг океана и до сих пор бороздит его просторы, как волшебный корабль из сказки. Я знаю только одно: он держался на поверхности и несся на гребне потока, когда пересек административную границу города Дерри, штат Мэн, и, тем самым, навсегда уплыл из этой истории.

Глава 2
ПОСЛЕ ФЕСТИВАЛЯ (1984 Г.)

1

Адриан носил эту шляпу по одной причине (как потом скажет его рыдающий бойфренд в полиции) — потому что выиграл ее на конкурсе «Бросай до победного» в ярмарочном комплексе в Бэсси-парк, за шесть дней до смерти. Он ею гордился.

— Он носил ее, потому что *любил* этот говенный город! — выкрикнул копам Дон Хагарти, бойфренд Адриана.

— Хватит, хватит, в таких словечках нужды нет, — ответил ему патрульный Гарольд Гарденер, один из четырех сыновей Дэйва Гарденера. В тот день, когда его отец вытащил из водостока бездыханное, однорукое тело Джорджа Денбро, Гарольду Гарденеру было пять лет. В этот день, почти двадцать семь лет спустя, тридцатидвухлетний и лысеющий Гарольд понимал, что горе и боль Дона Хагарти — реальность, но не мог заставить себя отнестись к ним серьезно. Этот мужчина (если кому-то хотелось называть его мужчиной) красил губы и носил атласные лосины, такие обтягивающие, что не составляло труда сосчитать все морщинки на его члене. Горе — горем, боль — болью, он все равно оставался педиком. Как его друг, покойный Адриан Меллон.

— Давайте повторим еще разок, — предложил напарник Гарольда, Джеффри Ривз. — Вы вдвоем вышли из «Сокола» и направились к Каналу. Что произошло потом?

— Сколько раз я должен говорить вам одно и то же, придурки? — Хагарти по-прежнему кричал. — Они убили его! Столк-

нули в воду. Решили, что они в Мачо-Сити! — Дон Хагарти заплакал.

— Еще разок, — терпеливо гнул свое Ривз. — Вы вдвоем вышли из «Сокола». Что произошло потом?

2

В комнате для допросов чуть дальше по коридору двое полицейских Дерри беседовали с семнадцатилетним Стивом Дюбеем. Этажом выше, в кабинете инспектора по надзору за условно осужденными, еще двое допрашивали восемнадцатилетнего Джона Гартона по кличке Паук, и, наконец, в кабинете начальника полиции сам шеф Эндрю Рейдмахер и заместитель окружного прокурора Том Баутильер вели допрос пятнадцатилетнего Кристофера Ануина. Кристофер, в выварениых джинсах, измазанной машинным маслом футболке и массивных тупоносых саперных сапогах, плакал. Рейдмахер и Баутильер занялись им, потому что совершенно справедливо предположили, что он — слабое звено.

— Давай повторим еще разок, — предложил Баутильер Кристоферу, произнеся эту фразу практически одновременно с Джеффри Ривзом, который находился двумя этажами ниже.

— Мы не собирались его убивать, — лепетал Ануин. — Все эта шляпа. Мы не могли поверить, что он будет носить эту шляпу после... вы понимаете, после того, как Паук предупредил его в первый раз. Наверное, мы хотели припугнуть его.

— За то, что он сказал, — вставил шеф Рейдмахер.

— Да.

— Сказал Джону Гартону семнадцатого июля, во второй половине дня.

— Да, Пауку. — Из глаз Ануина вновь брызнули слезы. — Но мы пытались его спасти, когда увидели, что он в беде... во всяком случае, мы со Стиви Дюбеем пытались... мы не собирались его убивать!

— Брось, Крис, не засирай нам мозги, — отмахнулся Баутильер. — Вы же сбросили этого маленького гомика в Канал.

— Да, но...

— И вы трое сами пришли сюда, чтобы выложить все начистоту. Шеф Рейдмахер и я это ценим, верно, Энди?

— Будь уверен. Только настоящий мужчина готов отвечать за то, что он сделал, Крис.

— Так что не опускайся до лжи. Вы решили бросить его в Канал, как только увидели, что он и его дружок-гомик выходят из «Сокола», так?

— Нет! — яростно запротестовал Крис Ануин.

Баутильер достал из нагрудного кармана рубашки пачку «Мальборо», сунул сигарету в рот. Потом предложил пачку Ануину:

— Сигарету?

Ануин взял. Баутильеру пришлось гоняться пламенем спички за кончиком сигареты, потому что губы подростка тряслись.

— В том числе и потому, что он был в этой шляпе? — спросил Рейдмахер.

Ануин глубоко затянулся, опустил голову, сальные волосы упали на глаза. Он выпустил дым через нос, усыпанный угрями.

— Да, — едва слышно выдохнул он.

Баутильер наклонился вперед, его карие глаза сверкнули. Лицо стало хищным, но голос оставался мягким.

— Что, Крис?

— Я сказал, да. Думаю, так. Сбросить в Канал. Но не убивать. — Он поднял голову, охваченный паникой, жалкий, все еще не способный осознать колоссальные перемены, которые произошли в его жизни после того, как вчера вечером в половине восьмого он вышел из дома, чтобы с двумя друзьями повеселиться в последний вечер проходящего в Дерри фестиваля «Дни Канала». — Не убивать! — повторил он. — И этот парень под мостом... я до сих пор не знаю, кто он.

— Какой парень? — спросил Рейдмахер без особого интереса. Эту часть они уже слышали, и ни один в нее не поверил — рано или поздно обвиняемые в убийстве практически всегда указывают на какого-то таинственного другого парня. Баутильер даже придумал название этой увертке: синдром однорукого мужчины, отталкиваясь от старого телесериала «Беглец».

— Парень в клоунском костюме, — ответил Крис Ануин и содрогнулся. — Парень с шариками.

3

Фестиваль «Дни Канала», который проходил с 15 по 21 июля, удался, с этим соглашалось большинство жителей Дерри: положительно сказался и на нравственном облике города, и на его имид-

же... и на кошельке. Недельный фестиваль проводился в честь столетия открытия Канала, который пересекал центр города. Благодаря сооружению Канала в Дерри активизировалась торговля лесом в 1884—1910 годах. Канал положил начало процветанию Дерри.

Город прихорашивался — с востока на запад и с севера на юг. Рытвины и выбоины, которые, как клялись некоторые жители, не ремонтировались десятилетиями, выравнивали, они обретали твердое покрытие. Городские здания ремонтировали внутри и красили снаружи. Худшие из граффити в Бэсси-парк (главным образом направленные против гомосексуалистов, вроде «УБЬЕМ ВСЕХ ПИДОРОВ» или «СПИД ВАМ ОТ БОГА, ЧЕРТОВЫ ГОМИКИ») счищали со скамеек и деревянных стен крытого пешеходного моста через Канал, прозванного Мостом Поцелуев.

В трех примыкающих друг к другу пустующих магазинах в центре города разместили Музей дней Канала, заполнив его экспонатами, которые собрал Майкл Хэнлон, местный библиотекарь и историк-любитель. Семьи-старожилы делились своими бесценными сокровищами, и за неделю фестиваля почти сорок тысяч посетителей музея заплатили по четвертаку, чтобы посмотреть на меню столовой 1890-х годов, топоры, пилы, другой инструмент лесорубов 1880-х, детские игрушки 1920-х, более двух тысяч фотографий и девять бобин любительских фильмов о жизни Дерри в последние сто лет.

Спонсировало музей «Женское общество Дерри», которое запретило к показу некоторые из предложенных Хэнлоном экспонатов (в частности, знаменитый стул наказаний из 1930-х) и фотографий (скажем, банды Брэдли после знаменитой перестрелки). Но все согласились: экспозиция и так хороша, и никто, если на то пошло, не хотел видеть всю ту жуть. Куда лучше подчеркнуть позитив и отринуть негатив, как пелось в старой песне.

В Дерри-парк поставили огромный полосатый тент, под которым продавали закуски, выпечку и прохладительные напитки. Каждый вечер там играл оркестр. В Бэсси-парк компания «Смоукис грейтер шоус» привезла аттракционы, а местные жители поставили павильоны с разными конкурсами. Специальный трамвайчик каждый час курсировал по историческим кварталам города, в итоге подъезжая к этой шумной и веселой машине по выкачиванию денег.

Именно здесь Адриан Меллон выиграл шляпу, которая послужила причиной его смерти, — бумажный цилиндр с цветком и надписью на ленте: «Я ♥ ДЕРРИ!»

4

— Я устал, — сказал Джон Гартон. Как и два его друга, одевался он, бессознательно подражая Брюсу Спрингстину, хотя если б его спросили, он, вероятно, назвал бы Спрингстина хлюпиком или тем же гомиком и выказал бы восхищение такими крутыми металлическими группами, как «Деф Леппард», «Твистед систер» или «Джудас Прист». Рукава простой синей футболки он оторвал, чтобы выставить напоказ мускулистые руки. Его густые каштановые волосы падали на один глаз — в этом он скорее копировал Джона Кугара Мелленкампа*, а не Спрингстина. Обе руки украшали синие татуировки — тайные символы, которые выглядели как детские рисунки. — Больше не хочу говорить.

— Только расскажи нам о второй половине вторника на ярмарке, — предложил ему Пол Хьюз. Он тоже устал, а вся эта безобразная история шокировала его и вызывала отвращение. В голову вновь и вновь приходила мысль о том, что фестиваль «Дни Канала» закончился событием, о котором все знали, но никто не решался сообщить в «Программе дня». А если бы решился, то выглядело бы это следующим образом:

Суббота, 21:00. Последнее выступление оркестра средней школы Дерри и ансамбля «Барбер шоп мелоу-мэн».
Суббота, 22:00. Большой праздничный фейерверк.
Суббота, 22:35. Ритуальное жертвоприношение Адриана Меллона, официально закрывающее фестиваль «Дни Канала».

— На хер ярмарку, — ответил Паук.

— Только повтори, что ты сказал Меллону, и что он сказал тебе.

---

* Мелленкамп, Джон (р. 1951 г.) — американский рок-музыкант.

— Господи... — Паук закатил глаза.

— Давай, Паук, — поддакнул напарник Хьюза.

Джон Гартон вновь закатил глаза и пошел по новому кругу.

S

Гартон увидел их обоих, Меллона и Хагарти, когда они фланировали, обняв друг друга за талию и хихикая словно девушки. Поначалу он и впрямь подумал, что это две девушки. Потом узнал Меллона. Ему раньше подсказали, кто он такой. А в тот момент, когда он смотрел на них, Меллон повернулся к Хагарти... и они поцеловались.

— Чел, я сейчас блевану, — в отвращении воскликнул Паук.

Компанию Гартону составляли Крис Ануин и Стив Дюбей. Когда Паук указал на Меллона, Дюбей сказал, что он вроде бы знает второго педика. Его звали Дон, фамилию он не помнил, и этот педик подвозил одного ученика средней школы Дерри и пытался к нему подкатить.

Меллон и Хагарти вновь двинулись к трем парням. Они вышли из павильона, где проводился конкурс «Бросай до победного», и направлялись к выходу с территории ярмарочного комплекса. Паук Гартон потом скажет полицейским Хьюзу и Конли, что его «гражданская гордость» почувствовала себя уязвленной при виде этого гребаного педика в шляпе с надписью на ленте «Я ♥ ДЕРРИ». Идиотская хреновина, эта шляпа — бумажная имитация цилиндра с приклеенным сверху цветком, который покачивался из стороны в сторону. И эта идиотская шляпа еще сильнее уязвила гражданскую гордость Паука.

А потому, когда Меллон и Хагарти проходили мимо, по-прежнему обнимая друг друга за талию, Паук Гартон крикнул: «Надо бы мне заставить тебя съесть эту шляпу, гребаный жоподрючило!»

Меллон повернулся к Гартону, флиртующе поиграл глазками.

— Если тебе хочется что-нибудь съесть, милый, я могу найти кое-что повкуснее моей шляпы.

Тут Паук Гартон решил, что сейчас он подправит лицо этого гомика. На нем поднимутся новые горы и континенты заметно сместятся. Никто еще не предлагал ему отсосать. Никто.

Он уже двинулся к Меллону. Хагарти, дружок Меллона, испугавшись, попытался его увести, но тот, улыбаясь, не двигался с места. Потом Гартон скажет патрульным Хьюзу и Конли, что Меллон, по его мнению, был под кайфом. Был, подтвердит Хагарти, когда патрульные Гарденер и Ривз поделятся с ним предположением Гартона, под кайфом от двух пончиков с каплей меда, от ярмарки и дня в целом. И следовательно, не мог адекватно воспринимать реальность угрозы, которую представлял собой Паук Гартон.

— Но таким уж был Адриан. — Бумажной салфеткой Дон вытер глаза и размазал тушь на веках. — Он не считал нужным прятаться. Относился к тем дуракам, которые думают, что все так или иначе образуется.

И ему в тот день крепко бы досталось, если бы Гартон вдруг не почувствовал, как что-то постукивает ему по локтю. Полицейская дубинка. Повернул голову и увидел патрульного Фрэнка Мейкена, еще одного представителя «Гордости Дерри».

— Не обращай на него внимания, дружок, — предложил Мейкен Гартону. — Занимайся своими делами и оставь этих голубков в покое. Развлекайся.

— Вы слышали, что он мне сказал? — зло спросил Гартон. К нему уже присоединились Ануин и Дюбей (они оба, почувствовав беду, попытались увести его на центральную аллею, но Гартон оттолкнул их, набросился бы с кулаками, если б они не отстали). Его мужское начало чувствовало себя оскорбленным и требовало отмщения. Никто не предлагал ему отсосать. Никто.

— Я не верю, что он как-то тебя обозвал, — ответил Мейкен. — И ты, если мне не изменяет память, заговорил с ним первым. Так что двигай отсюда, сынок. И не хочу тебе это повторять.

— Он назвал меня гомиком!

— Так ты боишься, что, может, ты гомик? — спросил Мейкен вроде бы с искренним интересом, и Гартон густо покраснел.

По ходу этого диалога Хагарти изо всех сил пытался увести Адриана Меллона. И наконец Меллон сдвинулся с места.

— Пока-пока, любовь моя! — обернувшись, крикнул Адриан.

— Заткнись, сладкожопый, — бросил ему Мейкен. — Проваливай отсюда.

Гартон попытался броситься на Меллона, но Мейкен схватил его.

— Я могу отвезти тебя в участок, дружок, и, судя по тому, как ты себя ведешь, это не самая плохая мысль.

— Когда увижу тебя в следующий раз, тебе будет больно! — крикнул Гартон вслед удаляющейся паре, и многие головы повернулись в его сторону. — А если ты будешь в этой шляпе, я тебя убью. Не нужны городу такие гомики, как ты!

Не поворачиваясь, Меллон поднял левую руку, помахал пальцами (с ногтями, накрашенными светло-вишневым лаком) и еще сильнее принялся крутить бедрами. Гартон вновь рванулся к нему.

— Еще одно слово или движение, и ты едешь в участок, — спокойно предупредил Мейкен. — И поверь, мой мальчик, слова у меня не разойдутся с делом.

— Пошли, Паук. — Крис Ануин дернул его за рукав. — Остынь.

— Вы любите таких, как этот? — спросил Паук Мейкена, полностью игнорируя Криса и Стива. — Да?

— Такие мне как раз безразличны, — ответил Мейкен. — А что я действительно люблю, так это спокойствие и порядок, и их ты как раз и нарушаешь, прыщавый. А теперь хочешь проехать со мной или как?

— Пошли, Паук, — подал голос Стив Дюбей. — Давай съедим по хот-догу.

Паук пошел, нарочито одергивая футболку и убирая волосы с глаз. Мейкен, который тоже давал показания наутро после смерти Адриана Меллона, указал в них: «Последнее, что я слышал, когда он уходил с дружками, были его слова: «Когда увижу его в следующий раз, ему крепко достанется».

6

— Пожалуйста, мне нужно поговорить с матерью, — в третий раз попросил Стив Дюбей. — Я должен поговорить с матерью, чтобы она успокоила моего отчима, не то он задаст мне чертовскую трепку, когда я вернусь домой.

— Скоро поговоришь, — пообещал ему патрульный Чарльз Аварино. И Аварино, и его напарник, Барни Моррисон, знали, что сегодня Стив Дюбей домой не вернется, возможно, не попадет туда еще много вечеров. Парень, похоже, не понимал, насколько серьезен этот арест, и Аварино не сильно удивился, когда какое-то время спустя узнал, что Дюбей бросил учебу в шестнадцать лет. До

того он учился в школе на Уотер-стрит. Его коэффициент умственного развития равнялся 68, как следовало из теста Векслера, который он проходил в седьмом классе, где дважды оставался на второй год.

— Расскажи нам, что случилось, когда ты увидел Меллона, выходящего из «Сокола», — предложил Моррисон.

— Нет, чел, лучше не буду.

— Почему нет? — спросил Аварино.

— Я, возможно, и так наговорил слишком много.

— Ты и пришел сюда, чтобы поговорить, — напомнил Аварино, — нет разве?

— Ну... да... но...

— Послушай, — Моррисон сел рядом с Дюбеем, дал ему сигарету, — ты думаешь, я и Чик любим педиков?

— Я не знаю...

— По нам видно, что мы любим педиков?

— Нет, но...

— Мы твои друзья, Стиви, — говорил Моррисон без тени улыбки. — И поверь, тебе, Крису и Пауку сейчас нужны все друзья, которые только у вас есть, потому что завтра все правдолюбцы этого города будут требовать вашей крови.

На лице Стива Дюбея отразилась тревога. Аварино, который буквально мог читать мысли этого волосатого маменькиного сынка, подозревал, что тот вновь думает о своем отчиме. И хотя Аварино терпеть не мог маленькое сообщество геев города Дерри (как практически все копы, он бы только порадовался, увидев, что «Сокол» закрылся навсегда), он бы с удовольствием лично отвез Дюбея домой. Более того, подержал бы Дюбея за руки, пока отчим будет превращать этого говнюка в отбивную котлету. Аварино не любил геев, но не считал, что их можно мучить и убивать только за то, что они — геи. С Меллоном обошлись жестоко и безжалостно. Из-под моста через Канал его достали с выпученными от ужаса глазами. А этот парень, похоже, не имел ни малейшего представления о том, что он помог сделать.

— Мы не собирались причинять ему вреда, — повторил Стив. Эту фразу он говорил всякий раз, когда начинал путаться.

— Потому ты и хочешь поговорить с нами начистоту, — кивнул Аварино. — Если мы доберемся до истины, то, возможно, вся эта история не будет стоить и выеденного яйца. Правда, Барни?

— Не то слово, — согласился Моррисон.

— Еще раз, что ты можешь сказать? — терпеливо настаивал Аварино.

— Что ж... — И Стив, пусть и медленно, начал говорить.

7

Когда бар «Сокол» открылся в 1973 году, Элмер Керти полагал, что его клиентура будет по большей части состоять из пассажиров автобусов: расположенная рядом автостанция обслуживала маршруты трех компаний — «Трейлуэйз», «Грейхаунд» и «Арустук». Он не принял в расчет, что на автобусах ездили главным образом женщины и семьи с маленькими детьми. А многие другие брали с собой в дорогу бутылку в пакете из плотной оберточной бумаги и вообще не поднимались со своего кресла. Выходили из автобуса разве что солдаты или моряки, которые пропускали по стакану пива, иногда по два. Да и какой можно устроить загул за десятиминутную остановку?

Керти начал сознавать эту горькую правду где-то к 1977 году, но тогда он уже ничего не мог изменить. По уши погряз в счетах и не знал, как выйти из минуса. Мысль о том, чтобы поджечь бар и получить страховку, конечно же, приходила в голову, но он полагал, что нанимать надо профессионала, поскольку его самого вывели бы на чистую воду... и понятия не имел, где нанимают профессиональных поджигателей.

В феврале того года он решил, что протянет до Четвертого июля*, а потом, если ситуация не улучшится, просто выйдет за дверь, сядет в автобус и поедет посмотреть, как живут люди во Флориде.

Но в следующие пять месяцев бар вдруг начал процветать, хотя ничего в нем не изменилось. Остались прежними и интерьер, выдержанный в черно-золотых тонах, и украшавшие его чучела птиц (брат Элмера Керти был таксидермистом-любителем, специализировался на птицах, и Элмер унаследовал чучела после его смерти). Если раньше он наливал шестьдесят стаканов пива и смешивал двадцать напитков за вечер, то теперь неожиданно для себя Элмер на-

* День Независимости США.

ливал восемьдесят стаканов и смешивал сто напитков... сто двадцать... иногда сто шестьдесят.

Теперь его клиентура за редким исключением состояла из вежливых молодых людей. Многие из них одевались, мягко говоря, необычно, но тогда необычная одежда еще оставалась практически нормой, и Элмер Керти понял, что посетители его бара почти все без исключения геи, где-то году в 1981-м. Если бы жители Дерри услышали, как он говорит об этом, они бы рассмеялись и сказали, что Элмер Керти, должно быть, считает, что они только вчера на свет родились — но в этом его утверждении не было ни грана лжи. Как муж погуливающей жены, он узнал последним. А к тому времени, когда узнал, его это не волновало. Бар приносил прибыль, как и четыре других бара в Дерри, но «Сокол» был единственным, который регулярно не разносили буйные посетители. Во-первых, в бар не заходили женщины, из-за которых обычно и вспыхивали драки, а во-вторых, эти мужчины, геи они или нет, где-то овладели тем секретом мирного общения друг с другом, что никак не давался их гетеросексуальным собратьям.

Как только Керти узнал о нетрадиционной ориентации своих завсегдатаев, до его ушей отовсюду начали долетать страшные истории о «Соколе». Истории эти циркулировали по городу многие годы, но до 1981-го Керти просто их не слышал. Самыми активными рассказчиками этих историй, как выяснил он, были мужчины, которых не затащили бы в «Сокол» и на аркане, из страха, что у них руки отсохнут или что-то другое. И однако именно они знали самые пикантные подробности.

Согласно этим историям, ты мог зайти в бар в любой вечер и увидеть, как мужчины, тесно прижавшись друг к другу, танцуют, вместе гоняя шкурку прямо на танцплощадке; как мужчины целуются взасос у стойки бара; как мужчины отсасывают друг другу в туалетах. А еще была комната, куда ты шел, если хотел провести какое-то время на Башне силы: там восседал здоровяк в нацистской униформе, со смазанной вазелином рукой, который с радостью ублажал всех, кто этого хотел.

На самом деле ничего такого не было и в помине. Если какие-то пассажиры автобусов заходили в «Сокол» выпить пива или стаканчик виски, они не замечали ничего необычного: да, сидели в баре только мужчины, но по всей стране работали тысячи баров для рабочих, куда тоже не заглядывали женщины. Посещали бар геи, но гей и глупец — не синонимы. Если им хотелось немного

оторваться, они ехали в Портленд. Если им хотелось оторваться на полную, прочувствовать, что такое шомпол или большой мальчик Пека, они ехали в Нью-Йорк или Бостон. Дерри был небольшим городком, провинциальным городком, и здешнее маленькое сообщество геев понимало, какая над ними нависала угроза.

Дон Хагарти бывал в «Соколе» два или три года до того мартовского вечера в 1984 году, когда впервые появился там с Адрианом Меллоном. Ранее Хагарти считал себя вольным стрелком, встречался с одним партнером не более пяти-шести раз. Но к концу апреля даже Элмеру Керти, который не обращал на такие дела никакого внимания, стало ясно: у Хагарти и Меллона завязались серьезные отношения.

Хагарти работал чертежником в конструкторском бюро в Бангоре. Адриан Меллон, журналист, в штате нигде не состоял, писал статьи во все издания, где его могли опубликовать — в журналы авиакомпаний, в исповедальные журналы, в региональные, в воскресные приложения, в журналы эротических писем. Кропал он и роман, но не так чтобы усердно: начал его на третьем курсе колледжа, двенадцатью годами раньше.

Адриан приехал в Дерри, чтобы написать большую статью о Канале — получил заказ от «Нью-Ингленд байуэйз», глянцевого журнала, выходящего в Конкорде раз в два месяца. Адриан Меллон согласился написать эту статью, потому что выжал из «Байуэйза» командировочные на три недели плюс оплату номера в «Дерри таун-хаусе», хотя на сбор материала требовалось пять дней. За оставшиеся две недели он мог собрать материал для статей в еще четыре региональных издания.

Но в этот трехнедельный период он встретил Дона Хагарти, и вместо того чтобы вернуться в Портленд по завершении командировки, нашел себе маленькую квартирку на Коссат-лейн. Прожил там только шесть недель, а потом перебрался к Дону Хагарти.

8

Это лето, рассказал Хагарти Гарольду Гарденеру и Джеффу Ривзу, стало счастливейшим в его жизни... и ему следовало быть начеку, так он и сказал; уж он-то точно знал, что Бог подкладывает ковер под таких, как он, лишь затем, чтобы выдернуть из-под ног.

По словам Хагарти, его смущало только одно — Адриан очень уж восхищался Дерри. Он купил футболку с надписью на груди «МЭН НЕ ТАК ПЛОХ, НО ДЕРРИ ЧУДО КАК ХОРОШ». Он купил свитер школьной команды «Тигры Дерри». И конечно же, эта шляпа. Он заявлял, что местная атмосфера будоражит кровь и вдохновляет. Возможно, говорил правду: впервые за год он достал из чемодана совсем уж зачахнувший роман.

— Так он действительно работал над романом? — спросил Гарденер. Не потому, что его это интересовало, просто хотел, чтобы Дон побольше им рассказал.

— Да... писал страницу за страницей. Говорил, что роман получится ужасным, но он более не будет ужасным незаконченным романом, как все прошедшие годы. Собирался поставить последнюю точку к своему дню рождения, в октябре. Конечно же, он не знал, каков Дерри на самом деле. Думал, что знал, но не прожил здесь достаточно долго, чтобы прочувствовать настоящий Дерри. Я пытался рассказать ему, но он не слушал.

— А каков настоящий Дерри, Дон? — спросил Ривз.

— Больше всего похож на мертвую шлюху с червяками, выползающими из манды.

Оба копа в изумлении уставились на него.

— Это плохое место, — добавил Хагарти. — Это клоака. Как будто вы оба этого не знаете? Вы прожили здесь всю жизнь и этого не знаете?

Ни один из них не ответил, и после короткой паузы Хагарти продолжил.

9

Перед тем как Адриан Меллон вошел в его жизнь, Дон собирался уехать из Дерри. Он прожил здесь три года, главным образом потому, что согласился снять на длительный срок квартиру, из окон которой открывался самый фантастический вид на реку, но теперь срок договора подходил к концу, и Дона это радовало. Отпадала необходимость каждый рабочий день мотаться в Бангор и обратно. Никаких тебе больше зловещих флюидов, которые все время незримо чувствовались в Дерри. Адриан мог думать, что

лучше Дерри ничего нет, а вот Дона город пугал. И не только гомофобскими настроениями, которые ясно выражали и местные проповедники, и граффити в Бэсси-парк, но как раз это Дон мог привести в качестве вещественного доказательства. Адриан лишь рассмеялся.

— Дон, в каждом городе Америки есть люди, которые ненавидят геев. И не говори мне, что ты не в курсе. У нас, в конце концов, эпоха слабоумного Ронни и Филлис Хаусфлай*.

— Пойдем со мной в Бэсси-парк, — предложил Дон, когда понял, что Адриан верит в то, что говорит — а говорил он по большому счету о том, что Дерри ничуть не хуже любого другого города, расположенного в глубинке и с тем же количеством жителей. — Я хочу тебе кое-что показать, любовь моя.

Они поехали в Бэсси-парк — как сказал Хагарти копам, произошло это в середине июня, примерно за месяц до убийства Адриана. Он привел его в темные, дурно пахнущие тени под Мостом Поцелуев и указал на одно из граффити. Адриану пришлось зажечь спичку и поднести к надписи, чтобы прочитать ее.

«ПОКАЖИ МНЕ СВОЙ ЧЛЕН, ГОМИК, И Я ЕГО ТЕБЕ ОТРЕЖУ».

— Я знаю, как люди относятся к геям. — Дон заговорил ровным, спокойным голосом. — Подростком меня избили на стоянке грузовиков в Дейтоне. Какие-то парни в Портленде подожгли мне брюки около закусочной, а толстозадый старый коп сидел в патрульной машине и смеялся. Я много чего повидал — но с подобным никогда не сталкивался. Посмотри сюда. Прочитай.

Пламя второй спички высветило:

«ЗАГОНИМ ГВОЗДИ В ГЛАЗА ВСЕХ ПЕДИКОВ (ВО ИМЯ ГОСПОДА)!»

— Кто бы ни писал эти короткие наставления, с головой у них совсем плохо. Мне было бы легче, если б я думал, что все надписи — дело рук одного человека, психа-одиночки, но... — Дон обвел рукой свод Моста Поцелуев. — Здесь много таких надписей. И я уверен, что писал не один человек. Вот почему я хочу уехать из Де-

* Хаусфлай (Комнатная муха) — прозвище Филлис Шлафлай (р. 1924), активной противницы феминизма и легализации однополых отношений.

рри, Ади. Здесь слишком много таких мест и людей, которые свихнулись на этом.

— Знаешь, подожди, пока я не закончу роман, хорошо? Пожалуйста? В октябре, обещаю, не позже. Воздух здесь лучше.

— Он не знал, что остерегаться следовало воды, — с горечью добавил Дон Хагарти.

10

Том Баутильер и шеф Рейдмахер наклонились вперед, оба молчали. Крис Ануин сидел, наклонив голову, говорил в пол. Именно эту часть его рассказа они хотели услышать, ту самую часть, которая отправляла в Томастонскую тюрьму штата как минимум двоих из этой троицы говнюков.

— Ярмарка была не очень, — монотонно бубнил Ануин. — Все эти клевые аттракционы уже разбирали, ну, знаете, вроде «Чертова блюда» или «Парашютной карусели». На автодроме, где сталкиваются машины, вывесили табличку «ЗАКРЫТО». Ездили только детские автомобильчики. Мы пошли к павильонам, Паук увидел тот, где проводился конкурс «Бросай до победного», заплатил пятьдесят центов, увидел шляпу, которую носил тот гомик, попытался выиграть ее, но броски ему не удавались, и после каждого нового промаха настроение у него ухудшалось, вы понимаете. И Стив... он из тех парней, которые постоянно говорят, забей, блин, забей на это, забей на то, почему бы тебе не забить, понимаете? Только в этот день он очень уж настаивал на своем, потому что принял ту таблетку, понимаете? Красную таблетку. Может, даже не запрещенную. Он цеплялся к Пауку, и я даже подумал, что сейчас Паук ему врежет. Но он продолжал цепляться: «Ты даже не можешь выиграть эту пидорскую шляпу. Ты, должно быть, совсем выдохся, раз не можешь выиграть эту пидорскую шляпу». Наконец женщина, которая там работала, дает нам приз, хотя кольцо даже не висело над ним, потому что, думаю, она хотела от нас избавиться. Не знаю, может, и не хотела. Но мне кажется, что хотела. Дала нам такую дуделку, ну, понимаете. Ты в нее дуешь, надуваешь ее, раскатываешь. А она вроде бы пердит, знаете? У меня такая была. Я получил ее на Хэллоуин, или на Новый год, или на какой-то другой чертов праздник, я думал, отличная штука, только я ее потерял. А может, кто-

то вытащил ее из моего кармана на этой гребаной школьной игровой площадке, знаете? Так что, когда ярмарка закрывалась и мы уходили оттуда, Стив по-прежнему доставал Паука насчет того, что тот не смог выиграть пидорскую шляпу, Паук все больше молчал, и я знал, что это дурной признак, но мне оставалось только идти с ними, понимаете? Я знал, что надо найти нам всем какое-то занятие, только не мог ничего придумать. Поэтому, когда мы пришли на автомобильную стоянку, Стив говорит: «Куда едем? По домам?» — а Паук отвечает: «Давай сначала подскочим к «Соколу» и посмотрим, нет ли там этого педика».

Баутильер и Рейдмахер переглянулись. Баутильер поднял палец и постучал по щеке: хотя этот кретин в саперных сапогах не имел об этом ни малейшего понятия, говорил он об убийстве по предварительному сговору.

— Я говорю, нет, мне пора домой, а Паук говорит, ты боишься подъехать к этому пидорскому бару? И я, блин, еду. А Стив все еще под кайфом, и он говорит, давай вмажем какому-нибудь гомику, давай вмажем какому-нибудь гомику, давай вмажем...

11

И так уж вышло, что сложилось все наихудшим для всех образом. Адриан Меллон и Дон Хагарти вышли из бара «Сокол», выпив по два стакана пива, миновали автобусную станцию, а потом взялись за руки. Ни один об этом не подумал, иногда они делали так инстинктивно. Часы показывали двадцать минут одиннадцатого. На углу они повернули налево.

Мост Поцелуев находился в полумиле выше по течению. Они собирались перейти реку по Мосту Главной улицы, не так разрисованному граффити. Кендускиг, как обычно летом, сильно обмелела, глубина не превышала четырех футов. Вода бесшумно обтекала бетонные опоры моста.

Когда «Дастер» настиг их (Стив Дюбей заметил, как они вдвоем выходили из «Сокола» и радостно указал на них), они только поднялись на мост.

— Подрезай их! Подрезай их! — крикнул Паук Гартон. Адриан и Дон только что прошли под фонарем, и он заметил, что они идут, держась за руки. Это его разъярило — но не так сильно, как шля-

па. С большим бумажным цветком, который болтался из стороны в сторону. — Подрезай их, на хрен!

Стив так и сделал.

Крис Ануин отрицал свое активное участие в том, что последовало дальше, но Дон Хагарти рассказал другую историю. По его словам, Гартон выскочил из автомобиля чуть ли не до того, как он остановился, а остальные двое быстро последовали за ним. Потом состоялся разговор. Не очень хороший разговор. В тот вечер Адриану было не до красноречия или ложного кокетства: он понял, что они с Доном в беде.

— Дай мне эту шляпу. — Гартон протянул руку. — Дай мне эту шляпу, гомик.

— Если дам, ты оставишь нас в покое? — Голос Адриана дрожал от страха, он чуть не плакал, в ужасе переводя взгляд с Ануина на Дюбея и Гартона.

— Просто дай мне эту хреновину!

Адриан протянул ему шляпу. Гартон достал выкидной нож из левого переднего кармана джинсов и разрезал шляпу на две части. Потер обе половинки о свой обтянутый джинсами зад. Потом бросил под ноги и потоптался на них.

Дон Хагарти тем временем подался назад, воспользовавшись тем, что внимание троицы сосредоточилось на Адриане и шляпе, — по его словам, он искал копа.

— А теперь вы позволите нам... — начал Адриан Меллон, но в тот момент Гартон ударил его по лицу, и Адриана отбросило к парапету моста, высотой до пояса. Он закричал, прижимая руки ко рту. Сквозь пальцы сочилась кровь.

— Ади! — закричал Хагарти и метнулся к другу. Дюбей поставил ему подножку. Гартон ударил его ногой в живот. Хагарти отлетел с тротуара на проезжую часть. Мимо проехала машина. Хагарти поднялся на колени, закричал, привлекая внимание. Машина не сбавила скорости. Водитель, как сказал он Гарденеру и Ривзу, даже не оглянулся.

— Заткнись, гомик! — рявкнул Дюбей и ударил Хагарти в лицо. Тот, теряя сознание, повалился на бок в ливневую канаву.

Чуть позже он услышал голос Криса Ануина, советующий ему убраться и не получить того, что получит его дружок. В своих показаниях Ануин подтвердил, что предупреждал Хагарти.

Хагарти слышал тяжелые удары и крики своего возлюбленного. Адриан кричал, как кролик в силке, сказал он полиции. Хагарти пополз к перекрестку и ярким огням автостанции, но в какой-то момент обернулся, чтобы посмотреть.

Адриана Меллона, ростом в пять футов и пять дюймов и весящего фунтов сто тридцать пять в одежде и с ботинками, бросало от Гартона к Дюбею и Ануину, словно в какой-то игре. Его тело напоминало трясущуюся и заваливающуюся то в одну, то в другую сторону тряпичную куклу. Но упасть на землю ему не давали удары этой троицы. Били они от души, рвали одежду Адриана. Хагарти увидел, как Гартон ударил его в пах. Волосы Адриана падали на лицо. Кровь текла изо рта на рубашку. На правой руке Паук Гартон носил два тяжелых перстня: один — положенный выпускникам средней школы Дерри, второй — с бронзовыми, переплетенными буквами «Д» и «Б», аббревиатурой «Дэд Багз», металлической группы, которая ему особенно нравилась. Перстни разделяли три дюйма. Они уже разорвали верхнюю губу Адриана и выбили ему три передних зуба.

— Помогите! — завопил Хагарти. — Помогите! Помогите! Они убивают его! Помогите!

Дома на Главной улице стояли темные и затаившиеся. Никто не поспешил на помощь, даже с островка света — автостанции, и Хагарти не понимал, как такое могло быть. Ведь там были люди. Он их видел, когда они с Ади прошли мимо. Неужели никто не хотел помочь? Никто?

— ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕ! ОНИ ЕГО УБИВАЮТ! ПОЖАЛУЙСТА! РАДИ БОГА!

— Помогите, — прошептал тихий голос слева от Хагарти и тут же сменился хихиканьем.

— Вышвырнем его! — уже кричал Гартон, кричал и смеялся. — Вышвырнем его! За борт!

— Вышвырнем! — смеясь, подхватил Дюбей. — Вышвырнем! Вышвырнем!

— Помогите, — повторил тихий голос, слово это произнес серьезно, но потом вновь засмеялся... как ребенок, который больше не мог сдерживать смех.

Хагарти посмотрел вниз и увидел клоуна — в этот момент Гарденер и Ривз перестали всерьез воспринимать рассказ Хагарти, потому что остальное более всего тянуло на бред сумасшедшего. По-

том, правда, у Гарольда Гарденера возникли сомнения. Потом, выяснив, что Ануин тоже видел клоуна (или только сказал, что видел), Гарденер задумался: а вдруг это не бред? У его напарника сомнений не возникло, или он в них не признался.

Клоун, по словам Хагарти, являл собой нечто среднее между Рональдом Макдональдом и клоуном из старых телепрограмм, Бозо... так он, во всяком случае, подумал. Но в дальнейшем Хагарти пришел к выводу, что клоун выглядел иначе. С нарисованной красной (не оранжевой) улыбкой на белом лице и необычными, сверкающими серебром глазами. Возможно, контактными линзами, но какая-то часть Хагарти думала тогда и продолжала думать, что он увидел естественный цвет глаз клоуна — серебряный. Он был в мешковатом костюме с большими оранжевыми пуговицами-помпонами и в мультяшных перчатках.

— Если тебе нужна помощь, Дон, — обратился клоун к Хагарти, — возьми шарик.

Он протянул руку со связкой воздушных шариков.

— Они летают, — продолжил клоун. — Здесь, внизу, мы все летаем. И твой дружок тоже скоро будет летать.

12

— Этот клоун назвал вас по имени? — уточнил Джефф Ривз совершенно бесстрастным голосом. Посмотрел на Гарденера поверх склоненной головы Хагарти, подмигнул.

— Да, — ответил Хагарти, не поднимая головы. — Я знаю, как это выглядит со стороны.

13

— Значит, вы сбросили его в реку, — первым заговорил Баутильер. — «Вышвырнем его», так?

— Не я. — Ануин поднял голову. Одной рукой откинул волосы с глаз и с мольбой посмотрел на них. — Когда я увидел, что они действительно хотят это сделать, я попытался оттащить Стива, потому что этот парень мог разбиться... До воды там футов десять...

Поверхность воды и парапет моста разделяли двадцать три фута. Один из патрульных шефа Рейдмахера уже все замерил.

— Но он, казалось, обезумел. Эти двое продолжали кричать: «Вышвырнем его! Вышвырнем!» — а потом они его подняли. Паук ухватил под мышками, Стив — за штаны под задом, и... и...

14

Когда Хагарти увидел, что они собираются сделать, он бросился к ним, крича во весь голос: «Нет! Нет! Нет!»

Крис Ануин оттолкнул его, и Хагарти плюхнулся на тротуар, так сильно, что лязгнули зубы.

— Тоже хочешь туда? — прошептал он. — Вали отсюда, бэби.

Они сбросили Адриана Меллона с моста в текущую под ним реку. Хагарти услышал всплеск.

— Сматываемся, — сказал Стив Дюбей. Он и Паук уже пятились к автомобилю.

Крис Ануин подошел к парапету и посмотрел вниз. Сначала он увидел Хагарти. Тот, скользя и хватаясь за все, что попадалось под руку, сполз к воде по заросшему сорняками, замусоренному склону. Потом увидел клоуна. Клоун одной рукой вытаскивал Адриана из воды на дальнем берегу; в другой руке он держал связку воздушных шариков. С Адриана стекала вода, он кашлял, стонал. Клоун повернул голову и улыбнулся Крису. По словам Криса, он увидел сверкающие серебряные глаза клоуна и его оскаленные зубы... большущие зубы, так он сказал.

— Как у льва в цирке, чел. Я хочу сказать, такие они были большие.

Потом, по его словам, он увидел, как клоун закинул одну руку Адриана себе за голову.

— И что потом, Крис? — спросил Баутильер. Эта часть вызывала у него скуку. Сказки вызывали у него скуку с восьми лет.

— Не знаю, — ответил Крис. — В этот момент Стив схватил меня и потащил к машине. Но... мне кажется, он вгрызся ему в подмышку. — Он вновь посмотрел на них, в глазах читалась неуверенность. — Мне кажется, именно это он сделал. Вгрызся ему в подмышку. Как будто хотел съесть его, чел. Как будто хотел съесть его сердце.

15

Нет, сказал Хагарти, когда его познакомили с версией Криса Ануина, изложенной в форме вопросов. Клоун не вытаскивал Ади на дальний берег, по крайней мере он этого не видел... и он признавал, что в тот момент он не мог считаться беспристрастным свидетелем. В тот момент он просто обезумел.

Клоун, по его словам, стоял у дальнего берега, держа в руках тело Адриана, с которого стекала вода. Правая рука Ади находилась за головой клоуна, а лицом клоун действительно утыкался в правую подмышку Ади, но не вгрызался в нее. Клоун улыбался. Хагарти видел, как он выглядывает из-под руки Ади и улыбается.

Руки клоуна напряглись, и Хагарти услышал хруст ломающихся ребер.

Ади закричал.

— Лети с нами, Дон, — донеслись до него слова клоуна, сорвавшиеся с улыбающихся красных губ, а потом рукой в белой перчатке он указал под мост.

Шарики, взлетев, бились о свод моста — не десяток, и не сотня, а тысячи, красных, синих, зеленых и желтых, и на каждом написано «Я ♥ ДЕРРИ».

16

— Очень хорошо, теперь это точно звучит, как бред. — Ривз вновь подмигнул Гарденеру.

— Я знаю, как это звучит, — ответил Хагарти все тем же мертвым голосом.

— Вы видели все эти шарики? — спросил Гарденер.

Дон Хагарти медленно поднял руки перед собой.

— Я видел их так же ясно, как вижу сейчас мои пальцы. Тысячи шариков. Я не мог разглядеть за ними поверхность моста, так их было много. Они непрерывно колыхались, поднимаясь и опускаясь. И еще был звук. Необычный глуховатый скрип. Это они терлись друг о друга. И нити. Вниз свисал лес белых нитей. Они казались свисающими свободными концами паутины. Клоун утащил Ади под мост. Я видел, как он идет сквозь эти белые нити. Ади ужас-

но хрипел. Я пошел за ними... а потом клоун обернулся. Я увидел его глаза, и сразу понял, с чем имею дело.

— С чем, Дон? — мягко спросил Гарольд Гарденер.

— Это был Дерри, — ответил Дон Хагарти. — Это был сам город.

— И что вы сделали потом? — На этот раз вопрос последовал от Ривза.

— Я убежал, тупая ты срань. — И Хагарти разрыдался.

17

Гарольд Гарденер держал свои сомнения при себе до 13 ноября. На следующий день в окружном суде Дерри начинался суд над Джоном Гартоном и Стивеном Дюбеем, обвиняемыми в убийстве Адриана Меллона. Но 13 ноября он пошел к Тому Баутильеру, потому что хотел поговорить о клоуне. Баутильер такого желания не испытывал, однако увидел, что без должных наставлений Гарденер может сотворить какую-то глупость, и согласился поговорить.

— Никакого клоуна не было, Гарольд. В ту ночь в роли клоунов выступили те три парня. И тебе это известно так же хорошо, как и мне.

— У нас два свидетеля.

— Все это бред сивой кобылы. Ануин решил вплести в эту историю однорукого мужчину, чтобы прозвучала она следующим образом: «Мы не убивали этого бедного гомика, это сделал однорукий мужчина». Решил, как только понял, что своими показаниями он подвел себя и дружков под монастырь. У Хагарти была истерика. Он находился рядом и смотрел, как эти парни убивали его лучшего друга. Меня бы не удивило, если б в таком состоянии он увидел летающие тарелки.

Но Баутильер знал, что это не так. Гарденер видел это по его глазам, и отговорки заместителя окружного прокурора только раздражали.

— Перестаньте. Мы говорим о независимых свидетелях. Не надо мне вешать лапшу на уши.

— Ты хочешь поговорить о лапше? Ты говоришь мне, что веришь в вампира-клоуна под Мостом Главной улицы? Потому что, по моему разумению, это и есть лапша на уши.

— Не верю, но...

— Или в то, что Хагарти увидел миллион воздушных шариков под мостом, и каждый с той же надписью, что и на шляпе его любовника? Потому что и это я полагаю лапшой...

— Нет. Разумеется, н...

— Тогда чего тебя это волнует?

— Прекратите этот перекрестный допрос! — взорвался Гарденер. — Они оба описали клоуна одинаково, и ни один не знал, что говорил другой.

Баутильер сидел за столом, вертел в руке карандаш. Но тут положил карандаш, встал, подошел к Гарольду Гарденеру. Коп возвышался над заместителем окружного прокурора на добрых пять дюймов, но отступил на шаг под напором злости Баутильера.

— Ты хочешь, чтобы мы проиграли это дело, Гарольд?

— Нет. Разумеется, н...

— Ты хочешь, чтобы эти двуногие гниды вышли на свободу?

— Нет!

— Ладно. Хорошо. Раз уж в этом у нас полное согласие, я скажу тебе, что думаю. Да, вероятно, в ту ночь под мостом был человек. Может, даже в клоунском костюме, хотя я имел дело с достаточным числом свидетелей, чтобы предположить, что это был какой-то бродяга, надевший найденную на помойках одежду. Я думаю, он искал оброненную мелочь или объедки, недоеденный бургер, брошенный с моста, крошки в пакете из-под чипсов «Фрито». Остальное дополнило их воображение. Такое возможно?

— Не знаю, — ответил Гарольд. Он хотел бы согласиться с доводами Баутильера, но, учитывая степень совпадения двух описаний... Нет. Не складывалось.

— Подведем итоги. Мне без разницы, был ли там Кинки-Клоун*, парень в костюме Дяди Сэма или Хуберт — счастливый гомик**. Если мы введем этого человека в процесс, их адвокат вцепится в него, не успеешь ты и глазом моргнуть. Он заявит, что эти невинные барашки, а они будут сидеть с короткими стрижками и в новеньких костюмах, не сделали ничего такого, только ради шутки сбросили этого гея Меллона с моста. Он укажет, что Меллон после

---

* Кинки-Клоун — герой одноименной песни группы «Ogden Edsl», созданной в 1970 г.

** Кеннеди, Хуберт — американский математик и активный пропагандист гомосексуализма.

падения в реку был жив. Это подтвердят показания Хагарти и Ануина. Его клиенты не совершали убийства, нет, нет! Это дело рук психа в клоунском костюме. Если мы введем этого человека в процесс, так оно и будет, и ты это знаешь.

— Ануин все равно изложит свою версию.

— Но Хагарти — нет, — указал заместитель окружного прокурора. — Потому что он понимает. А без показаний Хагарти кто поверит Ануину?

— Есть еще мы, — горечь, прозвучавшая в голосе Гарденера, изумила его самого, — но, полагаю, мы не скажем.

— Да перестань! — взревел Баутильер, вскинув руки. — Они убили его! Не просто сбросили с моста в реку! У Гартона был выкидной нож. На теле Меллона нашли семь колотых ран, в том числе один удар, нанесенный в левое легкое, а два — в яйца. Размер ран соответствует лезвию ножа Гартона. Меллону сломали четыре ребра — это сделал Дюбей своим медвежьим объятьем. Его покусали, все так. Укусы обнаружены на руках, левой щеке, шее. Я думаю, это работа Ануина и Гартона, хотя мы четко идентифицировали только один укус, и недостаточно четко, чтобы выходить с ним в суд. И действительно, из правой подмышки вырван большой кусок мяса, но что с того? Один из этой троицы любил кусаться. Возможно, у него возник крепкий стояк, когда он это делал. Я готов спорить, что это Гартон, хотя доказать мы ничего не сможем. И Меллон лишился мочки уха. — Баутильер замолчал, сверля взглядом Гарольда. — Если в эту историю просочится клоун, мы никогда не сможем добиться для них обвинительного приговора. Ты этого хочешь?

— Нет, я же сказал.

— Этот парень, конечно, был гомиком, но он никому ничего дурного не делал, — продолжил Баутильер. — И тут, бац! — появляются эти три говнюка в саперных сапогах и лишают его жизни. Я собираюсь отправить их в тюрьму, и если услышу, что в Томастоне их трахнули в жопу, то пошлю им открытки, выразив надежду, что у того, кто это сделал, был СПИД.

«Очень уж праведный у тебя гнев, — подумал Гарденер. — И этот обвинительный приговор будет прекрасно смотреться в твоем послужном списке, когда двумя годами позже ты захочешь баллотироваться на более высокий пост».

Но он ушел, больше ничего не сказав, потому что тоже хотел, чтобы их посадили.

18

Джона Уэббера Гартона признали виновным в убийстве по предварительному сговору и назначили наказание от десяти до двадцати лет лишения свободы с отбыванием в Томастонской тюрьме штата.

Стивена Бишоффа Дюбея признали виновным в убийстве по предварительному сговору и приговорили к пятнадцати годам лишения свободы с отбыванием в Шоушенкской тюрьме штата.

Кристофера Филиппа Ануина судили отдельно как несовершеннолетнего и признали виновным в убийстве без отягощающих обстоятельств. Его приговорили к шести месяцам лишения свободы в исправительной колонии для подростков в Саут-Уиндэме условно.

На все три приговора были поданы апелляции, а потому, когда писалась эта книга, Гартон и Дюбей едва ли не каждый день появлялись в Бэсси-парк, глазели на девушек или играли в «Брось монетку»*, не так уж и далеко от того места, где нашли изуродованное тело Адриана Меллона, покачивающееся на воде у одной из опор Моста Главной улицы.

Дон Хагарти и Крис Ануин уехали из города.

На судебном процессе (речь о Гартоне и Дюбее) никто не упомянул про клоуна.

---

* «Брось монетку» — игра состоит в том, чтобы с определенного расстояния попасть центом в отверстие, вырезанное в скамье. Запечатлена в начальных кадрах фильма «Пурпурная роза Каира» (1985 г.).

Глава 3
ШЕСТЬ ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКОВ (1985 Г.)

1
Стэнли Урис принимает ванну

Как потом говорила Патришия Урис матери, ей следовало понять: что-то не так. Следовало понять, потому что Стэнли Урис никогда не принимал ванну ранним вечером. Он принимал душ каждое утро и иногда любил полежать в ванне поздним вечером (с журналом в одной руке и банкой холодного пива — в другой), но ванна в семь вечера... совсем не в его манере.

И еще эта история с книгами. Ему бы порадоваться. А вместо этого, она не понимала почему, он вроде бы расстроился и выглядел подавленным. За три месяца до того ужасного вечера Стэнли узнал, что его друг детства стал писателем... не настоящим писателем, объяснила Патришия своей матери, а романистом. Автором книг значился Уильям Денбро, но Стэнли иногда называл его Заика Билл. Он прочитал практически все книги Денбро, если на то пошло, читал последнюю в тот вечер, когда принимал роковую ванну, — вечер 28 мая 1985 года. Патти сама как-то взяла одну из ранних книг Денбро, из любопытства, но отложила, осилив только три главы.

Это был не просто роман, как она позже скажет матери, это была страхкнига. Так она это произнесла, одним словом, как произносила секскнига. Милая и добрая женщина, Патти не умела чет-

ко и ясно выразить свои мысли... ей так много хотелось рассказать матери об этой книге... как она ее напугала, почему расстроила, но не получилось. «В ней полным-полно чудовищ, полным-полно чудовищ, преследующих маленьких детей. Еще и убийства, и... я не знаю... много плохого и боли, все такое (надо сказать, книга показалась ей почти что порнографической; это слово ускользало от нее, потому что в реальной жизни она ни разу его не произнесла, хотя и знала, что оно означает). Но Стэн заново открыл для себя одного из друзей детства... Говорил, что напишет ему, но я знала, что он этого не сделает... Я знала, что от этих книг ему тоже становится не по себе... и... и... и...»

Тут Патти Урис начала плакать.

В тот вечер (по прошествии примерно двадцати семи с половиной лет с того дня в 1957 году, когда Джордж Денбро встретил клоуна Пеннивайза) Стэнли и Патти сидели в маленькой гостиной их дома в пригороде Атланты. Работал телевизор. Пенни удобно устроилась в кресле на двоих, деля внимание между вязанием и любимой телевикториной «Семьи-соперники»*. Она просто обожала Ричарда Доусона и думала, что цепочка карманных часов, с которой он всегда появлялся, ужасно сексуальна, хотя никто и никогда не вырвал бы у нее такого признания. Нравилось ей и шоу, потому что она практически всегда угадывала самый популярный ответ (в «Семьях-соперниках» правильных ответов не было — только самые популярные). Однажды она спросила Стэна, почему вопросы, которые ей представлялись такими легкими, обычно вызывали массу проблем у семей, участвующих в шоу. «Возможно, дело в том, что все делается сложнее, когда ты под этими прожекторами, — ответил Стэнли, и ей показалось, что по его лицу пробежала тень. — Все гораздо труднее, когда ты у всех на виду. Вот когда у тебя перехватывает дыхание. Когда все взаправду».

Скорее всего так оно и было, решила она. Стэну иногда удавалось так глубоко проникнуть в сущность человеческой природы. Гораздо глубже, полагала она, чем его давнему другу Уильяму Денбро. Тот разбогател, издав несколько страхкниг, цеплявших людские инстинкты.

Не то чтобы у Урисов дела шли плохо. Жили они в прекрасном пригороде. Дом, купленный в 1979 году за 87 тысяч долларов, те-

* «Семьи-соперники» — российский аналог «Сто к одному».

перь могли быстро и без проблем продать за 165 тысяч. Нет, она не собиралась этого делать, но приятно осознавать, что за те годы, что они здесь живут, дом заметно подорожал. Иногда, возвращаясь на своем «вольво» из торгового центра «Фокс Ран» (Стэнли ездил на «мерседесе» с дизельным двигателем — подшучивая над мужем, она называла автомобиль седанли) и видя свой дом, величественно возвышающийся за низкой тисовой изгородью, она думала: «И кто здесь живет? Ой, так это я живу! Здесь живет миссис Стэнли Урис!» Но мысль эта была не только счастливой полностью — к ней подмешивалась такая неистовая гордость, что порой Патти начинало мутить. Когда-то давно, видите ли, жила-была одинокая восемнадцатилетняя девушка, Патришия Блюм, и ее не пустили на вечеринку по случаю окончания школы, которая проводилась в загородном клубе под Глойнтоном, штат Нью-Йорк, где она жила и училась. Не пустили Патти на вечеринку, само собой, потому, что ее фамилия рифмовалась со словом плюм*. Произошло это с ней, костлявой маленькой жидовской сливой, в 1967 году, и такая дискриминация, понятное дело, нарушала закон (ха-ха-ха-ха), а кроме того, все это быльем поросло. Да только для какой-то ее части не поросло. Какой-то части Патти предстояло до конца дней возвращаться к автомобилю рядом с Майклом Розенблаттом, слушая, как хрустит гравий под ее туфельками на высоких каблуках и его взятыми напрокат черными ботинками, возвращаться к автомобилю его отца, который Майкл одолжил на вечер и полировал всю вторую половину дня. Какой-то ее части предстояло всегда идти рядом с Майклом, одетым в белый, взятый напрокат смокинг... и как он сверкал в ту теплую весеннюю ночь! Сама она пришла на вечеринку в светло-зеленом вечернем платье, и мать заявила, что в нем она выглядит, как русалка, и сама идея жидовки-русалки весьма забавна, ха-ха-ха-ха. Они возвращались к автомобилю, высоко подняв головы, и она не плакала (тогда — не плакала), но понимала, что они не возвращаются, нет, конечно, не возвращались. Что они делали на самом деле, так это линяли (бежали, то бишь), что рифмуется с воняли. Никогда в жизни они так остро не ощущали своего еврейства, чувствуя себя ростовщиками, пассажирами вагонов для скота, чувствуя себя пархатыми, длинноносыми, с болезненной, желтоватой кожей; чувствуя себя презренными жидами.

* От английского plum (слива), Blum-plum.

Им хотелось злиться, но злиться они не могли. Злость пришла позже, когда уже не имела значения. В тот момент она могла ощущать только стыд, только душевную боль. А потом кто-то засмеялся. Громкий, пронзительный, звенящий, смех этот напоминал последние аккорды бравурной пьесы для фортепьяно, и в машине она смогла зарыдать, ох, будьте уверены, эта жидовка-русалка, чья фамилия рифмовалась со словом «плюм», рыдала, как безумная. Майк Розенблатт неуклюже обнял ее за шею, чтобы успокоить, но она вывернулась из-под его руки, чувствуя себя пристыженной, чувствуя себя грязной, чувствуя себя еврейкой.

Дом, такой красивый, возвышающийся за вечнозелеными изгородями, поднимал настроение, но не до конца. Боль и стыд оставались, и даже тот факт, что их считали своими в этом спокойном, благополучном районе, не мог заглушить скрипа гравия под их обувью на той бесконечной прогулке. Не заглушало этого скрипа и членство в загородном клубе, где метрдотель всегда уважительно приветствовал их: «Добрый вечер, мистер и миссис Урис». Возвращаясь, она не выходила из машины, ссутулившись над рулем «вольво» модели 1984 года, смотрела на свой дом, окруженный огромной зеленой лужайкой, и часто (даже слишком часто) думала о том пронзительном смехе. И надеялась, что девушка, которая тогда так пронзительно смеялась, теперь живет в паршивом дощатом домишке, с мужем-гоем, который поколачивает ее, что она трижды беременела и всякий раз все заканчивалось выкидышем, что муж изменял ей с женщинами, которые болели чем-то венерическим, что у нее смещены позвоночные диски, распухают суставы, а грязный смеющийся язык покрывают язвы.

Она ненавидела себя за такие мысли, за такие немилосердные мысли, и обещала, что и сама станет лучше, перестанет пить постылые горькие коктейли. Проходили месяцы, и подобные мысли не заглядывали ей в голову. Она уже думала: может, все наконец-то осталось в прошлом. Я больше не восемнадцатилетняя девушка. Я — женщина тридцати шести лет. От девушки, которая слышала бесконечный скрип гравия под ногами, от девушки, которая выскользнула из-под руки Майка Розенблатта, когда тот пытался обнять ее, чтобы успокоить, потому что это была еврейская рука, Патти отделяло полжизни. Эта глупая маленькая русалка мертва. Теперь я могу забыть ее и быть самой собой. Ладно. Хорошо. Отлично. А потом где-то, когда-то, скажем, в супермаркете, она вне-

запно слышала тот самый пронзительный смех, доносящийся из соседнего прохода, и по спине ее бежали мурашки, соски затвердевали до боли, руки сжимали ручку тележки или сцеплялись в замок, и она думала: кто-то только-только сказал кому-то, что я — еврейка, что я — всего лишь большеносая пархатая жидовка, что Стэнли — тоже большеносый пархатый жид. Он — бухгалтер, а евреи, само собой, сильны в математике, и мы приняли их в загородный клуб, нам пришлось, потому что в 1981 году большеносый жидовский гинеколог подал иск и выиграл процесс, но мы смеемся над ними, мы смеемся, смеемся и смеемся. Или она просто слышала воображаемый скрип гравия и думала: «Русалка! Русалка!»

А потом ненависть и стыд, возвращаясь, накатывали лавиной, как боль при мигрени, и она боялась не только за себя, но за все человечество. Оборотни. В той книге Денбро (которую она пыталась читать, но отложила) рассказывалось об оборотнях. Оборотни, такая хрень. Да что этот человек мог знать об оборотнях?

Но большую часть времени она не пребывала в таком отвратительном настроении... не пребывала. Она любила своего мужа, любила свой дом, и обычно могла любить жизнь и себя. Все шло хорошо. Так было, разумеется, не всегда — всегда хорошо не бывает, так ведь? Когда она приняла обручальное кольцо Стэнли, ее родители разозлились и опечалились. Они познакомились на вечеринке женского клуба. Он перевелся в ее институт из университета Нью-Йорка, где учился на полученную от государства стипендию. Их познакомила общая подруга, а к концу вечера Патти уже подозревала, что любит его. К каникулам она в этом больше не сомневалась. Весной Стэнли предложил ей маленькое бриллиантовое колечко с продетой сквозь него маргариткой, и она его приняла.

В конце концов, несмотря на сомнения, родители согласились с ее выбором. Ничего другого сделать они и не могли, хотя очень скоро Стэнли Урису предстояло отправиться в вольное плавание по волнам рыночной экономики, которые кишели молодыми бухгалтерами. Причем в этом плавании он не мог опереться на семейные финансы, и их единственная дочь становилась заложницей его успеха. Патти уже исполнилось двадцать два, она стала женщиной, и в самом скором времени ей предстояло стать бакалавром гуманитарных наук.

— Мне придется содержать этого чертова очкарика до конца моей жизни, — услышала как-то вечером Патти гневную тираду отца. Ее родители ходили куда-то на обед, и отец выпил лишнего.

— Ш-ш-ш, она тебя услышит, — донесся до нее голос Рут Блюм.

Патти, возненавидевшая их обоих, лежала без сна далеко за полночь, с сухими глазами, ее попеременно бросало то в жар, то в холод. Два последующих года она пыталась избавиться от этой ненависти; ненависти в ней и без того хватало. Иногда, глядя в зеркало, она видела, что эта ненависть делает с ее лицом, какие рисует на нем морщины. Эту битву она выиграла. Ей помог Стэнли.

Его родителей тоже тревожила их свадьба. Они, разумеется, не верили, что Стэнли суждено жить в нищете, но думали, что «дети слишком торопятся». Дональд Урис и Андреа Бертоли сами поженились, когда им было чуть больше двадцати, но как-то забыли об этом.

Только Стэнли демонстрировал уверенность в себе, уверенность в своем будущем, его ни в коей мере не тревожили трудности, которые, по словам родителей, грозили «детям». И в конце концов оправдалась его уверенность, а не их страхи. В июле 1972 года, едва на дипломе Патти просохли чернила, она уже нашла себе работу преподавателя стенографии и делового английского в Трейноре, маленьком городке в сорока милях южнее Атланты. Когда она думала о том, как получила эту работу, выходило, что без помощи сверхъестественных сил тут не обошлось. Она составила себе список из сорока вакансий, собранных по журналам для учителей, потом написала сорок писем за пять вечеров (по восемь за вечер) со своим резюме и с просьбой прислать более подробную информацию о работе. Получила двадцать два ответа, что место уже занято. В некоторых более развернутое изложение требований показало, что для нее эта работа не подходит: она только потеряет свое и чужое время. В итоге осталось двенадцать вакансий. И каждая выглядела не лучше и не хуже другой. Стэнли подошел, когда она смотрела на них и гадала, как ей удастся заполнить двенадцать заявлений о приеме на работу и не рехнуться. Он глянул на ворох бумаг у нее на столе, а потом постучал пальцем по письму директора Трейнорской школы, которое выглядело для нее точно таким же, как и все остальные.

— Вот оно.

Патти подняла на него глаза, изумленная определенностью, которая слышалась в его голосе.

— Ты знаешь о Джорджии что-то такое, чего не знаю я?

— Нет. Побывал там только раз, да и то в кино.

Она смотрела на него, изогнув бровь.

— «Унесенные ветром». Вивьен Ли. Кларк Гейбл. «Я подумаю об этом за-автра, потому что за-автра будет другой день». Я говорю, как будто родом с Юга, Патти?

— Да. Из Южного Бронкса. Если ты ничего не знаешь о Джорджии и никогда там не был, каким образом...

— Потому что все сложится.

— Ты не можешь этого знать, Стэнли.

— Конечно же, могу, — возразил он. — Знаю. — Глядя на него, Патти видела, что он не шутит. Его глаза потемнели, словно смотрел он в себя, консультируясь с каким-то внутренним механизмом, который щелкал и постукивал, то есть работал как положено, да только принцип действия этого механизма Стэнли понимал не больше, чем обычный человек понимает, как работают его наручные часы.

— Черепаха не мог нам помочь, — внезапно сказал он. Четко и ясно. Она его слышала. Этот взгляд вовнутрь, это удивленное недоумение по-прежнему отражалось на его лице, и ее это напугало.

— Стэнли? О чем ты? Стэнли?

Он дернулся. Она ела персики, просматривая заявления, и его рука задела блюдо. Оно упало на пол и разбилось. Его взгляд прояснился.

— Ох, черт! Извини.

— Все нормально. Стэнли... что ты такое говорил?

— Я забыл, — ответил он. — Но думаю, мы должны серьезно рассмотреть Джорджию, любовь моя.

— Но...

— Доверься мне, — оборвал он ее, и Патти доверилась.

Ее собеседование прошло блестяще. Она знала, что получила эту работу, когда садилась в поезд, чтобы вернуться в Нью-Йорк. Заведующему кафедры бизнеса она сразу понравилась, как и он ей. Все получилось как нельзя лучше. Письмо с подтверждением пришло неделей позже. Трейнорская объединенная школа предлагала ей 9 200 долларов в год и контракт на испытательный срок.

— Тебе придется голодать, — предрек Герберт Блюм дочери, когда она сказала, что собирается согласиться на эти условия. — И тебе придется голодать на жаре.

— Фигушки, Скарлетт, — улыбнулся Стэнли, когда она передала ему слова отца. Она была в ярости, чуть не плакала, но тут начала смеяться, и Стэнли заключил ее в объятья.

Жара их донимала, но от голода они не страдали. Они поженились 19 августа 1972 года. Патти Блюм пришла к первой брачной ночи девственницей. И когда обнаженной скользнула под прохладную простыню в курортном отеле Поконоса, в голове у нее бушевала гроза — молнии желания и страсти били из черных облаков страха. Стэнли присоединился к ней, с твердым, как дубинка, пенисом, торчащим из рыжеватых лобковых волос, и она прошептала: «Не сделай мне больно, дорогой».

— Я никогда не причиню тебе боль, — ответил он, обнимая ее, и сдерживал свое обещание до 28 мая 1985 года — когда ранним вечером принял ванну.

С преподаванием у нее сразу все пошло хорошо. Стэнли нашел работу — устроился водителем грузовика в пекарню, получая сто долларов в неделю. В ноябре того же года, когда открылся торговый центр «Трейнор Флетс», он перешел туда, в отделение «Эйч-энд-Ар Блок»*, уже на сто пятьдесят долларов в неделю. На пару их годовой доход составил 17 тысяч долларов, для них — королевское состояние, поскольку в те времена бензин стоил тридцать пять центов за галлон, а батон белого хлеба — на десять центов дешевле. В марте 1973 года, без шума и фанфар Патти перестала принимать противозачаточные таблетки.

В 1975 году Стэнли ушел из «Эйч-энд-Ар Блок» и открыл собственную фирму. Их родители сошлись на том, что решение это глупое. Не то чтобы Стэнли не следовало открывать собственную фирму, ни боже мой, никто не говорил, что ему не следовало открывать собственную фирму! Но он сделал это слишком рано, с этим соглашались все четверо, и на Патти ложилась слишком большая финансовая нагрузка. «По крайней мере, пока этот сосунок не обрюхатит ее, — как-то вечером после обильных возлияний сказал Герберт Блюм своему брату на кухне, — а потом, вероятно, мне

* «Эйч-энд-Ар Блок» — компания, занимающаяся подготовкой налоговых деклараций.

придется содержать их». Старшие Блюмы и Урисы достигли консенсуса в том, что человеку нельзя думать о собственном бизнесе, пока он не войдет в возраст зрелости и рассудительности, дожив, скажем, до семидесяти восьми лет.

И вновь Стэнли проявил сверхъестественную уверенность в себе. Да, он был молод, умен, умел находить общий язык с людьми. Да, он завел полезные знакомства, работая в «Эйч-энд-Ар Блок». Все это воспринималось как само собой разумеющееся. Но он не мог знать, что компания «Корридор видео», пионер в только нарождающемся рынке видеокассет, собралась обосноваться на огромном участке свободных земель, расположенном в каких-то десяти милях от пригорода, куда Урисы перебрались в 1979 году, не мог знать, что «Корридор» потребуется независимое маркетинговое исследование менее чем через год после того, как компания обосновалась в Трейноре. Но даже если Стэнли каким-то образом получил эти сведения, он не мог знать наверняка, что они отдадут свой заказ молодому очкастому еврею, который к тому же был и чертов янки — еврею, с лица которого не сходила улыбка, которого отличала пружинистая походка, который в свободное от работы время носил клешенные джинсы и на лице которого оставались следы юношеских угрей. И однако они отдали ему. Отдали. И Стэн, казалось, знал об этом с самого начала.

Выполнение заказа «КВ» привело к тому, что ему предложили перейти в компанию на начальный оклад 30 тысяч долларов в год.

— И это действительно только начало, — в тот же вечер, в постели, поделился Стэнли с Патти. — Они будут расти, как кукуруза в августе, милая моя. Если никто не взорвет мир в ближайшие десять лет, встанут в один ряд с «Кодак», «Сони» и «Эр-си-эй».

— И что ты собираешься делать? — спросила Патти, уже зная ответ.

— Я собираюсь сказать им, что с ними приятно иметь дело, — ответил он, и рассмеялся, и притянул ее к себе, и поцеловал. Через какое-то время вошел в нее, и последовали оргазмы... первый, второй, третий, как яркие ракеты, взмывающие в ночное небо... но не ребенок.

По работе в «Корридор видео» ему приходилось контактировать с самыми богатыми и влиятельными людьми Атланты, и Урисы, к собственному изумлению, обнаружили, что большинство из них вполне достойные люди. С таким благорасположением, добро-

той и открытостью на Севере им сталкиваться практически не приходилось. Патти помнила, как Стэнли однажды написал отцу и матери: «Самые богатые люди Америки живут в Атланте, штат Джорджия. Я собираюсь помочь некоторым из них стать еще богаче, и они собираются помочь мне стать богаче, и никто не будет мне хозяином, кроме моей жены Патришии, а поскольку я и так принадлежу ей, то полагаю, это хорошо».

К тому времени, когда они уехали из Трейнора, Стэнли акционировал свою компанию, и под его началом работали шесть человек. В 1983 году по уровню дохода они ступили на незнакомую территорию — территорию, о которой до Патти доходили только смутные слухи. То была сказочная земля ШЕСТИЗНАЧНЫХ СУММ. И произошло это с той же легкостью, с какой в субботнее утро надевается пара кроссовок. Иногда ее это пугало. Однажды она даже позволила себе пошутить насчет сделки с дьяволом. Стэнли так смеялся, что чуть не задохнулся, но она не видела в этом ничего смешного, и полагала, что тут не до смеха.

Черепаха не мог нам помочь.

Иногда, без всякой на то причины, Патти просыпалась с этой мыслью, которая застревала в голове, как последний фрагмент в остальном забытого сна, и поворачивалась к Стэнли, чтобы коснуться его, убедиться, что он по-прежнему здесь, рядом.

Это была хорошая жизнь — никакого безудержного пьянства, секса на стороне, наркотиков, скуки и жарких споров о том, что делать дальше. Омрачало все только одно облачко. О наличии этого облачка первой упомянула ее мать. И если подумать, не приходилось сомневаться, что только ее мать могла указать на это первой. Упоминание появилось в форме вопроса в одном из писем Рут Блюм. Она писала Патти раз в неделю, и то самое письмо пришло ранней осенью 1979 года. Пришло со старого трейнорского адреса, и Патти читала его в гостиной их нового дома, окруженная картонными коробками из-под вина, из которых вываливались вещи, чувствуя себя одинокой, изгнанной, лишенной корней и всех прав.

В принципе, письмо это не отличалось от обычного письма Рут Блюм из дома: четыре плотно исписанные странички с шапкой на каждой «ПРОСТО НЕСКОЛЬКО СТРОК ОТ РУТ». Ее почерк тянул на нечитаемый, и Стэнли однажды пожаловался, что не может разобрать ни слова. «А тебе оно надо?» — отреагировала Патти.

Письмо переполняли фирменные мамины новости: Рут Блюм захватывала широкий круг родственников во всех их взаимоотношениях. Многие из тех, о ком писала мать, начинали выцветать в памяти Патти, как случается с фотографиями старого альбома, но для Рут все они оставались четкими и яркими. Забота об их здоровье и интерес к их разнообразным делам не ослабевали, и ее прогнозы всегда оставались мрачными. У отца Патти по-прежнему слишком часто болел живот. Он утверждал, что это всего лишь несварение желудка, а мысль о том, что у него может быть язва, писала Рут, пришла бы ему в голову лишь после того, как он начал бы харкать кровью, а может, не пришла бы и тогда. Ты знаешь своего отца, дорогая — он работает как вол, но иногда и думает, как вол, прости, Господи, за такие слова. Рэнди Харленген перевязала себе трубы, из ее яичников вырезали кисты, большие, как мячи для гольфа, ничего злокачественного, слава богу, но двадцать семь кист, можешь себе такое представить! Это все нью-йоркская вода, она в этом не сомневалась... да, конечно, и загрязненный воздух, но Рут полагала, что все беды со здоровьем от плохой воды. С ней в организм человека попадало черт знает что. Рут сомневалась, знала ли Патти, как часто она благодарила Бога за то, что «вы, дети», живете в сельской местности, где воздух и вода (но особенно вода) чище и полезнее (Рут весь Юг, включая Атланту и Бирмингем, представлялся сельской местностью). Тетя Маргарет вновь судилась с энергетической компанией. Стела Фланагэн опять вышла замуж, некоторых людей ничего не учит, даже собственный опыт. Ричи Хубера снова уволили.

И в середине этой болтовни (зачастую язвительной), льющейся как из ведра, посреди абзаца, никак не связав ни с тем, что предшествовало, ни с тем, что следовало, Рут небрежно задала Ужасный Вопрос: «Так когда же вы со Стэном сделаете нас бабушкой и дедушкой? Мы уже готовы начать баловать внучка (или внучку). И, на случай, если ты этого не заметила, Патти, мы не молодеем». Далее она написала, что дочь Бракнеров, которые жили по соседству, отправили домой из школы, потому что она пришла без бюстгальтера и в просвечивающей блузке.

В минорном настроении, тоскуя по старому дому в Трейноре, чувствуя неуверенность в сегодняшнем дне и боясь того, что ждет впереди, Патти пошла в ту комнату, которой предстояло стать их спальней, и легла на матрац. Пружинный каркас кровати еще сто-

ял в гараже, и матрас, лежащий на голом, не застеленном ковром полу, казался артефактом, выброшенным на незнакомый песчаный берег. Она положила голову на руки и проплакала целых двадцать минут. Она чувствовала, что слезы все равно придут. Письмо матери лишь приблизило их появление, точно так же, как пыль, попавшая в нос, провоцирует чихание.

Стэнли хотел детей. Она хотела детей. Их мнения по этому вопросу полностью совпадали. Как, впрочем, и во многом другом, большом и малом: они восхищались фильмами Вуди Аллена, считали, что необходимо более или менее регулярно посещать синагогу, голосовали за одну партию, не жаловали марихуану... В их доме в Трейноре одну свободную комнату они разделили пополам. В левой половине Стэнли поставил стол для работы дома и кресло для чтения. В правой стояли швейная машинка и карточный столик, на котором Патти складывала паззлы. Насчет этой комнаты у них существовала договоренность, такая нерушимая, что они редко упоминали о ней. Точно так же, как не говорили о том, что у них есть носы и они носят обручальные кольца. Когда-нибудь эту комнату они передадут Энди или Дженни. Но где ребенок? Швейная машинка, корзины с материей, карточный столик и письменный стол, кресло для чтения оставались на своих местах, с каждым месяцем укрепляя свои позиции, настаивая на законности своего присутствия в этой комнате. Так она думала, хотя до конца мысль эта у нее так и не оформилась, совсем как слово «порнографическая». Эту мысль она не могла окончательно облечь в слова. Но она помнила, как однажды, когда пришли месячные, сдвинула дверцу шкафчика под мойкой, чтобы взять гигиеническую прокладку. Помнила, как посмотрела на упаковку прокладок «Стейфри» и подумала, что упаковка выглядит очень уж самодовольной, будто говорит: «Привет, Патти! Мы твои дети. Мы единственные дети, которые будут у тебя, и мы голодны. Покорми нас. Покорми нас своей кровью».

В 1976-м, через три года после того, как она выбросила противозачаточные таблетки, они поехали в Атланту, к доктору Харкавею.

— Мы хотим знать, что не так, — сказал Стэнли, — и мы хотим знать, если ли у нас возможность что-то с этим сделать.

Они сдали все анализы. Выяснилось, что сперматозоиды Стэнли подвижны, яйцеклетки Патти способны к оплодотворению, все каналы, которым положено быть открытыми, — открыты.

Харкавей, который не носил обручального кольца, а радостным и розовощеким лицом более всего напоминал студента-дипломника, только что вернувшегося с каникул, проведенных на горнолыжных склонах в Колорадо, сказал им, что причина, возможно, в нервах. Сказал им, что такая проблема встречается у многих. Сказал, что, возможно, в таких случаях, которые сродни физической импотенции, потребуется психологическая коррекция — чем больше ты хочешь, тем меньше у тебя получается. Они должны расслабиться. Они должны, если смогут, во время секса полностью забыть о продолжении рода.

Всю дорогу домой Стэн сидел мрачным. Патти спросила почему.

— Я никогда этого не делаю.

— Чего не делаешь?

— Не думаю о продолжении рода в процессе.

Она начала смеяться, хотя за секунду до этого ощущала одиночество и испуг. А той же ночью, в постели, когда она не сомневалась, что Стэнли давно уже спит, он испугал ее, заговорив из темноты. Голос звучал ровно, но чувствовалось, что он давится слезами.

— Дело во мне. Это моя вина.

Она подкатилась к нему, нащупала, обняла.

— Не говори глупостей.

Но ее сердце билось часто, слишком часто. И причина заключалась не в том, что он напугал ее, внезапно заговорив. Он словно заглянул в ее мысли и прочитал тайный приговор, который она вынесла и хранила там, сама того не зная до этой минуты. Без всякого повода, без всякой на то причины, она почувствовала (она знала), что он прав. Что-то было не так, и не с ней. С ним. В нем.

— Не будь дураком, — яростно прошептала Патти в его плечо. Он чуть вспотел, и она вдруг осознала, что он боится. Страх шел от него холодными волнами. Она словно лежала голой не рядом с мужем, а перед открытым холодильником.

— Я не дурак, и не говорю глупостей, — ответил он тем же голосом, ровным и одновременно переполненным эмоциями. — Ты это знаешь. Причина во мне. Но я не знаю, какая именно.

— Ты не можешь этого знать. — Голос ее звучал строго и сердито — как голос ее матери, когда та чего-то боялась. И пусть Патти отчитывала мужа, по телу ее пробежала дрожь, оно дернулось, как от удара хлыста. Стэнли это почувствовал и еще крепче обнял ее.

— Иногда, иногда я знаю почему. Иногда мне снится сон, дурной сон, я просыпаюсь и думаю: «Теперь я знаю. Я знаю, *что* неправильно». Я не про то, что ты не можешь забеременеть — про все. Все, что неправильно в моей жизни.

— Стэнли, в твоей жизни нет ничего неправильного!

— Я не говорю про внутренний мир, — ответил он. — Внутри все чудесно. Я о том, что снаружи. Что-то должно закончиться, и этого нет. Я просыпаюсь от этих снов и думаю: «Моя распрекрасная жизнь — всего лишь глаз какого-то тайфуна, которого я не понимаю». Я боюсь. А потом все это... тает. Как и все сны.

Патти знала, что иногда его мучили кошмары. Пять или шесть раз она просыпалась от того, что он стонал и метался. Вероятно, это случалось, и когда она не просыпалась. Если она тянулась к нему, спрашивала, что ему приснилось, он говорил одно и то же: «Не могу вспомнить». Потом на ощупь искал на прикроватном столике сигареты и курил, сидя в постели, пока остатки кошмара не уйдут сквозь поры, как пот.

Зачать ребенка они так и не могли. Вечером 28 мая 1985 года (в тот самый вечер, когда он решил принять ванну) их родители все еще ждали, когда же они станут бабушками и дедушками. Свободная комната оставалась свободной. Прокладки «Стейфри макси» и «Стейфри мини» все так же лежали на привычных местах в шкафчике под раковиной в ванной. Месячные приходили в положенный день. Ее мать, занятая главным образом своими делами, но не забывшая полностью о больной для дочери теме, перестала задавать этот вопрос как в своих письмах, так и в те дни, когда Патти и Стэнли бывали в Нью-Йорке (они приезжали туда дважды в год). Смолкли и шутливые вопросы о том, принимают ли они витамин Е. Стэнли тоже больше не говорил про детей, но иногда, когда он не знал, что она на него смотрит, Патти видела тень на его лице. Какую-то тень. Словно он отчаянно пытается что-то вспомнить.

Если не считать этого единственного облачка, жили они без особых забот и тревог до того момента, как вечером 28 мая, аккурат во время программы «Семьи-соперники», зазвонил телефон. Рядом с Патти лежали шесть рубашек Стэна, две ее блузки, нитки-иголки, стояла коробочка с пуговицами. Стэн держал в руках новый роман Уильяма Денбро, еще не вышедший в карманном формате. На лицевой стороне суперобложки скалилось какое-то

чудовище. Заднюю сторону занимала фотография лысого мужчины в очках.

Стэн сидел ближе к телефону. Снял трубку.

— Алло... резиденция Урисов.

Выслушал ответ и нахмурил брови.

— Кто, ты говоришь?

На мгновение Патти охватил страх. Позднее стыд заставил ее солгать и сказать родителям: она поняла, что что-то не так, едва зазвонил телефон. На самом деле это было всего мгновение, на которое она оторвалась от шитья. Но, возможно, она говорила правду. Возможно, они оба знали, что что-то грядет, задолго до этого телефонного звонка, — что-то, никак не соответствующее уютному дому, красиво возвышающемуся за низкими, вечнозелеными изгородями, что-то, давно принятое как само собой разумеющееся, а потому специального объявления и не требовалось... этого острого мгновения страха, похожего на быстрый укол ножом для колки льда, вполне хватило.

«Это мама?» — беззвучно спросила она в этот момент, думая, что, возможно, у ее отца, весящего на двадцать фунтов больше нормы и с давних пор страдающего, как он говорил «болями в животе», случился инфаркт.

Стэн покачал головой, а потом улыбнулся тому, что услышал в трубке.

— Ты... ты! Черт, будь я проклят! Майк! Как ты...

Он снова замолчал, слушая. Улыбка блекла, ее сменяло выражение, которое Патти узнала, или подумала, что узнала, аналитическое выражение, появляющееся на лице Стэна, если кто-то формулировал задачу, или объяснял внезапное изменение в текущей ситуации, или рассказывал что-то странное и интересное. Она предположила, что это как раз последнее. Новый клиент? Давний друг? Возможно. И она вновь переключилась на телевизор, на экране которого женщина обнимала Ричарда Доусона и страстно его целовала. Она подумала, что Ричарда Доусона целовали даже чаще, чем Камень красноречия*. А еще она подумала, что и сама не отказалась бы его поцеловать.

---

* Камень красноречия (камень Бларни) — блок синего камня, встроенный в фундамент замка Бларни в Ирландии, и, как гласит легенда, тот, кто поцелует камень, обретет дар красноречия, а также получит успех у женщин и в обществе вообще.

И начав искать подходящую к остальным черную пуговицу на синюю джинсовую рубашку Стэна, Патти отметила для себя, что телефонный разговор перешел в более спокойное русло. Стэнли время от времени что-то бурчал, и тут вдруг спросил: «Ты уверен, Майк?» Наконец после долгой паузы Патти услышала: «Хорошо, я понимаю. Да, я... Да. Да, все. Общую картину я себе представляю. Я... что?.. Нет, я не могу обещать это на сто процентов, но тщательно все обдумаю. Ты знаешь, что... ох?.. Ты серьезно?.. Да, будь уверен! Разумеется, я сделаю. Да... точно... спасибо... да. Пока». Он положил трубку.

Патти повернулась к нему и увидела, что он уставился в пространство над телевизором. На экране аудитория хлопала семье Райан, которая только что увеличила свой запас очков до двухсот восьмидесяти. Последние очки они получили, правильно предположив, что на вопрос: «Какой предмет ребенок больше всего ненавидит в школе» — большинство в зрительном зале ответит «математика». Райаны прыгали, обнимались, радостно кричали. Стэнли, однако, хмурился. Потом она скажет своим родителям, что лицо Стэнли, как ей показалось, чуть побледнело (и ей действительно так показалось), не упомянув, что в тот момент списала все на настольную лампу с зеленым абажуром.

— Кто звонил, Стэн?

— Гм-м-м-м? — Он повернулся к ней. Она подумала, что на его лице читается легкая рассеянность с толикой раздражения. И только потом, вновь и вновь прокручивая в голове эту сцену, Патти начала склонятся к тому, что смотрела в лицо человека, который методично отключает себя от реальности, проводок за проводком. Лицо человека, который уходит из-под синевы в темноту.

— Кто тебе звонил?

— Никто, — ответил он. — Правда никто. Пойду приму ванну. — Он поднялся.

— Что? В семь вечера?

Он не ответил, просто вышел из комнаты. Она могла бы спросить его, что случилось, могла даже пойти за ним и спросить, не разболелся ли у него живот — он не стеснялся говорить о сексе, зато с другими физиологическими процессами было иначе, и он мог сказать, что идет принимать ванну, тогда как на самом деле у него внезапно расстроился желудок и возникла насущная необходимость справить большую нужду. Но на экране представляли но-

вую семью, Пискапо, и Патти нутром чуяла, что Ричард Доусон найдет что-то забавное, чтобы обыграть эту фамилию, а кроме того, ей никак не удавалось найти подходящую черную пуговицу, хотя она знала, что в коробке их тьма тьмущая. Разумеется, они прятались — другого объяснения она найти не могла...

Поэтому она позволила Стэну уйти и не думала о нем, пока по экрану не побежали титры. Тогда подняла голову и увидела его пустое кресло. Она слышала, как наверху потекла вода, наполняя ванну, слышала, как перестала течь через пять или десять минут... но теперь до нее дошло, что она не слышала, как открылась и закрылась дверца холодильника, то есть он поднялся наверх без банки пива. Кто-то ему позвонил и осчастливил серьезной проблемой, а она предложила ему хоть единственное слово сочувствия? Нет. Попыталась разговорить, чтобы он поделился с ней? Нет. Даже заметив, что что-то не так? И в третий раз — нет. Все из-за этого дурацкого телешоу. Она даже не могла винить пуговицы — они были бы только предлогом.

Ладно, она отнесет ему банку «Дикси», посидит на краешке ванны, потрет спину, изобразит гейшу, помоет голову, если он захочет, и выяснит, что это за проблема... или кто.

Она достала из холодильника банку пива и пошла наверх. Тревога зашевелилась в ней, когда она увидела, что дверь ванной закрыта. Не прикрыта, а плотно закрыта. Стэнли никогда не закрывал дверь, когда принимал ванну. У них даже была такая шутка: дверь закрыта, значит, он делает что-то такое, чему его научила мама, открыта — он безо всякого отвращения делает нечто иное, обучение которому его мама, как и положено, оставила на других.

Патти постучала ногтями по двери, внезапно осознав, очень явственно осознав, какой это неприятный звук, словно цоканье когтей рептилии. И конечно, стучать в дверь ванной, как гость... такого она никогда не делала за всю их семейную жизнь... не стучалась ни в дверь ванной, ни в другую дверь в доме.

Беспокойство внезапно резко усилилось, и она подумала об озере Карсон, в котором часто плавала девочкой. К первому августа вода в озере становилась такой же теплой, как в ванне... но потом ты внезапно попадала в холодный карман и дрожала от удивления и удовольствия. Только что тебе было тепло, а в следующий момент чувствовала, как температура слоя воды, ниже бедер, падала на добрых десять градусов. Если исключить удовольствие, именно это она

сейчас и испытывала — словно попала в холодный карман. Только этот холодный карман находился не ниже бедер, и попали в него, в темных глубинах озера Карсон, не ее длинные девичьи ноги.

На сей раз холодный карман образовался вокруг ее сердца.

— Стэнли? Стэн?

Теперь она не стала стучать ногтями. Постучала кулаком. Не получив ответа, забарабанила в дверь.

— Стэнли?

Ее сердце. Ее сердце выскочило из груди. Билось в горле, не давая дышать.

— Стэнли!

В тишине, последовавшей за ее криком (и тот факт, что она кричала менее чем в тридцати футах от места, где ложилась и засыпала каждую ночь, пугал ее больше всего), она услышала звук, от которого паника, пребывавшая на нижних ступенях ее сознания, поднялась по лестнице, как незваный гость. Тихий, ненавязчивый такой звук. Звук капающей воды. Плюх... пауза. Плюх... пауза. Плюх... пауза. Плюх...

Она буквально видела, как капля формируется на срезе крана, становится тяжелой и толстой, беременеет, потом падает — плюх.

Только этот звук. Никакого другого. И внезапно она осознала, причем как-то сразу отпали все сомнения, что в этот вечер инфаркт сразил Стэнли — не ее отца.

Застонав, она схватилась за хрустальную ручку и повернула ее. Однако дверь все равно не открылась: ее заперли изнутри. И внезапно, в быстрой последовательности, в голове Патришии Урис промелькнули три «никогда»: Стэнли никогда не принимал ванну ранним вечером, Стэнли никогда не закрывал дверь в ванную, за исключением тех случаев, когда пользовался унитазом, и Стэнли никогда не запирался от нее.

«Возможно ли, — задалась она безумным вопросом, — приготовиться к инфаркту?»

Патти прошлась языком по губам (судя по звуку, который раздался в голове, наждачной бумагой прошлись по доске) и вновь позвала мужа. В ответ услышала лишь размеренное плюх... плюх... плюх... Посмотрела вниз и увидела, что в одной руке все еще держит банку «Дикси». Смотрела и смотрела на нее. Сердце, как кролик, металось в горле. Она таращилась на банку пива так, словно до этой самой минуты никогда ее не видела. И действительно, по-

хоже, никогда не видела, во всяком случае, никогда не видела такую банку пива, потому что, когда она моргнула, банка эта превратилась в телефонную трубку, черную и угрожающую, как змея.

— Могу я чем-нибудь вам помочь, мэм? У вас проблема? — выплюнула змея. Патти бросила трубку на рычаг, отступила, потирая руку, которая держала трубку. Огляделась и увидела, что она вернулась в комнату, где работал телевизор, поняла, что паника, незваным гостем поднявшаяся по лестнице ее сознания, застлала ей глаза. Теперь она вспомнила, что уронила банку пива у двери ванной и рванула вниз, думая: это какая-то ошибка, над которой мы потом посмеемся вместе. Он наполнил ванну, вспомнил, что у него нет сигарет, и пошел за ними, еще не успев раздеться.

Да. Только он уже запер дверь в ванную изнутри, а отпирать ее ему не хотелось, поэтому он открыл окно над ванной и спустился вниз по стене дома, как это сделала бы муха. Именно так, конечно, именно так...

Паника вновь начала подниматься в ее сознании, как горький черный кофе, грозящий перехлестнуть через край чашки. Патти закрыла глаза и вступила с ней в схватку. Стояла, замерев, бледная статуя с пульсирующей на шее артерией.

Теперь она вспомнила, как прибежала вниз, как шлепанцы ступали по ступенькам, как подскочила к телефону, да, точно, но кому она собиралась позвонить?

Мелькнула безумная мысль: «Я хотела бы позвонить черепахе, но черепаха не смог бы нам помочь».

Это не имело значения. Она все-таки набрала ноль и сказала что-то необычное, потому что телефонистка спросила, возникла ли у нее проблема. Проблема возникла, все так, но как она могла сказать безликому голосу, что Стэнли заперся в ванной и не отвечает ей, что мерные звуки капель воды, падающих в ванну, разрывают ей сердце? Кто-то должен помочь. Кто-то...

Она поднесла тыльную сторону ладони ко рту, укусила. Она пыталась думать, пыталась заставить себя думать.

Запасные ключи. Запасные ключи в шкафчике на кухне.

Она двинулась к двери, нога в шлепанце ударила по банке с пуговицами, которая стояла рядом с ее стулом. Часть высыпалась из коробки, они упали на пол, поблескивая, как остекленевшие глаза, в свете настольной лампы. Она увидела как минимум с полдюжины черных пуговиц.

В шкафчике над двойной раковиной стояла лакированная доска в форме ключа. Один из клиентов Стэна преподнес ему такой рождественский подарок двумя годами раньше. Из доски торчали крючочки, на которых висели по два дубликата всех ключей, которые использовались в доме. Под каждым крючком с ключами Стэн прилепил прямоугольник липкой ленты «Мистик» и своим аккуратным почерком написал, что это за ключи: «ГАРАЖ», «ЧЕРДАК», «ВАННА НИЖ.», «ВАННА ВЕРХ.», «ПАРАДНАЯ ДВЕРЬ», «ЧЕРНЫЙ ХОД». Отдельно висели дубликаты автомобильных ключей, подписанные соответственно «М-С» и «ВОЛЬВО».

Патти схватила ключи с маркировкой «ВАННА ВЕРХ.», побежала к лестнице, но заставила себя перейти на шаг. Бег — приглашение панике вернуться, а паника и так была слишком близко. Опять же, если бы она просто шла, ничего плохого, возможно, и не случилось бы. Или, если б и случилось, Бог мог посмотреть вниз, увидеть, что она идет, а не бежит, и подумать: «Это хорошо, я допустил чертовскую ошибку, но теперь у меня есть время исправить ее».

Шагая неторопливо, как дама, направляющаяся на заседание Женского книжного клуба, Патти поднялась по лестнице, подошла к запертой двери ванной.

— Стэнли? — позвала она, одновременно пытаясь вновь открыть дверь, внезапно испугавшись пуще прежнего, не желая воспользоваться ключом, потому что ключ нес в себе что-то роковое, окончательное. Если Бог не исправит ошибку к тому времени, как она повернет ключ, Он уже не исправит ее никогда. Эра чудес, в конце концов, осталась в прошлом.

Но дверь так и осталась запертой, а в ответ она услышала те же звуки: плюх... пауза... В ванну капала вода.

Ее рука дрожала, и ключ обстучал всю пластину вокруг замочной скважины, прежде чем протиснулся в нее и вошел до упора. Патти повернула ключ, услышала, как щелкнул замок. Не сразу удалось ей и взяться за хрустальную ручку. Она так и норовила выскользнуть из руки. Не потому, что дверь оставалась закрытой — просто ладонь и пальцы сделались влажными от пота. Но Патти усилила хватку и заставила ручку повернуться. Толкнула дверь.

— Стэнли? Стэнли? Ст?..

Она посмотрела на ванну, на синюю занавеску, сдвинутую к дальнему краю, и забыла, как закончить имя мужа. Она просто

смотрела на ванну с выражением торжественности на лице, как у ребенка, первый раз пришедшего в школу. Через мгновение она начнет кричать, и Анита Маккензи, которая жила в соседнем доме, услышит ее. Именно Анита Маккензи вызовет полицию в полной уверенности, что кто-то вломился в дом Урисов и теперь там убивают людей.

Но в тот момент Патти Урис просто стояла, сминая пальцами темную юбку из хлопчатобумажной ткани, с серьезным лицом, с широко раскрытыми глазами. А потом эта чуть ли не благоговейная торжественность стала трансформироваться во что-то еще. Широко раскрытые глаза начали вылезать из орбит. Губы растянулись в жуткой ухмылке ужаса. Патти хотела кричать и не могла. Крики стали такими большущими, что не могли вырваться наружу.

Ванную освещали флуоресцентные трубки. Очень яркие. Никаких теней. Человек мог видеть все, хотел он того или нет. Вода в ванной ярко алела. Стэнли полусидел спиной к ближней стенке. Его голова так сильно запрокинулась назад, что короткие черные волосы на затылке касались кожи между лопатками. Если бы его открытые глаза могли видеть, для него она бы сейчас стояла на голове. Рот раззявился, будто распахнутая дверь. На лице застыл запредельный ужас. На бортике ванны лежала упаковка бритвенных лезвий «Жиллет платинум плюс». На обеих руках он вскрыл себе вены от запястья до сгиба локтя. Потом продольные надрезы накрыл поперечными, чуть ниже «браслетов судьбы»*, словно написав пару кровавых заглавных «Т». Эти разрезы под ярко-белым светом смотрелись красно-пурпурными. Патти подумала, что открывшиеся сухожилия и связки выглядят, как кусочки дешевой говядины.

Капля воды собралась на срезе поблескивающего хромом крана. Она полнела. Можно сказать, беременела. Сверкала. Упала. Плюх.

Он окунул мизинец правой руки в собственную кровь и написал одно-единственное слово на синем кафеле над ванной. От последней буквы этого слова вниз уходила линия. Патти видела, что прочертил палец Стэнли, когда его рука падала в воду, где теперь и плавала. Она подумала, что Стэнли провел эту линию (последнее,

* «Браслет судьбы» — поперечная линия на запястье, от которой отходит линия судьбы.

что он сделал в этом мире), уже теряя сознание. Слово это кричало со стены:

ОНО

Еще одна капля упала в ванну.

Плюх.

Этот звук вывел Патти из ступора. Она вновь обрела голос. Глядя в отражающие свет мертвые глаза мужа, она закричала.

2

Ричард Тозиер «делает ноги»

Рич чувствовал, что держится молодцом, как нельзя лучше, пока не началась рвота.

Он выслушивал все, что сказал ему Майк Хэнлон, говорил то, что следовало говорить, отвечал на вопросы Майка, даже сам задал несколько. Смутно он понимал, что говорил с Майком один из его Голосов, не сдержанный и пренебрежительный, как те, что он иногда использовал на радио (Кинки Брифкейс, сексбухгалтер, был его любимчиком, во всяком случае, какое-то время, и слушателям Кинки нравился почти так же, как его любимчик на все времена, полковник Бафорд Киссдривел), но теплый, густой, уверенный Голос. У-меня-все-в-порядке, вот кому принадлежал этот Голос. Звучал отлично, но лгал. Как и все остальные Голоса.

— Что ты помнишь, Рич? — спросил его Майк.

— Очень мало, — ответил Рич и после паузы добавил: — Полагаю, достаточно.

— Ты приедешь?

— Я приеду, — ответил Рич и положил трубку.

Посидел в своем кабинете, за столом, откинувшись на спинку стула, глядя на Тихий океан. С левой стороны двое подростков лежали на досках для серфинга. Только лежали, не летели по волнам, потому что волн сегодня не было.

Часы на столе, дорогие, кварцевые, подарок представителя звукозаписывающей компании, показывали 17:09. Происходило все

28 мая 1985 года. Разумеется, в том месте, откуда звонил Майк, было на три часа позже. Там уже стемнело. От этой мысли кожа покрылась мурашками, и он зашевелился. Начал что-то делать. Первым делом, само собой, поставил пластинку — не выбирая, схватив первую попавшуюся из тысяч, что стояли на полках. Рок-н-ролл являлся почти такой же неотъемлемой частью его жизни, как и Голоса, и ему с трудом удавалось что-либо делать без музыки, и чем громче, тем лучше. Схватил он пластинку с ретроспективой мотауна*. Марвин Гэй**, один из новых членов, как иногда называл их Рич, Оркестра покойников, пел «На ушко мне шепнули».

«О-ох, небось, ты гадаешь, как я узнал...»

— Неплохо, — пробормотал Рич. Даже чуть улыбнулся. Все, конечно, было плохо, и петля затягивалась у него на шее, но он чувствовал, что как-нибудь выкрутится. Никаких проблем.

Он начал подготовку к возвращению домой. И в какой-то момент, где-то часом позже, ему пришло в голову: ситуация такова, будто он умер, но ему тем не менее разрешили отдать все необходимые деловые распоряжения... включая, разумеется, и касающиеся собственных похорон. И он чувствовал, что получается у него очень даже хорошо. Он позвонил сотруднице турагентства, услугами которой пользовался, говоря себе, что она уже на автостраде, едет домой, а он звонит для очистки совести. Но, чудо из чудес, застал ее на месте. Объяснил, что ему нужно, и она попросила у него пятнадцать минут.

— Я твой должник, Кэрол, — ответил он. За последние три года они перешли от мистера Тозиера и мисс Фини к Ричу и Кэрол — прогресс значительный, учитывая, что они никогда не виделись.

— Хорошо, расплачивайся, — ответила она. — Хочу услышать Кинки Брифкейса.

Без малейшей паузы (если делаешь паузу, чтобы найти Голос, он обычно не находится вообще) Рич заговорил:

— С вами Кинки Брифкейс, секс-бухгалтер... ко мне на днях зашел один парень, который хотел знать, что самое худшее, если ты заболел СПИДом. — Он заговорил чуть тише, быстрее и более раз-

---

* Мотаун — направление популярной танцевальной музыки, смешивающее в себе приемы и традиции стилей ритм-энд-блюз, соул и т.п.

** Марвин Пенц Гэй-младший (1939—1984) — американский певец, аранжировщик, музыкант-мультиинструменталист, автор песен и музыкальный продюсер, наряду со Стиви Уандером стоявший у истоков современного ритм-энд-блюза.

вязно; это был, несомненно, американский голос, и при этом в нем слышались интонации богатого английского плантатора, обаятельного, но пустоголового. Рич понятия не имел, кем на самом деле был Кинки Брифкейс, но, конечно же, он носил белые костюмы, читал «Эсквайр», пил то, что подавали в высоких стаканах, и напитки эти запахом напоминали шампунь с ароматом кокоса. — Я ответил ему сразу — попытаться объяснить матери, как подхватил эту заразу от гаитянки. До следующей встречи, это Кинки Брифкейс, секс-бухгалтер, и я говорю: «Если есть проблемы с блядом, звякни мне, я буду рядом».

Кэрол Фини завизжала от смеха.

— Идеально. Идеально. Мой бойфренд утверждает, что ты не говоришь всеми этими голосами, он уверен, у тебя какая-то специальная машинка для изменения голоса...

— Всего лишь талант. — Кинки ушел, его место занял Даблъю-Си Филдс, цилиндр, красный нос, сумка с клюшками для гольфа и все такое. — Я так набит талантом, что мне приходится затыкать все отверстия на теле, чтобы он не вытек из меня, как... ну, чтобы не вытек.

Она вновь расхохоталась, и Рич закрыл глаза. Он уже чувствовал, как начинает болеть голова.

— Будь душкой, посмотри, что ты сможешь сделать? — попросил он, все еще будучи Даблъю-Си Филдсом, и положил трубку, оборвав ее смех.

Теперь ему следовало стать самим собой, а давалось это с трудом — с каждым годом все труднее. Проще быть смелым, когда ты кто-то еще.

Он попытался выбрать пару хороших кожаных туфель, и уже почти решил остановиться на кроссовках, когда вновь зазвонил телефон. Кэрол Фини справилась с заданием в рекордно короткий срок. Он уж собрался стать Голосом Бафорда Киссдривела, но поборол искушение. Она взяла ему билет первого класса на беспосадочный рейс «Американ эйрлайнс» из Лос-Анджелеса в Бостон. Самолет вылетал в 21:03 и прибывал в аэропорт Логан в пять утра. Из Бостона ему предстояло вылететь в 7:30 рейсом «Дельты» и прибыть в Бангор, штат Мэн, в 8:20. Она арендовала ему седан в компании «Авис», а стойку «Ависа» в международном аэропорту Бангора и административную границу Дерри разделяли всего двадцать шесть миль.

«Всего двадцать шесть миль? — подумал Рич. — Всего-то, Кэрол? Что ж, может, так оно и есть... если считать в милях. Но ты понятия не имеешь, как далеко на самом деле находится Дерри, да и я тоже. Но, о Боже мой, о милый мой Боже, мне предстоит это выяснить.

— Я не стала заказывать тебе номер, потому что ты не сказал, как долго там пробудешь. Ты...

— Нет... позволь мне разобраться с этим самому. — И тут инициативу перехватил Бафорд Киссдривел. — Ты — персик, дорогая моя. Персик из Джорджии*, само собой, — добавил он, имитируя южный акцент.

Положил трубку (всегда лучше оставлять их смеющимися) и набрал 207-555-1212, номер справочной штата Мэн. Ему хотелось узнать телефон отеля «Дерри таун-хаус». Господи, название из прошлого. Он не вспоминал «Дерри таун-хаус»... сколько? Десять лет? Двадцать? Или даже двадцать пять? И хотя в это не верилось, не вспоминал как минимум двадцать пять лет, а если бы не звонок Майка, мог бы не вспомнить и до конца своих дней. И однако, в его жизни был период, когда он каждый день проходил мимо этой большой груды красного кирпича, и не раз пробегал мимо, а за ним гнались Генри Бауэрс, Рыгало Хаггинс и еще один большой парень, Виктор Как-его-там, гнались изо всех сил, выкрикивая «любезности»: «Мы тя поймаем, жопорылый», или «Ща поймаем, умник хренов», или «Ща поймаем, пидор очкастый». Они хоть раз поймали его?

Прежде чем Рич успел вспомнить, оператор спросил, какой его интересует город.

— Дерри, пожалуйста...

Дерри! Господи! Даже это слово во рту ощущалось странным и забытым. Произнести его — все равно что поцеловать что-то древнее.

— ...У вас есть номер отеля «Дерри таун-хаус»?

— Минуточку, сэр.

Конечно же, нет. И отеля давно нет. Снесен в рамках городской программы обновления. На его месте построили административный комплекс, спортивную арену, торговый центр. А может, он сго-

* Штат Джорджия славится своими персиками. Если девушке хотят сделать комплимент, ее называют «Персик из Джорджии».

рел однажды ночью, когда для пьяного торговца обувью, который курил в постéли, сработала теория вероятности. Все ушло, Ричи, совсем как очки, которыми всегда доставал тебя Генри Бауэрс. Как там сказано в песне Спрингстина? «Золотые те денечки... девушка моргнула, их уже и нет». Какая девушка? Конечно же, Бев. Бев...

«Таун-хаус», возможно, изменился, но определенно не исчез, потому что в трубке послышался ровный, механический голос: «Номер девять... четыре... один... восемь... два... восемь... два. Повторяю, номер...»

Но Рич все записал с первого раза. И с радостью положил трубку, оборвав этот монотонный голос на полуслове. Так легко представить себе огромного глобального справочного монстра, зарытого глубоко под землей, всего в заклепках, держащего тысячи телефонных трубок в тысячах изгибающихся хромированных щупалец. Этакая телефонная версия доктора Осьминога, немезиды Человека-паука. С каждым годом мир, в котором жил Рич, все более напоминал ему огромный электронный дом с привидениями, где цифровые призраки и перепуганные люди в постоянном напряжении соседствовали друг с другом.

Еще держались. Перефразируя Пола Саймона*, еще на месте после всех этих лет**.

Он набрал номер отеля, который последний раз видел через роговые очки своего детства. Набрать номер, 1-207-941-8282, не составило ровным счетом никакого труда. Рич держал трубку у уха, глядя в панорамное окно своего кабинета. Серферы ушли. На их месте по берегу медленно прогуливалась парочка, юноша и девушка держались за руки. Парочка так и просилась на рекламный плакат, украсивший бы стену турагентства, в котором работала Кэрол Фини, — так красиво они смотрелись. Только перед съемкой им, возможно, пришлось бы снять очки.

«Ща поймаем тебя, козел! Разобьем твои очки!»

Крисс, внезапно подсказала память. Его фамилия Крисс. Виктор Крисс.

Господи Иисусе, ничего этого он не хотел знать, прошло столько лет, но ведь это не имело ровным счетом никакого значения.

---

* Пол Фредерик Саймон (р. 1941) — рок-музыкант, поэт и композитор.

** Песня Саймона и Гарфункеля «Без ума после всех этих лет»/«Still Crazy After All These Years».

Что-то происходило глубоко внизу в хранилищах, там, где Рич Тозиер хранил свою личную коллекцию «Золотых старых песен». Двери открывались...

Только там хранятся не пластинки, так? В тех глубинах ты не Рич Тозиер по прозвищу Пластинкин, популярный диджей радиостанции КЛАД и Человек тысячи голосов, так? И то, что открывается... это не совсем двери, так?

Он попытался вышибить из головы эти мысли.

Главное, помнить, что я в порядке. Я в порядке. Ты в порядке, Рич Тозиер в порядке. Можешь выкурить сигарету, и все дела.

Он уже четыре года как бросил курить, но сейчас мог выкурить сигарету, это точно.

Они — не пластинки, а трупы. Ты похоронил их глубоко, но теперь происходит какое-то безумное землетрясение, и земля выбрасывает их на поверхность. Там, в глубине, ты — не Рич Тозиер по прозвищу Пластинкин. Там, в глубине, ты всего лишь Ричи Тозиер, прозванный Очкариком, и ты со своими друзьями, и ты так испуган, что твои яйца буквально превращаются в желе. Это не двери, и они не открываются. Это крипты. Они раскалываются, и вампиры, которых ты полагал мертвыми, вылетают наружу.

Сигарету, только одну. Даже «Карлтон» подойдет, ради всего святого.

«Поймаем тебя, Четыре Глаза! Заставим съесть твою сраную сумку для книг!»

— «Таун-хаус», — произнес мужской голос с характерным выговором янки. Прежде чем долететь до уха Рича, он проделал долгое путешествие, пересек Новую Англию, Средний Запад, проскочил под казино Лас-Вегаса.

Рич спросил у голоса, может ли он зарезервировать «люкс» в «Таун-хаусе» начиная с завтрашнего дня. Голос ответил, что может, потом спросил, как надолго.

— Точно сказать не могу. У меня...

У него что? Мысленным взором он увидел мальчика с сумкой для книг из шотландки, убегающего от плохих парней; увидел мальчика в очках, худенького мальчика с бледным лицом, которое каким-то странным образом кричало каждому проходящему мимо хулигану-подростку: «Ударь меня! Подойди и ударь меня! Вот мои губы! Размажь их по зубам! Вот мой нос! Вышиби из него кровь, даже сломай, если сможешь! Двинь в ухо, чтобы оно распухло, как

кочан цветной капусты! Рассеки бровь! Вот мой подбородок, попробуй отправить меня в нокаут! Вот мои глаза, такие синие и огромные за этими ненавистными, ненавистными линзами, эти очки в роговой оправе, с одной дужкой, замотанной изолентой. Разбей очки! Всади по осколку стекла в каждый из этих глаз и закрой их навеки! Чего ты ждешь?»

Он закрыл глаза и лишь потом продолжил.

— Видите ли, я еду в Дерри по делу. Не знаю, сколько потребуется времени, чтобы завершить сделку. Как насчет трех дней с опционом на продление?

— С опционом на продление? — с сомнением повторил мужчина, и Рич терпеливо ждал, пока тот сообразит что к чему. — О, я вас понял! Замечательно!

— Благодарю вас, и я... э... надеюсь, что вы сможете проголосовать за нас в ноябре, — сказал Джон Ф. Кеннеди. — Джеки хочет... э... переделать... э... Овальный кабинет... и я нашел работу для моего... э... брата Бобби.

— Мистер Тозиер?

— Да?

— Хорошо... кто-то еще на несколько секунд встрял в разговор.

«Да, один член из Пэ-дэ-эм, — подумал Рич. — Партии давно умерших, на случай если вам требуется расшифровка. Не волнуйтесь об этом». По его телу пробежала дрожь, и он вновь сказал себе чуть ли не в отчаянии: «Ты в порядке, Рич».

— Я тоже слышал чей-то голос. Наверное, где-то пересеклись линии. Так что у нас с «люксом»?

— Никаких проблем, — ответил мужчина. — Дерри — деловой город, но до бума тут далеко.

— Правда?

— Ох, ага, — подтвердил мужчина, и Рич вновь содрогнулся. Он забыл и это, замену на севере Новой Англии простого «да» на «ох, ага».

«Ща поймаем тебя, гаденыш», — прокричал голос-призрак Генри Бауэрса, и Рич почувствовал, как внутри треснули новые крипты; вонь, которую он чувствовал, шла не от разложившихся тел, а от разложившихся воспоминаний, а это куда как хуже.

Он продиктовал номер своей кредитной карточки «Американ экспресс» и положил трубку. Потом позвонил Стиву Коваллу, программному директору КЛАД.

— Что такое, Рич? — спросил Стив. Последние рейтинги «Арбитрона» показывали, что КЛАД — на вершине людоедского лосанджелесского рынка радиостанций коротковолнового диапазона, и Стив пребывал в превосходном настроении — возблагодарим Господа за маленькие радости.

— Возможно, ты пожалеешь, что спросил. Я сматываюсь.

— Сматыва... — По голосу чувствовалось, что Стив нахмурился. — Боюсь, я тебя не понял, Рич.

— Должен надеть сапоги-скороходы. Уезжаю.

— Что значит — уезжаешь? Согласно сетке, которая лежит передо мной, завтра ты в эфире с двух пополудни до шести вечера, как и всегда. Собственно, завтра, в четыре часа, ты интервьюируешь Кларенса Клемонса. Ты же знаешь Кларенса Клемонса*, Рич. Это, можно сказать, про него, «Войди и сыграй, Здоровяк»**.

— Клемонс может поговорить с О'Харой точно так же, как и со мной.

— Клемонс не хочет говорить с Майком, Рич. Клемонс не хочет говорить с Бобби Расселлом. Он не хочет говорить со мной. Кларенс — большой поклонник Бафорда Киссдривела и Уайатта, упаковщика-убийцы. Он хочет говорить с тобой, друг мой. И у меня нет никакого желания увидеть, как саксофонист весом в двести пятьдесят фунтов, которого однажды едва не взяли в профессиональную футбольную команду, начнет буйствовать в моей студии.

— Я не думаю, что он где-то когда-то буйствовал, — ответил Рич. — Мы говорим о Кларенсе Клемонсе, а не о Кейте Муне***.

Пауза. Рич терпеливо ждал.

— Неужели ты это серьезно? — наконец спросил Стив. Голос зазвучал печально. — Я хочу сказать, если у тебя только что умерла матушка, или у тебя обнаружили опухоль мозга, или что-то такое, тогда...

---

* Клемонс, Кларенс (р. 1942) — известный американский музыкант (в том числе и саксофонист) и актер, прозванный Здоровяком.

** Стив чуть меняет фразу «Бенни Уэбстер, войди и сыграй для меня»/«Benny Webster, come and blow for me» песни Дюка Эллингтона «Cotton tail». Бенни Уэбстер (1909—1973) — американский джазовый музыкант, тенор-саксофонист, выдающийся исполнитель стиля свинг.

*** Мун Кейт Джон (1946—1978) — барабанщик рок-группы «Ху»/«The Who», был человеком неуравновешенным как на сцене, так и в жизни. Во время концертов часто ломал барабаны.

— Я должен уехать, Стив.

— Твоя мать заболела? Или, не дай бог, умерла?

— Она уже десять лет как умерла.

— У тебя опухоль мозга?

— Нет даже полипа в прямой кишке.

— Тогда это не смешно, Рич.

— Не смешно.

— Тогда ты ведешь себя, как дилетант хренов, и мне это не нравится.

— Мне тоже не нравится, но я должен уехать.

— Куда? Почему? В чем дело? Расскажи мне, Рич!

— Мне позвонил человек. Человек, которого я знал давным-давно. В другом месте. Когда кое-что случилось. Я дал слово. Мы все обещали, что вернемся, если это кое-что начнется снова. И я полагаю, что оно началось.

— О каком «кое-что» мы говорим, Рич?

— Я бы предпочел это опустить. Опять же, ты подумаешь, что я рехнулся, если я скажу тебе правду: не помню.

— И когда ты дал это знаменитое обещание?

— Очень давно. Летом тысяча девятьсот пятьдесят восьмого.

Вновь долгая пауза, и он знал, что Стив Ковалл пытается решить, то ли Рич Тозиер, по прозвищу Пластинкин, он же Бафорд Киссдривел, он же Уайатт, упаковщик-убийца и т.д., и т.п., разыгрывает его, или у него какое-то психическое расстройство.

— Ты же тогда был ребенком, — наконец подал голос Стив.

— Одиннадцать уже исполнилось. Пошел двенадцатый год.

Еще пауза. Рич терпеливо ждал.

— Ладно. — Стив сломался. — Я изменю ротацию — поставлю Майка вместо тебя. Могу позвонить Чаку Фостеру, чтобы он заполнил несколько смен, если найду китайский ресторан, в котором он сейчас обретается. Я это сделаю, потому что мы прошли вместе долгий путь. Но я никогда не забуду, что ты меня подставил, Рич.

— Да брось ты! — Головная боль усиливалась. Он же понимал, что подводит радиостанцию. Или Стив думал, что он не понимал? — Мне нужно отъехать на несколько дней, не более того. А ты ведешь себя так, будто я наблевал на нашу лицензию, выданную Эф-ка-эс*.

---

* ФКС — федеральная комиссия по связи.

— На несколько дней — ради чего? Воссоединение скаутского звена в Мухосрань-Фоллз, штат Северная Дакота? Или в Козевдуй-Сити, что в Западной Виргинии?

— Вообще-то я думал, что Мухосрань-Фоллз — это в Арканзасе, друже, — пробасил Бафорд Киссдривел, но не умаслил Стива.

— Потому что ты дал слово, когда тебе было одиннадцать? Уж прости меня, но дети не обещают ничего серьезного, когда им одиннадцать! Но дело даже не в этом, и ты это знаешь, Рич. У нас не страховая компания. У нас не юридическая фирма. Это шоу-бизнес, пусть даже и в скромных масштабах, ты чертовски хорошо это знаешь. Если бы ты предупредил меня за неделю, я бы не держал трубку в одной руке и пузырек миланты* в другой. Ты просто загоняешь меня в угол, и ты это знаешь, поэтому не говори мне, что для тебя это новость!

Стив уже кричал, и Рич закрыл глаза. Стив сказал, что никогда этого не забудет, и Рич полагал, что это правда. Стив сказал, что дети в одиннадцать лет не дают серьезных обещаний, и тут он ошибался. Рич не мог вспомнить, какое он дал обещание (не знал, хотел ли вспомнить), но оно было более чем серьезное.

— Стив, мне пора.

— Да. И я сказал тебе, что как-нибудь выкручусь. Иди, дилетант.

— Стив, это неле...

Но Стив уже бросил трубку. Рич положил свою на рычаг. Едва он оторвал руку, как телефон зазвонил вновь, и он знал, не снимая трубки, что это опять Стив, еще более взбешенный. Разговаривать с ним в таком состоянии смысла не имело — они только еще сильнее разругаются. Поэтому он сдвинул рычажок на правой стороне телефонного аппарата, оборвав звонки.

Он поднялся наверх, вытащил из чулана два чемодана и принялся складывать, практически не глядя: джинсы, рубашки, нижнее белье, носки. Лишь потом до него дошло, что он не взял с собой ничего, кроме одежды, какую носят дети. С чемоданами он спустился вниз.

На стене кабинета висела большая черно-белая фотография Биг-Сура**, сделанная Анселем Адамсом***. Рич повернул ее на спря-

---

* Миланта — средство, понижающее кислотность желудка.

** Биг-Сур — прибрежный регион центральной части Калифорнии.

*** Адамс, Ансель (1902—1984) — американский фотограф, одним из первых начал снимать Запад США.

танных петлях, открыв дверцу сейфа. Набрал код, распахнул дверцу, полез в глубину, за документы: свидетельства, подтверждающие право собственности на уютный домик, расположенный между геологическим разломом и пожароопасной зоной, на двадцать акров леса в Айдахо, сертификаты акций. Он покупал акции вроде бы полагаясь на случай, и брокер, когда видел приближающегося Рича, хватался за голову, но все купленные им акции с годами только росли в цене. Его иногда удивляла мысль, что он почти что (не совсем, но почти что) богатый человек. Все благодаря рок-н-роллу и... разумеется, Голосам.

Дом, акры, страховой полис, даже копия его последнего завещания. Нити, которые прочно привязывали тебя к карте жизни, подумал он.

Внезапно появилось неодолимое желание щелкнуть «Зиппо» и поджечь все эти документы, свидетельства, сертификаты. Он мог это сделать. Бумаги, лежащие в его сейфе, больше ничего не значили.

Тут его впервые охватил ужас, и в этом не было ничего сверхъестественного. Пришло лишь осознание, как легко пустить под откос свою жизнь. Вот что пугало. Ты всего лишь подносишь вентилятор к тому, что годами собирал воедино, и включаешь эту хреновину. Легко. Сжигаешь или сдуваешь, а потом сматываешься.

За документами, двоюродными братьями и сестрами денег, лежали они, родимые. Наличные. Четыре тысячи: десятки, двадцатки, купюры по пятьдесят и сто долларов.

Беря деньги, рассовывая по карманам джинсов, Рич задался вопросом: может, он каким-то образом знал что делает, когда клал в сейф деньги, пятьдесят баксов в один месяц, сто двадцать — в следующий, может, только десять, после этого. Заначка. На случай, если придется сматываться.

— Чел, это страшно. — Он едва отдавал себе отчет, что говорит вслух. Тупо посмотрел через большое окно на берег. Пляж опустел, вслед за серферами ушли и молодожены (если это были молодожены).

Ах да, док... память ко мне возвращается. Помните Стэнли Уриса, к примеру? Можете поспорить на свою шкуру, помню... Помню, как мы так говорили и думали, что это круто. Стэнли Урин*, так

* Урин — от английского Urine (моча).

звали его большие парни. «Эй, Урин! Эй, ты, христоубийца хренов. Куда ты идешь? Один из твоих приятелей-гомиков пообещал тебе отсосать?»

Рич захлопнул дверцу сейфа, вернул фотографию на место. Когда он в последний раз думал о Стэнли Урисе? Пять лет назад? Десять? Двадцать? Семья Рича уехала из Дерри весной 1960 года, и как же быстро все их лица растаяли в памяти, их банда, жалкая кучка неудачников с их маленьким клубным домом в том месте, которое называли Пустошь, название странное, учитывая, как буйно там все росло. Они воображали, будто они — исследователи джунглей или «Морские пчелы»*, вырубающие посадочную полосу на тихоокеанском атолле, одновременно сдерживая атаки япошек. Они воображали себя строителями плотины, ковбоями, астронавтами, высадившимися на заросшую джунглями планету, но, как ни назови, никто не забывал, что на самом деле это было убежище. Убежище от больших парней. Убежище от Генри Бауэрса, и Виктора Крисса, и Рыгало Хаггинса, и всех остальных. Та у них еще подобралась компания: Стэн Урис с большим еврейским носом, Билл Денбро, который мог сказать лишь: «Хай-йо, Сильвер!»** — не заикаясь так сильно, что тебя это едва не сводило с ума, Беверли Марш с ее синяками и сигаретами, закрученными в рукав блузы, Бен Хэнском, такой огромный, что тянул на человеческую версию Моби Дика, и Ричи Тазиер, в очках с толстыми стеклами, острым язычком и лицом, которое просто молило, чтобы его подправили, придав ему новую форму. Существовало ли слово, которым их можно было назвать? О да. Существовало всегда. Le mot juste***. В данном конкретном случае le mot juste означало «слюнтяи».

Как это вернулось, как это все вернулось... и теперь он стоял в кабинете, неистово дрожа всем телом, как бездомный щенок в бушующую грозу, дрожал, потому что вспомнил не только тех, с кем дружил. Было и кое-что другое, о чем он не думал долгие годы, но воспоминания эти таились совсем не в глубинах сознания, а у самой поверхности.

---

* «Морские пчелы» — инженерно-строительный батальон ВМФ США.

** «Хай-йо, Сильвер, ВПЕРЕ-Е-ЕД!» — знаменитая фраза Одинокого рейнджера, так же известного, как капитан Кид, героя многих радиопередач, телесериалов, фильмов, комиксов, сражающегося со злом на Диком Западе.

*** Le mot juste — правильное слово (*фр.*).

Кровь.

Темнота. Страшная темнота.

Дом на Нейболт-стрит, и Билл, кричащий: «Ты уб-бил моего брата, га-га-гандон!»

Он это помнил? Достаточно хорошо, чтобы не хотеть вспоминать что-то еще, можете поспорить на свою шкуру.

Запах мусора, запах говна, и запах чего-то еще. Хуже, чем два первых. Запах чудовища, запах Оно, внизу, в темноте под Дерри, где гремели машины. Он вспомнил Джорджа...

Это и переполнило чашу. Он бросился к ванной, споткнулся о стул Имса*, чуть не упал. Успел... в самый последний момент. На коленях заскользил по керамическим плиткам ванной комнаты к унитазу, словно танцевал брейк, схватился за край и выблевал все содержимое желудка. Но даже это не остановило поток воспоминаний; внезапно он увидел Джорджи Денбро, словно расстался с ним только вчера, Джорджи, с которого все и началось, Джорджи, убитого осенью 1957 года. Джорджи умер сразу после наводнения, одну его руку вырвало из плечевого сустава, и Рич заблокировал все эти воспоминания. Но иногда они возвращались, да, действительно, они возвращались, иногда они возвращались.

Рвота прекратилась, Рич вслепую, на ощупь, нашел кнопку слива. Забурлила вода. Ранний ужин, вылетавший изо рта теплыми кусками, исчез.

Его унесло в канализацию.

В гул, вонь и темноту канализации.

Он закрыл крышку, приложился к ней лбом, заплакал. Заплакал впервые с 1975 года, когда умерла его мать. Даже не думая о том, что делает, поднес руки к глазам, сложив ладони лодочкой. Контактные линзы, которые он носил, выскользнули из-под век и заблестели на ладонях.

Сорок минут спустя, чувствуя, что очистился от всего лишнего, он забросил оба чемодана в багажник «MG»** и задним ходом выехал из гаража. День клонился к вечеру. Он посмотрел на свой дом в окружении недавно посаженных деревьев и кустов, он посмотрел на берег, на воду цвета светлых изумрудов, по которой заходящее солнце проложило дорожку червонного золота. И в этот самый мо-

---

* Стул Имса – вращающийся стул, созданный Чарльзом и Реем Имс (1956 г.).

** «MG» – марка английского спортивного автомобиля.

мент вдруг осознал, что больше никогда этого не увидит, что он — ходячий мертвец.

— Теперь я еду домой, — прошептал Рич Тозиер самому себе. — Еду домой, помоги мне, Господи, я еду домой.

Он включил передачу и уехал, вновь почувствовав, как это легко — проскочить сквозь внезапно появившуюся трещину в том, что он полагал крепкой и устойчивой жизнью... как легко оказаться на темной стороне, уплыть из-под синевы в черноту.

Из-под синевы в черноту, да, именно так. Где могло ждать что угодно.

3

Бен Хэнском пьет виски

Если бы в тот вечер 28 мая 1985 года вы захотели найти человека, которого журнал «Тайм» назвал «возможно, самым многообещающим молодым архитектором Америки» («Сохранение энергии в городе и младотурки», «Тайм», 15 октября 1984 г.), вам пришлось бы поехать на запад от Омахи по автостраде 80. Потом по указателю «Шведхолм» свернуть на шоссе 81 и доехать до центра Шведхолма (ничего собой не представляющего). Там повернуть на шоссе 92 перед рестораном «У Баки: Съешь и облизнешься» («Куриные стейки — наша специализация») и вновь мчаться среди полей до шоссе 63. Повернуть направо. Шоссе 63 как стрела пронзает заброшенный маленький городок Гатлин и приводит в Хемингфорд-Хоум.

В сравнении с центром Хемингфорд-Хоума центр Шведхолма выглядел, как Нью-Йорк. Деловой район Хемингфорд-Хоума — восемь зданий, пять на одной стороне улицы, три — на другой. Парикмахерская «Чистая стрижка», в витрине которой висело пожелтевшее от времени, написанное от руки пятнадцатью годами ранее объявление: «ЕСЛИ ТЫ ХИППИ, СТРИГИСЬ ГДЕ-НИБУДЬ ЕЩЕ», кинотеатр, где показывали только старые фильмы, универсальный магазинчик. Добавьте к этому отделение банка «Домовладельцы Небраски», заправочную станцию, «Аптеку Рексолла» и магазин сельскохозяйственной техники и скобяных товаров. Только последнее заведение выглядело более или менее процветающим.

И в конце квартала, рядом с пустырем, вы нашли бы придорожный бар-ресторан «Красное колесо», стоящий словно пария чуть в стороне от остальных зданий. Если бы вы забрались в такую глубинку, то обязательно увидели бы на земляной, в рытвинах, автостоянке старенький «кадиллак-кабриолет» модели 1968 года, с двумя СБ-антеннами* на багажнике, с заказным номерным знаком «КЭДДИ БЕНА» над передним бампером. А в зале — нужного вам человека, который шел к стойке бара: долговязого, дочерна загорелого, в рубашке из шамбре, вылинявших джинсах, обтрепанных саперных сапогах. С сетью морщинок в уголках глаз, но нигде больше. Выглядел он лет на десять моложе своего возраста, составлявшего тридцать восемь лет.

— Привет, мистер Хэнском. — Рикки Ли положил бумажную салфетку на стойку перед садящимся Беном. В голосе Рикки Ли слышалось изумление, и он действительно изумился, потому что никогда раньше не видел Хэнскома в «Колесе» накануне рабочего дня. Он регулярно приходил сюда каждую пятницу вечером, чтобы выпить два стакана пива, и каждую субботу — чтобы выпить четыре или пять. Всегда справлялся о трех мальчиках Рикки Ли, всегда, уходя, оставлял под пустым стаканом пять долларов чаевых. По части поговорить за жизнь или личного уважения он, несомненно, был самым любимым клиентом Рикки Ли. Десять долларов в неделю (и пятьдесят — каждое Рождество в последние пять лет), конечно, неплохо, но хороший собеседник ценился дороже. Хороший собеседник вообще в дефиците, а уж в такой-то дыре, где никто двух слов связать не мог, они встречались реже, чем зубы у курицы.

Хотя родился и вырос Хэнском в Новой Англии, а учился в калифорнийском колледже, что-то в нем было от экстравагантного техасца. Рикки Ли рассчитывал на появление Бена Хэнскома по пятницам и субботам, потому что привык на это рассчитывать. Мистер Хэнском мог строить небоскреб в Нью-Йорке (где он уже построил три наиболее обсуждаемых здания), художественную галерею в Редондо-Бич или административный корпус в Солт-Лейк-Сити, но появлялся вечером в пятницу. Где-то между восемью и половиной десятого вечера дверь с автостоянки открывалась, и он

* СБ-антенны — обеспечивают прием в СБ-диапазоне (27 мгц), в котором работают многие любительские радиостанции.

входил в зал, словно жил на другом конце города и решил заехать в «Колесо» и выпить пива, потому что по телевизору не показывали ничего интересного. На своей ферме в Джанкинсе он построил взлетно-посадочную полосу, куда прилетал на собственном «лирджете».

Двумя годами раньше он работал в Лондоне, сначала проектировал, а потом контролировал строительство нового коммуникационного центра Би-би-си, здания, из-за которого в английской прессе до сих пор продолжались жаркие дебаты («Гардиан»: «Возможно, самое прекрасное здание, построенное в Лондоне за последние двадцать лет»; «Миррор»: «Если не считать лица моей тещи после попойки в пабе, ничего более отвратительного видеть мне не доводилось»). Когда мистер Хэнском взялся за этот заказ, Рикки Ли подумал: «Что ж, когда-нибудь я его еще увижу. Или, возможно, он забудет про нас». И действительно, пятничный вечер сразу же после отъезда Бена Хэнскома в Англию пришел и ушел без него, хотя Рикки Ли поворачивался к двери на автостоянку всякий раз, когда она открывалась между восемью и половиной десятого. Что ж, когда-нибудь я его увижу. Возможно. «Когда-нибудь» пришлось на следующий вечер. Дверь открылась в четверть десятого, и он вошел в бар, в джинсах, футболке с надписью «ВПЕРЕД, АЛАБАМА» на груди и саперных сапогах. Выглядел так, словно приехал с другого конца города. А когда Рикки Ли прямо-таки радостно воскликнул: «Эй, мистер Хэнском! Господи! Что вы здесь делаете?» — с легким удивлением посмотрел на бармена, как будто в его появлении здесь не было ну совершенно ничего необычного. И этот вечер не остался единственным. За два года его активного участия в работе над коммуникационным центром Би-би-си он появлялся в «Красном колесе» каждую субботу. В 11:00 вылетал из Лондона на «Конкорде» и прибывал в аэропорт Кеннеди в 10:15, за сорок пять минут до взлета в Лондоне, во всяком случае, по часам. («Господи, это прямо-таки путешествие во времени, так? — прокомментировал потрясенный Рикки Ли). Стоявший наготове лимузин доставлял его в аэропорт Тетерборо в Нью-Джерси. Субботним утром эта поездка обычно занимала не больше часа. Он мог без всякой спешки подняться в кабину своего «лирджета» до полудня и приземлиться в Джанкинсе к половине третьего. Если достаточно быстро лететь на запад, сказал он Рикки Ли, день мог бы

длиться вечно. Проспав два часа, он проводил час с управляющим фермы и полчаса — со своим секретарем. Потом ужинал и приходил в «Красное колесо» часика на полтора. Всегда один, всегда садился за стойку, и всегда уходил один, хотя, видит бог, в этой части Небраски хватало женщин, которые с радостью бы легли под него. На ферме он спал шесть часов, а потом тем же маршрутом, только в обратной последовательности, добирался до Лондона. Эта история производила неизгладимое впечатление на всех посетителей бара. Может, он гей, как-то предположила одна женщина. Рикки Ли коротко глянул на нее, отметил тщательно уложенные волосы, сшитую по фигуре одежду, несомненно, с дизайнерскими ярлыками, бриллиантовые серьги, уверенный взгляд и понял, что она — с востока, вероятно, из Нью-Йорка, а сюда приехала на считанные дни, то ли к родственникам, то ли к давней школьной подруге, и ей не терпится вернуться назад. Нет, ответил он, мистер Хэнском не гомик. Она достала из сумки пачку сигарет «Дорал», зажала одну красными блестящими губами, пока он подносил к ней огонек зажигалки. «Откуда вы знаете?» — спросила она и чуть улыбнулась. Просто знаю, ответил он. И он знал. Подумал о том, чтобы сказать: «Он самый одинокий мужчина, которого мне доводилось встретить за всю мою жизнь». Но он не собирался говорить ничего такого этой нью-йоркской женщине, которая смотрела на него так, будто видела перед собой новый и забавный вид живых существ.

Сегодня мистер Хэнском выглядел немного побледневшим, немного рассеянным.

— Привет, Рикки Ли, — поздоровался он, усаживаясь, а потом принялся изучать свои руки.

Рикки Ли знал, что мистеру Хэнскому предстояло провести шесть или восемь месяцев в Колорадо-Спрингс, контролируя начало строительства Культурного центра горных штатов, комплекса из шести зданий, «врезанных» в горный склон. «Когда его построят, люди будут говорить, что комплекс напоминает игрушки, которые ребенок-великан разбросал по лестничному пролету, — объяснил он Рикки Ли. — Некоторые обязательно скажут, и отчасти будут правы. Но я думаю, это сработает. Это самый крупный проект, за который я когда-либо брался, и его реализация — чертовски трудная работа, но я думаю, все получится».

Рикки Ли предположил, что у мистера Хэнскома легкий приступ того, что актеры называют страхом перед выходом на сцену. Ничего удивительного, и, наверное, так оно и должно быть. Когда ты превращаешься в такую значимую величину, что тебя замечают, ты становишься достаточно большим, чтобы попадать под обстрел критики. А может, он просто приболел. Инфекций нынче хватало, всяких и разных.

Рикки Ли взял пивной стакан со стойки под зеркалом и потянулся к крану «Олимпии».

— Не надо, Рикки Ли.

Рикки Ли повернулся к нему, удивленный — а когда Бен Хэнском оторвался от своих рук и поднял голову, испугался. Потому что мистер Хэнском не выглядел так, будто у него страх перед выходом на сцену, или он подхватил какой-то вирус, или что-то в этом роде. Он выглядел так, будто только что получил чудовищной силы удар, и до сих пор пытается понять, что же его ударило.

Кто-то умер. Он, конечно, не женат, но у каждого человека есть семья, и кто-то из ближайших родственников сыграл в ящик. И это так же точно, как говно сползает вниз по наклонной стенке унитаза.

Кто-то бросил четвертак в музыкальный автомат, и Барбара Мандрелл запела о пьянице и одинокой женщине.

— У вас все в порядке, мистер Хэнском?

Бен Хэнском вскинул на Рикки Ли глаза, которые в сравнении с его лицом выглядели на десять, нет — на двадцать лет старше, и этот самый момент бармен с удивлением открыл для себя, что волосы мистера Хэнскома седеют. Раньше он никогда не замечал седины в его волосах.

Хэнском улыбнулся. Жуткой улыбкой призрака. Или трупа.

— Боюсь, что нет, Рикки Ли. Нет, сэр. Не сегодня. Сегодня у меня все отнюдь не в порядке.

Рикки Ли поставил пивной стакан и подошел к тому месту, где сидел Хэнском. Бар-ресторан пустовал, как обычно пустуют по понедельникам бары в период, когда футбольный сезон давно закончился. В зале не насчитывалось и двадцати посетителей. Энни сидела у двери на кухню, играла в криббидж с поваром блюд быстрого приготовления.

— Плохие новости, мистер Хэнском?

— Плохие новости, совершенно верно. Плохие новости из дома. — Он смотрел на Рикки Ли. Он смотрел *сквозь* Рикки Ли.

— Сочувствую, мистер Хэнском.

— Спасибо, Рикки Ли.

Он замолчал, и Рикки Ли уже собрался спросить, не может ли он чем-нибудь помочь, когда Хэнском задал свой вопрос:

— Какой виски подают в твоем баре, Рикки Ли?

— Для всех остальных в этой дыре — «Четыре розы», — ответил Рикки Ли. — Для вас, думаю, это «Дикая индюшка».

Ответ вызвал у Хэнскома легкую улыбку.

— Это хорошо, Рикки Ли. Я думаю, тебе все-таки стоит взять пивной стакан. Как насчет того, чтобы наполнить его «Дикой индюшкой»?

— Наполнить? — с искренним изумлением переспросил Рикки Ли. — Господи, мне придется выкатывать вас отсюда. — «Или вызывать «скорую помощь», подумал он.

— Не сегодня, — покачал головой Хэнском. — Сегодня — не придется.

Рикки Ли внимательно заглянул мистеру Хэнскому в глаза, чтобы убедиться, что тот не шутит, и ему потребовалось меньше секунды, чтобы понять: нет, не шутит. Поэтому он взял с полки пивной стакан и извлек из-под стойки бутылку «Дикой индюшки». Горлышко бутылки застучало о край стакана, когда Рикки Ли начал наполнять его виски. Он зачарованно наблюдал, как виски льется в стакан, и решил, что в мистере Хэнскоме не чуточка техасской экстравагантности, а гораздо больше. Никогда в жизни Рикки Ли не наливал такую большую порцию виски и сомневался, что еще когда-нибудь нальет.

«Вызывать «скорую помощь», чтоб я сдох! Если он выпьет этот стакан, мне придется звонить Паркеру и Уотерсу в Шведхолм, чтобы приезжали со своим катафалком».

Тем не менее он принес полный стакан и поставил перед Хэнскомом. Отец Рикки Ли как-то сказал ему: «Если человек в здравом уме, ты приносишь ему все, за что он платит, будь это моча или яд». Рикки Ли не знал, хороший это совет или плохой, зато знал другое: если ты зарабатываешь на жизнь за стойкой бара, такие советы не позволяют совести изрубить тебя в капусту.

Хэнском какое-то время задумчиво смотрел на чудовищную порцию виски, потом спросил:

— Сколько я тебе должен за этот стакан, Рикки Ли?

Рикки Ли медленно покачал головой, не отрывая глаз от пивного стакана, наполненного виски.

— Нисколько. За счет заведения.

Хэнском снова улыбнулся, на сей раз более естественно.

— Что ж, спасибо тебе, Рикки Ли. А теперь я хочу показать тебе нечто такое, чему научился в Перу в 1978 году. Я работал с человеком, которого звали Фрэнк Биллингс, можно сказать, учился у него. Думаю, Фрэнк Биллингс был лучшим архитектором в мире. Он подцепил какую-то лихорадку, и врачи кололи ему самые разные антибиотики, но ни один не мог с ней справиться. Биллингс умер, сгорев за две недели. Я хочу показать тебе то, чему научился у индейцев, которые участвовали в этом проекте. Местный самогон был очень крепким. Выпиваешь глоток, и он проскакивает вниз, ты уже думаешь, как все хорошо, и тут кто-то зажигает факел у тебя во рту и пытается запихнуть его в горло. Однако индейцы пили его, как кока-колу, я редко видел кого-то пьяным и никогда не видел, чтобы кто-то страдал от похмелья. Мне недоставало духа пить его, как пили они. Но, думаю, сегодня я попробую. Принеси мне дольки лимона.

Рикки Ли принес четыре и аккуратно положил на новую бумажную салфетку рядом с пивным стаканом виски. Хэнском взял одну дольку, запрокинул голову, как человек, собравшийся закапать капли в глаз, а потом начал выжимать лимонный сок в правую ноздрю.

— Господи Иисусе! — в ужасе воскликнул Рикки Ли.

Горло Хэнскома двигалось. Лицо побагровело — а потом Рикки Ли увидел, как слезы текут от уголков глаз к ушам. В музыкальном автомате сменилась пластинка. «Спиннерс»* пели о человекерезиновой ленте. «О боже, просто не знаю, сколько я смогу выдержать», — пели «Спиннерс».

Хэнском на ощупь нашел на стойке вторую дольку лимона и выжал сок в другую ноздрю.

— Вы же, на хрен, убьете себя, — прошептал Рикки Ли.

Хэнском бросил оба выжатых клинышка на стойку. Его глаза горели красным, он тяжело и часто дышал. Лимонный сок вытекал

* «The Spinners» — американская музыкальная группа, работающая в стиле соул. Выступает с 1961 г. и по настоящее время.

из ноздрей, прокладывая путь к уголкам рта. Хэнском схватил пивной стакан, поднял и осушил на треть. Замерев, Рикки Ли наблюдал, как кадык мистера Хэнскома ходит вверх-вниз.

Архитектор поставил стакан на стойку, дважды содрогнулся, потом кивнул. Посмотрел на Рикки Ли и чуть улыбнулся. Краснота из глаз ушла.

— Срабатывает, как они и говорили. Ты настолько занят своим носом, что совершенно не чувствуешь, что течет в горло.

— Вы сошли с ума, мистер Хэнском, — просипел Рикки Ли.

— Можешь поспорить на свою шкуру. Помнишь эту фразу, Рикки Ли? В нашем детстве она была в ходу. «Можешь поспорить на свою шкуру». Я тебе говорил, что раньше был толстым?

— Нет, сэр, никогда не говорили, — прошептал Рикки Ли. Он уже не сомневался, что мистер Хэнском получил известие столь чудовищное, что действительно мог рехнуться... во всяком случае, на какое-то время.

— Я был жиртрестом. Никогда не играл в бейсбол или баскетбол. В салочки меня всегда ловили первым, я не мог убежать даже от самого себя. Я был толстым, все так. И в моем родном городе жили парни, которые частенько гонялись за мной. Реджинальд Хаггинс, которого все звали Рыгало Хаггинс. Виктор Крисс. Несколько других. Но мозговым центром той компании был Генри Бауэрс. Если эту землю когда-нибудь и топтал ногами действительно гадкий мальчишка, Рикки Ли, то это был Генри Бауэрс. Он гонялся не только за мной. Моя беда была в том, что я не мог убегать так быстро, как остальные.

Хэнском расстегнул пуговицы рубашки, распахнул ее. Наклонившись вперед, Рикки Ли увидел необычной формы шрам. На животе мистера Хэнскома, повыше пупка. Побелевший, разгладившийся, старый. Буква! Кто-то вырезал заглавную букву «Эйч» на животе мужчины, судя по всему, задолго до того, как мистер Хэнском стал мужчиной.

— Это сделал со мной Генри Бауэрс. Тысячу лет тому назад. Мне повезло, что он не вырезал у меня на животе все свое чертово имя*.

— Мистер Хэнском...

Хэнском взял две другие лимонные дольки, по одной в руку, запрокинул голову и закапал в ноздри лимонный сок. Содрогнул-

* На английском языке имя Генри пишется Henry.

ся, положил выжатые клинышки на стойку, сделал два больших глотка из стакана. Опять содрогнулся, сделал еще глоток, ухватился за край стойки, закрыл глаза. На какие-то мгновения застыл, держась за стойку, как человек на яхте, плывущей по бурному морю, держится за леер, чтобы его не снесло за борт. Потом открыл глаза и улыбнулся Рикки Ли:

— Я могу играть в эту игру всю ночь.

— Мистер Хэнском, мне бы хотелось, чтобы вы это прекратили, — нервно бросил Рикки Ли.

Подошла Энни с подносом, попросила налить два «Миллера». Рикки Ли наполнил два стакана, отдал ей. Ноги у него стали ватными.

— С мистером Хэнскомом все в порядке, Рикки Ли? — спросила Энни. Смотрела она мимо него, и Рикки Ли повернулся, чтобы проследить ее взгляд. Мистер Хэнском перегнулся через стойку и осторожно брал дольки лимона из пластиковой коробки, в которой Рикки Ли держал фрукты для напитков.

— Не знаю. Думаю, что нет.

— Тогда вынь палец из своей задницы и сделай что-нибудь. — Энни, как и большинство других женщин, неровно дышала к Бену Хэнскому.

— Не могу. Мой отец всегда говорил, если человек в здравом уме...

— Твоему отцу Бог дал меньше мозгов, чем суслику. Оставь своего отца в покое. Ты должен положить этому конец, Рикки Ли. Он же собирается себя убить.

Получив указание к действию, Рикки Ли вернулся к тому месту, где сидел Бен Хэнском.

— Мистер Хэнском, я действительно думаю, что...

Хэнском запрокинул голову. Выжал обе дольки. Фактически втянул в себя сок, словно кокаин. Глотнул виски, как воду. Строго посмотрел на Рикки Ли.

— Бух-бах, мы танцуем и поем, очень весело живем, — прервал он Рикки Ли и рассмеялся. Виски в стакане осталось на донышке.

— Этого достаточно. — Рикки Ли потянулся к стакану.

Хэнском мягко отодвинул его за пределы досягаемости.

— Хуже уже не будет, Рикки Ли. Хуже уже не будет, друг мой.

— Мистер Хэнском, пожалуйста...

— У меня кое-что есть для твоих мальчишек, Рикки Ли. Черт, я чуть не забыл!

Он полез в один из карманов вылинявшей джинсовой жилетки, надетой поверх рубашки. Рикки Ли услышал приглушенный звон.

— Мой отец умер, когда мне было четыре года, — продолжил Хэнском. Язык его нисколько не заплетался. — Оставил нам кучу долгов и это. Я хочу отдать их твоим мальчишкам, Рикки Ли. — Он положил на стойку три серебряных доллара, и монеты заблестели под мягким светом ламп.

У Рикки Ли перехватило дыхание.

— Мистер Хэнском, вы очень добры, но я не могу...

— Их было четыре, но один я отдал Заике Биллу и остальным. Билл Денбро, так его звали на самом деле. Это мы называли его Заикой Биллом... так же, как говорили «Можешь поспорить на свою шкуру». Он был одним из моих лучших друзей... нескольких моих лучших друзей. Даже у такого толстяка, как я, могло быть несколько друзей. Теперь Заика Билл писатель.

Рикки Ли практически не слышал мистера Хэнскома, он зачарованно смотрел на большие серебряные монеты, «фургонные колеса». Отчеканенные в 1921-м, 1923-м и 1924-м годах. Одному Богу известно, сколько они сейчас стоили, даже если говорить только о серебре, из которого их изготовили.

— Я не могу, — повторил он.

— Но я настаиваю. — Мистер Хэнском поднял пивной стакан и допил виски. Ему полагалось лежать в отрубе, но его глаза не отрывались от лица Рикки Ли. Глаза эти чуть слезились, налились кровью, но Рикки Ли поклялся бы на стопке Библий, что на него смотрели глаза трезвого человека.

— Вы малость пугаете меня, мистер Хэнском, — ответил ему Рикки Ли. Двумя годами раньше Грешэм Арнольд, алкаш, в определенном смысле местная знаменитость, пришел в «Красное колесо» с валиком аккуратно завернутых в бумажку четвертаков в руке и двадцаткой, засунутой под ленту шляпы. Валик протянул Энни, наказав ей скармливать четвертаки музыкальному автомату по четыре разом. Двадцатку положил на стойку и велел Рикки Ли угощать всех. Этот алкаш, этот Грешэм Арнольд, когда-то давно был звездой школьной баскетбольной команды «Хемингфордовские тараны» и привел их к первой (и скорее всего последней) победе в

чемпионате средних школ. Случилось это в 1961 году. Тогда перед ним открывалось радужное будущее, но после первого семестра его выгнали из университета Луизианы: он пал жертвой выпивки, наркотиков, ночных гулянок. Грешэм вернулся домой, разбил желтый кабриолет, который родители подарили ему на окончание школы, пошел работать старшим продавцом в дилерский центр тракторов «Джон Дир», принадлежащий его отцу. Прошло пять лет. Отец не мог заставить себя уволить его, поэтому продал дилерский центр и уехал в Аризону, состарился раньше времени, глядя на необъяснимую и, по всей видимости, необратимую деградацию сына. Пока дилерский центр принадлежал его отцу, младший Арнольд хотя бы ходил на работу, он предпринимал хоть какие-то усилия, чтобы не давать себе волю с выпивкой. Но после того как дилерский центр перешел в другие руки, его уже больше ничего не сдерживало. Он бывал злобным, но в тот день, когда появился в «Красном колесе» с четвертаками и поставил всем выпивку, был мягким и пушистым, как котенок, и все тепло благодарили его, а Энни ставила песни Мо Бэнди, потому что Грешэм Арнольд любил Мо Бэнди. Он сидел в баре (на том самом стуле, где сейчас сидел мистер Хэнском, внезапно осознал Рикки Ли, и его тревога только усилилась), выпил три или четыре стаканчика бурбона с горькой настойкой, пел вместе с музыкальным автоматом, никому не доставлял хлопот, ушел домой после того, как Рикки Ли закрыл «Колесо», и повесился на ремне в чулане наверху. И глаза Грешэма Арнольда в тот вечер чуть напоминали глаза Бена Хэнскома в этот самый момент.

— Немного пугаю тебя, да? — спросил Хэнском, не отрывая взгляда от Рикки Ли. Он отодвинул пивной стакан и аккуратно положил руки на стойку, перед тремя серебряными долларами. — Но ты испуган не так, как я, Рикки Ли. Молись Господу, чтобы тебе никогда не испытать такого страха.

— А в чем дело? — спросил Рикки Ли. — Может... — Он облизнул губы. — Может, я могу помочь?

— В чем дело? — Бен Хэнском рассмеялся. — Знаешь, ничего особенного. Сегодня вечером позвонил мой давний друг. Его зовут Майк Хэнлон. Я все о нем забыл, Рикки Ли, но меня это особо не испугало. В конце концов, я знал его ребенком, а дети забывчивы, так? Конечно, забывчивы. Можешь поспорить на свою шкуру. Испугало меня другое. На полпути сюда до меня дошло, что я забыл не только Майка. Я забыл о том, что был ребенком.

Рикки Ли молча смотрел на него. Не понимал, о чем говорил мистер Хэнском... но он боялся, все так. Сомнений тут быть не могло. Страх действовал на Бена Хэнскома странным образом, но был настоящим.

— Я хочу сказать, что забыл все. — Костяшками правой руки он легонько постучал по стойке, подчеркивая свои слова. — Ты когда-нибудь слышал, Рикки Ли, об абсолютной амнезии, когда ты даже не знаешь, что у тебя амнезия?

Рикки Ли покачал головой.

— Я тоже. Но сегодня вечером, когда я ехал в «кэдди», воспоминания внезапно обрушились на меня. Я вспомнил Майка Хэнлона, но только потому, что он позвонил мне по телефону. Я вспомнил Дерри, но только потому, что оттуда он звонил.

— Дерри?

— Но это все. А поразило меня то, что я не думал о том, что был ребенком с... даже не знаю, с каких времен. А потом воспоминания хлынули потоком. В том числе я вспомнил, что мы сделали с четвертым серебряным долларом.

— И что вы с ним сделали, мистер Хэнском?

Хэнском посмотрел на часы, внезапно соскользнул со стула. Чуть покачнулся... самую малость. И все.

— Не могу больше тратить время. Сегодня я улетаю.

На лице Рикки Ли тут же отразилась тревога, и Хэнском рассмеялся:

— Улетаю, а не сажусь за штурвал. Сегодня — нет. Рейсом «Юнайтед эйрлайнс», Рикки Ли.

— Ох. — Наверное, на лице его тревога сменилась облегчением, но ему было без разницы. — И куда летите?

Рубашка Хэнскома оставалась распахнутой. Он посмотрел на перекрестные белые линии старого шрама на животе и начал застегивать пуговицы.

— Думал, что говорил тебе, Рикки Ли. Домой. Я лечу домой. Отдай эти доллары своим мальчишкам. — Он двинулся к двери и что-то в его походке, даже в том, как он подтянул штаны, ужаснуло Рикки Ли. Сходство с умершим и не вызвавшим всеобщей скорби Грешэмом Арнольдом вдруг стало таким явным, что создалось ощущение, будто он видит призрак.

— Мистер Хэнском! — в испуге выкрикнул он.

Хэнском обернулся, и Рикки Ли быстро отступил на шаг. Ткнулся задом в столик под зеркалом. Зазвенели стаканы, стоявшие ря-

дышком бутылки стукнулись друг о друга. Он отступил на шаг, потому что со всей очевидностью понял — Бен Хэнском мертв. Да, Бен Хэнском где-то лежит мертвым, в кювете, на чердаке, а возможно, висит в чулане с ремнем на шее, и носки его ковбойских сапог стоимостью в четыре сотни долларов на дюйм или два не достают до пола, а рядом с музыкальным автоматом стоял и смотрел на него призрак. На мгновение (только на мгновение, но этого хватило, чтобы гулко бьющееся сердце покрылось коркой льда) он убедил себя, что может видеть сквозь этого человека столы и стулья.

— Что такое, Рикки Ли?

— Н-н... ничего.

Бен Хэнском смотрел на Рикки Ли. Под глазами висели лиловые мешки, щеки горели от выпитого виски, ноздри покраснели, как при простуде.

— Ничего, — вновь прошептал Рикки Ли, но не мог оторвать взгляда от этого лица, от лица человека, который умер, погрязнув в грехе, и теперь стоит перед дымящейся боковой дверью ада.

— Я был толстым, а наша семья — бедной, — заговорил Бен Хэнском. — Теперь я это помню. И я помню, что то ли девочка, которую звали Беверли, то ли Заика Билл спасли мою жизнь с помощью серебряного доллара. Я до безумия боюсь того, что еще могу вспомнить, прежде чем закончится этот день, но мой испуг не имеет ровно никакого значения, потому что я обязательно все вспомню. Все воспоминания остались, они растут в моем сознании, как большой пузырь. Но я еду по одной причине: всем, что у меня когда-то было и есть сейчас, я обязан тому, что мы тогда сделали, а в этом мире принято платить за то, что ты получаешь. Возможно, поэтому Бог создал нас сначала детьми, чтобы мы были ближе к земле. Он знал, что тебе придется часто падать и разбиваться в кровь, прежде чем ты выучишь этот простой урок. Ты платишь за то, что получаешь, тебе принадлежит то, за что ты платишь... и рано или поздно то, что тебе принадлежит, возвращается к тебе.

— Вы ведь вернетесь на уик-энд, да? — спросил Рикки Ли онемевшими губами. Тревога его росла, и он смог найти и ухватиться только за эту соломинку. — Вы появитесь у нас в этот уик-энд, как и всегда?

— Не знаю, — ответил мистер Хэнском и улыбнулся жуткой улыбкой. — На этот раз я отправляюсь куда дальше Лондона, Рикки Ли.

— Мистер Хэнском!..

— Отдай эти монеты своим мальчишкам, — повторил Хэнском и выскользнул в ночь.

— Что за черт? — спросила Энни, но Рикки Ли не обратил на нее внимания. Он откинул перегородку, выскочил из-за барной стойки, подбежал к одному из окон, выходящих на автомобильную стоянку. Увидел, как вспыхнули фары «кэдди» мистера Хэнскома, услышал, как заработал двигатель. Он выехал со стоянки, подняв шлейф пыли. Красные фонари превращались в красные точки, по мере того, как «кэдди» уезжал все дальше по шоссе 63, а ночной ветер Небраски разгонял поднятую пыль.

— Он столько выпил, а ты позволил ему сесть за руль большого автомобиля и уехать, — набросилась на Рикки Ли Энни. — Ну, ты и гусь, Рикки Ли.

— Не бери в голову.

— Он же убьется.

И хотя именно так Рикки Ли думал пятью минутами раньше, он повернулся к Энни, когда задние огни «кэдди» скрылись из виду, и покачал головой:

— Сомневаюсь. Хотя судя по тому, как он выглядел, для него было бы лучше, если б убился.

— Что он тебе сказал?

Рикки Ли снова покачал головой. Все, сказанное мистером Хэнскомом, смешалось в кучу, а в итоге получался пшик.

— Не важно. Но не думаю, что мы еще его увидим.

4

Эдди Каспбрэк собирает лекарства

Если вы хотите узнать все, что нужно знать об американце или американке, принадлежащих к среднему классу и живущих в самом конце второго тысячелетия, вам нужно всего лишь заглянуть в его или ее шкафчик-аптечку — так по крайней мере говорят. Но, Господи Иисусе, загляните в тот, что открывает Эдди Каспбрэк, сдвигая дверцу-зеркало, стирая тем самым свое бледное лицо и широко раскрытые глаза.

На верхней полке — анацин, экседрин, экседрин ПМ, контак, гелусил, тайленол, большая синяя банка растирки «Викс» (густые сумерки, укрывшиеся за стеклом), бутылочка виварина, бутылочка серутана (серутан — это от природы, только наоборот, как говорил Лоуренс Уэлк*, когда Эдди Каспбрэк был еще маленьким), две бутылочки магнезии Филлипса, обычной, по вкусу напоминавшей жидкий мел, и с новым мятным вкусом, тот же жидкий мел, но с привкусом мяты. Большой флакон «Ролэйдс» по-приятельски соседствует с большим флаконом «Тамс»**. Следом за «Тамс» стоит большой флакон таблеток ди-гель с апельсиновым вкусом. Все три напоминают копилки, наполненные таблетками вместо монет.

Вторую полку занимают витамины: витамин Е, витамин С, витамин С с плодами шиповника. Просто витамин В, комплекс витаминов В и витамин В-12. Лизин, который должен помогать при раздражениях кожи, лецитин, который должен препятствовать повышению холестерина внутри и вокруг Большого насоса. Препараты железа, кальция и рыбий жир. Мультикомплекс «Одна-в-день». Мультикомплекс «Миадекс». Мультикомплекс «Центрум». И на шкафчике-аптечке — огромная бутылка геритола, для полного комплекта.

Спустившись на третью полку, мы попадаем в мир практичных представителей патентованных лекарств. Экс-лакс. Маленькие пилюли Картера. Эти два препарата способствуют перемещению «почты» по кишечнику Эдди Каспбрэка. Компанию им составляют каопектат, пепто-бисмол и преперейшн-эйч, на случай, если «почта» движется слишком быстро или болезненно. Гигиенические салфетки «Такс» в банке с навинчивающейся крышкой необходимы, чтобы прибраться после доставки «почты», независимо от того, состоит она из одного-двух рекламных листков или прибывает большая посылка. Формула-44 помогает при кашле, найкуил и драйстан — при простуде. Есть и бутылка касторового масла. С покраснением горла могут бороться пастилки «Сукретс» в жестянке. Растворов для полоскания рта Эдди держит четыре: хлорасептик, цепакол, цепестат (спрей) и, разумеется, проверенный листерин, который час-

---

* Слабительное серутан активно рекламировалось на радио и телевидению в 1930—1960-е гг., в том числе и на «Шоу Лоуренса Уэлка». Обыгрывается Serutan — Nature's.

** «Ролэйдс» и «Тамс» — нейтрализаторы кислотности, конкурирующие на рынке.

то имитировали, но так и не смогли создать полный аналог. Визин и мюрин — для глаз. Кортейд и мазь неоспорин — от повреждений кожи (вторая линия защиты, если лизин не оправдывал ожиданий). Тюбик окси-5 соседствует с пластиковой бутылочкой окси-уош (Эдди предпочитал иметь на несколько центов меньше, чем на несколько прыщей больше). Тут же тетрациклиновые капсулы.

А в самом углу, отдельно, как какие-то конспираторы — три бутылки угольно-дегтярного шампуня.

Нижняя полка практически пуста, но лекарства на ней — куда более серьезные. Ладно, вы можете ознакомиться с ее содержимым. На этих таблетках можно улететь выше, чем на реактивном самолете Бена Хэнскома, и разбиться сильнее, чем Турман Мансон*. Тут валиум, перкодан, элавил и дарвон-комплекс. На этой полке стоит еще одна жестянка пастилок «Сукретс», но самих пастилок в ней нет. В жестянке — шесть таблеток куаалюда.

Эдди Каспбрэк верил в девиз бойскаутов**.

Он вошел в ванную, размахивая большой хозяйственной сумкой. Поставил ее на раковину, расстегнул молнию, а потом трясущимися руками начал загружать туда пузырьки, бутылочки и бутылки, банки, тюбики, пластиковые бутылочки и спреи. При других обстоятельствах он аккуратно перекладывал бы их одну за другой, но для столь почтительного отношения времени сейчас не было. Потому что выбор, как это представлялось Эдди, стоял перед ним простой и жесткий: двигаться и продолжать двигаться или оставаться на одном месте достаточно долго для того, чтобы задуматься, что все это значит, и умереть от страха.

— Эдди? — позвала снизу Майра. — Эдди, что ты там де-е-е-елаешь?

Эдди бросил в сумку жестянку из-под пастилок, в которой теперь лежали таблетки куаалюда. Шкафчик-аптечка практически опустел. В нем остались только мидол Майры и выжатый чуть ли не до конца тюбик блистекса. Эдди замялся, потом схватил блистекс. Начал застегивать молнию, посоветовался сам с собой и отправил в сумку мидол. Майра всегда могла его купить.

— Эдди? — Майра уже преодолела половину лестницы.

---

* Мансон, Турман Ли (1947—1979) — известный американский бейсболист. Погиб в возрасте 32 лет при попытке посадить личный самолет.

** Девиз бойскаутов — «Будь готов!»

Эдди до конца застегнул молнию и вышел из ванной, размахивая сумкой. Невысокий мужчина, с мягким лицом, в котором было что-то от кролика. Большинства волос он уже лишился, остальные росли островками, которые постоянно уменьшались. Вес сумки заставлял его клониться в сторону.

Огромных габаритов женщина медленно поднималась на второй этаж. Эдди слышал, как протестующе скрипели под ней ступени.

— Что ты ДЕ-Е-Е-ЕЛАЕШЬ?

Эдди не требовался психоаналитик, чтобы понять: женился он в определенном смысле на своей матери. Габариты Майры Каспбрэк потрясали. Пятью годами раньше, когда Эдди женился на ней, она была всего лишь крупной женщиной, но он подсознательно чувствовал (иногда приходили к нему такие мысли), что она будет прибавлять и прибавлять. Белая ночная рубашка вздымалась волнами на груди и бедрах. И каким-то образом Майра стала еще более огромной, когда добралась до лестничной площадки второго этажа. Ее бледное, ненакрашенное лицо блестело. Выглядела она жутко испуганной.

— Мне нужно ненадолго уехать, — объяснил Эдди.

— Что значит «уехать»? Кто тебе звонил?

— Не важно. — Он проскочил через коридор в гардеробную. Поставил хозяйственную сумку на пол, открыл складную дверь шкафа, сдвинул в сторону полдесятка одинаковых черных костюмов, которые висели рядком, выделяясь грозовым облаком среди другой, более яркой одежды. На работу он всегда надевал черный костюм. Он наклонился в глубины шкафа, где пахло пылью и шерстью, вытащил один из чемоданов, стоявших у дальней стены. Раскрыл и начал бросать туда одежду.

На него упала тень Майры.

— Что все это значит, Эдди? Куда ты собираешься? Скажи мне!

— Я не могу тебе сказать!

Майра стояла, наблюдая за ним, пытаясь решить, что теперь сказать, что сделать. Возникла мысль запихнуть его в шкаф и придавить дверь своим телом, пока не пройдет этот приступ безумия, но она не могла заставить себя пойти на такое, хотя у нее наверняка бы получилось: ростом она превосходила Эдди на три дюйма, а весила на сотню фунтов больше. Она не знала, ни что ей сделать, ни что сказать, потому что никогда еще он так себя не вел. Не мог-

ла сказать, испугалась бы она еще больше, если б вошла в гостиную и увидела их новенький телевизор с большим экраном, парящим в воздухе.

— Ты не можешь уехать, — услышала она свой голос. — Ты обещал принести мне автограф Аль Пачино. — Абсурд, конечно, Бог свидетель, но в такой момент и от абсурда толку больше, чем от молчания.

— Ты и без меня можешь получить этот автограф. Завтра сама будешь возить его по городу.

Ох, новый ужас присоединился к тем, что уже ворочались в ее бедной голове. Она вскрикнула.

— Я не смогу. Я никогда...

— Тебе придется. — Теперь он подбирал обувь. — Больше некому.

— На меня ни одна униформа не налезет — они узки мне в груди.

— Попроси Долорес расставить какую-нибудь, — жестко ответил Эдди. Бросил в чемодан две пары черных туфель, нашел пустую коробку, положил в нее третью пару. Хорошие черные туфли, их еще носить и носить, но выглядели они слишком потрепанными для работы. Если ты зарабатываешь на жизнь тем, что возишь по Нью-Йорку богачей, зачастую знаменитых богачей, все должно быть в лучшем виде. Эти туфли так не выглядели — но вполне могли сгодиться там, куда он отправлялся. И для того, что ему, возможно, придется делать, когда он доберется туда. Может, Ричи Тозиер...

Но тут в глазах потемнело, и он почувствовал, как начинает сдавливать горло. Эдди запаниковал — до него дошло, что, запаковав в сумку всю чертову аптеку, он оставил самое важное, свой ингалятор, на первом этаже, на стереосистеме.

Он захлопнул крышку чемодана, щелкнул замками. Повернулся к Майре, которая стояла в коридоре, прижав руку к короткой толстой колонне шеи, словно это она страдала астмой. Она просто смотрела на него, на лице читались недоумение и страх, и он бы мог пожалеть ее, если б его сердце не переполнял ужас за себя.

— Что случилось, Эдди? Кто тебе звонил? У тебя неприятности? Неприятности, да? Что у тебя за неприятности?

Он направился к ней, с хозяйственной сумкой в одной руке и чемоданом в другой. Теперь он не клонился в одну сторону, пото-

му что сумка и чемодан уравновешивали друг друга. Жена встала перед ним, перекрыв путь к лестнице, и поначалу он подумал, что она не сдвинется с места. Но в последний момент, когда его лицо едва не ткнулось в мягкий заслон ее груди, Майра отступила, испугавшись. А когда он проходил мимо, не сбавляя шагу, разрыдалась.

— Я не могу возить Аль Пачино! — заверещала она. — Я врежусь в знак «Стоп» или куда-нибудь еще. Я знаю, что врежусь, Эдди. Я бою-ю-ю-юсь!

Он посмотрел на часы «Сет Томас»*, стоявшие на столике у лестницы. Двадцать минут десятого. В «Дельте» какая-то дама официальным голосом сказала ему, что на последний самолет в Мэн, вылетающий из Ла-Гуардии в 20:25, он уже опоздал. Он позвонил в «Амтрак», и узнал, что последний поезд в Бостон отправляется с Пенн-стейшн в одиннадцать тридцать. На нем он мог добраться до Саут-стейшн, а оттуда взять такси до офиса «Кейп-Код лимузин» на Арлингтон-авеню. «Кейп-Код» и компания Эдди, «Ройал крест» много лет плодотворно сотрудничали. Один звонок Бутчу Кэррингтону в Бостон, и проблема с транспортом для поездки на север решилась: Бутч сказал, его будет ждать заправленный и готовый к отъезду «кадиллак». Так что он мог еще и проехаться с шиком, поскольку его не будет доставать рассевшийся на заднем сиденье клиент, попыхивающий вонючей сигарой и спрашивающий, не знает ли Эдди, где найти девочку, или несколько граммов кокаина, или и то, и другое.

«*Проехаться с шиком, это точно*», — подумал он. Шика этого могло прибавиться только в одном случае — если б его везли в катафалке. Но не волнуйся, Эдди. Обратно, тебя, возможно, так и повезут. Если, конечно, останется, что везти.

— Эдди?

Двадцать минут десятого. Еще есть время поговорить с ней, есть время проявить доброту. Ах, насколько было бы лучше, если б в этот вечер она играла в вист. Он бы просто выскользнул из дома, оставив записку под магнитом на двери холодильника (он всегда оставлял записки Майре на холодильнике, потому что там она их обязательно замечала). В таком уходе, чего там, побеге, не было

* «Сет Томас клок компании» — старейшая американская фирма по производству часов.

ничего хорошего, но сейчас получалось только хуже. Все равно что вновь покидать дом, и давалось ему это так же тяжело, как и первые три раза.

«*Дом там, где сердце,* — вдруг подумал Эдди. — *Я в это верю. Старина Бобби Фрост* говорил, что дом — то место, где тебя должны принять, когда ты туда придешь. К сожалению, это еще и место, откуда тебя не хотят выпускать, раз уж ты туда пришел*».

Он стоял на верхней ступеньке, временно утратив способность двигаться, обуянный страхом — воздух со свистом входил и выходил через игольное ушко, в которое превратилось дыхательное горло, — и смотрел на плачущую жену.

— Пойдем со мной вниз, и я расскажу все, что смогу, — предложил он.

В прихожей, у парадной двери, Эдди опустил на пол свою ношу, чемодан с вещами и хозяйственную сумку с лекарствами. Тут он вспомнил кое-что еще — или скорее призрак матери, которая умерла давным-давно, но частенько разговаривала с ним в его голове, напомнил ему.

«*Ты знаешь, когда у тебя промокают ноги, ты сразу простужаешься, Эдди... в отличие от других у тебя очень слабая иммунная система, поэтому тебе нужно соблюдать осторожность. Вот почему в дождь ты всегда должен надевать галоши*».

В Дерри частенько лило. Эдди открыл дверь стенного шкафа в прихожей, снял галоши с крючка, на котором они висели, аккуратно сложенные в пластиковом мешке, и положил в чемодан. «Хороший мальчик, Эдди».

Они с Майрой смотрели телевизор, когда грянул гром. И теперь Эдди вернулся в гостиную, где стоял телевизор «Мюралвижн», и нажатием кнопки опустил экран, такой огромный, что по воскресеньям Фримен Макнил** выглядел на нем заезжим гостем с Бробдингнега. Он снял трубку с телефонного аппарата и вызвал такси. Диспетчер пообещал, что машина подъедет через пятнадцать минут. Эдди ответил, что его это вполне устраивает.

Он положил трубку и схватил ингалятор, лежавший на их дорогом проигрывателе компакт-дисков «Сони». «Я потратил полторы тысячи баксов на первоклассную стереосистему, чтобы Майра не упустила ни одной золотой ноты, слушая свои записи Барри Ма-

* Фрост, Роберт (1874—1963) — один из крупнейших американских поэтов.

** Макнил, Фримен (р. 1959) — звезда американского футбола 1980-х гг.

нилоу и «Величайшие хиты «Супримс», — подумал он и тут же почувствовал укол совести. Жену он обвинял напрасно — он чертовски хорошо знал, что Майра слушала старые поцарапанные пластинки с тем же удовольствием, что и новые, размером с сорокапятку*, лазерные диски, точно так же, как с радостью жила бы в Куинсе, в их маленьком четырехкомнатном домике, пока оба не состарились бы и не поседели (и, по правде говоря, на горе Эдди Каспбрэка уже появился снежок). Он купил стереосистему класса «люкс» по той же причине, что и дом из плитняка на Лонг-Айленде, где они вдвоем напоминали две последние горошины в консервной банке, — потому что мог себе это позволить и потому что этим он ублажал мягкий, испуганный, часто недоумевающий, но всегда безжалостный голос матери; этим он говорил: «Я это сделал, мамуля! Посмотри! Я это сделал! А теперь будь так любезна, ради бога, хоть на время заткнись!»

Эдди сунул ингалятор в рот, как человек, имитирующий самоубийство, и нажал на клапан. Облако отвратительно лакричного вкуса заклубилось и устремилось в горло. Эдди глубоко вдохнул. Почувствовал, как освобождаются почти полностью перекрытые дыхательные пути. Сдавленность уходила из груди, но внезапно он услышал в голове голоса, голоса-призраки.

«Разве вы не получили записку, которую я вам посылала?»

«Получил, миссис Каспбрэк, но...»

«Что ж, на случай, если вы ее не прочитали, тренер Блэк, позвольте мне озвучить ее лично. Вы готовы?»

«Миссис Каспбрэк...»

«Хорошо. Тогда слушайте. С моих губ да в ваши уши. Готовы? Мой Эдди не может заниматься физкультурой. Повторяю: он не МОЖЕТ заниматься физкультурой. Эдди очень слабенький, и если он побежит... если он прыгнет...»

«Миссис Каспбрэк, у меня в кабинете лежат результаты последнего медосмотра Эдди. Это требование департамента образования штата. Там указано, что рост Эдди чуть меньше нормы для его возраста, но в остальном он в полном здравии. Я позвонил вашему семейному врачу, чтобы развеять последние сомнения, и он подтвердил...»

---

* Сорокапятка — виниловая пластинка, вращающаяся со скоростью 45 оборотов в минуту.

«Вы говорите, что я лгунья, тренер Блэк? Это так? Что ж, вот он, Эдди, стоит рядом со мной! Вы слышите, как он дышит? СЛЫШИТЕ?»

«Мама... пожалуйста... все у меня хорошо...»

«Эдди, ты лучше помолчи. Или ты забыл, чему я тебя учила? Не перебивай старших».

«Я слышу, миссис Каспбрэк, но...»

«Слышите? Это хорошо! Я думала, может, вы оглохли! Он дышит, как грузовик, поднимающийся в гору на низкой передаче, так? И если это не астма...»

«Мама, я не...»

«Успокойся, Эдди, не перебивай меня. Если это не астма, тренер Блэк, тогда я королева Елизавета!»

«Миссис Каспбрэк, Эдди нравится заниматься физкультурой. Он любит игры и бегает очень даже быстро. В моем разговоре с доктором Бейнсом упоминался термин «психосоматический». Я думаю, вы не рассматривали вероятность того...»

«...что мой сын — сумасшедший? Вы это пытаетесь мне сказать? ВЫ ПЫТАЕТЕСЬ СКАЗАТЬ, ЧТО МОЙ СЫН — СУМАСШЕДШИЙ?»

«Нет, но...»

«Он слабенький».

«Миссис Каспбрэк...»

«Мой сын очень слабенький».

«Миссис Каспбрэк, доктор Бейнс подтвердил, что физически Эдди...»

— ...совершенно здоров, — закончил Эдди. Этот унизительный эпизод (его мать кричала на тренера Блэка в спортивном зале начальной школы Дерри, когда он стоял рядом с ней, сжавшись в комок, а другие дети собрались под одним из баскетбольных колец и наблюдали) вспомнился ему впервые за долгие годы. И он знал — это не единственное воспоминание, которое разбудил телефонный звонок Майка Хэнлона. Уже чувствовал, как многие другие, такие же плохие или еще хуже, толкутся у входа в его сознание, совсем как толпа рвущихся на распродажу покупателей, штурмующая узкое горлышко — двери универмага. Но горлышко не могло их сдержать. Он в этом не сомневался. И что они найдут на этой распродаже? Его рассудок? Возможно. За полцены. С повреждениями от дыма и воды. Все должно уйти.

— Физически совершенно здоров, — повторил он, глубоко, со всхлипами вдохнул и сунул ингалятор в карман.

— Эдди, — взмолилась Майра, — пожалуйста, скажи, что все это значит?

Дорожки от слез заблестели на пухлых щеках. Руки, сведенные вместе, пребывали в непрерывном мельтешении, пара играющих безволосых, розовых зверьков. Однажды, буквально перед тем, как предложить Майре выйти за него замуж, он взял ее фотографию, которую она ему подарила, и поставил рядом с фотографией матери, скончавшейся от острой сердечной недостаточности в шестьдесят четыре года. Ко дню смерти мать Эдди весила больше четырехсот фунтов — если точно, четыреста шесть. Выглядела она тогда чудовищно, не тело, а раздувшиеся грудь, зад и живот, и поверх этого — одутловатое, постоянно испуганное лицо. Но фотографию, рядом с которой он поставил фотографию Майры, сделали в 1944 году, за два года до его рождения (*«Младенцем ты постоянно болел*, — прошептал в ухо голос призрака матери. — *Мы постоянно дрожали за твою жизнь...»*). В 1944 году мать была вполне стройной женщиной и весила всего лишь сто восемьдесят фунтов.

Это сравнение он провел, вероятно, в последней отчаянной попытке остановить себя от психологического инцеста. Он переводил взгляд с матери на Майру и обратно.

Они могли бы быть сестрами — так походили друг на друга.

Эдди смотрел на две практически идентичные фотографии и говорил себе, что никогда не совершит такого безумства. Он знал, что парни на работе уже отпускали шуточки насчет Джека Спрата и его жены*, но они ничего не знали о его матери. Шутки и насмешки он еще мог снести, но действительно ли хотел стать клоуном в этом фрейдистском цирке? Нет. Не хотел. Он решил, что порвет с Майрой. Сделает это мягко, не травмируя ее нежную душу, потому что опыта по части мужчин у нее было даже меньше, чем у него — по части женщин. А потом, после того как она уплыла бы с горизонта его жизни, он мог бы начать брать уроки тенниса, о чем давно мечтал (Эдди нравится заниматься физкультурой), или купить абонемент в бассейн отеля «Плаза» (он любит игры), не говоря уже

* Джек Спрат и его жена — синоним семейной пары, в которой муж — худой и низкорослый, а жена — высокая и толстая.

о клубе здоровья, который открылся на Третьей авеню напротив гаража...

(*Эдди бегает очень даже быстро когда рядом нет никого кто мог бы напомнить ему какой он слабенький и я вижу по его лицу миссис Каспбрэк что даже в девятилетнем возрасте он знает что самый лучший подарок который он может сделать себе в этом мире убежать в любом направлении в котором вы миссис Каспбрэк не разрешаете ему убежать*).

Но в итоге он все равно женился на Майре. В итоге устоявшийся образ жизни и старые привычки оказались слишком сильны. И дом оказался тем самым местом, где тебя сажают на цепь, когда ты приходишь туда. Да, конечно, он мог прогнать пинками призрак матери. Это далось бы ему нелегко, но он знал, что такое ему по силам, если бы от него требовалось только это. Это Майра не дала ему вырваться на свободу, обрести независимость. Приговорила его к новому сроку своей заботливостью, спеленала тревогой, заковала в цепи лаской. Майра, как и его мать, открыла для себя тайну его характера: Эдди отличала особая болезненность, потому что иногда он подозревал, что никаких болезней у него нет; требовалось оберегать Эдди от всех его робких потуг проявить храбрость и мужество.

В дождливые дни Майра обязательно доставала галоши из пластикового мешка в стенном шкафу и ставила у вешалки рядом с дверью. Помимо гренка из пшеничной муки (без масла) на стол перед Эдди каждое утро ставилось блюдечко, многоцветное содержимое которого с первого взгляда казалось переслащенными фигурками из овсяной муки (теми, что дают детям). На самом деле на блюдечке лежали витамины (из тех самых бутылочек, которые Эдди сгреб в хозяйственную сумку). Майра, как его мать, интуитивно все поняла, так что шансов у него не было. Молодым и неженатым он трижды уходил от матери и трижды возвращался домой. Потом, через четыре года после того, как его мать умерла в прихожей своей квартиры в Куинсе, так заблокировав входную дверь собственным телом, что бригаде «скорой помощи» (их вызвали соседи снизу, когда услышали грохот, с каким миссис Каспбрэк упала на пол для последнего отсчета) пришлось ломать запертую дверь из кухни на лестницу черного хода, он вернулся домой в четвертый и последний раз. Во всяком случае, тогда он верил, что это будет последний раз. Снова дома, снова дома, Боже милостивый мой, снова

дома, снова дома, с Майрой-свиньей. Она была свиньей, но не просто толстой, а еще и дорогой ему свиньей: он ее любил, так что никакого шанса для него практически не было. Она притянула его к себе змеиным гипнотическим взглядом понимания. «Снова дома и насовсем», — тогда подумал он.

«*Но, может, я ошибался*, — подумал он теперь. — *Может, это не дом, и никогда не был домом... может, дом — то самое место, куда я должен сегодня ехать. Дом — место, где ты должен, когда приходишь туда, столкнуться лицом к лицу с тварью в темноте*».

Его затрясло, словно он вышел на улицу без галош и сильно простудился.

— Эдди, пожалуйста!

Она снова заплакала. Слезы были ее последней линией обороны, как и у его матери: жидкое оружие, вызывающее паралич, превращающее добро и нежность в фатальные бреши в броне.

Да и не носил он никакой брони — доспехи не очень-то ему шли.

Его мать видела в слезах не только оборонительное средство, но и наступательное оружие. Майра редко использовала слезы так цинично... но, цинично или нет, Эдди понимал, что сейчас она пытается использовать их с этой целью — и тактика эта приносила успех.

Он не мог позволить ей победить. Это же так легко — подумать, как одиноко ему будет сидеть в вагоне поезда, мчащегося сквозь темноту на север, в Бостон, с чемоданом на полке над головой и хозяйственной сумкой с лекарствами между ног, со страхом, давящим на грудь, словно банка с прогорклой растиркой «Викс». Так легко позволить Майре увести его наверх и ублажить парой таблеток аспирина. А потом уложить в постель, где ублажить еще раз, уже по-настоящему... или не ублажить.

Но он обещал. Обещал.

— Майра, послушай меня, — заговорил он нарочито сухо, деловым тоном.

Она смотрела на него влажными, беззащитными, испуганными глазами.

Он думал, что попытается все объяснить, насколько ему удастся; попытается рассказать ей о том, как Майк Хэнлон позвонил и сказал, что все началось снова, и да, он думает, что остальные уже едут.

Но с его губ сорвались другие слова, куда более безопасные.

— Утром первым делом поезжай в офис. Поговори с Филом. Скажи ему, что мне пришлось уехать, и Пачино повезешь ты...

— Эдди, я же не смогу! — заголосила она. — Он — такая большая звезда! Если я заблужусь, он накричит на меня, я знаю, что накричит, он будет кричать, они все кричат, когда водитель не знает дороги... и... я расплачусь... это может привести к аварии... Эдди... Эдди, ты должен остаться дома...

— Ради бога! Прекрати!

Она отшатнулась от его голоса; Эдди, хоть и держал ингалятор в руке, не пустил его в ход. Она восприняла бы это как слабость, которую попыталась бы использовать против него. «*Милый Боже, если Ты есть, пожалуйста, поверь мне, когда я говорю, что не хочу обижать Майру. Не хочу ранить ее, хочу обойтись даже без синяков. Но я обещал, мы все обещали, мы поклялись на крови, пожалуйста, Господи, помоги мне, потому что я должен это сделать...*»

— Я терпеть не могу, когда ты кричишь на меня, Эдди, — прошептала она.

— Майра, а я терпеть не могу, когда мне приходится на тебя кричать, — ответил он, и Майра дернулась. «*Видишь, Эдди, ты вновь причиняешь ей боль. Почему бы тебе сразу не погонять ее по комнате тумаками? С твоей стороны так будет даже милосерднее. И быстрее*».

Внезапно (вероятно, этот образ вызвала из памяти сама мысль о том, чтобы погонять кого-то по комнате тумаками) перед его мысленным взором возникло лицо Генри Бауэрса. Он подумал о Генри Бауэрсе впервые за много лет, и мысли эти не принесли ему успокоения. Скорее наоборот.

Он на несколько мгновений закрыл глаза, открыл и вновь обратился к Майре:

— Ты не заблудишься, и он не будет кричать на тебя. Мистер Пачино — очень милый человек, такой понимающий. — Он никогда в жизни не возил Пачино по городу, но исходил из того, что теория вероятности по крайней мере на стороне его лжи: в отличие от популярного мифа, согласно которому большинство звезд говнюки — Эдди на собственном опыте убедился, что это не так.

Встречались, конечно, исключения из этого правила, и в большинстве случаев эти исключения были настоящими чудовищами. Он очень надеялся, что Майре повезет и Пачино таковым не окажется.

— Правда? — смиренно спросила Майра.

— Да. Правда.

— Откуда ты знаешь?

— Деметриос возил его два или три раза, когда работал в «Манхэттен лимузин», — без запинки солгал Эдди. — Он говорил, что мистер Пачино всегда давал на чай, не меньше пятидесяти долларов.

— Я не против, если он даст мне и пятьдесят центов, лишь бы не кричал на меня.

— Майра, это так же просто, как раз-два-три. Первое, ты забираешь его у отеля «Сент-Реджис» в семь вечера и везешь в «Эй-би-си-билдинг». Они перезаписывают последнее действие пьесы, в которой играет Пачино. Если не ошибаюсь, называется она «Американский бизон». Второе, около одиннадцати ты отвозишь его обратно в «Сент-Реджис». Третье, возвращаешься в гараж, сдаешь автомобиль, расписываешься за выполнение работы.

— Это все?

— Это все. Ты с этим справишься, даже стоя на голове, Марти.

Она обычно смеялась, когда он называл ее этим ласковым именем, но теперь только смотрела с детской серьезностью:

— А если он захочет поехать куда-то на обед, вместо того чтобы возвращаться в отель? Или выпить? Или потанцевать?

— Я не думаю, что захочет, но, если выразит такое желание, ты его отвезешь. Если у тебя создастся впечатление, что гулять он собирается всю ночь, ты позвонишь Филу Томасу по радиотелефону сразу после полуночи. К тому времени у него будет свободный шофер, который сменит тебя. Я бы никогда не обратился к тебе, если б у меня был другой шофер, но двое болеют, Деметриос в отпуске, а все остальные в этот вечер заняты. К часу ночи ты точно будешь нежиться в своей постельке, Марти... к часу ночи — самое, самое позднее. Я ап-солютно это гарантирую.

Не рассмеялась она и на ап-солютно.

Он откашлялся и наклонился вперед, уперев локти в колени. Тут же призрак матери зашептал: «Не сиди так, Эдди. Это неудобная поза, у тебя сдавливаются легкие. У тебя такие слабые легкие».

Он вновь выпрямился, не вставая со стула, подавшись назад, едва заметив, что делает.

— Пусть это будет единственный раз, когда мне придется сесть за руль. — Она не говорила, а стонала. — За последние два года я стала такой коровой, и униформа теперь ужасно на мне сидит.

— Это будет единственный раз, клянусь.

— Кто позвонил тебе, Эдди?

И, будто ожидая этих слов, по стене заскользили огни, послышался одиночный автомобильный гудок: такси свернуло на подъездную дорожку. Волна облегчения прокатилась по телу Эдди. Они провели пятнадцать минут, говоря о Пачино, а не о Дерри, Майке Хэнлоне, Генри Бауэрсе, и что могло быть лучше? Лучше для Майры, лучше, само собой, и для него. Он не хотел думать или говорить об этом без крайней необходимости.

Эдди встал.

— Мое такси.

Майра поднялась так быстро, что наступила на подол ночной рубашки и повалилась вперед. Эдди ее поймал, но на мгновение возникли большие сомнения в том, что сможет удержать: она перевешивала его на добрую сотню фунтов.

А Майра продолжала гнуть свое:

— Эдди, ты должен мне рассказать.

— Не могу. Да и времени нет.

— Ты никогда ничего не скрывал от меня, Эдди. — Она заплакала.

— Я и сейчас не скрываю. Ничего не скрываю. Не помню, и все. Во всяком случае, пока не помню. Человек, который мне позвонил, был... и есть... давний друг. Он...

— Ты заболеешь, — в отчаянии запричитала она, следуя за ним, когда он вновь направился к прихожей. — Я знаю, что заболеешь. Позволь мне поехать с тобой, Эдди, пожалуйста, я позабочусь о тебе, Пачино может взять такси или доберется туда как-то иначе, от него не убудет, ты согласен со мной, правда? — Голос ее набирал силу, страха в нем прибавлялось, и, к ужасу Эдди, она все больше и больше напоминала ему мать, какой та выглядела в последние месяцы перед смертью: старой, толстой и безумной. — Я буду растирать тебе спину и следить, чтобы ты вовремя принимал таблетки... я... я буду помогать тебе... я не буду говорить с тобой, если ты не захочешь, но ты сможешь мне все рассказывать... Эдди... Эдди, пожалуйста, не уходи! Эдди, пожалуйста! Пожа-а-а-а-луйста!

Он уже пересекал прихожую, направляясь к парадной двери, вслепую, низко наклонив голову, как человек, идущий против сильного ветра. Каждый вдох вновь давался с трудом. Когда он поднял чемодан и хозяйственную сумку, весили они фунтов по сто. Он чувс-

твовал на спине ее пухлые, розовые руки, ощупывающие, поглаживающие, тянущие назад с беспомощным желанием, а не с реальной силой. Она старалась совратить его сладкими слезами тревоги, старалась вернуть.

«Я не смогу!» — в отчаянии подумал он. Астма разыгралась круто, с самого детства не было у него такого приступа. Он потянулся к дверной ручке, но она ускользала от него, ускользала в черноту дальнего космоса.

— Если ты останешься, я испеку тебе кофейный торт со сметаной, — лепетала Майра. — Мы поджарим попкорн... Я приготовлю твой любимый обед с индейкой... Если хочешь, приготовлю утром, на завтрак... Я начну прямо сейчас... потушу гусиные потроха... Эдди, пожалуйста, я боюсь, ты так пугаешь меня!

Она схватила его за воротник и потянула назад, как здоровяк-коп хватает подозрительного типа, который пытается удрать. В последнем, тающем усилии Эдди продолжал рваться к двери... и когда силы окончательно иссякли, как и воля к сопротивлению, он почувствовал, что ее пальцы разжались.

Еще один жалостливый вопль вырвался из груди Майры.

Но Эдди уже ухватился за ручку — благословенно прохладную ручку! Открыл дверь и увидел ждущее у дома такси, посланца из мира здравомыслия. Вечер выдался ясным. В небе сияли яркие звезды.

Он повернулся к Майре, в груди клокотало и свистело.

— Тебе надо понять, это совсем не то, что мне хотелось бы делать. Если б у меня был шанс... хоть малейший шанс... я бы не поехал. Пожалуйста, пойми это, Марти. Я уезжаю, но я вернусь.

Ох, это прозвучало, как ложь.

— Когда? Как долго тебя не будет?

— Неделю. Может, дней десять. Конечно же, не дольше.

— Неделю! — прокричала она, схватившись за грудь, как примадонна в плохой опере. — Неделю! Десять дней! Пожалуйста, Эдди! Пожа-а-а-а-а...

— Марти, прекрати. Договорились? Просто прекрати.

И каким-то чудом она прекратила: закрыла рот и просто стояла, глядя на Эдди влажными, обиженными глазами, не сердясь, только в ужасе за него и за себя. И, возможно, впервые за годы их знакомства, он почувствовал, что может любить ее без опаски. Потому что она отпускала его? Пожалуй, что да. Нет... «пожалуй» он

мог и опустить. Он знал, что да. Уже чувствовал, будто смотрит в телескоп не с того конца.

Так что, возможно, все было хорошо. И что он под этим понимал? Вывод, что может любить ее? Что может любить ее, пусть она и выглядит, как его мать в более молодые годы, пусть даже она ела печенье в кровати, когда смотрела «Хардкастл», Маккормика или «Фалькон крест», и крошки всегда попадали на его сторону, пусть даже она не умна, и пусть даже забывала про его лекарства в шкафчике-аптечке, потому что свои хранила в холодильнике?

А может быть...

Могло быть так, что...

Все эти другие идеи он рассматривал так или иначе, с одной стороны или с другой, по ходу своих туго сплетенных жизней сына, любовника, мужа; теперь же, когда он покидал дом, как ему казалось, действительно в последний раз, новая мысль сверкнула в голове, и озарение прошлось по нему, как крыло какой-то большой птицы.

А если Майра боялась даже больше, чем он?

А если его мать тоже?

Еще одно воспоминание о Дерри выстрелило из подсознания злобно шипящим фейерверком. На центральной улице находился обувной магазин. «Корабль обуви», так он назывался. Мать как-то раз привела его туда (он полагал, что ему было не больше пяти или шести лет) и велела сидеть тихо и быть хорошим мальчиком, пока она выберет пару белых туфель на свадьбу. Он сидел тихо и вел себя как положено хорошему мальчику, пока мать говорила с мистером Гарденером, одним из продавцов, но ему было только пять (или шесть) лет, а потому, когда матери не подошла уже третья пара принесенных мистером Гарденером белых туфель, заскучавший Эдди встал и направился в дальний конец магазина, чтобы получше рассмотреть некое сооружение, которое заинтересовало его. Поначалу он подумал, что это большой ящик, поставленный на попа. Подойдя ближе, решил, что это стол. Но, разумеется, более странного стола видеть ему еще не доводилось. Он был таким узким! Изготовили его из блестящего полированного дерева, украсили инкрустацией и резьбой. Опять же, к нему вел короткий лестничный пролет из трех ступенек — Эдди никогда не видел столов со ступенями. Вплотную приблизившись к этому необычному столу, он увидел, что у его основания — дырка, на боковой стороне — кнопка, а

наверху (его это просто заворожило) — нечто такое, что выглядело точь-в-точь, как космоскоп капитана Видео.

Эдди обошел стол и обнаружил надпись. Должно быть, ему уже исполнилось шесть лет, потому что он смог ее прочесть, шепча каждое слово:

«ВАША ОБУВЬ ВАМ ПОДХОДИТ? ПРОВЕРЬТЕ И УВИДИТЕ!»

Он вновь обошел стол, поднялся по трем ступенькам, сунул ступню в дырку у основания проверочного устройства. «Ваша обувь вам подходит?» Эдди этого не знал, но ему не терпелось проверить и увидеть. Он сунул лицо в резиновую маску и нажал на кнопку. Зеленый свет залил глаза. Он увидел свою ступню, плавающую внутри ботинка, заполненного зеленым дымом. Он шевелил пальцами ноги, и пальцы, на которые он смотрел, зашевелились — его пальцы, все точно, как он и подозревал. Тут он осознал, что может видеть не только сами пальцы; он может видеть и кости! Кости своей ступни! Он скрестил большой и второй пальцы, словно снимая последствия того, что солгал, и кости образовали букву «Х», только не белую, а гоблински-зеленую. Он мог видеть...

Тут пронзительно закричала его мать, этот панический крик разорвал тишину обувного магазина, как скрежет отлетевшего лезвия косилки, как пожарный колокол, как трубный глас. Эдди в страхе вскинул голову, оторвавшись от объектива, и увидел, как она бежит к нему через весь магазин, в одних чулках, с развевающимся позади платьем. Она сшибла стул, и одно из этих приспособлений для измерения размера ноги, которые всегда так щекотались, отлетело в сторону.

Ее грудь вздымалась. Рот превратился в алую букву «О», символизирующую ужас. Головы продавцов и других покупателей поворачивались в ее сторону.

— Эдди, слезь оттуда! — кричала она. — Слезь оттуда. От этих машин у тебя будет рак. Слезь оттуда! Эдди! Эдди-и-и-и-и...

Он попятился, будто машина внезапно раскалилась докрасна. В панике забыл про ступеньки. Каблуки соскользнули с верхней, и он начал медленно заваливаться назад, отчаянно замахал руками в уже проигранной битве за сохранение равновесия. И разве не подумал он тогда с безумной радостью: «Я падаю! Я упаду и узнаю на собственном опыте, каково это, упасть и удариться головой! Как же

здорово!» Разве он так не подумал? Или мужчина, которым он стал, вкладывает взрослые, служащие его целям мысли в голову ребенка, в которой всегда кишмя кишат сбивчивые догадки и смутные образы (образы, которые теряют смысл, обретя четкость)? Подумал... или попытался подумать?

В любом случае вопрос этот так и остался спорным. Он не упал. Мать подоспела вовремя. Мать поймала его. Он разрыдался, но не упал.

Теперь все смотрели на них. Он это помнил. Он помнил, как мистер Гарденер подобрал с пола приспособление для измерения размера ноги и проверил маленькие скользящие штучки, чтобы убедиться, что приспособление работает, а второй продавец поднял стул и один раз всплеснул руками, выразив пренебрежительное удивление, прежде чем его лицо вновь превратилось в любезно-бесстрастную маску. Лучше всего Эдди запомнил мокрую мамину щеку и ее кислое дыхание. Он помнил, как она вновь и вновь шептала ему в ухо: «Никогда больше этого не делай, никогда больше этого не делай, никогда больше!» Его мать словно произносила заклинание, отгоняющее беду. То же заклинание она произносила годом раньше, когда обнаружила, что няня отвела Эдди в общественный бассейн в Дерри-парк в особенно жаркий летний день. Случилось это, когда страх перед полиомиелитом начала 1950-х только-только начал сходить на нет. Она вытащила мальчика из бассейна, говоря, что он не должен этого делать, никогда, никогда, и все дети смотрели на них так же, как сейчас — продавцы и покупатели, а ее дыхание и тогда пахло чем-то кислым.

Она увела его из «Корабля обуви», крича продавцам, что она всех их засудит, если с ее мальчиком что-то случится. Все утро перепуганный Эдди то начинал, то прекращал плакать, и астма донимала его весь день. А ночью он долгие часы лежал без сна, гадая, что такое рак, хуже ли он полиомиелита, может ли он убить, как много времени ему на это потребуется, как тебе будет больно, прежде чем ты умрешь. Задавался он и вопросом, отправится ли он потом в ад.

Угроза была серьезной, это он точно знал.

Мама очень уж перепугалась. Вот откуда он знал.

Ее охватил такой дикий ужас.

— Марти, — позвал он через эту временну́ю пропасть, — ты меня поцелуешь?

Она поцеловала его и прижала к себе так крепко, что у него застонали кости спины. «Будь мы в воде, — подумал он, — она бы утопила нас обоих».

— Не бойся, — прошептал он ей на ухо.

— Ничего не могу с собой поделать! — заголосила она.

— Я знаю, — ответил он, почувствовав, что астма отступает, хотя Марти крепко прижимала его к себе. Свистящая нотка из дыхания ушла. — Я знаю, Марти.

Водитель вновь нажал на клаксон.

— Ты позвонишь? — спросила она дрожащим голосом.

— Если смогу.

— Эдди, пожалуйста, разве ты не можешь сказать мне, в чем дело?

А если бы он мог? Ей бы стало спокойнее?

Ладно, вечером мне позвонил Майк Хэнлон, и мы какое-то время поговорили, но весь наш разговор сводился к двум пунктам. «Все началось снова», — сообщил Майк. «Ты приедешь?» — спросил Майк. И теперь у меня поднялась температура, Марти, только эту температуру не сбить аспирином, и мне трудно дышать, только этот чертов ингалятор мне не поможет, потому что эти затруднения с дыханием связаны не с легкими или горлом — причина в области сердца. Я вернусь к тебе, если смогу, Марти, но ощущаю себя человеком, который стоит у входа в старую штольню, потолок которой в любой момент может обрушиться во многих местах, стоит у входа и прощается с белым светом.

Да... конечно же, да! После моего рассказа она сразу же успокоится!

— Нет, — ответил он. — Пожалуй. Я не могу сказать тебе, в чем дело.

И, прежде чем она произнесла хоть слово, прежде чем снова начала кричать («Эдди, вылезай из этого такси! От него у тебя будет рак!»), он большими шагами двинулся прочь, все быстрее и быстрее. Последние ярды, отделяющие его от такси, чуть ли не пробежал.

Она все еще стояла в дверном проеме, когда такси задним ходом выкатилось на улицу, стояла, когда они поехали к городу, большая, черная женщина-тень, вырезанная из света, который лился из их дома. Он помахал рукой и подумал, что в ответ она тоже вскинула руку.

— Куда сегодня едем, дружище? — спросил таксист.

— Пенн-стейшн, — ответил Эдди, и рука отпустила ингалятор. Астма отправилась в то место, где привыкла проводить время между атаками на его бронхи. Он чувствовал себя... почти здоровым.

Но ингалятор очень даже потребовался ему четырьмя часами позже, когда он резко дернулся, выходя из легкой дремы, отчего мужчина в деловом костюме, сидевший напротив, опустил газету и посмотрел на него с любопытством, к которому примешивалась тревога.

«Я вернулась, Эдди! — ликующе вопила астма. — Я вернулась и наконец-то на этот раз могу тебя убить! Почему нет? Должна же я это когда-нибудь сделать, знаешь ли! Не могу я возиться с тобой целую вечность!»

Грудь Эдди вздымалась и опускалась. Он поискал ингалятор, нашел, направил в горло, нажал на клапан. Потом откинулся на высокую спинку амтраковского сиденья, дрожа всем телом, ожидая облегчения, думая о сне, из которого он только что вернулся в реальность. О сне? Господи Иисусе, если бы. Эдди боялся, что сон этот очень уж тянул на воспоминания. Он помнил зеленый свет, как в рентгеновской установке обувного магазина, и покрытого язвами прокаженного, который гнался по подземным тоннелям за кричащим мальчиком, Эдди Каспбрэком. Он бежал и бежал

(*он бегает очень даже быстро так сказал тренер Блэк его матери и он бежал очень даже быстро от гнавшейся за ним твари да вам лучше в это поверить вы можете поспорить на свою шкуру*)

в этом сне, одиннадцатилетним мальчишкой, и кто-то зажег спичку, и он посмотрел вниз, и увидел разлагающееся лицо мальчика (его звали Патрик Хокстеттер, и он пропал в июле 1958 года), и черви выползали из щек Патрика Хокстеттера, и вползали в них, и изнутри Патрика Хокстеттера шел ужасный вонючий запах, и в этом сне, где воспоминаний было больше, чем сна, он посмотрел в сторону и увидел два школьных учебника, которые набухли от влаги и покрылись зеленой плесенью: «Дороги ко всему» и «Открываем нашу Америку». Они находились в таком состоянии, потому что их окружала гнилая сырость («Как я провел это лето» — сочинение Патрика Хокстеттера: «Я провел его мертвым в тоннеле! Плесень выросла на моих учебниках, и они раздулись до размеров каталогов «Сирса»). Эдди открыл рот, чтобы закричать, и именно тогда

шершавые пальцы прокаженного прошлись по его щеке и полезли в рот. Тут он и проснулся, как от толчка, но не в канализационном коллекторе под Дерри, штат Мэн, а в сидячем вагоне, одном из передних вагонов, поезда компании «Амтрак», который мчался через Род-Айленд под большой белой луной.

Мужчина, сидевший напротив, помялся, решил, что лучше все-таки спросить, и спросил:

— Вы в порядке, сэр?

— Да-да, — кивнул Эдди. — Я заснул, и мне приснился кошмар. Он-то и спровоцировал приступ астмы.

— Понимаю. — Газета вновь поднялась. Эдди увидел, что его сосед читает газету, которую мать иногда называла «Жид-Йорк таймс»*.

Эдди выглянул в окно, посмотрел на спящий пейзаж, освещенный лишь сказочной луной. Тут и там дома, иногда несколько вместе, в основном темные, только в некоторых светились окна. Но свет их казался таким блеклым, таким неестественным в сравнении с призрачным светом луны.

Он думал, что луна говорила с ним, вспомнил Эдди. Генри Бауэрс. Господи, каким же тот был психом. Задался вопросом: где сейчас Генри Бауэрс? Умер? В тюрьме? Мотается по пустынным равнинам центральной части страны, как вирус, который ничто не берет, глубокой ночью, от часа до четырех, грабит маленькие магазинчики, работающие круглосуточно, или, возможно, убивает людей, которым хватило глупости остановиться, реагируя на его поднятую руку с оттопыренным большим пальцем, чтобы доллары из их бумажников перекочевали в его?

Возможно, возможно.

В какой-нибудь психиатрической лечебнице штата? Смотрит на растущую, как в эти дни, с каждой ночью луну? Говорит с ней, слушает ответы, доступные только его слуху?

Эдди решил, что это еще более вероятный вариант. Он содрогнулся. «*Я все-таки вспоминаю свое отрочество*, — подумал он. — *Я вспоминаю мои летние каникулы в том далеком, гиблом 1958 году*». Он чувствовал, что мог бы вспомнить чуть ли не любой эпизод того

* «Жид-Йорк таймс» — с одной стороны, игра слов на английском New York Times — Jew York Times, с другой стороны, владельцы газеты и большинство ведущих журналистов — евреи.

лета, если б захотел, но он не хотел. «*О господи, если я бы мог все снова забыть!*»

Он прислонился лбом к грязному стеклу окна, держа в руке ингалятор, словно святыню, наблюдая, как поезд разрывает ночь.

«*Я еду на север*, — думал он, — *но это неправильно.*

Я не еду на север. Потому что это не поезд; это машина времени. Не на север. Назад. Назад в прошлое».

И еще он подумал, что слышит бормотание луны.

Эдди Каспбрэк крепче сжал ингалятор и закрыл глаза, чтобы подавить внезапное головокружение.

5

Беверли Роган отребает порку

Том уже засыпал, когда зазвонил телефон. Приподнялся, наклонился к телефонному аппарату и тут же почувствовал, как груди Беверли прижались к его плечу: она перегнулась через него, чтобы дотянуться до трубки. Он упал на подушку, гадая в полусне, кто мог звонить в такой поздний час по их домашнему номеру, которого нет в телефонном справочнике. Услышал «алло» Беверли, после чего провалился в сон. Он уговорил почти три упаковки пива во время бейсбольного матча, поэтому соображал плохо.

Но потом вопрос Беверли, резкий и любопытный — «Что-о-о?» — вонзился ему в ухо, как нож для колки льда, и он снова открыл глаза. Попытался сесть, и телефонный шнур впился в его толстую шею.

— Убери к черту эту хрень, Беверли, — прорычал он.

Она быстро встала, обошла кровать, держа шнур на растопыренных пальцах. Волосы, темно-рыжие, естественными волнами ниспадали на ночную рубашку, чуть не доставая до талии. Волосы шлюхи. Ее взгляд избегал его лица, не желая узнать, какая там эмоциональная погода, и Тому Рогану это не нравилось. Он сел. Начала болеть голова. Черт, она наверняка болела уже давно, но когда засыпаешь, этого не чувствуешь.

Он прошел в ванную, отлил, как ему показалось, три часа, потом решил выпить еще банку пива, все равно уж встал, чтобы попытаться заглушить на корню набирающее силу похмелье.

Пересекая спальню по пути к лестнице (в белых семейных трусах, которые, как паруса, трепыхались под внушительным животом, со здоровенными ручищами, выглядел он скорее как портовый грузчик, а не президент и генеральный менеджер компании «Беверли фэшнс, инк.»), он обернулся и сердито крикнул: «Если звонит Лесли, эта чертова лесбиянка, скажи ей, пусть найдет себе какую-нибудь шлюху и даст нам поспать!»

Беверли коротко глянула на него, покачала головой, давая понять, что это не Лесли, и повернулась к телефонному аппарату. Том почувствовал, как напряглись мышцы шеи. Выглядело так, что она давала ему отлуп. Миледи давала ему отлуп. Ми-гребаная-леди давала ему отлуп. Похоже, ему следовало принимать меры. Похоже, Беверли нуждалась в очередном напоминании о том, кто в доме хозяин. Похоже. Иногда ей приходилось повторять пройденное. Она плохо усваивала материал.

Он спустился вниз, прошлепал по коридору на кухню, рассеянно вытащил трусы из расщелины между ягодицами, открыл холодильник. Пальцы нащупали только синий пластиковый контейнер с остатками вчерашнего супа. Пиво исчезло. Даже банка, которую он держал у задней стенки на самый крайний случай (как и сложенную двадцатку, лежавшую в бумажнике под водительским удостоверением). Игра продолжалась четырнадцать иннингов*, и все впустую. «Уайт сокс»** проиграли. В этом году в команду набрали каких-то сосунков.

Его взгляд прошелся по бутылкам крепкого, которые стояли в застекленной полке над кухонным баром, и на мгновение он представил себе, как наливает чуть-чуть «Бима»*** на единственный кубик льда, но понимал, что напрашивается на еще большие неприятности для своей головы, которая и так болела, а потому двинулся в обратный путь. Взглянул на старинные напольные часы, что стояли у лестницы. Полночь уже миновала. Эта информация не улучшила его настроение, которое редко бывало особо хорошим.

По лестнице он поднимался медленно, отдавая себе отчет (очень хорошо отдавая себе отчет), с каким напрягом работает сердце. Ка-

---

* Бейсбольная игра состоит из девяти иннингов, но продолжается до победы, так что в принципе число иннингов не ограничивается.

** «Уайт сокс» — профессиональная бейсбольная команда из Чикаго.

*** «Джим Бим» — наиболее продаваемый по всему миру бренд бурбона.

бух, ка-бах. Ка-бух, ка-бах. Ка-бух, ка-бах. Он нервничал, когда чувствовал удары сердца не только в груди, но и в ушах, и в запястьях. Иногда, когда такое случалось, он представлял сердце не как сжимающийся и разжимающийся орган, а как большой манометр в левой половине груди, и стрелка на этом манометре зловеще уходила в красную зону. Ему это совершенно не нравилось, ему это совершенно не требовалось. А что ему требовалось — так это ночь крепкого сна.

Но эта тупая шлюха, на которой он женился, все еще висела на телефоне.

— Я понимаю, Майк... да... да, конечно... я знаю... но...

Пауза затянулась.

— Билл Денбро? — воскликнула она, и тот самый нож для колки льда вновь проткнул ухо.

Он постоял у двери в спальню, пока дыхание не выровнялось. Сердце вновь застучало в одном ритме: ка-бах, ка-бах, ка-бах: буханье прекратилось. На какие-то мгновения он представил себе стрелку, уходящую из красной зоны, потом отогнал картинку. Он — мужик, черт побери, и крепкий мужик, а не котел с барахлящим термостатом. Он в отличной форме. Он из железа. И если ей требуется повтор урока, он с радостью поучит ее.

Он уже собрался войти в спальню, но передумал, и задержался на прежнем месте чуть дольше, слушая ее, не обращая особого внимания, о ком она говорит или что сказала, только слушая, как она возвышает и понижает голос. И ощущал знакомую тупую ярость.

Он познакомился с ней четыре года назад, в баре для одиночек в центре Чикаго. Разговор завязался легко, потому что оба работали в Стандарт-Брэндс-Билдинг и у них нашлись общие знакомые. Том — на сорок втором этаже, в отделе по связям с общественностью компании «Кинг-энд-Лэндри». Беверли Марш (тогда еще с девичьей фамилией) — на двенадцатом, помощницей дизайнера в «Делия фэшнс». Делия, которая потом добилась скромного, но признания на Среднем Западе, специализировалась на молодежи: ее юбки, блузки, шали и слаксы продавались по большей части в «магазинах юности», как называла их Делия Каслман. Том называл их иначе — «магазины укурков». В Беверли Марш Том Роган сразу отметил следующее: она желанна, и она ранима. Менее чем через месяц выяснилось еще кое-что: она талантлива. Очень талантлива.

В ее эскизах повседневных платьев и блузок он увидел машину для печатанья денег с сумасшедшим потенциалом.

Конечно, печатать их следовало не в магазинах укурков, подумал он, но не сказал (во всяком случае, тогда). Никакого тусклого освещения, никаких низких цен, никаких говенных стендов между одеждой для наркоманок и фанаток рок-групп. Все это следовало оставить мелкоте.

Он узнал о ней очень много, прежде чем она поняла, что он серьезно ею заинтересовался, как, собственно, и хотел Том. Он всю жизнь искал такую, как Беверли Марш, и налетел на нее со скоростью льва, преследующего медлительную антилопу. Нет, ее ранимость сразу не просматривалась: ты смотрел и видел роскошную женщину, стройную, но в положенных местах не обделенную природой. Бедра, возможно, чуть подкачали, зато зад был по высшему разряду, а такой великолепной груди ему встречать не доводилось. Том Роган питал слабость к женской груди, а высокие девушки в этом практически всегда его разочаровывали. Они носили тонкие блузки, и их соски сводили тебя с ума, но, сняв с них эти блузки, ты обнаруживал, что кроме сосков похвастаться им практически нечем. Сами груди выглядели, как круглые ручки ящиков бюро. «Если женская грудь не вмещается в ладонь — это уже вымя», — обожал говорить его сосед по общежитию в колледже, но Том полагал, что в соседе столько дерьма, что оно выплескивалось на поворотах. Итак, выглядела она отлично, все так, тело потрясающее да еще эти роскошные вьющиеся рыжие волосы. Но чувствовалась в ней слабина... какая-то слабина. Она словно посылала радиосигналы, уловить которые мог только он. Конечно, свидетельствовали о том же и кое-какие внешние признаки: она много курила (от этого он ее практически отучил), ее глаза пребывали в непрерывном движении, никогда не встречались с глазами собеседника, только касались их и тут же ускользали в сторону, она легонько потирала локти, когда нервничала, ногти поддерживала в должном порядке, но стригла очень коротко. Это Том заметил при их первой встрече. Она подняла стакан белого вина, он посмотрел на ее ногти и подумал: «Она так коротко стрижет ногти, потому что иначе грызла бы их».

Львы, возможно, не думают — во всяком случае, не думают, как люди, — но они видят. И когда антилопы уходят от водопоя, вспугнутые запахом приближающейся смерти, кошки наблюдают, какая

из них отстает от стада, потому что хромает, потому что медлительная... или потому что у нее недостаточно обострено чувство опасности. И вполне возможно, что некоторые антилопы (и некоторые женщины) хотят, чтобы их завалили.

Внезапно он услышал звук, мгновенно вырвавший его из этих воспоминаний, — чиркнула ее зажигалка.

Тупая ярость вернулась. Живот наполнил жар... не такое уж неприятное ощущение. Закурила. Она закурила. По этому вопросу они провели несколько Специальных семинаров Рогана. И на́ тебе, она снова закурила. Она медленно усваивала материал, само собой, но хороший учитель лучше всего проявляет свой талант именно с такими учениками. Или ученицами.

— Да, — говорила она теперь. — Понятно. Хорошо. Да... — Она послушала, потом с ее губ сорвался странный нервный смех, какого раньше он никогда не слышал. — Раз уж ты спросил, закажи мне номер и помолись за меня. Да, хорошо... понятно... я тоже. Спокойной ночи.

Когда он вошел в спальню, она опускала трубку на рычаг. Он собирался сразу наехать на нее, криком потребовать, чтобы она прекратила курить, прекратила курить, НЕМЕДЛЕННО, но когда увидел ее, слова застряли в горле. Ему уже доводилось видеть Беверли такой, два или три раза. Однажды — перед первым большим показом ее моделей, потом — перед частным показом для национальных оптовиков, и наконец — в Нью-Йорке, куда они приехали на вручение международных дизайнерских премий.

Она пересекала спальню большими шагами, белая кружевная ночная рубашка облегала тело, сигарету она сжимала передними зубами (господи, какую же ненависть вызывал у него один только ее вид с сигаретой во рту). Дымок вился над левым плечом, напоминая дым, выходящий из паровозной трубы.

Но подождать с криком заставило Тома ее лицо, из-за ее лица крик этот умер у него в горле. Сердце ухнуло — ка-БУХ! — и он поморщился, говоря себе, что ощутил не страх, а только изумление, увидев ее такой.

Эта женщина действительно оживала, лишь когда ее работа приближалась к кульминации. Все упомянутые выше случаи имели непосредственное отношение к ее карьере. В таких ситуациях он видел женщину, совершенно не похожую на ту, которую хорошо знал, — женщину, которая заглушала его чувствительный, настро-

енный на страх радар мощными помехами. Женщина, какой становилась Беверли в стрессовых ситуациях, была сильной, но очень взвинченной, бесстрашной, но и непредсказуемой.

Щеки ее раскраснелись, румянец залил и высокие скулы. Широко раскрытые глаза сверкали, в них не осталось и следов сна. Волосы просто летали. И... ах, посмотрите сюда, друзья и соседи! Нет, вы только посмотрите сюда! Неужто она достает из чулана чемодан? Чемодан? Клянусь Богом, достает!

«*Закажи мне номер... помолись за меня*».

Что ж, номер ни в каком отеле ей не понадобится, во всяком случае, в обозримом будущем, потому что маленькая Беверли Роган собирается остаться здесь, дома, большое ей за это спасибо, и следующие три или четыре дня есть она будет стоя.

Но молитва, может, даже две, ей пригодятся, прежде чем он закончит разбираться с ней.

Она поставила чемодан в изножье кровати, пошла к комоду. Выдвинула верхний ящик, достала две пары джинсов, вельветовые брюки. Бросила в чемодан. Вернулась к комоду, сигаретный дымок по-прежнему вился над плечом. Схватила свитер, пару футболок, одну из своих матросских блузок, в которых выглядела так глупо, но отказывалась их выкинуть. Человек, который ей позвонил, определенно не относился к тем, кто добирался до модных курортов на собственном реактивном самолете. Одежду она отбирала неброскую. А-ля Джеки Кеннеди, отправляющаяся на уик-энд в Хайнисспорт.

Но его не волновало, ни кто ей звонил, ни куда, по ее мнению, она собиралась ехать, потому что ей предстояло остаться дома. Совсем другая мысль стучала в его голове, которая разболелась из-за того, что он выпил слишком много пива и не выспался.

Ему не давала покоя сигарета.

Вроде бы, по ее же словам, она все их выкинула. Но она обманула его — и доказательство тому торчало сейчас у нее изо рта. А поскольку она по-прежнему не замечала его, стоящего в дверном проеме, он не отказал себе в удовольствии вспомнить два вечера, которые убедили его, что теперь она всецело в его руках.

«Я не хочу, чтобы ты курила, когда находишься рядом со мной, — сказал он ей, когда они возвращались с вечеринки в Лейк-Форест. В октябре. — Я должен дышать этим дерьмом на вечеринках и в офисе, но не хочу, когда мы вдвоем. Знаешь, на что это похоже?

Я скажу тебе правду — это неприятно, но правда. Все равно, что ты ешь чьи-то сопли».

Он подумал, что она начнет возражать, но Беверли только посмотрела на него застенчивым, стремящимся ублажить взглядом. Ответила тихо, смиренно, покорно: «Хорошо, Том».

«Тогда загаси сигарету».

Она загасила. И остаток вечера Том пребывал в отличном расположении духа.

Несколько недель спустя, выходя из кинотеатра, она, не подумав, закурила еще в вестибюле и попыхивала сигаретой, пока они шли через автостоянку. Та ноябрьская ночь выдалась холодной, ветер, как маньяк, набрасывался на каждый оголенный квадратный дюйм кожи, который ему удавалось найти. Том помнил, что временами до него долетал запах озера, как бывало в холодные ночи, слабый запах рыбы и в какой-то степени пустоты. Он позволил ей курить. Даже открыл ей дверцу, когда они подошли к его автомобилю. Сел за руль, закрыл свою дверцу, и только потом обратился к ней: «Бев?»

Она вынула сигарету изо рта, повернулась к нему, в глазах читался вопрос, и тут он ей врезал, влепил крепкую оплеуху, приложился к ее щеке так сильно, что заныла ладонь, так сильно, что ее голову отбросило на подголовник. Ее глаза широко раскрылись от удивления и боли... но и чего-то еще. Рука поднялась, чтобы исследовать тепло и онемение на щеке. «Ох-х! Том!» — воскликнула она.

Он смотрел на нее, сощурившись, небрежно улыбаясь, весь напряженный, готовый увидеть, что за этим последует, как она отреагирует. В штанах напрягся член, но на это он внимания не обращал. Это оставалось на потом, а пока шел урок. Он прокрутил в голове только что случившее. Ее лицо. Что еще отразилось на нем, помимо удивления и боли? Отразилось на миг и тут же исчезло. Сначала удивление. За ним — боль. А следом

(*ностальгия*)

воспоминание... она что-то вспомнила. Отразилось только на миг. Он не думал, что она даже знала, что отразилось, отразилось на ее лице или промелькнуло в голове.

А теперь — в настоящее. Все будет в первой фразе, которую она не произнесет. Он знал это так же хорошо, как собственное имя.

Она не произнесла: «Сукин ты сын».

.Она не произнесла: «Еще увидимся, Мачо-Сити».

Она не произнесла: «Между нами все кончено, Том».

Только посмотрела на него обиженными, до краев полными слез карими глазами и спросила: «Зачем ты это сделал?» Хотела сказать что-то еще, но разрыдалась.

«Выброси это».

«Что? Что, Том?» Косметика оставляла темные потеки на ее щеках. Он не возражал. Ему даже нравилось видеть ее такой. Грязно, конечно, но было в этом и что-то сексуальное. Блядское. Возбуждающее.

«Сигарета. Выброси ее».

До нее дошло. С осознанием пришло чувство вины.

«Я просто забыла! — крикнула она. — И все!»

«Выброси сигарету, Бев, или получишь еще».

Она опустила стекло, выбросила сигарету. Потом снова повернулась к нему, лицо бледное, испуганное, но при этом спокойное.

«Ты не можешь... ты не должен меня бить. Это плохая основа для... для длительных отношений». Она пыталась найти тон, взрослый ритм, и потерпела неудачу. Он вернул ее в прошлое. Рядом с ним в этом автомобиле сидел ребенок. С пышными формами, чертовски сексуальный, но ребенок.

«Не могу бить и не бью — две большие разницы, девочка, — ответил он. Голос звучал спокойно, но внутри все вибрировало. — И это мне решать, что подходит для длительных отношений, а что нет. Если тебя это устраивает, отлично. Если нет — можешь прогуляться пешком. Останавливать тебя я не стану. Разве что дам пинка на прощание, но останавливать не стану. Это свободная страна. Что еще я могу сказать?»

«Возможно, ты уже сказал более чем достаточно», — прошептала она, и он ударил ее второй раз, сильнее, потому что ни одной герле не дозволено так говорить с Томом Роганом. Он бы врезал и королеве Англии, если б та позволила себе съязвить на его счет.

Она ударилась щекой о мягкую обивку приборной панели. Рука схватилась за ручку дверцы, а потом соскользнула с нее. Она лишь скрючилась в углу, словно кролик, поднеся одну руку ко рту, глядя на него большими, влажными, перепуганными глазами. Том пару секунд смотрел на нее, а потом вылез из автомобиля. Обошел сзади, открыл ее дверцу. Его дыхание клубилось в холодном, ветреном ноябрьском воздухе, и запах озера заметно усилился.

«Хочешь выйти, Бев? Я видел, как ты потянулась к ручке, и подумал, что ты хочешь выйти. Хорошо. Пожалуйста. Я попросил тебя кое-что сделать, и ты сказала, что сделаешь. А потом нарушила слово. Так ты хочешь выйти? Давай. Выходи. В чем проблема? Выходи. Ты хочешь выйти?»

«Нет», — прошептала она.

«Что? Не слышу тебя».

«Нет, я не хочу выходить», — ответила она чуть громче.

«Что? От этих сигарет у тебя эмфизема? Если ты не можешь говорить громче, я куплю тебе гребаный мегафон. Это твой последний шанс, Беверли. Ты должна ответить так, чтобы я смог тебя услышать: ты хочешь выйти из этого автомобиля или ты хочешь уехать со мной?»

«Хочу уехать с тобой», — ответила она и сцепила руки на юбке, как маленькая девочка. Не посмотрела на него. По щекам катились слезы.

«Хорошо, — кивнул он. — Отлично. Но сначала ты мне кое-что скажешь, Бев. Ты скажешь: «Я забыла, что обещала не курить рядом с тобой, Том».

Теперь она посмотрела на него ранеными, молящими, бессловесными глазами. «Ты можешь заставить меня это сделать, — говорили ее глаза, — но, пожалуйста, не надо. Не надо, я люблю тебя, неужели нельзя без этого обойтись?»

Нет, он не мог ей этого позволить, потому что речь шла не о ее желании или нежелании, и они оба это знали.

«Говори».

«Я забыла, что обещала не курить рядом с тобой, Том».

«Хорошо. А теперь скажи «извини».

«Извини», — механически повторила она.

Сигарета дымилась на асфальте, как короткий фитиль. Люди, выходящие из кинотеатра, поглядывали на них, мужчину, стоявшего у открытой со стороны пассажирского сидения дверцы «веги» последней модели и женщину, сидевшую внутри, чопорно сцепив руки на коленях, опустив голову, лампочка под потолком окрашивала ее волосы золотом.

Он раздавил сигарету. Растер по асфальту.

«А теперь скажи: «Я никогда больше не сделаю этого без твоего разрешения».

«Я никогда... — голос дрогнул, — ...никогда... б-б-б...»

«Скажи это, Бев».

«...никогда больше не сделаю этого. Без твоего разрешения».

Он захлопнул дверцу, вновь обошел автомобиль. Сел за руль и повез их в свою квартиру в центре города. Ни он, ни она по пути не произнесли ни слова. С половиной их взаимоотношений они определись на автомобильной стоянке. Со второй — сорок минут спустя, в постели Тома.

Она сказала, что не хочет заниматься любовью. Но он прочитал другое и в ее глазах, и в походке, а потому, сорвав с нее блузку, обнаружил, что соски затвердели и торчат. Она застонала, когда он прошелся по ним рукой, вскрикнула, когда он пососал сначала один, а потом второй, покрутил их в пальцах. Она схватила его руку и сунула ее между своих ног.

«Я думал, ты не хочешь», — сказал он, и она отвернулась, но руку его не отпустила, только быстрее задвигала бедрами.

Он толкнул ее, уложив на кровать... и стал нежен, не сдернул с нее трусики, а снял медленно и осторожно, прямо-таки торжественно.

А входя в нее, почувствовал, будто вокруг горячее, нежное масло.

Задвигался вместе с ней, используя ее, но и позволяя ей использовать себя, и первый раз она кончила буквально сразу, вскрикнула и впилась ногтями ему в спину. Потом он перешел на длительные, медленные движения, и в какой-то момент ему показалось, что она кончила вновь. Том тоже вроде бы приближался к оргазму, но подумал о среднем показателе отбивания «Сокс», о том, кто может перехватить у него контракт с Челси, и все наладилось. Потом она начала увеличивать темп, ускоряться и ускоряться. Он посмотрел на ее лицо, на разводы туши, на размазанную помаду и почувствовал, как понесся навстречу блаженству.

Она все сильнее и сильнее вскидывала бедра (в те дни они обходились без буфера — пивного живота), так что их животы все чаще шлепали друг о друга.

На грани оргазма она закричала, а потом укусила его в плечо мелкими, ровными зубами.

«Сколько раз ты кончила?» — спросил он после того, как они приняли душ. Она отвернулась, а когда ответила, он едва расслышал ее: «Об этом не принято спрашивать».

«Правда? И кто тебе это сказал? Мистероджерс*?»

Он взялся за ее лицо, большой палец глубоко ушел в одну щеку, остальные сжали вторую, ладонь охватила подбородок.

«Поговори с Томом, — сказал он. — Слышишь меня, Бев? Поговори с папулей».

«Три», — с неохотой ответила она.

«Хорошо, — кивнул он. — Теперь можешь покурить».

Она недоверчиво посмотрела на него, рыжие волосы разметались по подушкам, весь ее наряд состоял из обтягивающих трусиков. От одного только взгляда на нее его мотор начал заводиться. Он кивнул.

«Давай. Сейчас можно».

Три месяца спустя они поженились. С его стороны на регистрации присутствовали два друга, с ее — одна подруга, Кей Макколл, которую Том назвал «та грудастая сука-феминистка».

Все эти воспоминания пронеслись в голове Тома за считанные секунды, как часть фильма, прокрученная в ускоренном режиме, пока он стоял в дверном проеме, наблюдая за ней. Она выдвинула нижний ящик «бюро выходного дня», так она называла свой комод, и кидала в чемодан трусики, не те, что ему очень нравились, из скользящего под пальцами атласа или гладкого шелка, а хлопчатобумажные, как у маленьких девочек, в большинстве своем застиранные, с лопнувшим местами эластиком. За трусиками последовала ночнушка, тоже хлопчатобумажная, такие он не раз видел в сериале «Маленький домик в прериях». Она залезла в самую глубину ящика, чтобы посмотреть, что еще там может прятаться.

Тем временем Том Роган направился к своему гардеробу по ворсистому ковру, покрывавшему пол спальни. Босиком, а потому бесшумно. Сигарета. Вот что разъярило его. Прошло много времени с тех пор, как она забыла тот первый урок. Потом были другие уроки, много уроков, и иной раз в жаркий день ей приходилось надевать блузы с длинным рукавом и свитера под горло. Случалось, что и в пасмурные дни она постоянно ходила в солнцезащитных очках. Но тот первый урок был неожиданным и основополагающим...

Он забыл про телефонный звонок, вырвавший его из еще неглубокого сна. Сигарета. Раз она курила сейчас, значит, забыла про

---

* Мистероджерс — Фред Макфли Роджерс (1928–2003), ведущий детской американской телепередачи «Округа мистера Роджерса» (1968–2001).

Тома Рогана. Временно, конечно, только временно, но это временно очень уж затянулось. Что заставило ее забыть, значения не имело. Такое в его доме не проходило, какой бы ни была причина.

На дверце шкафа, изнутри, на крюке висела широкая черная кожаная лента. Без пряжки — ее он снял давным-давно. На одном конце, там, где раньше была пряжка, лента образовывала петлю, в которую теперь Том сунул руку.

«Том, ты плохо себя вел! — иногда говорила его мать... ладно, «иногда» — неудачное слово, «часто» подходит куда больше. — Иди сюда, Томми. Я должна тебя выпороть». Через все его детство пунктиром проходили порки. В конце концов он сумел удрать, в «Уичита стейт колледж», но, вероятно, полностью удрать так и не удалось, потому что он по-прежнему слышал ее голос во снах: «Иди сюда, Томми. Я должна тебя выпороть». Выпороть...

Он был старшим из четырех детей. Через три месяца после рождения младшего Ральф Роган умер... что ж, «умер», возможно, не самое удачное слово, лучше сказать «покончил с собой» — щедро плеснул щелока в стакан с джином и проглотил эту адскую смесь, сидя на сральнике в ванной. Миссис Роган нашла работу на заводе компании «Форд». Одиннадцатилетний Том стал опорой семьи. И если он что-то делал не так, скажем, если малыш накладывал в подгузник после ухода няни, и подгузник этот ему не меняли до прихода матери... если он забывал встретить Меган на углу Широкой улицы после того, как закрывался ее детский сад, и это видела лезущая во все дыры миссис Гант... если он смотрел «Американскую эстраду», пока Джой устраивал погром на кухне... если случалось это или что-то другое, список получался очень и очень длинным... тогда, после того как младших укладывали спать, появлялась розга, и слышалось приглашение: «Томми, иди сюда. Я должна тебя выпороть».

Лучше пороть самому, чем быть выпоротым. Если Том что и усвоил на великой дороге жизни, так только эту истину.

Поэтому взмахнул рукой, и свободный конец кожаной ленты взлетел, затягивая петлю на его руке. Потом зажал петлю в кулаке. Ощущения ему нравились. Он чувствовал себя взрослым. Кожаная полоса свисала из его кулака, как дохлая змея. Головная боль исчезла.

Она нашла то, что искала в глубине ящика: старый белый хлопчатобумажный бюстгальтер с жесткими чашечками. Мысль о том,

что в столь поздний час ей позвонил любовник, на мгновение вынырнула у него в сознании и снова ушла на глубину. Нелепо. Ни одна женщина не поедет к любовнику, захватив с собой полинявшие матросские блузки и хлопчатобумажные трусики из «Кей-Марта» с местами лопнувшей эластичной лентой. Опять же, она бы не решилась.

— Беверли, — мягко позвал он, и она тут же повернулась, вздрогнула, глаза широко раскрылись, длинные волосы развевались.

Ремень завис... чуть опустился. Он смотрел на нее, вновь чувствуя неуверенность. Да, именно так она выглядела перед крупными показами, и тогда он старался не попадаться у нее на пути, понимая, что ее переполняют страх и агрессивность. Она нацеливалась на борьбу, и голову ее словно заполняло горючим газом: одна искра, и она взорвется. Она не относилась к этим показам как к шансу отделиться от «Делия фэшнс», самостоятельно зарабатывать на жизнь, может, даже сколотить состояние. Если бы этим все заканчивалось, никаких проблем бы не возникало. Но, если бы этим все и заканчивалось, она не была бы столь невероятно талантлива. Показы эти она воспринимала как суперэкзамен, которые принимали у нее очень строгие учителя. Что она видела в этих показах, так это некое существо без лица. Оно не имело лица, зато у него было имя — Авторитет.

Вся эта большеглазая нервозность читалась сейчас на ее лице. И не только. Вокруг нее возникла аура, он буквально видел это, аура предельного напряжения, отчего она стала более желанной, но и более опасной в сравнении с тем, какой была все эти годы. И он боялся, потому что она была здесь, вся целиком, другая, особенная Беверли, отличающаяся от той Беверли, какой он хотел ее видеть, какую вылепил собственными руками.

Беверли выглядела потрясенной и испуганной. А еще она выглядела безумно бодрой. Щеки горели, но под нижними веками появились белые пятачки, совсем как вторая пара глаз. Лоб белел, как и пятна под глазами.

И сигарета по-прежнему торчала изо рта, теперь с чуть приподнятым кончиком, словно она полагала себя Франклином Делано Рузвельтом. Сигарета! Только от одного ее вида ярость вновь накатила на него зеленой волной. Откуда-то издалека, из глубин сознания, донесся тихий голос Беверли, вспомнились слова, которые он услышал от нее однажды ночью, слова, произнесенные в темно-

те безжизненным, апатичным голосом: «Когда-нибудь ты убьешь меня, Том. Когда-нибудь ты зайдешь слишком далеко, и это будет конец. Ты перегнешь палку».

Тогда он ответил: «Делай по-моему, Бев, и этот день никогда не настанет».

Теперь же, перед тем как ярость ослепила его, он задался вопросом, а не настал ли этот день.

Сигарета. Телефонный звонок, чемодан, странное выражение лица — все побоку. Они будут разбираться с сигаретой. Потом он ее трахнет. А уж потом они обсудят все остальное. К тому времени, возможно, и звонок и чемодан покажутся ему более важными.

— Том, — сказала она. — Том, я должна...

— Ты куришь. — Голос его доносился издалека, как из очень хорошего радиоприемника. — Похоже, ты кое-что забыла, крошка. Где ты их прячешь?

— Смотри, я ее выбрасываю. — Она прошла к двери ванной. Бросила сигарету (даже с такого расстояния он видел следы зубов на фильтре) в унитаз. П-ш-ш-ш. Она вернулась. — Том, мне позвонил давний друг. Давний, давний друг. Я должна...

— Заткнуться, вот что ты должна! — взревел он. — Просто заткнись! — Но страх, который он хотел видеть, — страх перед ним — на ее лице не появился. Страх был, но причиной служил телефонный звонок, а Беверли полагалось бояться совсем другого. Она, похоже, не замечала ремня, не видела и его самого, и Тому стало как-то не по себе. А был ли он здесь? Идиотский вопрос, но был ли?

Таким ужасным и одновременно таким простым показался ему этот вопрос, и на мгновение он испугался, что совершенно оторвется от самого себя и помчится, как перекати-поле под сильным ветром. Но тут же взял себя в руки. Он здесь, все в порядке, и хватит на сегодня этого гребаного психокопания. Он здесь, он — Том Роган, Том, клянусь Богом, Роган, и если эта спятившая шлюха в ближайшие тридцать секунд не станет паинькой, то скоро она будет выглядеть так, словно суровый железнодорожный коп выбросил ее из мчащегося на полной скорости вагона.

— Я должен тебя выпороть, — продолжил он. — Уж извини, крошка.

Он уже видел эту смесь страха и агрессии. Но впервые взгляд адресовался ему.

— Опусти эту штуковину, — услышал он. — Мне необходимо как можно быстрее попасть в аэропорт.

«Ты здесь, Том? Здесь?»

Он отшвырнул от себя эту мысль. Полоса кожи, которая когда-то была ремнем, медленно качалась перед ним, как маятник. Его глаза блеснули и больше уже не отрывались от ее лица.

— Послушай меня, Том. В мой родной город вернулась беда. Очень большая беда. Тогда у меня был друг. Наверное, я могла бы назвать его бойфрендом, да только мы были слишком маленькими. Ему исполнилось лишь одиннадцать лет, и он сильно заикался. Сейчас он писатель. Думаю, ты даже прочитал одну его книгу... «Черная стремнина».

Она всмотрелась в его лицо, но не обнаружила никакой реакции. Только ремень качался слева — направо, справа — налево. Он стоял, наклонив голову, чуть расставив мясистые ноги. Потом она провела рукой по волосам — рассеянно, — словно занимало ее много разных важных проблем, а ремня она вовсе и не видела, и этот не дающий покоя, ужасный вопрос вновь возник в голове: «Ты здесь? Ты уверен?»

— Эта книга лежала здесь не одну неделю, а я так и не связала одно с другим. Может, следовало, но мы стали старше, и я давно, очень давно не думала о Дерри. Короче, у Билла был брат, Джордж, и Джордж погиб до того, как я познакомилась с Биллом. Его убили. А потом, следующим летом...

Но Том уже наслушался этой галиматьи, что снаружи, что изнутри. Быстро двинувшись на нее, он занес правую руку, как человек, собравшийся бросить копье. Ремень со свистом рассек воздух. Беверли увидела, попыталась увернуться, правым плечом зацепила раму двери в ванную, и ремень сочно чвакнул по ее левому предплечью, оставив красную отметину.

— Я должен тебя выпороть, — повторил Том. Голос звучал спокойно, в нем даже слышалось сожаление, но зубы обнажились в застывшей улыбке. Он хотел увидеть этот взгляд, хотел прочитать в этом взгляде страх, ужас и стыд, хотел, чтобы этот взгляд сказал ему: «Да, ты прав, я этого заслужила», — хотел, чтобы этот взгляд подтвердил: «Да, ты здесь, все так, я чувствую твое присутствие». А потом вернулась бы любовь, и все стало бы нормально и хорошо, потому что он действительно любил ее. Они даже смогли бы поговорить, если бы она захотела, о том, кто звонил и что все это

значит. Но только позже. А сейчас начинался урок. Как обычно, состоящий из двух частей. Сначала порка, потом трах.

— Извини, крошка.

— Том, не делай...

Он нанес боковой удар и увидел, как ремень обвил ее бедро. А потом чвакнул по ягодице. И...

Господи, она хватала ремень! Она схватилась за ремень!

На мгновение Том Роган так изумился столь неожиданным нарушением заведенного порядка, что едва не остался без ремня, точно остался бы, если б не петля, надежно зажатая в кулаке.

Он дернул ремень на себя.

— Даже не пытайся что-либо отнять у меня, — прохрипел он. — Ты меня слышишь? Еще раз это сделаешь, и месяц будешь ссать клюквенным соком.

— Том, прекрати, — ответила она, и ее интонация еще больше разъярила его — она говорила с ним, как воспитательница с шестилеткой, устроившим истерику на игровой площадке. — Я должна ехать. Это не шутка. Люди погибли, а я много лет назад обещала...

Том мало что услышал. Он взревел и двинулся на нее, наклонив голову, вслепую размахивая ремнем. Ударил им Беверли, отбросив по стене от дверного проема. Снова поднял руку, ударил, поднял руку — ударил, поднял руку — ударил. Наутро он сможет поднять руку выше уровня глаз лишь после того, как выпьет три таблетки кодеина, но теперь он осознавал только одно — она ослушалась его. Не только курила, но и схватилась за ремень, пытаясь вырвать его, поэтому, дамы и господа, друзья и соседи, она сама напросилась, что ж, теперь он с чистой совестью сможет дать показания у престола Господа Всемогущего и Всевидящего: она получает все, что ей причитается.

Он гнал ее вдоль стены, взмахивая ремнем, нанося удар за ударом. Руки она подняла, чтобы защитить лицо, но бить по телу ему ничто не мешало. В тишине комнаты ремень зычно щелкнул, как бич. Но она не кричала, как случалось иногда, и не молила о пощаде, как обычно. И, хуже всего, не плакала, как бывало всегда. В комнате слышались только удары ремня да их дыхание: его — тяжелое и хриплое, ее — легкое и частое.

Беверли метнулась к кровати и туалетному столику, который стоял с ее стороны. Плечи покраснели от ударов. Волосы летели

огненной волной. Он двинулся за ней, медленнее, но огромный, просто огромный — он играл в сквош, пока два года назад не порвал ахиллово сухожилие, и с тех пор его вес чуть вышел из-под контроля (если точнее, то совсем вышел из-под контроля), но мышцы-то остались, крепкая основа, покрывшаяся жирком. Однако он уже задыхался, и это слегка тревожило.

Она добралась до туалетного столика, и он подумал, что она скрючится рядом в три погибели или попытается забраться под столик. Вместо этого она что-то схватила... повернулась... и внезапно воздух наполнился летающими снарядами. Она швырялась в него косметикой. Флакон «Шантильи» ударил между сосков, упал к ногам, разлетелся вдребезги. Тома тут же окутал удушающий цветочный аромат.

— Прекрати! — взревел он. — Прекрати, дрянь!

Она не прекращала, руки ее летали по стеклянной поверхности туалетного столика, хватая все, что находили, и тут же швыряли в него. Он схватился за то место, куда ударил флакон «Шантильи». Ему просто не верилось, что она чем-то ударила его, пусть даже в его сторону летело многое и разное. Стеклянная пробка флакона его порезала. Не так чтобы сильно, треугольная царапина, но неужто одной рыжеволосой даме теперь предстояло увидеть восход солнца с больничной койки? Да, предстояло. Той самой даме...

Банка с кремом с невероятной силой стукнула его по лбу, над правой бровью. Он услышал глухой удар, донесшийся словно изнутри головы. Перед правым глазом полыхнуло белым, и он отступил на шаг, от изумления у него отвисла челюсть. Тюбик «Нивеи» шлепнулся на живот, отрикошетил, а она... она — что? Такое возможно? Да! Она кричала на него!

— Я еду в аэропорт, сукин ты сын! Ты меня слышишь? У меня есть дело, и я еду! И тебе лучше убраться с моего пути, потому что Я ЕДУ!

Кровь заливала ему правый глаз, жгучая и горячая. Он стер ее тыльной стороной ладони.

Постоял, уставившись на нее, будто никогда не видел раньше. И в каком-то смысле действительно не видел. Ее грудь часто-часто вздымалась. Лицо, по большей части красное, где-то — ярко белое, пылало. Губы растянулись, оскалив зубы. Но она уже опустошила поверхность туалетного столика. Запас метательных снарядов ис-

сяк. Он по-прежнему мог прочитать страх в ее глазах... только она по-прежнему боялась не его.

— Сейчас ты вернешь эту одежду на прежнее место. — Произнося эти слова, он изо всех сил боролся с одышкой, и ему это не нравилось. Одышка смазывала эффект. Одышка говорила о слабости. — Потом уберешь чемодан и вернешься в постель. Если ты все это сделаешь, возможно, я изобью тебя не слишком сильно. Возможно, ты сумеешь выйти из дома через два дня, а не через две недели.

— Том, послушай меня, — говорила она медленно, глядя на него ясными глазами. — Если ты приблизишься ко мне, я тебя убью. Ты это понимаешь, мешок дерьма? Я тебя убью.

И внезапно (может, потому, что на лице ее читалось крайнее отвращение, презрение, может, потому, что она назвала его мешком дерьма, или только из-за того, как воинственно поднималась и опадала ее грудь) его начал душить страх. Не бутон страха, не цветок, а целый чертов сад страха, чудовищный страх, что его тут и нет вовсе.

Том Роган бросился на свою жену, на сей раз без единого слова. Он приближался молча, как пронизывающая воду торпеда. Теперь он собирался уже не просто избить и подчинить ее себе, но сделать то, что она пообещала сделать с ним.

Он думал, она побежит. Возможно, в ванную. Или к лестнице. Но нет, она не сдвинулась с места. Уперлась бедром в стену, ухватилась за туалетный столик, поднимая его и толкая вперед, сломала два ногтя, когда в какой-то момент потные ладони соскользнули с дерева.

Казалось, столик сейчас вернется на место, встанет на все четыре ножки, но она всей своей тяжестью навалилась на него, приподняла выше, столик завальсировал на одной ножке, на зеркало упал свет, в нем отразилась бегущая по потолку тень, а потом столик повалился вперед. Его передняя кромка ударила Тома по ногам, выше колена, свалив на пол. Послышался мелодичный звон флакончиков, которые сталкивались и разбивались в ящиках. Он увидел, как зеркало падает слева от него, и вскинул правую руку, чтобы прикрыть глаза от осколков. При этом петля соскользнула с запястья. Стекло, посеребренное с задней стороны, разлетелось во все стороны. Он почувствовал, как несколько осколков вонзились в него, потекла кровь.

Теперь она плакала, дыхание вырывалось из груди рыданиями и всхлипами. Время от времени она видела себя уходящей от Тома, уходящей от его тирании, как когда-то ушла от тирании отца, ускользающей ночью, с чемоданами, брошенными в багажник «кадиллэсса». Глупой она себя не считала, и, конечно, даже сейчас, стоя на границе учиненного ею разгрома, отдавала себе отчет, что любила Тома и в какой-то степени продолжала любить. Но любовь не устраняла страха перед ним... ненависти к нему... и презрения к себе за то, что выбрала его по теперь уже смутным причинам, похороненным во временах, которым следовало кануть в Лету. Ее сердце не разрывалось; скорее оно горело в груди, таяло. И она боялась, что жар, идущий от ее сердца, скоро уничтожит ее рассудок, сожжет его.

Но прежде всего в глубинах ее сознания продолжал звучать сухой, ровный голос Майка Хэнлона: «Оно вернулось, Беверли... Оно вернулось... и ты обещала...»

Столик поднялся и опустился. Один раз. Два. Три. Словно дышал.

Двигаясь с осторожностью, но проворно — уголки губ опустились и чуть подрагивают, как перед судорогой — Беверли обошла туалетный столик, ступая на цыпочках между осколками разбитого зеркала, и подхватила ремень в тот самый момент, когда Том отшвырнул туалетный столик в сторону. Потом она отступила, сунув руку в петлю. Отбросила волосы с глаз, наблюдая за ним в ожидании дальнейших действий.

Том поднялся. Один осколок порезал ему щеку. Косой порез, тонкий, как нитка, тянулся над бровью. Медленно поднимаясь, он щурился, глядя на нее, и она видела капли крови на его боксерах.

— Сейчас ты отдашь мне ремень, — прорычал он.

Она дважды обернула ремень вокруг руки и вызывающе смотрела на него.

— Прекрати это, Бев. Немедленно.

— Если подойдешь ко мне, я выбью из тебя все дерьмо. — Слова слетали с ее языка, но она не могла поверить, что произносит их именно она. И кем был этот дикарь в окровавленных трусах? Ее мужем? Отцом? Любовником в колледже, который однажды ночью из прихоти сломал ей нос? «*Господи, помоги мне*, — подумал она. — *Господи, помоги мне сейчас*». Но слова продолжали слетать. — Я могу

сделать и это. Ты — толстый и медлительный, Том. Я уезжаю и, полагаю, возможно, уже не вернусь. Я полагаю, все кончено.

— Кто этот Денбро?

— Забудь о нем. Я...

Она едва успела сообразить, что этот вопрос — отвлекающий маневр. Он бросился на нее, прежде чем она договорила последнее слово. Ремень по дуге рассек воздух, и звук, который разнесся по комнате, когда он вошел в контакт с губами Тома, очень уж походил на тот, который слышишь, когда удается, приложив немало усилий, вытащить из бутылки непослушную пробку.

Том взвизгнул, прижал руки ко рту, его глаза широко раскрылись от боли и шока. Кровь лилась между пальцев на тыльные стороны ладоней.

— Ты разбила мне рот, сука! — сдавленно закричал он. — Господи, ты разбила мне рот!

Он вновь двинулся на нее, выставив перед собой руки. Рот прекратился в мокрое красное пятно. Губы она разорвала ему как минимум в двух местах. С зуба сорвало коронку. Он ее выплюнул. Одна часть Беверли пятилась от всего этого кровавого ужаса, хотела закрыть глаза. Но другая Беверли ощущала дикую радость преступника, осужденного на казнь и освобожденного случайным землетрясением из блока смертников. Этой Беверли очень даже нравилось то, что она видела. «Лучше бы ты ее проглотил! — подумала другая Беверли. — Лучше б она застряла у тебя в глотке, чтобы ты ею подавился».

Именно эта Беверли взмахнула ремнем в последний раз — ремнем, которым он полосовал ее ягодицы, ноги, груди. Этим ремнем за последние четыре года он пользовал ее бессчетное число раз. И число ударов зависело от тяжести проступка. Том приходит домой, а обед не разогрет? Два удара. Бев работает допоздна в студии и забывает позвонить домой? Три удара. Эй, посмотрите на это — Беверли выписали штраф за парковку в неположенном месте. Один удар... по грудям. Бить он умел. Синяки оставались редко. Да и особой боли она не чувствовала. Только унижение. Вот что доставляло боль. И еще худшую боль вызывало осознание того, что она жаждала этой боли. Жаждала унижения.

«Этот удар отплатит за все», — на замахе подумала она.

Ударила низко, наискось, и ремень хлестанул по яйцам. Послышался короткий, но сильный звук, из тех, что доносится из со-

седского двора, где выбивают ковер. Этого удара вполне хватило. Боевой настрой Тома Рогана развеялся как дым.

Он издал пронзительный вопль и начал падать на колени, будто решил, что пора помолиться. Руками зажал промежность. Запрокинул голову. На шее вздулись жилы. Рот раскрылся в гримасе боли. Левое колено опустилось на тяжелый, с острыми зазубринами осколок флакона из-под духов, и Том молча завалился на бок, как кит. Одна рука оторвалась от яиц, чтобы схватиться за порезанное колено.

«Кровь, — подумала она. — Святой Боже, он весь в крови».

«Он выживет, — холодно ответила новая Беверли, та Беверли, которая объявилась после телефонного звонка Майка Хэнлона. — Такие, как он, всегда выживают. А ты выметайся отсюда, пока он не решил, что хочет продолжения банкета. Или — что пора спуститься в подвал за винчестером».

Беверли попятилась и почувствовала, как ногу пронзила боль: наступила на осколок разбитого зеркала. Она наклонилась и схватилась за ручку чемодана. Не отрывая глаз от Тома, вновь попятилась к двери, потом, пятясь, двинулась по коридору. Чемодан держала перед собой, обеими руками, и он бил ей по голеням, пока она пятилась. Порезанная пятка оставляла на полу кровавые следы. Добравшись до лестницы, она развернулась и начала быстро спускаться, не позволяя себе думать. Подозревала, что никаких связных мыслей в голове не осталось, по крайней мере на какое-то время.

Почувствовала прикосновение к ноге и вскрикнула.

Посмотрела вниз и увидела, что это свободный конец ремня. Петля оставалась на запястье. В тусклом свете ремень еще больше напоминал дохлую змею. Она швырнула его через перила, лицо перекосила гримаса отвращения, и она увидела, как ремень плюхнулся на ковер в прихожей, где и остался, изогнувшись буквой «S».

У подножия лестницы Беверли, скрестив руки, взялась за подол белой кружевной ночной рубашки и потянула ее через голову. Рубашку пятнала кровь, и она не хотела носить ее ни одной лишней секунды, ни при каких обстоятельствах. Она отшвырнула от себя рубашку, и та приземлилась на фикус у двери в гостиную, облепила его, как кружевной парашют. Беверли, голая, наклонилась к чемодану. Похолодевшие соски торчали, словно пули.

— БЕВЕРЛИ, НЕМЕДЛЕННО ПОДНИМАЙСЯ СЮДА!

Она ахнула, дернулась, вновь склонилась над чемоданом. Если он мог так громко кричать, значит, времени у нее гораздо меньше, чем она предполагала. Она открыла чемодан, вытащила трусики, блузку, старые «левисы». Натянула все на себя, стоя у входной двери, не отрывая глаз от лестницы. Но Том не появился на верхней площадке. Он дважды прокричал ее имя, и всякий раз она отшатывалась, глаза начинали бегать, губы раздвигались, обнажая зубы.

Она вставляла пуговицы в петли на блузке, как могла быстро. Двух верхних не оказалось (ирония судьбы — для себя она теперь практически ничего не шила), и Беверли подумала, что выглядит она, как проститутка, ищущая, с кем бы еще раз наскоро перепихнуться, прежде чем закончить трудовую ночь... а впрочем, сойдет и такой наряд.

— Я ТЕБЯ УБЬЮ, СУКА! ГРЕБАНАЯ СУКА!

Она захлопнула крышку чемодана, защелкнула замки. Рукав другой блузки торчал из-под крышки, как язык. Она торопливо огляделась, подозревая, что больше уже никогда не увидит этот дом.

Мысль эта принесла ей только облегчение, поэтому она открыла дверь и вышла.

Она отшагала три квартала, не очень-то понимая, что делает, когда до нее дошло, что идет она босиком. Порезанная нога, левая, при каждом шаге отдавала тупой болью. Конечно, нужна бы какая-то обувь, но время — почти два часа ночи. Ее бумажник и кредитные карточки остались дома. Она залезла в карманы джинсов, но не обнаружила ничего, кроме пыли. У нее не было ни десятика, не было даже цента. Она оглядела жилой квартал, в который забрела: красивые дома, ухоженные лужайки, подстриженные кусты, темные окна.

И внезапно ее разобрал смех.

Беверли Роган сидела на низкой каменной стене, поставив чемодан между ног, и хохотала. Светили звезды, и какие яркие! Она запрокинула голову и смеялась, глядя на звезды, безудержное веселье накатило на нее, как приливная волна, которая поднимала, несла и очищала, сила, такая могучая, что любая сознательная мысль растворялась в ней, думать могла только кровь, и лишь ее властный голос говорил с Беверли бессловесным языком желания, хотя чего желал этот голос, она так и не поняла, да ее это и не интересовало. Ей вполне хватало ощущения тепла, которым наполняла ее настойчивость этого голоса. Желание, подумала она, и внут-

ри нее приливная волна веселья набрала скорость, неся к какому-то неизбежному крушению.

Она смеялась, глядя на звезды, испуганная, но свободная, в компании ужаса, острого, как боль, и сладкого, как зрелое октябрьское яблоко, и когда в спальне на втором этаже дома, где жили владельцы этой низкой каменной стены, зажегся свет, она схватила за ручку свой чемодан и убежала в ночь, все еще смеясь.

6
Билл Денбро берет отпуск

— Уехать? — повторила Одра в замешательстве, чуть испуганная, а потом подобрала под себя босые ноги, подняв их с пола. Холодного, как и весь коттедж, если на то пошло. Эта весна на юге Англии выдалась как никогда промозглой, и Билл Денбро во время своих регулярных утренних и вечерних прогулок не единожды думал о Мэне... думал, что странно, о Дерри.

Вроде бы коттедж оборудовали системой центрального отопления (так, во всяком случае, указывалось в объявлении о сдаче в аренду, и они нашли котел, установленный в чистеньком маленьком подвале, в том уголке, где раньше размещался ларь с углем), но они с Одрой очень быстро поняли, что британское представление о системе центрального отопления отличается от американского. Похоже, англичане полагали, что центральное отопление функционирует как должно, если утром твоя струя не превращается в лед по пути к унитазу. И сейчас как раз было утро, без четверти восемь. Билл положил трубку пятью минутами раньше.

— Билл, ты не можешь просто уехать. Ты это знаешь.

— Я должен, — ответил он. У дальней стены стоял буфет. Билл подошел к нему, взял с верхней полки бутылку «Гленфиддика»*, налил в стакан. Часть выплеснулась мимо. — Черт, — пробормотал он.

— Кто тебе звонил? Чего ты боишься, Билл?

— Я не боюсь.

— Да? У тебя всегда так дрожат руки? Ты всегда начинаешь пить до завтрака?

---

* «Гленфиддик» — шотландский виски.

Он вернулся к креслу, полы халата обвивали щиколотки, сел. Попытался улыбнуться, но получалось не очень, и он решил обойтись без улыбки.

В телевизоре диктор Би-би-си как раз заканчивал выдавать утреннюю порцию плохих новостей, прежде чем перейти к результатам вчерашних футбольных матчей. По прибытии в маленькую пригородную деревушку Флит за месяц до начала съемок их восхитил технический уровень английского телевидения — на экране хорошего цветного телевизора «Пай» все выглядело как живое, так и хотелось шагнуть внутрь. «Больше строк или что-то в этом роде», — заметил тогда Билл. «Я не знаю, в чем дело, но это здорово», — ответила Одра. Но потом выяснилось, что большую часть эфирного времени занимают американские шоу, телесериалы вроде «Далласа» и бесконечные спортивные трансляции, от неведомых ранее и скучных (чемпионат по дартсу, все участники которого выглядели, как заторможенные борцы сумо) до просто скучных (британский футбол оставлял желать лучшего, крикет был еще хуже).

— В последнее время я много думал о доме. — Билл отхлебнул из стакана.

— О доме? — На ее лице отразилось столь искреннее недоумение, что он рассмеялся.

— Бедная Одра! Уже чуть ли не одиннадцать лет, как вышла за парня, и ничегошеньки о нем не знаешь. Что ты об этом знаешь? — Он вновь рассмеялся и осушил стакан. Смех этот совершенно ей не понравился, как и стакан виски до завтрака в его руке. Смех этот больше напоминал вопль боли. — Интересно, а у остальных есть мужья или жены, которые тоже только что выяснили, сколь мало они знают. Наверное, есть.

— Билли, я знаю, что люблю тебя, — ответила она. — Одиннадцати лет для этого хватило.

— Я знаю. — Он ей улыбнулся, и в улыбке читались нежность, усталость и страх.

— Пожалуйста. Пожалуйста, скажи мне, что все это значит.

Она смотрела на него восхитительными серыми глазами, сидя в обшарпанном кресле арендованного дома с поджатыми под себя и прикрытыми подолом ночной рубашки ногами, женщина, которую он полюбил, на которой женился и любил по-прежнему. Он попытался глубже заглянуть ей в глаза, чтобы увидеть, что она зна-

ла. Попытался представить все это как историю. Он мог, но прекрасно понимал, что продать такую историю не удастся.

Бедный мальчик из штата Мэн поступает в университет, получив стипендию. Всю жизнь он хотел стать писателем, но, записавшись на литературные дисциплины, обнаруживает, что заблудился в странной и пугающей стране, а компаса у него нет. Один парень хочет стать Апдайком. Другой — Фолкнером Новой Англии, только он хочет писать романы о суровой жизни бедняков белым стихом. Одна девушка восхищается Джойс Кэрол Оутс, но чувствует, что Оутс «радиоактивна в литературном смысле», потому что выросла в сексистском обществе. Оутс не может быть добродетельной. Она же будет более добродетельной. Один низкорослый толстый аспирант не может или не хочет говорить громче шепота. Этот парень написал пьесу, в которой девять персонажей. Каждый произносит только одно слово. Мало-помалу персонажи понимают, что если слова сложить вместе, получится предложение: «Война — это средство, которое используется всеми сексистскими торговцами смертью». Парень получает пятерку от человека, который ведет Н-141, семинар писательского мастерства. Этот преподаватель опубликовал четыре книги сборника стихов и свою диссертацию, все в местном университетском издательстве. Он курит травку и носит медальон с пацификом. Пьесу толстяка-шептуна ставит театральная группа во время забастовки с требованием прекратить войну, которая проводилась в кампусе в 1970 году. Преподаватель играет одну из ролей.

Билл Денбро тем временем написал один детективный рассказ — убийство в запертой комнате, три научно-фантастических рассказа и несколько рассказов-ужастиков, в которых многое взято из Эдгара По, Г.Ф. Лавкрафта и Ричарда Матесона — позже он скажет, что эти рассказы напоминали катафалк середины XIX века, снабженный компрессором и выкрашенный красной фосфоресцирующей краской.

Один из НФ-рассказов приносит ему четверку.

«Уже лучше, — пишет преподаватель на титульной странице. — В контратаке инопланетян мы видим порочный круг, в котором *насилие порождает насилие*; мне особенно понравился «иглоносый» космический корабль, как символ социосексуального нашествия. Это интересно, хотя и напоминает чуть стертый скрытый подтекст».

Все остальные опусы получают максимум тройку.

Наконец как-то раз он встает после обсуждения рассказика болезненно-бледной девушки о том, как корова изучала выброшенный кем-то двигатель на незасеянном поле (то ли после атомной войны, то ли безо всякой войны), которое продолжалось семьдесят минут или около того. Болезненно-бледная девушка курит одну сигарету «Винстон» за другой да рассеянно ковыряет прыщи, разбросанные по впадинам висков. Она настаивает, что ее маленький рассказ — социополитическое заявление в стиле раннего Оруэлла. Большинство группы и преподаватель соглашаются, но дискуссия тянется и тянется.

Когда Билл встает, все смотрят на него. Он высокий и харизматичный.

Медленно произнося слова, не заикаясь (он не заикался уже более пяти лет), он начинает: «Я совсем этого не понимаю. Я ничего в этом не понимаю. Почему литературное произведение должно быть социокаким-то? Политика... культура... история... разве они не естественные ингредиенты любого литературного произведения, если оно хорошо написано? Я хочу сказать... — Он оглядывается, видит враждебные глаза и смутно осознает, что его выступление они воспринимают как какую-то атаку. Может, так оно и есть. Они думают, доходит до него, что в их ряды, возможно, затесался сексистский торговец смертью. — Я хочу сказать... разве вы не можете позволить литературному произведению быть просто литературным произведением?»

Никто не отвечает. Молчание расползается по аудитории. Он стоит, переводя взгляд с одной холодной пары глаз на другую. Болезненно-бледная девушка выпускает струю дыма и тушит окурок в пепельнице, которую всегда носит в рюкзаке.

Наконец к нему обращается преподаватель, мягко, как к ребенку, устроившему необъяснимую истерику: «Ты веришь, что Уильям Фолкнер просто рассказывал истории? Ты веришь, что Шекспира интересовали только деньги? Давай, Билл. Скажи нам, что ты об этом думаешь?»

— Я думаю, что это близко к истине, — отвечает Билл после долгой паузы, в течение которой честно обдумывает вопрос, и видит в их глазах осуждение.

— Полагаю, — говорит преподаватель, играя ручкой и с улыбкой глядя на Билла из-под прикрытых веками глаз, — тебе еще предстоит многому научиться.

Где-то в глубинах аудитории зарождаются аплодисменты.

Билл уходит... но возвращается на следующей неделе, в стремлении набираться писательского мастерства. За это время он написал рассказ, который назвал «Темнота», историю о маленьком мальчике, обнаружившем, что в подвале его дома живет монстр. Мальчик не пугается его, сражается с ним и в конце концов побеждает. Он чувствует себя на седьмом небе, когда пишет этот рассказ; он даже чувствует, что и не пишет вовсе — просто позволяет рассказу изливаться из него. В какой-то момент он кладет ручку и выносит свою горячую, уставшую руку на двенадцатиградусный декабрьский мороз, где она чуть ли не дымится от разности температур. Он ходит по кампусу, обрезанные зеленые сапоги скрипят по снегу, как петли ставен, которым требуется смазка, а его голова просто раздувается от истории. Это немного пугает — ее желание вырваться наружу. Он чувствует, если она не сможет выйти из головы через летающую по бумаге, зажатую в его руке ручку, то выдавит ему глаза, в стремлении вырваться и обрести конкретную форму. «Собираюсь сделать из нее конфетку», — признается он ветреной зимней темноте и смеется... неуверенно как-то смеется. Он полностью отдает себе отчет, что наконец-то понял, как это делается — после десяти лет поисков внезапно обнаружил кнопку стартера огромного, застывшего бульдозера, который занимал столько места в его голове. Он завелся. Заревел, заревел. В ней нет ничего красивого, в этой большущей машине. Она предназначена не для того, чтобы возить хорошеньких девушек на танцы. Это не статусный символ. Это машина для работы. Она может сшибать что угодно. Если не будешь осторожным, она сшибет и тебя.

Он спешит в дом и заканчивает «Темноту» в один присест, пишет до четырех часов утра и наконец засыпает на тетради. Если бы кто-нибудь сказал ему, что писал он о своем брате Джордже, Билл бы удивился. Он не думал о Джордже долгие годы — во всяком случае, он искренне в это верит.

Рассказ возвращается от преподавателя с жирной единицей на титульной странице. Под единицей еще две строки, большими буквами. Одна — «БУЛЬВАРНОЕ ЧТИВО». Вторая — «МАКУЛАТУРА».

Билл несет пятнадцатистраничную рукопись к дровяной печке, открывает крышку топки. Но за мгновение до того, как рукопись полетела бы в огонь, он осознает абсурдность своего поступка. Садится в кресло-качалку, смотрит на плакат «Грейтфул Дэд» и

начинает смеяться. Бульварное чтиво? Макулатура? Отлично! Пусть это бульварное чтиво! Мир полон бульварного чтива!

— Пусть они рубят чертовы деревья на бумагу для бульварного чтива! — восклицает Билл и смеется, пока слезы не начинают скатываться из глаз на щеки.

Он перепечатывает титульную страницу, где преподаватель оставил свой вердикт, и посылает рассказ в журнал для мужчин «Белый галстук» (хотя по тому, что Билл видит в этом журнале, его следовало бы назвать «Обнаженные девушки, которые выглядят, как наркоманки»). Однако в его истрепанном «Райтерс маркет»* указано, что они покупают рассказы-ужастики, и в двух номерах, приобретенных в местном семейном магазинчике, он действительно нашел четыре рассказа-ужастика, втиснутые между обнаженными девушками и рекламой порнофильмов и таблеток для повышения потенции. Один из них, написанный Деннисом Этчисоном, очень даже хорош.

Он посылает «Темноту» без особых надежд — он посылал уже много рассказов в разные журналы, но получал одни лишь отказы, поэтому он как громом поражен и обрадован, когда заведующий отделом литературы журнала «Белый галстук» покупает рассказ за двести долларов, с оплатой по публикации. Заместитель заведующего дополняет решение босса короткой запиской, в которой называет творение Билла «лучшим чертовым рассказом-ужастиком после «Банки» Рэя Брэдбери». Далее зам написал: «Очень жаль, что от побережья до побережья прочитают его лишь человек семьдесят», — но Билла Денбро это не волнует. Двести долларов!

Он идет к своему куратору с бланком отказа от посещения Н-141. Куратор дает добро. Билл Денбро степлером соединяет бланк с хвалебным письмом заместителя заведующего литературного отдела и прикрепляет обе бумажки к доске объявлений на двери кабинета преподавателя, ведущего семинар писательского мастерства. В углу доски объявлений он видит антивоенную карикатуру. И внезапно, словно обретя собственную волю, его пальцы достают ручку из нагрудного кармана, и на карикатуре он пишет: «Если беллетристика и политика когда-нибудь действительно станут взаимозаменяемыми, я покончу с собой, потому что не знаю, что еще

* «Райтерс маркет» — ежегодник с самой разнообразной информацией, которая может потребоваться писателям.

можно сделать. Видите ли, политика постоянно меняется. Истории — никогда». Останавливается, а потом, в некотором смущении (но ничего не может с собой поделать) добавляет: «Полагаю, вам еще предстоит многому научиться».

Три дня спустя бланк отказа возвращается к нему через почту кампуса. Преподаватель его подписал. В графе «ОЦЕНКА НА МОМЕНТ ПРЕКРАЩЕНИЯ ЗАНЯТИЙ» поставил не двойку и не тройку, право на которые давали Биллу полученные ранее отметки, а сердито выведенную единицу. Ниже преподаватель написал: «Думаешь, деньги что-то кому-то доказывают, Денбро?»

— Что ж, если на то пошло, то да, — говорит Билл Денбро пустой квартире и вновь начинает дико хохотать.

На последнем году обучения в колледже он решается написать роман, потому что понятия не имеет, за что берется. Из эксперимента он выходит потрепанным, испуганным... но живым, с рукописью в почти пять сотен страниц. Рукопись посылает в «Викинг пресс», зная, что это будет лишь первая из многих остановок для его книги о призраках... но ему нравится кораблик на логотипе «Викинга», а потому приятнее начать именно с этого издательства. Но, так уж вышло, первая остановка становится последней. «Викинг» покупает книгу — и для Билла Денбро начинается сказка. Человек, которого когда-то звали Заика Билл, добивается успеха в двадцать три года. Тремя годами позже и в трех тысячах миль от севера Новой Англии он обретает статус чудаковатой знаменитости, обвенчавшись в голливудской церкви в Пайнс с кинозвездой на пять лет его старше.

Колонки светской хроники отводят новому союзу семь месяцев. Вопрос лишь в том, говорится в них, закончится все разводом или признанием брака недействительным. Друзья (и враги) с обеих сторон придерживаются того же мнения. Помимо разницы в возрасте хватает и других очень уж явных диспропорций. Он — высокий, уже лысеющий, уже начинающий полнеть. В компании говорит медленно, временами понять его просто невозможно. Одра — с золотисто-каштановыми волосами, статная, великолепная. По виду — не земная женщина, а представительница какой-то сверхрасы полубогов.

Его наняли написать сценарий по его второму роману, «Черная стремнина» (главным образом потому, что право на написание как минимум первого варианта сценария стало непреложным условием продажи прав на экранизацию, несмотря на заявления

его литературного агента, что он рехнулся), и его вариант на самом деле оказался очень даже неплохим. Билла пригласили в Юниверсал-Сити для доработки сценария и дальнейшей работы над фильмом.

Его литагент — миниатюрная женщина Сьюзен Браун. Ее рост ровно пять футов. Она необычайно энергична и даже еще более эмоциональна.

— Не делай этого, Билли, — говорит она ему. — Откажись. Они вложили в этот фильм много денег и найдут хорошего сценариста. Может, даже позовут Гольдмана*.

— Кого?

— Уильяма Гольдмана. Единственный хороший писатель, который поехал туда и одним выстрелом убил двух зайцев.

— О чем ты говоришь, Сьюзи?

— Он остался там и не растерял мастерства, — отвечает она. — Шансы на то, что так и будет, не выше шансов победить рак легких. Такое возможно, но кому охота пробовать? Ты сгоришь на сексе и спиртном. Или от каких-то новых таблеток. — Безумно завораживающие карие глаза Сьюзен сверкают. — А если выяснится, что заказ получит какой-нибудь зануда, а не такой, как Гольдман, что с того? Книга на полке. Они не могут изменить ни слова.

— Сьюзен...

— Послушай меня, Билли! Хватай деньги и беги. Ты молодой и сильный. Такие им и нужны. Ты поедешь туда, и первым делом они лишат тебя самоуважения, а потом и способности писать. Это прямая линия из пункта А в пункт Б. И последнее, но не менее важное: из тебя высосут весь тестостерон. Ты пишешь, как мужчина, но ты всего лишь мальчишка с очень высоким лбом.

— Я должен ехать.

— Кто здесь пернул? — Она морщит носик. — Должно быть, потому что что-то точно завоняло.

— Но я поеду. Должен.

— Господи!

— Я должен уехать из Новой Англии. — Он боится произнести следующую фразу (для него это все равно, что произнести закля-

---

* Гольдман, Уильям (р. 1931) — писатель, драматург, один из самых знаменитых американских сценаристов, дважды лауреат премии «Оскар», адаптировавший для экранизации три романа Стивена Кинга: «Мизери» (1990), «Сердца в Атлантиде» (2001) и «Ловец снов» (2003).

тие), но не считает возможным скрывать от нее. — Я должен уехать из Мэна.

— Но почему, скажи на милость?

— Не знаю. Просто должен.

— Ты говоришь мне что-то серьезное, Билли, или говоришь как писатель?

— Это серьезно.

Этот разговор они ведут в постели. Груди ее маленькие, как персики, и такие же сладкие. Он крепко ее любит, но оба знают, что любовь эта ненастоящая. Она садится — простыня сползает на колени — и закуривает. Она плачет, но он сомневается, знает ли она, что он в курсе. У нее просто по-особому блестят глаза. Упоминать об этом бестактно, он и не упоминает. Он не любит ее по-настоящему, но она ему далеко не безразлична.

— Тогда поезжай. — Голос становится деловито-сухим, она поворачивается к нему — Позвони, когда закончишь, если у тебя останутся силы. Я приеду и подберу остатки. Если останется, что подбирать.

Киноверсия романа «Черная стремнина» называется «Логово Черного демона», и Одра Филлипс играет главную роль. Название ужасное, но фильм получается очень даже ничего. Так что в Голливуде он оставляет одну-единственную часть своего тела — сердце.

— Билл. — Голос Одры вырывает его из воспоминаний. Он замечает, что она выключила телевизор. Смотрит на окно и видит лижущий стекла туман.

— Я объясню, насколько смогу, — пообещал он. — Ты этого заслуживаешь. Но сначала я попрошу тебя кое-что сделать.

— Хорошо.

— Налей себе чашку чая и расскажи, что ты знаешь обо мне. Или думаешь, что знаешь.

Она в недоумении посмотрела на него, потом прошла к высокому комоду на ножках.

— Я знаю, что ты из Мэна. — Она налила себе чай из чайника, что стоял на подносе для завтрака. Она родилась и жила в Америке, но в голосе слышался английский выговор — следствие роли, которую она играла в «Комнате на чердаке». Они приехали в Англию на съемки этого фильма. Билл впервые написал оригинальный сценарий. Ему предложили поставить фильм. Слава богу, он отказался: его отъезд окончательно бы все порушил. Он и так знал, что

они скажут, вся съемочная группа. Билли Денбро наконец-то показал свое истинное лицо. Еще один хренов писатель, безумнее, чем сортирная крыса.

И, видит Бог, он чувствовал себя безумцем.

— Я знаю, что у тебя был брат, которого ты очень любил, но он умер, — продолжила Одра. — Я знаю, что ты вырос в городке, который назывался Дерри, через два года после смерти брата переехал в Бангор, в четырнадцать лет — в Портленд. Я знаю, что твой отец умер от рака легких, когда тебе исполнилось семнадцать. И ты написал бестселлер, еще учась в колледже, оплачивая обучение стипендией и деньгами, которые получал, работая на текстильной фабрике. Должно быть, тебе это показалось очень необычным... такое изменение в доходах. В перспективах.

Она вернулась в ту часть комнаты, где находился он, и он увидел это в ее лице: осознание, что в их отношениях есть белые пятна.

— Я знаю, что ты написал «Черную стремнину» годом позже и приехал в Голливуд. За неделю до начала съемок ты встретил совсем запутавшуюся женщину, которую звали Одра Филлипс, и она немного знала о том, через что тебе пришлось пройти... эти безумные перемены в жизни... потому что пятью годами раньше была никому не известной Одри Филпотт. И эта женщина тонула...

— Одра, не надо...

Ее глаза не отрывались от его.

— Почему нет? Давай скажем правду и посрамим дьявола. Я тонула. За два года до встречи с тобой я открыла для себя попперсы*, годом позже — кокаин, который понравился мне еще больше. Попперс утром, кокаин днем, вино вечером, валиум — на ночь. Витаминный набор Одры. Слишком много важных встреч, слишком много хороших ролей. Я очень уж напоминала персонаж из романа Жаклин Сюзанн**. Это было так весело. Знаешь, как я воспринимаю то время, Билл?

— Нет.

---

* Попперсы — сленговое название группы алкилированных нитратов, которые употребляются ингаляционным путем (во время вдыхания). Попперсы часто используются лицами, употребляющими кокаин и экстази, для продления эйфории и уменьшения депрессии во время абстинентного состояния.

** Сюзанн, Жаклин (1918–1974) — американская писательница, книги которой в немалой степени способствовали наступлению и развитию сексуальной революции. Одра говорит о первом романе писательницы, «Долина кукол» (1966).

Она мелкими глотками пила чай, смотрела ему в глаза и улыбалась.

— Все равно что бежишь по пешеходной дорожке в международном аэропорту Лос-Анджелеса. Понимаешь?

— Нет, не совсем.

— Это движущаяся пешеходная дорожка. Транспортер. Длиной в четверть мили.

— Я знаю дорожку. Но не понимаю, что ты...

— Ты можешь просто стоять, и она доставит тебя в зал выдачи багажа. Но если хочешь, ты можешь и не стоять. Можешь идти по ней и даже бежать. И тебе кажется, что ты идешь нормальным шагом, или, как обычно, бежишь трусцой, или просто бежишь, как обычно, или, как обычно, несешься на полной скорости: тело забывает, но в действительности ты добавляешь свою скорость к скорости дорожки. Поэтому там, где дорожка заканчивается, вывешены таблички с предупреждением: «ПРИТОРМОЗИТЕ, СХОД С ДВИЖУЩЕЙСЯ ДОРОЖКИ». Когда я встретила тебя, я чувствовала, что как раз сбегаю с движущейся дорожки на твердую землю. То есть мое тело находилось миль на девять впереди моих ног. Сохранить равновесие невозможно. Рано или поздно ты хлопнешься лицом об пол. Только я не хлопнулась. Потому что ты меня поймал.

Она отставила чашку и закурила, продолжая смотреть ему в глаза. Он понял, что у нее дрожат руки, только по движению огонька зажигалки, который ушел вправо от сигареты, потом влево, прежде чем нашел цель.

Одра глубоко затянулась, выпустила струю дыма.

— Что я знаю о тебе? Я знаю, что ты вроде бы всегда держишь все под контролем. Это я знаю. Ты, похоже, никогда не торопишься, боясь пропустить следующий стакан, следующую встречу или следующую вечеринку. Ты, похоже, уверен, что никуда все это не денется... к тому моменту, когда у тебя возникнет желание выпить, встретиться, погулять. Ты говоришь медленно. Отчасти из-за того, что в Мэне растягивают слова, но главная причина — в тебе. Из всех моих тамошних знакомых ты был первым, кто решился говорить медленно. И мне приходилось сбавлять темп, чтобы слушать. Я смотрела на тебя и видела, что ты никогда не побежишь по движущейся дорожке, зная, что она и так доставит тебя в нужное место. Тебя, похоже, нисколько не трогали голливудские шумиха и истерия. Ты не стал бы арендовать «роллс-ройс», чтобы во второй

половине субботы проехаться по Родео-драйв на чужом автомобиле с престижными номерными знаками, сделанными по твоему заказу. Ты не стал бы нанимать пресс-агента, чтобы тот пробивал статьи о тебе в «Варьете» или в «Голливудский репортер». Ты бы никогда не попал в шоу Карсона.

— Писателей туда приглашают, если они умеют показывать карточные фокусы или гнуть ложки. — Билл улыбнулся. — Это федеральный закон.

Он думал, что она тоже улыбнется, но напрасно.

— Я знаю, когда мне потребовалась твоя помощь, ты меня не подвел. Когда я слетела с конца движущейся дорожки, как О-Джей Симпсон в старом рекламном плакате «Хертца». Возможно, ты меня спас от лишней таблетки, которая наложилась бы на избыток спиртного. А может, я бы и сама удержалась на ногах по ту сторону движущейся дорожки и теперь излишне все драматизирую. Но... не похоже на это. Не чувствую я в себе силы, которая удержала бы меня.

Она затушила сигарету всего лишь после двух затяжек.

— Я знаю, с тех пор ты всегда был рядом со мной. И я — рядом с тобой. В постели у нас все складывается отлично. Раньше я придавала этому большое значение. Но у нас все складывается отлично и вне постели, чему теперь я придаю еще большее значение. Я чувствую, что могу стареть рядом с тобой и не бояться этого. Я знаю, ты пьешь слишком много пива и слишком мало двигаешься; я знаю, иногда тебе снятся кошмары...

Он вздрогнул. Неприятно удивленный. Почти что испуганный.

— Мне никогда ничего не снится.

Она улыбнулась:

— Ты так и говоришь интервьюерам, когда они спрашивают тебя, откуда ты берешь свои идеи. Но это неправда. Если только тебя не заставляет стонать по ночам несварение желудка. И я в это не верю, Билли.

— Я говорю? — осторожно спросил он. Потому что действительно не мог вспомнить никаких снов. Ни хороших, ни плохих.

Одра кивнула:

— Иногда. Но я не смогла разобрать ни слова. И пару раз ты плакал.

Он тупо смотрел на нее. Во рту появился неприятный привкус. Тянулся по языку и уходил в горло, как вкус растаявшей таблетки

аспирина. «Теперь ты знаешь, каков вкус у страха, — подумал он. — Пора это выяснить, учитывая, как много ты написал на сей предмет». И он полагал, что к этому вкусу успеет привыкнуть. Если проживет достаточно долго.

Воспоминания вдруг начали рваться наружу. Будто где-то в глубинах рассудка вздулся черный волдырь, угрожая лопнуть и изрыгнуть пагубные

(*сны*)

образы из подсознания в поле мысленного видения, которое управлялось сознанием... и, появившись одновременно, образы эти свели бы его с ума. Он попытался затолкать их назад, и ему это удалось, но лишь после того, как он услышал голос — словно кого-то похоронили живьем и он кричал из-под земли. Принадлежал голос Эдди Каспбрэку.

«Ты спас мне жизнь. Эти большие парни, они меня совсем замордовали. Иногда я думаю, что они действительно хотят меня убить...»

— Твои руки, — указала Одра.

Он посмотрел на них. Они покрылись мурашками. Не маленькими, а огромными белыми узлами, напоминающими яйца насекомых. Они оба смотрели на его руки, не произнося ни слова, будто любовались каким-то музейным экспонатом. Мурашки медленно растеклись.

Возникшую паузу нарушила Одра.

— И я знаю еще одно. Сегодня утром тебе позвонил кто-то из Штатов и сказал, что ты должен уехать.

Он встал, коротко глянул на бутылки со спиртным, прошел на кухню, вернулся со стаканом апельсинового сока.

— Ты знаешь, что у меня был брат, и знаешь, что он умер, но тебе не известно, что его убили.

У Одры перехватило дыхание.

— Убили! Ох, Билл, почему ты никогда не...

— Говорил тебе? — Он рассмеялся, смех этот напоминал лай. — Не знаю.

— Что случилось?

— Тогда мы жили в Дерри. Город залило дождем, но худшее уже миновало. Джордж скучал. Я болел гриппом, лежал в постели. Он захотел, чтобы я сложил ему кораблик из газетного листа. Я это

умел, годом раньше научился в дневном лагере. Он сказал, что пустит его по ливневым канавам Уитчем-стрит и Джонсон-стрит, так как по ним по-прежнему текла вода. Я сделал ему кораблик, и он поблагодарил меня, и пошел на улицу, и больше я не видел моего брата Джорджа живым. Если бы я не болел гриппом, то, возможно, сумел бы его спасти.

Он помолчал, правой ладонью потер левую щеку. Словно проверяя, не выросла ли щетина. Его глаза, увеличенные линзами очков, казались задумчивыми, но он на нее не смотрел.

— Произошло все на Уитчем-стрит, там, где она пересекается с Джексон. Тот, кто это сделал, оторвал ему левую руку с той же легкостью, с какой второклассник отрывает у мухи крылышко. Судебный патологоанатом сказал, что он умер от шока или от потери крови. По мне, так разницы никакой.

— Господи, Билл!

— Наверное, ты удивляешься, почему я тебе этого не говорил. По правде говоря, я тоже удивляюсь. Мы женаты одиннадцать лет, и до сегодняшнего дня ты не знала, как умер Джорджи. Я знаю все о твоей семье, даже о дядюшках и тетушках. Я знаю, что твой отец умер в своем гараже в Айова-Сити, потому что пьяным угодил под бензопилу, которую сам же и включил. Я знаю все это, потому что муж и жена, какими бы занятыми они ни были, через какое-то время узнают друг о друге практически все. И если им становится совсем уж скучно и они перестают слушать, все равно как-то узнают... может, и без слов. Или ты думаешь, я не прав?

— Нет. — Она покачала головой. — Конечно, ты прав, Билл.

— И мы всегда могли говорить друг с другом, так? Я хочу сказать, ни одному из нас разговор не наскучивал до такой степени, что мы предпочитали обходиться без слов.

— Что ж, до сегодняшнего дня я тоже так думала.

— Перестань, Одра. Ты знаешь все, что случилось со мной за последние одиннадцать лет моей жизни. Каждый договор, каждую идею, каждую простуду, каждого друга, каждого парня, который причинил мне зло или попытался это сделать. Ты знаешь, что я спал со Сьюзен Браун. Ты знаешь, что иногда я становлюсь слезливым, если выпью и слишком уж громко завожу пластинки.

— Особенно «Грейтфул дэд», — уточнила она, и он рассмеялся.

На этот раз Одра улыбнулась.

— Ты знаешь и самое важное, то, к чему я стремлюсь, на что надеюсь.

— Да. Думаю, что знаю. Но это... — Она замолчала, покачала головой, задумалась. — Этот телефонный звонок имеет непосредственное отношение к твоему брату, Билл?

— Давай доберемся до сути моим путем. Не старайся загнать меня в эпицентр всего этого, потому что я не знаю, чем тогда все закончится. Оно такое огромное... и такое невероятно ужасное... что я стараюсь подбираться чуть ли не ползком. Видишь ли... мне в голову даже не приходила мысль о том, что я должен рассказать тебе о Джорджи.

Она смотрела на него, хмурясь, потом покачала головой.

— Я не понимаю.

— Я пытаюсь сказать тебе, Одра, что... я не думал о Джорджи двадцать лет, а то и больше.

— Но ты говорил мне, что у тебя был брат, которого звали...

— Я повторил это как факт биографии. И все. Его имя было всего лишь словом. Оно не вызвало никакого отклика в моем сознании.

— Но я думаю, оно, возможно, находит отклик в твоих снах, — произнесла Одра предельно спокойно.

— Отсюда стоны? Плач?

Она вновь кивнула.

— Возможно, в этом ты права. Чего там, ты практически наверняка права. Но сны, которые не помнишь, — не в счет, так?

— Ты действительно утверждаешь, что никогда о нем не думал?

— Нет. Никогда.

Она покачала головой, показывая, что не верит ему.

— Даже о его ужасной смерти?

— До сегодняшнего дня — никогда.

Она посмотрела на него, снова покачала головой.

— Ты спросила у меня перед свадьбой, есть ли у меня братья или сестры, и я ответил, что у меня был брат, но он умер. Ты знала, что мои родители тоже умерли, а у тебя так много родственников, что тебе хватало с ними забот. Но это еще не все.

— В каком смысле?

— В эту черную дыру памяти попал не только Джордж. Я двадцать лет не думал о Дерри. О людях, с которыми я дружил... Эдди

Каспбрэк, Ричи Балабол, Стэн Урис, Бев Марш... — Он провел руками по волосам и рассмеялся дребезжащим смехом. — Все равно, как если у тебя такая сильная амнезия, что ты даже не подозреваешь о ней. И когда Майк Хэнлон позвонил...

— Кто такой Майк Хэнлон?

— Еще один мальчишка, с которым мы дружили... из тех, с кем я сдружился после смерти Джорджа. Разумеется, он уже не ребенок. Как и все мы. Это Майк позвонил по телефону, с той стороны Атлантики. «Алло... я попал в дом Денбро?» — спросил он, и когда я ответил, что да, последовал вопрос: «Билл? Это ты?» Я снова ответил «да» и услышал: «Это Майк Хэнлон». Для меня эти имя и фамилия ничего не значили, Одра. Он мог продавать энциклопедии или пластинки Берла Айвза. Тогда он добавил: «Из Дерри». И едва он произнес эти два слова, внутри у меня словно открылась дверь, из нее хлынул какой-то жуткий свет, и я вспомнил, кто он такой. Я вспомнил Джорджи. Я вспомнил всех остальных. Произошло все...

Билл щелкнул пальцами.

— Вот так. И я сразу понял, что он собирается попросить меня приехать.

— Вернуться в Дерри.

— Да. — Он снял очки, потер глаза, посмотрел на нее. Никогда в жизни она не видела более испуганного человека. — В Дерри. Потому что мы обещали, напомнил он, и мы обещали. Мы обещали. Все мы. Дети. Мы встали в речушке, которая бежит через Пустошь, встали в круг, взявшись за руки, и надрезали ладони осколком стекла, словно дети, которые играли в кровных братьев, только это была не игра.

Он протянул к ней руки ладонями вверх, и по центру каждой она смогла разглядеть узкую лесенку, белые перекладины и стойки которой могли быть давними шрамами. Она держала его руку (обе руки) бессчетное количество раз, но никогда раньше не замечала эти шрамы на ладонях. Да, они едва просматривались, но она могла бы поклясться...

И вечеринка! Та вечеринка!

Не первая, где они познакомились, хотя эта вторая стала идеальным, как в книге, счастливым концом для первой, поскольку проводилась по поводу завершения съемок «Логова Черного демона». Получилась она шумной и пьяной, по всем параметрам

соответствующей каньону Топанга*. Разве что с меньшим градусом озлобленности в сравнении с некоторыми лос-анджелесскими вечеринками, потому что съемки прошли лучше, чем кто-либо мог ожидать, и они все это знали. Для Одры Филлипс съемки эти прошли даже еще лучше, потому что она влюбилась в Уильяма Денбро.

И как звали ту самозваную хиромантку? Одра не могла вспомнить имени, знала только, что девушка была одной из двух помощниц гримера. Она помнила, как в какой-то момент вечеринки девушка сдернула с себя блузку (открыв очень даже прозрачный бюстгальтер) и соорудила из нее некое подобие цыганской шали. Накурившись травки, выпив вина, остаток вечера она гадала всем по ладони... во всяком случае, пока не отключилась.

Одра не могла вспомнить, какие предсказания выдавала девушка, хорошие или плохие, остроумные или глупые, — она в тот вечер тоже сильно набралась. Но прекрасно помнила, что в какой-то момент девушка схватила ее руку и руку Билла и объявила, что они очень и очень подходят друг другу. Идеальная пара. Одра помнила, что не без ревности наблюдала за лакированным ногтем девушки, исследующим линии на его ладони — и как глупо это выглядело в странной лос-анджелесской киношной субкультуре, где у мужчин вошло в привычку похлопывать женщин по заду точно так же, как в Нью-Йорке — целовать в щечку. Но в этом движении ногтя по линиям ладони было что-то интимное и томительное.

И тогда никаких белых шрамов на ладони Билла она не заметила.

А ведь наблюдала за процессом ревнивым взором любящей женщины, и не сомневалась в своей памяти. Точно знала — не было никаких шрамов.

Теперь она так и сказала об этом Биллу.

Он кивнул:

— Ты права. Их не было. И хотя я не могу в этом поклясться, не думаю, что они были здесь вчера вечером, в «Плуге и бороне». Мы с Ральфом опять соревновались в армрестлинге на пиво, и я думаю, что заметил бы их. — Он улыбнулся. Сухо, невесело и испуганно. — Думаю, они появились, когда позвонил Майк Хэнлон. Вот что я думаю.

---

* Каньон Топанга — один из анклавов богемы Лос-Анджелеса.

— Билл, это же невозможно. — Но она потянулась за сигаретами.

Билл смотрел на свои руки.

— Это делал Стэн. Резал наши ладони осколком бутылки из-под кока-колы. Теперь я помню это совершенно отчетливо. — Он посмотрел на Одру, и в глазах за линзами очков читались боль и недоумение. — Я помню, как осколок стекла блестел на солнце. Прозрачного стекла, от новой бутылки. Прежде бутылки кока-колы делали из зеленого стекла, помнишь? — Она покачала головой, но он этого не увидел. Снова изучал свои ладони. — Я помню, как свои руки Стэн порезал последним, прикинувшись, что собирается располосовать вены, а не сделать маленькие надрезы на ладонях. Наверное, он блефовал, но я чуть не шагнул к нему — чтобы остановить. На секунду-другую мне показалось, что он и впрямь хочет вскрыть себе вены.

— Билл, нет, — говорила она тихо. На этот раз, чтобы зажигалку в правой руке не мотало из стороны в сторону, она сжала запястье левой, как делает полицейский при стрельбе. — Шрамы не могут возвращаться. Или они есть, или их нет.

— Ты видела их раньше, да? Это ты мне говоришь?

— Они едва заметные, — ответила Одра, более резко, чем собиралась.

— У нас у всех текла кровь, — продолжил вспоминать Билл. — Мы стояли недалеко от того места, где Эдди Каспбрэк, Бен Хэнском и я построили тогда плотину...

— Ты не про архитектора?

— Есть такой архитектор?

— Господи, Билл, он построил новый коммуникационный центр Би-би-си! Здесь до сих пор спорят, что это, голубая мечта или жертва аборта!

— Что ж, я не знаю, о том ли человеке речь. Маловероятно, но возможно. Бен, которого я знал, любил что-нибудь строить. Мы стояли, и я держал левую руку Бев Марш в правой руке и правую руку Ричи Тозиера — в левой. Мы стояли в воде, словно баптисты юга после молитвенного собрания в шатре, и я помню, что видел на горизонте Водонапорную башню Дерри. Белую-белую, какими, по нашему представлению, должны быть одежды архангелов, и мы пообещали, мы поклялись, если все не закончилось, если все слу-

чится снова... мы вернемся. И сделаем все еще раз. Остановим это. Навсегда.

— Остановим — что? — воскликнула Одра, внезапно разозлившись на него. — Остановим — что? О чем, мать твою, ты говоришь?

— Я бы хотел, чтобы ты не с-с-спрашивала... — начал Билл и замолчал. И она увидела, как смущение и ужас растеклись по его лицу, словно пятно. — Дай мне сигарету.

Она протянула ему пачку. Он закурил. Курящим она никогда его не видела.

— Я раньше заикался.

— Ты заикался?

— Да. Давно. Ты сказала, что я — единственный человек в Лос-Анджелесе, который решается говорить медленно. По правде говоря, я не решаюсь говорить быстро. Это не рефлексия. Не осмотрительность. Не мудрость. Все излечившиеся заики говорят медленно. Это один из навыков, которые человек приобретает, когда, например, мысленно произносит свою фамилию, прежде чем представиться, потому что у большинства заик с существительными проблем больше, чем с другими частями речи, и самое трудное слово для них — собственное имя.

— Заикался. — Она выдавила из себя легкую улыбку, будто он рассказал анекдот, а она не уловила соль.

— До смерти Джорджи я заикался умеренно, — ответил Билл и уже слышал, как слова начали двоиться у него в голове, и появляющиеся двойники отделялись от них на бесконечно малую толику времени; нет, с языка они слетали нормально, в его привычной замедленной и мелодичной манере, но в голове он слышал, как слова, вроде «Джорджи» и «умеренно», разделялись и накладывались друг на друга, превращаясь в «Дж-Дж-Джорджи» и «у-у-умеренно»: — Я хочу сказать, иногда заикание резко усиливалось, обычно случалось это в классе, и особенно, если я знал ответ и хотел его дать, но по большому счету все было терпимо. После смерти Джорджи стало гораздо хуже. Однако потом, в четырнадцать или пятнадцать лет, ситуация стала меняться к лучшему. В Портленде я ходил в среднюю школу Шеврус, там логопедом работала миссис Томас, блестящий специалист. Она научила меня нескольким приемам. К примеру, думать о моем втором имени, прежде чем произнести вслух: «Привет, я — Билл Денбро». Я учил французский, и она посоветовала мне переходить на французский, если я совсем уж за-

стревал на каком-то слове. Поэтому, если ты стоишь столбом и готов провалиться сквозь землю, потому что не можешь сказать: «Эт-эт-эта к-к-к-к...» — и повторяешься, как заигранная пластинка, то достаточно переключиться на французский и «ce livre» легко слетит с языка. И это срабатывало каждый раз. А как только ты произнес это на французском, ты можешь вернуться на английский, и с «этой книгой» проблем больше не возникнет. А если ты застрял на каком-нибудь слове, начинающимся с буквы «эс», вроде «стенка», «сердце», «столб», ты начинаешь пришепетывать — «штенка», «шердце», «штолб». И никакого заикания.

Все это помогало, но основная причина заключалась в другом: живя с родителями в Портленде и учась в Шеврусе, я забывал Дерри и все, что там произошло. Я не забыл все в один миг, но теперь, оглядываясь назад, я должен сказать, что случилось все это в удивительно короткий срок. Возможно, за какие-то четыре месяца. Заикание и воспоминания уходили вместе. Кто-то вытер грифельную доску, и старые уравнения исчезли.

Он выпил остатки апельсинового сока.

— И когда я заикнулся на слове «спрашивала», это случилось впервые за, наверное, двадцать один год. — Он посмотрел на Одру. — Сначала шрамы, потом за-заикание. Ты с-слышала?

— Ты это делаешь специально! — воскликнула она, действительно испугавшись.

— Нет. Наверное, нет никакой возможности убедить в этом другого человека, но я говорю правду. Заикание — что-то непонятное, Одра. И страшное. На каком-то уровне ты даже не отдаешь себе отчета в том, что заикаешься. Но... ты можешь слышать его в голове. Словно часть твоего рассудка срабатывает на миг быстрее, чем рассудок в целом. Или в голове у тебя появился один из тех реверберераторов, которые подростки встраивали в стереосистемы своих развалюх в пятидесятые годы, благодаря чему звук из задних динамиков на доли секунды о-отставал от звука из пе-передних.

Билл встал, нервно прошелся по комнате. Он выглядел уставшим, и Одра вдруг с легкой тревогой подумала о том, с какой самоотдачей он работал последние тринадцать или около того лет, словно стремился подкрепить ограниченность своего таланта невероятным трудолюбием, и вкалывал практически без остановок. В голове появилась крайне неприятная мысль, и Одра попыталась вытолкать ее прочь, но не получилось. Допустим, на самом деле

Биллу позвонил Ральф Фостер, приглашая его в «Плуг и борону», чтобы померяться силой рук или сыграть в триктрак, или Фредди Файрстоун, продюсер «Комнаты на чердаке», чтобы обсудить ту или иную проблему? Может, даже «неправильно набрали номер», как сказала бы жена ну очень английского врача из соседнего коттеджа.

И куда вели такие мысли?

Само собой, к тому, что вся эта история с Дерри и Майком Хэнлоном не более чем галлюцинация. Галлюцинация, возникшая на фоне начинающегося нервного расстройства.

Но шрамы, Одра, как ты объяснишь шрамы? Он прав. Их не было... а теперь они есть. Непреложный факт, и ты это знаешь.

— Расскажи мне все остальное, — попросила она. — Кто убил твоего брата Джорджа? Что сделал ты и те другие дети? Что вы обещали?

Он подошел к ней, опустился на колени, как старомодный кавалер, собирающийся сделать предложение даме, взял ее за руки.

— Я думаю, что смог бы рассказать, — мягко начал он. — Думаю, если бы действительно захотел, смог бы. Большую часть я не помню даже сейчас, но, как только начал бы говорить, вспомнил бы все. Я чувствую эти воспоминания... им не терпится родиться. Они — облака, беременные дождем. Только дождь этот будет очень грязным. А вырастут после этого дождя растения-монстры. Может, я смогу встретиться с этим вновь, плечом к плечу с остальными...

— Они знают?

— Майк сказал, что позвонил всем. Он думает, что все и приедут... за исключением разве что Стэна. Он сказал, у Стэна был какой-то странный голос.

— И для меня все это звучит странно. Ты очень меня пугаешь, Билл.

— Извини. — Он поцеловал ее, и у нее возникло ощущение, что это поцелуй абсолютного незнакомца. Одра вдруг обнаружила, что ненавидит этого Майка Хэнлона. — Я подумал, что лучше попытаться объяснить, насколько возможно. Я подумал, это будет лучше, чем просто ускользнуть под покровом ночи. Полагаю, некоторые так и поступят. Но я должен уехать. И я думаю, что Стэн тоже появится там, как бы странно ни звучал его голос. А может, я говорю так, раз уж не могу себе представить, что не поеду.

— Из-за твоего брата?

Билл медленно покачал головой.

— Я мог бы так сказать, но это была бы ложь. Я любил его. Понимаю, как странно это звучит после моих слов о том, что я не думал о нем больше двадцати лет, но я чертовски его любил. — Он чуть улыбнулся. — Он был прилипалой, но я его любил. Понимаешь?

Одра, у которой была младшая сестра, кивнула.

— Понимаю.

— Но причина не в Джорджи. Я не могу объяснить, в чем. Я... — Он посмотрел через окно на утренний туман. — Я чувствую то же самое, что, должно быть, чувствует птица, когда наступает осень, и она знает... каким-то образом просто знает, что должна лететь домой. Это инстинкт, крошка... и, если на то пошло, я верю, что инстинкт — железный скелет под всеми нашими идеями о свободе воли. Есть ситуации, когда ты не можешь сказать «нет», если только не хочешь покончить с собой, скажем, пустить пулю в рот или броситься в море с высокого утеса. Ты не можешь отказаться от выбранного варианта, потому что вариантов-то просто нет, и возможностей что-либо изменить у тебя не больше, чем у стоящего в «доме» бэттера — уклониться от пущенного в него фастбола*. Я должен ехать. Это обещание... оно у меня в мозгу, как рыболовный к-к-крючок.

Одра поднялась, осторожно подошла к нему; она ощущала себя очень хрупкой, словно могла разлететься на тысячи осколков. Положила руку ему на плечо, развернула к себе.

— Тогда возьми меня с собой.

На его лице отразился жуткий страх (не от ее предложения, а за нее), настолько явный, что она отпрянула, впервые по-настоящему испугавшись.

— Нет, — ответил он. — Не думай об этом, Одра. Даже не думай об этом. Ты не подойдешь к Дерри ближе, чем на три тысячи миль. Думаю, в ближайшие пару недель Дерри будет совсем гиблым местом. Ты останешься здесь, продолжишь сниматься и будешь всячески выгораживать меня. А теперь пообещай мне, что так и будет.

— Пообещать? — спросила Одра, всматриваясь ему в глаза. — Пообещать, Билл?

---

* Фастбол — в бейсболе подача на силу.

— Одра...

— Думаешь, надо? Ты пообещал, и видишь, к чему это привело.

Его большие руки до боли сжали ей плечи.

— Пообещай мне! Пообещай! По-по-по-поо-поо...

Этого она вынести не могла, недоговоренного слова, которое билось у него во рту, словно пытающаяся сорваться с крючка рыба.

— Я обещаю, хорошо? Я обещаю! — Она разрыдалась. — Теперь ты доволен? Господи! Ты сумасшедший, и все это чистое безумие, но я обещаю!

Он обнял ее и увлек к дивану. Принес ей бренди. Она пила маленькими глоточками, медленно возвращая себе самообладание.

— Когда ты уезжаешь?

— Сегодня, — ответил он. — Улечу на «Конкорде». Успею, если поеду в Хитроу на автомобиле, а не на поезде. Фредди ждет меня на съемочной площадке после ленча. Ты поедешь к девяти, и ты ничего не знаешь, так?

Она нехотя кивнула.

— Я буду в Нью-Йорке, прежде чем кто-нибудь что-то сообразит. И в Дерри до захода солнца, если с перекладными все с-с-сложится.

— И когда я снова увижу тебя? — мягко спросила она.

Он обнял ее, крепко прижал к себе, но так и не ответил на этот вопрос.

ДЕРРИ:
Первая интерлюдия

Сколь многим человеческим глазам... удавалось взглянуть на тайное строение их тел за все прошедшие годы?

«Книги крови», Клайв Баркер

Приведенный ниже отрывок и последующие интерлюдии взяты из «Дерри: неофициальная история города» и написаны Майклом Хэнлоном. Это собрание заметок и фрагментов рукописи (они читаются как дневниковые записи) найдено в сейфе публичной библиотеки Дерри. Вышеуказанное название написано на обложке папки, где эти материалы хранились до появления в книге, которая сейчас перед вами. Автор, однако, в тексте несколько раз называет свой труд — «Дерри: взгляд через потайную дверь ада».

Нетрудно предположить, что мысль о публикации не единожды приходила в голову мистера Хэнлона.

2 января 1985 г.

Может ли весь город быть населен призраками?

Населен, как будто бы населены ими некоторые дома?

Не просто один-единственный дом во всем городе, не просто угол одной-единственной улицы, не просто единственная баскетбольная площадка в единственном крошечном парке, с кольцом без

сетки, которое в лучах заката кажется страшным и кровавым орудием пыток, не просто одно конкретное место.

Но все. Целый город.

Может такое быть?

Послушайте.

Haunted: «часто посещаемый привидениями или призраками». «Фанк и Уэгноллс»*.

Haunting: «постоянно приходящее в голову, никак не забывающееся». Опять «Фанк и Уэгноллс».

To haunt: «часто появляться или возвращаться, особенно в виде призрака». А теперь послушайте!

«Место, часто посещаемое: *курорт, кабинет, клуб...*» — курсив, конечно, мой.

И еще одно значение. Тоже, как и предыдущее, определяет haunt как существительное, и это значение действительно меня пугает: «Кормовая площадка для животных».

Место кормления животных.

Животных, которые избили Адриана Меллона, а потом сбросили с моста?

Животного, которое ждало под мостом.

Кормовая площадка для животных. Место кормления.

Что кормится в Дерри? Что кормится с Дерри?

Знаете, что интересно? Я представить себе не мог, что человек может стать таким пугливым, каким стал я после этой истории с Адрианом Меллоном, и продолжать жить, более того, работать. Такое ощущение, будто я из реальности переместился в какую-то историю, и все знают, что нечего так бояться до самого финала этой истории, когда скрывающийся во тьме наконец-то выйдет из леса, чтобы покормиться... естественно, тобой.

Тобой.

Но если это история, то не классический рассказ ужасов из литературного наследия Лавкрафта, Брэдбери или По. Видите ли, я знаю — не все, но многое. Я ведь начал бояться не в тот сентябрьский день прошлого года, когда раскрыл «Дерри ньюс», прочитал расшифровку показаний этого Ануина на предварительном слушании и понял, что клоун, который убил Джорджа Денбро, мог вновь

* «Фанк и Уэгноллс» — нью-йоркское издательство, основано в 1876 г. Специализируется на словарях, справочниках, энциклопедиях.

вернуться. Фактически страх возник где-то году в 1980-м... думаю, именно тогда какая-то часть меня, ранее спавшая, проснулась... зная, что может вновь прийти время Оно.

Какая часть? Наверное, сторожевая.

А может, я услышал голос Черепахи. Да... скорее так оно и было. Я знаю, этому Билл Денбро поверил бы.

Я отрывал новости о давних ужасах в старых книгах; читал о давних злодеяниях в старых периодических изданиях; и всегда в глубине души, день ото дня все громче, я слышал, как в морской ракушке, нарастающей, собирающейся воедино силы; до моих ноздрей словно долетал резкий запах озона грядущих молний. Я начал готовить эти заметки для книги, пусть и в уверенности, что до последней точки мне не дожить. Но при этом моя жизнь продолжалась. На одном уровне сознания я имел дело с самыми абсурдными, самыми невероятными ужасами, на другом — жил повседневными заботами библиотекаря маленького города. Я расставляю по полкам книги; заполняю библиотечные карточки новых читателей; выключаю аппараты для чтения микрофильмов, которые иногда оставляют включенными безответственные посетители; шучу с Кэрол Дэннер насчет того, как мне хочется с ней переспать, она шутит со мной насчет того, как ей хочется оказаться в моей постели, и мы оба знаем, что она действительно шутит, а я — нет, точно так же, как мы знаем, что она не задержится надолго в таком маленьком местечке как Дерри, а я не уеду отсюда до самой смерти, заклеивая порванные страницы «Бизнес уйк», присутствуя на ежемесячных собраниях по ознакомлению читателей с новыми поступлениями, где я всегда сижу с трубкой в одной руке и пачкой номеров «Библиотечного журнала» в другой... и просыпаясь глубокой ночью с кулаками, прижатыми ко рту, чтобы сдержать крик.

Готические условности — вранье. Мои волосы не поседели. Я не хожу во сне. Я не начал произносить загадочные фразы и не ношу спиритическую планшетку в кармане моего пиджака спортивного покроя. Думаю, я стал смеяться чуть больше, есть такое, и наверное, иногда смех мой звучит пронзительно и чудно, потому что, случается, люди недоуменно смотрят на меня, когда я смеюсь.

Часть меня (та, что Билл назвал бы голосом Черепахи) говорит, что я должен позвонить им всем сегодня вечером. Но уверен ли я абсолютно, даже теперь? Могу ли я быть абсолютно уверенным?

Нет — разумеется, нет. Но, видит Бог, случившееся с Адрианом Меллоном очень уж схоже с тем, что случилось с Джорджем, братом Заики Билла, осенью 1957 года.

Если все началось снова, я им позвоню. Я должен позвонить. Но не сейчас. Еще слишком рано. В прошлый раз все начиналось медленно и достигло пика лишь летом 1958 года. Поэтому... я жду. И заполняю ожидание словами в этих заметках и долгим стоянием у зеркала: я вижу в нем незнакомца, которым стал тот парнишка.

Застенчивое лицо мальчика-книгочея сменилось лицом мужчины, и лицо это — банковского кассира из вестерна, человека, который никогда ничего не говорит, лишь поднимает руки и выглядит испуганным, когда в банк входят грабители. И если сценарий требует, чтобы они кого-то убили, то под пули попадает именно он.

Все тот же старина Майк. Чуть застывший взгляд — это, наверное, есть, легкая потеря ориентации от недостатка сна, но этого не заметить, не приблизившись вплотную... на расстояние поцелуя, а я давно уже так ни с кем не сближался. Если не присматриваться ко мне, можно подумать, что я читаю слишком много книг, ничего больше. И едва ли кто-нибудь может догадаться (я, во всяком случае, в этом сомневаюсь), что человек с кротким лицом кассира изо всех сил старается держаться, держаться за собственный разум...

Если мне придется позвонить, мои звонки могут убить кого-то из них.

И это лишь одна из проблем, которые возникают передо мной долгими ночами, когда сон не идет, когда я в старомодной синей пижаме лежу в кровати, а на ночном столике соседствуют аккуратно сложенные очки и стакан с водой. Я всегда ставлю его туда, на случай, если ночью проснусь от жажды. Я лежу в темноте, маленькими глотками пью воду и гадаю, как много (или сколь мало) они помнят. Иногда я полностью убежден в том, что они ничего не помнят, потому что помнить им нет нужды. Я единственный, кто слышит голос Черепахи, единственный, кто помнит, потому что только я остался в Дерри. А поскольку их разнесло по всей стране, им невдомек, как одинаково сложились судьбы каждого из них. Созвать их сюда, показать им эту одинаковость... да, кого-то это может убить. Может убить даже всех.

Вот я думаю и думаю об этом, думаю о них, пытаясь увидеть, какими они были и какими могли стать теперь, пытаясь решить,

кто из них наиболее уязвим. Иногда мне представляется, что это Ричи Тозиер по прозвищу Балабол: именно его Крисс, Хаггинс и Бауэрс ловили чаще всего, несмотря на то, что Бен был таким толстым. Ричи больше всего боялся Бауэрса (мы все боялись его больше всего), но и другие нагоняли на него страха. Если я позвоню ему в Калифорнию, воспримет ли он мой звонок, как возвращение Больших Доставал, двоих — из могилы, а третьего — из дурдома в Джунипер-Хилл, где он буйствует по сей день? Порой я прихожу к выводу, что самым слабым звеном был Эдди, Эдди с его властной мамашей-танком и ужасными приступами астмы. Беверли? Она всегда пыталась разговаривать, как крутая, но боялась не меньше нашего. Заика Билл, который не может отделаться от стоящего перед его глазами ужаса, даже когда накрывает чехлом свою пишущую машинку? Стэн Урис?

Нож гильотины висит над их жизнями, острый, как бритва, но чем больше я об этом думаю, тем сильнее моя убежденность в том, что они не знают о существовании этого ножа. Именно моя рука лежит на рычаге, и я могу дернуть за него, открыв телефонную книжку и позвонив им, одному за другим.

Может, мне не придется этого делать. Я не оставляю тающую надежду, что принял трусливое попискивание моего пугливого разума за идущий из глубины истинный голос Черепахи. В конце концов, на чем я основываюсь? Смерть Меллона в июле. Ребенок, найденный мертвым на Нейболт-стрит в прошлом октябре. Еще один, тело которого обнаружили в Мемориальном парке в начале декабря, перед первым снегопадом. Может, к этому приложил руку какой-то бродяга, как и писали в газетах. Или псих, который с тех пор ушел из Дерри или покончил с собой от угрызений совести и отвращения к самому себе. Именно так, по утверждению некоторых исследователей, поступил настоящий Джек Потрошитель.

Все может быть.

Но дочь Альбрехтов нашли напротив того чертова старого дома на Нейболт-стрит... и убили ее в тот же самый день, что и Джорджа Денбро, только двадцать семь лет спустя. А сына Джонсонов обнаружили в Мемориальном парке с оторванной ниже колена ногой. Да, в Мемориальном парке высится Водонапорная башня, и мальчика нашли почти у ее подножия. А от Водонапорной башни — один шаг до Пустоши; и Водонапорная башня — то самое место, где Стэн Урис видел тех мальчиков.

Тех мертвых мальчиков.

И однако, возможно, все это — чушь и фантазии. Возможно. Или совпадение. А может — нечто среднее... некое гибельное эхо прошлого. Может такое быть? Я чувствую, что да. Здесь, в Дерри, возможно все.

Я думаю, нечто, побывавшее в городе прежде, и сейчас в Дерри: нечто, находившееся здесь в 1957 и 1958-м, нечто, находившееся здесь в 1929 и 1930-м, когда «Легион белой благопристойности» штата Мэн сжег «Черное пятно»; нечто, находившееся здесь в 1904, 1905 и начале 1906 года — по крайней мере до того дня, когда взорвался Металлургический завод Китчнера; нечто, находившееся здесь в 1876 и 1877 годах, нечто, которое появляется каждые двадцать семь лет. Иногда чуть раньше, иногда чуть позже — но появляется обязательно. Чем дальше уходишь в прошлое в поисках свидетельств его появления, тем труднее их отыскать, потому что документов все меньше и незалатанные дыры в истории города только растут. Но, зная, где искать (и куда смотреть), можно продвинуться достаточно далеко к решению поставленной задачи. Видите ли, Оно всегда возвращается.

Оно.

Короче — да: думаю, я должен позвонить. Думаю, таково наше предназначение. По какой-то причине именно мы избраны для того, чтобы навсегда остановить Оно. Слепая судьба? Слепой случай? Или опять все тот же чертов Черепаха? Он не только говорит, но и командует нами? Не знаю. И сомневаюсь, имеет ли это хоть какое-то значение. Давным-давно Билл сказал, что Черепаха не мог нам помочь, и если тогда не грешил против истины, то и теперь это правда.

Я думаю о нас, стоящих в воде, сцепивших руки, обещающих вернуться, если все начнется снова... образовавших круг, как друиды, — и наши руки кровью дают свое обещание, ладонь к ладони. Ритуал, возможно, такой же древний, как и само человечество, надрез невежества на древе познания, того самого, что растет на границе нашего мира, который мы все знаем, и другого, о существовании которого только подозреваем.

Потому что сходные моменты...

Но я уподобляюсь Биллу Денбро, вновь и вновь кружу на одном месте, повторяю несколько фактов и множество неприятных (зачастую, довольно-таки туманных) предположений, с каждым

абзацем становлюсь все более одержимым. Нехорошо. Бесполезно. Даже опасно. Но ведь так трудно дожидаться, пока грянет гром.

Эти записи — попытка подняться над одержимостью, взглянуть на случившееся шире. В конце концов, эта история не только про нас, шестерых мальчиков и одну девочку (каждом по-своему несчастном, каждом отвергнутом сверстниками), которые случайно наткнулись на весь этот ужас одним жарким летом, когда страной еще правил Эйзенхауэр. Эта попытка чуть отвести камеру назад, если хотите... захватить в объектив весь город, место, где почти тридцать пять тысяч человек работают, едят, спят, совокупляются, делают покупки, ездят на автомобилях, ходят в школу, попадают в тюрьму и иногда исчезают в темноте.

И чтобы знать, что это за место сейчас, необходимо — я в этом абсолютно уверен — знать, каким оно было прежде. И если бы мне пришлось определять точку отсчета, с которой все это вновь началось для меня, я назову день ранней весной 1980 года, когда заглянул к Альберту Карсону, умершему прошлым летом в возрасте девяносто одного года. Убеленному сединами старику, прожившему достойную жизнь. Он проработал старшим библиотекарем с 1914 по 1960 год, на удивление долгий срок (да и он сам был удивительным человеком), и я чувствовал: если хочешь знать историю города, лучше всего начать с Альберта Карсона. Я задал ему мой вопрос, когда мы сидели на веранде, и он дал мне ответ, хрипло прокаркал... потому что уже сражался с раком горла, который со временем и свел его в могилу.

— Да ни один из них ни хрена не стоит. Как ты чертовски хорошо знаешь.

— Так с чего мне начать?

— Начать что, скажи на милость?

— Изучение истории этих мест. Дерри со всеми входящими в него территориями.

— Ох. Ладно. Начни с Фрика и Мишо. Они вроде бы лучшие.

— После того, как я прочитаю эти...

— Прочитаешь? Господи, нет! Выброси их в мусорное ведро! Это твой первый шаг. Потом прочитай Баддингера. Брэнсон Баддингер был чертовски небрежным исследователем, да и тем еще бабником, если хотя бы половина из того, что я слышал в детстве, правда, но когда дело касалось Дерри, он, безусловно, старался. Переврал большинство фактов, но переврал с душой, Хэнлон.

Я рассмеялся, а Карсон улыбнулся сморщенными губами: выражение добродушия на его лице, если на то пошло, пугало. Выглядел он, как стервятник, радостно охраняющий только что убитую зверушку в ожидании, когда тушка дойдет до нужной степени разложения, чтобы обед получился наиболее вкусным.

— Закончив Баддингера, прочитай Айвза. Составь список всех, с кем он говорил. Сэнди Айвз до сих пор в университете Мэна. Фольклорист. После того, как прочитаешь его книги, съезди к нему, угости обедом. Я бы пригласил его в «Ориноку», потому что в «Ориноке» обед, похоже, никогда не заканчивается. Выкачай из него все, что только можно. Заполни блокнот именами и адресами. Поговори со старожилами, с которыми говорил он... теми, что остались; мы еще не все вымерли — кхе-хе-хе! — заполучи у них другие имена. И в итоге, если ты, как я и думаю, парень толковый, у тебя будет вся необходимая исходная информация. Если поговоришь со многими, то узнаешь пару историй, которых не найти ни в каких книгах. И возможно, эти истории не дадут тебе спокойно спать.

— Дерри...

— Что Дерри?

— С Дерри не все хорошо, так?

— Не все хорошо? — хрипло каркнул старик. — А что такое хорошо? Что означает это слово? Красивые фотографии реки Кендускиг на закате, сделанные на пленке «кодак-хром» таким-то, с такой-то диафрагмой — это хорошо? Если так, то с Дерри все хорошо, потому что по всем параметрам это красивые фотографии. Чертов комитет высохших старых дев, который спасает особняк губернатора или устанавливает памятную табличку перед Водонапорной башней — это хорошо? Если да, тогда и с Дерри все в шоколаде, потому что у нас перебор этих старух, лезущих в чужие дела. Это хорошо, когда перед зданием Городского центра ставят уродливую пластиковую статую Пола Баньяна*? Ох, будь у меня цистерна напалма и старая зажигалка «Зиппо», я бы разобрался с этой гребаной хреновиной, уверяю тебя... но если эстетические пристрастия достаточно широки, чтобы включать в себя пластиковые

* Пол Баньян — мифологический лесоруб, герой американского фольклора, легенда Севера, от штата Мэн до Великих озер. Славился фантастической силой, аппетитом, изобретательностью и неунывающим характером.

статуи, тогда с Дерри все хорошо. Вопрос в том, что означает для тебя «хорошо», Хэнлон? Или, ближе к делу, то, что «хорошо» не означает?

Я мог только покачать головой. Он или знал, или нет. Или сказал бы, или нет.

— Ты про неприятные истории, которые, возможно, услышишь или уже знаешь? Они есть всегда. История города — это разваливающийся старый особняк, в котором полным-полно комнат, чуланов, спускных желобов для грязного белья, чердачных помещений и всяких других укромных местечек... не говоря уже об одном, а то и двух потайных ходах. Если ты займешься исследованием особняка Дерри, то все это найдешь. Да. Потом ты, возможно, пожалеешь, но ты их найдешь, а найденное заново уже не спрячешь, так? Некоторые комнаты заперты, но ключи есть... ключи есть всегда.

Его глаза блеснули стариковской проницательностью.

— В какой-то момент ты, возможно, подумаешь, что набрел на самый ужасный из секретов Дерри... но всегда будет еще один. И еще. И еще.

— Вы...

— Пожалуй, я должен попросить прощения. Горло сегодня что-то очень уж болит. Мне пора принять лекарство и прилечь.

Иными словами, держи нож и вилку, друг мой; давай поглядим, что ты сможешь ими нарезать.

Я начал с хроник Фрика и хроник Мишо. Последовал совету Карсона и выбросил их в мусорное ведро, но сначала прочитал. Книги оказались никудышными, как он и говорил. Я прочитал опус Баддингера, переписал все ссылки, а потом поработал с каждой. Определенную пользу это принесло, но у ссылок, знаете ли, есть одна особенность: они — что тропинки, проложенные в дикой стране, где живут, как кому хочется. Они разветвляются, потом снова разветвляются; если в какой-то момент свернешь не на ту, уткнешься в непролазные заросли или в непроходимое болото. «Если вы находите ссылку, — как-то сказал нам профессор библиотековедения, у которого я учился, — наступите ей на голову и убейте, прежде чем она начнет размножаться».

Они размножались, и иногда я от этого только выигрывал, но чаще всего — нет. Ссылки эти в сухо написанной книге Баддинге-

ра «История старого Дерри» (Ороно, Издательство университета штата Мэн, 1950) охватывали сотню лет забытых книг и покрытых пылью диссертаций по истории и фольклору, статьи из давно прекративших свое существование журналов и иссушающих мозг городских отчетов и книг регистрации различных актов.

Мои беседы с Сэнди Айвзом оказались интереснее. Его источники время от времени пересекались с источниками Баддингера, но пересечением все и ограничивалось. Айвз большую часть жизни провел, собирая устные истории, другими словами — байки, записывал все дословно, к чему Брэнсон Баддингер, без сомнения, отнесся бы весьма пренебрежительно.

Айвз в 1963—1966 гг. написал цикл статей о Дерри. Большинство старожилов, с которыми он тогда говорил, умерли к тому времени, когда я начал свои исследования, но у них остались сыновья, дочери, племянники и племянницы, кузины и кузены. И, разумеется, один из законов этого мира состоит в следующем: место каждого умершего старожила тут же занимает новый. Так что хорошая история не умирает; всегда передается из уст в уста. Во многих домах я сиживал или на веранде, или на заднем крыльце, выпил галлоны чая, пива «Блэк лейбл», домашнего пива, домашнего рутбира, воды из-под крана, воды из родника. Я слушал и слушал, а бобины моего диктофона вращались и вращались.

И Баддингер, и Айвз целиком и полностью соглашались в одном: первая группа белых поселенцев состояла примерно из трехсот человек, все англичане. У них был земельный патент, и официально они назывались «Дерри компани». Отведенная им территория включала нынешний Дерри, большую часть Ньюпорта и небольшие кусочки близлежащих городов. Но в 1741 году все жители Дерри просто исчезли. Они жили на дарованной им территории в июне вышеуказанного года, числом примерно триста сорок душ, но к октябрю как сквозь землю провалились. Маленькая деревушка из деревянных домов полностью обезлюдела. Один из этих домов, который стоял на том самом месте, где нынче пересекались Уитчем- и Джонсон-стрит, сгорел дотла. Мишо в своей книге однозначно указывал, что жителей деревни перебили индейцы, но эта версия не подтверждалась ничем, за исключением сгоревшего дома. Скорее всего хозяева слишком уж растопили печку, и от нее занялся весь дом.

Учиненная индейцами резня? Сомнительно. Ни костей, ни тел. Наводнение? В тот год наводнения не было. Эпидемия? Ни слова об этом в архивах близлежащих городов.

Люди просто исчезли. Все до единого. Все триста сорок. Бесследно.

Насколько мне известно, в истории Америки есть только один схожий случай — исчезновение колонистов с острова Роанок, в Виргинии*. Каждый школьник в Соединенных Штатах знает эту историю, но кому известно об исчезновении в Дерри? Похоже, никому, даже нынешним жителям города. Я задал соответствующий вопрос студентам разных курсов, в программу обучения которых входила такая дисциплина, как «История штата Мэн», и никто из них не имел об этом ни малейшего понятия. Тогда я прочитал учебник «Штат Мэн тогда и теперь». Согласно Индексу, город Дерри упоминался сорок раз, но описывались главным образом годы бума лесной промышленности. Об исчезновении колонистов, основавших Дерри, ничего не говорилось — и однако это (как же мне его назвать?) умалчивание укладывалось в общую картину.

Как будто некая завеса тайны окутывала происходившие здесь события... и все-таки люди говорят. Я думаю, ничто не может помешать людям говорить. Но слушать нужно внимательно, и это способность из редких. Я льщу себе, полагая, что за четыре последних года мне удалось ее развить. Если бы не удалось, тогда следовало поставить под сомнение мою профессиональную пригодность, поскольку практики мне хватало. Один старик рассказал мне о том, что его жена слышала голоса, обращавшиеся к ней из сливного отверстия в кухонной раковине за три недели до смерти их дочери — случилось это в начале зимы 1957—1958 гг. Девочка, о которой он говорил, стала одной из первых жертв в череде убийств, начавшихся с Джорджа Денбро и закончившихся лишь следующим летом.

— Цельная уйма голосов, все они бормотали вместе, — сообщил мне старик. Ему принадлежала заправочная станция «Галф» на Канзас-стрит, и разговаривали мы в промежутках между его медленными, прихрамывающими походами к бензоколонкам, где он заправлял баки, проверял уровень масла и вытирал ветровые стек-

* Описанный случай относится к концу XVI века. Исчезновение английских колонистов не разгадано и по сей день.

ла. — Она им ответила, пусть и испугалась. Наклонилась над раковиной, низко, и прокричала в сливное отверстие: «Вы, черт возьми, кто?» И голоса принялись отвечать, говорила она, до ее ушей донеслись бормотания, хрипы, вопли, визг, смех. И она сказала, что все они произносили ту самую фразу, которую сказал Иисусу бесноватый: «Легион имя мне»*. Так они ей говорили. Она два года не подходила к этой раковине. Два года я горбатился здесь по двенадцать часов, потом шел домой и мыл эту чертову посуду.

Он пил «Пепси» из банки, которую взял в торговом автомате, что стоял у двери в его конторку, старик семидесяти двух или трех лет, в застиранном сером комбинезоне, с множеством морщинок, разбегавшихся из уголков его глаз.

— Теперь вы, наверное, думаете, что я совсем рехнулся, но я скажу вам еще кое-что, если вы остановите эти вращающиеся штучки, ага.

Я выключил диктофон и улыбнулся ему:

— С учетом того, что я слышал за последние пару лет, вам надо еще очень сильно потрудиться, чтобы я решил, что вы псих.

Он улыбнулся в ответ, но как-то невесело.

— Однажды вечером я мыл посуду, как и всегда, осенью пятьдесят восьмого, когда все снова успокоилось. Моя жена была наверху, спала. Бог подарил нам только одного ребенка, Бетти, и после ее гибели моя жена много спала. Короче, я вытащил затычку, и вода потекла в сливное отверстие. Вы знаете, какой звук издает мыльная вода, когда сбегает в трубу? Словно ее туда засасывают, вот какой. Этот звук я и слышал, о нем, конечно, не думал, собрался уже пойти в сарай, чтобы наколоть дров, но, когда звук этот начал затихать, я услышал свою дочь. Услышал Бетти, из этих долбаных труб. Ее смех. Она была где-то внизу, в темноте, и смеялась. Только, если прислушаться, выходило, что она кричала. А может, и то, и другое. Смеялась и кричала, где-то внизу, в этих трубах. Единственный раз, когда я слышал что-то такое. Может, мне это просто прислышалось. Но... я так не думаю.

Он посмотрел на меня, я — на него. Свет, который падал на его лицо через грязные стекла, добавлял ему лет, он выглядел древним, как Мафусаил. Я помню, как мне вдруг стало холодно, так холодно.

---

* От Марка, 5:9.

— Вы думаете, я вешаю вам лапшу на уши? — спросил старик, которому в 1957 году было порядка сорока пяти лет, старик, которому Бог даровал только одну дочь, Бетти Рипсом. Бетти нашли на Внешней Джексон-стрит в том же году, вскоре после Рождества, замерзшую, со вспоротым животом.

— Нет, — я покачал головой, — я не думаю, что вы вешаете мне лапшу на уши, мистер Рипсом.

— И вы тоже говорите правду. — В его голосе слышалось безмерное удивление. — Я это вижу по вашему лицу.

Думаю, он собирался сказать мне что-то еще, но позади нас резко звякнул колокольчик: автомобиль переехал через лежащий на асфальте шланг и подкатил к колонкам. Когда колокольчик звякнул, мы оба подпрыгнули, а я даже вскрикнул. Рипсом поднялся и захромал к автомобилю, вытирая руки тряпкой. А когда вернулся, посмотрел на меня, как на не вызывающего доверия незнакомца, который вдруг забрел с улицы. Я быстренько попрощался и ушел.

Баддингер и Айвз соглашались и еще в одном: на самом-то деле в Дерри далеко не все хорошо — и никогда не было хорошо.

В последний раз я повидался с Альбертом Карсоном примерно за месяц до его смерти. С горлом у него стало совсем плохо. Говорить он мог едва слышным свистящим шепотом.

— Все еще думаешь написать историю Дерри, Хэнлон?

— Не оставляю надежды, — ответил я, но, разумеется, историю города писать не собирался, и, полагаю, он это знал.

— На это у тебя уйдет двадцать лет, — прошептал он, — и читать ее не будет никто. Никто не захочет. Откажись от этого, Хэнлон. — Он помолчал, потом добавил: — Баддингер покончил с собой, знаешь ли.

Разумеется, я знал... но только потому, что люди говорили, а я научился слушать. В заметке «Ньюс» речь шла о несчастном случае, неудачном падении, и действительно, Баддингер упал. Правда, в «Ньюс» забыли упомянуть, что упал он с табуретки в чулане, предварительно затянув петлю на шее.

— Ты знаешь о цикле?

Я в изумлении вытаращился на него.

— Да, — прошептал Карсон, — я знаю. Каждые двадцать шесть или двадцать семь лет. Баддингер тоже знал. Большинство старожилов знают, хотя об этом они говорить не будут, даже если их сильно напоить. Откажись от этого, Хэнлон.

Он потянулся ко мне птичьей лапой, в которую ссохлась его рука. Сжал мое запястье, и я почувствовал жар пирующей в нем раковой опухоли, которая сжирала все, что еще могла съесть, — впрочем, оставалось не так уж и много; закрома Альберта Карсона практически опустели.

— Майкл... не надо в это влезать. В Дерри есть твари, которые кусаются. Откажись от этого. Откажись.

— Не могу.

— Тогда берегись. — Внезапно с лица умирающего старика на меня глянули огромные и испуганные глаза ребенка. — Берегись. Дерри.

Мой родной город. Названный в честь графства в Ирландии.

Я здесь родился, в Городской больнице Дерри: учился в начальной школе Дерри; перешел в младшую среднюю школу на Девятой улице; потом в среднюю школу Дерри. Учился в университете штата Мэн — «не в самом Дерри, но буквально через дорогу», — как сказали бы старожилы, а потом снова вернулся сюда. В публичную библиотеку Дерри. Я — житель провинциального городка, жизнь моя скромна и неприметна, Таких, как я, миллионы.

Но:

В 1851 году бригада лесорубов нашла останки другой бригады, которая проводила зиму в лагере, разбитом в верховьях Кендускига, территории, оконечность которой дети продолжают называть Пустошью. Лесорубов было девять, и всех девятерых порубили в капусту. Тут и там валялись головы... руки... пара-тройка ступней... один пенис прибили к стене сруба.

Но:

В 1851 Джон Марксон отравил всю свою семью, а потом, сев в центре круга, образованного их телами, съел целый мухомор. Должно быть, умер в страшных мучениях. Городской констебль, который нашел его, написал в донесении, что поначалу решил, будто труп улыбается ему; «ужасная белая улыбка Марксона», так он написал. Белая улыбка объяснялась тем, что рот заполняли куски гриба-убийцы; Марксон продолжал жевать, даже когда судороги и мышечные спазмы уже корежили его умирающее тело.

Но:

В Пасхальное воскресенье 1906 года владельцы Металлургического завода Китчнера (завод располагался на том месте, где сейчас построили новенький торговый центр Дерри) устроили пас-

хальную охоту за яйцами «для всех хороших детей Дерри». Проходила она в громадном производственном корпусе завода. Наиболее опасные участки огородили, и многие служащие добровольно пришли на работу и дежурили у этих участков, следя за тем, чтобы излишне любопытные мальчики и девочки не пролезли под оградительные барьеры. Пять сотен шоколадных пасхальных яиц завернули в яркие ленты и спрятали по всему корпусу. Согласно Баддингеру, на каждое пасхальное яйцо приходилось как минимум по одному ребенку. С криками и воплями они бегали по пустынному по случаю воскресного дня заводу, находили яйца под гигантскими опрокидывателями, в ящиках стола бригадира, между зубьев здоровенных шестерней, в заливочных формах на третьем этаже (на старых фотографиях формы эти выглядят, как жестянки для выпечки кексов на кухне какого-то гиганта). Три поколения Китчнеров присутствовали на этом радостном действе с тем, чтобы в конце охоты наградить наиболее отличившихся. Ее намеревались завершить в четыре часа дня, независимо от того, сколько к тому времени будет найдено яиц. Но в действительности охота закончилась на сорок пять минут раньше, в четверть четвертого, когда завод взорвался. Семьдесят два трупа вытащили из-под завалов еще до захода солнца. Всего же погибли сто два человека, из них восемьдесят восемь детей. В следующую среду, когда город еще не пришел в себя от горя, женщина нашла голову девятилетнего Роберта Дохея в ветвях яблони, которая росла в ее саду. Зубы мальчика были в шоколаде, волосы — в крови. Восемь детей и один взрослый исчезли бесследно. Более страшной трагедии в истории Дерри не было, с ней не мог сравниться даже пожар в «Черном пятне» в 1930 году, и объяснений ей так и не нашли. Все четыре паровых котла Металлургического завода отключили. Не приостановили их работу на какое-то время — отключили.

Но:

Убийств в Дерри происходило в шесть раз больше, чем в любом другом сравнимом по населению городе Новой Англии. Я нашел мои предварительные выводы столь невероятными, что обратился со всеми выкладками к одному программисту из средней школы, который, если не сидел перед «Коммодором», то болтался здесь, в библиотеке. Он продвинулся на несколько шагов дальше (поскреби программиста — найдешь трудягу), добавив еще дюжину маленьких городов к статистической выборке, так он это назы-

вал, и представил мне составленную компьютером диаграмму, на котором Дерри выпирает, как нарыв. «Должно быть, люди здесь очень уж вспыльчивые, мистер Хэнлон», — прокомментировал он полученный результат. Я промолчал. А если б пришлось ответить, сказал бы, что в самом Дерри есть нечто очень уж вспыльчивое.

Каждый год в Дерри исчезает от сорока до шестидесяти детей, и объяснений этому нет. В основном подростки. Вроде бы все они убегают из города. Некоторые убегают наверняка.

А на пике циклической активности, как, безусловно, сказал бы Альберт Карсон, количество исчезновений зашкаливает. В 1930 году, к примеру, когда сожгли «Черное пятно», в Дерри бесследно исчезли сто семьдесят детей, и вы должны понимать, что речь идет об исчезновениях, о которых сообщали в полицию и которые документировались. Ничего удивительного в этом нет, сказал мне тогдашний начальник полиции, когда я показал ему статистику. Большинству из них скорее всего надоело есть картофельный суп или просто голодать дома, и они отправились в чужие края в поисках лучшей жизни.

В 1958 году в Дерри числились пропавшими 127 детей в возрасте от трех до девятнадцати лет. «В 1958 году была депрессия?» — спросил я шефа Рейдмахера. «Нет, — ответил он, — но людям не сидится на месте, Хэнлон. Особенно ноги чешутся у детей. Поссорился ребенок с родителями из-за того, что накануне поздно пришел домой со свидания, его и след простыл».

Я показал шефу Рейдмахеру фотографию Чэда Лоува, которая появилась в одном из апрельских номеров «Дерри ньюс». «Вы думаете, он сбежал из дома, потому что родители отругали его, когда он поздно вернулся домой, шеф Рейдмахер? Он пропал в три с половиной года».

Рейдмахер одарил меня строгим взглядом и сказал, что беседовать со мной — одно удовольствие, но, если мы уже все обговорили, у него много дел. Я ушел.

Haunted, haunting, haunt.

Часто посещаемый привидениями или призраками, как в случае с трубами; часто появляется или возвращается, скажем, каждые двадцать пять, двадцать шесть или двадцать семь лет; место кормления животных, как в случаях с Джорджем Денбро, Адрианом Меллоном, Бетти Рипсом, дочерью Альбрехтов, сыном Джонсонов.

Место кормления животных. Да, это не дает мне покоя.

Если еще что-нибудь случится — все равно что, — я позвоню. Должен. А пока у меня есть мои гипотезы, мои тревожные сны и мои воспоминания — мои проклятые воспоминания. Ах да, еще и эти записи, так? Моя Стена плача. Сейчас я сижу над ними, и моя рука так трясется, что я едва могу писать, сижу в опустевшей библиотеке, которая давно уже закрылась, прислушиваюсь к тихим звукам в темных проходах, наблюдаю за тенями, которые отбрасывают тусклые желтые лампы, чтобы удостовериться, что они не двигаются... не изменяются.

Я сижу рядом с телефонным аппаратом.

Кладу на него руку... позволяю ей скользить по нему... касаюсь отверстий в диске, которые могут связать меня с ними со всеми, моими давними друзьями.

Вместе мы зашли далеко и глубоко.

Вместе мы вошли в черноту.

Сможем ли мы выйти из черноты, если войдем в нее второй раз?

Думаю, что нет.

Пожалуйста, Господи, не вынуждай меня звонить им.

Пожалуйста, Господи.

Часть 2

ИЮНЬ 1958 ГОДА

Наружность — это я,
А под ней
Погребена там юность.
Корни?
У всех есть корни*.

«Патерсон»,
Уильям Карлос Уильямс

Что делать? — сам порой дивлюсь.
Не лечит от скуки летний блюз.

*Эдди Кокрэн***

---

* Перевел с английского Эрик М. Кауфман.

** Кокрэн, Эдвард «Эдди» Рэй (1938—1960) — американский певец, композитор, одна из ведущих фигур рок-н-ролла. Строки из песни «Летний блюз»/«Summertime blues».

Глава 4
БЕН ХЭНСКОМ ПАДАЕТ

1

Где-то в 23:45 одна из стюардесс салона первого класса самолета, летящего из Омахи в Чикаго (рейс 41 компании «Юнайтед эйрлайнс»), испытывает сильнейшее потрясение: какое-то время она пребывает в уверенности, что пассажир, сидящий в кресле 1А, умер.

Когда он поднялся на борт самолета в Омахе, она уже подумала: «О-го-го, грядет беда. Он же пьян в стельку». Перегар виски, который окутывал его голову, напомнил ей облако пыли, которое всегда окружает голову маленького мальчика в стрипе* «Мелочь пузатая»**, Свинарник — так его звали. Она и занервничала, потому что при первом обслуживании пассажиров подают спиртное. Не сомневалась, что он закажет виски, а то и двойную порцию. Тогда ей придется решать, обслуживать его или нет. Мало того, по всему маршруту в эту ночь ожидались грозы, и она почти не сомневалась, что в какой-то момент этот долговязый мужчина в джинсах и рубашке из шамбре начнет блевать.

Но когда дело дошло до заказов, долговязый мужчина попросил стакан минералки и вел себя предельно вежливо. Лампочка вызова на его кресле ни разу не загорается, и стюардесса скоро за-

---

* Стрип — комикс в одну полоску.

** «Мелочь пузатая» — один из самых популярных стрипов, впервые появился 2 октября 1950 г.

бывает о нем, потому что и без того хватает забот. Рейс, между прочим, из тех, о которых хочется забыть сразу по завершении, из тех, во время которых могут возникнуть вопросы (если удастся выкроить свободное мгновение) о перспективах собственного выживания.

«Юнайтед-41» зигзагом мчится среди грозовых зон с громом и молниями, напоминая опытного слаломиста на дистанции. Турбулентность очень сильная. Пассажиры вскрикивают и отпускают мрачные шутки по поводу молний, то и дело вылетающих из плотных облаков, окружающих самолет. «Мамочка, это Бог фотографирует ангелов?» — спрашивает маленький мальчик, и его мать, лицо которой заметно позеленело, нервно смеется. Как потом выясняется, в том рейсе обслуживание было только в салоне первого класса. Загоревшаяся табличка «Пристегните ремни» так и не гаснет. Но стюардессы остаются в проходах, отвечая на вызовы пассажиров: лампочки у кресел то и дело вспыхивают, словно петарды.

— Ральф сегодня занят, — говорит ей старшая стюардесса, когда они идут по проходу; старшая направляется в салон эконом-класса с новой пачкой гигиенических пакетов. Это отчасти код, отчасти шутка. Ральф всегда занят, когда атмосфера неспокойна. Самолет проваливается в воздушную яму, кто-то вскрикивает, стюардесса чуть поворачивается, хватается за спинку сиденья, чтобы сохранить равновесие, и смотрит прямо в немигающие, невидящие глаза мужчины, сидящего в кресле 1А.

«Боже мой, он мертв, — думает она. — Спиртное, которое он выпил до посадки... потом вся эта болтанка... его сердце... перепугался до смерти».

Взглядом долговязый мужчина упирается в нее, но его глаза ее не видят. Они не двигаются. Они остекленели. Конечно же, это глаза мертвеца.

Стюардесса отворачивается от этого жуткого взгляда, ее сердце уже бьется в горле со скоростью самолета, отрывающегося от взлетной полосы, она думает, что ей сделать, что предпринять, и, слава богу, рядом с мужчиной никто не сидит, так что некому кричать и поднимать панику. Она решает, что первым делом нужно дать знать старшей стюардессе, а потом сообщить пилотам. Может, они смогут накинуть на него одеяло и закрыть ему глаза. Капитан

оставит включенной табличку «Пристегните ремни», даже если болтанка прекратится, поэтому никто не пойдет в туалет в носовой части самолета, и после посадки, выходя из самолета, пассажиры подумают, что человек спит.

Все эти мысли мгновенно проносятся у нее в голове, она поворачивается, чтобы убедиться, что не ошиблась. Мертвые, незрячие глаза по-прежнему смотрят на нее... а потом труп поднимает стакан с минеральной водой и пьет из него.

В этот самый момент самолет вновь проваливается вниз, его трясет, и вскрик изумления стюардессы растворяется в других, более громких криках страха. Зрачки мужчины смещаются — совсем чуть-чуть, но все-таки, — и стюардесса понимает, что он жив и видит ее. Она думает: «*Когда он вошел в салон, мне показалось, что ему пятьдесят с хвостиком, но ведь он гораздо моложе, несмотря на седеющие волосы*».

Она идет к нему, хотя и слышит нетерпеливые звонки за спиной (Ральф действительно очень занят в эту ночь: после абсолютно безопасной посадки в аэропорту О'Хара из самолета вынесли более семидесяти использованных гигиенических пакетов).

— Все в порядке, сэр? — спрашивает она, улыбаясь. Но улыбка фальшивая, неестественная.

— Все прекрасно и изумительно, — отвечает долговязый мужчина.

Она смотрит на паз на спинке сидения, в который вставлена бумажная карточка с фамилией пассажира. Читает ее — Хэнском.

— Прекрасно и изумительно, — повторяет он. — Но ночь сегодня бурная, так? Думаю, у вас много работы. Не тратьте на меня время, я... — Он одаривает ее жуткой улыбкой, вызывающей у нее мысли о пугалах, оставленных на ноябрьских полях после жатвы. — У меня все хорошо.

— Вы выглядели...

(мертвым)

— Мне показалось, что вам нездоровится.

— Я думал о прошлом, — отвечает он. — Только сегодня вечером, за несколько часов до взлета, я осознал, что есть такое понятие, как прошлое, во всяком случае, для меня.

Вновь слышны звонки.

— Стюардесса, можно вас? — слышится чей-то нервный голос.

— Что ж, если вы уверены, что у вас все...

— Я думал о плотине, которую построил с друзьями, — говорит Бен Хэнском. — Полагаю, первыми моими друзьями. Они строили плотину, когда я... — Он замолкает, на лице отражается удивление, потом он смеется. Искренне, почти беззаботным мальчишечьим смехом, и так странно звучит этот смех в самолете, который немилосердно болтает, — ...когда я свалился им на голову. Можно сказать, в прямом смысле. В любом случае с плотиной у них ничего не получалось. Это я помню.

— Стюардесса?

— Извините, сэр... я должна обойти пассажиров.

— Разумеется, должны.

Она спешит прочь, радуясь, что избавилась от этого взгляда, мертвого, почти гипнотического взгляда. Бен Хэнском поворачивает голову и смотрит в иллюминатор. Молнии вырываются из громадных облаков в каких-то девяти милях от правого крыла. В отсветах вспышек облака выглядят, как гигантские прозрачные мозги, заполненные дурными мыслями. Он ощупывает карман жилетки, но серебряных долларов нет. Из его кармана они перекочевали в карман Рикки Ли. Внезапно он сожалеет о том, что не оставил хотя бы один. Он мог бы пригодиться. Конечно, можно пойти в любой банк (во всяком случае, можно, когда тебя не болтает во все стороны на высоте двадцати семи тысяч футов) и купить пригоршню серебряных долларов, но едва ли ты сможешь что-нибудь сделать с этими паршивыми медными сандвичами, которое в наши дни государство пытается выдать за настоящие монеты. А для борьбы с оборотнями, вампирами и прочими тварями, обитающими под лунным светом, годится только серебро — настоящее серебро. Тебе нужно серебро, чтобы остановить чудовище. Тебе нужно...

Он закрыл глаза. Воздух гудел от перезвона колоколов. Самолет кренился, качался, проваливался, и воздух гудел от перезвона колоколов. Колоколов?

Нет... звонков.

Это звонки, точнее, звонок, всем звонкам звонок, которого ждешь целый год, с того момента, когда учеба начинает приедаться, а такое всегда случается к концу первой недели. Звонок, сообщающий о вновь обретенной свободе, апофеоз всех звонков.

Бен Хэнском сидит в кресле салона первого класса, подвешенный среди громов и молний на высоте двадцать семь тысяч футов, повернувшись лицом к иллюминатору, и внезапно чувствует, как

стена времени истончается и начинает набирать обороты ужасный-и-удивительный перистальтический процесс. Бен думает: «Господи, меня переваривает мое прошлое».

Сполохи молний подсвечивают его лицо, и, хотя он этого не знает, один день только что сменился другим. 28 мая 1985 года перешло в 29 мая над темной, накрытой грозой землей, которая в эту ночь — западный Иллинойс; внизу, натрудившись на посевной, фермеры спят как убитые, им снятся яркие сны, и кто знает, что, возможно, бродит сейчас по их амбарам, погребам и полям, когда молнии бьют, а гром говорит? Никто ничего не знает об этих тварях; людям известно только, что этой ночью природа разбушевалась и воздух обезумел от мощных электрических разрядов.

Но это звонки на высоте двадцати семи тысяч футов, когда самолет наконец-то выходит из зоны турбулентности и болтанка прекращается; это звонки; это звонок во сне Бена; и пока он спит, стена между прошлым и настоящим исчезает полностью, и он проваливается сквозь годы, как человек, падающий в глубокую шахту, возможно, как путешественник во времени Герберта Уэллса, падающий с отломанной железной скобой в руке, все ниже и ниже, в страну морлоков, где машины стучат и стучат в тоннелях ночи. Уже 1981 год, 1977-й, 1969-й, и внезапно он там, там, в июне 1958 года; все вокруг заливает яркий солнечный свет, под закрытыми веками Бена Хэнскома зрачки сужаются, следуя команде, отданной спящим мозгом, который видит не темноту, разлитую над западным Иллинойсом, а ясный солнечный июньский день в Дерри, штат Мэн, двадцатью семью годами ранее.

Звонки.

Звонок.

Школа.

Учебный год.

Учебный год.

2

...закончен!

Звонок разнесся по коридорам школы, большого кирпичного здания, которое стоит на Джонсон-стрит, и, услышав его, весь пятый класс, в котором учился Бен Хэнском, радостно завопил... а

миссис Дуглас, обычно самая строгая из учителей, не предпринимала никаких попыток утихомирить своих учеников. Наверное, знала, что это невозможно.

— Дети! — обратилась она к классу, когда радостные крики стихли. — Можете уделить мне еще минутку внимания?

Послышались перешептывания, перемежаемые несколькими стонами. Миссис Дуглас держала в руках табели.

— Я почти уверена, что меня перевели! — чирикнула Салли Мюллер, обращаясь к Бев Марш, которая сидела в соседнем ряду. Салли — умненькая, красивая, жизнерадостная. Бев тоже красивая, но никакой жизнерадостности в ней в этот день не чувствовалось. Она сидела, мрачно уставившись на свои дешевые туфли. На одной щеке цвел желтым синяк.

— Мне насрать, перевели меня или нет, — ответила Бев.

Салли фыркнула. Приличные девочки таких слов не произносят, об этом говорило ее фырканье. Потом она повернулась к Грете Боуи. Вероятно, только радостное волнение, вызванное последним звонком учебного года, заставило Салли заговорить с Беверли, подумал Бен. Салли Мюллер и Грета Боуи из богатых семей, их дома — на Западной Широкой улице, тогда как Бев приходила в школу с Нижней Главной улицы, где стояли обшарпанные многоквартирные дома. Нижнюю Главную и Западную Широкую улицы разделяло не больше мили, но даже такой ребенок, как Бен, знал, что дистанция между ними огромного размера, как расстояние от Земли до Плутона. Достаточно взглянуть на дешевый свитер Беверли Марш, слишком большую юбку, ранее, вероятно, пожертвованную Армии Спасения, и ободранные дешевые туфли, чтобы понять, как далеко разнесены эти две улицы. Но Бену все равно Беверли нравилась больше — гораздо больше. Салли и Грета красиво одевались, и он предполагал, что они каждый месяц делали химическую завивку или что-то в этом роде, но по мнению Бена, главного это отнюдь не меняло. Они могли завивать волосы каждый день, но все равно оставались сопливыми задаваками.

Он думал, что Беверли лучше — и гораздо красивее, хотя никогда в жизни не решился бы сказать ей такое. Но все же иногда, в разгар зимы, когда свет за окном становился желто-сонным, как кот, свернувшийся на диване, когда миссис Дуглас бубнила что-то математическое (как делить столбиком или как найти общий знаменатель двух дробей, чтобы сложить их) или зачитывала вопро-

сы из «Сверкающих мостов», или рассказывала о месторождениях олова в Парагвае, в такие дни, когда казалось, что учеба никогда не закончится, но никакого значения это не имело, поскольку снаружи ждала слякоть... в такие дни Бен, случалось, искоса поглядывал на Беверли, скользил взглядом по ее лицу, а его сердце ныло от томления и одновременно вспыхивало ярким огнем. Он втюрился в нее, или влюбился. И всегда думал о Беверли, когда «Пингвинс»* по радио пели «Земной ангел»... «ты — милая моя / все мысли о тебе...» Да, глупая песня, слезливая, как использованная бумажная салфетка, но и правдивая, потому что он никогда не сказал бы ей о своих чувствах. Он думал, что толстым мальчикам разрешено любить красивых девочек только в мыслях. Если бы он кому-то поведал о своей любви (если б было кому), то человек этот наверняка смеялся бы, пока не умер от сердечного приступа. А если бы он признался в этом Беверли, то она или рассмеялась бы (это плохо), или издала такой неприятный звук, будто ее тошнит от отвращения (еще хуже).

— А теперь подходите ко мне, когда я буду называть фамилию. Пол Андерсен... Карла Бордо... Грета Боуи... Кельвин Кларк... Сисси Кларк...

Едва миссис Дуглас называла фамилию, ученики ее пятого класса один за другим подходили к ней (за исключением близнецов Кларков, которые подошли вместе, как и всегда, рука в руке, отличающиеся только длиной очень светлых волос и одеждой: она в платье, он в джинсах), брали табели в светло-коричневых обложках с американским флагом и клятвой верности на лицевой стороне и молитвой «Отче наш» на задней, степенно выходили из класса... а потом со всех ног мчались к большим высоким дверям, уже распахнутым настежь. Выбегали из школы в лето и исчезали. Кто-то уезжал на велосипеде, кто-то удалялся от школы большими прыжками, кто-то усаживался на воображаемую лошадь и пускал ее галопом, шлепая локтями по бедрам, имитируя стук копыт, некоторые уходили обнявшись, распевая «Я зрел сиянье школы, охваченной огнем» на мотив «Боевого гимна республики»**.

---

* «Пингвинс» — американская музыкальная группа, созданная в 1953 г. — «Земной ангел»/«Earth Angel» — самая известная песня этой группы.

** «Боевой гимн республики» — американская песня, написанная в 1861 г. Джулией Уэрд Хоув. Любимая песня северян во время Гражданской войны. Первая строка: «Я зрел сиянье Господа, пришествия Его».

Марция Фэдден... Фрэнк Фрик... Бен Хэнском...

Он поднялся, бросил на Беверли Марш последний в это лето взгляд (так он тогда думал) и направился к столу миссис Дуглас, одиннадцатилетний подросток с задницей размером с Нью-Мехико — вышеозначенную задницу упаковали в отвратительные новенькие синие джинсы с медными заклепками, «выстреливавшими» маленькие дротики света, и они шуршали при ходьбе (шрш, шрш, шрш), потому что толстые бедра Бена терлись друг о друга. Он по-девичьи крутил задом. Его живот перекатывался из стороны в сторону. В школу Бен пришел в мешковатом свитере, хотя день выдался теплым. Он практически всегда носил мешковатые свитера, потому что очень стыдился своей груди, стыдился с первого учебного дня после рождественских каникул, когда появился в школе в одной из фирменных футболок «Лиги Плюща»*, подаренных матерью, и Рыгало Хаггинс, шестиклассник, прокаркал: «Эй парни! Посмотрите, что подарил Санта-Клаус Бену Хэнскому на Рождество! Большие сиськи!» Рыгало чуть не рухнул от хохота, восторгаясь собственным остроумием. Другие тоже рассмеялись, в том числе и несколько девочек. Если бы в тот момент перед Беном открылся тоннель, ведущий в преисподнюю, он без малейшей заминки прыгнул бы туда, ничего не говоря... может, даже бормоча слова благодарности.

И с того дня он носил только свитера, благо у него их было четыре: мешковатый коричневый, мешковатый зеленый и два мешковатых синих. Это был один из тех немногих случаев, когда он смог противостоять матери, когда чувствовал, что не должен переступать проведенную в пыли предельную черту. А проводить такую черту в его более чем беспечном детстве приходилось крайне редко. Если бы он увидел, что Беверли Марш смеется вместе с остальными, то наверняка бы умер.

— Я рада, что ты провел этот год в моем классе. — С этими словами миссис Дуглас протянула ему табель.

— Спасибо, миссис Дуглас.

— Шпасибочки, миссус Дубвглаз, — донесся насмешливый фальцет из глубин класса.

---

* Лига Плюща — здесь Лига футбольных и других спортивных команд, представляющих привилегированные университеты северо-востока США, входящие в Лигу Плюща.

Генри Бауэрс, само собой. Генри учился в классе Бена, а не в шестом классе, со своими дружками Рыгалом Хаггинсом и Виктором Криссом, потому что остался в пятом на второй год. Бен чувствовал, что Генри придется задержаться в пятом классе еще на год, раз уж миссис Дуглас пропустила его фамилию, раздавая табели, и это сулило беду. У Бена заныло под ложечкой: если Генри опять остался на второй год, то ответственность отчасти лежала на нем, Бене... и Генри это знал.

Неделей раньше, на годовых контрольных, миссис Дуглас рассаживала их случайным образом, доставая из шляпы бумажки с именем каждого. В итоге Бен очутился на последней парте, рядом с партой Генри Бауэрса. Как и всегда, Бен прикрывал рукой листок с контрольной и низко склонялся над ним, чувствуя чем-то успокаивающее давление парты на живот и для вдохновения покусывая карандаш «би-боп».

Во вторник, когда миновала примерно половина времени, отведенного на контрольную (в тот день — по математике), через проход до Бена долетел шепот. Тихий, не предназначенный для других ушей шепот ветерана-заключенного, передающего послание в тюремном дворе: «Дай списать».

Бен повернулся налево и уперся взглядом в черные и яростные глаза Генри Бауэрса, мальчика крупного даже для двенадцати лет, с накачанными крестьянским трудом мышцами рук и ног. Его отцу, который считался в городе полоумным, принадлежал небольшой участок земли в конце Канзас-стрит, около административной границы Ньюпорта, и Генри как минимум тридцать часов в неделю копал, выдергивал сорняки, сажал, очищал поля от камней, рубил деревья и собирал урожай, если было, что собирать.

Волосы Генри стриг так коротко, что сквозь них проглядывала белая кожа, а челку смазывал бриолином «Батч-ваксед», тюбик которого всегда носил в кармане джинсов, так что волосы стояли надо лбом торчком, словно зубья надвигающейся мощной бороны. От него постоянно пахло потом и «Джуси фрут». В школу он приходил в розовой мотоциклетной куртке с орлом на спине. Однажды четвероклассник, не подумав, позволил себе посмеяться над этой курткой. Генри повернулся к парнишке, злобный, как хорек, и быстрый, как ядовитая змея, и дважды врезал ему грязным от работы на земле кулаком. Четвероклассник лишился трех передних зубов,

а Генри получил двухнедельные каникулы. Бен надеялся (во всяком случае, тлела в нем такая надежда, свойственная забитым и напуганным), что Генри выгонят из школы, а не временно отстранят от занятий. Не сложилось. Плохиши всегда как-то выкручиваются. Две недели спустя Генри с важным видом вошел на школьный двор, озлобленно-великолепный в своей розовой мотоциклетной куртке, а на челку вымазал столько бриолина, что она едва не отваливалась. Оба опухших, расцвеченных синяками глаза говорили о трепке, которую ему задал полоумный отец за драку в школе. Свидетельства этой трепки со временем исчезли, а для детей Дерри, которым приходилось сталкиваться с Генри, урок пошел впрок. Насколько знал Бен, больше никто не посмел сказать ни слова о розовой мотоциклетной куртке с орлом на спине.

И когда шепот Генри донесся до Бена, три мысли ракетой промчались в его мозгу (очень шустром и сообразительном — полной противоположности жирному телу). Первая — если миссис Дуглас заметит, что Генри списывает с его контрольной, кол получат оба. Вторая — если он не даст Генри списать, тот наверняка поймает его после уроков и продемонстрирует знаменитый двойной удар, причем Хаггинс будет держать его за одну руку, а Крисс — за другую.

Эти детские мысли, конечно же, не могли вызывать удивления, потому что Бен был ребенком. Но третья и последняя, более изощренная, уже отдавала взрослостью.

Да, он может меня поймать. Но, возможно, последнюю неделю занятий мне удастся не попадаться ему на глаза. И я уверен, что удастся, если я постараюсь как следует. А за лето, думаю, он все забудет. Да. Он же очень даже глуп. Если провалит эту контрольную, то его скорее всего опять оставят на второй год. А если он останется, то я окажусь на класс старше. Больше не буду учиться с ним в одном классе. И в младшую среднюю школу перейду раньше его. Я... я могу стать свободным.

«Дай списать», — вновь прошептал Генри, теперь чуть громче. Его черные глаза теперь требовательно сверкали.

Бен покачал головой, и еще тщательнее прикрыл листок.

«Я до тебя доберусь, толстяк, — прошептал Генри еще громче. Перед ним лежал девственно чистый, если не считать его имени и фамилии, лист бумаги. Он попал в отчаянное положение. Если он заваливал экзамены и опять оставался на второй год, дома отец вышиб бы ему мозги. — Дай списать, не то пожалеешь».

Бен опять покачал головой, изо всех сил сцепив зубы, чтобы не стучали. Он боялся, но при этом не отступал от принятого решения. Понимал, что впервые в жизни сознательно определился с планом действий, и это тоже его пугало, хотя он и не понимал почему: прошло немало лет, прежде чем он осознал, что хладнокровие его расчетов, точная и прагматичная оценка расходов, свидетельствующие о начавшемся переходе во взрослый мир, нагнали на него даже больше страха, чем угрозы Генри. От Генри он мог увернуться, а со взрослым миром, в котором, вероятно, так думать придется постоянно, это не получится.

— Кто-то говорит на задних партах? — раздался громкий и отчетливый голос миссис Дуглас. — Если так, попрошу немедленно это прекратить.

Следующие десять минут в классе царила тишина; юные головы склонились над экзаменационными заданиями, от которых шел запах фиолетовых чернил, использовавшихся в мимеографе, а потом шепот Генри вновь донесся с другой стороны прохода, едва слышный, леденящий кровь, спокойно-уверенный в том, что слова не разойдутся с делом: «Ты покойник, толстяк».

3

Бен получил табель и был таков, благодарный всем богам, хранящим одиннадцатилетних толстяков, что Генри Бауэрсу не позволили покинуть класс первым, как он мог бы, учитывая, что всех вызывали в алфавитном порядке, и теперь не поджидал Бена у школы.

Он не побежал по коридору, как другие дети. Он мог бегать, и довольно быстро для ребенка таких габаритов, но отдавал себе отчет, каким смешным при этом выглядел. Но шагал он быстро и вскоре сменил прохладный, пахнувший книгами коридор на яркий июньский солнечный свет. На мгновение застыл, подставив лицо солнцу, радуясь его теплу и собственной свободе. От этого дня сентябрь отстоял на миллион лет. Календарь мог говорить совсем другое, но календарь бессовестно врал. Лето продолжалось гораздо дольше, чем сумма его дней, и принадлежало ему. Он чувствовал, что ростом стал с Водонапорную башню, а шириной сравнялся с городом.

Кто-то толкнул его — и толкнул сильно. Приятные мысли о лете разом вылетели из головы Бена, теперь пытавшегося сохранить равновесие и не покатиться вниз по каменным ступеням. И он таки успел схватиться за железный поручень, который и удержал его от падения.

— С дороги, мешок с говном, — прорычал Виктор Крисс, с зачесанными назад, на манер кока Элвиса, волосами, блестевшими от «Брилкрима». Он быстро спустился по лестнице и направился к воротам: руки в карманах джинсов, воротник рубашки поднят, шипы на саперных сапогах скребут и постукивают.

Бен, с гулко бьющимся от испуга сердцем, увидел, что Рыгало Хаггинс стоит на другой стороне улицы, курит. Он поднял руку, приветствуя Виктора, и передал ему сигарету, когда тот подошел. Виктор затянулся, вернул бычок Рыгалу, указал на Бена, который уже миновал пол-лестницы. Что-то сказал, и оба расхохотались. Бен густо покраснел. Вечно они тебя достают. И получалось, что никуда от этого не деться.

— Тебе так нравится это место, что ты готов простоять здесь целый день? — раздался девичий голос.

Бен повернулся, и красноты на его лице прибавилось. Беверли Марш, очаровательные серо-голубые глаза, роскошные темно-рыжие волосы, обрамляющие лицо и падающие на плечи. Свитер с рукавами, засученными до локтей, с потертым воротом, мешковатостью не уступал свитеру Бена и не позволял судить, появилась у нее грудь или нет, но Бена это не волновало; когда любовь идет впереди полового созревания, она может набегать волнами, такими чистыми и сильными, что никому не устоять против ее напора, а Бен и не собирался сопротивляться этому чувству. Просто сдался ему на милость. Он ощущал себя круглым дураком и при этом испытывал необъяснимый восторг, смущался, как никогда в жизни, и... наслаждался. Эти безысходные эмоции так ударили в голову, что тошнота смешивалась с весельем.

— Нет, — просипел он. — Наверное, нет. — И расплылся в широченной улыбке. Он знал, какой идиотский у него, должно быть, вид, но не мог стянуть губы.

— Что ж, хорошо. Потому что учебный год закончился, знаешь ли. Слава богу.

— Хорошего... — Опять сипение. Ему пришлось откашляться. Румянец усилился. — Хорошего тебе лета, Беверли.

— И тебе, Бен. До осени.

Она быстро сбежала по ступеням, и Бен видел все глазами влюбленного: яркую шотландку юбки, рыжие вьющиеся волосы, плящущие на воротнике ее свитера, молочно-белое лицо, маленький заживающий шрам на икре и (по какой-то причине это последнее вызвало еще одну волну чувств, настолько мощную, что ему вновь пришлось схватиться за поручень; чувство это было огромным, не выражалось словами, но, к счастью, быстро отпустило; возможно, еще не осознанный сексуальный позыв, ничего не значащий для тела, поскольку эндокринные железы еще пребывали в глубокой, без сновидений, спячке, но при этом такой же яркий и жаркий, как летний свет) сверкающий золотистый браслет на лодыжке, над правой туфелькой, подмигивающий солнцу желтыми отблесками.

Звук... какой-то непонятный звук... сорвался с его губ. Он спустился вниз, чувствуя себя немощным стариком, и стоял у лестницы, наблюдая за Беверли, пока она не повернула налево и не исчезла за высокой зеленой изгородью, которая отделяла школьный двор от тротуара.

4

Но простоял он лишь несколько секунд (дети пробегали мимо, по одному и группами, радостно крича), потому что вспомнил про Генри Бауэрса и поспешил к углу здания школы. Пересек игровую площадку малышни, позвенел цепями, на которых висело сиденье качелей, переступил через качалку. Вышел через другие, размером поменьше, ворота на Картер-стрит и повернул налево, ни разу не оглянувшись на большущее здание, в которое последние девять месяцев приходил чуть ли не каждый рабочий день. Он сунул табель в задний карман джинсов и начал насвистывать. Ноги, обутые в кеды, казалось, сами несли его и, как ему казалось, на первых восьми кварталах их подошвы ни разу не коснулись тротуара.

Учеба закончилась в самом начале первого. Мать не могла прийти домой раньше шести, потому что по пятницам всегда заходила после работы в «Супермаркет скидок». Этот день принадлежал только ему.

Он пошел в Маккэррон-парк, какое-то время посидел под деревом, ничего не делая, иногда шепча: «Я люблю Беверли Марш»,

и всякий раз от романтических чувств, которые охватывали его, голова шла кругом. В какой-то момент, когда в парк пришла группа мальчишек и они принялись делиться на две команды, чтобы сыграть в бейсбол, он дважды прошептал: «Беверли Хэнском», после чего ему пришлось ткнуться лицом в траву, чтобы охладить пылающие щеки.

Вскоре он поднялся и через парк направился к Костелло-авеню, пройдя по которой пять кварталов, мог попасть к публичный библиотеке, куда, вероятно, и хотел попасть с самого начала. И уже выходил из парка, когда шестиклассник, его звали Питер Гордон, увидел его и крикнул: «Эй, сисястый! Хочешь сыграть? Нам нужен правый филдер!» Раздался взрыв хохота. Бен ускорил шаг, втянув шею в воротник, как черепаха втягивает голову в панцирь.

Но при этом, как ни крути, он мог считать себя счастливчиком; в другой день мальчишки могли бы побежать за ним, может, чтобы попугать, может, сбить с ног и посмотреть, заплачет ли он. Сегодня, однако, им не терпелось начать игру, определиться, какой команде подавать первой. Бен с радостью оставил их с проблемами, без разрешения которых первая летняя игра, конечно же, не могла начаться, и продолжил путь. Пройдя три квартала по Костелло, он заметил кое-что интересное, возможно, даже прибыльное, под зеленой изгородью чьего-то участка. Сквозь дыру в старом бумажном пакете блестело стекло. Бен подцепил пакет ногой и выдвинул на тротуар. Похоже, ему действительно улыбалась удача. В пакете лежали четыре пивные бутылки и четыре большие — из-под газировки. Большие стоили по пять центов, каждая пивная — по два. Двадцать восемь центов лежали под зеленой изгородью, дожидаясь какого-нибудь мальчишки, который, проходя мимо, нагнется и подберет их. Какого-нибудь везучего мальчишки.

— Так это же я! — радостно воскликнул Бен, не подозревая, что готовит ему остаток дня. Он двинулся дальше, держа пакет под донышком, чтобы не вывалились бутылки. «Костелло-авеню маркет» находился одним кварталом дальше, Бен свернул в магазин, обменял бутылки на наличные, а большую часть наличных — на сладости.

Он стоял перед прилавком, где продавались дешевые сладости, и указывал на то, что хотел купить, как всегда радуясь скрипучему звуку, который издавала сдвижная дверка, когда продавец

смещал ее по направляющим. Бен купил пять красных лакричных карамелек и пять черных, десять рутбирных ирисок (две на цент), упаковку леденцов за пятачок (пять бумажных полосок с пятью приклеенными леденцами на каждой, и ели их прямо с бумаги), пакетик «Ликем айд» и коробочку мятных пастилок «пез», для Пез-гана.

Из магазина Бен вышел с маленьким бумажным пакетиком, набитым сладостями, в руке и четырьмя центами в правом переднем кармане новых джинсов. Он посмотрел на бумажный пакет со сладкой начинкой, и внезапно на поверхность попыталась пробиться мысль,

(*будешь и дальше так есть, Беверли Марш никогда на тебя не посмотрит*)

неприятная мысль, и он затолкал ее обратно в глубину. Затолкалась она достаточно легко — привыкла к тому, что ее шпыняют.

Если бы кто-то спросил его: «Бен, тебе одиноко?» — он бы посмотрел на этого человека с искренним изумлением. Такой вопрос никогда не приходил ему в голову. Друзей ему заменяли книги и мечты, модели «Ревелл»*, гигантский набор «Линкольн логс»** и дома, которые он сооружал из элементов этого набора. Его мать не раз и не два восклицала, что бревенчатые дома Бена выглядят гораздо лучше настоящих домов, которые делались по чертежам. Был у него и большой конструктор «Эректор сет»***, а на день рождения в грядущем октябре он рассчитывал получить «Супер сет». Этот конструктор позволял собрать часы, которые показывали настоящее время, и автомобиль с настоящей коробкой передач. «Одиноко?» В ответ он бы мог спросить с искренним недоумением: «Чего? Это как?»

Ребенок, слепой от рождения, не знает, что он слеп, пока кто-нибудь не скажет ему об этом. Но даже тогда у него весьма смутное представление о том, что есть слепота; только потерявшие зре-

---

* «Ревелл» — компания, изготавливающая модели-склейки автомобилей, самолетов, боевой техники, кораблей. Основана в 1943 г.

** «Линкольн логс» — детский конструктор из миниатюрных бревен со специальными пазами и выступами, которые позволяют возводить из них игрушечные дома.

*** «Эректор сет» — детский металлический конструктор, выпускаемый с 1913 г. В некоторые комплекты входят миниатюрные шестерни, блоки, электродвигатели.

ние могут полностью осознать, что же это такое. Бен Хэнском не ощущал себя одиноким, потому не знал ничего, кроме одиночества. Если бы состояние это было для него внове, если бы он мог с чем-то сравнить, то, наверное, понял бы вопрос, но пока одиночество окружало его жизнь со всех сторон и накрывало куполом. Оно просто было — как большой палец с двумя суставами или маленький выступ на задней стороне одного из его передних зубов, маленький выступ, который его язык начинал вылизывать, когда Бен нервничал.

Беверли — сладкая мечта, а конфеты — сладкая реальность, единственный его друг. Вот он и велел инородной мысли проваливать, и та тихонечко ретировалась, не поднимая скандала. По пути от «Костелло-авеню маркет» до библиотеки он переправил в рот все содержимое пакета. Честно хотел оставить пастилки «пез» на вечер, чтобы съесть их перед телевизором (нравилось ему одну за другой загружать их в рукоятку маленького пластикового Пезгана, нравилось слышать, как щелкает крошечная пружинка внутри, но больше всего нравилось выстреливать их в рот, одну за другой, словно совершая сахарное самоубийство). В этот вечер показывали несколько сериалов, сначала «Вертолетчики», где Кеннет Тоби играл бесстрашного пилота винтокрылой машины, потом «Драгнет», который основывался на настоящих преступлениях, менялись только имена, чтобы защитить невиновных, и наконец, его любимый полицейский сериал «Дорожный патруль», в котором Бродерик Кроуфорд играл патрульного Дэна Мэтьюса. Бродерик Кроуфорд был кумиром Бена. Бродерик Кроуфорд не позволял застать себя врасплох, ни перед кем не прогибался, никому не давал спуска — и, что самое главное, Бродерик Кроуфорд был толстым.

Он добрался до угла Костелло и Канзас-стрит, где требовалось перейти на другую сторону, чтобы попасть в публичную библиотеку. Библиотека состояла из двух зданий. Старое, у тротуара, построенное на деньги богатого лесопромышленника в 1890 году, и новое — низкое, из песчаника, в глубине. Новое занимала детская библиотека. Оба здания соединялись стеклянным коридором.

Здесь, в непосредственной близости от центральной части города, автомобили по Канзас-стрит двигались только в одном направлении, и Бен, перед тем как перейти улицу, посмотрел лишь в

одну сторону, направо. А если б посмотрел налево, его ждал бы неприятный сюрприз. Рыгало Хаггинс, Виктор Крисс и Генри Бауэрс стояли в тени большого старого дуба, растущего на лужайке у Общественного центра, примерно в квартале от перекрестка.

S

— Давай его вздуем, Хэнк. — В голосе Виктора слышалась мольба.

Генри наблюдал, как этот толстый маленький говнюк пересекает улицу: его живот колыхался, затылок болтался взад-вперед, словно чертова Пружинка*, зад в новых синих джинсах покачивался, как у девчонки. Генри прикинул дистанцию между ними тремя, стоящими на лужайке у Общественного центра, и Хэнскомом, и между Хэнскомом и спасительным убежищем — библиотекой. Подумал, что они скорее всего успеют догнать его до того, как он войдет в двери, но Хэнском мог начать кричать. От этого маменькиного сынка следовало ждать всякого. Если бы закричал, какой-нибудь взрослый мог вмешаться, а этого Генри совершенно не хотелось. Эта сука Дуглас сказала ему, что он завалил английский и математику. Она перевела его в следующий класс, но назначила ему четыре недели дополнительных летних занятий. Генри предпочел бы остаться на второй год. Если б остался, отец избил бы его только один раз. А теперь, когда Генри предстояло четыре недели проводить в школе по четыре часа в день, и это в разгар полевых работ, отец мог избить его раз шесть, а то и больше. И с таким мрачным будущим его примиряло только одно: в этот день он собирался отдать этому жирдяю все тумаки, что еще даже не получил от отца.

С процентами.

— Да, давай перехватим его, — поддержал Виктора Рыгало.

— Мы подождем, пока он выйдет.

Они наблюдали, как Бен открыл половинку большой стеклянной двери и вошел в библиотеку, потом сели на траву и закурили. Рассказывали друг другу анекдоты про коммивояжеров и ждали появления Бена.

---

* Пружинка/Slinky — американская игрушка, созданная на основе спирали, в 1940-х годах военно-морским инженером Ричардом Джеймсом. В продаже — с 1945 г.

Генри знал, что он обязательно выйдет. И вот тогда Генри намеревался заставить его пожалеть о том, что он родился на свет Божий.

6

Библиотеку Бен любил.

Любил прохладу, царящую там даже в самый жаркий день долгого жаркого лета; любил тишину, нарушаемую лишь редким шепотом, чуть слышным постукиванием (библиотекарь ставил книги на полку или возился с формулярами) да шелестом страниц в зале периодики, где старики читали подшивки газет. Ему нравился свет, который днем падал через высокие, узкие окна, а зимними вечерами, когда снаружи завывал ветер, ложился большими кругами под свисающими с потолка шарами-лампами. Ему нравился запах книг — пряный запах, отдающий сказкой. Он иногда ходил вдоль стеллажей с книгами для взрослых, смотрел на тысячи томов и представлял себе мир, полный жизни, в каждом из них. Точно так же иной раз он шел по своей улице в горящих, подернутых дымкой сумерках конца октября, когда от солнца оставалась только густо-оранжевая полоска на горизонте, и представлял себе, какая жизнь идет за всеми этими окнами: люди смеялись, или спорили, или поливали цветы, или кормили детей, домашних животных, а может, ели сами, сидя перед теликом. Ему нравилось, что стеклянный коридор, который соединял старое здание и детскую библиотеку, всегда оставался жарким, даже зимой, за исключением разве что нескольких облачных дней. Миссис Скарретт, старший детский библиотекарь, как-то сказала ему, что причина — в так называемом парниковом эффекте. Бену эта идея очень понравилась. И годы спустя, когда он построит коммуникационный центр Би-би-си в Лондоне, который вызовет столько споров, причем аргументы «за» и «против» будут звучать еще тысячу лет, никто так и не узнает (за исключением самого Бена), что коммуникационный центр — всего лишь стеклянный коридор публичной библиотеки Дерри, только поставленный на торец.

Ему нравилась и детская библиотека, хотя в ней напрочь отсутствовало обаяние сумрака, которое он ощущал в старом здании, с его шарами-лампами и стальными винтовыми лестницами, таки-

ми узкими, что два человека не могли на них разойтись, и одному приходилось отступать назад. Детскую библиотеку всегда заливал свет, солнечный или электрический, и шума здесь хватало, несмотря на многочисленные таблички с надписью «ДАВАЙТЕ НЕ БУДЕМ ШУМЕТЬ, ХОРОШО?» Главным источником шума служила Пухова опушка, куда приходили малыши, чтобы посмотреть книжки-картинки. В этот день, когда Бен вошел в детскую библиотеку, как раз начался Сказочный час. Мисс Дейвис, красивая молодая библиотекарша, читала «Трех козликов»*.

— И кто это здесь, кто идет по моему мосту?

Мисс Дейвис говорила низким, рычащим голосом злого тролля. Некоторые малыши закрывали рты руками и хихикали, но большинство смотрели во все глаза, с серьезными лицами, признавая голос тролля, как признавали голоса в своих снах, а в их взглядах читался вечный вопрос любой сказки: обведут монстра вокруг пальца — или он набьет брюхо?

Везде висели яркие плакаты. На одном хороший мультяшный мальчик с таким рвением чистил зубы, что рот его пенился, будто пасть бешеной собаки. На другом мультяшный плохиш курил сигарету («СТАВ ВЗРОСЛЫМ, Я ХОЧУ МНОГО БОЛЕТЬ, ТАК ЖЕ, КАК И МОЙ ПАПА», — гласила надпись внизу). Третий являл собой прекрасную фотографию маленьких огоньков пламени, горящих в темноте. Смысл плаката разъясняла надпись:

«ОДНА ИДЕЯ ЗАЖИГАЕТ ТЫСЯЧУ СВЕЧЕЙ».
Ральф Уолдо Эмерсон

Тут же висели приглашения принять участие в скаутских походах. На одном плакате указывалось, что «В СЕГОДНЯШНИХ ДЕВИЧЬИХ КЛУБАХ РАСТУТ ЖЕНЩИНЫ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ». Детям предлагалось записываться в секции софтбола и в театральную студию при Общественном центре. И разумеется, детей призывали принять участие в летней программе чтения. Бену очень нравилась эта программа. Ее участник получал карту Соединенных Штатов. За каждую прочитанную книгу и написанный по ней коротенький реферат участнику выдавалась наклейка с названием одного из штатов,

* «Три козлика» — известная норвежская сказка о трех козликах, идущих по мосту, под которым живет злой тролль.

которая приклеивалась к карте. На наклейке указывалась птица штата, цветок штата, год вступления в Союз и президенты, родившиеся в штате, если таковые имелись. Если участник приклеивал к карте все сорок восемь наклеек, ему еще и дарили книгу. Так что сделка получалась чрезвычайно выгодная. Бен намеревался последовать рекомендации, приведенной на плакате: «Не теряй времени, запишись сегодня».

Среди всех этих ярких и красочных объявлений и плакатов выделялся один, приклеенный скотчем к стойке сдачи книг. Никаких мультяшных рисунков, никаких фотографий — строгие черные буквы на белом фоне:

ПОМНИ О КОМЕНДАНТСКОМ ЧАСЕ
С 19:00.
ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДЕРРИ

От одного только взгляда на этот плакат у Бена по коже побежали мурашки. Радость от получения табеля, тревоги из-за Генри Бауэрса, разговор с Беверли, начинающиеся летние каникулы — в итоге он напрочь забыл и про комендантский час для детей, и про убийства.

Люди спорили, сколько их было, но все соглашались, что как минимум четыре с прошлой зимы, пять, если считать Джорджа Денбро (многие придерживались мнения, что смерть маленького Денбро — результат какого-то странного и жуткого, но все равно несчастного случая). В том, что Бетти Рипсом убили, не сомневался никто. Тринадцатилетнюю девочку, изувеченную и вмерзшую в грязь, нашли в первый день после Рождества, в районе строящейся транспортной развязки на Внешней Джексон-стрит. Об этом не написали в газете, и взрослые не могли сказать такое Бену. Информацию эту он почерпнул из подслушанных обрывков разговоров.

По прошествии еще трех с половиной месяцев, вскоре после открытия сезона ловли форели, рыбак, решивший попытать счастья в двадцати милях к востоку от Дерри, поймал, как он сначала решил, палку. Но вытащил из воды кисть, запястье и первые четыре дюйма предплечья девушки. Крючок впился в плоть этой ужасной находки между большим и указательным пальцами.

Полиция штата нашла тело Черил Ламоники в семидесяти ярдах ниже по течению. Оно зацепилось за дерево, которое упало в

реку прошлой зимой. Только благодаря удачному стечению обстоятельств тело не унесло в Пенобскот и далее в океан весенним половодьем.

Шестнадцатилетняя Черил проживала в Дерри, но в школу не ходила. Тремя годами раньше она родила дочь, Андреа. Вместе с дочерью она жила у родителей. «Сумасбродства в Черил, конечно, хватало, но в сердце своем она была хорошей девочкой, — сказал полиции рыдающий отец. — Энди постоянно спрашивает: «Где моя мамочка?» — и я не знаю, что ей ответить».

Девушка пропала за пять недель до находки тела. Полицейское расследование убийства Черил Ламоники началось с естественного вопроса: убил ли ее один из бойфрендов? Их у нее хватало. Многие служили на авиабазе, расположенной ближе к Бангору. «Они были такие милые мальчики, большинство из них» — так отозвалась о дружках Черил ее мать. В число «милых мальчиков» входил и сорокалетний полковник ВВС, с женой и тремя детьми в Нью-Мехико. Еще один бойфренд Черил в это время сидел в Шоушенке за вооруженное ограбление.

Бойфренд, полагала полиция. Или вообще незнакомый человек. Сексуальный маньяк.

Если речь шла о сексуальном маньяке, то он, судя по всему, не брезговал и мальчиками. И в конце апреля учитель младшей средней школы, который повел свой восьмой класс на экскурсию по городу, заметил пару красных кроссовок и штанины детского комбинезона из синего вельвета, торчащие из дренажной трубы на Мерит-стрит. Эту часть Мерит-стрит перегородили переносными барьерами. Асфальт срыли бульдозерами еще прошлой осенью. Там строили магистраль на Бангор.

Из дренажной трубы вытащили тело трехлетнего Мэттью Клементса, который пропал днем раньше (его фотографию поместили на первой полосе утреннего номера «Дерри ньюс»: темноволосый маленький мальчик в бейсболке «Ред сокс» на макушке радостно улыбается в камеру). Клементсы жили на Канзас-стрит, в другом конце города. Его мать, настолько потрясенная горем, что казалось, перенеслась в стеклянный шар абсолютного спокойствия, сообщила полиции, что Мэтти на трехколесном велосипеде ездил взад-вперед перед домом, который стоял на углу Канзас-стрит и Коссат-лейн. Она отошла, чтобы положить выстиранное белье в сушилку, а когда вновь выглянула в окно, чтобы проверить, как там Мэтти,

его не было. Только перевернутый велосипед лежал на полоске травы между тротуаром и мостовой. Одно из задних колес еще лениво вращалось и замерло уже у нее на глазах.

Шеф Бортон счел, что этого достаточно. На специальной сессии городского совета он предложил со следующего дня ввести комендантский час для детей: с семи вечера все должны сидеть по домам. Предложение, одобренное единогласно, вступило в силу на другой день. Месяцем раньше на эту тему в школе Бена провели общее собрание. Шеф вышел на сцену, засунул большие пальцы за ремень и заверил детей, что тревожиться им не о чем при соблюдении нескольких простых правил: не разговаривать с незнакомцами, садиться в автомобили только к тем, кого хорошо знаешь, всегда помнить, что полицейский — твой друг... и соблюдать комендантский час.

Двумя неделями раньше мальчик, которого Бен знал только в лицо (он учился в другом пятом классе начальной школы Дерри), заглянул в одну из канализационных решеток на Нейболт-стрит, и ему показалось, что он видит плавающие там волосы. Этот мальчик, звали его Фрэнки или Фредди Росс (а может, Рот), искал всякие ценности с помощью изобретенного им аппарата, который он назвал «ВОЛШЕБНАЯ ЛИПУЧКА». Когда он говорил о своем изобретении, создавалось ощущение, что мысленным взором таким он его и видел, написанным большими буквами (может, и неоновыми). «ВОЛШЕБНАЯ ЛИПУЧКА» представляла собой березовую ветку с большим комком жевательной резинки на конце. В свободное время Фредди (или Фрэнки) бродил по Дерри, заглядывая в водостоки и канализационные решетки. Иногда он видел деньги... по большей части центы, но случалось, десятицентовики и даже четвертаки (по какой-то причине, известной только ему, он называл их «причальными монстрами»). Заметив монету, Фрэнки-или-Фредди и «ВОЛШЕБНАЯ ЛИПУЧКА» брались за дело. Конец палки с комком жвачки всовывался в щель, и в самом скором времени монета оказывалась в кармане мальчика. Бен слышал разговоры о Фрэнки-или-Фредди и его липучке задолго до того, как мальчишка получил всеобщую известность, найдя тело Вероники Грогэн. «Он же жуткий грязнуля, — однажды, на игровой площадке, поведал ему Ричи Тозиер, худой, как щепка мальчишка. Он учился в том же пятом классе, что и Фредди-или-Фрэнки, и носил очки. Бен полагал, что без очков Тозиер видит никак не лучше мистера Мей-

гу*: увеличенные глаза Ричи плавали за толстыми линзами очков с выражением вечного изумления. Еще он мог «похвастаться» огромными передними зубами, за которые получил прозвище Бобер. — Весь день сует палку со жвачкой на конце во все дыры, а по вечерам отлепляет жвачку от палки и жует ее».

— Господи, это же ужасно! — воскликнул Бен.

— Ты пгаф, кголик, — ответил Тозиер и удалился.

Фрэнки-или-Фредди шуровал своей «ВОЛШЕБНОЙ ЛИПУЧКОЙ», которую просунул в щель канализационной решетки, по дну водостока, в полной уверенности, что нашел парик. Он рассчитывал вытащить его, высушить, а потом, возможно, подарить матери на день рождения или распорядиться им по-другому. После нескольких минут бесплодных усилий уже решил сдаться, когда из мутной воды на дне водостока вдруг выплыло лицо, лицо с прилипшими к белым щекам опавшими листьями и грязью в глазах.

Фредди-или-Фрэнки с криком побежал домой.

Вероника Грогэн училась в четвертом классе Церковной школы на Нейболт-стрит. Руководили школой люди, которых мать Бена называла «святошами». Девочку похоронили в ее десятый день рождения.

После этой трагедии как-то вечером Арлен Хэнском позвала сына в гостиную и села рядом с ним на диване. Взяла за руки, пристально всмотрелась в глаза. Бен не отводил взгляда, но чувствовал себя не в своей тарелке.

— Бен, ты дурак? — спросила она его.

— Нет, мама, — ответил Бен, ему еще больше стало не по себе. Он понятия не имел, что все это значит. И не мог вспомнить случая, чтобы его мама была такой серьезной.

— Нет, — эхом отозвалась она. — И я так думаю.

Она долго молчала, уже не глядя на Бена, а задумчиво уставясь в окно. Бен даже задался вопросом, уж не забыла ли она про него. Молодая женщина, всего тридцати двух лет, она воспитывала мальчика одна, и это давало о себе знать. Сорок часов в неделю она работала в прядильном цеху ткацкой фабрики в Ньюпорте, и после

---

* Куинси Мейгу (или просто мистер Мейгу) — персонаж мультфильмов, созданный в 1949 г. При всех его достоинствах, мистера Мейгу отличает сильная близорукость, что создает ему массу проблем, которые усугубляются его отказом признаваться в том, что он плохо видит.

рабочих дней, когда в воздухе было особенно много прядильной пыли, иногда кашляла так долго и тяжело, что Бена охватывал страх. В такие вечера он долго лежал без сна, уставившись в темноту за окном спальни, и думал, что с ним будет, если она умрет. Он станет сиротой, и тогда или штат возьмет его на попечение (Бен думал, что в этом случае его отправят жить на какую-нибудь ферму, где будут заставлять работать от зари до зари), или его определят в сиротский приют Бангора. Он пытался убедить себя, что глупо об этом волноваться, быть такого не может, однако уговоры не помогали. Он волновался не только о себе; он волновался и о маме. Признавал, что мама его — женщина волевая, и обычно она настаивала на том, что считала правильным, но она была и хорошей мамой. Бен очень ее любил.

— Ты знаешь об этих убийствах. — Наконец она вновь посмотрела на него.

Бен кивнул.

— Поначалу люди думали, что это... — она запнулась на слове, которое никогда не произносила в присутствии сына, но обстоятельства сложились необычные, и она пересилила себя, — ...сексуальные преступления. Может, так оно и есть, а может, и нет. Может, больше их не будет, а может, будут. Никто ни в чем не уверен, за исключением одного: какой-то безумец охотится здесь на маленьких детей. Ты меня понимаешь, Бен?

Он кивнул.

— И ты знаешь, что я имею в виду, когда говорю, что, возможно, это были сексуальные преступления?

Он не знал, во всяком случае точно, но опять кивнул. Но подумал, что умрет от смущения, если мать решила, что должна поговорить с ним о пестиках и тычинках, помимо того, с чего начался этот разговор.

— Я тревожусь из-за тебя, Бен. Мне кажется, я делаю для тебя не все, что могла бы.

Бен заерзал на диване, но ничего не сказал.

— Ты много времени проводишь один. Думаю, слишком много. Ты...

— Мама...

— Молчи, когда я говорю с тобой. — И Бен замолчал. — Ты должен быть осторожен, Бенни. Скоро лето, и я не хочу портить тебе

каникулы, но ты должен быть осторожен. Я хочу, чтобы ты каждый день приходил домой к ужину. Когда мы ужинаем?

— В шесть вечера.

— С точностью до минуты! Поэтому слушай меня внимательно: если я накрою стол, налью тебе молока и увижу, что Бен не моет руки в раковине, я немедленно подойду к телефону и позвоню в полицию, чтобы сообщить, что ты пропал. Ты это понимаешь?

— Да, мама.

— И ты веришь, что я в точности все сделаю?

— Да.

— Возможно, выяснится, что звонила я понапрасну и делать этого не следовало. Мне кое-что известно о мальчиках. Я знаю, как в летние каникулы они увлекаются какими-то играми или занятиями. Скажем, прослеживают пчел до улья, играют в мяч, или в «пни банку»*, или во что-то еще. Видишь ли, я достаточно хорошо представляю себе, чем могут заниматься ты и твои друзья.

Бен степенно кивнул, подумав, что ничего она о нем не знает, раз думает, что у него есть друзья. Но говорить этого он ей не собирался, никогда в жизни.

Она достала из кармана халата и протянула ему маленькую пластмассовую коробочку. Бен открыл ее, увидел, что внутри, и у него отвалилась челюсть.

— Ух ты! — восхищенно воскликнул он. — Спасибо!

В коробочке лежали часы «Таймекс», с серебряными числами на циферблате и ремешком из кожзаменителя. Мама выставила точное время и завела часы. Бен слышал, как они тикали.

— Ого! Круче не бывает! — Он крепко обнял мать и звонко чмокнул в щеку.

Она улыбнулась, радуясь тому, что он доволен подарком, и кивнула. Но тут же вновь стала серьезной.

— Надень часы, постоянно носи их, заводи, смотри на них, не теряй.

— Хорошо.

— Теперь, когда у тебя есть часы, у тебя нет причин не приходить домой вовремя. Помни, что я сказала: если ты задерживаешь-

---

* «Пни банку» — вариант игры в прятки. Если кто-то из не пойманных игроков бьет по установленной на открытом месте банке, остальные обретают свободу.

ся, полиция начинает искать тебя по моей просьбе. По крайней мере до тех пор, пока они не поймают мерзавца, который убивает в городе детей, ты не должен задерживаться ни на минуту, или я тут же снимаю телефонную трубку.

— Да, мама.

— И вот что еще. Я не хочу, чтобы ты гулял один. Ты уже знаешь, что нельзя брать сладости у незнакомцев или садиться к ним в машину, чтобы тебя подвезли, мы оба считаем, что ты не дурак, и ты достаточно крупный мальчик для своего возраста, но взрослый мужчина, особенно не в своем уме, легко скрутит ребенка, если действительно этого захочет. Если идешь в парк или библиотеку, иди с кем-нибудь из друзей.

— Хорошо, мама.

Она снова посмотрела в окно и тревожно вздохнула.

— Это до чего ж мы докатимся, если такое будет продолжаться. Есть в этом городе что-то отвратительное. Я всегда это чувствовала. — Она повернулась к нему, сдвинула брови. — Ты такой бродяга, Бен. Должно быть, ты знаешь в Дерри все, так? Во всяком случае, городскую часть.

Бен не думал, что он знает весь город, но действительно, многое в городе было ему знакомо. И он пришел в такой восторг от столь неожиданного подарка — «Таймекса», что согласился бы с матерью, даже если бы она сказала, что Джону Уэйну следовало сыграть роль Адольфа Гитлера в музыкальной комедии о Второй мировой войне. Он кивнул.

— Ты никогда ничего такого не видел? — спросила она. — Ничего или никого... подозрительного? Необычного? Пугающего тебя?

Довольный часами, любя маму, радуясь, как и положено маленькому мальчику, ее заботе (которая одновременно немного пугала неприкрытым, неудержимым пылом), Бен едва не рассказал ей о том, что произошло в прошлом январе.

Открыл рот, а потом что-то (наверное, интуиция) рот закрыло.

И что это все-таки было? Интуиция. Не больше... но и не меньше. Даже дети могут чувствовать, какая ответственность иной раз свойственна любви, и понять, что в некоторых случаях лучше не говорить всего, что знаешь. Отчасти Бен закрыл рот и по этой при-

чине, но не только. Вторая причина уже не выглядела столь благородной. Она могла быть очень строгой, его мама. Могла показать себя боссом. Она никогда не называла его толстяком, только мальчиком крупным (иногда уточняла — «крупным для его возраста»), и если от ужина что-то оставалось, приносила ему тарелку, когда он смотрел телевизор или делал домашнее задание, и Бен все съедал, хотя где-то и ненавидел себя за это (но никогда — маму, за то, что она приносила тарелку; Бен Хэнском не решился бы ненавидеть свою маму; Господь, конечно же, убил бы его на месте, если б он хоть на секунду ощутил это жестокое, неблагодарное чувство). Возможно, какая-то глубинная его часть... далекий Тибет глубинных мыслей Бена... подозревал мотивы этого постоянного подкармливания. Мама руководствовалась только любовью? Или чем-то еще? Конечно же, нет. Но... вопросы у него оставались. И, что более важно, она не знала, что у него нет друзей. Из-за этого пробела в ее знаниях он не мог доверять матери, не мог точно предугадать, какой будет ее реакция на его историю о случившемся в январе. Если вообще что-то случилось. Может, возвращаться к шести и проводить вечер дома не так уж и плохо. Он мог читать, смотреть телевизор,

(*есть*)

собирать что-нибудь из деревянного или металлического конструктора. Но сидеть дома с утра и до вечера... это очень плохо, а он опасался, что именно этим все и закончилось бы, расскажи он ей о том, что видел... или думал, что видел... в январе.

В общем, по разным причинам Бен попридержал эту историю.

— Нет, мама, — ответил он. — Только мистера Маккиббона, который рылся в чужом мусоре.

Его ответ рассмешил ее (она не любила мистера Маккиббона, который был не только республиканцем, но и «святошей»), и этот смех закрыл тему. В тот вечер Бен долго лежал без сна, но не из-за мыслей о том, что может остаться сиротой в этом суровом мире. Он чувствовал, что его любят, и полагал себя в полной безопасности, лежа в кровати и глядя на лунный свет, который вливался в окно его спальни и расплескивался на одеяло и на пол. Бен подносил часы то к уху, чтобы послушать их тиканье, то к глазам, чтобы полюбоваться чуть светящимся циферблатом.

А когда наконец заснул, ему приснилось, что он играет с другими ребятами в бейсбол на стоянке за гаражом для грузовиков

братьев Трекеров. Он как раз нанес удар, обеспечивающий круговую пробежку, размахнулся как надо и от души врезал по маленькому мячику, и другие игроки радостной толпой встретили его у «дома». Обнимали, хлопали по спине, подняли на плечи и понесли к тому месту, где лежали их вещи. Во сне он раздувался от гордости и счастья... а потом посмотрел за бейсбольное поле, туда, где проволочный забор отделял укатанный шлак площадки от заросшего сорняками склона, который спускался к Пустоши. Среди сорняков и кустов стояла фигура, далеко, чуть ли не на пределе видимости. В одной руке в белой перчатке держала связку шариков — красных, желтых, синих, зеленых. Другой призывно манила к себе. Бен не мог разглядеть лица фигуры, но видел мешковатый костюм с большими оранжевыми пуговицами-помпонами спереди и желтым галстуком-бабочкой.

Клоун.

«Ты пгаф, кголик», — согласился фантомный голос.

Проснувшись утром, Бен полностью забыл про сон, но обнаружил, что подушка на ощупь влажная... словно ночью он плакал.

7

Он направился к главной стойке детской библиотеки, освобождаясь от мыслей о комендантском часе с той же легкостью, с какой собака стряхивает с себя воду после купания.

— Привет, Бенни, — поздоровалась с ним миссис Старрет. Как и миссис Дуглас в школе, она искренне любила таких детей, как Бен. Взрослые, особенно те, кому по роду деятельности приходится призывать к порядку детей, по большей части любили Бена, мальчика вежливого, не повышающего голос, думающего, иной раз очень даже остроумного, а главное, спокойного. По этим самым причинам большинство детей его как раз и не жаловали. — Еще не устал от летних каникул?

Бен улыбнулся. Миссис Старрет всегда так шутила.

— Еще нет, потому что с начала летних каникул прошло... — он посмотрел на часы, — ...один час и семнадцать минут. Дайте мне еще час.

Миссис Старрет рассмеялась, прикрывая рот ладонью, чтобы не сильно нарушать тишину. Спросила Бена, не хочет ли тот при-

нять участие в летней программе чтения, и Бен ответил, что хочет. Она выдала ему карту Соединенных Штатов, Бен сказал спасибо и принялся бродить среди книг — брал то одну, то другую, пролистывал, ставил на место. Он знал, какое серьезное это дело — выбор книг в детской библиотеке. Приходилось проявлять максимум осмотрительности. Это взрослый мог брать любое количество книг, а ребенок — только три. И если ты выбирал плохую книгу, то сам же от этого и страдал.

Наконец он сделал выбор: «Бульдозер», «Черный скакун» и еще одна, которую в каком-то смысле взял наобум. Называлась она «Лихач». Написал ее Генри Грегор Фелсен.

— Эта книга тебе, возможно, не понравится, — указала миссис Старрет, ставя штамп в книгу. — Очень уж она кровавая. Я предлагаю ее подросткам, особенно тем, кто только что получил водительское удостоверение, потому что она дает им повод для раздумий. Могу даже предположить, что после прочтения этой книги они с неделю не превышают разрешенной скорости.

— Ладно, сейчас загляну в нее, — ответил Бен и понес книги к одному из столиков, подальше от Пуховой опушки, где сейчас отвешивали двойную порцию тумаков троллю, живущему под мостом.

Какое-то время он читал «Лихача», и оказалось, что книга не очень-то плохая, можно сказать, просто хорошая. В ней рассказывалось о подростке, который действительно отлично водил автомобиль, но один зануда-коп постоянно пытался заставить его ездить медленнее. Бен узнал, что в Айове, где разворачивалось действие книги, нет ограничений скорости. Подумал, что это клево.

Прочитав три главы, он оторвался от книги и увидел новенький выставочный стенд. В верхней части стенда красовался плакат (в этой библиотеке плакаты обожали, всё так), на котором счастливый почтальон вручал письмо счастливому ребенку. «В БИБЛИОТЕКАХ МОЖНО И ПИСАТЬ, — гласила надпись на плакате. — ПОЧЕМУ БЫ НЕ НАПИСАТЬ ДРУГУ ПРЯМО СЕЙЧАС? УЛЫБКИ ГАРАНТИРОВАНЫ!»

Под плакатом в специальных ячейках лежали открытки с марками, конверты с марками, писчая бумага с изображением библиотеки Дерри на каждом листке, на самом верху, синими чернилами. Конверт с маркой стоил пять центов, открытка — три, два листка писчей бумаги — один.

Бен сунул руку в карман. В нем по-прежнему лежали четыре цента, оставшиеся от бутылочных денег. Он заложил страницу в «Лихаче» и прошел к стойке.

— Могу я взять одну открытку? — спросил он.

— Разумеется, Бен. — Как и всегда, его степенная вежливость очаровывала миссис Старрет, а габариты чуть огорчали. Как сказала бы ее мать, этот мальчик роет себе могилу ножом и вилкой. Она дала ему открытку и наблюдала, как он возвращается к своему месту. За столом могло сидеть шестеро, но Бен был один. Она никогда не видела его с другими мальчиками. И сожалела об этом, потому что верила, что в душе Бена Хэнскома хранились несметные сокровища. И он с радостью отдал бы их доброму и терпеливому старателю... если бы таковой появился.

8

Бен достал шариковую ручку, нажал на кнопку и написал на открытке адрес: «Мисс Беверли Марш, Нижняя Главная улица, Дерри, штат Мэн, США, Зона 2». Он не знал номера дома, но мама говорила ему, что большинство почтальонов, даже короткое время поработав на своем участке, прекрасно помнят, где кто живет. И если почтальон, обслуживающий Нижнюю Главную улицу, сможет доставить открытку адресату, это будет хорошо. Если не сможет, она просто вернется на почту, а он останется без трех центов. К нему эта открытка никак вернуться не могла, потому что он не собирался писать на ней ни своих имени и фамилии, ни адреса.

Неся открытку адресом вниз (не хотел рисковать, хотя не видел в библиотеке никого из знакомых), он подошел к деревянному ящику, стоявшему у бюро с библиотечными формулярами, и взял несколько полосок бумаги. Вернулся к столу и начал писать текст открытки, зачеркивать написанное, снова писать.

В последнюю до экзаменов неделю учебы на уроках литературы они читали и писали хайку. Хайку — жанр японской поэзии, короткая, строгая форма, всего три строчки. В хайку, говорила миссис Дуглас, может быть только семнадцать слогов, не больше, не меньше. Хайку обычно концентрируется на одном четком образе, который связан с одним конкретным чувством: грустью, радостью, ностальгией, счастьем... любовью.

Бена буквально зачаровала сама идея. Уроки литературы ему нравились, но особого восхищения он не испытывал. Делал все, что полагалось делать на этих уроках, но материал, который они проходили, чаще всего его не захватывал. Что-то в самой идее хайку разожгло его воображение. Только от идеи он ощутил себя счастливым, как уже случалось, когда миссис Старрет объяснила ему, что такое парниковый эффект. Бен чувствовал: хайку — хорошая поэзия, потому что это структурированная поэзия. Не было в хайку никаких тайных законов. Семнадцать слогов, один образ, связанный с одной эмоцией, ничего больше. Бинго. Все понятно, все практично. Стихотворение замыкается в своих рамках и зависит только от своих законов. Ему понравилось даже само слово, оно как бы ломалось посередине: хай-ку.

Ее волосы, подумал Бен, и увидел, как они колышутся у нее на плечах, когда она спускается по школьным ступеням. И блестели волосы не от падающих на них лучей солнца — они словно светились изнутри.

Он трудился двадцать минут (с одним перерывом — пришлось сходить за новыми полосками бумаги), вычеркивая слишком длинные слова. Итог получился следующим:

Волосы твои —
Жаркие угли зимой.
Хочу в них сгореть*.

Он понимал, что это не шедевр, но ничего лучшего придумать не смог. Боялся, что если сочинять будет слишком долго, а волноваться слишком много, то разнервничается, и получится у него что-то гораздо худшее. Или ничего не получится. Этого ему не хотелось. Тот миг, когда она заговорила с ним, стал для Бена знаменательным. Он хотел, чтобы этот день как-то запечатлелся в памяти. Наверное, Беверли втюрилась в какого-нибудь парня, старше его, шестиклассника, может и семиклассника, и подумает, что хайку послал ей именно он. Мысль эта сделает Бев счастливой, так что этот день запечатлеется и в ее памяти. И хотя она никогда не узнает, что написал хайку Бен Хэнском, это не важно; он-то знал.

Законченное хайку он переписал на оборотную сторону открытки (печатными буквами, словно требование о выкупе, а не любов-

* Перевод Марины Лариной.

ное стихотворение), нажал на кнопку, убрал ручку в карман, сунул открытку под обложку «Лихача».

Поднялся, по пути к двери попрощался с миссис Старрет.

— До свиданья, Бен, — ответила ему миссис Старрет. — Наслаждайся летними каникулами, но не забывай про комендантский час.

— Не забуду.

Он прошел стеклянным коридором между двумя зданиями библиотеки, наслаждаясь теплом (парниковый эффект, самодовольно подумал он), попал в прохладу взрослой библиотеки. Какой-то старик читал «Ньюс», удобно устроившись в одном из больших кресел, которые стояли в нише, отведенной под зал периодики. Заголовок под названием газеты кричал: «ДАЛЛЕС* ТРЕБУЕТ ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ НАПРАВИТЬ ВОЙСКА США В ЛИВАН». На первой полосе разместили также фотографию Айка, пожимающего руку какому-то арабу в Розовом саду. Мама говорила Бену, что ситуация, возможно, изменится к лучшему, если в 1960 году президентом выберут Губерта Хампфри**. Бен смутно помнил, что сейчас в стране экономический спад и его мама боялась, что ее могут уволить.

В нижней половине первой полосы нашлось место заголовку поменьше: «ПОЛИЦЕЙСКАЯ ОХОТА НА ПСИХОПАТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ».

Бен толкнул створку большой стеклянной двери библиотеки и вышел на улицу. Почтовый ящик висел на стойке у пересечения пешеходной дорожки с тротуаром. Бен достал открытку из книги, бросил в щель почтового ящика. Почувствовал, как сердце ускорило бег, когда открытка выскальзывала из его пальцев. *«А если она как-то узнает, что написал хайку я?»*

«Не будь дураком», — ответил он себе, чуть встревоженный тем, как взволновала его эта идея.

Он зашагал по Канзас-стрит, едва понимая, что делает, да и не обращая на это никакого внимания. Его занимало совсем другое. Он представлял себе, как Беверли Марш подходит к нему, ее серо-голубые глаза широко раскрыты, рыжие волосы забраны в конс-

---

* Даллес, Джон Фостер (1888—1959) — американский государственный деятель, занимавший пост государственного секретаря при президенте Эйзенхауэре.

** Хампфри, Губерт Горацио (1911—1978) — американский политический деятель. В то время сенатор-демократ от Миннесоты. Стал вице-президентом при Линдоне Джонсоне. В 1968 г. проиграл президентские выборы Ричарду Никсону.

кий хвост. «Я хочу задать тебе вопрос, Бен, — обратилась к нему эта воображаемая девочка, — и ты должен поклясться, что ответишь честно. — В руке она держала открытку. — Это написал ты?»

Такая жуткая нарисовалась в его голове картина. Такая прекрасная картина. Он хотел, чтобы она стерлась. Он не хотел, чтобы она стиралась. Его лицо вновь начало гореть.

Бен шел и грезил, перекидывая библиотечные книги с одной руки на другую, а потом начал насвистывать. «Ты, наверное, подумаешь, что я ужасная, — продолжила Беверли, — но, кажется, я хочу тебя поцеловать», — и ее губы чуть разошлись.

А у Бена губы вдруг так пересохли, что свистеть он больше не мог.

— Кажется, я хочу, чтобы ты поцеловала, — прошептал он, и улыбнулся широченной, беззаботной, абсолютно прекрасной улыбкой.

Если бы он в этот момент смотрел на тротуар, то увидел бы три тени, которые вырастали рядом с его; если бы он слушал, то до его ушей долетело бы цоканье шипов сапог Виктора, которое становилось все громче с приближением Виктора, Рыгала и Генри. Но Бен ничего не видел и не слышал. Бен был далеко-далеко, чувствуя, как губы Беверли касаются его рта, поднимая застенчивые руки, чтобы прикоснуться к ирландскому пламени ее волос.

9

Как и многие города, большие и малые, Дерри застраивался не по плану — он просто рос. Городские проектировщики никогда не разместили бы его там, где он в результате оказался. Центр Дерри расположился в долине, образованной рекой Кендускиг, которая протекала через деловой район с юго-запада на северо-восток. Остальные районы расползлись по склонам окружающих холмов.

Долина, которую облюбовали первые поселенцы, густо поросла лесом, хватало в ней и болот. Реки Пенобскот и Кендускиг радовали торговцев, но огорчали тех, кто распахивал поля и строил дома слишком близко к ним, особенно к Кендускигу, потому что эта река разливалась каждые три или четыре года. И угроза наводнений по-прежнему нависала над городом, несмотря на огром-

ные деньги, потраченные в последние пятьдесят лет на ее нейтрализацию. Если бы причиной наводнений служила только сама река, этот вопрос решался бы постройкой системы дамб, но немалое значение имели и другие факторы. Скажем, низкие берега Кендускига. Или водосток с окружающей территории. В двадцатом столетии Дерри пережил много больших наводнений и одно катастрофическое, в 1931 году. Усугубляли ситуацию и многочисленные маленькие речушки, протекающие по холмам, на которых раскинулся Дерри — одной из них была Торро, в которой нашли тело Черил Ламоники. Если сильные дожди затягивались, все они выходили из берегов. «Если дождь идет две недели, весь этот чертов город подхватывает насморк», — как-то сказал отец Заики Билла.

В центре города Кендускиг взяли в бетонные берега канала, длина которого составила две мили. Этот канал нырял под Главную улицу там, где она пересекалась с Канальной, и река где-то с полмили текла под землей, прежде чем вновь выйти на поверхность в Бэсси-парк. Канальная улица, на которой словно заключенные на поверке выстроилось большинство баров Дерри, тянулась параллельно Каналу к выходу из города, и каждые несколько недель полицейским приходилось выуживать автомобиль какого-нибудь пьяницы из воды, загрязненной сверх всякой меры канализационными и сточными водами. Время от времени в Канале ловили рыбу, но только несъедобных мутантов.

В северо-восточной части города, в той части, где находился Канал, реку до какой-то степени удавалось удерживать под контролем. Вдоль нее располагались процветающие промышленные предприятия, несмотря на угрозу наводнений. Люди прогуливались вдоль Канала, иногда рука об руку (если ветер дул, откуда надо; если с противоположной стороны, то вонь начисто лишала эти прогулки романтики), и в Бэсси-парк, который отделялся Каналом от средней школы. Там иногда проводили сборы бойскауты, а «волчата»* жарили на костре сосиски. В 1969 году горожане, к полному своему изумлению и ужасу, обнаружили, что хиппи (один из них нашил американский флаг на седалище своих штанов, но этого красного педика в два счета вышибли из города) курят там травку и торгуют «колесами». К 1969 году Бэсси-парк превратил-

* «Волчата» — младшая группа скаутов, 8—10 лет.

ся в аптеку под открытым небом. «Вот увидите, — предупреждали люди, — пока кто-то не умрет, они с этим не покончат». И разумеется, кто-то таки умер — семнадцатилетнего парня нашли мертвым в Канале, с почти чистым героином в венах. Такой героин молодежь называла белым гвоздем. После этого наркоманы начали покидать Бэсси-парк, и пошли рассказы о том, что в парке появился призрак этого парнишки. Глупые, конечно, истории, но если из-за них любители закинуться, обкуриться и ширнуться перебрались в другие места, тогда, по меньшей мере, это были полезные глупые истории.

В юго-западной части города река представляла собой более серьезную проблему. Здесь холмы сильно пострадали еще при движении великого ледника, и положение усугублялась продолжающейся водной эрозией, причиной которой служили Кендускиг и его многочисленные притоки.

Во многих местах скальное основание выпирало на поверхность, как наполовину вылезшие из земли кости динозавров. Ветераны департамента общественных работ Дерри знали, что после первого крепкого осеннего мороза их ждет ремонт многих и многих тротуаров в юго-западной части города. Бетон при морозе становился хрупким, а потом скальное основание неожиданно начинало выпирать сквозь него, словно земля хотела снести яйцо.

Эта скудная почва могла прийтись по душе только самым неприхотливым растениям с неглубокой корневой системой, которые сеялись сами по себе, другими словами, сорнякам, редким низкорослым деревцам, густому низкому кустарнику и ползучей дряни вроде ядовитого плюща и сумаха, которые росли везде, где им удавалось пустить корни. Именно на юго-западе земля резко уходила вниз к территории, известной в Дерри как Пустошь. Пустошью (хотя там как раз все заросло) называли неухоженный участок земли шириной в полторы и длиной в три мили. С одной стороны его ограничивала верхняя часть Канзас-стрит, с другой — Олд-Кейп, жилой район для малоимущих. С канализацией там было так плохо, что по городу постоянно ходили истории о лопающихся трубах и вытекающих нечистотах.

Кендускиг протекал посреди Пустоши. Город рос с северо-востока от нее и по обе стороны, но близкое соседство с Дерри в самой Пустоши выдавали только насосная станция № 3 (муниципальная станция по перекачке сточных вод) и свалка. С высоты птичьего

полета Пустошь выглядела большим зеленым кинжалом, нацеленным в центр города.

Для Бена вся эта география с геологией означала одно, да и в тот момент он не отдавал себе в этом отчета: по правую его руку домов больше нет, а земля резко уходит вниз. Хлипкий побеленный поручень огораживал тротуар на уровне пояса, номинально защищая прохожих от случайного падения. До Бена доносился шум бегущей воды — звуковой фон к фантазии, из которой он никак не мог выйти.

Он остановился и посмотрел на Пустошь, все еще представляя себе глаза Беверли, чистый запах ее волос.

Кендускиг лишь в нескольких местах проглядывал сквозь густую листву. Некоторые мальчишки рассказывали, что в это время года внизу водятся комары размером с воробья; другие говорили о зыбучих песках, преграждающих дорогу к реке. В комаров Бен не верил, но зыбучие пески его пугали.

Чуть левее он видел стаю кружащих в воздухе и ныряющих вниз чаек: там находилась свалка. Он слышал их далекие крики. На другой стороне Пустоши виднелись Дерри-Хайтс и низкие крыши домов Олд-Кейп, подступавших к ней. Справа от Олд-Кейп, нацелившись в небо белым широким пальцем, высилась Водонапорная башня Дерри. Прямо под Беном из земли торчал конец ржавой дренажной трубы. Бесцветная вода узкой струйкой лилась на склон, и этот ручеек быстро терялся из виду среди густой растительности.

Милая сердцу фантазия с Беверли внезапно сменилась другой, куда более мрачной: а вдруг из дренажной трубы высунется рука мертвеца, в эту самую секунду, у него на глазах? И допустим, повернувшись в поисках телефонного автомата, чтобы позвонить в полицию, он увидит стоящего перед ним клоуна? Смешного клоуна в мешковатом костюме с большими оранжевыми пуговицами-помпонами? Допустим...

Рука легла на плечо Бена, и он закричал.

Раздался смех. Бен развернулся, прижавшись спиной к поручню, отделявшему безопасный, цивилизованный тротуар Канзас-стрит от дикой необузданности Пустоши (поручень явственно заскрипел), и увидел стоящих перед ним Генри Бауэрса, Рыгало Хаггинса и Виктора Крисса.

— Здорово, Сисястый, — сказал Генри.

— Что тебе нужно? — спросил Бен, пытаясь продемонстрировать мужество.

— Я хочу тебя избить, — ответил Генри. Серьезно так, раздумчиво. Но глаза его возбужденно сверкали. — Должен тебя кое-чему научить, Сисястый. Ты же возражать не будешь. Тебе нравится узнавать новое, так?

Он потянулся к Бену. Тот отпрянул.

— Держите его, парни.

Рыгало и Виктор схватили Бена за руки. Он заверещал. Трусливо и малодушно, по-кроличьи, но ничего не мог с собой поделать. «*Пожалуйста, Господи, не дай им заставить меня плакать и не дай им разбить мои новые часы*», — мысленно взмолился Бен. Он не знал, разобьют они его часы или нет, но не сомневался, что до слез дело дойдет. Не сомневался, что плакать ему придется много, прежде чем они от него отстанут.

— Да он визжит, как свинья. — Виктор вывернул Бену руку. — Правда, он визжит, как свинья?

— Точно, визжит, — хохотнул Рыгало.

Бен дернулся в одну сторону, в другую: Рыгало и Виктор позволяли ему дергаться, а потом рывком возвращали на прежнее место.

Генри схватился за подол широкого свитера Бена и вздернул наверх, открывая живот. Он нависал над ремнем, как раздутый пузырь.

— Вы только посмотрите на это брюхо! — В голосе Генри слышались зачарованность и отвращение. — Господи-помилуй-нас!

Виктор и Рыгало расхохотались. Бен лихорадочно завертел головой, в надежде увидеть кого-либо, кто сможет прийти ему на помощь. Он никого не увидел. За спиной, в Пустоши, стрекотали цикады и кричали чайки.

— Отстаньте от меня! — Он еще не лепетал, но дело к этому шло. — Лучше отстаньте!

— Или что? — спросил Генри, с таким видом, будто его это действительно интересовало. — Или что, Сисястый? Или что, а?

Бен внезапно подумал о Бродерике Кроуфорде, который играл Дэна Мэтьюса в «Дорожном патруле». Этот парень не позволял застать себя врасплох, ни перед кем не прогибался, никому не давал

спуска... и Бен разрыдался. Дэн Мэтьюс проломил бы ими поручень, они покатились бы у него вниз по склону, в колючие кусты, и проделал бы все это своим животом.

— Ой, смотрите, малыш пустил слезу. — Виктор загоготал. Рыгало тоже. Генри чуть улыбнулся, но серьезность, раздумчивость по-прежнему отражались на его лице... и к ним вроде бы подмешивалась грусть. Бена это напугало. Он предположил, что одними кулаками дело не ограничится.

И словно подтверждая его мысль, Генри сунул руку в карман и достал складной нож.

Ужас придал Бену сил. Если раньше он дергался из стороны в сторону, то теперь неожиданно рванулся вперед. И на мгновение поверил, что сможет вырваться. Он обильно потел, так что руки сделались скользкими, и его держали не так уж крепко. Рыгало сумел удержать его правое запястье, а от Виктора он полностью освободился. Еще рывок...

Но он не успел. Генри шагнул вперед и сильно его толкнул. Бен отлетел на поручень, который на этот раз затрещал куда громче. А Виктор и Рыгало вновь схватили его.

— Держите крепко, — приказал им Генри. — Слышите меня?

— Не боись, Генри, — ответил Рыгало. В голосе слышалась какая-то скованность. — Он не убежит. Не волнуйся.

Генри надвинулся на Бена так, что его плоский живот уперся в брюхо толстяка. Бен неотрывно смотрел на него, слезы текли из широко раскрытых глаз. «Меня поймали! Поймали! — кричала какая-то часть его разума. Он пытался заставить ее замолчать, не мог думать под эти внутренние крики, но куда там. — Поймали! Поймали! Поймали!»

Генри раскрыл нож с широким, длинным лезвием. Бен увидел, что на лезвии выгравирована фамилия хозяина. Острие блеснуло в лучах яркого солнца.

— Сейчас я устрою тебе экзамен, — заговорил Генри все тем же раздумчивым голосом. — Время пришло, Сисястый, так что готовься.

Бен плакал. Сердце бешено колотилось. Сопли текли из носа и собирались на верхней губе. Его библиотечные книги лежали у ног. Генри наступил на «Бульдозер», глянул вниз, а потом отбросил в канаву боковым движением черного саперного сапога.

— Итак, первый вопрос твоего экзамена, Сисястый. Если кто-нибудь скажет «Дай списать» во время годовой контрольной, что ты ответишь?

— Да! — без запинки воскликнул Бен. — Я отвечу «да»! Конечно! Хорошо! Списывай, что хочешь!

Острие ножа продвинулось вперед на два дюйма и ткнулось Бену в живот. Холодное, как ванночка с кубиками льда, которую только что достали из морозильника. Бен отпрянул. На мгновение мир поблек. Губы Генри двигались, но Бен не мог разобрать ни слова. Генри говорил, как телевизор с выключенным звуком, и все вокруг начало вращаться... вращаться...

«Не смей грохнуться в обморок! — завопил панический голос. — *Если грохнешься, он так разъярится, что может убить тебя!»*

Мир вновь сфокусировался. Бен увидел, что и Виктор, и Рыгало перестали смеяться. Вроде бы занервничали... почти испугались. На Бена это подействовало, как прочищающая мозги затрещина. Он понял: они не знают, что может сделать Генри, как далеко может зайти. *«Каким бы ужасным тебе это ни казалось, и пусть на самом деле все ужасно... может, даже еще немного ужаснее, ты должен думать*, — сказал он себе. — *Если ты никогда не думал раньше и не будешь думать потом, сейчас тебе лучше подумать. Его глаза говорят о том, что нервничают они не зря. Его глаза говорят о том, что он чокнутый»*.

— Неправильный ответ, Сисястый, — услышал он голос Генри. — Если кто-нибудь скажет тебе «Дай списать», мне по фигу, что ты сделаешь. Дошло?

— Да. — Живот Бена сотрясался от рыданий. — Да, дошло.

— Что ж, хорошо. Первый ответ — неправильный, но главные вопросы еще впереди. Ты готов к главным вопросам?

— Я... наверное.

К ним медленно приближался автомобиль. Запыленный «форд» модели 1951 года, на переднем сиденье сидели старик и старуха, словно пара всеми забытых манекенов из универмага. Бен увидел, как голова старика медленно повернулась к нему. Генри подступил к Бену, пряча нож, и Бен почувствовал, как острие уперлось ему в живот чуть повыше пупка. По-прежнему холодное. Он не понимал, как такое может быть, но чувствовал идущий от острия холод.

— Давай кричи, — предложил Генри. — Потом тебе придется собирать твои гребаные кишки с кроссовок. — Они сблизились на

расстояние поцелуя. Бен чувствовал сладкий запах «Джуси фрут» в дыхании Генри.

Автомобиль поравнялся с ними и покатил дальше по Канзас-стрит, медленно и важно, словно платформа на Параде роз.

— Хорошо, Сисястый, теперь второй вопрос. Если я скажу «Дай списать» во время годовой контрольной, что ты ответишь?

— Да. Я отвечу «да». Сразу же.

Генри улыбнулся:

— Это хорошо. Ты ответил правильно, Сисястый. А теперь третий вопрос. Я хочу быть уверенным, что ты этого не забудешь. Как это сделать?

— Я... я не знаю, — прошептал Бен.

Генри улыбнулся. Так радостно, что лицо его на мгновение стало чуть ли не красивым.

— Я знаю! — воскликнул он, словно ему открылась великая истина. — Я знаю, Сисястый! Я вырежу свое имя на твоем толстом брюхе!

Виктор и Рыгало тут же загоготали. На мгновение Бен почувствовал безмерное облегчение, подумав, что это всего лишь выдумка... такая шутка, которую придумали эти трое, чтобы до смерти напугать его, и Бен внезапно понял, почему смеются Виктор и Рыгало — тоже от облегчения. Очевидно, они оба думали, что Генри шутит. Да только Генри не шутил.

Нож заскользил вверх, легко, словно резал масло. Оставляя за собой на белой коже Бена ярко-алую полосу крови.

— Эй! — крикнул Виктор. Сдавленно, словно ему перехватило горло.

— Держите его! — рявкнул Генри. — Просто держите, слышите меня! — Теперь на его лице не отражалось ни серьезности, ни раздумчивости; теперь Бен видел перед собой перекошенное лицо дьявола.

— Генри, ё-мое, не переборщи! — крикнул Рыгало, голос его вдруг стал высоким, прямо как у девушки.

Все тогда случилось очень быстро, но Бену Хэнскому казалось, что это происходит, как в замедленной съемке; происходит отдельными стоп-кадрами, как в фотоочерке, какие публиковали в журнале «Лайф». Паника ушла. Внутри Бена неожиданно обнаружилось нечто отличное от паники, а поскольку этому нечто паника ну никак не требовалась, оно ее просто сожрало. Целиком.

В первом стоп-кадре Генри задрал его свитер до сосков. Кровь текла из узкого вертикального разреза повыше пупка.

Во втором стоп-кадре Генри вновь опустил нож вниз, действуя быстро, как обезумевший батальонный хирург под бомбардировкой. Кровь потекла из второго разреза.

«Назад, — хладнокровно думал Бен, наблюдая, как кровь течет вниз и набирается между поясом джинсов и кожей. — Я должен податься назад. Это единственное направление, которое открыто для меня». Рыгало и Виктор более не держали его. Несмотря на приказ Генри, они попятились в стороны. Попятились в ужасе. Но если бы он побежал, Бауэрс поймал бы его.

В третьем стоп-кадре Генри соединил два вертикальных разреза коротким горизонтальным. Бен уже чувствовал, как кровь течет ему в трусы, липким улиточным следом проползает на левое бедро.

Генри на мгновение отступил, сосредоточенно хмурясь, как художник, рисующий пейзаж. «После «Н» идет «Е»*, — подумал Бен, и этой мысли хватило, чтобы перейти к действиям. Он качнулся вперед, Генри тут же ткнул его в грудь, и Бен оттолкнулся ногами, добавив собственное ускорение к полученному от Генри. Привалился спиной к побеленному поручню между Канзас-Сити и Пустошью. И в тот самый момент, когда спина вошла в соприкосновение с поручнем, поднял правую ногу и ударил подошвой в живот Генри. Нет, не совершил акт возмездия, просто хотел с еще большей силой надавить на поручень. И однако, когда увидел отразившееся на лице Генри полнейшее изумление, его охватила дикая радость — и чувство это было настолько сильным, что на долю секунды он испугался, а не разлетится ли у него голова.

Потом раздался треск ломающегося поручня. Бен увидел, как Виктор и Рыгало подхватили Генри до того, как тот плюхнулся на задницу в канаву, рядом с разодранным «Бульдозером», а в следующее мгновение уже падал назад, в пустоту. С криком, в котором звучал смех.

Бен приземлился на склон спиной и ягодицами чуть пониже среза дренажной трубы, которую заметил раньше. Ему повезло, что он приземлился ниже. Если б угодил на трубу, мог бы сломать позвоночник. А так приземлился на толстую подушку из сорняков и

* Бауэрс вырезает свое имя на английском — Henry.

папоротника-орляка и практически не почувствовал удара. Сделал кувырок назад. Ноги перелетели через голову. Он сел и в таком положении заскользил вниз по склону спиной вперед, как ребенок с большой зеленой горки, с каких съезжают в бассейн. Свитер задрался к шее. Руки пытались за что-то ухватиться, но только выдергивали папоротник и пырей.

Он видел, что вершина склона (уже казалось невероятным, что совсем недавно он там стоял) удаляется с безумной, как в мультфильмах, скоростью. Он видел Виктора и Рыгало (их лица напоминали большие белые буквы «О»), которые смотрели на него сверху вниз. Он успел погоревать о библиотечных книгах. А потом со страшной силой обо что-то ударился и чуть не откусил себе язык.

Спуск Бена по склону прервало упавшее дерево, и врезался он в него с такой силой, что едва не сломал левую ногу. Отполз чуть выше, со стоном высвободил ногу. Дерево остановило его на полпути вниз. Ниже росли густые кусты. Вода, льющаяся из дренажной трубы, тонкими струйками текла по его рукам.

Сверху послышался крик. Бен посмотрел на вершину склона и увидел прыгающего вниз Генри Бауэрса, с зажатым в зубах ножом. Он приземлился на обе ноги, откинулся назад, чтобы сохранить равновесие. Сначала заскользил по склону, а потом продолжил спуск неуклюжими прыжками а-ля кенгуру.

— Я ебя ую, Исый! — кричал Генри с ножом во рту, и Бену не требовался переводчик из ООН, чтобы понять фразу: «Я тебя убью, Сисятый». — Я ебя ую-ю-ю!

И теперь, с генеральским хладнокровием, которое он обнаружил в себе еще на тротуаре, Бен знал, что должен делать. Ему удалось подняться на ноги аккурат перед тем, как Генри добрался до него, с ножом уже в руке, выставленным вперед, как штык. Периферийным зрением Бен видел, что левая штанина его джинсов порвана, а левая нога кровоточит сильнее, чем живот, — но он мог на ней стоять, а это означало, что она не сломана. Во всяком случае, он надеялся, что не сломана.

Бен чуть согнул ноги, чтобы не потерять и без того неустойчивое равновесие, и когда Генри потянулся к нему одной рукой, собираясь схватить, а вторую, с ножом, занес по широкой дуге, Бен отступил в сторону. Равновесие он потерял, но, падая, выставил вперед левую, травмированную ногу. Голени Генри ударили по ней,

и как же быстро земля ушла у него из-под ног. На мгновение у Бена даже отвисла челюсть, ужас уступил место благоговейному трепету и восхищению. Генри Бауэрс пролетел над упавшим деревом, как Супермен. Руки он вытянул вперед, совсем как Джордж Ривз* в том телешоу. Только Джордж Ривз летал так же естественно, как принимал ванну или ел ленч на заднем крыльце. Генри же выглядел так, словно кто-то загнал ему в очко раскаленную кочергу. Рот его открывался и закрывался. Из одного уголка рта выплеснулись капельки слюны, и на глазах Бена обрызгали мочку уха.

А потом Генри врезался в землю. Нож вылетел из руки, сам Генри перевернулся через плечо на спину и заскользил в кусты, ноги его раскинулись, образовав букву «V». Крик. Удар. Тишина.

Ошеломленный, Бен сел, глядя на то место в кустах, где исчез Генри. Внезапно вокруг запрыгали камни и голыши. Он поднял голову. Виктор и Рыгало спускались по склону. С большей осторожностью, чем Генри, а потому медленнее, но могли добраться до него через тридцать секунд, может, и раньше, останься он на месте. Неужели это безумие еще не закончилось?

Поглядывая на них, Бен перебрался через упавшее дерево и, тяжело дыша, начал спускаться. В боку кололо. Ужасно болел язык. Кусты доходили Бену до головы. В нос бил резкий запах зелени, растущей, как ей того хотелось. Он слышал, что где-то поблизости бежит вода, переливаясь через камни и струясь между ними.

Он поскользнулся, вновь упал, продолжил спуск, перекатываясь и скользя, ударился тыльной стороной ладони о торчащий из земли камень, шипы вырывали клоки ткани из его свитера и кусочки кожи с рук и щек.

Спуск его резко прекратился, он сел, увидел, что ноги в воде. Ручей в этом месте делался извилистым, перед тем как скрыться в густой рощице по правую от Бена руку. Под деревьями было темно, как в пещере. Бен посмотрел налево и увидел Генри Бауэрса, лежащего на спине посреди ручья. В полуоткрытых глазах виднелись только белки. Из одного уха вытекала кровь и тоненькими ниточками змеилась по воде в сторону Бена.

«Боже мой, я его убил! Боже мой, я убийца! Боже мой!»

---

* Ривз, Джордж (1914—1959) — американский киноактер, получил известность за роль Супермена в телевизионной программе «Приключения Супермена».

Забыв про Рыгало и Виктора (а может, понимая, что желание отметелить его у них пропадет, как только они увидят, что их Бесстрашный лидер* мертв), Бен прошлепал двадцать футов вверх по ручью к тому месту, где лежал Генри в разорванной в клочья рубашке, в намокших, потемневших джинсах, потеряв один сапог. Смутно Бен понимал, что и от его одежды мало что уцелело, а все тело в ссадинах и гудит от боли. Хуже всего дело обстояло с левой лодыжкой. Она уже раздулась и распирала промокший кед, не могла служить ему как должно, и шел он вперевалочку, будто матрос, ступивший на землю после долгого плавания.

Он наклонился над Генри Бауэрсом. Глаза Генри широко раскрылись. Он схватил Бена за икру поцарапанной и окровавленной рукой. Губы двигались, и с них слетали только свистящие хрипы, но Бен все равно понимал, что говорит Генри: «Убью тебя, жирный говнюк».

Генри пытался подняться, используя ногу Бена, как опору. Бен испуганно отдернул ногу, рука Генри начала соскальзывать, отцепилась. Бен подался назад, замахал руками, но плюхнулся на задницу в третий раз за последние четыре минуты, поставив, наверное, рекорд. И вновь прикусил язык. Вода обтекала его. На мгновение перед глазами у него замерцала радуга. Бен плевать хотел на радугу. Наплевал бы и на горшочек с золотом**. Он всего лишь хотел сохранить свою жалкую толстячью жизнь.

Генри перекатился на живот. Попытался встать. Упал. Поднялся на руки и колени. Наконец, встал. Сверлил Бена злобными черными глазами. Волосы торчали в разные стороны, словно кукурузные стебли, потрепанные сильным ветром. Бен внезапно разозлился. Больше чем разозлился. Его охватила ярость. Он шел по тротуару, нес под мышкой библиотечные книги, грезил о том, что целует Беверли Марш, никого не трогал. А теперь посмотрите, что из этого вышло. Только посмотрите. Джинсы разорваны. Левая лодыжка, возможно, сломана, а уж насчет сильного растяжения сомнений нет. Нога поранена, язык прокушен, монограмма этого Генри чертова Бауэрса на животе. И как вам такая предыстория

---

* Бесстрашный лидер — отсылка к телевизионному мультсериалу «Рокки и Бульвинкль» (1959—1973).

** Согласно народному поверью, горшочек с золотом зарыт там, где радуга упирается в землю.

этого поединка, дорогие спортивные болельщики? Но, вероятно, именно случившееся с библиотечными книгами, за которые он нес ответственность, заставило Бена броситься на Генри Бауэрса. Потерянные библиотечные книги и упрек, который появился бы в глазах миссис Старрет, едва он начал бы рассказывать ей об этом. Какой бы ни была причина — порезы, растяжение, библиотечные книги, даже мысль о намокшем и, вероятно, уже нечитаемом табеле в его заднем кармане, — он сдвинулся с места. Шагнул вперед, расплескивая воду кедами, и ногой врезал Генри точно по яйцам.

Бауэрс издал жуткий хриплый крик, распугав птиц, сидевших на ближайших деревьях. Какое-то мгновение постоял, раздвинув ноги, прижав руки к промежности, глядя на Бена, не веря тому, что только что произошло.

— У-у, — пискнул он.

— Именно.

— У-у, — вновь пискнул Генри, еще более тонким голосом.

— Правильно.

Генри медленно упал на колени — не упал, просто ноги сложились в коленях. Он по-прежнему смотрел на Бена, по-прежнему не мог поверить, что тот так разобрался с ним.

— У-у.

— Чертовски правильно.

Генри повалился на бок, держась за яйца, и стал кататься из стороны в сторону.

— У-у! — стонал Генри. — Мои яйца. У-у. Ты разбил мне яйца. У-у-у! — Голос начал набирать силу, и Бен тут же попятился от Генри. Его мутило от содеянного, но при этом он как зачарованный не отрывал глаз от Генри, чувствуя, что правота на его стороне. — У-у! Моя гребаная мошонка... у-у-у!.. Мои гребаные ЯЙЦА!

Бен мог бы простоять здесь долго... возможно, он не сдвинулся бы с места, пока Генри не оклемался и не бросился бы на него... но тут камень ударил ему в голову повыше правого уха, вызвав резкую, пронизывающую боль, и Бен думал, что его укусила оса, пока не почувствовал, как потекла теплая кровь.

Он повернулся и увидел, как остальные двое идут к нему по ручью. Каждый держал пригоршню обкатанных водой камней. Виктор бросил один, и Бен услышал, как он просвистел мимо уха. Он пригнулся, и другой камень угодил ему в правое колено, заставив

вскрикнуть от неожиданной боли. Еще один отскочил от правой скулы, и глаз наполнился влагой.

Бен поспешил к дальнему берегу и как мог быстро начал карабкаться на него, хватаясь за торчащие корни и ветки кустов. Он добрался до верха (за это время еще один камень ударил в ягодицу) и оглянулся.

Рыгало опустился на колени рядом с Генри, а Виктор стоял в десятке футов от них и бросал камни. Один, размером с бейсбольный мяч, прошелестел сквозь листву кустов совсем рядом с головой Бена. Он увидел предостаточно; если на то пошло, даже больше, чем хотел. А что самое худшее — Генри Бауэрс вновь поднимался. Как и «Таймекс» Бена, Генри мог держать удар, продолжая тикать. Бен повернулся и двинулся сквозь кусты, как он надеялся, на запад. Если бы ему удалось пересечь Пустошь и добраться до Олд-Кейп, он мог выпросить у кого-нибудь десятицентовик и на автобусе доехать до дома. Там запер бы за собой дверь, бросил окровавленную, разорванную одежду в мусорный бак и на том этот кошмарный сон закончился бы. Бен уже представил себе, как сидит в своем кресле в гостиной после ванны в пушистом красном банном халате, смотрит мультфильмы про Даффи Дака по телевизору и пьет молоко через соломинку. «Придержи эти мысли, — мрачно сказал он себе, — и пошевеливайся».

Кусты так и норовили ударить по лицу. Бен отталкивал ветки в стороны, шипы цеплялись за одежду и кололи. Бен пытался не обращать на это внимания. Он вышел к ровному участку черной болотистой земли. Дорогу преграждали густые заросли, отдаленно напоминающие бамбук. От земли поднималось зловоние. Тревожная мысль

(*зыбучие пески*)

словно тень проскользнула в голове, когда он увидел, что в глубине зарослей поблескивает стоячая вода. Туда он идти не хотел. Даже если это и не зыбучие пески, грязь могла засосать его кеды. Он повернул направо, обежал «бамбуковую» рощу и наконец-то попал в настоящий лес.

Деревья, в основном хвойные, росли везде, очень близко друг к другу, боролись за местечко под солнцем, зато подлеска практически не было, так что он мог идти быстрее. Он уже не знал точно, в каком направлении продвигается, но по-прежнему полагал, что оторвался от охотников. Дерри подступал к Пустоши с трех сторон,

с четвертой ее ограничивала наполовину построенная автострада. Так что рано или поздно он выйдет к людям.

Живот пульсировал болью, и Бен поднял разорванный свитер, чтобы взглянуть на него. Поморщился и присвистнул сквозь зубы. Выглядел живот, как гротескный елочный шар, в красных пятнах от запекшейся крови и зеленых — от травы, оставшихся после спуска. Бен опустил свитер. Вид живота вызывал тошноту.

И тут до него донеслось низкое жужжание, едва слышное, источник которого находился где-то впереди. Взрослый, сосредоточившийся на стремлении выбраться отсюда (комары уже нашли Бена, далеко не такие большие, как воробьи, но достаточно большие), не обратил бы на него внимания или даже не услышал, но Бен был мальчиком, и пережитые страхи уже начали отступать. Он повернул налево и полез сквозь низкие лавровые кусты. За ними увидел бетонный цилиндр диаметром примерно в четыре фута, выступающий из земли фута на три. Цилиндр накрывала железная вентиляционная решетка. Бен прочитал выбитую на решетке надпись: «Департамент утилизации стоков Дерри». Этот звук, скорее гудение, чем жужжание, доносился откуда-то из глубины.

Бен прижался глазом к одному из отверстий в вентиляционной решетке, но ничего не смог разглядеть. Слышал гудение, где-то текла вода, но это все, что он мог сказать о происходящем внизу. Он потянул носом: снизу пахнуло сыростью и дерьмом, поморщился и отпрянул. Канализационный тоннель, ничего больше. А может, канализационный и дренажный в одном флаконе — в Дерри, постоянно живущем под страхом наводнения, таких хватало. Обычное дело. Но почему-то по спине у него пробежал холодок. Отчасти потому, что среди буйства дикой природы он увидел следы присутствия человека, но страх вызвала и форма сооружения — бетонный цилиндр, выступающий из земли. Годом раньше Бен прочитал «Машину времени» Герберта Уэллса, сначала в серии «Классика в комиксах», потом саму книгу. Цилиндр, накрытый вентиляционной железной решеткой, напомнил ему шахты, которые вели в страну сутулых и ужасных морлоков.

Он быстро отступил от цилиндра, попытался вновь определить, где запад. Вышел на поляну и вертелся на месте, пока тень не легла строго позади него. После этого пошел по прямой.

Пять минут спустя он услышал шум бегущей воды и голоса. Детские голоса. В той стороне, куда и шел.

Бен остановился прислушаться, и тут до него донеслись хруст ломающихся ветвей и другие голоса, уже сзади. Эти голоса он сразу узнал. Они принадлежали Виктору, Рыгало и единственному и несравненному Генри Бауэрсу. Видать, кошмар еще не закончился.

Бен огляделся в поисках места, где он мог бы спрятаться.

10

Из своего убежища он вылез через два часа, еще более грязный, но отдохнувший. Ему в это просто не верилось, но он поспал.

Услышав, что троица по-прежнему преследует его, Бен едва не впал в ступор, как случается с животным, которого освещают фары приближающегося автомобиля. Парализующая сонливость уже начала распространяться по телу. Захотелось просто лечь, свернуться в клубок, как еж, и позволить им сделать с ним все, чего только они пожелают. Безумная идея, но и необычайно привлекательная.

Однако вместо этого Бен двинулся на шум воды и детские голоса. Попытался отделить один голос от другого, понять, о чем они говорят, с тем, чтобы стряхнуть пугающий паралич духа. Говорили они о каком-то проекте. Один из двух голосов даже показался Бену знакомым. Что-то плюхнулось в воду, последовал взрыв добродушного смеха. Смех этот влек к себе, но и заставил особенно остро осознать, в каком опасном он положении.

«И если меня все-таки поймают, — подумал Бен, — нет нужды навлекать беду на этих ребят, которые могут попасть под горячую руку». Бен вновь повернул направо. Как и многие крупные люди, передвигался он на удивление бесшумно. Прошел достаточно близко от мальчишек, чтобы видеть их тени, пляшущие между ним и водой, а они не увидели и не услышали его. Наконец их голоса стали затихать.

Он наткнулся на узкую, вытоптанную до голой земли тропу. На мгновение задумался, но покачал головой и пересек ее, вновь углубившись в густой подлесок. Двигался теперь медленнее, не ломился сквозь кусты, а осторожно раздвигал их. По-прежнему шел параллельно ручью, около которого играли дети. Сквозь переплетенные кусты и деревья видел, что ручей этот гораздо шире того, в который свалились он и Генри. Не ручей вовсе, а река.

Здесь Бен обнаружил еще один бетонный цилиндр, едва различимый в зарослях ежевики, спокойно гудящий сам с собой. За ним, там, где берег сбегал к речке, росла старая ель, искривленный ствол которой наклонился над водой. Часть корней, зависших в воздухе из-за береговой эрозии, напоминала грязные волосы.

В надежде, что его не ждет встреча с пауками или со змеями, но, по большому счету, слишком много переживший, чтобы тревожиться из-за этого, Бен пролез между корнями в узкую пещеру под ними. Прижался к дальней стене. Один корень вонзился ему в спину, как сердитый палец. Бен чуть повернулся, и места хватило обоим.

Генри, Рыгало и Виктор вышли на берег. Бен надеялся, что они, возможно, пойдут по тропе, но, увы, не повезло. Они стояли так близко, что он мог высунуть руку из своего тайника и коснуться их.

— Готов спорить, те сопляки видели его, — предположил Рыгало.

— Что ж, давай узнаем, — ответил Генри, и втроем они направились в обратном направлении. И вскоре Бен услышал, как тот проревел: — И что вы, вашу мать, тут делаете?

Ему ответили, но Бен разобрать слов не сумел: дети находились далеко, а речка (конечно же, он вышел на берег Кендускига) сильно шумела. Но ему показалось, что голос мальчишки звучал испуганно. Бен мог ему посочувствовать.

Потом Виктор Крисс проревел что-то, не понятное Бену: «Гляньте-ка на эту гребаную махонькую плотину!»

При чем тут плотина? Какая плотина?

— Давай ее развалим! — предложил Рыгало.

Раздались крики протеста, завершившиеся воплем боли. Кто-то заплакал. Да, Бен мог посочувствовать мальчишкам. Эти трое его поймать не сумели (во всяком случае, пока), а тут попались другие малявки, на которых они могли сорвать злость.

— Конечно, развалим, — согласился Генри.

Всплески. Крики. Громкий смех Рыгало и Виктора. Яростный крик одного из мальчишек.

— Ты мне мозги не полощи, заикающийся выродок! — рявкнул Генри Бауэрс. — Достали меня сегодня такие, как ты.

Новые всплески, вода вдруг громко зашумела, потом шум стих, и вода продолжила тихонько журчать. Тут Бен все понял. Малень-

кая плотина. Мальчишки (двое или трое, судя по голосам) строили плотину. Генри и его дружки ударами сапог только что разрушили ее. Бен подумал, что знает одного из мальчишек. Единственным «заикающимся выродком» в начальной школе был Билл Денбро, который учился в параллельном пятом классе.

— Вы могли бы этого не делать! — прокричал тонкий и испуганный голос. Бен узнал и его, только не смог тут же связать с конкретным человеком. — Зачем вы это сделали?

— Потому что мне так захотелось, ублюдки! — пролаял Генри. Последовал увесистый удар. За ним — крик боли. И плач.

— Заткнись! — рявкнул Виктор. — Перестань выть, щенок, не то вытяну твои уши и завяжу под подбородком.

Плач сменился всхлипываниями.

— Мы уходим, — послышался голос Генри, — но, прежде чем мы уйдем, вот что я хочу знать. В последние десять минут вы видели здесь толстого сопляка? Большой жирдяй, весь в крови?

Таким коротким мог быть только один ответ — нет.

— Точно? — спросил Рыгало. — Тебе лучше сказать правду, каша-во-рту.

— То-то-точно, — ответил Билл Денбро.

— Пошли, — добавил Генри. — Наверное, он перебрался на другой берег.

— Пока, мальчики, — послышался голос Виктора Крисса. — Это была действительно очень маленькая детская плотина, поверьте мне. Вам без нее только лучше.

Всплески, голос Рыгало, но уже дальше. Слов Бен не разобрал. Собственно, и не хотел разбирать. С более близкого расстояния вновь донесся детский плач. Бен решил, что мальчишек двое, Заика Билл и плакса.

Он полусидел-полулежал в своем убежище, слушая мальчишек у речки, удаляющие звуки, которые издавали Генри и два его дружка-динозавра, ломясь сквозь кусты к дальней стороне Пустоши. Солнечные лучи били в глаза, отбрасывали блики и на корни над головой, и на землю под ними. В пещере было грязно, но и уютно... безопасно. Журчание воды успокаивало. Даже детский плач странным образом успокаивал. Раны и ушибы уже не пульсировали болью, а тупо ныли. Шум, издаваемый динозаврами, полностью стих. Бен решил, что ему лучше остаться здесь еще на какое-то время, убедиться, что они не вернутся, а уж потом спокойно идти домой.

Он слышал и гудение мощных машин, которое пробивалось сквозь толщу земли... мог даже почувствовать это гудение: низкие, ровные вибрации, которые передавались его спине через стену пещеры. Подумал о морлоках, об их голой плоти; на него словно пахнуло запахами сырости и дерьма, поднимающимися через отверстия вентиляционной железной решетки. Подумал об их шахтах, уходящих в глубины земли, шахтах с ржавыми лестницами, которые болтами крепились к стенам. Задремал, и в какой-то момент мысли перешли в сон.

11

Снились ему не морлоки. Снилось случившееся с ним в январе, то самое происшествие, о котором он не решился рассказать матери.

Произошло все в первый учебный день после длинных рождественских каникул. Миссис Дуглас попросила кого-нибудь остаться после занятий и помочь ей пересчитать учебники, которые ученики сдали перед тем, как уйти на каникулы. Бен поднял руку.

— Спасибо, Бен. — Миссис Дуглас наградила его такой ослепительной улыбкой, что тепло растеклось у него по телу до пальчиков ног.

«Жополиз», — шепотом прокомментировал с задней парты Гёнри Бауэрс.

День выдался из тех зимних дней в Мэне, которые принято считать и лучшими, и худшими: безоблачное небо, слепяще яркое солнце, но такой холод, что становилось страшно. Мало того что мороз под пятнадцать градусов, так еще сильный ледяной ветер.

Бен считал книги и выкрикивал результаты; миссис Дуглас их записывала (ни разу даже не проверила, с гордостью отметил Бен), а потом они на пару относили книги в кладовую по коридорам, в которых сонно потрескивали батареи центрального отопления. Поначалу школу наполняли самые разные звуки: захлопывались дверцы шкафчиков, в приемной директора стрекотала пишущая машинка миссис Томас, наверху репетировал хор, из спортивного зала доносились нервные удары баскетбольного мяча и шуршание кроссовок по деревянному полу.

Мало-помалу звуки эти обрывались, и когда они относили в кладовую последнюю порцию (книг оказалось на одну меньше, но миссис Дуглас со вздохом сказала, что значения это не имеет, поскольку все они дышали на ладан), осталось только потрескивание в батареях, ш-ш-шир, ш-ш-шир швабры мистера Фацио, продвигающего цветные опилки по полу в коридоре, да завывание ветра за окнами.

Бен посмотрел в узкое окно кладовой и увидел, что небо быстро темнеет. Часы показывали четыре пополудни, и сумерки начали сгущаться. На детской площадке ветер гнал по земле сухой снег, наметал маленькие сугробы около детских качалок, которые одним сиденьем намертво вмерзли в землю. Только апрельские оттепели могли снять эти крепкие зимние оковы. Никого не увидел он и на Джексон-стрит. Еще какое-то время он не отрывал глаз от окна, надеясь, что хоть один автомобиль проедет по перекрестку с Уитчем-стрит, но напрасно. Судя по тому, что видел он из окна, все в Дерри, за исключением него и миссис Дуглас, могли умереть или покинуть город.

Бен повернулся к учительнице, и ему стало ясно (тут он действительно испугался), что ее ощущения ничуть не отличаются от его. Он понял это по выражению глаз миссис Дуглас. Эти ушедшие в себя, задумчивые, отсутствующие глаза могли принадлежать ребенку, но никак не учительнице сорока с небольшим лет. И руки она сложила под грудью, как в молитве.

«Мне страшно, — подумал Бен, — и ей тоже. Но чего мы в действительности боимся?»

Он не знал. Потом она посмотрела на него, и с ее губ сорвался короткий, чуть ли не смущенный смешок.

— Я слишком уж задержала тебя. Извини, Бен.

— Ничего. — Он смотрел на свои ботинки. Бен немножко любил ее, не так искренне и всей душой, как мисс Тибодо, свою первую учительницу... но любил.

— Если б я водила машину, то подвезла бы тебя, но я не вожу. Муж заедет за мной в четверть шестого. Если ты подождешь, мы сможем...

— Нет, спасибо, — ответил Бен. — Я должен быть дома раньше. — Правдой тут и не пахло, но сама идея о встрече с мужем миссис Дуглас вызывала у него непонятное отвращение.

— Может, твоя мама сможет...

— Она тоже не водит машину, — ответил Бен. — Ничего со мной не случится. Мой дом в миле отсюда.

— Миля — не так и далеко в хорошую погоду, но не в такой мороз. При необходимости ты сможешь зайти куда-нибудь погреться?

— Да, конечно. Я зайду в «Костелло» и постою у печи. Мистер Гедро возражать не будет. У меня лыжные штаны. И теплый шарф. Мне его подарили на Рождество.

Его слова немного успокоили миссис Дуглас — а потом она снова посмотрела в окно.

— Просто на улице вроде бы так холодно. Так... так неприязненно.

Он не знал этого слова, но понимал, что она хотела сказать. Что-то только что случилось... но что?

Он увидел в ней, внезапно осознал Бен, человека, а не просто учительницу. Вот что случилось. Внезапно ее лицо предстало перед ним в новом ракурсе: оно стало совершенно другим — лицом уставшей поэтессы. Он мог видеть, как она едет домой с мужем, сидит рядом с ним в автомобиле, сложив руки на коленях, под шипение обогревателя, и они говорят о том, как у него прошел день. Он мог видеть, как она готовит обед. Странная мысль промелькнула в голове, и с губ чуть не сорвался вопрос, уместный на коктейль-пати: *«У вас есть дети, миссис Дуглас?»*

— В это время года я часто думаю, что люди не должны жить так далеко к северу от экватора, — добавила она. — Во всяком случае, на этой широте. — Тут она улыбнулась, и необычность отчасти ушла, то ли с ее лица, то ли из его глаз: он мог видеть ее такой же, как и всегда, по крайней мере частично. «И такой, как чуть раньше, мне ее больше не увидеть», — в унынии подумал Бен.

— Пока не наступит весна, я чувствую себя старой, а потом снова становлюсь молодой. И так каждый год. Ты уверен, что доберешься до дому, Бен?

— Доберусь в лучшем виде.

— Да, думаю, доберешься. Ты хороший мальчик, Бен.

Он смотрел на свои ботинки, покраснев, любя ее больше, чем когда бы то ни было.

— Смотри, не отморозь себе что-нибудь, парень, — предупредил его в коридоре мистер Фацио, не отрываясь от красных опилок.

— Не отморожу.

Он подошел к своему шкафчику, открыл его, вытащил лыжные штаны. Он очень переживал из-за того, что в особенно холодные зимние дни мать заставляла его надевать их, считая, что это одежда для малышей, но сегодня только порадовался тому, что они у него есть. Медленно пошел к двери, застегивая молнию куртки, туго завязывая тесемки капюшона, надевая варежки. Вышел из школы, постоял на припорошенной снегом верхней ступеньке лестницы, слушая, как за его спиной закрылась (и защелкнулась на замок) дверь.

Начальная школа Дерри в глубокой задумчивости застыла под сине-лиловым небом. Ветер дул без устали. Крюки с защелкой на флагштоке постукивали о металлическую стойку. Ветер сразу набросился на теплое лицо Бена, принялся кусать щеки.

«Не отморозь себе что-нибудь, парень».

Он быстро натянул шарф на лицо, превратившись в маленькую, пухлую карикатуру на Красного всадника*. От красоты темнеющего неба захватывало дух, но Бен не задержался у двери школы, чтобы полюбоваться им: слишком холодно. Он зашагал домой.

Поначалу ветер дул в спину, и никакого дискомфорта Бен не испытывал; наоборот, ветер подталкивал к дому. Но на Канальной улице пришлось повернуть направо и идти чуть ли не против ветра. Теперь ветер задерживал его... словно у него было к Бену какое-то дело. Шарф помогал, но не так чтобы очень. Глаза пульсировали, влага в носу заледенела, ноги в лыжных штанах онемели. Несколько раз он совал руки в варежках под мышки, чтобы согреть их. Ветер выл и стонал, иногда прямо-таки по-человечески.

Бен ощущал испуг и радостное волнение. Испуг — потому что теперь мог лучше понять прочитанные им истории, скажем, рассказ Джека Лондона «Костер», в котором люди замерзли до смерти. Да, в такой вечер действительно можно замерзнуть до смерти, в такой вечер, когда температура могла упасть до двадцати пяти градусов ниже нуля.

Для радостного волнения простого объяснения не находилось. Оно обусловливалось одиночеством... к нему примешивалась меланхолия. Бен шел по улице, его обдувал ветер, и никто из людей за ярко освещенными квадратами окон не видел его. Они были

* Красный всадник — популярный герой комиксов, радиопередач, фильмов и телесериалов.

внутри, при свете и в тепле. Они не знали, что он проходил мимо них; только он знал. Это был его секрет.

Движущийся воздух колол щеки, как иголки, но пах свежестью и чистотой. Белый дымок вырывался из ноздрей Бена маленькими аккуратными струйками.

Когда солнце село и лишь остаток дня задержался на западном горизонте холодной желто-оранжевой полосой, а первые звезды брильянтовой крошкой заблестели на небе, Бен вышел к Каналу. Теперь от дома его отделяли только три квартала, ему не терпелось ощутить тепло лицом и ногами, почувствовать покалывание, вызванное бегом крови.

И однако... он остановился.

Канал застыл в бетонном желобе замороженной рекой розоватого молока, Бен видел, что поверхность его неровная, мутная, в трещинах. Он не двигался и при этом казался живым в этом сурово-пуританском зимнем свете. Чувствовалась в нем уникальная, трудная для понимания красота.

Бен повернулся в другую сторону — на юго-запад. К Пустоши. И когда он смотрел в этом направлении, ветер снова задул ему в спину. Принялся трепать лыжные штаны. Канал тянулся среди бетонных берегов еще где-то полмили, потом бетон заканчивался: река втекала в него из Пустоши — в это время года скелетообразного мира заледенелых кустов и голых ветвей.

На льду стояла фигура.

Бен смотрел на нее и думал: «Там может быть человек, но как он может быть в таком наряде? Это же невозможно, правда?»

Действительно, он видел человека в серебристо-белом клоунском костюме. Его немилосердно трепал ледяной ветер. Большущие оранжевые башмаки цветом соответствовали пуговицам-помпонам на костюме. В одной руке человек держал нити, которые тянулись к ярким разноцветным воздушным шарикам. На глазах Бена шарики вдруг поплыли к нему, и он еще сильнее ощутил нереальность происходящего. Закрыл глаза, открыл, потер их. Шарики все равно плыли к нему.

В голове зазвучал голос мистера Фацио: «*Не отморозь себе что-нибудь, парень*».

Конечно же, это галлюцинация или мираж, вызванный каким-то природным феноменом. Человек мог стоять на льду. В принципе, даже мог надеть клоунский костюм. Но шарики никак не могли

плыть к Бену против ветра. И однако, по всему выходило, что именно это они и делали.

«Бен! — позвал клоун со льда. Бен подумал, что голос этот звучит только в голове, хотя казалось, что он слышит его ушами. — Хочешь шарик, Бен?»

И такой злобой дышал этот голос, такой вызывал ужас, что Бену захотелось бежать со всех ног, да только ноги его словно вмерзли в тротуар, точно так же, как качалки на детской школьной площадке — в землю.

«Они летают, Бен! Они все летают! Возьми один и увидишь».

Клоун пошел по льду к мосту через Канал, на котором стоял Бен. Бен наблюдал за его приближением, не шевелясь; наблюдал, как птица — за приближающейся змеей. На таком жутком холоде шарики должны были лопнуть, но они не лопались; плыли над головой и впереди клоуна, хотя им следовало находиться позади него, рваться в Пустошь... откуда, как убеждала Бена какая-то часть его разума, и пришло это существо.

А потом Бен заметил кое-что еще.

Хотя остатки дневного света окрашивали лед Канала в розовый цвет, клоун не отбрасывал тени. Вообще не отбрасывал.

«Тебе там понравится, Бен. — Клоун подошел достаточно близко, чтобы Бен слышал постукивание его забавных башмаков по неровному льду. — Тебе там понравится, я обещаю, всем мальчикам и девочкам, которых я встречал, там нравилось, потому что это тот же остров Удовольствий Пиноккио или страна Нетинебудет Питера Пэна; им никогда не придется взрослеть, а ведь именно этого хотят все дети! Так что пошли! Ты увидишь столько интересного. Получишь шарик, покормишь слонов. Покатаешься на горках! Тебе это так понравится, и, Бен, как ты будешь летать...»

Несмотря на страх, Бен обнаружил, что какая-то его часть хочет этот шарик. У кого в мире был шарик, который мог лететь против ветра? Кто вообще слышал о таком шарике? Да... он хотел заполучить такой шарик, и он хотел увидеть лицо клоуна, которое тот наклонял ко льду, словно для того, чтобы защитить от убийственного ветра.

Как бы все обернулось, если бы в этот момент не загудел пятичасовой гудок на ратуше Дерри, Бен не знал... не хотел знать. Главное — он загудел, пронзительным звуком прорезал зимний холод. Клоун поднял голову, словно в удивлении, и Бен увидел его лицо.

«Мумия! Господи, это же мумия!» — пришла первая мысль, сопровождаемая нарастающим ужасом, который заставил его ухватиться обеими руками за перила моста, чтобы не грохнуться без чувств. Разумеется, это была не мумия, не могло это быть мумией. Да, были египетские мумии, их хватало, он это знал, но поначалу он подумал о другой мумии — пыльном монстре, сыгранном Борисом Карлоффом в старом фильме, который он видел в прошлом месяце, когда допоздна смотрел телепрограмму «Кинотеатр ужасов».

Нет, это не могла быть и та мумия, киношные монстры ненастоящие, все это знали, даже дети. Но...

Этот клоун не загримировался под мумию. Этого клоуна не запеленали в бинты. Бинты были на шее и запястьях, ветер мотал их свободные концы, но Бен ясно видел лицо клоуна. Глубокие складки, кожа — пергаментная сеть морщин, щеки в лохмотьях, высохшая плоть. Кожа на лбу разорвана, но без кровинки. Мертвые губы растягивались, обнажая зубы, торчащие под углом, словно наклонившиеся надгробные камни. И десны, черные и в язвах. Бен не смог разглядеть глаза, но что-то блестело в глубине этих черных ям, что-то похожее на холодные драгоценные камни в глазах египетских скарабеев. И хотя ветер дул в сторону мумии, Бену казалось, что он улавливает запахи корицы и благовоний, прогнивших тканей, пропитанных неведомыми составами, песка, крови, такой старой, что она успела высохнуть и рассыпаться в пыль.

— Внизу мы все летаем, — прохрипел клоун-мумия, и Бен осознал, с одновременно нахлынувшей новой волной ужаса, что это чудище уже у моста и тянется вверх сухой скрюченной рукой, на которой кожа тоже висела лохмотьями, а сквозь иссохшую плоть проглядывали желтые кости.

Один почти бесплотный палец погладил мысок его сапога. И вот тут Бен вырвался из ступора. Пробежал оставшуюся часть моста под бьющий в уши пятичасовой гудок. Добрался до противоположного конца, в тот самый момент, когда гудок смолк. Это мог быть только мираж, ничего больше. Клоун просто не сумел бы преодолеть расстояние, отделявшее его от моста, за те десять—пятнадцать секунд, пока звучал гудок.

Но его страх миражем не был; равно как и слезы, которые брызнули из его глаз и замерзли на щеках через секунду после того, как коснулись их. Он бежал, сапоги стучали по тротуару, а позади, он

это слышал, мумия в клоунском наряде карабкалась на мост из Канала, окаменевшие ногти скребли по железу, древние сухожилия скрипели, как несмазанные петли. Бен слышал сухой свист воздуха, втягиваемого и выходящего из ноздрей, которые по сухости могли соперничать с тоннелями под Великой пирамидой. До него долетал запах благовоний, и он знал, что через мгновение пальцы мумии, напрочь, как и конструктор «Эректор сет», лишенные плоти, опустятся на его плечи. Развернут к себе, и ему придется взглянуть в морщинистое улыбающееся лицо. Река мертвого дыхания зальет его. Эти черные глазницы со светящимися глубинами наклонятся над ним. Рот раскроется, и он получит свой шарик. Да. Все шарики, которые он хотел.

Но когда он добежал до угла своей улицы, рыдающий и обессиленный, с безумно бьющимся сердцем, удары которого отдавались в ушах, когда наконец-то оглянулся, выяснилось, что никто за ним и не гонится. Пустовали и улица, и выгнутый дугой мост, с бетонными тротуарами и старинной булыжной мостовой. Канал в поле зрения не попадал, но Бен чувствовал, что и там царила та же пустота. Нет, если мумия не была галлюцинацией или миражом, будь она реальной, то сейчас ждала бы его под мостом... как тролль в сказке «Три козленка».

Внизу. Прячась внизу.

Бен поспешил домой, оглядываясь через каждые несколько шагов, и наконец закрыл и запер за собой дверь. Он объяснил матери (она так устала после особенно утомительного дня на фабрике, что, по правде говоря, и не беспокоилась из-за его долгого отсутствия), что помогал миссис Дуглас считать книги. Потом сел обедать. Ел лапшу и оставшуюся с воскресенья индейку. Трижды просил добавки, и после каждой следующей порции мумия становилась все более далекой и эфемерной. Она не могла быть реальной, никто из них не мог быть реальным. Все они оживали между рекламными блоками в фильмах, которые показывали по телевизору поздно вечером, или на субботних утренних сеансах, где ты при удаче мог увидеть двух монстров за четвертак... а если у тебя был еще один, то на него ты покупал весь попкорн, который мог съесть.

Нет, они не были настоящими. Телемонстры, киномонстры, монстры из комиксов. Не были настоящими до того момента, как ты ложился в кровать и не мог заснуть. Не были, пока четыре последние конфеты, завернутые в бумажную салфетку и спрятанные

под подушкой с тем, чтобы пережить опасности ночи, не отправлялись в рот; не были, пока сама кровать не превращалась в озеро тухлых снов, и снаружи завывал ветер, а ты не решался взглянуть на окно, потому что с другой стороны стекла на тебя могло смотреть улыбающееся древнее лицо, не разложившееся, а ссохшееся, как старый лист, с глазами-алмазами, глубоко запавшими в темные глазницы; не были, пока ты не видел, как иссохшая лапа, похожая на руку, держит связку воздушных шариков: *«Ты увидишь столько интересного, получишь шарик, покормишь слонов, покатаешься на горках, и, Бен, ох, Бен, как же ты будешь летать...»*

12

Бен проснулся с криком, еще окончательно не вырвавшись из сна о мумии, испугавшись вибрирующей тьмы, которая окружала его. Дернулся, и корень, с которым он мирно соседствовал, вновь уперся ему в спину, будто разозлившись.

Он увидел свет и пополз к нему. Выбрался к предвечернему солнцу и журчанию речки, и все встало на свои места. Это лето — не зима. Мумия не перенесла его в свой зарытый в песках пустыни саркофаг; Бен просто спрятался от больших парней в песчаной дыре под деревом, половина корней которого висела в воздухе. Он в Пустоши. Генри и его дружки вернулись в город, отчасти выместив зло на паре маленьких мальчишек, играющих у речки, потому что не смогли найти Бена и рассчитаться с ним по полной. «Пока, мальчики. Это была действительно очень маленькая плотина, поверьте мне. Вам без нее только лучше».

Бен мрачно посмотрел на свою разорванную одежду. Конечно же, его за это по головке не погладят. Мать спустит с него семь шкур.

Он спал долго, и тело затекло. Бен спустился к воде и двинулся вдоль речки, морщась при каждом шаге. Болело всюду и везде, словно Спайк Джонс* наигрывал что-то быстрое на битом стекле, рассыпанном в его мышцах. Засохшая или засыхающая кровь, казалось, покрывала каждый квадратный дюйм не закрытой одеждой

* Джонс, Линдли Армстронг, по прозвищу «Спайк» — популярный американский музыкант и киноактер, известный музыкальными пародиями.

кожи. Строители плотины наверняка ушли, успокаивал себя Бен. Он не знал, как долго спал, но даже если всего полчаса, встреча с Генри и его дружками наверняка убедила Денбро и второго парнишку, что любое другое место, скажем Тимбукту, куда полезнее для их здоровья.

Бен с трудом переставлял ноги, точно зная, что у него нет ни единого шанса убежать от больших парней, если те вдруг вернутся. Да его это уже и не волновало.

Он миновал излучину и остановился, просто стоял и смотрел. Плотиностроители никуда не ушли. Одним из них действительно был Заика Билл Денбро. Он опустился на колени рядом с другим мальчиком, который сидел, привалившись спиной к поднимающемуся от воды берегу. Голову этот мальчик так сильно запрокинул назад, что кадык выступал вперед, словно треугольная затычка. Кровь запеклась вокруг его носа, на подбородке, парой линий разрисовала шею. Рядом с рукой лежало что-то белое.

Заика Билл резко обернулся и увидел стоящего Бена. Тот уже понял, что с мальчиком, привалившимся спиной к склону, что-то не так: лицо Денбро не оставляло сомнений в том, что он перепуган насмерть. «Неужели этот день никогда не закончится?» — в отчаянии подумал Бен.

— Слушай, не смо-смо-сможешь ты м-м-мне помочь? — спросил Денбро. — Е-его ин-ингалятор п-пуст. Я думаю, он мо-может у-у-у...

Лицо Денбро застыло, налилось кровью. Он пытался выговорить слово, но, как пулемет, выстреливал одну букву. Слюна летела изо рта, и он секунд тридцать тарахтел: «У-у-у-у-у...» — прежде чем Бен понял, что пытается сказать ему Денбро: другой мальчик мог умереть.

Глава 5
БИЛЛ ДЕНБРО ОБГОНЯЕТ ДЬЯВОЛА-1

1

Билл Денбро думает: «*Это, блин, как полет в космос; я словно внутри пули, которой выстрелили из ружья*».

Эта мысль, абсолютно правильная, особо его не успокаивает. Собственно, в первый час после взлета «Конкорда» (или, вернее, старта) из Хитроу он страдал от легкого приступа клаустрофобии. Самолет узкий — и это очень нервирует. Питание на борту, можно сказать, изысканное, но стюардессам, которые обслуживают пассажиров, чтобы с этим справиться, приходится извиваться, наклоняться и приседать; они напоминают команду гимнасток. Билл наблюдает за этими героическими усилиями, и еда для него во многом теряет вкус, а его соседа происходящее в проходе между креслами нисколько не волнует.

Сосед — еще один минус. Толстый и немытый. Конечно, он пользуется одеколоном «Тед Лапидус», но Билл ясно улавливает запахи грязи и пота, пробивающиеся сквозь аромат одеколона. И левый локоть толстяк не придерживает, то и дело мягко тыкается в Билла.

Его взгляд снова и снова притягивает светящееся табло в передней части салона. Оно показывает, как быстро летит эта английская пуля. Теперь, достигнув крейсерской скорости, «Конкорд» более чем в два раза обгоняет звук. Билл достает ручку из кармана

брюк и кончиком нажимает на кнопки часов-компьютера, которые Одра подарила ему на прошлое Рождество. Если махметр* показывает достоверную информацию (а у Билла нет абсолютно никаких оснований в этом сомневаться), они приближаются к Америке со скоростью восемнадцать миль в минуту. И Билл не уверен, что ему действительно хочется это знать.

За иллюминатором, маленьким, из толстого стекла, как на старых космических капсулах «Меркурий», он видит небо, не синее, а лилово-фиолетовое, как в сумерках, хотя сейчас только середина дня. И линия горизонта, где встречаются небо и океан, чуть изогнута. «*Я сижу здесь*, — думает Билл, — *с «Кровавой Мэри» в руке, мне тыкается в бицепс локоть грязного толстяка, и при этом я вижу кривизну земной поверхности*».

Он чуть улыбается, полагая, что человеку, который способен такое пережить, бояться негоже. Но он боится — и не только того, что летит со скоростью восемнадцать миль в минуту в этой узкой, хрупкой скорлупе. Он чувствует, как Дерри стремительно несется на него. И это совершенно правильная трактовка ситуации. Пролетает «Конкорд» восемнадцать миль в минуту или нет, ощущение таково, что он застыл на месте, тогда как Дерри мчится к нему, как огромный хищник, долго-долго выжидавший и выскочивший наконец из засады. Дерри, ах, Дерри! И что у нас там в Дерри? Вонь заводов и рек? Благородная тишина обсаженных деревьями улиц? Библиотека? Водонапорная башня? Бэсси-парк? Начальная школа?

Пустошь?

Огни вспыхивают у него в голове; мощные «солнечные» прожекторы. Такое ощущение, будто он двадцать семь лет просидел в темном зрительном зале, ожидая начала спектакля, и спектакль таки начался. И судя по декорациям, которые появляются из темноты по мере того, как включаются все новые прожектора, это не какая-то безобидная комедия, не «Мышьяк и старые кружева»**; для Билла Денбро сцена выглядит съемочной площадкой «Кабинета доктора Калигари»***.

---

* Махметр — прибор, измеряющий скорость самолета в махах (1 мах — скорость звука).

** «Мышьяк и старые кружева» — пьеса американского драматурга Джозефа Кесселринга (1902—1967).

*** «Кабинет доктора Калигари» — знаменитый немецкий немой фильм (1920). Триллер.

«*Все эти истории, которые я пишу*, — в некотором удивлении думает он. — *Все эти романы. Дерри — оттуда они берут начало; Дерри — их неистощимый источник. Они родились из того, что произошло тем летом, из того, что случилось с Джорджем предыдущей осенью. Всем репортерам, которые задавали ЭТОТ ВОПРОС... я давал неверный ответ*».

Локоть толстяка вновь упирается в него, и жидкость расплескивается из его стакана. Билл уже собирается выразить недовольство, но передумывает.

ЭТОТ ВОПРОС, само собой, «где вы берете свои замыслы?» Билл полагал, что всем писателям-беллетристам приходилось отвечать на него (или притворяться, что отвечают) как минимум дважды в неделю, но такому, как он, пишущему о том, чего в реальности быть не могло, и зарабатывающему этим на жизнь, приходилось отвечать на этот вопрос (или притворяться, что отвечает) гораздо чаще.

«У всех писателей есть канал связи с подсознанием, — говорил он интервьюерам, не упоминая о своих сомнениях в существовании подсознания, которые усиливались с каждым прожитым годом. — Но у людей, которые пишут ужастики, этот канал связи протянут глубже, может... в под-подсознание, если хотите».

Изящный ответ, только сам он никогда в это не верил. Подсознательное? Да, что-то такое было там, в глубине, все так, но Билл считал, что люди придают слишком много значения этой функции мозга, которая, вероятно, представляет собой психологический эквивалент слез в глазах при попадании в них пыли или же газов, которые отходят через час-полтора после очень уж плотного обеда. Второе сравнение, вероятно, было более точным, но нельзя же сказать интервьюеру, что, по твоему разумению, сны и смутные желания и состояния, как, скажем, дежа вю — всего лишь ментальный пердеж. Однако что-то им требовалось, всем этим репортерам с блокнотами или маленькими японскими диктофонами, и Билл хотел помочь им, насколько мог. Он знал, что писательство — тяжелая работа, чертовски тяжелая работа. И не хотелось еще больше усложнять им жизнь, говоря: «Друг мой, вы могли бы спросить: «Кто в вашей семье пердит?» — и на этом закончить».

Теперь он думал: «Ты всегда знал, что они задают неправильный вопрос, даже до звонка Майка; а теперь ты знаешь, каков пра-

вильный вопрос. Не где вы берете свои замыслы, а откуда у вас берутся ваши замыслы?» Канал связи существовал, это точно, но уходил он не в подсознание, каким бы его ни представляли себе Фрейд или Юнг; не в канализацию рассудка, не в подземную пещеру, полную морлоков, которым не терпелось вырваться оттуда. Этот канал связи тянулся в Дерри. В Дерри, и только в Дерри. И...

...и кто это здесь, кто идет по моему мосту?

Он резко выпрямляется, и на сей раз его локоть выдвигается в сторону, на мгновение глубоко утопает в толстом боку соседа.

— Осторожнее, приятель, — говорит толстяк. — Места маловато, знаете ли.

— Вы перестаньте толкать меня своим локтем, и тогда я постараюсь не то-олкать вас мо-оим. — Толстяк одаривает его злым, недоумевающим да-что-черт-побери-вы-такое-говорите взглядом, а Билл молча смотрит на него, пока тот не отводит глаз, что-то бормоча себе под нос.

Кто это здесь?

Кто идет по моему мосту?

Он вновь смотрит в иллюминатор и думает: *«Мы обгоняем дьявола»*.

На его руках и затылке волосы встают дыбом. Одним глотком он допивает содержимое стакана. Зажегся еще один большой прожектор.

Сильвер. Его велосипед. Так он его назвал, в честь коня Одинокого рейнджера. Большой «швинн»* с двадцативосьмидюймовыми колесами. «Ты на нем убьешься, Билли», — предупредил его отец, но особой озабоченности в голосе не слышалось. После смерти Джорджи отец редко когда выказывал озабоченность. Раньше он был строгим. Справедливым, но строгим. А потом... ты мог его обойти. Словами и поступками он обозначал себя отцом, но только обозначал. Казалось, он постоянно прислушивается, ожидая возвращения Джорджи домой.

Билл увидел этот «швинн» в витрине Магазина велосипедов и мотоциклов на Центральной улице. Велик грустно привалился к подставке, больше самого большого из прочих выставленных велосипедов, тусклый там, где другие сверкали, прямой — где другие

* «Швинн» — известная американская велосипедная фирма, основанная в 1895 г.

изгибались, изогнутый — где были прямыми. На переднем колесе висела табличка:

«Б/У»
Предложи цену.

На самом деле, когда Билл вошел в магазин, цену предложил хозяин, и Билл на нее согласился — не смог бы (потому что не знал как) торговаться с хозяином велосипедного магазина, даже если бы от этого зависела его жизнь, да и запрашиваемая цена (двадцать четыре доллара) показалась ему справедливой; даже низкой. Он расплатился за Сильвера деньгами, которые копил семь последних месяцев: подаренными на день рождения, на Рождество, заработанными за покос лужаек. Велосипед он заметил в витрине еще на День благодарения*. А заплатил за него и покатил из магазина домой, как только снег начал окончательно таять. Что странно, до прошлого года ему в голову даже не приходила мысль о велосипеде. Идея возникла внезапно. Возможно, в один из тех бесконечных дней после смерти Джорджа. После его убийства.

Поначалу Билл действительно чуть не расшибся. Первая поездка на новом велосипеде закончилась тем, что Билл завалился с ним на землю, чтобы не врезаться в деревянный забор в конце Коссат-лейн (боялся он не врезаться в забор, а пробить его и упасть с высоты шестидесяти футов в Пустошь). Отделался порезом длиной в пять дюймов между запястьем и локтем левой руки. А еще менее чем через неделю не смог вовремя затормозить и проскочил перекресток Уитчем и Джонсон-стрит на скорости тридцать пять миль в час, маленький мальчик на тускло-сером велосипеде-мастодонте (представить себе Сильвера серебряным мог только человек с чересчур уж богатым воображением), шелест игральных карт по спицам убыстрился до пулеметного треска, спицы переднего и заднего колес слились в рокочущие диски, и, появись в этот момент на перекрестке автомобиль, Билл стал бы трупом. Как Джорджи.

Мало-помалу, по мере того как весна продвигалась к лету, он учился управлять Сильвером. Родители Билла не заметили, что он в это время играл в кошки-мышки со смертью. Он тогда думал: «После нескольких первых дней они перестали замечать велоси-

* День благодарения — последний четверг ноября.

пед — для них он превратился в рухлядь с облупившейся краской, в дождливые дни приваленную к стене гаража».

Но никакой рухлядью Сильвер не был. Выглядел он, может, и не очень, но летал как ветер. Друг Билла, единственный его друг, мальчишка, которого звали Эдди Каспбрэк, разбирался в механике. Он показал Биллу, как привести Сильвера в наилучшую форму: какие гайки подтянуть и регулярно проверять, где смазывать звездочки, как натягивать цепь, как ставить заплату на пробитую камеру, чтобы она держалась.

«Тебе надо его покрасить». Он помнил, как Эдди однажды сказал ему об этом, но красить Сильвера Билл не стал. По причинам, которые не мог объяснить даже себе, он хотел, чтобы «швинн» оставался каким есть, велосипедом, который легкомысленный мальчишка постоянно оставляет в дождь на лужайке, велосипедом, в котором все трещит, дребезжит и трясется. Выглядел он непритязательно, но несся как ветер.

— Он побил бы дьявола, — говорит Билл вслух и смеется. Толстяк-сосед резко поворачивается к нему: в смехе лающие нотки, от которых утром у Одры побежали по коже мурашки.

Да, выглядел велосипед непритязательно, с облупившейся краской, старомодным багажником над задним колесом и древним клаксоном с черной резиновой грушей. Клаксон этот намертво крепился к рулю ржавым болтом размером с кулак младенца. Очень непритязательно.

И мог Сильвер мчаться? Мог? Не то слово!

Очень хорошо, что мог, потому что именно Сильвер спас Биллу Денбро жизнь на четвертой неделе июня 1958 года — через неделю после того, как он впервые встретил Бена Хэнскома, через неделю после того, как он, Бен и Эдди построили плотину, в ту неделю, когда Ричи Тозиер, он же Балабол, и Беверли Марш появились в Пустоши после субботнего утреннего киносеанса. Ричи ехал у него за спиной, на багажнике Сильвера, в тот день, когда Сильвер спас ему жизнь... то есть, выходило, что Сильвер спас жизнь и Ричи. И он вспомнил дом, из которого они убегали. Прекрасно его вспомнил. Этот чертов дом на Нейболт-стрит.

В тот день он мчался, чтобы обогнать дьявола, ох, да, именно так, как будто ты этого не знаешь. Того еще дьявола, с глазами, сверкающими, как старинные, вырытые из земли монеты. Волоса-

того старого дьявола с пастью окровавленных зубов. Но все это случилось позже. Если в тот день Сильвер спас его и Ричи, тогда, возможно, он спас и Эдди Каспбрэка несколькими днями ранее, когда Билл и Эдди впервые встретились с Беном у остатков их разрушенной пинками больших парней плотины в Пустоши. Генри Бауэрс (выглядел он так, словно кто-то пропустил его через мясорубку) разбил Эдди нос, потом у Эдди начался приступ астмы, а его ингалятор оказался пустым. Так что в тот день именно Сильвер помог Эдди, Сильвер-спаситель.

Билл Денбро, который не садился на велосипед почти семнадцать лет, смотрит в иллюминатор самолета, в существование которого в 1958 году никто бы не поверил (его и представить себе не могли, разве что на страницах научно-фантастического журнала). *«Хай-йо, Сильвер, ВПЕРЕ-Е-ЕД!»* — думает он, и ему приходится закрыть глаза, которые начинают жечь внезапно появившиеся слезы.

Что случилось с Сильвером? Он вспомнить не может. Эта часть сцены по-прежнему темна; этот «солнечный» прожектор еще не зажегся. Может, и хорошо. Может, это во благо.

Хай-йо.

Хай-йо, Сильвер.

Хай-йо, Сильвер.

2

— ВПЕРЕ-Е-ЕД! — прокричал он. Ветер понес слова ему за плечо, как развевающийся креповый шарф. Они вырвались громкими и четкими, эти слова, торжествующим ревом. Тогда только они могли так вырываться.

Он ехал вниз по Канзас-стрит, к городу, поначалу медленно набирая скорость. Сильвер катился, как только его удавалось сдвинуть с места, но для того, чтобы сдвинуть его с места, приходилось попотеть. В разгоне большого серого велосипеда было что-то от разгона большого самолета по взлетной полосе. Поначалу просто не верилось, что эта огромная ковыляющая машина может оторваться от земли — сама мысль казалось абсурдной. Но потом под машиной возникала ее тень, и прежде чем ты успевал подумать, а не мираж ли это, тень оставалась далеко позади, а самолет, уже

изящный и грациозный, взмывал в небо, прорезая воздух, как мечта всем довольного человека.

Таким был и Сильвер.

Билл набрал скорость на небольшом спуске, и начал быстрее вращать педали, ноги его ходили вверх-вниз, а сам он завис над рамой велосипеда. Билл очень быстро понял (хватило пары ударов рамы по самому уязвимому для мальчишки месту), что перед тем как усаживаться на Сильвера, трусы нужно подтягивать как можно выше. Тем же летом, только позже, Ричи, наблюдая за подтягиванием трусов, скажет: «Билл это делает, надеясь, что у него когда-нибудь будут дети. Мне представляется, что эта идея не из лучших, но, как знать, они всегда могут пойти в его жену, так?»

Они с Эдди максимально опустили седло, и теперь, когда Билл нажимал на педали, оно тыкалось ему в поясницу и царапало ее. Женщина, выпалывавшая сорняки в своем цветнике, прикрыла глаза рукой, наблюдая за ним. Улыбнулась. Мальчишка на громадном «швинне» напомнил ей обезьяну на одноколесном велосипеде, которую она однажды видела в цирке «Барнум-энд-Бейли». «*Он расшибется*, — подумала она, возвращаясь к прополке. — *Велосипед слишком велик для него*». Но ее это не касалось.

3

Биллу хватило здравого смысла не спорить с большими парнями, когда они появились из кустов. Выглядели они, как разозленные охотники, преследующие зверя, который уже покалечил одного из них. Эдди, однако, опрометчиво открыл рот, и Генри Бауэрс стравил злость.

Билл их, само собой, знал: Генри, Рыгало и Виктор, едва ли не самые отъявленные негодяи в школе. Они пару раз избивали Ричи Тозиера, с которым Билл иногда водил дружбу. Но, по мнению Билла, вина отчасти лежала и на Ричи — не зря же его прозвали Балаболом.

Однажды в апреле Ричи сказал что-то насчет их воротников, когда они проходили мимо по школьному двору. Воротники они подняли, как Вик Морроу в «Школьных джунглях»*. Билл, кото-

* Фильм «Школьные джунгли», вышедший на экраны в 1955 г., стал кинодебютом для американского актера Вика Морроу (1929—1982).

рый сидел у стены и безо всякого интереса играл в шарики, полностью всей фразы не расслышал. Генри и его дружки тоже — но они услышали достаточно, чтобы повернуться в сторону Ричи. Билл предполагал, что Ричи намеревался сказать то, что сказал, тихим голосом. Но на свою беду, тихим голосом говорить Ричи не умел.

— Что ты сказал, маленький очкастый козел? — полюбопытствовал Виктор Крисс.

— Я ничего не сказал, — ответил Ричи, и это опровержение, на пару с лицом Ричи, на котором, вполне естественно, отражались смятение и страх, могли поставить точку. Да только рот Ричи более всего напоминал необъезженную лошадь, которая могла взбрыкнуть в любой момент. И теперь Ричи неожиданно добавил: — Вычисти серу из ушей, верзила. Пороха не одолжить?

Какое-то мгновение они остолбенело таращились на него, потом ринулись вдогонку. С прежнего места у стены здания Заика Билл наблюдал за этой неравной гонкой, от самого начала до предсказуемого завершения. Встревать смысла не имело; эти трое громил с радостью отколошматили бы двух сопляков вместо одного.

Ричи по диагонали пересекал игровую площадку для самых маленьких, перепрыгивая через качалки и лавируя между качелями, осознав, что бежит в тупик, лишь когда уперся в забор из рабицы, который отделял школьную территорию от примыкающего к ней парка. Он попытался перелезть через забор, цепляясь за проволоку пальцами и втыкая в ячейки мыски кроссовок. И преодолел две трети пути до вершины, когда Генри и Виктор Крисс вернули его на землю: Генри — схватив за куртку, Виктор — за джинсы. Ричи кричал, когда его сдергивали с забора. На асфальт он упал спиной. Очки слетели. Он потянулся к ним, но Рыгало Хаггинс пнул их ногой — и в то лето одну из дужек обматывала изолента.

Билл поморщился и пошел к фасаду школы. Увидел, как миссис Могэн, одна из учительниц четвертого класса, спешит, чтобы прекратить это безобразие, но знал: они успеют крепко отделать Ричи, и когда она доберется до места избиения, Ричи уже будет плакать. Плакса, плакса, посмотрите на плаксу.

Биллу от них практически не доставалось. Они, разумеется, высмеивали его заикание. Иногда помимо насмешек он получал пинок или тычок. Однажды в дождливый день, когда они пошли на

ленч в спортивный зал, Рыгало Хаггинс выбил из руки Билла пакет с завтраком и раздавил саперным сапогом, превратив содержимое в кашу.

— Ой-ей-ей! — прокричал Рыгало в притворном ужасе, поднял руки, принялся ими трясти. — И-и-извини, что так вышло с твоим за-а-автраком, г-г-гребаный козел! — И пошел по коридору к фонтанчику с водой у дверей мужского туалета. Привалившийся к фонтанчику Виктор Крисс так смеялся, что едва не надорвал живот. В итоге ничего страшного не произошло. Эдди Каспбрэк поделился с ним половиной сандвича с арахисовым маслом и джемом, а Ричи с радостью отдал ему яйцо, мать давала ему с собой яйца через день, а Ричи говорил, что от них его тошнит.

Но Билл считал, что лучше не попадаться у них на пути, а если уж попался — постарайся стать невидимкой.

Эдди забыл эти правила, и ему врезали.

С ним все было ничего, пока большие парни не перешли на другой берег, пусть даже из носа фонтаном лилась кровь. Когда носовой платок Эдди совсем промок, Билл отдал ему свой, заставил положить руку под шею и запрокинуть голову. Билл помнил, что его мать так поступала с Джорджи. Потому что у Джорджи иногда шла носом кровь...

Ох, как это тяжело — думать о Джорджи.

Когда шум, доносящийся с другого берега, где большие парни ломились сквозь Пустошь, полностью стих, а кровь из носа у Эдди почти остановилась, у него начался приступ астмы. Он хватал ртом воздух, пальцы разжимались и сжимались, словно хотели кого-то поймать, дыхание сделалось свистящим.

— Черт! — выдохнул Эдди. — Астма! Задыхаюсь!

Он принялся нащупывать ингалятор, наконец вытащил его из кармана. Ингалятор напоминал флакон «Уиндекса», с распылителем вместо пробки. Эдди сунул распылитель в рот, нажал на рычаг клапана.

— Лучше? — озабоченно спросил Билл.

— Нет. Он пуст. — Эдди посмотрел на Билла полными паники глазами, которые говорили: «Я попал, Билл! Я попал!»

Пустой ингалятор выкатился из его руки. Речка продолжала журчать, ее ни в малейшей степени не волновал тот факт, что Эдди едва мог дышать. Билл вдруг подумал, что в одном большие парни

правы: это действительно была детская плотина. Но они играли. Черт побери, и он разозлился из-за того, что все так обернулось.

— Де-е-ержись, Э-Э-Эдди.

Последующие сорок минут или чуть больше Билл просидел рядом с ним, и сомнений, что приступ ослабнет, только прибавлялось. К моменту появления Бена сомнения эти уже перешли в настоящий страх. Об облегчении речи не было — Эдди становилось все хуже. Аптека на Центральной улице, где Эдди получал лекарства, — почти в трех милях от того места, где они сейчас. И как бы все выглядело, если бы он оставил Эдди одного, а вернувшись с лекарством, нашел бы его без сознания или...

(*пожалуйста, не надо даже думать об этом*)

Или мертвым, безжалостно настоял его разум.

(*как Джорджи, мертвым, как Джорджи*)

Не будь таким говнюком! Он не собирался умирать!

Нет, наверное, не собирался. Но вдруг, вернувшись, он бы нашел впавшего в комбу Эдди? Билл все знал о комбе; он даже догадался, название этого состояния человека идет от комберов, больших таких волн на Гавайях, по которым мчатся серферы, и это правильно: в конце концов, что есть комба, как не волна, которая топит твой мозг? В медицинских сериалах, таких как «Бен Кейси», люди постоянно впадали в комбу и иногда оставались в ней, несмотря на истошные вопли Бена Кейси.

Он сидел, зная, что должен ехать за лекарством, но не мог оставить Эдди одного, не хотел оставлять его одного. Иррациональная, суеверная его часть точно знала, что Эдди впадет в комбу, как только он, Билл, повернется к нему спиной. А потом он посмотрел вдоль берега и увидел стоящего перед ним Бена Хэнскома. Разумеется, Бена он знал: самый толстый ребенок в школе тоже знаменитость, пусть такой славы мало кому хочется. Бен учился в параллельном пятом классе. Билл иногда видел его на переменах, стоящим в одиночестве, обычно в углу. Бен или читал книгу, или ел ленч из пакета размером с сетку, в каких стирают белье.

Теперь же, глядя на Бена, Билл подумал, что выглядит он похуже Генри Бауэрса. Верилось в это с трудом, но Билл доверял своим глазам. Даже не стал представлять себе, в каком вселенском поединке сошлись эти двое. Волосы Бена, заляпанные грязью, пиками торчали во все стороны. Свитер или футболка с длинными рукавами (теперь едва ли кто мог сказать, в чем Бен пришел в школу в этот

день, да и не имело это никакого значения) превратилась в лохмотья, в пятнах крови и травы. Джинсы порвались на коленях.

Бен заметил, что Билл смотрит на него, и отпрянул, взгляд сразу сделался настороженным.

— Не-не-не-не у-у-у-уходи! — Билл вытянул руки вперед, ладонями вверх, показывая, что он не опасен. — Н-н-нам нужна по-по-помощь!

Бен осторожно приблизился. Он ступал так, будто одна, а то и обе ноги не держали его.

— Они ушли? Бауэрс и другие парни?

— Д-да, — кивнул Билл. — Послушай, мо-ожешь ты о-о-остаться с моим д-другом, пока я привезу его ле-е-екарство? У него а-а-а-а...

— Астма?

Билл кивнул.

Бен подошел к остаткам плотины и, морщась от боли, опустился на одно колено рядом с Эдди, который лежал с практически закрытыми глазами, а его грудь тяжело поднималась.

— Кто ударил его? — наконец спросил Бен. Поднял голову, и Билл прочитал на лице толстяка ту же злость, которую испытывал сам. — Генри Бауэрс?

Билл кивнул.

— Я так и думал. Конечно, иди. Я с ним побуду.

— Спа-а-а-а...

— Не надо меня благодарить, — оборвал его Бен. — Они наткнулись на вас из-за меня. Иди. Поторопись. Я должен вернуться домой к ужину.

Билл пошел молча. Он хотел бы сказать Бену, чтобы тот не принимал случившее близко к сердцу, вины Бена было не больше, чем Эдди, который по глупости открыл рот. Такие парни, как Генри и его дружки, — стихийное бедствие, которое в детском мире сродни наводнениям, торнадо или камням в почках. Ему хотелось это сказать, но он пребывал в таком напряжении, что у него ушло бы на это никак не меньше двадцати минут. А за это время Эдди мог впасть в комбу (это Билл тоже узнал от докторов Кейси и Килдейра*; люди всегда впадают в комбу, а не уходят в нее).

---

* Доктор Килдейр — персонаж фильмов 1930—1940-х, радиосериалов начала 1950-х, телесериалов 1960-х.

Он поспешил вдоль берега, по течению речки, только раз оглянулся и увидел, что Бен Хэнском собирает камни у кромки воды. Мгновение Билл никак не мог взять в толк, зачем он это делает, потом понял. Бен готовил боезапас. На случай, если большие парни вернутся.

Ч

Для Билла Пустошь не представляла собой тайны. Этой весной он много здесь играл, иногда с Ричи, гораздо чаще с Эдди, иногда один. Конечно же, он не исследовал всю территорию, но мог найти дорогу от Кендускиг до Канзас-стрит без труда, что и сделал. Вышел к деревянному мостику, по которому Канзас-стрит пересекала один из безымянных ручьев, вытекавших из дренажной системы Дерри, чтобы влиться в Кендускиг. Сильвера он спрятал под этим мостом, веревкой привязал за руль к одной из опор, чтобы велосипед случайно не свалился в воду.

Билл развязал веревку, сунул за пазуху и, прилагая все силы, покатил Сильвера по насыпи, в подъем, потея, тяжело дыша, по пути пару раз потеряв равновесие и плюхнувшись на пятую точку.

Но в конце концов выкатил, перекинул ногу через высокую раму.

И, как всегда, оседлав Сильвера, стал совсем другим.

S

— Хай-йо, Сильвер, ВПЕРЕ-Е-ЕД!

Слова он произносил более грубым, чем обычно, голосом — голосом мужчины, которым ему предстояло стать. Сильвер медленно набирал скорость, одиночные звуки шелеста игральных карт о спицы колес сливались в пулеметный треск в полном соответствии с нарастанием скорости. Билл стоял на педалях, крепко вцепившись в рукоятки руля, с обращенными вверх запястьями. Выглядел он, как человек, пытающийся поднять невероятно тяжелую штангу. Жилы выступили на шее. Вены вздулись на висках. Уголки рта опустились, губы подрагивали от напряжения, он вел отчаян-

ную, уже знакомую борьбу с массой и инерцией, напрягая все силы, чтобы заставить Сильвера двинуться.

Как и всегда, результат стоил затраченных усилий.

Сильвер покатил более резво. Дома уже не чинно проплывали, пролетали мимо него. По левую руку Билла, там, где Канзас-стрит пересекалась с Джексон, ранее свободный от бетонных оков Кендускиг становился Каналом. За перекрестком Канзас-стрит плавно уходила вниз, к Центральной и Главной улицам, деловому району Дерри.

Уличных перекрестков прибавлялось, но везде знаки «Уступи дорогу» благоволили к Биллу, и в голову даже не приходила мысль о том, что какой-нибудь водитель мог не обратить внимания на этот знак и раскатать его в кровавую лепешку. Но даже если бы такая мысль и пришла, маловероятно, чтобы он внес коррективы в свое поведение. Он мог бы это сделать в более ранний или поздний периоды своей жизни, однако та весна и начало лета выдались для него очень уж мрачным временем. Бен удивился бы, если кто-то спросил, одинок ли он; Билл удивился бы, если кто-то спросил, не ищет ли он смерти. «Ра-а-а-азумеется, н-нет!» — ответил бы сразу (и с негодованием), но это не меняло одного простого факта: по мере того как погода становилась теплее, его поездки по Канзас-стрит все больше напоминали безрассудную психическую атаку.

Эту часть Канзас-стрит прозвали Подъем-в-милю. Билл мчался вниз на полной скорости, согнувшись над рулем, чтобы уменьшить лобовое сопротивление, держась одной рукой за резиновую грушу клаксона, дабы при необходимости предупредить не подозревающих об опасности прохожих, его рыжеватые волосы отбросило назад, и они пошли волнами. Шелест игральных карт перешел в устойчивый рев. Натужная ухмылка уступила место широченной улыбке футбольного болельщика, довольного результатом игры. Жилые дома по правую руку уступили место промышленным зданиям (по большей части складам и мясоперерабатывающим заводам), которые при такой дикой скорости начали размываться, что пугало, но при этом и радовало. Слева краем глаза он улавливал сверкавший под лучами солнца Канал.

— ХАЙ-ЙО, СИЛЬВЕР, ВПЕРЕ-Е-ЕД! — торжествующе прокричал Билл.

Сильвер перелетел через первый бордюр, и в этом месте, как и всегда, ноги Билла потеряли контакт с педалями, он держался только за руль, пребывая на коленях того бога, которому поручено оберегать маленьких мальчиков. Он свернул на улицу, миль на пятнадцать превышая разрешенную скорость — двадцать пять миль в час.

В такие моменты ему удавалось отбросить все: заикание, пустые, полные боли глаза отца, бесцельно бродящего по мастерской в гараже, ужасающий вид пыли на чехле закрытого пианино на втором этаже — запыленного, потому что мама больше не играла на пианино. Последний раз это случилось в день похорон Джорджа — три методистских псалма. Джордж, выходящий из дома в дождь, в желтом дождевике, с бумажным корабликом, покрытым пленкой парафина, в руках; мистер Гарденер, идущий по улице двадцать минут спустя, с его телом, завернутым в окровавленное лоскутное одеяло; пронзительный крик боли матери. Все это он отринул. Превратился в Одинокого рейнджера, стал Джоном Уэйном, стал Бо Диддли*, стал всеми, кем хотел быть, он больше не плакал, не боялся, не стремился укрыться за юбкой ма-а-амочки.

Сильвер летел, и Билл Денбро летел вместе с ним. Они вместе мчались вниз по Подъему-в-милю; шелест карт давно уже превратился в рев. Ноги Билла вновь нашли педали и он начал крутить их, чтобы разогнаться еще сильнее, чтобы достичь некой гипотетической скорости (не звука, а памяти), которая позволит пробить барьер боли.

Он мчался, склонившись над рулем; он мчался, чтобы обогнать дьявола.

Перекресток, на котором сходились Канзас-стрит, Центральная и Главная улицы, быстро приближался. Чистый хаос для одностороннего движения, со знаками, противоречащими друг другу, и сигналами светофора, регулирующими движение, которым полагалось работать синхронно, чего в действительности не было и в помине. В результате годом раньше в одной из передовиц «Дерри ньюс» написали, что такую схему движения могли придумать только в аду.

---

* Бо Диддли (1928—2008, настоящее имя Эллас Ота Бейнс) — американский певец, гитарист, автор песен. Один из родоначальников рок-н-ролла. Знаменит необычайно энергичной, яростной манерой игры.

Как всегда, Билл стрельнул взглядом направо, налево, оценивая транспортный поток, выискивая зазоры, в которые мог бы нырнуть. Если бы он ошибся в расчетах (если бы, можно сказать, запнулся, как на слове), дело закончилось бы серьезными травмами, а то и смертью.

Он стрелой воткнулся в медленно движущиеся, забившие перекресток автомобили, проскочил на красный свет и взял влево, чтобы избежать столкновения с громыхающим «бьюиком». Стрельнул взглядом назад, обернувшись через плечо, чтобы убедиться, что средняя полоса движения пуста. Вновь посмотрел вперед и увидел, что через пять секунд врежется в задний борт пикапа, который остановился аккурат посреди перекрестка, пока водитель, похожий на дядюшку Айка*, переводил взгляд с одного указателя на другой, чтобы не ошибиться с поворотом и не уехать в Майами.

Правую от Билла полосу занимал автобус, который курсировал между Дерри и Бангором. Мальчика это не смутило, и он взял курс на зазор между пикапом и автобусом, по-прежнему продвигаясь со скоростью сорок миль в час. В последний момент резко дернул головой в сторону, как солдат, слишком уж рьяно выполняющий приказ «равнение направо», чтобы зеркало с пассажирской стороны кабины пикапа не проредило ему зубы. Горячие выхлопные газы дизельного двигателя автобуса стянули горло, как крепкое спиртное. Он услышал, как резиновая ручка руля черканула по алюминиевого борту автобуса, на мгновение в поле его зрения попало белое как мел лицо водителя в фуражке «Гудзон бас компании». Водитель грозил Биллу кулаком и что-то кричал. Билл сомневался, что его поздравляли с днем рождения.

Трио старушек пересекало Главную улицу. Они уже сошли с той стороны, где располагался «Нью-Ингланд бэнк», и продвигались к противоположной, где был «Корабль обуви». Челюсти у них отвисли, когда мальчишка на велосипеде проскочил в каком-то полуфуте, будто мираж.

Тут самая опасная (и самая лучшая) часть пути для него и закончилась. Он опять сталкивался с реальной возможностью смерти, но и на этот раз им удавалось разминуться. Автобус его не раздавил; он не погиб сам и не убил ни одну из старушек, которые

* Дядюшка Айк — прозвище Дуайта Эйзенхауэра (1890—1969), 34-го президента США (1952—1960).

несли пакеты с логотипом магазина «Фрисис» и чеками, полученными от службы социального страхования; он не врезался в задний борт старого «доджа-пикапа» дядюшки Айка. Теперь он поднимался на холм, поэтому скорость падала. И что-то (ох, назовем это вожделением, почему нет?) уходило вместе со скоростью. Все мысли и воспоминания настигали его (ой, Билл, мы на какое-то время почти потеряли тебя, но ничего, мы уже здесь), чтобы соединиться с ним, подняться по рубашке, прыгнуть в ухо и ворваться в мозг, как детишки, спускающиеся по желобу горки. Билл чувствовал, как они устраиваются на привычных местах, как их разгоряченные тела толкают друг друга. «Ох! Уф! Наконец-то мы вновь в голове Билла! Давайте подумаем о Джордже! Отлично! Кто хочет начать?»

«*Ты слишком много думаешь, Билл*».

Нет... это как раз не проблема. Проблема — в его слишком богатом воображении.

Билл свернул в переулок Ричарда и через несколько мгновений выехал на Центральную улицу, педали он крутил медленно, чувствуя пот на шее и в волосах. Слез с велосипеда у «Аптечного магазина на Центральной», вошел в зал.

6

До смерти Джорджа Билл объяснил бы мистеру Кину, что ему нужно, заговорив с ним. Аптекарь не был человеком добрым, во всяком случае, Биллу он таковым не казался, но терпения ему хватало, он не стал бы ни передразнивать, не высмеивать мальчика. Но теперь заикание Билла заметно усилилось, и он действительно боялся, что с Эдди может случиться непоправимое, если он быстро не вернется к речке.

Поэтому, едва услышав от мистера Кина: «Привет, Билл Денбро, чем я могу тебе помочь?» — Билл взял листок с рекламой витаминов и на чистой обратной стороне написал: «Мы с Эдди Каспбрэком играли в Пустоши. У него начался сильный приступ астмы, он едва может дышать. Можете вы наполнить его ингалятор?»

Он протянул записку через застекленный прилавок мистеру Кину, тот прочел ее, посмотрел во встревоженные синие глаза Билла и кивнул.

— Разумеется. Подожди здесь. И не трогай того, что тебе трогать не следует.

Билл нетерпеливо переминался с ноги на ногу, пока мистер Кин что-то делал позади прилавка в глубине аптеки. И хотя вернулся он менее чем через пять минут, Биллу показалось, что прошла вечность, прежде чем аптекарь принес пластиковую бутылку-ингалятор Эдди. Протянул Биллу, улыбнулся.

— Это должно помочь.

— Спа-а-а-асибо, — ответил Билл. — У меня нет де-е-е-е...

— Все в порядке, сынок. У миссис Каспбрэк открытый счет. Я просто внесу в него эту сумму. Уверен, она только поблагодарит тебя за твою доброту и отзывчивость.

Билл, испытывая безмерное облегчение, поблагодарил мистера Кина и быстро ушел. Аптекарь выглянул в окно, наблюдая за Биллом. Увидел, как мальчик бросил ингалятор в багажную корзинку и неуклюже оседлал велосипед. «*Неужели он сможет уехать на таком большом велосипеде?* — подумал мистер Кин. — *Сомневаюсь я, сильно сомневаюсь*». Но юный Денбро как-то тронул велосипед с места, не свалившись с него, а потом медленно заработал педалями. Махина, которая выглядела для мистера Кина пародией на велосипед, раскачивалась из стороны в сторону. Ингалятор катался по багажной корзинке.

Мистер Кин усмехнулся. Если бы Билл увидел эту усмешку, она, безусловно, подтвердила бы его предположение, что аптекарю не занять высокого места среди добряков этого мира. Мрачная получилась усмешка, усмешка человека, который много размышлял о человеческой природе, но не находил в ней ничего утешительного. Да, он собирался внести стоимость противоастматического лекарства Эдди в счет Сони Каспбрэк, и, как обычно, она будет удивлена (отнесется с подозрением, а не с благодарностью) дешевизной этого препарата. «Другие-то лекарства такие дорогие», — говорила она. Миссис Каспбрэк — и мистер Кин хорошо это знал — относилась к людям, которые не верили, будто что-то дешевое может принести пользу. Он мог бы ободрать ее как липку за «Аэрозоль гидрокса», которым лечился ее сын, и несколько раз его так и подмывало это сделать — но с какой стати он должен пользоваться дуростью этой женщины? Он и так не умирает с голоду.

Дешевое лекарство? Да, не то слово. «Аэрозоль гидрокса» (применять, как указано в инструкции, которую мистер Кин аккуратно

наклеивал на каждую бутылочку) стоил на удивление дешево, но даже миссис Каспбрэк не могла не признать, что препарат, несмотря на дешевизну, прекрасно держал в узде астму ее сына. А стоил он так дешево, потому что состоял исключительно из устойчивого соединения кислорода с водородом, в которое подмешивалась капелька камфорного масла, чтобы придать аэрозолю слабый медицинский вкус.

Иными словами, лекарством от астмы Эдди служила водопроводная вода.

7

Дорога назад заняла у Билла больше времени, потому что ехал он в гору. Несколько раз ему приходилось слезать с Сильвера и катить его. Ему просто не хватало мускульной силы, чтобы преодолевать на велосипеде более или менее крутые подъемы.

Так что к разрушенной плотине Билл вернулся, спрятав велосипед под тем же мостом, уже в десять минут пятого. В голову лезли черные мысли. Бен Хэнском мог уйти, оставив Эдди умирать. Или громилы могли вернуться и отдубасить их обоих. Или... что хуже всего... человек, который убивал маленьких детей, мог убить одного из них или обоих. Как убил Джорджа.

Он знал, сколько об этом ходило сплетен и домыслов. Билл, конечно, сильно заикался, но на слух-то не жаловался, хотя иногда люди думали, что он еще и глухой, поскольку говорил он только в случае крайней необходимости. Некоторые считали, что убийство его брата никак не связано с убийствами Бетти Рипсом, Черил Ламоники, Мэттью Клементса и Вероники Грогэн. Другие утверждали, что Джордж, Рипсом и Ламоника убиты одним человеком, а Клементс и Грогэн — его подражателем. Третьи думали, что мальчиков убил один человек, а девочек — другой.

Билл верил, что убийца — один человек... если только это был человек. Порой он задавался таким вопросом. А еще тем летом он задумывался о своих чувствах к Дерри. На него все еще давила смерть Джорджа? Или сказывалось отношение родителей, которые теперь вроде бы вообще забыли о нем, продолжая скорбеть об утрате младшего сына и, казалось, не замечали, что Билл по-прежне-

му жив и может попасть в беду? Все это следовало связать с другими убийствами? С голосами, которые теперь иногда звучали у него в голове, нашептывали ему (конечно же, не вариации его собственного голоса, ибо эти голоса не заикались, такие уверенные, такие спокойные), советовали что-то делать, а что-то нет? Потому-то ныне Дерри выглядел не таким, как прежде? Выглядел угрожающе, улицы, по которым он еще не ходил, совсем и не приглашали, а наоборот, взирали на него в зловещем молчании? И некоторые лица становились таинственными и испуганными?

Он этого не знал, но верил (как верил, что убийца один), что Дерри действительно изменился и начало этих изменений положила смерть его брата. И мрачные предположения в его голове родились из мысли, что теперь в Дерри может случиться все, что угодно. Что угодно.

Но когда он миновал последнюю излучину, все выглядело тихо и спокойно. Бен Хэнском никуда не ушел, сидел рядом с Эдди. И Эдди уже сидел, положив руки на колени, опустив голову, но свистящее дыхание никуда не делось. Солнце клонилось к закату, и на воду легли длинные зеленые тени.

— Слушай, как ты быстро! — Бен встал. — Я думал, ты вернешься еще через полчаса.

— У ме-еня бы-ы-ыстрый ве-елосипед, — не без гордости ответил Билл. Мгновение они осторожно, с опаской разглядывали друг друга. Потом Бен застенчиво улыбнулся, и Билл улыбнулся в ответ. Парень, конечно, толстый, но, похоже, славный. Остался ведь. Для этого требовалась немалая храбрость, учитывая, что Генри и его дружки могли вернуться.

Билл подмигнул Эдди, который смотрел на него с немой благодарностью.

— Де-ержи, Э-Э-Э-Эдди. — И бросил ему ингалятор. Эдди сунул пульверизатор в рот, нажал на рычаг, судорожно вдохнул. Откинулся назад, закрыв глаза.

Бен с тревогой смотрел на него.

— Господи! Ему действительно было худо, так?

Билл кивнул.

— Я какое-то время боялся, — тихо признался Бен. — Гадал, что же мне делать, если у него начнутся судороги или что-то такое. Пытался вспомнить, чему нас учили на тех занятиях в «Красном

кресте» в апреле. В голове крутилось только одно: надо вставить в рот палку, чтобы он не смог откусить себе язык.

— Я думаю, это для э-э-эпилептиков.

— Ох. Да. Похоже, ты прав.

— Те-еперь су-судорог у него точно не бу-удет, — продолжил Билл. — Это ле-екарство по-одействует. С-с-смотри.

Натужное, со свистом, дыхание Эдди стало заметно легче. Он открыл глаза, посмотрел на них снизу вверх.

— Спасибо, Билл. На этот раз прихватило сильно.

— Наверное, все началось, когда тебе расквасили нос, да? — спросил Бен.

Эдди печально рассмеялся, встал, сунул ингалятор в задний карман.

— О носе я и не думал. Думал о моей мамочке.

— Да? Правда? — Голос Бена звучал удивленно, но рука невольно поднялась к лохмотьям свитера и принялась их теребить.

— Она только взглянет на кровь на моей рубашке, и через пять секунд я буду в приемном отделении Городской больницы Дерри.

— Почему? — спросил Бен. — Кровь же остановилась. Слушай, я помню одного парня, с которым ходил в детский сад, Скутера Моргана, так он разбил нос, свалившись со шведской стенки. Его отвезли в больницу, но только потому, что кровь никак не останавливалась.

— Да? — с интересом спросил Билл. — Он у-у-умер?

— Нет, но неделю не ходил в школу.

— Остановилась кровь или нет, значения не имеет, — мрачно изрек Эдди. — Мама все равно отвезет меня туда. Решит, что нос сломан, и кусочки кости торчат сейчас в моем мозгу или что-то еще.

— Ко-ости мо-огут попасть в т-твой мо-озг? — спросил Билл. Давно уже разговор не был таким интересным.

— Не знаю. Если послушать мою мамочку, возможно все. — Эдди повернулся к Бену. — Ее стараниями меня возят в приемное отделение раз или два в месяц. Я ненавижу это место. Там есть один санитар, так он сказал ей, что с нее пора взимать деньги за аренду. Она устроила такой скандал.

— Ну и ну, — покачал головой Бен. Подумал, что мать Эдди действительно странная. Он не отдавал себе отчета в том, что его руки по-прежнему теребят лохмотья свитера. — А почему бы тебе просто не сказать «нет»? Сказать: «Послушай, мама, все у меня в

порядке. Я хочу остаться дома и смотреть «Морскую охоту»*. Что-нибудь эдакое.

— Ох, — выдохнул Эдди, и больше ничего не сказал.

— Ты — Бен Хэ-э-э-энском, так? — спросил Билл.

— Да. А ты — Билл Денбро.

— Д-да. А это Э-э-э-э-э...

— Эдди Каспбрэк, — пришел на помощь Эдди. — Я терпеть не могу, когда ты заикаешься на моем имени, Билл. Говоришь, как Элмер Фадд**.

— И-извини.

— Что ж, рад с вами познакомиться, — сменил тему Бен. Получилось как-то чопорно и неубедительно. Возникла пауза, но отнюдь не неловкая. За эту паузу все трое стали друзьями.

— Почему эти парни гнались за тобой? — спросил наконец Эдди.

— Они в-всегда за-а кем-то го-оняются, — вставил Билл. — Я не-енавижу этих мудаков.

Бен какое-то время молчал (онемел от восхищения), потому что Билл, как иногда говорила мама Бена, произнес Действительно Плохое Слово. Сам Бен никогда в жизни не произносил вслух Действительно Плохого Слова, хотя однажды написал его (очень маленькими буковками) на телефонном столбе в позапрошлый Хэллоуин.

— Бауэрс сидел рядом со мной на экзаменах, — ответил Бен. — Попросил списать. Я не дал.

— Ты, наверное, хочешь умереть молодым! — восхищенно воскликнул Эдди.

Заика Билл расхохотался. Бен резко повернулся к нему, понял, что смеются не над ним (трудно сказать, откуда он это узнал, но узнал), и улыбнулся.

— Наверное, — согласился он. — В любом случае ему придется ходить в летнюю школу, поэтому он и эти два парня напали на меня, и вот что из этого вышло.

— Т-ты вы-ыглядишь так, бу-удто они те-ебя у-у-убили.

---

* «Морская охота» — телесериал (1958—1961).

** Элмер Фадд — герой мультфильмов киностудии «Уорнер бразерс». Не заикается, но вместо одних букв произносит другие. И частенько хихикает: «Э-э-э-э-э...»

— Я упал с Канзас-стрит. Покатился вниз по склону. — Он посмотрел на Эдди. — Я, наверное, увижу тебя в приемном отделении, раз уж об этом зашла речь. Когда мама взглянет на мою одежду, она точно отправит меня туда.

На этот раз расхохотались и Билл, и Эдди, а Бен тут же присоединился к ним. От смеха болел живот, но он все равно смеялся, пронзительно, даже немного истерично. Наконец ему пришлось сесть на берег, и чавкающий звук, который издал его зад при соприкосновении с мокрой землей, вызвал новый приступ смеха. Ему нравилось слушать, как его смех сливается со смехом других. Такого он еще никогда не слышал: не смех компании, это как раз не редкость, а общий смех, в который он, Бен, вносит свою лепту.

Он поднял глаза на Билла Денбро, их взгляды встретились, и этого хватило, чтобы они рассмеялись вновь.

Билл подтянул штаны, поднял воротник рубашки и принялся выхаживать по берегу с важным видом. Голос его разом стал другим.

— Я тебя урою, хорек. И ты мне мозги не компостируй. Я тупой, зато большой. Лбом могу орехи колоть. Могу ссать уксусом и срать цементом. Звать меня Лапочка Бауэрс, и я — главный дурак Дерри и окрестностей.

Эдди упал и катался по берегу, схватившись за живот и заходясь смехом. Бен согнулся пополам, голова оказалась между колен, слезы лились из глаз, сопли двумя широкими белыми полосами выползали из носа, а смеялся он как гиена.

Билл тоже сел, и мало-помалу все упокоились.

— Один плюс в этом есть, — наконец заговорил Эдди. — Если Бауэрс будет учиться в летней школе, здесь мы его не увидим.

— А вы часто играете в Пустоши? — спросил Бен. Такая идея не пришла бы ему в голову и за тысячу лет (учитывая репутацию Пустоши), но теперь, когда он попал сюда, она представлялась даже привлекательной. Собственно, ему очень нравилась эта полоска низкого берега, освещенная солнцем.

— Ко-о-онечно. Здесь з-здорово. И ни-икто н-нас н-не т-трогает. Мы бы-ываем тут часто. Ба-ауэрс и д-д-другие ни ра-азу з-здесь не по-оявлялись.

— Ты и Эдди?

— И Ри-и-и... — Билл покачал головой. Лицо его исказилось, напомнив мокрую тряпку, а в голове у Бена вдруг сверкнула странная мысль: Билл совсем не заикался, когда копировал Генри Бауэрса. — Ричи! — воскликнул Билл, помолчал, потом продолжил: — Ричи Тозиер обычно приходит сюда. Но се-егодня он по-омогает отцу п-прибираться на че-е-е...

— На чердаке, — перевел Эдди и бросил камешек в воду. Плюх.

— Да, я знаю его. Так вы, парни, часто сюда приходите, да? — Идея зачаровала его, и он вдруг почувствовал желание присоединиться к ним.

— До-о-овольно часто, — кивнул Билл. — И по-о-очему б-бы тебе не п-прийти сюда за-автра? М-мы с Э-Э-Э-Эдди пы-ытались по-остроить п-плотину.

Бен ничего не смог ответить. Его поразило не столько само предложение, как легкость и естественность, с которыми Билл это сказал.

Бен поднялся. Подошел к воде, счищая грязь с громадных окороков. С обеих сторон ручья еще лежали груды маленьких веток, но все остальное вода смыла и унесла с собой.

— Вам нужны доски, — указал Бен. — Добудьте доски и поставьте их в ряд... друг против друга... как хлеб в сандвиче.

Билл и Эдди только смотрели на него, на лицах читалось недоумение. Бен опустился на одно колено.

— Смотрите. Доски здесь и здесь. Втыкаете их в дно ручья напротив друг друга. Понятно? Потом, пока вода не успела их смыть, заполняете пространство между ними камнями и песком...

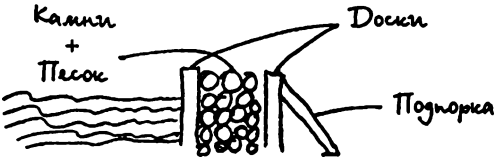
— М-м-мы, — оборвал его Билл.

— Что?

— М-мы это сделаем.

— Ох, — вырвалось у Бена, который чувствовал себя дураком (он не сомневался, что и выглядит дураком), но при этом ощущал невероятное счастье. Он не мог вспомнить, когда в последний раз был таким счастливым. — Да. Мы. В любом случае, если вы... мы... заполним пространство между ними камнями и песком, они устоят. Первая по течению доска под напором воды будет ложиться на камни и песок. Вторая доска через какое-то время отклонится назад, но, если мы возьмем третью доску... вот, смотрите.

Он начал рисовать на мокрой земле палкой. Билл и Эдди Каспбрэк наклонились вперед и с неподдельным интересом изучали маленький рисунок:



— Ты когда-нибудь строил плотину? — спросил Эдди. В голосе слышалось уважение, даже благоговение.

— Не-а.

— Тогда о-о-откуда ты знаешь, что это с-с-сработает?

Теперь уже Бен в недоумении воззрился на Билла.

— Конечно, сработает. А почему нет?

— Но к-как ты э-это з-знаешь? — спросил Билл. В голосе его звучало не саркастическое неверие, а искренний интерес. — К-как ты мо-ожешь у-утверждать?

— Просто знаю, — ответил Бен. Вновь посмотрел на рисунок на грязи, словно с тем, чтобы убедить в этом самого себя. Он никогда не видел намывных плотин, ни на чертежах, ни в жизни, так что понятия не имел, что нарисовал одну из них.

— Ла-адно. — Билл хлопнул Бена по спине. — У-увидимся за-автра.

— В какое время?

— Мы с Э-Эдди бу-удем здесь в по-оловине де-е-евятого или...

— Если мы с мамой не будем еще сидеть в приемном отделении, — вздохнул Эдди.

— Доски я принесу, — пообещал Бен. — У одного старика в соседнем квартале их целая гора. Я стырю несколько.

— Принеси и припасы, — вставил Эдди. — Что-нибудь из еды. Сам знаешь, бутеры, песочные кольца. Все такое.

— Хорошо.

— У те-ебя е-есть о-оружие?

— У меня есть духовушка «Дейзи», — ответил Бен. — Мама подарила ее мне на Рождество, но она разозлится, если стрелять я буду вне дома.

— В-все ра-авно п-принеси. Мы по-оиграем в-в во-ойну.

— Хорошо, — радостно воскликнул Бен. — Слушайте, пора прощаться. Мне надо домой.

— Н-нам то-оже.

Они ушли с Пустоши вместе. Бен помог Биллу закатить Сильвера на насыпь. Эдди шел позади, в груди у него снова свистело, и он с тоской смотрел на испачканную кровью рубашку.

Билл попрощался и уехал, во все горло выкрикнув: «Хай-йо, Сильвер, ВПЕРЕ-Е-ЕД!»

— Просто гигантский велосипед, — прокомментировал Бен.

— Можешь поспорить на свою шкуру. — Эдди вновь приложился к ингалятору и теперь дышал нормально. — Он иногда возит меня на багажнике. Велосипед мчится так быстро, что дух захватывает. Он хороший парень, я про Билла. — Слова эти он произнес небрежно, но глаза говорили о другом: в них читалось обожание. — Ты знаешь, что случилось с его братом, да?

— Нет... а что?

— Погиб прошлой осенью. Какой-то тип убил его. Оторвал руку, как открывают крыло у мухи.

— Оосподи-суси!

— Билл, он тогда только чуть-чуть заикался. А теперь ужасно. Ты заметил, что он заикается?

— Да... есть немного.

— Но мозги у него не заикаются... понимаешь, о чем я?

— Да.

— В любом случае, я говорю тебе это, чтобы ты не спрашивал Билла о его младшем брате, если хочешь, чтобы он стал твоим другом. Не задавай ему об этом никаких вопросов. Он до сих пор переживает.

— Я бы тоже переживал. — Тут Бен вспомнил, очень смутно, о маленьком мальчике, которого убили прошлой осенью. Задался вопросом, думала ли его мать о Джордже Денбро, когда давала ему часы, которые он сейчас носил, или о более поздних убийствах. — Это случилось сразу после большого наводнения?

— Да.

Они добрались до перекрестка Канзас и Джексон-стрит, где им предстояло расстаться. Повсюду бегали дети, играли в салочки или перекидывались бейсбольными мячами. Мимо важно прошел придурковатого вида мальчик в длинных синих шортах и енотовой

шапке, как у Дэйви Крокетта*, повернутой задом наперед, так что хвост енота висел между глаз. Он катил хула-хуп и кричал: «Сейчас осалю обручем! Хотите, осалю?»

Эдди и Бен, улыбаясь, проводили его взглядом.

— Ну, мне пора, — сказал Эдди.

— Подожди, — остановил его Бен. — У меня идея, если ты действительно не хочешь попасть в приемное отделение.

— И какая? — Эдди посмотрел на Бена с сомнением, боясь и надеяться.

— У тебя есть пятицентовик?

— Есть десятик. А что?

Бен окинул взглядом бордовые пятна на рубашке Эдди.

— Зайди в магазин и купи шоколадное молоко. Половину вылей на рубашку. Потом иди домой и скажи маме, что случайно опрокинул на себя стакан.

Глаза Эдди сверкнули. За четыре года, прошедших после смерти отца, зрение матери заметно ухудшилось. Из тщеславия (и потому, что не водила автомобиль) она отказывалась пойти к окулисту и заказать очки. Засохшие пятна крови и шоколадного молока выглядели одинаково. Так что...

— Может, и выгорит.

— Только не говори ей, что это моя идея, если она сообразит что к чему.

— Не скажу. Еще увидимся, аллигатор.

— Хорошо.

— Нет. — Эдди покачал головой. — Когда я так говорю, тебе положено ответить: «До скорого, крокодил»**.

— Ох. До скорого, крокодил.

— Уловил, значит. — Эдди улыбнулся.

— Знаешь что? А вы правда клевые парни.

Эдди смутился; чего там, занервничал.

— Это Билл клевый, — ответил он и ушел.

---

* Крокетт, Дэйвид Стерн (1786—1836) — американский народный герой. Погиб в битве при Аламо.

** Отсылка к детскому стишку, в котором обыгрываются разные прощальные фразы: See you later, alligator, / After awhile, crocodile, / Bye-bye, butterfly, / Give a hug, ladybug, / Toodle-ee-oo, kangaroo, / See you soon, raccoon, / Time to go, buffalo, / Can't stay, blue jay, / Mañana iguana, / The end, my friend!

Бен какое-то время наблюдал, как он идет по Джексон-стрит, потом повернул к своему дому. Отшагав три квартала, увидел на автобусной остановке на углу Главной улицы и Джексон-стрит три ну очень знакомые фигуры. Но Бену чертовски повезло: они стояли к нему спиной. Он нырнул за зеленую изгородь, с гулко бьющимся сердцем. Пять минут спустя к остановке подъехал автобус, следовавший по маршруту Дерри—Ньюпорт—Хейвен. Генри с дружками затоптали окурки и поднялись в салон.

Бен подождал, пока автобус скроется из виду, и лишь потом поспешил домой.

8

В тот вечер с Биллом Денбро случилось ужасное. Случилось уже во второй раз.

Его мама и папа смотрели телевизор внизу, сидя по краям дивана, как подставки для книг. А ведь было время, когда семейную гостиную, где стоял телевизор (ее дверь открывалась на кухню) наполняли разговоры и смех. Иной раз они говорили и смеялись так громко, что заглушали телевизор. «Заткнись, Джорджи!» — ревел Билл. «Перестань хапать весь попкорн, и я заткнусь, — отвечал Джордж. — Ма, пусть Билл поделится со мной попкорном». — «Билл, дай ему попкорн. Джордж, не зови меня «ма». Так овцы блеют». Или отец рассказывал анекдот, и они все смеялись, даже мама. Джордж не всегда понимал соль анекдота, Билл это знал, но смеялся, потому что смеялись все.

В те дни мама и папа тоже были книжными подставками на диване, но он и Джордж — книгами. Билл пытался быть книгой, лежащей между ними, когда они смотрели телевизор после смерти Джорджа, и работа эта грозила превратить его в ледышку. С обеих сторон они источали на него холод, и обогреватель Билла просто не мог с этим справиться. Ему не оставалось ничего другого, как уходить, потому что от этого холода леденели щеки и слезились глаза.

— Хо-отите послушать анекдот, который сегодня ра-ассказали в ш-ш-школе? — однажды, пару месяцев назад, предпринял он очередную попытку.

Родители не отреагировали. На экране преступник умолял своего брата священника спрятать его.

Отец Билла оторвался от последнего номера «Тру»*, который пролистывал, и с легким удивлением посмотрел на Билла. Потом вернулся к журналу. На раскрытой странице охотник, распростертый на сугробе, смотрел на огромного рычащего белого медведя. Статья называлась «Покалеченный убийцей из Белой пустыни». *«Я знаю, где находится белая пустыня, — подумал Билл. — Аккурат между моими папой и мамой на этом диване».*

Мать даже не подняла головы.

— Э-этот анекдот о то-ом, с-скольно нужно ф-ф-французов, чтобы в-в-вернуть ла-ампочку. — Билл почувствовал, как на лбу выступила пленочка пота — так иногда бывало в школе, когда он знал, что учительница очень уж долго игнорировала его и вот-вот должна вызвать. Говорил он очень уж громко, но не мог заставить себя понизить голос. Слова эхом отдавались у него в голове, как звон обезумевших колоколов, отдавались, били, отдавались снова. — В-вы знаете с-с-сколько?

— Один, чтобы держать лампочку, и четверо, чтобы поворачивать дом, — рассеянно ответил Зак Денбро, после чего перевернул страницу журнала.

— Ты что-то сказал, дорогой? — спросила мать, а на экране телевизора священник советовал брату, который был бандитом, пойти в полицию и молить о прощении.

Билл сидел потный, но замерзший... такой замерзший. Ему было так холодно, потому что в действительности он не был единственной книгой между двумя концами подставки; Джордж тоже присутствовал, только Джордж, которого он не мог видеть, Джордж, который никогда не требовал попкорна и не кричал, что Билл щиплется. Этот другой Джордж никогда ничего не ломал и не портил. Это был однорукий Джордж, бледный, молчаливо задумчивый, залитый бело-синим отсветом телеэкрана, и, возможно, мощный поток холода в действительности шел не от родителей, а от него; возможно, именно Джордж и был истинным убийцей с белых просторов. И наконец Билл убежал от этого холодного, невидимого брата в свою комнату, где ничком повалился на кровать и заплакал в подушку.

Комната Джорджа оставалась такой же, как и при его жизни. Однажды, где-то через две недели после гибели Джорджа, Зак собрал его игрушки в картонную коробку с тем, как предположил Билл, чтобы отдать их «Доброй воле», «Армии спасения» или какой-ни-

* «Тру» — мужской журнал, издавался с 1937 по 1974 г.

будь еще благотворительной организации. Шерон Денбро увидела, как Зак выносит коробку из комнаты Джорджа, и ее руки взлетели к голове, словно испуганные белые птицы, вцепились в волосы, а пальцы сжались в кулаки. Билл при этом присутствовал и привалился к стене, потому что ноги вдруг перестали его держать. Мать выглядела такой же безумной, как Эльза Ланчестер в фильме «Невеста Франкенштейна»*.

— Не смей ТРОГАТЬ эти вещи! — завизжала она.

Зак дернулся и молча отнес коробку с игрушками обратно, в комнату Джорджа. Даже расставил на те же места, откуда брал. Билл вошел и увидел, что его отец стоит на коленях перед кроватью Джорджа (мать по-прежнему меняла на ней постельное белье, только теперь раз в неделю, а не два), опустив голову на мускулистые, волосатые руки. Он плакал, и ужас Билла усилился. Пугающая мысль внезапно сверкнула в голове: может, иногда, если случается плохое, этим не подводится черта; может, иногда становится только хуже и хуже, пока все не летит к чертям собачьим.

— Па-а-апа...

— Ступай к себе, Билл, — ответил отец сдавленным, дрожащим голосом. Плечи его поднимались и опускались. Биллу очень хотелось прикоснуться к отцовским плечам, посмотреть, а может, под его рукой плечи успокоятся, затихнут, но он не решился. — Уйди, проваливай!

Он ушел и поплакал в коридоре второго этажа, слыша, как мать воет на кухне, пронзительно и беспомощно. «Почему они плачут так далеко друг от друга?» — подумал Билл и тут же отогнал эту мысль.

9

В первую ночь летних каникул Билл вошел в комнату Джорджа. Сердце гулко стучало в груди, ноги отяжелели, их сводило от напряжения. Он часто приходил в комнату Джорджа, но это не означало, что ему там нравилось. В комнате очень уж сильно чувст-

* Ланчестер, Эльза Салливан (1902—1986) — английская характерная актриса, сыгравшая множество ролей в театре, кино, на телевидении. Роль в фильме «Невеста Франкенштейна» (1936) принесла ей мировое признание.

вовалось присутствие Джорджа, казалось, что здесь живет его призрак. Билл зашел, и не мог не подумать о том, что дверь стенного шкафа может открыться в любой момент, и там, среди аккуратно развешенных рубашек и штанов, он увидит Джорджи, одетого в желтый дождевик с красными пятнами и разводами, в дождевик с одним болтающимся желтым рукавом. Глаза Джорджи будут пустыми и ужасными, как глаза зомби в фильме ужасов. Он выйдет из стенного шкафа и пересечет комнату под хлюпающие звуки галош, направляясь к Биллу, сидящему на его кровати, обездвиженному страхом.

Если бы электричество отключилось как-нибудь вечером, когда он сидел на кровати Джорджа, глядя на фотографии на стене или модели на комоде, у него точно случился бы инфаркт, может, и со смертельным исходом, причем в первые же десять секунд после отключения. Но он все равно приходил сюда. Борьба с ужасом, который вселял в него призрак Джорджа, стала молчаливой и настойчивой потребностью, стремлением каким-то образом примириться со смертью Джорджа и обрести возможность жить дальше. Не забыть Джорджа, но найти способ сделать воспоминания о нем не столь пугающими. Он понимал, что родители в этом успехами похвастаться не могут, и если уж он собирается чего-то добиться, то рассчитывать может только на себя.

Но приходил он сюда не только ради себя; он приходил и ради Джорджи. Он любил Джорджи, и для братьев они ладили очень даже неплохо. Да, конечно, без трений не обходилось. Билл мог дать Джорджу тумака, а Джорджи — наябедничать на Билла, когда тот ночью тайком спускался на кухню, чтобы доесть остатки лимонного мороженого, но по большей части они ладили. Смерть Джорджа принесла Биллу столько горя! Но превращение Джорджа в какого-то монстра... это еще хуже.

Биллу недоставало мелкого, что правда, то правда. Недоставало его голоса, смеха, глаз, которые так доверчиво смотрели на старшего брата, в полной уверенности, что у Билла найдутся ответы на все вопросы, какие ни задай. И вот что казалось чрезвычайно странным: больше всего он любил Джорджи, когда боялся, потому что, несмотря на страх (перед Джорджи-зомби, затаившимся в стенном шкафу или под кроватью), наиболее яркие воспоминания о любимом Джорджи приходили к нему именно здесь, как и воспомина-

ния о том, что Джорджи любил его. В своих усилиях примирить эти две эмоции — любовь и ужас — Билл видел возможность найти путь к принятию смерти брата.

Об этом он никогда бы не стал говорить: для разума идеи эти являли собой темный лес, но доброе и отзывчивое сердце понимало, и это было для Билла самым главным.

Иногда он пролистывал книги Джорджа, иногда перебирал его игрушки.

В альбом с фотографиями Билл не заглядывал с прошлого декабря.

А теперь, вечером после встречи с Беном Хэнскомом, открыл дверь стенного шкафа в спальне Джорджа (сначала, как и всегда собравшись с духом, приготовившись к встрече с самим Джорджи, стоящим среди вещей в окровавленном дождевике, ожидая, как и всегда, что бледная рука с осклизлыми пальцами «выстрелит» из темноты, чтобы схватить его за запястье) и снял альбом с верхней полки.

«МОИ ФОТОГРАФИИ» — золоченая надпись на лицевой стороне. Ниже — приклеенная скотчем (прозрачная лента уже пожелтела и отслаивалась) полоска бумаги с аккуратно написанными словами: «ДЖОРДЖ ЭЛМЕР ДЕНБРО, 6 ЛЕТ». Билл вернулся с альбомом к кровати, на которой спал Джордж, его сердце бухало сильнее, чем прежде. Он не мог сказать, что заставило его снова взять альбом с фотографиями. После того, что случилось в декабре...

Взглянуть еще раз, и все. Убедить себя, что в первый раз ничего такого не было. Что в первый раз воображение сыграло с ним злую шутку.

Что ж, идея состояла в этом.

Возможно, он действительно так думал. Но Билл подозревал, что дело было в самом альбоме. Притягивал он к себе. То, что увидел Билл, или только вообразил себе, что увидел...

Он открыл альбом. Здесь были фотографии, которые Джордж выпрашивал у матери, отца, тетушек и дядюшек. Джорджа не волновало, что это за фотографии, людей или мест, в которых он побывал — или не побывал; его влекла сама идея фотографии. Если ему не удавалось раскрутить кого-нибудь на новую фотографию, он садился, скрестив ноги, на кровать, где сейчас сидел Билл, и просматривал старые, осторожно переворачивая страницы, вглядыва-

ясь в черно-белые «кодаки». Их мать, молодая и невероятно красивая; их отец, лет восемнадцати, не старше, один из трех улыбающихся молодых людей, которые вскинули винтовки над тушей лежащего на земле, с открытыми глазами, оленя; дядя Хойт, стоящий на скалах с поднятой над головой щукой; тетя Фортуна на сельскохозяйственной выставке Дерри, присевшая рядом с корзинкой выращенных ею помидоров и гордо улыбающаяся; старый «бьюик»; церковь; дом; дорога из ниоткуда в никуда. Все эти фотографии, снятые неизвестно кем по неизвестно каким причинам, лежали теперь в альбоме погибшего мальчика.

Здесь Билл увидел себя, трех лет от роду, сидящего на больничной койке в повязке-тюрбане на голове. Бинты закрывали не только волосы, но и щеки, уходили под сломанную челюсть. Его сбила машина на стоянке у магазина «Эй-анд-Пи» на Центральной улице. Он мало что помнил о пребывании в больнице, разве что молочные коктейли, которые пил через трубочку, и ужасную головную боль в первые три дня.

А вот вся их семья на лужайке перед домом, Билл стоит рядом с матерью и держит ее за руку, Джордж, еще младенец, на руках Зака. А тут...

Эта фотография крепилась не на последней странице, но на той, что имела более чем важное значение, потому что все последующие пустовали. Джорджа сфотографировали в школе, в октябре прошлого года, менее чем за десять дней до его трагической смерти. В рубашке с воротником-лодочкой, непокорные волосы пригладили водой. Он улыбался, демонстрируя две дырки, которые новые зубы так и не успели заполнить. «*Если только они не продолжают расти после смерти*», — подумал Билл и содрогнулся.

Какое-то время он пристально всматривался в фотографию и уже собирался захлопнуть альбом, когда вновь повторилось случившееся в декабре.

Глаза Джорджа на фотографии пришли в движение. Повернулись, чтобы встретиться с глазами Билла. Натужная улыбка Джорджа «скажи сыр» превратилась в злобную ухмылку. Правый глаз закрылся, подмигивая: «Скоро увидимся, Билл. В моем стенном шкафу. Может, сегодня вечером».

Билл отбросил альбом. Прижал руки ко рту.

Альбом ударился о противоположную стену, упал на пол, раскрылся. Страницы поворачивались, хотя никакого ветра не было и в помине. Наконец вновь появилась та ужасная фотография, с надписью под ней «ШКОЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ 1957—1958 УЧЕБНОГО ГОДА».

Из фотографии полилась кровь.

Билл сидел, не шевелясь, язык раздулся, заполнив собой чуть ли не весь рот, кожа покрылась мурашками, волосы встали дыбом. Он хотел закричать, но из горла до губ добиралось только едва слышное попискивание, и на большее рассчитывать не приходилось.

Кровь растеклась до края страницы, начала капать на пол.

Билл убежал, с треском захлопнув за собой дверь.

Глава 6

ОДИН ИЗ ПРОПАВШИХ: РАССКАЗ ИЗ ЛЕТА 1958 Г.

1

Нашли их не всех. Да, нашли не всех. И время от времени делались неправильные предположения.

2

«Дерри ньюс», 21 июня 1958 г. (первая полоса):

ПРОПАВШИЙ МАЛЬЧИК ВНУШАЕТ НОВЫЕ СТРАХИ

Эдуард Л. Коркорэн, проживающий в доме 73 по Чартер-стрит, со вчерашнего дня официально считается пропавшим без вести, согласно заявлению, поданному его матерью, Моникой Маклин, и отчимом, Ричардом П. Маклином. Эдуарду Коркорэну десять лет. Его исчезновение вызвало новые страхи о том, что в Дерри появился маньяк, который убивает детей.

Миссис Маклин сообщила, что мальчик пропал ещё 19 июня, не вернувшись домой из школы в последний учебный день перед летними каникулами.

Отвечать на вопрос, почему они заявили об исчезновении сына лишь через двадцать четыре часа после того, как это произошло,

мистер и миссис Маклин отказались. Начальник полиции Ричард Бортон тоже отказался от комментариев, но источник в полицейском управлении сообщил «Ньюс», что отношения мальчика с отчимом были не очень хорошие, он и раньше иногда не ночевал дома. Источник высказал предположение, что годовые оценки могли сыграть свою роль в решении мальчика не возвращаться в тот вечер домой. Директор школы Гарольд Меткалф не стал ничего говорить об оценках Эдуарда Коркорэна, указав, что табель ученика не является документом, подлежащим огласке.

«Я надеюсь, что исчезновение этого мальчика не станет причиной необоснованных страхов, — заявил шеф Бортон вчера вечером. — Мы понимаем царящую в городе тревогу, но я хочу подчеркнуть, что каждый год мы регистрируем тридцать или сорок заявлений об исчезновении несовершеннолетних. Большинство пропавших появляются дома живыми и невредимыми в течение недели после подачи заявления. И то же самое произойдет с Эдуардом Коркорэном, если будет на то воля Божья».

Бортон также подтвердил свою уверенность в том, что убийства Джорджа Денбро, Бетти Рипсом, Черил Ламоники, Мэттью Клементса и Вероники Грогэн совершены не одним человеком. «В этих преступлениях есть очень существенные различия», — заявил Бортон, но уточнять ничего не стал. Сказал лишь, что местная полиция в тесном контакте с прокуратурой штата Мэн активно разрабатывает несколько версий. На заданный в телефонном интервью вопрос, насколько хороши эти версии, шеф Бортон ответил: «Очень хороши». Вопрос, ожидается ли в скором времени арест предполагаемого преступника, остался без ответа.

«Дерри ньюс», 22 июня 1958 г. (первая полоса):

СУД НЕОЖИДАННО РАЗРЕШАЕТ ЭКСГУМАЦИЮ

В деле об исчезновении Эдуарда Коркорэна возник новый, неожиданный поворот. Окружной судья Эрхардт К. Молтон вчера выдал разрешение на эксгумацию тела Дорси Коркорэна, младшего брата Эдуарда. Разрешение выдано по совместному запросу прокурора и медицинского эксперта округа Дерри.

Дорси Коркорэн, который тоже жил с матерью и отчимом в доме 73 по Чартер-стрит, скончался в мае 1957 года, как указы-

валось в свидетельстве о смерти, в результате несчастного случая. Мальчика, с многочисленными переломами, в том числе и разбитой головой, привез в Городскую больницу Дерри его отчим, Ричард П. Маклин. По его словам, Дорси играл на стремянке и свалился с верхней ступеньки. Три дня спустя мальчик умер, не приходя в сознание.

Эдуард Коркорэн, десяти лет, числится пропавшим без вести со среды. Вопросы о том, подозреваются ли мистер или миссис Маклин в смерти младшего ребенка или в причастности к исчезновению старшего, шеф Ричард Бортон оставил без комментариев.

«Дерри ньюс», 24 июня 1958 г. (первая полоса):

МАКЛИН АРЕСТОВАН ЗА ИЗБИЕНИЕ,
ПОВЛЕКШЕЕ ЗА СОБОЙ СМЕРТЬ
И по подозрению в причастности
к исчезновению

Ричард Бортон, начальник полицейского управления Дерри, вчера провел новую пресс-конференцию, чтобы объявить, что Ричард П. Маклин, проживающий в доме 73 по Чартер-стрит, арестован и ему предъявлено обвинение в убийстве его приемного сына, Дорси Коркорэна. Дорси Коркорэн умер в Городской больнице Дерри 31 мая 1957 года «в результате несчастного случая». «Заключение медицинского эксперта показывает, что мальчика жестоко избили, — сообщил Бортон. — Хотя Маклин утверждал, что мальчик свалился со стремянки, играя в гараже, медицинским экспертом установлено, что Дорси Коркорэну нанесено множество ударов тупым предметом». На вопрос, что это за предмет, Бортон ответил: «Возможно, молоток. Сейчас важно другое: заключение медицинского эксперта показывает, что мальчика били этим предметом достаточно сильно, чтобы сломать ему кости. Раны, особенно на голове, не могли быть вызваны падением с лестницы. Дорси Коркорэна забили почти до смерти, а потом привезли в Городскую больницу, чтобы он там умер».

На вопрос, не следует ли привлечь к ответственности врачей, указавших причиной смерти мальчика «несчастный случай», скрыв факт избиения ребенка, которое и привело к его смерти, Бортон ответил: «Им придется отвечать на очень серьезные вопросы, когда мистер Маклин предстанет перед судом».

Когда его попросили поделиться мнением о том, как новые обстоятельства могут повлиять на развитие ситуации с исчезновением старшего брата Дорси Коркорэна, о чем Ричард и Моника Маклин четырьмя днями ранее подали заявление в полицию, шеф Бортон сказал: «Думаю, выглядит все гораздо печальнее, чем мы поначалу предполагали».

«Дерри ньюс», 25 июня 1958 г. (вторая полоса):

ПО СЛОВАМ УЧИТЕЛЬНИЦЫ,
ЭДУАРД КОРКОРЭН «ЧАСТО ПРИХОДИЛ С СИНЯКАМИ»

Генриэтта Дюмон, учительница пятого класса в начальной школе Дерри на Джексон-стрит, сказала, что Эдуард Коркорэн, который уже с неделю как пропал, часто приходил в школу «весь в синяках». Миссис Дюмон, которая учительствовала в одном из двух пятых классов с конца Второй мировой войны, сказала также, что за три недели до своего исчезновения Эдуард пришел в школу с практически заплывшими от синяков глазами. Когда она спросила его, что случилось, он ответил, что отец «наказал его» за несъеденный обед.

На вопрос, почему она никому не доложила о столь жестоком избиении ее ученика, миссис Дюмон ответила: «В моей практике это не первый случай такого отношения к детям. Впервые столкнувшись с родителями, которые чуть что пускали в ход кулаки, я попыталась что-то сделать. И заместитель директора, тогда Гведолин Рейберн, предложила мне не вмешиваться. Она сказала мне, что в тех случаях, когда сотрудники школы участвовали в разбирательствах, связанных с предполагаемым жестоким обращением с ребенком, школа оказывалась на плохом счету в Департаменте образования, и у нее возникали проблемы с финансированием. Я пошла к директору, и он предложил мне забыть об этом или на меня наложат взыскание. Я спросила, будет ли такого рода взыскание указано в моем личном деле, и он ответил, что в личном деле делается отметка далеко не о каждом взыскании. Намек я поняла».

На вопрос, сохранилось ли в системе образования Дерри подобное отношение, миссис Дюмон ответила: «А вам так не кажется, в свете сложившейся ситуации? Могу добавить, что не стала бы сейчас говорить с вами, если б не ушла на пенсию по окончании этого учебного года».

Миссис Дюмон сказала также: «После того как мальчик пропал, я каждый вечер преклоняю колени и молюсь в надежде, что Эдди Коркорэн убежал, потому что его достали побои. Я молюсь, чтобы он прочитал эту газету или услышал от кого-нибудь об аресте его отчима и вернулся домой».

В коротком телефонном интервью Моника Маклин с жаром опровергла все обвинения миссис Дюмон: «Рич никогда не бил Дорси и никогда не бил Эдди, — заявила она. — Вам я говорю это прямо сейчас, а когда умру и предстану перед Престолом, я посмотрю Господу в глаза и скажу Ему то же самое».

«Дерри ньюс», 28 июня 1958 г. (вторая полоса):

«ПАПОЧКА НАКАЗАЛ МЕНЯ, ПОТОМУ ЧТО Я ПЛОХОЙ», — СКАЗАЛ МАЛЫШ ВОСПИТАТЕЛЬНИЦЕ НЕЗАДОЛГО ДО СМЕРТИ.

Учительница местного детского сада*, попросившая не упоминать ее имени, вчера рассказала корреспонденту «Ньюс», что менее чем за неделю до смерти, наступившей в результате так называемого несчастного случая в гараже, маленький Эдди Коркорэн пришел на занятия, которые проводились два раза в неделю, с сильными растяжениями четырех пальцев правой руки.

«Рука так болела, что бедняжка даже не мог раскрасить плакат «Мистер До», — сказал учительница. — Его пальчики раздулись как сосиски. Когда я спросила, что случилось, он рассказал, что его отец (отчим Ричард П. Маклин) загибал ему пальцы назад, потому что он прошел по полу, который его мать вымыла и натерла воском. «Папа хотел меня наказать, потому что я плохой» — так он все объяснил. Я чуть не расплакалась, глядя на его бедные раздувшиеся пальчики. Он очень хотел раскрасить плакат, как и другие дети, поэтому я дала ему таблетку детского аспирина и разрешила рисовать, пока другие дети слушали сказку. Он обожал раскрашивать плакаты «Мистер До», ему это занятие нравилось больше всего, и теперь я рада, что в тот день подарила ему несколько счастливых минут.

* Детский сад — в США дошкольное учреждение для детей от двух до пяти лет. Здесь дети получают не только первые представления о цвете, числах, цифрах, буквах и приобретают начальные навыки чтения, но им ставят первые отметки.

Когда он умер, мне и в голову не пришло, что причиной тому отнюдь не несчастный случай. Я даже подумала, что он не мог как следует держаться правой рукой и упал с лестницы. Просто не могла бы поверить, что взрослый человек может поступить подобным образом с такой крохой. Теперь я знаю, что возможно и такое, и, клянусь Богом, лучше бы не знала».

Старший брат Дорси Коркорэна, Эдуард, по-прежнему считается пропавшим без вести. Ричард Маклин, находящийся в камере окружной тюрьмы Дерри, утверждает, что не имеет никакого отношения ни к смерти младшего приемного сына, ни к исчезновению старшего.

«Дерри ньюс», 30 июня 1958 г. (стр. 5):

МАКЛИНА ДОПРОСИЛИ ПО УБИЙСТВАМ ГРОГЭН И КЛЕМЕНТСА.

По информации, полученной из источника, у Маклина твердое алиби.

Из статьи «Дерри ньюс», от 6 июля 1958 г. (первая полоса):

«МАКЛИНУ ПРЕДЪЯВЯТ ОБВИНЕНИЕ ТОЛЬКО В УБИЙСТВЕ ПРИЕМНОГО СЫНА ДОРСИ», — ГОВОРИТ БОРТОН.

Эдуард Коркорэн по-прежнему в списке пропавших без вести.

«Дерри ньюс», 24 июля 1958 г. (первая полоса):

ПЛАЧУЩИЙ ОТЧИМ ПРИЗНАЕТСЯ В УБИЙСТВЕ ПРИЕМНОГО СЫНА

В ходе драматического заседания в окружном суде Ричард Маклин, которого обвиняют в убийстве своего приемного сына Дорси Коркорэна, не выдержал жесткого допроса, устроенного ему окружным прокурором Брэдли Уитсаном, и признал, что избил четырехлетнего малыша безоткатным молотком, который потом зарыл в дальнем конце огорода своей жены, прежде чем отвезти мальчика в Городскую больницу Дерри.

Присутствующие в зале суда, остолбенев, молча слушали, как плачущий Маклин (ранее он признал, что поколачивал обоих своих пасынков, «иногда, если они того заслуживали, для их собственного блага») рассказывает свою историю.

— Я не знаю, что на меня нашло. Увидел, как он снова забирается на эту чертову лестницу, схватил лежащий на скамье молоток и принялся колотить его. Я не собирался его убивать. Бог мне свидетель, я не собирался его убивать.

— Он что-нибудь сказал, прежде чем потерял сознание? — спросил Уитсан.

— Он сказал: «Остановись, папочка, прости, я тебя люблю», — ответил Маклин.

— Вы остановились?

— В конце концов — да, — ответил Маклин. И тут рыдания его стали совсем уж неконтролируемыми, и судья Эрхардт К. Молтон объявил перерыв.

«Дерри ньюс», 18 сентября 1958 г. (стр. 16):

ГДЕ ЭДУАРД КОРКОРЭН?

Его отчим, которому за убийство Дорси, четырехлетнего брата Эдуарда, назначили наказание от двух до десяти лет лишения свободы с отбыванием в Шоушенкской тюрьме штата, продолжает утверждать, что понятия не имеет, где сейчас Эдуард. Мать мальчика, инициировавшая развод с Ричардом П. Маклином, предполагает, что ее муж, в недалеком будущем уже бывший, лжет.

Так ли это?

— Я, к примеру, уверен, что нет, — говорит отец Эшли О'Брайен, работающий в Шоушенке с заключенными-католиками. Маклин обратился к Богу, как только начал отбывать срок, и отец О'Брайен проводил с ним много времени. — Он искренне сожалеет о содеянном, — продолжает отец О'Брайен, добавляя, что на первый вопрос, почему Маклин решил стать католиком, тот ответил: «Я знаю, что католики признают прощение грехов, а мне нужно во многом покаяться, иначе после смерти я попаду в ад».

— Он сознает, что сделал с младшим ребенком, — сказал отец О'Брайен. — Если он и сделал что-то со старшим, он этого

не помнит и искренне верит, что в отношении Эдуарда руки его чисты.

Насколько чисты руки Маклина в отношении Эдуарда — вопрос, который продолжает волновать жителей Дерри, но он точно признан невиновным в убийствах других детей. Маклин предоставил стопроцентное алиби на первые три убийства, и сидел в тюрьме, когда произошли семь последующих — в конце июня, в июле и в августе.

Все десять убийств по-прежнему остаются нераскрытыми.

В эксклюзивном интервью, которое Маклин дал на прошлой неделе «Ньюс», он вновь утверждал, что ничего не знает о нынешнем местонахождении Эдуарда Коркорэна. «Я бил их обоих, — заявил он, и его монолог неоднократно прерывался рыданиями. — Я любил их, но бил. Я не знаю почему, не знаю, почему Моника позволяла мне, или почему она покрывала меня после смерти Дорси. Наверное, я мог бы убить его с той же легкостью, с какой убил Дорси, но, клянусь перед Господом Иисусом и всеми святыми, я его не убивал. Я знаю, как это выглядит со стороны, но я этого не делал. Наверное, он просто сбежал. Если так, это, пожалуй, единственное, за что я могу поблагодарить Господа».

Когда Маклина спросили, возможны ли у него провалы в памяти — скажем, мог он убить Эдуарда, а потом блокировать эту информацию, Маклин ответил: «Ни о каких провалах в памяти мне неизвестно. Я даже слишком хорошо знаю то, что сделал. Я посвятил свою жизнь Христу и собираюсь провести ее остаток в попытке искупить содеянное».

«Дерри ньюс», 27 января 1960 г. (первая полоса):

«ЭТО НЕ ТРУП КОРКОРЭНА», — ОБЪЯВЛЯЕТ БОРТОН

Начальник полиции Ричард Бортон сегодня рассказал репортерам, что сильно разложившееся тело мальчика, примерно такого же возраста, как и Эдуард Коркорэн, который пропал в июне 1958 года, определенно принадлежит другому ребенку. Нашли тело в Эйнесфорде, штат Массачусетс, похороненным в гравийном карьере. Поначалу в полиции Массачусетса и Мэна предполагали, что это тело Эдуарда Коркорэна, который мог попасть в руки какого-нибудь растлителя малолетних после того, как убежал из дома на Чартер-стрит, где забили до смерти его младшего брата.

Но стоматологическая карта убедительно доказала, что в Эйнесфорде найден не Коркорэн, который уже девятнадцать месяцев числится пропавшим без вести.

«Портленд пресс-герольд», 19 июля 1967 г. (стр. 3):

ОСУЖДЕННЫЙ ЗА УБИЙСТВО
СОВЕРШАЕТ САМОУБИЙСТВО В ФАЛМУТЕ

Ричард П. Маклин, девять лет назад осужденный за убийство своего четырехлетнего приемного сына, вчера вечером найден мертвым в своей квартирке на третьем этаже. Условно освобожденный заключенный, вышедший из Шоушенкской тюрьмы штата в 1964 году, скромно жил и работал в Фалмуте. Вне всяких сомнений, он покончил с собой.

«Оставленная им записка свидетельствует о психическом расстройстве, — сообщил Брэндон К. Рош, заместитель начальника полиции Фалмута, отказавшись раскрыть содержание записки, но, по сведениям источника в Управлении полиции, записка состояла из двух предложений: «Вчера ночью я видел Эдди. Он мертв».

Вышеупомянутый «Эдди» — скорее всего второй приемный сын Маклина, брат мальчика, за убийство которого Маклина осудили в 1958 г. Именно исчезновение Эдуарда Коркорэна привело к тому, что Маклина изобличили в убийстве младшего брата Эдуарда, Дорси Коркорэна. Старший брат числится пропавшим без вести уже девять лет. В судебном процессе 1966 года мать мальчика добилась официального признания Эдуарда Коркорэна мертвым, чтобы получить право воспользоваться его банковским счетом. На банковском счету Эдуарда Коркорэна лежали шестнадцать долларов.

3

Эдди Коркорэн умер, все верно.

Он умер вечером 19 июня, и его приемный отец не имел к этому никакого отношения. Он умер, когда Бен Хэнском сидел рядом с матерью и смотрел телевизор; когда мать Эдди Каспбрэка озабоченно щупала лоб сына в поисках признаков ее любимой болезни,

«фантомной лихорадки»; когда отец Беверли Марш (некий господин, темпераментом ничуть не отличающийся от отчима Эдди и Дорси Коркорэнов) дал девочке увесистого пинка под зад и велел «убираться отсюда и вытереть те чертовы тарелки, как и сказала мамуля»; когда Майка Хэнлона, который пропалывал огород, обсмеяли старшеклассники (один из них через несколько лет зачнет мальчика, который со временем станет молодым гомофобом Джоном Гартоном по кличке Паук), проезжая на старом «додже» мимо маленького дома Хэнлонов на Уитчем-роуд, недалеко от фермы, принадлежащей полоумному отцу Генри Бауэрса; когда Ричи Тозиер тайком смотрел на полураздетых девиц в журнале «Джем», найденном в нижнем ящике комода, где лежало белье и носки отца, и чувствовал, как у него встает член; когда Билл Денбро в ужасе, не веря своим глазам, отшвырнул фотоальбом погибшего брата.

И хотя никто из них потом об этом не вспомнит, все они вскинули глаза к потолку в тот самый момент, когда умер Эдди Коркорэн... будто услышали далекий крик.

В одном «Ньюс» попала в десятку: отметки в табели Эдди оставляли желать лучшего, и он действительно боялся идти домой. Кроме того, мать и отчим в этом месяце часто ссорились, что тоже не радовало. Когда ссора достигала точки кипения, его мать орала, выкрикивая бессвязные обвинения. Отчим поначалу что-то бурчал, потом требовал, чтобы она заткнулась и, наконец, начинал реветь, как медведь, ткнувшийся мордой в иглы дикобраза. Правда, Эдди никогда не видел, чтобы отчим набрасывался на мать с кулаками. Эдди думал, что он просто не решается ударить ее. Так что кулаки раньше он приберегал для Эдди и Дорси, а теперь, после смерти Дорси, Эдди получал порцию, положенную младшему брату, в довесок к собственной.

Скандалы происходили постоянно. Правда, учащались к концу месяца, когда приходили счета. Порой, когда крики становились слишком громкими, к ним заглядывал полицейский, вызванный соседями, и предлагал угомониться. Обычно так и бывало. Его мать могла показать копу палец, и у того возникало желание забрать ее в участок, а вот отчим сразу притихал.

Эдди думал, что отчим полицию боялся.

Когда мать с отчимом ссорились, Эдди предпочитал не высовываться. Находил такое поведение оптимальным. А тому, кто придерживался иного мнения, следовало вспомнить о случившемся с

Дорси. Он не сомневался, что Дорси просто оказался не в том месте и не в то время: в гараже в последний день месяца. Они сказали Эдди, что Дорси свалился со стремянки в гараже. «Я же все время говорил ему, держись от нее подальше, говорил раз шестьдесят», — сказал отчим, но его мать отводила глаза... а когда их взгляды встретились, Эдди увидел в глазах матери испуганный крысиный блеск, и ему это совершенно не понравилось. Отчим же сидел за кухонным столом с квартой «Рейнгольда», глядя в никуда из-под тяжелых бровей. Эдди держался от него подальше. Когда отчим ревел (не всегда, но обычно), особой опасности он не представлял. Его следовало обходить стороной, когда он замолкал.

Двумя днями ранее он запустил в Эдди стулом, когда мальчик встал посмотреть, что показывают по другому каналу. Просто поднял один кухонный стул с трубчатыми ножками, замахнулся им над головой и бросил. Стул угодил Эдди по заду и свалил на пол. Задница болела до сих пор, но Эдди знал, что могло быть хуже: все-таки стул попал не в голову.

А как-то вечером отчим внезапно поднялся, зачерпнул пятерней картофельное пюре и намазал на волосы Эдди безо всякой на то причины. В прошлом сентябре Эдди, вернувшись из школы, по недосмотру не придержал сетчатую дверь, и она захлопнулась за ним, разбудив отчима, решившего поспать днем. Маклин вышел из спальни в широченных трусах, с торчащими во все стороны волосами и щетиной выходного дня на щеках, окутанный пивным перегаром (по уик-эндам он в пиве себе не отказывал). «Что ж, Эдди, придется мне тебя наказать за то, что ты хлопнул этой гребаной дверью». В лексиконе Маклина «наказать» означало «выбить из тебя все дерьмо». Что он с Эдди и проделал. Эдди потерял сознание, когда отчим зашвырнул его в прихожую. Его мать прибила в прихожей два низких крючка, чтобы он и Дорси могли вешать на них пальто. Эти крючки как два острых стальных пальца вонзились Эдди в поясницу, после чего он и потерял сознание. Придя в себя через десять минут, он услышал, как мать кричит отчиму, что отвезет Эдди в больницу и он ее не остановит.

— После того, что случилось с Дорси? — ответил отчим. — Хочешь в тюрьму, женщина?

На том разговоры о больнице и закончились. Мать помогла Эдди добраться до его комнаты, где он улегся в постель, дрожа всем телом, с каплями пота на лбу. Следующие три дня он выходил из

комнаты, лишь когда дома никого не было. С трудом передвигая ноги, постанывая. Спускался на кухню и доставал бутылку виски, которую отчим хранил в шкафчике под раковиной. Несколько маленьких глоточков заглушали боль. На пятый день боль практически ушла, но он писал кровью почти две недели.

И молотка в гараже больше не было.

Что вы об этом скажете? Что вы скажете об этом, друзья и соседи?

Молоток «Крафтсмен», обычный молоток, по-прежнему в гараже, а молотка «Скотти», безоткатного молотка, там нет. Любимого молотка отчима, к которому Дорси и ему, Эдди, запретили притрагиваться. «Если кто-то из вас прикоснется к этой крошке, — сказал им отчим в тот день, когда купил молоток, — я вам кишки на уши намотаю». Дорси еще застенчиво спросил, дорогой ли этот молоток. Отчим ответил, что он чертовски прав. Сказал, что молоток наполнен металлическими шариками, и его не отбрасывает назад при ударе, с какой бы силой этот удар ни наносился.

А теперь молоток исчез.

Отметки Эдди были не из лучших, потому что он частенько пропускал занятия после того, как его мать второй раз вышла замуж, но ума ему хватало. Он полагал, что знает, куда подевался безоткатный молоток «Скотти». Он полагал, что его отчим избил молотком Дорси, а потом зарыл в огороде или даже выкинул в Канал. Такое часто случалось в комиксах ужасов, которые читал Эдди. Он их держал на верхней полке в своем стенном шкафу.

Он подошел ближе к Каналу, подернутая рябью поверхность воды между бетонными стенками напоминала маслянистый шелк. Отражение лунного серпа выглядело, как светящийся в темноте бумеранг. Он сел, свесив ноги, покачивая ими, иногда постукивая каблуками по бетону. Последние шесть недель выдались довольно-таки сухими, и вода текла в девяти футах от стертых подошв его кроссовок. Но, пристально посмотрев на стенки Канала, не составляло труда определить те уровни, на которые в разное время поднималась вода. У самой поверхности воды бетон был темно-коричневым. Потом стенка светлела, переходила от коричневого к желтому, а уж там, где ее касались кроссовки Эдди, становилась практически белой.

Вода плавно и молчаливо вытекала из бетонной арки, вымощенной изнутри булыжниками, миновала то место, где сидел Эдди,

ныряла под крытый деревянный мост между Бэсси-парк и Средней школой Дерри. Стены моста и дощатый настил (даже балки под крышей) были исчерканы инициалами, телефонными номерами, различными фразами. Признаниями в любви, сообщениями, что такой-то хочет отсосать или такой-то хочет кончить; заявлениями, что отсасывающие кончающие лишатся крайней плоти или им в очко зальют расплавленного дегтя; иной раз встречались крайне необычные фразы, не поддающиеся объяснению. Над одной Эдди думал всю весну, но так ничего и не понял: «СПАСАЙ РУССКИХ ЕВРЕЕВ! СОБИРАЙ ЦЕННЫЕ ПРИЗЫ!»

И что это означало? Означало ли что-нибудь? Имело какое-то значение?

Эдди не собирался подниматься в этот вечер на Мост Поцелуев; не было у него необходимости переходить на ту сторону, где была средняя школа. Он думал, что найдет место для ночлега где-нибудь в парке, скажем, в сухих листьях под эстрадой, а пока его вполне устраивало и это место, на берегу Канала. Ему нравилось в парке, и он частенько приходил сюда, когда возникала необходимость подумать. Иногда он видел людей в рощицах, разбросанных по всему парку, но Эдди не трогал их, а они не трогали его. Он слышал жуткие истории, которые рассказывали на игровой площадке в школе, о гомиках, рыщущих по Бэсси-парк после захода солнца, и никогда эти истории не оспаривал, но к нему никто в парке не приставал. Парк казался ему мирным уголком, а лучшим местом он считал то, где сейчас сидел. Особенно ему нравилось здесь в середине лета, когда воды становилось так мало, что она буквально журчала, обтекая камни, более того, разделялась на отдельные ручейки, которые извивались по каменистому дну и иногда снова сливались. Это место нравилось ему и в конце марта, и в начале апреля. После того как сходил лед. Тогда Эдди стоял на берегу Канала (не садился — слишком холодно, можно отморозить зад) по часу, а то и больше, подняв капюшон куртки, из которой уже год или два как вырос, сунув руки в карманы, не замечая, что его худенькое тело дрожит от холода. В одну-две недели, следующие за ледоходом, Канал набирал огромную, неодолимую силу. Эдди завораживала бурлящая, в белой пене вода, которая вырывалась из арки и неслась мимо, таща с собой палки, ветки, всякий бытовой мусор. Не раз и не два он представлял себе, как однажды в марте прогуливается по берегу Канала со своим отчимом и, изо всех сил толкая

этого мерзавца, сбрасывает в воду. Отчим с криком, размахивая руками, упадет вниз, а он, Эдди, будет стоять на бетонном берегу и наблюдать, как бешеный поток уносит отчима с собой, как его черную голову мотает среди белой пены. Он будет стоять, смотреть, а потом сложит руки рупором у рта и закричит: «ЭТО ТЕБЕ ЗА ДОРСИ, ТЫ, ГРЕБАНЫЙ ЧЛЕНОСОС! И КОГДА ТЫ ДОБЕРЕШЬСЯ ДО АДА, ПЕРВЫМ ДЕЛОМ СКАЖИ ДЬЯВОЛУ, ЧТО, УХОДЯ, ТЫ РАССЛЫШАЛ МОЕ НАПУТСТВИЕ: ЕСЛИ ЧЕШУТСЯ КУЛАКИ, НАЙДИ СЕБЕ РАВНОГО ПО СИЛЕ!» Такого, естественно, случиться не могло, зато какой великолепной была эта фантазия. Об этом стоило грезить, сидя здесь, на берегу Канала, об...

Рука обхватила ступню Эдди.

Он смотрел на противоположный берег Канала, где находилась средняя школа, сонно и радостно улыбаясь, представляя себе, как весеннее половодье навсегда уносит из его жизни отчима. Ногу его не сжимали, но держали крепко, и прикосновение это было столь неожиданным, что Эдди едва не потерял равновесие и не свалился в Канал.

«*Это один из гомиков, о которых рассказывали старшеклассники*», — подумал он, а когда посмотрел вниз, у него отвисла челюсть. Горячая моча потекла по ногам, в лунном свете выступила на джинсах темными пятнами. За ногу его держал не гомик.

За ногу его держал Дорси.

Дорси, каким его похоронили, Дорси в синем блейзере и серых брюках, только блейзер превратился в лохмотья, как и желтая рубашка, а штанины, должно быть, мокрые, облегали ноги, тоненькие, будто черенки швабры. И голова Дорси ужасным образом трансформировалась, провалилась сзади и соответственно выпучилась впереди.

Дорси улыбался.

— Эдди-и-и-и, — прохрипел его мертвый брат, совсем как мертвецы, которые всегда возвращались из могилы в комиксах ужасов. Улыбка Дорси стала шире. Желтые зубы заблестели, в темном провале рта, похоже, что-то копошилось. — Эдди-и-и-и... Я пришел, чтобы повидаться с тобой, Эдди-и-и-и...

Эдди попытался закричать. Волны серого ужаса перекатывались через него, и у мальчика возникло странное ощущение, будто он летит. Но это не был сон — все происходило наяву. Рука на его кроссовке белизной не уступала брюху форели. Голые ноги брата

каким-то образом держались на бетоне. Что-то откусило у Дорси одну пятку.

— Пойдем вниз, Эдди-и-и-и...

Эдди не мог кричать — не хватало воздуха в легких. Он выдавил из себя хлипкий стон. На что-то более громкое сподобиться не мог. Ну и ладно. Он знал, что через секунду-другую разум его плюхнется в трясину безумия, а после этого крики потеряют всякий смысл. Маленькая рука Дорси неумолимо делала свое дело. Ягодицы Эдди скользили по бетону к краю.

Все с тем же хлипким стоном Эдди протянул руки за спину, ухватился за задний край бетонной стены и рывком дернулся назад. Почувствовал, как рука соскользнула, услышал злобное шипение, успел подумать: «*Это не Дорси. Я не знаю, что это, но это не Дорси*». Потом адреналин захлестнул его, и он уже отползал от края, попытавшись бежать еще до того, как поднялся, дыхание короткими свистками вырывалось из груди.

Белые руки появились на бетонной кромке Канала, послышались влажные шлепки. В лунном свете с мертвенно-бледной кожи полетели капли воды. Теперь и лицо Дорси появилось над краем. Тускло-красные искры поблескивали в глубоко запавших глазах. Мокрые волосы прилипли к черепу. Грязь сползала по щекам, как боевая раскраска.

Эдди наконец-то сумел набрать полную грудь воздуха. Весь этот воздух вышел криком. Мальчик вскочил и побежал. Бежал, оглядываясь через плечо, чтобы видеть, где Дорси, и в результате врезался в большой вяз.

Ощутил, будто кто-то (к примеру, его отчим) взорвал динамитную шашку в его левом плече. В голове вспыхнули и полетели во все стороны звезды. Он рухнул у дерева, как громом пораженный, кровь потекла по левому виску. Пребывал в полубессознательном состоянии секунд девяносто. Потом ему удалось встать. Стон сорвался с губ, когда Эдди попытался поднять левую руку. Не хотела она подниматься. Онемела и, казалось, отделилась от тела. Поэтому он поднял правую и потер раскалывающуюся от боли голову.

Тут вспомнил, почему с разгона врезался в вяз и обернулся.

В лунном свете увидел верхнюю часть стены Канала, белую, как кость, и прямую, как натянутая струна. Никаких признаков твари из Канала... если такая тварь вообще была. Он продолжал поворачиваться, медленно, пока не описал полный круг, все триста шесть-

десят градусов. В Бэсси-парк царила тишина, он застыл, напоминая черно-белую фотографию. Плачущие ивы волочили по земле свои тонкие темные руки, и под их сенью могло стоять что угодно, ссутулившееся и безумное.

Эдди зашагал, стремясь одновременно смотреть во все стороны. В ушибленном плече боль пульсировала синхронно ударам сердца.

«Эдди-и-и-и, — стонал ветер в кронах деревьев, — неужели ты не хочешь видеть меня, Эдди-и-и-и?» Он почувствовал, как дряблые пальцы трупа погладили его шею. Развернулся, вскинул руки. В этот момент ноги его заплелись, и, падая, он увидел, что покачиваются только ветки ивы.

Снова встал. Хотел побежать, но, когда попытался, еще одна динамитная шашка взорвалась в его плече, и ему пришлось остановиться. Он знал, что необходимо каким-то образом перебороть охвативший его страх, обозвал себя глупым сосунком, который испугался своего отражения в воде или заснул, не зная об этом, и увидел кошмар. Но, конечно, он не заснул; как раз наоборот, происходило все наяву. Сердце теперь стучало так быстро, что он уже не мог разделять отдельные удары, и Эдди не сомневался, что оно сейчас разорвется от ужаса. Он не мог бежать, но, выбравшись из-под ив, обнаружил, что прихрамывающий бег трусцой ему по силам.

Эдди не сводил глаз с уличного фонаря, который стоял у главных ворот парка. Он двинулся туда, даже еще прибавил в скорости, думая: «Я доберусь до фонаря, и все будет хорошо. Я доберусь до фонаря, и все будет хорошо. Свет горит — страх бежит, так всю ночь — твари прочь...»

Что-то преследовало его.

Эдди слышал, как оно ломится сквозь ивовую рощу. Если бы он повернулся, он смог бы увидеть чудище, которое догоняло его. Он слышал шаги твари, шаркающие, хлюпающие, но не собирался оглядываться, нет, он твердо знал, что смотреть будет только вперед, на свет, свет — это хорошо, он будет продолжать свой полет к свету, и он почти уже там. Почти...

Запах — вот что заставило его оглянуться. Убойный запах... словно гору рыбы оставили гнить под палящим солнцем. Запах мертвого океана.

За ним шел не Дорси. За ним шло Чудище из Черной лагуны*. С длинной, в складках, мордой. Из черных разрезов, вертикальных

* «Тварь из Черной лагуны» — американский фильм ужасов (1954).

ртов на щеках, капала зеленая жижа. На него смотрели белые желеподобные глаза. Перепончатые пальцы заканчивались когтями, острыми как бритва. В дыхании слышалось бульканье, как у ныряльщика с барахлящим редукционным клапаном. А когда чудище увидело, что Эдди смотрит на него, его зелено-черные губы растянулись в мертвенной улыбке, обнажив громадные клыки.

Чудище тащилось за ним, с него капала вода, и Эдди внезапно все понял. Оно собиралось утащить его в Канал, приволочь в сырую черноту подземного хода под Каналом и там сожрать.

Эдди еще прибавил шагу, яркий натриевый фонарь у ворот приближался. Он уже видел роящихся вокруг лампы насекомых и мотыльков. Мимо проехал грузовик, направляясь к шоссе 2, водитель как раз переключал передачу, и Эдди, перепуганный до смерти, вдруг подумал, что водитель, возможно, пьет кофе из бумажного стаканчика и слушает по радио песню Бадди Холли, не имея ни малейшего представления о том, что какие-то двести ярдов отделяют его от мальчика, который может умереть в ближайшие двадцать секунд.

Вонь. Удушающая вонь. Приближалась. Обволакивала.

Он споткнулся о парковую скамейку. Какие-то мальчишки в тот вечер, только пораньше, ненароком сдвинули ее, возможно, спеша домой, чтобы не нарушить комендантский час, и не обратили на это никакого внимания. Сиденье лишь на пару дюймов поднималось над травой, один оттенок зеленого среди другого — в лунном свете скамейка становилась практически невидимой. Край сиденья ударил по голеням, вызвал взрыв боли. Земля ушла у Эдди из-под ног, и он повалился в траву.

Оглянувшись, он увидел, что Чудище устремилось к нему, белые, словно яичные белки, глаза, блестели, с чешуи капала слизь цвета морских водорослей, жабры на раздувшейся шее и щеках открывались и закрывались.

— Аг, — вырвалось у Эдди. И никакого другого звука он, похоже, издать не мог. — Аг! Аг-аг. Аг!

Теперь он полз. Пальцы вдавливались в дерн. Язык вывалился.

За секунду до того, как провонявшие рыбой грубые руки Чудища сомкнулись у Эдди на шее, в голову пришла успокаивающая мысль: «Это сон, ну конечно же, это сон. Нет никакой настоящей твари. Нет никакой настоящей Черной лагуны, а даже если и была,

то в Южной Америке, или в Эверглейдс*, или где-то еще. Это всего лишь сон, и я проснусь в своей кровати, а может, в листьях под эстрадой, и я...»

А потом лягушачьи лапы сомкнулись у Эдди на шее, и его хриплые крики затихли. Когда Чудище поднимало его, когти, которыми оканчивались пальцы, оставили кровавые следы на шее. Эдди посмотрел в светящиеся белые глаза. Почувствовал, как перепонки между пальцами касаются его кожи, словно водоросли. Его обостренный ужасом взгляд заметил плавник, что-то среднее между гребешком петуха и ядовитым спинным плавником бычка, выступающий над утопленной в плечи и покрытой хитиновыми пластинами головой Чудища. Он даже успел увидеть, как белый свет, идущий от фонаря у ворот, превращается в дымчато-зеленый, проходя через этот мембранный плавник.

— Ты... не... настоящее, — прохрипел Эдди, но облака серого забытья наплывали со всех сторон, и он осознал, что оно более чем настоящее, это Чудище. Оно, в конце концов, убивало его.

Но все-таки какая-то часть здравого смысла оставалась до самого конца: когда Чудище вонзало когти в мягкую плоть его шеи, когда из сонной артерии брызнула горячая кровь, расплескавшись по чешуе Чудища, руки Эдди ощупывали его спину в поисках молнии. И упали, лишь когда Чудище с удовлетворенным всхрапом оторвало мальчику голову.

И едва образ Оно, каким видел его Эдди, начал таять, Оно тут же стало меняться, превращаясь во что-то еще.

4

Не в силах уснуть, преследуемый кошмарами, мальчик, которого звали Майкл Хэнлон, поднялся в первый день школьных каникул почти с рассветом. Первые лучи с трудом пробивали низкий густой туман, которому предстояло рассеяться только к восьми утра, сдернув покрывало с прекрасного летнего дня.

Таким день станет позже, а пока мир оставался бесшумным, как ступающий по ковру кот, и серовато-розовым.

---

* Эверглейдс — обширный заболоченный район в южной части Флориды, включающий мангровые леса крайнего юга.

Майк, в вельветовых штанах, футболке и черных высоких кедах, спустился вниз, съел миску «Уитиз» (он не любил эти пшеничные хлопья, но хотел получить бесплатный подарок, лежащий на дне коробки, — волшебное кольцо капитана Миднайта*), потом оседлал велосипед и поехал в город, из-за тумана — по тротуарам. Туман все изменил: даже самые обычные предметы, пожарные гидранты или знаки «Стоп» сделались вдруг загадочными, странными и немного пугающими. Он слышал автомобили, но не видел их, потому что туман менял акустические характеристики воздуха, не мог сказать, далеко они или близко, пока автомобиль не возникал из тумана, пронзая его светом фар.

Майк повернул на Джексон-стрит, объезжая центральную часть города, потом добрался до Главной улицы по Палмер-лейн, и во время этого короткого объезда миновал дом, в котором будет жить, когда вырастет. Тогда он даже не посмотрел на обычный маленький двухэтажный дом с гаражом и лужайкой. И дом не подал никакого сигнала проезжающему мимо мальчику, своему будущему хозяину и единственному обитателю.

На Главной улице Майк повернул направо и покатил вдоль Бэсси-парк, без всякой цели, просто ехал и наслаждался тишиной и покоем раннего утра. У главных ворот слез с велосипеда, откинул опору, поставил велосипед и зашагал к Каналу, по-прежнему, как ему казалось, руководствуясь исключительно собственной прихотью. И уж конечно, у него и мысли не возникало о том, что кошмары, снившиеся ночью, каким-то образом связаны с его утренними действиями; он даже не помнил, что именно ему снилось: в памяти осталось одно — кошмары следовали друг за другом, пока он окончательно не проснулся в пять утра, в поту и дрожа всем телом, с мыслью, что должен быстро позавтракать и на велосипеде поехать в город.

Здесь, в Бэсси, запах тумана ему совершенно не нравился — тут стоял морской запах, соленый и древний. Запах этот, разумеется, Майк чувствовал и прежде. В утренних туманах частенько ощущался запах океана, хотя от Дерри его отделяли сорок миль. Но в это утро запах казался более густым, более живым. Почти что опасным.

Взгляд за что-то зацепился. Майк наклонился и поднял дешевый перочинный нож с двумя лезвиями. Кто-то нацарапал иници-

* Капитан Миднайт — герой радио- и телесериалов, комиксов.

алы на боковой поверхности: «ЭК». Майк пару секунд задумчиво смотрел на нож, потом сунул в карман. Кто нашел — берет себе, потерявший — плачет.

Около того места, где он нашел перочинный нож, валялась перевернутая парковая скамейка. Майк поставил ее на металлические ножки, передвинул туда, где она стояла месяцы или годы: ножки оставили в земле глубокие впадины. За скамьей он заметил примятый участок травы... и уходящие от него две бороздки. Трава уже распрямлялась, но бороздки оставались. Вели они к Каналу... А еще он увидел кровь.

(*птицу вспомни птицу вспомни птицу*)

Но Майк не хотел вспоминать птицу, прогнал прочь эту мысль. Собаки подрались, и все дела. Одна сильно покусала другую. Вполне логичное предположение, но почему-то убедительным оно ему не показалось. Мысли о птице продолжали возвращаться... о той, что он видел на месте Металлургического завода Китчнера, которую Стэнли Урис так и не сможет найти в своем атласе с птицами.

И вместо того чтобы пойти куда-то еще, Майк двинулся вдоль бороздок. Пока шел, придумал историю. Историю с убийством. Ребенок в парке. Поздно. После наступления комендантского часа. Убийца добирается до него. И как он избавляется от тела? Тащит к Каналу и сбрасывает туда, разумеется! Совсем как в телепрограмме «Альфред Хичкок представляет».

Да, такие бороздки могли оставить ботинки или кроссовки, подумал Майк.

Он содрогнулся. Посмотрел по сторонам. История получилась очень уж реальная.

А если предположить, что убийца не человек? Монстр. Как в комиксе ужасов, или книге ужасов, или фильме ужасов, или...

(*в кошмарном сне*)

...в сказке, или где еще.

Нет, не понравилась ему эта история. Глупая получилась история. Майк попытался вытолкать ее из головы, но она уходить не желала. Ну и ладно, пусть себе остается. Все равно глупая история. И то, что он поехал в город сегодня утром — тоже глупость. И вышагивать вдоль двух бороздок на траве — та же глупость. У отца сегодня найдется для него масса дел. И лучше бы ему побыстрее вернуться и взяться за них, иначе в самые жаркие полуденные часы

придется ворошить сено под крышей сарая. Да, он должен немедленно возвращаться. Именно это он сейчас и сделает.

«Ты уверен? — подумал он. — Хочешь поспорить?»

Вместо того чтобы вернуться к велосипеду, сесть в седло и крутить педали, Майк продолжал идти по траве к Каналу, следуя за бороздками. Там и тут он снова видел капли засохшей крови. Не так чтобы много, гораздо меньше, чем на примятой траве около перевернутой скамейки, которую он поставил на место.

Теперь Майк слышал Канал, слышал спокойно текущую воду. Мгновение спустя он увидел бетонную стену, материализовавшуюся из тумана.

И что-то еще на траве. «Боже, у тебя сегодня и впрямь день находок», — сказал внутренний голос с двусмысленной веселостью, а потом где-то закричала чайка, и Майк вздрогнул, вновь подумав о птице, которую видел в тот день, этой самой весной.

«Что бы ни лежало на траве, я не хочу это видеть», — решил он, и это была чистая правда, но он уже рядом, уже наклонялся, уперев руки в колени, чтобы посмотреть, что же это.

Клок ткани с каплей крови.

Морская чайка прокричала вновь, Майк смотрел на окровавленную полоску ткани и прокручивал в памяти случившееся с ним этой весной.

S

Каждый год, в апреле или мае, ферма Хэнлонов просыпалась от зимней дремы.

Майк позволял себе признать, что весна пришла, не в тот день, когда первые крокусы расцветали под окнами кухни его матери, и не в тот, когда дети начинали приносить в школу мраморные шарики или лягушек, и даже не в тот, когда «Вашингтонские сенаторы»* начинали бейсбольный сезон (обычно с разгромного проигрыша). Для Майка весна начиналась, когда отец звал его, чтобы он помог выкатить из сарая их автомобиль-беспородку. Передняя его половина принадлежала фордовской «Модели-А», зад-

* «Вашингтонские сенаторы» — профессиональная бейсбольная команда. С 1960 г. — «Миннесотские близнецы».

няя — пикапу, причем задний борт заменила дверь от старого курятника. Если зима выдавалась не слишком холодной, им зачастую удавалось завести двигатель, пока автомобиль катился вниз по подъездной дорожке. Дверцы в кабине отсутствовали. Как и ветровое стекло. Сиденьем служила половина дивана, который Уилл Хэнлон притащил с городской свалки. Рукоятка коробки передач заканчивалась стеклянной дверной ручкой.

Сначала они толкали грузовик, каждый со своей стороны, а когда он набирал скорость, Уилл запрыгивал в кабину, поворачивал ключ зажигания, вышибал искру, выжимал сцепление, обхватывал большой рукой стеклянную ручку, включал первую передачу. Потом кричал: «Ну, давай же, давай!» — и отпускал сцепление. Двигатель старого «форда» кашлял, хрипел, скрежетал, давал обратные вспышки... и иногда заводился, поначалу с перебоями, потом начинал работать ровно. Уилл под рев двигателя доезжал по шоссе до «Рулин фармс», разворачивался на их подъездной дорожке (если бы поехал в другую сторону, то Буч, полоумный папаша Генри Бауэрса, наверное, снес бы ему голову выстрелом из дробовика) и возвращался назад, все с тем же ревом двигателя без глушителя. Майк подпрыгивал, восторженно вопя, а его мама стояла в дверях кухни, вытирая руки посудным полотенцем, и пыталась изобразить неудовольствие, но на самом деле она была рада.

Случалось, что по пути вниз двигатель не заводился, и тогда Майку приходилось ждать, пока отец сходит в гараж и вернется, неся заводную ручку и что-то бормоча себе под нос. Майк не сомневался, что некоторые слова из тех, что бормотал отец, ругательства, и немного его боялся. (Только гораздо позже, во время одного из рвущих душу визитов в больничную палату, где умирал Уилл Хэнлон, Майк узнал, что бормотание отца было вызвано страхом перед заводной ручкой: однажды она вырвалась у него из рук, выскочила из гнезда и разодрала щеку.)

— Отойди подальше, Майки, — говорил он, вставляя ручку в гнездо под радиатором. А когда двигатель заводился, добавлял, что на следующий год поменяет этот грузовик на «шевроле», но так и не поменял. Старенький «А-форд» до сих пор стоял на задворках фермы, его колеса и задний борт из двери от курятника заросли сорняками.

Когда автомобиль трогался с места, Майк сидел на пассажирском сиденье, вдыхая запахи горячего масла и сизых выхлопных

газов, возбужденно подставляя лицо ветру, дувшему сквозь проем, который полагалось закрывать ветровому стеклу, и думал: «Весна пришла. Мы все проснулись». И в душе раздавались сотрясавшие ее восторженные крики. Он любил все, что его окружало, а больше всего — отца, который улыбался ему и кричал: «Держись, Майки! Сейчас прокатимся с ветерком! Заставим птиц попрятаться!»

Грузовик поднимался по подъездной дорожке. Из-под задних колес летела черная грязь, поднимались серые облака пыли, их обоих немилосердно трясло на половине диванного сиденья, установленного в открытой кабине, но они хохотали, как безумные. Уилл гнал грузовик через высокую траву заднего поля, на котором заготавливал сено, к южному полю (там выращивался картофель), западному (кукуруза и бобы) или к восточному (горох, кабачки, тыквы). И птицы, пронзительно крича, действительно разлетались из травы, чтобы не угодить под колеса. Однажды вылетела куропатка, великолепная куропатка, бурая, как дубы поздней осенью, так громко хлопая крыльями, что заглушила рев мотора.

Эти поездки были для Майка Хэнлона дверью в весну.

Полевые работы начинались со сбора каменного урожая. Целую неделю, изо дня в день, они выезжали на поля и загружали кузов камнями, которые могли сломать лемех плуга при вспашке. Иногда грузовик застревал в размякшей весенней земле, и Уилл опять что-то бормотал себе под нос... Майк предполагал, что те же ругательства. Некоторые слова и выражения он узнавал, другие, вроде «сына блудницы», ставили его в тупик. Слово «блудница» он отыскал в Библии и, насколько понял, блудницей была женщина, жившая в городе, который назывался Вавилоном. Однажды он уже собрался спросить отца, но в тот день грузовик завяз по самые оси, отец был очень уж мрачен, и Майк решил отложить вопрос до лучших времен. В итоге он спросил Ричи Тозиера, и Ричи ответил, что, по словам его отца, проститутка — это женщина, которой платят за то, что она занимается сексом с мужчинами. «А что такое «занимается сексом»?» — спросил Майк, и Ричи отошел, качая головой.

Однажды Майк спросил отца, почему каждый апрель на полях появляется множество камней, хотя в предыдущий апрель они убрали все до последнего?

Они стояли около того места, куда свозили камни, на закате последнего дня каменной жатвы. К этой балке, расположенной рядом с берегом Кендускига, вела двойная колея, которая не тянула и на проселочную дорогу. Из года в год в балку сбрасывались все камни, собранные на земле Уилла.

Глядя вниз на груды камней, которые ранее он наваливал сам, а в последние годы — с помощью сына (где-то под камнями, он это знал, догнивали пни, которые он выкорчевал перед тем, как начал распахивать поля), Уилл закурил сигарету и лишь потом ответил: «Мой отец говорил мне, что Бог любит камни, домашних мух, сорняки и бедняков больше всех прочих Его созданий, потому-то Он создал их так много».

— Но кажется, что каждый год они возвращаются.

— Да, думаю, так оно и есть, — кивнул Уилл. — По-другому их появление не объяснишь.

На дальнем берегу Кендускига, под сумеречным закатом, окрасившим воду в густой красно-оранжевый цвет, прокричала гагара. Тоскливо так прокричала, настолько тоскливо, что по усталым рукам Майка побежали мурашки.

— Я люблю тебя, папуля, — внезапно вырвалось у него, и любовь к отцу была такой сильной, что он почувствовал, как слезы начали жечь глаза.

— Я тоже люблю тебя, Майки, — ответил отец и прижал сына к себе сильными руками. Майк ощущал щекой грубую ткань рубашки отца. — А теперь не пора ли возвращаться? Нам едва хватит времени принять ванну до того, как эта добрая женщина поставит ужин на стол.

— Ага, — ответил Майк.

— Конечно, ага, — кивнул Уилл Хэнлон, и они рассмеялись, ощущая усталость, но пребывая в превосходном настроении; их руки и ноги потрудились, но не перетрудились, а пальцы, которые выковыривали камни из земли, болели не так уж и сильно.

«Весна пришла, — думал Майк в ту ночь, уже засыпая в своей комнате, когда мать и отец в гостиной смотрели «Молодоженов»*. — Весна пришла, спасибо Тебе, Господи, большое Тебе спасибо». И перед тем как провалиться в глубокий сон, Майк вновь услышал крик гагары, который из далеких болот перенесся в его сны. Весной всегда хватало дел, но это время года ему нравилось.

---

* «Молодожены» — телесериал, комедия положений.

Закончив каменную жатву, Уилл парковал грузовик в высокой траве за домом и выгонял из сарая трактор. Потом следовала вспашка полей. Уилл сидел за рулем, а Майк или шагал сзади, держась за железное сиденье, или шел рядом, подбирая и отбрасывая в сторону те камни, что они пропустили. Затем они переходили к посевной, а уж потом начиналась летняя работа: прополка... прополка... и прополка. Его мать наряжала Ларри, Мо и Керли*, три их пугала, и Майк помогал отцу приладить лосиную дудку на набитой соломой голове каждого из них. Лосиная дудка представляла собой консервную банку с отрезанными крышкой и дном. В банке, строго посередине, туго натягивалась вощеная и натертая канифолью веревочка, и ветер, продувая банку, издавал восхитительно пугающие звуки — что-то вроде подвывающего карканья. Птицы, питающиеся плодами фермерского труда, очень скоро понимали, что Ларри, Мо и Керли угрозы собой не представляют, но лосиные дудки всегда их отпугивали.

Где-то в июле прополка дополнялась сбором урожая, сначала гороха и редиски, потом салата и помидоров; кукурузу и фасоль убирали в августе и еще в сентябре, после них — тыквы и кабачки. Примерно в это время дело доходило и до картофеля, а когда дни укорачивались и воздух по утрам становился прохладным, они с отцом снимали с пугал лосиные дудки (зимой они каким-то образом исчезали, и каждую весну им приходилось ладить новые). На следующий день Уилл звонил Норману Сэдлеру (такому же тупому, как и его сын, по прозвищу Лось, но гораздо более добродушному), и Норми приезжал со своей картофелекопалкой.

Следующие три недели все они собирали картофель. Помимо семьи, Уилл обычно нанимал трех или четырех старшеклассников, платил им по четвертаку за бочку. «А-форд» медленно кружил по южному полю, самому большому, всегда на низкой передаче, с откинутым задним бортом, и кузов постепенно наполнялся бочками, каждая с бумажкой, на которой значилось имя того, кто ее наполнил, и в конце рабочего дня Уилл доставал старый, потрескавшийся кошелек и выплачивал каждому из сборщиков заработанные деньги. Их получали и Майк, и его мать; эти деньги принадлежали

* Ларри, Мо и Керли — «Три оболтуса», знаменитая троица комиков, образ использовался в кино с 1920-х гг. В том числе и в советском (см. «Пес Барбос и необычный кросс»).

им, и Уилл Хэнлон никогда не спрашивал, как они ими распорядились. С пяти лет Майк получал пятипроцентную долю в прибыли фермы, с тех самых пор, как смог держать в руках мотыгу и отличать горох от пырея. Каждый год его доля прибыли возрастала на один процент, и сразу после Дня благодарения Уилл подсчитывал, сколько удалось заработать за год, выделяя долю Майка... но Майк этих денег не видел. Они направлялись на отдельный счет, предназначенный для оплаты его обучения в колледже. Счет этот был неприкосновенным.

Наконец наступал день, когда Норми Сэдлер увозил свою картофелекопалку домой; к тому времени воздух становился серым и холодным, а оранжевые тыквы, сложенные горкой у стены сарая, утром покрывались ледком. Майк, стоя в дверях кухни, с красным замерзшим носом, сунув грязные руки в карманы джинсов, наблюдал, как отец загоняет в сарай сначала трактор, потом «А-форд». «Мы опять готовимся впасть в спячку, — думал он. — Весна... исчезла. Лето... ушло. Сбор урожая... закончился. Все, что осталось — ошметки осени: облетевшие деревья, замерзшая земля, ледяное кружево на берегу Кендускига». На полях вороны иногда садились на плечи Ларри, Мо и Керли и сидели, сколько им вздумается. Пугала помалкивали, угрозы не представляли.

Нельзя сказать, что Майка пугала мысль о том, что минул еще один год — в девять или десять лет он был еще слишком юн для метафор о смерти, тем более что впереди ждало столько интересного: катание на санках в Маккэррон-парк (или на Рулин-Хилл, здесь, неподалеку, если достанет смелости, потому что на этом склоне катались главным образом старшеклассники), катание на коньках, снежковые сражения, постройка снежной крепости. Не следовало забывать и о походе в лес с отцом за рождественской елью, и о горных лыжах «Нордика», которые он мог получить на Рождество (мог и не получить). Зима тоже ему нравилась... но наблюдать, как отец загоняет грузовик обратно в сарай...

(весна исчезла лето ушло сбор урожая закончился)

Зрелище это навевало грусть точно так же, как навевали грусть улетающие на юг караваны птиц, или свет, падающий под определенным углом, вызывал желание поплакать без всякой на то причины. «Мы опять готовимся впасть в спячку...»

Он не только ходил в школу и работал на ферме, не только работал на ферме и ходил в школу; Уилл Хэнлон не раз говорил жене,

что мальчику нужно время, чтобы пойти на рыбалку, даже если он и не будет ловить рыбу. Приходя домой из школы, Майк первым делом оставлял книги на телевизоре в гостиной, вторым — готовил себе что-нибудь поесть (больше всего он любил сандвичи с арахисовым маслом и луком: от таких вкусовых пристрастий мать всплескивала руками в беспомощном ужасе), а третьим — внимательно читал оставленную отцом записку, в которой Уилл подробно перечислял все дела, которые ждали Майка в этот день: что прополоть, что собрать, какие ведра принести, какую часть урожая и как переработать, где подмести, и так далее. Но по меньшей мере в один учебный день недели (а иногда и в два) записку Майк не получал. И в эти дни ходил на рыбалку, даже если и не ловил рыбу. Это были отличные дни... дни, когда от него не требовалось куда-то пойти... а потому он мог никуда не спешить.

Иногда отец оставлял ему совсем другую записку: «Никакой работы. Пойди в Олд-Кейп и посмотри на трамвайные рельсы». И Майк шел в Олд-Кейп, находил улицы с проложенными по ним рельсами, пристально их разглядывал, представляя себе вагоны, напоминающие железнодорожные, которые курсировали посреди улицы. А вечером они с отцом обсуждали увиденное, и Уилл показывал фотографии из своего альбома о Дерри, на которых действительно по улицам ехали трамваи: забавная штанга поднималась от крыши к электрическому проводу, а борта украшала реклама сигарет. В другой раз он посылал Майка в Мемориальный парк, где находилась Водонапорная башня, чтобы посмотреть на купальню для птиц, а однажды они вместе пошли в здание суда смотреть на ужасное устройство, которое шеф Бортон нашел на чердаке. Называлось эта штуковина «стул наказаний». Изготовили ее из железа, с кандалами, встроенными в подлокотники и передние ножки, и закругленными выступами на спинке и сиденье. Отдаленно стул наказаний напомнил Майку электрический стул в тюрьме Синг-Синг, фотографию которого он видел в какой-то книге. Шеф Бортон позволил Майку сесть на стул и защелкнул кандалы.

После того как острота ощущений, вызванная кандалами, притупилась, Майк вопросительно посмотрел на отца и шефа Бортона, не понимая, почему сиденее на этом стуле считалось таким уж жутким наказанием для «пришлецов» (так называл бродяг Бортон), которые появлялись в городе в двадцатых и тридцатых годах.

Да, из-за выступов сидеть было не очень удобно, и кандалы на запястьях и лодыжках сковывали движения, но...

— Ты же ребенок, — рассмеялся Бортон. — Сколько ты весишь? Семьдесят фунтов, восемьдесят? Большинство пришлецов, которых шериф Салли определял на этот стул в те давние дни, весили как минимум в два раза больше. Через час они начинали испытывать некоторые неудобства, через два или три неудобств прибавлялось, через четыре или пять им становилось худо. Через семь или восемь часов они начинали кричать, после шестнадцати или семнадцати плакали. А когда их освобождали через двадцать четыре часа, они клялись перед Богом и людьми, что в следующий раз, попав в Новую Англию, будут обходить Дерри стороной. И, насколько мне известно, так они в большинстве своем и делали. Двадцать четыре часа на стуле наказаний — чертовски убедительный довод.

Внезапно Майку показалось, что выступов на спинке и сиденье гораздо больше, и все они с силой вдавливались ему в ягодицы, позвоночник, поясницу, даже в шею.

— Могу я встать с него? — вежливо спросил он, и шеф Бортон вновь рассмеялся. На мгновение Майка охватила паника. Он подумал, что начальник полиции покрутит ключом от кандалов перед его носом и скажет: «Конечно, ты сможешь встать... после того как отсидишь свои двадцать четыре часа».

— Папа, зачем ты меня туда приводил? — спросил он по дороге домой.

— Узнаешь, когда подрастешь, — ответил Уилл.

— Ты не любишь шефа Бортона, так?

— Нет, — коротко ответил отец, и таким тоном, что Майк не решился больше ни о чем спрашивать.

Но Майк получал удовольствие от большинства мест в Дерри, куда посылал его отец или брал с собой, и к тому времени, когда Майку исполнилось десять лет, Уиллу удалось заразить сына интересом к истории Дерри. Иной раз, как, скажем, когда он проводил пальцами по шероховатой поверхности постамента купальни для птиц в Мемориальном парке, или когда, сидя на корточках, рассматривал трамвайные рельсы, которые тянулись по Монтстрит в Олд-Кейп, он вдруг по-новому ощущал время... как что-то реальное, обладающее невидимым весом, как обладает весом солнечный свет (некоторые дети в классе засмеялись, когда миссис

Грингасс сказала им об этом, но Майка настолько потрясла сама идея, что смеяться он просто не смог; подумал: «Свет обладает весом? Господи, какая жуть!»), чем-то таким, что может погрести его под собой.

Весной 1958 года первую записку, не связанную с работой на ферме, отец написал на обратной стороне старого конверта и придавил солонкой. День выдался на удивление теплым, воздух благоухал весенними ароматами, и мать открыла все окна. «Никакой работы, — прочитал Майк. — Если хочешь, поезжай на велосипеде по Пастбищной дороге. На поле слева от дороги ты увидишь старые развалины и покореженную технику. Осмотрись, привези сувенир. Не подходи к провалу! И возвращайся до темноты. Ты знаешь почему».

Майк знал, будьте уверены.

Он сказал матери, куда едет, и та нахмурилась:

— Почему бы тебе не завернуть к Рэнди Робинсону? Может, он захочет составить тебе компанию?

— Да, хорошо. Я заверну к нему и спрошу.

Он так и сделал, но Рэнди уехал с отцом в Бангор, чтобы купить посадочный картофель, поэтому по Пастбищной дороге Майк покатил один. Путь предстоял неблизкий — чуть больше четырех миль. И по прикидкам Майка, он только в три часа дня прислонил велосипед к старому деревянному забору по левую сторону от Пастбищной дороги и перелез через него. На обследование территории у него оставался час, не больше, а потом следовало ехать обратно. Обычно его мать не волновалась, если он возвращался домой к шести часам, когда она ставила на стол обед, но один случай показал ему, что в этом году все совсем не так. В тот день он чуть задержался, так мать чуть ли не билась в истерике. Подскочила к нему с мокрым посудным полотенцем, ударила, а он стоял в дверях кухни, разинув рот, с проволочной корзинкой для рыбы, в которой лежала пойманная им радужная форель.

— Никогда больше так не пугай меня! — кричала она. — Никогда больше! Никогда! Никогда!

Каждое восклицание сопровождалось ударом посудного полотенца. Майк ожидал, что отец вступится за него и положит этому конец, но отец не заступился... возможно, боялся, что она набросится на него, попытайся он вмешаться. Майк усвоил урок: одной

порки посудным полотенцем вполне хватило. Домой до темноты, да, мэм. Будет исполнено.

Он шагал через поле к гигантским развалинам, занимающим центральную часть. Конечно же, это руины Металлургического завода Китчнера — Майк не раз проезжал мимо, но никогда не думал о том, чтобы обследовать их, и не слышал, чтобы кто-то из ребят рассказывал об этом. Теперь, нагнувшись, чтобы получше разглядеть несколько кирпичей, лежавших пирамидой, он подумал, что знает причину. Поле заливал яркий свет солнца, плывущего по весеннему небу (лишь изредка, когда облачко на короткое время закрывало солнце, поле медленно пересекала огромная тень), что-то здесь было пугающее... возможно, тишина, нарушаемая лишь ветром. Он чувствовал себя исследователем, обнаружившим остатки мифического древнего города.

Впереди справа он увидел закругленный бок массивного, облицованного плиткой цилиндра, поднимающегося над высокой травой. Побежал туда. Это была главная дымовая труба Металлургического завода Китчнера. Майк заглянул в нее и вновь почувствовал пробежавший по спине холодок. Диаметра трубы хватало, чтобы Майк мог войти в нее, если бы захотел. Но он не хотел; одному Богу известно, какая мерзость могла налипнуть на внутреннюю, зачерненную дымом облицовку, какие насекомые и твари могли обитать в трубе. Ветер дул порывами. И когда воздух двигался поперек лежащей на земле трубы, возникал жуткий звук, похожий на тот, что издавали лосиные дудки с вощеными струнами, которые он и его отец каждую весну устанавливали на головах пугал. Майк в испуге отступил назад, внезапно подумав о фильме, который вчера смотрел с отцом в программе «Раннее шоу». Фильм назывался «Родан*», и они вроде бы получали огромное удовольствие, когда сидели перед телевизором, отец хохотал и кричал: «Уложи эту птичку, Майк!» — всякий раз, когда Родан появлялся на экране, и Майк стрелял из пальца-пистолета, пока мать не засунулась в дверь и не попросила вести себя потише, потому что от такого шума у нее разболится голова.

Но теперь все выглядело не столь забавно. В кино Родана освобождали из центра земли шахтеры-японцы, которые рыли самую

* Родан — монстр, созданный японскими кинематографистами, «птичка» весом в 30 т и с размахом крыльев в 200 м.

глубокую в мире шахту. И глядя в черное жерло этой трубы, не составляло труда представить, что птица затаилась в дальнем конце, сложив кожистые, совсем как у летучей мыши, крылья на спине, и смотрит на маленькое круглое лицо школьника, заглядывающего в темноту, смотрит, смотрит своими большими, с золотыми ободками глазами.

Дрожа всем телом, Майк отпрянул еще дальше.

Он пошел вдоль дымовой трубы, наполовину погрузившейся в землю. Поле чуть поднималось и, следуя внезапному порыву, Майк забрался на трубу. Снаружи она не вызывала такого страха, а ее поверхность нагрелась от солнца. Он поднялся и двинулся дальше, раскинув руки (ширины хватало, и упасть он никак не мог, но ему хотелось прикинуться цирковым канатоходцем). Ветер ерошил волосы, и Майку это нравилось.

Пройдя трубу до конца, мальчик спрыгнул на землю и принялся обследовать территорию: битые кирпичи, куски дерева, ржавые железяки. «Принеси сувенир». — написал отец, и Майку хотелось найти что-то интересное.

Он направился к зияющему провалу, возникшему на месте сталелитейного завода, внимательно глядя под ноги, стараясь не наступать на осколки стекла, которых вокруг хватало.

Он помнил о провале и предупреждении отца не приближаться туда; помнил и о трагедии, которая произошла здесь более пятидесяти лет назад. Он отдавал себе отчет, что если в Дерри и есть населенное призраками место, так это развалины металлургического завода Китчнера. Но он не собирался уходить, не найдя что-нибудь интересное, сувенир, который стоит увезти с собой и показать отцу.

К провалу он продвигался медленно и осторожно, в какой-то момент пошел параллельно краю, поскольку предупреждающий голос в голове шептал, что стенки размякли от весенних дождей, могут осыпаться и утянуть в яму, где полно острых железяк, одна из которых могла насадить его на себя, как бабочек насаживали на иголки. Такой ржавой, мучительной смерти, конечно же, не хотелось.

Он поднял оконный шпингалет, отшвырнул в сторону. Нашел ковш, ручку которого скрутило невообразимым жаром, достаточно большой, чтобы стоять на столе великана. Увидел поршень, та-

кой тяжелый, что не смог бы сдвинуть его с места, не говоря о том, чтобы поднять. Переступил через него и...

«А если я найду череп? — свернула внезапная мысль. — *Череп какого-нибудь ребенка, одного из тех, кто погиб, отыскивая пасхальные шоколадные яйца в далеком тысяча девятьсот каком-то году?»*

Он оглядел залитое солнечным светом поле, потрясенный этой мыслью. Ветер завыл в ушах, еще одна тень медленно проплыла по полю, как тень гигантской летучей мыши... или птицы. Майк вновь с небывалой остротой почувствовал, как здесь все тихо и спокойно, как странно выглядело это поле с грудами кирпича и железными остовами. Словно когда-то давно тут произошла ужасная битва.

«Не будь дураком, — одернул он себя. — *Они нашли все, что можно было найти пятьдесят лет назад. После взрыва. И даже если не нашли, какой-нибудь пацан... или взрослый... нашел то... что оставалось. Или ты думаешь, что единственный, кто пришел сюда за сувениром?»*

Нет... нет, он так не думал. Но...

Но — что? Ответа на этот вопрос потребовала здравая часть рассудка, и Майк подумал, что вопрос она задала слишком громко, слишком поспешно. Даже если тут что-то и оставалось, за прошедшие годы все сгнило. Поэтому... что?

Майк нашел в траве расколотый ящик от письменного стола, отбросил. Еще приблизился к провалу. Мусора только прибавлялось. Он не сомневался, что уж тут-то найдет что-нибудь интересное.

«А если здесь призраки? Что тогда? Что, если я увижу руки над краем провала, что, если они начнут вылезать из этой дыры в земле, дети в лохмотьях, в которые превратились их праздничные одежды, одежды после того, как пятьдесят лет гнили, рвались и пачкались от весенней грязи, осеннего дождя, зимнего снега? Дети без голов (он слышал в школе, что после взрыва женщина нашла голову одной из жертв на дереве в своем саду), дети без ног, дети без кожи, выпотрошенные, как треска, дети, которые, совсем как я, спускались вниз, чтобы поиграть в сумраке... под нависающими железными балками, среди больших ржавых шестерен...

Прекрати, ради бога, прекрати!»

По спине пробежал холодок, и Майк решил, что пора уже что-нибудь взять (что угодно) и делать ноги. Он пощупал землю на-

обум и наткнулся на шестеренку диаметром примерно в семь дюймов. В кармане у него лежал карандаш, Майк быстро достал его, очистил зубцы от земли. Сунул сувенир в карман. Теперь он мог уходить. Мог уходить, да...

Но ноги медленно несли его в противоположную сторону, к краю провала, и он, объятый ужасом, осознал, что должен заглянуть вниз. Должен увидеть, что внизу.

Он ухватился за торчащий из земли, качающийся кол, наклонился вперед, чтобы увидеть, что там внизу. Не получилось. От края его отделяли еще пятнадцать футов, он стоял слишком далеко, чтобы в поле зрения попало дно провала.

«Мне без разницы, увижу я дно или нет. Я возвращаюсь. Сувенир у меня в кармане. Нет никакой необходимости заглядывать в эту гадкую, древнюю дыру. И папа наказывал держаться от нее подальше».

Но неуместное, почти нездоровое любопытство не позволяло уйти. Он приближался к краю шаг за шагом, понимая, что теперь, когда деревянный кол остался вне досягаемости, ухватиться не за что, а земля под ногами действительно рыхлая. Да и по самому краю он видел углубления, напоминающие просевшие могилы, и понимал, что это места прежних обрушений.

Сердце колотилось в груди, как тяжелые, мерные удары сапог печатающего шаг солдата, когда Майк все-таки добрался до края и посмотрел вниз.

Птица, гнездившаяся в провале, посмотрела вверх.

Поначалу Майк не поверил тому, что увидел. Все нервы и проводящие пути в его теле, казалось, парализовало, в том числе и те, что передавали мысли. И причина заключалась не только в шоке, вызванным видом чудовищной птицы, птицы с оранжевой, как у зарянки, грудкой и обыденно-серыми, как у воробья, перьями: просто сама встреча оказалась совершенно неожиданной. Он думал, что увидит бетонные монолиты и покореженные машины, наполовину утопшие в черной грязи и затхлых лужах, а не гигантское гнездо, заполнившее провал от края до края, из конца в конец. И тимофеевки в этом гнезде вполне хватило бы на девять стогов сена, но эта трава была серебристая и старая. Птица сидела в самом центре гнезда, ее глаза, с желтыми ободками, были черными и блестящими, как свежий, еще теплый гудрон, и на мгновение, прежде чем Майк вышел из ступора, он увидел свое отражение в каждом из них.

А потом земля поползла и стала уходить из-под ног. Он услышал, как рвутся корни травы, и понял, что скользит вниз.

Майк с криком отскочил назад, размахивая руками, чтобы сохранить равновесие. Не сохранил и тяжело упал на забросанную мусором землю. Что-то тупое и твердое вдавилось ему в спину, он успел подумать о стуле наказаний. А потом услышал биение крыльев: птица с шумом вспорхнула из гнезда.

Он поднялся на колени, пополз подальше от края, оглядываясь через плечо, и увидел, как птица поднимается над провалом. Он увидел, что лапы у нее темно-желтые, покрытые чешуей, с длинными когтями, а размах каждого крыла больше десяти футов, и пожухлая тимофеевка летела во все стороны, будто от ветра, поднятого вертолетными лопастями. Птица издала противный пискляво-чирикающий крик. Несколько перьев оторвались от крыльев и по спиралям начали планировать в провал.

Майк вскочил и побежал.

Он мчался через поле, больше не оглядываясь, боясь оглянуться. Птица была не похожа на Родана, но он чувствовал, что это дух Родана, поднявшийся из провала, образовавшегося на месте Металлургического завода Китчнера, будто ужасная «птица-из-коробочки». Он споткнулся, упал на одно колено, поднялся. Снова бросился бежать.

Вновь раздался противный пискляво-чирикающий крик. Тень накрыла Майка, и когда он поднял голову, то увидел эту жуткую птицу: она пролетела менее чем в пяти футах над его головой. Ее клюв, грязно-желтый, открывался и закрывался, обнажая розовое нутро. А птица уже разворачивалась, чтобы вернуться к Майку. Ветер, вызванный взмахами ее крыльев, бил в лицо, принося с собой сухой неприятный запах: запах чердачной пыли, старых вещей, истлевающей материи.

Он метнулся налево и вновь увидел лежащую на земле дымовую трубу. Устремился к ней со всех ног, работая и руками, чтобы бежать еще быстрее. Птица закричала, он услышал шум крыльев. Они хлопали, как паруса. Что-то ударило его по затылку. Теплый огонь пролился на шею. Он почувствовал, как кровь стекает ниже, под воротник рубашки.

Птица разворачивалась вновь, намереваясь подхватить его когтями и унести, как ястреб уносит полевую мышь. Намереваясь унести его в свое гнездо. Намереваясь съесть его.

И когда птица полетела на него, бросилась на него, гипнотизируя черными, ужасными, сверкающими глазами, Майк резко рванул вправо. Птица промахнулась — самую малость. Его снова окутал удушающий, невыносимый, сухой запах ее крыльев.

Теперь он бежал параллельно свалившейся дымовой трубе, так быстро, что наружные облицовочные плитки сливались между собой. Он видел, где заканчивается труба. Если бы успел добежать до конца, резко свернуть влево и нырнуть внутрь, еще можно спастись, — птица слишком велика, чтобы залезть в трубу. Но его планы могли и не осуществиться. Птица опять ринулась на него, сблизившись, поднялась над ним, хлопая крыльями, которые гнали воздух, как ураган, вытянув к нему чешуйчатые лапы, и начала спускаться. Закричала вновь, и на этот раз Майку показалось, что в голосе птицы слышится триумф.

Он наклонил голову, поднял руку, прикрывая шею, и мчался вперед. Когти сомкнулись, и на мгновение птица держала его за предплечье. Ощущение было такое, будто его схватили невероятно сильные пальцы, оканчивающиеся твердыми ногтями. Они вдавились в кожу, как зубы. Хлопанье крыльев громом било в уши; он осознавал, что вокруг падают перья, некоторые скользили по щекам, словно одаривая его фантомными поцелуями. Птица начала подниматься, и Майк почувствовал, что его тащат вверх, он вытянулся во весь рост, привстал на цыпочки... на миг кеды оторвались от земли.

— ОТПУСТИ меня! — проорал он и крутанул руку. Еще мгновение когти держали его, потом он услышал, как рвется рукав. Подошвы соприкоснулись с землей. Птица пронзительно закричала. Майк снова побежал, сквозь перья хвоста, задыхаясь от этого сухого запаха. Словно проскочил завесу из перьев.

Кашляя, спотыкаясь, Майк завернул в дымовую трубу. Глаза щипало от слез и пыли, покрывавшей перья птицы. На этот раз он даже не думал о том, какие твари могут обитать в трубе. Он вбежал в темноту, вырывавшееся изо рта шумное дыхание эхом отразилось от стен. К кругу яркого света на срезе трубы он обернулся, пробежав футов двадцать. Грудь быстро-быстро поднималась и опадала. Внезапно его осенило: если он неправильно соотнес размеры птицы и внутренний диаметр трубы, можно считать, что он совершил самоубийство, с тем же успехом он мог поднести ко лбу отцовский дробовик и нажать на спуск. Потому что отходного пути не было.

Он спрятался не в трубе, а в тупике: другим концом она уходила в землю.

Опять послышался противный крик, и внезапно яркий круг света померк: птица опустилась на землю у трубы. Майк увидел ее желтые, чешуйчатые лапы, толстые, как ствол дерева. Потом она наклонила голову и заглянула в трубу. И вновь Майку пришлось смотреть в эти отвратительно яркие глаза цвета свежего гудрона с золотыми обручальными кольцами радужных оболочек. Клюв птицы открывался и закрывался, открывался и закрывался, и всякий раз, когда он закрывался, Майк слышал явственный стук, какой раздается в собственных ушах, если ты щелкаешь зубами. «*Острый*, — подумал Майк. — *Клюв острый. Наверное, я знал, что у птиц острые клювы, но раньше как-то об этом не задумывался*».

Птица снова издала пискляво-чирикающий крик. В узком канале трубы он прозвучал так громко, что Майк заткнул уши руками.

И тут птица полезла в трубу.

— Нет! — крикнул Майк. — Нет, ты не сможешь!

Свет мерк все сильнее по мере того, как птица втискивалась в трубу (*«Господи, почему я забыл, что птицы кажутся такими большими из-за перьев? Почему я забыл, что они могут сжиматься?»*) Свет мерк... мерк... исчез.

И осталась только чернильная тьма, удушающий сухой чердачный запах птицы и шуршание перьев о стенки.

Майк упал на колени, принялся ощупывать закругляющийся пол дымовой трубы. Нашел кусок облицовки. Острые края поросли каким-то мхом. Он замахнулся и швырнул кусок облицовки, послышался глухой удар. Птица вновь издала пискляво-чирикающий крик.

— Убирайся отсюда! — взвизгнул Майк.

Ему ответила тишина... затем шуршание возобновилось: птица продолжала втискиваться в трубу. Майк ощупывал пол, находил новые куски облицовки и швырял их в птицу. Они попадали в нее, Майк слышал глухие удары, а потом падали на пол.

«Пожалуйста, Господи, — бессвязно думал Майк, — *пожалуйста, Господи, пожалуйста, пожалуйста, Господи...»*

В голову пришла мысль о том, что он мог бы отступить в глубину трубы. Он находился у самого ее основания, а дальше внут-

ренний диаметр трубы наверняка уменьшался. Он мог отступать, слушая шуршание крыльев об облицовку. Он мог отступать и при удаче миновать ту точку, дальше которой птица уже не протиснется.

Но... а если птица застрянет?

Если б такое случилось, он и птица умерли бы в этой трубе вместе. Умерли бы вместе и вместе сгнили. В темноте.

— Пожалуйста, Господи! — вскричал он, не отдавая себе отчета в том, что слова эти произнес вслух. Бросил еще один кусок облицовки, и на этот раз бросил с куда большей силой — почувствовал, как потом рассказал друзьям, будто в тот момент кто-то стоял позади него, и этот кто-то придал его руке невероятную мощь. Теперь удар вышел не глухим, как о перья, а чавкающим, словно ребенок шлепнул рукой по поверхности еще не застывшего желе. И птица закричала уже не от злости, а от боли, забила крыльями, вонючий воздух хлынул на Майка со скоростью урагана, грозя сорвать одежду, заставил отступить, кашляя и задыхаясь.

Свет появился вновь. Сначала слабый и серый, потом все ярче и ярче по мере того, как птица вылезала из трубы. Майк разрыдался, снова упал на колени и принялся лихорадочно собирать куски облицовки. Ни о чем не думая, побежал с набранными кусками вперед (при свете он видел, что облицовка покрыта мхом и лишайником, как надгробия из сланца). Он намеревался ни при каких обстоятельствах не позволить птице вновь влезть в трубу.

Птица наклонилась вниз, повернула голову, как иногда, сидя на шестке, поворачивает голову дрессированная птица, и Майк увидел, куда угодил последний брошенный им кусок облицовки. От правого глаза птицы мало что осталось. Блестящее озерцо свежего гудрона превратилось в кровавый кратер. Беловато-серая слизь капала из угла глазницы и стекала по боковой стороне клюва. Маленькие черви копошились в этом гное.

Птица увидела его и рванулась вперед. Майк принялся швырять куски облицовки. Они ударяли по голове и клюву. Птица отступила, и тут же снова пошла в атаку, раскрыв клюв, обнажив его розовое нутро, обнажив нечто такое, от чего Майк на мгновение остолбенел, застыл, разинув рот. Его поразил язык птицы — цвета серебра, потрескавшийся, как вулканическая поверхность. Сначала застывшая, потом сглаженная.

И на этом языке, как необычные перекати-поле, нашедшие там временное убежище, яркими оранжевыми пятнами выделялись несколько вздутий-волдырей.

Последний кусок облицовки Майк бросил в эту раззявленную пасть, и птица вновь отступила, крича от раздражения, ярости и боли. Еще какое-то мгновение Майк мог видеть ее чешуйчатые лапы с когтями... потом захлопали крылья, и птица исчезла.

В следующее мгновение он уже поднял лицо (теперь буровато-серое от налета пыли, грязи и частичек мха, которые крылья-вентиляторы швыряли в него) к цокающим звукам когтей по облицовке. Чистыми на лице Майка оставались только дорожки слез.

Птица взад-вперед ходила над головой: тук-тук-тук-тук.

Майк отступал в глубь трубы, собирал куски облицовки, переносил их к выходу, насколько решался близко. Если эта тварь снова сунется в трубу, он будет расстреливать ее в упор. Свет не тускнел: стоял май, до темноты оставалось еще очень далеко... но, вдруг птица останется на трубе, поджидая его? Майк судорожно сглотнул. Почувствовал, как трутся сухие стенки гортани.

Сверху доносилось: тук-тук-тук.

Горка набралась приличная. В сумраке трубы, куда проникал только отблеск солнечных лучей, куски облицовки казались черепками разбитой посуды, которые домохозяйка смела вместе. Майк вытер грязные ладони о джинсы, приготовившись ждать дальнейшего поворота событий.

Он не мог сказать, сколько прошло времени, прежде чем что-то произошло, — пять минут или двадцать пять. Слышал только, как над головой вышагивает птица, словно человек, мучающийся бессонницей и в три часа ночи меряющий шагами спальню.

Потом раздалось хлопанье крыльев. Птица приземлилась перед трубой. Майк, который стоял на коленях за горкой боезапаса, принялся швырять куски облицовки еще до того, как птица наклонила голову и заглянула в трубу. Один угодил в покрытую желтой чешуей лапу, и по ней потекла кровь, черная, как глаз птицы. Теперь уже Майк издал торжествующий крик, растворившийся в разъяренном клекоте птицы.

— Убирайся отсюда! — закричал Майк. — Я буду калечить тебя, пока ты не уберешься, Богом клянусь, буду!

Птица вернулась на трубу и возобновила патрулирование.

Майк ждал.

Наконец крылья захлопали вновь: птица улетела. Майк замер, ожидая, что желтые лапы, так похожие на куриные, появятся опять. Не появились. Он подождал еще, предполагая, что это какой-то трюк, но потом понял, что ждет совсем по другой причине. Он ждал, потому что боялся высунуться из трубы, боялся покинуть безопасное убежище.

«Нет! Чушь! Я же не трус!»

Он набрал полные горсти облицовки, несколько кусков сунул за пазуху. Вышел из трубы, пытаясь смотреть во все стороны сразу, жалея, что у него нет глаз на затылке. Увидел только поле, расстилающееся вперед и вокруг него и разбросанные тут и там ржавеющие остатки Металлургического завода Китчнера. Оглянулся, в полной уверенности, что сейчас увидит птицу, сидящую на дымовой трубе, как стервятник, теперь одноглазый стервятник, дожидающийся, чтобы мальчик увидел ее. А уж потом... потом птица бросится на него, чтобы заклевать и разорвать острым клювом.

Но птицу он не увидел.

Она действительно улетела.

И нервы Майка не выдержали.

Он издал душераздирающий вопль страха и помчался к покосившемуся забору, который отделял поле от дороги. Куски облицовки выпали у него из рук, другие вывалились из рубашки, после того как ее подол вылез из-под пояса. Он перемахнул через забор, ухватившись одной рукой, совсем, как Рой Роджерс*, выпендривающийся перед Дейл Эванс, когда они возвращались из загона для скота вместе с Пэтом Брейди и другими ковбоями. Он схватил велосипед за руль и пробежал с ним сорок футов, прежде чем отважился сесть в седло. Потом в безумном темпе заработал педалями, не решаясь оглянуться, не решаясь сбросить скорость, пока не добрался до пересечения Пастбищной дороги и Внешней Главной улицы, по которой непрерывным потоком и в обе стороны мчались автомобили.

---

* Рой Роджерс (1911—1998, настоящее имя Леонард Франклин Слай) — певец и актер-ковбой. Вместе со второй женой Дейл Эванс (1912—2001) и собакой, немецкой овчаркой Пулей снялся более чем в сотне фильмов. По телевидению «Шоу Роя Роджерса» шло в 1951—1957 гг. Его неизменным участником был и давний друг Роя, Пэт Брейди (1914—1972).

Когда он приехал домой, отец менял свечи в тракторном двигателе. Уилл отметил, что Майк очень уж потный и грязный. Майк, замявшись на долю секунды, ответил, что свалился с велосипеда по дороге домой, когда слишком резко вывернул руль, объезжая рытвину.

— Ничего не сломал, Майки? — спросил Уилл, чуть более пристально, чем обычно, глядя на сына.

— Нет, сэр.

— Не растянул?

— Нет.

— Точно? — Майк кивнул. — Сувенир привез?

Майк сунул руку в карман и нашел шестеренку. Показал отцу, который коротко глянул на нее, а потом подцепил с ладони крошку облицовки. Она, похоже, заинтересовала его гораздо больше.

— От дымовой трубы? — спросил Уилл.

Майк кивнул.

— Заходил в нее?

Майк снова кивнул.

— Увидел там что-нибудь? — спросил Уилл, и тут же, чтобы превратить вопрос в шутку (хотя не звучал он, как шутка), добавил: — Спрятанный клад?

Чуть улыбнувшись, Майк покачал головой.

— Что ж, только не говори матери, что ты залезал в трубу, — предупредил Уилл. — Она застрелит сначала меня, а потом тебя. — Тут Уилл еще более пристально вгляделся в сына. — Майки, с тобой все в порядке?

— Что?

— Глаза у тебя какие-то больные.

— Наверное, устал, — ответил Майк. — Дорога туда и обратно — миль восемь или десять, не забывай. Помочь тебе с трактором, пап?

— Нет, на этой неделе я сделал с ним все, что хотел. Иди в дом и помойся.

Майк уже направился к двери, и тут отец окликнул его. Мальчик обернулся.

— Я не хочу, чтобы ты ходил туда, во всяком случае, пока они не справятся с этой бедой и не поймают человека, который это делает... ты там никого не видел? Никто не гнался за тобой, не кричал на тебя?

— Людей я там вообще не видел, — ответил Майк.

Уилл кивнул, закурил.

— Думаю, напрасно я тебя туда посылал. Такие старые развалины... иногда они могут быть опасны.

Их взгляды на мгновение встретились.

— Хорошо, папуля. Я и не хочу туда возвращаться. Там страшновато.

Уилл снова кивнул.

— Полагаю, чем меньше говорить об этом, тем будет лучше. Иди в дом и помойся. И скажи маме, чтобы она добавила тебе три или четыре сосиски.

Майк так и сделал.

6

«*Выброси из головы*, — говорил себе Майк, глядя на бороздки, которые подходили к бетонной стене Канала и исчезали, — *выброси из головы. Возможно, мне все приснилось и...*»

На бетонной стене Канала темнели пятна засохшей крови.

Майк посмотрел на них, потом — вниз, в Канал. Черная вода текла мимо. К стенам липли сгустки грязно-желтой пены, иногда отрывались, неспешно плыли по течению, дугами или петлями. На мгновение (только на мгновение) два комка этой пены слились и вроде бы сквозь них проступило лицо, лицо мальчика, являвшее собой воплощение боли и ужаса.

У Майка перехватило дыхание.

Но пена оторвалась, лицо исчезло, и в тот же момент справа послышался громкий всплеск. Он повернул голову, чуть подавшись назад, и на мгновение ему показалось, будто он что-то увидел в тени тоннеля, после которого река, пройдя под центром города, вновь выходила на поверхность.

А потом это что-то исчезло.

Импульсивно, похолодев и дрожа всем телом, Майк вытащил из кармана перочинный ножик, который нашел в траве, и бросил в Канал. Послышался негромкий всплеск, круг начал расходиться от того места, где ножик упал в воду, превратился потоком в наконечник стрелы... и не осталось ничего.

Ничего, кроме страха, который вдруг принялся душить его, и абсолютной уверенности, что рядом что-то есть, это что-то наблюдает за ним, прикидывает возможности, выжидает удобного момента.

Он повернулся, с намерением ровным шагом вернуться к велосипеду (пустившись бегом, он бы возвеличивал свои страхи и унижал себя), и тут снова раздался громкий всплеск. Пожалуй, даже еще более громкий. В следующее мгновение Майк уже бежал со всех ног, только пятки сверкали, к воротам и велосипеду, ударом каблука он поднял опору и принялся крутить педали. Этот запах моря вдруг сделался таким густым... слишком густым. Он окутывал Майка со всех сторон. И вода капала с мокрых ветвей деревьев слишком громко.

Что-то шло следом. Он слышал шуршание шагов по траве.

Стоя на педалях, выкладываясь полностью, Майк свернул на Главную улицу, даже не оглянувшись. Он мчался домой как мог быстро, гадая, что, скажите на милость, заставило его приехать в парк в такую рань... что влекло его туда?

А потом попытался думать о том, что предстояло сделать сегодня на ферме, только о том, что предстояло сделать сегодня на ферме, ни о чем, кроме того, что предстояло сделать сегодня на ферме. И через какое-то время ему это удалось.

На следующий день, увидев заголовок в газете: «ПРОПАВШИЙ МАЛЬЧИК ВНУШАЕТ НОВЫЕ СТРАХИ», Майк подумал о перочинном ножике, который бросил в Канал, перочинном ножике с инициалами «ЭК», нацарапанными на боковой поверхности. Подумал о крови, которую видел на траве.

И подумал о бороздках, которые обрывались у Канала.

Глава 7
ПЛОТИНА В ПУСТОШИ

1

Ранним утром, примерно без четверти пять, при взгляде с автострады Бостон кажется городом, глубоко задумавшимся над какой-то трагедией из собственного прошлого — эпидемией чумы или другим бедствием. Запах соли, тяжелый и удушающий, накатывает с океана. Клочья утреннего тумана скрывают многое из того, что без них оставалось бы на виду.

Продвигаясь по Сторроу-драйв, сидя за рулем черного «кадиллака» модели 1984 года, который получил у Бутча Кэррингтона в «Кейп-Код лимузин», Эдди Каспбрэк думает, что может ощутить возраст этого города; возможно, в Соединенных Штатах ощутить такое можно только здесь. Бостон — мальчишка в сравнении с Лондоном, младенец в сравнении с Римом, но, по американским меркам, он по меньшей мере старик, и еще какой. Стоял на этих холмах триста лет тому назад, когда о Чайном законе* и об Акте о гер-

* Чайный закон принят английскими властями в 1773 г., разрешив Ост-Индской компании продавать чай в североамериканских колониях напрямую, без «каких-либо пошлин или сборов» в Великобритании, вместо значительно меньшей американской пошлины. Это позволило компании продавать чай по цене вдвое ниже, чем ранее, а также дешевле, чем в Великобритании и любых предложений местных чайных торговцев и контрабандистов. Последовавшее за принятием закона «Бостонское чаепитие» считается началом американской революции.

бовом сборе* никто не задумывался, а Пол Ривир** и Патрик Генри*** еще не родились.

Возраст города, его молчание, его туман с запахом океана, все это вызывает у Эдди нервозность. А когда Эдди нервничает, он тянется за ингалятором. Сует его в рот и выпускает в горло струю оживляющего газа.

На улицах, которые он проезжает, ему встречаются редкие люди, на пешеходных мостиках, перекинутых через дорогу, — он видит одного-двух человек. Они развеивают возникшие ассоциации с рассказом Лавкрафта об обреченных городах, древнем зле, монстрах с невыговариваемыми именами. Он проезжает автобусную остановку, на которой толпятся официантки, медсестры, муниципальные служащие с беззащитными, опухшими от сна лицами. На остановке видит табличку «КЕНМОР-СКВЕР ЦЕНТР ГОРОДА».

«*Это правильно*, — думает Эдди, проезжая под щитом-указателем «МОСТ ТОБИНА». — *Это правильно, пользоваться автобусами. Забудьте про подземку. Подземка — идея не из лучших; я бы не спускался туда, будь я на вашем месте. Только не вниз. Только не в тоннели*».

И какая же это скверная мысль; если он не сможет избавиться от нее, ему придется снова воспользоваться ингалятором. Он рад, что на мосту Тобина автомобилей прибавляется. Он проезжает мимо мастерской по изготовлению надгробий. На кирпичной стене надпись — вызывающее легкую тревогу предостережение:

«СБАВЬТЕ СКОРОСТЬ! МЫ МОЖЕМ ПОДОЖДАТЬ».

А этот зеленый, светоотражающий указатель с надписью «К АВТОСТРАДЕ 95, ШТАТ МЭН, НЬЮ-ХЭМПШИР, СЕВЕР НОВОЙ АНГЛИИ». Пальцы Эдди на мгновение сплавились с рулем «кадиллака». Ему хотелось бы верить, что это начало какого-то заболевания, вирусной

---

* Акт о гербовом сборе принят английскими властями в 1765 г. в отношении североамериканских колоний. Отныне за каждую торговую сделку, выпуск газеты, книги, игральных карт, публикацию объявления, за оформление любого документа колонисты должны были платить налог.

** Ривир, Пол (1735—1818) — герой американской революции.

*** Генри, Патрик (1736—1799) — герой американской революции, один из отцов-основателей Соединенных Штатов Америки.

инфекции или одной из «фантомных лихорадок» матери, но он знает: дело в другом. Причину следует искать в оставшемся позади городе, молчаливо застывшем на грани дня и ночи, в том, что обещал этот указатель, к которому он приближался. Он болен, это точно, но его болезнь — не вирусная инфекция и не фантомная лихорадка. Его отравили собственные воспоминания.

«Я боюсь, — думает Эдди. — *В этом всегдашний корень всех зол. Страх. Отсюда все и шло. Но, в конце концов, думаю, что-то мы с этим сделали. Мы его использовали. Но как?»*

Он не может вспомнить. Задается вопросом, смогут ли остальные? Надеется, что смогут. Для их же блага.

Грузовик проезжает слева. Эдди едет с включенными фарами, и теперь выключает их, пока грузовик обгоняет его. Проделывает это, не думая. Реакция автоматическая, свойственная тем, кто зарабатывает на жизнь, крутя баранку. Невидимый водитель грузовика дважды мигает фарами, благодаря Эдди за вежливость. Если бы все могло быть таким простым и понятным, думает он. Следуя указателям, выруливает на А-95. На север машин идет мало, зато полосы движения в южном направлении начинают заполняться даже в столь ранний час. Эдди ведет большой автомобиль, в большинстве случаев предугадывая информацию на знаках-указателях, заранее перестраиваясь в соответствующую полосу движения. Прошли годы, в прямом смысле годы, с тех пор, как он последний раз ошибся и проехал мимо нужного ему съезда. Выбор полосы происходит так же автоматически, как переключение яркости фар, так же автоматически, как когда-то он безошибочно находил дорогу в переплетении тропинок Пустоши. Он никогда не выезжал из центра Бостона, а это город, в хитросплетениях дорог которого не под силу разобраться многим опытным водителям, но у Эдди никаких сложностей не возникает.

Внезапно в голове всплывает еще одно воспоминание о том лете, обращенная к нему фраза Билла: «У те-ебя в-в го-олове ко-о-омпас, Э-Э-Эдди».

Какое удовольствие доставила тогда эта фраза! Она приятна ему и сейчас, когда «Дорадо» модели 1984 года выезжает на платную магистраль. Он ведет лимузин со скоростью пятьдесят семь миль в час, не вызывающей претензий у копов, находит на радио спокойную музыку. Полагает, что тогда умер бы ради Билла, если б

возникла такая необходимость; если бы Билл попросил, Эдди ответил бы: «Конечно, Большой Билл... ты уже определился со временем?»

Эдди смеется от этих мыслей... скорее даже не смеется, а хрюкает, и этот звук вызывает у него настоящий смех. Он редко смеется в эти дни, и, конечно же, не ожидает, что его ждет много ржачек («ржачка» — одно из словечек Ричи, как и «поржать», его вопрос: «Сегодня поржать удалось, Эдс?») в этом мрачном паломничестве. Но, полагает он, если Бог настолько злораден, чтобы проклинать верующих за то, что они хотят больше всего в жизни, тогда Он, возможно, может снизойти до того, чтобы подбросить тебе пару ржачек.

— В последнее время тебе удавалось поржать, Эдс? — громко говорит Эдди и снова смеется. Чел, как же его бесило, когда Ричи называл его Эдс... но при этом ему в каком-то смысле и нравилось. Точно так же, по его наблюдениям, и Бену Хэнскому нравилось прозвище, которое дал ему Ричи, — Стог. Что-то вроде... тайного имени. Тайной идентификации. Способ стать человеком, никаким боком не связанным с родительскими страхами, надеждами, постоянными требованиями. Не случайно же Ричи то и дело переходил на свои любимые Голоса, возможно, он знал, сколь важно таким слюнтяям, как они, иной раз почувствовать себя другими людьми.

Эдди смотрит на мелочь, аккуратно уложенную на приборном щитке «Дорадо»: мелочь на щитке — еще один признак профессионализма в их деле. Когда приближается будка с кассиром, кому охота рыться в поисках мелочи, кому охота обнаружить, что ты подъезжаешь к будке с кассовым автоматом, а нужной мелочи у тебя нет?

С обычными монетами соседствуют два или три серебряных доллара с профилем Сьюзен Б. Энтони*. Эти монеты, отмечает Эдди, в наши дни можно найти только в карманах нью-йоркских шоферов и таксистов, точно так же, как в окошечке выплат на ипподроме можно увидеть множество двухдолларовых купюр. И он всегда держит под рукой несколько таких монет, потому что их принимают роботы-кассиры на мостах Джорджа Вашингтона и Трайборо.

Новые воспоминания приходят в голову: серебряные доллары. Не эти поддельные медные сандвичи, а настоящие серебряные доллары, с отчеканенной на них статуей Свободы в просвечивающих

* Энтони, Сьюзен Браунелл (1820—1906) — активистка борьбы за женские права. Доллары с ее профилем выпускались в 1979—1981 гг. Их чеканку возобновили в 1999 г.

одеждах. Серебряные доллары Бена Хэнскома. Да, но разве не Билл однажды использовал одно из этих серебряных «фургонных колес», чтобы спасти их жизни? Он в этом не уверен, если на то пошло, он вообще мало в чем уверен... или ему просто не хочется вспоминать?

«*Было темно*, — внезапно думает он. — *Это я помню. Было темно там*».

Бостон уже позади, и туман начинает рассеиваться. Впереди МЭН, НЬЮ-ХЭМПШИР, ВЕСЬ СЕВЕР НОВОЙ АНГЛИИ. Впереди Дерри, и что-то в Дерри. Этому нечто полагалось умереть двадцать семь лет назад, а оно каким-то образом не умерло. Нечто многоликое, как Лон Чейни. Но что это на самом деле? Разве они не видели Оно в подлинном обличье, со всеми сорванными масками?

Да, он может вспомнить так много... но не все.

Он помнит, как любил Билла Денбро; он помнит это достаточно хорошо. Билл никогда не насмехался над его астмой. Никогда не называл маменькиным сынком. Он любил Билла, как мог бы любить старшего брата... или отца. Билл находил чем заняться, куда пойти, на что посмотреть. Билл никогда не возражал против того, что могло оказаться интересным. Когда ты бежал с Биллом, ты бежал, чтобы обогнать дьявола, и ты смеялся... но у тебя никогда не перехватывало дыхание. И Эдди мог сказать миру, как же это было здорово, бежать, не боясь, что у тебя перехватит дыхание, чертовски здорово. В компании с Биллом повод для ржачки появлялся каждый день, и не раз.

— Конечно, парень, КАЖ-дый день, — говорит он голосом Ричи Тозиера, и снова смеется.

Это Билл предложил построить плотину в Пустоши, и в каком-то смысле именно плотина свела их вместе. Бен Хэнском показал им, как можно построить плотину, — и они построили ее так хорошо, что потом у них возникли проблемы с мистером Неллом, патрульным, но идея принадлежала Биллу. И хотя всем им, за исключением Ричи, случилось увидеть что-то странное, что-то пугающее в Дерри уже в этом году, именно Биллу хватило смелости первому рассказать об увиденном другим.

Эта плотина.

Эта чертова плотина.

Он вспомнил Виктора Крисса: «*Пока, мальчики. Это была действительно очень маленькая, детская плотина, поверьте мне. Вам без нее только лучше*».

А днем позже Бен Хэнском широко улыбался, говоря им:
— *Мы сможем...*
— *Мы сможем затопить...*
— *Мы сможем затопить всю...*

2

— *...всю Пустошь, если захотим.*

Билл и Эдди с сомнением посмотрели на Бена, потом на принесенные им доски (украденные со двора мистера Маккиббона, но в этом не было ничего дурного, потому что мистер Маккиббон наверняка украл их у кого-то еще), кувалду и лопату.

— Ну, не знаю. — Эдди посмотрел на Билла. — Вчера ничего у нас не вышло. Поток уносил наши палки.

— Сегодня выйдет. — Бен тоже смотрел на Билла в ожидании окончательного решения.

— Что ж, да-авайте по-опробуем, — решил Билл. — Я по-озвонил Ри-и-ичи Тозиеру сего-о-одня утром. Он с-с-сказал, что по-одойдет по-озже. Может, он и С-С-Стэнли захотят по-омочь.

— Какой Стэнли? — спросил Бен.

— Урис, — ответил Эдди, продолжая смотреть на Билла, который сегодня казался каким-то не таким — более спокойным, вроде бы потерявшим интерес к строительству плотины. Да еще и выглядел таким бледным. Отстраненным.

— Стэнли Урис? Вроде бы я его не знаю. Он учится в начальной школе Дерри?

— Он наш ровесник, но окончил только четвертый класс, — пояснил Эдди. — Пошел в школу на год позже, потому что в детстве много болел. Ты думаешь, что тебе вчера досталось, но ты должен радоваться, что ты не Стэнли. На Стэнли постоянно кто-нибудь спускает собак.

— Он е-е-еврей, — вставил Билл. — М-многие не лю-юбят его, потому что о-он е-еврей.

— Да? — Бена это заинтересовало. — Еврей, значит? — Он помолчал. — Это все равно что быть турком или кем-то вроде египтянина?

— Я ду-умаю, бо-ольше по-охоже на турка. — Билл взял одну из досок, принесенных Беном, осмотрел ее. Длиной примерно в шесть

футов и шириной в три. — Мой па-апа говорит, что у бо-ольшинства е-евреев большие но-осы и много де-е-енег, но у С-С-Стэ...

— Но у Стэнли обычный нос и никогда нет ни цента, — закончил за него Эдди.

— Да, — кивнул Билл и впервые за день по-настоящему улыбнулся.

Улыбнулся и Бен.

Улыбнулся и Эдди.

Билл отбросил доску, поднялся, стряхнул землю с джинсов. Подошел к краю речки, и двое мальчишек присоединились к нему. Билл засунул руки в задние карманы джинсов и глубоко вздохнул. Эдди не сомневался, что Билл собирается сказать что-то важное. Он переводил взгляд с Эдди на Бена и обратно, больше не улыбаясь. Эдди вдруг испугался.

Но Билл всего лишь спросил:

— И-ингалятор при тебе, Э-Эдди?

Эдди хлопнул себя по карману.

— Залит до горлышка.

— Слушай, а как получилось с шоколадным молоком? — спросил Бен.

Эдди рассмеялся:

— Лучше не бывает. — Теперь они смеялись оба, а Билл смотрел на них, улыбаясь и недоумевая. Эдди объяснил, и улыбка Билла стала шире.

— Ма-а-ама Э-Э-Эдди бо-оится, что он с-сломается, а о-она не-не с-сможет по-олучить во-о-озмещение.

Эдди фыркнул, и сделал вид, будто пытается сбросить Билла в речку.

— Осторожнее, придурок. — Билл в точности копировал голос и интонации Генри Бауэрса. — А не то я так разверну твою голову, что ты будешь видеть, как подтираешься.

Бен плюхнулся на землю, корчась от смеха. Билл смотрел на него, держа руки в задних карманах джинсов, улыбаясь, но все-таки чуть отстраненный, занятый какими-то своими мыслями. Он повернулся к Эдди, мотнул головой в сторону Бена:

— Па-арень с-слабоумный.

— Да, — кивнул Эдди, но чувствовал, что они только притворяются, будто хорошо проводят время. Билла что-то тяготило. Он предполагал, что Билл поделится с ними, когда сочтет нужным. Но хотел ли он это слышать? — Умственно отсталый.

— Умственно отсталый, — давясь смехом, повторил Бен.

— Т-ты со-обираешься по-оказать н-нам, как с-с-строить п-плотину или т-так и бу-удешь ве-есь д-день си-идеть н-на с-своей то-олстой за-аднице?

Бен вновь поднялся. Сначала посмотрел на медленно текущую воду. Так далеко в Пустоши Кендускиг шириной не поражал, но тем не менее днем раньше река взяла над ними верх. Ни Эдди, ни Билл не смогли сообразить, как закрепить плотину в потоке. Но Бен улыбался улыбкой человека, собирающегося сделать что-то новое для себя... скорее, забавное, чем сопряженное с какими-то трудностями. Эдди подумал: «*А ведь он знает как... я не сомневаюсь — знает*».

— Ладно, — кивнул Бен. — Вам, парни, лучше разуться, потому что нежные ножки придется намочить.

И тут же в голове раздался голос матери, строгий и требовательный, как у копа-регулировщика: «*Не смей этого делать, Эдди! Не смей! Мокрые ноги — прямой путь, один из тысяч путей к простуде, а простуда ведет к пневмонии, так что не смей этого делать!*»

Билл и Бен уже сидели на берегу, снимали обувку и носки. Потом Бен принялся закатывать штанины джинсов. Билл посмотрел на Эдди. Тепло и сочувственно. И Эдди внезапно понял: Большой Билл точно знает, о чем он думает, и ему стало стыдно.

— Т-ты и-идешь?

— Да, конечно, — ответил Эдди. Сел на берег и принялся разуваться, пока мать бушевала у него в голове... но с безмерным облегчением отметил, что голос удаляется и становится тише, будто кто-то зацепил ее тяжелым рыболовным крючком за воротник блузы и теперь сматывает леску и оттаскивает по очень длинному коридору.

3

Это был один из тех идеальных летних дней (в мире, где все путем), которые не забываются никогда. Легкий ветерок разгонял комаров и мошкару. Над головой сияло чистое хрустальное небо. Температура превысила двадцать градусов, но не собиралась подниматься выше двадцати пяти. Птицы пели и занимались своими

птичьими делами в кустах и на невысоких деревьях. Эдди пришлось только раз воспользоваться ингалятором, а потом тяжесть из груди ушла, и дыхательные пути магическим образом расширились до размера автомагистрали. Забытый ингалятор более не покидал заднего кармана.

Бен Хэнском, еще вчера застенчивый и нерешительный, превратился в уверенного в себе генерала, как только дело дошло до строительства плотины. Время от времени он выбирался на берег и стоял, уперев в бока измазанные глиной руки, глядя на прогресс в работе и что-то бормоча себе под нос. Иногда проходился рукой по волосам, так что к одиннадцати часам они торчали смешными пиками в разные стороны.

Эдди поначалу испытывал неуверенность, потом его охватило веселье и, наконец, пришло совершенно новое чувство — странное, ужасающее и кружащее голову. Чувство, настолько инородное для его привычного состояния, что название ему он смог подобрать только вечером, лежа в постели, глядя в потолок и прокручивая в голове события ушедшего дня. Могущество. Вот что это было за чувство. Могущество. С плотиной все получалось, получалось даже лучше, чем они с Биллом (возможно, и Бен) могли и мечтать.

И он видел, что Билл постепенно увлекается — поначалу чуть-чуть, по-прежнему раздумывая над тем, что не давало ему покоя, потом все больше и больше. Пока с головой не ушел в работу. Раз или два он похлопал Бена по мясистому плечу и сказал, что тот просто супер. Бен после таких слов краснел от удовольствия.

Бен велел Эдди и Биллу поставить одну доску поперек потока и держать, пока он кувалдой не забьет ее в дно. «Готово, но тебе по-прежнему надо держать доску, иначе вода вытащит ее», — предупредил он Эдди, и тот остался посреди речки, держа доску, тогда как вода перекатывала через нее и его руки, придавая кистям форму морских звезд.

Бен и Билл поставили вторую доску в двух футах ниже по течению. Вновь Бен кувалдой забил ее в дно, а потом Билл держал доску, а Бен начал заполнять пространство между досками песчаной почвой с берега. Поначалу ее вымывало песчаными облачками, которые обтекали края доски, но, когда Бен начал добавлять камни и вязкую землю, облачка взвеси стали уменьшаться. Менее чем через двадцать минут он создал бурую перемычку из камней и

земли между двух досок, установленных посреди потока. Для Эдди все это выглядело как оптическая иллюзия.

— Будь у нас настоящий цемент... вместо всего лишь... земли и камней, им бы пришлось переносить весь город... на сторону Олд-Кейп к середине следующей недели. — Бен отложил лопату и сел передохнуть. Билл и Эдди рассмеялись, Бен им улыбнулся. И когда он улыбался, в чертах лица проступил призрак симпатичного молодого человека, каким ему предстояло стать. Уровень воды уже начал подниматься перед доской, которая стояла выше по течению.

Эдди спросил, что они будут делать с водой, которая обтекала доску с торцов.

— Пусть течет. Это не важно.

— Правда?

— Да.

— Почему?

— Точно объяснить не могу. Но надо, чтобы немного сливалось.

— Откуда ты знаешь?

Бен пожал плечами. «Просто знаю», — говорило это телодвижение, и Эдди вопросов больше не задавал.

Отдохнув, Бен взял третью доску (самую толстую из тех четырех или пяти, которые он притащил через весь город в Пустошь) и очень тщательно установил ее за доской, которая стояла ниже по течению, под углом к ней, одну боковину уперев в дно, а вторую — в доску, которую держал Билл, создав тем самым подкос, как и на вчерашнем рисунке.

— Готово. — Он отступил на шаг, вновь улыбнулся Биллу и Эдди. — Можете их больше не держать. Земляная перемычка между досками примет на себя давление воды. С остальным справится подкос.

— Вода не смоет его? — спросил Эдди.

— Нет. Вода будет только загонять его глубже.

— Если ты о-ошибся, мы те-ебя у-убьем, — пообещал Билл.

— Это круто, — добродушно ответил Бен.

Билл и Эдди отошли от плотины. Две доски, которые образовали ее основу, чуть затрещали, покачнулись... и... и все.

— Срань господня! — восторженно воскликнул Эдди.

— Это з-здорово, — Билл широко улыбнулся.

— Да, — кивнул Бен. — Давайте поедим.

4

Они уселись на берегу и поели, особо не разговаривая, наблюдая, как вода собирается перед плотиной и обтекает ее с торцов. Их усилиями берега уже начали трансформироваться, Эдди это видел. Отведенные на периферию потоки прорезали в них дугообразные пазы. У него на глазах изменившая направление течения вода вызвала небольшое обрушение на дальнем берегу.

Выше по течению, у самой плотины образовалось некое подобие круглой заводи, в одном месте вода выплеснулась на берег. Сверкающие, отражающие солнечный свет струйки побежали в траву и под кусты. Эдди начал медленно осознавать то, что Бен знал с самого начала: они уже построили плотину. А зазоры между торцами досок и берегами превратились в водоотводные каналы. Бен не мог сказать это Эдди, потому что не знал термина. Выше по течению Кендускиг становился все более полноводным. Журчание мелкого ручья, бегущего по камням, бесследно исчезло: все камни выше плотины ушли под воду. Время от времени куски дерна и земли с подмытых берегов с плеском падали в воду.

За плотиной русло практически пересохло; тоненькие ручейки бежали по центру, но не более того. Камни, которые находились под водой бог весть сколько времени, подсыхали под солнцем. Эдди смотрел на подсыхающие камни с изумлением... и с тем самым странным чувством. Они это сделали. Они. Он увидел прыгающую лягушку, и подумал, что мистер Лягушон, возможно, гадает, а куда делась вода. Тут Эдди громко рассмеялся.

Бен аккуратно складывал пустые обертки в пакет для ленча, который принес с собой. Эдди и Билл изумились количеству еды, которую доставал и деловито выкладывал из пакета Бен: два сандвича с арахисовым маслом и джемом, один сандвич с колбасой, сваренное вкрутую яйцо (плюс соль в клочке вощеной бумаги), две слойки с фруктовой начинкой, три больших печенья с шоколадной крошкой и кекс.

— И что сказала твоя мама, когда увидела, как сильно тебе досталось? — спросил Эдди.

— Г-м-м? — Бен оторвал взгляд от все увеличивающейся запруды перед плотиной. — А! Я знал, что вчера она собиралась в магазин за продуктами, поэтому успел прийти домой раньше нее. Принял ванну и вымыл волосы. Потом выбросил джинсы и свитер. Не

знаю, заметит ли она, что их нет. Свитер скорее всего не заметит, у меня свитеров много, а джинсы мне, наверное, придется купить. Прежде чем она начнет шарить в ящиках.

От мысли о том, что придется тратить собственные деньги на столь зряшную вещь, по лицу Бена пробежала тень.

— А ка-ак т-ты вы-ывернулся с-со с-своими си-иняками?

— Я сказал, что очень обрадовался окончанию занятий, выбежал из школы и свалился с лестницы. — Он удивился, даже немного обиделся, когда Эдди и Билл расхохотались. Билл, который как раз жевал кусок шоколадного торта, испеченного матерью, подавился, у него изо рта вылетел фонтан крошек, и его согнул приступ кашля. Эдди, по-прежнему хохоча, принялся колотить его по спине.

— Так я почти что упал с лестницы, — добавил Бен. — Только из-за толчка Виктора Крисса, а не потому, что бежал.

— Мне бы-ыло б-бы о-очень жа-арко в та-аком с-свитере. — Билл доел шоколадный торт.

Бен замялся. И, казалось, не хотел отвечать.

— В нем лучше, когда ты толстый. Я про свитер.

— Не видно твоего брюха? — спросил Эдди.

Билл фыркнул.

— Не ви-идно си-си-си...

— Да, моих сисек. И что с того?

— Да, — кивнул Билл. — И ч-что с то-ого?

Повисла неловкая пауза, а потом Эдди переключил их внимание на другое:

— Посмотрите, какой темной становится вода, когда обтекает плотину с этой стороны.

— Вот те на! — Бен вскочил. — Поток вымывает засыпку. Черт, какая жалость, что у нас нет цемента!

Нанесенный урон быстро компенсировали, но даже Эдди мог понять, что произойдет, если постоянно не подсыпать землю и камни в зазор между досками: поток все вымоет, доска, стоящая выше по течению упадет, за ней последует вторая доска, и с плотиной будет покончено.

— Мы можем укрепить края, — решил Бен. — Вымывание это не остановит, но оно замедлится.

— Если использовать только землю и песок, их вымоет, так? — спросил Эдди.

— Мы воспользуемся кусками дерна.

Билл кивнул, улыбнулся, составил большой и указательный пальцы правой руки в букву «о».

— По-ошли. Я и-их вы-ырою, а ты по-окажешь м-мне, ку-уда по-оложить, Большой Бен.

— Господи, — прозвучал за их спинами пронзительный, радостный голос, — у нас теперь пруд в Пустоши. Пупочная шерсть и все такое!

Эдди повернулся, заметив, как напрягся Бен при звуках незнакомого голоса, как поджались его губы. Выше них, на тропинке, которую днем раньше пересек Бен, стояли Ричи Тозиер и Стэнли Урис.

Ричи прыжками спустился к ним, не без интереса глянул на Бена, ущипнул Эдди за щеку.

— Не делай этого! Я терпеть не могу, когда ты так делаешь, Ричи.

— Брось, тебе это нравится, Эдс. — Ричи широко ему улыбнулся. — Так что ты говоришь? Сегодня поржать удалось или как?

5

Рабочий день их пятерка завершила около четырех часов пополудни. Они сидели на берегу, но уже гораздо выше (то место, где перекусывали Билл, Бен и Эдди, ушло под воду), и смотрели вниз на результаты своего труда. Даже Бену с трудом верилось в то, что он видел. К усталости и удовлетворенности достигнутым примешивались тревога и испуг. Думал он о «Фантазии»* и о том, что Микки Маус сумел привести в действие метлы... но не знал, как их остановить.

— Усраться и не жить, — пробормотал Ричи Тозиер и сдвинул очки к переносице.

Эдди посмотрел на него и увидел, что Ричи не паясничает, лицо у него задумчивое, даже серьезное.

На дальней стороне речки, там, где земля сначала поднималась, а потом резко шла вниз, они уже создали новое болото. Папорот-

* «Фантазия» — полнометражный мультипликационный фильм Уолта Диснея (1940 г.), состоящий из девяти частей. Одна из них — «Ученик чародея», которую и вспоминает Бен.

ник и остролист на фут ушли в воду. Даже с того места, где они сидели, не составляло труда увидеть, как болото выпускало все новые щупальца, распространяясь на запад. Перед плотиной Кендускиг, еще утром мелкий и безопасный, налился водой.

К двум часам дня расширяющееся водохранилище стало таким большим, что водосливы превратились чуть ли не в реки. Все, кроме Бена, отправились на поиски дополнительных стройматериалов. Бен остался у плотины, методично забрасывая дерном появляющиеся течи. Сборщики вернулись не только с новыми досками, но и с четырьмя лысыми покрышками, ржавой дверцей от легковушки «Хадсон-Хорнет» модели 1951 года и большим куском гофрированной стальной обшивки. Под руководством Бена они пристроили к исходной плотине два крыла, блокировав сток, и с этими крыльями, расположенными под углом к течению, плотина заработала еще лучше.

— Приложили эту речушку по полной программе, — прокомментировал Ричи. — Ты гений, чел.

Бен улыбнулся:

— Невелик труд.

— У меня есть «Винстон», — добавил Ричи. — Кто хочет?

Он достал из кармана брюк мятую красно-белую пачку и пустил по кругу. Эдди, думая о том, как вредно отразится сигарета на его астме, отказался. Стэн тоже отказался. Билл сигарету взял, Бен, после недолгого раздумья, последовал его примеру. Ричи вытащил книжицу спичек, с надписью «РОЙ-ТАН» на лицевой поверхности. Сначала дал прикурить Бену. Потом Биллу. Уже хотел прикурить сам, но Билл задул спичку.

— Премного тебе благодарен, Денбро, — вскинулся Ричи.

Билл виновато улыбнулся:

— Т-три на о-одну с-спичку — э-это к бе-еде.

— Беда у твоих стариков случилась, когда ты родился. — Ричи прикурил от другой спички. Лег, подложил руки под голову. Сигарета торчала вверх. — Вкуса «Винстон» лучше нет — эталон для сигарет. — Он чуть повернул голову, подмигнул Эдди: — Верно, Эдс?

Бен (Эдди это видел) смотрел на Ричи с восторгом, к которому примешивалась опаска. Эдди мог его понять. Он знал Ричи Тозиера уже четыре года, но так и не смог разобраться, что это за человек. Он знал, что Ричи получал пятерки и четверки за учебу, и при этом — тройки и двойки по поведению. Отец регулярно его за

это ругал, а мать плакала всякий раз, когда он приходил домой с такими оценками за поведение, и Ричи обещал исправиться и, возможно, даже исправлялся на пятнадцать минут или даже полчаса. К сожалению, Ричи не мог усидеть на месте больше минуты, а рот у него просто не закрывался. Здесь, в Пустоши, никаких проблем из-за этого у него не возникало, но Пустошь не была сказочной страной, а они могли оставаться бесшабашными парнями лишь несколько часов кряду (сама идея бесшабашного парня с ингалятором заставила Эдди улыбнуться). Главный недостаток Пустоши заключался в том, что из нее рано или поздно приходилось уходить, а когда они попадали в большой мир, дерьмо, которое так и перло из Ричи, постоянно приводило к столкновениям: то со взрослыми, что не сулило ничего хорошего, то с такими, как Генри Бауэрс, что было совсем плохо.

И сегодня он показал себя во всей красе. Бен Хэнском только открыл рот, чтобы что-то сказать, как Ричи уже бухнулся на колени у ног Бена. Принялся отвешивать поклоны, будто перед падишахом, распрямляясь, вскидывал руки вверх, наклоняясь — шлепал ими о землю. И при этом говорил одним из своих Голосов.

Голосов у Ричи было больше десятка. И как-то раз, когда в дождливый день они с Эдди сидели в комнатушке над гаражом Каспбрэков и читали комиксы о Маленькой Лулу, Ричи признался, что хочет стать величайшим в мире чревовещателем. Сказал, что хочет превзойти даже Эдгара Бергена* и собирается каждую неделю участвовать в «Шоу Эда Салливана»**. Эдди восхищали такие честолюбивые замыслы, но он уже видел проблемы, с которыми предстояло столкнуться Ричи. Во-первых, все Голоса Ричи не так уж и отличались от голоса Ричи Тозиера. Эдди не собирался утверждать, будто Ричи не способен рассмешить — очень даже способен. Удачная острота или громкий пердеж, по терминологии Ричи, не отличались: и то и другое он называл классным приколом... и частенько прикалывался и так и этак... но, к сожалению, обычно в совершенно неподходящей компании. Во-вторых, при чревовещании у Ричи шевелились губы: не чуть-чуть, а сильно, и не только на зву-

---

* Берген, Эдгар (1903—1978) — известный американский киноактер, обладатель премии «Оскар» и самый популярный чревовещатель (на сцене с 11 лет).

** «Шоу Эда Салливана» — популярнейшая еженедельная развлекательная программа, выходившая в эфир в 1949—1971 гг.

ках «п» и «б», но и на всех звуках. И в-третьих, когда Ричи говорил, что собирается «зарыть» собственный голос, получалось у него не очень. Большинству его друзей не хотелось огорчать Ричи, с ним действительно было весело, поэтому они предпочитали не указывать ему на эти мелочи.

И теперь, отбивая поклоны перед растерявшимся и смущенным Беном, Ричи прибег к Голосу Ниггера Джима.

— Па-а-асмотрите сюда-а, это ж Стог Колхун! — кричал Ричи. — Не упа-а-адите на меня, ма-а-аста-а Стог, са-а-а! Вы ра-а-а-зма-а-ажете меня по земле, если упа-а-адете. Па-а-асмотрите сюда, па-а-асмотрите! Триста-а фунтов ка-а-ача-а-ающегося мяса-а, восемьдесят дюймов от сиськи до сиськи! И па-а-ахнет Стог, как ведро говна-а па-а-антеры! Я выведу ва-а-ас на-а ринг, миста-а Стог, са-а! Точно выведу! Только не па-а-ада-а-айте на-а этого бедного черного па-а-арнишку!

— Не о-о-обращай в-внимания, — подал голос Билл. — Э-это в-всего лишь Ри-и-ичи. Он чо-окнутый.

Ричи вскочил:

— Я слышал тебя, Денбро. Тебе лучше оставить меня в покое, а не то я натравлю на тебя Стога.

— Лу-учшая т-твоя ча-асть с-скатилась по но-оге т-твоего о-отца.

— Это правда, — кивнул Ричи, — но посмотрите, как много хорошего осталось. Привет, Стог. Ричи Тозиер зовусь, Голоса творить берусь. — Он протянул руку. Бен, полностью сбитый с толку, потянулся к ней, но Ричи руку тут же отдернул. Бен насупился, и Ричи, сжалившись, пожал ему руку.

— Я — Бен Хэнском. На случай, если тебе интересно.

— Видел тебя в школе. — Ричи обвел рукой расширяющуюся заводь. — Должно быть, твоя идея. Эти недотепы не способны поджечь петарду даже огнеметом.

— Говори за себя, Ричи, — фыркнул Эдди.

— Ой... ты хочешь сказать, что идея твоя? Господи Иисусе, я извиняюсь. — Он пал ниц перед Эдди и вновь принялся истово отбивать поклоны.

— Встань, прекрати, не забрасывай меня грязью! — закричал Эдди.

Ричи снова вскочил и ущипнул Эдди за щеку.

— Ути-пути-пути! — воскликнул Ричи.

— Прекрати, я это ненавижу!

— Не крути, Эдс... кто построил плотину?

— Б-Б-Бен по-оказал н-нам к-как.

— Здорово. — Ричи повернулся и увидел, что Стэнли Урис, сунув руки в карманы, спокойно наблюдает за представлением, устроенным Ричи. — А это Стэн Супермен Урис, — сообщил Ричи Бену. — Стэн — еврей. Он также убил Христа. Так, во всяком случае, однажды сказал мне Виктор Крисс. С тех пор я дружу с Урисом. Исхожу из того, что он может покупать нам пиво, раз уж он такой старый. Точно, Стэн?

— Я думаю, это все-таки сделал мой отец, — ответил Стэн низким приятным голосом, и, конечно же, все рассмеялись, включая Бена. Эдди досмеялся до слез и свиста в дыхании.

— Классный прикол! — кричал Ричи, вышагивая вокруг с вскинутыми над головой руками, будто футбольный судья, засвидетельствовавший взятие ворот. — Стэн Супермен выдает классный прикол! Величайший момент в истории! Гип-гип-УРА!

— Привет, — поздоровался Стэнли с Беном, казалось, не обращая на Ричи никакого внимания.

— Привет, — ответил Бен. — Мы учились вместе во втором классе. Ты был тем парнем...

— ...который никогда ничего не говорил, — с улыбкой закончил Стэн.

— Точно.

— Стэн не скажет «говно», даже если набьет им рот, — указал Ричи. — Что он часто и делает, гип-гип-УРА!

— За-аткнись, Ричи, — предложил Билл.

— Хорошо, но напоследок должен сказать вам еще кое-что, хотя мне страшно не хочется. По-моему, вы теряете плотину. Долину затопит, други мои. Давайте спасать первыми детей и женщин.

И не потрудившись закатать штанины или даже снять кроссовки, Ричи прыгнул в воду и принялся набрасывать куски дерна на ближайшее крыло плотины, которое вновь начал размывать поток. Размотавшийся конец изоленты, скреплявшей одну дужку очков, елозил по скуле, когда он работал. Билл встретился взглядом с Эдди, улыбнулся и пожал плечами. Ричи в своем репертуаре. Умеет довести тебя до белого каления... но все-таки хорошо, когда он рядом.

Следующий час или чуть дольше они укрепляли плотину. Ричи выполнял команды Бена (они вновь стали довольно таки неуверенными, поскольку под его начало попали еще двое мальчишек) с абсолютной готовностью и маниакальной быстротой. После выполнения каждого задания подходил к Бену за дальнейшими указаниями, отдавал честь, как это делали в английской армии, и щелкал промокшими каблуками кроссовок. Время от времени начинал обращаться к другим каким-либо из своих Голосов: немецкого коменданта, Тудлса, английского дворецкого, сенатора-южанина (этот голос очень уж напоминал Фогхорна Легхорна* и со временем эволюционировал в Бафорда Киссдривела), диктора кинохроники.

Работа не просто шла своим чередом — она продвигалась семимильными шагами. И теперь, в пятом часу, когда они отдыхали на берегу, у них сложилось полное ощущение, что Ричи сказал правду: они приложили эту речушку по полной программе. Автомобильная дверца, кусок ржавого железа, старые покрышки стали вторым этажом плотины, и их удерживал на месте гигантский холм земли и камней. Билл, Бен и Ричи курили; Стэн лежал на спине. Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что он просто смотрит в небо, но Эдди знал, что это не так. Стэн смотрел на деревья, растущие на другом берегу речушки, выискивая птицу или двух, которых потом смог бы описать в своем птичьем дневнике. Сам Эдди сидел, скрестив ноги, приятно уставший и расслабленный. В этот момент ему казалось, что лучших друзей, чем у него, нет. Просто быть не может. Они образовывали единое целое, идеально притерлись друг к другу. Лучшего объяснения он придумать не мог, впрочем, никаких объяснений и не требовалось, и Эдди решил просто радоваться тому, что есть.

Он посмотрел на Бена, который неуклюже держал наполовину выкуренную сигарету и часто отплевывался, словно вкус ее ему не нравился. Наконец Бен вдавил в землю длинный окурок и забросал песком. Поднял голову, увидел, что Эдди наблюдает за ним, и, смутившись, отвернулся.

Эдди глянул на Билла, и что-то в выражении его лица ему не понравилось. Билл задумчиво смотрел поверх воды на деревья и

---

* Фогхорн Легхорн — петух, герой многих мультфильмов и комиксов, впервые появился на экране в 1946 г. Говорит с акцентом, свойственным жителям Виргинии или Кентукки.

кусты противоположного берега. Выглядел Билл так, словно какая-то мысль не отпускала его, не давала покоя.

Словно почувствовав взгляд Эдди, Билл повернулся к нему. Эдди улыбнулся, но ответной улыбки не увидел. Билл затушил бычок, оглядел остальных. Даже Ричи молча размышлял о своем, что случалось так же редко, как лунное затмение.

Эдди знал, что Билл редко говорит что-то важное, если нет полной тишины, потому что говорить ему очень уж трудно. И вдруг понял, что сам должен что-то сказать, подумал, как будет хорошо, если Ричи сейчас что-то скажет одним из своих Голосов. Он уже точно знал — если Билл откроет рот, то услышат они что-то ужасное, нечто такое, что изменит все. Эдди автоматически потянулся за ингалятором, достал из заднего кармана, зажал в руке. Даже не подумал о том, что делает.

— Мо-огу я в-вам ко-ое-что ра-ассказать? — спросил Билл.

Все посмотрели на него. «*Пошути, Ричи!* — мысленно взмолился Эдди. — *Пошути, скажи что-нибудь эдакое, отвлеки его, мне без разницы как, просто заставь замолчать. Что бы он ни собирался сказать, я не хочу этого слышать, я не хочу никаких перемен, я не хочу пугаться*».

А в голове у него мрачный хриплый голос прошептал: «*Я сделаю это за десятик*». Эдди содрогнулся, попытался заглушить этот голос, но внезапно в голове возник образ: тот дом на Нейболт-стрит, лужайка, заросшая сорняками, огромные подсолнухи, покачивающие головками в неухоженном саду с одной стороны дома.

— Конечно, Большой Билл, — откликнулся Ричи. — О чем речь?

Билл открыл рот (озабоченности у Эдди прибавилось), закрыл (к облегчению Эдди), снова открыл (облегчение как ветром сдуло).

— Е-если в-вы, па-а-арни, за-а-асмеетесь, я ни-икогда н-не буду с ва-ами д-дружить, — начал Билл. — Э-это ка-акой-то б-бред, но клянусь, я ни-ичего не вы-ыдумываю. Все де-ействительно т-так и б-было.

— Мы не будем смеяться, — ответил Бен и обвел взглядом остальных. — Не будем?

Стэн покачал головой. Ричи — тоже.

Эдди хотелось сказать: «*Да, мы будем, Билли, мы просто обхохочемся и скажем тебе, что ты несешь чушь, так почему бы тебе не*

замолчать прямо сейчас?» Но, естественно, ничего такого он сказать не мог. Это же, в конце концов, был Большой Билл. Поэтому он печально покачал головой. Нет, он не будет смеяться. Никогда в жизни он не испытывал меньшего желания посмеяться.

Они сидели над плотиной, которую построили, следуя указаниям Бена, переводя взгляды с лица Билла на расширяющуюся заводь у плотины, на расширяющееся болото за ней и снова на лицо Билла, молча слушая его рассказ о том, что случилось, когда вчера он открыл фотоальбом Джорджа — как Джордж на школьной фотографии повернул голову и подмигнул ему, как из альбома полилась кровь, когда он швырнул его через комнату. Рассказ занял много времени, дался Биллу с огромным трудом, и, когда подходил к концу, лицо мальчика раскраснелось и блестело от пота. Эдди не помнил, чтобы Билл так сильно заикался.

Наконец, произнеся последнее слово, Билл оглядел своих слушателей вызывающе и испуганно. На серьезных, без тени улыбки, лицах Бена, Ричи и Стэна Эдди увидел одно и то же: благоговейный страх и никакого сомнения. И тут у Эдди возникло желание — желание вскочить и закричать: *«Что за идиотская выдумка! Ты же не можешь верить в эту идиотскую выдумку, правда, а если веришь сам, не думаешь, что в нее поверим мы, так? Школьные фотографии не подмигивают! Альбомы не могут кровоточить! Ты рехнулся, Большой Билл!»*

Но, наверное, получилось бы у него не очень, потому что и на его серьезном, без тени улыбки лице, отражался и благоговейный страх, и отсутствие сомнений в правдивости истории Билла. Он не мог этого видеть, но чувствовал, что так оно и есть.

«Вернись, малыш, — прошептал грубый голос. — *Я отсосу тебе забесплатно. Вернись!»*

«Нет, — мысленно простонал Эдди. — *Пожалуйста, уйди, я не хочу об этом думать».*

«Вернись, малыш».

И тут Эдди увидел еще кое-что — не на лице Ричи, нет, но точно на лицах Стэна и Бена. Он знал, что видит на этих лицах; знал, потому что то же самое читалось и на его лице.

Узнавание.

«Я отсосу тебе забесплатно».

Дом 29 по Нейболт-стрит находился рядом с грузовым двором железнодорожной станции. Старый дом, с заколоченными окнами,

ушедшим в землю передним крыльцом, лужайкой, превратившейся в поле сорняков. В высокой траве лежал ржавый перевернутый трехколесный велосипед, с торчащим под углом колесом.

Но слева от крыльца на лужайке оставалось лысое пятно, трава не загораживала красный кирпичный фундамент, и в нем темнели грязные окна подвала. В одном из таких окон шесть недель назад Эдди Каспбрэк впервые увидел лицо того прокаженного.

6

По субботам, когда Эдди не находил, с кем ему поиграть, он часто ездил к грузовому двору. Без какой-то конкретной причины: просто ему там нравилось.

Он выезжал на велосипеде на Уитчем-стрит, потом срезал угол, ехал на северо-запад вдоль шоссе 2, с того места, где шоссе пересекалось с Уитчем. На углу шоссе 2 и Нейболт-стрит стояла Церковная школа — не бросающееся в глаза, но аккуратное обшитое деревом здание с большим крестом на крыше и словами «ПУСТИТЕ ДЕТЕЙ ПРИХОДИТЬ КО МНЕ»*, написанными над дверью большими, в два фута, золочеными буквами. Иногда по субботам Эдди слышал доносившиеся изнутри музыку и пение. Музыку церковную, но тот, кто сидел за пианино, играл скорее в манере Джерри Ли Льюиса**, а не обычного церковного пианиста. И пение не казалось Эдди очень уж набожным, хотя хор частенько усердно выводил «прекрасный Сион», «омытый кровью Агнца», «Иисус нам лучший друг». По разумению Эдди, люди, которые пели в этом доме, слишком уж хорошо проводили время, чтобы пение это считалось церковным. Но ему нравилось их слушать, как нравилось слушать Джерри Ли Льюиса, наяривающего «Все трясется и ревет». Иногда он на какое-то время останавливался на другой стороне улицы, прислонив велосипед к дереву, и притворялся, будто читает, сидя на траве, а на самом деле вслушивался в музыку.

По другим субботам в Церковной школе царила тишина, и Эдди ехал к грузовому двору без остановки, до конца Нейболт-стрит, ко-

---

* От Марка, 10:14.

** Льюис, Джерри Ли — известный американский певец, автор песен и пианист.

торая упиралась в пустующую автомобильную стоянку, где сквозь трещины в асфальте прорастала трава. Там он прислонял велосипед к деревянной изгороди и смотрел на проходящие мимо поезда. По субботам их хватало. Мать говорила Эдди, что довольно-таки давно он мог бы сесть на пассажирский поезд на станции Нейболт-стрит, но пассажирские поезда перестали ходить еще во времена корейской войны. «Поезд, идущий на север, довозил тебя до Браунсвилла, — рассказывала она, — а уж от Браунсвилла на другом поезде ты мог поехать через Канаду до самого Тихого океана. Поезд, идущий на юг, довозил тебя до Портленда и дальше, до Бостона. И с Саут-Стейшн перед тобой открывалась вся страна. Но пассажирских поездов больше нет, как нет и трамваев. Кому нужны поезда, если ты можешь вскочить в «форд» и ехать на нем. Возможно, тебе и не придется на них ездить».

Но тяжелые, длинные товарняки по-прежнему проходили через Дерри. Они направлялись на юг, груженые древесиной, бумагой, картофелем, и на север, с промышленными товарами для тех городов Мэна, которые люди иногда называли Большими Северами: Бангор, Миллинокет, Макиас, Пресски-Айленд, Холтон. Эдди больше всего нравилось смотреть на платформы, которые везли на север автомобили: сверкающие «форды» и «шеви». *«Когда-нибудь я куплю такой же,* — обещал он себе. — *Такой же или даже лучше. Может, даже «кадиллак»!»*

На станции сходились пути шести железнодорожных компаний, словно радиальные нити паутины, идущие к центру. С севера подходили «Бангор лайн» и «Грейт Нортерн лайн», с запада — «Грейт Саутерн» и «Уэстер Мэн», с юга — «Бостон энд Мэн» и с востока — «Саутерн сикоуст».

Как-то раз, года два назад, Эдди стоял около железнодорожных путей последней компании и наблюдал за проходящим поездом, когда пьяный проводник бросил в него из медленно движущегося товарного вагона фанерный ящик. Эдди пригнулся и отскочил назад, хотя ящик приземлился на насыпь в десяти футах от него. В нем кто-то шевелился, ползали и скреблись какие-то живые существа. «Последняя поездка!» — крикнул пьяный проводник. Достал плоскую бутылку коричневого стекла из кармана куртки, поднес ко рту, выпил все, что в ней оставалось. А потом швырнул бутылку на насыпь, где она и разбилась. Проводник указал на ящик. «Отнеси домой, мамке. Подарок от «Саутерн-гребаной-Сикоуст-Лайн-кото-

рая-приказала-долго-жить». Ему пришлось высунуться из вагона, чтобы прокричать эти слова, потому что поезд уходил, набирая скорость, и на какой-то момент Эдди даже испугался, подумав, что проводник вывалится из вагона.

Когда поезд ушел, Эдди подошел к ящику, осторожно наклонился над ним. Боялся подойти очень уж близко. Существа в ящике продолжали скрестись. Если бы проводник прокричал, что содержимое коробки предназначается ему, Эдди оставил бы ее на насыпи. Но он велел отнести ящик домой, мамке, а Эдди, как и Бен, выполнял все в точности, когда дело касалось его матери.

В одном из пустующих складов он нашел кусок веревки и привязал ящик к багажнику велосипеда. Его мать заглянула в ящик даже с еще большей опаской, чем это сделал бы Эдди, а потом вскрикнула... но скорее от радости, чем от ужаса. В нем ползали четыре лобстера, большие, каждый весом в два фунта, с выставленными клешнями. Она приготовила их на ужин и очень огорчилась, когда Эдди наотрез отказался их есть.

— И что, по-твоему, Рокфеллеры едят на ужин сегодня вечером в своем дворце в Бар-Харбор? — негодующе спросила она. — Что, по-твоему, едят все эти богачи в нью-йоркских ресторанах «Двадцать один» и «Сарди»? Сандвичи с арахисовым маслом и желе? Они едят лобстеров, Эдди, так же, как и мы! Давай попробуй!

Но Эдди лобстеров пробовать не пожелал, так, во всяком случае, потом говорила его мать. Может, говорила правильно, но Эдди-то казалось, что он просто не смог. Помнил, как они ползали в ящике, как скребли клешнями. Мать продолжала расхваливать вкусовые достоинства лобстеров, объяснять, как много он теряет, и, в конце концов, он начал задыхаться, и ему пришлось воспользоваться ингалятором. Только тогда она от него отстала.

Эдди ретировался в спальню, устроился там с книгой. Его мать позвонила подруге, Элеонор Дантон. Элеонор приехала, вдвоем они просматривали старые номера журналов «Фотоплей» и «Секреты экрана», смеялись над колонками светской хроники и набивали животы салатом с лобстером. Утром, когда Эдди встал, чтобы пойти в школу, его мать оставалась в кровати, сладко сопела и громко пукала, длинными очередями, напоминающими игру на корнете (нехило прикалывалась, как сказал бы Ричи). В вазе, вчера вечером заполненной салатом с лобстерами, осталось несколько маленьких пятен майонеза.

И это действительно был последний поезд «Саутерн сикоуст», который видел Эдди. Встретив мистера Брэддока, начальника службы движения, Эдди после некоторого колебания спросил его, что случилось. «Компания разорилась, — ответил мистер Брэддок. — И все дела. Разве ты не читаешь газеты? В этой чертовой стране такое происходит постоянно. А теперь выметайся отсюда. На грузовом дворе маленьким детям делать нечего».

После этого Эдди иногда ходил вдоль четвертого пути, который принадлежал «Саутерн сикоуст», и слушал, как воображаемый кондуктор монотонным голосом диктора нараспев произносит в его голове названия станций, эти волшебные слова: Камден, Рокленд, Бар-Харбор (произносилось это название, как Ба-а-а Х-а-а-Б-а-а), Уискассет, Бэт, Портленд, Оганквит, Бервикс; он шагал вдоль четвертого пути, пока не уставал, и сорняки, которые росли между шпалами, навевали на него грусть. Однажды он поднял голову и увидел морских чаек (наверное, жирных чаек со свалки, которые плевать хотели на то, что они знать не знали океана, но тогда мысль эта ему в голову не пришла), которые летали и кричали в вышине, и от их криков он немного поплакал.

На въезде на территорию грузового двора когда-то стояли ворота, но каким-то очередным ураганом их унесло, и никто не удосужился поставить новые. Эдди приходил и уходил, когда ему хотелось, хотя мистер Брэддок выгонял его, если видел (как и любого другого мальчишку, если на то пошло). Водители грузовиков тоже иногда гонялись за ним (не слишком усердно), думая, что он пытается что-нибудь украсть из кузова, и другие мальчишки иногда это делали.

Впрочем, чаще всего на станции его никто не трогал. У въезда стояла будка охранника, но она давно уже опустела, а стекла в окнах выбили камнями. Круглосуточной охраны на грузовом дворе не было года с 1950-го. Мистер Брэддок гонял мальчишек днем, ночной сторож четыре или пять раз за ночь объезжал станцию на старом «студебекере» с установленным на кабине фонарем, другие охранные мероприятия не проводились.

Иной раз Эдди встречались бродяги и сезонные рабочие. Если кто на грузовом дворе и вызывал у него страх, так эти мужчины с небритыми лицами, потрескавшейся кожей, мозолями на ладонях и язвами на губах. Они приезжали в товарных вагонах, вылезали

и проводили в Дерри какое-то время, потом забирались в другой поезд и уезжали куда-то еще. Иногда у них на руках недоставало пальцев. Обычно они были пьяны и спрашивали, нет ли у него сигареты.

Один из таких жутких типов однажды выполз из-под крыльца дома 29 по Нейболт-стрит и предложил отсосать у Эдди за четвертак. Эдди попятился, кожа заледенела, во рту пересохло. Одну ноздрю бродяги сожрала болезнь. Остался только воспаленный, покрытый струпьями канал.

— У меня нет четвертака. — Эдди пятился к своему велосипеду.

— Я это сделаю и за десятик, — прохрипел бродяга. На нем были старые зеленые фланелевые штаны. На коленках подсыхала желтая блевотина. Он расстегнул ширинку и полез внутрь. Попытался улыбнулся. Нос напоминал красное месиво.

— Я... у меня нет и десятика, — ответил Эдди и внезапно подумал: «*Господи, да у него же проказа! Если он прикоснется ко мне, я тоже заболею!*» Паника охватила его, и он побежал. Услышал, что бродяга пустился следом, подошвы его старых ботинок на шнурках топали по заросшей травой лужайке перед заброшенным домом.

— Вернись, малыш! Я тебе отсосу. Вернись!

Эдди прыгнул на велосипед, жадно хватая ртом воздух, дыхательные пути, он это чувствовал, сузились до размера игольного ушка, на грудь навалили кучу камней. Он уже начал крутить педали, набирая скорость, когда одна рука бродяги ударила по багажнику. Велосипед повело в сторону. Эдди оглянулся и увидел, что бродяга бежит за велосипедом (*ПРИБЛИЖАЕТСЯ!!!*), его губы растянулись, обнажив черные обломки зубов, на лице читалось то ли отчаяние, то ли ярость.

И, несмотря на камни, наваленные на грудь, Эдди закрутил педали еще быстрее, в любой момент ожидая, что заскорузлая рука бродяги схватит его за плечо, сдернет с «роли» и швырнет в кювет, где с ним может случиться все, что угодно. Он не решался оглянуться, пока не проскочил Церковную школу и не добрался до перекрестка с шоссе 2. К тому времени бродяга исчез.

Эдди с неделю держал в себе это чудовищное происшествие, а потом поделился с Ричи Тозиером и Биллом Денбро, когда они читали комиксы в комнатушке над гаражом.

— Он болел не проказой, тупица, — указал ему Ричи. — У него сифт.

Эдди посмотрел на Билла, чтобы тот подтвердил: Ричи подначивает его, — о такой болезни, как сифт, он никогда не слышал. И по всему выходило, что Ричи ее выдумал.

— Билл, есть такая болезнь — сифт?

Билл кивнул без тени улыбки.

— Только она на-азывается с-с-сиф — не сифт. Со-окращенно от сифилиса.

— А это что такое?

— Болезнь, которую можно заполучить, трахаясь, — ответил Ричи. — Ты знаешь, что такое трах, так, Эдс?

— Конечно, — ответил Эдди, в надежде, что не краснеет. Он знал, что у тех, кто старше, из пениса что-то течет, когда он затвердевает. Винсент Талиендо, по прозвищу Козявка, однажды просветил его на школьной перемене. Как следовало из слов Козявки, трахаясь, ты трешься членом о живот девочки, пока он не затвердеет (твой член — не живот девочки). Потом ты трешься еще, пока не начинаешь кончать. Когда Эдди спросил, что это значит, Козявка лишь загадочно покачал головой. Сказал, что словами это описать невозможно, но ты все почувствуешь. Он сказал, что можно попрактиковаться и без девочки — лежать в ванне и тереть член о кусок мыла (Эдди попробовал, но в итоге ему лишь срочно захотелось отлить). И как только, продолжил Козявка, ты это почувствуешь, из пениса вытекает жидкость. Большинство детей называют ее кончиной, указал Козявка, но старший брат говорил ему, что для нее есть по-настоящему научное слово — малофья. И почувствовав, что сейчас она вытечет из тебя, ты должен схватить свой член и очень быстро нацелить его, чтобы выстрелить малофьей в пупок девочки, как только она выйдет из твоего члена. Далее малофья спустится в ее живот и сделает там ребенка.

«Девочкам это нравится?» — спросил тогда Эдди Козявку Талиендо. Сам-то пришел в ужас.

«Наверное», — ответил Козявка, но, похоже, сам в этом сильно сомневался.

— А теперь слушай сюда, Эдс, — продолжил Ричи, — потому что потом у тебя могут появиться вопросы. У некоторых женщин есть эта болезнь. У мужчин тоже, но в большинстве ею болеют женщины. Парень может подцепить ее от женщины...

— Или другого му-ужчины, если они — го-омики, — добавил Билл.

— Точно. Что важно — сиф можно подцепить, сношаясь с тем, кто уже им болен.

— И что делает эта болезнь?

— Заставляет гнить заживо, — по-простому ответил Ричи.

Эдди в ужасе таращился на него.

— Это кошмар, я знаю, но так оно и есть, — продолжил Ричи. — Начинается все с носа. У некоторых парней с сифом проваливаются носы. Потом члены...

— По-о-ожалуйста, — прервал его Билл. — Я то-олько что по-оел.

— Эй, чел, это же научные факты, — резонно указал Ричи.

— А какая разница между проказой и сифом? — спросил Эдди.

— Трахаясь, проказу не подцепишь, — без запинки ответил Ричи и радостно расхохотался, оставив в недоумении что Билла, что Эдди.

7

После того разговора дом 29 по Нейболт-стрит засверкал новыми красками в воображении Эдди. Глядя на заросшую сорняками лужайку, просевшее крыльцо и забитые досками окна, он чувствовал, что его неудержимо влечет к этому дому. И за шесть недель до строительства плотины в Пустоши припарковал велосипед на засыпанной гравием обочине (тротуар закончился за четыре дома от нужного ему) и через лужайку направился к крыльцу.

Сердце молотило в груди, во рту вновь пересохло — слушая историю Билла о страшной фотографии, он точно знал — его ощущения при приближении к дому в точности повторяли те, что испытывал Билл, входя в комнату Джорджа. И он сомневался, что сам управляет своим телом. Его словно тащили на аркане.

Ноги вроде бы и не шли; вместо этого дом, насупившийся и молчаливый, надвигался на него.

Издалека, на пределе слышимости, до него доносились звуки работающего на грузовом дворе дизельного двигателя и лязгающие удары, которые сопровождали сцепку вагонов. Там формировали состав: одни вагоны загоняли в тупики, другие сцепляли.

Рука Эдди сжимала ингалятор, но, что странно, астма совершенно его не беспокоила, в отличие от того дня, когда он удирал от бродяги с гниющим носом. Оставалось только ощущение, что он стоит на месте и наблюдает, как дом скользит к нему, словно по невидимым каткам.

Эдди заглянул под крыльцо. Никого. Если на то пошло, удивляться не приходилось. Дело происходило весной, а бродяги чаще всего появлялись в Дерри от конца сентября до начала ноября. В эти шесть недель любой человек, если он выглядел более или менее пристойно, мог найти работу на местных фермах. До декабря требовалось собрать картофель и яблоки, поставить изгороди для снегозадержания, подлатать крыши сараев и амбаров, чтобы зима не застала врасплох.

Бродяг под крыльцом Эдди не обнаружил, но следов их присутствия хватало. Пустые пивные банки, пустые пивные бутылки, пустые винные бутылки. Запачканное грязью одеяло, лежащее у кирпичного фундамента, словно дохлая собака. Смятые газеты, старый башмак, вонь, как на помойке. И множество опавших листьев.

Безо всякого на то желания, но не в силах остановиться, Эдди заполз под крыльцо. Он чувствовал, как сердце стучит уже в голове, отчего перед глазами вспыхивали белые звезды.

Под крыльцом вонь усилилась: пахло сивухой, потом и — очень сильно — прелыми листьями. Опавшие листья не шуршали под его руками и коленями. Они и старые газеты только вздыхали.

«Я бродяга, — вдруг подумалось Эдди. — Я бродяга и езжу на товарняках. Вот кто я. У меня нет денег, у меня нет дома, но у меня есть бутылка, и доллар, и место для ночлега. На этой неделе я буду собирать яблоки, на следующей — картофель, а когда мороз скует землю, покрыв ее твердой коркой, что ж, я запрыгну в товарный вагон, который будет пахнуть сахарной свеклой, усядусь в углу, навалю на себя сена, если найду его в вагоне, буду прикладываться к моей бутылке, жевать табак и рано или поздно доберусь до Портленда или Бинтауна*, а там, если меня не задержит железнодорожная охрана, запрыгну в один из вагонов «Алабама стар» и малой скоростью поеду на юг, где буду собирать лимоны, лаймы или апельсины. А если меня задержат, то буду строить дороги для проезда

* Бинтаун (от Beantown) — дословно, Фасолевый город, прозвище Бостона.

туристов. Черт, мне уже приходилось это делать, так? Я всего лишь одинокий старый бродяга, без денег, без дома, но у меня есть только одно: у меня есть болезнь, которая пожирает меня изнутри. Моя кожа трескается, мои зубы выпадают, и знаете что? Я чувствую, как гнию, словно яблоко, которое становится мягче, я чувствую, как это происходит, как меня выедают изнутри, выедают, выедают, выедают».

Эдди отбросил в сторону грязное одеяло, потер его между большим и указательным пальцами, поморщился от неприятных ощущений. Над тем местом, где лежало одеяло, находилось одно из подвальных окошек. Одну стеклянную панель разбили. Вторая смотрела на Эдди грязным пятном. Эдди наклонялся к окошку, будто загипнотизированный, он тянулся к окошку, к подвальной темноте за ним, вдыхал запахи вечности, затхлости, сухой гнили, наклонялся все ближе к черноте, и, конечно же, прокаженный схватил бы его, если бы астма не выбрала этот самый момент для того, чтобы напомнить о себе. Сжала легкие, еще не причиняя боли, но уже пугая, а в дыхании появился такой знакомый и ненавистный свист.

Эдди отпрянул, и тут же в окне появилось лицо. Появилось столь неожиданно, столь внезапно (и при этом столь ожидаемо), что Эдди не смог бы вскрикнуть даже и без приступа астмы. Глаза его вылезли из орбит. Рот раскрылся. Он видел перед собой не того бродягу с пылающим носом, но сходство имелось. Жуткое сходство. И однако... это существо не могло быть человеком. Ни один человек, до такой степени пожранный болезнью, не смог бы оставаться в живых.

Кожа на его лбу раздалась в стороны. Сквозь нее проглядывала белая кость, покрытая пленкой желтоватой слизи, словно стекло какого-то тусклого фонаря. От носа остался только хрящ над двумя красными, пламенеющими дырами. Один глаз блестел злобной синевой. Вторую глазницу заполняла губчатая черно-коричневая масса. Нижняя губа прокаженного провисла, верхней губы не было вовсе — Эдди видел ощерившиеся зубы.

Существо высунуло одну руку через дыру на месте разбитой панели. Высунуло другую руку сквозь грязное стекло, разбив его на мелкие осколки. Ищущие, хватающие руки покрывали язвы, по ним деловито ползали насекомые.

Попискивая, жадно хватая ртом воздух, Эдди пятился от окошка. Он едва мог дышать. Сердце колотилось с запредельной частотой. На прокаженном были лохмотья какого-то странного костюма из серебристой ткани. В лохмах бурых волос ползали паразиты.

— Как насчет отсосать, Эдди? — прохрипело чудовище, ухмыляясь остатками рта. Оно покачивалось. — Бобби всегда отсосет за десятик, будь уверен, а пятнашку возьмет за переработ. — Он подмигнул. — Это я, Эдди. Боб Грей. А теперь, раз уж мы должным образом познакомились друг с другом... — Одна его рука прошлась по правому плечу Эдди. Мальчик отчаянно заверещал. — Все хорошо, — добавил прокаженный, и охваченный ужасом Эдди увидел, как он вылезает из окошка. Костяной лоб вышиб деревянную стойку между двумя панелями. Руки ухватились за покрытую листьями, комковатую землю. Серебристые плечи пиджака... костюма... что бы это ни было... начали вылезать из окна. Взгляд синего, блестящего глаза ни на мгновение не отрывался от лица Эдди. — Я иду, Эдди, — хрипел он. — Все хорошо. Тебе понравится внизу, с нами. Некоторые из твоих друзей уже здесь.

Рука страшилища вновь потянулась вперед, и каким-то уголком своего обезумевшего от паники, вопящего рассудка Эдди внезапно и со всей ясностью осознал: если эта тварь коснется его кожи, он тоже начнет гнить. Эта мысль вывела его из ступора. На руках и коленях он пополз назад, потом развернулся и рванул к дальнему краю крыльца. Солнечный свет, пробивающийся узкими пыльными лучами сквозь щели между досками, время от времени падал на Эдди. Он разрывал головой паутину, липнувшую к волосам. В какой-то момент он оглянулся и увидел, что прокаженный уже наполовину вылез из окошка.

— От того, что ты убегаешь, пользы тебе не будет, Эдди, — крикнул он.

Но Эдди уже добрался до дальнего края крыльца. Выход перегораживала декоративная решетка. Солнце светило сквозь нее, отпечатывая ромбы света на щеках и лбу Эдди. Мальчик наклонил голову и без малейшей заминки ударил макушкой в решетку, вышиб ее под скрежет ржавых гвоздей. За решеткой росли розовые кусты, и Эдди проломился сквозь них, одновременно поднимаясь на ноги, не чувствуя, как шипы царапают руки, щеки, шею.

Повернулся и попятился на подгибающихся ногах, вытаскивая из заднего кармана ингалятор, нажимая на рычаг клапана, пуская

струю в горло. Конечно же, такого просто не могло случиться! Он думал об этом бродяге, и его воображение... ну, да, всего лишь

(*устроило шоу*)

показало ему кино, фильм ужасов, как один из тех фильмов с Франкенштейном или Человеком-волком, которые иногда показывают на утренних сеансах в «Бижу», «Жемчужине» или «Аладдине». Конечно же, только так, и не иначе. Он сам себя напугал! Ну и осел!

Он даже успел нервно хохотнуть, смеясь над яркими фантазиями собственного воображения, прежде чем из-под крыльца появились изъязвленные руки, с безумной яростью хватаясь за розовые кусты, подтягиваясь за них, обрывая, оставляя капельки крови.

Эдди закричал.

Прокаженный выполз из-под крыльца. На нем был клоунский наряд, теперь Эдди это видел, клоунский наряд с большими оранжевыми пуговицами. Прокаженный увидел Эдди и ухмыльнулся. Челюсть отпала, вывалился язык. Эдди закричал снова, но кто мог расслышать голос задыхающегося мальчишки в шуме тепловозного двигателя на грузовом дворе. Язык прокаженного не просто вывалился изо рта — длиной не меньше трех футов, он раскатывался, как пожарный шланг. Его конец, тяжелый, как наконечник стрелы, упал на землю. Пена, густо-липкая и желтоватая, стекала с него. На нем копошились насекомые.

Розовые кусты, которые покрывала весенняя зелень, когда Эдди продирался сквозь них, теперь почернели, от прикосновений и близости прокаженного.

— Я тебе отсосу, — прошептал прокаженный, поднимаясь на ноги.

Эдди помчался к своему велосипеду. Гонка повторялась, только теперь к ней примешивалась ирреальность кошмарного сна, в котором ты можешь двигаться лишь невероятно медленно, независимо от того, как быстро ты пытаешься бежать... и в этих снах ты всегда слышишь или чувствуешь, как что-то, какое-то Оно, настигает тебя. И всегда ощущаешь его зловонное дыхание, как ощущал Эдди те минуты.

На мгновение неистовая надежда охватила его: возможно, эта реальность — кошмарный сон. Возможно, он проснется в своей кровати, весь в поту, дрожа, может, плача... но живой. И в безопас-

ности. Он тут же оттолкнул эту мысль. Ее привлекательность несла с собой смерть, вера в нее могла оказаться роковой.

Он не попытался сразу оседлать велосипед. Побежал с ним, низко наклонив голову, держась за руль. Чувствовал, что тонет, но не в воде — просто грудь не впускала в себя воздух.

— Я тебе отсосу, — вновь прошептал прокаженный. — Возвращайся в любое время, Эдди. Приводи друзей.

Гниющие пальцы, казалось, прошлись по его шее, но, возможно, ее коснулась лишь болтающаяся паутина из-под крыльца, повисшая на волосах. Эдди вскочил на велосипед и лихорадочно закрутил педали, не думая о том, что дыхательные пути окончательно перекрыты, не думая об астме, не оглядываясь. Оглянуться он решился только у самого дома, и, разумеется, когда оглянулся, не увидел никого, кроме двух мальчишек, которые шли в парк, чтобы поиграть в мяч.

И в тот вечер, вытянувшись в кровати во весь рост, с ингалятором в руке, уставившись в темноту, он услышал шепот прокаженного: «*От того, что ты убегаешь, пользы тебе не будет, Эдди*».

8

— Ничего себе, — уважительно прокомментировал Ричи, нарушив долгую паузу, последовавшую после того, как Билл Денбро закончил рассказ.

— Е-есть у те-ебя е-еще си-игарета, Ри-и-ичи?

Ричи протянул ему последнюю из пачки, которую он вытащил почти пустой из ящика отцовского стола. Даже раскурил ее для Билла.

— Тебе это не приснилось, Билл? — внезапно спросил Стэн.

Билл покачал головой.

— Н-не п-приснилось.

— Это правда, — прошептал Эдди.

Билл резко повернулся к нему.

— Ч-ч-что?

— Я сказал, это правда. — Эдди посмотрел на него чуть ли не с возмущением. — Это действительно случилось. Наяву. — И прежде чем успел остановить себя, прежде чем даже понял, что собирает-

ся это сделать, уже рассказывал историю о прокаженном, который вылез из подвала дома 29 по Нейболт-стрит. Где-то на середине он начал хватать ртом воздух, и пришлось воспользоваться ингалятором. А в конце разревелся, его худенькое тело сотрясали рыдания.

Они все неловко смотрели на него, потом Стэн коснулся его спины, а Билл пододвинулся к нему и обнял, тогда как другие в смущении отвели взгляды.

— Все но-ормально, Э-Эдди. Все хо-орошо.

— Я тоже видел что-то такое, — внезапно признался Бен Хэнском ровным, хриплым, испуганным голосом.

Эдди поднял голову, с залитым слезами, таким беззащитными лицом, с красными, блестящими глазами.

— Что?

— Я видел клоуна, — пояснил Бен. — Только он был не таким, как ты рассказывал... во всяком случае, когда я видел его. Ничего у него не сочилось. Он был... он был сухим. — Бен помолчал, опустил голову, уставился на свои бледные руки, лежавшие на слоновьих бедрах. — Я думаю, он был мумией.

— Как в кино? — спросил Эдди.

— Почти, но не совсем, — медленно ответил Бен. — В кино мумия выглядит фальшивкой. Она пугает — да, но ты можешь сказать, что ее сделали для того, чтобы пугать. Все эти бинты, они выглядят слишком уж аккуратными, ненастоящими. А этот тип... думаю, он выглядел, как и должна выглядеть настоящая мумия, которую можно найти в камере под пирамидой. Кроме костюма.

— А-а-а ч-что с ко-о-остюмом?

Бен посмотрел на Эдди:

— Она была в серебристом костюме с большими оранжевыми пуговицами спереди.

У Эдди отвисла челюсть. Потом он закрыл рот.

— Если ты шутишь, так и скажи. Мне все еще... мне все еще снится этот хрен из-под крыльца.

— Я не шучу, — покачал головой Бен и принялся рассказывать свою историю. Рассказывал он медленно, начав с того, как вызвался помочь миссис Дуглас с книгами, и закончив кошмарами, которые потом ему снились. Говорил, не глядя на остальных. Говорил, словно стыдился своего поведения. И решился поднять голову, лишь выложив все до конца.

— Должно быть, тебе это приснилось, — наконец изрек Ричи. Увидел, что Бен поморщился, и быстро добавил: — Ты только не обижайся, Большой Бен, но ты должен понимать, что воздушные шарики не могут, просто не могут лететь против ветра...

— Фотографии не могут подмигивать, — заметил Бен.

Ричи переводил тревожный взгляд с Бена на Билла. Обвинить Бена в том, что он все выдумал, это одно; обвинить в том же Билла — совсем другое. Билл был их вожаком, они все равнялись на него. Никто не говорил об этом вслух, в этом не было необходимости. Но Билл сыпал идеями, мог придумать, чем заняться в скучный день, помнил игры, о которых остальные уже забыли. И почему-то они видели в Билле взрослого, возможно, подсознательно понимали, что Билл возьмет на себя ответственность, если в этом возникнет необходимость. По правде говоря, Ричи поверил в историю Билла, при всей ее невероятности, и, возможно, ему просто не хотелось верить в историю Бена... или Эдди, только и всего.

— С тобой ничего не случалось, так? — спросил у него Эдди.

Ричи помолчал, уже начал говорить что-то, покачал головой, опять помолчал, потом все-таки заговорил:

— Самое страшное, что я видел за последнее время, так это Прендерлиста, ссущего в Маккэррон-парк. Никогда не встречал такого безобразного члена.

— А ты, Стэн? — спросил Бен.

— Ничего, — быстро ответил Стэн и отвел глаза. От лица отлила кровь, а губы он сжал так плотно, что стали совсем белыми.

— Так ч-что-то в-все-таки было, С-Стэн? — спросил Билл.

— Нет, я же сказал! — Стэн вскочил, подошел к кромке воды, сунул руки в карманы. Уставился на плотину, на обтекающие ее потоки воды.

— Давай, Стэнли, не томи! — фальцетом воскликнул Ричи. Это был еще один из его Голосов — бабки-ворчуньи. Переходя на этот голос, Ричи ходил согнувшись, приложив кулак к пояснице, и постоянно покашливал. Но при этом голос бабули более всего походил на голос самого Ричи Тозиера. — Не крути, Стэнли, расскажи своей старой бабушке о пла-а-ахом клоуне, и я дам тебе печенье с шоколадной крошкой. Ты только скажи...

— Заткнись! — внезапно рявкнул Стэн, развернувшись к Ричи. Тот от неожиданности даже отступил на пару шагов. — Просто заткнись!

— Слушаюсь и повинуюсь, босс. — Ричи сел. Недоверчиво посмотрел на Стэнли Уриса. Яркие пятна пламенели на щеках Стэна, но выглядел он скорее испуганным, чем взбешенным.

— Все нормально, — попытался успокоить его Эдди. — Не бери в голову, Стэн.

— Это был не клоун. — Глаза Стэнли перебегали с одного на другого. Он будто боролся с собой.

— Те-ебе лу-учше ра-а-ассказать, — спокойным, ровным голосом проговорил Билл. — М-мы ра-ассказали.

— Это был не клоун. Это были...

И тут раздался громкий пропитой голос мистера Нелла, заставивший их всех подпрыгнуть.

— Йиссус Христос на ломаной повозке! Вы только на это посмотрите! Господи Йиссусе!

Глава 8

КОМНАТА ДЖОРДЖИ И ДОМ НА НЕЙБОЛТ-СТРИТ

1

Ричард Тозиер выключает радиоприемник, орущий песню Мадонны «Как девственница» на УЗОНе (радиостанции, которая с какой-то истерической настойчивостью позиционирует себя «стереорокером АМ-диапазона»), сворачивает на обочину, заглушает двигатель «мустанга», которым по прибытии в международный аэропорт Бангора его снабдили в пункте проката автомобилей компании «Авис», и вылезает из кабины. В ушах отдается собственное дыхание. Он только что миновал щит-указатель, от одного вида которого спина покрылась жесткими мурашками.

Ричи обходит «мустанг» спереди. Кладет руку на капот. Слышит, как двигатель тихонько булькает, охлаждаясь. Неподалеку подает голос сойка, тут же замолкает. Стрекочут цикады. И это весь звуковой фон.

Он увидел щит-указатель, он проезжает мимо него, и внезапно он снова в Дерри. Двадцать пять лет спустя Ричи Тозиер по прозвищу Балабол вернулся домой. Он...

Боль раскаленными иглами впивается в глаза, обрывая мысль. Он сдавленно вскрикивает, руки взлетают к глазам. Что-то отдаленно похожее на эту жгущую боль он испытывал, когда еще в колледже ресница попала под контактную линзу... и только в одном глазу. Теперь ужасно болят оба.

Но прежде чем руки успевают добраться до лица, боль уходит.

Он опускает руки, медленно, задумчиво, и смотрит вдоль шоссе 7. Платную автостраду он покинул, следуя указателю «Съезд к Этне-Хейвену», не пожелав (причина так и осталась непонятной) въезжать в Дерри по дороге, строительство которой еще продолжалось, когда он и его родители отряхнули прах этого маленького города со своих ног и направились на Средний Запад. Да, по автостраде он добрался бы быстрее, но этот путь был бы неправильным.

И он проехал по шоссе 9 через спящую кучку домов, именуемую Хейвен-Виллидж, потом свернул на шоссе 7. И по мере его приближения к цели день неумолимо становился все ярче.

А теперь этот щит-указатель. Точно такой же, какие стояли при въезде в более чем шести сотнях городов штата Мэн, но как же от вида этого у него сжалось сердце!

Округ Пенобскот
Д
Е
Р
Р
И
Штат Мэн

Далее — щит с эмблемой «Лосей»*; щит с эмблемой «Ротари клаб», и дополняя число щитов до троицы, еще на одном сообщалось, что «ЛЬВЫ ДЕРРИ** РЫЧАТ В ПОДДЕРЖКУ ОБЪЕДИНЕННОГО ФОНДА». За щитами дорога вновь становится шоссе 7, прямой линией среди растущих по обе стороны сосен и елей. В молчаливо набирающем силу свете дня деревья выглядят такими же призрачными, как сизый сигаретный дым в недвижном воздухе запертой комнаты.

«Дерри, — думает Тозиер. — Дерри, помоги мне, Господи. Дерри. Не может быть!»

---

* Орден Лосей — мужская благотворительная организация, основанная в 1868 г. Объединяет около 2 миллионов членов.

** «Лайонс клабс интернейшнл» — общественная организация бизнесменов, ассоциация клубов. Основана в 1917 г.

Он на шоссе 7. Еще пять миль, и он увидит «Рулин фармс», если время или торнадо не снесли с лица земли саму ферму и магазин при ней, где его мать всегда покупала яйца и чуть ли не все овощи. Две мили после «Рулин фармс», и шоссе 7 станет Уитчем-роуд, а потом должным образом перейдет в Уитчем-стрит, и вы можете сказать аллилуйя, мир вам, аминь. И где-то между «Рулин фармс» и городом ему придется миновать ферму Бауэрса, а потом ферму Хэнлона. Отъехав на милю или чуть дальше от фермы Хэнлона, он в первый раз увидит блеснувшую под солнцем и небом поверхность Кендускига и буйную зелень низины, по какой-то причине известной как Пустошь.

«И я действительно не знаю, выдержу ли я, столкнувшись со всем этим лицом к лицу, — думает Ричи. — *И это чистая правда, други мои, я просто не знаю, выдержу ли».*

Ночь прошла для него как во сне. Пока он находился в пути, продвигаясь к цели, пока накручивал милю за милей, сон продолжался. Но теперь Ричи остановился (точнее, щит-указатель остановил его) и проснулся, чтобы обнаружить страшную истину: сон этот был явью. И Дерри — тоже явь.

И такое ощущение, что он не может не вспоминать. Он думает, что воспоминания в конце концов сведут его с ума, и прикусывает губу, и складывает руки ладонью к ладони, плотно, словно с тем, чтобы не дать себе взлететь. Он чувствует, что полетит, и скоро. Вроде бы какая-то безумная его часть стремится к тому, что грядет, тогда как все остальное гадает, каким образом ему удастся пережить следующие несколько дней. Он...

И тут его мысли снова обрываются.

На дорогу выходит олень. Он слышит легкий стук еще мягких по весне копыт по асфальту.

Дыхание Ричи замирает на полувыдохе, потом он вновь начинает медленно дышать. Смотрит, ошарашенный, какая-то его часть думает, что такого никогда не увидеть на Родео-драйв. Нет... ему требовалось вернуться домой, чтобы взглянуть на такую красоту.

Это олениха (*«Олениха, олень, самка оленя»** — радостно скандирует Голос в его голове). Она выходит из леса по правую сторону дороги и теперь останавливается посреди шоссе, передние ноги

* Первая строка песни про ноты из популярного мюзикла «Звуки музыки»: «Doe, a deer, a female deer».

по одну сторону прерывистой белой линии, задние — по другую. Ее темные глаза мягко оглядывают Рича Тозиера — в этих глазах только любопытство, страха нет.

Ричи смотрит на нее в удивлении, гадая, знамение ли это, или дурной знак, или какая-нибудь хрень из репертуара цыганской гадалки, вроде мадам Азонки. И тут совершенно неожиданно ему вспоминается мистер Нелл. Как же он напугал их в тот день, появившись сразу после того, как Билл, Бен и Эдди рассказали свои истории! Да они все чуть не отправились на небеса.

Теперь же, глядя на олениху, Рич набирает полную грудь воздуха и обнаруживает, что говорит одним из своих голосов... но впервые за двадцать пять лет, или чуть больше, это Голос ирландского копа, который добавился к его коллекции после того знаменательного дня. Голос этот вкатывается в утреннюю тишину, как большущий шар для боулинга... Ричи никогда бы не поверил, что он может быть таким мощным и громким.

— Йисус Христос на ломаной повозке! До чего славно вы проводите время на природе! Господи Йисусе! А ну разбегайтесь по домам, пока я не решил рассказать о вас отцу О'Стэггерсу!

Прежде чем эхо его голоса смолкает, прежде чем первая сойка начинает отчитывать его за поминание имени Господа Бога всуе, олениха взмахивает хвостиком, как белым флагом, и исчезает среди дымчатых хвойных деревьев по левую сторону дороги, оставив после себя только дымящуюся горку катышков, чтобы показать, что даже в тридцать семь лет Ричи Тозиер способен иногда классно приколоться.

Ричи начинает смеяться. Поначалу только посмеивается, а потом до него доходит нелепость собственного поведения — он ранним утром (заря только занимается) на пустынной дороге, в штате Мэн, в трех тысячах и четырехстах милях от дома кричит на олениху голосом ирландского полицейского. Смех переходит в хохот, хохот сменяется гоготом, гогот — ржанием, и он уже держится за автомобиль, по щекам катятся слезы, а он гадает, надует-таки в штаны от смеха или нет. Всякий раз, когда Ричи пытается взять себя в руки, его взгляд останавливается на маленькой кучке катышков, и он ржет с новой силой.

Отфыркиваясь и сморкаясь, он в конце концов добирается до водительского кресла, садится за руль, заводит двигатель «мустанга». Мимо, обдав его ветром, проносится грузовик с химическими

удобрениями компании «Оринко». И после того как Ричи видит задние огни грузовика, он вновь выруливает на дорогу и едет к Дерри. Настроение у него поднимается, нервы под контролем... или причина в том, что он снова в движении, накручивает мили, сон опять заменяет собой реальность.

Мысли его возвращаются к мистеру Неллу — мистеру Неллу и дню постройки плотины. Мистер Нелл спросил их, кто все это затеял. Ричи видит, как все пятеро тревожно переглядываются, и вспоминает выступившего вперед Бена: щеки бледные, глаза опущены, губы дрожат, потому что он изо всех сил сдерживает слезы. «*Бедняга уже наверняка решил, что ему придется провести в Шоушенке от пяти до десяти лет за то, что он затопил дренажные трубы на Уитчем-стрит*, — теперь думает Ричи, — *но все равно выступил вперед, не укрылся за спины других, и, сделав это, заставил остальных поддержать его. Им оставалось или поддержать его, или стать плохими. Трусами. Повести себя, как никогда не вели себя их телегерои. Поступок Бена сплотил их, к добру это или к худу. Сплотил на все последующие двадцать семь лет. Иногда события подчиняются принципу домино. Первая кость валит вторую, вторая — третью, и пошло-поехало*».

«*И с какого момента пути назад уже не было?* — задается вопросом Ричи. — *После того, как мы со Стэном пришли и приняли участие в строительстве плотины? Или после того, как Билл рассказал нам о фотографии, на которой его брат повернул голову и подмигнул ему?*» Возможно... но Ричи Тозиер чувствует, что кости домино начали падать, когда Бен Хэнском выступил вперед со словами: «Я показал им...

2

...как это делается. Это я во всем виноват».

Мистер Нелл просто стоял и смотрел на него, поджав губы, положив руки на черный потрескавшийся кожаный ремень. Переводил взгляд с Бена на расширяющуюся заводь перед плотиной, снова смотрел на Бена, и его лицо говорило о том, что он не верит своим глазам. Волосы этого дородного ирландца преждевременно поседели, он зачесывал их назад, и они лежали аккуратными волнами под синей форменной фуражкой. Глаза горели синим,

нос — красным. По щекам разбегались лопнувшие капилляры. Ростом он был не выше среднего, но мальчишкам, которые стояли перед ним, казалось, что вымахал он как минимум на восемь футов.

Мистер Нелл открыл рот, чтобы заговорить, но, прежде чем он произнес хоть слово, Билл Денбро шагнул к Бену.

— Э-э-э-это бы-ы-ыла м-м-моя и-и-идея. — В конце концов ему удалось закончить предложение. Он шумно, с бульканьем, вдохнул, мистер Нелл бесстрастно смотрел на него, а его нагрудная бляха ярко сверкала в лучах солнца. Потом Билл, страшно заикаясь, договорил все, что хотел сказать: вины Бена тут нет, Бен случайно проходил мимо и показал им, как нужно хорошо сделать то, что они уже делали, только плохо.

— Я тоже! — выкрикнул Эдди и шагнул к Бену с другой стороны.

— И что же это — «я тоже»? — спросил мистер Нелл. — Это твое имя или твой адрес, ковбой?

Эдди густо покраснел — до самых корней волос.

— Я был с Биллом, когда пришел Бен, — ответил он. — Это все, что я хотел сказать.

Ричи встал рядом с Эдди. Мысль, что Голос или два могли бы немного рассмешить мистера Нелла, настроить его на веселый лад, пришла ему в голову. Но по здравом размышлении (а такое случалось с Ричи крайне редко) у него возникла другая мысль: может, Голос или два могут все только усугубить. Мистер Нелл определенно не пребывал, как иной раз говорил Ричи, в ржачном настроении. Более того, лицо мистера Нелла говорило о том, что ему сейчас совсем не до ржачки. И Ричи сказал:

— Я тоже в этом участвовал, — а потом не позволил своему рту вновь открыться.

— И я. — Стэн шагнул вперед, встав рядом с Биллом.

Теперь все пятеро стояли перед мистером Неллом в ряд. Бен переводил взгляд справа налево, не просто удивленный их поддержкой — потрясенный до глубины души. И на мгновение Ричи подумал, что из глаз старины Стога сейчас брызнут слезы благодарности.

— Йисуси, — повторил мистер Нелл, и хотя в голосе звучало крайнее недовольство, по лицу чувствовалось, что он готов рассмеяться. — Никогда не видел таких виноватых пацанов. Если б ваши

родители знали, где вы провели день, предполагаю, что вечером кому-то надрали бы задницу. И я еще не уверен, что не надерут.

Тут Ричи уже не выдержал. Его рот просто раскрылся и убежал от него, как колобок: такое случалось с ним сплошь и рядом.

— Как дела в вашей стране, мистер Нелл? — выпалил он с ирландским акцентом. — Ах, посмотреть на вас одно удовольствие, ей-богу! Вы — достойный человек, все говорят о вас только хорошее...

— Боюсь, через три секунды твой зад узнает, насколько хорош мой ремень, мой дорогой маленький друг, — холодно прервал его мистер Нелл.

Билл повернулся к Ричи, рявкнул:

— Ра-ади бога, Ри-и-ичи, за-а-а-аТКНИСЬ!

— Дельный совет, мастер Уильям Денбро, — кивнул мистер Нелл. — Готов спорить, Зак не знает, что ты здесь, в Пустоши, играешь среди плавающего дерьма, так?

Билл опустил глаза, на щеках вспыхнули дикие розы.

Мистер Нелл повернулся к Бену:

— Не помню твоего имени, сынок.

— Бен Хэнском, сэр, — прошептал Бен.

Мистер Нелл кивнул и вновь посмотрел на плотину.

— Это твоя идея?

— Как построить — да, — вновь прошептал Бен, уже на пределе слышимости.

— Что ж, ты чертовски хороший инженер, здоровяк, но ты ни хрена не знаешь ни о Пустоши, ни о канализационной системе Дерри, так?

Бен кивнул.

И мистер Нелл его просветил, причем безо всякой злобы.

— Эта система состоит из двух частей. Одна уносит твердые человеческие отходы — говно, если это слово не оскорбит твои нежные уши. Вторая — бытовые стоки, воду, которая сливается в туалеты, поступает в канализацию из раковин, посудомоечных машин, из душевых; а также воду, которая попадает туда из ливневых канав.

Вы не создали никаких проблем с удалением твердых отходов, они, слава тебе господи, откачиваются и сливаются в Кендускиг ниже по течению. Возможно, благодаря вам где-то в полумиле отсюда какие-то говенные лепешки сейчас и подсыхают на сол-

нце, но из-за вашей плотины говно точно не прилипло ни к чьему потолку.

Что же касается бытовых стоков... для них никаких насосов нет. Они просто бегут вниз, самотеком. У инженеров это называется гравитационным дренажом. И я готов спорить, ты знаешь, куда ведут все эти гравитационные дренажи, не так ли, здоровяк?

— Туда? — Бен указал на ту часть Пустоши, которую они во многом уже затопили, построив свою плотину. Указал, не подняв головы. Крупные слезы уже медленно текли по его щекам. Мистер Нелл сделал вид, что не замечает их.

— Совершенно верно, мой большой юный друг. Все эти стоки попадают в ручьи, которые протекают в верхней части Пустоши. Собственно, многие из этих ручьев и есть бытовые стоки, и только бытовые стоки, выливающиеся из труб, которых вы не видите, потому что они заросли кустами. Говно уходит одним путем, все остальное — другим, восславим Господа, даровавшего человеку разум, и вам не приходило в голову, что вы провели целый день, бултыхаясь в моче и грязной воде Дерри?

Эдди внезапно начал хватать ртом воздух, и ему пришлось воспользоваться ингалятором.

— Что вы сделали, так это заблокировали слив воды из шести или восьми отстойных бассейнов, которые обслуживают Уитчем, Джексон и Канзас-стрит, а также четыре или пять маленьких улиц, которые находятся между ними. — Строгий взгляд мистера Нелла остановился на Билле Денбро. — Один из них обслуживает твой дом, мастер Денбро. И пока мы здесь разговариваем, вода не уходит из раковин, не сливается из стиральных машин, выливается из переполненных труб в подвалы...

Рыдание сорвалось с губ Бена. Остальные посмотрели на него и тут же отвернулись. Мистер Нелл положил большую руку на плечо мальчика. Тяжелую руку, мозолистую, но в тот момент еще и добрую.

— Ну-ну, не нужно так расстраиваться, здоровяк. Возможно, все не так плохо, по крайней мере пока. Я мог кое-что и преувеличить, с тем, чтобы вы лучше поняли, о чем я толкую. Меня послали вниз, чтобы посмотреть, не перегородило ли реку упавшее дерево. Такое время от времени случается. И нет нужды кому-то, кроме меня и вас пятерых, знать, что дело не в этом. В эти дни в городе есть о чем тревожиться, помимо задержки в сливе воды.

Я напишу в рапорте, что обнаружил завал, и мальчишки, которые оказались рядом, помогли мне его расчистить. Но ваши фамилии упоминать не стану. Вы не получите благодарность за строительство плотин в Пустоши.

Он оглядел всех пятерых. Бен яростно тер глаза носовым платком. Билл задумчиво смотрел на плотину. Эдди в одной руке держал ингалятор. Стэн стоял вплотную к Ричи, положив руку ему на предплечье, с тем, чтобы сильно его сжать, если Ричи вздумает сказать не «Большое вам спасибо», а что-то еще.

— Вам, мальчики, вообще нечего делать в такой грязи, — продолжил мистер Нелл. — Здесь пышным цветом цветут как минимум шестьдесят болезней. С одной стороны свалка, в здешних речушках полно мочи, пищевых отходов, насекомых, колючек, зловонного ила... нечего вам делать в такой грязи. В вашем распоряжении четыре чистеньких городских парка, чтобы играть в мяч целыми днями, а я застаю вас здесь... Господи Йиссусе!

— Н-н-нам з-з-здесь н-н-нравится! — внезапно и с вызовом воскликнул Билл. — Ко-о-о-огда м-м-мы з-з-здесь, ни-и-икто на н-нас не на-а-а-аезжает.

— Что он сказал? — спросил мистер Нелл Эдди.

— Он сказал, что на нас никто не наезжает, когда мы приходим сюда, — ответил Эдди очень твердо, пусть тонким и свистящим голосом. — И он прав. Когда такие парни, как мы, приходят в парк и говорят, что хотят сыграть в бейсбол, другие парни отвечают: «Само собой, вы хотите встать на вторую базу или на третью?»

Ричи хохотнул:

— Эдди выдал классный прикол! И... вот вам!

Мистер Нелл повернулся к нему.

Ричи пожал плечами:

— Извините, но он прав. И Билл тоже прав. Нам тут нравится.

Ричи подумал, что мистер Нелл опять разозлится, но седовласый коп удивил его, удивил их всех улыбкой.

— Ага, — кивнул он, — мальчишкой мне самому тут нравилось, точно нравилось. И я не запрещаю вам приходить сюда. Но прислушайтесь к тому, что я сейчас вам скажу. — Он нацелил на них палец, и они все смотрели на него с самым серьезным видом. — Если вы будете приходить сюда, то приходите группой, как и сейчас. Вместе. Вы меня поняли?

Они кивнули.

— И это означает, что вместе вам следует быть все время. Никаких игр в прятки, требующих разделения. Вы все знаете, что сейчас творится в городе. И все равно я не запрещаю вам приходить сюда, прежде всего потому, что вы все равно будете приходить. Но для вашего же блага, здесь или где-то еще, держитесь вместе. — Он посмотрел на Билла. — Ты не согласен со мной, юный мастер Билл Денбро?

— Со-огласен, сэр, — ответил Билл. — М-мы будем де-е-е-е...

— Меня это вполне устроит, — кивнул мистер Нелл. — Твою руку.

Билл протянул руку, и мистер Нелл ее пожал.

Ричи скинул руку Стэна и шагнул вперед.

— Ей-богу, мистер Нелл, вы — принц среди людей, да! Чудесный человек! Чудесный, чудесный человек! — Он вытянул руку, схватил здоровенную лапищу ирландца и яростно ее потряс, улыбаясь во весь рот. Для озадаченного мистера Нелла этот мальчишка выглядел уродливой пародией Франклина Д. Рузвельта.

— Спасибо тебе, мальчуган. — Мистер Нелл высвободил руку. — Тебе надо немного поработать над этим. Пока голос у тебя такой же ирландский, как и у Граучо Маркса*.

Остальные мальчишки рассмеялись, главным образом от облегчения. Но Стэн, даже смеясь, укоризненно посмотрел на Ричи: *«Когда же ты повзрослеешь!»*

Мистер Нелл пожал руку всем, последнему — Бену.

— Если в чем тебя и можно упрекнуть, здоровяк, так это в неправильной оценке ситуации. Что же касается этого... ты прочитал, как это делать, в книге?

Бен покачал головой:

— Нет, сэр.

— Взял и придумал?

— Да, сэр.

— Тогда это вдвойне удивительно! Тебя ждут великие достижения, я в этом не сомневаюсь. Но Пустошь — не то место, где можно чего-то достигнуть. — Он задумчиво огляделся. — Ничего великого тут никогда не делалось. Отвратительное место. — Он вздохнул. — Разломайте плотину, парни. Разломайте немедленно. Я же

---

* Граучо Маркс (Джулиус Маркс, 1895—1977) — американский актер-комик, самый известных из пяти братьев Маркс.

просто посижу в тени этого куста и подожду, пока вы это сделаете. — Он насмешливо взглянул на Ричи, как бы приглашая того к очередной маниакальной тираде.

— Да, сэр, — скромно ответил Ричи и на том замолчал.

Мистер Нелл удовлетворенно кивнул, а мальчишки, прежде чем приняться за работу, вновь повернулись к Бену: на этот раз, чтобы он показал им, как можно максимально быстро разрушить то, что строилось по его указаниям. Мистер Нелл тем временем достал из внутреннего кармана бутылку коричневого стекла и сделал большой глоток. Закашлялся, отхаркнул, посмотрел на мальчишек слезящимися благодушными глазами.

— И что у вас в этой бутылке, сэр? — спросил Ричи, стоя по колено в воде.

— Ричи, когда же ты заткнешься? — прошипел Эдди.

— В бутылке? — Мистер Нелл в некотором недоумении посмотрел на Ричи, перевел взгляд на бутылку. Этикетки на ней не было. — Лекарство от кашля, дарованное богами, мой мальчик. А теперь давай поглядим, сможешь ли ты согнуться с той скоростью, с какой мотается твой язык.

3

Потом Билл и Ричи шагали бок о бок по Уитчем-стрит. Велосипед Билл мог только катить. После постройки и слома плотины у него просто не осталось сил, чтобы разогнать его до крейсерской скорости. Оба мальчика перепачкались в грязи, волосы их растрепались, они еле передвигали ноги.

Стэн предложил им зайти к нему, сыграть в «Монополию», пачиси* или в какую-нибудь другую настольную игру, но никто не захотел. Да и вечер приближался. Бен, усталый и подавленный, сказал, что должен пойти домой, узнать, не вернул ли кто библиотечные книги. Он на это надеялся, потому что в библиотеке Дерри

* Пачиси (парчис, «двадцать пять») — американская адаптация традиционной индийской настольной игры, которая зародилась около 500 г. н.э. Другой распространенный вариант игры также известен под названием лудо. В России в начале XX века игра была популярна под названием «Не сердись, дружок». В настоящее время в России игра известна лишь узкому кругу энтузиастов.

требовали, чтобы на вкладыше каждый, кто брал книгу, писал не только имя и фамилию, но и адрес. Эдди спешил домой, чтобы посмотреть по телику «Рок шоу»: в программе анонсировали участие Нила Седаки*, и Эдди хотелось узнать, негр Нил Седаки или нет. Стэн предложил Эдди не пороть чушь, потому что даже по голосу Нила Седаки понятно, что он белый. Эдди возразил, что только по голосу ничего определить нельзя; до прошлого года он не сомневался, что Чак Берри** белый, а после его появления в программе «Американская эстрада» выяснилось, что он негр.

— Моя мать до сих пор думает, что он белый, и это хорошо, — добавил Эдди. — Если она выяснит, что негр, то, возможно, больше не позволит мне слушать его песни.

Стэн поспорил с Эдди на четыре выпуска комиксов, утверждая, что Нил Седака белый, и они вдвоем пошли к Эдди, чтобы телепрограмма разрешила их спор.

Оставшиеся вдвоем Билл и Ричи шли в сторону дома Билла, особенно не разговаривая. Ричи думал об истории Билла, о фотографии, на которой Джордж повернул голову и подмигнул старшему брату. И, несмотря на усталость, в голову ему пришла мысль. Бредовая, конечно... но в определенном смысле и привлекательная.

— Билли, мой мальчик. Давай остановимся. Отдохнем с пяток минут. Я уже сдох.

— И не на-адейся, — ответил Билл, но остановился, аккуратно положил Сильвера на зеленую лужайку перед Теологической семинарией, и оба мальчика сели на широкие ступени, которые вели к зданию из красного кирпича, построенному в викторианском стиле.

— Н-ну и д-денек, — мрачно изрек Билл. Под его глазами появились лиловые мешки. Лицо побледнело и осунулось. — Тебе лучше позвонить домой, когда мы до-оберемся до моего дома, чтобы т-твои ро-одители не с-с-сбрендили.

— Да. Конечно. Послушай, Билл...

Ричи помолчал, думая о мумии Бена, о прокаженном Эдди, о том, что Стэн уже почти им рассказал. На мгновение что-то ше-

---

* Седака, Нил (р. 1939) — американский пианист, вокалист и автор песен, который получил известность как кумир тинейджеров рубежа 1950-х и 1960-х.

** Чак Берри (р. 1926, настоящее имя Чарльз Эдвард Андерсон Берри) — американский певец, гитарист, автор песен. Один из родоначальников рок-н-ролла.

вельнулось в голове, что-то связанное с той статуей Пола Баньяна перед Городским центром. Но то был всего лишь сон, черт побери.

Он отогнал неуместные мысли и перешел к делу:

— Давай зайдем к тебе домой, что ты на это скажешь? Заглянем в комнату Джорджи. Я хочу увидеть эту фотографию.

Пораженный этим предложением, Билл вытаращился на Ричи. Попытался заговорить, но не смог. Слишком велико было потрясение. Ему удалось лишь яростно затрясти головой.

— Ты слышал историю Эдди, — не отступал Ричи. — И Бена. Ты поверил тому, что они рассказали?

— Я не з-з-знаю. Ду-умаю, они что-что-то видели.

— Да. Я тоже. Все мальчики и девочки, которых здесь убили... я думаю, они тоже могли рассказать интересные истории. Разница между Беном, Эдди и остальными в том, что Бен и Эдди смогли убежать.

Билл вскинул брови, но особого удивления не выказал. Ричи предположил, что Билл и сам пришел к такому выводу. Говорил Билл с трудом, но дураком-то не был.

— Давай с этого и начнем, Большой Билл. Какой-то парень надевает клоунский костюм и убивает детей. Я не знаю, зачем ему это надо, но никто не скажет, почему чокнутые что-то делают. Так?

— Та-та-та...

— Так. Все это не так уж отличается от того, что делает Джокер в комиксе о Бэтмене. — Ричи нравилось слышать свои же идеи. Он задался вопросом, то ли он действительно пытается что-то доказать, то ли пускает дымовую завесу с тем, чтобы все-таки увидеть и комнату Джорджи, и ту самую фотографию. Но в принципе, значения это не имело. Может, ему хватило и того, что глаза Билла вспыхнули новым интересом.

— Но ка-акое о-отношение и-и-имеет к э-этому фо-о-отография?

— А сам ты как думаешь, Билли?

Тихим голосом, не глядя на Ричи, Билл сказал, что, по его мнению, происшествие с фотографией не имеет никакого отношения к убийствам.

— Я думаю, это был п-призрак Дж-Дж-Джорджи.

— Призрак в фотографии?

Билл кивнул.

Ричи обдумал его ответ. Сама идея призраков нисколько не удивляла его детский разум. Он не сомневался, что призраки существуют. Его родители были католиками, и Ричи ходил в церковь каждое воскресенье утром и каждый четверг вечером, на занятия кружка юных католиков. Он уже изучил немалую часть Библии, и знал, что Библия верит во всякие странности. Согласно Библии, Сам Бог на треть дух, и это было только начало. Библия верила и в демонов, потому что Иисус изгнал целую их толпу из одного парня. Если по правде, смешных демонов. Когда Иисус спросил того парня, в котором они сидели, как его зовут, демоны ответили и предложили Ему вступить в Иностранный легион. Или что-то такое. Библия верила и в ведьм, иначе в ней бы не говорилось: «Ворожеи не оставляй в живых»*. Кое-что в Библии было почище комикса ужасов. Люди заживо варились в котлах с кипящим маслом или вешались, как Иуда Искариот; история о том, как порочный царь Ахаз упал с башни, и все псы сбежались и слизали его кровь; массовые убийства младенцев, сопровождавшие рождение как Моисея, так и Христа: парней, которые вышли из могил и улетели в небо; солдаты, заклинаниями рушившие стены; пророки, которые видели будущее и боролись с монстрами. Все это Ричи читал в Библии, и каждое слово в ней было правдой — так говорил отец Крейг, и так говорили родители Ричи, и так говорил сам Ричи. Он не ставил под сомнение правдоподобность объяснения Билла. Просто не видел в этом логики.

— Но ты говорил, что испугался. С какой стати призраку Джорджи пугать тебя?

Билл поднес руку ко рту, вытер губы. Рука заметно тряслась.

— Он, вероятно, з-з-злился на ме-еня. Я по-о-ослал его на у-улицу с э-этим ко-о-о-о... — произнести это слово он не смог, поэтому взмахнул рукой. Ричи кивнул, чтобы показать, что понял Билла... но не в знак того, что соглашается с ним.

— Я так не думаю. Если бы ты вонзил ему нож в спину или застрелил, это было бы другое дело. Даже если бы дал ему заряженное ружье отца, чтобы он с ним поиграл. Но мы говорим не о ружье, а всего лишь о бумажном кораблике. Ты не хотел ему ничего дурного; более того, — Ричи поднял палец и наставительно, как про-

* Исход: 22:18.

курор, покачал им перед Биллом, — ты лишь хотел, чтобы малыш немного поразвлекся, так?

Билл задумался, изо всех сил пытаясь в точности вспомнить прошлое. Слова Ричи сделали, казалось бы, невозможное: впервые за долгие месяцы он уже не так тяжело воспринимал смерть Джорджа, но какая-то его часть с холодной уверенностью продолжала настаивать, что никакого облегчения он испытывать не может. Разумеется, вина лежала на нем, утверждала эта часть; возможно, не вся вина, но доля — точно.

Если бы не лежала, откуда взялось холодное место на диване между родителями? Если бы не лежала, как получилось, что за ужином теперь никто ни с кем не разговаривал? Только стучали ножи и вилки, пока ты больше не мог этого выносить и спрашивал, можно ли тебе вы-ы-ыйти из-за стола.

Все выглядело так, будто он сам был призраком, существом, которое говорило и двигалось, но слышали и видели его смутно, существом, которое вроде бы ощущали, но все-таки не воспринимали как реальное.

Ему не нравилась мысль, что вина лежит на нем, но единственная альтернатива, которой, по его разумению, объяснялось поведение родителей, казалась куда как ужаснее: вся любовь и внимание, которые родители дарили ему прежде, обусловливались присутствием Джорджа, и как только Джордж ушел, для него ничего не осталось... и все это произошло случайно, без всякой на то причины. Если ты прикладывал ухо к этой двери, то слышал ветры безумия, ревущие снаружи.

Он перебирал в памяти все, что делал, чувствовал и говорил в день смерти Джорджи, и одна его часть надеялась, что правда на стороне Ричи, тогда как другой в той же мере хотелось, чтобы он ошибся. Они же ссорились, такого точно хватало. А в тот день тоже поссорились? (Конечно, он не был идеальным старшим братом — до ссор у них с Джорджем доходило часто. Может, и в тот день они уже успели поцапаться.)

Нет. Никакой ссоры. Во-первых, Билл еще не набрался сил для действительно хорошей ссоры с Джорджем. Он спал, ему что-то снилось, снилась какая-то

(*черепаха*)

забавная маленькая зверушка, он только не мог вспомнить, какая именно, и он проснулся под звук ослабевающего дождя и тоскли-

вое бормотание Джорджа в гостиной. Он спросил Джорджа, что не так. Джордж вошел и сказал, что пытается сложить бумажный кораблик, следуя инструкциям из книги «Сделай сам», но у него ничего не получается. Билл попросил Джорджа принести книгу. И, сидя рядом с Ричи на ступенях семинарии, вспомнил, как ярко вспыхнули глаза Джорджа, когда он сложил бумажный кораблик, и как легко стало у него на душе от вида этих горящих глаз. По ним чувствовалось, что для Джорджа брат — славный парень, человек, который выполняет свои обещания, может довести до конца любое дело, короче, настоящий старший брат.

Кораблик привел к смерти Джорджа, но Ричи был прав — он не давал Джорджу заряженное ружье, чтобы тот с ним поиграл. Билл не знал, что ждет его младшего брата. Не мог знать.

Билл глубоко, с всхлипами вдохнул, чувствуя, как камень (он даже и не догадывался о его присутствии) скатывается с груди. И сразу почувствовал облегчение.

Он открыл рот, чтобы сказать об этом Ричи, но вдруг разрыдался.

Ричи в тревоге обнял Билла за плечи (предварительно оглядевшись, чтобы убедиться, что никто не примет их за парочку гомиков).

— Все в порядке, Билли, все в порядке, понимаешь? Пошли. Закрывай кран.

— Я не хо-отел, ч-чтобы о-он у-у-умер. — Билл продолжал рыдать. — Я СО-ОВСЕМ ОБ Э-ЭТОМ НЕ ДУ-У-УМАЛ!

— Господи, Билли, я знаю, что не думал, — ответил Ричи. — Если бы ты хотел кокнуть его, то столкнул бы с лестницы или сделал что-то такое. — Ричи неуклюже похлопал Билла по плечу, обнял и отпустил. — Пошли, хватит реветь, а? Ты же не младенец.

Мало-помалу слезы прекратились. Боль осталась, но теперь она стала другой: словно Билли вскрыл нарыв и вычистил находившийся внутри гнойник. И чувство облегчения не пропало.

— Я н-не хо-отел, ч-чтобы о-он у-у-умер, — повторил Билл, — и е-если т-ты с-скажешь ко-ому-нибудь, что я п-плакал, я ра-аскваШу те-ебе нос.

— Не скажу, — заверил его Ричи, — не волнуйся. Он же был твоим братом. Если б моего брата убили, я бы выплакал все глаза.

— У те-ебя н-нет б-брата.

— Нет, но выплакал бы, если б был.

— Вы-ыплакал бы?

— Конечно. — Ричи помолчал, осторожно глянул на Билла, чтобы понять, успокоился ли тот. Билл все еще вытирал покрасневшие глаза, но Ричи решил, что слез больше не будет. — Я что хотел сказать. Мне непонятно, с какой стати призраку Джорджа пугать тебя. Поэтому, фотография, возможно, как-то связана с... ну, с другим. С клоуном.

— Мо-ожет, Дж-Дж-Джордж н-не з-знает. Мо-ожет, он ду-ду-умает...

Ричи понял, что хочет сказать Билл, и с ходу отмел его еще не высказанное предположение.

— Окочурившись, ты знаешь все, что люди когда-либо думали о тебе, Большой Билл — говорил Ричи уверенным тоном учителя, вправляющего мозги деревенщине. — Так сказано в Библии. Там написано: «И если сейчас мы не может увидеть многого даже в зеркале, после смерти мы увидим все, как в окне»*. В первом послании фессалоникийцам или во втором вавилонянам. Забыл в каком. Это означает...

— Я по-о-онимаю, ч-что э-это о-о-означает.

— Так что скажешь?

— О чем?

— Давай пойдем в его комнату и посмотрим. Может, нам удастся понять, кто убивает всех этих детей.

— Я бо-о-юсь идти.

— Я тоже, — ответил Ричи, подумав, что это всего лишь слова, необходимые для того, чтобы убедить Билла отвести его в комнату младшего брата, но что-то тяжелое шевельнулось внутри, и ему стало ясно: он боится до смерти.

4

Мальчики проскользнули в дом Денбро, как призраки.

Отец Билла еще не вернулся с работы. Шерон Денбро сидела на кухне и читала книгу. Запах ужина, жарящейся трески — доплывал до прихожей. Ричи позвонил домой, чтобы сообщить матери, что он не умер. Просто заглянул к Биллу.

---

* Скорее всего Ричи вольно толкует цитату из 1-го послания к Коринфянам, 13:12: «Теперь мы видим как бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу...»

— Кто пришел? — позвала миссис Денбро, когда Ричи положил трубку на рычаг.

Они застыли, виновато переглядываясь, потом Билл откликнулся:

— Э-это я, ма-мама. И Ри-Ри-Ри...

— Ричи Тозиер, мэм! — крикнул Ричи.

— Привет, Ричи, — с полным безразличием в голосе ответила миссис Денбро. — Поужинаешь с нами?

— Спасибо, мэм, но мама зайдет за мной через полчаса или чуть позже.

— Передай ей привет, хорошо?

— Да, мэм, обязательно передам.

— По-пошли, — прошептал Билл. — Хва-хватит бо-болтать.

Они поднялись на второй этаж и зашли в комнату Билла, по-мальчишески аккуратную, то есть настолько аккуратную, чтобы создавать у матери этого мальчишки минимум проблем. На полках навалом лежали книги и комиксы. На столе — тоже комиксы, модели, игрушки и стопка сорокапяток. Тут же стояла и пишущая машинка — старый «Ундервуд». Родители подарили ее Биллу два года назад на Рождество, и Билл иногда печатал на ней рассказы. После смерти Джорджа чуть чаще. Выдуманные истории вроде бы отвлекали от реальности.

Патефону нашлось место только на полу, напротив кровати, на его крышке лежала сложенная одежда. Билл убрал одежду в ящики комода, потом взял со стола пластинки. Просмотрел их, отобрал с полдесятка. Поставил на толстый шпиндель и включил патефон. «Флитвудс»* запели «Подойди нежно, дорогой».

Ричи скорчил гримасу.

Билл улыбнулся, несмотря на то, что сердце у него бешено колотилось.

— О-они не лю-любят рок-н-ро-ролл. О-они по-подарили мне э-эту пла-пластинку на д-день ро-рожденья. Плюс две пла-пластинки П-Пэта Буна** и То-Томми Сэндса***. Я ста-ставлю Ли-Литл

---

* Флитвудс» — музыкальное трио, получившее известность после исполнения песни «Подойди ко мне нежно»/«Come softly to me», записанную и поднявшуюся в чартах на первую строчку в 1959 г.

** Пэт Бун (р. 1934, Чарльз Юджин Бун) — американский певец, актер и писатель. По популярности соперничал с Элвисом Пресли.

*** Томми Сэндс (р. 1937, Томас Адриан Сэндс) — американский певец, автор песен, актер.

Ри-Ричарда и Крикуна Джея Хокинса*, ко-когда и-их не нет до-дома. А е-если она у-услышит э-эту му-музыку, то по-подумает, что мы в мо-моей ко-комнате. По-пошли.

Комната Джорджа находилась по другую сторону коридора. Ричи посмотрел на закрытую дверь и облизнул губы.

— Они не запирают ее? — шепотом спросил у Билла. Внезапно ему очень захотелось, чтобы дверь была заперта. Внезапно он уже не мог поверить, что эта мысль принадлежала ему.

Билл, белый как мел, покачал головой и повернул ручку. Вошел первым, посмотрел на Ричи. Через мгновение Ричи последовал за ним. Билл закрыл дверь, приглушив «Флитвудс». Ричи подпрыгнул от едва слышного щелчка собачки.

Огляделся, в страхе и снедаемый любопытством. Прежде всего отметил сухую затхлость воздуха. «*Здесь давно уже не открывали окно*, — подумал он. — *Черт, да здесь просто давно никто не дышал. Вот что ощущается в этой комнате*». От этой мысли по телу пробежала дрожь, он вновь облизнул губы.

Взгляд его упал на кровать Джорджа, и он подумал о Джордже, который сейчас спал под земляным одеялом на кладбище «Гора надежды». Гнил там. И руки его не сложили, потому что для этого требовались обе руки, а Джорджа похоронили только с одной.

В горле у Ричи что-то булькнуло. Билл повернулся, вопросительно посмотрел на него.

— Ты прав, — просипел Ричи. — Тут просто мурашки бегут по коже. Представить себе не могу, как ты решался заходить сюда один.

— Он б-был мо-моим бра-братом, — искренне ответил Билл. — И-иногда мне хо-хочется за-зайти, и в-все.

На стенах висели постеры, постеры маленького мальчика. Один изображал Тома Великолепного, мультяшного персонажа программы «Капитан Кенгуру»**, прыгающего через голову и тянущиеся к нему руки Крэбби Эпплтона, само собой, «Прогнившего насквозь». На другом Ричи увидел племянников Дональда Дака, Вилли, Бил-

---

* Джей Хокинс по прозвищу Крикун (1929—2000, Джилейси Дж. Хокинс) — один из самых известных и влиятельных американских музыкантов 1950-х годов.

** «Капитан Кенгуру» — детская телевизионная программа (1955—1984). В 1950—1960 гг. ее составляющей частью были мультфильмы с Томом Великолепным, главным врагом которого выступал Крэбби Эпплтон, понятное дело, «прогнивший насквозь».

ли и Дилли, вышагивающих в своих кепариках с большими козырьками. На третьем — Джордж раскрасил его сам — мистер До останавливал транспортный поток, чтобы маленькие дети, направляющиеся в школу, могли перейти улицу. «МИСТЕР ДО ГОВОРИТ ВОДИТЕЛЯМ: «ПОДОЖДИТЕ»!» — гласила надпись на постере.

«*Малыш не отличался аккуратностью*, — подумал Ричи, — *вылезал за контуры*». И тут его передернуло. Другой постер Джордж раскрасить уже не смог бы. Ричи посмотрел на стол у окна. Миссис Денбро положила туда все табели с оценками Джорджа, наполовину раскрытые. Глядя на них, зная, что других уже не будет, зная, что Джордж умер прежде, чем научился раскрашивать плакаты, не выходя за контуры, зная, что его жизнь оборвалась окончательно и бесповоротно после того, как он получил лишь несколько детсадовских табелей и один — в первом классе, Ричи впервые в полной мере осознал, что такое смерть. Словно огромный железный сейф упал ему в мозг и остался там. «*Я могу умереть!* — в диком ужасе закричал его рассудок. — *Любой может! Любой!*»

— Ну и ну, — с дрожью в голосе вымолвил он. На большее его не хватило.

— Да, — прошептал Билл. Сел на кровать Джорджа. — По-посмотри.

Ричи проследил за пальцем Билла и увидел лежащий на полу альбом. «МОИ ФОТОГРАФИИ, — прочитал Ричи. — ДЖОРДЖ ЭЛМЕР ДЕНБРО, 6 ЛЕТ».

«*Шесть лет!* — взвизгнул его рассудок точно так же, как и чуть раньше. — *Шесть лет навсегда! Любой может умереть, мать его! Кто угодно!*»

— Он был о-о-открыт, — добавил Билл. — Ра-раньше!

— А теперь закрыт, — нервно ответил Ричи. Сел на кровать рядом с Биллом и посмотрел на альбом. — Книжки часто закрываются сами собой.

— Стра-стра-страницы — да, но не об-об-обложки. Аль-альбом за-закрылся сам. — Он повернулся к Ричи, его глаза на бледном лице стали совсем черными. — Но о-он хо-хочет, что-чтобы е-его о-открыли. Я так ду-думаю.

Ричи поднялся и медленно направился к фотоальбому, который лежал у окна, занавешенного тюлем. Выглянув, он увидел яблоню во дворе дома Денбро. На черной искривленной ветви чуть покачивались качели.

Ричи вновь посмотрел на фотоальбом Джорджа.

Сухое бурое пятно закрашивало торец, начиная с середины. Выглядело оно, как разлитый кетчуп. И Ричи без труда представил себе, как Джордж рассматривает фотографии в своем альбоме и ест хот-дог или большой, залитый кетчупом гамбургер. Кусает — и кетчуп капает на альбом. Маленькие дети всегда все пачкают. Это мог быть кетчуп. Но Ричи знал, что это не так.

Он коснулся фотоальбома и отдернул руку. Какой холодный! Альбом долго, чуть ли не целый день лежал под солнечными лучами, которые лишь в малой степени рассеивал тюль, но от него так и веяло холодом.

«Я просто оставлю его на месте, — подумал Ричи. — *Я не хочу смотреть этот дурацкий старый альбом, видеть людей, которых знать не знаю. Пожалуй, скажу Биллу, что передумал, мы вернемся в его комнату, почитаем комиксы, потом я пойду домой, поужинаю и лягу спать пораньше, потому что очень устал, а завтра утром, когда встану, у меня не останется сомнений, я поверю, что альбом измазан кетчупом. Именно так! Да!»*

И он открыл альбом пальцами, которые находились в тысяче миль от него, на концах длинных протезов, и принялся рассматривать лица и места в альбоме Джорджа, тетушек, дядюшек, младенцев, дома, старые «форды» и «студебекеры», телефонные провода, почтовые ящики, заборы из штакетника, черпаки, в которых плескалась мутная вода, колесо обозрения на окружной ярмарке, Водонапорную башню, руины Металлургического завода Китчнера.

Пальцы двигались все быстрее, и вскоре он уже листал пустые страницы. Начал переворачивать их в обратном направлении, не хотел, но ничего не мог с собой поделать. Открыл фотографию центра Дерри, пересечения Главной улицы и Канала где-то в 1930 году. Эта фотография стояла в альбоме последней.

— Школьной фотографии Джорджа нет. — Ричи посмотрел на Билла, испытывая облегчение, смешанное с раздражением. — И как это понимать, Большой Билл?

— Ч-ч-что?

— Последняя в альбоме — фотография центра города в стародавние времена. За ней все пусто.

Билл поднялся с кровати, подошел к Ричи. Посмотрел на фотографию центра Дерри, сделанную почти тридцать лет назад, старинные автомобили и грузовики, старинные уличные фонари с

гроздьями круглых стеклянных колпаков, напоминающих белые виноградины, пешеходы, прогуливающиеся у Канала и «схваченные» в момент щелканья затвора. Он перевернул страницу и увидел, что следующая, как и сказал Ричи, пуста.

Нет, подождите, не совсем пуста, осталась складная подставка, какие в фотостудии клеят к обратной стороне фотографии, чтобы ее можно было поставить.

— О-она з-з-здесь была. — Билл постучал по подставке. — Смосмотри.

— Не слабо! И что, по-твоему, с ней случилось?

— Я не з-з-знаю.

Билл взял альбом у Ричи и положил на колени. Начал перелистывать страницы назад, в поисках фотографии Джорджа. Минуту спустя он сдался, а страницы — нет. Они принялись переворачиваться сами, медленно и монотонно, с негромким шуршанием. Ричи и Билл переглянулись, широко раскрыв глаза, и вновь посмотрели на альбом.

Страницы перестали переворачиваться, как только открылась коричневатая фотография центра Дерри, каким он был задолго до рождения Билла или Ричи.

— Ух ты! — воскликнул Ричи и положил альбом себе на колени. В его голосе теперь не слышалось страха, а на лице читалось ожидание чуда. — Срань господня!

— Ч-что? Ч-что н-на ней?

— Мы! Вот что на ней! Ё-моё, посмотри!

Билл взялся за фотоальбом, склонился над ним: теперь они напоминали мальчиков на репетиции хора. Билл шумно вдохнул, и Ричи понял, что он тоже это увидел.

Загнанные под блестящую поверхность черно-белой фотографии, два мальчика шагали по Главной улице к перекрестку с Центральной, к тому месту, где Канал уходил под землю на полторы мили. Два мальчика четко выделялись на фоне низкой бетонной стены Канала. Один в бриджах, второй в матросском костюме. С твидовой кепкой на голове. К камере они повернулись на три четверти, смотрели на другую сторону улицу. Не вызывало сомнений, что мальчик в бриджах — Ричи Тозиер, а в матросском костюме и твидовой кепке — Заика Билл.

Будто загипнотизированные, они смотрели на себя, изображенных на фотографии, которая была старше их в три раза. Язык у

Ричи вдруг сделался сухим, как пыль, и гладким, как стекло. В нескольких шагах от мальчиков мужчина держался за шляпу, его пальто застыло, развеваясь сзади, словно подхваченное порывом ветра. На мостовой фотограф запечатлел «Модели-Т», «Пирс-Эрроу», «шевроле» с подножками.

— Я-я-я-я н-не ве-ве-верю... — начал Билл, и тут фотография пришла в движение.

«Модель-Т», которая вроде бы застыла на перекрестке навеки (во всяком случае, до того времени, как старая фотография окончательно бы выцвела), переехала его — из выхлопной трубы вылетал дымок — и направилась в сторону Подъема-в-милю. Маленькая белая рука высунулась из окошка водительской дверцы и показала, что автомобиль будет поворачивать налево. «Модель-Т» свернула на Судейскую улицу и выехала за пределы фотографии, скрывшись из виду.

«Пирс-Эрроу», «шевроле», «паккарды» — все они покатили через перекресток в нужные им стороны. Пальто мужчины заколыхалось на ветру. Он еще крепче схватился за шляпу, шагая по тротуару.

Оба мальчика развернулись полностью, лицом к мостовой, и мгновением позже Ричи увидел, что смотрят они на бездомную собаку, которая бежала по Центральной улице. Мальчик в матросском костюме (Билл) сунул два пальца в рот и засвистел. Потрясенный до такой степени, что уже не мог ни двигаться, ни соображать, Ричи осознал, что слышит и свист, и постукивание автомобильных двигателей. Звуки эти едва долетали до него, как сквозь толстое стекло, но он их слышал.

Собака посмотрела на двух мальчишек, потом затрусила по своим делам. Мальчишки переглянулись и расхохотались. Они уже двинулись дальше, но тут Ричи в бриджах схватил Билла за руку и указал на Канал. Оба повернулись.

«Нет, — подумал Ричи, — *не делай этого. Не...»*

Они подошли вплотную к низкой бетонной стене, и внезапно на нее, как ужасный черт из табакерки, запрыгнул клоун с лицом Джорджа Денбро, зачесанными назад волосами, с отвратительной нарисованной кровавой улыбкой и черными глазами-дырами. Одна рука держала три шарика на нитке. Другую он протянул к мальчику в матросском костюме и схватил его за шею.

— Не-не-НЕТ! — вскричал Билл и потянулся к фотографии.

Потянулся в фотографию!

— Не делай этого, Билл! — крикнул Ричи и схватил его за руку.

Он почти опоздал. Увидел, как подушечки пальцев Билла прошли сквозь поверхность фотографии в другой мир. Увидел, как часть этих подушечек сменила теплую розовизну живой плоти на мумифицированный кремовый цвет, который на старых фотографиях проходит за белый. И одновременно ушедшая в фотографию часть подушечек уменьшилась в размерах и отделилась от пальцев. Возникла та же оптическая иллюзия, что бывает, когда человек погружает руку в стеклянную чашу с водой: часть руки, ушедшая под воду, кажется, плавает, отделенная от той, что остается над водой.

Косые разрезы появились на пальцах Билла там, где они перестали быть его пальцами и превратились в фотопальцы; он словно сунул руку не в фотографию, а под лопасти вентилятора.

Но Ричи крепко ухватил Билла за предплечье и дернул изо всей силы. Они оба отшатнулись. Альбом Джорджа слетел на пол и закрылся с сухим хлопком. Билл сунул пальцы в рот. Глаза наполнились слезами боли. Ричи видел кровь, тонкими струйками бегущую по ладони к запястью.

— Дай посмотреть.

— Бо-больно, — ответил Билл и протянул руку к Ричи, ладонью вверх. Подушечки указательного, среднего и безымянного пальцев взрезало, словно он действительно сунул руку под лопасти вентилятора. Мизинец едва коснулся поверхности фотографии (если у нее была поверхность), и хотя кожа осталась целой, Билл потом сказал Ричи, что ноготь аккуратно срезало. Будто маникюрными ножницами.

— Господи, Билл, — выдохнул Ричи. Он мог думать только о пластыре. И о том, как им повезло — если бы он не успел перехватить руку Билла, ему отрезало бы пальцы, а не порвало кожу. — Мы должны их перевязать. Твоя мама может...

— Н-н-не бе-бе-беспокойся из-за мо-моей ма-ма-матери. — Билл схватил альбом, разбрызгивая по полу капли крови.

— Не открывай его! — воскликнул Ричи, испуганно схватив Билла за плечо. — Господи Иисусе, Билли, ты чуть не остался без пальцев!

Билл стряхнул его руку. Он лихорадочно пролистывал страницы с мрачной решимостью, написанной на лице — и это напугало

Ричи больше всего. Глаза Билла стали безумными. Пальцы пачкали альбом Джорджа новой кровью — эти пятна пока не выглядели, как кетчуп, но через некоторые время станут неотличимы от него. Конечно, станут.

Наконец он добрался до фотографии центральной части города.

«Модель-Т» стояла на перекрестке. Другие автомобили застыли на прежних местах. Мужчина шагал по тротуару, придерживая шляпу рукой; ветер развевал полы его пальто.

Два мальчика исчезли.

Не было на фотографии никаких мальчиков. Но...

— Посмотри, — прошептал Ричи и указал на что-то так, чтобы кончик пальца не коснулся фотографии. Что-то круглое поднималось над низкой бетонной стеной канала: верхняя часть чего-то круглого.

Вроде бы — воздушного шарика.

5

Из комнаты Джорджа они выскочили вовремя: мать Билла уже стояла у лестницы, отбрасывая на стену тень.

— Вы там затеяли борьбу? Я слышала, что-то упало.

— Чуть-чуть, ма-мама. — Билл быстро глянул на Ричи. Мол, ни слова.

— Больше так не делайте. Я уж подумала, что потолок сейчас обрушится мне на голову.

— М-м-мы б-б-больше н-н-не б-б-будем.

Они услышали, как она ушла в переднюю часть дома. Билл обвязал кровоточащую руку носовым платком. Он уже стал красным, и кровь скоро могла закапать на пол. Мальчики поспешили в ванную, где Билл держал пальцы под струей воды, пока кровь не остановилась. Порезы казались узкими, но глубокими. От вида их белых краев и красного мяса посреди Ричи затошнило. Он как мог быстро заклеил пальцы пластырем.

— Че-чертовски бо-болит, — признался Билл.

— А чего ты вообще сунул туда руку?

Билл посмотрел на кольца пластыря на трех пальцах, потом вскинул глаза на Ричи.

— Э-это б-был кло-клоун. Э-это б-был кло-клоун, при-прикидывавшийся Джо-Джо-Джорджи.

— Точно, — кивнул Ричи. — Клоун прикидывался мумией, когда Бен увидел его. Клоун прикидывался больным бродягой, когда Эдди увидел его.

— Тот про-про-прокаженный.

— Верно.

— Но де-де-действительно ли э-это кло-клоун?

— Это монстр, — ровным голосом ответил Ричи. — Какой-то монстр. Какой-то монстр, который обитает здесь, в Дерри. И он убивает детей.

6

В субботу, довольно скоро после постройки и разрушения плотины, общения с мистером Ниллом и лицезрения движущейся фотографии, Ричи, Бен и Беверли Марш встретились лицом к лицу не с одним монстром, а с двумя — и им пришлось за это заплатить. Ричи, во всяком случае, заплатил. Эти монстры пугали, но на самом деле никакой опасности не представляли. Они выслеживали своих жертв на экране кинотеатра «Аладдин», а Ричи, Бен и Бев наблюдали за ними с балкона.

Одного из монстров, оборотня, играл Майк Лэндон*, но все равно оставался душкой, потому что сквозь личину оборотня проглядывала прическа «утиный хвост»**. Второго монстра, разбивающего машины лихача, играл Гэри Конуэй***. К жизни лихача вернул потомок Виктора Франкенштейна, который скармливал ненужные ему части человеческих тел крокодилам, жившим у него в подвале. Помимо двух фильмов в программу киносеанса входил выпуск новостей с показом последних парижских моделей и взры-

* Лэндон, Майк (1936—1991) — американский актер, писатель, режиссер, продюсер. Главный герой трех популярных телесериалов «Золотое дно» (1959—1973), «Маленький домик в прериях» (1974—1983), «Дорога на небеса» (1984—1989).

** «Утиный хвост» (утиная задница) — прическа, популярная в 1950-х гг. Волосы зачесывались назад и сводились с боков к середине.

*** Гэри Конуэй (р. 1936 г., настоящее имя Гэрет Монелло Кармоди) — американский актер и сценарист.

вом ракеты «Авангард»* на мысе Канаверал, два мультфильма киностудии «Уорнер бразерс», про моряка Попая и пингвина Чилли Вилли (по какой-то причине шапка Чилли Вилли всегда вызывала у Ричи смех) и анонсы новых фильмов. Анонсировались два фильма, «Я вышла замуж за монстра из космоса» и «Капля», и Ричи тут же внес их в список тех, которые хотел посмотреть.

Бен во время сеанса вел себя очень тихо. Старину Стога уже засекли сидевшие внизу Генри, Рыгало и Виктор, и Ричи предположил, что Бен из-за этого сам не свой. На самом деле Бен напрочь забыл об этих подонках (они сидели у самого экрана, передавали друг другу коробки с попкорном, гикали и улюлюкали), а сидел он ни жив ни мертв из-за Бев. Ее близость сокрушила его. По телу то и дело пробегали мурашки. А если она чуть шевелилась, устраиваясь поудобнее, кожа его вспыхивала, как при тропической лихорадке. Когда ее рука, потянувшись за попкорном, касалась его руки, он трепетал от восторга. Потом он думал, что эти три часа, проведенные в темноте рядом с Беверли, стали одновременно самыми длинными и самыми короткими часами в его жизни.

Ричи, оставаясь в неведении о любовных терзаниях Бена, пребывал в прекрасном расположении духа. По его шкале ценностей, лучше двух фильмов про Френсиса — говорящего мула** мог быть только просмотр двух фильмов ужасов в кинотеатре, забитом детьми, которые вопят и кричат в самые страшные моменты. Он не связывал эпизоды из этих двух малобюджетных фильмов, которые они сейчас смотрели, с происходящим в их городе... пока не связывал.

Рекламу субботнего «Двойного шок-шоу» Ричи увидел в пятничном номере «Дерри ньюс» и, можно сказать, тут же забыл о том, как плохо спал ночь: ему пришлось встать и включить свет в стенном шкафу, детский фокус, само собой, но ведь он не смог заснуть, пока этого не сделал. Но на следующее утро все вроде бы выглядело уже нормальным... ну, почти. Он начал думать, что они с Биллом на пару галлюцинировали. Разумеется, раны на пальцах Била галлюцинацией быть не могли, но, может, он просто порезался о края страниц альбома, когда переворачивал их. Страниц из очень

* «Авангард» — программа запусков искусственных спутников Земли и ракета, разработанная в рамках этой программы. Взрыв произошел при запуске 6 декабря 1957 г.

** Френсис — говорящий мул — герой семи комедий, снятых в 1950—1956 гг.

толстой бумаги. Такое могло быть. Вполне. А кроме того, не было закона, обязывающего думать об этом последующие десять лет, так? Так!

В итоге после переживаний, от которых взрослый мог сломя голову побежать к ближайшему мозгоправу, Ричи Тозиер поутру поднялся, плотно позавтракал оладьями, увидел рекламное объявление о двух фильмах ужасов в разделе «Досуг», проверил наличность, обнаружил ее нехватку (что ж... точнее, полное отсутствие этой самой наличности) и начал приставать к отцу с просьбой найти ему какую-нибудь работу.

Его отец, который вышел к столу уже в белой куртке стоматолога, отложил спортивные страницы газеты и налил себе вторую чашку кофе. Симпатичный мужчина с худощавым лицом, он носил очки в тонкой стальной оправе, а на его макушке уже образовалась приличная лысина. Уэнтуорта Тозиера в 1973 году ждала смерть от рака гортани, но пока он смотрел на объявление, которое показывал ему Ричи.

— Фильмы ужасов, — изрек Уэнтуорт.

— Да. — Ричи широко улыбнулся.

— Как я понимаю, тебе хочется их посмотреть.

— Да!

— Как я понимаю, ты умрешь в судорогах разочарования, если не сможешь посмотреть эти два отстойных фильма.

— Да, да, умру! Я знаю, что умру! Гр-р-р-р! — Ричи соскользнул со стула на пол, хватаясь за горло, высунув язык. Умел он показать себя во всей красе.

— Господи, Ричи, немедленно прекрати! — потребовала от плиты мама, которая пекла оладьи и жарила яичницу.

— Послушай, Рич, — вновь заговорил отец, когда мальчик вернулся на стул, — кажется, в понедельник я забыл выдать тебе денег на неделю. Это единственная причина, о которой я могу подумать, раз уж в пятницу они тебе снова понадобились.

— Ну...

— Ты все потратил?

— Ну...

— Как я понимаю, тема эта слишком сложна для столь легкомысленного мальчишки, как ты. — Уэнтуорт Тозиер уперся локтями в стол, положил подбородок на ладони, зачарованно уставился на своего единственного сына. — Так на что они пошли?

Ричи тут же перешел на Голос Тудлса, английского дворецкого.

— Так я действительно их потратил, сэр. Ура-ура, пока-пока, и все такое! Моя лепта в нашу победу. Мы же должны приложить все усилия, чтобы разбить этих проклятых гансов, так? И я оказался в несколько затруднительном положении, да, сэр. Как-то не осталось ни пенни, да. Осталась только...

— ...куча собачьего дерьма, — весело перебил его Уэнт и потянулся к клубничному варенью.

— Будь так любезен, избавь меня от вульгарностей за столом, — осадила мужа Мэгги Тозиер, ставя перед Ричи тарелку с яичницей. Она посмотрела на сына. — Не понимаю, почему тебе хочется забивать голову всем этим мусором?

— Хочется, мамуля, — ответил Ричи, внешне сокрушаясь, внутри — веселясь. Родители были для него что раскрытые книги (потрепанные и любимые книги), и он практически не сомневался, что получит желаемое: и работу, и разрешение пойти в субботу в кино.

Уэнт наклонился к Ричи и широко улыбнулся:

— Я думаю, мы друг друга прекрасно поняли.

— Правда, папа? — ответил Ричи и тоже улыбнулся... с некоторой неуверенностью.

— Да. Ты знаешь нашу лужайку, Ричи? Вы же знакомы, так?

— Разумеется, сэр. — Ричи вновь стал дворецким Тудлсом... или попытался стать. — Немного лохматая, да?

— Есть такое, — согласился Уэнт. — И ты, Ричи, это исправишь.

— Я?

— Ты. Подстрижешь ее, Ричи.

— Хорошо, папа, конечно, — ответил Ричи, но тут же заподозрил ужасное. Может, отец говорил не только о лужайке перед домом.

Улыбка Уэнтуорта Тозиера стала шире, прекратилась в хищный оскал акулы.

— Всю лужайку, о глупое дитя, вышедшее из моих чресл. Перед домом. За домом. По сторонам дома. И когда ты закончишь, я перекрещу твою ладонь двумя зелененькими полосками бумаги с портретом Джорджа Вашингтона на одной стороне и изображением пирамиды под всевидящим оком на другой.

— Не понимаю тебя, папа, — ответил Ричи, но, увы, он все очень даже понимал.

— Два бакса.

— Два бакса за всю лужайку? — воскликнул Ричи, несомненно, в шоке. — Это же самая большая лужайка в квартале. Так нельзя, папа!

Уэнт вздохнул и вновь взялся за газету. Ричи мог прочитать заголовок на первой странице: «ПРОПАВШИЙ МАЛЬЧИК ВНУШАЕТ НОВЫЕ СТРАХИ». В голове мелькнула мысль о странном фотоальбоме Джорджа Денбро — но, конечно же, это была галлюцинация... а если и нет, это было вчера, а жить надо сегодняшним днем.

— Наверное, не очень-то ты и хочешь посмотреть эти два фильма, — донесся из-за газеты голос Уэнта. Мгновением позже над ней появились глаза отца, изучая Ричи. И, по правде говоря, на его лице читалось самодовольство. Примерно так же игрок в покер, держащий в руке каре, изучает поверх карт своего противника.

— Когда близнецы Кларк выкашивают всю лужайку, ты даешь им по два доллара каждому!

— Это правда, — признал Уэнт. — Но, насколько я знаю, завтра они не хотят идти в кино. А если бы и хотели, то располагают необходимыми для этого средствами, потому что в последнее время не появлялись у нашего дома, чтобы проверить состояние растительного покрова. Ты, с другой стороны, хочешь пойти, но деньгами не располагаешь. От чего у тебя тяжесть в животе, Ричи? От пяти оладий и яичницы, которые ты съел, или потому, что условия сегодня диктую я? — Глаза Уэнта вновь скрылись за газетой.

— Он меня шантажирует, — пожаловался Ричи матери, которая ела сухой гренок. Вновь пыталась похудеть. — Это шантаж. Надеюсь, ты это знаешь.

— Да, милый, знаю, — ответила мать. — У тебя подбородок в яичнице.

Ричи стер яичницу с подбородка.

— Три бакса, если я выкошу все до твоего возвращения с работы? — спросил он газету.

Глаза отца на мгновение появились над страницей.

— Два с половиной.

— О-х-х, — выдохнул Ричи. — Ты и Джек Бенни*.

— Мой кумир, — ответил отец из-за газеты. — Решай, Ричи. Я хочу посмотреть результаты вчерашних матчей.

— Заметано, — ответил Ричи и вздохнул. Когда родители держали тебя за яйца, они действительно знали, как сделать так, чтобы ты не вырвался. Довольно ржачно, если задуматься. Выкашивая лужайку, он практиковался в Голосах.

7

Закончил Ричи (перед домом, за домом, по сторонам дома) к трем часам пополудни пятницы, и начал субботу с двумя долларами и пятьюдесятью центами в кармане джинсов. Чуть ли не с целым состоянием. Он позвонил Биллу, но Билл сказал, что должен ехать в Бангор на какие-то логопедические занятия.

Ричи ему посочувствовал и добавил в свой арсенал Голос Заики Билла:

— За-задай им пе-перца, Бо-Бо-Большой Би-Би-Билл.

— Т-твое ли-лицо что м-моя жо-жопа, То-Тозиер. — И Билли бросил трубку.

Следующим Ричи позвонил Эдди Каспбрэку, но у Эдди голос звучал даже печальнее, чем у Билла: его мать взяла им билет выходного дня на автобус, и они собирались навестить тетушек Эдди в Хейвене, Бангоре и Хэмпдене. Все тетушки были толстыми, как миссис Каспбрэк, и одинокими.

— Они будут щипать меня за щеку и говорить, как я вырос, — предсказал Эдди.

— Все потому, что они знают, какой ты душка, Эдс, совсем как я. Я помню, каким ты был миленьким, когда впервые увидел тебя.

— Иногда ты действительно говнюк, Ричи.

— Только говнюк может распознать другого говнюка, Эдс, а ты знаешь их всех. Придешь в Пустошь на следующей неделе?

— Наверное, если вы придете. Поиграем в войну?

— Возможно. Но... думаю, у нас с Биллом будет, что вам рассказать.

---

* Джек Бенни (1894—1974, настоящее имя Бенджамин Кубельски) — американский комик, радиоведущий, теле- и киноактер, частенько изображавший скрягу.

— Что?

— Знаешь, это история Билла. Увидимся. Наслаждайся тетушками.

— Очень смешно.

Третьим он позвонил Стэну-Супермену, но Стэн сильно провинился перед родителями — разбил панорамное окно. Он играл в летающую тарелку с блюдом для пирога, и тарелка эта совершила неудачную посадку. Ке-бац! Так что весь уик-энд ему предстояло трудиться по дому, а может, и следующий. Рич принес соболезнования и спросил, придет ли Стэн в Пустошь на следующей неделе. Стэн ответил, что придет, если отец не запретит ему выходить из дома.

— Да ладно, Стэн, это всего лишь окно.

— Да, но большое, — ответил Стэн и положил трубку.

Ричи уже направился к двери из гостиной, но подумал о Бене Хэнскоме. Полистал справочник, нашел телефон Арлен Хэнском. Поскольку она была единственной женщиной из четверых Хэнскомов, телефоны которых значились в справочнике, Ричи решил, что именно Арлен — мать Бена, и позвонил.

— Я бы с удовольствием, но уже потратил все карманные деньги, — ответил Бен. Голос его звучал тоскливо и виновато. И действительно, деньги он потратил на сласти, газировку, чипсы и копченые говяжьи ломтики.

Ричи (который купался в деньгах и не хотел идти в кино один) нашел решение:

— Денег у меня достаточно. Билет я тебе куплю. Дашь мне расписку.

— Да? Правда? Ты сможешь?

— Конечно, — в некотором недоумении ответил Ричи. — Почему нет?

— Хорошо! — радостно воскликнул Бен. — Просто отлично! Два фильма ужасов. Ты сказал, один с оборотнями?

— Да.

— Круто. Я люблю фильмы с оборотнями.

— Эй, Стог, смотри не наложи в штаны.

Бен рассмеялся.

— Увидимся перед «Аладдином», да?

— Да, договорились.

Ричи положил трубку и задумчиво посмотрел на телефонный аппарат. Внезапно ему подумалось, что Бену Хэнскому одиноко. И он сам тут же стал героем в собственных глазах. Посвистывая, побежал наверх, почитать комиксы перед тем, как идти в кино.

8

День выдался солнечным, ветреным и прохладным. Ричи быстро шел по Центральной улице, направляясь к «Аладдину», щелкал пальцами, напевал себе под нос песню «Рок-Дрозд»*. Чувствовал себя прекрасно. Походы в кино всегда поднимали ему настроение — любил он этот магический мир, эти магические грезы. И жалел любого, кому в такой прекрасный день доставалась проза жизни: Билла с логопедами, Эдди с тетушками, беднягу Стэна-Христопродавца, которому предстояло драить переднее крыльцо или подметать гараж только потому, что блюдо, которое он бросил, полетело направо, а не налево, как того хотелось Стэну.

В заднем кармане у Ричи лежала йо-йо**, и он вновь попытался заставить ее «спать»***. Ричи очень хотелось обрести такую способность, но пока все его потуги не давали результата. Эта маленькая хреновина просто не желала его слушаться. Или она падала вниз и тут же поднималась вверх, или падала и повисала мертвым грузом на конце нити.

Поднимаясь на холм, через который переваливала Центральная улица, он увидел девочку в плиссированной бежевой юбке и белой блузке без рукавов, которая сидела на скамейке около «Аптечного магазина Шокса». Девочка вроде бы ела рожок фисташкового мороженого. Ее ярко-рыжие волосы — иногда они отливали медью, а то вдруг казались чуть ли не светло-русыми — доходили до лопаток. Ричи знал только одну девочку с таким необычным цветом волос. Беверли Марш.

Ричи очень нравилась Беверли. Да, нравилась, но не в том смысле. Он восхищался ее внешностью (и знал, что в этом не одинок —

---

* «Рок-Дрозд»/«Roking robin» — написана в 1958 г. Леоном Рене и записана Бобби Деем. В чартах поднялась на вторую строчку.

** «Йо-йо»/«уо-уо» — игрушка, состоит из двух соединенных осью дисков и веревочки, соединяющей ось между дисками и петельку, надеваемую на палец.

*** «Спать» — состояние, когда йо-йо висит на нити и вращается.

такие девочки, как Салли Мюллер или Грета Боуи люто ее ненавидели, но по молодости еще не могли понять, почему они, которым все остальное доставалось с такой легкостью, по части внешности должны конкурировать с девчонкой, которая жила в одном из обшарпанных многоквартирных домов на Нижней Главной улице), но куда больше ему нравилось, что она могла постоять за себя и отличалась здоровым чувством юмора. Опять же, обычно у нее были сигареты. Короче, она ему нравилась, потому что была славным парнем. И все-таки раз или два он ловил себя на том, что задается вопросом, а какого цвета трусики она носит под своими считанными вылинявшими юбками, хотя об этом обычно не задумываешься, когда дело касается других мальчишек, так?

И Ричи, конечно же, признавал, что она — чертовски красивый парень.

Подходя к скамейке, сидя на которой Бев ела мороженое, Ричи подпоясал невидимое пальто и надвинул на лоб широкополую шляпу, прикинувшись Хэмфри Богартом. Подобрав соответствующий голос, он стал Хэмфри Богартом — по крайней мере для себя. Другие сказали бы, что голос у него — как у Ричи Тозиера, чуть охрипшего от легкой простуды.

— Привет, милая. — Он подплыл к скамье, на которой сидела Бев и смотрела на проезжающие автомобили. — Нет смысла ждать здесь автобуса. Наци отрезали нам путь к отступлению. Последний самолет взлетает в полночь. Ты на нем улетишь. Ты ему нужна, милая. Мне тоже... но я как-нибудь обойдусь.

— Привет, Ричи, — поздоровалась Бев, и, когда повернулась к нему, он увидел лилово-черный синяк на ее правой щеке, похожий на тень от вороньего крыла. Ричи вновь поразился тому, как она хороша... только на сей раз в голове мелькнула мысль, что она прекрасна. До этого момента ему не приходило в голову, что красавицы могли быть где-то помимо кино, не говоря уж о том, что он знаком с такой красавицей. Может, именно синяк позволил ему увидеть, как она прекрасна — выпирающий дефект, который привлек внимание сначала к себе, а потом ко всему остальному: серо-голубым глазам, алым от природы губам, молочной, без единого прыщика, детской коже. Заметил Ричи и крошечную россыпь веснушек на переносице.

— Я позеленела? — спросила она, воинственно вскинув голову.

— Да, милая, — ответил Ричи. — Ты стала зеленой, как лимбургский сыр. Но как только мы выберемся из Касабланки, ты отправишься в самую лучшую больницу, которую можно купить за деньги. Мы вновь сделаем тебя белой. Мамой клянусь.

— Ты говнюк, Ричи. И совсем непохоже на Хэмфри Богарта. — Но она улыбалась, произнося эти слова.

Ричи сел рядом.

— Ты идешь в кино?

— У меня нет денег, — ответила Бев. — Можно взглянуть на твою йо-йо?

Он протянул ей игрушку.

— Придется вернуть ее в магазин. Она должна «спать», но не «спит». Меня надули.

Бев сунула палец в петлю на конце нити, и Ричи подтолкнул очки вверх, чтобы лучше видеть, что она будет делать. Она повернула руку ладонью вверх, дунковская йо-йо удобно улеглась в долину плоти, образованную сложенной пригоршней. Бев указательным пальцем скатила йо-йо с ладони. Сцепленные осью диски падали, пока разматывалась нить, а внизу игрушка начала вращаться. Когда же Бев шевельнула пальцами, давая команду «Подъем», игрушка послушно перестала вращаться на месте и, сматывая нить, забралась на ладонь.

— Ни фига себе, ну ты даешь, — изумился Ричи.

— Плевое дело, — ответила Бев. — Смотри сюда. — Она вновь сбросила йо-йо с руки. Позволила немного повращаться, а потом заставила танцевать ловкими движениями пальцев.

— Перестань, — воскликнул Ричи. — Не люблю выпендрежников.

— А как насчет такого? — спросила Бев, нежно улыбнувшись. Она заставила йо-йо мотаться взад-вперед, отчего красная деревянная игрушка напомнила пэдлбол*, виденный им однажды. Бев закончила представление двумя «Вокруг света» (чуть не зацепив проходившую мимо шаркающую старушку, которая сердито глянула на них). После чего йо-йо аккуратно улеглась на ладонь Бев, с нитью, намотанной на ось между дисками. Бев отдала игрушку Ричи и вновь села на скамейку. Ричи пристроился рядом, челюсть

* Пэдлбол — игра для одного человека, ракетка с прикрепленным к ней на нити резиновым мячиком.

его отвисла в искреннем восхищении. Бев посмотрела на него, рассмеялась.

— Закрой рот, мухи налетят.

Ричи закрыл, щелкнув зубами.

— А кроме того, в конце мне просто повезло. Впервые в жизни мне удалось дважды подряд исполнить «Вокруг света», ничего не запоров.

Дети проходили мимо них, направляясь в кино, Питер Гордон прошел с Марцией Фэддон. Им сам бог велел ходить вместе, но Ричи видел причину в другом: они жили рядом на Западном Бродвее и являли собой такую отменную пару идиотов, что не могли существовать без внимания и поддержки друг друга. У Питера Гордона уже полезли угри, хотя ему было только двенадцать. Иногда он тусовался с Бауэрсом, Криссом и Рыгало, но гонять малышню в одиночку ему не хватало духа.

Он посмотрел на сидящих на скамье Ричи и Бев и тут же заголосил:

— Ричи и Беверли сидели на дереве! Тили-тили-тесто, жених и невеста! Сначала любовь, следом свадьба придет...

— ...и вот уже Ричи с коляской бредет! — закончила Марция и рассмеялась, будто закаркала.

— Сядь-ка на это, милая. — Бев показала ей палец.

Марция негодующе отвернулась, словно не могла поверить, чтобы кто-то мог позволить себе такое хамство. Гордон обнял ее, обернулся к Ричи, процедил:

— Может, я еще повидаюсь с тобой, очкарик.

— Может, ты повидаешься с поясом своей матери, — ловко ответил Ричи (пусть даже и невпопад). Беверли согнулась пополам от смеха. На мгновение коснулась его плеча, но Ричи как раз хватило времени отметить для себя приятность этого прикосновения. Потом она выпрямилась.

— Пара придурков.

— Да, я думаю, Марция Фэдден ссыт розовой водой, — ответил Ричи, и Беверли вновь засмеялась.

— Шанелью номер пять, — приглушенно добавила она, потому что закрывала рот руками.

— Будь уверена, — поддакнул Ричи, хотя понятия не имел, что такое «Шанель номер пять». — Бев?

— Что?

— Можешь показать мне, как заставить ее «спать»?

— Наверное. Никогда не пыталась кого-то научить.

— А как ты научилась? Кто показал тебе?

Она пренебрежительно глянула на него.

— Никто мне не показывал. Сама научилась. Как и крутить жезл. Это у меня здорово получается.

— Тщеславие твоей семье неведомо. — Ричи закатил глаза.

— Получается, — повторила она. — Но я ни у кого ничему не училась.

— Ты действительно можешь крутить жезл?

— Конечно.

— Вероятно, войдешь в группу поддержки в средней школе, да?

Бев улыбнулась. Такой улыбки Ричи еще не видел. Глубокомысленной, циничной и при этом грустной. Он даже отпрянул от неведомой силы этой улыбки, как ранее — от фотографии в альбоме Джорджи, когда она пришла в движение.

— Это для девочек вроде Марции Фэддон, — ответила Бев. — Для нее, для Салли Мюллер, для Греты Боуи. Для девочек, которые ссут розовой водой. Их отцы помогают покупать спортивное снаряжение и форму. Они войдут в группу поддержки. Я — нет.

— Да перестань, Бев, напрасно ты так...

— Почему напрасно, если это правда? — Она пожала плечами. — Мне без разницы. Да и кому охота кувыркаться и демонстрировать нижнее белье миллиону людей? Смотри сюда, Ричи. Внимательно.

Следующие десять минут она показывала Ричи, как заставить йо-йо «спать». И ближе к концу Ричи уже начал соображать что к чему, пусть ему и удавалось поднять йо-йо только на половину нити после того, как она «просыпалась».

— Ты недостаточно сильно дергаешь пальцами, только и всего, — указала ему Бев.

Ричи посмотрел на часы на здании банка «Меррилл траст» на другой стороне улицы и вскочил, засовывая йо-йо в задний карман.

— Черт возьми, я должен идти, Бев. Договорился о встрече со стариной Стогом. Он еще решит, что я передумал.

— Стог — это кто?

— Бен Хэнском. Я же зову его Стог. Ну знаешь, как Стога Колхуна*, рестлера.

---

* Колхун, Уильям Ди, по прозвищу Стог (1934—1989) — знаменитый рестлер (рестлинг — борьба без правил), ростом в шесть футов и шесть дюймов и весом в шестьсот фунтов.

Бев нахмурилась:

— Это не очень хорошо. Мне нравится Бен.

— Не порите меня, масса! — закричал Ричи Голосом Пиканинни*, закатив глаза и вскинув руки. — Не порите меня, я буду хорошим, мэм, я буду хорошим...

— Ричи, — только и сказала Бев.

Ричи прекратил паясничать.

— Мне он тоже нравится. Пару дней назад мы построили плотину в Пустоши и...

— Вы туда ходите? Вы с Беном там играете?

— Конечно. И еще несколько парней. Там круто. — Ричи снова посмотрел на часы. — Я должен идти. Бен ждет.

— Ладно.

Он, однако, не сдвинулся с места, подумал, а потом сказал:

— Если у тебя нет никаких дел, пойдем со мной.

— Я же сказала тебе, у меня нет денег.

— Я за тебя заплачу. У меня есть пара баксов.

Бев бросила остатки рожка в урну. Ее глаза, чистые, ясные, серо-голубые, повернулись к нему. Они лучились весельем. Сделав вид, что поправляет волосы, Бев спросила:

— Правильно ли я поняла, что меня приглашают на свидание?

На мгновение Ричи растерялся, что случалось с ним крайне редко. Более того, почувствовал, что краснеет. Он предложил ей пойти в кино совершенно естественно, как предложил Бену... правда, Бену он вроде бы что-то говорил насчет возврата долга? Да. Но Беверли он ничего такого не сказал.

Ричи стало совсем уж не по себе. Он опустил глаза, отвел их от ее веселого взгляда, и тут понял, что ее юбка чуть приподнялась, когда она поворачивалась, чтобы выбросить остатки рожка, и он видит ее колени. Он поднял глаза, но ничего не выгадал: взгляд уперся в начавшие наливаться груди.

Поэтому Ричи, как обычно и случалось с ним в минуты замешательства, нашел спасение в абсурде.

— Да. На свидание! — воскликнул он, упал перед Бев на колени. Протянул к ней сцепленные руки. — Пожалуйста, пойдем! Пожалуйста, пойдем! Я покончу с собой, если ты скажешь «нет»! Но ты не скажешь? Не скажешь?

---

* Пиканинни — пренебрежительное прозвище чернокожего ребенка.

— Ох, Ричи, с тобой не соскучишься. — Она снова засмеялась, но вроде бы и чуть покраснела? Если так, то стала еще прекраснее. — Поднимайся, не то тебя арестуют.

Он поднялся и вновь плюхнулся рядом с ней на скамейку. Почувствовал, как возвращается хладнокровие. Он твердо верил, что от дурачества всегда только польза, если вдруг голова пошла кругом.

— Так ты хочешь пойти?

— Конечно, — ответила она. — Спасибо тебе большое. Подумать только! Мое первое свидание. Вечером я напишу об этом в дневнике. — Она сцепила руки между начавших набухать грудей, похлопала ресничками. Потом рассмеялась.

— Лучше бы ты это так не называла, — попросил Ричи.

Она вздохнула:

— В твоей душе романтики не найти.

— Чертовски верно, не найти.

Но он чувствовал, что очень доволен собой. Мир вдруг стал таким прозрачным, таким дружелюбным. Время от времени он поглядывал на Бев. Она смотрела на витрины — повседневные и вечерние платья в «Корнелл-Хопли», на полотенца и сковородки в «Дискаунт барн», магазине скидок, а Ричи больше интересовали ее волосы, линия шеи. Он обращал внимание на то место, где голая рука выходила из круглой дырки в блузке. Разглядел край лямки ее комбинации. И все это его радовало. Он не мог сказать почему, но все, что случилось в спальне Джорджа Денбро, отступило как никогда далеко. Время поджимало, им следовало спешить на встречу с Беном, но он не возражал против того, чтобы она подольше поглазела на витрины, потому что ему нравилось смотреть на нее и быть с ней.

9

Дети отдавали четвертаки в окошечко кассы «Аладдина» и проходили в фойе кинотеатра. Глядя через стеклянные двери, Ричи видел толпу, собравшуюся у прилавка со сладостями. Машина для приготовления попкорна работала с перегрузкой, выбрасывая и выбрасывая очередные порции воздушной кукурузы, засаленная крышка на петлях поднималась и опускалась. Бена он нигде не ви-

дел. Спросил Беверли, не заметила ли она его. Она покачала головой.

— Может, он уже в кинотеатре.

— Он говорил, что у него нет денег. И дочь Франкенштейна никогда не пустила бы его без билета. — Ричи ткнул пальцем в сторону миссис Коул, которая работала кассиршей в «Аладдине» еще до того, как появилось звуковое кино. Ее волосы, выкрашенные в ярко-рыжий цвет, стали такими редкими, что сквозь них просвечивала кожа. Огромные отвислые губы она красила вишневой помадой. На щеках горели пятна румян. Брови она зачерняла карандашом. Миссис Коул была идеальной демократкой: в равной степени ненавидела всех детей.

— Слушай, мне не хочется идти без него, — Ричи оглядывался по сторонам, — но сеанс скоро начнется.

— Ты можешь купить ему билет и оставить в кассе, — предложила Бев, очень даже логично. — А потом, когда он придет...

Но в этот момент Бен появился на Центральной улице, повернув на нее с Маклин-стрит. Он пыхтел, живот ходил ходуном под свитером. Увидев Ричи, он поднял руку, чтобы помахать, но тут заметил Бев, и рука его замерла в воздухе, а глаза широко раскрылись. Потом он таки довел взмах до конца и медленно направился к ним, стоящим под козырьком у входа в кинотеатр.

— Привет, Ричи, — поздоровался он, а потом бросил короткий взгляд на Бев, словно боялся, что вспыхнет, если будет долго на нее смотреть. — Привет, Бев.

— Привет, Бен, — откликнулась она, и необычная тишина опустилась на них двоих... Ричи подумал, что дело тут не в неловкости, а в чем-то другом, более могущественном. Почувствовал укол ревности, потому что что-то проскочило между Беном и Бев, и, что бы это ни было, он остался в стороне.

— Как дела, Стог? — спросил он. — Я уж подумал, что ты струсил. Эти фильмы сгонят с тебя десять фунтов. От них у тебя поседеют волосы. Когда мы будем уходить из кинотеатра, билетеру придется вести тебя по проходу, потому что ты будешь дрожать всем телом.

Ричи двинулся к кассе, но Бен коснулся его руки. Начал говорить, глянул на Бев, увидел, что она ему улыбается, и ему пришлось начать снова.

— Я ждал тебя здесь, но ушел и завернул за угол. Потому что появились эти парни.

— Какие парни? — спросил Ричи, но подумал, что уже знает ответ.

— Генри Бауэрс. Виктор Крисс. Рыгало Хаггинс. Кто-то еще.

Ричи присвистнул.

— Они, должно быть, уже в зале. Я не видел, чтобы они покупали сладости.

— Да, скорее всего.

— На их месте я бы не стал платить деньги за просмотр двух фильмов ужасов, — заметил Ричи. — Я бы остался дома и посмотрел в зеркало. Сэкономили бы бабки.

Бев весело рассмеялась, но Бен лишь едва улыбнулся. В тот день Генри Бауэрс поначалу, возможно, хотел только отдубасить его, но потом точно собирался убить. Бен в этом не сомневался.

— Вот что я тебе скажу, — продолжил Ричи. — Мы пойдем на балкон. Они наверняка будут сидеть на втором или третьем ряду, задрав ноги.

— Ты уверен? — Бен не знал, понимает ли Ричи, насколько паршиво то, что здесь эти парни... а уж что здесь Генри — это хуже всего.

Ричи, который три месяца назад едва избежал по-настоящему серьезной трепки, которую ему мог задать Генри со своими придурками-дружками (он оторвался от них в отделе игрушек в «Универмаге Фриза»), понимал, с кем имеет дело, гораздо лучше, чем мог представить себе Бен.

— Если б я в этом сомневался, то не пошел бы в кино, — ответил он. — Я хочу посмотреть эти фильмы, Стог, но у меня нет желания умереть из-за них.

— А кроме того, если они будут нам мешать, мы сможем попросить Фокси вышвырнуть их, — вставила Бев. Она говорила про мистера Фоксуорта, тощего, с ввалившимися щеками, вечно мрачного управляющего «Аладдина». Сейчас он продавал сладости и попкорн, непрерывно повторяя: «Дождитесь своей очереди, дождитесь своей очереди, дождитесь своей очереди». В изношенном фраке и пожелтевшей крахмальной рубашке он выглядел, как гробовщик, переживающий тяжелые времена. Бен в нерешительности переводил взгляд с Бев на Фокси и Ричи.

— Ты не можешь позволить им рулить твоей жизнью, чел, — мягко указал Ричи. — Разве ты этого не знаешь?

— Наверное, не могу. — Бен вздохнул. Конечно же, он не мог этого знать... но присутствие Бев кардинально все изменило. Если б не она, он бы попытался убедить Ричи пойти в кино в другой день. И, если бы это удалось, Бену не пришлось бы совать голову в петлю. Но Бев была здесь, и он не хотел выглядеть трусом в ее глазах. Да и слишком уж притягательной выглядела мысль, что он окажется с ней, на балконе, в темноте (пусть даже между ними будет сидеть Ричи, а другого он себе и не представлял).

— Дождемся начала сеанса и тогда зайдем. — Ричи улыбнулся и ущипнул Бена за руку. — Не дрейфь, Стог, — или ты собрался жить вечно?

Бен нахмурил брови — и внезапно рассмеялся. Ричи последовал его примеру. И Беверли рассмеялась, глядя на них.

Ричи вновь направился к кассе. Коул Печеночные Губы мрачно смотрела на него.

— Добрый день, милая леди, — поздоровался Ричи Голосом барона Дырожопа. — Мне, пожалуйста, три биль-билетика на ваши прекрасные американские движущиеся картинки.

— Прекрати треп и скажи, что тебе нужно, мальчик! — рявкнула Печеночные Губы в круглую дыру в стекле, и ее поднимающиеся и опускающиеся брови чем-то так напугали Ричи, что он просто сунул в щель смятый доллар и пробормотал:

— Три, пожалуйста.

Три билета вынырнули из щели. За ними последовал четвертак.

— Не остри, не бросайся коробками для попкорна, не вопи, не бегай по фойе, не бегай по проходам, — напутствовала его кассирша.

— Ни в коем случае, мэм, — ответил Ричи, пятясь к Бев и Бену. — У меня всегда тает сердце, когда я вижу эту старую пердунью, которая действительно любит детей, — сообщил он.

Они еще постояли у двери, дожидаясь начала сеанса. Печеночные Губы подозрительно поглядывала на них из своей стеклянной будки. Ричи рассказал Бев историю строительства и разрушения плотины в Пустоши, продекламировав фразы мистера Нелла новым для себя Голосом ирландского копа. Беверли почти сразу начала смеяться, и вскоре она уже хохотала. Даже Бен заулыбался, хотя его взгляд продолжал метаться между стеклянными дверями кинотеатра «Аладдин» и лицом Беверли.

10

На балконе им понравилось. Уже на первой части фильма «Я был подростком-Франкенштейном» Ричи заметил Генри Бауэрса и его поганых дружков. Как он и предполагал, сидели они во втором ряду. Шестеро или пятеро из пятых, шестых и седьмых классов, все — в сапогах, задрав ноги на спинки кресел первого ряда. Фокси подходил к ним и просил убрать ноги. Они убирали. Фокси уходил, и тут же сапоги возвращались на прежнее место. Через пять или десять минут Фокси подходил вновь, и ритуал повторялся. Фокси не хватало духа выгнать их из зала, и они это знали.

Фильмы не подвели. «Подросток-Франкенштейн», как и заказывали, нагнал ужасу. Хотя «Подросток-оборотень»* показался им более страшным... возможно, потому, что в нем чувствовалась какая-то грусть. В том, что произошло, вины подростка не было. Все обстряпал гипнотизер, который сумел превратить парня в оборотня только потому, что того переполняли злоба и ненависть. Ричи задался вопросом, а много ли на свете людей, которые способны скрывать эти чувства. Генри Бауэрса они явно переполняли, но уж он точно не пытался это скрыть.

Беверли сидела между мальчишками, ела попкорн из их коробок, вскрикивала, закрывала глаза руками, иногда смеялась. Когда оборотень выслеживал девушку, оставшуюся потренироваться в спортивном зале после школьных занятий, она уткнулась лицом в руку Бена, и Ричи услышал, как тот ахнул от изумления, несмотря на крики двухсот детей, сидевших внизу.

Оборотня в конце концов убили. В последнем эпизоде один коп с важным видом говорил другому, что случившееся должно научить людей не лезть в дела, которые лучше оставить Богу. Занавес закрылся, вспыхнул свет. Раздались аплодисменты. Ричи остался всем доволен, только чуть разболелась голова. Похоже, в скором времени ему предстояло вновь пойти к окулисту и подобрать линзы. Он мрачно подумал о том, что к окончанию школы будет носить на глазах бутылки от «колы».

Бен дернул его за рукав.

— Они нас видели, Ричи. — В ровном голосе слышался страх.

---

* Фильм «Я был подростком-Франкенштейном» выпущен через полгода после успешного «Я был подростком-оборотнем». Оба фильма 1957 г.

— Кто?

— Бауэрс и Крисс. Они посмотрели на балкон, когда выходили. И увидели нас!

— Ничего-ничего, — ответил Ричи. — Успокойся, Стог. Просто ус-по-кой-ся. Мы сможем выйти через боковую дверь. Волноваться не о чем.

Они спустились с балкона. Ричи — первым, Беверли — за ним, Бен — в арьергарде, оглядываясь через каждые две ступеньки.

— Эти парни действительно злы на тебя, Бен? — спросила Беверли.

— Да еще как, — ответил Бен. — Я подрался с Генри Бауэрсом в последний день учебы.

— Он тебя избил?

— Не так сильно, как ему хотелось, — ответил Бен. — Поэтому он по-прежнему злится.

— Старину Хэнка Танка еще и потрепали изрядно, — пробормотал Ричи. — Или я так слышал. Не думаю, что он этому очень рад. — Он открыл дверь, и они вышли в проулок между «Аладдином» и закусочной «У Нэна». Кошка, сидевшая в мусорном баке, зашипела и пробежала мимо них по проулку к дальнему концу, перегороженному дощатым забором. Вскарабкалась на него и исчезла. Загремела крышка. Бев подпрыгнула, схватила Ричи за руку, нервно рассмеялась.

— Наверное, еще напугана фильмами.

— Незачем тебе... — начал Ричи.

— Здорово, падла, — раздался позади них голос Генри Бауэрса.

Вздрогнув, все трое обернулись. Генри, Виктор и Рыгало стояли у входа в проулок. За их спинами маячили еще двое парней.

— Ох, черт, так и знал, что нарвемся, — простонал Бен.

Ричи быстро повернулся к «Аладдину». Но дверь захлопнулась за ними, и открыть ее снаружи не представлялось возможным.

— Прощайся с жизнью, падла! — И с этими словами Генри побежал к Бену.

Все, что произошло в следующие мгновения, представлялось Ричи (и тогда, и потом) кадрами из какого-то фильма — в реальной жизни произойти такого просто не могло. В реальной жизни маленькие дети получают свои тумаки, подбирают выбитые зубы и идут домой.

Но на этот раз все пошло по-другому.

Беверли двинулась навстречу Генри, держась ближе к стене, словно намеревалась пожать ему руку. Ричи слышал, как цокают шипы сапог Бауэрса. Виктор и Рыгало шли следом, двое парней остались у входа в проулок, охраняя его.

— Оставь его в покое! — закричала Беверли. — Хочешь подраться — найди себе ровню!

— Он здоровый, как грузовик, сука, — фыркнул Генри, совсем не по-джентльменски. — А теперь убирайся с...

Ричи выставил ногу. Он не собирался этого делать — нога выдвинулась сама, точно так же, как иногда с губ сами по себе слетали остроты, вредные для здоровья. Генри наткнулся на нее и упал. Проулок вымостили кирпичом, который стал скользким от помоев, выливавшихся из переполненных мусорных баков, стоящих со стороны закусочной. И Генри заскользил по мостовой, как кость домино — по шахматной доске.

Он начал подниматься, его рубашку покрывали пятна кофейной гущи и грязи, к ней прилипли кусочки салата.

— Вы здесь все ПОДОХНЕТЕ! — прорычал он.

До этого момента Бена сковывал страх. А тут что-то в нем лопнуло. Взревев, он поднял один из помойных баков. На мгновение, когда Бен поднял бак, из которого лились помои, он действительно выглядел Стогом Колхуном. Его бледное лицо перекосило от ярости. Бен швырнул бак в Генри, угодил ему по пояснице, и Генри рухнул лицом на кирпичи.

— Сматываемся! — крикнул Ричи.

Они бросились к выходу из проулка. Виктор Крисс прыгнул к ним, перегораживая дорогу. Бен, взревев, наклонил голову и ударил ему в живот. «Уф!» — выдохнул Виктор и сел.

Рыгало схватил Беверли за волосы и отшвырнул к стене «Аладдина». Она отскочила и побежала дальше, потирая руку. Ричи бежал следом, прихватив по пути крышку от мусорного контейнера. Рыгало Хаггинс замахнулся на него кулаком размером с окорок. Ричи выставил вперед оцинкованную стальную крышку, и Рыгало со всего размаха приложился к ней. «Бонг-г-г!» — раздался громкий, почти мелодичный звук. Ричи почувствовал, как удар, пройдя по его руке, отдается в плече. Рыгало завопил и запрыгал на месте, баюкая распухающую кисть.

— Ты уж оставайся, а мне пора. — Ричи точно сымитировал голос Тони Кертиса и побежал вслед за Беном и Беверли.

Один из парней у входа в проулок поймал Беверли. Бен схватился с ним. Второй принялся молотить его кулаками по пояснице. Ричи замахнулся ногой и от души приложился к ягодицам боксера. Тот взвыл от боли. Ричи одной рукой схватил руку Беверли, другой — Бена.

— Бежим! — крикнул он.

Парень, с которым схватился Бен, отпустил Беверли и ударил Ричи. Его ухо взорвалось болью, онемело, а потом стало совсем горячим. В голове раздался пронзительный свистящий звук. Очень похожий на тот, который бывает при проверке слуха, когда школьная медсестра закрывает уши наушниками.

Они побежали по Центральной улице. Люди оглядывались на них. Большой живот Бена мотало из стороны в сторону. Конский хвост Беверли подпрыгивал. Ричи отпустил руку Бена и прижимал большим пальцем очки ко лбу, чтобы не потерять их. В голове по-прежнему звенело, и он не сомневался, что ухо раздуется, но это нисколько не портило ему настроения. Он рассмеялся. Беверли присоединилась к нему. Скоро смеялся и Бен.

Они свернули на Судейскую улицу и плюхнулись на скамью перед полицейским участком: в тот момент им казалось, что нет в Дерри другого места, где они могли бы чувствовать себя в безопасности. Беверли одной рукой обняла за шею Бена, другой — Ричи. Изо всех сил прижала их к себе.

— Это было круто! — Ее глаза сверкали. — Вы видели этих парней? Вы их видели?

— Я их видел, будь уверена, — выдохнул Бен. — И не хочу увидеть их еще раз.

Его слова вызвали новый приступ истерического хохота. Ричи все время ждал, что из-за угла на Судейскую улицу вывалится банда Генри и набросится на них, несмотря на близость полицейского участка, и все равно не мог сдержать смех. Как и сказала Беверли, это было круто.

— «Клуб неудачников» выдает классный прикол! — восторженно выкрикнул Ричи. — Бах-бах-бах! — Он сложил ладони рупором и произнес Голосом Бена Берни*: «Молодцы, детки, МО-ЛОД-ЦЫ, МО-ЛОД-ЦЫ!»

---

* Бен Берни (1891–1943, настоящее имя Бернард Анзелевич) — американский скрипач и ведущий радиопрограмм.

Коп высунул голову из открытого окна второго этажа и закричал:

— А ну, малышня, кыш отсюда! Немедленно! Встали и ушли!

Ричи открыл рот, чтобы изречь что-нибудь знаменательное (и ведь мог, недавно обретенным Голосом ирландского копа), но Бен пнул его в ногу.

— Заткнись, Ричи. — И тут же засомневался, неужели это он только что сказал такое.

— Точно, Ричи. — Бев с обожанием смотрела на него. — Бип-бип.

— Хорошо. — Ричи пожал плечами. — Так что будем делать? Хотите найти Генри Бауэрса и спросить, нет ли у него желания обсудить все за игрой в «Монополию»?

— Прикуси язык, — одернула его Бев.

— Да? И что это означает?

— Не важно, — ответила Бев. — До некоторых так туго доходит.

Нерешительно, зардевшись от смущения, Бен спросил:

— Тот гад не сильно дернул тебя за волосы?

Она ему нежно улыбнулась, и в тот самый момент поняла, что ее первоначальная догадка верна: именно Бен Хэнском прислал ей открытку с очаровательной маленькой хайку.

— Нет, не сильно, — ответила она.

— Пошли в Пустошь, — предложил Ричи.

Туда они и направились... или там они и спрятались. Потом Ричи придет к выводу, что именно тогда и определилось, где они проведут остаток лета. Пустошь стала их прибежищем. Беверли, как и Бен до того, первого столкновения с большими парнями, в Пустоши никогда не бывала. И теперь шагала между Ричи и Беном, когда они гуськом шли по тропе. Юбка ее так мило колыхалась, и Бен, глядя на нее, ощущал волны накатившего на него чувства, такие же сильные, как спазмы в желудке. Браслет на лодыжке Беверли поблескивал в послеполуденном солнце.

Они пересекли ту протоку Кендускига, которую пытались перегородить плотиной (река разделялась примерно в семидесяти ярдах выше, а двумястами ярдами ниже обе протоки сливались), по камням, выступающим из воды на том месте, где недавно высилась плотина, нашли другую тропу и, наконец, вышли на берег восточной протоки, гораздо более широкой. Вода сверкала под лучами солнца. Слева от себя Бен увидел два бетонных цилиндра, закры-

тых металлическими крышками-решетками. Под ними над водой торчали большие бетонные трубы. Тонкие ручейки мутной воды стекали из этих дренажных труб в Кендускиг. «Кто-то справляет нужду в городе, и здесь все выливается в реку», — подумал Бен, вспоминая лекцию мистера Нелла о канализационной системе Дерри. И его охватила бессильная ярость. Когда-то в этой реке наверняка водилась рыба. Но сейчас шансы поймать здесь форель не сильно отличались от нуля. Скорее на крючок попался бы комок использованной туалетной бумаги.

— До чего же здесь красиво, — выдохнула Бев.

— Да, неплохо, — согласился Ричи. — Мошка улетела, и ветерок достаточно сильный, чтобы сдувать комаров. — Он с надеждой посмотрел на нее. — Сигареты есть?

— Нет, — ответила она. — Была парочка, но я их вчера выкурила.

— Жаль, — вздохнул Ричи.

Тишину разорвал рев тепловозного гудка, и они наблюдали, как длинный громыхающий товарный поезд медленно проезжает по насыпи на другой стороне Пустоши, направляясь к грузовому двору. «*Черт, а будь поезд пассажирским, им бы открылось «прекрасное» зрелище*, — подумал Ричи. — *Сначала — дома бедняков Олд-Кейпа, дальше — заросшие болота на другой стороне Кендускига, и наконец, перед тем, как Пустошь скроется из виду, дымящийся карьер — городская свалка*».

И тут мысли его перескочили на историю Эдди — о прокаженном, который жил под заброшенным домом на Нейболт-стрит. Он выбросил это из головы и повернулся к Бену:

— Что тебе больше всего понравилось, Стог?

— Что? — Бен повернулся к нему, смутился. Пока Бев, погруженная в свои мысли, смотрела на другой берег Кендускига, он смотрел на ее профиль... и на синяк на скуле.

— В кино, придурок. Что тебе понравилось больше всего?

— Мне очень понравился тот эпизод, когда доктор Франкенштейн начинает скармливать тела крокодилам, которые жили под его домом, — ответил Бен. — По-моему, самый лучший.

— Да, так мерзко. — Бев содрогнулась. — Я такого терпеть не могу. Крокодилов, пираний, акул.

— Правда? Пираньи — это кто? — Ричи сразу заинтересовался.

— Маленькие рыбки, — ответила Бев. — У них крошечные зубы, но очень острые. И если ты войдешь в реку, где водятся пираньи, они обглодают тебя до костей.

— Ух ты!

— Я один раз видела кино, так там туземцы хотели перейти реку, а мост рухнул. Они на веревке спустили в воду корову и переправились через реку, пока пираньи ее ели. Когда вытащили корову из воды, от нее остался один скелет. Потом мне неделю снились кошмары.

— Эх, мне бы этих рыбок, — размечтался Ричи. — Я бы запустил их в ванну Генри Бауэрса.

Бен засмеялся:

— Не думаю, что он когда-нибудь принимает ванну.

— Этого я не знаю, зато знаю точно, что этих парней нам надо избегать. — Беверли пальцами коснулась синяка на скуле. — Папаша вломил мне позавчера за то, что я разбила тарелки. Одного синяка за неделю достаточно.

Возникла пауза, но не такая уж неловкая. Молчание прервал Ричи, сказав, что ему больше всего понравился эпизод, где подросток-оборотень расправляется со злобным гипнотизером. Примерно с час они говорили о фильмах, о тех, что смотрели в кино, и о тех, что показывали по телевизору в программе «Альфред Хичкок представляет». Бев заметила растущие на берегу маргаритки, сорвала одну. Подержала под подбородком Ричи, потом под подбородком Бена, чтобы определить, любят ли они масло. Сказала, что любят оба. И когда она держала цветок под их подбородками, оба ощущали ее легкое прикосновение к плечу и чистый запах ее волос. Лицо Бев лишь секунду-другую находилось рядом с лицом Бена, но ночью ему снились ее глаза в тот короткий, бесконечный отрезок времени.

Разговор о фильмах начал увядать, когда они услышали треск: по тропе кто-то шел. Все трое повернулись на звук, и Ричи внезапно, но очень остро ощутил, что за спиной у них река. А значит — отступать некуда.

Голоса приближались. Они поднялись. Бен и Ричи инстинктивно выступили чуть вперед, прикрывая Бев.

Кусты у дальнего конца тропы качнулись... и из них появился Билл Денбро. Компанию ему составлял мальчишка, которого Ричи немного знал. Звали его Брэдли Как-его-там, и он ужасно шепеля-

вил. Ричи подумал, что он, наверное, как и Билл, ездил к логопедам в Бангор.

— Большой Билл! — воскликнул он, и тут же добавил Голосом Тудлса: — Мы рады видеть вас, мистер Денбро, ма-астер.

Билл посмотрел на них, улыбнулся — и когда он переводил взгляд с Ричи на Бена, на Беверли и, наконец, на Брэдли Как-его-там, Ричи открылась истина. Беверли — одна из них, говорили глаза Билла. Брэдли Как-его-там — нет. Он мог какое-то время побыть здесь сегодня, мог еще прийти в Пустошь... никто не сказал бы ему: «Извини, но прием новых членов в «Клуб неудачников» закрыт, у нас уже есть один с дефектом речи» — но он не мог войти в их команду. Не мог стать одним из них.

И от этой мысли вдруг возник новый, иррациональный страх. На мгновение Ричи ощутил чувство, которое появляется, когда ты неожиданно для себя осознаешь, что заплыл слишком далеко и вода уже захлестывает тебя с головой. То было интуитивное откровение: *«Нас во что-то втягивают. Нас нашли и избрали. Все это не случайно. Мы здесь уже все?»*

А потом откровение рассыпалось мельтешением мыслей — будто стеклянная панель разбилась о каменный пол. Да и не имело все это никакого значения. Билл уже рядом, Билл обо всем позаботится; Билл не позволит ситуации выйти из-под контроля. Он не только самый высокий из них, но и, несомненно, самый симпатичный. Чтобы это понять, Ричи хватило лишь одного взгляда, искоса брошенного на Бев — она, не отрываясь, смотрела на Билла, Ричи перевел взгляд на Бена: он, все понимая, печально глядел на лицо Бев. Билл был к тому же еще и самым сильным из них, и не только физически. Крепостью и объемом мышц дело не ограничивалось, но, не зная такого слова, как «харизма», и не понимая в полной мере значения слова «магнетизм», Ричи лишь чувствовал, что сила Билла многогранна и может проявляться по-разному. И если бы Бев влюбилась в Билла, или втюрилась, или как там это называется, Ричи подозревал, что Бен ревновать бы не стал (*«Но стал бы, — подумал Ричи, — если б она втюрилась в меня»*); принял бы это как само собой разумеющееся. Однако этим дело не заканчивалось: Билл был добрым. Глупая, наверное, мысль (Ричи, если на то пошло, так и не думал, он это чувствовал), но из песни слова не выкинешь. Билл, казалось, лучился добротой и силой. Этакий рыцарь из старого кино, банального, но по-прежнему вышибающего слезу

по ходу и радостные крики и аплодисменты в конце. Сильный и добрый. Пятью годами позже, после того как воспоминания о случившемся в Дерри во время и до того лета начали быстро таять, Ричи Тозиеру, уже пятнадцатилетнему, придет в голову мысль о том, что Джон Кеннеди напоминает ему Заику Билла.

«Кто это?» — спросит его разум.

Ричи в некотором недоумении вскинет глаза к потолку и покачает головой. «*Какой-то парень, которого я раньше знал*, — подумает он и избавится от смутной тревоги, поправив очки и вновь сосредоточившись на домашнем задании. — *Какой-то парень, которого я знал давным-давно*».

Билл Денбро подбоченился и ослепительно улыбнулся.

— Ч-что ж, раз у-уж мы з-здесь... ч-чем за-аймемся?

— Сигареты у тебя есть? — с надеждой спросил Ричи.

11

Через пять дней, когда июнь близился к концу, Билл сказал Ричи, что хочет поехать на Нейболт-стрит и залезть под крыльцо, то самое, под которым Эдди видел прокаженного.

Они только что вернулись к дому Ричи, и Билл катил Сильвера. Большую часть пути он вез Ричи, мчась по Дерри с захватывающей дух скоростью, но поступил осмотрительно, велев ему слезть с багажника за квартал от дома. Если б мать Ричи увидела, что они едут вдвоем на одном велосипеде, с ней случилась бы истерика.

В проволочной корзине Сильвера лежали игрушечные шестизарядные револьверы, два — Билла, три — Ричи. Большую часть дня они провели в Пустоши, играли в войну. Беверли Марш появилась около трех часов, в вылинявших джинсах и с очень старой духовушкой «Дейзи», которая уже едва держала сжатый воздух: когда ты нажимал на обмотанный изолентой спусковой крючок, духовушка сипела, словно кто-то уселся на очень старую подушку-пердушку, а не издавала резкий, характерный для выстрела звук. Бев изображала японскую снайпершу. Ловко забиралась на дерево и расстреливала тех, кто имел неосторожность пройти внизу. Синяк у нее на скуле практически рассосался, осталось лишь едва заметное желтое пятнышко.

— Что ты сказал? — переспросил Ричи. Потрясенный... но и определенно заинтригованный.

— Я х-хочу за-аглянуть п-под т-то к-к-крыльцо, — повторил Билл. Голос его звучал упрямо, но на Ричи Билл не смотрел. На скулах у него горели пятна румянца. Они как раз подошли к дому Ричи. Мэгги Тозиер сидела на крыльце и читала книгу. Она помахала им рукой, крикнув:

— Привет, мальчики! Хотите ледяного чая?

— Мы сейчас, — откликнулся Ричи и повернулся к Биллу: — Ничего мы там не найдем. Господи, да он скорее всего видел бродягу, а потом все перепутал. Ты же знаешь Эдди.

— Д-да. Я з-знаю Э-Э-Эдди. Н-но я по-о-омню фо-о-отографию в а-альбоме.

Ричи переступал с ноги на ногу, ему было не по себе. Билл поднял правую руку. Пластырь с пальцев он давно снял, но Ричи видел участки подживающей кожи на подушечках трех пальцев.

— Да, но...

— По-о-ослушай ме-еня. — Билл заговорил медленно, не отрывая взгляда от глаз Ричи. Вновь напомнил о схожих моментах в историях Бена и Эдди... связал их с тем, что они видели на ожившей фотографии. Снова предположил, что именно тот клоун убил мальчиков и девочек, тела которых нашли в Дерри с прошлого декабря. — И во-о-озможно, он у-убил н-не то-о-олько их, — закончил Билл. — Как на-асчет тех, к-кто и-исчез? Как на-асчет Э-Э-Эдди Ко-о-оркорэна.

— Слушай, его же запугал отчим, — возразил Ричи. — Или ты газет не читаешь?

— Мо-ожет, за-а-апугал, а мо-ожет, и н-нет. Я его не-емного з-знал, и я з-знаю, что о-отчим е-его б-бил. А еще я з-знаю, ч-что раньше о-он и-иногда не но-очевал до-ома, ч-чтобы не с-сталкиваться с о-отчимом.

— То есть клоун мог добраться до него ночью, когда он не пошел домой? — предположил Ричи.

Билл кивнул.

— А чего ты хочешь? Взять у этого клоуна автограф?

— Е-если к-клоун у-убил э-этих де-етей, тогда о-он у-у-убил Дж-Джорджи, — ответил Билл. Он вновь встретился взглядом с Ричи. Глаза его напоминали сланец: жесткие, бескомпромиссные, неумолимые. — Я хо-очу е-его у-у-убить.

— Господи Иисусе, — в испуге выдохнул Ричи. — И как ты собираешься это сделать?

— У мо-оего о-отца е-есть пи-истолет, — ответил Билл. С его губ летела слюна, но Ричи этого не замечал. — О-он не з-знает, ч-что я з-знаю, но э-это так. Пи-и-истолет на ве-ерхней по-олке в е-его с-стенном ш-шкафу.

— Это здорово, если клоун — человек, — сказал Ричи, — и если мы найдем его сидящим на груде детских костей.

— Мальчики, я налила чай, — весело крикнула с крыльца мать Ричи. — Поднимайтесь и попейте.

— Уже идем, мама! — ответил Ричи и посмотрел на мать, одарив ее широкой, картинной улыбкой, которая полностью исчезла, едва он вновь повернулся к Биллу. — Знаешь, Билли, я не стал бы стрелять в человека только потому, что на нем клоунский костюм. Ты мой лучший друг, но я не стал бы этого делать и не дал бы сделать тебе, если бы смог остановить.

— Ч-что, е-если там де-ействительно бу-удет г-груда ко-остей?

Ричи облизнул губы и какое-то время молчал. Потом спросил:

— А что ты собираешься делать, если это окажется не человек, Билли? Что, если это действительно какой-то монстр? Что, если они и правда существуют? Бен Хэнском говорил, что это была мумия, воздушные шарики плыли против ветра и она не отбрасывала тени. Фотография в альбоме Джорджа... то ли нам это привиделось, то ли это была магия, и знаешь, что я тебе скажу, чел? Не думаю я, что нам это привиделось. Твои пальцы точно не привиделись, так?

Билл кивнул.

— Так что ты собираешься делать, если это не человек, Билли?

— То-огда н-нам п-придется п-придумать ч-что-то е-еще.

— Да-да, — кивнул Ричи. — Могу себе это представить. После того как ты выстрелишь в него четыре или пять раз, а он будет идти на нас, как подросток-оборотень в том фильме, что видели я, Бен и Бев, ты сможешь попытаться остановить его из «Яблочка». Если «Яблочко» не поможет, я брошу в него пригоршню чихательного порошка. Если он все равно будет надвигаться на нас, ты просто скажешь ему: «Эй, подождите. Ничего у нас не получается, мистер Монстр. Послушайте, нам нужно срочно заглянуть в библиотеку и прочитать, как же нам быть. Но мы вернемся. Извините нас». Ты ему это скажешь, Большой Билл?

Он смотрел на своего друга, в голове стучало. Какая-то часть Ричи хотела, чтобы Билл настаивал на своей идее — заглянуть под крыльцо старого дома, но другая хотела (отчаянно хотела), чтобы Билл отступился. В каком-то смысле речь шла о том, чтобы попасть в один из фильмов ужасов, из тех, что по субботам показывали в «Аладдине», но в одном, критически важном, их затея кардинально отличалась от фильма. Потому что затея эта была отнюдь не безопасной — это только в кино все всегда разрешалось наилучшим образом, а тебе ничто не грозило. Фотография в комнате Джорджа совсем не походила на фильм. Ричи казалось, что он о ней и думать забыл, но, вероятно, он лишь обманывал себя, потому что сейчас видел заживающие ранки на подушечках пальцев Билли. Если бы он тогда не отдернул руку Билла...

Невероятно, но Билл улыбался. Искренне улыбался.

— Т-ты хо-отел, ч-чтобы я по-оказал те-ебе фо-отографию. Те-еперь я хо-очу, ч-чтобы т-ты по-оехал со м-мной в-взглянуть на д-дом. Дашь на дашь.

— Ты дать не можешь, — ответил Ричи, и они оба расхохотались.

— За-автра у-утром, — подвел черту Билл, как будто они уже обо всем договорились.

— А если это монстр? — Теперь уже Ричи нашел взглядом глаза Билла. — Если пистолет твоего отца его не остановит, Большой Билл? Если он будет идти на нас?

— М-мы п-придумаем ч-что-нибудь е-еще, — повторил Билл. — Н-нам п-придется. — Он запрокинул голову и захохотал как безумный. Мгновение спустя Ричи присоединился к нему — не смог удержаться.

По вымощенной камнями дорожке они подошли к крыльцу. Мэгги уже принесла большущие стаканы ледяного чая с листочками мяты и тарелку с ванильными вафлями.

— Т-ты хо-очешь по-ойти? — спросил Билл.

— Нет, конечно, — ответил Ричи. — Но я пойду.

Билл хлопнул его по спине, сильно, и страх как-то сразу сделался терпимым, хотя Ричи внезапно понял (и в этом он не ошибся), что сегодня вечером сон будет долго от него ускользать.

— Вы, мальчики, выглядите так, будто обсуждали что-то очень серьезное. — Миссис Тозиер вновь уселась с книгой в одной руке и стаканом холодного чая — в другой. В ожидании ответа она смотрела на них.

— Да, Денбро высказал безумную мысль, что «Ред сокс» закончат сезон в первом дивизионе, — ответил Ричи.

— Я и м-мой па-апа ду-умаем, ч-что о-они п-прибавят. — Билл пригубил ледяной чай. — О-очень хо-ороший, ми-иссис Тозиер.

— Спасибо, Билл.

— В том году, когда «Ред сокс» закончат сезон в первом дивизионе, ты перестанешь заикаться, каша-во-рту, — ввернул Ричи.

— Ричи! — потрясенно воскликнула миссис Тозиер. Она едва не выронила стакан с ледяным чаем. Но и Ричи, и Билл Денбро истерически хохотали, чуть не складываясь пополам. Миссис Тозиер переводила взгляд со своего сына на Билла и обратно, но в изумлении, которое она ощущала, простое недоумение смешивалось с уколом страха, таким резким и острым, что он проник в глубины ее сердца и вибрировал там ледяным камертоном.

«Я никого из них не понимаю, — думала она. — *Куда они ходят, чем занимаются, чего хотят... кем они вырастут. Иногда, да, иногда глаза у них безумные, иногда я боюсь за них, а иногда — их...»*

Она обнаружила, что думает (и не в первый раз) о том, как было бы хорошо, если бы у них с Уэнтом родилась еще и девочка, миленькая белокурая девочка, которую она могла бы одевать в платья, и завязывать бантики в тон платьям, и обувать в черные кожаные туфельки. Миленькая белокурая девочка, которая после школы просила бы испечь булочки, которая просила бы покупать ей куклы, а не книги по чревовещанию и модели гоночных автомобилей «Ревелл».

Миленькая белокурая девочка, которую она понимала бы.

12

— Он у тебя? — озабоченно спросил Ричи.

В десять утра следующего дня они катили велосипеды по Канзас-стрит вдоль Пустоши. Над ними висело тускло-серое небо. Во второй половине дня обещали дождь. Ричи смог заснуть лишь после полуночи, и он подумал, что Денбро тоже провел беспокойную ночь; под глазами у старины Билла набухли черные мешки.

— Он у ме-еня. — Билл похлопал по зеленой куртке из толстой шерстяной материи.

— Дай взглянуть, — с восторженным придыханием попросил Ричи.

— Не сейчас, — ответил Билл и улыбнулся: — К-кто-нибудь е-еще мо-ожет у-увидеть. По-о-осмотри, ч-что е-еще я п-принес. — Он завел руку за спину, сунул под куртку и достал из заднего кармана рогатку «Яблочко».

— Ох, черт, мы в беде! — Ричи рассмеялся.

Билл сделал вид, что обижается.

— Э-это бы-ыла т-твоя и-идея, То-о-озиер.

Сделанную на заказ алюминиевую рогатку Биллу подарили на прошлый день рождения. Зак пришел к выводу, что это разумный компромисс между желанием Билла получить пистолет двадцать второго калибра и решительным отказом его матери даже думать о том, чтобы купить ребенку огнестрельное оружие. В брошюре с инструкциями говорилось, что рогатка может послужить отличным оружием для охоты, после того как ты научишься ею пользоваться. «В умелых руках рогатка «Яблочко» может быть столь же действенной и смертоносной, как арбалет или ружье большого калибра», — утверждалось в брошюре. Определившись с достоинствами этого оружия, брошюра предупреждала, что рогатка может быть опасной. Владельцу не рекомендовалось нацеливать на человека рогатку с вложенным в нее одним из двадцати металлических шариков, которые к ней прилагались, точно так же, как не следовало нацеливать на человека заряженный пистолет.

Билл еще не научился метко стрелять из рогатки (и подозревал, что никогда не научится), но полагал, что предупреждение это более чем уместно. Толстая резинка придавала шарику немалую скорость, и если он попадал в жестяную банку, то пробивал чертовски большую дыру.

— В меткости прибавляешь, Большой Билл? — спросил его Ричи.

— Не-емного, — ответил Билл. Отчасти даже сказал правду. После внимательного изучения картинок в брошюре (которые обозначались как рисунки: рис. 1, рис. 2 и т.д.) и тренировок в Дерри-парк, чтобы набить руку, он попадал в бумажную мишень (мишени тоже прилагались к рогатке) три раза из десяти. И однажды он попал в яблочко. Ну... почти попал.

Ричи растянул резинку за пяту, отпустил, потом протянул рогатку Биллу. Он ничего не сказал, но в душе сомневался, что на нее можно положиться, как на пистолет Зака, если придется убивать монстра.

— Принес, значит, рогатку? Большое дело. Едва ли она на что-то сгодится. Посмотри, что принес я, Денбро, — и выудил из кармана куртки пакет с картинкой карикатурного лысого мужчины, который говорил: «АП-ЧХИ!» — а его щеки раздувались, как у Дизи Гиллеспи*. «ЧИХАТЕЛЬНЫЙ ПОРОШОК ДОКТОРА КУ-КУ» — гласила надпись на пакете. Ниже следовало: «ОБЧИХАТЬСЯ ВАМ».

Билл и Ричи переглянулись, а потом расхохотались, молотя друг друга по спине.

— Те-еперь м-мы го-отовы к-к-ко в-всему, — наконец заявил Билл, еще смеясь и вытирая глаза рукавом куртки.

— Твое лицо и мой зад, Заика Билл, — поддакнул Ричи.

— Я ду-умал, ч-что к-как р-раз на-аоборот, — покачал головой Билл. — А те-еперь слушай. Мы с-спрячем т-твой ве-елосипед в Пу-устоши. Т-там, г-где я в-всегда п-прячу Сильвера, когда мы играем. Т-ты по-оедешь на мо-оем, по-позади меня, на с-случай, е-если нам п-придется бы-ыстро с-сматываться.

Ричи кивнул, не испытывая желания поспорить. Его «роли» с колесами диаметром двадцать два дюйма (иногда он стукался коленками о рукоятки руля, если очень уж быстро крутил педали) выглядел сущим пигмеем рядом с сухопарым, похожим на портальный кран Сильвером. Ричи знал, что Билл сильнее его, а Сильвер катит быстрее.

Они подошли к маленькому мосту, и Билл помог Ричи скатить под него велосипед. Потом они присели, и под шум время от времени проезжающих над их головами автомобилей Билл расстегнул куртку и достал отцовский пистолет.

— Б-будь че-ертовски о-осторожен, — предупредил Билл, передавая пистолет Ричи, после того как тот присвистнул, выразив восторг. — На та-аком пи-истолете п-п-предохранителя нет.

— Он заряжен? — спросил Ричи, с благоговейным трепетом. Этот пистолет — «ССПК Вальтер», который Зак Денбро привез из оккупационной зоны Германии, — показался ему невероятно тяжелым.

— Е-еще нет. — Билл похлопал по карману. — Па-атроны у меня з-здесь. Но мой о-отец го-оворит, ч-что и-иногда ты п-проверяешь, а по-отом, е-если пи-истолет ду-умает, ч-что ты по-отерял

* Гиллеспи, Джон Беркс по прозвищу Диззи (1917—1993) — выдающийся джазовый трубач.

б-бдительность, он за-аряжается с-сам. И то-огда он мо-ожет тетебя за-астрелить. — Билл говорил все это со странной улыбкой, которая означала следующее: вообще-то он в подобные глупости не верит, но в эту верит на все сто процентов.

Ричи его понимал. Чувствовалась в этой штуковине затаившаяся смерть. Ничего похожего он не ощущал ни в отцовском пистолете двадцать второго калибра, ни в карабине .30-.30, ни даже в помповике (хотя в помповике что-то такое было, правда? Както по-особенному он прислонялся к стене, молчаливый и маслянисто поблескивающий в углу гаражного чулана, словно хотел сказать: «Я могу быть злым, если захочу; очень даже злым, будьте уверены», — если бы умел говорить). Но этот пистолет, этот «вальтер» — его будто сделали с одной единственной целью убивать людей. У Ричи по спине пробежал холодок: да, именно для этого его и сделали. А для чего еще нужен пистолет? Чтобы сигареты раскуривать?

Он повернул «вальтер» стволом к себе, очень осторожно, держа руки подальше от спускового крючка. Одного взгляда в черное отверстие дула вполне хватило, чтобы понять, что выражала та особенная улыбка Билла. Он вспомнил слова своего отца: «*Если ты всегда будешь помнить, Ричи, что незаряженного стрелкового оружия не существует, то оно никогда не доставит тебе хлопот*». Он протянул пистолет Биллу, радуясь, что избавляется от него.

Билл убрал «вальтер» под куртку. И внезапно дом на Нейболтстрит перестал казаться Ричи таким уж опасным... но ощущение, что кровь действительно может пролиться... это ощущение как-то усилилось.

Он посмотрел на Билла — возможно, чтобы еще раз попытаться отговорить его, — но, увидев выражение его лица, только спросил: «Ты готов?»

13

Как и всегда, когда Билл отрывал вторую ногу от земли, Ричи не сомневался, что сейчас они грохнутся, расплескав содержимое своих бестолковых черепушек по безразличному бетону. Большой велосипед отчаянно мотало из стороны в сторону. Шелест игральных карт слился в пулеметный треск. Амплитуда пьяных покачи-

ваний велосипеда усилилась. Ричи закрыл глаза в ожидании неизбежного.

И тут же Билл завопил: «Хай-йо, Сильвер, ВПЕРЕ-Е-ЕД!»

Велосипед набрал скорость и перестал качаться из стороны в сторону, провоцируя морскую болезнь. Ричи ослабил мертвую хватку, которой вцепился в Билла, и ухватился за переднюю часть багажника. Билл пересек Канзас-стрит и помчался вниз по боковым улицам, наращивая скорость, направляясь к Уитчем-стрит. Они пулей вылетели со Стрефэм-стрит на Уитчем. Поворачивая, Билл чуть не уложил Сильвера набок и вновь проревел: «Хай-йо, Сильвер!»

— Гони его, Большой Билл! — прокричал Ричи, который от испуга чуть не наложил в джинсы, но при этом хохотал, как безумный. — Жми на педали!

Билл пожелание выполнил, подался вперед и согнулся над рулем, вращая педали с какой-то фантастической частотой. Глядя на спину Билла, удивительно широкую для одиннадцатилетнего мальчика, наблюдая, как она движется под курткой из шерстяной материи, как плечи наклонялись то в одну, то в другую сторону в зависимости от того, на какую педаль нажимал Билл, Ричи вдруг осознал, что они неуязвимы, что будут жить вечно. Что ж... они, может, и нет, а вот Билл — точно будет. Билл просто понятия не имел, какой он сильный, как уверен в себе, да и вообще — просто идеал.

Они мчались и мчались, дома теперь стали реже, улицы пересекали Уитчем-стрит с большими интервалами.

— Хай-йо, Сильвер! — прокричал Билл, и Ричи подхватил голосом ниггера Джима, высоким и пронзительным:

— Хай-йо, Силва, ма-асса, это гонка! Вы за-а-гоните этот велосипед на-аверняка! Ка-ак он мчится! Хай-йо, Силва, ВПЕР-Е-ЕД!

Теперь они проезжали зеленые поля, казавшиеся плоскими и тонкими, как бумага под серым небом. Впереди Ричи уже видел депо из красного кирпича. Справа от него в ряд выстроились куонсетские ангары-склады*. Сильвер подпрыгнул на рельсах, пересекавших Уитчем-стрит. Подпрыгнул второй раз.

И наконец они добрались до Нейболт-стрит, уходящей направо. «ГРУЗОВОЙ ДВОР ДЕРРИ» — синий щит-указатель висел под табличкой с названием улицы. Ржавый и скособоченный. Под этим

---

* Куонсетский ангар — ангар полуцилиндрической формы из гофрированного железа. Первые строения такого типа были собраны в местечке Куонсет-Пойнт, штат Род-Айленд, в 1941 г.

знаком они увидели другой, гораздо больше — черные буквы на желтом поле. Надпись словно выносила приговор грузовому двору: «ТУПИК».

Билл свернул на Нейболт-стрит, подкатил к тротуару, поставил на него ногу.

— О-отсюда да-авай по-ойдем пе-ешком.

Ричи соскользнул с багажника, испытывая смесь облегчения и сожаления.

— Хорошо.

Они двинулись вдоль тротуара, потрескавшегося, начавшего зарастать сорняками. Впереди, на грузовом дворе, дизель набирал обороты, сбрасывал, набирал вновь. Раз или два они слышали металлический лязг сцепок: вагоны сбивали в состав.

— Страшно? — спросил Ричи Билла.

Билл — он катил Сильвера, держась за ручки руля, — коротко глянул на Ричи и кивнул:

— Д-да. А тебе?

— Я точно боюсь, — ответил Ричи.

Билл рассказал Ричи, что вчера вечером спросил отца о Нейболт-стрит. По словам отца, до конца Второй мировой войны там жили многие железнодорожники: машинисты, кондукторы, стрелочники, рабочие, грузчики. Улица начала приходить в упадок вместе со станцией и грузовым двором, и по мере того как Билл и Ричи продвигались по ней, расстояние между домами увеличивалось, а сами дома становились все более грязными и обшарпанными. Последние три или четыре с каждой стороны пустовали. Окна забиты досками, лужайки заросли сорняками. Табличка «ПРОДАЕТСЯ» одиноко свисала с крыльца одного из них. Ричи решил, что табличке этой никак не меньше тысячи лет. Тротуар оборвался, и теперь они шли по утоптанной тропе, которую, пусть и без особого желания, захватывала трава.

Билл остановился и показал:

— В-вон он.

Дом двадцать девять по Нейболт-стрит когда-то был аккуратным красным коттеджем «Кейп-Код»*. Возможно, подумал Ричи,

---

* Коттедж «Кейп-Код» — одноэтажный деревянный дом под двухскатной крышей с массивной каминной трубой посередине и полуподвалом. Название — от полуострова Кейп-Код, где такие дома активно строились в XVIII — начале XIX в.

здесь жил машинист, холостяк, который носил исключительно джинсы, имел в своем гардеробе множество перчаток с большими отворотами и четыре или пять кепок. Дома он бывал раз или два в месяц, по три-четыре дня кряду, слушал радио, копался в саду. В еде отдавал предпочтение жареному (к овощам не притрагивался, хотя и выращивал их для друзей), а вечерами, когда за окнами завывал ветер, думал о девушке, с которой расстался.

Но теперь красная краска выцвела до бледно-розовой и облупилась, образуя отвратительные проплешины, которые выглядели как язвы. Окна глядели пустыми глазницами, забитыми досками. Большинство кровельных плиток слетело. Сорняки бурно разрослись по обеим сторонам дома, а на лужайке созрел первый в этом году щедрый урожай одуванчиков. Слева от дома высокий дощатый забор, некогда сверкавший белизной, а теперь мутно-серый, под цвет низкого неба, пьяно кренился над густым кустарником. Еще у этого забора росла чудовищная роща подсолнухов — самый высокий поднимался футов на пять, а то и выше. Раздутые и омерзительные, они не понравились Ричи. Ветер шебуршал в них, и они, казалось, хором кивали, говоря: «*Мальчики пришли, как хорошо. Опять мальчики. Наши мальчики*». Ричи передернуло.

Пока Билл осторожно прислонял Сильвера к вязу, Ричи оглядел дом. Увидел колесо, торчащее из густой травы около крыльца, и указал Биллу. Тот кивнул; перевернутый детский велосипед, о котором упоминал Эдди.

Они посмотрели вдоль Нейболт-стрит в одну сторону, в другую. Дизель подал голос и умолк, снова зашумел. Звук этот, казалось, повис под низким небом, как заклинание. На улице не было ни души. Ричи слышал шум изредка проезжающих по шоссе 2 автомобилей, но отсюда их было не видно.

Дизель пыхтел и смолкал, пыхтел и смолкал. Огромные подсолнечники хищно кивали. *Новенькие мальчики. Хорошие мальчики. Наши мальчики.*

— Т-т-ты го-отов? — спросил Билл, и Ричи аж подпрыгнул.

— Знаешь, я как раз подумал, что книги, которые я заказал в библиотеке в последний раз, должны прийти сегодня. Может, мне следует...

— П-прекрати т-треп, Ри-и-ичи. Т-ты го-отов и-или нет?

— Пожалуй, да, — ответил Ричи, зная, что совсем не готов... и никогда не будет готов для этого фильма.

Через заросшую лужайку они направились к крыльцу.

— По-осмотри ту-уда, — кивнул Билл.

Слева от них выломанная из-под крыльца декоративная решетка привалилась к розовым кустам. Они увидели ржавые гвозди, которыми решетка крепилась к крыльцу. С обеих сторон выломанной решетки кусты вяло цвели, но прямо перед решеткой стояли почерневшие, мертвые.

Билл и Ричи мрачно переглянулись. Эдди, похоже, рассказал им все как было; прошло семь недель, а доказательства остались.

— Ты же не хочешь взаправду лезть под крыльцо, да? — спросил Ричи. В голосе слышалась мольба.

— Н-не хо-о-очу, — ответил Билл, — н-но до-олжен.

С замиранием сердца Ричи увидел, что говорит его друг абсолютно серьезно. Серые глаза Билла мрачно поблескивали. Закаменевшее от решимости лицо прибавило ему несколько лет. «*Он действительно собирается его убить, если найдет*, — подумал Ричи. — *Убить, а может, отрезать голову, отнести своему отцу и сказать: «Смотрите, вот кто убил Джорджи, и теперь снова говорите со мной по вечерам, хотя бы рассказывайте, как прошел ваш день или кто проиграл, когда вы бросали монетку, решая, кому платить за утренний кофе*».

— Билл... — начал он, но Билла уже рядом не было. Он шел к правому краю крыльца, где, должно быть, Эдди туда и заполз. Ричи пришлось бежать вдогон, и он чуть не грохнулся, зацепившись ногой за трехколесный велосипед, брошенный в сорняках, который, ржавея, врастал в землю.

Он догнал Билла, когда тот уже присел, заглядывая под крыльцо. Ограждающей решетки под ним не было, или кто-то — какой-нибудь бродяга — давным-давно выломал ее, чтобы укрыться под крыльцом, скажем, от январского снегопада, холодного ноябрьского дождя или летнего ливня.

Ричи присел на корточки рядом с ним. Сердце ухало, как барабан. Под крыльцом он не увидел ничего, кроме прошлогодней листвы, пожелтевших газет и теней. Но теней хватало с избытком.

— Билл, — повторил он.

— Ч-ч-что? — Билл вновь достал отцовский «вальтер». Осторожно вытащил из рукоятки обойму, выудил из кармана четыре патрона. Один за другим вставил их в обойму. Ричи наблюдал как зачарованный, потом вновь посмотрел под крыльцо. На этот раз

он увидел кое-что еще. Разбитое стекло. Слабо поблескивающие осколки стекла. Желудок скрутило. Ричи хватало ума понять, что осколки эти — еще одно, и очень весомое, подтверждение истории Эдди. Осколки стекла на прошлогодних листьях означали разбитое окно, более того, разбитое изнутри. Из подвала.

— Ч-что? — вновь спросил Билл, повернувшись к Ричи. Его лицо побледнело, стало суровым. И глядя на это лицо, Ричи мысленно выбросил белое полотенце.

— Ничего, — ответил он.

— Ты и-и-идешь?

— Да.

Обычно Ричи нравился запах прелой листвы, но в запахах под крыльцом ничего приятного не было. Листья под ладонями и коленями напоминали губку, и у него создалось ощущение, что их толщина — два, а то и три фута. Внезапно он спросил себя, что будет делать, если из этих листьев высунется рука или лапа и схватит его. Билл уже осматривал разбитое окно. Повсюду блестели осколки стекла. Деревянная перегородка между двумя стеклянными панелями, переломленная пополам, валялась под ступенями, которые вели на крыльцо. Верхняя часть рамы торчала наружу, как сломанная кость.

— Что-то очень уж сильно врезало по этой хрени, — прошептал Ричи.

Билл, всматриваясь в темноту подвала и пытаясь что-то там разглядеть, кивнул.

Ричи оттолкнул его локтем, чтобы тоже посмотреть, что внутри. В густом сумраке виднелись очертания ящиков и коробок. Пол в подвале был земляной, и от него, как от листьев, тянуло гнилью и сыростью. Слева виднелась громада котла, трубы уходили в низкий потолок. За ним, в дальнем конце, Ричи разглядел деревянные стены, отгораживающие часть подвала. В первый момент он подумал, что это стойло для лошади. Но кто будет держать лошадь в чертовом подвале?

Потом сообразил, что в таком старом доме, как этот, котел скорее всего работал на угле, а не на солярке. Никто не удосужился переделать котел, потому что дом так и не нашел нового хозяина. И огороженный участок с деревянными стенами — угольный бункер. В другом конце подвала, справа, Ричи смутно различил лестничный пролет, ведущий на первый этаж.

Билл уже присел на корточки... повернулся спиной к окну... и, прежде чем Ричи смог поверить в то, что собрался сделать его друг, ноги Билла исчезли в окне.

— Билл! — прошипел Ричи. — Бога ради, что ты делаешь? Вылезай оттуда!

Билл не ответил. Он протискивался в окно. Куртка на поясничке задралась, он едва разминулся с торчащим осколком, который мог бы сильно его порезать. А секунду спустя Ричи услышал, как теннисные туфли Билла стукнули о твердый земляной пол подвала.

— К черту это все, — испуганно пробормотал Ричи себе под нос. — Билл, ты совсем сбрендил?

Голос Билла приплыл из подвала:

— Т-ты мо-ожешь о-остаться на-аверху, е-если хо-очешь, Ри-ичи. С-стой на с-стреме.

Но Ричи улегся на живот и сунул ноги в окно, пока страх не заставил его дать стрекача, в надежде, что не порежет о стекло ни руки, ни живот.

Кто-то схватил его за ноги. Ричи вскрикнул.

— Э-это в-всего л-лишь я, — прошептал Билл, и мгновение спустя Ричи уже стоял рядом с ним на полу подвала, одергивая рубашку и куртку. — А т-ты ду-умал к-кто?

— Монстр, — ответил Ричи с нервным смешком.

— Т-ты и-идешь сю-юда, а я по-ойду ту-у...

— На хер! — Ричи буквально слышал удары сердца в своем голосе, которые то прибавляли силы, то стихали. — Я от тебя ни на шаг, Большой Билл.

Сначала они направились к хранилищу угля. Билл чуть впереди, с пистолетом в руке, Ричи — вплотную к нему, пытаясь смотреть во все стороны одновременно. Билл на мгновение остановился у одной из выступающих деревянных стенок угольного бункера, а потом выскочил из-за нее держа пистолет обеими руками. Ричи крепко закрыл глаза, приготовившись услышать грохот выстрела. Но выстрела не последовало. Ричи осторожно открыл глаза.

— Ни-ичего, к-кроме у-угля. — Билл нервно рассмеялся.

Ричи подошел к Биллу. Действительно, ничего, кроме горы старого угля, поднимающейся к самому потолку в дальнем конце бункера, у их ног тоже лежало несколько кусков. Цветом уголь не отличался от воронова крыла.

— Давай... — начал Ричи, и тут дверь, к которой вела лестница, распахнулась, с грохотом ударившись о стену. Полоса дневного света легла на ступени.

Оба мальчика вскрикнули.

Ричи услышал рычание. Громкое рычание — так мог рычать дикий зверь в клетке. Он увидел мокасины, спускающиеся по лестнице, потом вылинявшие джинсы, наконец, покачивающиеся руки...

Нет, не руки — лапы. Огромные, бесформенные лапы.

— За-а-абирайся н-на у-уголь! — прокричал Билл, но Ричи застыл, как вкопанный, осознав, что́ шло к ним, что́ собиралось убить их в этом подвале, где пахло сырой землей и дешевым вином, которое расплескивали по углам. Он знал, но хотел увидеть. — Н-над э-этой ку-учей у-угля е-есть о-окно!

Лапы покрывала густая коричневая шерсть, завивавшаяся, как проволока. Пальцы заканчивались зазубренными когтями. Потом Ричи увидел шелковый пиджак. Черный с оранжевым кантом — цвета средней школы Дерри.

— По-ошел! — крикнул Билл, и с силой толкнул Ричи. Он распластался на угле. Острые края ткнулись в ладони и в тело, приводя Ричи в чувство. Сверху уголь посыпался на его руки. А за спиной слышалось сводящее с ума рычание.

Паника застилала разум Ричи.

Едва соображая, что делает, он карабкался на гору угля, поднимаясь, соскальзывая, снова поднимаясь, все время крича. Окно наверху почернело от угольной пыли и почти не пропускало свет. Запиралось оно на задвижку. Чтобы открыть ее, следовало повернуть барашек. Ричи ухватился за него, навалился всей силой. Барашек не поддавался. Рычание надвигалось.

Внизу раздался пистолетный выстрел. В замкнутом пространстве грохнуло так, что Ричи едва не оглох. Но грохот и прочистил ему мозги: он сообразил, что пытается повернуть барашек не в ту сторону. Надавил как надо, и задвижка с ржавым скрежетом подалась, вышла из паза. На руки, словно молотый перец, посыпалась угольная пыль.

За первым выстрелом последовал второй, с таким же оглушающим грохотом.

— ТЫ УБИЛ МОЕГО БРАТА, ТЫ ГАНДОН! — прокричал Билл Денбро.

На мгновение существо, которое спустилось по лестнице в подвал, вроде бы рассмеялось, вроде бы заговорило: у Ричи возникло ощущение, будто злая собака пролаяла исковерканные слова, и ему показалось, он даже понял, что ответила тварь, одетая в пиджак средней школы: «*И тебя тоже убью*».

— Ричи! — выкрикнул Билл, и Ричи услышал, как вновь осыпается уголь: Билл карабкался наверх. Рычание не смолкало, дерево трещало. Слышался лай и завывание — звуки из ночного кошмара.

Ричи со всей силы надавил на окно, не думая о том, что стекло разобьется и он до крови изрежет руки. В тот момент он вообще ни о чем не думал. Но стекло не разбилось. Окно откинулось наружу, повернувшись на ржавой петле. Снова посыпалась угольная пыль, теперь на лицо Ричи. Угрем он выскользнул через окно в боковой двор, вдохнув сладкий, свежий уличный воздух, ощутив, как высокая трава трется о лицо. Мельком отметил, что идет дождь. Увидел перед собой толстые стебли гигантских подсолнухов, зеленые и ворсистые.

«Вальтер» громыхнул в третий раз, чудовище в подвале взревело, и рев этот переполняла ярость. Потом Билл закричал:

— Он ме-еня схватил, Ричи! Помоги! Он ме-еня схватил!

Ричи развернулся на руках и коленях, увидел круг перекошенного от ужаса лица друга в большом квадрате подвального окна, через которое каждый октябрь загружали уголь, необходимый для отопления дома в зимнюю пору.

Билл распростерся на угле. Он безуспешно пытался зацепиться руками за оконную коробку, до которой не дотягивался на считанные дюймы. Куртка и рубашка задрались чуть ли не до ключиц. И он скользил вниз... нет, его что-то тянуло вниз. Это что-то Ричи различал очень смутно — какая-то движущаяся тень позади Билла. Тень, которая рычала и бормотала. Звуки эти определенно напоминали человеческую речь.

Видеть эту тварь Ричи не требовалось. Он видел ее в прошлую субботу, на экране кинотеатра «Аладдин». Это было безумие, чистое безумие, но Ричи ни на йоту не усомнился ни в собственном здравомыслии, ни в сделанном выводе.

Подросток-оборотень схватил Билла Денбро. Только не тот оборотень, которого играл Майкл Лэндон, с загримированным лицом и приклеенной к телу шерстью. Настоящий подросток-оборотень.

И в доказательство тому Билл закричал вновь.

Ричи наклонился к окну, схватил Билла за руки. В одной Билл держал «вальтер», и второй раз за этот день Ричи взглянул в черный зрачок... только теперь уже заряженного пистолета.

Они боролись за Билла — Ричи тянул наверх за руки, оборотень тащил за ноги вниз.

— У-уходи о-отсюда, Ри-и-ичи! — крикнул Билл. — У-уходи...

Лицо оборотня внезапно выплыло из темноты. Низкий, выпуклый лоб, заросший редкими волосами. Ввалившиеся, в шерсти, щеки. Темно-карие глаза, в них — наводящий ужас разум, ужасающее зло. Рот открылся, монстр вновь зарычал. Белая пена пузырилась по углам толстой нижней губы и двумя струйками стекала на подбородок. Волосы, зачесанные назад, выглядели мерзкой пародией на подростковую прическу «утиный хвост». Оборотень запрокинул голову и заревел, не отводя взгляда от глаз Ричи.

Билл цеплялся пальцами за уголь. Ричи, ухватив его за предплечья, тянул к себе. На мгновение ему уже показалось, что победа за ним, но тут оборотень вновь схватил Билла за ноги и дернул на себя, чтобы утащить в темноту подвала. Конечно, он был сильнее. Он добрался до Билла и теперь не собирался расставаться с добычей.

И тут, не отдавая себе отчета, что он делает и зачем Ричи услышал Голос Ирландского копа — это он заговорил голосом мистера Нелла. Впрочем, на сей раз Голос этот не был жалкой пародией в исполнении Ричи Тозиера, отличался он и от настоящего голоса мистера Нелла. Ричи заговорил Голосом всех ирландских коповпатрульных, которые когда-либо жили на этой земле и учили уму-разуму воришек, пытавшихся темной ночью вскрыть запертые двери магазинов.

— Отпусти его, сынок, а не то я проломлю твою твердолобую башку! Клянусь Йисусом! Отпусти его, а не то я изжарю твою задницу и подам тебе на тарелке!

Существо в подвале в очередной раз взревело, и от этого рева заложило уши, но Ричи распознал в реве не только ярость. Может, страх. Может, и боль.

Он со всей силы потянул Билла на себя, и тот вылетел из окна на траву. Посмотрел на Ричи потемневшими от ужаса глазами. Перед его куртки стал черным от угольной пыли.

— Бы-ы-ыстро! — Билл тяжело дышал. Чуть ли не стонал. Схватил Ричи за рубашку. — М-м-мы до-о-олжны...

Ричи услышал, как вновь осыпается куча угля. Мгновение — и в окне подвала показалась морда оборотня. Он зарычал. Лапы принялись рвать траву.

«Вальтер» оставался при Билле — несмотря ни на что, он так и не выпустил пистолета из правой руки. Теперь же он взялся за рукоятку обеими руками, прицелился и нажал на спусковой крючок. Грохнуло, как и прежде. Ричи увидел, как у оборотня отлетела часть черепа, поток крови заструился по одной половине лица, пропитывая и шерсть, и воротник школьного пиджака.

Оборотень с ревом начал вылезать из окна.

Медленно, словно во сне, Ричи сунул руку под куртку. В задний карман джинсов. Достал пакетик с изображением чихающего мужчины. Разорвал его, когда окровавленное ревущее существо вылезало из окна, оставляя когтями глубокие борозды в земле. Разорвал и сжал. «Возвращайся на место, сынок!» — скомандовал он Голосом ирландского копа. Белое облако пыхнуло оборотню в морду. И рев стих. Оборотень в почти комичном изумлении уставился на Ричи, в горле у него что-то сдавленно свистнуло. Его глаза, красные и затуманенные, не отрывались от Ричи, вероятно с тем, чтобы запомнить его раз и навсегда.

А потом оборотень начал чихать.

Он чихал, и чихал, и чихал. Слюна ручьем текла из пасти. Зеленовато-черные сопли вылетали из ноздрей. Ошметок одной угодил Ричи на кожу и обжег, как кислота. Ричи смахнул соплю с криком боли и отвращения.

На лице оборотня по-прежнему читалась ярость, но теперь к ней прибавилась и боль — сомневаться в этом не приходилось. Билл, возможно, тоже доставил оборотню неприятности с помощью отцовского пистолета, но Ричи зацепил его сильнее — сначала Голосом Ирландского копа, теперь чихательным порошком.

«Господи, будь у меня зудящий порошок или «зуммер смеха», я бы, наверное, сумел бы его убить»*, — подумал Ричи, а потом Билл схватил его за воротник куртки и отдернул от окна.

И хорошо, что отдернул: оборотень перестал чихать так же неожиданно, как и начал, и прыгнул к Ричи. Очень быстро — невероятно быстро.

---

* «Зуммер смеха» — игрушка-прикол, состоит из пружины, скрученной в диске, который крепится к ладони. При рукопожатии кнопка на диске освобождает пружину, которая быстро раскручивается, вызывая вибрацию. От неожиданности эта вибрация воспринимается, как разряд электрического тока.

Ричи, наверное, так бы и сидел, с пустым пакетом из-под чихательного порошка доктора Ку-Ку, таращась на оборотня, думая, какая бурая у него шерсть, какая красная кровь, ведь в реальной жизни нет ничего черно-белого, сидел бы, пока лапы оборотня не сомкнулись у него на шее, а длинные когти не вырвали гортань, но Билл схватил его снова и рывком поставил на ноги.

Ричи, спотыкаясь, устремился за ним. Они обежали угол и уже на лужайке Ричи подумал: *«Он не решится преследовать нас, мы на улице, он не решится преследовать нас, не решится, не решится...»*

Но оборотень преследовал. Ричи слышал, как тварь издавала какие-то звуки, рыча и фыркая.

Они добрались до Сильвера, прислоненного к дереву. Билл запрыгнул в седло, бросил отцовский пистолет в проволочную корзинку перед рулем, в которой они обычно перевозили игрушечное оружие. Ричи рискнул оглянуться, усаживаясь на багажник, и увидел, что оборотень мчится через лужайку, отставая от них футов на двадцать. Кровь и сопли смешались на его пиджаке, какие носили в средней школе. Белая кость торчала из волос на правом виске. Чихательный порошок белел на крыльях носа. И тут Ричи увидел кое-что еще, что окончательно повергло его в ужас. Во-первых, на пиджаке оборотня не было молнии. Ее заменяли большие пушистые оранжевые пуговицы, вроде помпонов. Во-вторых... тут Ричи стало дурно. Он понял, что может лишиться чувств, а то и сдастся, позволив этой твари убить его. На пиджаке золотой нитью вышили имя и фамилию — стоило такое удовольствие в «Макенсе» ровно бакс.

Вышитую надпись на пиджаке оборотня сильно замазала кровь, но Ричи все равно смог прочитать и имя, и фамилию: «РИЧИ ТОЗИЕР».

Оборотень прыгнул на них.

— Поехали, Билл! — взвизгнул Ричи.

Сильвер двинулся, но медленно... слишком медленно. На разгон у Билла уходило так много времени...

Оборотень пересек утоптанную тропу, когда Билл выехал на середину мостовой. Кровь забрызгала вылинявшие джинсы чудовища, и Ричи, оглядываясь через плечо, не в силах отвести глаз от этой жути, словно загипнотизированный, видел, что в некоторых местах швы на джинсах разошлись, и из дыр торчит грубая бурая шерсть.

Сильвера мотало из стороны в сторону, Билл стоял на педалях, держа рукоятки руля снизу, подняв к затянутому облаками небу голову, с взбухшими на шее венами. И однако игральные карты еще шелестели по отдельности.

Лапа протянулась к Ричи. Он издал жалкий вскрик и отпрянул. Оборотень зарычал, осклабился. Он был так близко, что Ричи мог разглядеть желтоватые белки глаз, ощутить сладкий запах протухшего мяса в его дыхании. Из пасти торчали кривые клыки.

Монстр замахнулся на него лапой, и Ричи снова вскрикнул. Он не сомневался, что ударом ему снесет голову, но лапа прошла перед лицом, разминувшись на какой-то дюйм. А ветер, поднятый лапой, отбросил со лба Ричи мокрые от пота волосы.

— Хай-йо, Сильвер, ВПЕРЕ-Е-ЕД! — прокричал Билл во весь голос.

Он добрался до вершины короткого пологого холма, но даже небольшого уклона хватило, чтобы Сильвер набрал скорость. Шелест карт сменился пулеметным треском, Билл отчаянно крутил педали. Сильвера перестало мотать из стороны в сторону, он мчался по Нейболт-стрит к шоссе 2.

«Слава богу, слава богу, слава богу, — билась мысль в голове Ричи. — *Слава...*»

Оборотень снова взревел (*«Господи, похоже, он ревет ПРЯМО У МЕНЯ ЗА СПИНОЙ»*, — успел подумать Ричи), и тут же воздух перестал поступать ему в легкие: воротники рубашки и куртки пережали гортань. Изо рта у него вырвалось булькающее хрипение, но Ричи успел ухватиться за Билла прежде, чем его сдернуло бы с багажника. Билл подался назад, продолжая крепко держаться за руль. На мгновение Ричи подумал, что большой велосипед сейчас накренится и сбросит их обоих на мостовую. А потом его куртка, которая уже и так просилась в мусорный бак, разорвалась с громким треском, можно сказать, пернула от души. И Ричи вновь задышал свободно.

Оглянувшись, он посмотрел в мутные, убийственные глаза.

— Билл! — попытался крикнуть он, но с губ не сорвалось ни звука.

Билл, однако, все равно его услышал. Закрутил педали еще быстрее, как никогда в жизни. Все его внутренности, казалось, поднимались наверх, снявшись с привычных мест. Он почувствовал в горле густой медный вкус крови. Глаза его выпучились, вылезая из

глазниц. Челюсть отвисла, он жадно хватал ртом воздух. И безумное, неукротимое веселье охватило его — что-то дикое, свободное, принадлежащее только ему. Жажда победы. Он стоял на педалях, уговаривал их; насиловал.

Сильвер продолжал ускоряться. Он уже почувствовал дорогу, готовился к тому, чтобы взлететь. Билл это ощущал всем своим телом.

Ричи слышал быстрый топот мокасин по щебенке. Он обернулся. Лапа оборотня с оглушающей силой ударила его по голове, и на мгновение Ричи действительно подумал, что у него снесло макушку. Интерес к жизни как-то разом угас, звуки начали затихать. Цвета меркли. Ричи отвернулся от оборотня, отчаянно цепляясь за Билла. Теплая кровь потекла в правый глаз. Глаз защипало.

Лапа опустилась вновь, на этот раз на крыло заднего колеса. Ричи почувствовал, как велосипед закачало, на мгновение он опасно накренился, но все-таки выпрямился. Билл опять прокричал: «Хай-йо, Сильвер, ВПЕРЕ-Е-ЕД!» — но теперь возглас этот донесся до Ричи издалека, словно эхо, которое слышишь перед тем, как оно окончательно умирает.

Закрыв глаза, Ричи держался за Билла и ждал конца.

14

Билл тоже слышал топот ног и понимал, что клоун все не сдается, но не решался оглянуться и посмотреть. Он знал: если клоун их догонит, то сшибет на землю. И, если на то пошло, только это ему и требовалось знать.

«Давай, дружище, — думал он. — *Выдай все, на что ты способен. Все-все. Гони, Сильвер! ГОНИ!»*

Билл Денбро вновь мчался наперегонки с дьяволом, только на сей раз дьявол предстал в виде отвратительно ухмыляющегося клоуна, чья физиономия потела белым гримом, чьи губы изгибались в плотоядной, красной, вампирской улыбке, чьи глаза сверкали, как серебряные монеты. Клоуна, который по какой-то идиотской причине нацепил форменный пиджак средней школы Дерри поверх своего серебристого костюма с оранжевым жабо и оранжевыми пуговицами-помпонами.

«Гони, дружище, гони... Сильвер, что скажешь?»

Нейболт-стрит расплывалась перед глазами. Сильвер запел победную песнь. Бегущие шаги начали чуть отставать? Билл по-прежнему не решался оглянуться. Ричи вцепился в него мертвой хваткой, мешая вдохнуть полной грудью, и Билл уже хотел сказать Ричи, чтобы тот чуть отпустил его, но он не решался тратить тот воздух, что все-таки проникал в легкие.

А потом впереди, как прекрасная мечта, появился знак «Стоп», установленный перед пересечением Нейболт-стрит с шоссе 2. Автомобили сновали взад-вперед по Уитчем-стрит. Биллу, перепуганному и обессилевшему, это казалось чудом.

Теперь — потому что через секунду-другую ему все равно пришлось бы затормозить (или придумать что-то очень уж затейливое) — Билл рискнул оглянуться.

Увиденное заставило его резко крутануть педали в противоположную сторону. Сильвера занесло, заблокированное заднее колесо оставило на мостовой резиновый след, голова Ричи ударила в правое плечо Билла.

На улице никого не было. Но в двадцати пяти ярдах от них, может, чуть дальше, около первого из брошенных домов, которые напоминали похоронную процессию, бредущую к грузовому двору, Билл заприметил что-то ярко-оранжевое, лежащее рядом с водостоком, вырезанном в бордюрном камне.

— Ах-х-х-х...

В самый последний момент Билл осознал, что Ричи сползает с багажника. Глаза его закатились, и из-под верхних век виднелись только нижние краешки радужек. Замотанная изолентой дужка очков перекосилась. По лбу медленно текла кровь.

Билл схватил Ричи за руку, они наклонились направо, и Сильвер потерял равновесие. Они упали на мостовую в переплетении рук и ног. Билл сильно приложился бедром и вскрикнул от боли. Веки Ричи при этом звуке дернулись.

— Я собираюсь показать вам, как добраться до этого сокровища, сеньор, но этот Доббс очень опасен, — хрипло, с придыханием произнес Ричи Голосом Панчо Ванильи*, таким дрожащим и отстраненным, что испугал Билла. Тут же он заметил и несколько грубых коричневых волосков, прилипших к неглубокой ране на лбу

* Панчо Ванилья — мексиканский мальчик, герой мультфильма (1938) и комиксов.

Ричи. Они чуть завивались, как лобковые волосы его отца. Волосы напугали Билла еще больше, и он со всей силы залепил Ричи оплеуху.

— Й-еп-с! — воскликнул Ричи, его веки вновь дернулись, потом широко раскрылись. — За что ты меня ударил, Большой Билл? Ты сломаешь мне очки. Они и так не в лучшей форме, если ты этого не заметил.

— Я по-одумал, ч-что ты у-умираешь и-или ч-что-то та-акое.

Ричи медленно сел, поднес руку к голове. Застонал.

— Что слу...

И тут он вспомнил. Его глаза округлились от ужаса, он поднялся на колени, хрипло дыша.

— Не-не-не бо-ойся, — успокоил его Билл. — О-оно ушло, Ри-ичи. О-оно у-ушло.

Ричи увидел пустую улицу, на которой ничто не двигалось, и внезапно разревелся. Билл смотрел на него секунду-другую, потом обнял и прижал к себе. Ричи обвил руками шею Билла и прижался к нему. Он хотел сказать что-то умное, что-нибудь насчет того, что Биллу стоило применить против оборотня «Яблочко», но не смог вымолвить ни слова, он только рыдал.

— Н-не на-адо, Ричи, — сказал Билл, — н-н-не... — И тут разревелся сам, они стояли на коленях, обнимая друг друга, на мостовой, рядом лежал на боку велосипед Билла, и слезы прокладывали чистые дорожки на их щеках, покрытых угольной пылью.

Глава 9
ЗАЧИСТКА

1

Где-то высоко в небе над штатом Нью-Йорк, во второй половине дня 29 мая 1985 года, Беверли Роган вновь начинает смеяться. Она зажимает рвущийся изо рта смех обеими руками, боясь, что кто-то сочтет ее чокнутой, но не может справиться с собой.

«Тогда мы много смеялись, — думает она. — *Еще одно воспоминание, еще одна лампа, вспыхнувшая в темноте. Мы все время боялись, но не могли перестать смеяться, как сейчас не могу я».*

Рядом с ней у прохода сидит симпатичный длинноволосый молодой парень. С тех пор как самолет поднялся с аэродрома в Милуоки в половине третьего (два с половиной часа назад, с посадкой в Кливленде и еще одной в Филадельфии), сосед несколько раз оценивающе поглядывал на нее, но проявил уважение к ее явному нежеланию вступать в разговор; после пары попыток завязать беседу, которые она оборвала вежливо, но решительно, он открыл матерчатую сумку и достал роман Роберта Ладлэма.

Теперь он закрывает книгу, зажав пальцем страницу, на которой остановился, и говорит с легкой тревогой:

— У вас все в порядке?

Она кивает, стремясь сохранить серьезное выражение лица, потом фыркает смехом. Он улыбается. Недоуменно, вопросительно.

— Не обращайте внимания. — Она вновь пытается стать серьезной, но куда там; чем больше она прилагает усилий для того, чтобы быть серьезной, тем сильнее ее лицо норовит расплыться в улыб-

ке. Совсем как в те давние дни. — Просто до меня вдруг дошло, что я не знаю, на самолете какой авиакомпании я лечу. Знаю только, что на фюзеляже большущая ут... ут... утка. — Тут она не выдерживает. Заливается веселым смехом. Другие пассажиры поглядывают на нее, некоторые хмурятся.

— «Репаблик», — отвечает парень.

— Простите?

— Вы летите в воздухе со скоростью четыреста семьдесят миль в час заботами «Репаблик эйрлайнс». Это написано в буклете Эспэ-зэ, который лежит в кармане на задней спинке сиденья.

— Эс-пэ-зэ?

Он достает буклет (на котором действительно логотип «Репаблик эйрлайнс»). Там показано, где находятся аварийные выходы и где лежат спасательные жилеты, как пользоваться кислородной маской, какое положение необходимо занять при аварийной посадке.

— Буклет «Скажи «прощай» заднице», — поясняет он, и теперь они хохочут оба.

«Он действительно симпатичный», — внезапно думает она, и это бодрящая мысль, снимающая пелену с глаз, из тех мыслей, которые приходят в голову при пробуждении, когда разум еще окончательно не проснулся. На нем пуловер и вылинявшие джинсы. Русые волосы перехвачены на затылке кожаной ленточкой, и Беверли тут же вспоминает хвостик, который носила в детстве. Она думает: *«Готова спорить, у него член милого, вежливого студента. Достаточно длинный, чтобы не стесняться, но не такой толстый, чтобы нахальничать»*.

И снова начинает смеяться, ничего не может с собой поделать. Понимает, что у нее даже нет носового платка, чтобы вытереть потекшую косметику, и от этого ее разбирает еще сильнее.

— Вам бы лучше взять себя в руки, а не то стюардесса вышвырнет вас из самолета, — с серьезным видом говорит он, но она лишь качает головой, смеясь; теперь у нее болят и бока, и живот.

Он протягивает ей чистый белый носовой платок, и она пускает его в дело. Каким-то образом процесс помогает ей справиться со смехом. Сразу остановиться не удается, просто непрерывный смех разбивается на цепочки смешков. Стоит подумать о большой утке на фюзеляже, и она не может не рассмеяться.

Через какое-то время она возвращает платок.

— Спасибо вам.

— Господи, мэм, что случилось с вашей рукой? — Он берет ее руку, озабоченно смотрит.

Она тоже смотрит и видит прищемленные ногти: они попали под туалетный столик, прежде чем она завалила его на Тома. Воспоминание причиняет большую боль, чем сами ногти, и на том смех обрывается. Она убирает руку, но не рывком, мягко.

— Прищемила дверцей автомобиля в аэропорту, — отвечает она, думая о том, как и сколь часто она лгала о синяках, полученных от Тома, о синяках, полученных от отца. Это последний раз, последняя ложь? Если да, это прекрасно... так прекрасно, что даже не верится. Она думает о враче, который приходит к пациенту, смертельно больному раком, и говорит, что опухоль, если судить по рентгеновским снимкам, уменьшается. Мы понятия не имеем почему, но это так.

— Должно быть, чертовски больно, — сочувствует сосед.

— Я приняла аспирин. — Она вновь открывает журнал, развлекательный журнал, которым авиакомпания снабжает своих пассажиров, хотя сосед, вероятно, знает, что она уже дважды пролистала журнал.

— Куда направляетесь?

Она закрывает журнал, смотрит на соседа, улыбается.

— Вы очень милый, но мне не хочется разговаривать. Хорошо?

— Хорошо. — Он улыбается в ответ. — Но, если вы захотите выпить за эту большую утку на фюзеляже, когда мы прилетим в Бостон, я угощаю.

— Благодарю, мне нужно успеть на другой самолет.

— Да, гороскоп меня сегодня утром подвел. — Он открывает книгу. — Но вы так красиво смеетесь. В такой смех легко влюбиться.

Она в очередной раз открывает журнал, но смотрит на прищемленные ногти, а не на статью о красотах Нового Орлеана. Под ними лиловые синяки. Мысленно она слышит крик Тома, доносящийся сверху: «Я тебя убью, сука! Гребаная сука!» Она содрогается. Как от холода. Сука для Тома, сука для портних, которые напортачили перед важным показом и получили фирменный нагоняй в исполнении Беверли Роган, сука для отца задолго до того, как Том или бестолковые портнихи стали частью ее жизни.

Сука.

Ты сука.

Ты гребаная сука.

Она на мгновение закрывает глаза.

Нога, которую она, выбегая из спальни, порезала об осколок разбитого флакона из-под духов, болит сильнее, чем пальцы. Кей заклеила рану пластырем, дала ей пару туфель и чек на тысячу долларов, который Беверли обменяла на наличные ровно в девять утра в Первом чикагском банке на Уотертауэр-сквер.

Несмотря на протесты Кей, Беверли выписала ей чек на тысячу долларов на чистом листе писчей бумаги. «Я где-то прочитала, что должны принимать любые чеки, независимо от того, на чем они выписаны, — сказала она Кей. Ее голос, казалось, шел откуда-то издалека. Может, из радиоприемника в другой комнате. — Однажды кто-то обналичил чек, выписанный на артиллерийском снаряде. Я читала об этом в книге «Интересные факты». — Она помолчала, потом невесело рассмеялась. Кей не улыбнулась, смотрела на нее с серьезным, даже строгим лицом. — Но я бы обналичила его как можно быстрее, пока Том не догадался заморозить счета».

Хотя она не чувствует усталости (но отдает себе отчет, что сейчас держится только на нервном напряжении и на крепком кофе, который сварила Кей), предыдущая ночь воспринимается ею как сон.

Она помнит, как за ней шли три подростка, звали ее, свистели, но не решались подойти. Помнит волну облегчения, которая окатила ее при виде светящейся витрины магазина «Севен-илевен». Она вошла и позволила прыщавому продавцу таращиться в вырез ее старой блузы, пока уговаривала одолжить сорок центов на звонок из автомата. Ей это удалось без особого труда, учитывая открывшееся ему зрелище.

Первым делом она позвонила Кей Макколл, номер набрала по памяти. На двенадцатом гудке испугалась, что Кей, возможно, в Нью-Йорке, и уже собиралась повесить трубку, когда наконец сонный голос пробормотал:

— Кто бы вы ни были, надеюсь, вы звоните по важному делу.

— Это Бев, Кей. — Она замялась, потом добавила: — Мне нужна помощь.

После недолгой паузы, Кей заговорила бодрым, окончательно проснувшимся голосом.

— Где ты? Что случилось?

— Я в магазине «Севен-илевен» на углу Стрейленд-авеню и еще какой-то улицы. Я... Кей, я ушла от Тома.

Кей отреагировала быстро, живо, эмоционально.

— Отлично! Наконец! Ура! Я сейчас приеду за тобой! Этот сукин сын! Это дерьмо! Я приеду и увезу тебя к черту на «мерседесе»! Я найму оркестр из сорока музыкантов! Я...

— Я возьму такси, — оборвала ее Бев, сжимая в потной руке два оставшихся десятицентовика. Круглое зеркало у дальней стены магазина показывало ей, что прыщавый продавец неотрывно смотрит на ее задницу. — Но тебе придется заплатить таксисту. У меня нет денег. Ни цента.

— Я дам мерзавцу пять баксов на чай! — воскликнула Кей. — Это лучшие новости после отставки Никсона! — Она помолчала, а потом голос стал серьезным, и в нем слышалось столько доброты и любви, что Беверли чуть не расплакалась. — Слава богу, ты наконец решилась, Бев. Это правда. Слава Богу.

Кей Макколл, бывший дизайнер, вышла замуж за богатого, и после развода стала еще богаче. В 1972 году она открыла для себя феминизм, примерно за три года до того, как Беверли с ней познакомилась. На пике популярности / скандальности Кей обвиняли, что она стала ярой феминисткой после того, как воспользовалась архаическими, шовинистическими законами и выдоила из мужа-бизнесмена все причитающееся при разводе, до последнего цента.

— Чушь собачья! — как-то объяснила Кей Беверли. — Людям, которые так говорят, не приходилось ложиться в одну постель с Сэмом Чаковицем. Сунул, вынул и спустил — таким был девиз старины Сэма. Продержаться дольше семидесяти секунд он мог, лишь когда дрочил в ванне. Я его не надула. Просто задним числом взяла надбавку за вредность.

Она написала три книги — о феминизме и работающей женщине, о феминизме и семье, о феминизме и духовности. Первые две продавались очень хорошо. За три года после выхода последней популярность Кей пошла на убыль, и Беверли думала, что Кей это только радует. Деньги она инвестировала очень удачно («*Слава богу, феминизм и капитализм не исключают друг друга*», — както сказала она Бев) и теперь была богатой женщиной с городским особняком, загородным домом и двумя или тремя любовниками, достаточно крепкими, чтобы проходить с ней всю дистанцию в койке, но недостаточно умелыми, чтобы обыгрывать ее в теннис.

«*Когда им это становится по силам, я их бросаю*». Кей определенно думала, что это шутка, но Беверли не раз задавалась вопросом: а так ли это?

Беверли вызвала такси и, когда оно приехало, загрузилась на заднее сиденье вместе с чемоданом, довольная тем, что продавец более не будет пожирать ее взглядом, и назвала таксисту адрес.

Кей ждала в конце подъездной дорожки, в норковой шубе поверх фланелевой ночной рубашки, с розовыми мюлями на ногах, которые украшали большие пушистые помпоны. Слава богу, не оранжевые, — иначе Беверли с криком убежала бы в ночь. По пути с Бев творилось что-то странное: воспоминания возвращались к ней, врывались в голову, так быстро, такие ясные, что это пугало. У нее возникло ощущение, будто кто-то запустил ей в голову экскаватор, который тут же принялся раскапывать у нее в мозгу кладбище, о существовании которого она не подозревала. Конечно, ковш экскаватора выворачивал на поверхность имена, а не тела, имена, о которых она не думала долгие годы: Бен Хэнском, Ричи Тозиер, Грета Боуи, Генри Бауэрс, Эдди Каспбрэк... Билл Денбро. Билл Денбро — Заика Билл, так они называли его с детской непосредственностью, которая иногда характеризовалась как прямота, а иной раз — как жестокость. Он казался ей таким высоким, таким совершенным (пока не открывал рта и не начинал говорить, до этого момента).

Имена... места... события, которые тогда произошли.

Ее бросало то в жар, то в холод, когда она вспоминала голоса из канализации... и кровь. Она закричала, и отец вломил ей. Ее отец... Том...

Слезы грозили потечь из глаз... а потом Кей расплатилась с таксистом и дала ему такие чаевые, что от изумления тот даже воскликнул:

— Спасибо, леди! Ух, ты!

Кей увела ее в дом, отправила в душ, дала халат, когда она вышла из душа, сварила кофе, осмотрела раны, обработала порезанную ногу антисептиком, заклеила пластырем. Во вторую чашку кофе щедро плеснула бренди и заставила Бев выпить все до последней капли. Затем поджарила им обеим по бифштексу и потушила свежие грибы.

— А теперь рассказывай, что случилось, — попросила она. — Мы звоним копам или просто отправляем тебя в Рино, чтобы ты пожила там, пока не получишь развод?

— Много я тебе не расскажу, — ответила Бев. — Ты подумаешь, что я рехнулась. Но вина по большей части моя...

Кей стукнула кулаком по столу. Удар по полированному красному дереву звуком не так уж и отличался от выстрела пистолета маленького калибра. Бев подпрыгнула.

— Не говори так. — Щеки Кей раскраснелись, карие глаза засверкали. — Сколько мы с тобой дружим? Девять лет? Десять? Если ты еще раз заикнешься о своей вине, меня вырвет. Ты меня слышишь? Меня просто вырвет. Не было твоей вины ни в этот раз, ни в прошлый, ни в позапрошлый, ни в какой другой. Большинство твоих друзей не сомневались, что рано или поздно он или усадит тебя в инвалидную коляску, или просто убьет. Как будто ты этого не знаешь.

Беверли смотрела на нее, широко раскрыв глаза.

— Твою вину — во всяком случае, до какой-то степени — я вижу только в одном: ты оставалась с ним и позволяла ему так себя вести. Но теперь ты ушла, спасибо Тебе, Господи, за маленькие радости. Ты сидишь здесь с прищемленными ногтями, порезанной ногой, следами от ремня на плечах и говоришь мне, что это твоя вина.

— Он не бил меня ремнем. — Врала она автоматически, с ложью так же автоматически пришел стыд, и она покраснела.

— Если ты рассталась с Томом, ты должна перестать и врать, — ровным голосом ответила Кей и смотрела на Бев так долго и с такой нежностью, что той пришлось опустить глаза. Она почувствовала, что сейчас заплачет. — Кого, по-твоему, ты дурила? — спросила Кей все тем же ровным голосом. Перегнулась через стол, накрыла руки Бев своими. — Темные очки, блузы с воротником под горло и длинными рукавами... может, ты могла обмануть одного-другого заказчика. Но своих друзей ты обмануть не могла, Бев. Тех, кто тебя любит.

И тут Беверли заплакала, разрыдалась, и Кей обнимала ее, а потом, перед тем как лечь спать, она рассказала Кей все, что могла: позвонил давний друг из Дерри, штат Мэн, где она выросла, и напомнил ей об обещании, которое она дала очень и очень давно. Сказал, что пришла пора выполнить это обещание. Спросил, приедет ли она. Она ответила, что да. А потом произошла эта стычка с Томом.

— И что это за обещание? — спросила Кей.

Беверли медленно покачала головой:

— Я не могу тебе сказать, Кей. Как бы ни хотела.

Кей задумалась. Потом кивнула.

— Хорошо. Имеешь право. А что ты собираешься делать с Томом, когда вернешься из Мэна?

И Бев, которая все больше склонялась к тому, что из Дерри ей уже не вернуться, ответила:

— Я сразу приеду к тебе, и мы вместе это решим. Хорошо?

— Просто отлично, — кивнула Кей. — Это тоже обещание, да?

— После моего возвращения, будь уверена. — И она крепко обняла Кей.

С деньгами, полученными по чеку Кей, в кармане и в ее туфлях, Бев на автобусе «Грейхаунд» поехала на север, в Милуоки, опасаясь, что Том перехватит ее в аэропорту О'Хара. Кей, которая поехала с ней и в банк, и на автовокзал, пыталась ее отговорить.

— В аэропорту полным-полно сотрудников службы безопасности. Тебе нет нужды беспокоиться. Если он попытается приблизиться, ты просто заорешь во весь голос.

Беверли покачала головой:

— Я хочу избежать встречи с ним. Из Милуоки я улечу без помех.

Кей пристально посмотрела на нее:

— Ты боишься, что ему удастся тебя отговорить, так?

Беверли подумала о том, как они семеро стояли в реке, о Стэнли с осколком бутылки из-под колы, блестевшем на солнце, подумала о том, как они взялись за руки, образовав детский хоровод, обещая вернуться, если все начнется вновь... вернуться и убить Оно навсегда.

— Нет. — Она покачала головой. — Он не смог бы меня отговорить. Но он может меня покалечить, будут вокруг охранники или нет. Ты не видела его вчера вечером, Кей.

— Я достаточно часто видела его в другие дни и вечера. — Кей сдвинула брови. — Жопа, которая прикидывается мужиком.

— Он обезумел. Охранники его не остановят. Так будет лучше. Поверь мне.

— Ладно, — с неохотой согласилась Кей, и Бев вдруг подумала, что Кей, похоже, разочарована, что все пройдет без конфронтации, без большой крови.

— Обналичь чек побыстрее, — повторила Беверли, — пока он не додумался заморозить счета. А он додумается, можешь не сомневаться.

— Конечно, — кивнула Кей, — и если он это сделает, я пойду к этому сукину сыну с кнутом и пущу его в ход.

— Держись от него подальше, — резко бросила Беверли. — Он опасен, Кей. Поверь мне. Опасен, как... — «как мой отец», едва не сорвалось с губ, но произнесла она другие слова: — ...как дикарь.

— Ладно. Не бери в голову. Поезжай, выполни свое обещание. И подумай о том, что будет дальше.

— Подумаю, — ответила Бев, но солгала. Ей и без того хватало, о чем подумать. Например, о случившемся тем летом, когда ей было одиннадцать. Или о том, как она учила Ричи Тозиера заставлять йо-йо «спать». Или о Голосах из сливной трубы. Или об увиденном ею, таком ужасе, что даже в тот момент, когда она обнимала Кей у серебристого борта урчащего «Грейхаунда», разум не позволял ей увидеть это вновь.

Теперь же, когда самолет с уткой на фюзеляже начинает долгий спуск к Бостону и его окрестностям, мыслями она вновь возвращается к тому лету... и к Стэну Урису... и к стихотворению, присланному на открытке без подписи... и к Голосам... и к тем нескольким секундам, когда она стояла глаза в глаза с чем-то, возможно, сверхъестественным.

Она наклоняется к иллюминатору, смотрит вниз и думает, что зло Тома — маленькое и жалкое в сравнении со злом, ожидающим ее в Дерри. В качестве компенсации... там, возможно, будет Билл... одно время одиннадцатилетняя девочка Беверли Марш любила Билла Денбро. Она помнит открытку с прекрасным стихотворением, написанным на обороте, и помнит, что когда-то знала, кто его написал. Нынче она этого не помнит, как не помнит в точности и само стихотворение... но думает, что написать его мог Билл. Да, вполне возможно, что написал стихотворение Заика Билл Денбро.

Внезапно она думает о том, как ложилась спать вечером того дня, когда Ричи и Бен повели ее смотреть два фильма ужасов. После первого свидания. Она еще сострила по этому поводу (в те дни это был ее способ защиты), но приглашение в кино тронуло Беверли, взволновало... и немного напугало. Для нее это действительно было первое свидание, пусть и с двумя мальчиками, а не с одним. Ричи за все заплатил, как на настоящем свидании. После кино эти парни

погнались за ними... и остаток дня они провели в Пустоши... и Билл Денбро пришел с каким-то мальчиком, она не могла вспомнить, с кем именно, но помнила, как взгляд Билла на мгновение встретился с ее, и электрический разряд, который она почувствовала... разряд — и кровь, ударившую в щеки и согревшую, казалось, все тело.

Она помнит, как думала обо всем этом, когда надевала ночную рубашку и шла в ванную, чтобы умыться и почистить зубы. Она помнит, как думала, что все эти мысли долго не дадут ей уснуть; потому что подумать предстояло о многом... и мысли эти обещали быть приятными, потому что мальчишки ей встретились хорошие, с какими можно поиграть, каким можно даже немного доверять. Это же было бы так здорово! Это было бы... как в раю.

Думая обо всем этом, Беверли взяла мочалку, наклонилась над раковиной, чтобы смочить ее водой, и голос...

2

...прошептал из сливного отверстия:

— Помоги мне...

Беверли в испуге отпрянула, сухая мочалка упала на пол. Девочка потрясла головой, словно пытаясь прочистить мозги, потом вновь наклонилась над раковиной, с любопытством посмотрела на сливное отверстие. Ванная находилась в глубине их четырехкомнатной квартиры. Она слышала телевизор — показывали какой-то вестерн. После его окончания отец переключится на бейсбол или на бокс, а потом так и заснет в кресле.

Обои в ванной (отвратительные лягушки на листьях кувшинок) коробились из-за вздувшейся под ними штукатурки. Кое-где на них темнели следы протечек, где-то они отслаивались. Ванна местами заржавела, туалетное сиденье треснуло. Над раковиной в фарфоровом патроне крепилась лампочка в сорок ватт. Беверли смутно помнила, что когда-то лампочку закрывал стеклянный плафон, но его давно разбили, а заменить так и не удосужились. Рисунок на линолеуме выцвел, за исключением пятачка под раковиной.

Не очень веселенькая комнатка, но Беверли давно к ней привыкла и не замечала ее убогости.

На раковине тоже хватало потеков, а сливное отверстие являло собой перекрещенный круг диаметром в два дюйма. Хромовое

покрытие давным-давно облезло. Резиновая затычка висела на цепочке, обмотанной вокруг холодного крана. В сливной трубе царила чернильная тьма, и, наклонившись над раковиной, Бев впервые заметила, что из нее идет слабый неприятный запах — рыбный запах. В отвращении она скорчила гримасу.

— Помоги мне...

Бев ахнула. Голос. Она-то думала, может, бульканье в трубах... или ее воображение... какой-то отзвук тех фильмов...

— Помоги мне, Беверли...

Ее попеременно бросало то в жар, то в холод. Она уже сняла резинку с волос, и теперь они яркой волной падали на плечи. Бев чувствовала, как корни волос затвердевают. Еще чуть-чуть, и волосы встанут дыбом.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, она вновь склонилась над раковиной и полушепотом спросила: «Эй, есть тут кто-нибудь?» Голос из сливного отверстия принадлежал совсем маленькому ребенку, который, возможно, только-только научился говорить. И, несмотря на мурашки, которыми покрылась кожа на руках, разум Бев искал рациональное объяснение. Марши жили в квартире с окнами во двор на первом этаже многоквартирного дома. В нем было еще четыре квартиры. Может, ребенок в одной из них решил позабавиться, и говорит в сливное отверстие раковины. И благодаря какому-то необычному звуковому эффекту...

— Есть тут кто-нибудь? — вновь спросила она сливное отверстие раковины, уже громче. Внезапно в голову пришла мысль: если отец сейчас зайдет и увидит ее, он подумает, что она спятила.

Ответа не последовало, но неприятный запах вроде бы усилился, наводя на мысли о «бамбуковых» зарослях в Пустоши и болоте за ними; перед умственным взором возникла черная жижа, которая пыталась стянуть с ног обувку.

Но ведь маленьких детей в доме не осталось. У Тремонтов был мальчик пяти лет и девочки-близняшки трех с половиной лет, но мистера Тремонта уволили из обувного магазина на Трэкер-авеню, они не могли платить за квартиру, и незадолго до окончания учебного года просто исчезли, уехали на старом ржавом «бьюике» мистера Тремонта. На втором этаже жила Скиппер Болтон, окна ее квартиры выходили на фасад, но Скиппер было четырнадцать...

— Мы все хотим встретиться с тобой, Беверли...

Ее рука метнулась ко рту, глаза в ужасе раскрылись. На мгновение... всего лишь на мгновение... она поверила, что заметила в сливной трубе какое-то движение. Внезапно она осознала, что ее волосы двумя густыми прядями свисают вниз, их концы близко... очень близко от сливного отверстия. Какой-то инстинкт заставил ее резко выпрямиться, увеличить расстояние между волосами и сливным отверстием.

Беверли огляделась. Даже сквозь плотно закрытую дверь до нее доносились голоса из телевизора. Шайенн Боуди* просил плохого парня опустить пистолет, чтобы никто не пострадал. В ванной она была одна. За исключением, разумеется, голоса.

— Кто ты? — спросила она раковину, уже шепотом.

— Мэттью Клементс, — прошептал голос. — Клоун утащил меня вниз, в трубы, и я умер, а скоро он придет и заберет тебя, Беверли, и Бена Хэнскома, и Билла Денбро, и Эдди...

Ее руки взлетели к щекам, сжали их. Глаза раскрывались все шире, шире, шире. Она почувствовала, как холодеет тело. Теперь голос казался придушенным и старческим... и однако, в нем слышалось злобное ликование.

— Ты будешь летать здесь со своими друзьями, Беверли, здесь, внизу, мы все летаем. Скажи Биллу, что Джорджи передает ему привет, скажи Биллу, что Джорджи скучает по нему, но скоро его увидит, скажи Биллу, что в одну прекрасную ночь Джорджи будет в чулане, с куском струны от рояля, чтобы воткнуть ему в глаз, скажи Биллу...

Слова оборвались, уступив место сдавленному иканию, и внезапно ярко-алый пузырь поднялся над сливным отверстием и лопнул, разбрызгав капельки крови по потемневшему фаянсу.

Придушенный голос заговорил быстрее и, говоря, непрерывно менялся: то она слышала того же маленького мальчика, который обратился к ней первым, то девушку-подростка, то (*вот ужас*) девочку, которую знала, Веронику Грогэн, но Вероника умерла, ее нашли мертвой в водостоке...

— Я — Мэттью... Я — Бетти... Я — Вероника... мы внизу... внизу с клоуном... и с тварью... и с мумией... и с оборотнем... и с тобой, Беверли, мы внизу с тобой, и мы летаем, мы изменяемся...

Брызги крови внезапно выплеснулись из сливного отверстия, запачкали раковину, зеркало, обои с лягушками на листьях кувши-

* Шайенн Боуди — главный герой телесериала «Шайенн» (1955—1963).

нок. Беверли закричала, резко и пронзительно. Попятилась от раковины, наткнулась спиной на дверь, отлетела вперед, нащупала ручку. Распахнула дверь, вбежала в гостиную, где ее отец уже поднимался из кресла.

— И что, черт возьми, у тебя стряслось? — спросил он, сдвинув брови. Этот вечер они коротали вдвоем — мать Бев работала с трех до одиннадцати в «Гринс фарм», лучшем ресторане Дерри.

— Ванная! — взвизгнула она. — Ванная, папа, в ванной...

— Кто-то подглядывал за тобой, Беверли? Да? — Его рука выстрелила вперед, и он схватил ее за предплечье, сжал так сильно, что пальцы впились в кожу. На лице отражалась озабоченность, но озабоченность хищника, которая скорее пугала, чем успокаивала.

— Нет... раковина... в раковине... там... там... — Она разразилась истерическими слезами, прежде чем успела сказать что-то еще. Сердце колотилось в груди так сильно, что Бев испугалось, как бы оно не задушило ее.

Эл Марш оттолкнул ее в сторону и с видом «господи-ну-что-еще» прошел в ванную. Пробыл он там так долго, что Беверли снова испугалась.

— Беверли! — наконец рявкнул он. — Иди сюда, девочка!

Вопрос, идти или не идти, не возникал. Если б они стояли на краю высокого обрыва и он велел бы ей шагнуть вперед (прямо сейчас, девочка), инстинктивная покорность заставила бы ее сделать этот шаг, прежде чем здравомыслие успело бы вмешаться.

Дверь в ванную Бев нашла открытой. За ней и стоял ее отец, крупный мужчина, который уже начал терять темно-рыжие волосы, доставшиеся ей по наследству. По-прежнему в серых штанах и рубашке — больничной униформе (он работал уборщиком в Городской больнице Дерри), Эл сурово смотрел на Беверли. Он не пил, не курил, не бегал за женщинами. «Все женщины, которые мне нужны, у меня дома», — время от времени говорил он, и какая-то особенная, тайная улыбка мелькала на его лице — не освещала его, скорее наоборот. Улыбка эта напоминала тень от облака, которая быстро бежит по каменистому полю. — Они заботятся обо мне, а я, когда это необходимо, забочусь о них.

— А теперь скажи мне, что, черт побери, означает вся эта глупость? — спросил он, когда Бев вошла в ванную.

Бев казалось, что горло у нее выложено каменными плитами. Сердце колотилось в груди. Она боялась, что ее сейчас вырвет. По

зеркалу длинными каплями стекала кровь. Капли крови темнели на патроне и на лампочке. Она чувствовала запах испаряющейся от тепла крови. Кровь бежала по наружным обводам раковины, толстыми каплями падала на линолеум.

— Папа, — осипшим голосом прошептала она.

Он отвернулся от Беверли, на лице читалось крайнее недовольство дочерью (а такое случалось ой как часто), и начал мыть руки в окровавленной раковине.

— Господи, говори, девочка. Ты чертовски меня напугала. Ради бога, объясни, в чем дело?

Он мыл руки, она видела, что кровь запятнала серые штаны, там, где они терлись о край раковины, а если бы он коснулся лбом зеркала (их разделяли считанные дюймы), то кровь появилась бы и на его коже. Горло перехватило, Бев не могла произнести ни звука.

Он выключил воду, схватил полотенце, на котором расплылись два пятна от выплеснувшейся из раковины крови, начал вытирать руки. Она наблюдала, едва не теряя сознание, как он растирал кровь по большим костяшкам и линиям ладони. Она видела кровь, забирающуюся ему под ногти.

— Ну? Я жду. — Он бросил окровавленное полотенце на вешалку.

Кровь... везде была кровь... и ее отец эту кровь не видел.

— Папа... — Она понятия не имела, что скажет дальше, но отец ее оборвал.

— Ты меня тревожишь. Я уже боюсь, что ты никогда не повзрослеешь, Беверли. Ты где-то болтаешься, не хозяйничаешь по дому, не умеешь готовить, не умеешь шить. Половину времени ты витаешь в облаках, уткнувшись носом в книгу, а другую половину у тебя страхи и мигрени. Ты меня тревожишь.

Неожиданно он размахнулся и шлепнул ее по заду. Она вскрикнула, не отрывая взгляда от его глаз. Крошечная капелька крови зависла в его кустистой правой брови. *«Если я буду смотреть на нее долго, то просто сойду с ума, и все это не будет иметь ровно никакого значения»*, — вдруг подумала Бев.

— Ты очень меня тревожишь. — Он ударил ее вновь, сильнее, по руке повыше локтя. Руку пронзила боль, а потом она онемела. На следующий день по ней расползся желтовато-лиловый синяк.

— Ужасно тревожишь. — Он ударил ее в живот. Не со всей силы, в последний момент сдержал удар, поэтому у Беверли не полностью

перехватило дыхание. Она согнулась пополам, жадно хватая ртом воздух, на глазах навернулись слезы. Отец бесстрастно смотрел на нее, сунув в карманы окровавленные руки.

— Ты должна повзрослеть, Беверли. — Теперь голос стал добрым, прощающим. — Или нет?

Она кивнула. У нее болела голова. Она плакала, но молча. Если б зарыдала громко («малышка нюни распустила» — так называл это отец), он мог отделать ее по полной программе. Эл Марш прожил в Дерри всю жизнь и говорил тем, кто спрашивал (а иногда и тем, кто не спрашивал), что рассчитывает быть похороненным здесь, желательно в возрасте ста десяти лет. «Я вполне могу жить вечно, — говорил он Роджеру Арлетту, который раз в месяц подстригал ему волосы. — Пороков у меня нет».

— А теперь объясни свое поведение, — предложил он, — и побыстрее.

— Тут... — Она шумно сглотнула и поморщилась от боли, потому что горло у нее пересохло, вконец пересохло. — Я увидела паука. Большого, толстого черного паука. Он... он вылез из сливного отверстия, и я... наверное, он туда же и уполз.

— Ага. — Теперь он улыбнулся, похоже, довольный ее объяснением. — Вот, значит, что? Если бы ты сразу сказала мне, Беверли, я бы, конечно, не стал тебя бить. Все девочки боятся пауков. Черт побери! Почему ты сразу не сказала?

Он наклонился над раковиной, и ей пришлось прикусить губу, чтобы не выкрикнуть предупреждение... и какой-то другой голос внутри нее, глубоко внутри, какой-то ужасный голос, конечно же, не имеющий к ней никакого отношения, несомненно, голос дьявола, прошептал: «Пусть они его заберут, если хотят забрать. Пусть утащат вниз. Скатертью дорога».

В ужасе Беверли отпрянула от этого голоса. Позволишь такой мысли остаться в голове хотя бы секунду — и ты непременно угодишь в ад.

Отец уставился в сливное отверстие. Его руки размазывали кровь по краю раковины. Беверли изо всех сил боролась с тошнотой. Болел живот, в том месте, куда ее ударил отец.

— Ничего не вижу, — наконец изрек он. — Эти дома такие старые, Бев, что канализационные трубы здесь широкие, как автострады. Ты это знаешь? Когда я работал уборщиком в старой средней школе, мы время от времени вытаскивали дохлых крыс из унита-

зов. Они пугали девчонок до смерти. — Он весело рассмеялся при мысли обо всех этих женских страхах и мигренях. — Особенно, когда в Кендускиге поднимался уровень воды. Но после того как они поставили новую дренажную систему, живности заметно поубавилось.

Он обнял ее, прижал к себе.

— Послушай, сейчас ты пойдешь в кровать и больше не будешь об этом думать. Идет?

Она чувствовала, как любит его. «Я никогда не ударю тебя, если ты этого не заслуживаешь», — сказал он ей однажды, когда она крикнула, что не заслужила наказания. И, конечно, говорил правду, потому что не был чужд любви. Иногда он проводил с ней целый день, показывал ей, как что делать, или что-то рассказывал, или гулял с ней по городу, и когда она видела от него добро, ей казалось, что сердце ее может раздуваться и раздуваться от счастья, пока не лопнет. Она любила его и пыталась оправдать причину, по которой ему приходилось так часто наставлять ее на путь истинный. По его словам выходило, что это порученная Богом работа. «Дочери, — говорил Эл Марш, — в большей степени нуждаются в наставлениях, чем сыновья». Сыновей у него не было, и Бев смутно чувствовала, что в этом отчасти есть и ее вина.

— Хорошо, папа, — ответила она. — Не буду.

Они вместе пошли в ее маленькую спальню. Правая рука ужасно болела там, где он ее ударил. Она оглянулась и увидела окровавленную раковину, окровавленное зеркало, окровавленную стену, окровавленный пол. Окровавленное полотенце, которым вытер руки отец, висело, небрежно брошенное, на вешалке. Бев подумала: *«Как я теперь смогу здесь умываться? Пожалуйста, Боже, милый Боже, я раскаиваюсь, что дурно подумала об отце, и Ты теперь можешь меня за это наказать, если хочешь, я заслуживаю наказания, сделай так, чтобы я упала и разбилась, или зарази меня гриппом. Как прошлой зимой, когда я так сильно кашляла, что один раз меня вырвало, но, пожалуйста, убери к утру всю эту кровь, пожалуйста, Господи! Хорошо? Хорошо?»*

Отец, как и всегда, подоткнул ей одеяло, поцеловал в лоб. Потом какое-то время постоял, в присущей только ему, как она считала, манере: чуть наклонившись вперед, с глубоко засунутыми (выше запястий) в карманы руками, а его ярко-синие глаза на печальном, напоминающем морду бассета лице, смотрели на нее свер-

ху вниз. В последующие годы, после того как она и думать забудет о Дерри, Бев часто будет ловить взглядом какого-нибудь мужчину, сидящего в автобусе или стоящего на углу, держа в руке контейнер с ленчем, силуэты, да, мужские силуэты, иногда на исходе дня, иногда на другой стороне Уотертауэр-сквер в ясный ветреный осенний день... мужские силуэты, мужские законы, мужские желания; или Тома, который выглядел совсем как ее отец, когда снимал рубашку и наклонялся чуть вперед перед раковиной в ванной, чтобы побриться. Силуэты мужчин.

— Иногда ты тревожишь меня, Бев. — Теперь в его голосе не слышалась злоба, он не предвещал беды. Отец легонько прикоснулся к ее волосам, откинул со лба.

«В ванной полно крови, папа! — едва не выкрикнула она в тот момент. — *Неужели ты ее не видел? Она там везде! Даже поджаривалась на лампочке! Неужели ты ее НЕ ВИДЕЛ?»*

Но она хранила молчание, когда он выходил из спальни и закрыл за собой дверь, наполнив комнату темнотой. Бев не спала, по-прежнему смотрела в темноту, когда мать пришла домой в половине двенадцатого и выключился телевизор. Она слышала, как ее родители ушли в спальню, слышала, как ритмично заскрипели кроватные пружины, когда они занялись половым сношением. Беверли однажды подслушала, как Грета Боуи говорила Салли Мюллер, что от полового сношения такая же боль, как от огня, и ни одна благовоспитанная девочка не хочет этого делать. («А в конце мужчина писает на твой бутон», — сообщила Грета, и Салли воскликнула: «Какая мерзость, никому из мальчишек никогда не позволю проделать такое со мной!») Если половое сношение причиняло такую боль, как говорила Грета, тогда мать Бев эту боль терпела: Бев услышала, как мать раз или два тихонько вскрикнула, но не создавалось ощущения, что это от боли.

Медленное поскрипывание пружин резко ускорилось, стало чуть ли не исступленным, а потом прекратилось. Последовала долгая пауза, потом родители заговорили тихими голосами, наконец, за дверью раздались шаги матери: она шла в ванную. Беверли затаила дыхание, в ожидании закричит мать или нет.

Никаких криков — только звук льющейся воды, плеск и бульканье воды, уходящей в сливную трубу. Теперь ее мать чистила зубы. А вскоре вновь заскрипели пружины в родительской спальне: мать улеглась в кровать.

Минут через пять отец захрапел.

Черный страх прокрался в сердце Бев и сжал горло. Она поняла, что боится повернуться на правый бок (она больше всего любила спать в этой позе), потому что может увидеть, как что-то смотрит на нее через окно. И осталась лежать на спине, застывшая, как кочерга, глядя в потолок. Позже (через минуты или часы — она знать не могла) Бев забылась тревожным сном.

3

Бев всегда просыпалась, когда в родительской спальне звенел будильник. И тут следовало поспешить, потому что отец отключал звонок, едва он раздавался. Она быстро оделась, пока отец находился в ванной. С одной лишь заминкой (теперь без этого не обходилось ни одно утро), чтобы взглянуть на себя в зеркало, пытаясь понять, подросли груди за ночь или нет. Расти они начали в конце прошлого года. Сначала Бев ощущала легкую боль, потом она исчезла. Груди оставались маленькими, не больше весенних яблок, но они уже появились. Так что деваться некуда: детство заканчивалось, она становилась женщиной.

Бев улыбнулась своему отражению, завела руку за голову, взбила волосы, выпятила грудь. Засмеялась искренним девичьим смехом... и внезапно вспомнила кровь, выплеснувшуюся вчера вечером из раковины. Смех как отрезало.

Она посмотрела на свою руку, увидела синяк, оформившийся за ночь — отвратительное пятно между плечом и локтем, пятно с множеством отростков.

Захлопнулась крышка туалета, отец спустил воду.

Быстрыми движениями (Бев не хотела, чтобы он разозлился на нее сегодня утром, не хотела, чтобы он вообще заметил ее) она надела джинсы и хлопчатобумажный свитер с эмблемой средней школы Дерри. Потом — потому что тянуть больше не могла — вышла из спальни, направилась в ванную. С отцом столкнулась в гостиной. Он шел в родительскую спальню, чтобы переодеться, в синей, слишком широкой пижаме. Что-то ей буркнул. Слов она не разобрала, но тем не менее ответила:

— Хорошо, папа.

На мгновение застыла перед закрытой дверью в ванную, пытаясь подготовить разум к тому, что могло ждать внутри. *«По крайней мере уже светло»*, — подумала Бев, и мысль эта успокоила. Немного, но успокоила. Она схватилась за ручку, повернула, открыла дверь, переступила порог.

4

В то утро Беверли вертелась как белка в колесе. Она приготовила отцу завтрак: апельсиновый сок, яичницу, гренок по эл-маршски (хлеб подогревался, но не поджаривался). Отец сидел за столом, прикрытый газетой. Он съел все.

— Где бекон?

— Больше нет, папа. Последний вчера закончился.

— Поджарь мне гамбургер.

— Остался только маленький ку...

Газета зашуршала, опустилась. Взгляд синих глаз упал на Бев, как гиря.

— Что ты сказала? — мягко спросил он.

— Я сказала, уже жарю, папа.

Мгновение он смотрел на дочь. Потом газета поднялась, а Бев поспешила к холодильнику, чтобы достать мясо.

Поджарила ему гамбургер, размяв остатки мясного фарша, которые лежали в морозилке, в котлету, чтобы казалось побольше. Отец съел все, читая страницу спортивных новостей, а Беверли готовила ему ленч: два сандвича с ореховым маслом и джемом, большой кусок торта, который мать вчера вечером принесла из «Гринс фармс», термос с очень сладким кофе.

— Передай матери, что я сказал, чтобы в доме сегодня прибрались, — велел он, беря контейнер с ленчем. — Квартира выглядит как свинарник. Черт побери! Я ведь целый день подчищаю грязь в больнице. И не хочу приходить в свинарник. Учти это, Беверли.

— Хорошо, папа. Обязательно.

Он поцеловал ее в щеку, грубовато обнял и ушел. Как и всегда, Беверли подошла к окну своей комнаты и наблюдала, как он идет по улице. Как и всегда, испытывала безотчетное облегчение, когда он поворачивал за угол... и ненавидела себя за это.

Она помыла посуду, взяла книгу, которую читала, посидела на ступенях заднего крыльца. Ларс Терамениус, длинные белокурые волосы которого светились собственным светом, приковылял от соседнего дома, чтобы показать Беверли новый грузовик «Тонга» и новые ссадины на коленях. Беверли повосторгалась первым и поохала над вторыми. Потом ее позвала мать.

Они сменили белье на обеих кроватях, вымыли полы, начистили кухонный линолеум. Мать вымыла пол в ванной, за что Беверли едва не расцеловала ее. Элфрида Марш, невысокая женщина с седеющими волосами, улыбалась редко. Ее морщинистое лицо говорило миру, что она пожила уже немало, но собирается пожить еще. Говорило лицо и о том, что ничего в жизни не давалось ей легко и она не рассчитывает на скорые перемены.

— Сможешь помыть окна в гостиной, Бевви? — спросила мать, входя на кухню. Она уже надела униформу официантки. — Мне надо съездить в больницу святого Ионы в Бангор, навестить Черил Таррент. Вчера вечером она сломала ногу.

— Да, помою, — кивнула Беверли. — А что случилось с мисс Таррент?

— Она и эта никчемность, ее муж, попали в автомобильную аварию, — мрачно ответила Элфрида. — Он сел за руль пьяным. Ты должна каждый вечер благодарить Бога в своих молитвах, что твой отец не пьет, Бевви.

— Я благодарю, — ответила Бев. И благодарила.

— Скорее всего она потеряет работу, да и его выгонят. — Тут в голос Элфриды прокрались нотки ужаса. — Наверное, им придется жить на пособие.

По разумению Элфриды Марш, ничего более ужасного с человеком произойти не могло. Даже потеря ребенка или весть о том, что у тебя рак, не шли с этим ни в какое сравнение. Человек мог жить бедно, мог, как она говорила, «едва сводить концы с концами». Но ниже всего, ниже даже дна, опускался тот, что жил на пособие, сидел на горбу у других, тех, кто работал. И она знала, что именно такая перспектива маячит теперь перед Черил Таррент.

— Когда помоешь окна и вынесешь мусор, можешь пойти погулять, если хочешь. Вечером твой отец играет в боулинг, так что тебе не придется готовить ему ужин, но я хочу, чтобы ты вернулась засветло. Ты знаешь почему.

— Хорошо, мама.

— Господи, ты так быстро растешь. — Элфрида посмотрела на проступающие под свитером груди. Любящим, но жестким взглядом. — Не знаю, что я буду здесь делать после того, как ты выйдешь замуж и переедешь в свой дом.

— Я буду жить здесь всегда, — улыбнулась Беверли.

Мать быстро обняла ее, поцеловала в уголок рта теплыми, сухими губами.

— Как бы не так. Но я люблю тебя, Бевви.

— Я тоже люблю тебя, мама.

— Только смотри, чтобы на окнах не осталось никаких потеков, — предупредила она, взяв сумочку и направляясь к двери. — Если останутся, отец вломит тебе по первое число.

— Я постараюсь, чтобы не осталось. — А когда мать открыла дверь, Беверли спросила, как она надеялась, легко и непринужденно: — Ты не заметила ничего странного в ванной, мама?

Элфрида обернулась, нахмурилась:

— Странного?

— Ну... вчера вечером я увидела там паука. Он выполз из сливного отверстия в раковине. Папа тебе не сказал?

— Вчера вечером ты рассердила отца, Бевви?

— Нет! Ха-ха! Я сказала ему о пауке, который вылез из сливного отверстия и напугал меня, а он рассказал мне, что раньше они находили дохлых крыс в унитазах старой средней школы, потому что там были очень широкие канализационные трубы. Он не сказал тебе насчет паука, которого я видела?

— Нет.

— Ладно, не важно. Я просто хотела узнать, а вдруг ты тоже видела его.

— Не видела я никаких пауков. Но мне бы хотелось, чтобы мы смогли позволить себе новый линолеум в ванной. — Она посмотрела в небо, синее и безоблачное. — Говорят, если убьешь паука, будет дождь. Ты его не убила, нет?

— Нет, — покачала головой Беверли. — Я его не убила.

Мать вновь посмотрела на нее, сжав губы так плотно, что они практически исчезли.

— Ты уверена, что вчера вечером твой отец не злился на тебя? Бевви, он никогда не трогает тебя?

— Что? — Беверли смотрела на мать в полном замешательстве. Господи, отец трогал ее каждый день. — Я не понимаю...

— Не важно, — оборвала дочь Элфрида. — Не забудь про мусор. И если на окнах останутся потеки, без трепки тебе не обойтись.

— Я не...

(*он никогда не трогает тебя?*)

...забуду.

— И вернись домой до темноты.

— Вернусь.

(Он...)

(*...ужасно тревожится?*)

Элфрида ушла. Беверли прошла к себе в комнату и опять постояла у окна, наблюдая, как мать поворачивает за угол и скрывается из виду. Потом, точно зная, что мать идет к автобусной остановке, Беверли взяла ведро, бутылку «Уиндекса» и тряпки из-под раковины. Пошла в гостиную и начала мыть окна. В квартире было как-то слишком тихо. Всякий раз, когда скрипел пол или хлопала дверь, она чуть подпрыгивала. Когда в туалете Болтонов на втором этаже спустили воду, ахнула, почти что вскрикнула.

И то и дело смотрела на закрытую дверь в ванную.

Наконец подошла к ней, открыла, заглянула внутрь. Мать прибиралась здесь утром, так что большая часть крови, которая натекла лужей под раковиной, исчезла. Как и кровь на наружном ободе раковины. Но бордовые потеки остались внутри раковины, а капли и пятна — на зеркале и обоях.

Беверли посмотрела на свое бледное отражение, и осознала с внезапно возникшим суеверным ужасом, что из-за крови на зеркале возникает ощущение, будто кровоточит ее лицо. И вновь подумала: *«Что же мне с этим делать? Я чокнулась? Мне все это кажется?»*

Сливная труба вдруг отрыгнула смешком.

Беверли закричала, захлопнула дверь, и даже спустя пять минут ее руки так сильно дрожали, что она едва не выронила бутылку «Уиндекса», моя окна в гостиной.

5

Около трех часов дня, заперев дверь в квартиру и сунув ключ в карман джинсов, Беверли Марш, идя по переулку Ричарда — узкому проходу, соединяющему Главную и Центральную улицы, наткнулась на Бена Хэнскома, Эдди Каспбрэка и еще одного мальчика, его звали Брэдли Донован, которые играли в пристенок.

— Привет, Бев! — крикнул Эдди. — Тебе не снились кошмары после этих фильмов?

— Нет. — Беверли присела на корточки, чтобы посмотреть за игрой. — Откуда ты знаешь?

— Мне сказал Стог. — Эдди указал большим пальцем на Бена, который жутко покраснел, как показалось Бев, безо всякой на то причины.

— Какие есе фильмы? — спросил Брэдли, и теперь Бев его узнала: он приходил в Пустошь с Биллом Денбро. Они вместе ездили на логопедические занятия в Бангор. Беверли и думать о нем забыла. Если б ее спросили, она бы ответила, что он значил для нее меньше, чем Бен или Эдди, — куда как меньше.

— Пару фильмов про чудовищ, — ответила она и, оставаясь на корточках, втиснулась между Беном и Эдди.

— Играете в пристенок?

— Да. — Бен посмотрел на нее и тут же отвел глаза.

— Кто выигрывает?

— Эдди, — ответил Бен. — Эдди просто молоток.

Она посмотрела на Эдди, который скромно полировал ногти о рубашку, и засмеялась.

— Можно мне поиграть?

— Я не против, — ответил Эдди. — Центы у тебя есть?

Она сунула руку в карман и вытащила три.

— Ух ты, выходить из дома с такими деньжищами? — спросил Эдди. — Я бы не решился.

Бен и Донован Брэдли рассмеялись.

— Девочки тоже могут быть смелыми, — очень серьезно ответила Беверли, и в следующий момент смеялись уже все.

Брэдли бросал первым, потом Бен, за ним — Беверли. Эдди — после всех, потому что выиграл последний круг. Монетки они бросали в заднюю стену «Аптечного магазина на Центральной». Иногда монетки не долетали до стены, иногда — ударялись о нее и отскакивали. После того как круг заканчивался, все четыре цента забирал тот, чья монетка оказывалась ближе к стене. Через пять минут три цента Беверли превратились в двадцать пять. Проиграла она только один круг.

— Дефсенка сульнисает! — недовольно воскликнул Брэдли и поднялся, чтобы уйти. От добродушия не осталось и следа. Он смотрел на Беверли со злобой и обидой. — Дефсенкам нельзя расре...

Бен вскочил. Вид вскакивающего Бена производил впечатление.

— Извинись!

Брэдли вытаращился на Бена. Челюсть у него отвисла.

— Сто?

— Извинись! Она не жульничала!

Брэдли перевел взгляд с Бена на Эдди, потом на Беверли, которая по-прежнему стояла на коленях. Вновь посмотрел на Бена.

— Хосес, стобы тфоя губа тосе стала толстой, как фсе остальное, косел?

— Конечно, — ответил Бен, и внезапно усмехнулся. И что-то в его усмешке заставило Брэдли в удивлении, неловко отступить на шаг. Возможно, в ней ему открылась простая истина: выйдя победителем из двух, не одного, столкновений с Генри Бауэрсом, Бен Хэнском совершенно не боялся костлявого Брэдли Донована (не только шепелявого, но и с множеством бородавок на руках).

— Да, а потом фы фсе наброситесь на меня. — Брэдли отступил еще на шаг, — голос задрожал, глаза заблестели от слез. — Фы фсе обмансики.

— Возьми назад то, что сказал о ней, — Бен надвинулся на него.

— Да ладно, Бен. — Беверли протянула руку с монетками к Брэдли. — Возьми свои. Я играла не для того, чтобы разбогатеть.

Слезы обиды выплеснулись на нижние ресницы Брэдли. Он ударил Беверли по руке, державшей монетки, и побежал по переулку Ричарда к Центральной улице. Остальные смотрели ему вслед, открыв рты. Отбежав на безопасное расстояние, Брэдли повернулся и закричал: «Ты — маленькая сука! Десефка! Десефка! И мать тфоя — слюха!»

Беверли ахнула. Бен бросился следом за Брэдли, но добился немногого: зацепился ногой за пустую коробку и упал. Брэдли уже скрылся из виду, и Бен прекрасно понимал, что не сумеет его догнать. Поэтому повернулся к Беверли, чтобы убедиться, что с той все в порядке. Последнее слово Брэдли шокировало его не меньше, чем ее.

Она увидела участие на его лице, хотела уже сказать, что ничего страшного, волноваться не о чем, брань на вороту не виснет... и тут странный вопрос матери

(*он никогда не трогает тебя?*)

вновь пришел в голову. Странный вопрос, да — простой и при этом нелепый, но полный каких-то зловещих намеков, мутный, как старый кофе. И вместо того чтобы сказать, что брань на вороту не виснет, она разрыдалась.

Эдди тревожно посмотрел на нее, достал ингалятор из кармана брюк, пустил струю в рот. Потом наклонился и начал собирать разлетевшиеся монетки. И по выражению лица чувствовалось, что дело это для него важное и серьезное.

Бен инстинктивно шагнул к Беверли, чтобы обнять и утешить, но остановился. Слишком она была красивой. И перед этой красотой он чувствовал себя совершенно беспомощным.

— Выше нос! — Он понимал, как идиотски это звучит, но не мог придумать ничего лучше. Легонько коснулся ее плеч, она закрыла лицо руками, пряча мокрые глаза и покрывшиеся пятнами щеки, а потом отвел руки, словно плечи Беверли его обожгли. И так покраснел, что, казалось, его хватит удар. — Выше голову, Беверли!

Она опустила руки, пронзительно, яростно закричала:

— Моя мать — не шлюха! Она... она официантка!

И вдруг повисла мертвая тишина. Бен, с отпавшей челюстью, уставился на Беверли. Эдди смотрел на нее снизу вверх, сидя на корточках на брусчатке переулка, с руками, полными монеток. А потом, как по команде, все трое начали истерически хохотать.

— Официантка! — прокудахтал Эдди. Он имел крайне смутное представление о том, кто такая проститутка, но сравнение с официанткой показалось ему очень даже классным. — Конечно же, она официантка!

— Да! Именно так! — воскликнула Беверли, смеясь и плача одновременно.

Бен так смеялся, что не мог удержаться на ногах. Он тяжело опустился на мусорный бак. Крышка под его весом прогнулась, и Бен повалился на землю. Эдди показывал на него рукой и буквально выл от смеха. Беверли помогла Бену подняться.

Над ними раскрылось окно, раздался женский крик:

— А ну пошли отсюда! Здесь живут люди, которым работать в ночную смену! Убирайтесь!

Даже не подумав о том, что делают, все трое схватились за руки, Беверли посредине, и побежали к Центральной улице, все еще смеясь.

6

Они сложили все деньги в общий котел, и выяснили, что у них сорок центов — как раз на два фраппе* в аптечном магазине. Поскольку мистер Кин был занудой и не позволял детям младше двенадцати есть купленные ими лакомства у стойки, где продавалась газировка (он заявлял, что автоматы для пинбола в глубине торгового зала могут дурно на них повлиять), они взяли фраппе в двух большущих стаканах из вощеной бумаги, пошли с ними в Бэссипарк и уселись на траву. Бен держал стакан с кофейным фраппе, Эдди — с клубничным, а Беверли, с соломинкой в зубах, сидела между мальчиками и попеременно прикладывалась то к одному стакану, то к другому, как пчелка, собирающая нектар. И впервые окончательно пришла в себя после тех ужасных мгновений прошлым вечером, когда сливное отверстие раковины харкнуло в нее кровью — она чувствовала себя вымотанной, эмоционально выхолощенной, но в душе воцарился покой. Во всяком случае, на время.

— Не могу понять, что произошло с Брэдли, — наконец заговорил Эдди, в голосе слышались извиняющиеся нотки. — Он никогда так себя не вел.

— Ты заступился за меня. — Беверли повернулась к Бену и внезапно поцеловала его в щеку. — Спасибо.

Бен вновь залился краской.

— Ты же не жульничала, — пробормотал он, и тремя большущими глотками всосал в себя половину кофейного фраппе. После чего слишком громко, будто кто-то выстрелил из дробовика, отрыгнул.

— А еще раз слабо, папаша? — спросил Эдди, и Беверли расхохоталась, держась за живот.

— Хватит, — смеясь, выдохнула она. — У меня живот болит. Пожалуйста, хватит.

Бен улыбался. Ночью перед сном он будет вновь и вновь прокручивать в памяти то мгновение, когда она его поцеловала.

— Теперь с тобой все в порядке? — спросил он.

Беверли кивнула.

— Дело не в нем. И не в том, как он обозвал мою мать. Вчера вечером кое-что случилось. — Она замялась, перевела взгляд с Бена на Эдди, вновь на Бена. — Я... я должна кому-то сказать. Или по-

* Фраппе — густой молочный коктейль.

казать. Или что-то сделать. Наверное, я плакала, потому что боюсь чокнуться.

— И о чем ты говоришь, чокнутая ты наша? — послышался новый голос.

К ним подошел Стэнли Урис. Невысокий, худенький и, как и всегда, невероятно опрятный — слишком уж опрятный для подростка, которому только-только исполнилось одиннадцать. В белой рубашке, аккуратно заправленной в чистенькие джинсы, причесанный, в высоких кедах без единой пылинки на мысках, выглядел он, как самый маленький в мире взрослый. Потом он улыбнулся, и эта иллюзия исчезла.

«*Она не скажет то, что собиралась сказать*, — подумал Эдди, — *потому что Стэнли не было, когда Брэдли обозвал ее мать тем словом*».

Но после недолгого колебания Беверли рассказала. Потому что каким-то образом Стэнли отличался от Брэдли. Было в нем что-то такое, начисто отсутствующее у Брэдли.

«*Стэнли — один из нас*, — подумала Беверли, и задалась вопросом, а чего это вдруг ее кожа покрылась мурашками. — *Рассказывая все это, я не делаю им никаких одолжений. Ни им, ни себе*».

Но рассуждать более не имело смысла. Потому что она уже начала рассказывать. Стэн сел рядом с ними, лицо его застыло, такое серьезное. Эдди предложил ему остатки клубничного фраппе, но Стэн только покачал головой, его глаза не отрывались от лица Беверли. Никто из мальчиков не произнес ни слова.

Она рассказала им о голосах. О том, что узнала голос Ронни Грогэн. Она знала, что Ронни умерла, но все равно слышала именно ее голос. Она рассказала им о крови, о том, что ее отец крови этой не видел и не чувствовал, о том, что и ее мать утром этой крови не заметила.

Когда закончила, оглядела их лица, боясь того, что может в них увидеть... но неверия не увидела. Ужас — да, но они ей верили.

— Пошли поглядим, — наконец предложил Бен.

7

Они вошли через черный ход, и не потому, что ключ Бев подходил к этому замку. Она сказала, что отец ее убьет, если миссис Болтон увидит, что в отсутствие родителей она входит в квартиру с тремя мальчишками.

— Почему? — спросил Эдди.

— Тебе не понять, тупица, — ответил Стэн. — Поэтому молчи.

Эдди уже собрался сказать что-то резкое, вновь взглянул на бледное, напряженное лицо Стэна, и решил, что лучше промолчать.

Дверь открылась на кухню, залитую предвечерним солнцем и летней тишиной. На сушилке поблескивала вымытая после завтрака посуда. Все четверо сгрудились у кухонного стола, а когда наверху хлопнула дверь, подпрыгнули и нервно рассмеялись.

— Где это? — шепотом спросил Бен.

У Беверли кровь стучала в висках, когда она повела их по маленькому коридору, со спальней родителей по одну сторону и закрытой дверью в ванную в конце. Распахнула дверь, шагнула в ванную, протянула цепочку, на которой висела затычка, через раковину. Отступила, вновь встав между Беном и Эдди. Кровь засохла бордовыми пятнами на зеркале, и на раковине, и на обоях. Она смотрела на кровь, потому что это было ей легче, чем смотреть на мальчиков.

Тихим голосом, в котором едва узнала свой собственный, она спросила:

— Вы видите? Кто-нибудь из вас видит? Кровь тут есть?

Бен выступил вперед, и снова она отметила, с какой легкостью для столь толстого мальчика он движется. Он коснулся одного пятна, второго, провел пальцем по растянувшейся капле.

— Здесь. Здесь. И здесь.

Голос звучал ровно и уверенно.

— Ё-моё! Такое ощущение, что здесь зарезали свинью. — По голосу Стэна чувствовалось, что увиденное произвело на него неизгладимое впечатление.

— Кровь выплеснулась из сливной трубы? — спросил Эдди. От вида крови его замутило. Дыхание участилось. Он сжимал в руке ингалятор.

Беверли приложила немало усилий, чтобы снова не расплакаться. Ей этого не хотелось; она боялась, что ее примут за обычную девчонку-плаксу. Но ей пришлось ухватиться за ручку двери, потому что облегчение прокатилось пугающе сильной волной. До этого момента она и не подозревала, до какой степени уверовала, что сходит с ума, что у нее галлюцинации или что-то еще.

— И твои мать с отцом ничего не видели? — удивился Бен. Прикоснулся к пятну крови, засохшей на раковине, убрал руку, вытер о подол рубашки. — Оосподи-суси!

— Не знаю, как я вообще смогу входить сюда, — пожаловалась Беверли. — Чтобы помыться, или почистить зубы, или... вы понимаете.

— Слушайте, а почему бы нам это не отчистить? — внезапно спросил Стэнли.

Беверли повернулась к нему:

— Отчистить?

— Конечно. Возможно, с обоев все не отойдет, такое ощущение, сама видишь, что они на последнем издыхании, но с остальным мы точно справимся. Тряпки у тебя есть?

— Под раковиной на кухне, — ответила Беверли. — Но моя мама спросит, куда они подевались, если мы их используем.

— У меня есть пятьдесят центов. — Стэн не отрывал глаза от крови, которая выпачкала ванную вокруг раковины. — Когда приберемся, отнесем тряпки в прачечную самообслуживания, которую видели по дороге сюда. Выстираем, высушим и вернем под раковину до прихода твоих родителей.

— Мама говорит, что кровь с материи не отстирать, — запротестовал Эдди. — Она говорит, что кровь туда въедается, или что-то такое.

Бен истерично хохотнул.

— Не важно, отстирается кровь или нет. Они все равно ее не видят.

Никому не пришлось спрашивать, кого он подразумевал под «они».

— Хорошо, — кивнула Беверли. — Давайте попробуем.

8

Следующие полчаса все четверо чистили ванную, будто суровые эльфы, и по мере того как кровь исчезала со стен, зеркала и фаянсовой раковины, Беверли чувствовала, что на сердце становится легче и легче. Бен и Ричи оттирали зеркало и раковину, она скребла пол. Стэн занимался обоями, работал очень осторожно, пользуясь чуть влажной тряпкой. В конце концов они избавились практически от всей крови. Бен закончил тем, что выкрутил лампочку из патрона над раковиной и поставил новую, которую взял из коробки с лампочками в кладовой. Их там хватало: Элфрида

Марш закупила двухгодичный запас у «Львов Дерри», когда прошлой осенью те проводили ежегодную распродажу лампочек.

Они использовали ведро Элфриды для мытья пола, ее чистящий порошок «Аякс» и много горячей воды. Воду меняли очень часто — никому не хотелось опускать в нее руки, едва она становилась бледно-розовой.

Наконец Стэнли отступил к двери, обвел ванную критическим взглядом мальчика, которого никто не учил поддерживать чистоту и порядок, потому что он с этим родился, и сказал остальным: «Думаю, это все, что мы можем сделать».

Едва заметные следы крови еще оставались слева от раковины, но обои в том месте были такими тонкими и ветхими, что Стэн решался лишь на самые легкие прикосновения. Однако и там кровь заметно поблекла: пастельный оттенок пятен не позволял утверждать, что на обои брызнула именно кровь.

— Спасибо вам, — сказала Беверли. Она не помнила, чтобы когда-то еще испытывала такое глубокое чувство благодарности. — Спасибо вам всем.

— Ерунда, — пробормотал Бен. Конечно же, вновь покраснев.

— Это точно, — согласился Эдди.

— Давайте закончим с тряпками. — Лицо Стэна было строгим, даже суровым. Потом Беверли подумает, что только Стэн, возможно, понимал, что они сделали еще один шаг к какому-то невообразимому столкновению.

9

Они позаимствовали у миссис Марш чашку стирального порошка «Тайд», а потом пересыпали его в пустую майонезную банку. Беверли нашла бумажный пакет, сунула в него окровавленные тряпки, и вчетвером они направились в прачечную самообслуживания «Клин-Клоуз» на углу Главной улицы и Коуни-стрит. Пройдя еще два квартала, они увидели бы Канал, сверкающий синевой под солнцем, уже опускавшемся к горизонту.

В «Клин-Клоуз» компанию им составила только одна женщина в белой форме медсестры, которая дожидалась, когда остановится сушилка с ее бельем. Она недоверчиво посмотрела на детей

и вернулась к книге в карманном формате, которую читала, «Пейтон-Плейс»*.

— Холодная вода. — Бен понизил голос. — Моя мама говорит, что кровь надо отстирывать в холодной воде.

Они загружали тряпки в стиральную машинку, пока Стэн менял два четвертака на четыре монеты по десять центов и два пятачка. Вернувшись, он подождал, пока Беверли насыплет на грязные тряпки «Тайд» и закроет дверцу. Потом сунул два десятика в щель для монет и нажал кнопку пуска.

Беверли потратила большую часть выигранных центов на фраппе, но нашла четыре, которые затерялись в глубинах левого кармана джинсов. Выудила их и протянула Стэну, на лице которого тут же отразилась обида.

— Ну вот, я привожу девушку на свидание в прачечную, а она сразу хочет уплатить за себя.

Беверли рассмеялась:

— Ты серьезно?

— Я серьезно, — как обычно, сухо ответил Стэн. — Я хочу сказать, у меня сердце рвется из-за того, что я лишаюсь этих четырех центов, Беверли, но я серьезно.

Вчетвером они отошли к пластиковым стульям, стоявшим у стены из шлакоблоков, и сели молча. Стиральная машина «Мейтэг», в которую они загрузили тряпки, пыхтела, в ней плескалась вода. Хлопья пены бились в круглое окно из толстого стекла. Поначалу — красные. От их вида Бев слегка мутило, но она не могла отвести глаз. Кровавая пена в каком-то смысле завораживала. Женщина в форме медсестры все чаще и чаще смотрела на них поверх книги. Поначалу, возможно, боялась, что они начнут буянить, но теперь их молчание, похоже, нервировало ее. Когда сушилка остановилась, она вытащила белье, сложила, убрала в синий пластиковый пакет и в последний раз бросила на них недоуменный взгляд, уже направляясь к выходу.

Бен заговорил, едва за ней закрылась дверь:

— Ты не одна такая.

— Что?

— Ты не одна такая, — повторил Бен. — Видишь ли...

---

* «Пейтон-Плейс» — культовый роман 1950-х о жизни маленького городка.

Он замолчал и посмотрел на Эдди, тот кивнул. Посмотрел на Стэна, который выглядел подавленным... но и он после короткой заминки пожал плечами и кивнул.

— О чем вы? — спросила Бев, которой надоело, что в этот день ей постоянно говорят что-то непонятное. Она схватила Бена за руку. — Если ты что-то об этом знаешь, скажи мне!

— Хочешь рассказать? — спросил Бен у Эдди.

Эдди покачал головой. Достал ингалятор и вдохнул огромную порцию распыленного лекарства.

Говоря медленно, выбирая слова, Бен рассказал Бев о том, как встретился в Пустоши с Биллом Денбро и Эдди Каспбрэком в последний день учебы... почти неделю назад, хотя верилось в это с трудом. Рассказал, как на следующий день они построили в Пустоши плотину. Рассказал историю Билла о школьной фотографии его мертвого брата, на которой тот повернул голову и подмигнул Биллу. Рассказал свою историю о мумии, которая шла по замерзшему Каналу в разгар зимы, с шариками, летевшими против ветра. Беверли слушала со все возрастающим ужасом. Чувствовала, как глаза раскрываются шире и шире, а руки и ноги холодеют.

Бен замолчал и посмотрел на Эдди. Тот еще раз приложился к ингалятору и вновь рассказал историю о прокаженном, только в отличие от Бена, который говорил медленно, сразу затараторил, и слова налезали друг на друга, спеша слететь с губ. Закончил он полувсхлипом, но на этот раз не расплакался.

— А ты? — спросила она, повернувшись к Стэну Урису.

— Я...

Внезапно повисшая тишина заставила их вздрогнуть, как от взрыва.

— Стирка закончена, — сказал Стэн.

Они наблюдали, как он встает, маленький, сдержанный в движениях, элегантный, идет к стиральной машине, открывает ее. Он достал тряпки, которые слепило в комок, осмотрел их.

— Одно пятнышко осталось, но это не страшно. Выглядит, как от клюквенного сока.

Он показал им, и все важно кивнули, как будто ознакомились с серьезным документом. Беверли ощутила облегчение, сходное с тем, что испытала, когда они прибрались в ванной. Она могла пережить и пастельное пятно на обоях, которое там осталось, и красноватое пятно на материнских тряпках для уборки. Им удалось

что-то с этим сделать, и это главное. Может, полностью избавиться от крови и не получилось, но и достигнутый результат успокоил сердце, а ничего другого дочери Эла Марша, в принципе, и не требовалось.

Стэн загрузил тряпки в одну из цилиндрических сушилок, бросил в щель для монет два пятачка. Сушилка начала вращаться, и Стэн вернулся на прежнее место между Эдди и Беном.

Какое-то время все четверо молчали, наблюдая, как тряпки поднимаются и падают, поднимаются и падают. Гудение работающей на газу сушилки успокаивало, почти усыпляло. Женщина поравнялась со стеклянной дверью в прачечную, катя перед собой тележку с купленными продуктами. Взглянула на них и прошла мимо.

— Я кое-что видел, — внезапно заговорил Стэн. — Я не хочу говорить об этом, предпочитаю думать, что это сон или что-то еще. Может, даже припадок, какие бывают у Стейвиера. Вы его знаете?

Бен и Бев покачали головами.

— Парень, у которого эпилепсия? — спросил Эдди.

— Да, верно. Видите, как все плохо. Я предпочитаю думать, что у меня что-то такое, чем знать, что я что-то видел... что-то реальное.

— Что именно? — спросила Бев, не уверенная, что ей и впрямь хочется это знать. Речь шла не об истории с привидениями, которые рассказывают у костра, пока ты ешь сосиску в булочке и маршмэллоу, поджаренные на открытом огне до черноты и хруста. Они сидели в душной прачечной самообслуживания, и Бев видела большие комки пыли под стиральными машинами (отец называл их «какашки призраков»), пылинки, пляшущие в горячих косых столбах солнечного света, падающих в прачечную сквозь грязные окна, старые журналы с оторванными обложками. Все здесь выглядело привычным. Милым, привычным и скучным. Но Бев боялась. Ужасно боялась. Потому что чувствовала — это тебе не выдуманные аисты, не выдуманные монстры. Мумия Бена, прокаженный Эдди... кто-то из них, а то и оба могли бродить по улицам после захода солнца. Или брат Билла Денбро, однорукий и безжалостный, мог кружить по черным дренажным тоннелям под городом с серебряными монетами вместо глаз.

И однако, поскольку Стэн не ответил сразу, она повторила вопрос:

— Что именно?

— Я попал в тот маленький парк, — медленно начал Стэн, — где стоит Водонапорная башня.

— Господи, как мне не нравится это место, — печально вздохнул Эдди. — Если в Дерри где и живут призраки, так это там.

— Что? — резко спросил Стэн. — Что ты сказал?

— Ты ничего не знаешь об этом парке? — спросил Эдди. — Мама не позволяла мне ходить туда еще до того, как начали убивать детей. Она... она очень заботится обо мне. — Он смущенно улыбнулся и еще крепче сжал лежащий на коленях ингалятор. — Видишь ли, какие-то дети там утонули. Трое или четверо. Они... Стэн? Стэн, что с тобой?

Лицо Стэна Уриса стало свинцово-серым. Губы беззвучно шевелились. Глаза закатились так, что видна была только нижняя часть радужек. Одна рука схватила воздух и упала на колено.

Эдди сделал единственное, что пришло в голову. Наклонился, одной рукой обхватил обмякшие плечи Стэна, сунул ингалятор ему в рот и пустил мощную струю.

Стэн закашлялся, захрипел, начал давиться. Выпрямился, взгляд его вновь сфокусировался. Он принялся кашлять в приложенные ко рту ладони. Наконец, громко рыгнул и откинулся на спинку стула.

— Что это было? — просипел он.

— Мое лекарство от астмы. — В голосе Эдди слышались извиняющиеся нотки.

— Господи, на вкус, как дерьмо дохлой псины.

Они все рассмеялись, но как-то нервно. И с тревогой смотрели на Стэна. На его щеках теперь затеплился румянец.

— Гадость, конечно, это точно, — не без гордости изрек Эдди.

— Да, но она кошерная? — спросил Стэн, и все снова рассмеялись, хотя никто из них (включая Стэна) не знал, что означает «кошерная».

Стэн перестал смеяться и пристально посмотрел на Эдди.

— Расскажи, что ты знаешь о Водонапорной башне.

Эдди начал, но и Бен, и Бев тоже внесли свою лепту. Водонапорная башня Дерри высилась на Канзас-стрит, примерно в полутора милях к западу от центра города, около южной границы Пустоши. Когда-то, в конце девятнадцатого века, она снабжала водой весь Дерри, вмещая в себя два, без четверти, миллиона галлонов*

* 1 галлон = 3,78543 л.

воды. С круговой галереи под самой крышей Водонапорной башни открывался отличный вид на город и окрестности, и она пользовалась популярностью где-то до 1930 года. Горожане семьями приходили в маленький Мемориальный парк по выходным, если выдавалась хорошая погода, поднимались по ста шестидесяти ступеням на галерею, чтобы полюбоваться открывающимся видом. Очень часто они открывали там корзинку с ленчем и ели, пока любовались.

Ступени располагались между наружным корпусом Водонапорной башни, сложенным из белого камня, и самим резервуаром, цилиндрической колонной из нержавеющей стали высотой в сто шесть футов. Лестница узкой спиралью поднималась к вершине.

Чуть ниже уровня галереи толстая деревянная дверь в цилиндрической стальной колонне выводила на площадку над водой: черной, мерно плещущейся гладью, освещенной магниевыми лампами, установленными в жестяных отражателях. В доверху заполненном резервуаре вода поднималась до отметки сто футов.

— А откуда бралась вода? — спросил Бен.

Бев, Стэнли и Эдди переглянулись. Никто не знал.

— Ладно, а что известно об утонувших детях?

Ясности с этим было ненамного больше. Вроде бы в те времена («стародавние», как назвал их Бен, выслушав эту часть истории) дверь, ведущая на платформу над водой, никогда не запиралась. И как-то ночью двое мальчишек... или только один... а может, даже трое... обнаружили, что оставлена незапертой и дверь у подножия башни, ведущая на лестницу. Они поднялись наверх и по ошибке попали не на круговую галерею, а на платформу над водой. В темноте они свалились в воду, не успев сообразить, где находятся.

— Я слышала об этом от одного парня, Вика Крамли, который говорил, что ему рассказал отец, — закончила Беверли, — так что, возможно, это правда. Вик говорил, что, по словам отца, мальчишки, считай, погибли, как только упали в воду, потому что держаться им было не за что. До платформы они дотянуться не могли. Они плавали, звали на помощь, наверное, всю ночь. Только никто их услышать не мог, они уставали все больше, пока...

Бев замолчала, прочувствовав весь этот ужас. Мысленным взором она видела этих мальчиков, настоящих или выдуманных, плавающих в башне, словно брошенные в пруд щенки. Уходящих под воду, всплывающих на поверхность, скорее трепыхающихся, чем

плавающих, по мере нарастания паники. Мокрые кеды били по воде, пальцы искали хоть какую-то зацепку на гладкой стальной поверхности колонны-резервуара. Она чувствовала вкус воды, попадавшей им в желудки, слышала эхо их криков, отражающееся от стен и крыши. Как долго? Пятнадцать минут? Полчаса? Сколько прошло времени, прежде чем крики прекратились, и они просто плавали лицом вниз, странные рыбы, которых наутро предстояло найти сторожу башни?

— Боже, — сухо выдохнул Стэн.

— Я слышал еще и о женщине, у которой там утонул ребенок, — внезапно заговорил Эдди. — Вроде бы после этого вход в башню и закрыли. По крайней мере так я слышал. Наверх людей пускали, я это знаю. И однажды туда поднялась эта женщина с ребенком. Не могу сказать, сколько лет было ребенку, но на платформе, которая над водой, женщина подошла к самому ограждению. Ребенка она держала на руках и то ли выронила его, то ли он сам вывернулся у нее из рук. Я слышал, один мужчина попытался его спасти. Совершил геройский поступок, знаете ли. Прыгнул вниз, но малыш уже утонул. Может, он был в куртке или в чем-то еще. Одежда намокла и утянула его вниз.

Эдди резко сунул руку в карман, достал маленький пузырек из коричневого стекла. Открыл, вытряс две белые таблетки, проглотил, не запивая.

— Что это? — спросила Беверли.

— Аспирин, у меня разболелась голова. — Он вызывающе посмотрел на нее, но Бев больше не задавала вопросов.

Закончил историю Бен. После происшествия с ребенком (как он слышал, это была трехлетняя девочка) Городской совет принял решение запереть башню, и внизу, и наверху, и прекратить дневные походы и пикники на галерее. И с тех пор она стояла запертой. Да, сторож приходил и уходил, в Водонапорную башню заглядывали специалисты, обеспечивающие техническое обслуживание. Проводились и экскурсии. Заинтересованные граждане в сопровождении женщины из «Исторического общества» могли подняться на галерею, повосторгаться видами и запечатлеть их на «Кодак», чтобы потом показать друзьям. Но теперь дверь на платформу оставалась запертой.

— Башня по-прежнему заполнена водой? — спросил Стэн.

— Думаю, да, — ответил Бен. — Я видел, как пожарные автомобили заливали там цистерны в сезон травяных пожаров. Они подсоединяли шланг к трубе у подножия.

Стэнли вновь смотрел на сушилку, наблюдая, как поднимаются и падают в ней тряпки. Комок давно уже развалился на составные части, некоторые тряпки раскрылись, как парашюты.

— Так что ты там видел? — мягко спросила Бев.

Пару секунд казалось, что ответа не будет. Потом Стэн глубоко и шумно вдохнул и заговорил, но, как они поначалу подумали, не в тему.

— Парк назван Мемориальным в честь двадцать третьего пехотного полка Мэна, участвовавшего в Гражданской войне. «Дерийские синие», так их называли. Раньше там стоял памятник, но его разрушил какой-то ураган в 1940-х. Денег на восстановление памятника не нашлось, и там поставили купальню для птиц. Большую каменную купальню для птиц.

Они все смотрели на него. Стэн сглотнул слюну. В горле что-то щелкнуло.

— Я наблюдаю за птицами, знаете ли. У меня есть орнитологический атлас, бинокль «Цейсс-Икон» и все такое. — Он повернулся к Эдди: — У тебя есть еще аспирин?

Эдди протянул ему пузырек. Стэн взял две таблетки, подумал — и добавил к ним еще одну. Отдал пузырек и проглотил таблетки, одну за другой, морщась. Потом продолжил рассказ.

10

У Стэна встреча с неведомым произошла два месяца назад дождливым апрельским вечером. Он надел дождевик, положил атлас птиц и бинокль в водонепроницаемый мешок, горловина которого затягивалась тесемкой, и отправился в Мемориальный парк. Обычно он ходил туда с отцом, но в этот вечер отцу пришлось задержаться на работе, и он позвонил перед ужином Стэну.

Один из клиентов агентства, где работал отец, тоже большой любитель птиц, заметил, как ему показалось, самца кардинала (Fringillidae Richmondena), пьющего воду в купальне для птиц в Мемориальном парке, сообщил отец. Кардиналам нравилось есть, пить и купаться под самые сумерки. Эти птицы редко встречались так

далеко к северу от Массачусетса. Не хотел бы Стэн пойти туда и взглянуть на кардинала? Да, погода отвратительная, но...

Стэн согласился. Мать заставила его пообещать, что он не будет скидывать с головы капюшон дождевика, но Стэн и так его бы не скинул, потому что во всем любил порядок. Он никогда не спорил, надо ли надевать галоши в дождь или лыжные штаны зимой.

Он отшагал полторы мили до Мемориального парка даже не под мелким дождем, а сквозь зависшие в воздухе крохотные капельки воды. Такая погода удовольствия не доставляла, но почему-то все равно будоражила. Несмотря на последние снежные холмики под кустами и в рощицах (Стэну они представлялись грудами выброшенных грязных наволочек), он ощущал запах новой жизни. Глядя на силуэты вязов, кленов и дубов на фоне серо-белого неба, Стэн приходил к выводу, что они прибавили в размерах, стали толще: неделя-другая — и они покроются нежной, почти прозрачной зеленью.

«*Сегодня воздух пахнет зеленью*», — подумал он и чуть улыбнулся.

Он шел быстро, потому что светлого времени оставался час, а то и меньше. В наблюдениях за птицами он тоже ценил порядок, как в одежде и учебе, и при недостаточном освещении никогда не позволил бы себе заявить, что видел кардинала, даже если бы сердцем чувствовал, что точно видел.

Мемориальный парк он пересек по диагонали. Водонапорная башня белой глыбой осталась слева от него. Стэн едва на нее глянул. Водонапорная башня не вызывала у него ни малейшего интереса.

Мемориальный парк представлял собой неровный прямоугольник, уходящий вниз по склону. Траву (в это время года белую и засохшую) летом аккуратно подстригали. Парк украшали круглые цветочные клумбы. Детской площадки не было. Считалось, что парк этот — для взрослых. В дальнем конце склон выравнивался, прежде чем круто спуститься к Канзас-стрит и Пустоши за ней. На этой ровной площадке и находилась упомянутая отцом купальня для птиц — неглубокая каменная чаша, установленная на массивном пьедестале из каменных блоков. Сооружение получилось слишком уж величественное, с учетом той скромной функции, которую оно выполняло. Отец Стэна сказал ему, что, до того как закончи-

лись деньги, Городской совет намеревался вернуть на пьедестал статую солдата.

— Птичья купальня нравится мне больше, папа, — сказал тогда Стэн.

Мистер Урис потрепал его по волосам:

— Мне тоже, сынок. Больше купален и меньше пуль — таков мой девиз.

На камне пьедестала выбили девиз. Стэнли прочитал его, но перевести не смог. Латынь он понимал только в классификаторе птиц, приведенном в его орнитологическом атласе. Надпись гласила:

«Apparebat eidolon senex*
ПЛИНИЙ»

Стэн сел на скамью, достал из мешка атлас, еще раз открыл на странице с кардиналом, всмотрелся в картинку, отмечая характерные отличия. Впрочем, самца кардинала ни с кем не спутаешь — он красный, как пожарная машина, пусть и не такой большой, — но Стэна отличали приверженность к порядку и основательность. Они успокаивали и укрепляли в мысли, что он — часть этого мира и принадлежит к нему. Поэтому он смотрел на картинку добрых три минуты, прежде чем закрыть атлас (от висящей в воздухе влаги уголки страниц уже начали загибаться) и сунуть обратно в мешок. Он достал бинокль, поднес к глазам. Настраивать резкость не пришлось, потому что в прошлый раз он пользовался биноклем, сидя на этой самой скамье и глядя на ту же купальню для птиц.

Аккуратный терпеливый мальчик. Он не ерзал по скамье. Не вставал, не переходил с места на место, не нацеливал бинокль в разные стороны, чтобы посмотреть, что еще он может увидеть. Сидел неподвижно, глядя на купальню для птиц, и влага крупными каплями собиралась на его желтом дождевике.

Он не скучал. Сидел и смотрел на птичий эквивалент зала собраний. Какое-то время там копошились четыре коричневатых воробья. Они набирали воду в клювы, а потом запрокидывали головки, и капли падали на крылья и на спины. Прилетела сойка, раскричалась, как полицейский, разгоняющий толпу зевак. В бинокле

* Появился призрак старика (*лат.*).

Стэна сойка выглядела размером с дом, и ее сварливые крики в сравнении с величиной казались до абсурда жалкими (после того как достаточно долго смотришь на птиц в бинокль, возникает ощущение, что никакого увеличения нет и они такие всегда). Воробьи улетели. Сойка, оставшись за хозяйку, почистила перышки, искупалась, заскучала, ретировалась. Воробьи вернулись. Потом снова улетели, когда прибыла пара снегирей, чтобы искупаться и (возможно) обсудить какие-то важные дела. Отец Стэна рассмеялся, когда мальчик робко предположил, что птицы могут разговаривать, и Стэн не сомневался в правоте отца, когда тот говорил, что птицам не хватает мозгов для того, чтобы разговаривать, слишком маленькие у них черепные коробки, но при взгляде со стороны создавалось полное ощущение, что они разговаривают. Новая птичка присоединилась к ним. Красная. Стэн торопливо чуть подправил резкость. Неужели это?.. Нет. Это была красногрудая танагра, интересная птица, но не кардинал, которого он искал. К танагре присоединился золотистый дятел, частенько посещавший купальню в Мемориальном парке. Стэн узнал его по подранному крылу. Как обычно, он задался вопросом: а что могло произойти? Наиболее вероятным объяснением представлялось слишком близкое знакомство с кошкой. Прилетали и улетали другие птицы. Стэн увидел гракла, неуклюжего и уродливого, как летающий вагон, синюю птицу, еще одного золотистого дятла. И наконец, его терпение вознаградило появление новой птицы — опять не кардинала. К купальне прилетела воловья птица, которая в бинокль выглядела огромной и глупой. Стэн опустил бинокль на грудь, вновь полез за атласом, в надежде, что воловья птица никуда не улетит, пока он не получит подтверждения увиденного в бинокль. И тогда ему будет что рассказать отцу. Тем более что пора уже было возвращаться домой. Дневной свет быстро таял. Стэн замерз и продрог. Сверившись с атласом, он вновь поднес бинокль к глазам. Птица оставалась на прежнем месте. Не купалась, просто стояла на бортике, и выглядела совсем тупой. Он почти не сомневался, что это воловья птица. Особо характерных отличий у нее не было (во всяком случае, Стэн не мог их разобрать с такого расстояния), и в сгущающихся сумерках он не мог быть уверен полностью, но, возможно, ему хватит времени для еще одной сверки. Он уставился на картинку в атласе, пытаясь максимально сконцентрироваться на ней, хмурясь от напряжения, а потом опять поднес бинокль к глазам. И только пой-

мал в него воловью птицу, как громкое, рокочущее ба-бах отправило воловью птицу (если бы только ее) в небо. Стэн попытался проследить ее полет, не отрывая бинокль от глаз, зная, как малы шансы найти птицу вновь. Естественно, потерял из виду и выразил недовольство, с шипением выдохнув, не разжимая зубов. Что ж, если она прилетела один раз, то могла прилететь и другой. И это всего лишь воловья птица,

(*возможно, воловья птица*)

не беркут и не бескрылая гагарка.

Стэн сунул бинокль в футляр и убрал атлас с птицами. Встал и огляделся, чтобы понять, что послужило причиной громкого шума. Он точно знал, это не выстрел и не автомобильный выхлоп. Скорее такой звук он слышал в фильмах ужасов с замками и подземельями, когда кто-то резко распахивал дверь... сам звук и сопровождающее его эхо.

Ничего не увидев, он поднялся и зашагал вниз по склону к Канзас-стрит. Водонапорная башня теперь была справа от него. Торчащий из земли белый как мел цилиндр, призрак в тумане и надвигающейся темноте. И казалось, что она... почти летит.

Странная это была мысль. Вроде бы родилась она в его голове (а откуда еще ей взяться?), но почему-то он в этом сильно сомневался.

Он пригляделся к Водонапорной башне, а потом, даже не думая об этом, двинулся к ней. Окна спиралью поднимались по наружному корпусу, напоминая афишную тумбу у парикмахерской мистера Арлетта, где Стэн и его отец стриглись раз в месяц. Над каждым из темных окон топорщился козырек из белых, как кость, плоских кровельных плиток, словно бровь над глазом. «*Любопытно, как они это сделали?*» — подумал Стэн (он не проявил такого интереса, как проявил бы Бен Хэнском, но все-таки) и тут же увидел темное пятно гораздо большего размера у подножия Водонапорной башни — продолговатое пятно, отходящее вверх от самой земли.

Он остановился, нахмурился, удивившись, какое странное место выбрали для окна, тем более, что его сместили относительно остальных окон. А потом осознал, что это вовсе не окно, а дверь.

«*Шум, который я слышал*, — подумал Стэн. — *Эта дверь и распахнулась*».

Он огляделся. Сгущались ранние, мрачные сумерки. Белесое небо становилось лиловым, висящие в воздухе капельки переходи-

ли в дождь, который лил большую часть той ночи. Сумерки, туман и никакого ветра.

Поэтому... если дверь не могла распахнуться сама, значит, кто-то ее открыл? Зачем? Выглядела дверь очень тяжелой, и для того, чтобы распахнуть ее с таким грохотом... Наверное... это мог сделать только очень сильный человек.

Любопытство побудило Стэна подойти ближе.

Дверь оказалась больше, чем он поначалу предположил, — высотой в шесть футов, толщиной — в два фута, доски, из которых ее изготовили, соединялись латунными накладками. Стэн повернул дверь. Двигалась она, учитывая размеры, на удивление плавно и легко. И тихо — петли не скрипнули. Он закрыл дверь, чтобы посмотреть, какой урон причинен тонким облицовочным доскам от такого удара двери о стену. Никакого урона, никаких следов. Мистиквилль, как сказал бы Ричи.

«Что ж, значит, это не удар дверью, — подумал он, — *вовсе нет. Может, над Дерри пролетел реактивный самолет или что-то такое. Дверь, вероятно, открылась сама по...»*

Его нога за что-то зацепилась. Стэн посмотрел вниз и увидел висячий замок... поправка — обломки висячего замка. Замок разорвало. Как будто кто-то насыпал пороха в замочную скважину и поднес спичку. Стенку вывернуло наружу, острия торчали, застыв металлическими цветками. Стэн мог видеть и развороченную стальную начинку замка. Толстый засов, скособочившись, висел на одном болте, который на три четверти вырвало из дерева. Три других болта лежали на траве. Изогнутые, словно крендели.

Хмурясь, Стэн открыл дверь и заглянул внутрь.

Узкие ступени вели наверх вдоль закругляющейся стены, исчезая из виду. Наружная стена лестницы была деревянной, ее поддерживали мощные поперечные балки, скрепленные штифтами, а не на гвоздях. Стэну показалось, что некоторые из этих штифтов толще его бицепсов. Из внутренней, стальной стены выступали гигантские заклепки, раздувшиеся, как нарывы.

— Есть тут кто? — спросил Стэн.

Ответа не последовало.

После короткого колебания он шагнул через порог, чтобы получше разглядеть узкое горло лестницы. И попал в Ужас-Сити, как снова сказал бы Ричи. Повернулся, чтобы уйти... и услышал музыку. Тихую, но такую знакомую.

Играла каллиопа*.

Он склонил голову, прислушался, постепенно переставая хмуриться. Музыка каллиопы, конечно, музыка передвижных цирков и окружных ярмарок. Она вызывала воспоминания столь же приятные, сколь и эфемерные: попкорн, сахарная вата, пончики, жарящиеся в горячем масле, лязганье цепных механизмов, приводящих в действие аттракционы — «Дикая мышь», «Хлыст», «Гигантские качели».

Насупленность уступила место робкой улыбке. Стэн поднялся на одну ступеньку, еще на две, по-прежнему склонив набок голову. Остановился — как будто мысли о цирках могли создать реальный цирк; он и впрямь ощущал запахи попкорна, сахарной ваты, пончиков... и не только! Перчиков, сосисок с соусом «чили», сигаретного дыма и опилок. Плюс острый запах белого уксуса, какой вытрясают на картофель-фри из дырки в жестяной крышке. Долетал до его ноздрей и запах горчицы, ярко-желтой и обжигающей, той, что размазывают по хот-догу деревянной лопаточкой.

Удивительно... невероятно... неодолимо.

Он поднялся еще на ступеньку и услышал шаркающие, торопливые шаги над головой: кто-то спускался вниз. Стэн вновь склонил голову. Звучание каллиопы вдруг сделалось громче, будто с тем, чтобы скрыть шаги. Теперь он узнал и мелодию — «Кэмптаунские скачки»**.

Шаги, да: но они совсем не шуршащие, правда? Если на то пошло, они... чавкающие, так? Словно кто-то шагал в галошах, полных воды.

В Кэмптауне поют эту песню весной,
Ду-у-у-да, ду-у-у-да,
(*Чавк-чавк*)
Ипподром в Кэмптауне в девять миль длиной,

---

* Каллиопа — музыкальный инструмент, сконструированный в XIX в. в США и названный по имени музы эпической поэзии. Из парового котла под давлением нагнетается пар в трубки типа органных с диапазоном в несколько октав. Для игры используется клавиатура. Изобретенная с целью привлечения публики в странствующие театры и цирки, каллиопа отличалась громким пронзительным звучанием.

** «Кэмптаунские скачки» (другой название — «Кэмптаунские женщины») — юмористическая песня, написанная в 1850 г. Стивеном Фостером (1826—1864), известным автором песен XIX века. Его называют «отцом американской музыки».

Ду-у-у-да, ду-у-у-да
(*Чавк-чавк, уже ближе*)
Пусть скачут весь день,
Пусть скачут всю ночь...

Теперь на стене над ним заколыхались тени.

Ужас тут же перехватил Стэну горло — будто он проглотил что-то горячее и противное, горькое лекарство, которое ударило его, как электрический разряд. Только сделали это тени.

Он видел их лишь мгновение. Совсем маленький отрезок времени, которого, однако, хватило, чтобы он заметил, что теней две, что они скрюченные и какие-то неестественные. Он видел их лишь мгновение, потому что свет, проникающий на лестницу, уходил, уходил очень уж быстро, и когда Стэн повернулся, тяжелая дверь Водонапорной башни с громким стуком захлопнулась.

Стэнли сбежал вниз по ступеням (как-то вышло, что поднялся он больше, чем на двенадцать, хотя помнил, что поднимался на две, максимум на три) страшно испуганный. В темноте он ничего не видел. Только слышал собственное дыхание, а еще каллиопу, играющую где-то выше,

(*Что каллиопа делает в темноте? Кто на ней играет?*)

и, конечно, эти чавкающие шаги. Направляющиеся к нему. Приближающиеся.

Он ударил в дверь выставленными перед собой руками, ударил так, что уколы боли разошлись до самых локтей. Раньше дверь так легко поворачивалась... а теперь не шевельнулась.

Нет... не совсем. Поначалу она сдвинулась чуть-чуть, достаточно для того, чтобы слева появилась насмехающаяся над ним вертикальная полоска серого света. Потом полоска исчезла, словно кто-то прижал дверь с другой стороны.

Тяжело дыша, в ужасе, Стэн со всей силы давил на дверь. Чувствовал, как латунные накладки вдавливаются в руки.

Он развернулся, теперь прижимаясь к двери спиной и ладонями с растопыренными пальцами. Пот, липкий и горячий, стекал по лбу. Музыка каллиопы опять стала громче. Она спускалась по винтовой лестнице, эхом отдаваясь от стен. Теперь веселье из нее ушло. Мелодия изменилась. Сделалась погребальной. Она ревела, как ветер и вода, и мысленным взором Стэн увидел окружную ярмарку в конце осени, ветер и дождь, секущие пустынную централь-

ную аллею, развевающиеся флаги, раздувающиеся тенты, падающие, укатывающиеся, как брезентовые летучие мыши. Он видел аттракционы, замершие под небом, как эшафоты; ветер барабанил и гудел среди их балок, пересекающихся под самыми разными углами. И внезапно Стэн понял, что в этом месте с ним соседствует смерть, что смерть спускается к нему из темноты, а он не может от нее убежать.

Вниз по ступеням вдруг полилась вода. И теперь до него доносились запахи не попкорна, пончиков или сахарной ваты, а сырой гнили и тухлой свинины, раздувшейся от червей в темном уголке, куда не добираются солнечные лучи.

— Кто здесь? — закричал он пронзительным, дребезжащим голосом.

Ему ответил низкий, булькающий голос, словно вырывался из горла, забитого илом и тухлой водой.

— Мертвяки, Стэнли. Мы мертвяки. Мы утонули, но теперь летаем... и ты тоже будешь летать.

Он чувствовал, что вода течет по ногам. Вжался спиной в дверь, едва живой от страха. Мертвяки уже подходили к нему. Он чувствовал их близость. В ноздри бил их запах. Что-то упиралось ему в бедро, когда он снова и снова колотился спиной в дверь.

— Мы мертвы, но иногда мы немного валяем дурака, Стэнли. Иногда...

Орнитологический атлас.

Стэн машинально схватился за него. Он застрял в кармане дождевика, и Стэну никак не удавалось его вытащить. Один из мертвяков уже спустился с лестницы: Стэн слышал, как он, волоча ноги, пересекает маленькую площадку между нижней ступенькой и дверью. Еще мгновение — и он протянет руку, и Стэн ощутит прикосновение холодной плоти.

Он еще раз что есть силы дернул атлас и вытащил из кармана. Выставил перед собой, словно крохотный щит, не думая, что делает, но внезапно осознав, что это правильно.

— Снегири! — выкрикнул он в темноту, и на мгновение тварь, которая приближалась к нему (их точно разделяло меньше пяти шагов), замялась — он точно знал, что замялась. И не показалось ли ему, что чуть подалась и дверь, в которую он вжимался спиной?

Но он больше не вжимался. Он выпрямился, стоя в темноте. Когда это произошло? Определяться — не время. Стэн облизнул пересохшие губы и начал скандировать:

— Снегири! Серые цапли! Гагары! Красногрудые танагры! Граклы! Дятлы-молотоглавы! Красноголовые дятлы! Синицы! Вьюнки! Пели...

Дверь отворилась с протестующим скрежетом, и Стэн сделал гигантский шаг назад, в чуть затуманенный воздух. Распластался на прошлогодней, высохшей траве. Он согнул атлас чуть ли не пополам, и потом, в тот же вечер, обнаружил вмятины от пальцев на обложке, словно она была из пластилина, а не из твердого картона.

Даже не попытавшись подняться, Стэн начал отползать, упираясь каблуками в землю, скользя задом по мокрой траве. Губы его растянулись, он скалил зубы. В темном дверном проеме он видел две пары ног, ниже диагональной линии тени, отбрасываемой полуоткрытой дверью. Видел синие джинсы, которые от времени и от воды стали лилово-черными. Оранжевые нитки на швах расползались, вода стекала с манжет, образуя лужицы вокруг ботинок, которые практически сгнили, обнажив раздувшиеся лиловые пальцы.

Их руки висели плетьми вдоль боков, слишком длинные, слишком восково-белые. На каждом пальце болтался маленький оранжевый помпон.

Держа перед собой согнутый атлас, Стэн хрипло и монотонно шептал:

— Ястребы-куроеды... дубоносы... пересмешники... альбатросы... киви...

Одна из рук повернулась, показав ладонь, на которой вода за долгие годы стерла все линии, превратив ее в гладкую ладонь манекена из универсального магазина.

Один палец согнулся... разогнулся. Помпон подпрыгивал и покачивался, покачивался и подпрыгивал.

Тварь подзывала его.

Стэн Урис, который двадцать семь лет спустя умрет в ванне, вырезав кресты на обоих предплечьях, поднялся на колени, на ноги и побежал. Пересек Канзас-стрит, не посмотрев ни в одну сторону, не думая о том, что может угодить под машину, тяжело дыша, остановился на противоположной стороне, оглянулся.

Отсюда он уже не видел дверь у основания Водонапорной башни, только саму башню, широкую, но и грациозную, высившуюся в сумерках.

— Они мертвые, — прошептал себе Стэн, в шоке. Резко повернулся и побежал домой.

11

Сушилка остановилась. И Стэн закончил рассказ.

Трое остальных долго смотрели на него. Кожа его стала почти такой же серой, как и тот апрельский вечер, о котором он им только что рассказал.

— Ну и ну, — первым отреагировал Бен. Шумно, со свистом, выдохнул.

— Это правда, — прошептал Стэн. — Клянусь Богом, правда.

— Я тебе верю, — кивнула Беверли. — После того, что случилось у меня дома, я поверю всему.

Она резко поднялась, чуть не перевернув стул, подошла к сушилке. Начала одну за другой вынимать тряпки и складывать их. К мальчишкам Бев стояла спиной, но Бен подозревал, что она плачет. Хотел подойти к ней, но не решился.

— Мы должны поговорить об этом с Биллом, — предложил Эдди. — Билл придумает, что с этим делать.

— Делать? — Стэн повернулся к нему. — Что значит — делать?

Эдди посмотрел на него, стушевался.

— Ну...

— Я не хочу ничего делать. — Стэн так пристально, так яростно смотрел на Эдди, что тот сжался в комок. — Я хочу об этом забыть. Это все, что я хочу.

— Не все так просто. — Беверли оглянулась. Бен не ошибся — в горячем солнечном свете, падающем под углом в грязные окна прачечной, на ее щеках блестели дорожки слез. — Дело не только в нас. Я слышала Ронни Грогэн. И малыш, которого я услышала первым... я думаю, это сынишка Клементсов. Тот, который исчез, катаясь на трехколесном велосипеде.

— И что? — воинственно спросил Стэн.

— Что, если убьют кого-то еще? — спросила она. — Что, если детей и дальше будут убивать?

Его глаза, ярко-карие, смотрели в ее серо-голубые, отвечая без слов: *«Что с того, если убьют?»*

Но Беверли не отводила глаз, и первым в конце концов сдался Стэн... возможно, потому, что она продолжала плакать, а может, потому, что ее озабоченность придала ей духа.

— Эдди прав, — добавила она. — Мы должны поговорить с Биллом. А потом, возможно, пойти к начальнику полиции...

— Точно. — Стэн хотел, чтобы в его голосе прозвучало пренебрежение, но не получилось. Если что прозвучало, так это усталость. — Мертвые мальчики в Водонапорной башне, кровь, которую могут видеть только дети — не взрослые. Клоуны, шагающие по Каналу. Воздушные шарики, летящие против ветра. Мумии. Прокаженные под крыльцом. Шеф Болтон обхохочется... а потом упечет нас в дурдом.

— Если мы все пойдем к нему, — в голосе Бена слышалась тревога, — если мы пойдем вместе...

— Конечно, — прервал его Стэн. — Правильно. Расскажи мне что-нибудь еще, Стог. Напиши книгу. — Он поднялся, прошел к окну, засунув руки в карманы, сердитый, расстроенный и испуганный. Какое-то время смотрел в окно, расправив плечи, замерев в аккуратной, чистенькой рубашке. — Напиши мне блинскую книгу!

— Нет, — ровным голосом ответил Бен, — книги будет писать Билл.

Стэн в изумлении развернулся, все уставились на Бена. На лице Бена Хэнскома отразился шок, словно он неожиданно отвесил себе оплеуху.

Бев сложила последнюю тряпку.

— Птицы, — нарушил паузу Эдди.

— Что? — хором спросили Бев и Бен.

Эдди смотрел на Стэна.

— Ты стал выкрикивать им названия птиц?

— Возможно, — с неохотой ответил Стэн. — Или, возможно, дверь просто заклинило, а тут она наконец-то открылась.

— Хотя ты к ней не прикасался? — уточнила Бев.

Стэн пожал плечами. Не сердясь — показывая, что не знает.

— Я думаю, названия птиц тебя и спасли, — гнул свое Эдди. — Но почему? В кино ты поднимаешь крест...

— ...или произносишь молитву Создателю... — добавил Бен.

— ...или читаешь двадцать третий псалом, — вставила Беверли.

— Я знаю двадцать третий псалом, — сердито ответил Стэн, — но крест — это не мое. Я — иудей, помните?

Они отвернулись, смутившись, то ли из-за того, что он таким родился, то ли потому, что забыли об этом.

— Птицы, — повторил Эдди. — Господи! — Он вновь виновато глянул на Стэна, но Стэн смотрел на другую сторону улицы, на местное отделение «Бангор гидро».

— Билл скажет, что делать, — внезапно произнес Бен, словно соглашаясь с Бев и Эдди. — Спорю на что угодно. Спорю на любые деньги.

— Послушайте. — Стэн обвел их пристальным взглядом. — Это нормально. Мы можем поговорить об этом с Биллом, если хотите. Но я на этом остановлюсь. Можете называть меня хоть трусом, хоть трусохвостом, мне без разницы. Я не трус, во всяком случае, так не думаю. Но, если видишь такое, как в Водонапорной башне...

— Только псих не испугался бы, Стэн, — мягко сказала Беверли.

— Да, я испугался, но дело не в этом, — с жаром воскликнул Стэн. — Дело даже не в том, о чем я говорю. Неужели вы не видите...

Они выжидающе смотрели на него, в их глазах читалась тревога и слабая надежда, но Стэн обнаружил, что не может выразить словами свои чувства. Слова закончились. Комок чувств сформировался внутри, едва не душил его, но Стэн не мог вытолкнуть его из горла. При всем пристрастии к порядку, при всей его уверенности в себе, он все равно оставался одиннадцатилетним мальчиком, который только что окончил четвертый класс.

Он хотел сказать им, что испуг — не самое страшное. Можно бояться, что тебя собьет автомобиль, когда ты едешь на велосипеде, или, до появления вакцины Солка, что у тебя будет полиомиелит. Можно бояться этого безумца Хрущева или бояться утонуть, если заплывешь слишком далеко. Можно бояться всего этого и продолжать жить, как всегда.

Но эти нелюди в Водонапорной башне...

Он хотел сказать им, что эти мертвые мальчики, которые, шаркая, спустились по винтовой лестнице, сделали нечто худшее, чем испугали его: они его оскорбили.

Оскорбили, да. Другого слова он подобрать не мог, а если бы произнес это, они бы подняли его на смех. Он им нравился, Стэн это знал, они принимали его за своего, но все равно подняли бы на смех. Тем не менее того, что он увидел в Водонапорной башне, просто не могло быть. Оно оскорбляло ощущение порядка, присущее каждому здравомыслящему человеку, оскорбляло стержневую идею, состоящую в том, что Бог наклонил земную ось так, чтобы сумерки продолжались только двенадцать минут на экваторе и час или больше там, где эскимосы строили свои дома из ледяных кирпичей, а покончив с этим, он сказал, по существу, следующее: «*Ладно, если вы сможете разобраться с этим наклоном, то сможете разобраться практически со всем, чего ни пожелаете. Потому что даже у света есть масса, и внезапное понижение звуковой частоты паровозного свистка — эффект Допплера, и грохот, который возникает при прохождении самолетом звукового барьера, — не аплодисменты ангелов и не пердеж демонов, а всего лишь колебания воздуха, возвращающегося на прежнее место. Я дал вам наклон земной оси, а потом сел в центре зала, чтобы смотреть шоу. Мне нечего больше сказать, кроме как дважды два — четыре, огоньки в небе — звезды, если кровь есть, ее могут видеть как взрослые, так и дети, а мертвые мальчики остаются мертвыми*». А Стэн сказал бы им, если б смог: «*Со страхом жить можно, если не вечно, то долго, очень долго. А с таким оскорблением, возможно, не проживешь, потому что оно пробивает дыру в фундаменте твоего сознания, и если ты туда заглянешь, то увидишь, что там, внизу, живые существа, и у них маленькие желтые глазки, которые не мигают, и оттуда, из темноты, поднимается вонь, и через какое-то время ты подумаешь, что там, внизу, целая другая вселенная, вселенная, где по небу плывет квадратная луна, и звезды смеются холодными голосами, и у некоторых треугольников четыре стороны, и у некоторых — пять, и у каких-то — даже пять в пятой степени сторон. В этой вселенной могут расти розы, которые поют. Все ведет ко всему*, — сказал бы он им, если б смог. — *Пойдите в вашу церковь и послушайте ваши истории об Иисусе, шагающем по воде, но, если бы я увидел такое, то кричал бы, и кричал, и кричал. Потому что для меня это не выглядело бы чудом. Это выглядело бы* оскорблением».

Но ничего такого сказать он не мог, поэтому ограничился малым:

— Испугаться — не проблема. Я просто не хочу участвовать в чем-то таком, что приведет меня в дурку.

— Но ты по крайней мере пойдешь с нами к нему? — спросил Бен. — Послушаешь, что он скажет?

— Конечно, — ответил Стэн и рассмеялся. — Может, мне даже стоит захватить с собой птичий атлас.

Тут рассмеялись все, и напряжение чуть спало.

12

Беверли рассталась с ними у прачечной «Клин-Клоуз» и понесла тряпки домой. Квартира по-прежнему была пуста. Девочка положила тряпки под раковину, закрыла дверцу. Встала, глянула в сторону ванной.

«Я туда не пойду, — сказала она себе. — *Я посмотрю «Американскую эстраду» по телику. Попытаюсь научиться танцевать собачий вальс».*

Пошла в гостиную, включила телевизор, а пять минут спустя выключила, пока Дик Кларк* рассказывал, как много выделений сальных желез может убрать с лица подростка всего лишь одна пропитанная лекарственным составом салфетка «Страйдекс» («Если вы думаете, что сможете достигнуть того же эффекта мылом и водой, — говорил Дик, протягивая грязную салфетку к стеклянному объективу камеры, чтобы каждый американский подросток мог получше ее разглядеть, — то вам следует внимательно посмотреть на это»).

Беверли вернулась на кухню, подошла к шкафчику над раковиной, где отец держал инструменты. Среди них лежала и карманная рулетка, из которой вытаскивался длинный желтый «язык», размеченный в дюймах. Зажав ее в холодной руке, Бев направилась в ванную.

Там ее встретили безупречная чистота и тишина. Только где-то — далеко-далеко, как показалось Бев — миссис Дойон кричала на своего сына Джима, требуя, чтобы тот ушел с мостовой, немедленно.

---

* Кларк, Ричард Уэтстафф (р. 1929) — известный американский радио- и телеведущий. В конце 1950-х вел передачу «Американская эстрада».

Бев подошла к раковине, заглянула в черный зев сливной трубы.

Какое-то время постояла, ноги под джинсами стали холодными, как мрамор, соски затвердели и заострились так, что, похоже, могли резать бумагу, губы совершенно пересохли. Она ждала, когда же послышатся голоса.

Никаких голосов.

Бев выдохнула и начала «скармливать» тонкую стальную мерную полоску сливному отверстию. Полоска уходила вниз легко, как шпага — в пищевод шпагоглотателя, выступающего на окружной ярмарке. Шесть дюймов, восемь, десять. Полоска остановилась, как предположила Бев, уткнувшись в колено стояка. Девочка покрутила полоску, одновременно мягко проталкивая ее, и, в конце концов, она поползла дальше. Шестнадцать дюймов, два фута, три.

Бев наблюдала, как желтая мерная полоска выскальзывает из хромированного корпуса, который по бокам почернел: большая рука отца стерла покрытие. Мысленным взором она видела, как полоска скользит в черных глубинах трубы, пачкаясь, сдирая ржавчину. «*Скользит там, где никогда не светит солнце, где царит бесконечная ночь*», — подумала она.

Бев представила себе набалдашник мерной полоски, маленькую стальную пластину, не больше ногтя, которая скользит все дальше и дальше в темноту, и какая-то часть разума закричала: «*Что ты делаешь?*» Она не игнорировала этот голос... просто не могла внять ему. Она видела, как конец мерной полоски теперь движется по прямой, спускается в подвал. Она увидела, как он добрался до канализационной трубы... и как только она это увидела, продвижение полоски остановилось.

Бев вновь начала ее поворачивать, и полоска, тонкая, а потому податливая, издала какой-то резкий, противный звук, немного похожий на те, что издает пила, если положить ее на ноги, а потом сгибать и разгибать.

Она могла видеть, как кончик полоски елозит по дну этой более широкой трубы с отвержденным керамическим покрытием. Она могла видеть, как полоска сгибается... а потом вновь получила возможность продвигать ее дальше.

Бев выдвинула полоску на шесть футов. Семь. Девять...

И внезапно мерная полоска начала раскручиваться сама, словно кто-то потянул за ее свободный конец. Не просто тянул — убегал с ним. Бев смотрела на раскручивающуюся рулетку, глаза ее широко раскрылись. Рот превратился в букву «О» страха — страха, да, но не удивления. Разве она не знала? Разве не предполагала, что произойдет нечто подобное?

Мерная полоска вытянулась полностью. На все восемнадцать футов; ровно на шесть ярдов.

Из сливного отверстия донесся легкий смешок, за которым последовал тихий шепот, и в нем ощущался чуть ли не упрек: *«Беверли, Беверли, Беверли... ты не сможешь бороться с нами... ты умрешь, если попытаешься... умрешь, если попытаешься... умрешь, если попытаешься... Беверли... Беверли... Беверли... ли-ли-ли...»*

Что-то щелкнуло в корпусе рулетки, и мерная полоска начала быстро сматываться: разметка и цифры расплылись перед глазами Беверли. В конце, на последних пяти или шести футах, желтое сменилось темным, капающим красным, и Беверли с криком выронила рулетку на пол, словно мерная полоска внезапно превратилась в живую змею.

Свежая кровь потекла по белому фаянсу раковины, возвращаясь в широкий зрачок сливного отверстия. Беверли наклонилась, уже рыдая — страх куском льда морозил желудок, — и подняла рулетку. Зажала между большим и указательным пальцами правой руки, вытянула перед собой, и понесла на кухню. По пути капли с рулетки падали на истертый линолеум коридора и кухни.

Она пришла в себя, подумав о том, что сказал бы ее отец (что сделал бы с ней), если б обнаружил, что она залила его рулетку кровью. Разумеется, он не смог бы увидеть кровь, но мысли эти помогали собраться с духом.

Беверли взяла одну из чистых тряпок, еще теплую после сушки, словно свежий хлеб, и вернулась в ванную. Прежде чем отчищать кровь, вставила в сливное отверстие резиновую затычку, закрыв ею зрачок. Свежая кровь отходила легко. Беверли пошла по собственному следу, вытирая с пола капли, размером с десятицентовик, потом прополоскала тряпку, выжала и отложила в сторону.

Она взяла вторую тряпку и начала чистить отцовскую рулетку от густой, вязкой крови. В двух местах к мерной полоске прилипло что-то черное и губчатое.

Хотя кровь запачкала лишь пять или шесть последних футов, Беверли вычистила всю мерную полоску, убрала все следы грязи. Покончив с этим, положила рулетку в шкафчик над раковиной и, прихватив с собой обе тряпки, вышла из квартиры через дверь черного хода. Миссис Дойон вновь кричала на Джима. В этот еще теплый вечер ее голос разносился, подобно колокольчику.

В глубине двора (голая земля, сорняки, бельевые веревки) стояла мусоросжигательная печь. Беверли бросила в нее тряпки, а потом присела на верхнюю из ступеней, что вели к двери на кухню. Слезы пришли неожиданно, полились рекой, и на этот раз она и не пыталась их сдерживать.

Положила руки на колени, голову — на руки, и плакала, пока миссис Дойон призывала Джима уйти с той дороги — или он хочет, чтобы его сбила машина и он умер?

DEPPИ:

Вторая интерлюдия

«Quaeque ipsa misserrima vidi,
Et quorum pars magna fui*»

Вергилий

«С бесконечным, нах, лучше не связываться».

*«Злые улицы»***

14 февраля 1985 г.
День святого Валентина

Еще два исчезновения на прошлой неделе — в обоих случаях дети. А я только начал расслабляться. Один — шестнадцатилетний подросток Деннис Торрио, вторая — пятилетняя девочка, которая каталась на санках за своим домом на Западном Бродвее. Бьющаяся в истерике мать нашла ее санки — синюю пластмассовую «летающую тарелку», и больше ничего. Ночью прошел снег — выпало около четырех дюймов. Никаких следов, кроме как девочки, сказал мне шеф Рейдмахер, когда я ему позвонил. Думаю, я его очень

---

* Тягчайшие бедствия видел, / Да и многие пережил сам (*лат.*).

** «Злые улицы» — культовый фильм киностудии «Уорнер бразерз», вышедший на экраны в 1973 г. Режиссер Мартин Скорсезе. Одну из главных ролей исполнил Роберт Де Ниро.

раздражаю. Но мне из-за этого бессонные ночи не грозят. Мне приходилось сталкиваться кое с чем и похуже, так?

Я спросил, можно ли взглянуть на сделанные полицией фотографии. Он отказал.

Я спросил, вели ли ее следы к дренажной решетке или к водостоку. Последовала долгая пауза, после которой я услышал: «Я начинаю думать, не пора ли тебе обратиться к врачу, Хэнлон? К какому-нибудь психиатру. Ребенка похитил отец. Или ты не читаешь газеты?»

— Торрио тоже похитил отец? — спросил я.

Снова долгая пауза.

— Угомонись, Хэнлон. Оставь меня в покое. — И он положил трубку.

Разумеется, я читаю газеты — кто, как не я, раскладывает их каждое утро в читальном зале публичной библиотеки? Маленькая девочка, Лори Энн Уинтербаджер, по решению суда находилась под опекой матери после скандального бракоразводного процесса весной 1982 года. Полиция исходит из того, что Хорст Уинтербаджер, вроде бы работающий механиком где-то во Флориде, приезжал в Мэн, чтобы похитить дочь. Согласно их версии, он припарковал автомобиль за домом и позвал дочь, которая сама подошла к нему — отсюда отсутствие чьих-либо следов, кроме Лори. Они, правда, стараются не упоминать, что девочка с двухлетнего возраста не видела отца. Скандальность бракоразводному процессу придали обвинения миссис Уинтербаджер, что Хорст Уинтербаджер как минимум дважды сексуально домогался ребенка. Она просила отказать Уинтербаджеру в праве видеться с дочерью, и суд так и постановил, хотя Уинтербаджер яростно все отрицал. Рейдмахер заявляет, что приговор суда, полностью отрезавший отца от единственного ребенка, мог подтолкнуть Уинтербаджера на похищение дочери. Наверное, эту версию и можно считать правдоподобной, но спросите себя: узнала бы Лори Энн отца после трех лет разлуки и побежала бы на его зов? Рейдмахер говорит «да», пусть она и видела его в последний раз в два годика. Я так не думаю. И ее мать говорила, что Лори Энн прекрасно знала о том, что нельзя ни подходить к незнакомым взрослым, ни разговаривать с ними. Этот урок большинство детей в Дерри вызубривают с младенчества. Рейдмахер говорит, что полиция штата Флорида уже разыскивает Уинтербаджера, и он может снять с себя ответственность.

«Вопросы опеки в компетенции адвокатов, а не полиции», — так процитировали этого напыщенного толстобрюхого говнюка в пятничном номере «Дерри ньюс».

Но Деннис Торрио... это совсем другая история. Дома все прекрасно. Играл в футбол за «Тигров Дерри». Отличник. Летом 1984 года прошел курс в «Школе выживания путешественника» и с блеском сдал экзамен. К наркотикам не притрагивался. Идеальные отношения с девушкой, которую любил без памяти. Имел все, ради чего стоило жить. Все, чтобы оставаться в Дерри по меньшей мере следующие два года.

Тем не менее он пропал.

И что с ним случилось? Внезапный приступ тяги к путешествиям? Пьяный водитель, который сшиб его, убил и тайком похоронил? Или он все еще в Дерри, только на темной стороне Дерри, водит компанию с такими как Бетти Рипсом, и Патрик Хокстеттер, и Эдди Коркорэн, и остальные? Или...

(позже)

Опять двадцать пять. Хожу и хожу кругами, не делаю ничего конструктивного, только завожу себя так, что скоро начну кричать. Я подпрыгиваю от скрипа железных ступеней, ведущих к стеллажам. Шарахаюсь от теней. Задаюсь вопросом, а как бы я отреагировал, если в тот момент, когда расставлял книги по стеллажам наверху, катя перед собой тележку на резиновом ходу, меж книг высунулась бы рука, хватающая рука...

В этот день у меня вновь появилось почти непреодолимое желание начать им звонить. В какой-то момент я даже набрал «404», код Атланты, глядя на лежащий передо мной телефонный номер Стэнли Уриса. Потом подержал трубку у уха, спрашивая себя, хочу ли я позвонить, потому что абсолютно уверен — на сто процентов уверен... или потому, что очень уж напуган и не могу выдержать этого в одиночку; потому что я должен поговорить с тем, кто знает (или узнает), чего именно я так боюсь.

И тут я слышу, как Ричи говорит: «Команда? КОМАНДА? Не нужны нам никакие вонючие команды, сеньор-р-р», — голосом Панчо Ванильи, слышу так отчетливо, будто он стоит рядом со мной... и кладу трубку на рычаг. Потому что когда так отчаянно хочется кого-то увидеть, как я хотел увидеть Ричи Тозиера (или любого из них), доверять собственным мотивам нельзя. Лучше всего мы лжем сами себе. Дело в том, что на сто процентов я все-таки не

уверен. Если обнаружится еще одно тело, я позвоню... но пока я должен предполагать, что даже такой напыщенный говнюк, как Рейдмахер, может оказаться прав. Лори могла помнить своего отца; возможно, видела какие-то его фотографии. И, наверное, взрослый может убедить ребенка сесть к нему в машину, как бы того ни предупреждали.

Еще один страх не отпускает меня. Рейдмахер предположил, что у меня съезжает крыша. Я в это не верю, но, если я позвоню им сейчас, они, возможно, подумают, что я сумасшедший. Хуже того, а вдруг они меня не вспомнят? Майк Хэнлон? Кто? Не помню я никакого Майка Хэнлона. Я совсем вас не помню. Какое обещание?

Я чувствую, точное время для звонка придет... и когда оно придет, я пойму, что пора. И их каналы связи откроются одновременно. Как бывает, когда два огромных колеса, медленно сближаясь, входят в соприкосновение друг с другом: я и Дерри — на одном, все мои друзья детства — на другом.

Когда время придет, они все услышат голос Черепахи.

Поэтому пока я подожду, но рано или поздно пойму, что пора. Я уверен, что вопрос, звонить или не звонить, снят.

Единственный вопрос — когда.

20 февраля 1985 г.

Пожар в «Черном пятне».

«Идеальный пример того, как Торговая палата пытается переписать историю, Майк, — сказал бы мне старик Альберт Карсон, возможно, при этом посмеиваясь. — Они пытаются, и иногда им это почти удается... но старики помнят, что и как было на самом деле. Они всегда помнят, а иногда и рассказывают, если только задавать им нужные вопросы».

В Дерри есть люди, которые живут здесь больше двадцати лет и не знают, что в свое время в городе находилась «специальная» казарма для нестроевых военнослужащих, относящаяся к деррийской базе армейской авиации, но расположенная в полумиле от основной территории базы, и в середине февраля, когда температура колебалась в районе пятнадцати градусов мороза и ветер дул по плоским взлетно-посадочным полосам со скоростью сорок миль в час, а потому, с поправкой на ветер, температура воздуха стано-

вилась совсем уж низкой, эти лишние полмили могли привести и к переохлаждению, и к обморожению, а то и к смерти.

В других семи казармах котлы отопления работали на солярке, в окнах стояли двойные рамы, стены утепленные. В них и холодной зимой жили — не тужили. «Специальная» казарма, в которой размещались двадцать семь военнослужащих роты Е, обогревалась старой дровяной печью. Дрова для этой печи солдатам приходилось заготавливать самим, и где придется. От стужи их изолировали только сосновые и еловые ветки, которые солдаты навалили на стены. Одному парню удалось достать и привезти в казарму полный комплект вторых рам, но двадцать семь обитателей «специальной» казармы в тот день задержали в Бангоре на выполнении каких-то работ, а вечером, вернувшись домой, усталыми и продрогшими, они обнаружили, что вторые рамы разломаны. Все до единой.

Происходило это в 1930 году, когда половину самолетов армии Соединенных Штатов все еще составляли бипланы. В Вашингтоне Билли Митчелла* отдали под трибунал и понизили в должности, отправив летать за кабинетный стол: настойчивые призывы к модернизации авиации так достали его командиров, что они больно щелкнули Митчелла по носу. Вскоре после этого он уволится со службы.

Так что на базе в Дерри летали крайне редко, несмотря на три взлетно-посадочных полосы (твердое покрытие было только на одной). И большая часть службы состояла в выполнении различных хозяйственных работ.

Один из солдат роты Е, который демобилизовался в 1937 году, потом вернулся в Дерри. Это был мой отец. И он рассказал мне такую историю:

«Одним весенним днем 1930 года, за полгода до пожара в «Черном пятне», я возвращался на базу с тремя приятелями после трехсуточной увольнительной. Это время мы провели в Бостоне.

Миновав ворота, мы увидели этого детину, который стоял сразу за КПП, облокотившись на лопату, и ковыряя в носу. Сержант

---

* Митчелл, Уильям Лендрам (1879—1936) — генерал, считающийся отцом военной авиации. Одна из наиболее знаменитых и противоречивых фигур в истории ВВС. Единственный человек, в честь которого в Америке назван самолет — бомбардировщик «Б-25 Митчелл». Судили Митчелла в 1925 году, разжаловали в полковники, и вскоре он демобилизовался.

откуда-то с юга. Рыжие волосы. Гнилые зубы. Прыщи. Та же обезьяна, только без шерсти, ну, ты понимаешь. В годы Депрессии таких в армии хватало.

Мы идем, четверо молодых парней после увольнительной, все в отличном настроении, и видим по его глазам, что он так и ищет повод прицепиться к нам. Мы и отдали ему честь, будто он сам генерал Черный Джек Першинг*. Я думаю, все бы обошлось, но выдался прекрасный весенний денек, ярко светило солнце, и я не удержал язык за зубами.

— Доброго вам дня, сержант Уилсон, сэр, — сказал я, и он тут же набросился на меня.

— Я давал тебе разрешение обратиться ко мне? — спрашивает он.

— Нет, сэр, — отвечаю я.

Тут он смотрит на остальных, Тревора Доусона, Карла Руна и Генри Уитсана, который погиб при пожаре той осенью, и говорит им: «Этот умный ниггер остается со мной. Если вы, черномазые, не хотите присоединиться к нему в одной грязной работенке, которая займет у него всю вторую половину дня, валите в казарму, положите вещички и доложите о своем прибытии дежурному. Понятно объясняю?»

Что ж, они идут, а Уилсон кричит им вслед: «Жопу в горсть и скачками, говны собачьи! Хочу видеть, как засверкают подошвы ваших гребаных башмаков».

Они смотались, а Уилсон отвел меня в сарай, где хранился инструмент, и выдал мне штыковую лопату. Потом повел на большое поле, где теперь расположен терминал для аэробусов авиакомпании «Нортист эйрлайнс». Смотрит на меня, улыбаясь, указывает на землю и говорит: «Видишь этот окоп, ниггер?»

Никакого окопа нет, но я предполагал, что мне лучше во всем с ним соглашаться, поэтому посмотрел на то место, куда он указы-

---

* Першинг, Джон Джозеф, по прозвищу Черный Джек (1860—1948) — генерал американской армии, участник испано-американской и Первой мировой войн (командовал американскими частями в Европе). Единственный, кто при жизни получил высшее звание в американской армии — генерал армий Соединенных Штатов, соответствующее званию Джорджа Вашингтона. Считается учителем всех выдающихся американских генералов Второй мировой войны, Д. Эйзенхауэра, В.О. Брэдли, Дж. Паттона. Черным Джеком (точнее Ниггером Джеком) его прозвали курсанты Вест-Пойнта, недовольные его строгостью, за то, что одно время командовал подразделением, состоящим из чернокожих.

вал, и ответил, что да, конечно, вижу. Тут он врезал мне в нос, сшиб с ног, и я оказался на земле, а кровь запачкала мою последнюю чистую рубашку.

— Ты не видишь его, потому что какой-то болтливый черномазый мерзавец засыпал его! — прокричал он, и на его щеках вспыхнули два больших красных пятна. Но он улыбался, и по всему чувствовалось, что происходящее ему очень даже нравилось. — И вот что ты сейчас сделаешь, мистер Доброго-вам-дня: ты сейчас выгребешь всю землю из моего окопа. Время пошло!

Я рыл окоп чуть ли не два часа и очень скоро закопался в землю до подбородка. Последние два фута пришлись на глину, и, закончив, я стоял по щиколотку в воде, а мои ботинки промокли насквозь.

— Вылезай оттуда, Хэнлон, — приказал сержант Уилсон. Он сидел на травке, курил. Помочь мне не предложил. Я вымазался с головы до ног, не говоря уж о том, что кровь замарала мою форменку. Он поднялся и подошел к окопу. Указал на него.

— Что ты тут видишь, ниггер? — спросил он.

— Ваш окоп, сержант Уилсон, — отвечаю я.

— Что ж, я решил, что он мне не нужен, — говорит он. — Не нужен мне никакой окоп, вырытый ниггером. Засыпь его, рядовой Хэнлон.

Я начал его засыпать, а когда закончил, солнце уже спускалось к горизонту и заметно похолодало. Он подходит и смотрит, как я утрамбовываю землю боковой поверхностью штыка лопаты.

— И что ты видишь здесь теперь, ниггер? — спрашивает он.

— Земляной пригорок, сэр, — ответил я, и он бьет меня снова. Господи, Майки, я был близок к тому, чтобы, поднявшись, раскроить ему голову лопатой. Но если бы я это сделал, никогда бы не увидел чистого неба, только в клеточку. И хотя потом я иной раз и раскаивался, что не сделал этого, тогда мне как-то удалось сдержаться.

— Это не земляной пригорок, ты, тупой хрен енотовый! — кричит он на меня, брызжа слюной. — Это МОЙ окоп, и тебе лучше немедленно очистить его от земли. Жопу в горсть, и за дело!

Я выгребаю землю из окопа, а потом вновь забрасываю его землей, и тогда он спрашивает меня, почему я забросал его окоп землей, когда он как раз собрался посрать в него. Я снова освобождаю окоп от земли, а он спускает штаны, садится, свесив свой костля-

вый зад над окопом и, справляя нужду, спрашивает: «Как себя чувствуешь, Хэнлон?»

— Я прекрасно себя чувствую, — отвечаю я, потому что решил, что не сдамся, пока не упаду без чувств или не умру. Не удастся ему меня сломать.

— Что ж, это мы исправим, — говорит он. — Для начала засыпь эту выгребную яму, рядовой Хэнлон. И я хочу, чтобы ты это сделал быстро. А то ты что-то начал тянуть резину.

Я в очередной раз засыпал яму, и по его улыбке понял, что это только начало. Но тут прибежал один его друг с газовым фонарем и сказал, что в казарме была какая-то внеплановая поверка, и Уилсону могут надрать зад, потому что его не оказалось на месте. Мои друзья прикрыли меня, поэтому все обошлось, но друзья Уилсона, если их можно назвать друзьями, и пальцем ради него не шевельнули.

Он меня отпустил, и я надеялся, что наутро его имя появится в списке получивших взыскание, но напрасно. Вероятно, он сказал лейтенанту, что пропустил поверку, объясняя одному болтливому ниггеру, кому принадлежат все окопы на территории деррийской базы, и те, что уже вырыты, и те, что еще нет. Ему вероятно, дали медаль, вместо того чтобы отправить чистить картошку. Именно такие порядки царили в роте Е здесь, в Дерри».

Эту историю отец рассказал мне где-то в 1958 году, и я думаю, что ему тогда было под пятьдесят, а моей матери — порядка сорока или около того. Я спросил его, почему он вернулся, раз в Дерри было так плохо?

— Видишь ли, Майки, в армию я пошел в шестнадцать, — ответил он. — Солгал насчет своего возраста, чтобы попасть. Не моя идея. Мать мне велела. Я был парнем крупным, и, наверное, только потому мою ложь не раскусили. Я родился и вырос в Бергоу, штат Северная Каролина, и мясо мы видели только раз в году, после сбора табака, или иногда зимой, когда отец подстреливал енота или опоссума. Единственное хорошее, что я помню о Бергоу — это пирог с мясом опоссума, обложенный кукурузными лепешками, вкуснее которого просто не бывает.

Поэтому, когда мой отец погиб в результате несчастного случая — что-то там произошло с сельскохозяйственной техникой, моя мама сказала, что поедет с Филли Лубердом в Коринт, где у нее жили родственники. Филли Луберд был в семье любимчиком.

— Ты про дядю Фила? — спросил я, улыбнувшись при мысли о том, что кто-то называет его Филли Луберд. Он был адвокатом в Тусоне, штат Аризона, и шесть лет избирался в Городской совет. Ребенком я полагал, что дядя Фил — богач. Для черного в 1958 году, уверен, так оно и было. Он зарабатывал двадцать тысяч долларов в год.

— Именно о нем, — ответил отец. — Но тогда он был двенадцатилетним пацаном, который носил матросскую шапку из рисовой бумаги, залатанный комбинезон и ходил босиком. Он был самым младшим в семье, я родился перед ним. Остальные дом уже покинули: двое умерли, двое женились, один сел в тюрьму. Это Говард. Ничего путного в нем никогда не было.

«Ты должен пойти в армию, — сказала мне твоя бабушка Ширли. — Я не знаю, начнут ли они платить тебе сразу или нет, но как только начнут, ты будешь посылать мне деньги каждый месяц. Мне не хочется отправлять тебя туда, сынок, но, если ты не позаботишься обо мне и Филли, не знаю, что с нами станет». Она дала мне свидетельство о рождении, чтобы показать вербовщику, в котором уже подделала год моего рождения так, чтобы я стал восемнадцатилетним.

Я пошел в здание суда, где сидел вербовщик, и сказал, что хочу в армию. Он сунул мне бумаги и показал, где поставить крестик.

— Я могу расписаться, — ответил я, и он рассмеялся, похоже, мне не веря.

— Что ж, валяй. Расписывайся, черный мальчик, — говорит он.

— Одну минуту, — отвечаю. — Хочу задать вам пару вопросов.

— Задавай, — говорит он. — Я могу ответить на любой.

— В армии мясо дают дважды в неделю? — спросил я. — Моя мама говорит, что да, но она очень уж хочет, чтобы я пошел в армию.

— Нет, мясо дважды в неделю там не дают, — отвечает он.

— Так я и думал, — говорю я, думая, что этот человек, конечно, слизняк, но по крайней мере честный слизняк.

А потом он говорит:

— Солдаты едят мясо каждый день, — и мне остается только удивляться себе: как я только мог подумать, что он честный?

— Вы, должно быть, думаете, что я — круглый дурак, — говорю я.

— Ты все правильно понял, ниггер, — отвечает он.

— Если я пойду в армию, я должен что-то сделать для мамы и Филли Луберда, — говорю я. — Мама говорит, что я смогу посылать ей деньги.

— Все здесь. — Он показывает бланк на перечисление денег. — Еще вопросы?

— Да, — говорю я, — как насчет обучения на офицера?

Он запрокинул голову и так смеялся, что я подумал, а не захлебнется ли он собственной слюной. Потом говорит:

— Сынок, ты увидишь черного офицера в этой армии не раньше того дня, когда снятый с креста Иисус начнет отплясывать чарльстон. А теперь подписывай или нет. Мое терпение лопнуло. Опять же, ты все здесь провонял.

Я подписал и наблюдал, как он степлером прикрепляет бланк на перечисление денег к моему учетному листку, потом принимает у меня присягу, и я уже солдат. Я думал, меня отправят в Нью-Джерси, где армия строила мосты, потому что не было войн, где она могла бы воевать. Вместо этого я оказался в Дерри, штат Мэн, в роте Е.

Он вздохнул и заерзал на стуле, крупный мужчина с седыми, коротко стриженными волосами. В то время нам принадлежала одна из самых больших ферм в Дерри и, вероятно, лучший придорожный ларек к югу от Бангора. Втроем мы много работали, отцу приходилось нанимать людей на сбор урожая, и дела у нас шли неплохо.

Он сказал:

— Я приехал сюда, потому что видел Юг и видел Север, и ненавистью они не отличались друг от друга. В этом меня убедил не сержант Уилсон. Он был всего лишь белым бедняком из Джорджии и повсюду таскал за собой Юг, куда бы ни приезжал. Не было у него необходимости находиться южнее линии Мейсона-Диксона*, чтобы ненавидеть ниггеров. Он просто нас ненавидел. Нет, в этом меня убедил пожар в «Черном пятне». Знаешь, Майки, в каком-то смысле...

Он посмотрел на мою мать, которая вязала. Она не подняла головы, но я знал, что слушает она внимательно, и, думаю, отец тоже это знал.

— В каком-то смысле тот пожар превратил меня в мужчину. В огне погибли шестьдесят человек, восемнадцать — из роты Е.

---

* Линия Мейсона-Диксона — до начала Гражданской войны символизировала границу между свободными и рабовладельческими штатами.

Собственно, после пожара никакой роты и не осталось. Генри Уитсан... Сторк Энсон... Алан Сноупс... Эверетт Маккаслин... Хортон Сарторис... все мои друзья, все погибли в том пожаре. И к этому пожару не имели отношения ни старина Уилсон, ни его дружки-южане. Устроило его деррийское отделение «Легиона белой благопристойности» штата Мэн. Отцы некоторых детей, с которыми ты ходишь, сынок, в школу, чиркали спичками, поджигая «Черное пятно». И я говорю не о детях из бедных семей.

— Почему, папа? Почему они это сделали?

— Отчасти потому, что таков уж Дерри, — хмурясь, ответил мой отец. Медленно раскурил трубку, тряхнул деревянную спичку, чтобы погасить ее. — Я не знаю, почему это случилось здесь; я не могу этого объяснить, но при этом я нисколько не удивлен.

Видишь ли, «Легион белой благопристойности» — аналог куклукс-клана у северян. Они маршировали в таких же белых балахонах, жгли такие же кресты, писали такие же сочащиеся ненавистью записки черным, которые, по их разумению, или поднялись выше, чем им полагалось, или получили работу, положенную белому человеку. Они иногда закладывали динамит в церкви, где священники говорили о равенстве черных. В книгах по истории упор делается на ку-клукс-клан, а не на «Легион белой благопристойности», и многие даже не знают о его существовании. Я думаю, причина в том, что бóльшинство этих книг написано северянами, и им стыдно.

Наибольшую популярность «Легион» приобрел в крупных городах и промышленных зонах. Нью-Йорк, Нью-Джерси, Детройт, Балтимор, Бостон, Портсмут — везде были отделения «Легиона». Они пытались организоваться и в Мэне, но достигли успеха только в Дерри. Какое-то время довольно крупное отделение существовало и в Льюистоне, примерно в то время, когда произошел пожар в «Черном пятне», но им не приходилось тревожиться из-за того, что ниггеры насиловали белых женщин или отнимали работу у белых мужчин, потому что ниггеров там практически не было. В Льюистоне опасались бродяг и объединения так называемой «бóнусной армии»* с теми, кого называли «армией коммунистических

* «Бонусная армия» — состояла из ветеранов Первой мировой войны и их семей. Весной и летом 1932 года устроила мощные акции протеста в Вашингтоне. Ветераны, многие остались без работы с началом Великой депрессии, требовали выплаты обещанных денег.

подонков». В последнюю входили все, кто не работал. «Легион благопристойности» обычно выбрасывал этих бедолаг из города, как только они там появлялись. Иногда им засовывали в штаны ядовитый плющ. Иногда им поджигали рубашки.

После пожара в «Черном пятне» деррийское отделение «Легиона» практически прекратило свое существование. Видишь ли, ситуация вышла из-под контроля, как иной раз случается в этом городе.

Он помолчал, попыхивая трубкой.

— Похоже, «Легион белой благопристойности» был всего лишь еще одним зернышком, Майки, и оно нашло здесь хорошо удобренную почву. По существу, это был клуб богатых людей. А после пожара они спрятали свои балахоны и лгали, выгораживая друг друга, так что дело спустили на тормозах. — Теперь в его голосе звучало такое горькое презрение, что моя мать, хмурясь, подняла голову. — Кто, в конце концов, погиб? Восемнадцать солдат-ниггеров, четырнадцать или пятнадцать городских ниггеров, четверо музыкантов-ниггеров из джаз-банда... да горстка друзей ниггеров. Велика беда?

— Уилл, — тихо проговорила мать. — Достаточно.

— Нет, — возразил я. — Я хочу послушать.

— Тебе пора спать, Майки. — Он взъерошил мне волосы большой, тяжелой рукой. — Я просто хочу рассказать тебе еще кое о чем, и не уверен, что ты поймешь... сомневаюсь, понимаю ли все сам. Случившее в тот вечер в «Черном пятне», пусть это и ужасно... я не думаю, что произошло все только из-за цвета нашей кожи. И даже не потому, что находилось «Пятно» рядом с Западным Бродвеем, где белые богачи Дерри жили тогда и живут теперь. Я не думаю, что тут дела у «Легиона белой благопристойности» шли так хорошо, потому что в Дерри черных и бродяг ненавидели сильнее, чем в Портленде, или Льюистоне, или в Брансуике. Все дело в здешнем духе. Дух этого города наилучшим образом подходит для всего дурного, для того, что приносит боль. За прошедшие годы я снова и снова думал об этом. Я не знаю, как такое может быть... но так оно и есть.

Но хорошие люди живут в Дерри теперь и жили раньше. На похороны пришли тысячи горожан, и они хоронили как черных, так и белых. Большинство предприятий не работали почти неделю. В больницах пострадавших лечили бесплатно. Им приносили кор-

зины с едой и письма с соболезнованиями, написанные от души. Протягивали руку помощи. Тогда я познакомился со своим другом, Дьюи Конроем, и ты знаешь, он белый, как ванильное мороженое, но я чувствую, что он мне брат. Я бы умер за Дьюи, если б он меня попросил, и хотя никому не дано знать душу другого человека, я думаю, он умер бы за меня, если б дошло до этого.

В любом случае, армия отправила тех, кто выжил после пожара, в другие места, словно они стыдились случившегося... и, наверное, они стыдились. Я оказался в Форт-Худе, где прослужил шесть лет. Там я встретил твою мать, и мы поженились в Галвестоне, в доме ее родителей. Но все эти годы Дерри не выходил у меня из головы. И после войны я привез твою мать сюда. Здесь у нас родился ты. И здесь мы живем, менее чем в трех милях от того места, где в 1930 году находился клуб «Черное пятно». И я думаю, тебе пора ложиться спать, молодой человек.

— Я хочу послушать про пожар! — закричал я. — Расскажи мне о нем, папочка!

Но он посмотрел на меня, хмурясь. Если такое случалось, я точно знал, что ничего не выгорит... возможно, потому, что хмурился он редко. Обычно улыбался.

— Эта история не для детских ушей, — ответил он. — В другой раз, Майки. Когда мы отшагаем с тобой еще несколько лет.

Как выяснилось, мы оба отшагали еще четыре года, прежде чем я услышал историю о том, что случилось в тот вечер в клубе «Черное пятно», и к тому моменту дни отца уже были сочтены. Он рассказывал мне о пожаре, лежа на больничной койке, накачанный обезболивающими, время от времени засыпая или впадая в забытье, а раковая опухоль неумолимо и безостановочно пожирала его внутренности.

26 февраля 1985 г.

Перечел эту последнюю запись и сам удивился, разрыдавшись от скорби по отцу, который уже двадцать три года как умер. Я помню, как горевал после его смерти — почти два года не мог прийти в себя. Когда в 1965 году я окончил среднюю школу, мать посмотрела на меня и сказала: «Как бы отец гордился тобой!» Мы расплакались в объятиях друг друга, и я подумал, что все, мы наконец-то похоронили его этими запоздалыми слезами. Но кто знает, как дол-

го горе может оставаться с человеком? Разве не бывает, что через тридцать или даже сорок лет после смерти ребенка, или сестры, или брата человек, наполовину проснувшись, думает об утрате и чувствует, что пустоты, которые оставила эта смерть, не заполнятся никогда, до последнего дня жизни?

Он демобилизовался в 1937 году, получив пенсию по инвалидности. К тому времени армия моего отца значительно повысила свою боеготовность. Даже полуслепой, говорил он мне, уже понимал, что скоро придется расчехлять пушки. К тому времени его произвели в сержанты, и он потерял большую часть левой ступни, когда новобранец, перепугавшийся до такой степени, что чуть не наложил в штаны, вытащил чеку из ручной гранаты, а потом выронил ее, вместо того чтобы бросить. Она откатилась к моему отцу и взорвалась со звуком, по его словам, напоминавшим кашель в ночи.

Немалая часть вооружения, с которым приходилось иметь дело солдатам той давней поры, или изначально была неисправной, или вышла из строя после долгого хранения на складах. Им давали патроны, которые не стреляли, и винтовки, которые взрывались у них в руках, если выстрел все-таки происходил. У военных моряков торпеды плыли в сторону от цели, а если попадали в цель, то не взрывались. У самолетов армии и флота отваливались крылья при чуть более жесткой посадке, а в 1939 году на военной базе в Пенсаколе (я об этом читал) офицер службы снабжения обнаружил, что множество стоящих там армейских грузовиков не могут тронуться с места, потому что тараканы съели все резиновые шланги и ремни привода вентилятора.

Так что жизнь моему отцу и его тело (включая, разумеется, и ту часть, которая дала жизнь вашему покорному слуге Майклу Хэнлону) спасли головотяпство чиновников и никудышное вооружение. У гранаты взорвался не весь заряд, и отец потерял лишь часть левой ступни, а не все от ключиц и ниже.

Выплаченные при демобилизации деньги позволили ему на год раньше, чем он планировал, жениться на матери. Они не сразу поехали в Дерри, сначала перебрались в Хьюстон, где работали до 1945 года. Мой отец трудился бригадиром на заводе, который изготавливал корпуса для бомб. Моя мать стала Рози-клепальщицей*.

* Рози-клепальщица — обобщенный образ женщины, которая пришла на завод, чтобы заменить ушедшего на войну отца, брата, мужа.

Но, как он и рассказывал мне, одиннадцатилетнему, мысль о Дерри «никогда не выходила у него из головы». И теперь я спрашиваю себя, а может, что-то тянуло его в Дерри даже тогда, тянуло с тем, чтобы я смог занять свое место в том кругу в Пустоши, который сложился одним августовским вечером. Если во вселенной есть высшие силы, значит, добро всегда уравновешивает зло... но ведь и добро может быть не менее ужасным.

Мой отец выписывал «Дерри ньюс» и постоянно проглядывал объявления о продаже земли. Большую часть заработанных денег они откладывали. Наконец он увидел предложение о продаже фермы, которое выглядело привлекательным... во всяком случае, на бумаге. Из Техаса они приехали на автобусе «Трейлуэйс», осмотрели ферму и купили ее в тот же день. Отделение Первого торгового банка в округе Пенобскот выдало ему ипотечный кредит на десять лет, и они начали обустраиваться на новом месте.

— Поначалу у нас возникали проблемы, — рассказывал он мне в другой раз. — Нашлись люди, которые не хотели, чтобы по соседству с ними жили негры. Мы знали, что так и будет, я же не забыл «Черное пятно», но полагали, что со временем все успокоится. Подростки приходили и бросали в окна камни и банки из-под пива. В первый год я раз двадцать вставлял новые стекла. И досаждали нам не только подростки. Как-то раз, проснувшись поутру, мы увидели нарисованную на стене курятника свастику, а все куры передохли. Кто-то отравил им корм. Больше я кур не держал.

Но шериф округа — тогда в Дерри не было начальника полиции, до этого городу еще предстояло дорасти — начал с этим разбираться, и разбираться серьезно. Это я к тому, Майки, что здесь живут не только плохие люди, но и хорошие. Салливан не относился к человеку по-другому только потому, что кожа у него коричневая, а волосы — курчавые. Он приезжал с десяток раз, говорил с людьми и, наконец, выяснил, кто это сделал. И кто, по-твоему? Догадайся с трех раз, первые два — не в счет.

— Понятия не имею. — Я не стал и пытаться.

Отец смеялся, пока слезы не потекли из глаз. Достал из кармана большой белый платок, вытер их.

— Буч Бауэрс, вот кто! Отец парня, который в твоей школе никому не дает прохода. Папаша — мразь, и сынок ничуть не лучше.

— В школе некоторые ребята говорят, что отец Генри — полоумный, — сообщил я: тогда я учился в четвертом классе, и Бауэрс

уже не раз и не два давал мне пинка... а если подумать, так слова «черномазый» и «негритос» я впервые услышал именно от Генри Бауэрса, между первым и четвертым классом.

— Что ж, возможно, мысль о том, что Буч Бауэрс — полоумный, не так уж далека от истины. Люди говорили, он так и не пришел в норму после возвращения с Тихого океана. Служил там в морской пехоте. Короче, шериф арестовал его, и Бауэрс орал, что его оболгали, и все они друзья ниггеров. И что он на всех подаст в суд. Наверное, список дотянулся бы отсюда до Уитчем-стрит. Я сомневаюсь, что у него была хоть одна пара подштанников без дыры на заду, но он собирался подать в суд на меня, шерифа Салливана, город Дерри, округ Пенобскот и еще бог знает кого.

А что произошло потом... не могу поклясться, что это правда, но так мне рассказал Дьюи Конрой. По словам Дьюи, шериф поехал к Бучу в бангорскую тюрьму. И шериф Салливан сказал: «Пора тебе заткнуть пасть и послушать, Буч. Этот черный парень, он не хочет настаивать на обвинениях. Он не хочет отправлять тебя в Шоушенк, он только хочет, чтобы ты возместил ему потерю кур. Он полагает, что двести долларов покроют его убытки».

Буч говорит шерифу, что он скорее засунет эти двести долларов в то место, куда не заглядывает солнце, и слышит от шерифа следующее: «В Шенке есть фабрика по переработке известняка, и мне говорили, что после того как человек отбарабанит там два года, язык у него становится зеленым, как лаймовый леденец. А теперь выбирай, два года резать известняк или двести долларов. Что скажешь?»

«В Мэне присяжные никогда не приговорят меня к тюремному сроку за дохлых кур ниггера», — отвечает Буч.

«Я это знаю», — кивает Салливан.

«Тогда о чем мы, скажи на милость, говорим?» — спрашивает Буч.

«Тебе бы лучше спуститься с небес на землю, Буч. Они не отправят тебя в тюрьму за кур, но отправят за свастику, которую ты нарисовал перед тем, как перебить кур».

По словам Дьюи, у Буча просто отвисла челюсть, а Салливан ушел, чтобы не мешать ему думать. И через три дня Буч попросил своего брата, который через пару лет замерз насмерть, отправившись пьяным на охоту, продать его новенький «меркурий», который купил на пособие, полученное при демобилизации, холил и

лелеял. Так что я получил двести долларов, а Буч поклялся, что сожжет мой дом. Он твердил об этом всем своим дружкам. Поэтому как-то днем я его и подловил. Вместо «меркурия» он купил довоенный «форд», а я тогда ездил на пикапе. Подрезал его на Уитчем-стрит, неподалеку от грузового двора станции, и вышел из кабины с винчестером в руках.

«Если у меня что-то загорится, один плохой черный пристрелит тебя, босс», — предупредил я его.

«Не смей так говорить со мной, ниггер! — Он чуть не плакал от злости и от страха. — Ты не имеешь права так говорить с белым человеком, нет такого права у черномазого».

Мне это все изрядно надоело, Майки. И я знал: если прямо сейчас не напугаю его до смерти, он от меня никогда не отстанет. Вокруг никого не было. Я сунул руку в кабину «форда», схватил Буча за волосы. Приклад карабина упер в пряжку поясного ремня, ствол — Бучу под подбородок. И сказал: «Еще раз назовешь меня ниггером или черномазым, твои мозги потекут с лампочки под потолком кабины. И поверь мне, Буч, если на моем участке что-нибудь загорится, я тебя пристрелю. А потом, возможно, пристрелю и твою жену, и твое отродье, и твоего никчемного брата. С меня хватит».

Тут он начал плакать, и ничего более отвратительного я в своей жизни не видел.

«Посмотрите, до чего мы дошли, — говорит он. — Ниг... Чер... Человек приставляет тебе к голове винтовку при свете дня, прямо на улице».

«Да, мир, должно быть, спешит на встречу с адом, раз такое может случиться, — согласился я. — Но теперь это значения не имеет. Значение имеет другое — мы друг друга поняли или ты хочешь научиться дышать через дырку во лбу?»

Он признал, что мы друг друга поняли, и больше никаких хлопот Буч Бауэрс мне не доставлял, если не считать смерти твоей собаки, Мистера Чипса, но у меня нет доказательств, что это дело рук Бауэрса. Чиппи мог съесть отравленную приманку или что-то еще.

С того дня нам никто не мешал, и, оглядываясь назад, я могу сказать, что сожалеть мне практически не о чем. Жили мы здесь хорошо, а если выпадали ночи, когда мне снился пожар... что ж, никому не прожить жизнь без нескольких кошмарных снов.

28 февраля 1985 г.

Прошел не один день с тех пор, как я сел, чтобы написать историю того пожара в «Черном пятне», как ее рассказал мне отец, но пока так до нее и не добрался. Я думаю, во «Властелине Колец» один персонаж говорит, что *«одна дорога ведет к другой»*; то есть можно сойти с крыльца на тропинку, которая к улице, и а уж потом попасть... что ж, куда угодно. То же самое с историями. Одна приводит к следующей, та — к следующей, и так далее; может, они идут в том направлении, куда ты и хотел пойти, может — нет. Может, в конце ты понимаешь, что голос, который рассказывает эти истории, даже важнее самих историй.

Конечно же, это его голос, который я помню, — голос моего отца, низкий, неторопливый. Я помню, как он, бывало, посмеивался или хохотал. Как брал паузу, чтобы раскурить трубку, высморкаться или взять банку «Наррагансетта»* («Харкни Гансетт», как он его называл) из холодильника. Этот голос для меня голос всех голосов, голос всех этих лет, главный голос этих мест — и его не найти ни в интервью, ни в жалких книгах по истории этого города... ни на моих магнитофонных пленках.

Голос моего отца.

Уже десять вечера, библиотека закрылась час назад, снаружи завыл ветер. Я слышу, как маленькие ледышки — идет снег с дождем — бьют по окнам и по стенам стеклянного коридора, который ведет в детскую библиотеку. Я слышу и другие звуки — мерные потрескивания и постукивания за пределами светового круга, в котором я сижу, заполняя разлинованные желтые страницы блокнота. Всего лишь звуки оседания старого дома, говорю я себе... но у меня есть вопросы. Я спрашиваю себя, а не бродит ли в этой буре клоун, продающий воздушные шарики.

Но... не важно. Думаю, я наконец-то нашел путь к последней истории моего отца. Я услышал ее, когда он лежал на больничной койке, за шесть недель до смерти.

Каждый день я приходил к нему после школы вместе с матерью, и один — вечером. Матери приходилось оставаться дома и хлопотать по хозяйству, но она настояла на том, чтобы я навещал его. Ездил я на велосипеде. Она не разрешала мне садиться на попутки, хотя убийства уже четыре года как прекратились.

---

* «Наррагансетт» — в 1950-е годы пиво номер один в Новой Англии.

То были тяжелые шесть недель для пятнадцатилетнего подростка. Я любил отца, но возненавидел эти вечерние визиты — когда наблюдал, как он ссыхается и тает, как распространяются и углубляются на его лице морщины боли. Иногда он плакал, хотя старался сдерживаться. Домой я возвращался уже в сгущающихся сумерках и думал о лете 1958 года, и боялся оглянуться, потому что там мог быть клоун... или оборотень... или мумия Бена... или моя птица. Но больше всего я боялся, что у этой твари, какой бы образ она ни приняла, будет искаженное раковой болью лицо моего отца. Я крутил педали как мог быстро, не думая о том, сколь часто стучит сердце и каким красным и потным будет мое лицо. Когда я, тяжело дыша, входил в дом, мать спрашивала: «Почему ты так быстро гоняешь, Майки? Еще заболеешь». Я на это отвечал: «Хотел побыстрее вернуться и помочь тебе по дому», — после чего она обнимала меня, целовала и говорила, что я хороший мальчик.

Время шло, и мне все с большим трудом удавалось находить темы для разговора с ним. Я ехал в город на велосипеде и ломал себе голову, о чем же сегодня с ним поговорить, страшась момента, когда выяснилось бы, что говорить больше не о чем. Его умирание пугало меня, приводило в ярость, но и раздражало. Я полагал тогда, и теперь мое мнение не изменилось? человек, если уж уходит, должен уйти быстро. Рак не просто убивал, но вызывал деградацию, лишал человеческого достоинства.

Мы никогда не говорили о раке, и иной раз, когда молчали, я думал, что нам нужно о нем поговорить, что говорить нам больше не о чем, и мы останемся в этой паузе, как дети, которым не нашлось места в игре «музыкальные стулья», когда пианино замолкает, и я едва не впадал в *панику, пытаясь найти тему для разговора*, любую тему, лишь бы не касаться той мерзости, что сейчас пожирала изнутри моего папулю, который однажды схватил Буча Бауэрса за волосы, вогнал под подбородок дуло винчестера и потребовал, чтобы тот оставил его в покое. А если бы нам все-таки пришлось говорить о раке, то я бы скорее всего расплакался. И думаю, мысль о том, что я, уже пятнадцатилетний, могу расплакаться на глазах отца, пугала и печалила меня, как никакая другая.

Во время одной такой бесконечной жуткой паузы я вновь спросил его о пожаре в «Черном пятне». В тот вечер его накачали обезболивающими, потому что ему было совсем худо, и он то и дело впадал в забытье, то говорил ясно и четко, то переходил на какой-

то экзотический язык, который я называл смурным. Иногда я знал, что он говорит со мной, случалось, что он вроде бы принимал меня за своего брата Фила. Я спросил его о «Черном пятне» без особой причины: просто мелькнула эта мысль, и я за нее ухватился.

Его взгляд сфокусировался на мне, он улыбнулся.

— Так ты, значит, не забыл, Майки, так?

— Нет, сэр, — ответил я, хотя не думал об этом года три, а то и больше. И добавил фразу, которую иногда произносил он: — Это не выходило у меня из головы.

— Что ж, я тебе расскажу. В пятнадцать ты, пожалуй, уже не маленький, да и твоей матери здесь нет, и она не может меня остановить. А кроме того, ты должен знать. Такое могло случиться только в Дерри, и это ты тоже должен знать, чтобы быть начеку. Условия для такого здесь самые подходящие. Ты парень осмотрительный, так, Майки?

— Да, сэр.

— Хорошо. — И его голова упала на подушку. — Это хорошо. — Я думал, он опять забудется — его глаза закрылись... но вместо этого он заговорил:

— Когда я служил здесь на армейской базе в двадцать девятом и тридцатом, на холме находился «Унтер-офицерский клуб». Там сейчас построен Муниципальный колледж. Стоял он позади магазинчика, где всегда можно было купить пачку «Лаки страйк» за семь центов. Клуб представлял собой старый ангар из гофрированного железа, но внутри его уютно обустроили: ковер на полу, кабинки вдоль стен, музыкальный автомат, и по уик-эндам ты мог покупать прохладительные напитки... если был белым, само собой. По субботам в клубе обычно играл джаз-оркестр, туда стоило заглянуть. На стойке, конечно, стояло все безалкогольное, действовал «сухой закон», но мы слышали, что можно получить кое-что и покрепче, если захочешь... и если на твоей армейской карточке есть маленькая зеленая звезда. Такой тайный знак. Конечно, речь шла в основном о самодельном пиве, но по уик-эндам иногда продавали и более крепкие напитки. Если ты был белым.

Нас, солдат роты Е, к этому клубу, разумеется, и близко не подпускали. Поэтому мы ехали в город, если получали увольнительную на вечер. В те годы Дерри оставался городом лесорубов, и в нем работали восемь или десять баров. Большинство их располагалось в той части города, которую называли «Адские пол-акра».

Я говорю не о «говорильне», ничего такого в Дерри не было и в помине. Эти бары в народе называли «слепыми свиньями»*, и правильно, потому что посетители вели себя там, как свиньи, а выбрасывали их оттуда почти что слепыми. Шериф знал, и копы знали, но заведения эти ревели ночи напролет, как повелось с 1890-х годов, когда начался лесной бум. Я полагаю, кого-то подмасливали, но, возможно, не так уж и многих и не такими уж большими деньгами, как можно подумать; в Дерри хватало всяких странностей. В некоторых барах подавали как крепкий алкоголь, так и пиво, и судя по тому, что я слышал, спиртное, продававшееся в городе, было в десять раз лучше самопальных виски или джина, которые наливали в белом «Унтер-офицерском клубе» по пятницам и субботам. Спиртное, продававшееся в городе, перевозили через границу с Канадой на лесовозах, и по большей части содержимое бутылок соответствовало этикеткам. Хорошая выпивка стоила дорого, немало продавалось и паленой, которая могла ударить в голову, но не убивала, а если уж ты терял зрение, то ненадолго. Но в любой вечер приходилось пригибать голову, когда начинали летать бутылки. Бары назывались «У Нэна», «Парадиз», «Источник Уоллиса», «Серебряный доллар», а в одном, «Пороховнице», клиент мог снять проститутку. В принципе, ты мог найти женщину в любом «свинарнике», для этого не пришлось бы прилагать особых усилий, многие хотели выяснить, отличается ли ржаной хлеб от белого, но в те дни таким, как я, или Тревор Доусон, или Карл Рун, моим тогдашним друзьям, приходилось крепко подумать на сей предмет — снимать или не снимать проститутку, белую проститутку.

Я уже говорил, в тот вечер отца накачали обезболивающими. Я уверен, если б не накачали, он ни за что не рассказал бы все это своему пятнадцатилетнему сыну.

— Прошло не так уж много времени, когда появился представитель Городского совета, пожелав встретиться с майором Фуллером. Сказал, что хочет поговорить о «некоторых проблемах, возникших у горожан и солдат», и об «озабоченности электората», и о «вопросах приличия», но в действительности он хотел от Фулле-

* «Говорильни» и «слепые свиньи (тигры)» — два типа подпольных баров, где в годы действия «сухого закона» (1920—1932) подпольно продавали спиртное. В «говорильнях» посетителям предлагалась еда, музыка, они действительно могли поговорить и потанцевать. В «слепых свиньях» все ограничивалось выпивкой.

ра совсем другого, и в этом сомнений быть не могло. Они не желали видеть армейских ниггеров в своих «свинарниках», не хотели, чтобы те общались с белыми женщинами и пили запрещенное законом спиртное в барах, где полагалось находиться и пить запрещенное законом спиртное только белым.

Конечно, все это было смешно. Белые женщины, о чести которых они так волновались, были опустившимися шлюхами, постоянно отиравшимися в барах, а что касается мужчин... что ж, могу сказать только одно: никогда не видел члена Городского совета в «Серебряном долларе» и или в «Пороховнице». В таких дырах пили лесорубы, одетые в клетчатые черно-красные куртки, со шрамами и струпьями на руках, некоторые без пальцев или без глаза, все — без большинства зубов, от всех пахло щепой, опилками и смолой. Они носили зеленые фланелевые штаны и зеленые резиновые сапоги на толстой рубчатой подошве, оставляющие на полу грязные лужицы растаявшего снега до тех пор, пока он не становился черным. Они ядрено пахли, Майки, ядрено ходили и ядрено говорили. И сами были ядреными. Как-то вечером, в баре «Источник Уоллиса», я видел парня, у которого лопнула рубашка на руке, когда он мерялся силой рук с другим лесорубом. Не разорвалась, как ты, должно быть, подумал, а лопнула. Рукав просто взорвался, а лохмотья сорвало с руки. И все кричали и аплодировали, а кто-то хлопнул меня по плечу и сказал: «Это то, что ты называешь «пердеж армрестлера», чернолицый».

Я к тому тебе это говорю, чтобы ты понял — эти мужики, которые появлялись в «слепых свиньях» вечером в пятницу и субботу, когда они выходили из чащи, чтобы пить виски и трахать женщин, а не дырку от сучка, смазанную топленым жиром, если бы эти мужики не хотели пить в одном баре с нами, они тут же вышвырнули бы нас. Но дело в том, Майки, что наше присутствие или отсутствие их нисколько не волновало.

Как-то вечером один из них отвел меня в сторону — парень ростом в шесть футов (по тем временам чертовски большой) и в дымину пьяный, а запах от него шел, как от корзины с персиками, пролежавшими в ней месяц. Если б он выступил из своей одежды, думаю, она осталась бы стоять и без него.

«Мистер, эта, хочу задать тебе глупый вопрос. Ты — негр?»

«Совершенно верно», — отвечаю я.

«Commen ça va! — говорит он на французском долины Сент-Джона, который звучит почти так же, как канжунский* диалект. — Я, того, знал, что ты негр! Слушай! Однажды видел одного в книге! С такими же...» — Он не знал, как выразить свою мысль словами, поэтому протягивает руку и похлопывает мне по рту.

«Большими губами», — говорю я.

«Да-да! — восклицает он и смеется, как ребенок. — Бальшими гупами! Epais lèvres! Бальшие гупы! Я, того, хочу угостить тебя пивом».

«Так угощай», — отвечаю я, потому что не хочу его сердить.

Он рассмеялся, хлопнул меня по спине так, что я едва не пропахал носом пол, и протолкался к обитой толстыми досками барной стойке, у которой толпились примерно семьдесят мужчин и, может, пятнадцать женщин.

«Мне нужно два пива до того, как я разнесу этот сарай! — кричит он бармену, здоровенному бугаю со сломанным носом, которого звали Ромео Дюпре. — Одно мне и одно l'homme avec les épais lèvres**».

И они все расхохотались, причем добродушно, без всякой злобы, Майки.

Он получает пиво, дает мне кружку и спрашивает: «Как твое имя? Не хочу, эта, называть тебя Бальшие Гупы. Не звучит хорошо».

«Уильям Хэнлон», — говорю я.

«Что ж, за тебя, Уильюм Энлон», — поднимает он кружку.

«Нет, за тебя, — возражаю я. — Ты — первый белый, который угостил меня выпивкой».

И это правда.

Мы выпиваем это пиво, а потом еще по кружке, и он спрашивает: «Ты действительно негр? Потому что, за исключением épais гуп, по мне, ты выглядишь белым человеком с коричневой кожей».

Тут мой отец начинает смеяться, и я присоединяюсь к нему. Он так смеялся, что у него заболел живот, и он зажал его руками, поморщился, глаза закатились, он закусил нижнюю губу.

— Позвать медсестру, папа? — встревожился я.

---

* Канжунский — диалект французского языка, на котором говорят в штате Луизиана.

** l'homme avec les épais lèvres — человеку с большими губами (*фр.*).

— Нет... нет. Сейчас оклемаюсь. Хуже всего, Майки, что в таком состоянии ты не можешь даже смеяться. Что и так случается чертовски редко.

Он на пару секунд замолчал, и теперь я понимаю, что тот случай был единственным, когда в наших разговорах мы почти подошли к тому, что его убивало. Может, было бы лучше — лучше для нас обоих, — если б мы больше говорили об этом.

Он отпил воды из стакана и продолжил.

— Короче, я думаю, они хотели изгнать нас из своих «свинарников» не из-за тех считанных женщин, которые туда захаживали, и не из-за лесорубов, основных тамошних посетителей. Кого мы оскорбляли своим присутствием, так это пятерых стариков из Городского совета да десяток или около того человек, которые в этом полностью с ними соглашались, элиту Дерри, знаешь ли. Никто из них никогда не захаживал ни в «Парадиз», ни в «Источник Уоллиса», они поддавали своей компанией в загородном клубе, который тогда находился в Дерри-Хайтс, но они не хотели, чтобы черные из роты Е бывали в заведениях для белых, пусть даже речь шла о шлюхах и лесорубах.

А майор Фуллер и говорит: «Я никогда не хотел, чтобы их сюда присылали. По-прежнему думаю, что это ошибка и их нужно отправить обратно на Юг или, может, в Нью-Джерси».

«Это не моя проблема», — отвечает ему тот старый пердун, кажется, Мюллер его фамилия...

— Отец Салли Мюллер? — удивленно переспросил я. Салли Мюллер училась со мной в одном классе средней школы.

Мой отец мрачно усмехнулся.

— Нет, наверное, ее дядя. Отец Салли Мюллер тогда учился в колледже, в каком-то другом городе. Но, будь он в Дерри, наверное, стоял бы рядом с братом. И, если у тебя возникает вопрос в правдивости этой части истории, могу тебе сказать, что содержание этого разговора передал мне Тревор Доусон, который в тот день драил полы в офицерской казарме и все слышал.

«Куда государство посылает черных парней — это ваша проблема, не моя, — говорит Мюллер майору Фуллеру. — Моя проблема — вы отпускаете их в увольнительную вечером в пятницу и субботу. Если они и дальше будут появляться в центре города, может случиться беда. В этом городе есть отделение «Легиона», знаете ли».

«С этим у меня определенные сложности, мистер Мюллер, — отвечает ему майор. — Я не могу разрешить им пить в «Унтер-офицерском клубе». И дело не только в инструкциях, запрещающих неграм пить с белыми. Они все равно бы не смогли. Это «Унтер-офицерский клуб», понимаете? А все эти черные парни — рядовые».

«И это не моя проблема. Я просто надеюсь, что вы решите этот вопрос. Звание и должность налагают ответственность». — С этим Мюллер и отбыл.

Что ж, Фуллер решил эту проблему. В то время армейская база Дерри занимала огромную территорию, но использовала лишь малую ее часть. Все говорили, что больше ста акров. На севере граница базы подступала к Западному Бродвею, улицу отделяла лесополоса, которую специально там посадили. Теперь в этом месте Мемориальный парк, там и находился клуб «Черное пятно».

В начале 1930 года, когда все это случилось, это был всего лишь старый склад, в котором хранился всякий хлам, но майор Фуллер привел туда роту Е и сказал, что это будет «наш» клуб. Вел себя, как папаша Уорбакс* или что-то в этом роде, а может, и ощущал себя таковым, предоставляя черным солдатам место, где они могли проводить время в своем кругу, пусть это и был старый сарай. Потом он добавил как бы между прочим, что отныне в «свинарники» нам путь заказан.

Конечно, нас это разозлило, но что мы могли сделать? И тут один из наших, рядовой Дик Холлорэнн, который на гражданке работал поваром, заявил, что мы сможем тут очень неплохо устроиться, если постараемся.

Этим мы и занялись. И мы действительно старались. Устроились очень даже неплохо, с учетом всех обстоятельств. Впервые придя туда, мы, конечно, сильно огорчились. Темный, вонючий сарай, забитый инструментами и коробками и заплесневелыми бумагами. Только два маленьких окошка и никакого электричества. Пол земляной. Я помню, как Карл Рун горько рассмеялся. Помню, как сказал: «Старина майор, он настоящий принц, правда? Пожаловал нам наш собственный клуб. Что б ему пусто было!»

А Джордж Брэннок, который тоже погиб в огне той осенью, добавил: «Это же чисто черное пятно, ничего больше». Название так и осталось.

---

* Генерал-лейтенант Оливер Уорбакс, по прозвищу Папаша Уорбакс — персонаж стрипов «Маленькая сиротка Энни».

Холлорэнн, впрочем, убедил нас перейти к делу... Холлорэнн, Карл и я, мы стали первыми. Надеюсь, Бог простит нас за то, что мы сделали... потому что Он знает — мы понятия не имели, как все обернется.

Через какое-то время к нам присоединились остальные. А что еще оставалось делать, если дорогу в Дерри нам перекрыли? Мы стучали молотками, забивали гвозди, чистили. Выяснилось, что Трев Доусон — хороший плотник, и он показал нам, как прорезать в стенах дополнительные окна, а Алан Сноупс где-то раздобыл для них цветные стекла, нечто среднее между прессованным переливчатым стеклом и тем, что ты видишь в церковных окнах.

«Где ты их взял?» — спросил я его. Алан был самым старым из нас, ему шел сорок второй год, таким старым, что многие звали его Папа Сноупс.

Он сунул сигарету «Кэмел» в рот и подмигнул мне. «Ночная реквизиция», — говорит он, но в подробности не вдается.

Короче, все продвигалось довольно успешно, и к середине лета наш клуб заработал. Трев Доусон и еще несколько человек отделили дальнюю четверть склада и устроили там маленькую кухню, гриль и пару фритюрниц, ничего больше, чтобы желающие могли получить гамбургер или картофель-фри. У одной стены поставили барную стойку, но подавали там только газировку и напитки вроде «Девы Марии»*. Черт, мы знали свое место. Разве нас этому не учили? Если мы хотели напиться, то делали это в темноте.

Пол оставался земляным, но его промаслили. Трев и Папа Сноупс провели электричество — как я понимаю, провода и все остальное добыли благодаря еще одной «ночной реквизиции». К июлю можно было прийти туда в любой субботний вечер, посидеть, выпить колы, съесть гамбургер или салат из шинкованной капусты. Получилось у нас неплохо. Мы так и не довели дело до конца — еще продолжали ремонт, когда клуб спалили. Для нас это стало хобби... и возможностью утереть нос Фуллеру, Мюллеру и Городскому совету. Но мы окончательно поняли, что это наш клуб, когда однажды вечером Эв Маккаслин и я поставили у двери щит с надписью «ЧЕРНОЕ ПЯТНО», а ниже — «РОТА Е И ГОСТИ». Подчеркивая, что вход не для всех, ты понимаешь.

---

* «Дева Мария» — популярный безалкогольный коктейль, та же «Кровавая Мэри», только без водки, но со всеми специями.

Клуб получился таким классным, что белые парни начали ворчать, и вскоре изменения к лучшему произошли и в «Унтер-офицерском клубе» для белых. Там появился дополнительный зал и маленький кафетерий. Словно они хотели устроить состязание. Только у нас желания участвовать в этом состязании как раз и не было.

Отец улыбнулся мне с больничной койки.

— Мы были молоды, за исключением Сноупси, но далеко не глупы. Мы знали, что белые парни позволят нам состязаться с ними, но, если появятся признаки того, что мы выходим вперед, что ж, кто-нибудь переломает нам ноги, чтобы не смогли так быстро бежать. Мы получили то, что хотели, а большего нам и не требовалось. Но потом... кое-что произошло. — Он замолчал, хмурясь.

— Что именно, папа?

— Мы обнаружили, что у нас подобрался очень приличный джазовый оркестр. — Он говорил медленно. — Мартин Деверо, капрал, стучал на барабанах, Эйс Стивенсон играл на корнете. Папа Сноупс — на пианино. Пусть не виртуозно, зато в хорошем темпе. Еще один парень играл на кларнете, Джордж Брэннок — на саксофоне. Время от времени к ним присоединялся кто-нибудь еще, играющий на гитаре, гармонике, «еврейской лире»*, а то и просто на расческе, обернутой вощеной бумагой.

Они сыгрались не сразу, ты понимаешь, но к концу августа у нас уже был заводной маленький диксиленд, по пятницам и субботам выступающий в «Черном пятне». И с каждой неделей они играли все лучше. На великих, конечно, не тянули, не хочу, чтобы у тебя создавалось такое впечатление, но играли они иначе... как-то энергичнее... как-то... — Он повел над простыней исхудалой рукой, подыскивая слово.

— Зажигали, — с улыбкой предложил я.

— Точно! — воскликнул он и тоже улыбнулся. — Ты попал в десятку. Они зажигали! И знаешь, люди из города потянулись в наш клуб. Приходили даже некоторые белые солдаты с базы. И уже на каждый уик-энд в клубе собиралась толпа. Конечно, произошло это не сразу. Поначалу белые лица выглядели, как крупицы соли в перечнице, но с каждой неделей их прибавлялось и прибавлялось.

---

* «Еврейская лира» — так в Америке называют варган.

И когда появились белые, мы забыли об осторожности. Они приносили свою выпивку в пакетах из плотной коричневой бумаги, по большей части очень крепкие напитки. В сравнении с ними то, что подавали в городских «свинарниках», тянуло всего лишь на газировку. Выпивку из загородного клуба, вот что я хочу сказать, Майки. Выпивку богачей. «Чивас». «Гленфиддик». Шампанское, какое подавали пассажирам первого класса на океанских лайнерах. «Шампусик» — так некоторые его называли. Нам следовало найти способ положить этому конец, но мы не знали как. Они приходили из города. Черт, они были белые!

А мы, как я говорил, были молоды и гордились тем, что сделали. Недооценивали, каким кошмаром может все обернуться. Мы, конечно, знали, что Мюллеру и его друзьям известно, как мы развернулись, но едва ли кто-то из нас понимал, что наши успехи сводят их с ума в прямом смысле слова. Все они жили в старинных, величественных викторианских особняках на Западном Бродвее, в какой-то четверти мили от нашего клуба, слушали, как наш диксиленд наяривает «Блюз тетушки Хагар» или «Они копают мою картошку». Это им, конечно, не нравилось. Но куда как больше им не нравилось, что их молодежь тоже там, отплясывает вместе с черными. Потому что, когда сентябрь перетек в октябрь, в нашем клубе появлялись уже не только лесорубы или барные шлюхи. Молодежь приходила выпить и потанцевать под безымянный оркестр до часа ночи, когда мы закрывались. Они приезжали из Бангора, и Ньюпорта, и Хейвена, и Кливс-Милла, и Олд-Тауна, и из всех маленьких городков, расположенных в этих краях. Студенты из университета Мэна в Ороно отплясывали у нас со своими подружками, а когда наш джаз-банд освоил рэгтайм, они чуть не снесли крышу. Разумеется, это был клуб рядовых, во всяком случае, по статусу, куда гражданские могли приходить только по приглашению. Но фактически, Майки, мы открывали дверь в семь вечера и оставляли открытой до часа ночи. К середине октября, если ты выходил потанцевать, тебе приходилось толкаться спиной к спине с шестью другими людьми. Танцевать было негде, так что приходилось просто стоять на месте и дергаться... но если кто-то и возмущался, то я этого не слышал. К полуночи клуб напоминал пустой товарный вагон, который мчится в составе курьерского поезда, и его мотает из стороны в сторону.

Он помолчал, воды еще выпил, а потом продолжил. Теперь глаза его сверкали.

— Что ж, Фуллер рано или поздно положил бы этому конец. Если б это случилось раньше, погибло бы гораздо меньше людей. Требовалось же только одно: прислать военную полицию, чтобы они конфисковали бутылки со спиртным, которые люди приносили с собой. Этого бы вполне хватило, чтобы он добился своего. Клуб тут же прикрыли бы, безо всяких разговоров. Нас отдали бы под трибунал, одних бы посадили, остальных раскидали по другим частям. Но Фуллер промедлил. Я думаю, он боялся того же, что и некоторые из нас, — боялся, что кто-то из горожан обезумеет. Мюллер больше не наведывался к нему, и я думаю, что майор Фуллер боялся поехать в город и повидаться с Мюллером. Фуллер, конечно, раздувал щеки, но силой характера не вышел, хребет у него был, как у медузы.

Поэтому вместо того чтобы все закончилось более или менее спокойно, и те, кто сгорел заживо той ночью, остались бы в живых, точку поставил «Легион благопристойности». В начале того ноября они прибыли в своих белых балахонах и устроили себе барбекю.

Он опять замолчал, но воду пить не стал, лишь задумчиво уставился в дальней конец палаты. Где-то зазвенел звонок, и медсестра прошла мимо открытой двери, подошвы ее туфель легонько шуршали по линолеуму. Я слышал, что где-то работает телевизор, где-то еще — радио. Помню, что слышал и ветер, завывающий за окном, цепляющийся за угол здания. И хотя стоял август, ветер нагонял холод. И он ничего не знал о «Сотне Кейна»*, который показывали по телевизору, или о песне «Шагай, как мужчина», которую «Фор Сизонс»** пели по радио.

— Некоторые прошли через лесополосу, которая разделяла базу и Западный Бродвей, — наконец продолжил отец. — Должно быть, встретились в чьем-то доме по другую сторону лесополосы, может, в подвале, чтобы переодеться в балахоны и изготовить факелы, которыми они воспользовались.

Я слышал, что другие заехали на базу по Риджлайн-роуд, тогда это была главная дорога, ведущая туда. Я слышал, уж не помню где

---

* «Сотня Кейна» — телесериал, который показывали по каналу Эн-би-си в 1961—1962 гг.

** «Фор Сизонс» — американская рок-группа.

и от кого, что они приехали на новеньком «паккарде», уже одетые в белые балахоны, с белыми гоблинскими шапками, лежащими на коленях, и факелами — на полу. Факелы они изготовили из бейсбольных бит. Толстую часть обмотали паклей и закрепили ее красными резиновыми кольцами, какие домохозяйки используют при консервировании. Там, где Риджлайн-роуд отходит от Уитчем-роуд, стояла будка ККП, но охрана пропустила этот «паккард».

Происходило все в субботу, так что клуб ходил ходуном. Внутрь набились две, а то и три сотни человек. И тут подъехали эти шесть или восемь мужчин, в зелено-бутылочном «паккарде», а другие вышли из лесополосы между армейской базой и роскошными особняками Западного Бродвея. Молодые среди них составляли меньшинство, и я иногда думаю, у скольких на следующий день началась ангина или вновь открылась язва. Надеюсь, что у многих. Эти мерзкие, подлые подонки-убийцы.

«Паккард» остановился на холме и дважды мигнул фарами. Четверо мужчин вышли из него и присоединились к остальным. Некоторые держали в руках двухгаллоновые канистры с бензином, какие в те годы продавались на автозаправочных станциях. У всех были факелы. Один из мужчин остался за рулем «паккарда». Мюллер ездил на «паккарде», знаешь ли. Да, ездил. На зеленом.

Вместе они подошли к заднему торцу «Черного пятна» и смочили факелы бензином. Возможно, они хотели только попугать нас. Я слышал и обратное, но слышал и такую версию. Мне хотелось бы верить, что именно это они и собирались сделать, потому что даже теперь нет во мне столько злобы, чтобы верить в худшее.

Очень возможно, что бензин пролился и на рукоятки факелов, поэтому, когда их зажгли, те, кто держал факелы, в панике отбросили их для того лишь, чтобы от них избавиться. Как бы то ни было, черная ноябрьская ночь внезапно осветилась факелами. Некоторые поднимали их и размахивали над головой, маленькие горящие куски пакли разлетались в стороны. Некоторые смеялись. Но другие, как я и сказал, зашвырнули факелы через окна в задней стене на кухню. Через минуту-полторы клуб уже горел.

Люди на улице уже все надели белые остроконечные капюшоны-колпаки. Некоторые скандировали: «Выходите, ниггеры! Выходите, ниггеры! Выходите, ниггеры!» Может, они скандировали, чтобы напугать нас, но я хотел бы верить, что они старались нас

предупредить, точно так же, как хотел бы верить, что эти факелы они забросили на кухню случайно.

В любом случае значения это не имело. Оркестр играл громче фабричного гудка. Все кричали и отлично проводили время. В зале никто ни о чем не подозревал, пока Джерри Маккрю, который в тот вечер помогал поварам, не открыл дверь на кухню и сам чуть не превратился в факел. Пламя выстрелило на десять футов, тут же воспламенив его белую куртку. Вспыхнули и волосы.

Когда это произошло, я сидел у восточной стены, примерно в середине зала, с Тревором Доусоном и Диком Холлорэнном, и поначалу решил, что взорвался газовый баллон. Не успел я подняться, как меня сшибли с ног люди, рванувшие к двери. Человек двадцать прошлись по моей спине, и, пожалуй, я почувствовал испуг, только когда лежал на полу. Я слышал, как люди кричат, говорят друг другу, что надо уходить, что клуб горит. Но всякий раз, когда я пытался встать, кто-то наступал на меня. Чей-то большущий ботинок припечатал мой затылок, и у меня перед глазами вспыхнули звезды. Нос вдавился в промасленный пол, в ноздри полезли грязь и вонь, я начал кашлять и чихать одновременно. Кто-то наступил мне на поясницу. Я почувствовал, как женский каблук вонзился мне между ягодиц, и, сынок, еще раз получить такую клизму я не хочу. Если бы мои армейские брюки в тот момент порвались, кровь текла бы оттуда до сих пор.

Сейчас это звучит смешно, но я чуть не отдал концы. Меня топтали и пинали, по мне прошлось столько ног, что на следующий день я не мог ходить. Я кричал, но никто из этих людей, которые шли по мне, меня не слышал или не обращал на мои крики внимания.

Спас меня Трев. Я увидел перед собой эту большущую коричневую руку и схватился за нее, как утопающий хватается за спасательный круг. Схватился, он потянул меня, и я начал подниматься. В тот самый момент чья-то нога ударила меня сюда...

Он помассировал то место, где челюсть поднимается к уху, и я кивнул.

— Боль была такой, что я, наверное, на минуту потерял сознание, но руки Трева не отпустил, и он крепко держал меня. Наконец я поднялся на ноги, в тот самый момент, когда перегородка, которую мы поставили между залом и кухней, рухнула. Раздался хлопок — пух, — какой бывает, если бросить горящую спичку в лужу

бензина, и я увидел, как люди бегут прочь, чтобы не угодить под падающую перегородку. Кому-то это удалось. Кому-то нет. Одного из наших парней, кажется, Хорта Сарториса, накрыло перегородкой. На мгновение я увидел его руку, торчащую из пламени, пальцы сжимались и разжимались. Я увидел белую девушку, лет двадцати, не старше, у нее занялось платье на спине. Они пришла в клуб со студентом, и я слышал, как она звала его, умоляла помочь. Он дважды шлепнул ее по спине, сбивая огонь, а потом убежал вместе с остальными. Она стояла и кричала, а платье продолжало гореть.

На месте кухни разверзся ад. Пламя пылало так ярко, что слепило глаза. Жарило, как в печи, Майки, воздух просто раскалился. Ты чувствовал, как кожа поджаривается. Ты чувствовал, как пересыхают и становятся ломкими волосы в носу.

«Мы должны выбираться отсюда! — кричит Трев и начинает тащить меня вдоль стены. — Уходим!»

Но тут Дик Холлорэнн хватает его. Дику было не больше девятнадцати, глаза его стали огромными, как бильярдные шары, но он в отличие от нас сохранил голову на плечах. И спас нам жизнь.

«Не туда! — кричит он. — Сюда!» — и указал в сторону эстрады... ты понимаешь, в сторону бушующего огня.

«Ты сбрендил! — прокричал в ответ Тревор. Голос у него был, как трубный глас, но едва перекрыл рев пламени и крики и визг других людей. — Умирай, если хочешь, но мы с Уилли отсюда уходим!»

Он по-прежнему держал меня за руку и вновь потащил к двери, хотя там столпилось так много людей, что мы не могли ее разглядеть. Я бы пошел с ним, потому что пребывал в шоке и сам соображал туго. Знал только одно: не хочу, чтобы меня поджарили, как индейку.

Дик схватил Трева за волосы и дернул изо всей силы. А когда Трев обернулся, Дик влепил ему оплеуху. Я помню, как голова Трева стукнулась о стену, и еще подумал, что Дик рехнулся, а потом он заорал в лицо Треву: «Если ты пойдешь туда, точно умрешь! Они же зажали дверь, ниггер!»

«Ты этого не знаешь! — прокричал в ответ Трев, и тут раздалось громкое: «Ба-бах!» — совсем как при взрыве петарды, да только это взорвался большой барабан Марти Деверо. Огонь распространялся по потолочным балкам. Занялся и промасленный пол.

«Я знаю! — крикнул Дик. — Я знаю!»

Он схватил меня за другую руку, и на мгновение я почувствовал себя канатом, который тянут в разные стороны. Потом Трев присмотрелся к двери и признал правоту Дика. Тот подвел нас к окну, схватил стул, чтобы вышибить его, но прежде чем успел размахнуться, стекла вылетели от жара. Тогда он ухватил Трева Доусона сзади за штаны и подтолкнул вверх.

«Полезай! — кричит он. — Полезай, твою мать!» — и Трев полез, сначала в окне исчезла его голова, потом ноги.

Потом он помог долезть до окна мне. Я схватился за боковины рамы и заорал. На следующий день ладони покрылись волдырями — дерево уже занялось. Я нырнул вниз головой и, если бы Трев не поймал меня, сломал бы себе шею.

Мы повернулись к клубу и, Майки, увидели такое, что можно представить себе только в самом кошмарном сне. Окно превратилось в желтый сверкающий квадрат света. Пламя полыхало под крышей, а в десятке мест прорывалось сквозь железо. Мы слышали, как внутри кричат люди.

Я увидел две коричневые руки, которые покачивались перед огнем — руки Дика. Трев сцепил руки, я встал на них, сунулся в окно, схватился за руки Дика. Прижался животом к стене, а температурой она уже не уступала стенке раскаленной буржуйки, и потащил его вверх. В окне появилось лицо Дика, и на пару секунд мне показалось, что вытащить его не удастся. Он наглотался дыма и терял сознание. Его губы потрескались. Рубашка на спине начала дымиться.

А потом, когда я почувствовал, что мои пальцы сейчас разожмутся, мне в нос ударил запах горящих внутри людей. Кто-то мне говорил, что этот запах очень похож на запах жарящейся на открытом огне свинины, но это не так. Скорее такой запах появляется после того, как холостят жеребцов. Разводится большой костер, в который бросают все, что отрезают, а когда огонь разгорится, ты слышишь, как лопаются яйца, будто орехи, и так же пахнут люди, когда они начинают гореть в своей одежде. Этот запах ударил мне в ноздри, и я понял, что долго не выдержу, поэтому потянул изо всех сил и вытащил Дика из окна. Правда, один его ботинок остался внутри.

Я свалился с рук Трева на землю, а Дик рухнул на меня, и должен тебе сказать, у этого ниггера была очень твердая голова. У меня

перехватило дыхание, и несколько секунд я катался по земле, схватившись за живот.

Наконец, я смог подняться, сначала на колени, потом на ноги. И увидел эти тени, бегущие к лесополосе. Поначалу я думал, что это призраки, но потом разглядел ботинки. К тому времени вокруг «Черного пятна» стало светло, как днем. Я разглядел ботинки и понял, что это мужчины в белых балахонах. Один из них немного отстал и я увидел...

Он не закончил фразу, облизнул губы.

— Что ты увидел, папа? — спросил я.

— Не важно. Дай мне воды, Майки.

Я дал. Он выпил все и закашлялся. Проходившая мимо медсестра заглянула в палату.

— Вам что-нибудь нужно, мистер Хэнлон?

— Новый комплект кишок, — ответил он. — Они у тебя под рукой, Рода?

Она нервно улыбнулась и пошла дальше. Отец протянул мне пустой стакан, и я поставил его на столик у кровати.

— Рассказывать дольше, чем вспоминать. Ты наполнишь стакан перед уходом?

— Конечно, папа.

— От этой истории тебе будут сниться кошмары, Майки?

Я открыл рот, чтобы солгать, потом передумал. И мне представляется, если бы я солгал, он бы мне больше ничего не рассказал. Жить ему, конечно, оставалось недолго, но он мог решить, что доскажет в другой раз.

— Скорее да, чем нет, — ответил я.

— Это не так уж и плохо, — услышал я от него. — В кошмарах мы можем думать о самом худшем. Наверное, для этого они и служат.

Он протянул руку, я ее взял, и мы держались за руки, пока он заканчивал историю.

— Я огляделся и успел заметить, как Трев и Дик огибают угол — они бежали к фасаду нашего клуба. Я поспешил за ними, все еще жадно хватая ртом воздух. Увидел там сорок или пятьдесят человек. Кто-то плакал, кого-то рвало, кто-то кричал, кто-то проделывал первое, второе и третье одновременно. Некоторые лежали на траве, потеряв сознание, угоревшие от дыма. Дверь была закрыта,

и я слышал, как кричат люди по ту ее сторону, просят, чтобы их выпустили, выпустили ради всего святого, потому что они сгорали живьем.

В клуб вела только эта дверь, знаешь ли, не считая двери на кухню, у которой стояли мусорные баки и все такое. Входя в клуб, дверь отталкивали от себя, выходя — тянули на себя.

Некоторым удалось выйти, остальные начали напирать, и дверь захлопнулась. А уж потом ее зажали намертво. Те, кто находился ближе к огню, перли вперед. Тех, кто оказался у двери, вдавливали в нее. И открыть дверь у них не было никакой возможности. Все оказались в ловушке, а огонь с ревом наступал.

И если в ту ночь погибли только восемьдесят человек, а не сто или даже двести, то благодарить за это надо только Трева Доусона. Но за свои труды он получил не медаль, а два года тюрьмы. Видишь ли, в этот момент к клубу подкатил большой старый грузовик, и за рулем сидел не кто иной, как мой давний знакомец сержант Уилсон, тот самый парень, которому принадлежали все окопы на территории этой базы.

Он вылезает из кабины и начинает выкрикивать приказы, совершенно бессмысленные, да их все равно никто и не слышит. Трев хватает меня за руку, и мы бежим к нему. Дик Холлорэнн к тому времени куда-то подевался, и увидел я его только на следующий день.

«Сержант, мне надо воспользоваться вашим грузовиком!» — кричит ему в лицо Трев.

«Прочь с дороги, ниггер», — отвечает ему Уилсон и сбивает с ног. Потом вновь начинает выкрикивать какую-то чушь. Никто не обращал на него никакого внимания, да и кричал он недолго, потому что Тревор Доусон вскочил, как черт из табакерки, и уложил его на землю.

Трев умел бить сильно, и чуть ли не все после его удара оставались на земле, но у этого козла голова оказалась крепкой. Он поднялся, кровь лилась изо рта и носа, и сказал: «За это я тебя убью». Что ж, Трев ударил его в живот, тоже со всей силы, а когда Уилсон согнулся пополам, я сцепил руки и рубанул ему по шее, прямо скажу, от души. Трусливый поступок, конечно, бить человека сзади, но отчаянная ситуация требовала отчаянных мер. И я бы солгал, Майки, если б сказал, что не получил удовольствия, глядя, как этот сукин сын тыкается мордой в землю.

Рухнул он, как бычок, которого хватили обухом по голове. Трев подбежал к грузовику, завел двигатель, развернул так, чтобы передний бампер смотрел на фасад «Черного пятна», но не на дверь, а левее. Врубил первую передачу, нажал на газ и поехал, набирая скорость.

«Берегись! — заорал я людям, толпящимся у клуба. — Берегись автомобиля!»

Они рассыпались в разные стороны, как перепелки, и просто удивительно, что Трев никого не зацепил. В стену он врезался на скорости, наверное, тридцать миль в час, и крепко приложился лицом к баранке. Я видел, как кровь лилась у него из носа, когда он тряхнул головой, чтобы прочистить мозги. Он включил заднюю передачу, отъехал на пятьдесят ярдов и вновь погнал грузовик на стену. «ХРЯСТЫ!» Ржавая жесть, из которой были сделаны стены «Черного пятна», не выдержала, целая секция упала внутрь. Оттуда вырвались языки пламени. Каким образом в клубе кто-то еще мог остаться живым, я не знаю, но остались. Люди гораздо крепче, чем кажется, Майки, и, если ты в это не веришь, посмотри на меня, цепляющегося за кожу этого мира ногтями. Клуб превратился в вонючую печь, его заполнял дым и языки пламени, но люди толпой ринулись наружу. Их было так много, что Трев не решился вновь подать грузовик назад, боясь кого-нибудь задавить. Он выскочил из кабины и подбежал ко мне, оставив грузовик на месте.

Так мы и стояли, глядя, как догорает наш клуб. Все заняло не больше пяти минут, а тогда казалось, будто прошла вечность. Последние человек десять выскочили из клуба все в огне. Люди их хватали, катали по земле, сбивали пламя. Заглянув внутрь, мы видели и других, тех, кто пытался выйти, но мы знали: им это уже не удастся.

Трев вновь схватил меня за руку, а я изо всех сил сжал его ладонь. Мы стояли, держась за руки, как сейчас мы с тобой, Майки, он — со сломанным носом, кровь льется по лицу, веки опухли, глаза превратились в щелки — и смотрели на этих людей. В ту ночь мы видели настоящих призраков, мерцающие силуэты мужчин и женщин, окруженных огнем, идущих к пролому в стене, который проделал Трев грузовиком сержанта Уилсона. Некоторые протягивали руки, словно в надежде, что кто-то их спасет. Другие просто шли, уже из ниоткуда в никуда. Их одежды пылали. Их лица таяли. И один за другим они падали и исчезали из виду.

Последней на ногах удержалась женщина. Платье на ней уже сгорело, она оставалась в комбинации, пылая, как свечка. В самом конце она вроде бы посмотрела прямо на меня, и я увидел ее горящие веки.

Когда она упала, все и закончилось. На месте клуба к небу поднялась огненная колонна. Когда прибыли два пожарных автомобиля армейской базы и еще два, с пожарной станции на Главной улице, огонь уже пошел на убыль. На том и закончилась история поджога «Черного пятна».

Он допил остатки воды и протянул мне стакан, чтобы я наполнил его из фонтанчика с питьевой водой в коридоре.

— Наверное, сегодня ночью я надую в постель, Майки.

Я поцеловал его в щеку и вышел в коридор, чтобы наполнить стакан. Когда я вернулся, он впал в забытье, глаза стали стеклянными и задумчивыми. Я поставил стакан на столик, он пробормотал «спасибо», но так неразборчиво, что я едва его понял. Я посмотрел на часы «Уэстклокс» на его столе. Почти восемь. Пора домой.

Я наклонился, чтобы поцеловать его на прощание... и вместо этого услышал собственный шепот:

— Что ты тогда увидел?

Его глаза, уже сонно закрывающиеся, едва повернулись на звук моего голоса. Он мог знать, что это я, а мог и подумать, что слышал голос своих мыслей.

— Что?

— Что ты увидел? — повторил я. Я не хотел этого слышать, но чувствовал, что должен. Меня бросало то в жар, то в холод, глаза горели, руки стали холодными как лед. Но я чувствовал, что должен услышать. Наверное, та же неодолимая тяга охватила и жену Лота, когда она оглянулась посмотреть на уничтожение Содома.

— Птицу, — ответил он. — Над последним из этих бегущих людей. Может, ястреба. Пустельгу, так вроде их называют. Но он был таким большим. Никогда никому не говорил. Боялся, что посадят в психушку. Размах крыльев составлял футов шестьдесят. Ястреб был размером с японский «зеро»*. Но я видел... видел его глаза... и думаю... он увидел меня...

Лежащая на подушке голова повернулась к окну, за которым сгущалась темнота.

---

* «Зеро» — японский истребитель времен Второй мировой войны.

— Птица спикировала на мужчину, который бежал последним, и подняла в воздух. Подцепила за балахон и подняла. Я слышал, как хлопали ее крылья. Звук напоминал треск огня... и она зависла... я-то думал, что птицы не могут зависать, но эта могла, потому что... потому что...

Он замолчал.

— Почему, папа? — прошептал я. — Почему она могла зависать?

— Она не зависала, — ответил он.

Я посидел в тишине, думая, что на этот раз он точно уснул. Никогда еще я так не боялся... потому что четырьмя годами ранее видел эту птицу. Как-то, каким-то невероятным образом я почти что забыл этот кошмар. Но мой отец оживил воспоминания.

— Она не зависала, — повторил он. — Она парила. К каждому крылу привязали большие связки воздушных шариков, и птица парила.

Мой отец заснул.

1 марта 1985 г.

Оно возвращается. Теперь я это знаю. Я подожду, но сердцем знаю. Не уверен, что смогу это выдержать. Ребенком выстоять удалось, но для детей все по-другому. Кардинальным образом.

Я записал все это вчера вечером, в какой-то лихорадочной спешке... хотя все равно едва ли смог бы пойти домой. Дерри покрылся толстой коркой льда, и пусть утром выглянуло солнце, вокруг ничто не шевелится.

Я писал до трех часов ночи, все быстрее и быстрее гнал руку, пытаясь выложить все на бумагу. Я забыл про гигантскую птицу, которую видел одиннадцатилетним пацаном. История отца заставила вспомнить... и теперь мне не забыть ее никогда. Ни единой подробности встречи с ней. В каком-то смысле это его последний дар. Ужасный дар, можете вы сказать, но по-своему и прекрасный.

Я заснул, где и сидел, за столом, положив голову на руки, отодвинув блокнот и ручку. Утром проснулся с онемевшим задом и болью в пояснице, но ощущая свободу... я исторг из себя эту давнюю историю.

А потом увидел, что ночью, пока я спал, кто-то сюда приходил.

Следы, засохшие до тонкой корочки грязи, ведут от входной двери в библиотеку (которую я запер; я всегда ее запираю) к столу, за которым я спал.

А следов к двери нет.

Оно, что бы это ни было, приходило ко мне ночью, оставило сувенир... и исчезло.

К настольной лампе привязали воздушный шарик. Наполненный гелием, он завис в солнечном свете, который косо падал в библиотеку через одно из высоких окон.

На шарике изобразили мое лицо, без глаз, с кровью, текущей из рваных глазниц. Рот, нарисованный на тонкой выпуклой резиновой оболочке, перекосило криком.

Я посмотрел на свое изображение и закричал. Крик эхом разнесся по библиотеке, завибрировал в винтовой металлической лестнице, ведущей к стеллажам.

Бах! — воздушный шарик лопнул.

Часть 3

ВЗРОСЛЫЕ

Падение, вызванное отчаянием,
И без достижений
Приводит к новому пробуждению:
Которое — возрождение отчаяния.

Чего мы не можем достичь,
Что запрещено нам любить,
Что потеряли мы в ожидании —
За этим следует падение,
Бесконечное и неудержимое.

«Патерсон», Уильям Карлос Уильямс

Этим не заставить тебя вернуться домой, теперь?
Этим не заставить тебя вернуться домой?
Все Божьи дети после странствий устают.
Этим не заставить тебя вернуться домой?

*Джо Саут**

---

* Джо Саут (р. 1940, настоящее имя Джо Саутер) — американский кантри- и поп-рок-музыкант, автор и исполнитель песен.

Глава 10
ВОССОЕДИНЕНИЕ

1
Билл Денбро берет такси

Телефон звенел, будил и вырывал из сна, слишком глубокого для сновидений. Он принялся искать телефонный аппарат, не открывая глаз, проснувшись не больше, чем наполовину. Если б звонки прекратились, он бы тут же провалился в сон. Сделал бы это просто и легко, как когда-то спускался по заснеженным склонам в Маккэррон-парк на своем Маневренном летуне*. Бежишь с санками, бросаешься на них и летишь вниз... чуть ли не со скоростью звука. Взрослым такого не сделать — отобьешь яйца.

Пальцы его прошлись по диску, соскользнули, поднялись обратно. Было у него смутное предчувствие, что звонит Майк Хэнлон. Майк звонит из Дерри, чтобы сказать, что он должен вернуться, сказать, что он должен вспомнить, сказать, что они дали обещание, Стэн Урис разрезал им ладони осколком бутылки из-под колы, и они дали обещание...

Только все это уже произошло.

Он прибыл вчера, во второй половине дня. Почти в шесть вечера, если точнее. Если Майк позвонил ему последнему, предположил он, то все остальные тоже должны были добраться в самое раз-

---

* Маневренный летун — первые в мире управляемые санки. Созданы американским изобретателем Сэмюэлем Лидсом Алленом (1841—1918), получившим на них патент в 1889 г.

ное время; некоторые, возможно, провели здесь целый день. Сам он никого не видел, не хотел никого видеть. Просто зарегистрировался в отеле, поднялся в свой номер, заказал ужин через бюро обслуживания, понял, что не сможет ничего съесть, как только ужин поставили перед ним, потом улегся в кровать и крепко, без сновидений, спал до этого самого телефонного звонка.

Билл разлепил один глаз и поискал телефонную трубку. Она упала на прикроватный столик, и он потянулся к ней, одновременно открывая второй глаз. В голове царила полная пустота, он напрочь оторвался от реальности, действовал на автомате.

Наконец ему удалось ухватить телефонную трубку. Он приподнялся на локте, поднес ее к уху.

— Алло?

— Билл? — Голос Майка Хэнлона, по крайней мере в этом он не ошибся. На прошлой неделе он вообще не помнил Майка, а теперь одного слова хватило, чтобы узнать его. Довольно-таки удивительно... но не предвещало ничего хорошего.

— Да, Майк.

— Так я тебя разбудил?

— Да, разбудил. Все нормально. — На стене над телевизором висела отвратительная картина: рыбаки в желтых дождевиках вытаскивали сети с лобстерами. Глядя на нее, Билл понял, где находится. «Дерри таун-хаус», Верхняя Главная улица. В полумиле по этой улице и на другой стороне Бэсси-парк... Мост Поцелуев... Канал. — Который час, Майк?

— Без четверти десять.

— Какой день?

— Тридцатое. — В голосе Майка слышалось некоторое удивление.

— Понятно. Хорошо.

— Я подготовил встречу в узком кругу. — Теперь голос Майка изменился.

— Да? — Билл перекинул ноги через край кровати. — Приехали все?

— Все, кроме Стэна Уриса, — ответил Майк. И что-то в его голосе оставалось Биллу непонятным. — Бев прибыла последней. Поздно вечером.

— Почему ты говоришь, последней, Майк? Стэн может подъехать сегодня.

— Билл, Стэн мертв.

— Что? Как? Его самолет...

— Ничего такого, — прервал его Майк. — Послушай, если ты не возражаешь, я думаю, лучше подождать, пока мы не соберемся вместе. Тогда я смогу все рассказать сразу всем.

— Его смерть связана с этим?

— Думаю, да. — Майк помолчал. — Я уверен, что связана.

Билл вновь ощутил знакомую тяжесть ужаса, от которого сжимается сердце — к этому так быстро привыкаешь? Или ты всегда носил его в себе, только не чувствовал и не задумывался, как не задумываешься о неизбежности собственной смерти?

Он потянулся за сигаретой, затянулся и потушил спичку, выдохнув дым.

— Никто вчера друг с другом не виделся?

— Нет... уверен, что нет.

— И ты еще никого не видел?

— Нет... тебе звоню первому.

— Ладно. Где собираемся?

— Ты помнишь то место, где был Металлургический завод?

— На Пастбищной дороге?

— Ты отстал от жизни, старина. Теперь это Торговая дорога. У нас там построен третий из самых больших торговых центров штата. «Сорок восемь магазинов под одной крышей для вашего удобства».

— Звучит очень по-а-а-американски, это точно.

— Билл?

— Что?

— Ты в порядке?

— Да. — Сердце билось очень уж часто, кончик сигареты чуть подрагивал. Он заикался. И Майк это услышал.

Последовала короткая пауза, которую прервал Майк:

— Сразу за торговым центром построили ресторан, «Нефрит Востока». У них есть банкетные залы. Вчера я один и снял. Вся вторая половина дня наша, если мы захотим.

— Думаешь, нам потребуется столько времени?

— Я просто не знаю.

— Такси меня туда довезет?

— Безусловно.

— Хорошо. — Билл записал название ресторана в блокнот, лежавший у телефона. — Почему там?

— Наверное, потому, что он новый, — говорил Майк медленно. — Вроде бы... даже не знаю...

— Нейтральная территория? — предложил Билл.

— Да. Пожалуй, что так.

— Готовят вкусно?

— Не знаю. А как у тебя аппетит?

Билл подавился дымом, то ли рассмеялся, то ли закашлялся.

— Не так чтобы очень, дружище.

— Да, я тебя понял.

— В полдень?

— Лучше в час дня. Чтобы дать Беверли выспаться.

Билл затушил окурок.

— Она замужем?

Майк опять замялся.

— Все узнаем при встрече.

— Как будто возвращаешься на встречу выпускников через десять лет после окончания школы. Чтобы увидеть, кто растолстел, кто полысел, у кого де-дети.

— Надеюсь, так и будет, — вздохнул Майк.

— Да. Я тоже, Майки, я тоже.

Он положил трубку, потом долго стоял под душем, заказал завтрак, но только поковырялся в тарелке. Да, его аппетит определенно оставлял желать лучшего.

Билл набрал номер «Биг йеллоу кэб компани» и попросил прислать машину без четверти час, полагая, что пятнадцати минут вполне хватит для того, чтобы добраться до Пастбищной дороги (не мог он думать о ней, как о Торговой дороге, даже увидев Торговый центр собственными глазами), но недооценил плотность транспорта в обеденный час... и насколько разросся Дерри.

В 1958 это был обычный город, не более. В территориальных границах Дерри жили порядка тридцати тысяч человек и еще семь — в прилегающих городках.

Теперь Дерри превратился в действительно большой город, конечно, не такой, как Лондон или Нью-Йорк, но очень даже внушительный по меркам штата Мэн, в самом крупном городе которого, Портленде, население не превышало триста тысяч человек.

И пока такси медленно ползло по Главной улице (*«Мы сейчас над Каналом, — думал Билл. — Его не видно, но он внизу, вода бежит в темноте»*), а потом повернуло на Центральную, предугадать первую мысль Билла не составляло труда: как же все изменилось. Но предсказуемая мысль сопровождалась сильным разочарованием, чего он никак не ожидал. Детство он помнил как пугающее, тревожное время... и не только из-за лета 1958 года, когда они семеро столкнулись лицом к лицу с кошмаром, но и из-за смерти Джорджа, из-за глубокой летаргии, в которую впали родители после этой смерти, из-за непрерывных насмешек над его заиканием, из-за того, что Бауэрс, Хаггинс и Крисс постоянно выслеживали их после той перестрелки камнями в Пустоши,

(*Бауэрс, Хаггинс и Крисс, ё-моё, Бауэрс, Хаггинс и Крисс, ё-моё*)

и от ощущения, что Дерри — холодный, Дерри — бесчувственный, Дерри глубоко плевать, жив кто-то из них или умер, Дерри без разницы, взяли они верх или нет над Пеннивайзом-Клоуном. Жители Дерри так долго жили с Пеннивайзом во всех его обличьях... и, возможно, каким-то безумным образом начали понимать его. Он им нравился, они в нем нуждались. Любили его? Возможно. Да, возможно и такое.

Но с чего это разочарование?

Только потому, что изменения такие стандартные? Или потому, что для него Дерри лишился своего своеобразия.

Кинотеатр «Бижу» исчез, его место заняла автостоянка («ВЪЕЗД СТРОГО ПО ПРОПУСКАМ, — гласила надпись над воротами. — АВТОМОБИЛИ НАРУШИТЕЛЕЙ БУДУТ ЭВАКУИРОВАНЫ»). Исчезли и располагавшиеся рядом «Корабль обуви» и ресторан «Ленч у Байли». Их заменило отделение Северного национального банка. Цифровое табло на фасаде из шлакоблоков показывало время и температуру, последнюю по шкалам Фаренгейта и Цельсия. «Аптечный магазин на Центральной», логово мистера Кина, где Билл в тот день добыл лекарство от астмы для Эдди, тоже исчез. Переулок Ричарда превратился в некий гибрид между улицей и небольшим торговым центром. Читая вывески, пока такси стояло на светофоре, Билл выяснил, что там располагались магазины звукозаписи, натуральных продуктов, игр и игрушек. Плакат в витрине последнего сообщал о том, что идет полная распродажа «ПОДЗЕМЕЛИЙ И ДРАКОНОВ».

Такси рывком продвинулось вперед, остановилось.

— Быстро не доберемся, — предупредил таксист. — Хотелось бы, чтобы все эти чертовы банки разнесли на время обеда. Пардон за мой французский, если вы религиозный человек.

— Все нормально, — ответил Билл. Небо давно затянули облака, а теперь несколько капель дождя упали на лобовое стекло. Радиоприемник что-то бормотал о душевнобольном, который откуда-то сбежал и очень опасен, потом забормотал о «Ред сокс», которые никакой опасности не представляли. В середине дня пообещали ливни, потом прояснение. Когда Барри Манилоу застонал о Мэнди, которая пришла и дала, ничего не взяв, таксист выключил радио.

— Когда они появились? — спросил Билл.

— Кто? Банки?

— Да.

— В конце шестидесятых — начале семидесятых по большей части, — ответил таксист, крупный мужчина с толстой шеей. В клетчатой черно-красной охотничьей куртке. Флуоресцирующая, оранжевая, запачканная машинным маслом фуражка плотно сидела на голове. — Они захапали все эти деньги на обновление города. Обещали, что реализация этого плана пойдет на пользу всем. В итоге нас всех ободрали как липку. Зато появились банки. Знаете, они могли позволить себе появиться. Черт бы их побрал. Обновление города, говорят они. Усраться и не жить, говорю я. Пардон за мой французский, если вы религиозный человек. Столько говорили о том, что центр города обретет новую жизнь. Да уж, классно они его оживили. Снесли большинство старых магазинов и построили банки и автостоянки. И знаете, место для парковки найти по-прежнему невозможно. Надо бы повесить весь Городской совет за их концы. За исключением этой Полок, конечно, ее повесить за сиськи. Да только у нее их, похоже, нет. Плоская, как доска. Пардон за мой французский, если вы религиозный человек.

— Религиозный, — улыбнулся Билл.

— Тогда выметайтесь из моего такси и идите в гребаную церковь, — воскликнул таксист, и они оба расхохотались.

— Живете здесь давно? — спросил Билл.

— Всю жизнь. Родился в Городской больнице Дерри, и мои гребаные останки похоронят на кладбище «Гора надежды».

— Хорошее дело.

— Да, конечно, — кивнул таксист. Отхаркнул, опустил стекло, выплюнул в дождь здоровенный зелено-желтый комок. Такое отношение к жизни, противоречивое, но привлекательное, почти игривое, Билл называл «мрачным весельем». — Парню, который его поймает, неделю не придется покупать жевательную резинку. Пардон за французский, если вы религиозный человек.

— Не так уж город и изменился. — Наводящая тоску череда банков и автостоянок оставалась позади по мере того, как они продвигались вверх по Центральной улице. Вершина холма, Первый национальный банк, и они начали прибавлять в скорости. — «Аладдин» на месте.

— Да, — согласился таксист. — Но только чудом. Эти уроды хотели снести и его.

— Ради еще одного банка? — спросил Билл, и какая-то его часть удивилась, обнаружив, что другая его же часть пришла в ужас от этой мысли. Он не мог поверить, что человек в здравом уме захотел бы снести этот величественный храм радости, с куполом и сверкающей люстрой, с левой и правой лестницами, спиралями поднимающимися на балкон, с гигантским занавесом, который не просто расходился в стороны, когда начинался фильм, а волшебными складками и сборками поднимался наверх, подсвеченный различными оттенками красного, и синего, и желтого, и зеленого, тогда как приводные механизмы за сценой трещали и скрипели. *«Только не «Аладдин»!* — выкрикнула шокированная часть. — *Как они могли даже подумать о том, чтобы срыть «Аладдин» ради БАНКА!»*

— Ага, банка! — кивнул таксист. — Верно, гребаный насрать, пардон за мой французский, если вы религиозный человек. «Первый торговый округа Пенобскот» положил глаз на этот участок. Они хотели убрать кинотеатр и возвести на этом месте «банковский центр, предлагающий населению весь спектр услуг». Получили от Городского совета все необходимые бумаги, так что «Аладдин» был обречен. Но потом местные жители, те, что давно здесь жили, образовали комитет. Они подавали петиции, они маршировали, орали, наконец, добились от Городского совета проведения общественных слушаний, и Хэнлон размазал этих уродов по стенке. — В голосе таксиста слышалось глубокое удовлетворение.

— Хэнлон? — вздрогнув, спросил Билл. — Майк Хэнлон?

— Он самый. — Таксист на мгновение повернул голову, чтобы взглянуть на Билла. Круглое раздраженное лицо, очки в роговой

оправе, на дужках давно засохшие капли белой краски. — Библиотекарь. Чернокожий. Вы его знаете?

— Знал, — ответил Билл, вспомнив, как встретил Майка в июле 1958-го. И к этому приложили руку Бауэрс, Хаггинс и Крисс... разумеется. Бауэрс, Хаггинс и Крисс

(*вай-вай*)

не давали им прохода, играли свою роль, сами того не желая, давили на них семерых, сжимая в единое целое... сильно, сильнее, еще сильнее. — Мы вместе играли в детстве. До того как я уехал.

— Это ж надо, — покачал головой таксист. — Маленький гребаный мирок, пардон...

— ...за мой французский, если вы религиозный человек, — закончил за него Билл.

— Это ж надо, — повторил таксист, и какое-то время они ехали молча, а потом он снова заговорил: — Дерри, конечно, сильно изменился, но многое осталось как прежде. Отель «Дерри таун-хаус», куда я за вами подъезжал, Водонапорная башня в Мемориальном парке. Вы помните это место, мистер? В детстве мы думали, что там живут призраки.

— Я помню.

— Посмотрите, больница. Узнаете ее?

Городская больница находилась по правую руку от них. За ней река Пенобскот спешила к месту встречи с Кендускигом. Под сочащимся дождем весенним небом река отливала цветом тусклого олова. Больницу Билл помнил — выкрашенное в белый цвет деревянное здание с двумя крыльями, по три этажа каждое. Оно стояло на прежнем месте, но теперь как-то сжалось, скукожилось, окруженное новыми десятью, может, даже двенадцатью корпусами. Слева располагалась автостоянка, и на ней стояли не меньше пяти сотен автомобилей.

— Господи, это не больница на хрен, а кампус какого-нибудь колледжа!

Таксист хохотнул.

— Я человек не религиозный, поэтому прощаю вам ваш французский. Да, больница теперь почти такая же большая, как Восточная мэнская в Бангоре. У них и радиологическое отделение, и терапевтический корпус, и шестьсот палат, и своя прачечная, и еще бог знает что. Старая больница еще остается, но в ней теперь размещается администрация.

Билл вдруг ощутил странное раздвоение, такое с ним уже случалось, когда он впервые смотрел стереоскопический фильм и пытался совместить два изображения, которые не совпадали полностью. Он помнил, что обмануть глаза и мозг как-то удалось, но расплачиваться пришлось жуткой головной болью... и чувствовал, как головная боль спешила к нему и теперь. Новый Дерри — это хорошо. Но старый Дерри тоже никуда не делся, как деревянное здание Городской больницы. Старый Дерри по большей части похоронили под всей этой новизной... но глаз стремился взглянуть на него... выискивал его.

— Грузового двора, вероятно, тоже уже нет, так? — спросил Билл.

Таксист снова рассмеялся:

— Для человека, который уехал отсюда ребенком, у вас очень хорошая память, мистер (*«Тебе бы встретиться со мной на прошлой неделе*, — подумал Билл, — *мой франкоговорящий друг»*). — Он на месте, но теперь это развалины и ржавые рельсы. Там не останавливаются и товарные поезда. Один парень хотел его купить и построить на его месте спортивный парк — поле для гольфа, тренировочные площадки для бейсбола, площадка для мини-гольфа, автодром, трасса картинга, павильон видеоигр, наверняка что-то еще, я просто не знаю, но возникла какая-то путаница с собственником земли. Я думаю, этот парень свое получит, он настойчивый, но пока идет судебное разбирательство.

— И Канал, — пробормотал Билл, когда они свернули с Внешней Центральной улицы на Пастбищную дорогу, которая, как и говорил Майк, называлась, согласно зеленому щиту-указателю, Торговой дорогой. — Канал-то по-прежнему здесь.

— Да, — ответил таксист. — И, думаю, будет здесь всегда.

Теперь слева от Билла тянулся Торговый центр Дерри, и пока они проезжали мимо него, Билл вновь ощутил это странное раздвоение. Двадцать семь лет назад на месте центра простиралось большое, длинное поле, заросшее высокой травой и гигантскими качающимися подсолнухами, которые «помечали» северо-восточный край Пустоши. За ней, на западе, находился Олд-Кейп, жилой район для малоимущих. Он помнил, как они исследовали это поле, стараясь не подходить близко и не упасть в провал — огромную дыру в земле, образовавшуюся на месте Металлургического завода

Китчнера, который взорвался в пасхальное воскресенье 1906 года. Поле хранило множество реликвий, и они откапывали их с заинтересованностью археологов, обследующих египетские руины: кирпичи, черпаки, куски железа с ржавыми болтами, осколки стекла, бутылки, наполненные какой-то безымянной жижей, и воняла она, как самая жуткая отрава этого мира. Что-то плохое случилось неподалеку от этого места, в гравийном карьере, расположенном около свалки, но пока Билл не мог вспомнить, что именно. Пока он помнил только имя, Патрик Гумбольдт, и вроде бы к этой истории какое-то отношение имел холодильник. И еще птица, которая преследовала Майка Хэнлона. Что?..

Билл покачал головой. Фрагменты. Соломинки на ветру. Ничего больше.

Поле кануло в Лету, вместе с остатками Металлургического завода. Билл внезапно вспомнил большущую дымовую трубу Металлургического завода, облицованную плиткой, десять последних футов снаружи покрывала сажа. Она лежала на боку, в высокой траве, как гигантский мундштук. Они каким-то образом забирались на нее и ходили туда-сюда, раскинув руки, как канатоходцы, смеялись. Он потряс головой, словно хотел изгнать мираж торгового центра, уродливого нагромождения зданий с вывесками: «СИРС», и «ДЖЕЙ. К. ПЕННИС», и «ВУЛВОРТ», и «КВС», и «ЙОРКС СТЕЙК ХАУС», и «УОЛДЕНБУКС», и десятками других. Подъездные дорожки вели к автомобильным стоянкам и выводили из них. Но Торговый центр не исчез, потому что миражом не был. А от Металлургического завода Китчнера не осталось следа, как и от поля, которое окружало его руины. В отличие от воспоминаний Торговый центр реально существовал.

Но почему-то Билл в это не верил.

— Вам сюда, мистер. — Таксист свернул на автостоянку перед сооружением, которое выглядело, как большая пластмассовая пагода. — Припозднились немножко, но лучше поздно, чем никогда, или я не прав?

— Конечно же, правы. — Билл протянул таксисту пятерку. — Сдачи не надо.

— Усраться и не жить! — воскликнул таксист. — Если захотите, чтобы вас куда-то отвезли, позвоните в «Биг йеллоу» и попросите передать заказ Дэйву. Назовите меня по имени.

— Я просто попрошу передать заказ религиозному человеку, — улыбнулся Билл. — Тому, который уже присмотрел себе участок на «Горе надежды».

— Вы все поняли, — рассмеялся Дэйв. — Удачного вам дня.

— И вам тоже, Дэйв.

Билл немного постоял под легким дождем, наблюдая, как отъезжает такси. Вдруг понял, что собирался задать таксисту еще один вопрос, но забыл... возможно, сознательно.

Он хотел спросить, нравится ли Дэйву жить в Дерри.

Билл резко повернулся и вошел в «Нефрит Востока». Майк Хэнлон ждал в вестибюле — сидел в плетеном кресле с огромной расширяющейся спинкой. Он поднялся, и Билл почувствовал, как по нему, сквозь него, прокатилось чувство нереального. Ощущение раздвоенности вернулось, только теперь более сильное, более ужасное.

Он помнил мальчика ростом пять футов и три дюйма, стройного, проворного. Перед ним стоял мужчина ростом пять футов и семь дюймов, худощавый, в одежде, которая висела на нем как на вешалке, с глубокими морщинами на лице, говорившими о том, что мужчине далеко за сорок, а не тридцать восемь или около того.

Потрясение, которое испытал Билл, должно быть, отразилось на его лице, потому что Майк спокойно сказал:

— Я знаю, как выгляжу.

Билл покраснел.

— Не так уж и плохо, Майк. Просто я помню тебя мальчиком. И все.

— Все?

— Ты выглядишь немного уставшим.

— Я немного устал, но я это переживу. Надеюсь. — Он улыбнулся, и улыбка осветила его лицо. В ней Билл увидел мальчишку, которого знал двадцать семь лет назад. Как старая деревянная Городская больница ушла в тень под напором современных стекла и бетона, так и мальчика, которого знал Билл, замаскировали неизбежные аксессуары возраста. Морщины на лбу, морщины от уголков рта, седина на висках. Но старая больница, пусть и ушедшая в тень, все равно оставалась на месте, а посему никуда не делся и знакомый Биллу мальчишка.

Майк протянул руку:

— Добро пожаловать в Дерри, Большой Билл.

Билл руку проигнорировал, обнял Майка. Майк крепко прижал его к груди, и Билл плечом и шеей почувствовал его жесткие курчавые волосы.

— Если что не так, Майк, мы это поправим. — Билл слышал слезы в своем голосе и не пытался их скрывать. — Один раз мы с этим справились, с-справимся и те-еперь.

Майк оторвался от Билла, подержал на расстоянии руки, и хотя по-прежнему улыбался, его глаза очень уж блестели. Он достал носовой платок, вытер глаза.

— Конечно, Билл. Будь уверен.

— Вы последуете за мной, господа? — спросила старшая официантка, миниатюрная, улыбающаяся азиатка в розовом кимоно с драконом, изогнувшим покрытый чешуей хвост. Ее черные волосы, забранные вверх, удерживали гребни из слоновой кости.

— Я знаю дорогу, Роуз, — ответил ей Майк.

— Очень хорошо, мистер Хэнлон. — Ее улыбка стала шире. — Я думаю, вы встретились с радостью.

— И я так думаю, — кивнул Майк. — Сюда, Билл.

Он повел его тускло освещенным коридором, мимо общего обеденного зала, к двери, которую закрывала бисерная занавеска.

— Остальные?.. — начал Билл.

— Все здесь, — ответил Майк. — Все, кто смог приехать.

Билл на мгновение замялся у двери, внезапно его охватил страх. Пугало не неведомое, не сверхъестественное; пугало осознание того, что он стал на пятнадцать дюймов выше, чем в 1958 году, и потерял едва ли не все волосы. Он вдруг стушевался (почти ужаснулся) при мысли, что сейчас снова увидит их всех и прежние детские лица окажутся погребенными под происшедшими с ними переменами, как оказалась погребенной старая больница. А место волшебных кинотеатров-дворцов в их головах заняли банки.

«*Мы повзрослели*, — подумал Билл. — *Мы не представляли себе, что такое может случиться, во всяком случае, тогда, во всяком случае, с нами. Но это случилось, и, если я переступлю этот порог, тайное сделается явным: мы все — взрослые*».

Он посмотрел на Майка, смущенного и притихшего.

— Как они выглядят? — услышал он свой неуверенный голос. — Майк... как они выглядят?

— Войди и увидишь. — Голос Майка звучал по-доброму, и он открыл дверь, предлагая Биллу войти в маленький банкетный зал.

2

Билл Денбро присматривается

Возможно, приглушенный свет стал причиной иллюзии, которая длилась лишь доли секунды, но потом Билл спрашивал себя, а не получил ли он послание, адресованное только ему: судьба иной раз может быть доброй.

В этот короткий момент ему показалось, что никто из них не повзрослел, что все друзья каким-то образом последовали примеру Питера Пэна и остались детьми.

Ричи Тозиер, заваливший стул на задние ножки, чтобы прижать спинку к стене, что-то рассказывал Беверли Марш, которая подняла руку ко рту, скрывая смех; и озорная улыбка Ричи нисколько не изменилась. Эдди Каспбрэк сидел слева от Беверли. А перед ним, рядом со стаканом для воды, лежала пластиковая бутылочка с отходящей от крышки закругленной рукояткой. Форма и бутылочки, и рукоятки осовременилась, но предназначение, несомненно, осталось прежним: это был ингалятор. На другом конце стола, наблюдая троицу с написанными на лице озабоченностью, радостью и сосредоточенностью, сидел Бен Хэнском.

Билл обнаружил, что его рука хочет подняться к голове, и осознал с грустным удивлением, что в этот самый момент он чуть не провел ею по лысине, в надежде, а вдруг его волосы чудесным образом вернулись — отличные рыжие волосы, которые он начал терять уже на втором курсе колледжа.

Тут мыльный пузырь иллюзии лопнул. Билл увидел, что Ричи без очков и подумал: «*Наверное, носит контактные линзы*» — так и оказалось. Очки он ненавидел. Футболки и вельветовые штаны, в которых прежде ходил Ричи, уступили место костюму, какие не продавались в секциях готовой одежды: Билл прикинул, что стоил этот костюм долларов девятьсот и шился на заказ.

Беверли Марш (если ее фамилия оставалась Марш) превратилась в ослепительную красавицу. Теперь она не собирала волосы в небрежный конский хвост — они падали на плечи ее простенькой белой блузы «Шип-энд-Шор»* каскадом смягченного цвета, све-

---

* «Шип-энд-Шор» — компания, выпускающая дешевую, но стильную женскую одежду.

тились, как янтарное озеро. Билл легко представил себе, что на улице, даже в такой сумрачный день, как этот, они бы пламенели. И попытался представить себе, каково оно — зарыться руками в эти волосы. *«История стара как мир,* — сухо подумал он. — *Я люблю свою жену, но до чего крошка хороша!»*

Эдди (это странно, но чистая правда), повзрослев, стал очень уж похож на Энтони Перкинса*. Лицо его покрывали преждевременные морщины (хотя в движениях он казался даже моложе Ричи и Бена). Добавляли годов и очки без оправы, которые он носил — очки, которые мог бы надевать английский барристер**, приближаясь к скамье судьи или знакомясь с резюме дела. Волосы он стриг коротко, прическа давно вышла из моды, а в конце пятидесятых и начале шестидесятых называлась «Лига плюща». Яркий клетчатый пиджак спортивного покроя выглядел так, словно приобрел его Эдди на распродаже в магазине мужской одежды, который доживал последние дни... но часы носил швейцарские, «Патек Филипп», а мизинец на правой руке украшал перстень с рубином. Слишком огромно-вульгарным и нарочито показным, чтобы быть стекляшкой.

Кто действительно изменился, так это Бен, и вновь взглянув на него, Билл ощутил уже привычное раздвоение. Лицо осталось прежним, волосы, более длинные и поседевшие, он зачесывал, как и прежде, направо. Но Бен стал худым. Непринужденно сидел на стуле, расстегнув непритязательную кожаную жилетку, под которой виднелась рубашка из шамбре. Он носил джинсы «левис» с прямыми штанинами, ковбойские сапоги и широкий пояс с пряжкой из черненого серебра. Одежда облегала стройную, с узкими бедрами фигуру. На руке поблескивал наборный тяжелый браслет, только со звеньями не из золота, а меди. *«Он похудел,* — подумал Билл. — *Превратился в собственную тень... Старина Бен похудел. Воистину чудесам несть конца».*

На мгновение в маленькой комнатке повисла невообразимая тишина. То был один из самых необычных моментов, которые довелось испытать Биллу Денбро. Стэна с ними не было, но тем не менее седьмой участник на встречу пришел. Здесь, в банкетном зале

---

* Перкинс, Энтони (1932—1992) — американский актер, после роли маньяка Нормана Бэйтса в триллере Альфреда Хичкока «Психо» (1960) и его сиквелах в основном снимался в малобюджетных фильмах ужасов.

** Барристер — адвокат, имеющий право выступать в высших судах.

ресторана, Билл ощущал его присутствие так же явственно, как если бы видел перед собой... и это был не старик в белых одеждах и с косой на плече. Это было белое пятно на карте, которое лежало между 1958 и 1985 годами, территория, которую исследователь мог бы назвать Великим Неизведанным. Билл попытался ответить на вопрос, что именно могло там быть. Беверли Марш в короткой юбке, выставляющей напоказ большую часть длинных, точеных ног, Беверли Марш в сапожках гоу-гоу, с гладкими и расчесанными на прямой пробор волосами? Ричи Тозиер, несущий плакат с надписью «ОСТАНОВИТЕ ВОЙНУ» с одной стороны и «УБЕРИТЕ ППОР* ИЗ КАМПУСА» с другой? Бен Хэнском в желтой каске с переводной картинкой, на которой изображен американский флаг, без рубашки, с животом, который все меньше нависает над ремнем, управляющий бульдозером, сидя под зонтиком из парусины. Этот седьмой был черным? Не состоял в родстве с Г. Рэпом Брауном** или Грэндмастером Флэшем***, ни в коем разе, этот парень носил простые белые рубашки и вылинявшие слаксы из «Джей. К. Пенни», сидел в зале для научной работы библиотеки университета Мэна, писал статьи об источниках примечаний и возможных преимуществах ISBN при каталогизации книг, тогда как за стенами библиотеки проходили демонстрации, Фил Оукс пел «Ричард Никсон, найди себе другую страну», люди умирали в деревнях, названия которых никто не мог произнести; он же сидел, поглощенный своей работой (Билл видел его), которую освещал падающий в окно зимний свет, со строгим и увлеченным лицом, зная, что работа библиотекаря очень схожа с работой механика вечного двигателя. Он был седьмым? Или это был молодой человек, стоящий перед зеркалом, наблюдающий, как увеличивается лоб, смотрящий на рыжеватые волосы, оставшиеся на расческе, на отражение в зеркале груды блокнотов, лежащих на столе, блокнотов с первым, черновым вариантом романа «Джоанна», который будет опубликован годом позже?

---

* ППОР — программа подготовки офицеров-резервистов, действующая на базе колледжей и университетов. Реализуется с 1862 г.

** Г. Рэп Браун (р. 1943, настоящее имя Джамал Абдулла Аль-Амин) — получил известность в 1960-х как председатель Студенческого комитета ненасильственных действий и министр юстиции партии «Черные пантеры». В настоящее время отбывает пожизненный срок за убийство.

*** Грэндмастер Флэш (р. 1958, Барбадос, настоящее имя Джозеф Сэддлер) — американский рэппер, стоявший у истоков хип-хоп-музыки.

Кто-то из вышеуказанных, все из вышеуказанных, никто из вышеуказанных.

На самом деле это не имело значения. Седьмой здесь был, и в какой-то момент они все ощутили его присутствие... и возможно, наилучшим образом поняли жуткую силу существа, которое вернуло их сюда. «*Оно живо*, — подумал Билл, холодея под одеждой. — *Глаз тритона, хвост дракона, рука висельника... чем бы Оно ни было, Оно снова здесь, в Дерри. Оно*».

И он почувствовал внезапно, что Оно — тот самый седьмой, что Оно и время каким-то образом взаимозаменяемы, что Оно носило лица их всех, и тысяч других, прикрываясь которыми наводило ужас и убивало... и мысль, что Оно могло быть ими, несомненно, пугала больше всего. «*Сколь много от нас осталось здесь?* — думал он с возрастающим ужасом. — *Сколь много от нас так и не покинуло дренажные тоннели и канализационные коллекторы, где жило Оно... и где кормилось? Поэтому мы забыли? Потому что часть каждого из нас осталась без будущего, не повзрослела, никогда не уезжала из Дерри? Поэтому?*»

Он не видел ответов на их лицах... на них отражались только вопросы, которые он задавал себе.

Мысли формируются и проскакивают в доли мгновений или в миллисекунды, создавая собственные временные рамки, так что все эти рассуждения в голове Билла уместились в какие-то пять секунд.

А потом Ричи Тозиер, привалив стул к стенке, вновь широко улыбнулся:

— Ой, вы только посмотрите — у Билла Денбро хромированная крыша. И как долго ты полировал ее пастой «Тэтл»*, Большой Билл?

И Билл, понятия не имея, что за этим последует, открыл рот и услышал собственный голос:

— На хер тебя и твою трепотню, Балабол.

На мгновение повисла тишина... а потом банкетный зал взорвался смехом. Билл поспешил к ним, начал пожимать руки, и хотя в его ощущениях в тот момент хватало ужасного, кое-что его успокаивало: осознание, что он наконец-то вернулся домой.

---

* «Тэтл» (от *англ.* Turtle — черепаха) — известная фирма по производству автокосметики.

3
Бен Хэнском сбрасывает вес

Майк Хэнлон заказал выпивку, и, словно компенсируя возникшую ранее паузу, все сразу заговорили. Беверли Марш, как выяснилось, теперь стала Беверли Роган. По ее словам, в Чикаго она вышла замуж за чудесного человека, который полностью перевернул ее жизнь и как по мановению волшебной палочки смог превратить склонность жены к шитью в успешное предприятие по разработке и пошиву модной одежды. Эдди Каспбрэку принадлежала компания по прокату лимузинов в Нью-Йорке. «Насколько я знаю, моя жена сейчас может лежать в постели с Аль Пачино», — улыбнувшись, объявил он, и все снова расхохотались.

Они знали о достижениях Билла и Бена, но у Билла сложилось ощущение, что до самого последнего времени они никак не связывали их имена (Бен — архитектор, он — писатель) с друзьями детства. Беверли достала из сумочки по экземпляру «Джоанны» и «Черной стремнины» (обе в карманном формате) и попросила автограф. Билл отказываться не стал, но заметил, что книги новенькие, словно она купила их в киоске в аэропорту, когда вышла из самолета.

В той же манере Ричи сказал Бену, в каком он восторге от коммуникационного центра Би-би-си в Лондоне... но в его глазах читалось недоумение, словно он не мог связать то здание с этим мужчиной... или с толстым мальчишкой, который показал им, как затопить половину Пустоши с помощью нескольких украденных досок и ржавой автомобильной дверцы.

Ричи работал диджеем в Калифорнии. Он сказал им, что его прозвище — Человек тысячи голосов, и Билл застонал:

— Господи, Ричи, твои голоса всегда были такими жуткими.

— Лестью вы ничего не добьетесь, миста, — небрежно ответил Ричи.

Когда Бев спросила, носит ли он контактные линзы, Ричи понизил голос:

— Наклонись поближе, бей-би.

Беверли наклонилась и радостно вскрикнула, когда Ричи чуть повернул голову, чтобы она увидела край мягких линз «Гидромист», которые он носил.

— Библиотека все та же? — спросил Бен Майка Хэнлона.

Майк достал бумажник и продемонстрировал фотографию библиотеки с высоты птичьего полета. Проделал это с гордостью человека, показывающего фотографии своих детей после вопроса о семье.

— Ее сделал парень, у которого свой легкомоторный самолет, — пояснил он, когда фотография пошла по рукам. — Я пытался убедить Городской совет или какого-нибудь хорошо обеспеченного частного спонсора выделить деньги на увеличение фотографии до размеров витража, чтобы повесить ее в детской библиотеке. Пока безрезультатно. Но фотография хорошая, правда?

Они все согласились. Бен смотрел на нее дольше всех, просто впился взглядом. Наконец постучал пальцем по стеклянному коридору, который соединял два здания.

— Ты где-нибудь такое видел, Майк?

Майк улыбнулся:

— Это твой коммуникационный центр, — и все шестеро опять рассмеялись.

Принесли напитки. Все наконец-то расселись.

Комнату окутала тишина, неожиданная, неловкая, вызвавшая замешательство. Они переглянулись.

— Ну? — спросила Беверли обволакивающим, чуть хрипловатым голосом. — За что пьем?

— За нас, — тут же ответил Ричи. Уже не улыбаясь. Он встретился взглядом с Биллом, всколыхнув в нем бурю эмоций, с которыми Билл едва справился: он вспомнил себя и Ричи посреди Нейболт-стрит, когда тварь, которая могла быть клоуном или могла быть оборотнем, исчезла, а они обнимали друг друга и плакали. Его рука, поднимая стакан, дрожала, и несколько капель упали на салфетку.

Ричи медленно встал и, один за другим, они последовали его примеру: Билл — первым, потом Бен и Эдди, Беверли и, наконец, Майк Хэнлон.

— За нас, — повторил Ричи, и его голос, как и рука Билла, чуть дрожал. — За Клуб неудачников 1958.

— За Неудачников. — В голосе Бев слышались веселые нотки.

— Неудачников. — Лицо Эдди за очками без оправы было бледным и старым.

— Неудачников, — согласился Бен. Легкая и печальная улыбка искривила уголки рта.

— Неудачников, — промолвил Майк Хэнлон.

— Неудачников, — подвел черту Билл.

Они чокнулись. Выпили.

Вновь упала тишина, но на этот раз Ричи ее не нарушил. Все чувствовали, сколь необходима эта пауза.

Они сели, и Билл повернулся к человеку, который их собрал.

— Выкладывай, Майк. Расскажи нам, что здесь происходит и что мы можем сделать.

— Сначала поедим, — ответил Майк. — Поговорим позже.

Они принялись за еду... и ели долго и с удовольствием. «*Как в старом анекдоте про приговоренного к смерти*», — подумал Билл, и почувствовал, что сам давно уже не ел с таким аппетитом... его так и подмывало подумать: «*С самого детства*». Готовили в ресторане не на высшем уровне, но и далеко не плохо, и еды было много. Вскоре все шестеро активно передавали друг другу стоящие на столе блюда: свиные ребрышки, курицу с грибами, обжаренные куриные крылышки, блинчики с овощами, водяные орехи, завернутые в бекон, полоски копченой говядины на шпажках.

Прежде всего им на стол поставили подносы с закусками, по центру каждого стояла маленькая керамическая жаровня. И Ричи (он делил поднос с Беверли), как ребенок, держал над жаровней все, что потом клал в свою тарелку, включая половину блинчика с овощами и несколько красных фасолин.

— Жаровня на столе — мне это так нравится, — признался он Бену. — Я бы съел говно на палочке, если на моем столе стоит жаровня.

— И вероятно, уже съел, — хмыкнул Билл, и Беверли так смеялась, что ей пришлось выплюнуть еду на салфетку, чтобы не подавиться.

— Господи, кажется, меня сейчас вырвет, — Ричи так точно сымитировал Дона Пардо*, что Беверли засмеялась еще сильнее, ее лицо стало пунцовым.

— Прекрати, Ричи, — выдохнула она. — Я тебя предупреждаю.

— Предупреждение услышано, — ответил Ричи. — Кушай, кушай, дорогая.

Роуз сама принесла десерт — большую гору «Запеченной Аляски»**, и сама зажгла торт во главе стола, там, где сидел Майк.

---

* Пардо, Доминик Джордж (р. 1918) — известный американский радио- и теледиктор.

** «Запеченная Аляска» — мороженое в корочке безе.

— Больше жаровен на моем столе, — изрек Ричи голосом человека, который умер и отправился на небеса. — Это лучшая трапеза, какую мне доводилось есть в этой жизни.

— Мы старались, — потупилась Роуз.

— Если я задую огонь, мое желание исполнится? — спросил он ее.

— В «Нефрите Востока» исполняются все желания, сэр.

Улыбка Ричи разом поблекла.

— Мне нравится ваш настрой, но, знаете ли, я сомневаюсь в истинности вашего утверждения.

Они съели почти весь торт. И когда Билл откинулся на спинку стула, с животом, выпирающим над ремнем, он обратил внимание на стоящие на столе стаканы. Казалось, их сотни. Билл чуть улыбнулся, вспомнив, что уговорил два мартини до обеда и еще бог знает сколько бутылок пива «Кирин» за едой. Другие от него не отставали. В их теперешнем состоянии и поджаренные кегли для боулинга, наверное, отличались бы отменным вкусом. И однако, он не чувствовал, что напился.

— Я столько не ел с самого детства, — подал голос Бен. Они все посмотрели на него, и он чуть покраснел. — В прямом смысле слова. Эта самый сытный обед с тех пор, как я учился в десятом классе.

— Ты сел на диету? — спросил Эдди.

— Да, — кивнул Бен. — Сел. На диету свободы Бена Хэнскома.

— И что тебя к этому побудило? — спросил Ричи.

— Едва ли вы захотите слушать эту древнюю историю... — Бен заерзал на стуле.

— Не знаю, как остальные, но я хочу, — прервал его Билл. — Расскажи нам, Бен. Без утайки. Что превратило Стога Колхуна в модель из глянцевого журнала, которую мы видим сегодня?

Ричи фыркнул:

— Стог, точно. Я и забыл.

— Не такая уж это история. Даже вообще не история. После того лета... после 1958-го... мы прожили в Дерри еще два года. Потом моя мама потеряла работу, и нам пришлось переехать в Небраску, потому что там жила ее сестра, которая предложила взять нас к себе до тех пор, как матери не удастся вновь встать на ноги. Хорошего в этом было мало. Ее сестра, моя тетя Джин, относилась к тем умеющим портить жизнь стервам, которые считают своим

долгом постоянно напоминать тебе о твоем месте в этом великом мире. Она неустанно твердила, как нам повезло, что у моей матери есть сестра, которая дала нам стол и кров, как нам повезло, что мы не живем на пособие, и все такое. Я стал таким толстым, что вызывал у нее отвращение. Она не давала мне покоя. «Бен, ты должен больше заниматься физкультурой. Бен, у тебя будет инфаркт до того, как тебе исполнится сорок, если ты не похудеешь. Бен, в мире голодает так много детей, что тебе должно быть стыдно своего веса». — Он помолчал, выпил воды. — Но она поминала голодающих детей и в тех случаях, когда я оставлял что-то в тарелке.

Ричи рассмеялся и кивнул.

— В любом случае страна только выходила из кризиса, и моей матери потребовался почти год на поиски постоянной работы. Тогда мы уехали из дома моей тетушки в Ла-Висте и перебрались в Омаху. В сравнении с 1958 годом я прибавил девяносто фунтов. Думаю, я толстел исключительно для того, чтобы досадить тете Джин.

Ричи присвистнул.

— Так ты весил...

— Почти двести десять фунтов, — мрачно ответил Бен. — И когда я пошел в Истсайдскую среднюю школу в Омахе, уроки физкультуры... не стали моими любимыми. И там меня звали Сисястым. Надеюсь, идея вам понятна.

Насмешки продолжались семь месяцев, но однажды, когда мы переодевались после очередного урока физкультуры, двое или трое парней начали... шлепать меня по животу. Они называли это «стрясти жир». Скоро к ним присоединились еще двое или трое. Потом четверо или пятеро. И наконец, они все приняли участие в этой забаве, принялись гонять меня по раздевалке, шлепая по животу, по заду, по спине, по ногам. Я перепугался и начал кричать. От моих криков остальные просто заливались смехом.

Знаете, — Бен смотрел на стол, перекладывая ножи и вилки, — оглядываясь назад, я могу сказать, что до звонка Майка тот день был последним, когда я подумал о Генри Бауэрсе. Начал это сын фермера, парень со здоровенными ручищами, и пока они гоняли меня, я решил, что Генри вернулся в мою жизнь. Думаю... нет, я знаю, что именно тогда я и запаниковал.

Они гнали меня по коридору, мимо шкафчиков, где парни, которые серьезно занимались спортом, хранили свою амуницию. Голый, красный, как сваренный лобстер, я потерял чувство собствен-

ного достоинства... или себя. Вот до чего они меня довели. Я кричал, зовя на помощь, а они бежали за мной и орали: «Стрясем жир! Стрясем жир! Стрясем жир!» Там стояла скамья...

— Бен, тебе не обязательно все это вспоминать! — внезапно воскликнула Беверли. Лицо ее сделалось пепельно-серым. Она вертела в руках стакан, чуть не расплескав воду.

— Пусть закончит, — возразил Билл.

Бен бросил на него короткий взгляд и кивнул.

— Скамья стояла в конце коридора. Я споткнулся о нее, упал, ударился головой. Минуту или две они еще стояли вокруг меня, а потом чей-то голос сказал: «Ладно. Хорошего понемножку. Идите переодеваться».

В дверях стоял тренер, в синих спортивных штанах с белыми лампасами и белой футболке. Никто не знал, как давно он за всем этим наблюдал. Они все посмотрели на него, некоторые улыбались, другие чувствовали себя виноватыми, лица третьих не выражали ничего. Они ушли. А я разрыдался.

Тренер еще какое-то время стоял, привалившись к дверному косяку, глядя на меня, глядя на голого толстого мальчика, чья кожа покраснела от бесчисленных шлепков, на толстого мальчика, который плакал, лежа на полу.

Наконец он спросил: «Бенни, почему бы тебе на хер не заткнуться?»

И я заткнулся. От изумления. Представить себе не мог, что услышу такое слово из уст учителя. Посмотрел на него снизу вверх, а он подошел и сел на скамью, о которую я споткнулся. Наклонился ко мне, и свисток, который висел у него на шее, качнулся и стукнул меня по лбу. На мгновение я подумал, что он собирается поцеловать меня или сделать что-то такое, и отпрянул, но он схватил меня за сиськи и сжал. Потом убрал руки и вытер о штаны, будто прикасался к чему-то грязному.

«Ты думаешь, я собираюсь успокаивать тебя? — услышал я от него. — Напрасно. Их тошнит от твоего вида, и меня тоже тошнит. Причины у нас разные, но только потому, что они — дети, а я — нет. Они не знают, почему их от тебя тошнит. Я знаю. Меня тошнит, потому что я вижу, как ты хоронишь хорошее тело, которое дал тебе Бог, под толстенным слоем жира. Это форменное безобразие — так потакать собственным глупым желаниям. А теперь послушай меня, Бенни, потому что другого случая поговорить с то-

бой мне не представится. У меня футбольная команда, и баскетбольная, и легкоатлетическая, а в промежутках приходится работать и с пловцами. Поэтому это наш первый и последний разговор. Ты заплыл жиром здесь, — он постучал меня по лбу, по тому самому месту, куда ударил этот чертов свисток. — Там у всех скапливается жир. А если ты сосредотачиваешь то, что у тебя между ушей, на диете, то начинаешь терять вес. Но такие парни, как ты, на это не способны».

— Какой мерзавец! — негодующе воскликнула Беверли.

— Да, — Бен широко улыбнулся. — Но он не знал, что он мерзавец, таким был тупым. Он, вероятно, видел Джека Уэбба в фильме «Инструктор»* раз шестьдесят, поэтому действительно думал, что оказывает мне услугу. И, как выяснилось, оказал. Потому что в тот самый момент я кое о чем подумал. Я подумал...

Он отвернулся, нахмурился — и у Билла вдруг возникло престраннейшее чувство: он знал, что сейчас скажет Бен, прежде чем тот открыл рот.

— Я сказал вам, что последний раз вспомнил Генри Бауэрса, когда эти парни гонялись за мной и сгоняли с меня жир. А когда тренер поднимался, чтобы уйти, я в последний раз по-настоящему подумал о том, что мы сделали летом пятьдесят восьмого. Я подумал...

Бен вновь замялся, по очереди посмотрел на каждого, словно изучая лица, и продолжил, тщательно выбирая слова.

— Я подумал, как славно мы действовали вместе. Я подумал о том, что мы сделали и как мы это сделали, и меня вдруг осенило: если бы тренеру пришлось столкнуться лицом к лицу с чем-то таким, волосы у него мгновенно бы поседели, а сердце бы остановилось, как старые часы. Наверное, я отнесся к нему несправедливо, но и он поступил точно так же по отношению ко мне. И наверное, понятно, что после этого произошло со мной...

— Ты озверел, — подсказал Билл.

Бен улыбнулся.

— Да, совершенно верно, — кивнул он. — Я его позвал: «Тренер!»

Он повернулся и посмотрел на меня. «Вы говорите, что тренируете легкоатлетическую команду?» — спросил я.

---

* «Инструктор» (1957) — фильм об инструкторе морских пехотинцев, Джек Уэбб (1920—1982) — исполнитель главной роли, режиссер и продюсер.

«Совершенно верно, — ответил он. — Хотя тебе это без разницы».

«Послушай меня, глупый, тупоголовый сукин сын, — продолжил я, и у него отвисла челюсть и выпучились глаза. — В марте я собираюсь принять участие в соревнованиях по бегу. И что ты думаешь по этому поводу?»

«Я думаю, тебе стоит закрыть пасть, пока ты не нажил серьезных неприятностей».

«Я собираюсь победить всех, кого ты выставишь. Я собираюсь победить твоих лучших спортсменов. А потом я хочу услышать от тебя гребаное извинение».

Его пальцы сжались в кулаки, и на мгновение мне показалось, что сейчас он вернется и врежет мне так, что мало не покажется. Но пальцы разжались.

«Это всего лишь слова, жиртрест, — услышал я. — Говорить может каждый. Но если ты обгонишь моих лучших, я подам заявление об уходе и пойду убирать кукурузу». С тем он и ушел.

— Ты похудел? — спросил Ричи.

— Если на то пошло, да, — ответил Бен. — Но тренер ошибся. Причина была не у меня в голове. Ее следовало искать в моей матери. В тот вечер я пришел домой и сказал, что хочу похудеть. Закончилось все жуткой ссорой, мы оба расплакались. Она начала с прежних аргументов: я совсем не толстый, просто у меня широкие кости, а большой мальчик, который хочет стать большим мужчиной, должен есть много только для того, чтобы не терять вес. Для нее... думаю, моя полнота прибавляла ей уверенности. Ее пугала необходимость одной воспитывать сына. У нее не было ни специального образования, ни особых навыков, только желание трудиться. И когда она могла дать мне добавку... или посмотреть на меня через стол и увидеть, какой я большой...

— Она чувствовала, что в этой битве с жизнью она побеждает, — вставил Майк.

— Точно. — Бен допил пиво и ладонью вытер маленькие пенные усики с верхней губы. — Так что сражаться пришлось прежде всего не с моей головой, а с ней. Она мое желание просто отторгала, и не один месяц. Не хотела выбрасывать мою старую одежду, не покупала новую. Я к тому времени уже бегал. Бегал постоянно, и иногда сердце билось так сильно, что я едва не терял сознание.

Мой первый забег на милю закончился тем, что меня вырвало и я таки грохнулся в обморок. Потом я какое-то время только блевал. А чуть позже мне приходилось удерживать штаны, чтобы они не свалились с меня на бегу.

Я подрядился разносить газеты и бегал с почтальонской сумкой на шее. Она билась о мою грудь, а руками я держался за штаны. Мои рубашки уже напоминали паруса. Вечерами, приходя домой, я съедал половину того, что лежало в моей тарелке. Мать рыдала и говорила, что я морю себя голодом, убиваю себя, что я больше ее не люблю, что она надрывается на работе ради меня, а мне на это наплевать.

— Господи, — пробормотал Ричи, закуривая. — Не представляю себе, как ты это выдержал, Бен.

— Просто лицо тренера постоянно стояло передо мной, — ответил Бен. — Я помнил, как он выглядел после того, как схватил меня за сиськи в коридоре, который вел в мужскую раздевалку. Так мне и удалось похудеть. Я купил себе новые джинсы и кое-что из одежды на деньги, которые получал на почте, а один старик, который жил на первом этаже, шилом прокалывал на моем ремне новые дырки... если не ошибаюсь, проколол пять. Думаю, я тогда вспомнил еще один случай, когда мне самому пришлось покупать новые джинсы — после того как Генри столкнул меня в Пустошь и едва не изрезал на куски.

— Да, — улыбнулся Эдди. — В тот день ты еще дал мне совет насчет шоколадного молока. Помнишь?

Бен кивнул.

— Если я и вспомнил, — продолжил Бен, — то лишь на секунду, а потом все ушло. Примерно в то же время я начал ходить в школе на курс «Здоровье и правильное питание» и выяснил, что зелени можно есть сколько угодно и при этом совершенно не поправляться. Как-то вечером мать поставила на стол миску с салатом, шпинатом, кусочками яблока и остатками ветчины. Я никогда не любил заячьей еды, но в тот вечер трижды брал добавку и говорил матери, как все вкусно.

И, как выяснилось, проблема разрешилась сама собой. Мать не волновало, что именно я ел, главное, чтобы я ел много. После этого она закармливала меня салатами. Я их ел три следующих года. Иной раз смотрел в зеркало, чтобы убедиться, что нос у меня не дергается, как у кролика.

— А с тренером чем закончилось? — спросил Эдди. — Ты вышел на беговую дорожку? — И он коснулся ингалятора, словно мысль о беге напомнила об астме.

— Да, вышел, — ответил Бен. — На двух дистанциях, двести двадцать ярдов и четыреста сорок. К тому времени я похудел на семьдесят фунтов и вырос на два дюйма, поэтому то, что осталось, лучше распределилось по телу. В первый день я выиграл забеги и на двести двадцать ярдов, обогнав второго призера на шесть футов, и на четыреста сорок, оторвавшись на восемь футов. Потом подошел к тренеру, такому взбешенному, что он мог бы кусать локти. «Похоже, вам пора подавать заявление об уходе и идти собирать кукурузу, — сказал я ему. — Когда собираетесь брать билет в Канзас?»

Поначалу он молчал... только врезал мне, и я упал на спину. Потом велел мне убираться со стадиона. Сказал, что такие умники, как я, ему в легкоатлетической команде не нужны.

«Я бы не пошел к вам в команду, даже если бы меня назначил туда президент Кеннеди, — ответил я, вытирая кровь с уголка рта. — И поскольку я начал худеть благодаря вам, зла я на вас не держу... но в следующий раз, когда поставите перед собой тарелку с вареной кукурузой, вспомните обо мне».

Он сказал мне, что сделает из меня отбивную, если я тотчас же не уйду. — Бен чуть улыбался, но в этой улыбке не было ничего приятного и уж точно ничего ностальгического. — Так и сказал. Все смотрели на нас, включая парней, которых я победил. И все они пребывали в замешательстве. Я ему на это ответил: «Послушайте меня, тренер. Один удар вам с рук сойдет, потому что вы — обозленный неудачник, слишком старый, чтобы как-то изменить свою жизнь. Но попытайтесь ударить меня еще раз, и я сделаю все, чтобы вы остались без работы. Не уверен, что мне это удастся, но я приложу все силы. Я похудел для того, чтобы обрести малость собственного достоинства и покоя. И вот за это стоит бороться».

— Все это звучит замечательно, Бен, — подал голос Билл, — но писатель во мне задается вопросом, неужто какой-то ребенок мог сказать такое.

Бен кивнул, улыбнулся своей особенной улыбкой.

— Сомневаюсь, если б речь шла о ребенке, не прошедшем через то, что довелось испытать нам. Но я это сказал... и не бросался словами.

Билл подумал, кивнул:

— Ладно.

— Тренер стоял, уперев руки в боки, — продолжал Бен. — Он открыл рот и тут же закрыл. Все молчали. Я повернулся и ушел, и больше не видел тренера Вудлея. Когда мой куратор принес мне список предметов на следующий учебный год, кто-то в графе физкультура написал «ОСВОБОЖДЕН», и куратор это утвердил.

— Ты его победил! — воскликнул Ричи, вскинув над головой сжатые в кулаки руки. — Молодец, Бен!

Бен пожал плечами:

— Думаю, я победил часть себя. Пожалуй, тренер меня подтолкнул... но я думаю, именно вы заставили меня поверить, что такое мне действительно под силу. И я это сделал.

Бен обаятельно пожал плечами, но Билл видел капельки пота, выступившие у него на лбу.

— Довольно исповедей. Но я готов выпить еще пива. Когда много говоришь, разыгрывается жажда.

Майк просигналил официантке.

Все шестеро что-то заказали и болтали о пустяках, пока не прибыли напитки. Билл смотрел на свой стакан с пивом, наблюдая, как пузырьки карабкаются по стенкам. Его забавляла и ужасала надежда, что кто-то еще расскажет историю о прожитых годах, допустим, Беверли — о чудесном человеке, за которого она вышла замуж (пусть даже он и был занудой, как и большинство чудесных людей), или Ричи Тозиер принялся бы травить байки о забавных случаях в радиостудии, или Эдди Каспбрэк рассказал бы им, каков на самом деле Тедди Кеннеди, сколько оставляет на чай Роберт Редфорд... или выдвинул бы несколько любопытных версий о том, почему Бен смог сбросить лишние фунты, а он по-прежнему не расстается с ингалятором.

«Дело же в том, — думал Билл, — что Майк может начать говорить в любую минуту, а у меня нет уверенности, что я хочу его слушать. И сердце у меня бьется слишком уж часто, и руки чересчур похолодели. Чтобы выдержать такой страх, надо быть на двадцать пять лет моложе. Так скажите что-нибудь, кто-нибудь. Давайте поговорим о карьерах и родственниках, о том, каково это — вновь смотреть на давних друзей и осознавать, что время пару-тройку раз крепко врезало тебе в нос. Давайте поговорим о сексе, о бейсболе, о ценах на бензин, о будущем стран-участниц Варшавского до-

говора. О чем угодно, за исключением одной темы, обсудить которую мы тут и собрались. Так скажите что-нибудь кто-нибудь».

Кто-то сказал. Эдди Каспбрэк. Но не стал описывать Тедди Кеннеди, не назвал сумму чаевых, которые оставляет Роберт Редфорд, даже не объяснил, почему не расстается с этой штуковиной, которую в далеком прошлом Ричи называл «сосалкой для легких». Он спросил Майка, когда умер Стэн Урис.

— Позавчера вечером. Когда я вам звонил.

— Это как-то связано... с причиной нашего приезда сюда?

— Я мог бы уйти от ответа и сказать, что наверняка никому знать не дано, раз уж предсмертной записки он не оставил, — ответил Майк. — Но случилось это практически сразу после моего звонка, поэтому предположение логичное.

— Он покончил с собой, так? — сухо спросила Беверли. — Господи... бедный Стэн.

Остальные смотрели на Майка, который допил пиво, прежде чем ответить.

— Он совершил самоубийство, да. Судя по всему, поднялся в ванную вскоре после того, как я ему позвонил, набрал воды, лег в ванну и перерезал себе запястья.

Билл оглядел стол, вокруг которого застыли потрясенные, побледневшие лица — не тела, только эти лица, напоминающие белые круги.

Как белые воздушные шары, лунные воздушные шары, привязанные давнишним обещанием, которое давно следовало признать утратившим силу.

— Как ты узнал? — спросил Ричи. — Об этом написали в местных газетах?

— Нет. С некоторых пор я выписываю газеты тех городов, где вы жили. Многие годы приглядывал за вами.

— «Я шпион»*, — мрачно бросил Ричи. — Спасибо, Майк.

— Это была моя работа, — просто ответил Майк.

— Бедный Стэн, — повторила Беверли. Новость ее как громом поразила, она никак не могла с ней сжиться. — Но ведь тогда он был таким смелым. Таким... целеустремленным.

---

* «Я — шпион» — популярный телесериал (1965—1968), в котором впервые на американском телевидении одну из главных ролей исполнил чернокожий актер.

— Люди меняются, — заметил Эдди.

— Неужели? — спросил Билл. — Стэн был... — Он расправил руками скатерть, подыскивая точные слова. — Стэн во всем ценил порядок. У таких людей книги на полках поделены на художественную литературу и документальную... и в каждом разделе стоят строго по алфавиту. Я помню, как он однажды сказал... не помню, где мы были и что делали, во всяком случае, пока не помню, но думаю, случилось это ближе к концу той истории. Он сказал, что страх вынесет, но терпеть не может пачкаться. Мне представляется, в этих словах и заключалась сущность Стэна. Может, звонок Майка Стэн воспринял как необходимость выбора. А выбирать он мог одно из двух: остаться в живых и испачкаться или умереть чистым. Может, на самом-то деле люди нисколько не меняются. Может, они просто... может, они просто затвердевают.

Возникшую паузу нарушил Ричи:

— Хорошо, Майк. Что происходит в Дерри? Расскажи нам.

— Я могу рассказать вам только часть, — ответил Майк. — Я могу рассказать вам, к примеру, что происходит теперь... и я могу рассказать кое-что о вас. Но я не могу рассказать вам все, что случилось летом 1958 года, и не думаю, что в этом есть необходимость. Со временем вы все вспомните сами. Думаю, если я расскажу вам слишком много до того, как вы будете готовы вспомнить, случившееся со Стэном...

— Может случиться с нами? — ровным голосом спросил Бен.

Майк кивнул:

— Да. Именно этого я и боюсь.

— Тогда расскажи нам то, что можешь, Майк, — попросил Билл.

— Хорошо, — кивнул Майк. — Расскажу.

4

Неудачники входят в курс дела

— Вновь пошли убийства, — без обиняков начал Майк. Оглядел всех сидящих за столом, а потом его взгляд остановился на Билле. — Первое из «новых убийств», если позволите ввести такой малоприятный термин, началось на Мосту Главной улицы, а закон-

чилось под ним. Жертвой стал гей и по-детски непосредственный мужчина, которого звали Адриан Меллон. Он страдал астмой.

На столе появилась рука Эдди, коснулась ингалятора.

— Это случилось прошлым летом, двадцать первого июля, в последнюю ночь фестиваля «Дни Канала». У нас это праздник, наш... наш...

— Деррийский ритуал, — послышался тихий голос Билла. Его длинные пальцы массировали виски, и не составляло труда догадаться, что думает он о своем брате Джордже... Джордже, который почти наверняка открыл счет жертвам в прошлый раз.

— Ритуал, — повторил Майк. — Да.

Он рассказал о том, что произошло с Адрианом Меллоном, быстро, не получая никакого удовольствия от того, что по ходу его рассказа глаза у них раскрывались все шире и шире. Рассказал, что написали в «Ньюс» и чего не написали... последнее включало свидетельские показания Хагарти и Кристофера Ануина о неком клоуне, который обретался под мостом, как тролль в известной сказке о давно ушедших временах, клоуне, который, по словам Хагарти, выглядел, как нечто среднее между Рональдом Макдональдом и Бозо.

— Это был он. — Бен разом осип. — Эта падла Пеннивайз.

— И еще. — Майк все смотрел на Билла. — Одного из полицейских, расследовавших это дело, собственно, того, кто вытащил тело Адриана Меллона из Канала, звали Гарольд Гарденер.

— Господи Иисусе! — Билл чуть не плакал.

— Билл? — Беверли повернулась к нему, коснулась его руки, в голосе слышалась тревога. — Билл, что случилось?

— Гарольду тогда было лет пять. — Билл ошарашено смотрел на Майка в ожидании подтверждения.

— Да.

— Ты о чем; Билл? — спросил Ричи.

— Га-а-арольд Гарденер — с-сын Дэйва Гарденера, — ответил Билл. — Дэйв жил на одной улице с нами, когда Джорджа у-убили. Именно он первым подбежал к Дж-Дж... к моему брату и принес его домой, завернутым в о-одеяло.

Они посидели молча, никто не мог произнести ни слова. Беверли на мгновение закрыла глаза рукой.

— Все очень даже сходится, так? — наконец спросил Майк.

— Да, — тихо ответил Билл, — сходится, все верно.

— Я следил за вами шестерыми долгие годы, как уже говорил, — продолжил Майк, — но только недавно начал понимать, зачем я это делал, что у меня была точная и конкретная цель. Однако я не спешил, ждал, чтобы посмотреть, как будут развиваться события. Видите ли, я чувствовал, что должен быть абсолютно уверен, прежде чем... потревожить вас. Не на девяносто процентов, даже не на девяносто пять. Только на все сто.

В декабре прошлого года восьмилетнего Стивена Джонсона нашли мертвым в Мемориальном парке. Как и Адриана Меллона, его сильно изувечили до или сразу после смерти, но выглядел он так, словно мог умереть от испуга.

— Его изнасиловали? — спросил Эдди.

— Нет, только изувечили.

— Сколько всего? — спросил Эдди, но ему определенно не хотелось этого знать.

— Много, — ответил Майк.

— Сколько? — повторил вопрос Билл.

— Девять. Пока.

— Не может быть! — воскликнула Беверли. — Я бы прочитала об этом в газете... Когда тот безумный коп убивал женщин в Касл-Рок, штат Мэн*... и когда в Атланте убивали детей**...

— Да, конечно, — кивнул Майк. — Я много об этом думал. Те события действительно очень схожи с происходящим здесь, и Бев права: это новости, которые должны разлетаться от побережья до побережья. В определенном смысле сравнение с Атлантой пугает меня больше всего. Убиты девять детей... город должны наводнить и съемочные группы информационных служб, и лжеэкстрасенсы, и репортеры, начиная с «Атлантик мансли» и заканчивая «Роллинг стоун»... короче, весь медиацирк.

— Но этого не случилось, — произнес Билл.

— Нет, — кивнул Майк, — не случилось. Одну статью в воскресном приложении напечатали в «Портленд санди телеграф», еще одну, после двух последних убийств, — в «Бостон глоуб». Бостонская программа «Добрый день!» в этом феврале показала сюжет о

---

* Подробнее об этих убийствах можно прочитать в романе Стивена Кинга «Мертвая зона».

** Убийства чернокожих детей в Атланте начались в 1979 г. и достигли пика в 1981—1982 гг. ФБР удалось арестовать человека, которого признали виновным в двух убийствах, но не во всех тринадцати.

нераскрытых убийствах, и один из экспертов упомянул убийства в Дерри, но мимоходом... и он, конечно, не обмолвился о том, что ему известно о таких же массовых убийствах в 1957—1958-м или 1929—1930-м.

На то есть, конечно, очевидные причины. Атланта, Нью-Йорк, Чикаго, Детройт... это города с мощными средствами массовой информации, и обычно наибольшую огласку получает что-то случающееся в городах с мощными средствами массовой информации. В Дерри нет ни одной теле- или радиостанции, если не считать ФМ-радиостанции, которую организовала кафедра английского языка и речи в средней школе. Если говорить о средствах массовой информации, то край их земли — Бангор.

— За исключением «Дерри ньюс», — напомнил Эдди, и все рассмеялись.

— Но мы знаем, что в мире все устроено по-другому. Коммуникационная сеть покрывает и Дерри, и в какой-то момент эта история не могла не стать достоянием общественности в масштабах всей страны. Но не стала. И я думаю, причина проста: Оно этого не хочет.

— Оно, — задумчиво произнес Билл, словно разговаривая сам с собой.

— Оно, — согласился Майк. — Если уж нам как-то нужно называть Оно, возможно, будет лучше, если мы этим и ограничимся. Видите ли, я все более склоняюсь к тому, что Оно находится здесь так давно, чем бы Оно ни было... что стало частью Дерри, такой же частью, как Водонапорная башня, или Канал, или Бэсси-парк, или библиотека. Только Оно — не та часть, которую можно увидеть или пощупать, понимаете. Может, когда-то так было, но теперь Оно... внутри. Каким-то образом вросло в Дерри. По-моему, только эта версия позволяет дать толкование всем ужасам, которые происходили здесь... как тем, которые вроде бы поддаются объяснению, так и неподдающимся. В 1930 году произошел пожар в негритянском клубе, который назывался «Черное пятно». Годом раньше группу тупоголовых бандитов средь бела дня расстреляли на Канальной улице.

— Банда Брэдли, — кивнул Билл. — Их перебили агенты ФБР, так?

— Так пишут историки, только это не совсем верно. Я многое бы отдал, если б меня убедили, что это ложь, потому что я люблю этот город, но, насколько мне удалось выяснить, банду Брэдли, всех се-

мерых, расстреляли добропорядочные жители Дерри. Как-нибудь я расскажу вам об этом.

В 1906 году во время пасхальной охоты за яйцами взорвался Металлургический завод Китчнера. В том же году кто-то калечил животных, и следы в конце концов привели к Эндрю Рулину, родному брату дедушки того человека, которому сейчас принадлежит компания «Рулин фармс». Его забили насмерть трое помощников шерифа, которым приказали доставить его в участок. Ни одного из них не привлекли к суду.

Майк Хэнлон достал из внутреннего кармана пиджака маленький блокнот и, пролистывая его, продолжил, не поднимая головы:

— В 1877 году четырех человек линчевали в пределах административной границы города. В том числе вздернули на суку и священника методистской церкви, который утопил в ванне четырех своих детей, словно котят, прострелил голову жене, а потом сунул револьвер ей в руку, чтобы сымитировать самоубийство, но никого этим не провел. За год до этого четверых лесорубов нашли мертвыми в хижине на берегу Кендускига, ниже по течению. Их в прямом смысле разорвали на куски. Исчезновения детей, целых семей зафиксированы в старых дневниковых записях... но не в официальных документах. Я могу продолжать и продолжать, но, возможно, мысль вы уловили.

— Я уловил, будь уверен, — кивнул Бен. — Что-то здесь происходит, но сор из избы не выносили.

Майк закрыл блокнот, убрал во внутренний карман, посмотрел на них.

— Будь я страховщиком, а не библиотекарем, наверное, нарисовал бы вам график. Он показал бы необычайно высокий уровень всех насильственных преступлений, которые мы знаем: изнасилования, инцест, кражи с взломом, грабежи, угон автомобилей, жестокое обращение с детьми, жестокое обращение с женами, нападения на людей.

В Техасе есть достаточно крупный город, в котором процент насильственных преступлений значительно ниже, чем можно ожидать в городе такого размера и с населением с разным цветом кожи. Удивительное миролюбие живущих там людей стало предметом специального исследования. Выяснилось, что причина в воде... в ней растворен какой-то природный транквилизатор. Здесь — полная

противоположность. Дерри — город насилия в любой год. Но каждые двадцать семь лет, хотя периодичность не идеально точная, следует дикая вспышка насилия... и страна об этом ничего не знает.

— Ты говоришь, здесь какая-то раковая опухоль? — спросила Беверли.

— Отнюдь. Рак, который не лечат, обязательно убивает. Дерри не умер; наоборот, процветает... но тихонько, не привлекая к себе внимания. Это достаточно большой город в относительно малонаселенном штате, где слишком часто случается что-то плохое... где каждую четверть века или около того происходит что-то совсем уж жуткое.

— И это прослеживается с самого начала? — спросил Бен.

Майк кивнул.

— 1715—1716-й, с 1740 по 1743-й, вот уж выпал тяжелый период, 1769—1770-й, и так далее, до настоящего времени. У меня ощущение, что с каждым разом все становится хуже и хуже, возможно, потому, что за каждый цикл населения в Дерри прибавляется, а может, причина другая. И в 1958 году цикл вроде бы оборвался преждевременно. Нашими стараниями.

Билл Денбро наклонился вперед, у него засверкали глаза.

— Ты уверен в этом? Уверен?

— Да, — кивнул Майк. — Во всех других случаях число отдельных убийств достигало максимума где-то в сентябре, а потом все заканчивалась массовой гибелью людей. Жизнь в городе возвращалась в норму где-то к Рождеству... в крайнем случае к Пасхе. Другими словами, каждые двадцать семь лет наступал «плохой период» продолжительностью от четырнадцати до двадцати месяцев. Наш плохой период начался убийством твоего брата в октябре 1957-го и резко оборвался в августе 1958 года.

— Почему? — тут же спросил Эдди, дыхание его стало резким. Билл помнил, как свистел Эдди при вдохах, когда начинался приступ астмы, и знал, что сейчас тот схватится за «сосалку для легких». — Что мы сделали?

Вопрос повис в воздухе. Майк уже собрался ответить... но лишь покачал головой.

— Вы вспомните. Со временем вы вспомните.

— А если нет? — спросил Бен.

— Тогда не останется ничего другого, как уповать на Божью помощь.

— Девять детей погибли в этом году, — покачал головой Ричи. — Господи.

— Лайзу Альбрехт и Стивена Джонсона нашли в конце 1984-го. В феврале исчез подросток, Деннис Торрио. Ученик средней школы. Его тело обнаружили в Пустоши в середине марта. Изувеченное. А это лежало рядом.

Фотографию Майк достал из того кармана, в который убрал блокнот. Пустил ее по кругу. Беверли и Эдди недоуменно взглянули на нее, но Ричи Тозиер отреагировал куда как резче. Выронил ее, словно обжег пальцы.

— Господи! Господи, Майк! — Ричи посмотрел на него огромными от ужаса глазами и тут же передал фотографию Биллу.

Взглянув на нее, Билл почувствовал, как мир затягивает серой пеленой. Какое-то мгновение он не сомневался, что сейчас грохнется в обморок. Потом услышал стон, и понял, что застонал он сам. А потом тоже выронил фотографию.

— Что такое? — услышал он вопрос Беверли. — Что это значит, Билл?

— Это школьная фотография моего брата, — наконец ответил Билл. — Это Дж-Джорджи. Фотография из его альбома. Та, что пропала. Та, что подмигивала.

Они вновь пустили фотографию по кругу. Билл статуей сидел во главе стола, уставившись в никуда. Из рук в руки переходила фотография фотографии. Одна запечатлела вторую, приставленную к чему-то белому: на второй губы мальчика разошлись в улыбке, открыв две дыры, которые так и не заполнились новыми зубами («*Если, конечно, зубы не растут в гробу*», — подумал Билл и содрогнулся). На белой полоске под фотографией Джорджа тянулась надпись: «ШКОЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ 1957—1958».

— Ее нашли в этом году? — вновь спросила Беверли. Майк кивнул, и она повернулась к Биллу: — Когда ты видел ее в последний раз, Билл?

Он облизнул губы, попытался ответить. С губ не сорвалось ни звука. Попытался еще раз, услышал эхо слов в голове, понял, что заикание возвращается, вступил в борьбу с ним, вступил в борьбу с ужасом.

— Я не видел эту фотографию с 1958 года. Последний раз видел весной, на следующий год после смерти Джорджа. А когда захотел показать ее Ричи, она и-исчезла.

Что-то громко пшикнуло, заставив их оглядеться. Эдди, в легком смущении, клал ингалятор на стол.

— Эдди Каспбрэк вдыхает! — радостно воскликнул Ричи, а потом внезапно заговорил Голосом диктора кинохроники:

— Сегодня в Дерри все собрались на Парад астматиков, и звезда шоу — Большой Эд Сопленос, известный всей Новой Англии, ка...

Он прервался на полуслове, рука поднялась к лицу, будто для того, чтобы прикрыть глаза, и Билл тут же подумал: *«Нет, нет, не для этого. Не для того, чтобы прикрыть глаза, а чтобы сдвинуть очки к переносице. Очки, которых давно уже нет. Господи Иисусе, да что здесь происходит?»*

— Эдди, извини, — продолжил Ричи уже своим голосом. — Это так жестоко. Не знаю, что на меня нашло. — Он оглядел остальных, на лице читалось недоумение.

В наступившей паузе заговорил Майк.

— После того как нашли тело Стивена Джонсона, я обещал себе: если случится что-то еще, если будет еще одно убийство, совершенное понятно кем, я позвоню, но в результате тянул со звонками еще два месяца. Меня будто загипнотизировало происходящее — целенаправленностью, продуманностью. Фотографию Джорджи нашли на свалившемся дереве менее чем в десяти футах от тела Торрио. Ее не спрятали — совсем наоборот. Убийца словно хотел, чтобы ее нашли. И я уверен, что убийца действительно этого хотел.

— Как ты раздобыл полицейскую фотографию, Майк? — спросил Бен. — Она же сделана полицейским фотографом, так?

— Да, именно. В полицейском управлении есть один парень, который не прочь заработать немного денег. Я плачу ему двадцать баксов в месяц — все, что могу позволить. Он — мой источник информации.

Тело Доуна Роя нашли через четыре дня после Торрио. В Маккэррон-парк. Тринадцатилетнего. Обезглавленного.

23 апреля этого года. Адам Терролт. Шестнадцать лет. Объявлен пропавшим без вести, когда не вернулся домой после репетиции оркестра. Найден на следующий день рядом с тропой, которая проходит вдоль лесополосы позади Западного Бродвея. Тоже обезглавленным.

6 мая. Фредерик Коуэн. Два с половиной года. Найден на втором этаже, утопленным в унитазе.

— Ох, Майк! — воскликнула Беверли.

— Да, это ужасно. — В голосе звучала злость. — Или вы думаете, я сам не знаю?

— В полиции уверены, что это не мог быть... какой-то несчастный случай? — спросил Бен.

Майк покачал головой:

— Его мать развешивала белье во дворе. Она услышала шум борьбы... услышала крики сына. Поспешила в дом. Когда поднималась по лестнице на второй этаж, по ее словам, услышала, как в унитазе вновь и вновь спускали воду... и еще кто-то смеялся. Она сказала, что смех не был человеческим.

— И она ничего не увидела? — спросил Эдди.

— Только своего сына, — ответил Майк. — Ему сломали позвоночник, размозжили голову. Стеклянную дверь в душевую кабину разбили. Все было залито кровью. Мать сейчас в Бангорском психиатрическом институте. Мой... мой источник в полицейском управлении говорит, что она сошла с ума.

— Ни хрена удивительного, — просипел Ричи. — У кого есть сигарета?

Беверли дала ему одну. Ричи закурил, руки сильно тряслись.

— По версии полиции, убийца вошел через парадную дверь, пока мать Коуэна вешала белье во дворе. А потом, когда она взбегала по лестнице черного хода, выпрыгнул через окно ванной во двор, с которого она уже ушла, и скрылся незамеченным. Но окно в ванной маленькое, через него с трудом протиснулся бы и семилетний ребенок, а до вымощенного камнем внутреннего дворика двадцать пять футов. Рейдмахер не любит говорить об этом, и никто из репортеров, во всяком случае никто из «Ньюс», не попытался надавить на него.

Майк отпил воды и пустил по кругу другую фотографию. Уже не полицейскую. Другую школьную фотографию. Улыбающегося мальчика лет тринадцати. В парадном костюме, с чистыми руками, сложенными на коленях... но глаза озорно блестели. Чернокожего мальчика.

— Джеффри Холли, — пояснил Майк. — 13 мая. Через неделю после убийства маленького Коуэна. Его нашли в Бэсси-парк. Около Канала. Со вспоротым животом.

Еще через девять дней, 22 мая, пятиклассника Джона Фьюри нашли мертвым на Нейболт-стрит...

Эдди пронзительно вскрикнул, потянулся к ингалятору и сшиб его со стола. Ингалятор откатился к Биллу, который его поднял. Лицо Эдди обрело болезненно-желтый цвет. В груди свистело.

— Дайте ему попить! — закричал Бен. — Дайте ему что-нибудь:..

Но Эдди качал головой. Вставил ингалятор в рот и нажал на клапан. Лекарственная струя ударила в горло. Грудь поднялась, легкие вбирали в себя воздух. Эдди еще раз нажал на клапан, потом откинулся на спинку стула, полузакрыв глаза, тяжело дыша.

— Все хорошо, — выдохнул он. — Дайте мне минутку. Я сейчас оклемаюсь.

— Эдди, ты уверен? — спросила Беверли. — Может, тебе лучше прилечь...

— Все хорошо, — сварливо повторил Эдди. — Это всего лишь... шок. Вы понимаете. Шок. Я напрочь забыл про Нейболт-стрит.

Никто не прокомментировал. Не было нужды. *«Тебе кажется, что ты уже достиг предела,* — подумал Билл, — *но тут Майк называет еще одно имя, и еще одно, как фокусник, у которого целая шляпа жульнических трюков, и тебя вновь сшибает с ног».*

Они не ожидали, что на них обрушится так много и сразу, не ожидали столь мощной и необъяснимой волны насилия, каким-то образом нацеленной на шестерых людей, собравшихся в этой комнате — во всяком случае, именно это предполагала фотография Джорджа.

— Джон Фьюри лишился обеих ног, но судебно-медицинский эксперт говорит, что случилось это уже после его смерти. Сердце мальчика не выдержало. Он умер от страха в прямом смысле слова. Нашел его почтальон, который увидел торчащую из-под крыльца руку.

— Дом двадцать девять, так? — спросил Ричи, и Билл быстро посмотрел на него. Ричи встретился с ним взглядом, едва заметно кивнул и снова повернулся к Майку: — Дом двадцать девять по Нейболт-стрит.

— Да, — все так же спокойно ответил Майк. — Номер двадцать девять. — Он отпил воды. — С тобой действительно все в порядке, Эдди?

Эдди кивнул. Дышалось ему легче.

— Рейдмахер арестовал первого подозреваемого на следующий день после того, как обнаружили тело Фьюри. В тот же день, со-

вершенно случайно, в передовице «Дерри ньюс» появилось требование об отставке начальника полиции.

— После восьми убийств? — спросил Бен. — Очень даже радикальное требование, вы согласны?

Беверли спросила, кого арестовали.

— Парня, который живет в лачуге на шоссе 7, почти за административной границей между городом и Ньюпортом, — ответил Майк. — Его считают отшельником. Топит печь отходами древесного производства, крышу покрыл краденными досками и колпаками с колес. Зовут его Гарольд Эрл. Если за год через его руки и проходят двести долларов наличными, то это много. Кто-то, проезжая мимо, увидел, как он стоял во дворе и смотрел в небо в тот день, когда нашли тело Джона Фьюри. В залитой кровью одежде.

— Так может... — В голосе Ричи слышалась надежда.

— Он разделал в сарае трех оленей, — ответил Майк. — Его отвезли в Хейвен. Там и выяснилось, что кровь — оленья. Рейдмахер спросил, убил ли он Джона Фьюри, и Эрл вроде бы ответил: «Ага. Я убил много людей. Застрелил их на войне». Он также сказал, что видел много чего в лесу. Синие огни, плавающие в нескольких дюймах над землей. Трупные огни, так он их называл. А еще снежного человека.

Его отправили в Бангорский психиатрический институт. Медицинское освидетельствование показало, что печень у него практически атрофировалась. Он пил растворитель для краски...

— Боже мой, — выдохнула Беверли.

— ...и подвержен галлюцинациям. Но они не отпускали Эрла, и еще тремя днями ранее Рейдмахер считал его главным подозреваемым. Восемь человек рылись на участке и в лачуге Эрла в поисках отрубленных голов, абажуров, сделанных из человеческой кожи, и еще бог знает чего...

Майк замолчал, наклонил голову, потом продолжил. Голос его чуть подсел.

— Я сдерживался и сдерживался. Но после последнего случая позвонил. И пожалел, что не сделал этого раньше.

— Выкладывай, — буркнул Бен.

— Следующей жертвой стал еще один ученик пятого класса. Учился вместе с Фьюри. Его нашли рядом с Канзас-стрит, около того места, где Билл прятал велосипед, когда мы играли в Пусто-

ши. Мальчика звали Джерри Беллвуд. Его разорвали на куски. То, что от него осталось, нашли у подножия бетонной стены, которую возвели чуть ли не вдоль всей Канзас-стрит лет двадцать назад, чтобы остановить почвенную эрозию. Это полицейская фотография участка стены, под которым нашли Беллвуда. Сделали ее менее чем через полчаса после того, как останки увезли.

Он передал фотографию Ричи Тозиеру, который, посмотрев, отдал ее Беверли. Она бросила на фотографию короткий взгляд, поморщилась, отдала Эдди, который долго и жадно смотрел на нее, прежде чем передать Бену. Бен протянул фотографию Биллу, лишь мельком взглянув на нее.

По бетонной стене тянулась надпись:

ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ
ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ

Билл мрачно посмотрел на Майка. Если раньше он испытывал замешательство и страх, то теперь ощутил первые шевеления злости. И обрадовался. Злость — не такое уж хорошее чувство, но все лучше, чем шок, лучше, чем безотчетный страх.

— Надпись сделана чем я и думаю?

— Да, — кивнул Майк. — Кровью Джерри Беллвуда.

5
Ричи бибикают

Майк собрал фотографии. Он предполагал, что Билл может попросить первую, с Джорджем, но Билл не попросил. Фотографии он убрал во внутренний карман, и едва они исчезли, все, в том числе и Майк, почувствовали облегчение.

— Девять детей, — говорила Беверли очень тихо. — Не могу в это поверить. То есть... я верю, но не могу поверить. Девять детей, и никакой реакции? Совершенно никакой?

— Не совсем так, — ответил Майк. — Люди раздражены, люди испуганы... или так кажется. Невозможно определить, когда человек проявляет истинные чувства, а когда только прикидывается.

— Прикидывается?

— Беверли, ты помнишь, когда мы были детьми, как ты кричала, зовя на помощь, а человек сложил газету и ушел в дом, когда?

На мгновение что-то проглянуло в ее глазах — ужас и воспоминания. Потом осталось только замешательство.

— Нет... когда это было, Майк?

— Не важно. Со временем все вернется. Теперь же я могу сказать следующее: внешне в Дерри все так, как и должно быть. Столкнувшись с чередой таких жутких убийств, люди делают все, что от них можно ожидать, и по большей части повторяют то, что делали в пятьдесят восьмом, когда дети сначала пропадали, а потом их находили убитыми. Вновь собирается комитет «Спасем наших детей», только не в средней школе Дерри, а в начальной. В городе работают шестнадцать детективов из прокуратуры штата и группа агентов ФБР. Я не знаю, сколько их, и думаю, Рейдмахер, пусть и пыжится, тоже этого не знает. Опять введен комендантский час...

— Да, комендантский час. — Бен медленно потирал шею. — Он творил чудеса в пятьдесят восьмом. Это я помню.

— ...и есть материнские группы сопровождения, стараниями которых каждого ребенка от первого до восьмого класса отводят из школы домой. За последние три недели редакция «Ньюс» получила две тысячи писем с требованием решить проблему. И, разумеется, люди начали уезжать из города. Я иногда думаю, это единственный способ определить, кто действительно хочет остановить убийства, а кто — нет. Те, кто искренне этого хотят, боятся и уезжают.

— Люди действительно уезжают? — спросил Ричи.

— Это случается всякий раз, когда начинаются убийства. Точно определить, сколько уезжает людей, невозможно, потому что с 1850-го или около того ровно в год убийства не укладываются. Но приблизительные расчеты есть. Они бегут, как дети, которые обнаружили, что в доме действительно обитают призраки.

— Возвращайтесь домой, возвращайтесь домой, возвращайтесь домой, — повторила Беверли, а когда оторвала взгляд от своих рук, посмотрела на Билла, а не на Майка. — Оно хотело, чтобы мы вернулись. Почему?

— Оно может хотеть, чтобы мы все вернулись. — Голос Майка прозвучал чуть резче. — Конечно, может. Оно, возможно, хочет отомстить. В конце концов, однажды мы заставили Оно отступить.

— Отомстить... а может, вернуть заведенный порядок, — внес другое предположение Билл.

Майк кивнул:

— Заведенный порядок ушел и из ваших жизней. Никто из вас не уехал из Дерри целым и невредимым... без отметины Оно. Все вы забыли случившееся здесь, и ваши воспоминания о том лете до сих пор отрывочные. И надо бы отметить еще один в определенной степени любопытный факт — вы все богаты.

— Да брось ты, — отмахнулся Ричи. — Едва ли это...

— Не кипятись, не кипятись. — Майк поднял руку, улыбнулся. — Я же ни в чем вас не обвиняю, только пытаюсь излагать факты. Вы богаты по меркам библиотекаря маленького городка, который в год получает чуть меньше одиннадцати штук после уплаты налогов, так?

Ричи неловко пожал плечами в дорогом костюме. Бен отрывал узенькие полоски от своей салфетки и, казалось, с головой погрузился в это занятие. Никто не смотрел на Майка, за исключением Билла.

— Никто из вас, конечно, и рядом не стоит с Г.Л. Хантом*, это точно, — продолжил Майк, — но вы зарабатываете очень неплохо даже по меркам американского верхнего среднего класса. Мы все здесь друзья, поэтому не кривите душой: пусть поднимут руку те, кто указал в налоговой декларации за 1984 год сумму меньше девяноста тысяч.

Они переглянулись, смущенно, чуть ли не виновато, как всегда случается с американцами, если им прямо указывают на их успешность: как будто деньги — сваренные вкрутую яйца; если съесть их слишком много, без пердежа не обойтись. Билл почувствовал, как кровь приливает к щекам и ничего не мог с этим поделать. Ему заплатили на десять тысяч больше упомянутой Майком суммы за первый вариант сценария «Комнаты на чердаке». Ему обещали заплатить по двадцать тысяч за каждую из двух доработок сценария, если они потребуются. Плюс еще роялти... и весомый задаток по только что подписанному контракту на две книги... и какую сумму он указал в налоговой декларации за 1984 год? Почти восемьсот тысяч долларов, так? Достаточную, чтобы она выглядела чудовищно большой в сравнении одиннадцатью тысячами годового дохода Майка Хэнлона.

---

* Хант, Гаролдсон Лафайет (1889—1974) — американский миллиардер.

«Значит, столько они платят тебе за то, чтобы маяк не погас, старина Майк, — подумал Билл. — *Господи Иисусе, в какой-то момент тебе определенно следовало попросить прибавку!»*

— Билл Денбро, — продолжал Майк, — успешный романист в обществе, где романисты наперечет, и только некоторые из них настолько удачливы, что полученных за продажу романов денег хватает на жизнь. Беверли Роган — дизайнер женской одежды. Этот бизнес притягивает многих, но чего-то добиться удается единицам. Ей удается. Если на то пошло, сейчас она — самый востребованный дизайнер в центральной трети этой страны.

— Это не моя заслуга. — Она нервно засмеялась, зажгла новую сигарету от дымящегося окурка предыдущей. — Это все Том. Только Том. Без него я бы ушивала блузки и подрубала подолы. У меня нет никакой деловой жилки, даже Том это говорит. Это только... вы понимаете, Том. И удача. — Она глубоко затянулась и тут же затушила сигарету.

— Моя думать, дама слишком уж протестовать, — лукаво заметил Ричи.

Она быстро повернулась к нему и одарила суровым взглядом. Кровь бросилась в лицо.

— И что ты хочешь этим сказать, Ричи Тозиер?

— Не бейте меня, миз Скавлет! — заверещал Ричи высоким, дрожащим Голосом Пиканинни, и в этот самый момент Билл с пугающей ясностью увидел мальчишку, которого знал; не ту оттесненную тень, что иной раз проступала сквозь взрослый образ Рича Тозиера, но человека, еще более реального, чем нынешний Ричи. — Не бейте меня! Позвольте мне пренисти вам исчо адин мятный джулеп*, миз Скавлет! Вы выпить его на крыльце, где чуть прохлаже! Не порите бедного малчыка!

— Ты ужасен, Ричи. — Голос Беверли звучал холодно. — Пора тебе повзрослеть.

Ричи посмотрел на нее, его улыбка медленно увяла, на лице отразилась неуверенность.

— Я думал, что повзрослел, пока не вернулся сюда.

— Рич, ты, возможно, самый успешный диджей Соединенных Штатов. — Майк продолжил тему. — Весь Лос-Анджелес кормится с твоей руки. Самые удачные у тебя две синдицированные програм-

* Джулеп — напиток из коньяка или виски с водой, сахаром, льдом и мятой.

мы, одна — Сорок лучших, вторая — что-то вроде Сорока бредовых...

— Думай, что говоришь, дурак, — заговорил Ричи Голосом мистера Ти*, но покраснел от удовольствия. — А не то поменяю тебе местами перед и зад. Проведу кулаком операцию на мозге. Я...

— Эдди, — Майк уже отвернулся от Ричи, — у тебя процветающая фирма по прокату лимузинов, и это в городе, где приходится расталкивать большие черные автомобили, переходя улицу. Каждую неделю в Большом Яблоке разоряются две компании по прокату лимузинов, но у тебя все прекрасно. Бен, ты, вероятно, лучший из молодых архитекторов во всем мире.

Бен открыл рот, возможно, чтобы запротестовать, и тут же резко закрыл.

Майк им всем улыбнулся, раскинул руки.

— Я никого не хочу смущать, но должен выложить все карты на стол. Есть люди, которые добиваются успеха молодыми, и есть люди, которые добиваются успеха в узких областях. Если бы таких людей не было, думаю, у всех давно бы опустились руки. Если бы такое произошло с кем-то одним из вас или двумя, мы могли бы списать это на совпадение. Но в нашем случае речь идет обо всех. Включая и Стэнли Уриса, который был самым успешным молодым бухгалтером в Атланте... то есть и на всем Юге. Мой вывод — ваш успех берет начало в том, что произошло здесь двадцать семь лет назад. Если б вы все надышались тогда асбестовой пыли и теперь у вас всех диагностировали бы рак легких, соотношение было бы не менее убедительным. Кто-нибудь хочет возразить?

Он смотрел на них. Они молчали.

— Со всеми понятно, кроме тебя, — наконец указал Билл. — Что случилось с тобой, Майки?

— Разве не очевидно? — он улыбнулся. — Я оставался здесь.

— Не давал погаснуть маяку, — добавил Бен. Билл вздрогнул, резко повернулся к нему, но Бен пристально смотрел на Майка и ничего не заметил. — И меня такой расклад не радует, Майк. Более того, при таком раскладе я чувствую себя говнюком.

— Аминь, — выдохнула Беверли.

Майк покачал головой:

---

* Мистер Ти (р. 1952 г., настоящее имя Лоренс Туро) — известный американский актер, которого помимо прочих достоинств отличают внушительные габариты.

— Вы не должны чувствовать за собой вину, никто. Или вы думаете, что я остался здесь по собственному выбору, точно так же, как вы, любой из вас, решил уехать? Черт, мы же были детьми. По той или иной причине ваши родители уехали из Дерри, а вас взяли с собой, как багаж. Мои родители остались. Это действительно был их выбор? Наши родители сами так решили? Не думаю. Кем принималось решение, кому уезжать, а кому оставаться? Решала удача? Судьба? Оно? Какая-то другая высшая сила? Не знаю. Но точно не мы. Поэтому нечего корить себя.

— Ты... не злишься? — застенчиво спросил Эдди.

— Я был слишком занят, чтобы злиться, — ответил Майк. — Долгое время я наблюдал и ждал... думаю, наблюдал и ждал задолго до того, как понял, что делаю, но последние пять лет или около того пребывал, можно сказать, в состоянии боевой готовности. С начала этого года я стал вести дневник. А когда человек пишет, он думает интенсивнее... а может, лучше сосредотачивается на главном. И когда я писал дневник, я среди прочего думал о природе Оно. Оно изменяется, мы это знаем. Я думаю, Оно манипулирует людьми и оставляет на людях свои отметины, только в силу того, что такая уж у Оно сущность — все равно что ты ощущаешь на себе запах скунса даже после того, как долго отмокал в ванне, если он «разрядился» где-то поблизости от тебя. Или как кузнечик метит твою ладонь, выделяя какую-то жижу, если ты его ловишь.

Майк медленно расстегнул рубашку, развел полы в сторону. На груди, между сосками, они увидели розовые загогулины шрамов на гладкой коричневой коже.

— Как когти оставляют шрамы.

— Оборотень. — Ричи едва не стонал. — Господи Иисусе, Большой Билл, оборотень! Когда мы пошли на Нейболт-стрит!

— Что? — спросил Билл. Голосом человека, вырванного из сна. — Что, Ричи?

— Ты не помнишь?

— Нет... а ты?

— Я... почти вспомнил... — Ричи замолчал, растерянный и испуганный.

— Ты говоришь, эта тварь — не зло? — спросил Майка Эдди. На шрамы он смотрел как зачарованный. — Что Оно — некая часть... естественного порядка?

— Оно — не часть того естественного порядка, который мы понимаем или оправдываем, — ответил Майк, застегивая рубаш-

ку, — и я считаю целесообразным исходить именно из того, что мы понимаем: Оно убивает, убивает детей, и это плохо. Билл понял это раньше нас. Ты помнишь, Билл?

— Я помню, что хотел убить Оно. — И впервые (с тех пор и до конца) услышал, что произнес это слово с большой буквы. — Но в мировом масштабе я сей предмет не рассматривал, если вы понимаете, о чем я... просто хотел убить Оно, потому что Оно убило Джорджа.

— И по-прежнему хочешь?

Билл тщательно обдумал вопрос. Посмотрел на свои руки, лежащие на столе, вспомнил Джорджа в желтом дождевике, с поднятым капюшоном, с бумажным корабликом, обмазанным парафином, в одной руке. Посмотрел на Майка.

— Е-еще больше, чем прежде.

Майк кивнул, словно именно это и ожидал услышать.

— Оно оставило отметину на каждом из нас. Оно подчиняло нас своей воле, как подчиняло весь город, изо дня в день, даже в те долгие периоды, когда спало или зимовало, или что там делало между... периодами большей активности. — Майк поднял палец. — Но если Оно подчиняло нас своей воле, мы, в свою очередь, воздействовали своей волей на Оно. Мы остановили Оно, оборвали цикл. Я знаю, мы это сделали. Мы напугали Оно? Нанесли болезненный удар? Я думаю, да. Я думаю, мы очень близко подошли к тому, чтобы убить Оно, раз уж решили, что убили.

— Но эту часть ты не помнишь, так? — спросил Бен.

— Нет. Я могу вспомнить все до четырнадцатого августа 1958 года, можно сказать, в мельчайших подробностях. Но с того дня и до четвертого сентября или около того, когда мы снова пошли в школу, — полная пустота. Нет даже смутных воспоминаний — все стерто. За одним исключением. Я вроде бы помню Билла, что-то кричащего о мертвых огнях.

Рука Билла судорожно дернулась. Задела одну из пустых бутылок, которая свалилась на пол и грохнула, как бомба.

— Ты поранился? — привстав, спросила Беверли.

— Нет, — ответил Билл. Хриплым, сухим голосом. Кожа покрылась мурашками. Череп будто увеличивался в размерах. Билл буквально почувствовал,

(*мертвые огни*)

как он все сильнее и сильнее растягивает кожу на лице.

— Я подниму...

— Нет, сядь. — Билл хотел посмотреть на нее и не смог. Не мог отвести глаз от Майка.

— Ты помнишь мертвые огни, Билл? — мягко спросил Майк.

— Нет. — Губы у него онемели, как случается, когда стоматолог чуть переусердствует с новокаином.

— Ты вспомнишь.

— Очень надеюсь, что нет.

— Все равно вспомнишь, — ответил Майк. — Но пока... нет. Я тоже не помню. А кто-нибудь из вас?

Все покачали головами.

— Но мы что-то сделали, — ровным тоном продолжил Майк. — В какой-то момент смогли создать что-то вроде групповой воли. В какой-то момент вышли на какой-то особый уровень взаимопонимания, сознательно или бессознательно. — Он нервно поерзал. — Господи, как же мне хочется, чтобы Стэн был с нами. У меня есть ощущение, что Стэн, с его склонностью к упорядоченности, смог бы выдвинуть какую-нибудь идею.

— Может, и смог бы, — кивнула Беверли. — Может, потому-то он и покончил с собой. Может, он понимал, что если и было какое-то волшебство, то для взрослых оно не сработает.

— А я думаю, что сработает, — возразил Майк. — Потому что у нас шестерых есть еще одна общая особенность. Любопытно, кто-нибудь понял, о чем я?

На этот раз Билл открыл рот — и тут же его закрыл.

— Ну же, — Майк смотрел на него. — Ты знаешь, что это. Я это вижу по твоему лицу.

— Не уверен, что знаю, — ответил Билл, — но думаю, что м-мы все бездетны. Это т-так?

Последовали мгновения изумленного молчания.

— Да, — кивнул Майк. — Так.

— Матерь Божья и все ангелы! — негодующе воскликнул Эдди. — И какое отношение имеет все это к цене фасоли в Перу? С чего ты решил, что у всех в этом мире должны быть дети? Это же бред!

— У вас есть дети? — спросил Майк.

— Если ты, как и говорил, не упускал нас из виду, то чертовски хорошо знаешь, что нет. Но я по-прежнему считаю, что это ничего не значит.

— Вы пытались зачать ребенка?

— Мы никогда не предохранялись, если ты об этом, — проговорил Эдди с трогательным достоинством, но щеки его заметно покраснели. — Так уж вышло, что моя жена немного... Черт. Она очень уж толстая. Мы ходили к врачу, и она сказала нам, что у моей жены, возможно, никогда не будет детей, если она не похудеет. Это что, преступление?

— Расслабься, Эдс, — вмешался Ричи, наклоняясь к нему.

— Не называй меня Эдсом и не вздумай ущипнуть за щеку! — взвился Эдди, поворачиваясь к Ричи. — Ты знаешь, я этого терпеть не могу. Никогда не мог!

Ричи отпрянул, моргая.

— Беверли? — спросил Майк. — Как насчет тебя и Тома?

— Детей нет, — ответила она. — И мы не предохраняемся. Том хочет детей... и я, разумеется, тоже, — торопливо добавила она, оглядев всех. Билл подумал, что глаза у нее очень уж блестят. Как у актрисы, старающейся хорошо сыграть. — Просто пока не получалось.

— Ты проходила эти обследования? — спросил Бен.

— Да, конечно. — С губ Беверли сорвался легкий смешок, больше похожий на хихиканье. И тут на Билла снизошло озарение, как иногда случается с людьми любопытными и проницательными: внезапно он многое уяснил о Беверли и ее муже Томе, он же самый чудесный человек во всем мире. Беверли сдала все необходимые анализы и прошла все обследования. Но он предположил, что этот чудесный человек, ее муж, с порога отверг мысль о том, что со спермой, выработанной в священных яичках, может быть что-то не так.

— Как насчет тебя и твоей жены, Большой Билл? — спросил Ричи. — Вы пытались? — Они все с любопытством смотрели на него... потому что знали его жену. Конечно, Одра не была самой известной или самой обожаемой актрисой этого мира, но занимала определенное место в иерархии знаменитостей, которая каким-то образом подменила талант, став средством расчета во второй половине двадцатого столетия; ее фотография появилась в журнале «Пипл», когда она носила короткую стрижку, и по ходу довольно-таки долгого и скучного пребывания в Нью-Йорке (пьеса, в которой она собиралась сыграть, провалилась) она приняла участие в телешоу «Голливудские пятнашки», несмотря на категоричные воз-

ражения ее агента. Она была незнакомкой со знакомым им всем очаровательным личиком. Биллу показалось, что больше всего его ответ интересует Беверли.

— В последние шесть лет мы периодически пытались, — ответил Билл. — Последние восемь месяцев, плюс-минус — нет, потому что участвуем в съемках фильма. Он называется «Комната на чердаке».

— Знаешь, у нас есть ежедневная короткая развлекательная программа, которая начинается в пять пятнадцать пополудни, а заканчивается в половине шестого, — прервал его Ричи. — «Встреча со звездами». Так на прошлой неделе они посвятили один выпуск этому чертову фильму — «Муж и жена с радостью работают вместе»... что-то в этом роде. Упомянули ваши имена и фамилии, но я не связал одно с другим. Забавно, не правда ли?

— Очень, — ответил Билл. — В любом случае, Одра сказала, что нам крепко не повезет, если она забеременеет в период подготовки к съемкам, а потом ей придется десять недель напрягаться на съемочной площадке и блевать по утрам. Но да, мы хотим детей. И мы пытались.

— Обследовались? — спросил Бен.

— Да. Четыре года назад, в Нью-Йорке. Врачи обнаружили у Одры маленькую доброкачественную опухоль матки и сказали, что нам повезло, потому что опухоль не помешала бы Одре забеременеть, но могла привести к внематочной беременности. Ни у меня, ни у нее детородная функция не нарушена.

— Это ни черта не доказывает, — упрямился Эдди.

— Но предполагает, — пробормотал Бен.

— По твоей части никаких происшествий, Бен? — спросил Билл и чуть не рассмеялся, когда понял, что вместо Бена едва не произнес Стог.

— Я ни разу не был женат и всегда соблюдал осторожность, поэтому судебных исков по признанию меня отцом никто не подавал, — ответил Бен. — Больше не знаю, что и сказать.

— Хотите услышать веселую историю? — спросил Ричи. Он улыбался, но глаз эта улыбка не затрагивала.

— Конечно, — кивнул Билл. — Веселенькое у тебя всегда хорошо получалось.

— Твое лицо что моя жопа, дружок, — сказал Ричи Голосом ирландского копа. Характерным Голосом ирландского копа. «С *Голо-*

сами у тебя гораздо лучше, Ричи, — подумал Билл. — *Мальчишкой ты не мог изобразить ирландского копа, как ни старался. Только однажды... или дважды... когда...*

(мертвые огни)

так когда же?»

— Твое лицо что моя жопа, — повторил Ричи. — Просто не забывай об этом, мой юный друг.

Бен Хэнском внезапно зажал себе нос и прокричал пронзительным, вибрирующим мальчишеским голосом: «Бип-бип, Ричи! Бип-бип! Бип-бип!»

Мгновение спустя Эдди тоже зажал нос и присоединился к Бену. Его примеру последовала Беверли.

— Хорошо! Хорошо! — смеясь, воскликнул Ричи. — Хорошо, сдаюсь! Господи!

— Да уж. — Эдди откинулся на спинку стула, хохоча до слез. — На этот раз мы прищучили тебя, Балабол. Молодец, Бен.

Бен улыбался, но на лице отражалось некоторое недоумение.

— Бип-бип, — повторила Бев и хихикнула. — Я об этом совсем забыла. Мы всегда бибикали тебе, Ричи.

— Вы просто не могли оценить истинный талант, — добродушно ответил Ричи. Как и в прежние времена, ты мог сбить его с ног, но он тут же поднимался вновь, будто надувная кукла-неваляшка с насыпанным в нижней части песком, изображающая легендарного Джо Палуку*. — Это был твой очередной взнос в Клуб неудачников, верно, Стог?

— Да, пожалуй, что так.

— Какой молодчина! — В голосе Ричи слышался благоговейный восторг, и тут же он начал отбивать поклоны прямо за столом: каждый раз при наклоне едва не тыкался носом в чашку с чаем. — Какой молодчина! Дети, какой молодчина!

— Бип-бип, Ричи, — серьезным тоном произнес Бен и тут же взорвался смехом, столь непохожим на его дребезжащий мальчишечий голос. — Ты все тот же Дорожный Бегун**.

— Так хотите вы слушать историю или нет? — спросил Ричи. — Я хочу сказать, особой разницы не будет. Бибикайте, если есть на то желание. Я умею сносить оскорбления. Я хочу сказать, перед

---

* Джо Палука — герой комиксов, большой и неуязвимый.

** Дорожный Бегун — персонаж мультфильмов.

вами сидит человек, который однажды взял интервью у Оззи Осборна*.

— Рассказывай, — предложил ему Билл, глянул на Майка и увидел, что тот определенно повеселел (и заметно успокоился) в сравнении с началом ленча. Произошло это потому, что он увидел, как почти подсознательно (и очень легко) они входят в старые роли, чего практически никогда не случается при встрече давних друзей после многолетней разлуки. Билл подумал, что причина именно в этом. И еще он подумал: «*Если и существуют необходимые условия, выполнение которых позволяет воспользоваться магией, то, возможно, за этим ленчем они и выполняются, независимо от нас*». Мысль эта не особо радовала. Он чувствовал себя человеком, привязанным к боеголовке управляемой ракеты.

Действительно, бип-бип.

— Что ж, — начал Ричи, — я мог бы предложить вам долгий и грустный вариант или короткий вроде стрипа «Блонди и Дэгвуд», но, пожалуй, остановлюсь на чем-то среднем. Через год после переезда в Калифорнию я встретил девушку, и мы влюбились друг в друга. Стали жить вместе. Сначала она принимала противозачаточные таблетки, но от них ее все время тошнило. Она говорила о том, чтобы вставить спираль, но я ее в этом не очень-то поддерживал — в газетах как раз начали появляться статьи, что этот метод контрацепции опасен для здоровья.

Мы много говорили о детях и сошлись на том, что не хотим их, даже если примем решение узаконить наши отношения. Безответственно приносить детей в такой говенный, опасный, перенаселенный мир... и бла-бла-бла, бла-бла-бла, давай подложим бомбу в мужской туалет в здании Банка Америки, вернемся в нашу квартиру, покурим травку и поговорим о различиях между маоизмом и троцкизмом. Вы понимаете, о чем я.

А может, я очень уж сильно наезжаю на нас обоих. Черт, мы были молоды и достаточно идеалистичны. Короче, я перерезал семявыводящие протоки, как это говорят обитатели Беверли-Хиллс со свойственным им вульгарным шиком. Операция прошла без проблем и послеоперационных осложнений. Такое случается, знаете ли. У одного моего приятеля яйца раздулись до размера покрышек «ка-

* Среди прочего Осборн (р. 1948, настоящее имя Джон Майкл Осборн) славится скверным характером и склонностью щедро пересыпать речь ругательствами.

диллака» модели 1959 года. Я собирался подарить ему подтяжки и пару бочек на день рождения — этакий эксклюзивный грыжевой бандаж... но они успели уменьшиться до того.

— Чувствуются присущие тебе такт и благородство, — заметил Билл, и Беверли опять начала смеяться.

Ричи ответил широкой, искренней улыбкой.

— Спасибо тебе, Билл, за слова поддержки. Слово «fuck» встречается в твоей последней книге двести шесть раз. Я считал.

— Бип-бип, Балабол, — серьезным голосом ответил Билл, и все рассмеялись. Биллу уже и не верилось, что всего десять минут назад они говорили об убитых детях.

— Продолжай, Ричи, — вмешался Бен. — Твоя история затягивается.

— Мы с Сэнди прожили два с половиной года. Дважды вплотную подходили к тому, чтобы пожениться. Судя по тому, как все обернулось, избавили себя от головной боли и суеты, связанной с разводом. Ей предложили работу в корпоративной юридической фирме в Вашингтоне примерно в то же время, когда я получил предложение от радиостанции КЛАД поработать диджеем по выходным. Не так чтобы много, но дверь для меня уже приоткрылась. Она сказала, что это ее большой шанс, а я — самый отъявленный мужской шовинист Соединенных Штатов, раз хочу ее остановить, да и вообще она по горло сыта Калифорнией. Я ответил ей, что это и мой шанс. Мы полаялись, потом снова полаялись, и в итоге Сэнди уехала.

Где-то через год после этого я решил сделать обратную вазэктомию. Без особой на то причины, и я читал, что шансы минимальны, но подумал: а почему нет?

— Ты с кем-то постоянно встречался? — спросил Билл.

— Нет — и это самое смешное. — Ричи нахмурился. — Просто однажды проснулся... ну, не знаю, с мыслью, что это надо сделать.

— Ты, должно быть, рехнулся. — Эдди покачал головой. — Общий наркоз вместо местного? Настоящая хирургическая операция? И потом неделя в больнице?

— Да, врач мне все это говорил, — ответил Ричи. — А я ответил, что все равно хочу. Не знаю почему. Док спросил, понимаю ли я, что после операции меня довольно долго будут мучить боли, а результат — пятьдесят на пятьдесят в лучшем случае. Я ответил, что да. Он согласился провести операцию, и я спросил: когда? Сами

знаете, мой принцип — чем быстрее, тем лучше. Не гони лошадей сынок, не гони, услышал я от него. Первый шаг — взять образец спермы, чтобы убедиться в необходимости операции. «Да бросьте, — отмахнулся я. — Мне делали анализ после вазэктомии. Никаких сперматозоидов». Он мне сказал, что иногда семявыводящие протоки восстанавливаются сами собой. «Да ладно! — говорю я ему. — Впервые об этом слышу». Он сказал, что шансы очень малы, практически ничтожны, но, поскольку операция такая сложная, мы должны это проверить. И я отправился в мужской туалет с каталогом «Фредерикс оф Голливуд»*, чтобы погонять шкурку и спустить в пластиковый стаканчик...

— Бип-бип, Ричи, — прервала его Беверли.

— Да, ты права, — кивнул Ричи. — Каталог «Фредерикс» — это ложь. Его не найти в клинике. В любом случае док позвонил мне через три дня и спросил, какую новость я хочу услышать первой, хорошую или плохую.

«Начнем с хорошей», — ответил я.

«Хорошая новость — в операции нет необходимости, — услышал я. — Плохая — если какая-нибудь женщина, с которой вы спали в последние два или три года подаст иск о признании вас отцом, иск этот скорее всего удовлетворят».

«Вы говорите мне то самое, о чем я думаю?» — спросил я его.

«Я говорю вам, что ваша сперма способна к оплодотворению, и случилось это не сегодня. В вашем образце миллионы маленьких «червячков». Короче, дни, когда вы могли не тревожиться о том, что ваши игры могут закончиться появлением на свет ребенка, закончились, Ричард».

Я поблагодарил его и повесил трубку. Потом позвонил Сэнди в Вашингтон.

«Рич! — говорит она мне, и голос Ричи внезапно стал голосом этой самой Сэнди, с которой никто из них никогда не встречался. Не имитацией, не подобием — ее настоящим голосом. — Как приятно тебя слышать. Я вышла замуж».

«Да, это здорово, — ответил я. — Тебе следовало дать мне знать. Я бы прислал тебе блендер».

«Все тот же Ричи, такой же шутник», — сказала она.

---

* «Фредерикс оф Голливуд» — известная компания по производству нижнего женского белья.

«Конечно, все тот же Ричи, такой же шутник, — подтвердил я. — Между прочим, Сэнди, ты никого не родила после отъезда из Лос-Анджелеса? И выкидышей у тебя не было?»

«Это шутка совсем не смешная, Ричи», — услышал я и почувствовал, что она сейчас бросит трубку, поэтому рассказал ей, что случилось. Она снова начала смеяться, только на этот раз просто зашлась смехом, смеялась, как я всегда смеялся с вами, будто кто-то рассказал самую веселую шутку в мире. Когда же смех начал затихать, я спросил, что такого забавного она нашла в моих словах. «Это просто чудесно. На сей раз посмешище — ты. После стольких лет Ричи Тозиер наконец-то стал посмешищем. И сколько маленьких говнюков ты зачал после того, как я уехала на восток, Рич?»

«Как я понимаю, сие означает, что ты еще не познала радостей материнства?» — спрашиваю я ее.

«Я должна родить в июле, — отвечает она. — Еще вопросы есть?»

«Да, — говорю я. — Когда ты отказалась от мысли, что приносить детей в этот говенный мир аморально?»

«Когда встретила мужчину, который не говно», — отвечает она и бросает трубку.

Билл расхохотался. Смеялся, пока по щекам не покатились слезы.

— Я думаю, она так быстро бросила трубку, чтобы последнее слово осталось за ней, — продолжил Ричи, — а потом, возможно, целый день ждала, что я позвоню еще раз. Но я умею признавать поражение. Неделей позже я пошел к врачу и попросил рассказать подробнее, каковы шансы на самопроизвольное восстановление семявыводящих протоков. Он сказал, что говорил об этом с некоторыми из своих коллег. Как выяснилось, за трехлетний период, с восьмидесятого по восемьдесят второй год, калифорнийское отделение А-эм-а* получило двадцать три отчета о самопроизвольном восстановлении семявыводящих протоков. Шесть случаев признаны результатом неудачной вазэктомии. Еще в шести выявлено мошенничество — парни хотели отхватить кусок от банковского счета врачей. Поэтому... одиннадцать случаев за три года.

— Одиннадцать из скольких? — спросила Беверли.

---

* АМА — Американская медицинская ассоциация, профессиональная организация частнопрактикующих врачей, объединяющая врачей штатов и округов.

— Из двадцати восьми тысяч шестисот восемнадцати, — ответил Ричи.

За столом воцарилась тишина.

— То есть шанс на выигрыш в «Ирландскую лотерею» и то больше, но при этом никаких детей. Есть повод поржать, Эдс?

— Все равно это ничего не доказывает... — забубнил свое Эдди.

— Да, не доказывает, — согласился Билл, — но предполагает определенную связь. Вопрос в том, что нам теперь делать? Ты об этом думал, Майк?

— Конечно же, думал, — ответил Майк, — но не мог делать какие-то выводы до тех пор, пока вы все не соберетесь и не поговорите, что теперь и произошло. Я не мог предположить, как пройдет наша встреча, пока мы все не собрались вместе.

Он долго молчал, задумчиво обводя взглядом сидящих за столом.

— Одна идея у меня есть, но прежде чем я ее озвучу, думаю, мы все должны решить, есть у нас тут общее дело или нет. Попытаемся мы вновь сделать то, что уже пытались? Хотим мы вновь попытаться убить Оно? Или просто разделим счет на шестерых и вернемся к тому, чем занимались и прежде?

— Похоже... — начала Беверли, но Майк покачал головой, показывая, что не закончил.

— Вы должны понимать, что предсказать наши шансы на успех невозможно. Я знаю, они не так хороши, как и знаю, что они бы повысились, будь с нами Стэн. Все равно остались бы не так хороши, но выше, чем сейчас. Со смертью Стэна созданный нами круг разомкнулся. Если на то пошло, я не думаю, что с разомкнутым кругом мы сможем уничтожить Оно или даже на какое-то время куда-то загнать, как нам удалось в прошлый раз. Я думаю, Оно убьет нас всех, одного за другим, и, вероятно, смерть каждого будет ужасной и мучительной. Детьми мы создали магический круг, пусть я даже сейчас не понимаю, как нам это удалось. Думаю, если мы совместно решим продолжить начатое, нам придется попытаться сформировать новый круг, поменьше, но я не знаю, удастся ли это нам. Я даже думаю, что мы, возможно, решим, что создали его, а потом выяснится, что это не так... когда будет слишком поздно... ну... выяснится это слишком поздно.

Майк вновь оглядел их усталыми, глубоко запавшими на коричневом лице глазами.

— Я думаю, что мы должны проголосовать. Остаемся мы здесь и предпринимаем вторую попытку или разъезжаемся по домам. Третьего не дано. Я призвал вас сюда силой давнего обещания, хотя сомневался, что вы его помните, но не могу удерживать вас здесь лишь этим обещанием. Все будет только хуже и скорее всего плачевнее.

Он посмотрел на Билла, и тот понял, что близится момент, которого он страшился больше всего, но не мог предотвратить, а потом, с чувством облегчения, которое, возможно, испытывает самоубийца, убирая руки с руля быстро несущегося автомобиля и поднимая для того, чтобы закрыть глаза, смирился с приходом этого момента. Майк собрал их здесь, Майк изложил все факты... а теперь снимал с себя мантию лидера. Намеревался вернуть эту мантию тому, кто носил ее в 1958 году.

— Что скажешь, Большой Билл? Огласи вопрос.

— Прежде чем я это сделаю, хочу у-узнать, все ли понимают вопрос. Ты хотела что-то сказать, Бев.

Она покачала головой.

— Хорошо. По-олагаю, вопрос таков: мы остаемся и сражаемся или забываем об этой истории? Кто за то, чтобы остаться?

Секунд на пять сидящие за столом застыли как изваяния, и Биллу вспомнились аукционы, где он бывал, в те моменты, когда цена лота неожиданно взлетала на заоблачную высоту, и те, кто не хотел участвовать в торговле, замирали: боялись почесаться или согнать муху с кончика носа из опасения, что аукционист воспримет это телодвижение как команду поднять цену еще на пять или двадцать пять «штук».

Билл подумал о Джорджи, который никому не сделал зла и только хотел выбраться из дома после того, как просидел в нем целую неделю, о Джорджи с раскрасневшимися щеками, с бумажным корабликом в одной руке, застегивающим пуговицы дождевика другой, о Джорджи, благодарящем его... а потом наклоняющемся и целующем в еще горящую от температуры щеку: «Спасибо, Билл. Классный кораблик».

Он почувствовал, как в нем поднимается прежняя ярость, но теперь он стал старше и смотрел на все шире. Речь шла не только о Джорджи. Ужасная колонна имен промаршировала у него в голове: Бетти Рипсом, найденная вмерзшей в землю, Черил Ламоника, выловленная из Кендускига, Мэттью Клементс, сдернутый с трех-

колесного велосипеда, Вероника Грогэн, девятилетняя, найденная в водостоке, Стивен Джонсон, Лайза Альбрехт, все прочие, и бог знает столько пропавших без вести.

Он медленно поднял руку.

— Давайте убьем Оно. На этот раз — давайте действительно убьем.

На мгновение его поднятая рука оставалась в одиночестве, как рука единственного ученика в классе, который знает правильный ответ, того самого, которого ненавидят все остальные дети. Потом Ричи вздохнул и поднял руку со словами: «Какого черта. Не может это быть хуже интервью с Оззи Осборном».

Беверли подняла руку. На лицо вернулся румянец, красными пятнами, разбросанными по скулам. Выглядела она невероятно возбужденной и испуганной до смерти.

Майк поднял руку.

Бен.

Эдди Каспбрэк сидел, вжавшись в спинку стула, и выглядел так, словно хотел раствориться в ней и исчезнуть. Лицо его, тонкое, с мелкими чертами, лучилось страхом, когда он посмотрел сначала направо, потом налево, вновь на Билла. На мгновение Билл уже решил, что Эдди сейчас отодвинет стул, встанет и, не оглянувшись, выскочит за дверь. Потом он поднял одну руку, а другой схватился за ингалятор.

— Молодчина, Эдс, — похвалил его Ричи. — Готов спорить, на этот раз ржачек у нас будет предостаточно.

— Бип-бип, Ричи, — просипел Эдди.

6

Неудачникам приносят десерт

— Так какая у тебя идея, Майк? — спросил Билл. Напряжение разрядила Роуз, встречавшая их в вестибюле ресторана. Она принесла вазочку с печеньем счастья*. С любопытством посмотрела на шестерых людей, каждый из которых сидел с поднятой рукой. Руки

* Печенье счастья (печенье с сюрпризом) — сухое печенье, внутри которого спрятано послание: полоска бумаги с пословицей, забавной фразой, предсказанием судьбы.

они торопливо опустили, но никто не произнес ни слова, пока за Роуз не закрылась дверь.

— Идея достаточно простая, — ответил Майк, — но, возможно, и опасная.

— Выкладывай, — предложил Ричи.

— Думаю, остаток дня мы должны провести порознь. Каждому из нас следует пойти в ту часть Дерри, которую он или она помнит лучше всего... только не в Пустошь. Не думаю, что кому-то из нас стоит идти туда... пока. Если хотите, представьте это себе как пешие экскурсии.

— Какова цель, Майк? — спросил Бен.

— Точно не знаю. Вы должны понимать, что основываюсь я исключительно на интуиции...

— В этом ритме что-то есть — не позволит нам присесть, — откликнулся Ричи.

Остальные улыбнулись. Все, кроме Майка, — тот лишь кивнул.

— Можно сказать и так. Руководствоваться интуицией — все равно что подобрать ритм и танцевать под него. Взрослым пользоваться интуицией трудно, и это главная причина, убеждающая меня, что именно так мы и должны поступить. В конце концов, дети в своем поведении на восемьдесят процентов основываются на интуиции, во всяком случае, где-то до четырнадцати лет.

— Ты говоришь о том, чтобы вновь врубиться в ситуацию, — уточнил Эдди.

— Пожалуй. Моя идея в этом. Если у вас нет какого-то особого места, просто доверьтесь ногам и посмотрите, куда они вас приведут. Потом мы встретимся вечером в библиотеке и поговорим о том, что случилось.

— Если что-то случится, — пожал плечами Бен.

— Я думаю, что случится.

— Что именно? — спросил Билл.

Майк покачал головой:

— Понятия не имею. Но думаю, если что и случится, то неприятное. Думаю, вполне возможно, что один из нас не появится вечером в библиотеке. Нет причин так думать... если не считать интуиции.

Ответом стала долгая пауза.

— Почему поодиночке? — наконец спросила Беверли. — Если мы должны сделать это вместе, почему ты хочешь, чтобы мы ушли

отсюда по одному, Майк? Особенно, если риск, судя по твоим предположениям, так велик?

— Думаю, я могу ответить на этот вопрос, — подал голос Билл.

— Говори, Билл, — кивнул Майк.

— Каждый из нас столкнулся с этим сам по себе. — Билл смотрел на Беверли. — Я не помню все — пока не помню, но помню многое. Фотографию в комнате Джорджи, которая пришла в движение. Мумию Бена. Прокаженного, которого Эдди увидел под крыльцом на Нейболт-стрит. Майк обнаружил кровь на траве около Канала в Бэсси-парк. И птица... была какая-то птица, верно, Майк?

Майк мрачно кивнул.

— Большая птица.

— Но не такая дружелюбная, как с улицы Сезам?

Ричи нервно хохотнул.

— Ответ Дерри на «Джеймс Браун* выдает классный прикол»! Дети мои, мы благословлены или мы прокляты?

— Бип-бип, Ричи, — осадил его Майк, и Ричи затих.

— Для тебя это был голос из канализационной трубы и кровь, выплеснувшаяся из сливного отверстия, — повернулся Билл к Беверли. — А для Ричи... — Он замолчал в недоумении.

— Вероятно, я — исключение, подтверждающее правило, Большой Билл, — заполнил паузу Ричи. — В то лето я столкнулся с чем-то странным, странным по-крупному, в комнате Джорджа, вместе с тобой. Мы тогда пришли в твой дом и заглянули в его альбом с фотографиями. И фотография Центральной улицы у Канала вдруг ожила. Ты помнишь?

— Да, — кивнул Билл. — Но ты уверен, что раньше ничего не было, Ричи? Совсем ничего?

— Я... — Что-то мелькнуло в глазах Ричи. Он продолжил медленно. — Как-то раз Генри и его дружки погнались за мной... незадолго до окончания учебного года, и я оторвался от них в отделе игрушек Универмага Фриза. Я пошел к Городскому центру, посидел на лавочке в парке и подумал, что увидел... но возможно, мне это только померещилось.

---

* Браун Джеймс Джóзеф мл. (1933—2006) — американский певец, признанный одной из самых влиятельных фигур в поп-музыке XX века.

— Что именно? — спросила Беверли.

— Ничего, — ответил Ричи почти что грубо. — Померещилось. Действительно. — Он посмотрел на Майка. — Я не возражаю против прогулки. Позволит убить время. Свидание с родными местами.

— Так мы договорились? — спросил Билл.

Все кивнули.

— А потом встретимся в библиотеке в... в котором часу, Майк?

— В семь вечера. Нажмите на кнопку звонка, если опоздаете. До начала летних каникул по будням библиотека закрывается в семь часов.

— В семь так в семь. — Билл вновь обвел всех взглядом. — И будьте осторожны. Постоянно помните: никто из нас на самом деле не знает, что мы де-е-елаем. Считайте, что это разведка. Если что-то увидите, в бой не вступайте. Бегите.

— «Я влюбленный — не задира», — прокомментировал Ричи мечтательным Голосом Майкла Джексона.

— Что ж, если уж мы собираемся это сделать, то пора начинать. — Легкая улыбка приподняла левый уголок рта Бена. Скорее горькая, чем веселая. — Хотя будь я проклят, если скажу в эту самую минуту, куда собираюсь пойти, раз уж Пустошь под запретом. Там мне было лучше всего... там — и с вами. — Взгляд его переместился к Беверли, задержался на мгновение и сдвинулся. — Я не могу назвать другого места, которое так много значит для меня. Вероятно, я просто поброжу пару часов, посмотрю на здания и промочу ноги.

— Ты найдешь, куда пойти, Стог, — возразил Ричи. — Посети магазины, где ты покупал еду, и подзаправься.

Бен рассмеялся:

— В одиннадцать лет я мог съесть гораздо больше, а сейчас так наелся, что вы можете выкатить меня отсюда.

— Что ж, я готов, — сказал Эдди.

— Секундочку! — воскликнула Беверли, когда они начали отодвигать стулья от стола. — Печенье счастья. Не забудьте про него.

— Да, — кивнул Ричи, — я могу представить себе, что найду в моем. «СКОРО ТЕБЯ СЪЕСТ БОЛЬШОЙ МОНСТР. ХОРОШЕГО ТЕБЕ ДНЯ».

Они рассмеялись, и Майк передал вазочку с печеньем счастья Ричи, тот взял одно и пустил вазочку по кругу. Билл заметил, что никто не разломал печенье, взяв его из вазочки; они сидели, держа маленькие, в форме шляпы, печенюшки в руках или положив на

стол перед собой, и когда Беверли, все еще улыбаясь, подняла с тарелки свое печенье, Билл почувствовал, что из груди рванулся крик: *«Нет! Нет, не делай этого, не надо, положи обратно, не ломай!»*

Но он опоздал. Беверли разломила печенье, за ней — Бен, Эдди отковыривал кусочек вилкой, и буквально за миг до того, как улыбка Беверли сменилась гримасой ужаса, Билл успел подумать: *«Мы знали, каким-то образом мы знали. Потому что никто не надкусил печенье счастья. Так делается всегда, но никто из нас этого не сделал. Как-то, какая-то наша часть по-прежнему помнит... все»*.

И обнаружил, что это подспудное знание ужасало больше всего; куда более красноречиво, чем Майк, это объясняло, сколь глубокую отметину оставило Оно на каждом из них... и отметина эта никуда не делась и поныне.

Кровь выплеснулась из печенья счастья Беверли, как из взрезанной артерии. Потекла по руке, потом на белую скатерть на столе, образовала на ней ярко-красное пятно, которое тут же выбросило в разные стороны жадные розовые отростки.

Эдди Каспбрэк издал сдавленный крик и так резко отодвинулся от стола, что едва не перевернулся вместе со стулом. Огромное насекомое, с хитиновым желтовато-коричневым уродливым панцирем, вылезало из его печенья счастья, как из кокона. Обсидиановые глаза слепо смотрели перед собой. Когда насекомое выбралось на тарелочку для хлеба, крошки дождем посыпались с его спины. Шум этот Билл ясно расслышал, и потом услышал еще раз, в своих снах, когда прилег вздремнуть во второй половине этого дня. Полностью освободившись, насекомое с сухим скрежетом потерло тонкие задние лапки, и Билл понял, что перед ними жуткий сверчок-мутант. Он доковылял до края тарелки и свалился с нее, упал на спину.

— Господи! — просипел Ричи. — Господи, Большой Билл, это глаз, дорогой Боже, это глаз, гребаный глаз...

Билл резко повернул голову и увидел, что Ричи смотрит на печенье счастья, губы его оттянулись, обнажив зубы в пугающей ухмылке. Кусочек печенья лежал на скатерти, из дыры пристально смотрел человеческий глаз, с россыпью крохотных крошек на карей радужке и белке.

Бен Хэнском отбросил свое печенье, не намеренно, а от неожиданности, как человек, внезапно обнаруживший, что держал в руке какую-то мерзость. А пока его печенье счастья катилось по столу,

Билл увидел внутри два зуба, корни которых потемнели от запекшейся крови. Они торчали вместе, как семена во внутренней полости тыквы.

Билл снова посмотрел на Беверли, и увидел, что она втягивает в себя воздух, чтобы закричать. Ее взгляд не отрывался от насекомого, которое выползло из печенья Эдди: эта тварь, по-прежнему лежа на спине, теперь вяло шевелила лапками.

Билл уже не сидел на месте. Он не думал — только реагировал. «*Интуиция*, — мелькнула мысль в тот самый момент, когда он вскочил со стула и рукой зажал рот за мгновение до ее крика. — *Вот я какой, действую интуитивно. Майк может мной гордиться*».

Так что изо рта Беверли вырвался не крик, а сдавленное: «*М-м-м-м!*»

Эдди издавал свистящие звуки, которые Билл хорошо помнил. Но полагал, что проблемы в этом нет: один впрыск из сосалки для легких, и все у Эдди будет хорошо. Все будет идеально, как сказал бы Фредди Файрстоун, и Билл задался вопросом — не в первый раз, — почему у человека в такие моменты возникают столь странные мысли.

Он торопливо оглядел остальных, и что-то еще вдруг вернулось из того лета, что-то, прозвучавшее необычайно архаично, но совершенно уместно:

— Ни гу-гу! Вы все! Ни гу-гу! Просто молчите!

Ричи прошелся рукой по рту. Лицо Майка стало грязно-серым, но он кивнул Биллу. Все они отодвинулись от стола. Билл еще не вскрыл свое печенье счастья, но теперь видел, что его боковинки шевелятся — раздуваются и сдуваются, раздуваются и сдуваются, раздуваются и сдуваются — словно внутри кто-то сидит и пытается вырваться из заточения.

— М-м-м-м-м! — Дыхание Бев щекотало ему ладонь.

— Ни гу-гу, Беверли, — с этими словами он убрал руку.

Ее глаза, казалось, заняли все лицо. Рот дернулся.

— Билл... Билл, ты видел... — Взгляд Беверли сместился на сверчка и задержался на нем. Насекомое, похоже, умирало. Его шероховатые глаза посмотрели на Беверли, и та застонала.

— П-п-прекрати, — строго потребовал Билл — Придвигайся к столу.

— Я не могу, Билли, не могу прибли...

— Можешь! Ты до-олжна! — Он услышал шаги, легкие и быстрые, приближающиеся по коридору с другой стороны бисерной занавески. Оглядел остальных. — Вы все! Придвиньтесь к столу! Разговаривайте! Держитесь естественно!

Беверли взглянула на него, в глазах застыла мольба, но Билл покачал головой. Сел и придвинул стул к столу, стараясь не смотреть на печенье счастья, которое лежало на его тарелке. Оно раздулось, будто нарыв, который все наполнялся и наполнялся гноем, но при этом продолжал медленно пульсировать, разжимался и сжимался. «*А ведь я мог его надкусить*», — с ужасом подумал Билл.

Эдди вновь нажал на клапан ингалятора, с долгим хрипящим звуком втягивая в легкие очередную порцию живительного тумана.

— Так кто, по-твоему, станет чемпионом? — спросил Билл Майка, лицо его перекосила дикая гримаса. В этот самый момент Роуз прошла сквозь занавеску, в глазах читался вопрос. Краем глаза Билл заметил, что Беверли придвинулась к столу. «*Умница*», — подумал он.

— Думаю, отличные шансы у «Чикагских медведей», — ответил Майк.

— Все хорошо? — спросила Роуз.

— О-отлично, — ответил Билл. Указал на Эдди. — У нашего друга был приступ астмы. Он принял лекарство. Теперь ему получше.

Роуз в тревоге посмотрела на Эдди.

— Получше, — просипел тот.

— Мне убрать со стола?

— Чуть позже, — ответил Майк и натужно улыбнулся.

— Все было хорошо? — Роуз оглядела стол, в голосе слышалось сомнение. Она не видела ни сверчка, ни глаза, ни зубов, ни дыхания печенья счастья Билла. Ее взгляд безразлично прошелся и по пятну крови на скатерти.

— Все было очень хорошо, — ответила Беверли и улыбнулась, куда более естественно, чем Билл или Майк. И ее улыбка успокоила Роуз, убедила — если что-то и не в порядке, то в этом нет вины ни обслуживающего персонала, ни кухни. «*У девочки крепкий характер*», — подумал Билл.

— Предсказания понравились? — спросила Роуз.

— Не могу говорить за остальных, — ответил Ричи, — но мое попало не в бровь, а в глаз.

Билл услышал царапанье. Посмотрел на свою тарелку, увидел ножку, пробившую стенку печенья счастья. Она скреблась по поверхности тарелки.

«*Я мог бы его надкусить*», — вновь подумал он, но продолжал улыбаться.

— Очень. — Он вновь перевел взгляд на Роуз.

Ричи смотрел на тарелку Билла. Большущая серо-черная муха выползала из рушащегося под ее напором печенья. Она едва слышно жужжала. Из печенья также вытекала желтоватая слизь, собиралась лужицей. Появился и запах, тяжелый, густой запах воспаленной раны.

— Что ж, если сейчас я вам не нужна...

— Сейчас — нет, — ответил Бен. — У вас великолепная кухня. Очень... очень необычные блюда.

— Тогда я вас оставляю. — И Роуз с поклоном исчезла за бисерной занавеской. Нити с бисером еще колыхались и стукались друг от друга, когда все они вновь отодвинулись от стола.

— Это что? — хрипло спросил Бен, глядя на жуткое существо, которое оккупировало тарелку Билла.

— Муха, — ответил Билл. — Муха-мутант. Если не ошибаюсь, создана воображением писателя Жоржа Ланжелана*. Он написал рассказ, который так и назвал — «Муха». По нему сняли фильм, не такой уж хороший. Но сам рассказ чертовски меня напугал. Оно возвращается к своим старым трюкам, ничего больше, потому что я собираюсь написать роман «Дорожные насекомые». Такое у меня пока рабочее название. Я знаю, звучит довольно-таки глупо, но вы понимаете...

— Прошу меня извинить, — пробормотала Беверли. — Думаю, мне надо блевануть.

Она выскочила из банкетного зала прежде, чем кто-либо успел встать.

Билл расправил салфетку и набросил ее на муху размером с птенца воробья. Ничего такого большого не могло поместиться в крохотном китайском печенье счастья... но поместилось. Из-под салфетки дважды донеслось жужжание, потом наступила тишина.

— Господи, — выдохнул Эдди.

---

* Жорж Ланжелан (1919—1972) — французский писатель, рассказ «Муха» написан им на английском.

— Пора и нам на хрен выметаться отсюда. — Майк поднялся. — С Беверли встретимся в вестибюле.

Беверли как раз выходила из женского туалета, когда остальные собрались у кассы. Бледная, но решительная. Майк заплатил по чеку, чмокнул Роуз в щечку, и они вышли в дождливый день.

— Никто не передумал? — спросил Майк.

— Я — нет, — ответил Бен.

— Нет, — поддержал его Эдди.

— Насчет чего? — спросил Ричи.

Билл покачал головой и посмотрел на Беверли.

— Я остаюсь, — сказала она. — Билл, что ты имел в виду, говоря, что Оно возвращается к старым трюкам?

— Я думал о том, чтобы написать роман о насекомых, — ответил он. — Поэтому история Ланжелана вплелась в мои мысли. Поэтому я увидел муху. А ты — кровь, Беверли. Почему ты думала о крови?

— Наверное, потому, что кровь была в раковине, — без запинки ответила Беверли. — Кровь, которая выплеснулась из сливного отверстия в ванной моей квартиры, когда мне было одиннадцать лет.

Она сказала правду? Если на то пошло — нет. Потому что, когда кровь выплеснулась ей на пальцы теплой струей, перед ее мысленным взором возник кровавый отпечаток, который она оставила на ковре после того, как наступила на осколок разбитого флакона из-под духов. Том. И

(*Бевви, иногда ты очень меня тревожишь*)

ее отец.

— Тебе тоже досталось насекомое. — Билл смотрел на Эдди. — Почему?

— Не просто насекомое. — ответил Эдди. — Сверчок. В подвале нашего дома сверчки. Дом стоит двести тысяч, и мы не можем избавиться от сверчков. По ночам они сводят нас с ума. За пару дней до звонка Майка мне приснился действительно жуткий кошмар. Мне снилось, что я просыпаюсь, а в кровати полным-полно сверчков. Я пытаюсь распугать их ингалятором, но могу выжать из него только какие-то скрипящие звуки, и перед тем как проснуться, я осознаю, что и он набит сверчками.

— Роуз ничего этого не видела, — заметил Бен и посмотрел на Беверли: — Как твои родители не увидели кровь, вытекшую из

сливного отверстия раковины, пусть она перепачкала всю ванную комнату.

— Да, — кивнула Беверли.

Они переглядывались, стоя под мелким дождем.

Майк посмотрел на часы.

— Автобус через двадцать минут. Четверых я могу отвезти в город в моей машине, если мы потеснимся. Или могу вызвать такси. Выбор за вами.

— Я пройдусь прямо отсюда, — ответил Билл. — Не знаю, куда пойду, но сейчас самое время подышать свежим воздухом.

— Я вызову такси, — решил Бен.

— Я поеду с тобой, если ты высадишь меня в центре, — сказал Ричи.

— Хорошо. Куда пойдешь?

Ричи пожал плечами:

— Пока не знаю.

Остальные предпочли дожидаться автобуса.

— В семь вечера, — напомнил Майк. — И будьте осторожны, это касается всех. — Они согласились соблюдать осторожность, хотя Билл не понимал, как можно давать такое обещание, не зная, с какими угрозами им, возможно, предстоит столкнуться.

Хотел сказать это вслух, но глянул на их лица, и ему стало ясно, что они и так знают.

Поэтому он ушел, на прощание вскинув руку. Влажный воздух приятно холодил лицо. Его ждала долгая прогулка, но Билла это вполне устраивало. Предстояло о многом подумать. Его радовало, что встреча закончилась и они приступили к делу.

Глава 11
ПЕШИЕ ЭКСКУРСИИ

1
Бен Хэнском берет в библиотеке книгу

Ричи Тозиер вышел из машины на перекрестке, где сходились Канзас-стрит, Центральная и Главная улицы, а Бен отпустил такси на вершине холма Подъем-в-милю. За рулем сидел тот самый «религиозный человек», который подвозил Билла к ресторану, но ни Бен, ни Ричи этого не узнали: Дэйв погрузился в мрачное молчание. Наверное, Бен мог бы выйти вместе с Ричи, но исходил из того, что каждый должен начать свою экскурсию в одиночестве.

Он наблюдал, как такси вливается в транспортный поток, стоя на углу Канзас-стрит и Долтри-Клоуз, сунув руки глубоко в карманы, стараясь выбросить из головы отвратительное завершение их ленча. Не мог; мысли возвращались к черно-серой мухе, выползающей из печенья счастья на тарелке Билла, с распластанными по спине, испещренными жилками крылышками. Он пытался переключиться с этого тошнотворного образа на что-то еще, думал, что ему удалось, но через пять минут мерзкая муха вновь возникла перед его мысленным взором.

«Я пытаюсь как-то это обосновать, — думал он, — *не с моральной точки зрения, а скорее с математической. Здания строят, руководствуясь определенными законами природы; законы природы можно выразить уравнениями; уравнения необходимо обосновывать. В чем обоснование того, что произошло менее получаса назад?»*

«*Оставь это в покое*, — сказал он себе, и не в первый раз. — *Ты не можешь это обосновать, поэтому просто оставь в покое*».

Очень хороший совет; да только последовать ему Бен не мог. Он вспомнил, что на следующий день после встречи с мумией жизнь его потекла обычным путем. Он знал, что едва не попал в лапы чудовища, чем бы оно ни было, но его жизнь продолжалась: он пошел в школу, написал контрольную по арифметике, заглянул после школы в библиотеку, ел с присущим ему аппетитом. Просто встроил существо, которое увидел на Канале, в свою жизнь, а если говорить о том, что существо это едва не убило его... что ж, дети частенько балансируют на грани смерти. Они перебегают улицы, не глядя по сторонам, на озере заплывают слишком далеко на надувных резиновых плотах, и им приходится грести из последних сил, чтобы вернуться на берег. Они падают на задницу со шведских стенок и на голову с деревьев.

Теперь, стоя под мелким дождем перед «Надежным скобяным магазином» (Бен вспомнил, что в 1958 году это помещение занимал ломбард «Братья Фрейти», двойные витрины которого заполняли пистолеты, винтовки, опасные бритвы и гитары, подвешенные за грифы и напоминающие экзотических животных), он думал о том, что дети лучше себя чувствовали рядом со смертью, с большой легкостью встраивали в свою жизнь необъяснимое. Подспудно они верили в существование невидимого мира. Чудеса, сотворенные что светлыми, что темными силами, принимались во внимание, безусловно, но чудеса эти не останавливали жизнь. В десять лет внезапное столкновение с прекрасным или ужасным не мешало съесть за ленчем лишний чиз-дог или два.

Но все менялось, стоило тебе повзрослеть. Ты более не лежал в кровати, в полной уверенности, что кто-то копошится в стенном шкафу или скребется в окно... но когда что-то случалось, что-то, не имеющее рационального объяснения, в сети возникала перегрузка, аксоны и дендриты* нагревались. Тебя начинало трясти и дергать, тебя начинало гнуть и корежить, твое воображение отплясывало хип-хоп и бибоп на твоих нервах. Тебе не под силу просто встроить случившееся в свою жизнь. Не встраивается оно, и все тут. Твой разум возвращается к встрече с ним, легонько его каса-

* Аксон, дендрит — соответственно основной длинный и ветвящийся короткий отростки нейрона.

ется, как котенок — клубка ниток... пока, со временем, разумеется, ты или сходишь с ума, или попадаешь в такое место, где не можешь действовать с полной отдачей.

«И если такое произойдет, — подумал Бен, — *Оно сожрет меня. Сожрет нас. Тепленькими»*.

Он зашагал по Канзас-стрит, не направляясь — во всяком случае, сознательно — к какому-то конкретному месту. В голову внезапно пришла мысль: *«Что мы сделали с тем серебряным долларом?»*

Он по-прежнему не мог вспомнить.

«Серебряный доллар, Бен... С его помощью Беверли спасла тебе жизнь. Тебе... может, и всем остальным... и прежде всего Биллу. Оно чуть не вырвало мне внутренности, прежде чем Беверли... что? Что она сделала? И как это сработало? Она заставила Оно отступить, и мы все ей помогали. Но как?»

Неожиданно в голову пришло слово, слово, которое для него ничего не значило, но по коже побежали мурашки: «Чудь».

Бен посмотрел на тротуар, на мгновение увидел нарисованный на нем мелом контур черепахи, и перед глазами все поплыло. Он зажмурился, а открыв глаза, увидел, что никакой черепахи и не было: только «классики», наполовину смытые легким дождем.

Чудь.

Что же это значило.

— Не знаю, — ответил он вслух и быстро огляделся: вдруг кто-то заметил, как он разговаривает сам с собой, и обнаружил, что свернул с Канзас-стрит на Костелло-авеню. На ленче он сказал остальным, что Пустошь — единственное место, где мальчишкой он чувствовал себя счастливым... но это тянуло только на полуправду, так? Было еще одно место. И теперь, случайно или сознательно, он шел туда: в публичную библиотеку Дерри.

Постоял перед ней минуту-другую, по-прежнему не вынимая рук из карманов. Библиотека не изменилась; он восторгался ее линиями точно так же, как и в детстве. Спроектировали библиотеку хорошо, как большинство каменных зданий. Архитектору удалось поставить в тупик внимательного наблюдателя противоречиями: каменная солидность в определенной степени уравновешивалась изяществом арок и колонн; здание выглядело массивным, как банк, и при этом легким и воздушным (ну, легким, если говорить о городских зданиях, особенно построенных в начале века, и окнах,

перекрещенных узкими полосками железа, элегантных и закругленных). Противоречия эти придавали зданию особый шарм, и Бен не удивился, почувствовав, как по нему прокатилась волна любви к этому месту.

Не сильно изменилась и Костелло-авеню. Посмотрев вдоль улицы, он увидел Общественный центр Дерри и задался вопросом, а сохранился ли «Костелло-авеню маркет», который находился дальше, ближе к тому месту, где дугообразная Костелло-авеню вновь выходила на Канзас-стрит.

Бен пошел через лужайку, едва замечая, как промокают туфли, чтобы взглянуть на стеклянный коридор, соединяющий корпуса взрослой и детской библиотек. Он тоже не изменился, и, стоя на лужайке рядом со склоненными к земле ветвями плакучей ивы, Бен видел людей, проходящих по коридору. Радость, которую он испытывал прежде, вновь захлестнула его, и Бен впервые действительно забыл о том, что произошло в конце ленча, за которым он встретился с друзьями детства после стольких лет разлуки. Он помнил, как ребенком приходил на эту самую точку, только зимой, пробивая дорогу в снегу, который доходил до бедер, и стоял чуть ли не по пятнадцать минут. Он помнил, что приходил в сумерках, и вновь его притягивали контрасты, и он стоял, чувствуя, как немеют кончики пальцев, а снег тает в зеленых резиновых сапогах на толстой рубчатой подошве. Он стоял, окутанный сгущающимися сумерками, мир вокруг него лиловел под напором рано наступающей зимней ночи, с небом цвета золы на востоке и раскаленных углей — на западе. Вокруг него царил холод, температура воздуха — градусов двенадцать мороза, даже ниже, если ветер дул из скованной морозом Пустоши, а дул он часто.

Там же, в каких-то сорока ярдах от того места, где стоял Бен, люди ходили взад-вперед в рубашках с короткими рукавами. Там, в каких-то сорока ярдах от того места, где он стоял, находился тоннель яркого белого света, источником которого служили флуоресцентные лампы под потолком. Там смеялись детишки, влюбленные парочки старшеклассников прохаживались, взявшись за руки (но им приходилось расцепляться, если они попадались на глаза кому-то из библиотекарш). В этом было что-то магическое, магическое в хорошем смысле слова, и по молодости Бен не мог отнести эту магию на счет таких обыденностей, как электрический ток и центральное отопление. Магия состояла в том, что этот сияющий све-

том и жизнью цилиндр соединял два темных здания, как дорога жизни, магия состояла в том, что на твоих глазах люди шли через темное заснеженное поле, не замечая ни темноты, ни холода. И оттого становясь прекрасными и божественными.

Потом он уходил (как уходил сейчас) и, огибая здание, возвращался к главному входу (как делал сейчас), но всегда останавливался и оглядывался (как делал сейчас), прежде чем каменный угол здания взрослой библиотеки скрывал от него эту хрупкую пуповину.

Удивляясь силе, с какой ностальгия сжимала его сердце, Бен направился к ступеням, ведущим к двери взрослой библиотеки, на мгновение задержался на узкой площадке за колоннами — здесь под высокой крышей всегда царила прохлада, каким бы жарким ни выдавался день. Затем открыл дверь, обитую железом, с прорезью для книг и ступил в тишину.

Воспоминания накатили с такой силой, что у Бена на мгновение закружилась голова, едва он оказался под рассеянным светом свисающих с потолка стеклянных плафонов-шаров. Ничего физического в силе этой не было — Бен не мог сравнить ее ни с ударом в челюсть, ни с оплеухой. Скорее она была сродни странному ощущению, будто время свернулось некой петлей, и ты вернулся туда, где уже успел побывать. За неимением лучшего люди называют это чувство déjà vu. Бен испытывал его и раньше, но никогда оно не обрушивалось на него с такой ошеломляющей силой. Секунду или две он стоял у самого порога, в полном смысле слова затерянный во времени, не имея ни малейшего понятия, сколько же ему сейчас лет. Тридцать восемь или одиннадцать?

Его окружала знакомая тишина, лишь изредка нарушаемая чьим-то шепотом, еле слышным стуком — кто-то из библиотекарей проштамповывал книги и уведомления о том, что книга не сдана в срок, — шелестом переворачиваемых страниц газет или журналов. И освещенность в библиотеке теперь ему нравилась точно так же, как и прежде. Свет падал через высокие окна, сизый, как голубиное крыло, в этот дождливый день, свет, который убаюкивал и нагонял дрему.

Пересекая широкий зал, выстланный линолеумом с красно-черным рисунком, уже почти что стершимся, Бен, как и всегда, старался ступать неслышно — по центру взрослую библиотеку венчал купол, и все звуки усиливались.

Он видел, что винтовые железные лестницы, которые вели к стеллажам, остались на прежнем месте, по обе стороны подковообразного стола, за которым сидели библиотекари, но еще он увидел и маленький лифт, добавленный к лестницам за те двадцать пять лет, что прошли после их с матерью отъезда из Дерри. Вид лифта принес облегчение — ослабил удушающее чувство déjà vu.

Пересекая зал, Бен ощущал себя незваным гостем, иностранным шпионом. Каждое мгновение он ожидал, что библиотекарша, сидящая за столом, поднимет голову, посмотрит на него, а потом громко и отчетливо, заставив всех читателей прервать свое занятие и повернуться к нему, скажет: «Вы! Да, вы! Что вы тут делаете? У вас нет никакого права находиться здесь! Вы — Извне! Вы — из Прошлого! Возвращайтесь, откуда пришли. Немедленно уходите, пока я не вызвала полицию!»

Библиотекарша подняла голову — молодая женщина, миловидная, на короткое мгновение Бен подумал, что его фантазия воплотится в жизнь, и сердце запрыгнуло в горло, когда ее светло-голубые глаза встретились с его. Но увидел он в них полнейшее безразличие, и понял, что может идти дальше. Если он и был шпионом, его не раскрыли.

Бен прошел под витком одной из узких и убийственно крутых лестниц из кованого железа, направляясь к коридору, который вел в детскую библиотеку, улыбнулся, осознав (только после того, как это сделал), что повторил еще один свой детский ритуал — вскинул голову, как вскидывал и мальчишкой, в надежде увидеть девушку в юбке, спускающуюся по лестнице. Он вспомнил (теперь вспомнил), как однажды, в восемь или девять лет, без всякой на то причины посмотрел вверх и заглянул аккурат под юбку из хлопчатобумажной ткани симпатичной старшеклассницы, увидев ее чистенькие розовые трусики. И вид этих трусиков потряс его ничуть не меньше, чем внезапный солнечный зайчик, посланный золотистым браслетом на лодыжке Беверли Марш, который в последний учебный день лета 1958 года пронзил его сердце стрелой чувства, более глубокого, чем просто любовь или привязанность. Бен помнил, как сидел за столом в детской библиотеке и думал о неожиданном зрелище минут двадцать, а то и больше, а лоб и щеки у него горели. Перед ним лежала раскрытая книга по истории поездов, в которой он не мог прочитать ни строчки, его пенис превратился в маленькую твердую ветку, и ветка эта пустила корни ему глубоко в живот.

Он грезил, что они с этой девушкой поженились, живут в маленьком доме на окраине города, наслаждаясь удовольствиями, которых он еще не понимал.

Ощущения эти пропали так же внезапно, как и появились, однако с тех пор он ни разу не проходил под лестницей, не вскинув голову. Но никогда больше не увидел ничего интересного и захватывающего (однажды по ступенькам осторожно спускалась толстуха средних лет, и он торопливо отвернулся, устыдившись, чувствуя себя злоумышленником), однако привычка оставалась — и дала о себе знать даже теперь, когда он давно уже стал взрослым.

Бен медленно шел по коридору, замечая и другие изменения: желтые наклейки у каждого выключателя с надписью «ОПЕК ЛЮБИТ РАСТОЧИТЕЛЕЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ, а потому СБЕРЕГАЙ КАЖДЫЙ ВАТТ!». Войдя в детский мир со столиками из светлого дерева и такими же маленькими стульями, мир, в котором фонтан с питьевой водой возвышался над полом лишь на четыре фута, он увидел, что на дальней стене все так же висят фотографии в рамках, только не Дуайта Эйзенхауэра и Ричарда Никсона, а Рональда Рейгана и Джорджа Буша*. Рейган, вспомнил Бен, вел программу «Театр Джей-эл», когда он окончил пятый класс, а Джорджу Бушу тогда не исполнилось и тридцати.

Но...

Ощущение déjà vu накатило вновь. Он ничего не мог с этим поделать и на этот раз в полной мере ощутил леденящий ужас человека, который наконец-то осознает после получаса барахтания в воде, что берег не становится ближе, и он тонет.

В библиотеку он попал в Сказочный час, в углу на миниатюрных стульчиках полукругом сидели с десяток малышей, слушали. «И кто это здесь, кто идет по моему мосту?» — произнесла библиотекарша низким, рычащим голосом злого тролля из сказки, и Бен подумал: *«Когда она поднимет голову, я увижу, что это мисс Дэйвис, да, это будет мисс Дэйвис и выглядеть она будет такой же...»*

Но когда библиотекарша подняла голову, он увидел более молодую женщину, даже в сравнении с мисс Дэйвис, какой та была двадцать семь лет назад.

---

* Речь идет о Джордже Буше-старшем, который занимал пост вице-президента в 1981—1989 гг. при президенте Рональде Рейгане и сам был президентом США в 1989—1993 гг.

Некоторые малыши закрывали рты руками и хихикали, но большинство смотрели на библиотекаршу, а в их взглядах читался вечный вопрос любой сказки: обведут монстра вокруг пальца... или он набьет себе брюхо?

— Это я, Хриплоголосый Билли-Козел, иду по твоему мосту, — продолжала рассказывать сказку библиотекарша, когда Бен, побледнев, проходил мимо нее.

«Как это может быть та сказка? Та самая сказка? И я должен поверить, что это всего лишь совпадение? Потому что я не верю... не могу поверить, черт побери!»

Он наклонился к фонтанчику с питьевой водой, наклонился так низко, что почувствовал себя Ричи, отбивающим поклоны.

«Я должен с кем-то поговорить, — в панике подумал Бен. — *С Майком... Биллом... с кем-нибудь. Неужто что-то действительно сцепляет здесь воедино прошлое и настоящее, вышвыривая промежуточные годы, или мне это только чудится? Потому что, если не чудится, не уверен, что я к этому готов. Я...»*

Он посмотрел на стойку сдачи книг, и сердце, казалось, на мгновение остановилось, чтобы потом забиться в два раза чаще. На стойке он увидел плакат со строгими черными буквами на белом фоне... очень знакомый. Надпись на плакате гласила:

«ПОМНИ О КОМЕНДАНТСКОМ ЧАСЕ
С 19:00.
ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДЕРРИ»

В этот миг ему все стало предельно ясно: озарение пришло вызывающей суеверный страх вспышкой света, и он осознал, что голосование, которое они провели, — всего лишь шутка. Нет никакого возвращения назад, и никогда не было. Они продвигались по пути, столь же предопределенному, как запавшая в память привычка, заставившая его вскинуть голову, когда он проходил под лестницей, ведущей к стеллажам. Здесь, в Дерри, обитал отзвук прошлого, смертоносный отзвук, и всем им оставалось надеяться только на одно: этот отзвук еще можно изменить в их пользу, изменить так, что им удастся покинуть Дерри живыми.

— Господи, — пробормотал он и сильно потер щеку ладонью.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — раздался голос рядом с Беном, и он подпрыгнул от неожиданности. Принадлежал голос

девушке лет семнадцати, с копной русых волос, которым заколки не давали упасть на симпатичное личико старшеклассницы. Разумеется, он видел перед собой помощницу библиотекаря; они работали и в 1958 году, старшеклассницы и старшеклассники, расставляли книги по полкам, показывали детям, как пользоваться каталогом. Обсуждали рецензии и школьные статьи, помогали со сносками и библиографиями. Платили за это гроши, но всегда находились старшеклассники, которых это не отпугивало. Потому что такая работа им нравилась.

Присмотревшись внимательнее к доброжелательному, но все-таки вопрошающему взгляду, Бен вспомнил, что ему тут больше не место: он — великан в стране лилипутов. И незваный гость. Во взрослой библиотеке из-за этого он чувствовал себя не в своей тарелке, потому что на него могли посмотреть, с ним могли заговорить, в библиотеке детской испытал скорее облегчение. Во-первых, получил доказательство, что он по-прежнему взрослый, а тот факт, что девушка не носила бюстгальтера под ковбойкой, вызвал еще большее облегчение, а не эрекцию: если и требовалось подтверждение, что на дворе 1985 год, а не 1958, на это однозначно указывали соски девушки, ясно проступающие сквозь материю.

— Нет, благодарю вас, — ответил он, и тут же, по причине, которую не мог себе объяснить, услышал, как добавляет: — Я искал своего сына.

— Да? А как его зовут? Может, я его видела. — Девушка улыбнулась. — Я знаю большинство детей.

— Его зовут Бен Хэнском, — ответил Бен. — Но я его здесь не вижу.

— Скажите мне, как он выглядит, и я смогу передать ему ваши слова, если есть такая необходимость.

— Ну, — Бен уже жалел о своей выдумке, — он полноват и похож на меня. Но никакой проблемы нет, мисс. Если увидите его, просто скажите, что его отец заезжал по пути домой.

— Скажу. — Она улыбнулась, но улыбка ограничилась губами, и Бен внезапно осознал, что подошла она и заговорила с ним не только из вежливости и желания помочь. Она работала помощницей библиотекаря детской библиотеки города, в котором за последние восемь месяцев убили девять детей. Увидела незнакомого мужчину в мире, куда взрослые заглядывают редко, обычно для

того, чтобы оставить или забрать ребенка. Так что подозрительность ее имела под собой веские основания.

— Спасибо вам. — Он улыбнулся, надеясь, что успокоил ее, и ретировался.

Коридором прошел во взрослую библиотеку и, подчиняясь импульсу, который не понимал, направился к подковообразному столу... но, само собой, в этот день им полагалась следовать импульсам, так? Следовать импульсам и смотреть, куда они заведут.

Табличка на столе указывала, что симпатичную библиотекаршу, которая сидела за ним, зовут Кэрол Дэннер. За ее спиной Бен видел дверь с панелью матового стекла и надписью «МАЙКЛ ХЭНЛОН СТАРШИЙ БИБЛИОТЕКАРЬ».

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спросила мисс Дэннер.

— Думаю, да, — ответил Бен. — Надеюсь на это. Мне бы хотелось завести библиотечную карточку.

— Очень хорошо. — Она взяла бланк. — Вы живете в Дерри?

— В настоящий момент — нет.

— Ваш домашний адрес?

— Рурал-стар, шоссе два, Хемингфорд-Хоум, штат Небраска. — На мгновение он запнулся, забавляясь ее недоуменным взглядом, потом добавил почтовый индекс: — Пять-девять-три-четыре-один.

— Это шутка, мистер Хэнском?

— Отнюдь.

— Так вы переезжаете в Дерри?

— Таких планов у меня нет.

— Не далековато будет ездить за книгами? Или в Небраске нет библиотек?

— Это в некотором роде сентиментальный момент. — Бен думал, что такой разговор с незнакомым человеком дастся ему нелегко, но нет, никаких затруднений не возникло. — Видите ли, я родился в Дерри. И впервые здесь после того, как уехал отсюда еще ребенком. Погулял по городу, посмотрел, что изменилось, а что нет. И вдруг меня осенило, что я прожил здесь десять лет, с трех до тринадцати, но на память об этих годах у меня ничего не осталось. Даже открытки. У меня были серебряные доллары, но один я потерял, а остальные подарил другу. Наверное, мне нужен сувенир из детства. Поздновато, конечно, но не зря же говорят — лучше поздно, чем никогда.

Кэрол Дэннер улыбнулась, и улыбка превратила ее в ослепительную красавицу.

— По-моему, это очень мило. Если вы погуляете десять или пятнадцать минут, ваша карточка, когда вы вернетесь к столу, будет уже готова.

Бен едва заметно улыбнулся в ответ.

— Как я понимаю, надо будет внести залог. Житель другого города и все такое.

— В детстве у вас была библиотечная карточка?

— Безусловно. — Улыбка Бена стала шире. — Полагаю, после моих друзей библиотечная карточка стояла у меня на первом месте.

— Бен, не мог бы ты подняться сюда? — послышался громкий голос, разрезавший библиотечную тишину, как скальпель.

Он обернулся, виновато дернулся, как делают люди, когда кто-то кричит в библиотеке. Не увидел ни одного знакомого человека... а мгновением спустя осознал, что никто не поднял голову и никоим образом не выразил удивления или раздражения. Старики по-прежнему читали «Дерри ньюс», «Бостон глоуб», «Нэшнл джеографик», «Ю-эс ньюс энд уорлд рипорт». В зале справочной литературы две старшеклассницы склонились над пачкой газет и стопкой регистрационных карточек. Несколько человек просматривали книги на полках раздела «НОВИНКИ БЕЛЛЕТРИСТИКИ — ВЫДАЮТСЯ ТОЛЬКО НА НЕДЕЛЮ». Какой-то старик в нелепой фуражке, с потушенной трубкой, зажатой в зубах, пролистывал альбом с рисунками Луиса де Варгаса.

Бен повернулся к молодой женщине, которая в недоумении смотрела на него.

— Что-то не так? — спросила она.

— Нет, — с улыбкой ответил Бен, — просто мне показалось, будто я что-то услышал. Наверное, перелет подействовал на меня сильнее, чем я думал. Так что вы говорили?

— Если на то пошло, говорили вы. Я как раз собиралась добавить, что сведения о вас должны храниться в архиве, если вы пользовались библиотекой, когда жили в Дерри. Вся информация теперь на микрофишах. За эти годы и у нас кое-что изменилось.

— Да, — кивнул он, — в Дерри изменилось многое... но многое и осталось таким же, как и прежде.

— В любом случае я могу поискать вашу фамилию и возобновить вашу карточку. Тогда залога не потребуется.

— Отлично, — ответил Бен, но прежде чем успел поблагодарить библиотекаршу, тот же голос вновь прорезал священную тишину библиотеки, еще более громкий и радостный: *«Быстро сюда, Бен! Поднимайся, маленький толстый говнюк! Это твоя жизнь*, Бен Хэнском!»*

Бен откашлялся:

— Я вам очень благодарен.

— Пустяки. — Она склонила голову набок. — На улице потеплело?

— Немного, — ответил он. — А что?

— Вы...

— Это сделал Бен Хэнском! — прокричал голос. Откуда-то сверху, от стеллажей. — Бен Хэнском убивал детей! Держите его! Хватайте его!

— ...вспотели, — договорила она.

— Правда? — задал он идиотский вопрос.

— Карточкой я займусь прямо сейчас.

— Большое спасибо.

Она передвинулась к старой пишущей машинке «Ройял», которая стояла на углу подковообразного стола.

Бен медленно отошел. Сердце бухало, как барабан. И да, он вспотел, чувствовал, как пот стекает со лба, выступает под мышками, смачивает волосы на груди. Он поднял голову и увидел клоуна Пеннивайза, который стоял на верхней площадке винтовой лестницы, расположенной по левую руку, и смотрел на него сверху вниз. Лицо покрывал белый грим, рот краснел ухмылкой убийцы. Вместо глаз — пустые глазницы. В одной руке — связка шариков, в другой — книга.

«Не он, — подумал Бен. — *Оно. Я стою посреди ротонды публичной библиотеки Дерри майским днем 1985 года, я — взрослый, и вижу самый жуткий кошмар моего детства. Я встретился лицом к лицу с Оно».*

---

* «Это твоя жизнь» — название популярной телепередачи, которая выходила в эфир в 1952—1961 гг., а потом была возобновлена с 1972 г. В формате передачи ведущий приглашал в студию знаменитость, а потом, справляясь с материалами, подготовленными его командой, рассказывал биографию знаменитости и частенько удивлял его, приглашая кого-то из родственников или старых друзей.

— Поднимайся, Бен, — позвал сверху Пеннивайз. — Я не причиню тебе вреда. У меня для тебя книга! Книга... и шарик. Поднимайся!

Бен открыл рот, чтобы ответить, чтобы сказать, что Пеннивайз, наверное, рехнулся, если думает, что он, Бен, поднимется по лестнице, но тут же понял: произнеси он хоть слово, все повернутся к нему, все подумают, а не псих ли он?

— Ладно, я знаю, что ты не можешь ответить, — крикнул Пеннивайз вниз и захихикал. — Хотя я чуть не провел тебя, правда? Извините, сэр, принц Альберт в вашем сортире?.. Это так?.. Лучше выпустите бедолагу*. Извините, мэм, это ваш холодильник убегает**?.. Ваш?.. Тогда не стоит ли вам его поймать?

Клоун на верхней лестничной площадке запрокинул голову и визгливо расхохотался. Смех отразился от купола ротонды, будто стая летучих мышей, и Бену лишь невероятным усилием воли удалось удержать руки внизу, не дать им подняться и заткнуть уши.

— Поднимайся, Бен, — опять позвал Пеннивайз. — Мы поговорим. На нейтральной территории. Почему нет?

«*Я не поднимусь*, — подумал Бен. — *Думаю, когда я наконец-то доберусь до тебя, ты не захочешь меня видеть. Потому что мы собираемся тебя убить*».

Вновь раздался пронзительный смех клоуна.

— Убить меня? Убить? — И внезапно, нагоняя ужас, он заговорил голосом Ричи Тозиера, точнее, Голосом Пиканинни:

— Не убивайте меня, масса, я буду хорошим нигга, не убивайте вашего чевного малчыка, Стог! — и вновь зазвучал пронзительный смех.

Дрожа всем телом, побледнев, Бен пересекал центральную часть взрослой библиотеки под вибрирующим эхом этого смеха. Чувствовал, что его сейчас вырвет. Он остановился перед полкой с кни-

---

* Шутка, в которой обыгрывается трубочный табак «Принц Альберт». Покупатель звонит в табачный магазин и спрашивает: «Have you got Prince Albert in a can», и продавец понимает его, как «У вас есть табак «Принц Альберт» в жестянке?» Но «in a can» имеет и другое значение — в сортире. То есть вопрос звучит: «Принц Альберт в вашем сортире?» После утвердительного ответа продавца звонящий говорит: «Better let the poor guy out».

** Обыгрываются два значения английского глагола to run — бежать и работать (Pardon me, ma'am, is your refrigerator running).

гами, трясущейся рукой наобум взял одну. Его холодные пальцы начали перелистывать страницы.

— Это твой единственный шанс, Стог! — Голос звучал где-то позади и выше. — Убирайся из города. Уберись до темноты. Если останешься... ты и все остальные. Ты слишком стар, чтобы остановить меня. Вы все слишком старые. Слишком старые, чтобы чего-то добиться, кроме как найти свою смерть. Ты хочешь увидеть, как это произойдет сегодня вечером?

Он медленно повернулся, по-прежнему держа книгу в заледеневших руках. Не знал, куда смотреть, но создалось ощущение, будто под подбородком появилась невидимая рука и принялась поднимать, поднимать, поднимать его голову.

Клоун исчез. Дракула стоял на верхней площадке лестницы, что поднималась к стеллажам слева от подковообразного стола. Не киношный Дракула, не Бела Лугоши, не Кристофер Ли, не Фрэнк Ланджелла, не Фрэнсис Ледерер, не Реджи Нодлер*. Там стояла древняя нежить с лицом, напоминающим перекрученный корень, с мертвенно-бледной кожей, пурпурно-красными, цвета запекшейся крови глазами. Рот открылся, обнажив наклоненные друг другу зубы, которые могли перекусить человека пополам.

— Р-р-р! — прорычал вампир, и челюсти, щелкнув, захлопнулись. Изо рта хлынул черно-красный поток. Отхваченные куски губ упали на белоснежный шелк парадной рубашки и поползли вниз, оставляя змеящиеся кровавые следы.

— Что увидел Стэн Урис перед тем, как умереть? — крикнул вампир с вознесенной над Беном лестничной площадки, смеясь кровавой дырой-ртом. — Принца Альберта в жестянке? Или Дэйва Крокетта, короля дикого Фронтира? Что он увидел, Бен? Ты тоже хочешь увидеть? Что он увидел? Что он увидел? — Вновь раздался все тот же пронзительный смех, и Бен понял, что сейчас закричит сам, да, нет никакой возможности остановить этот крик, он обязательно вырвется из груди. Кровь жутким потоком стекала с лестничной площадки. Одна капля упала на скрюченную артритом руку старика, который читал «Уолл-стрит джорнел». Побежала между костяшек пальцев. Старик не видел ее и не чувствовал.

Бен рывками втягивал в себя воздух, в полной уверенности, что сейчас его крик пронзит тишину теплого, дождливого майс-

* Актеры, игравшие роль Дракулы в различных экранизациях.

кого дня, пугающий, как удар ножа... или выплюнутое изо рта лезвие бритвы.

Но воздух вышел неровным выдохом, а крик превратился в слова, произнесенные так же тихо, как произносится молитва:

— Разумеется, мы сделали из него пули. Мы превратили серебряный доллар в серебряные пули.

Господин в водительской фуражке, который пролистывал рисунки де Варгаса, резко поднял голову.

— Ерунда, — сказал он. Несколько человек подняли головы, а кто-то раздраженно зашипел на старика: «Ш-ш-ш!»

— Извините. — Голос Бена дрожал, он чувствовал, что по лицу течет пот, а рубашка прилипла к телу. — Я думал вслух...

— Ерунда, — повторил старик уже громче. — Нельзя отлить серебряные пули из серебряных долларов. Всеобщее заблуждение. Из бульварного чтива. Проблема в особенностях гравитации...

Внезапно рядом со стариком возникла женщина, мисс Дэннер.

— Мистер Брокхилл, пожалуйста, потише, — мягко обратилась она к старику. — Люди читают...

— Мужчина болен, — резко ответил Брокхилл, прежде чем уткнуться в альбом с рисунками. — Дай ему аспирин, Кэрол.

Кэрол Дэннер посмотрела на Бена, и на лице ее отразилась тревога.

— Вам нехорошо, мистер Хэнском? Я знаю, говорить такое невежливо, но вы ужасно выглядите.

— Я... — Бен запнулся. — Я поел в китайском ресторане. Наверное, необычная пища не понравилась моему желудку.

— Если хотите прилечь, в кабинете мистера Хэнлона есть кушетка. Вы можете...

— Нет. Спасибо, но нет. — Он хотел не прилечь, а выбраться из публичной библиотеки Дерри. Посмотрел на верхнюю лестничную площадку. Клоун исчез. Вампир исчез. Но остался воздушный шарик, привязанный к низким перилам из кованого металла, которые тянулись по периметру лестничной площадки. На поверхности надутого до предела шарика Бен прочитал: «ХОРОШЕГО ТЕБЕ ДНЯ! ВЕЧЕРОМ ТЫ УМРЕШЬ!»

— Я принесла вашу библиотечную карточку. — Кэрол осторожно коснулась предплечья Бена. — Она вам еще нужна?

— Да, благодарю. — Бен с бульканьем втянул воздух. — Очень сожалею, что все так вышло.

— Надеюсь, это не пищевое отравление, — продолжала тревожиться девушка.

— Не получилось бы, — вновь подал голос мистер Брокхилл, не отрываясь от альбома с рисунками де Варгаса и не вынимая потухшей трубки из уголка рта. — Выдумка из дешевого романа. Пуля будет кувыркаться.

Бен ответил ему, сам не зная, что собирается сказать.

— Мы отлили не совсем пули — кругляши. Изначально понимали, что пули нам не сделать. Я хочу сказать, мы были детьми. Это я предложил...

— Ш-ш-ш! — кто-то опять попытался восстановить библиотечную тишину.

Брокхилл одарил Бена несколько удивленным взглядом, уже собрался что-то сказать, но уткнулся в рисунки.

Когда они вернулись к столу, Кэрол Дэннер протянула ему маленькую оранжевую карточку со штампом «ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕРРИ» у верхнего торца. В некотором удивлении Бен вдруг осознал, что эта первая карточка взрослой библиотеки, которую он получил. В детстве карточка у него была канареечно-желтая.

— Вы уверены, что не хотите прилечь, мистер Хэнском?

— Мне уже чуть лучше, благодарю.

— Точно?

Ему удалось улыбнуться:

— Точно.

— Вы и выглядите чуть лучше. — В ее голосе звучало сомнение, словно она понимала, что сказать надо именно эти слова, но сама-то в это не верила.

Потом она сунула книгу под устройство для микрофильмирования, которое использовалось в те дни для регистрации выданных книг, и Бена едва не разобрал истерический смех. «*Эту книгу я схватил, когда клоун заговорил голосом Пиканинни*, — подумал он. — *Она решила, что я хочу ее взять. За последние двадцать пять лет я впервые беру книгу в публичной библиотеке Дерри, и даже не знаю, что это за книга. С другой стороны, мне без разницы. Просто дайте мне отсюда уйти, понимаете? Этого достаточно*».

— Спасибо. — Он сунул книгу под мышку.

— Мы всегда рады вас видеть, мистер Хэнском. Вы точно обойдетесь без аспирина?

— Будьте уверены, — ответил он и после короткой заминки добавил: — Вы, случаем, не знаете, как поживает миссис Старрет? Барбара Старрет? Она возглавляла детскую библиотеку.

— Она умерла, — ответила Кэрол Дэннер. — Уже три года как умерла. Инсульт, насколько мне известно. Поверить трудно. Не такой уж она была старой... пятьдесят восемь лет или... пятьдесят девять. Мистер Хэнлон на день закрывал библиотеку.

— Ясно, — кивнул Бен, и почувствовал, как в сердце образовалась пустота. Вот что случается, когда возвращаешься к тем, кто в памяти твоей, или как там поется в песне. Глазировка торта сладка, да начинка горька. Люди или забыли тебя, или умерли, или потеряли волосы и зубы. В некоторых случаях ты обнаруживаешь, что они потеряли и рассудок. Ох, как же это хорошо — быть живым. Привет, парень.

— Мне очень жаль. Вы ее любили, так?

— Все дети любили миссис Старрет, — ответил Бен, и в тревоге осознал, что на глазах уже слезы.

— Вы...

«Если она еще раз спросит, в порядке ли я, наверное, я действительно заплачу, или закричу, или что-то сделаю».

Он посмотрел на часы:

— Боюсь, мне надо бежать. Спасибо большое, вы очень мне помогли.

— Доброго вам дня, мистер Хэнском.

«Пожелание правильное, потому что вечером я умру».

Он наставил на нее палец и двинулся через зал к двери. Мистер Брокхилл поднял голову, резко повернулся к нему, бросил на него подозрительный взгляд.

Бен посмотрел на верхнюю площадку винтовой лестницы, которая располагалась слева от подковообразного стола. Шарик попрежнему висел в воздухе, привязанный к перилам. Только надпись на нем изменилась:

Я УБИЛ БАРБАРУ СТАРРЕТ!
КЛОУН ПЕННИВАЙЗ

Бен отвел глаза, почувствовал, как сердце вновь забилось у самого горла. Вышел из библиотеки в солнечный свет. В сплошном слое облаков появились разрывы, и теплое майское солнце прорва-

лось к земле. В его лучах трава выглядела невероятно зеленой и сочной. Бен почувствовал, что на сердце у него полегчало. Словно он оставил в библиотеке какую-то ношу, которую ранее таскал в себе... а потом он посмотрел на книгу, которую взял, и зубы его вдруг щелкнули с невероятной силой. В руках он держал «Бульдозер», книгу Стивена У. Мидера, одну из тех трех, с которыми вышел из библиотеки в тот день, когда прыгнул в Пустошь, спасаясь от Генри Бауэрса и его дружков.

И, раз уж речь зашла о Генри, на обложке до сих пор остался отпечаток подошвы его саперного сапога.

Дрожащей рукой, неловко переворачивая страницы, он добрался до задней обложки. Библиотека перешла на микрофильмовую систему контроля выдачи книг, он это видел. Но в этой книге на внутренней стороне задней обложки остался карман, в котором лежал формуляр. В каждой заполненной строчке после написанной от руки фамилии посетителя библиотеки, который брал книгу, стоял штамп библиотекаря с установленной датой возврата. Бен прочитал:

АБОНЕНТ	ВЕРНУТЬ К ДАТЕ	В ШТАМПЕ
Чарльз Н. Браун	14 мая 1958	
Дейвид Хартуэлл	1 июня 1958	
Джозеф Бреннан	17 июня 1958	

А в последней заполненной строке увидел свои имя и фамилию, написанные его детским почерком, с сильным нажимом карандаша:

Бенджамин Хэнском 9 июля 1958

И на формуляре, и по всему заднему форзацу, и по всем страницам кто-то проштамповал жирными красными чернилами, которые выглядели как кровь, одно слово: «УНИЧТОЖИТЬ».

— Боже мой, — прошептал Бен. Не знал, что еще сказать; слово это целиком и полностью характеризовало сложившуюся ситуацию. — Боже мой, боже мой.

Он стоял под лучами солнца, внезапно задавшись вопросом, а с чем же пришлось столкнуться остальным.

2
Эдди Каспбрэк ловит мяч

Эдди вышел из автобуса на углу Канзас-стрит и Коссат-лейн. Последняя четверть мили спускалась вниз по холму, прежде чем закончиться тупиком — обрывалась крутым склоном, скатывающимся в Пустошь. Эдди не имел ни малейшего понятия, почему решил выйти из автобуса именно здесь; Коссат-лейн ничего для него не значила, в этой части Канзас-стрит никто из его знакомых не жил. Но вроде бы он ступил на тротуар в нужном месте. Это все, что он знал, а ничего другого ему на тот момент и не требовалось. Беверли вышла еще раньше, небрежно взмахнув рукой, на одной из остановок Нижней Главной улицы. Майк на автомобиле уехал к библиотеке.

И теперь, наблюдая, как маленький и какой-то нелепый автобус «Мерседес» уезжает все дальше и дальше от остановки, Эдди задался вопросом, а что же он все-таки тут делает, стоя на занюханном перекрестке занюханного городка в пятистах милях от Майры, которая, несомненно, тревожится до слез, не зная, что с ним. В это самое мгновение у него вдруг закружилась голова, он коснулся кармана пиджака, вспомнил, что оставил драмамин в номере отеля вместе со всеми прочими лекарствами. Аспирин, впрочем, был при нем. Он не выходил из дома без аспирина, точно так же, как не выходил без штанов. Эдди всухую проглотил две таблетки и зашагал по Канзас-стрит, думая, что может пойти в публичную библиотеку или хотя бы повернуть на Костелло-авеню. Небо начало проясняться, и у Эдди даже мелькнула мысль дошагать до Западного Бродвея, полюбоваться тамошними старинными викторианскими особняками, которые высились только в двух действительно красивых жилых кварталах Дерри. Подростком он иной раз так и поступал — просто проходил по Западному Бродвею, как бы по делу, вроде бы направляясь куда-то еще. Неподалеку от угла Уитчем-стрит и Западного Бродвея стоял дом Мюллеров, из красного кирпича, с башенками по углам, за зеленой изгородью. Мюллеры держали садовника, который всегда подозрительно смотрел на Эдди, пока тот проходил мимо.

Помнил Эдди и дом Боуи, через четыре дома от Мюллеров, по той же стороне. Он полагал, что это одна из причин, по которым

Грета Боуи и Салли Мюллер были такими закадычными подружками в начальной школе. С зеленой крышей, тоже с башенками, но не с квадратным верхом, как у Мюллеров, а с забавными конусами, которые казались Эдди шутовскими колпаками. Летом на боковой лужайке всегда стояла садовая мебель: стол под большим желтым зонтом, плетеные кресла, меж двух деревьев висел гамак. И за домом всегда играли в крокет. Эдди это знал, хотя его никогда не приглашали в дом Греты, чтобы сыграть в крокет. Шагая по Западному Бродвею (будто куда-то направляясь), Эдди иногда слышал звуки ударов по шару, смех, стоны, когда чей-то шар «отлетал в сторону». Однажды даже увидел Грету, со стаканом лимонада в одной руке и крокетным молотком в другой, стройную и неописуемо красивую (даже обожженные солнцем плечи казались неописуемо красивыми тогда девятилетнему Эдди Каспбрэку), идущую за своим шаром, который «отлетел в сторону» — после удара отрикошетил от дерева, и Грета появилась в поле зрения Эдди.

Он даже немного влюбился в нее в тот день — в сверкающие светлые волосы, падающие на плечи ее платья-шортов небесно-синего цвета. Грета огляделась, и на мгновение он подумал, что она его увидела, но оказалось, что нет: когда он нерешительно вскинул руку в приветствии, она не помахала в ответ, а только ударила по шару и побежала следом за дом. Эдди зашагал дальше, не обижаясь на оставшееся без ответа приветствие (он искренне верил, что она его не заметила) или на то, что она никогда не приглашала его поучаствовать в субботней игре в крокет: с какой стати такой красотке, как Грета Боуи, приглашать такого мальчишку, как он? Узкогрудого, астматика, с лицом, похожим на морду утонувшей водяной крысы.

«Да, — думал Эдди, бесцельно шагая по Канзас-стрит, — *надо бы мне пойти на Западный Бродвей, вновь глянуть на все эти дома... Мюллеров, Боуи, доктора Хоула, Трекеров...»*

Тут его мысли резко оборвались, потому что (помяни черта — вмиг явится) он стоял перед гаражом для грузовиков братьев Трекеров.

— Все еще здесь, — вырвалось у Эдди, и он рассмеялся. — Сукин кот!

Дом на Западном Бродвее, принадлежавший братьям Филу и Тони Трекерам, убежденным холостякам, был, пожалуй, самым красивым из всех особняков на этой улице: белоснежный, с зелеными

лужайками, большими клумбами (разумеется, изящно вписанными в ландшафт), которые цвели всю весну и лето. Подъездную дорожку каждую осень заливали гудроном, поэтому она всегда оставалась черной, как темное зеркало, зеленая черепица на многочисленных скатах крыши цветом почти не отличалась от травы лужайки, и люди иногда останавливались, чтобы сфотографировать сводчатые окна, старинные и запоминающиеся.

«Любые двое мужчин, которые поддерживают дом в таком идеальном состоянии, должны быть гомиками», — однажды раздраженно бросила мать Эдди, но он не решился обратиться к ней за разъяснениями.

Гараж для грузовиков являл собой полную противоположность особняку Трекеров на Западном Бродвее. Низкое здание сложили из кирпичей, которые уже крошились от старости, а у земли из темно-красных стали черными, как сажа. Окна покрывал слой грязи, за исключением маленького круглого оконца в кабинете диспетчера. Это стекло поддерживалось в идеальной чистоте детьми, которые приходили сюда и до Эдди, и после него, потому что над столом диспетчера висел календарь «Плейбоя». Никто из парней не проходил на площадку за гаражом, где играли в бейсбол, не остановившись, чтобы протереть стекло бейсбольной перчаткой и взглянуть на девушку месяца.

Гараж с трех сторон окружала площадка укатанного гравия. Трейлеры, предназначенные для поездок на большие расстояния («Джимми-Питы», «Кентуорты», «Рио»), все с надписями на бортах «ТРЕКЕР БРАЗЕРС. ДЕРРИ НЬЮТОН ПРОВИДЕНС ХАРТФОРД НЬЮЙОРК», иногда стояли там в беспорядочном изобилии. Случалось, собранные, иной раз — кабины и кузова по отдельности, застыв на колесах или стойках.

Братья старались не заставлять грузовиками площадку за гаражом, потому что были заядлыми бейсбольными болельщиками и хотели, чтобы дети приходили сюда играть. Фил Трекер сам водил трейлер, так что мальчишки сталкивались с ним редко. Но Тони Трекер, мужчина со здоровенными бицепсами и внушительным пузом, вел бухгалтерию и занимался счетами, поэтому Эдди (сам он никогда не играл — мать убила бы его, если б услышала, что он играет в бейсбол, бегает, глотает пыль, столь вредную для его слабых легких, рискуя сломать ногу, получить сотрясение мозга или бог знает что еще) частенько его видел. Он был неотъемлемой деталью

летнего антуража, его голос казался Эдди таким же атрибутом игры, как позднее — голос Мэла Аллена*: Тони Трекер, огромный, но при этом напоминающий призрак, в белой рубашке, мерцавшей, когда спускались летние сумерки, а светлячки начинали вить в воздухе кружево огоньков, кричащий: «Ты должен успеть встать под этот мя-ач, Рыжий, прежде чем сможешь его поймать!.. Не отрывай глаз от мя-ача, Полпинты! Ты не сможешь ударить по этой чертовой хреновине, если не будешь на нее смотреть!.. Скользи, Копыто! Ты въедешь кедами в лицо второго бейсмена, он никогда не сможет осалить тебя!»

Эдди помнил, что Трекер никого не звал по именам. Только — эй, Рыжий, эй, Блонди, эй, Очкарик, эй, Полпинты. И никогда не говорил «мяч», только «мя-ач». И биту Тони Трекер всегда называл ясеневым черенком: «Тебе никогда не ударить по этому мя-ачу, Подкова, если ты не будешь как следует замахиваться ясеневым черенком».

Улыбаясь, Эдди подошел чуть ближе... и тут же улыбка увяла. Длинное кирпичное здание, в котором обрабатывались заявки, где ремонтировались грузовики и хранился груз (только на короткие сроки), стояло темное и молчаливое. Сквозь гравий проросла трава. Никаких грузовиков на боковых площадках, только один ржавый остов кузова.

Подойдя еще ближе, Эдди увидел в одном из окон табличку с надписью «ПРОДАЕТСЯ».

«Трекеры вышли из игры», — подумал Эдди и удивился печали, которую вызвала эта мысль... словно кто-то умер. Он порадовался, что не дошел до Западного Бродвея. Если компания «Трекер бразерс» могла прекратить существование — «Трекер бразерс», которая, казалось, будет всегда, — что могло случиться с улицей, по которой он так любил гулять мальчишкой? Эдди вдруг понял, что не хочет этого знать. Не хочет увидеть Грету Боуи с сединой в волосах, с располневшими бедрами и задом, что происходит с теми, кто много сидит, много ест и много пьет; так лучше — безопаснее — держаться подальше.

«Нам всем следовало так поступить — просто держаться подальше. Нет у нас тут никаких дел. Возвращаться туда, где вырос, —

* Аллен, Мэл (1913—1996) — известный американский спортивный комментатор.

все равно что исполнять какой-нибудь безумный йоговский трюк, скажем, сунуть ноги в рот. А потом проглотить себя так, чтобы ничего не осталось; сделать такое невозможно, и любой здравомыслящий человек должен только радоваться, что невозможно... так что же все-таки случилось с Тони и Филом Трекерами?»

Для Тони, возможно, все закончилось инфарктом: он таскал на себе, как минимум, семьдесят пять лишних фунтов жира и мяса, и сердце могло не выдержать. Поэтам дозволено романтизировать разбитые сердца, Барри Манилоу поет о них, и Эдди ничего не имел против (они с Майрой собрали все альбомы, записанные Барри Манилоу), но лично он предпочитал раз в год снимать электрокардиограмму. Конечно же, если Тони что и подвело, так это сердце. А Фил? Возможно, беда подстерегла его на автостраде. Эдди, который и сам зарабатывал на жизнь, крутя баранку (точнее, раньше зарабатывал; теперь только иногда возил знаменитостей, а большую часть времени рулил столом), знал, какие опасности таят в себе автострады. Старина Фил мог в гололед вылететь на своем трейлере с трассы где-нибудь в Нью-Хэмпшире или в Хайнсвиллских лесах к северу от Мэна. А может, у его трейлера отказали тормоза на длинном спуске к югу от Дерри, когда он ехал в Хейвен под весенним дождем. Об этом и о многом другом говорилось в песнях о водителях-дальнобойщиках, которые ходили в стетсонах и не гнушались обмана. Рулить столом иногда одиноко, но Эдди достаточно много времени просидел в водительском кресле, и его ингалятор всегда ездил вместе с ним, лежал на приборном щитке, рычаг клапана смутно отражался в ветровом стекле (а в бардачке компанию ингалятору составляла целая аптека), и знал, что цвет одиночества — расплывчато-красный: отраженный от мокрого асфальта свет задних фонарей автомобиля, который едет впереди тебя под проливным дождем.

— А время бежит, нам за ним не угнаться, — прошептал Эдди Каспбрэк, не отдавая себе отчета, что говорит вслух.

Чувствуя себя спокойным и несчастным (в таком состоянии он, сам того не подозревая, пребывал довольно часто), Эдди обошел здание, поскрипывая по гравию туфлями от «Гуччи», чтобы взглянуть на площадку, где в его детстве постоянно играли в бейсбол, в те далекие времена, когда мир, казалось, на девяносто процентов состоял из детей.

Площадка не так уж и изменилась, но одного взгляда хватило, чтобы понять: в бейсбол здесь больше не играют — в какой-то момент традиция умерла, по ей одной ведомым причинам.

В 1958 году ромб внутреннего поля ограничивали не выбеленные дорожки, соединяющие базы, а вытоптанные ногами тропки. И баз, как таковых, у них не было, у этих мальчишек, которые играли здесь в бейсбол (все мальчишки были старше Неудачников, хотя Эдди помнил, что Стэнли Урис иногда принимал участие в игре; отбивал мяч слабовато, но на наружном поле бегал быстро и демонстрировал отменную реакцию). Базами служили четыре куска грязного брезента, которые хранились под погрузочной платформой длинного кирпичного здания, торжественно доставались оттуда, когда мальчишек набиралось на две команды, и не менее торжественно возвращались на место, когда сгустившиеся сумерки останавливали игру.

Но теперь Эдди не видел протоптанных бейсбольных тропок. Слишком уж много сорняков проросло сквозь гравий. Повсюду блестели осколки разбитых бутылок из-под пива и газировки; в те давние дни все осколки добросовестно убирались. Что осталось неизменным, так это проволочный забор в дальнем конце площадки, высотой в двенадцать футов и ржавый, как засохшая кровь. Он разрисовывал небо ромбами.

«Это она, зона круговой пробежки», — подумал Эдди. Сунув руки в карманы, ошеломленный, он стоял на том месте, где двадцать семь лет назад был «дом»*. За забор и в Пустошь. Такой удар по мячу они называли «Автоматом». Эдди громко рассмеялся и тут же нервно оглянулся, словно это рассмеялся призрак, а не мужчина в слаксах за шестьдесят долларов, мужчина из плоти и крови, реальный, как... ну, реальный, как...

«Брось, Эдс, — вроде бы прошептал ему в ухо голос Ричи. — *И вовсе ты не реальный, и в последние годы ржачек тебе выпадало мало, и случались они редко. Так?»*

— Да, так, — тихо ответил Эдди и пнул несколько камушков, оказавшихся под ногой.

По правде говоря, он видел только два мяча, перелетевших через забор в дальнем конце площадки «Трекер бразерс», и оба раза

* «Дом» — база, на которой стоит бэттер, принимая подачу питчера, и на которую должен вернуться, став раннером, если ему удается отбить мяч.

по мячу бил один и тот же пацан — Рыгало Хаггинс. В свои двенадцать лет Рыгало выглядел комично большим: ростом уже в шесть футов и весом, наверное, в сто семьдесят фунтов. Прозвище он получил за умение долго и громко рыгать, получалось у него нечто среднее между кваканьем лягушки и стрекотанием цикады. Случалось, рыгая, он постукивал рукой по губам, и срывающиеся с них звуки напоминали клич индейцев.

Рыгало был здоровенным и не толстым, теперь вспоминал Эдди, но Бог, похоже, не планировал, чтобы мальчик становился таким большим в двенадцать лет; если бы Рыгало не умер в то лето, он мог бы прибавить в росте еще шесть дюймов, а то и больше, но мог бы и научиться управлять таким огромным телом в мире куда меньших по размерам людей. «*Он даже мог*, — подумал Эдди, — *научиться доброте*». Но в двенадцать лет Рыгало, неуклюжий и злобный, даже производил впечатление умственно отсталого исключительно из-за резких и на удивление неловких телодвижений. Какая там легкость, присущая, скажем, Стэнли! Тело здоровяка, казалось, никак не общалось с его мозгом, существовало в собственном замедленном мире. Эдди вспомнился один вечер, когда мяч, отбитый бэттером, медленно летел прямо на Рыгало, который стоял на внешнем поле. Он мог поймать этот мяч, не сходя с места. Рыгало застыл, задрав голову, вскинув руку, словно в приветствии, но подставить перчатку под мяч так и не удосужился, и он ударил Рыгало по темечку с громким «бонг». Такой же звук слышится, если мяч, брошенный с третьего этажа, падает на крышу «форда». Мяч подскочил на четыре фута и аккуратно опустился в перчатку. У одного бедолаги, Оуэна Филлипса, «бонг» этот вызвал смех. Рыгало подошел к нему и пнул так сильно, что Филлипс побежал домой, крича от боли и с дырой в штанах. Больше никто не засмеялся... разве что про себя. Эдди полагал, что Ричи Тозиер, если бы при этом присутствовал, наверняка не удержался бы от колкой реплики, и Рыгало скорее всего отправил бы его в больницу. Такую же медлительность демонстрировал Рыгало и в «доме». Выбить его не составляло труда, а если после его удара мяч отскакивал в землю, то даже самые неуклюжие игроки внутреннего поля салили его до того, как он добирался до первой базы. Но если уж удар получался, мяч летел очень, очень далеко. Эдди видел два мяча, которые Рыгало отправил за забор, и оба удара получились потрясающими. Первый мяч

так и не нашли, хотя с десяток мальчишек перелезли через забор и принялись рыскать по Пустоши.

Второй отыскали. Мяч этот принадлежал другому шестикласснику (Эдди не мог вспомнить его имя и фамилию — только прозвище; мальчишки звали его Сопливый, потому что он вечно ходил простуженным), и им играли в конце весны и в начале лета 1958 года. В результате мяч претерпел значительные изменения в сравнении с идеально круглым белоснежным шаром с красными стежками, каким его достали из коробки в магазине. Он потерся, его покрывали зеленые пятна от травы и царапины от сотен ударов по гравию. Стежки в одном месте начали надрываться, и Эдди (он бегал за мячами, выкатившиеся за границу поля, если позволяла астма, и смаковал каждое небрежное: «Спасибо, малыш», — которым его награждали, когда он возвращал мяч в поле) знал, что скоро кому-то придется доставать изоленту «Черный кот» и обматывать ею мяч, чтобы им могли поиграть еще неделю или чуть дольше.

Но прежде чем настал этот день, семиклассник с невероятным именем Стрингер и фамилией Дедэм подал, как он это называл, «с переменной скоростью». Принимал подачу Рыгало Хаггинс. Точно рассчитал время подлета мяча (медленные подачи подходили ему как нельзя лучше) и ударил по видавшему виды «сполдингу»* Сопливого. Обшивка мяча тут же оторвалась и спланировала на площадку, приземлившись в нескольких футах от второй базы, будто большая белая бабочка. Сам мяч поднимался все вышел и выше в роскошное подсвеченное закатом небо, раскручиваясь и раскручиваясь. Мальчишки, онемев от изумления, поворачивали головы, следя за полетом мяча. Эдди помнил, как с губ Стрингера сорвалось: «*Срань гос-подня!*» — и такое благоговение слышалось в его голосе. Мяч все летел и летел, они все видели разматывающуюся бечевку, и, возможно, еще до того, как мяч долетел до земли, уже в Пустоши, шестеро мальчишек карабкались за забор. Эдди помнил, как Тони Трекер изумленно хохотал и кричал: «Этот мяч улетел бы и за стадион «Янкис»**. Улетел бы на хрен и за стадион «Янкис».

---

* «Сполдинг» — компания по производству спортивных товаров.

** Максимальное достижение бэттера — выбить мяч за дальнюю границу игрового поля, на трибуны или даже за них.

Нашел мяч Питер Гордон, недалеко от ручья, который тремя неделями позже члены Клуба неудачников перегородили плотиной. Диаметр его уменьшился до трех дюймов. Но бечевка не порвалась.

По молчаливой договоренности мальчишки принесли остатки мяча Сопливого Тони Трекеру, который осмотрел их, не произнося ни слова, стоя в окружении также молчавших мальчишек. Со стороны могло показаться, что группа эта — мальчишки, окружившие высокого мужчину с большущим животом, — собралась по какому-то религиозному поводу, скажем, поклониться некой священной реликвии. Рыгало Хаггинс даже не обежал базы. Просто стоял среди других, как человек, не очень-то осознающий, где находится и что делает. И мяч, который протянул ему Тони Трекер, диаметром уступал теннисному.

Эдди, с головой погрузившийся в воспоминания, зашагал через площадку, миновал питчерскую горку (только горкой она никогда не была, скорее ямкой, из которой убрали гравий), вышел в зону шорт-стопа*. Остановился, вслушиваясь в окружавшую его тишину, двинулся дальше, к проволочному забору. Он проржавел еще сильнее, теперь его оплел какой-то мерзкий вьюн, но он оставался на прежнем месте. Сквозь ячейки Эдди видел уходящий вниз склон, заросший яркой зеленью.

Пустошь даже больше, чем прежде, напоминала джунгли, и впервые Эдди задался вопросом: а почему участок земли, покрытый столь буйной растительностью, назвали Пустошью? Ничего пустого не было там и в помине. Почему не Чаща? Почему не Джунгли?

Пустошь.

Какое-то мрачное, даже зловещее слово, но если оно с чем-то и ассоциировалось, то никак не с переплетением веток кустов и деревьев, которые росли так густо, что им приходилось бороться за место под солнцем. Перед мысленным взором возникали песчаные дюны, уходящие к горизонту, или серая равнина солончаков. Пустая, бесплодная земля. Майк говорил, что они все бесплодны, и это, похоже, и правда так. Их семеро, и ни одного ребенка. Явное нарушение теории вероятности, даже в эпоху планирования семьи.

---

* Шорт-стоп — игрок внутреннего поля, располагается между второй и третьей базами.

Эдди смотрел сквозь ржавые ромбы, слыша далекий рокот машин, проезжающих по Канзас-стрит, слыша далекое журчание воды внизу. Он видел, как ручей сверкает под весенним солнцем. Тростниковые заросли остались на прежнем месте, только выглядели болезненно-белыми, словно пятна грибка на зеленом фоне. За зарослями виднелись болотистые участки, граничащие с Кендускигом. По слухам, тамошняя трясина засасывала с концами.

«Я провел самые счастливые дни моего детства в этой клоаке», — подумал Эдди, и по телу его пробежала дрожь.

Он уже собирался отвернуться, когда взгляд зацепился за что-то: бетонный цилиндр с металлической крышкой, шахта морлоков, как называл их Бен, смеясь, да только смех этот ограничивался губами, потому что глаза оставались серьезными. Если к нему подойти, цилиндр будет не выше пояса (если ты — ребенок) и ты прочитаешь на нем отлитые полукругом слова: «ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ ДЕРРИ». А из глубины до тебя донесется гудение: там работали какие-то машины.

Шахты морлоков.

«Туда мы и пошли. В августе. В конце. Спустились по одной из шахт, в канализационные тоннели, только через какое-то время они перестали быть тоннелями. Они стали... стали... чем?

Там, внизу, они нашли Патрика Хокстеттера. Прежде чем Оно забрало его, Беверли увидела, как он делает что-то плохое. Она тогда рассмеялась, но знала — что-то плохое. Что-то связанное с Генри Бауэрсом, так? Да. Думаю, да. И...»

Он резко повернулся и зашагал к заброшенному гаражу, не желая больше смотреть на раскинувшуюся внизу Пустошь, злясь на мысли, которые лезли в голову. Ему хотелось домой, к Майре. Ему совершенно не хотелось оставаться в Дерри. Он...

— Лови, малявка!

Эдди оглянулся на голос и увидел, что через забор к нему летит мяч. Мяч упал на гравий, подпрыгнул. Эдди вытянул руку и поймал его. Рефлекторно, не думая, что делает, поймал ловко, даже элегантно.

Посмотрел на то, что держит в руке, и внутри все похолодело и опустилось. Когда-то это был бейсбольный мяч, но теперь осталась лишь обтянутая бечевкой сфера, потому что обшивку с мяча содрали. Он видел, как размотавшаяся бечевка тянется за мячом.

Она перехлестывала через забор, как нить паутины, и исчезала в Пустоши.

«Господи, — подумал Эдди. — *Господи. Оно здесь. Здесь, рядом со мной. СЕЙЧАС...»*

— Спускайся вниз и поиграй, Эдди, — раздался голос с другой стороны забора, и Эдди, едва не теряя сознание от ужаса, осознал, что это голос Рыгало Хаггинса, убитого в тоннелях под Дерри в августе 1958 года. И тут же появился и сам Рыгало, поднимался по склону к забору.

На нем была полосатая бейсбольная форма «Нью-йоркских янки», замазанная зеленым, с прицепившимися кое-где осенними листками. Эдди видел перед собой Рыгало, но при этом и прокаженного, существо, которое во всем своем уродстве поднялось из залитой водой могилы. Мышцы на тяжелом лице висели клочьями. Одна глазница опустела. Паразиты копошились в волосах. Левую кисть скрывала поросшая мхом бейсбольная перчатка. Гниющие пальцы правой лезли сквозь ромбовидные ячейки заборной сетки, а когда страшилище сжало пальцы, Эдди услышал мерзкий скрежет, который едва не свел его с ума.

— Этот мяч улетел бы и за стадион «Янкис», — процитировал Рыгало Тони Трекера и ухмыльнулся. Жаба, болезненно бледная и корчащаяся, вывалилась из его рта и упала на землю. — Ты меня слышишь? Улетел бы на хрен и за стадион «Янкис». Между прочим, Эдди, хочешь, чтобы тебе отсосали? Я сделаю это за десятик. Черт, я сделаю это забесплатно.

Лицо Рыгало изменилось. Желеподобный кончик носа отвалился, открыв два воспаленно-красных канала, которые Эдди видел в своих снах. Волосы погрубели и отступили от висков, стали белесыми, как паутина. Гниющая кожа на лбу лопнула, обнажив белую кость, покрытую какой-то слизистой субстанцией, словно затуманенная линза прожектора. Рыгало исчез; превратился в тварь, которая в свое время выползла из-под крыльца дома 29 по Нейболт-стрит.

— Бобби отсосет за десятик, — проворковал прокаженный и начал карабкаться на забор. Оставляя кусочки плоти на перекрестьях проволоки. Забор скрипел и трясся под его тяжестью. Когда он прикасался к вьюнам, они тут же чернели. — Он сделает это в любое время. Пятнашка за переработку.

Эдди попытался закричать. Но у него вырвался лишь сухой, бессловесный писк. Легкие словно превратились в самые древние в мире окарины*. Он посмотрел на мяч, который держал в руке, и внезапно мяч этот начал потеть кровью. Капли падали на гравий и пачкали туфли Эдди.

Он отбросил мяч и, пошатываясь, отступил на два шага. Глаза вылезли из орбит, Эдди вытирал руки о рубашку. Прокаженный добрался до вершины забора. Голова жуткой формы, напоминающая раздутый хэллоуиновский фонарь из тыквы, покачивалась на фоне неба. Вывалился язык, длиной в четыре фута, может — в шесть. Он спускался вниз по забору, словно змея, которая выползла изо рта прокаженного.

Только что прокаженный висел на заборе... а в следующую секунду исчез.

Не растаял в воздухе, как призрак в кино; просто исчез из этого мира. А Эдди услышал звук, подтвердивший, что прокаженный призраком не был: будто пробка вылета из бутылки шампанского. Звук воздуха, рванувшегося заполнять объем, ранее заполненный телом прокаженного.

Эдди повернулся и побежал, но не успел пробежать и десяти футов, как четыре каких-то предмета или существа вылетели из тени, царящей под погрузочной платформой у заброшенного гаража. Эдди подумал, что это летучие мыши, и закричал, закрыл голову руками... Потом он увидел, что это квадраты брезента — те самые квадраты брезента, которые использовались, как базы, когда на площадке играли в бейсбол большие парни.

Они кружили и кружили в застывшем воздухе, и Эдди пришлось пригнуться, чтобы избежать встречи с одним из них. А потом все они одновременно приземлились на привычных местах, подняв облачка пыли: «дом», первая база, вторая, третья.

Хватая ртом воздух, который никак не хотел проходить в легкие, Эдди пробежал мимо «дома», его губы растянулись, лицо побелело, как сливочный сыр.

ХРЯСТЬ! Звук биты, ударившей по фантомному мячу. А потом...

Эдди остановился, ноги отказывались ему служить, с губ сорвался стон.

---

* Окарина — древний духовой музыкальный инструмент, глиняная свистковая флейта.

Земля вспучивалась по линии, соединяющей «дом» с первой базой, словно гигантский крот быстро прорывал тоннель у самой поверхности земли. Гравий скатывался в обе стороны. А тот, кто рыл землю, добрался до базы и кусок брезента взлетел в воздух. Брезент поднимался так резко и быстро, что издавал шуршащий звук, схожий с тем, который можно услышать, когда чистильщик обуви энергично обрабатывает туфлю сразу двумя щетками. Земля начала вспучиваться между первой и второй базами, все быстрее и быстрее. Квадрат брезента на второй базе взлетел с тем же шуршанием, и едва успел опуститься на прежнее место, как невидимый землекоп уже достиг третьей базы и устремился к «дому».

Четвертый кусок брезента тоже поднялся в воздух, и тут же землекоп выскочил на свет божий, будто черт-из-табакерки. Эдди увидел, что это Тони Трекер, от лица которого остались местами прилипшие к черепу почерневшие куски плоти, а белая рубашка превратилась в лохмотья. Он вылез из земли в «доме», по пояс, качаясь из стороны в сторону, как какой-то гротескный червь.

— Не важно, как крепко ты будешь держаться за этот ясеневый черенок, — говорил Тони Трекер хриплым, скрипучим голосом. Зубы выпирали изо рта в безумной улыбке. — Не важно, Астматик! Мы доберемся до тебя. До тебя и твоих друзей. Мы получим МЯ-АЧ!

Эдди закричал, отшатнулся. Ему на плечо легла рука. Он отпрянул. Хватка на мгновение усилилась, потом рука отпустила его плечо. Он повернулся. Перед ним стояла Грета Боуи. Мертвая. Половины лица как не бывало; черви копошились в оставшемся красном мясе. В руке она держала зеленый воздушный шарик.

— Автомобильная авария, — пояснила узнаваемая часть рта и растянулась в улыбке. Сопровождалась улыбка жутким скрипом, и Эдди увидел сухожилия, двигающиеся, как ремешки. — В восемнадцать лет, Эдди. Я выпила и закинулась «красной птичкой»*. Твои друзья здесь, Эдди.

Эдди попятился, выставив перед собой руки. Грета шла следом. Кровь, выплеснувшаяся ей на ноги, засохла длинными полосами. На Грете были туфли без задников.

И тут у нее за спиной он увидел еще одно страшилище: Патрик Хокстеттер плелся к нему через внешнее поле. Тоже в форме «Нью-йоркских янки».

---

* «Красная птичка» — сленговое название секонала (по цвету таблеток), одного из самых популярных у наркоманов барбитуратов.

Эдди побежал. Грета схватила его, порвала рубашку, выплеснула какую-то ужасную жидкость ему за шиворот. Тони Трекер вылезал из проделанной им дыры в земле. Шатающийся Патрик Хокстеттер, едва волоча ноги, тащился к нему. Эдди побежал, не зная, откуда возьмется необходимый для бега воздух, но все равно побежал. И на бегу увидел слова, выплывшие прямо перед ним, слова, написанные на зеленом шарике, который держала Грета Боуи:

ЛЕКАРСТВО ОТ АСТМЫ ВЫЗЫВАЕТ РАК ЛЕГКИХ!
НАИЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ
ОТ «АПТЕЧНОГО МАГАЗИНА НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ»

Эдди бежал. Бежал и бежал, и в какой-то момент рухнул без чувств около Маккэррон-парк. Какие-то мальчишки увидели его и обошли стороной, потому что выглядел он как алкоголик, от которого можно подхватить какую-то болезнь, или даже как убийца. Они уже собрались сообщить о нем в полицию, но все-таки не стали.

3
Бев Роган наносит визит

Беверли рассеянно шагала по главной улице от «Таун-хауса», куда забежала, чтобы переодеться в синие джинсы и ярко-желтую блузку. Она не думала о том, куда идет. Думала вот о чем:

Волосы твои —
Жаркие угли зимой.
Хочу в них сгореть.

Она спрятала полученную открытку в нижнем ящике комода, под стопкой белья. Ее мать, наверное, открытку видела, но это значения не имело. Самое главное — отец в этот ящик никогда не заглядывал. Если бы он нашел открытку, то посмотрел бы на нее яркими, почти что дружелюбными глазами, взгляд которых парализовывал ее, и спросил бы самым дружелюбным тоном: «Ты делала что-то такое, чего делать тебе не следовало, Бев? Ты что-то делала

с каким-то мальчиком?» И ответь она «да», или ответь она «нет», последовал бы быстрый удар, такой быстрый и сильный, что сначала она бы даже не почувствовала боли — проходило несколько секунд, прежде чем пустота в месте удара исчезала, и ее заполняла боль. А потом голос отца, такой же дружелюбный, добавил бы: «Беверли, иногда ты очень меня тревожишь. Очень тревожишь. Ты должна повзрослеть. Или это не так?»

Ее отец до сих пор мог жить в Дерри. Жил здесь, когда в последний раз дал о себе знать, но это произошло... сколько прошло лет? Десять? Задолго до того, как она вышла за Тома. Она получила от него открытку, не простенькую почтовую открытку, как со стихотворением, а цветную, с изображением отвратительной пластмассовой статуи Пола Баньяна, которая высилась перед Городским центром. Статую поставили в пятидесятых годах, она стала одним из символов ее детства, но открытка отца не вызвала у нее ни ностальгии, ни воспоминаний; с тем же успехом он мог прислать открытку с «Вратами на Запад» в Сент-Луисе или мостом «Золотые ворота» в Сан-Франциско.

«*Надеюсь, дела у тебя идут хорошо и ты в полном здравии*, — написал он. — *Надеюсь, ты пришлешь мне что-нибудь, если сможешь, потому что располагаю я немногим. Я люблю тебя, Бевви. Папа*».

Он действительно ее любил, и каким-то образом, полагала она, из-за его любви она по уши втюрилась в Билла Денбро тем долгим летом 1958 года: потому что из всех мальчишек именно Билл демонстрировал силу, которую она ассоциировала с отцом... но при этом совсем другую силу — ту, что прислушивалась к мнению других. По глазам и поступкам Билла она видела: он не верит, что «беспокойство» за близких, которое не оставляло отца — единственная причина, оправдывающая применение силы... словно люди — домашние любимцы, которых нужно баловать и наказывать.

Как бы то ни было, к концу их первой встречи полным составом в июле того года, встречи, на которой Билл, не прилагая к тому усилий, стал их безоговорочным лидером, она безумно любила его. И назвать ее чувство обычной влюбленностью школьницы — все равно что назвать «роллс-ройс» транспортным средством с четырьмя колесами, чем-то вроде телеги для перевозки сена. Она не краснела, когда видела его, обходилась и без визгливого смеха, не писала его имя на деревьях мелом или чернилами на Мосту Поцелу-

ев. Просто все время жила с его образом в сердце, ощущая сладкую, мучительную душевную боль. Она бы умерла ради него.

И вполне естественно, полагала она, что ей хотелось верить, будто именно Билл прислал это любовное стихотворение... но она никогда не заходила так далеко, чтобы действительно себя в этом убедить. И потом... в какой-то момент... разве автор не открылся ей? Да, Бен ей все сказал (но сейчас не вспомнила бы, даже если б от этого зависела ее жизнь, когда и при каких обстоятельствах он сказал ей об этом вслух), и хотя свою любовь к ней он скрывал почти так же хорошо, как она — любовь к Биллу,

(*но ты сказала ему, Бевви, ты сказала ему, что любишь*)

любовь эта не вызвала бы сомнений у любого внимательного (и доброго) человека: она проявлялась в том, как тщательно он сохранял с ней дистанцию, в том, как менялось его дыхание, когда она касалась его кисти или предплечья, в том, как он одевался, зная, что увидит ее. Милый, нежный, толстый Бен.

Как-то он разрушился, этот сложный доподростковый треугольник, но как именно, она по-прежнему вспомнить не могла. Среди многого другого. Кажется, Бен признался, что сочинил и отослал ей то маленькое любовное стихотворение. Кажется, она призналась Биллу в своей любви и пообещала любить его вечно. И каким-то образом два эти признания помогли спасти их всех... или не помогли? Она не помнила. Эти воспоминания (или воспоминания о воспоминаниях, так, пожалуй, правильнее) казались вершинами островов, точнее, выступами одного кораллового рифа, поднимающегося над водой, не отдельные, а соединенные на глубине воедино. И однако, когда она пыталась нырнуть, чтобы увидеть остальное, перед мысленным взором возникал какой-то безумный образ: скворцы, которые каждую весну возвращались в Новую Англию, сидящие на телефонных проводах, на деревьях, на крышах домов, ссорящиеся из-за места и наполняющие воздух конца марта пронзительными криками. Образ этот вновь и вновь приходил к ней, чуждый и тревожащий, как сильный луч радиомаяка, забивающий сигнал, который ты действительно хочешь поймать.

Беверли испытала шок, осознав, что стоит перед прачечной самообслуживания «Клин-Клоуз», куда она, Стэн Урис, Бен и Эдди отнесли тряпки в тот день в конце июня: тряпки, запачканные кровью, которую могли видеть только они. Увидела, что окна в высохшей мыльной пене, а на двери висит табличка с надписью от руки:

«ПРОДАЕТСЯ ВЛАДЕЛЬЦЕМ». Найдя участок, свободный от пены, Беверли заглянула в прачечную. Увидела пустое помещение с более светлыми квадратами на грязных желтых стенах: там стояли стиральные машины.

«Я иду домой», — в ужасе подумала она, но все равно продолжила путь.

Этот район не сильно изменился. Спилили еще несколько деревьев, возможно, вязов, пораженных болезнью. Дома стали более обшарпанными; разбитые окна встречались чаще, чем в ее детстве. Некоторые дыры закрыли картоном, другие — нет.

И вскоре она стояла перед многоквартирным домом номер 127 по Нижней Главной улице. Никуда за годы ее многолетнего отсутствия он не делся. Облупившаяся белая краска, которую она помнила, стала облупившейся шоколадно-коричневой краской, но в том, что это дом, где она жила, сомневаться не приходилось. Это окно их кухни, а то — ее спальни.

(*«Джим Дойон, уйди с той дороги! Уйди немедленно, или ты хочешь, чтобы тебя сбила машина и ты умер?»*)

Беверли пробрала дрожь, она скрестила руки на груди, обхватив локти ладонями.

Отец мог еще жить здесь; да, мог. Он переехал бы только в случае крайней необходимости. *«Просто подойди к подъезду, Беверли. Посмотри на почтовые ящики. Три ящика на три квартиры. И если на одном фамилия «МАРШ», ты сможешь нажать звонок, и очень скоро раздастся шуршание шлепанцев в коридоре, дверь откроется, и ты увидишь его, мужчину, сперма которого сделала тебя рыжеволосой и левшой и дала тебе способность рисовать... помнишь, как он раньше рисовал? Он мог нарисовать все, что хотел. Если у него возникало такое желание. Но возникало оно нечасто. Думаю, у него было слишком много поводов для тревоги. А если все-таки возникало, ты сидела часами и наблюдала, пока он рисовал кошек, и собак, и лошадей, и коров с «Му-у» в поднимающихся от морды пузырях. Ты смеялась, и он смеялся, а потом говорил: «Теперь ты, Бевви», — и когда ты брала ручку, он направлял твою руку, и ты видела, как из-под твоих пальцев появлялась корова, или кошка, или улыбающийся человечек, тогда как ты вдыхала запах его «Меннен скин брейсер» и тепло его кожи. Давай, Беверли. Нажми кнопку звонка. Он откроет дверь, и он будет старым, с лицом, глубоко прорезанным морщинами, а зубы, те, что остались, будут желтыми, и он посмотрит на*

тебя и скажет: «Да это же Бевви, Бевви приехала домой, чтобы повидаться со стариком отцом, заходи, Бевви, я так рад тебя видеть, я так рад, потому что ты тревожишь меня, Бевви, ты сильно меня ТРЕВОЖИШЬ».

Она медленно пошла по дорожке, и сорняки, которые выросли между бетонными плитами, цеплялись за штанины ее джинсов. Она вглядывалась в окна первого этажа, но всё их плотно занавесили. Посмотрела на почтовые ящики. Третий этаж — «СТАРК-УИЗЕР». Второй этаж — «БЕРК». Первый этаж (у нее перехватило дыхание) — «МАРШ».

«Но я не позвоню. Я не хочу его видеть. Я не нажму кнопку этого звонка».

Вот оно, твердое решение, наконец-то! Решение, которое служило началом полнокровной и полезной жизни твердых решений! По дорожке она вышла на тротуар! Направилась обратно к центру города! Вернулась в отель «Таун-хаус»! Собрала вещи! Вызвала такси! Улетела! Велела Тому выметаться! Зажила успешно! Умерла счастливой!

Она нажала кнопку звонка.

Услышала знакомое позвякивание в гостиной — позвякивание, которое всегда воспринимала, как какое-то китайское имя: Чинг-Ченг! Тишина. Нет ответа. Она переминалась на крыльце с ноги на ногу, внезапно возникло желание справить малую нужду.

«Никого нет дома, — с облегчением подумала она. — *Теперь я могу идти».*

Вместо этого позвонила снова: Чинг-Ченг! Нет ответа. Подумала о прекрасном коротеньком стихотворении Бена и попыталась в точности вспомнить, где и как он признался в авторстве, и почему, на короткое мгновение она связала это признание со своей первой менструацией. Она начала менструировать в одиннадцать лет? Конечно же, нет, хотя ее груди «проклюнулись» в середине зимы. Так почему?.. Но тут, разрывая ход мыслей, у нее в голове возникла картина тысяч скворцов на телефонных проводах и крышах, галдящих в этот белый весенний день.

«Теперь я уйду. Я позвонила дважды; этого достаточно».

Но она позвонила еще раз.

Чинг-Ченг!

Теперь она услышала, как кто-то приближался к двери, и звуки эти нисколько ее не удивили: усталый шепот старых шлепанцев.

Беверли торопливо огляделась и очень, очень близко подошла к тому, чтобы дать деру. Она успела бы добежать по бетонной дорожке до угла и скрыться, чтобы отец подумал: никто к нему и не приходил, просто мальчишки балуются. *«Эй, мистер, принц Альберт в вашем сортире?..»*

Беверли резко выдохнула, и ей пришлось сжать горло, потому что с губ чуть не сорвался смех облегчения. Дверь открыл совсем не ее отец. На пороге стояла и вопросительно смотрела на нее высокая женщина лет под восемьдесят. С роскошными волосами, по большей части серебряными, но кое-где цвета чистого золота. За стеклами очков без оправы Беверли увидела глаза, синие, как вода фиордов, с берегов которых, вероятнее всего, и прибыли в Америку предки этой женщины. Она была в платье из пурпурного муарового шелка, не новом, но пристойном. Морщинистое лицо светилось добротой.

— Да, мисс?

— Извините. — Желание смеяться пропало так же быстро, как и пришло. Она заметила камею на шее старухи. Почти наверняка слоновая кость, окруженная полоской золота, тончайшей, едва видимой. — Я, наверное, нажала не ту кнопку (*«Или специально позвонила в чужой звонок»*, — прошептал внутренний голос). — Я хотела позвонить Маршу.

— Маршу? — Морщины на лбу старухи углубились.

— Да, видите ли...

— Марш в этом доме не живет.

— Но...

— Если только... вы говорите про Элвина Марша, да?

— Да! — воскликнула Беверли. — Про моего отца!

Рука старухи поднялась к камее, прикоснулась к ней. Она более пристально всмотрелась в Беверли, отчего та ощутила себя совсем юной, словно принесла коробку с печеньем, какое пекли герлскауты, или рекламный листок, скажем, с просьбой поддержать школьную команду «Тигров Дерри». А потом старуха улыбнулась... по-доброму, но при этом и грустно.

— Должно быть, вы давно потеряли с ним связь. Мне не хочется приносить дурную весть, я для вас совершенно незнакомый человек, но ваш отец уже лет пять как умер.

— Но... на звонке... — Она посмотрела вновь, и с губ сорвался какой-то странный звук удивления, отличный от смешка. Волну-

ясь, подсознательно нисколько не сомневаясь, что отец по-прежнему живет в их квартире, она приняла «КЕРШ» за «МАРШ».

— Вы — миссис Керш? — спросила она. Известие о смерти отца потрясло ее, но при этом она чувствовала себя круглой дурой из-за допущенной ошибки: женщина могла принять ее за полуграмотную.

— Миссис Керш, — кивнула старуха.

— Вы... знали моего отца?

— Практически нет. — Голосом она напоминала Йоду из фильма «Империя наносит ответный удар», и Беверли вновь захотелось рассмеяться. Когда еще ее настроение так быстро менялось? По правде говоря, она не могла этого вспомнить... но боялась, что вспомнит, и очень даже скоро. — Он жил в этой квартире до меня. Мы виделись — он съезжал, я въезжала — в течение нескольких дней. Он переехал на Ревард-лейн. Вы знаете, где это?

— Да, — кивнула Беверли. Ревард-лейн отходила от Нижней Главной улицы в четырех кварталах ближе к административной границе Дерри, там многоквартирные дома были меньших размеров и более обшарпанные.

— Иногда я сталкивалась с ним в «Костелло-авеню-маркет», — продолжила миссис Керш, — и в прачечной самообслуживания, до того как она закрылась. Время от времени мы перебрасывались парой слов. Мы... девочка, вы такая бледная. Пройдите в дом и позвольте мне угостить вас чаем.

— Нет, я не могу, — чуть ли не шепотом ответила Беверли, но чувствовала, что побледнела, словно запотевшее стекло, через которое ничего не разглядишь. И да, она не отказалась бы от чая и от стула, сидя на котором и выпила бы этот чай.

— Вы можете и пройдете, — мягко возразила миссис Керш. — Это самое меньшее, чем я могу компенсировать вам печальную весть, которую сообщила.

И прежде чем Беверли успела запротестовать, она обнаружила, что ее уже ведут по полутемному подъезду в прежнюю квартиру, которая вроде бы стала меньше размером, но не вызывала отрицательных эмоций, возможно потому, что в ней все переменилось. Место пластикового стола с розовым верхом и приставленных к нему трех стульев занял маленький круглый стол, чуть больше приставного столика, с искусственными цветами в керамической

вазе. Вместо старенького холодильника «Келвинатор» с круглым компрессором на верхней крышке (отец постоянно его чинил) она увидела «Фриджидейр» цвета меди. Над маленькой и определенно экономичной плитой крепилась микроволновка «Амана радар рендж». На окнах висели синие занавески, за окнами стояли цветочные ящики. Линолеум, настеленный прежде, содрали, открыв исходный деревянный пол. Многократно навощенный, он тускло поблескивал.

Миссис Керш — она уже поставила на плиту чайник — повернулась к Беверли:

— Вы здесь выросли?

— Да, — ответила Беверли. — Но теперь все по-другому... аккуратно... уютно... потрясающе!

— Какая вы добрая. — И от ослепительной улыбки миссис Керш разом помолодела. — У меня есть немного денег, видите ли. Немного, но с пенсией по старости мне вполне хватает. Выросла я в Швеции. В эту страну приехала в 1920-м, четырнадцатилетней девочкой без гроша в кармане... а это лучший способ узнать цену деньгам, вы согласны?

— Да, — кивнула Бев.

— Я работала в больнице, — продолжила миссис Керш. — Много лет — с двадцать пятого года я там работала. Доросла до должности старшей сестры-хозяйки. Все ключи были у меня. Мой муж очень удачно инвестировал наши деньги. А теперь я прибыла в тихую гавань. Пройдитесь по квартире, мисс, пока закипает вода.

— Нет, я не могу...

— Пожалуйста... я по-прежнему чувствую себя виноватой. Пройдитесь, если хотите!

И она прошлась. Спальня ее родителей теперь стала спальней миссис Керш, и разница бросалась в глаза. Выглядела комната светлее и просторней. Большой комод из кедра, с вырезанными инициалами «РГ», казалось, наполнял воздух ароматом смолы. Огромное пикейное покрывало лежало на кровати. С изображением женщин, несущих воду, мальчиков, погоняющих коров, мужчин, скирдующих сено. Отличное покрывало.

Ее спальня стала швейной комнатой. Черная швейная машинка «Зингер» стояла на металлическом столике под двумя яркими лампами «Тензор». Одну стену украшало изображение Иисуса, другую — фотография Джона Ф. Кеннеди. Красивая горка стояла под

фотографией Кеннеди — заставленная книгами, а не фарфором, но смотрелась от этого ничуть не хуже.

Наконец, Беверли добралась до ванной.

Ее выдержали в розовом цвете, но такого приятного глазу оттенка, что она не казалась вульгарной. Всю сантехнику поменяли, и тем не менее к раковине Беверли приближалась с опаской, чувствуя, как захватывают ее воспоминания о давнем кошмаре: боялась, что заглянет в черное, без крышки, сливное отверстие, услышит шепот, а потом кровь...

Беверли наклонилась над раковиной, поймав в зеркале отражение своего бледного лица и темных глаз, а потом уставилась в сливное отверстие, ожидая голоса, смех, стоны, кровь.

Как долго она могла бы простоять там, согнувшись над раковиной, ожидая того же, что произошло двадцать семь лет назад, Беверли не знала; оторваться от раковины ее заставил только голос миссис Керш:

— Чай, мисс!

Она отпрянула, вырвавшись из пут самогипноза, ретировалась из ванной. Если в этой раковине и была черная магия, теперь она ушла... или не пробудилась.

— Ой, ну зачем все это!

Миссис Керш, улыбаясь, радостно посмотрела на нее.

— Мисс, если б вы знали, как редко нынче кто-нибудь заходит в гости, то не стали бы так говорить. Да я ставлю на стол гораздо больше для мужчины из «Бангор гидро», который приходит, чтобы снять показания счетчика! Моими стараниями он толстеет!

Фарфоровые чашки и блюдца стояли на круглом столе, белые, с синей каймой. На тарелке лежали маленькие пирожные и ломтики торта. Над заварочным чайником, что дымился паркóм рядом со сладостями, поднимался приятный аромат. Улыбнувшись, Бев подумала, что не хватает только миниатюрных сандвичей со срезанной корочкой: тетисандвичей, так она их называла, всегда в одно слово. Тетисандвичи бывали трех видов: со сливочным сыром и оливками, с кресс-салатом и с яичным салатом.

— Присядьте, — предложила миссис Керш. — Присядьте, мисс, и я налью вам чай.

— Я — не мисс. — И Беверли подняла левую руку, чтобы показать обручальное кольцо.

Миссис Керш улыбнулась и взмахнула рукой: какая ерунда, говорил этот жест.

— Я всех красивых молодых женщин называю «мисс». По привычке. Не обижайтесь.

— Я не обижаюсь, — ответила Беверли, но по какой-то причине ей вдруг стало чуточку не по себе: что-то в улыбке старухи показалось ей... каким? Неприятным? Фальшивым? Коварным? Но это же нелепо, так?

— Мне нравится, как вы тут все переделали.

— Правда? — Миссис Керш наливала чай. Темный, мутный. Беверли определенно не хотела его пить... и внезапно у нее возникли сомнения, а хотелось ли ей вообще тут находиться.

«Под дверным звонком было написано «МАРШ», — внезапно прошептал внутренний голос, и Беверли испугалась.

Миссис Керш передала ей полную чашку.

— Благодарю вас. — Беверли вновь посмотрела на чай. Да, мутноватый, но аромат замечательный. Она сделала маленький глоток. И вкус чудесный. *«Хватит шарахаться от тени»*, — сказала она себе. — Этот кедровый комод такой красивый.

— Антикварная вещь, этот комод, — ответила миссис Керш и рассмеялась. Беверли заметила, что старуха сохранила красоту во всем, кроме одного — такое часто встречалось в северных краях. Зубы у нее были очень плохие, крепкие, но все равно плохие. Желтые, и передние два налезали друг на друга. А клыки казались такими длинными, почти бивнями.

«Но они были белыми... она улыбнулась, когда открыла дверь, и ты подумала, какие белые у нее зубы».

Внезапно Беверли не на шутку перепугалась. Внезапно ей захотелось — потребовалось — убраться отсюда.

— Очень старая, да! — воскликнула миссис Керш, и выпила свою чашку в один присест, с неожиданным, шокирующим чавканьем. Улыбнулась Беверли — ухмыльнулась ей — и Беверли заметила, что глаза старухи тоже изменились. Белки пожелтели, пошли красными прожилками. Волосы стали тоньше, коса ужалась, серебро, перемежаемое золотыми прядями, исчезло, уступив место тусклой серости.

— Очень старая, — повторила миссис Керш над пустой чашкой, озорно глядя на Беверли этими пожелтевшими глазами. Торчащие зубы вновь показались в отвратительной, почти что похотливой

улыбке. — Из дома со мной он прибыл. На нем вырезана монограмма «РГ». Вы заметили?

— Да. — Собственный голос донесся откуда-то издалека, а часть рассудка верещала: *«Если она не знает, что ты заметила все эти изменения, может, ты выкрутишься. Если она не знает, не видит...»*

— Мой отец. — Слово это она произнесла, как «отьец», и Беверли увидела, что изменилось и платье. Стало чешуйчатым, зашелушилось черным. Камея превратилась в череп с отвисшей челюстью. — Его звали Роберт Грей, но он больше известен как Боб Грей, больше известен как Пеннивайз, Танцующий клоун. Хотя и это не его имя. Но он любил пошутить, мой отьец.

Она вновь рассмеялась. Некоторые зубы почернели, как и платье. Морщины на коже углубились. Сама кожа, раньше молочно-розовая, стала болезненно-желтой. Пальцы превратились в когти. Она ухмыльнулась Беверли.

— Съешьте что-нибудь, дорогая. — Голос поднялся на полоктавы, но в нем прибавилось скрипучести, и теперь он звучал, как дверца склепа, поворачивающаяся на петлях, забитых сырой землей.

— Нет, благодарю вас, — услышала Беверли фразу, которую ее рот произнес высоким голосом ребенка, спешащего домой. Слова эти, похоже, родились не в ее мозгу; они сорвались с губ, а потом им пришлось проникнуть в уши, чтобы она узнала о том, что сказала.

— Нет? — переспросила ведьма и вновь ухмыльнулась.

Ее когти скребли по тарелке. Она принялась обеими руками заталкивать в рот пирожные с мелассой и глазированные ломтики торта. Ужасные зубы разжимались и сжимались, разжимались и сжимались, ногти, длинные и грязные, протыкали сладости, крошки сыпались вниз по костлявому подбородку. Изо рта воняло разлагающимися трупами, которые разорвало напором распирающих их газов. Смех теперь напоминал сухое клохтанье. Волосы редели. Сквозь них уже проглядывал чешуйчатый череп.

— Ох, он любил шутить, мой отьец. Это шутка, мисс, если вы их любите: мой отьец выносил меня, не моя муттер. Он высрал меня из жопы! Хи! Хи! Хи!

— Я должна уйти, — услышала Беверли свой, такой же пронзительный голос — голос маленькой девочки, которую очень обидели на ее первой вечеринке. Она смутно отдавала себе отчет, что в

чашке у нее не чай, а дерьмо, жидкое дерьмо, подарочек из канализационных тоннелей под городом. И она выпила этого дерьма, немного, всего маленький глоточек, Господи, Господи, благословенный Иисус, пожалуйста, пожалуйста...

Женщина скукоживалась у нее на глазах, худела; теперь напротив нее сидела карга с лицом — сморщенным яблоком, смеющаяся пронзительным, хрюкающим смехом и раскачивающаяся взад-вперед.

— Мой отьец и я — одно целое, — говорила она. — Что я, что он, и, дорогая моя, если тебе хватает ума, тебе лучше убежать туда, откуда ты приехала, убежать быстро, потому что, если останешься, все будет хуже смерти. Те, кто умирает в Дерри, не умирают по-настоящему. Ты знала это раньше; поверь в это и теперь.

Медленным движением Беверли уперлась ногами в пол. Словно со стороны увидела, как упирается ногами в пол и отодвигается от стола и от ведьмы, в ужасе, не веря своим глазам, не веря, потому что впервые осознала, что аккуратный маленький обеденный столик — не из темного дуба, а из сливочной помадки. Прямо у нее на глазах ведьма, все еще смеясь, кося старыми желтыми глазами в угол комнаты, отломила кусок и жадно засунула в черную дыру — свой рот.

Теперь она видела, что чашки сделаны из белой коры, на которую аккуратно нанесена полоска синей глазури. А Иисус Христос и Джон Кеннеди — леденцовые, и когда Беверли посмотрела на них, Иисус показал ей язык, а Кеннеди липко подмигнул.

— Мы все ждем тебя! — закричала ведьма, и ее ногти прочертили глубокие бороздки на поверхности стола из помадки. — Да! Да!

Плафоны над головой стали карамельными шарами, стены обшили панелями из жженого сахара. Беверли посмотрела под ноги и увидела, что ее обувь оставляет следы на половицах, которые и не половицы вовсе, а плитки шоколада. В комнате стоял удушливый запах сладкого.

«Боже, это же «Гензель и Гретель», это же ведьма, которой я боялась больше всего, потому что она ела детей...»

— Ты и твои друзья! — смеясь, кричала ведьма. — Ты и твои друзья! В клетке! Пока не прогреется печь! — Под ее лающий смех Беверли побежала к двери, но бежала она, как в замедленной съемке. А смех ведьмы бился и кружил над ее головой стаей летучих мышей. Беверли заорала. Подъезд вонял сахаром, нугой, карамe-

лью и тошнотворной синтетической клубникой. Ручка двери, ранее из искусственного хрусталя, превратилась в чудовищный сахарный кристалл.

«Ты тревожишь меня, Бевви... очень ТРЕВОЖИШЬ!»

Она повернулась — рыжие волосы пролетели мимо лица, — чтобы увидеть своего отца, который, волоча ноги, выходил следом за ней из квартиры, в черном платье ведьмы, с камеей-черепом на шее; лицо отца обвисло, стало одутловатым, глаза почернели, как обсидиан, пальцы сжимались и разжимались, страстная ухмылка изогнула губы.

— Я бил тебя, потому что хотел ОТТРАХАТЬ тебя, Бевви, это все, что я хотел, я хотел ОТТРАХАТЬ тебя, я хотел СЪЕСТЬ тебя, я хотел съесть твою КИСКУ, я хотел СОСАТЬ твой КЛИТОР, зажав его в зубах, ВКУСНЯШКА, Бевви, о-о-о-о-о, ВКУСНЯШКА В МОЕМ ПУЗИКЕ, я хотел посадить тебя в клетку... и разжечь печь... и пощупать твою МАНДУ... твою пухленькую МАНДУ... а когда она стала бы достаточно пухленькой, чтобы ее съесть... СЪЕСТЬ...

Крича, Беверли ухватилась за липкую ручку и выскочила на крыльцо, теперь украшенное фигурками из пралине и с полом из сливочной помадки. Далеко, смутно — перед глазами все плыло — она видела едущие по улице автомобили, женщину, которая катила тележку с продуктами из «Костелло».

«Я должна выбираться отсюда, — подумала она, уже теряя связность мыслей. — *Тут все нереально, если только я смогу добежать до тротуара...»*

— Проку от твоей беготни не будет. — Ее отец

(*мой отьец*)

смеялся. — Мы этого так долго ждали. Это будет забава. Это будет ВКУСНЯШКОЙ в наших ЖИВОТАХ.

Беверли вновь оглянулась, теперь ее отец сменил черное платье ведьмы на клоунский костюм с большими оранжевыми пуговицами. На голове красовалась шапка из енота, по моде 1958 года, какие «двигал в массы» Фесс Паркер* в диснеевском фильме о Дейви Крокетте. В одной руке он держал связку воздушных шариков. В другой — ногу ребенка, совсем как куриную ножку. На

* Паркер, Фесс Элиша-младший (р. 1924) — американский киноактер, многие предметы одежды, которые носил киношный Дейви Крокетт, пользовались огромной популярностью у подростков.

каждом шарике Беверли видела одну и ту же надпись: «ОНО ПРИШЛО ИЗВНЕ».

— Скажи своим друзьям, что я — последний представитель умирающей цивилизации. — Все с той же жуткой ухмылкой, спотыкаясь и пошатываясь, он спустился с крыльца следом за Беверли. — Единственный выживший на умирающей планете. Я прибыл сюда, чтобы ограбить всех женщин... изнасиловать всех мужчин... и научиться танцевать под «Мятный твист».

Спустившись с крыльца, клоун бешено задергался в танце, со связкой шариков в одной руке и оторванной, кровоточащей ногой ребенка в другой. Клоунский костюм трепало, как при сильном ветре, но Беверли никакого ветра не чувствовала. Ноги ее заплелись, и она грохнулась на тротуар, едва успев выставить руки, чтобы смягчить удар. Боль от ладоней прострелила до плеч. Женщина, которая толкала перед собой тележку с купленными продуктами, остановилась, нерешительно оглянулась, а потом двинулась дальше, чуть ускорив шаг.

Клоун направился к ней, отбросив оторванную ногу. Она упала на лужайку с глухим стуком. Беверли еще с мгновение лежала, распростершись на тротуаре, в полной уверенности, что очень скоро она должна проснуться, что в реальной жизни такого быть не может, что это кошмарный...

Она осознала, что заблуждается, за миг до того, как согнутые, с длинными ногтями пальцы клоуна прикоснулись к ней. Клоун был настоящим; он мог ее убить. Как убивал других детей.

— Скворцы знают твое настоящее имя, — внезапно прокричала Беверли.

Клоун отпрянул, и ей вдруг показалось, что улыбка на губах внутри нарисованной большой красной улыбки превратилась в гримасу ненависти и боли... а может, и страха. Но, возможно, изменение это следовало списать на ее воображение, и Беверли определенно не имела ни малейшего понятия, с чего сказала такое, но фраза эта позволила ей выиграть несколько секунд.

Она вскочила и побежала. Завизжали тормоза и грубый голос, одновременно взбешенный и испуганный, проорал: «Смотри, куда прешь, курица безмозглая!» Боковым зрением Беверли увидела хлебный фургон, который едва не сшиб ее, когда она метнулась через улицу, будто ребенок — за резиновым мячом, а потом уже стояла на тротуаре с противоположной стороны, тяжело дыша. С ту-

пой болью в левом боку. Хлебный фургон проследовал дальше по Нижней Главной улице.

Клоун исчез. Нога исчезла. Дом остался на прежнем месте, но теперь Беверли видела, что он полуразрушенный и брошенный, все окна забиты фанерой, ступени, ведущие к крыльцу, сломаны.

«Я там была или мне все это пригрезилось?»

Но она видела, что джинсы — грязные, желтая блузка в пыли.

И пальцы в шоколаде.

Беверли вытерла их о джинсы и быстрым шагом пошла прочь, с горячим лицом, холодной, как лед, спиной, а глазные яблоки, казалось, пульсировали, вылезая из орбит и возвращаясь обратно, в такт быстрым ударам сердца.

«Мы не сможем победить Оно. Чем бы Оно ни было, мы не сможем победить ОНО. Оно даже хочет, чтобы мы предприняли такую попытку — Оно хочет поквитаться. И ничья, полагаю, Оно не устроит. Мы должны убраться отсюда... просто уехать».

Что-то потерлось об ее икру, легонько, как котенок.

Беверли с криком отскочила в сторону. Посмотрела вниз, и внутренне сжалась, рука метнулась ко рту.

Шарик, желтый, как ее блуза. С ярко-синей надписью: «ТЫ ПГАФ, КГОЛИК».

У нее на глазах он полетел дальше, подпрыгивая на тротуаре, подгоняемый теплым, майским ветерком.

4

Ричи несется прочь

Что ж, в какой-то день Генри и его дружки преследовали меня... до окончания учебного года, это точно...

Ричи шагал по Внешней Канальной улице, мимо Бэсси-парк. Теперь он остановился, глубоко засунув руки в карманы, смотрел на Мост Поцелуев, но, если на то пошло, не видел его.

«Я оторвался от них в отделе игрушек «Фриза».

После безумного завершения ленча воссоединения Ричи шел куда глаза глядят, пытаясь хоть как-то сжиться с теми ужасами, что повылезали из печенья счастья... или, казалось, повылезали из печенья счастья. Он-то думал, что из печенья, возможно, ниче-

го и не вылезало. Это была групповая галлюцинация, вызванная всем этим леденящим кровь дерьмом, о котором они говорили. Главное доказательство этой версии заключалось в том, что Роуз ничего не видела. Разумеется, родители Беверли тоже не видели кровь, которая выплеснулась из раковины в ванной, но это далеко не одно и то же.

«Нет? почему нет?»

— Потому что теперь мы взрослые, — пробормотал он и обнаружил, что этой мысли недостает ни убедительности, ни логики; возможно, это такая же белиберда, как строчка из какой-нибудь детской считалочки.

Он двинулся дальше.

«Я пошел к Городскому центру, посидел какое-то время на скамейке в парке и подумал, что увидел...»

Он вновь остановился, хмурясь.

«Увидел — что?

...но мне это только померещилось.

Что — это? Что — в действительности?»

Ричи посмотрел налево и увидел большое здание из стекла, кирпича и стали, которое выглядело таким стильным в конце пятидесятых, и вдруг стало древним и жалким.

«И теперь я здесь, — подумал он. — *Вернулся к этому гребаному Городскому центру. Месту другой галлюцинации. Или грезы. Или что бы это ни было»*.

Другие видели в нем шута и кривляку, и он с легкостью вновь вошел в эту роль. Ах, мы все с легкостью входим в наши старые роли, или вы этого не замечали? Но что в этом столь уж необычного? Ричи подумал, что такое можно увидеть на любой встрече выпускников через десять или двадцать лет после окончания школы: главный шутник класса, которому в колледже открылось, что его призвание — служить Богу, пропустив пару стаканчиков, автоматически становится тем же остряком, каким и был прежде; великий знаток литературы, а ныне торговец грузовиками «Дженерал моторс», начинает разглагольствовать о Джоне Ирвинге или Джоне Чивере; парень, который играл в школьной рок-группе «Мундогс» вечером по субботам, а теперь стал профессором математике в Корнелле, оказывается на сцене с гитарой «Фендер» наперевес и по пьяни во всю глотку орет «Глорию» или «Птицу на волне». И что говорил по этому поводу Спрингстин? «Не отступай,

бэби, не сдавайся»... Однако куда проще верить в слова старых песен, опрокинув стаканчик-другой или покурив качественной панамской красной*.

Но Ричи верил: галлюцинация — возвращение к прежнему, а не настоящая жизнь. Возможно, ребенок мог сам стать отцом, но интересы отцов и сыновей часто сильно разнились, и внешне они далеко не всегда напоминали друг друга. Они...

«Но ты сказал — взрослые, а теперь это звучит как детский лепет; это звучит как белиберда. Почему так, Ричи? Почему?

Потому что Дерри, как и прежде, жуткий город. Почему мы просто не распрощались с ним?

Потому что жизнь не так проста, вот почему».

Мальчишкой он играл комика, иногда вульгарного, случалось, забавного, потому что это был один из способов выжить рядом с такими, как Генри Бауэрс, и не сойти с ума от скуки и одиночества. Ричи понимал, что в значительной степени причину следовало искать в его мозгах, которые обычно работали на скорости, в десять, а то и в двадцать раз выше скорости его одноклассников. Они находили его странным, необъяснимым, даже самоубийцей, в зависимости от фортеля, который он выкидывал, но, возможно, объяснялось все просто — повышенной скоростью мыслей. Но разве быстро соображать — это просто?

В любом случае особенность эту человек через какое-то время берет под контроль — должен взять или найти способ стравливать давление, и для Ричи такими «предохранительными клапанами» стали, к примеру, Кинки Брифкейс или Бафорд Киссдривел. Ричи открыл для себя этот способ через несколько месяцев после того, как забрел на радиостанцию колледжа, вроде бы скуки ради, и обнаружил все, что только мог желать. В первую же неделю у микрофона. Поначалу получалось у него не очень: он слишком нервничал, чтобы все было как надо. Но когда понял, что при его потенциале он может делать эту работу не просто хорошо, а лучше всех, одного осознания этого факта хватило, чтобы эйфория забросила его на луну. И в то же время он начал понимать великий принцип, который рулил вселенной, по крайней мере частью вселенной, связанной с карьерой и успехом: надо найти безумца, который носится в твоем сознании и портит тебе жизнь. Потом загнать его в угол

* Один из видов марихуаны.

и схватить. Но не убивать его. Нет, не убивать. Смерть — слишком легкий выход для таких маленьких мерзавцев. Ты надеваешь на него упряжь и начинаешь пахать на нем. Безумец вкалывает, как демон, едва тебе удается загнать его в борозду. И время от времени снабжает тебя ржачками. И так оно действительно и получилось. И все стало хорошо.

Он забавлял слушателей, все так, над его хохмами смеялись, в конце концов он перерос кошмары, которые таились в тени всех этих хохм. Или думал, что перерос. До этого дня, когда слово «взрослый» потеряло всякий смысл для его собственных ушей. И теперь предстояло иметь дело с чем-то еще, или по меньшей мере задуматься об этом; и эта огромная и совершенно идиотская статуя Пола Баньяна перед Городским центром.

«Вероятно, я — исключение, подтверждающее правило, Большой Билл».

«Но ты уверен, что раньше ничего не было, Ричи? Совсем ничего?»

«Я пошел к Городскому центру... подумал, что увидел...»

Острая боль второй раз за день иголками пронзила глаза, и Ричи закрыл их руками, сдавленный стон сорвался с губ. Боль ушла так же быстро, как и возникла. Но он ведь еще что-то унюхал, правда? Что-то, чего здесь на самом деле не было, но было раньше, что-то, заставившее его подумать о

(*Я здесь, с тобой, Ричи, держи мою руку, ты можешь схватиться за мою руку*)

Майке Хэнлоне. Он унюхал дым, который жег глаза, от которого они слезились. Двадцатью семью годами ранее он дышал этим дымом; в конце остались только Майк и он, и они увидели...

Но все ушло.

Он еще на шаг приблизился к пластмассовой статуе Пола Баньяна, сейчас потрясавшей радостной вульгарностью точно так же, как в детстве Ричи поразили размеры статуи. Мифологический Пол поднимался над землей на двадцать футов, да еще шесть добавлял постамент. С улыбкой взирал он сверху вниз на автомобили и пешеходов Внешней Канальной улицы, стоя на краю лужайки перед Городским центром. Городской центр построили в 1954—1955 годах для баскетбольной команды одной из низших лиг, которая так и не появилась. Годом позже, в 1956 году, Городской совет Дерри проголосовал за выделение денег на статую. Вопрос этот горячо

обсуждался и на публичных слушаниях в городском совете, и в «Дерри ньюс», в колонках «Письма редактору». Многие полагали, что это будет прекрасная статуя, которая привлечет туристов. Другие считали, что сама идея пластмассового Пола Баньяна ужасна, безвкусна и вообще полный мрак. Преподавательница рисования средней школы Дерри, вспомнил Ричи, написала письмо в «Ньюс», предупредив, что взорвет это уродище, если статую таки поставят в Дерри. Улыбаясь, Ричи задался вопросом, а продлили контракт с этой крошкой или нет?

Противостояние — теперь Ричи понимал, что это типичная буря в стакане воды, какие случаются что в больших, что в малых городах, — продолжалось шесть месяцев, и, разумеется, смысла в этом не было ровным счетом никакого; статую уже купили, и даже если бы городской совет сделал что-то немыслимое (особенно для Новой Англии) — решил не использовать нечто такое, за что уплачены деньги, то куда, скажите на милость, дели бы покупку? Потом статую, которую не вырубали, а отлили в формах на каком-то заводе пластмасс, поставили на положенное ей место, еще завернутую в брезентовое полотнище, достаточно большое, чтобы послужить парусом на клипере. Сняли полотнище 13 мая 1957 года, в сто пятидесятую годовщину основания города. Само собой, одна часть собравшихся заохала от возмущения, тогда как другая ответила на это восторженными ахами.

Когда полотнище сняли, Пол предстал перед горожанами в комбинезоне с нагрудником и клетчатой красно-белой рубашке, с великолепной черной, такой окладистой, такой лесорубской бородой. Пластмассовый топор, конечно же, Годзилла всех пластиковых топоров, лежал у него на плече, и он улыбался северным небесам, которые в день открытия памятника были такими же синими, как шкура верного спутника Пола (Бейб, однако, при открытии не присутствовал: добавление синего вола сделало бы стоимость памятника неподъемной для городского бюджета).

Дети, присутствовавшие на церемонии (пришли сотни, в том числе и десятилетний Ричи Тозиер вместе с отцом), искренне и от всей души восторгались пластмассовым гигантом. Родители поднимали малышей на квадратный пьедестал, на котором стоял Пол, фотографировали, а потом, улыбаясь, с тревогой наблюдали, как дети, смеясь, залезали и ползали по гигантским черным сапогам Пола (поправка — по гигантским черным пластмассовым сапогам).

И в марте следующего года Ричи, уставший и перепуганный, плюхнулся на одну из скамей перед статуей, убежав (едва-едва) от господ Бауэрса, Крисса и Хаггинса, которые гнали его от начальной школы Дерри чуть ли не через всю центральную часть города. Оторваться ему удалось только в отделе игрушек Универмага Фриза.

Деррийский филиал не шел ни в какое сравнение с величественным зданием универмага в центре Бангора, но Ричи в тот момент не задумывался о подобных мелочах: в шторм годится любая гавань. Генри Бауэрс его настигал, а силы Ричи подходили к концу. Он нырнул в пасть вращающихся дверей универмага, потому что не видел другого пути к спасению. Генри, который определенно не понимал, как работают такие механизмы, едва не потерял кончики пальцев, пытаясь схватить Ричи, когда тот проскочил в зазор между неподвижной стенкой и вращающейся створкой, а потом помчался в глубины универмага.

Спеша вниз, с выбившемся из брюк подолом рубашки, он услышал удары, доносящиеся от вращающейся двери, громкие, как выстрелы в телефильмах, и понял, что Ларри, Мо и Керли по-прежнему гонятся за ним. Он смеялся, сбегая в подвальный этаж, но это был нервный смех; Ричи переполнял ужас, как кролика, угодившего в проволочный силок. На этот раз они действительно намеревались отколошматить его (а через десять недель или около того — во время этого забега Ричи и представить себе такого не мог — он поверит, что эта троица, особенно Генри, способна на все, кроме убийства, и, конечно же, побледнел бы от шока, если б ему рассказали об апокалиптической битве камнями, когда будет снято и это последнее ограничение). А винить в этой истории он, как и всегда, мог только собственную несдержанность.

Ричи и другие ученики его пятого класса заходили в спортивный зал. Шестиклассники — Генри выделялся среди них, как бык среди коров, — выходили из зала. Хотя Генри учился в пятом классе, в зале он занимался с более старшими ребятами. С труб под потолком опять капала вода, и мистер Фацио еще не подошел и не поставил табличку с надписью «ОСТОРОЖНО! МОКРЫЙ ПОЛ!». Генри поскользнулся на луже и шлепнулся на пятую точку.

И прежде чем Ричи успел глазом моргнуть, его предательский рот протрубил:

— Так держать, каблуки-бананы!

Расхохотались одноклассники и Ричи, и Генри, а сам Генри, когда поднялся, совсем не смеялся: его лицо цветом напоминало только что вытащенный из печи кирпич.

— Поговорим позже, Очкарик, — процедил Генри и двинулся к выходу из зала.

Смех разом стих. Мальчишки смотрели на Ричи как на покойника. Генри не остановился, чтобы понаблюдать за реакцией; просто вышел, опустив голову, с красными локтями (ударился ими об пол) и большим мокрым пятном на штанах. Глядя на мокрое пятно, Ричи почувствовал, как его убийственно остроумный рот вновь открывается... но на сей раз захлопнул его, да так быстро, что едва не ампутировал кончик языка.

«*Да ладно, он забудет*, — успокаивал себя Ричи, переодеваясь. — *Конечно, забудет. Старина Хэнк не отличается хорошей памятью. Всякий раз, садясь срать, он скорее всего заглядывает в инструкцию, где написано, что и как нужно делать, ха-ха*».

Ха-ха.

— Ты труп, Балабол, — сказал ему Винс Талиендо, по прозвищу Козявка, дергая себя за член, висящий над мошонкой, размером и формой напоминающей худосочный арахис. В голосе слышались грусть и уважение. — Но не волнуйся. Я принесу цветы.

— Отрежь себе уши и принеси кочаны цветной капусты, — остроумно ответил Ричи, и все рассмеялись, даже старина Козявка Талиендо рассмеялся, почему нет, они могли позволить себе смеяться. Над ними не капало. После школы они отправились по домам, чтобы посмотреть Джимми Додда и Мышкетеров в программе «Клуб Микки Мауса» или послушать, как Фрэнки Лаймон поет «Я не малолетний преступник» в программе «Американская эстрада», а вот Ричи пришлось нестись через отделы женского нижнего белья и посуды к отделу игрушек, пот стекал у него по спине в расщелину между ягодиц, а перепуганные яйца забирались все выше и выше, будто хотели повиснуть на пупке. Конечно, они могли позволить себе смеяться. Ха-ха-ха-ха-ха.

Генри ничего не забыл. Ричи ушел из школы через дверь в крыле дошкольников, на всякий случай, но Генри поставил там Рыгало Хаггинса, на тот самый случай. Ха-ха-ха-ха-ха.

Ричи заметил Рыгало первым, иначе никакого забега не было бы. Рыгало смотрел в сторону Дерри-парк, держа в одной руке сигарету, которую еще не успел закурить, а другой лениво вытас-

кивая штаны из задницы. Ричи, крадучись, пересек детскую площадку и уже проделал немалый путь на Картер-стрит, прежде чем Рыгало повернул голову и заметил его. Он позвал Генри и Виктора, и погоня началась.

Добравшись до отдела игрушек, Ричи увидел, что там абсолютно, полностью пусто. Отсутствовал даже продавец — взрослый человек, который мог удержать ситуацию под контролем. Он слышал, как три динозавра апокалипсиса приближаются с каждым мгновением. А сам просто не мог больше бежать. От каждого вдоха левый бок прорезала боль.

Взгляд его упал на дверь с надписью «АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД / ВКЛЮЧАЕТСЯ ОХРАННАЯ СИГНАЛИЗАЦИЯ». В груди затеплилась надежда.

Ричи побежал по проходу, заставленного игрушками «Дональд Дак в коробочке», танками армии Соединенных Штатов, изготовленными в Японии, револьверами с пистонами Одинокого рейнджера, заводными роботами. Добрался до двери, со всей силой навалился на толкающий рычаг. Дверь открылась, впуская в отдел холодный мартовский воздух. Зазвенела охранная сигнализация. Ричи согнулся пополам и метнулся в соседний проход. Где и улегся на пол еще до того, как закрылась дверь.

Генри, Виктор и Рыгало влетели в отдел игрушек, когда дверь захлопнулась, отсекая звон охранной сигнализации. Они бросились к двери, Генри первый, с закаменевшим, решительным лицом.

Наконец-то появился продавец, вбежал в отдел. В синей нейлоновой куртке поверх невероятно уродливого клетчатого пиджака спортивного покроя. Оправа его очков была розовой, как глаза белого кролика. Ричи подумал, что выглядит продавец, как Уолли Кокс* в роли мистера Пиперса, и ему пришлось уткнуться предательским ртом в мягкую часть предплечья, чтобы не растратить последние силы на смех.

— Эй, парни! — воскликнул мистер Пиперс. — Через эту дверь выходить нельзя. Это аварийный выход. Эй, вы! Парни!

Виктор нервно глянул на него, но Генри и Рыгало не меняли взятого курса, и Виктор последовал за ними. Охранная сигнализа-

---

* Кокс, Уоллес Мейнард (1924—1973) — американский комик и актер, получивший известность за исполнение главной роли в телевизионном сериале «Мистер Пиперс» (1952—1955). Участвовал в нескольких популярных телешоу, снялся более чем в 20 фильмах.

ция зазвенела вновь, на этот раз звенела дольше, пока все трое не выскочили в проулок за домом. Еще до того, как она смолкла, Ричи поднялся и затрусил к отделу женского нижнего белья.

— Вас всех больше не пустят в этот магазин! — прокричал ему вслед продавец.

Оглянувшись, Ричи ответил голосом бабушки-ворчуньи:

— Кто-нибудь говорил вам, молодой человек, что выглядите вы точь-в-точь, как мистер Пиперс?

Так он в тот день и спасся. А потом оказался в миле от «Фриза», перед Городским центром... где, как он надеялся, ему больше не грозила никакая беда. По крайней мере на какое-то время. Он вымотался донельзя. Сел на лавку чуть левее статуи Пола Баньяна, мечтая только о тишине и покое, чтобы хоть немного оклематься. Буквально через несколько минут он намеревался подняться и пойти домой, но пока млел под теплым солнышком. День-то начался холодным, мелким дождем, зато теперь можно было поверить, что весна набирала силу.

Со скамейки Ричи видел большое табло Городского центра, на котором в этот мартовский день огромными яркими синими буквами написали:

ЭЙ, МОЛОДЕЖЬ!
ПРИХОДИТЕ 28 МАРТА
РОК-Н-РОЛЛЬНОЕ ШОУ АРНИ «ТУ-ТУ» ГИНСБЕРГА!
ДЖЕРРИ ЛИ ЛЬЮИС
«ПИНГВИНС»
ФРЭНКИ ЛАЙМОН И «ТИНЕЙДЖЕРС»
«ДЖИН ВИНСЕНТ И ЕГО БЛУ КЭПС»
ФРЕДДИ «БУМ-БУМ» КЭННОН
ВЕЧЕР ПРИЯТНЫХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ!!!

На это шоу Ричи действительно хотел бы пойти, но знал, что нет смысла даже мечтать. По мнению его матери, вечер приятных развлечений не мог иметь ничего общего с Джерри Ли Льюисом, говорящим американской молодежи, что у нас курица в сарае, чьем сарае, каком сарае, моем сарае. Если на то пошло, не мог он иметь ничего общего и с Фредди Кэнноном, песню которого «Девочка-таллахасска, у которой тело — сказка» постоянно крутили по радио. Она признавала, что в подростковом возрасте обожала Фрэн-

ка Синатру (которого теперь звала Фрэнки-Сноб), но нынче, как и мать Билла Денбро, терпеть не могла рок-н-ролл. Чак Берри приводил ее в ужас, и она заявляла, что Ричард Пенниман, известный среди подростков и еще более младших слушателей, как Литл Ричард, вызывает у нее желание «блевать, как курица».

И Ричи ни разу не попросил растолковать ему эту фразу.

Отец к рок-н-роллу относился нейтрально и, возможно, мог склониться в его сторону, но сердцем Ричи понимал, что по этому вопросу решающим будет слово матери — во всяком случае, пока ему не исполнится шестнадцать или семнадцать лет, а к тому времени, она в этом нисколько не сомневалась, рок-н-рольная мания, охватившая страну, сойдет на нет.

Ричи полагал, что правы окажутся скорее «Дэнни и Джуниорс»*, а не его мать — рок-н-ролл никогда не умрет. Он влюбился в рок-н-ролл, хотя источников этой музыки у него было только два: программа «Американская эстрада» по Каналу 7 днем и бостонская радиостанция УМЕКС вечером, когда воздух становился более разреженным, и грубый восторженный голос Арни Гинсберга доходил до него то громким, то затихающим, как голос призрака, вызванного на спиритическом сеансе. Рок-н-ролл не просто радовал Ричи. Слушая эту музыку, он чувствовал, как становится больше, сильнее, как его переполняет жажда жизни. Когда Фрэнки Форд пел «Морской круиз» или Эдди Кокрэн — «Летний блюз», Ричи буквально не находил себя места от счастья. Эта музыка обладала мощью, мощью, которая по праву принадлежала всем тощим подросткам, толстым подросткам, уродливым подросткам, застенчивым подросткам — короче, неудачникам этого мира. В этой музыки он ощущал безумное напряжение, которое могло убивать и возвеличивать. Он поклонялся Толстяку Домино (рядом с которым Бен Хэнском выглядел стройным и подтянутым) и Бадди Холли, который, как и Ричи, носил очки, и Крикуну Джею Хокинсу, который на своих концертах выскакивал из гроба (так, во всяком случае, говорили Ричи), и группе «Доувеллс», члены которой танцевали, как черные парни.

Ну, почти как.

Он знал, что придет время, когда он будет слушать рок-н-ролл, сколько ему захочется — не сомневался, что его будут играть, ког-

* «Дэнни и Джуниорс» — филадельфийская рок-группа. Ричи имеет в виду их песню «Рок-н-ролл здесь навсегда»/«Rock'n'Roll Is Here To Stay» 1958 г.

да мать наконец сдастся и позволит слушать любимую музыку, но произойдет это не 28 марта 1958 года... и не в 1959 году... и...

Его взгляд оторвался от большого табло Городского центра, а потом... что ж... потом он, должно быть, заснул. Только такое объяснение представлялось ему логичным. То, что произошло потом, могло случиться только во сне.

И теперь сюда вновь пришел Ричи Тозиер, который наконец-то получил столько рок-н-ролла, сколько хотел... и обнаруживший, к своей радости, что этого все равно мало. Его взгляд сместился к большому табло Городского центра и увидел на нем, с невероятной четкостью и ясностью, все те же синие буквы, только складывались они уже в другие слова:

14 ИЮНЯ
ХЭВИ-МЕТАЛ МАНИЯ
ДЖУДАС ПРИСТ
АЙРОН МЕЙДЕН
ПОКУПАЙТЕ БИЛЕТЫ ЗДЕСЬ
ИЛИ
В ЛЮБОМ БИЛЕТНОМ КИОСКЕ

«В какой-то момент они решили опустить строку «Вечер приятных развлечений», — подумал Ричи, — а других отличий я пока не вижу».

И услышал «Дэнни и Джуниорс», смутно и издалека, словно доносились эти голоса из дешевого радио, стоявшего в другом конце длинного коридора: «Рок-н-ролл никогда не умрет... я услышу его в конце Вечности... он будет звучать и звучать... увидишь сам, друг мой...»

Ричи посмотрел на Пола Баньяна, святого покровителя Дерри — города, который, согласно легендам, появился на этом самом месте, потому что именно здесь вытаскивали на берег лес, который сплавляли по реке. В те дальние времена, по весне, толстые стволы покрывали поверхность Пенобскота и Кендускига от берега до берега, их темная кора поблескивала на весеннем солнышке. И человек половчее мог перебраться из «Источника Уоллиса» на Адских пол-акра в «Рамперс» (таверна «Рамперс» пользовалась такой плохой репутацией, что ее чаще называли «Ведром крови»), что в Брюстере, не замочив ботинок выше третьего перекрестья кожаных

шнурков. Такие истории рассказывали в дни юности Ричи, и он полагал, что во всех этих историях есть толика Пола Баньяна.

«Старина Пол, — подумал он, глядя снизу вверх на пластмассовую статую. — *И что ты поделывал после моего отъезда? Прокладывал новые русла рек, возвращаясь домой усталым и волоча за собой топор? Создавал новые озера, когда тебе требовалась большая ванна, в которую ты мог сесть, погрузившись в воду по горлышко? Пугал маленьких детей точно так же, как в тот день напугал меня?»*

Бац — внезапно он вспомнил все, как иной раз вспоминается слово, которое долго вертелось на кончике языка.

Итак, он сидел под теплым мартовским солнышком, возможно, задремал, думая о том, как пойдет домой и успеет на последние полчаса «Американской эстрады», и тут его лицо обдало теплым воздухом. Отбросило волосы со лба. Он поднял глаза и увидел огромную пластмассовую физиономию Пола Баньяна аккурат перед своим лицом, больше, чем на экране кинотеатра, заполнившую все его поле зрения. А поток воздуха вызвал наклонившийся к скамейке Пол... только выглядел он уже не совсем, как Пол. Лоб низкий, нависающий над глазами, красный, как у пьяницы со стажем, нос, из которого торчали пучки жестких волос, глаза налиты кровью, один чуть косил.

Топор более не лежал на его плече. Пол опирался на топорище, тупой конец лезвия вмялся в бетон дорожки. Пол по-прежнему улыбался, да только веселость в улыбке этой не просматривалась. Меж гигантских желтых зубов просачивался запах трупов маленьких зверьков, гниющих в кустарнике жарким днем.

— Я тебя съем, — сообщил ему великан низким рокочущим голосом — словно валуны стукались друг о друга при землетрясении. — Если ты только не отдашь мне мою курицу-наседку, и мою арфу, и мои мешочки с золотом, я съем тебя прямо сейчас, твою мать!

От воздуха, который выходил изо рта великана вместе с этими словами, рубашка Ричи затрепыхалась, как парус под ураганным ветром. Он вжался в спинку скамьи, глаза вылезли из орбит, волосы встали дыбом и торчали во все стороны, как перья, окутанные зловонием.

Великан захохотал. Взялся обеими руками за топорище, совсем как Тед Уильямс* брался за свою любимую бейсбольную биту (или

* Уильямс, Теодор Сэмюэль (1918—2002) — знаменитый американский бейсболист.

за ясеневый черенок, если вам так больше нравится), и вытащил топор из дыры, которую тот промял в бетоне. Топор начал подниматься в воздух, издавая низкое, смертоносное шуршание. Ричи внезапно понял, что великан собирается разрубить его пополам.

Но чувствовал, что не может пошевелиться; его охватила невероятная апатия. Да и надо ли? Он задремал, ему приснился сон. Сейчас какой-нибудь водитель нажмет на клаксон, возмущаясь поведением мальчишки, который перебежал улицу перед его автомобилем, и он проснется.

— Это точно, — пророкотал великан. — Ты проснешься в аду. — И в последний момент, когда топор добрался до апогея и застыл там, Ричи осознал, что все это совсем не сон... или, если уж сон, то такой, что может убить.

Попытавшись закричать, но не издав ни звука, Ричи скатился со скамьи на разровненный гравий, который покрывал площадку у памятника. Но теперь из постамента торчали только два здоровенных стальных штыря, на которые устанавливались ноги статуи. Звук рассекающего воздух топора наполнил мир давящим шорохом. Улыбка великана превратилась в гримасу убийцы. Губы так разошлись, что показались не только зубы, но и десны, красные пластмассовые десны, отвратительно красные, поблескивающие.

Топор ударил по скамье там, где только что сидел Ричи. Рубящая кромка была такой острой, что удар вышел практически бесшумным, но скамья мгновенно развалилась на две части, и на разрезе из-под слоя зеленой краски показалось яркая и почему-то тошнотворная белизна дерева.

Ричи лежал на спине. Все еще пытаясь закричать, он принялся отталкиваться каблуками. Гравий заползал за ворот рубашки, под пояс штанов. А Пол возвышался над ним, сверху вниз смотрел на него глазами, размером с крышку канализационного колодца. Пол смотрел сверху вниз на мальчишку, на спине отползающего от него по гравию.

Великан шагнул к нему. Ричи почувствовал, как дрогнула земля, когда на нее опустился черный сапог. Взлетело облачко гравия. Ричи перекатился на живот и вскочил. Но его ноги побежали еще до того, как он успел скоординироваться, и в результате он вновь плюхнулся на живот. Услышал, как воздух вышибло из легких. Волосы упали на глаза. Он видел автомобили, снующие взад-вперед по Канальной и Главной улицам, как они сновали каждый день, как

будто ничего не происходило, как будто никто из водителей не видел или не обращал внимания на то, что Пол Баньян ожил, сошел с постамента, чтобы совершить убийство топором, размеры которого не уступали дому на колесах класса «люкс».

Солнечный свет померк. Ричи лежал на островке тени, который силуэтом напоминал человека.

Он поднялся на колени, чуть не завалился на бок, сумел встать и побежал как мог быстро. Колени его поднимались чуть ли не до груди, руки работали, как поршни. Он услышал, как за спиной нарастает шорох опускающегося топора, и звук этот казался вовсе не звуком, а повышением давления воздуха на его кожу и барабанные перепонки: «Ши-и-и-ип-п-п-п...»

Земля дрогнула. Зубы Ричи клацнули, как фарфоровые тарелки при землетрясении. Ему не требовалось оглядываться, чтобы понять: топор Пола наполовину зарылся в бетонную дорожку в считанных дюймах от его ног.

В его голове вдруг зазвучала песня «Доувеллсов»: «Мальчишки в Бристоле шустры, как пистоли, бристольский стомп* играют они...»

Из тени великана Ричи вновь выскочил в солнечный свет, и едва это произошло, начал смеяться, тем самым истерическим смехом, что срывался с его губ, когда он сбегал по лестнице в подвальный этаж «Фриза». Тяжело дыша, вновь с резью в левом боку, Ричи рискнул обернуться.

Пол Баньян высился на постаменте, как и всегда, вскинув топор на плечо, глядя в небо, с губами, разошедшимися в оптимистичной улыбке мифологического героя. Скамья, которую топор Баньяна развалил надвое, целехонькой стояла на прежнем месте, чтобы никто не волновался. Гравий в том месте, где Высокий Пол («Он — мой прикол», — вдруг маниакально прокричала в голове Ричи Аннет Фуниселло**) ставил свою гигантскую ногу, лежал ровным слоем, чуть потревоженный только там, где его касалась спина Ричи, когда он

(*уползал от гиганта*)

упал со скамьи, задремав. Не было ни следов сапог Баньяна на гравии, ни вмятин в бетоне от топора. Не было ничего и никого, кро-

---

* Стомп — разновидность джаза.

** Фуниселло, Аннет (р. 1942) — американская певица и актриса.

ме мальчишки, за которым гнались другие мальчишки, большие парни, и ему приснился очень короткий (но весьма впечатляющий) сон про убийцу-колосса... если угодно, про гигантского, в экономичной расфасовке, Генри Бауэрса.

— Дерьмо, — пробормотал Ричи дрожащим голосом и нервно хохотнул.

Он постоял еще какое-то время, чтобы посмотреть, а вдруг статуя шевельнется вновь... может, подмигнет ему, может, перебросит топор с плеча на плечо, может, сойдет с постамента и вновь двинется на него. Но, разумеется, ничего такого не случилось.

Разумеется.

Так чего волноваться? Ха-ха-ха-ха.

Дрема. Сон. Ничего больше.

Но, как однажды заметил Авраам Линкольн, или Сократ, или кто-то еще из великих, поиграли и будя. Пора идти домой и успокоиться. Последовать примеру Куки из «Сансет-Стрип, 77»* и просто расслабиться.

И хотя самый короткий путь лежал через парк у Городского центра, Ричи решил, что этот путь ему не подходит. Не хотел он приближаться к статуе. До дома добрался кружным путем, а к вечеру практически забыл о случившемся.

Чтобы вспомнить только сегодня.

«И теперь здесь сидит мужчина, — думал Ричи, — здесь сидит мужчина в дымчато-зеленом пиджаке спортивного покроя, купленном в одном из лучших магазинов Родео-Драйв; здесь сидит мужчина в туфлях «Басс Уиджанс» на ногах и трусах «Кальвин Кляйн» на заду; здесь сидит мужчина, в глаза которого вставлены мягкие контактные линзы; здесь сидит мужчина, помнящий сон мальчика, который думал, что рубашка «Лиги плюща» с петелькой на спине и шузы «Снэп Джек» — последний писк моды; здесь сидит взрослый, который смотрит на все ту же статую, и, эй, Пол, Высокий Пол, я здесь, чтобы сказать, что ты во всех смыслах такой же, как и прежде, не состарился ни на один долбанный день».

Прежнее объяснение по-прежнему звенело в голове: греза, сон.

Ричи полагал, что может поверить в монстров, если есть такая необходимость; монстров-то в жизни хватало. Разве не сидел он в

* «Сансет-Стрип, 77» — телесериал (1958—1964).

радиостудиях, читая на ленте новостей о таких, как Иди Амин Дада, или Джим Джонс, или тот парень, что взорвал столько народу в «Макдональдсе», расположенном по соседству? Сри огнем и спички экономь, монстры обходились дешево! Кому нужен билет в кино за пять баксов, если ты можешь прочитать о них в газете за тридцать пять центов или послушать по радио забесплатно? И Ричи полагал, что может поверить в версию Майка Хэнлона, во всяком случае, на какое-то время, раз уж он верил в существование таких, как Джим Джонс; Оно даже обладало неким обаянием, потому что прибыло Извне, и никто и никогда не заявит о своей ответственности за Оно. Он мог поверить в монстра, у которого лиц не меньше, чем резиновых масок в сувенирной лавке (если уж ты собрался взять одну, так лучше сразу прикупить дюжину, оптом — дешевле, так, парни?), в порядке обсуждения... но чтобы тридцатифутовая статуя сошла с постамента и попыталась разрубить тебя пластмассовым топором? Это слишком уж кучеряво. Как сказал Авраам Линкольн, или Сократ, или кто-то еще: «Я буду есть рыбу и буду есть мясо, но все говно подряд есть не стану». Такое просто не...

Тут острая колючая боль вновь прострелила ему глаза, без всякого предупреждения, вызвав крик. Такого сильного приступа еще не было, боль проникла глубже и не уходила дольше, до смерти перепугав Ричи. Он обхватил глаза лодочками ладоней, принялся нащупывать нижние веки указательными пальцами, намереваясь выдавить линзы. *«Наверное, какая-то инфекция*, — подумал он. — *Но, господи, до чего же больно!»*

Он уже оттянул веки вниз и изготовился к тому, чтобы, моргнув, — движение-то отработанное — отделить линзы от глазных яблок (а потом, близоруко щурясь, пятнадцать минут искать их на гравии вокруг скамьи, но, видит бог, ничего другого не оставалось, потому что ему в глаза вколачивали гвозди), когда боль исчезла. Не ослабла — просто исчезла. Только что была, и вдруг — раз, и ушла. Глаза чуть послезились и перестали.

Ричи медленно опустил руки — сердце бешено колотилось в груди, — готовый избавиться от линз, как только вернется боль. Она не вернулась. И внезапно он подумал об одном фильме ужасов, который действительно напугал его ребенком, возможно, потому, что он так стеснялся очков и так много думал о своих глазах. Тот фильм назывался «Ползучий глаз», с Форрестом Такером в главной роли. Не очень хороший фильм. Другие ребята животы на-

дорвали от смеха, но Ричи не смеялся. Он застыл, похолодев, побелев и отупев, лишившись не только своего, но и всех прочих голосов, когда желатиновый глаз появился из искусственного тумана на какой-то английской съемочной площадке, шевеля перед собой волокнистыми щупальцами. Вид этого глаза произвел на Ричи сильное впечатление, потому что являл собой множество еще не совсем осознанных страхов и тревог. Вскоре после просмотра ему приснилось, как он стоит перед зеркалом, поднимает большую булавку, медленно вгоняет острие в черный зрачок своего глаза, чувствует, как глазное дно заливает кровью, и оно пружинит под острием. Он вспомнил — теперь вспомнил, — как проснулся и обнаружил, что обмочился. И лучшим свидетельством ужаса, в который вогнал его этот сон, могло служить следующее: обоссанная постель вызвала у него не стыд, а безмерное облегчение. Он прижался к мокрому, теплому пятну всем телом, радуясь тому, что видит его собственными глазами.

— На хер все это, — нетвердым голосом пробормотал Ричи Тозиер и начал подниматься.

Он уже решил, что сейчас вернется в «Таун-хаус» и немного поспит. Если это была Аллея памяти, то он предпочитал Лос-Анджелес. Автостраду в час пик. Боль в глазах — скорее всего результат переутомления и смены часовых поясов, плюс волнения от встречи с прошлым, и все это в один день. Больше никаких шоковых впечатлений, никаких экскурсий. Ему не нравилось, как его мысли перескакивают с одного на другое. Какая там песня была у Питера Гэбриэля? «Шокируй обезьяну»? Что ж, эта обезьяна уже шокирована по уши. Так что сейчас самое время вздремнуть и, возможно, взглянуть на все как бы со стороны.

Когда Ричи поднялся со скамьи, взгляд его вернулся к большому табло Городского центра. Тотчас же ноги его подогнулись, и он плюхнулся на скамью, крепко приложившись к ней задом.

РИЧИ ТОЗИЕР ЧЕЛОВЕК ТЫСЯЧИ ГОЛОСОВ
ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ДЕРРИ — СТРАНУ ТЫСЯЧИ ТАНЦЕВ

В ЧЕСТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ БАЛАБОЛА ГОРОДСКОЙ ЦЕНТР
С ГОРДОСТЬЮ ПРЕДСТАВЛЯЕТ РОК-ШОУ РИЧИ ТОЗИЕРА
«ТОЛЬКО МЕРТВЫЕ»

БАДДИ ХОЛЛИ
РИЧИ ВАЛЕНС*
БИГ-БОППЕР
ФРЭНКИ ЛАЙМОН
ДЖИН ВИНСЕНТ
МАРВИН ГАЙЕ

ГОРОДСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ГРУППА
ДЖИМИ ХЕНДРИКС — ГИТАРА
ДЖОН ЛЕННОН — РИТМ-ГИТАРА
ФИЛ ЛИНОТТ — БАС-ГИТАРА
КЕЙТ МУН — УДАРНЫЕ
ПРИГЛАШЕННЫЙ ВОКАЛИСТ — ДЖИМ МОРРИСОН

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ РИЧИ
ТЫ ТОЖЕ МЕРТВЫЙ

Ричи почудилось, будто кто-то высосал весь воздух из его легких, а потом он вновь услышал тот звук, даже не услышал, а ощутил давление воздуха на кожу и барабанные перепонки: «Ши-и-и-ип-п-п-п...» Скатился со скамьи на гравий, думая: *«Так вот что называется déjà vu, теперь ты это знаешь, тебе больше нет нужды спрашивать других...»*

Он ударился плечом, перекатился на спину. Посмотрел ввёрх на статую Пола Баньяна... только Пол Баньян с постамента исчез. Его место занял клоун, великолепный и неопровержимый, отлитый из пластмассы, двадцать футов фосфоресцирующих цветов, с загримированным лицом, которое венчало забавный круглый воротник. Оранжевые пуговицы-помпоны, отлитые из пластмассы, каждая размером с волейбольный мяч, сбегали вниз по серебристому костюму. Вместо топора он держал в руке огромную связку пластмассовых шариков. На каждом выгравировали две надписи: «ДЛЯ МЕНЯ ЭТО ПО-ПРЕЖНЕМУ РОК-Н-РОЛЛ» и «РОК-ШОУ РИЧИ ТОЗИЕРА «ТОЛЬКО МЕРТВЫЕ».

Он пополз назад, отталкиваясь каблуками и ладонями. Гравий забивался под пояс брюк. Ричи услышал, как расползся шов под

* Валенс Ричи (1941—1959) — американский певец, погиб в авиакатастрофе вместе с Бадди Холли и Биг-Боппером.

рукавом его пиджака спортивного покроя с Родео-Драйв. Он перевернулся на живот, подтянул ноги, пошатываясь, поднялся, оглянулся. Клоун смотрел на него сверху вниз. Его глаза по-дурацки вращались в глазницах.

— Я тебя напугал, чел? — пророкотал клоун.

И Ричи услышал, как его рот ответил, сам по себе, никак не связанный с оцепеневшим мозгом:

— Таких дешевых трюков у меня полный багажник, дубина. Так-то.

Клоун усмехнулся и кивнул, будто ничего другого и не ожидал. Кроваво-красные губы разошлись, обнажая клыки-зубы, каждый заканчивающийся острием.

— Я мог бы покончить с тобой прямо сейчас, если бы хотел покончить. Но мне хочется продлить удовольствие и повеселиться от души.

— Я тоже повеселюсь, — услышал Ричи свой рот. — А самое большое веселье нас ждет, когда мы придем, чтобы оторвать твою гребаную голову, бэби.

Улыбка клоуна делалась все шире и шире. Он поднял другую руку, в белой перчатке, и Ричи почувствовал, как ветер, вызванный этим движением, сдул со лба волосы — совсем как двадцать семь лет назад. Указательный палец клоуна нацелился на него. Огромный, как балка.

«*Огромный, как бал...*» — успел подумать Ричи, и тут боль ударила вновь. Вонзилась десятками игл в мягкое желе глаз. Он закричал и вскинул руки к глазам.

— Прежде чем удалять соринку из глаза ближнего своего, займись бревном в собственном глазу, — наставительно произнес клоун, голос его рокотал и вибрировал. И вновь Ричи окутало облако зловонного дыхания.

Он посмотрел вверх, торопливо отступил на полдесятка шагов. Клоун наклонился, уперся руками в колени, обтянутые яркими панталонами.

— Хочешь поиграть еще, Ричи? Я могу наставить свой палец на твою пипку, и у тебя будет рак простаты. Или на голову, чтобы начала расти опухоль мозга — хотя некоторые люди скажут, что, кроме нее, там ничего и не было. Я могу наставить палец тебе на рот, и твой глупый болтливый язык превратится в одну большую язву. Я могу это сделать, Ричи. Хочешь посмотреть?

Глаза клоуна увеличивались, увеличивались, черные зрачки стали размером с мяч для софтбола. В них Ричи увидел невероятную черноту, которая могла существовать только за пределами Вселенной; он увидел дикую радость, которая могла свести его с ума. Он понял, что Оно по силам и это, и многое другое.

И однако Ричи вновь услышал свой рот, только заговорил он не его голосом, и ни одним из созданных им, в прошлом или настоящем, голосом; этого голоса Ричи никогда раньше не слышал. Потом он скажет остальным, но без должной уверенности, что это был голос мистера Дживза-Ниггера, громкий и гордый, пародирующий сам себя и скрипучий:

— Пшел вон с моего места, ты, большой, старый, белый клоун! — прокричал Ричи и внезапно вновь начал смеяться. — Без дураков и черномазых. хрен моржовый! Я иду куда хочу, я говорю когда хочу, и член мой встает, когда я хочу! Все время мое, и жизнь моя, я знаю, что делать и без тебя! Посмеешь полезть — можешь огрести! Ты слышал меня, ты, бледнолицый мешок с говном?

Ричи показалось, что клоун отпрянул, но он не задержался ни на секунду, чтобы убедиться в этом. Просто побежал, руки работали, как поршни, полы пиджака развевались за спиной, не обращая внимания на какого-то папашу, который остановился, чтобы его малыш мог полюбоваться Полом, а теперь подозрительно смотрел на Ричи, словно задаваясь вопросом, а не рехнулся ли тот. *«Если на то пошло,* — подумал Ричи, — *мне и самому кажется, что я рехнулся. Господи, наверное, так оно и есть. И это была самая говенная имитация Грэндмастера Флэша, но как-то сработало, как-то...»*

И тут вслед загремел голос клоуна. Отец маленького мальчика этого голоса не слышал, а малыш внезапно сморщил личико и разревелся. Папаша подхватил сына на руки, прижал к себе, ничего не понимая. Несмотря на охвативший его ужас, Ричи следил за этим маленьким представлением. Голос клоуна смеялся от злости, а может, был просто злым: «Здесь, внизу, у нас есть глаз, Ричи... ты меня слышишь? Глаз, который ползает. Если ты не хочешь улетать, не хочешь сказать «прощай», ты можешь спуститься вниз, под этот город, и поздороваться с этим большим глазом! Ты можешь спуститься и увидеть его в любое время. В любое удобное тебе время, когда захочется. Ты слышишь меня, Ричи? Принеси йо-йо. И пусть Беверли наденет большую широкую юбку с четырьмя или пятью нижними юбками. И кольцо мужа пусть повесит на шею. Скажи

Эдди, чтобы надел свои двухцветные кожаные туфли. Мы сыграем бибоп, Ричи! Мы сыграем ВСЕ-Е-Е ХИТЫ!»

Добравшись до тротуара, Ричи рискнул оглянуться, и увиденное нисколько его не успокоило. Пол Баньян еще не вернулся на постамент, но и клоун уже оттуда ушел. Теперь там стояла двадцатифутовая статуя Бадди Холли. Один узкий лацкан его клетчатого пиджака украшал значок-пуговица с надписью «РОК-ШОУ РИЧИ ТОЗИЕРА «ТОЛЬКО МЕРТВЫЕ».

Одну дужку очков Бадди скрепляла изолента.

Маленький мальчик по-прежнему истерично ревел; отец быстрыми шагами удалялся к центру города, неся малыша на руках.

И Ричи уходил от Городского центра,

(*на этот раз ноги меня не подвели*)

стараясь не думать о том,

(*мы сыграем ВСЕ-Е-Е ХИТЫ!*)

что сейчас произошло. Думать он хотел совсем о другом, скажем, о большущем стакане виски, который собирался выпить в баре отеля «Дерри таун-хаус», перед тем как улечься вздремнуть.

Эта мысль о выпивке — самой обычной выпивке — чуть улучшила ему настроение. Он опять оглянулся, и на душе стало еще легче, потому что Пол Баньян вернулся на положенное ему место и улыбался небу, с пластмассовым топором на плече. Ричи прибавил шагу, просто понесся, наращивая расстояние между собой и статуей. Он даже начал рассматривать вариант галлюцинации, когда боль в очередной раз ударила по глазам, глубокая и беспощадная, заставив его вскрикнуть. Симпатичная молодая девушка, которая шла впереди, мечтательно глядя на проплывающие облака, оглянулась, помялась, а потом поспешила к Ричи:

— Мистер, что с вами?

— Это мои контактные линзы, — прохрипел Ричи. — Мои чертовы контактные линзы... Господи, до чего же больно!

На этот раз он так спешил, что едва не проткнул глаза указательными пальцами. Оттянул нижние веки и подумал: «*Я не смогу моргнуть, чтобы вытащить линзы, это точно, я не смогу моргнуть, чтобы вытащить их, глаза будут болеть, и болеть, и болеть, пока я не ослепну, не ослепну, не ос...*» — но он моргнул, и этого хватило, чтобы линзы выскочили из глаз. Резкий и четкий мир, где цвета не наползали друг на друга, а лица не расплывались, просто исчез. Его место заняли накладывающиеся друг на друга разноцветные кон-

туры. И хотя Ричи и девушка, которая училась в средней школе, обеспокоенная и жаждущая помочь, чуть ли не пятнадцать минут ползали по тротуару, ни одну из линз им найти не удалось.

А в голове Ричи вроде бы звучал смех клоуна.

5
Билл Денбро видит призрака

В тот день Билл Пеннивайза не увидел — зато увидел призрака. Настоящего призрака. Тогда Билл в это поверил, и ни одно из последующих событий не поколебало его уверенности в том, что так оно и было.

Он шел по Уитчем-стрит, какое-то время постоял у водостока, где Джордж встретил свою смерть в тот дождливый октябрьский день 1957 года. Присел, всмотрелся в водосток, устроенный в вырезе, сделанном в бордюрном камне. Сильно стучало сердце, но он все равно всматривался в черноту.

— Выходи, почему ты не выходишь, — прошептал он, и у него возникла не такая уж безумная идея, что голос его плывет по темным тоннелям, где с потолков капает вода, не затихает, а продвигается и продвигается вперед, подпитываясь собственным эхом, отражаясь от покрытых мхом стен и давно вышедших из строя механизмов. Он чувствовал, как его голос разносится над медленно текущей водой и, возможно, слышится в сотне других водостоков по всему городу. — Выходи оттуда, а не то мы придем и вытащим тебя.

Он нервно ждал ответа, опустившись на корточки, зажав руки между бедрами, как кэтчер между подачами. Но ответа не последовало.

Билл уже собрался встать, когда на него упала тень.

Он резко вскинул голову в предвкушении схватки, готовый ко всему... но увидел мальчика лет десяти, может, одиннадцати, в потрепанных бойскаутских шортах, выставляющих напоказ ободранные коленки. В одной руке он держал мороженое «Фруктовый лед», в другой — фиберглассовый скейтборд, которому, судя по виду, доставалось не меньше, чем коленкам. Мороженое прямо-таки светилось оранжевым. Скейтборд — зеленым.

— Вы всегда разговариваете с водостоками, мистер? — спросил мальчик.

— Только в Дерри, — ответил Билл.

Какое-то время они очень серьезно смотрели друг на друга, а потом одновременно рассмеялись.

— Я хочу задать тебе глупый во-опрос, — обратился к мальчику Билл.

— Хорошо, — ответил мальчик.

— Ты когда-нибудь с-слышал что-то из такого водостока?

Мальчик посмотрел на Билла, как на чокнутого.

— Ла-адно, — кивнул Билл. — Забудь мой во-опрос.

Он двинулся дальше, прошел с десяток шагов — направляясь к вершине холма и подумывая о том, чтобы взглянуть на свой прежний дом, — когда мальчик его позвал:

— Мистер?

Билл оглянулся. Пиджак спортивного покроя он повесил на палец и закинул за плечо. Верхнюю пуговицу рубашки расстегнул, узел галстука ослабил. Мальчик настороженно его разглядывал, словно сожалея о решении продолжить разговор. Потом пожал плечами, как бы говоря: «Почему нет?»

— Да.

— Да?

— Да.

— И что оттуда говорили?

— Я не знаю. Вроде бы на каком-то иностранном языке. Я слышал голос, доносящийся из одной из этих насосных станций в Пустоши. Одной из этих насосных станций, они выглядят, как трубы, которые торчат из земли...

— Я знаю, о чем ты. Ты слышал детский голос?

— Поначалу детский, потом он стал взрослым, — мальчик помолчал. — Я испугался. Побежал домой и сказал отцу. Он ответил, что я, наверное, слышал эхо, разносящееся по трубам из чьего-то дома.

— Ты в это поверил?

Мальчик обаятельно улыбнулся:

— Я прочитал в книге Рипли «Хочешь верь, хочешь — нет» о парне, в зубах которого звучала музыка. Как из радио. Его пломбы были маленькими радиоприемниками. Наверное, если бы я поверил в это, то мог поверить во все.

— Понятно, — кивнул Билл. — Но ты в это поверил?

Мальчик неохотно покачал головой.

— А потом ты когда-нибудь слышал такие голоса?

— Однажды, когда принимал ванну, — ответил мальчик. — Голос девочки. Только плач. Без слов. Я боялся вытащить затычку, когда помылся, потому что думал, а вдруг я ее утоплю.

Билл снова кивнул.

Настороженность ушла из глаз мальчика, они блестели, в них читался интерес.

— Вы знаете об этих голосах, мистер?

— Я их слышал, — ответил Билл. — Очень-очень давно. Ты знал детей, ко-оторых здесь убили, сынок?

Глаза мальчика разом потускнели, в них вернулась настороженность, к которой добавилась тревога.

— Мой папа говорит, что я не должен разговаривать с незнакомцами. Он говорит, любой может быть убийцей. — Он отступил на шаг, в тень вяза, в который двадцать семь лет назад Билл однажды врезался на велосипеде. Упал и погнул руль.

— Только не я, малыш. Последние четыре месяца я прожил в Англии. Приехал в Дерри только вчера.

— Я все равно не должен разговаривать с вами, — стоял на своем мальчик.

— Это правильно, — согласился Билл. — У нас с-с-свободная страна.

Мальчик помолчал, потом заговорил:

— Одно время я дружил с Джонни Фьюри. Он был хорошим парнем. Я плакал, — деловито закончил мальчик, доедая мороженое. Высунул язык, на время ярко-оранжевый, и лизнул руку.

— Держись подальше от водостоков и канализационных люков, — ровным голосом посоветовал ему Билл. — Держись подальше от пустырей и брошенных домов. Держись подальше от грузового двора. Но прежде всего — держись подальше от водостоков и канализационных люков.

Глаза мальчика вновь заблестели, но он долго, долго молчал, прежде чем спросил:

— Мистер, хотите услышать кое-что забавное?

— Конечно.

— Вы знаете тот фильм, где акула поедала людей?

— Все знают. «Че-е-елюсти».

— У меня есть друг. Его зовут Томми Викананца, и он туповатый. Котелок не варит, вы понимаете, о чем я?

— Да.

— Он думает, что видел эту акулу в Канале. Пару недель назад он один бродил по Бэсси-парк, и говорит, что увидел этот плавник. Говорит, что высотой он был в восемь или девять футов. Только плавник, понимаете? Он говорит: «Вот что убило Джонни и остальных. Это акула из «Челюстей», потому что я ее видел». На это я ему говорю: «Канал такой грязный, что там не сможет жить даже пескарь. А ты думаешь, что увидел в нем акулу. У тебя не варит котелок, Томми». Томми говорит, что акула выпрыгнула из воды, совсем как в конце фильма, и попыталась сожрать его, но он успел убежать. Очень забавно, правда, мистер?

— Очень забавно, — согласился Билл.

— Котелок не варит, так?

Билл помедлил с ответом.

— Держись подальше и от Канала, сынок. Ты слушаешь меня?

— Хотите сказать, что вы в это верите?

Билл помялся. Собирался пожать плечами. Потом кивнул.

Мальчишка выдохнул, шипящим свистом. Поник, будто пристыженный.

— Да. Иногда я думаю, что котелок не варит у меня.

— Я знаю, о чем ты. — Билл подошел к мальчишке, который очень серьезно смотрел на него, и на этот раз не отвернулся из застенчивости. — Ты добиваешь свои колени на этой доске, сынок.

Мальчишка глянул на ободранные колени и ухмыльнулся:

— Да, наверное. Но как-нибудь выкручусь.

— Можно попробовать? — неожиданно спросил Билл.

Мальчишка глянул на него, с отвалившейся от изумления челюстью, и рассмеялся.

— Это будет забавно. Никогда не видел взрослого на скейтборде.

— Я дам тебе четвертак.

— Мой отец говорил...

— Никогда не брать деньги или с-сладости у незнакомца. Дельный совет. Я все равно дам тебе четвертак. Что скажешь? Только до угла Дж-Джексон-стрит.

— Да бросьте вы! — Мальчишка рассмеялся, весело и от души. — Не нужен мне ваш четвертак. У меня есть два бакса. Я просто бо-

гач. Но я должен это увидеть. Только не вините меня, если что-то сломаете.

— Не волнуйся, — ответил Билл. — Я застрахован.

Он крутанул пальцем одно из колесиков, и ему понравилась легкость, с которой оно завертелось — похоже, шариков в подшипнике хватало. Хороший, приятный такой звук. Он всколыхнул в груди Билла что-то очень давнее. Какое-то желание, такое же прекрасное, как и любовь. Билл улыбнулся.

— О чем вы думаете? — спросил мальчишка.

— Думаю, что я у-убьюсь, — ответил Билл, и мальчишка рассмеялся.

Билл опустил скейтборд на тротуар, поставил на него одну ногу. Для пробы покатал скейтборд взад-вперед. Уже видел, как мчится вниз по Уитчем-стрит, к перекрестку, на зеленом, оттенка авокадо, скейтборде мальчишки, полы пиджака развеваются сзади, лысина блестит на солнце, колени согнуты, как у новичков-горнолыжников, которые в первый раз выходят на склон. И поза эта говорит тебе о том, что мысленно они уже упали. Он мог поспорить, что мальчишка ездил на скейтборде иначе. Он мог поспорить, что мальчишка ездил,

(*наперегонки с дьяволом*)

будто в последний раз.

И прекрасное чувство умерло в груди Билла. Он увидел, слишком уж отчетливо, как доска выскальзывает из-под его ноги, освободившись, катится дальше вниз по улице, невероятного флуоресцентно-зеленого цвета, какой мог понравиться только ребенку. Он увидел, как плюхается на зад, а может, и на спину. Медленно приходит в себя в отдельной палате Городской больницы, вроде той, где они навещали Эдди, когда тот сломал руку. Все тело в гипсе, одна нога поднята на сложной системе тросов и блоков. Заходит врач, смотрит на его карту, смотрит на него, потом говорит:

— Вам ставятся в вину две ошибки, мистер Денбро. Первая — неумелое управление скейтбордом. Вторая — вы забыли, что вам уже под сорок.

Он наклонился, поднял доску, протянул мальчишке.

— Пожалуй, воздержусь.

— Струсили? — добродушно полюбопытствовал мальчишка.

Билл сунул кулаки под мышки и замахал локтями, изображая трусливую курицу.

— Куд-кудах.

Мальчишка рассмеялся:

— Послушайте, мне пора домой.

— Будь осторожен, когда едешь на этой штуковине. — Билл указал на скейтборд.

— На скейтборде осторожным быть нельзя, — ответил мальчишка, глядя на Билла так, будто у того не варил котелок.

— Точно, — кивнул Билл. — Правильно. Как мы говорим в киношном бизнесе, я тебя слышу. Но держись подальше от водостоков и канализационных люков. И старайся гулять с друзьями.

Мальчишка кивнул:

— Я же рядом с домом.

«*И мой брат был рядом*», — подумал Билл.

— В любом случае все это скоро закончится, — сказал он мальчишке.

— Закончится? — переспросил мальчишка.

— Я так думаю.

— Ладно. Еще увидимся... трусишка!

Мальчишка поставил одну ногу на скейтборд и оттолкнулся другой. Как только сдвинулся с места, поставил на доску другую ногу и покатил вниз, как показалось Биллу, на убийственной скорости. Но мчался он, как и предполагал Билл, с небрежной грациозностью. Билл ощущал любовь к этому мальчишке, и радостное волнение, и желание самому стать мальчишкой, вкупе с перехватывающим дыхание страхом. Мальчишка ехал так, словно не существовало ни смерти, ни взросления. Мальчишка казался вечным и неуничтожимым в своих бойскаутских шортах цвета хаки, потертых кроссовках, с ободранными и грязными коленками, и волосы летели у него над спиной.

«*Осторожно, парень, тебе не пройти этот поворот!*» — подумал Билл, но мальчишка переложил тело влево, как танцор брейк-данса, ноги развернули фиберглассовую зеленую доску, и он безо всяких усилий свернул на Джексон-стрит, заранее предположив, что на пути ему никто не встретится. «*Мальчик мой*, — подумал Билл, — *так будет не всегда*».

Он подошел к своему прежнему дому, но не остановился, лишь замедлил шаг чуть ли не до черепашьего. На лужайке в плетеном кресле сидела женщина со спящим младенцем на руках и наблюдала за двумя детьми, лет восьми и десяти, которые играли в бадмин-

тон на еще влажной от дождя траве. Младший из них, мальчик, отражая подачу, перебросил волан через сетку, и мать похвалила его: «Молодец, Скэн!»

Цвет дома не изменился, остался темно-зеленым, и над дверью Билл увидел знакомое веерообразное окно, но цветочные клумбы его матери с лужайки исчезли. И с заднего двора, насколько Билл мог видеть с тротуара, исчез спортивный комплекс, который отец построил из позаимствованных на работе ненужных отрезков труб. Билл вспомнил, как однажды Джордж свалился с верхней перекладины и отколол кусок зуба. Как же он ревел!

Он смотрел на свой дом (что-то осталось прежним, что-то ушло с концами) и думал, а не подойти ли ему к женщине с младенцем на руках. Он мог бы сказать: «Добрый день, я — Билл Денбро, когда-то я жил в этом доме». И женщина ответила бы: «Как интересно». И что за этим могло последовать? Мог он спросить ее, сохранилось ли лицо, которое он так старательно вырезал на одной из чердачных балок? Это лицо они с Джорджем иногда использовали вместо мишени для дартс. Он мог спросить, спят ли ее дети на огороженном заднем крыльце в особенно жаркие летние ночи, тихонько разговаривая перед тем, как уснуть, наблюдая далекие зарницы? Наверное, он мог бы задать эти вопросы, но при этом очень уж сильно заикался бы, если б попытался обаять женщину... да и хотел ли он знать ответы? После смерти Джорджа дом стал мертвым, и причина, по которой он вернулся в Дерри, не имела к дому ни малейшего отношения.

Билл дошел до угла и повернул направо, не оглянувшись.

И скоро уже шагал по Канзас-стрит, направляясь обратно к центру города. Постоял у ограждения, которое тянулось вдоль тротуара, глядя на Пустошь. Ограждение не изменилось — тот же побеленный штакетник, и Пустошь вроде бы осталась прежней... разве что заросла еще сильнее. С того места, где стоял Билл, он видел только два отличия: исчезло облако черного дыма, которое всегда висело над городской свалкой (свалку заменил современный мусороперерабатывающий завод), и через зелень Пустоши перекинулась эстакада, часть скоростной магистрали. Все остальное оставалось точь-в-точь таким же, как и в то лето, когда он в последний раз видел Пустошь: трава и кусты спускались к болотистому равнинному участку слева и к деревьям справа, растущим чуть ли не друг на друге. Он видел заросли растения, которое они называли

бамбуком: серебристо-белые стебли поднимались на двенадцать, а то и четырнадцать футов. Билл вспомнил, как Ричи однажды попытался курить сухие листья этого бамбука, заявляя, что именно от них джазовые музыканты ловили кайф. Ричи словил только одно: его вытошнило.

Билл слышал журчание воды, бегущей множеством маленьких ручейков, видел, как солнце отражается от более широкого зеркала Кендускига. И запах остался прежним, даже после ликвидации свалки. Тяжелый дух растущих растений, особенно сильный по весне, не мог полностью перекрыть вонь сточных вод и человеческих испражнений. Вонь эта, конечно, едва пробивалась, но давала о себе знать. Запах разложения — непременный фон.

Там все закончилось в прошлый раз, там им предстояло поставить точку и теперь. Там... под городом.

Он постоял еще какое-то время, убежденный, что должен что-то увидеть... какое-то проявление зла, на борьбу с которым он прибыл в Дерри. Не увидел ничего. Журчала вода. Звуки эти, веселые и живые, напомнили ему о плотине, которую они когда-то построили в Пустоши. Он видел деревья и кусты, которые раскачивал ветерок. И ничего больше. Никакого проявления зла. Он пошел дальше, оттирая с ладоней побелку.

Билл продолжал путь к центру города, что-то вспоминая, о чем-то грезя, и столкнулся еще с одним ребенком, на этот раз с девочкой лет десяти, в вельветовых штанах с высокой талией и в выцветшей красной блузке. Одной рукой она стучала мячом, в другой держала куклу за светлые волосы.

— Эй! — окликнул ее Билл.

Девочка подняла голову.

— Что?

— Какой лучший магазин в Дерри?

Она обдумала вопрос.

— Для меня или для кого-то еще?

— Для тебя.

— «Подержанная роза, поношенная одежда», — ответила она без малейшей запинки.

— Не понял.

— Не поняли что?

— Это действительно название магазина?

— Конечно, — ответила она, глядя на Билла, как на слабоумного. — «Подержанная роза, поношенная одежда». Моя мама говорит, что это лавка старьевщика, но мне нравится. У них столько старых вещей. Например, пластинки, о которых ты никогда не слышал. А еще открытки. И пахнет там, как на чердаке. Я должна идти домой. Пока.

Она пошла, не оглядываясь, постукивая мячом и держа куклу за волосы.

— Эй! — крикнул он вслед.

— Вы хотите, чтобы я вновь его назвала?

— Этот магазин. Где он?

Она ответила, глядя на него:

— Там, куда вы и идете. У подножия Подъема-в-милю.

Билл почувствовал, как прошлое дает о себе знать, раскрывается в нем. Он ни о чем не собирался спрашивать девочку. Вопрос вылетел у него изо рта, как пробка — из бутылки шампанского.

Билл спустился с холма Подъем-в-милю. Склады и мясоперерабатывающие заводы, которые он помнил с детства — мрачные кирпичные здания с грязными стеклами, благоухавшие мясными запахами, — по большей части исчезли, хотя два, «Армаур» и «Стар биф» остались. Но «Хемхилл» канул в лету, а на месте «Игл биф-энд-кошер митс» построили автобанк и пекарню. Около «Флигеля братьев Трекер» Билл увидел щит с надписью старозаветными буквами, которые складывались в название магазина, упомянутое девочкой с куклой: «ПОДЕРЖАННАЯ РОЗА, ПОНОШЕННАЯ ОДЕЖДА». Красный кирпич выкрасили желтой краской, лет десять или двадцать тому назад очень веселенькой, но теперь потускневшей. Цвета мочи, как сказала бы Одра.

Билл направился к магазину, вновь ощущая déjà vu. Потом он скажет остальным, что знал, какого увидит призрака еще до того, как действительно его увидел.

Витрины магазина «Подержанная роза, потрепанная одежда» покрывала не пыль, а грязь. Никакой меланхоличности антикварных магазинов, никаких маленьких кроватей на колесиках, или буфетов с множеством ящичков, или наборов стеклянной посуды времен Великой депрессии, подсвеченных скрытыми лампами направленного света; этот магазин его мать, с присущим ей презрением, назвала бы «ломбардом янки». Вещи лежали навалом, там, здесь, где угодно. Платья сползали с вешалок для пальто. Гитары подве-

сили за грифы, отчего они напоминали казненных преступников. Стояла коробка с пластинками-сорокапятками. На ценнике Билл прочитал: «10 ЦЕНТОВ ЗА ШТУКУ, 12 ШТУК ЗА БАКС. СЕСТРЫ ЭНДРЮС, ПЕРРИ КОМО, ДЖИММИ РОДЖЕРС, ПРОЧИЕ». Детская одежда соседствовала с жуткого вида детскими туфлями: «ПОНОШЕННЫЕ, НО НЕ ПЛОХИЕ. $1.00 ЗА ПАРУ». Два телевизора смотрели слепыми экранами. Третий показывал прохожим расплывающиеся образы «Семейки Брейди»*. Другая картонная коробка — в ней старые книги карманного формата, по большей части без обложек («2 ЗА ЧЕТВЕРТАК, 10 ЗА ДОЛЛАР, в магазине есть другие, НЕКОТОРЫЕ «ПОГОРЯЧЕЕ») — стояла на большом радиоприемнике с грязным белым пластмассовым корпусом и диском настройки размером с будильник. Запыленный, выщербленный обеденный стол украшали грязные вазы с букетами искусственных цветов.

Все это Билл воспринял как хаотический фон еще одной выставленной в витрине вещи, которая сразу приковала его взгляд. Он стоял, широко раскрыв глаза, не веря тому, что видел перед собой. Мурашки бегали по всему телу, снизу доверху, лоб покрылся испариной, руки похолодели, и на мгновение у него возникло ощущение, что сейчас все двери в голове откроются, и он вспомнит все.

В правой витрине стоял Сильвер.

По-прежнему без опорной стойки, с тронутыми ржавчиной передним и задним крыльями, с закрепленным на руле клаксоном, правда, резиновая груша от возраста покрылась трещинами. Сам клаксон, который Билл всегда тщательно полировал, потускнел, на нем появились пятна ржавчины. Плоский багажник, на котором Ричи так часто ездил, держась за Билла, оставался на прежнем месте над задним крылом, но перекосился и висел на одном болте. Кто-то из тех, к кому попал велосипед после Билла, обтянул седло искусственной кожей «под тигра», которая теперь так вытерлась, что полосы едва просматривались.

Сильвер.

Билл поднял ставшую чужой руку, чтобы вытереть слезы, которые медленно текли по щекам. А проделав то же самое уже носовым платком, вошел в магазин.

В «Подержанной розе, поношенной одежде» стояла вековая затхлость. Как правильно указала девочка, там пахло чердаком,

* «Семейка Брейди» — популярный американский телесериал (1969—1974).

только не из тех, где хорошо пахнет. На этом чердаке не хранились старые столы, в поверхность которых регулярно втирали льняное масло, на этот чердак не затаскивали старые, обитые плюшем и бархатом диваны. Здесь пахло истлевшими книжными переплетами, грязными, обтянутыми винилом диванными подушками, которые в прошлом часто оставляли на жарком солнце, где они едва не плавились, пылью и мышиным дерьмом.

Из работающего телевизора доносились смех и вопли семейки Брейди.

Достойную компанию составлял им голос диджея, который вещал из радиоприемника, находящегося где-то в глубинах магазина, и звался «ваш приятель Бобби Рассел». Он обещал новый альбом Принса тому радиослушателю, который первым дозвонится в студию и назовет фамилию актера, сыгравшего Уолли в телесериале «Оставьте это Биверу». Билл знал — этого мальчишку звали Тони Дау, — но его не интересовал новый альбом Принса. Радиоприемник стоял на высоко подвешенной полке среди портретов девятнадцатого века. Под ним и под портретами сидел хозяин магазина, мужчина лет сорока, в дорогих фирменных джинсах и сетчатой футболке. Волосы он зачесывал назад и худобой, наверное, мог соперничать с узником концлагеря. Ноги он положил на стол, заваленный бухгалтерскими книгами. Тут же стоял и старинный кассовый аппарат. Мужчина читал книгу карманного формата, роман, который, по мнению Билла, никогда не номинировался на Пулитцеровскую премию. Назывался роман «Жеребцы со стройплощадки». На полу, перед столом возвышался рекламный столб, какие ставили перед парикмахерской. Спиральные полосы ввинчивались в бесконечность. Обтрепанный шнур, протянутый по полу к розетке в стене, напоминал утомленную змею. На табличке перед столбом указывалось: «ВЫМЕРАЮЩИЙ ВИД. $250».

Когда звякнул колокольчик над дверью, мужчина, сидевший за столом, заложил место, где читал, обложкой книжицы спичек и поднял голову.

— Вам помочь?

— Да, — ответил Билл и открыл рот, чтобы спросить о велосипеде в витрине. Но прежде чем заговорил, его рассудок внезапно заполнило одно предложение, вытеснив собой все остальные мысли:

«*Через сумрак столб белеет, в полночь призрак столбенеет*».

Откуда, скажите на милость, оно взялось?

(*через сумрак*)

— Ищете что-нибудь конкретное? — спросил продавец. Голос звучал вежливо, но продавец пристально всматривался в Билла.

«*Он смотрит на меня, словно решил, что я накурился той самой травки, от которой ловят кайф джазмены*», — подумал Билл, и едва не рассмеялся, пусть мысли и путались.

— Да, меня и-и-интересует

(*столб белеет*)

этот с-с-столб...

— Парикмахерский столб, да? — В глазах хозяина магазина Билл увидел (несмотря на хаос в голове) то самое, что помнил и ненавидел с детства: нетерпение мужчины или женщины, которым приходится слушать заику, желание быстро закончить мысль, чтобы бедняга заткнулся. «*Но я не заикаюсь! Я с этим справился! Я, ТВОЮ МАТЬ, НЕ ЗАИКАЮСЬ! Я...*»

(*в полночь*)

Слова так ясно звучали у него в голове, будто произносил их там кто-то еще. Он превратился в человека из Библии, одержимого бесами... человека, в которого вселилось некое существо Извне. И однако он узнал голос и прекрасно понимал — голос его. Билл чувствовал выступивший на лице пот.

— На столб я могу

(*призрак*)

дать вам скидку, — тем временем говорил хозяин магазина. — По правде говоря, за двести пятьдесят баксов мне его не продать. Я отдам его вам за сто семьдесят пять. Что скажете? В магазине это единственная действительно антикварная вещь.

(*столбенеет*)

— СТОЛБ! — выкрикнул Билл, и хозяин магазина чуть отпрянул. — Не столб меня интересует.

— С вами все в порядке, мистер? — Успокоительный тон никак не вязался с суровостью взгляда, и Билл заметил, что левая рука мужчины более не лежит на столе. Он знал (тут сработала не интуиция — логическое мышление), что один ящик стола выдвинут, пусть и не видел этого, и мужчина взялся за спрятанный в ящике пистолет или револьвер. Возможно, он опасался ограбления. Без всякого «возможно» — просто опасался. Он, в конце концов, был

геем и жил в городе, где местные юнцы устроили Адриану Мелло-ну последнее в жизни купание.

(*через сумрак столб белеет, в полночь призрак столбенеет*)

Фраза эта вышибала из головы все мысли; он будто сходил с ума. Откуда она взялась?

(*через сумрак*)

Фраза повторялась и повторялась.

Приложив титаническое усилие, Билл атаковал фразу. Сделал это, заставив рассудок перевести инородное предложение на французский. Именно так, подростком, он боролся с заиканием. Слова маршировали в его сознании, он изменял их... и внезапно ощутил, что хватка заикания ослабла.

Тут же до него дошло, что хозяин магазина что-то ему говорит.

— Па-а-ардон?

— Я сказал, если собираетесь забиться в припадке, сделайте это на улице. Мне такого дерьма не надо.

Билл глубоко вдохнул.

— Давайте начнем с-снова. Представьте себе, будто я только что во-ошел.

— Хорошо. — Мужчина ничего не имел против. — Вы только что вошли. Что теперь?

— Ве-елосипед в окне, — ответил Билл. — Сколько вы хотите за велосипед?

— Возьму двадцать баксов. — Напряжение из голоса ушло, но левая рука пока на стол не вернулась. — Думаю, в свое время это был «швинн», но теперь превратился в дворнягу. — Он смерил Билла взглядом. — Большой велосипед. Вы могли бы ездить на нем.

— Боюсь, на велосипедах я уже отъездился, — ответил Билл, думая о зеленом скейтборде мальчишки.

Мужчина пожал плечами. Левая рука вернулась на стол.

— У вас сын?

— Д-да.

— Сколько лет?

— О-о-одиннадцать.

— Большой велосипед для одиннадцатилетнего.

— Вы возьмете дорожный чек?

— При условии, что сдача не превысит десять баксов.

— Я дам вам двадцать долларов. Вы позволите позвонить?

— Если номер местный.

— Местный.

— Тогда пожалуйста.

Билл позвонил в городскую библиотеку. Майк уже вернулся на работу.

— Ты где, Билл? — спросил он, и тут же добавил: — С тобой все в порядке?

— Все отлично. Ты кого-нибудь видел?

— Нет. Мы увидимся вечером. — Короткая пауза. — Я на это рассчитываю. Чем могу тебе помочь, Большой Билл?

— Я покупаю велосипед, — спокойным голосом ответил Билл. — И подумал, может, мне прикатить его к тебе. У тебя есть гараж или сарай, где его можно поставить?

Последовала более долгая пауза.

— Майк? Ты...

— Я тебя слышу. Это Сильвер?

Билл посмотрел на хозяина магазина. Тот снова читал книгу... или только смотрел в нее и внимательно слушал.

— Да.

— Ты где?

— Магазин называется «Подержанная роза, поношенная одежда».

— Понятно. Я живу в доме шестьдесят один по Палмер-лейн. Ты пойдешь по Главной улице...

— Я найду.

— Хорошо. Там и встретимся. Хочешь поужинать?

— Не откажусь. Ты сможешь уйти с работы?

— Нет проблем. Кэрол меня прикроет. — Майк запнулся. — Она говорит, что за час до моего возвращения приходил один мужчина. А когда уходил, выглядел как призрак. Она мне его описала. Это Бен.

— Ты уверен?

— Да. И велосипед. Он — часть всего этого, так?

— Я не удивлюсь, — ответил Билл, поглядывая на хозяина магазина, который вроде бы зачитался.

— Встретимся у меня дома. Номер шестьдесят один. Не забудь.

— Не забуду. Спасибо, Майк.

— Да хранит тебя Господь, Большой Билл.

Билл положил трубку. Хозяин магазина тут же закрыл книгу.

— Нашли место для хранения, друг мой?

— Да. — Билл достал дорожные чеки, расписался на двадцатке. Хозяин магазина так внимательно сверял две подписи, что при других, не столь чрезвычайных обстоятельствах Билл счел бы это за оскорбление.

Наконец хозяин магазина выписал квитанцию и сунул дорожный чек в одно из отделений кассового аппарата. Поднялся, прижав руки к пояснице. Прогнулся, потом направился к витринам. Он так грациозно лавировал между кучами утиля или почти утиля, что Билл засмотрелся.

Мужчина поднял велосипед, вытащил из витрины, поставил на пол. Билл взялся за руль, чтобы помочь, и тут же по его телу пробежала дрожь. Сильвер. Снова. Сильвер в его руках и

(*через сумрак столб белеет, в полночь призрак столбенеет*)

ему пришлось вновь выгонять эту фразу из головы, потому что она сводила его с ума.

— Задняя шина немного сдулась, — предупредил хозяин магазина, хотя, по правде говоря, шина стала плоской, как оладья. Передняя — нет, но протектор полностью стерся и местами сквозь резину виднелся корд.

— Разберемся, — ответил Билл.

— Довезете его?

(«*Раньше бы довез без проблем; сейчас — не знаю*»)

— Думаю, да, — ответил Билл. — Благодарю.

— Не за что. Если надумаете насчет парикмахерского столба, заходите.

Хозяин магазина подержал дверь открытой. Билл вышел на тротуар, повернул налево и покатил велосипед в сторону Главной улицы. Люди с удивлением и любопытством смотрели на лысого мужчину, который катил большой велосипед со спущенным задним колесом и гудком с грушей, выступающим над ржавой сетчатой корзинкой, но Билл их не замечал. Он млел, ощущая, как хорошо легли в его взрослые ладони резиновые ручки руля, вспоминал, как хотел завязать узлом тонкие полоски разноцветного пластика и вставить в каждую ручку, чтобы они развевались на ветру. Но так и не сподобился.

Он остановился на углу Центральной и Главной улиц, около магазина «Мистер Пейпербэк». Прислонил велосипед к стене, снял пиджак. Катить велосипед со спущенной задней шиной — работа

не из легких, а солнце припекало. Билл бросил пиджак в корзинку у руля и продолжил путь.

«*Цепь ржавая*, — подумал он. — *Тот, кому принадлежал велосипед, не слишком о нем заботился*».

Билл снова остановился, хмурясь, пытаясь вспомнить, что произошло с Сильвером. Он его продал? Отдал? Может, потерял? Вспомнить не мог. Зато это идиотское предложение

(*через сумрак столб белеет, в полночь призрак столбенеет*)

вновь возникло в голове, странное и неуместное, как мягкое кресло на поле боя, как проигрыватель в камине, как остро заточенные карандаши, выступающие из бетонной дорожки.

Билл потряс головой. Предложение развалилось и растаяло, как дым. Он покатил Сильвера к дому Майка.

6

Майк Хэнлон находит связь

Но сначала он приготовил ужин — гамбургеры с тушеными грибами и луком и салат из шпината. К тому времени они закончили ремонт Сильвера и проголодались.

Жил Майк в маленьком аккуратном коттедже «Кейп-Код», белом с зеленой отделкой. Майк подъехал, когда Билл катил Сильвера по Палмер-лейн. Он сидел за рулем старенького «форда» с ржавыми порожками и треснутым задним стеклом, и Билл вспомнил очевидный факт, так спокойно указанный Майком: шесть членов Клуба неудачников, покинувших Дерри, перестали быть таковыми. Майк, оставшись в Дерри, оказался далеко позади.

Билл закатил Сильвера в гараж Майка, с земляным промасленным полом. Здесь поддерживался такой же идеальный порядок, как и в доме (это Билл выяснил чуть позже). Инструменты, каждый на своем гвозде, лампы в жестяных плафонах, какие вешают над столами для бильярда. Билл приставил велосипед к стене. Какое-то время он и Майк смотрели на него, молча, сунув руки в карманы.

— Это Сильвер, точно, — наконец нарушил паузу Майк. — Я думал, ты мог ошибиться. Но это он. Что собираешься с ним делать?

— Чтоб мне сдохнуть, если знаю. Велосипедный насос у тебя есть?

— Да. Думаю, есть все необходимое и для заклейки шин. Они бескамерные?

— Всегда были. — Билл наклонился, чтобы обследовать спустившую шину. — Да. Бескамерные.

— Собираешься снова на нем поездить?

— Ра-азумеется, нет, — резко ответил Билл. — Просто не нравится мне видеть его со с-с-спущенным колесом.

— Как скажешь, Большой Билл. Ты — босс.

Билл повернулся к нему, но Майк уже ушел к дальней стене гаража за насосом. Из одного из шкафчиков он достал жестянку со всем необходимым для заклейки шины и протянул Биллу, который с любопытством на нее посмотрел. Воспоминания о таких жестянках остались у него с детства: такого же размера и формы, как и жестянки, в которых держали табак мужчины, предпочитающие самолично скатывать сигареты, только крышка была блестящей и шершавой — она использовалась, чтобы обработать место прокола перед тем, как ставить заплатку. Жестянка выглядела новехонькой, приклеенный ценник «Вулко» говорил о том, что стоила она семь долларов и двадцать три цента. Билл вроде бы помнил, что в детстве такой набор он мог купить за доллар с четвертаком.

— Она у тебя здесь не лежала. — Вопросительных ноток в голосе Билла не слышалось.

— Нет, — согласился Майк. — Купил на прошлой неделе. В том самом торговом центре, если на то пошло.

— У тебя есть велосипед?

— Нет. — Майк встретился с ним взглядом.

— Просто взял и купил?

— Просто возникло такое желание. — Майк по-прежнему смотрел Биллу в глаза. — Проснулся и подумал, что эта штуковина может пригодиться. Мысль эта не отпускала весь день. Поэтому... я пошел и купил. И она тебе понадобилась.

— И она мне понадобилась, — кивнул Билл. — Но, как говорят в мыльных операх, что всё это значит, дорогая?

— Спросим у остальных, — ответил Майк. — Вечером.

— Думаешь, они все придут?

— Не знаю, Большой Билл. — Майк помолчал и добавил: — Думаю, есть вероятность, что не все. Один или двое могут решить, что лучше ускользнуть из города. Или... — Он пожал плечами.

— И что будем делать, если такое случится?

— Не знаю. — Майк указал на жестянку: — Я заплатил за нее семь долларов. Будем что-нибудь с ней делать или только смотреть?

Билл взял пиджак из сетчатой корзинки и аккуратно повесил на пустующий гвоздь. Потом перевернул Сильвера, поставив на руль и седло, и начал осторожно вращать заднее колесо. Ему не нравился ржавый скрип втулки колеса, и он помнил, как практически бесшумно вращались колесики скейтборда мальчишки. *«Капелька машинного масла «Три-в-одном» об этом позаботится*, — подумал он. — *Не помешало бы смазать и цепь. Чертовски ржавую... и игральные карты. Следовало бы поставить на колеса игральные карты. У Майка, готов спорить, они есть. Хорошие. С пленочным покрытием, такие жесткие и скользкие, что при первой попытке их потасовать они практически всегда рассыпаются по полу. Игральные карты, конечно, и прищепки, чтобы закрепить их...»*

Поток мыслей оборвался, Билл внезапно похолодел.

«О чем, во имя Иисуса, ты думаешь?»

— Что-то не так, Билл? — мягко спросил Майк.

— Все хорошо. — Его пальцы нащупали что-то маленькое, круглое и твердое. Он подсунул под находку ногти и потянул. Из шины вылезла кнопка. — На-ашел ви-и-иновника, — объявил он, и тут же в голове вновь возникла эта фраза, странная, непрошенная, пробивная: *«через сумрак столб белеет, в полночь призрак столбенеет»*. Но теперь за его голосом последовал голос матери: «Попробуй еще, Билли. На этот раз у тебя почти получилось». И Энди Дивайн* в роли Джингса, закадычного друга Гая Мэдисона, закричал: «Эй, Дикий Билл, подожди меня».

Его затрясло.

(*столб белеет*)

Он покачал головой.

«Мне не произнести ее, не заикаясь, и нынче», — подумал он и на мгновение почувствовал, что сейчас поймет, в чем дело и откуда взялась эта фраза.

А потом все ушло.

---

* Энди Дивайн (1905—1977, настоящее имя Эндрю Варг Дивайн) — американский актер, получивший наибольшую известность после выхода на экран телесериала «Приключения Дикого Билла Хикока» (1951—1958), в котором главную роль сыграл Гай Мэдисон (1922—1996). Неистовый Билл (1937—1976, настоящее имя Джеймс Батлер Хикок) — герой периода освоения Дикого Запада.

Он открыл жестянку с набором всего необходимого для ремонта шин и принялся за работу. Времени ушло немало. Майк стоял, привалившись к стене в лучах предвечернего солнца, закатав рукава рубашки, распустив узел галстука, насвистывая, как показалось Биллу, мелодию песни «Она поразила меня ученостью».

Ожидая, пока схватится клей, Билл — чтобы скоротать время, сказал он себе — смазал цепь Сильвера, заднюю звездочку и втулки. Выглядеть лучше велосипед от этого не стал, но, когда Билл покрутил колеса, скрип исчез, и это радовало. Первое место на конкурсе красоты Сильверу все равно не грозило. Его достоинство заключалось в другом: он мог мчаться как ветер.

К этому времени, половине шестого вечера, Билл практически полностью забыл о существовании Майка, с головой погрузившись в простое и вызывающее чувство глубокого удовлетворения дело — ремонт велосипеда. Наконец он накрутил штуцер насоса на вентиль заднего колеса и наблюдал, как шина «толстеет», заполняясь воздухом. Нужное давление определил на ощупь. С радостью отметил, что поставленная им заплатка воздух не пропускает.

Убедившись, что все в порядке, скрутил штуцер насоса с вентиля и уже собрался перевернуть Сильвера, когда услышал за спиной быстрое щелканье игральных карт. Он развернулся, чуть не свалив Сильвера.

Майк стоял позади, держа в руке колоду велосипедных игральных карт с синей рубашкой.

— Такие подойдут?

Билл шумно выдохнул:

— Полагаю, у тебя есть и прищепки?

Майк достал четыре из кармана рубашки и протянул ему.

— Как я понимаю, случайно оказались под рукой?

— Да, что-то в этом роде, — кивнул Майк.

Билл взял карты, попытался их перетасовать. Руки дрожали так, что карты посыпались из рук. Разлетелись по гаражу... но только две приземлились лицом вверх. Билл посмотрел на них, потом на Майка. Взгляд Майка застыл на разбросанных по полу картах. Губы его оттянулись, обнажив зубы.

Лицом вверх лежали два пиковых туза.

— Это невозможно, — вырвалось у Майка. — Я только что вскрыл колоду. Смотри. — Он указал на ящик для мусора, который

стоял у входа в гараж, и Билл увидел целлофановую обертку. — Как в одной колоде могут оказаться два пиковых туза?

Билл наклонился и поднял тузы.

— Ты сможешь разбросать по полу целую колоду так, чтобы только две карты легли лицом вверх? — спросил он. — А этот вопрос еще более ин...

Он перевернул тузы, посмотрел, потом показал Майку: у одного рубашка синяя, у другого — красная.

— Господи Иисусе, Майки, во что ты нас втянул?

— И что ты собираешься с ними делать? — бесстрастно спросил Майк.

— Поставить на место, — ответил Билл и вдруг рассмеялся. — Именно это мне предлагается с ними сделать, так? Если для магии требуются какие-то предварительные условия, они тем или иным образом неизбежно реализуются. Я прав?

Майк не ответил. Он наблюдал, как Билл подошел к заднему колесу Сильвера и закрепил игральные карты. Его руки еще дрожали, и на это ушло время, но в конце концов он справился, вдохнул, задержал выдох, и крутанул колесо. В гаражной тишине игральные карты с пулеметной скоростью захлопали по спицам.

— Пошли, — мягко позвал Майк. — Пошли, Большой Билл. Я приготовлю нам что-нибудь поесть.

Бургеры они смели и теперь сидели, курили, наблюдая, как на заднем дворе Майка темнота начинает проступать из сумерек. Билл достал бумажник, вытащил чью-то визитку и написал на обратной стороне предложение, которое не давало ему покоя с того самого момента, как он увидел Сильвера в витрине магазина «Подержанная роза, поношенная одежда». Показал Майку, который внимательно прочитал и поджал губы.

— Тебе это что-нибудь говорит? — спросил Билл.

— «Через сумрак столб белеет, в полночь призрак столбенеет», — Майк кивнул. — Да, говорит.

— Тогда скажи мне. Или ты собираешься вновь п-п-предложить додуматься самому?

— Нет, — ответил Майк, — думаю, в этом случае я могу тебе сказать. Это скороговорка. Используется как упражнение для шепелявых и заик. Тем летом твоя мать пыталась научить тебя выговаривать ее. Летом 1958 года. Ты частенько ходил и бормотал эту скороговорку себе под нос.

— Правда? — спросил Билл, а потом медленно сам же и ответил: — Да, ходил.

— Должно быть, ты очень хотел ее порадовать.

Билл, который вдруг почувствовал, что сейчас заплачет, только кивнул. Ответить не решился.

— У тебя ничего не вышло, — продолжил Майк. — Я это помню. Ты чертовски старался, но все равно язык тебя не слушался.

— Но я произнес эту фразу, — ответил Билл. — Как минимум один раз.

— Когда?

Билл с такой силой грохнул кулаком по столу, что заболела рука.

— Не помню! — выкрикнул он. И повторил снова, уже спокойно: — Просто не помню!

Глава 12
ТРИ НЕЗВАНЫХ ГОСТЯ

1

Майк Хэнлон обзвонил всех 28 мая, а на следующий день Генри Бауэрс начал слышать голоса. Они разговаривали с ним весь день. Какое-то время Генри думал, что они доносятся с луны. Ближе к вечеру, оторвавшись от грядки, которую пропалывал на огороде, он увидел луну в синем дневном небе, бледную и маленькую. Луну-призрак.

Потому, собственно, он и поверил, что с ним говорит луна. Только луна-призрак могла говорить голосами-призраками — голосами его давних друзей и голосами маленьких детей, которые играли в Пустоши давным-давно. Этими голосами — и еще одним... который он не решался назвать.

Первым с ним заговорил с луны Виктор Крисс. «*Они возвращаются, Генри. Они все, чел. Они возвращаются в Дерри*».

Потом с ним заговорил Рыгало Хаггинс, возможно, с обратной стороны луны. «*Ты — единственный, Генри. Единственный из нас, кто остался. Ты должен сделать их, Генри. Ты должен сделать их ради меня и Вика. Маленькие дети не могут взять над нами верх. Я же однажды так здорово ударил по мячу на площадке у гаража Трекеров, и Тони Трекер сказал, что такой мяч улетел бы и за пределы стадиона «Янкиз»*.

Он пропалывал грядку, глядя на луну-призрак, а через какое-то время пришел Фогерти и врезал ему по шее, уложив лицом в землю.

— Ты выпалываешь горох вместе с сорняками, козел.

Генри встал, смахнул землю с лица, вытряс из волос. Перед ним стоял Фогерти, крупный мужчина в белой куртке и белых штанах, с выпирающим вперед животом. Охранникам (в «Джунипер-Хилл» они назывались «защитниками») запрещалось носить дубинки, поэтому некоторые из них — хуже всех были Фогерти, Адлер и Кунц — носили в карманах валики четвертаков. Этими валиками они всегда били по одному месту — сзади по шее. Четвертаки никто не запрещал. Четвертаки не считались смертоносным орудием в «Джунипер-Хилл», психиатрической лечебнице, расположенной на окраине Огасты*, рядом с административной границей города Сидней.

— Сожалею, что так вышло, мистер Фогерти, — ответил Генри и широко улыбнулся, продемонстрировав щербатые и прореженные желтые зубы. Выглядели они, как забор из штакетника у брошенного дома. Зубы Генри начал терять лет в четырнадцать.

— Да, ты сожалеешь, — ответил Фогерти. — И будешь сожалеть еще больше, если я вновь поймаю тебя за этим, Генри.

— Да, сэр, мистер Фогерти.

Фогерти ушел, его черные ботинки оставляли большие коричневые следы на земле Западного сада. Раз уж Фогерти повернулся к Генри спиной, тот воспользовался моментом, чтобы украдкой оглядеться. Их отправили на прополку, как только небо очистилось от облаков, пациентов Синей палаты, куда помещали тех, кто когда-то был особо опасным, а теперь считался относительно опасным. Если на то пошло, все пациенты «Джунипер-Хилл» считались относительно опасными: в этой психиатрической лечебнице содержались только преступники, признанные невменяемыми. Генри Бауэрс попал сюда за убийство своего отца поздней осенью 1958 года — тот год прославился судами над убийцами; когда речь заходила о судах над убийцами, ни один год не мог сравниться с 1958-м.

Но, разумеется, все думали, что он убил не только своего отца. Если б речь шла лишь о его отце, Генри не провел бы двадцать лет в психиатрической больнице штата в Огасте, или в смирительной рубашке, или под действием психотропных препаратов. Нет, речь шла не только о его отце: власти думали, что он убил всех, по меньшей мере — большинство.

---

* Огаста — столица штата Мэн.

После вынесения приговора «Ньюс» опубликовала передовицу под названием «Конец долгой ночи в Дерри». В статье они привели главные улики: ремень в комоде Генри, принадлежавший Патрику Хокстеттеру; школьные учебники в стенном шкафу Генри, некоторые выданные пропавшему без вести Рыгало Хаггинсу, другие — пропавшему без вести Виктору Криссу (обоих знали как близких друзей Бауэрса); и — самая обличающая — трусики, засунутые в матрац Генри через разрез в чехле, трусики Вероники Грогэн, как выяснили по метке прачечной.

Генри Бауэрс, заявлялось в «Ньюс», и был тем монстром, который наводил ужас на Дерри весной и летом 1958 года.

«Ньюс» объявила о конце долгой ночи в Дерри на первой полосе своего номера от 6 декабря, хотя даже такой недоумок, как Генри, знал, что ночь в Дерри не закончится никогда.

Они засыпали его вопросами, взяли в круг, тыкали в него пальцем. Дважды начальник полиции отвесил ему оплеуху, однажды детектив по фамилии Лоттман ударил в живот, посоветовав ему признаться, да побыстрее.

«Снаружи собрались люди, и настроение у них плохое, Генри, — сказал ему этот Лоттман. — В Дерри давно уже никого не линчевали, но это не означает, что такого здесь больше не будет».

Он полагал, что они не отступятся, сколько бы это ни заняло времени. Едва ли кто-то из них действительно верил, что жители Дерри могут ворваться в полицейский участок, вытащить Генри на улицу и вздернуть на первом же суку. Но им всем отчаянно хотелось подвести черту под этим летом крови и ужасов. Они бы и подвели, пусть Генри никого и не убивал. Через какое-то время он понял, чего они от него хотят — признания во всем. После кошмара канализационных тоннелей, после того, что случилось с Рыгало и Виктором, он особо и не возражал. Да, сказал Генри, он убил своего отца. И сказал правду. Да, он убил Виктора Крисса и Рыгало Хаггинса, и тоже сказал правду, во всяком случае, в том, что повел их в тоннели, где их убили. Да, он убил Патрика. Да, он убил Веронику. Да — на один вопрос, да — на все. Неправда, но значения это не имело. Кому-то следовало взять на себя вину. Возможно, только по этой причине его и оставили в живых. А если бы он отказался...

Насчет ремня Патрика он все понимал, потому как выиграл его у Патрика в карты еще в апреле, обнаружил, что ремень ему мал и бросил в один из ящиков комода. И насчет учебников он все пони-

мал: черт, они дружили, к учебникам, выданным на летние занятия, относились так же наплевательски, как к тем, которыми пользовались во время учебного года. Они им были нужны, как сурку чечетка. В стенных шкафах Крисса и Хаггинса наверняка валялись его учебники, и копы скорее всего тоже это знали.

Трусики... нет, он понятия не имел, как трусики Вероники Грогэн попали в его матрас.

Но он думал, что знал, кто — или что — позаботился об этом.

Лучше о таком не говорить.

Лучше изображать придурка.

Его отправили в Огасту, а потом, в 1979 году, перевели в «Джунипер-Хилл». В этой лечебнице он только раз попал в передрягу и лишь потому, что поначалу его не понимали. Какой-то парень попытался выключить ночник Генри. В виде Дональда Дака с маленькой бескозыркой на голове. Дональд защищал Генри после захода солнца. В темноте пришли бы твари. Замки на дверях и металлическая сетка их бы не остановили. Они бы просочились как туман. Твари. Они говорили, и смеялись, и... иногда они хватали. Лохматые твари, гладкие, с глазами. Твари, которые действительно убили Вика и Рыгало, когда в августе 1958 года они втроем вошли в канализационные тоннели, преследуя тех ребят.

Оглядываясь, Генри видел других пациентов Синей палаты. Джорджа Девилля, который в один зимний вечер 1962 года убил жену и четверых детей. Джордж не поднимал головы, его седые волосы ерошил ветер, сопли бодро текли из носа, громадный деревянный крест мотало из стороны в сторону, в такт его ударам мотыгой. Джимми Донлина. Во всех газетах о Донлине написали, что летом 1965 года в Портленде он убил мать, но не упомянули, что Джимми пытался по-новому избавиться от тела: к тому времени, когда нагрянули копы, Джимми съел половину, включая мозги матери. «От них я стал вдвое умнее», — как-то раз признался Джимми Генри после отбоя.

На следующей за Джимми грядке фанатично махал мотыгой и одновременно снова и снова пел одну строку, как, впрочем, и всегда, недомерок француз Бенни Болье, поджигатель, пироманьяк. И теперь, работая, он повторял строку из песни «Дорс»: «Пытаясь поджечь ночь, пытаясь поджечь ночь, пытаясь поджечь ночь, пытаясь...»

Через какое-то время его пение начинало действовать на нервы.

За Бенни работал Франклин Д'Круз, который изнасиловал более пятидесяти женщин, прежде чем его поймали со спущенными штанами в бангорском Террас-парк. Возраст его жертв варьировал от трех лет до восьмидесяти одного года. Этот Фрэнк Д'Круз не имел особых предпочтений. Арлен Уэстон чуть отставал от остальных, потому что слишком много времени проводил, мечтательно глядя на свою мотыгу. Фогерти, Адлер, Джон Кунц — все они использовали зажатый в кулак валик с четвертаками, чтобы убедить Уэстона шевелиться чуть быстрее, и однажды Кунц ударил его чуть сильнее, чем следовало, потому что кровь пошла не только из носа Арлена Уэстона, но и из ушей, и в тот же вечер выяснилось, что у него сотрясение мозга. Легкое, но сотрясение. С того дня Арлен все глубже и глубже погружался во внутреннюю темноту, и теперь о возвращении не могло быть и речи: Арлен чуть не полностью оборвал связь с окружающим миром. За Арленом...

— Поднимешь наконец мотыгу или тебе помочь, Генри? — прорычал Фогерти, и Генри тут же принялся выпалывать сорняки. Он не хотел сотрясений мозга. Не хотел становиться таким же, как Арлен Уэстон.

Скоро вновь послышались голоса. Но на этот раз он слышал другие голоса, голоса подростков, которые втянули его в эту историю. Они шептали с луны-призрака.

«Ты не можешь поймать даже жирдяя, — прошептал один. — Теперь я богат, а ты пропалываешь горох. Мне смешно, говнюк!»

«Бâ-а-ауэрс, ты не мо-ожешь по-оймать да-аже п-п-простуду! Прочитал ка-акие-то хо-орошие к-книги, по-ока си-идишь з-здесь? Я на-аписал много! Я бо-о-огат, а ты — в Дж-Дж-Джунипер-Хилл! Ха-ха, глупый го-овнюк!»

— Заткнитесь, — прошептал Генри голосам-призракам, прибавив скорости, выпалывая вместе с сорняками ростки гороха. Пот катился по щекам, как слезы. — Мы могли вас сделать. Мы могли.

«Мы посадили тебя под замок, говнюк, — рассмеялся еще один голос. — *Ты гонялся за мной и не смог поймать, а теперь я тоже богат! Так держать, каблуки-бананы!»*

— Заткнитесь, — шептал Генри, все быстрее работая мотыгой. — Просто заткнитесь!

«Ты хотел залезть мне в трусы, Генри? — принялся дразнить его еще один голос. — *А тебе не обломилось! Я дала им всем, пото-*

му что была шлюхой, но теперь я тоже богата, и мы снова вместе, и мы снова этим займемся, но тебе опять не обломится, даже если бы я согласилась дать тебе, потому что у тебя уже не стоит. Так что, ха-ха, Генри, мы все смеемся над тобой».

Генри махал мотыгой, во все стороны летели земля, сорняки, ростки гороха; голоса-призраки с луны-призрака звучали теперь очень громко, мельтешили в голове, и Фогерти уже с криком бежал к нему, но Генри его не слышал. Из-за голосов.

«Не смог справиться даже с таким ниггером, как я, так? — вступил еще один голос. — *Мы побили вас в той битве камней! Мы вас, мать вашу, побили! Ха-ха, говнюк! Ты — посмешище!»*

Теперь они бубнили все вместе, смеялись над ним, смеялись над тем, что у него каблуки-бананы, спрашивали, нравилась ли ему электрошоковая терапия, которой его подвергли, когда он попал в Красную палату, спрашивали, нравится ли ему в «Джунипер-Хилл», спрашивали и смеялись, спрашивали и смеялись, и Генри отбросил мотыгу и начал кричать на луну-призрак, зависшую в синем небе, а потом луна изменилась и стала лицом клоуна, лицом в белом гриме, с черными дырами глаз, и красно-кровавая усмешка вдруг перешла в улыбку, такую непристойно искреннюю, что выдержать ее не представлялось возможным: именно тогда Генри и начал кричать, не в ярости, а от дикого ужаса, голос клоуна говорил теперь с луны-призрака, и говорил следующее: *«Ты должен вернуться, Генри. Ты должен вернуться и довести дело до конца. Ты должен вернуться в Дерри и убить их всех. Ради меня. Ради...»*

Тут Фогерти — он стоял рядом и орал на Генри уже две минуты (тогда как другие пациенты Синей палаты стояли у своих грядок, держа в руках мотыги, словно карикатурные фаллосы, но на их лицах читался не интерес к происходящему, а почти что, да, почти что задумчивость, словно они понимали, что все это — часть таинства, благодаря которому они и оказались здесь, что внезапный приступ криков, которыми разразился Генри Бауэрс в Западном саду, несет в себе нечто большее, чем может показаться с первого взгляда) — надоело орать, и он от души врезал Генри кулаком с зажатым в нем валиком четвертаков. Генри рухнул как подкошенный, но голос клоуна последовал за ним в жуткую воронку темноты, куда он проваливался, повторяя снова и снова: *«Убей их всех, Генри, убей их всех, убей их всех, убей их всех».*

2

Генри Бауэрс лежал без сна.

Луна зашла, и за это он мог ее только поблагодарить. Ночью у луны убавлялось призрачности, она становилась более реальной, и он не сомневался, что умер бы от ужаса, если б увидел отвратительное лицо клоуна, плывущее в небе над холмами, и полями, и лесами.

Он лежал на боку, пристально глядя на ночник. Дональд Дак давно перегорел; его заменили Микки и Минни Маус, танцующие польку; им на смену пришло зеленое лицо Оскара-ворчуна с улицы Сезам, а в прошлом году место Оскара заняла мордочка медвежонка Фоззи. Генри отмерял годы заключения сгоревшими ночниками, а не кофейными ложечками.

Утром 30 мая, ровно в два часа и четыре минуты, ночник погас. Тихий стон сорвался с губ Генри — ничего больше. В эту ночь у дверей Синей палаты дежурил Кунц — худший из охранников. Даже хуже Фогерти, который так сильно ударил его днем, что Генри едва мог повернуть голову.

Вокруг него спали другие пациенты Синей палаты. Бенни Болье спал в фиксаторах. Когда они вернулись, закончив прополку, ему разрешили посмотреть стоящий в палате телевизор, по которому показывали очередной повтор одной из серий «Экстренной помощи», и около шести часов он принялся яростно дрочить, крича: «Пытаясь зажечь ночь! Пытаясь зажечь ночь! Пытаясь зажечь ночь!» Ему дали успокоительное, и оно помогло примерно на четыре часа, но около одиннадцати, когда действие элавила сошло на нет, он занялся тем же. Дергал свой старый шланг с такой силой, что между пальцами выступила кровь, продолжая кричать: «Пытаясь зажечь ночь!» Ему вновь дали успокоительное и закрепили руки и ноги в фиксаторах. Теперь он спал, и в тусклом свете ночника его сморщенное личико выглядело таким же серьезным, как у Аристотеля.

Из-за кровати Болье доносились тихий храп и громкий, бурчание, иногда кто-то подпускал голубка. Слышал Генри и дыхание Джимми Донлина, безошибочно узнаваемое, хотя и спал Джимми через пять кроватей. Резкое и чуть свистящее, почему-то оно ассоциировалось у Генри с работающей швейной машинкой. Из-за двери в коридор доносился слабый звук работающего телеви-

зора Кунца. Генри знал, что Кунц обычно смотрит старые фильмы по каналу 38, пьет «Тексас драйвер» и ест ленч. Кунц отдавал предпочтение сандвичам с комковатым арахисовым маслом и бермудским луком. Когда Генри об этом услышал, его передернуло, и он подумал: *«Неужели кто-то уверен, что все безумцы сидят под замком?»*

На этот раз голос пришел не с луны.

На этот раз заговорили с ним из-под кровати.

Генри узнал голос сразу. Принадлежал он Виктору Криссу, которому уже двадцать семь лет как оторвали голову в тоннелях под Дерри. Оторвал ему голову Франкенштейн-монстр. Генри видел, как это произошло, а потом он увидел, как глаза монстра сместились, и почувствовал на себе их водянисто-желтый взгляд. Да, Франкенштейн-монстр убил Виктора, а потом убил Рыгало, но теперь Вик появился снова, словно повтор-призрак черно-белого фильма в программе «Прекрасные пятидесятые», когда президент был лысым, а «бьюики» выпускались с выхлопными отверстиями в бортах.

Но теперь, после случившегося в саду, когда из-под кровати послышался голос Виктора, Генри обнаружил, что он спокоен и ничего не боится. Даже испытывает облегчение.

— Генри! — позвал Вик.

— Вик! — воскликнул Генри. — Что ты делаешь под кроватью?

Бенни Больше всхрапнул и что-то пробормотал во сне. Швейная машинка в носу Джимми на мгновение сделала паузу во вдохах и выдохах, Кунц убавил звук маленького «Сони», и Генри буквально увидел, как он сидит, склонив голову набок, прислушиваясь, одна рука на кнопке уменьшения звука, пальцы другой поглаживают валик с четвертаками в правом кармане белой куртки.

— Тебе не обязательно говорить вслух, Генри, — доносится из-под кровати. — Я тебе услышу, даже если ты только подумаешь. А меня они совсем не слышат.

— Чего ты хочешь, Вик? — спросил Генри.

Ответа долго не было. Генри подумал, что Вик, возможно, ушел. За дверью Кунц прибавил звук в телевизоре. Внизу послышалось царапание, потом чуть заскрипели пружины, когда темная тень вылезала из-под кровати. Старина Вик посмотрел на Генри и улыбнулся. Генри улыбнулся в ответ, но с опаской. Очень уж старина Вик напоминал Франкенштейна-монстра тех давних дней. Шрам,

похожий на вытатуированную веревку, обвивал шею. Генри подумал, что Вику пришили голову аккурат по этому шраму. Глаза Вика обрели странный серо-зеленый свет, а радужки, казалось, плавали в какой-то вязкой субстанции.

Вик так и остался двенадцатилетним.

— Я хочу того же, что и ты, — услышал Генри. — Я хочу отплатить им.

«*Отплатить им*», — мысленно повторил Генри Бауэрс.

— Но ты должен выбраться отсюда, чтобы это сделать, — продолжил Вик. — Ты должен вернуться в Дерри. Ты мне нужен, Генри. Ты нужен нам всем.

«Они не могут причинить Тебе вреда», — ответил Генри, понимая, что говорит не только с Виком.

— Они не смогут причинить Мне вред, если только наполовину поверят в Меня. Но есть кое-какие тревожные признаки, Генри. Тогда мы тоже не думали, что они смогут нас побить. Однако жирдяй ушел от тебя в Пустоши. И жирдяй, и остряк, и девка ушли от нас после кино. И эта битва камней, когда они спасли ниггера...

«Не говори об этом!» — прокричал Генри Вику, и в это мгновение в голос вернулась твердость, которая делала его их вожаком. Потом он сжался, думая, что Вик врежет ему — конечно, Вик мог сделать все, что хотел, раз уж был призраком, — но Виктор только улыбнулся.

— Я могу разобраться с ними, если только они наполовину поверят, но ты-то живой, Генри. Ты можешь добраться до них, независимо от того, верят ли, они, верят наполовину или не верят вообще. Ты можешь прикончить их по одному или всех сразу. Ты можешь отплатить им.

«Отплатить им, — повторил Генри и с сомнением посмотрел на Вика. — Но я не смогу выйти отсюда, Вик. На окнах проволочная сетка, за дверью сегодня Кунц. Может, следующей ночью...»

— Насчет Кунца не беспокойся, — Вик поднялся, и Генри увидел, что на нем те самые джинсы, что и в последний день его жизни, и они по-прежнему измазаны в подсыхающей жиже сточных канав. — О Кунце я позабочусь. — И Вик протянул руку.

После короткого колебания Генри ее пожал. Они с Виком направились к двери Синей палаты и звуку телевизора. И уже подошли к ней, когда проснулся Джимми Донлин, который съел мозг собственной матери. Глаза у него округлились, когда он увидел ночно-

го гостя Генри. Это была его мать. Ее комбинация не доставала до пола разве что на четверть дюйма, как и всегда. Макушка отсутствовала. Ее глаза, ужасающе красные, повернулись в его сторону, а когда она улыбнулась, Джимми увидел привычные следы помады на ее желтых лошадиных зубах. Джимми заорал:

— Нет, мама! Нет, мама! Нет, мама!

Телевизор тут же выключился, и еще до того как другие пациенты проснулись, Кунц распахнул дверь в палату с криком:

— Ладно, говнюк, готовься к тому, что твоей голове сейчас достанется. С меня хватит!

— Нет, мама! Нет, мама! Пожалуйста, мама! Нет, мама...

Кунц ворвался в палату. Сначала увидел Бауэрса, высокого, с толстым животом, такого нелепого в пижаме, обрюзгшего и бледного в падающем из коридора свете. Потом посмотрел налево и закричал во всю мощь легких. Рядом с Бауэрсом стоял монстр в клоунском костюме. Ростом не меньше восьми футов. Костюм серебрился. Сверху вниз по нему спускались оранжевые пуговицы-помпоны. На ноги монстр надел забавные огромные башмаки. Но в голове монстра ничего человеческого не было: Кунц видел морду добермана, единственного животного на божьей зеленой земле, которого боялся Джон Кунц. Глаза псины горели красным. Губы оттянулись назад, обнажая гигантские белые зубы.

Валик с четвертаками выпал из онемевших пальцев Кунца и откатился в угол. На следующий день Бенни Болье, который все проспал, нашел его и спрятал в ящике для обуви. Потом месяц покупал на эти четвертаки сигареты.

Кунц набрал в грудь воздуха, чтобы снова закричать, когда клоун прыгнул на него.

— Пришло время цирка! — прокричал клоун рычащим голосом, и его руки в белых перчатках упали на плечи Кунца.

Только в этих перчатках были не руки, а лапы.

3

Третий раз за этот день — долгий, долгий день — Кей Макколл подошла к телефону.

На этот раз она пошла дальше, чем в двух первых случаях; на этот раз подождала, пока на другом конце провода снимут трубку,

и сочный голос ирландского копа произнесет: «Полицейский участок на Шестой улице, сержант О'Бэннон. Чем я могу вам помочь?» — а уж потом положила трубку.

— Все у тебя получается. Господи, да. К восьмому или девятому разу ты соберешься с духом и назовешь ему свое имя.

Она прошла на кухню и налила себе виски с содовой (виски — капельку, содовой — остальное), хотя знала, что после дарвона* употреблять спиртное не рекомендуется. Она вспомнила строчки из песни, которую частенько распевали в студенческих кофейнях ее молодости: «Голову виски залей, джином наполни живот, доктор мне скажет — помрешь, знать бы только — когда», — и весело расхохоталась. За стойкой бара висело зеркало. Кей глянула на свое отражение и разом перестала смеяться.

Кто эта женщина?

Один глаз чуть ли не полностью заплыл.

Кто эта избитая женщина?

Нос того же цвета, что и у пьяницы, который тридцать или больше лет посещал злачные места, да еще и распухший до безобразия.

*Кто эта избитая женщина, которая выглядит точно так же, как те женщины, которые все-таки добредают до шелтера** (если они достаточно напуганы, или достаточно храбры, или просто в ярости), решив бросить мужчину, избивающего ее из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год?*

Зигзагообразный порез на щеке.

Кто она, дорогуша Кей?

Одна рука на перевязи.

Кто? Это ты? Неужели это ты?

— Это она... мисс Америка, — пропела Кей, и ей хотелось, чтобы голос звучал грубо и цинично, но он дал петуха на седьмом слоге и сломался на восьмом. И не грубый это был голос, а испуганный. О чем Кей прекрасно знала. Ей приходилось пугаться раньше, а потом удавалось преодолеть страх. Но она чувствовала, что на сей раз преодоление потребует очень много времени.

В маленькой палате, примыкающей к приемному отделению больницы «Сестры милосердия», которая находилась в полумиле

---

* Дарвон — сильное болеутоляющее. Отпускается только по рецепту.

** Шелтер — убежище для женщин, подвергшихся домашнему насилию.

от дома Кей, ею занимался молодой и симпатичный доктор. При других обстоятельствах она могла бы от нечего делать (или с куда большей заинтересованностью) подумать о том, чтобы пригласить его домой на первоклассный секс-курс. Но в тот момент сексуального возбуждения не испытывала. Боль не способствовала сексуальному возбуждению. Как и страх.

Фамилия его была Геффин, и плевать она хотела на его пристальный взгляд. Он прошелся к раковине с белым бумажным стаканчиком, наполовину наполнил его водой, поставил на стол, достал из ящика стола пачку сигарет, предложил Кей.

Она взяла одну, и он дал ей прикурить. Ему пришлось секунду-другую гоняться огоньком спички за кончиком сигареты, потому что рука ее дрожала. Спичку он бросил в стаканчик с водой. Зашипев, она погасла.

— Прекрасная привычка, так?

— Оральная фиксация*, — ответила Кей.

Он кивнул, последовала долгая пауза. Врач продолжал смотреть на нее. У нее сложилось впечатление, что он ждал, когда же она заплачет, и ее это разозлило, потому что слезы уже подступали к глазам. Она терпеть не могла, когда кто-то, тем более мужчина, предугадывает ее эмоциональную реакцию.

— Бойфренд? — наконец спросил он.

— Я бы предпочла об этом не говорить.

— Что ж. — Он курил и смотрел на нее.

— Ваша мама не говорила вам, что это невежливо — таращиться на людей?

Она хотела задать вопрос с вызовом, но прозвучал он как мольба: перестаньте на меня смотреть, я знаю, как выгляжу, я видела. За этой мыслью последовала другая — она подозревала, что с ее подругой Беверли такое случалось не единожды, и наибольший вред кулаки мужчины причиняли как раз не телу, вызывая, если можно так сказать, внутридушевное кровотечение. Она знала, как выглядит, да. Хуже того — знала, что чувствует. Она боялась. А страх — отвратительное чувство.

— Я скажу вам это только один раз, — произнес Геффин тихо и доброжелательно. — Когда я работаю в приемном отделении —

* Одно из объяснений этой вредной привычки: курят те, кого в младенчестве недокормили грудью.

если выпадает моя очередь дежурить, — я принимаю порядка двадцати избитых женщин в неделю. Интерны принимают на два десятка больше. Поэтому смотрите — телефонный аппарат прямо на столе. Звонок за мой счет. Вы звоните на Шестую улицу, называете им ваше имя и адрес, говорите, что случилось и кто это сделал. Потом кладете трубку, я достаю бутылку бурбона, которую держу в этом шкафу — исключительно для медицинских целей, вы понимаете, — и мы за это выпьем. Потому что я считаю, и это мое личное мнение, что есть только одна форма жизни, более низшая, чем мужчина, избивающий женщину, и это — крыса, больная сифилисом.

Кей кисло улыбнулась:

— Я ценю ваше предложение, но откажусь. Пока.

— Хорошо, — пожал плечами врач. — Когда придете домой, внимательно посмотрите на себя в зеркало, мисс Макколл. Уж не знаю кто, но отделал он вас прилично.

Тут она заплакала, ничего не смогла с собой поделать.

Том Роган позвонил около полудня, на следующий день после того, как она посадила Беверли в автобус, чтобы узнать, когда Кей в последний раз общалась с его женой. Голос звучал спокойно, благоразумно, в нем не слышалось раздражения. Кей ответила, что не видела Беверли почти две недели. Том поблагодарил и положил трубку.

Около часа дня раздался дверной звонок. Кей — она работала в кабинете — подошла к двери.

— Кто там?

— Из «Цветочного магазина Креджина», мэм, — ответил пронзительный голос, и по глупости она не поняла, что это Том заговорил фальцетом. По глупости она поверила, что Том может так легко сдаться. По глупости сняла цепочку, прежде чем открыть дверь.

Он шагнул через порог, и она успела произнести: «Вон из мо...» — прежде чем невесть откуда взявшийся кулак Тома ударил ей в правый глаз, закрыв его и прострелив голову болью. Кей отлетела в прихожую, по пути хватаясь за что попало, чтобы устоять на ногах. Ваза с узким горлом под одну розу упала на плитки пола и разлетелась вдребезги, повалилась вешалка. Упала и Кей. Том закрыл за собой дверь и направился к ней.

— Убирайся отсюда! — прокричала она.

— Как только ты скажешь мне, где она, — ответил Том, пересекая прихожую. Кей отметила, что и Том выглядит неважно — если на то пошло, выглядит ужасно, — и ее это очень порадовало. Что бы ни делал Том с Бев, по всему выходила, что Бев с ним рассчиталась. Во всяком случае, целый день ему пришлось пролежать... и все равно, судя по внешнему виду, больница по нему плакала.

Но еще он выглядел и очень злобным. Просто разъяренным.

Кей поднялась и попятилась, не отрывая он него глаз, как смотрят на дикого зверя, вырвавшегося из клетки.

— Я сказала тебе, что не видела ее, и это правда. А теперь выметайся отсюда, пока я не вызвала полицию.

— Ты ее видела. — Его распухшие губы попытались растянуться в улыбке. Она заметила, что с его зубами творится неладное. От некоторых передних остались только жалкие обломки. — Я тебе позвонил, сказал, что не знаю, где Бев. Ты ответила, что не видела ее две недели. Не задала ни единого вопроса. Даже не сказала, что так тебе и надо, хотя я чертовски хорошо знаю, как ты меня ненавидишь. Так где она, ты, тупая манда? Скажи мне.

Кей повернулась и побежала к дальней стене прихожей, чтобы проскочить сдвижные двери в гостиную, сдвинуть их и закрыть на врезной замок поворотом барашка. До дверей она добежала первой — он хромал, — но двери сдвинуть не успела. Том успел поставить плечо между створками, а потом резко распахнул их. Она повернулась, чтобы бежать дальше; он схватил ее за платье и дернул на себя, оторвав всю «спину» до талии. «*Это платье сшила твоя жена, говнюк*», — успела подумать она, а потом Том развернул ее лицом к себе.

— Где она?

Кей вскинула руку и залепила ему оплеуху. Голова Тома откинулась назад, из пореза на левой щеке вновь потекла кровь. Он схватил Кей за волосы и насадил ее лицо на свой кулак. Кей показалось, что нос просто взорвался. Она закричала, вдохнула, чтобы закричать вновь, и закашлялась собственной кровью. Ее охватил дикий ужас. Такого ужаса она не испытывала за всю свою жизнь. Этот обезумевший сукин сын собирался ее убить.

Она кричала, она кричала, а потом его кулак вонзился ей в живот, вышибив из нее весь воздух, и теперь она могла только раскрывать рот. На мгновение она даже подумала, что сейчас задохнется.

— Где она?

Кей покачала головой.

— Не... видела... ее... — прохрипела она. — Полиция... ты сядешь в тюрьму... говнюк...

Он поднял ее на ноги, и она почувствовала, как в плече что-то надломилось. Снова боль, такая сильная, что Кей замутило. Том ее развернул, по-прежнему держа за руку, загнув ей за спину, и Кей прикусила губу, давая себе слово, что больше не закричит.

— Где она?

Кей покачала головой.

Он дернул ее руку, дернул с такой силой, что сам хрюкнул. Она почувствовала его дыхание на своем ухе, почувствовала, как ее правый кулак ударил о ее левую лопатку, и снова закричала. Потому что в плече что-то надломилось еще сильнее.

— Где она?

— ...знаю...

— Что?

— Я не ЗНАЮ!

Он ее отпустил и толкнул. Кей, рыдая, упала на пол, из носа текли сопли и кровь. Раздался почти музыкальный звон, и, оглянувшись, Кей увидела склонившегося над ней Тома. Он разбил еще одну вазу, на этот раз из уотерфордовского хрусталя*. Вазу он держал за основание, а зазубренный скол находился в нескольких дюймах от ее лица. Она как загипнотизированная уставилась на острия.

— Вот что я тебе скажу. — Слова вылетали между вдохами и струями теплого воздуха. — Ты сейчас говоришь мне, куда она поехала, или тебе придется собирать лицо с пола. У тебя есть три секунды, может, меньше. Когда я злюсь, время для меня идет быстрее.

«*Мое лицо*», — подумала она, и эта мысль заставила сдаться... или, если угодно, сломала ее: мысль о том, что этот монстр изрежет ее лицо «розочкой» из уотерфордовской вазы.

— Она поехала домой. — С губ Кей сорвалось рыдание. — В родной город, Дерри. Город называется Дерри, в штате Мэн.

— Как поехала?

— На автобусе до Милуоки. Оттуда собиралась лететь.

---

* Уотерфорд — город на юге Ирландии, славящийся своим хрусталем.

— Паршивая, вонючая блядь! — воскликнул Том, вставая. Прошелся по гостиной, вцепившись руками в волосы, и без того торчащие во все стороны. — Эта манда, эта блядь, эта похотливая сука! — Он взял изящную деревянную скульптуру (мужчину и женщину, занимающихся любовью), которую Кей купила еще в двадцать два года, и запустил в камин, где она разлетелась в щепки. Глянул на свое отражение в зеркале над камином, постоял с широко раскрытыми глазами, будто смотрел на призрак. Достал что-то из кармана пиджака, в котором пришел, и она увидела, не без удивления, что это книга в обложке карманного формата. На лицевой стороне буквы из красной фольги складывались в название — «Черная стремнина». Картинка изображала нескольких молодых людей, стоящих на высоком обрыве над рекой.

— Кто этот хрен?

— А? Что?

— Денбро. Денбро. — Он потряс перед ней книгой, потом стукнул по лицу. Щеку пронзила боль, и по ней разлилось жаркое тепло, как от печи. — Кто он?

Кей начала понимать.

— Они дружили. В детстве. Они выросли в Дерри.

Он снова ударил ее книгой, на этот раз по другой щеке.

— Пожалуйста, — всхлипнула она. — Пожалуйста, Том.

Он перетащил через нее антикварный (восемнадцатого века), с изящными изогнутыми ножками стул, развернул. Сел. Его злобное лицо смотрело на нее поверх спинки.

— Слушай меня. Слушай своего дядю Тома. Ты на это способна, сжигавшая бюстгальтеры сука?

Кей кивнула. Она чувствовала в горле вкус крови, горячий и медный. Плечо горело. Она молила Бога, чтобы все ограничилось вывихом, не переломом. Но ведь этим могло не ограничиться. «*Мое лицо, он собирался порезать мне лицо...*»

— Если ты позвонишь в полицию и скажешь, что я сюда приходил, я буду все отрицать. Ты ни хрена не докажешь. У твоей служанки выходной, так что мы тут вдвоем. Конечно, они все равно могут меня арестовать, все возможно, так?

Она почувствовала, как кивает, словно голова дернулась на веревочке.

— Конечно, могут. И как только меня выпустят под залог, я приду сюда. Потом они найдут твои груди на кухонном столе, а

глаза в аквариуме. Ты меня поняла? Ты поняла, о чем говорит твой дядя Томми?

Кей опять расплакалась, веревочка, привязанная к голове, вновь заработала. Голова опускалась и поднималась.

— Почему?

— Что? Я... я не позвоню.

— Очнись, ради бога! Почему она уехала?

— Я не знаю! — Кей чуть ли не кричала.

Том погрозил ей вазой-розочкой.

— Я не знаю, — уже тише повторила Кей. — Пожалуйста. Она мне не сказала. Пожалуйста, больше не бей меня.

Он швырнул вазу в корзинку для мусора и встал.

Ушел, не оглядываясь, наклонив голову, здоровенный, неуклюжий, медведеподобный мужчина.

Она метнулась следом за ним и заперла дверь. После короткой передышки как могла быстро (насколько позволяла боль в животе) похромала наверх и заперла стеклянные двери на террасу: вдруг у него возникло бы желание залезть на террасу по колонне и войти в квартиру этим путем. Конечно, ему крепко досталось от Бев, но ведь он совершенно обезумел.

После этого Кей первый раз подошла к телефонному аппарату и вспомнила слова Тома, едва взялась за трубку.

«Как только меня выпустят под залог, я приду сюда... твои груди на кухонном столе, а глаза в аквариуме».

Она рывком убрала руку.

Пошла в ванную. Посмотрела на текущий нос-помидор, заплывший глаз. Она не плакала. Стыд и ужас, которые она испытывала, сушили слезы. *«Ох, Бев, я сделала все, что могла*, — думала она. — *Но мое лицо... он сказал, что изрежет мое лицо...»* В шкафчике-аптечке нашлись дарвон и валиум. Она никак не могла решить, чему отдать предпочтение, и в итоге приняла по таблетке каждого. Потом пошла в больницу «Сестры милосердия», чтобы получить первую медицинскую помощь, и встретилась со знаменитым доктором Геффином, единственным мужчиной, которого ей не хотелось бы видеть стертым с лица земли.

Оттуда потащилась домой, снова домой, тра-ля-ля.

Подошла к окну спальни, выглянула. Солнце висело над горизонтом. На Восточном побережье сгущались сумерки — в Мэне было почти семь вечера.

«Насчет копов ты решишь позже. Сейчас главное — предупредить Беверли.

И все бы существенно упростилось, — подумала Кей, — *если бы ты сказала мне, где остановишься, Беверли, любовь моя. Наверное, ты не знала сама».*

Уже два года бросив курить, Кей держала пачку «Пэлл-Мэлл» в ящике стола на всякий пожарный случай. Достала сигарету, закурила, поморщилась. Последний раз она брала сигарету из этой пачки в декабре 1982 года, а эта затхлостью не уступала конституционной поправке о равноправии мужчин и женщин, пылящейся в сенате штата Иллинойс. Кей сигарету тем не менее выкурила, щуря один глаз от дыма. Второй и так оставался сощуренным, спасибо Тому Рогану.

Левой рукой (этот сукин сын вывихнул ей плечевой сустав правой), она набрала номер «Информационной службы штата Мэн» и попросила дать названия и телефоны всех отелей и мотелей Дерри.

— Мэм, на это уйдет время. — В голосе оператора слышалось сомнение.

— На это уйдет даже больше времени, сестричка, — ответила ей Кей. — Мне придется все записать моей глупой рукой, потому что умная отправилась в отпуск.

— Обычно мы...

— Послушайте меня, — мягко оборвала ее Кей. — Я звоню из Чикаго и пытаюсь найти мою подругу, которая только-только ушла от мужа и поехала в Дерри, где родилась. Он вытащил из меня эти сведения, потому что зверски избил. Этот человек — псих. Она должна знать о том, что он едет в Дерри.

Последовал долгая пауза, а потом в голосе оператора информационной службы прибавилось человечности:

— Я думаю, вам нужен номер полицейского управления Дерри.

— Прекрасно. Я запишу и его. Но ее необходимо предупредить, — гнула свое Кей. — И... — Она подумала о порезах на щеках Тома, о шишке на лбу, около виска, его хромоте, отвратительно распухших губах. — И если она узнает о его приезде, может, этого будет достаточно.

Еще одна долгая пауза.

— Вы на связи, сестричка? — спросила Кей.

— «Арлингтон мотор-лодж», — начала диктовать оператор. — 643-8146. «Бэсси-Парк-инн», 648-4083, «Баньян мотор-корт»...

— Чуть помедленнее, хорошо? — попросила Кей, лихорадочно записывая. Она поискала глазами пепельницу и, не найдя, затушила «Пэлл-Мэлл» о пресс-папье. — Продолжайте.

— «Кларендон-инн»...

4

С одной стороны, ей повезло. Уже пятый звонок позволил выяснить, что Беверли Роган остановилась в «Дерри таун-хаусе». С другой — не повезло, потому что Беверли в отеле не было. Кей оставила свои имя и телефон, попросила передать Беверли, что та должна позвонить ей, как только вернется, не важно, в котором часу.

Портье повторил записанное послание. Положив трубку, Кей поднялась на второй этаж и приняла еще одну таблетку валиума. Прилегла в ожидании сна. Сон не приходил. *«Извини, Бев,* — думала она, глядя в темноту, в полудреме, вызванной действием таблеток. — *То, что он сказал о моем лице... Я просто не выдержала. Позвони скорее, Бев. Пожалуйста, позвони скорее. И остерегайся этого обезумевшего сукина сына, за которого ты вышла замуж».*

5

Обезумевший сукин сын, за которого Беверли вышла замуж, затратил на дорогу гораздо меньше времени, чем Бев днем раньше, потому что воспользовался аэропортом О'Хара, одним из крупнейших хабов* в Соединенных Штатах. В полете он читал и перечитывал сведения об авторе, приведенные в конце книги. Там указывалось, что Билл Денбро родился в Новой Англии, помимо «Черной стремнины» написал еще три романа (здесь же, само собой, указывалось, что они также изданы в карманном формате издательством «Сигнет»). Он и его жена, актриса Одра Филлипс, жили в Ка-

* Хаб — аэропорт, являющийся пересадочным узлом.

лифорнии. В настоящее время он работал над новым романом. Отметив, что карманное издание «Черной стремнины» опубликовано в 1976 году, Том предположил, что некоторые из других романов написаны позже.

Одра Филлипс... он видел ее в кино, так? Он редко обращал внимание на актрис — хорошими Том полагал детективы, боевики, фильмы ужасов, — но, если речь шла о той крошке, которую он помнил, то выделил он ее исключительно по одной причине: выглядела она, как Бев, те же рыжие волосы, серо-голубые глаза, груди, пребывающие в постоянном движении.

Он выпрямился в кресле, постукивая книжкой по колену, пытаясь игнорировать боль в голове и во рту. Да, точно. Одра Филлипс, рыжеволосая и с классными сиськами. Он видел ее в фильме Клинта Иствуда, а годом позже в фильме ужасов, который назывался «Могильная луна». Этот фильм он смотрел с Беверли и, выходя из кинотеатра, упомянул, что они, по его мнению, похожи. «Мне так не кажется, — ответила Бев. — Я выше, а она красивее. И волосы у нее более темные». И все. Он больше об этом не вспоминал. А сейчас вспомнил.

«Он и его жена, актриса Одра Филлипс...»

В психологии Том, пусть относительно, но разбирался; он ею пользовался, чтобы манипулировать женой с первого же дня их семейной жизни. И теперь у него в голове начала формироваться какая-то неприятная мысль, даже не мысль — чувство. Основывалось все на следующем: Бев и этот Денбро вместе играли в детстве, а потом Денбро женился на женщине, которая, что бы ни говорила Беверли, выглядела вылитой женой Тома Рогана.

И в какие игры играли Денбро и Беверли в детстве? В «ручеек»? В «бутылочку»?

В другие игры?

Том сидел в кресле, постукивал книгой по ноге, и чувствовал, как кровь пульсирует в висках.

Когда он прибыл в международный аэропорт Бангора и начал обходить стойки компаний, сдающих автомобили напрокат, девушки — одетые в желтое, красное, зеленое — нервно смотрели на его изрядно пострадавшее в схватке с Бев лицо, говорили ему (еще более нервно), что машин для проката у них нет, и извинялись.

Том направился к газетному киоску и купил местную газету. Раскрыл на странице объявлений о продаже. Не обращая внима-

ния на взгляды, которые бросали на него проходившие мимо люди, отобрал три объявления. Попал в десятку вторым звонком.

— В газете написано, чтобы вы продаете универсал «Форд-ЛТД» модели семьдесят шестого года. Тысяча четыреста баксов.

— Да, точно.

— Вот что я вам скажу. — Том прикоснулся к бумажнику, который лежал во внутреннем кармане пиджака. — Вы пригоняете его в аэропорт, и мы рассчитываемся на месте. Вы отдаете мне автомобиль и свидетельство о техническом осмотре и пишете согласие на продажу. Я плачу наличными.

Хозяин «форда» замялся.

— Мне придется снять номера.

— Конечно, нет вопросов.

— Как я узнаю вас, мистер...

— Мистер Барр. — Том смотрел на рекламный щит над выходом из терминала: «БАР-ХАРБОР ЭЙРЛАЙНС» ОТКРЫВАЕТ ПЕРЕД ВАМИ НОВУЮ АНГЛИЮ — И ВЕСЬ МИР». — Я буду стоять у дальней двери. Вы меня узнаете, потому что лицо у меня все в ссадинах. Вчера мы с женой катались на роликах, и я чертовски неудачно упал. Наверное, все могло быть и хуже, потому что пострадало только лицо.

— Весьма сожалею, мистер Барр.

— Все заживет. Вы только подгоните машину, мой дорогой друг. — Он повесил трубку, направился к двери и вышел в теплый, благоухающий цветочными ароматами майский вечер.

Парень на «Форде-ЛТД» уже через десять минут показался из сгущающихся сумерек. Буквально мальчишка. Они ударили по рукам. Паренек написал согласие на продажу, и Том небрежно засунул бумажку в карман. Постоял, наблюдая, как уже бывший владелец снимает с «форда» номерные знаки штата Мэн.

— Даю еще три доллара за отвертку, — сказал Том, когда тот закончил с номерными знаками.

Парнишка задумчиво посмотрел на него. Пожал плечами. Протянул отвертку, взял три долларовые купюры из руки Тома. «Не мое дело», — говорило это пожатие плеч, и Том подумал: «Ты совершенно прав, мой дорогой юный друг». Подождал, пока парнишка уедет на такси. Потом сам сел за руль «форда».

Сразу стало ясно, что купил он кусок дерьма: коробка передач выла, карданный вал стонал, корпус дребезжал, тормоза держали

плохо. Но все это не имело ровно никакого значения. Он поехал на стоянку, где автомобили оставляли надолго, заплатил, получил квитанцию, въехал на территорию, припарковался рядом с «субару», который, похоже, простоял здесь не один день. Отверткой, купленной у парнишки, Том снял номерные знаки с «субару» и поставил на «форд». Работая, что-то напевал себе под нос.

К десяти вечера он катил на восток по шоссе 2, на сиденье рядом с ним лежала раскрытая дорожная карта штата Мэн. Уже в пути понял, что радиоприемник «форда» не работает, так что ехал Том в тишине. Ему это не мешало. Хватало собственных мыслей. К примеру, о том, что он сделает с Беверли, когда доберется до нее.

Он не сомневался, нисколько не сомневался, что Беверли где-то неподалеку.

И курит.

«Ох, дорогая моя девочка, ты сильно погорячилась, решившись пойти наперекор Тому Рогану. Не на того напала. И теперь вопрос только один: что мы с тобой будем делать?»

«Форд» прорезáл ночь, преследуя лучи собственных фар, и к тому времени, когда Том добрался до Ньюпорта, он нашел ответ на этот вопрос. Потом обнаружил работающий магазин лекарств и повседневных товаров. Зашел и купил блок сигарет «Кэмел». Когда уходил, владелец магазина пожелал ему хорошего вечера. Том ответил тем же.

Бросил блок сигарет на сиденье и продолжил путь. На Шоссе 7 сбросил скорость, чтобы не проскочить мимо нужного ему поворота. Наконец увидел его: Шоссе 3, и щит-указатель — «ХЕЙВЕН 21, ДЕРРИ 15». Свернул и поехал чуть быстрее. Посмотрел на блок сигарет, улыбнулся. В зеленом отблеске приборного щитка порезанное, бугристое лицо Тома казалось странным и жутковатым.

«Купил тебе сигареты, Бевви, — думал Том, пока «Форд-ЛТД» ехал между сосен и елей, направляясь к Дерри со скоростью чуть выше шестидесяти миль в час. — *Только для тебя. И когда мы увидимся, я заставлю тебя съесть их все, каждую гребаную сигарету. А если этого парня Денбро тоже надо кое-чему научить, что ж, мы и это устроим. Никаких проблем, Бевви. Совершенно никаких проблем».*

И впервые с того момента, как эта грязная сука задала ему трепку и сбежала, Том почувствовал, как у него поднимается настроение.

6

Одра Денбро летела в Мэн первым классом на самолете «ДС-10» компании «Бритиш эйруэйс». Из Хитроу самолет вылетел без десяти шесть вечера и с того самого момента гнался за солнцем. Солнце побеждало — если на то пошло, победило, — но значения это не имело. Благодаря ниспосланной провидением удаче она выяснила, что рейс 23 «Бритиш эйруэйс» Лондон—Лос-Анджелес предусматривает одну посадку для дозаправки... в международном аэропорту Бангора.

Тот день выдался совершенно кошмарным. Фредди Файрстоуну, продюсеру фильма «Комната на чердаке», потребовался Билл. Возникла какая-то загвоздка с каскадершей, которая падала с лестницы вместо Одры. Вроде бы у каскадеров был свой профсоюз, и эта женщина выполнила положенную на неделю квоту трюков или что-то в этом роде. Профсоюз требовал, чтобы Фредди или выписал этой каскадерше внеурочные, или нанял другую женщину для выполнения трюка. Проблема состояла в том, что другие женщины фигурой очень уж отличались от Одры. Фредди предложил профсоюзному боссу воспользоваться услугами мужчины. Падать-то предстояло не в трусах и лифчике. Мужчину снабдили бы париком, накладной грудью, накладками на бедра, а если необходимо, то и на ягодицы.

«Не пойдет, приятель, — ответил профсоюзный босс. — Устав профсоюза не допускает замену женщины мужчиной. Дискриминация по половому признаку».

В киношном бизнесе о темпераменте Фредди ходили легенды, и в тот момент он вышел из себя. Послал профсоюзного босса, толстяка, который едва мог передвигаться самостоятельно, да и несло от него, как от козла, на три веселых буквы. Профсоюзный босс посоветовал Фредди следить за своей речью, а не то на съемочной площадке «Комнаты» не останется ни одного каскадера. А потом сделал характерный жест — потер большим пальцем по указательному, мол, гони бабки, и Фредди просто обезумел. Профсоюзный босс являл собой гору жира, Фредди, который при каждой возможности играл в футбол и однажды набрал сто очков в крикете, не уступал профсоюзному боссу в комплекции, только место жира занимали мышцы.

Он вышвырнул профсоюзного босса вон, вернулся в кабинет, чтобы обмозговать случившееся, двадцать минут спустя появился вновь, крича, чтобы к нему немедленно позвали Билла. Он хотел заново переписать всю сцену, чтобы убрать из нее падение с лестницы. Одре пришлось сказать Фредди, что Билла в Англии нет.

— Что? — У Фредди отвисла челюсть. Он смотрел на Одру так, словно она на его глазах рехнулась. — Что ты мне такое говоришь?

— Его вызвали в Штаты... вот что я тебе говорю.

Фредди качнулся вперед, будто собирался ее схватить, и Одра в испуге отпрянула. Фредди посмотрел на свои руки, сунул в карманы и только потом вскинул глаза на Одру.

— Мне очень жаль, Фредди. Правда.

Она поднялась, налила себе чашку кофе из кофеварки, которая постоянно работала в кабинете Фредди, отметив, что руки ее чуть дрожат. Когда садилась, услышала усиленный динамиками голос Фредди, разносящийся по всей студии. Он отпускал всех по домам или пабам. Съемочный день закончился. Одра поморщилась. Как минимум десять тысяч фунтов псу под хвост.

Фредди выключил систему громкой связи, встал, налил кофе себе. Вновь сел, предложил ей пачку сигарет «Силк кат».

Одра покачала головой.

Фредди взял сигарету, закурил, сощурился на Одру сквозь табачный дым.

— Дело серьезное, да?

— Да, — ответила Одра, изо всех сил стараясь сдержать нервозность.

— Что случилось?

И Одра рассказала все, что знала, потому что любила Фредди и полностью ему доверяла. Фредди слушал внимательно, без тени улыбки. Много времени рассказ Одры не занял. Когда она закончила, еще хлопали двери, а со стоянки доносился шум заводимых моторов.

Фредди какое-то время помолчал, глядя в окно. Потом повернулся к ней:

— У него нервный срыв.

Одра вновь покачала головой:

— Нет. Ничего подобного. Никакого срыва. — Она сглотнула и добавила: — Может, тебе следовало все это слышать и видеть.

Фредди криво улыбнулся.

— Ты должна понимать, что взрослые мужчины редко считают необходимым сдерживать обещания, которые они давали детьми. И ты читала романы Билла; ты знаешь, как много в них о детстве, и написано очень здорово. Абсолютно достоверно. Абсурдна сама идея, что он напрочь забыл все случившееся с ним в детстве.

— Шрамы на ладонях, — указала Одра. — Их не было. До сегодняшнего утра.

— Чушь! Ты просто не замечала их до сегодняшнего утра.

Она беспомощно пожала плечами:

— Я бы заметила. — И увидела, что он ей не верит.

— Так что же тогда делать? — спросил ее Фредди, но она лишь покачала головой. Фредди раскурил новую сигарету от окурка первой. — С профсоюзным боссом я все улажу. Не сам скорее всего; сейчас он предпочтет увидеть меня в аду, прежде чем даст мне хоть одного каскадера. Я пошлю к нему Тедди Рауленда. Тедди гомик, но он может уговорить птиц спуститься с деревьев на землю. Но что потом? На съемки у нас осталось четыре недели, а твой муж где-то в Массачусетсе...

— В Мэне...

Фредди отмахнулся:

— Без разницы. И хорошо ли ты будешь играть без него?

— Я...

— Ты мне нравишься, Одра. Честное слово. И мне нравится Билл... несмотря на все это дерьмо. Полагаю, мы выкрутимся. Если придется подправлять сценарий, я его подправлю. Бог свидетель, в свое время мне пришлось этим заниматься... А если получится не так, как ему хотелось бы, виноват будет только он сам. Я смогу обойтись без Билла, но не смогу обойтись без тебя. Я не могу допустить, чтобы ты улетела в Штаты вслед за своим мужем, и мне нужно, чтобы ты играла в полную силу. Сможешь ты это сделать?

— Не знаю.

— Я тоже. Но я хочу, чтобы ты вот о чем подумала. Какое-то время мы сможем сохранить все в тайне, может, даже до конца съемок. Если ты будешь держаться молодцом и делать свою работу. А если смоешься ты, этого не скроешь. Я могу разозлиться, но по натуре я не злопамятен и не собираюсь говорить тебе, что ноги твоей не будет ни на одной съемочной площадке, если ты покинешь эту. Но ты должна знать: если пойдет слух, что ты способна на та-

кие фортели, тебя могут перестать снимать. Я говорю с тобой, как добрый дядюшка, я знаю. Тебе это противно?

— Нет, — бесстрастно ответила она. По правде говоря, ее не волновало, что и как он говорил. Думать она могла только о Билле. Фредди был милый человек, но он не понимал. Милый человек или нет, его занимало только одно — как все это отразится на фильме. Он не видел выражения глаз Билла... не слышал его заикания.

— Хорошо. — Фредди поднялся. — Пойдем со мной в паб «Заяц и гончие». Нам обоим полезно пропустить по стаканчику.

Она покачала головой:

— Спиртное мне совершенно ни к чему. Я поеду домой и все обдумаю.

— Я вызову машину. — предложил он.

— Нет. Доберусь поездом.

Он пристально смотрел на нее, положив руку на телефонный аппарат.

— Как я понимаю, ты собираешься лететь за ним в Штаты, и говорю тебе: это серьезная ошибка, милая девочка. Сейчас у него навязчивая идея, но парень он здравомыслящий. Мозги у него прочистятся, а когда это произойдет, он вернется. Если бы он хотел, чтобы ты поехала с ним, он бы так и сказал.

— Я еще ничего не решила, — ответила она, зная, что для себя она уже решила все; решила до того, как утром за ней приехала машина.

— Хорошенько подумай, милая. — Фредди еще пытался ее уговорить. — Не делай ничего такого, о чем потом пожалеешь. — Она чувствовала, как он пытается надавить на нее своим авторитетом, требуя, чтобы она сдалась, пообещала никуда не уезжать, делать свою работу, пассивно ждать, пока Билл вернется... или исчезнет в дыре прошлого, из которой ему удалось вырваться.

Одра подошла к нему, легонько чмокнула в щеку.

— Еще увидимся, Фредди.

Она поехала домой и позвонила в «Бритиш эйруэйс». Сказала операционистке, с которой ее соединили, что хочет попасть в маленький городок Дерри в штате Мэн, если такое возможно. Какое-то время, пока операционистка консультировалась с компьютером, в трубке царила тишина... а потом ей сообщили новости, тянущие на дар небес: рейс 23, посадка в Бангоре, расположенном менее чем в пятидесяти милях от нужного ей городка.

— Забронировать вам место на рейс, мадам?

Одра закрыла глаза, увидела грубоватое, в общем-то доброе, очень эмоциональное лицо Фредди, услышала его слова: «*Хорошенько подумай, милая. Не делай ничего такого, о чем потом будешь сожалеть*».

Фредди не хотел, чтобы она уезжала. Билл не хотел, чтобы она уезжала. Тогда почему ее сердце кричало, требуя, чтобы она уехала?

«*Господи, что же мне делать...*»

— Мадам? Вы меня слышите?

— Бронируйте, — ответила Одра и замялась. «*Хорошенько подумай, милая...*» Может, не стоит ей принимать решение прямо сейчас; утро вечера мудренее. Она стала рыться в сумочке в поисках кредитной карточки «Американ экспресс». — На завтра, первый класс, если возможно, но я возьму любой билет.

«*Если передумаю, всегда смогу снять бронь. Вероятно, передумаю. Проснусь в здравом уме, и все прояснится*».

Но утром ничего не прояснилось, и сердце так же громко гнало ее вслед за мужем. Сон обернулся чередой кошмаров. Потом она позвонила Фредди — не хотела, но полагала, что должна. Многого ей сказать не удалось — она только собралась объяснить, почему уверена в том, что нужна Биллу, как услышала мягкий щелчок, и пошли гудки отбоя: Фредди положил трубку, не произнеся ни слова после начального «алло».

Но с другой стороны, по разумению Одры, этот мягкий щелчок сказал все, что ей требовалось услышать.

7

Самолет приземлился в Бангоре в 19:09 по местному времени. Салон покинула только Одра, вызвав недоуменно-задумчивые взгляды остальных пассажиров, возможно, задающихся вопросом, почему кто-то решил закончить полет здесь, в этом забытом Богом уголке земли. Одра подумала, а не объяснить ли, в чем дело: она ищет мужа, поэтому не летит дальше. Он вернулся в маленький городок, находящийся поблизости, потому что ему позвонил друг детства и напомнил об обещании, про которое он сам начисто забыл. Этот телефонный звонок напомнил ему и об умершем брате, о котором он не думал уже больше двадцати лет. Ах да, после это-

го звонка он снова стал заикаться... и какие-то странные белые шрамы появились у него на ладонях.

«*А потом*, — подумала Одра, — *таможенник, стоящий у трапа, вызовет людей в белых халатах*».

Она забрала свой единственный чемодан — на транспортере он выглядел таким одиноким — и направилась к стойкам компаний, сдающих автомобили напрокат, как примерно часом позже поступит Том Роган. Ей повезло больше. У компании «Нэшнл кар рентал» нашелся «датсун».

Девушка заполнила бланк, и Одра в нем расписалась.

— Я сразу подумала, что это вы. — Девушка засмущалась. — Вас не затруднит дать мне автограф?

Одра автограф дала, расписалась на обратной стороне другого бланка, подумав: «*Постарайся воспользоваться этим автографом сейчас, милая. Если Фредди Файрстоун прав, через пять лет он не будет стоить и гроша*».

Не без некоторого удивления она поняла, что вновь начала думать как американка. Проведя в Америке лишь пятнадцать минут.

Она получила дорожную карту, и девушка, потрясенная общением со звездой до такой степени, что едва могла говорить, сумела нанести на карту наилучший маршрут до Дерри.

Десять минут спустя Одра уже ехала по шоссе, напоминая себе на каждом перекрестке, что ее придется оттирать от асфальта, если она забудет, где находится, и поедет по левой полосе.

И только в машине Одра осознала, что никогда в жизни так не боялась.

8

Благодаря причуде судьбы или в результате иной раз случающегося совпадения (в Дерри, по правде говоря, совпадения случались, и часто), Том снял номер в «Коала-инн» на Внешней Джексон-стрит, а Одра — в «Холидей-инн». Эти мотели располагались рядом, а их автостоянки разделяла приподнятая над асфальтом бетонная пешеходная дорожка. И так уж получилось, что «датсун» Одры и «форд» Тома оказались припаркованными нос к носу, разделенные только пешеходной дорожкой. Оба уже спали, Одра на боку, не издавая ни звука, Том на спине, храпя так громко, что трепыхались распухшие губы.

9

Генри прятался весь день в кустах у шоссе 9. Иногда спал. Иногда наблюдал за патрульными автомобилями, которые, как охотничьи собаки, рыскали по шоссе. И пока Неудачники ели ленч, Генри прислушивался к голосам с луны.

А когда наступила темнота, он вышел на обочину и поднял руку с оттопыренным большим пальцем.

Вскоре какой-то кретин остановился, чтобы подвезти его.

DEPPU:

Третья интерлюдия

На дорожку птенчик вышел,
Не зная, что его я видел,
Червячка надвое разорвал,
И съел сырым — бедняжка.

Эмили Дикинсон,
«На дорожку птенчик вышел»

17 марта 1985 г.

Пожар в клубе «Черное пятно» произошел поздней осенью 1930 года. Насколько я сумел установить, пожар этот — в котором едва не погиб мой отец — завершил цикл убийств и исчезновений 1929—1930 годов, точно так же, как взрыв Металлургического завода Китчнера завершил предыдущий цикл, отстоявший от этого на двадцать пять лет. Будто чудовищная жертва требовалась, чтобы умилостивить некую жуткую силу, которая творила зло в этих краях... отправить Оно в спячку еще на четверть века.

Но если такая жертва требовалась для завершения каждого цикла, тогда получалось, что без чего-то аналогичного не мог начаться и очередной цикл.

И эта мысль навела меня на банду Брэдли.

Их расстреляли на перекрестке, где сходились Канальная улица, Центральная и Канзас-стрит — недалеко от места, запечатленного на фотографии, которая пришла в движение на глазах Билла

и Ричи одним июньским днем 1958 года — примерно за тринадцать месяцев до пожара в «Черном пятне», в октябре 1929 года... незадолго до краха фондовой биржи*.

Как и в случае с пожаром, многие жители Дерри вроде бы и не помнят, что произошло в тот день. Они или уезжали из города, навещали родственников. Или спали днем и услышали о случившемся только по радио, из вечернего выпуска новостей. Или просто смотрели тебе в глаза и откровенно лгали.

В полицейских отчетах указано, что шефа Салливана в этот день даже не было в городе («Конечно же, я помню, — говорил мне Алоис Нелл, сидя в кресле на залитой солнцем веранде Дома престарелых Полсона в Бангоре. — Я служил в полиции первый год, так что должен помнить. Он уехал в Западный Мэн, охотился на птиц. Их уже накрыли простынями и унесли к его возвращению. Как же он тогда разозлился, Джим Салливан»), но на фотографии в документальной книге о гангстерах, которая называется «Кровопийцы и головорезы», изображен улыбающийся мужчина, стоящий в морге у изрешеченного пулями трупа Эла Брэдли, и если это не шеф Салливан, то, конечно же, его брат-близнец.

И только от мистера Кина я узнал версию этой истории, которую склонен считать истинной, Норберта Кина, которому с 1925 по 1975 год принадлежал «Аптечный магазин на Центральной». Он согласился поговорить со мной, но, как и отец Бетти Рипсом, заставил выключить диктофон до того, как произнес хоть слово — это не имело значения, его скрипучий голос я слышу и теперь, — еще один певец в чертовом хоре, название которому — Дерри.

— Не вижу причин не рассказать. — Он пожал плечами. — Никто этого не напечатает, а если кто-то и напечатает, так никто не поверит. — Он предложил мне старинную аптекарскую банку: — Лакричные червяки. Насколько я помню, ты всегда предпочитал красные, Майки.

Я взял одного.

— Шеф Салливан в тот день был в городе?

Мистер Кин рассмеялся и сам взял лакричного червяка.

— Ты задавал себе этот вопрос, так?

---

* 23 октября 1929 г., «черный вторник», считается началом Великой депрессии.

— Задавал, — согласился я, жуя кусочек красного лакричного червяка. Я не съел ни одного с того времени, когда еще мальчишкой протягивал свои центы более молодому и шустрому мистеру Кину. Вкус у лакрицы оставался отменным.

— Ты слишком молод, чтобы помнить удар Бобби Томсона* в плей-офф 1951 года — он играл за «Гигантов», — позволивший ему сделать круговую пробежку. Тебе тогда было года четыре. Несколькими годами позже в газете напечатали большую статью о той игре, и, похоже, не менее миллиона жителей Нью-Йорка утверждали, что присутствовали в тот день на стадионе. — Мистер Кин жевал лакричного червяка, и из уголка его рта побежала струйка черной слюны. Он вытер ее носовым платком.

Мы сидели в его кабинете за торговым залом аптечного магазина, потому что Норберт Кин в свои восемьдесят пять и десять лет как ушедший на пенсию все еще вел бухгалтерию для своего внука.

— А с уничтожением банды Брэдли все наоборот! — воскликнул Кин. Он улыбался, но ничего приятного в его улыбке я не увидел — от нее веяло цинизмом и холодом. — Тогда в центральной части Дерри жили тысяч двадцать. Главную и Канальную улицы вымостили четырьмя годами раньше, а Канзас-стрит оставалась проселочной дорогой. Летом за каждый автомобилем тянулся шлейф пыли, в марте и ноябре она превращалась в болото. Каждый июнь холм Подъем-в-милю заливали битумом, и каждый год Четвертого июля мэр говорил о том, что Канзас-стрит получит твердое покрытие, но произошло это лишь в 1942 году. Тогда... так о чем я говорил?

— В центральной части города жили двадцать тысяч человек, — напомнил я.

— Ага. И из этих двадцати тысяч половина, вероятно, умерли, может и больше... пятьдесят лет — долгий срок. И в Дерри люди частенько умирают молодыми. Может, что-то носится в воздухе. Но из тех, кто остался, не думаю, что ты найдешь больше десятка человек, которые скажут, что были в городе, когда банду Брэдли отправили в преисподнюю. Батч Роуден с мясного рынка, возмож-

* Этот удар принес «Нью-йоркским гигантам» (профессиональная бейсбольная команда) 3 очка, победу в решающем матче и первое место в Национальной лиге.

но, сознается — он держит фотографию одного из их автомобилей на стене, у которой он рубит мясо. Только по фотографии трудно догадаться, что это автомобиль. Шарлотта Литтлфилд могла бы тебе кое-чего рассказать, если застанешь ее в хорошем настроении; она преподает в средней школе. Насколько я помню, тогда ей было лет десять или двенадцать, но, готов спорить, она много чего помнит. Карл Сноу... Обри Стейси... Эбен Стампнелл... и этот старикан, который рисует такие странные картины и вечерами пьет в «Источнике Уоллиса»... думаю, его фамилия Пикман... они помнят. Все они там были...

Он замолчал, глядя на лакричного червя в руке. Я уж собрался «подстегнуть» его, но раздумал.

Наконец он заговорил сам.

— Большинство других солгут, точно так же, как люди лгали о том, что своими глазами видели знаменитый удар Бобби Томсона и его круговую пробежку, вот я о чем. Но о бейсбольном матче люди лгали потому, что хотели бы видеть. А насчет своего присутствия в Дерри люди солгали бы потому, что в тот день с радостью уехали бы из города. Ты понимаешь, о чем я, сынок?

Я кивнул.

— Ты уверен, что хочешь услышать остальное? — спросил меня мистер Кин. — Ты чуток побледнел, мистер Майки.

— Я не хочу, — ответил я, — но думаю, что мне лучше выслушать.

— Хорошо, — пожал плечами мистер Кин.

Это был и мой день воспоминаний. Когда старик вновь предложил мне аптекарскую банку, я вдруг вспомнил радиопередачу, которую слушали мои родители, когда я был совсем маленький: «Мистер Кин, специалист по розыску без вести пропавших»*.

— Шериф провел в городе целый день, все так. Он собирался поохотиться на птиц, но очень быстро передумал, когда Лол Мейкен пришел к нему и сказал, что во второй половине дня ждет в гости Эла Брэдли.

— Как Мейкен это узнал? — спросил я.

— Что ж, это тоже любопытная история. — И на лице мистера Кина вновь появилась циничная улыбка. — В хит-параде ФБР Брэд-

* «Мистер Кин, специалист по розыску без вести пропавших» — одно из первых детективных радио-шоу, рекордсмен-долгожитель (1937—1955).

ли никогда не был врагом общества номер один, но они его разыскивали, где-то с 1928 года. Эл Брэдли и его брат Джордж ограбили шесть или семь банков на Среднем Западе, а потом похитили одного банкира, ради выкупа. Деньги им заплатили — тридцать тысяч долларов, по тем временам большая сумма, — но банкира они все равно убили.

К тому времени на Среднем Западе земля стала гореть под ногами банд, и Эл с Джорджем вместе со своими крысенышами подались на северо-восток. Они арендовали большой фермерский дом на окраине Ньюпорта, неподалеку от «Рулин фармс».

Случилось это в жаркие дни двадцать девятого, в июле, августе, может, в начале сентября... Не знаю, когда именно. Состояла банда из восьми человек. Эл Брэдли, Джордж Брэдли, Джо Конклин, его брат Кэл, ирландец Артур Мэллой, которого прозвали Слепой Мэллой, потому что при сильной близорукости он надевал очки только в случае крайней необходимости, и Патрик Гоуди, молодой парень из Чикаго, по слухам, одержимый убийствами, но красивый, как Адонис. Компанию им составляли две женщины, Китти Донахью, гражданская жена Джорджа, и Мэри Хоусер, подруга Гоуди, но которую иногда пускали по кругу, согласно тем историям, что мы услышали позже.

По приезде сюда они сделали одно неправильное предположение, сынок: решили, что они в полной безопасности, раз уж находятся так далеко от Индианы.

Какое-то время они сидели тихо, потом заскучали и захотели поохотиться. Оружия им хватало, а патронов — нет. И седьмого октября они приехали в Дерри на двух автомобилях. Патрик Гоуди повел женщин по магазинам, тогда как другие мужчины зашли в Магазин спортивных товаров Мейкена. Китти Донахью купила платье в Универмаге Фриза. В нем и умерла два дня спустя.

Лол Мейкен обслуживал мужчин сам. Он умер в 1959 году. Ожирение, сердце и не выдержало. Впрочем, он всегда был слишком толстым. Но на зрение не жаловался и, по его словам, узнал Эла Брэдли, едва тот вошел в магазин. Подумал, что узнал и остальных, сомневался только насчет Маллоя, пока тот не надел очки, чтобы получше разглядеть ножи, выставленные под стеклом.

Эл Брэдли объяснил цель их прихода: «Мы бы хотели купить патроны».

«Что ж, — говорит Мейкен, — вы обратились по адресу».

Брэдли протянул ему список, и Лол громко его зачитал. Бумажка эта затерялась, но насколько я знаю, Лол говорил, что от этого списка внутри у него все похолодело. Они хотели купить пятьсот патронов тридцать восьмого калибра, восемьсот сорок пятого, шестьдесят пятидесятого, таких больше не делают, ружейные патроны с крупной и мелкой дробью, тысячу патронов двадцать второго калибра, для длинноствольных и короткоствольных винтовок. Плюс — отметь это — шестнадцать тысяч патронов для автомата сорок пятого калибра.

— Срань господня! — вырвалось у меня.

Губы мистера Кина вновь изогнула циничная улыбка, и он протянул мне аптекарскую банку. Поначалу я покачал головой, но потом взял еще одного червя.

— «Это крупный заказ, парни», — говорит Лол.

«Пошли, Эл, — вмешивается Слепой Мэллой. — Я же говорил тебе, что в таком занюханном городишке нам этого не купить. Поехали в Бангор. Боюсь, там тоже ничего нет, но хоть прокатимся».

«Не гоните лошадей, — невозмутимо говорит Лол. — Это чертовски хороший заказ, и я не хочу отдавать его тому еврею в Бангоре. Патроны двадцать второго калибра я могу дать вам прямо сейчас, а также ружейные патроны с мелкой дробью и половину — с крупной. Я могу дать вам по сто патронов тридцать восьмого и сорок пятого калибров. Что касается остального... — Тут Лол прикрыл глаза и принялся постукивать пальцами по подбородку, словно подсчитывая, сколько ему потребуется времени. — Послезавтра. Как насчет этого?»

Брэдли улыбнулся во весь рот и сказал, что его это вполне устроит. Кэл Конклин все-таки попытался склонить остальных к поездке в Бангор, но его не поддержали.

«Слушай, если ты не уверен, что сможешь выполнить этот заказ, скажи об этом прямо сейчас, — обратился Эл Брэдли к Лолу, — потому что парень я хороший, но злить меня не надо. Понимаешь?»

«Конечно, — кивает Лол, — и вы получите все необходимые вам патроны, мистер?..»

«Мистер Рейдер, — отвечает Брэдли. — Ричард Ди Рейдер, к вашим услугам».

Он протянул руку, и Лол крепко ее пожал, радостно улыбаясь.

«Очень рад нашему знакомству, мистер Рейдер».

А когда Брэдли спросил, когда ему и его друзьям лучше подъехать, чтобы забрать товар, Лол Мейкен ответил вопросом на вопрос: «Как насчет двух часов?» Они решили, что время это их вполне устроит, и ушли. Лол проводил их взглядом. Они встретили двух женщин и Гоуди на тротуаре. Лол узнал и Гоуди.

И что, по-твоему, сделал Лол? — спросил меня мистер Кин, сверкнув глазами. — Вызвал копов?

— Как я понимаю, нет, — ответил я, — основываясь на том, что произошло. Я бы сломал ногу, спеша к телефону.

— Что ж, может, сломал бы, а может и нет. — К циничной улыбке мистера Кина добавился яркий блеск глаз, и по моему телу пробежала дрожь, потому что я знал, о чем он... и он знал, что я знаю. Как только что-то тяжелое начинает катиться, его уже не остановить; оно будет катиться и катиться, пока не попадет на ровный участок, где иссякнет поступательное движение. Вы можете встать на пути этого тяжелого, и вас расплющит... но вам это тяжелое не остановить.

— Может, сломал бы, а может нет, — повторил мистер Кин. — Но я могу сказать тебе, что сделал Лол Мейкен. Остаток этого дня и весь следующий он говорил мужчинам, которые заходили в его магазин, что знает, кто охотится в лесах на границе Дерри и Ньюпорта, стреляет в оленей, куропаток и еще бог знает в кого из канзасских пишущих машинок*. Банда Брэдли. Он в этом нисколько не сомневался, потому что узнал их всех. Лол называл мужчинам время, когда ожидал вновь увидеть банду в своем магазине. Говорил, что обещал Брэдли патроны, которые тот хотел получить, и намеревался сдержать обещание.

— Сколько? — спросил я. Блестящие глаза мистера Кина гипнотизировали меня. Я вдруг почувствовал запах, стоящий в кабинете — запах лекарств, отпускаемых по рецепту, и порошков, растирок и сиропов от кашля, — внезапно все эти запахи принялись меня душить... но я скорее бы умер от удушья, чем ушел из кабинета мистера Кина.

— Сколько Лол рассказал о банде? — уточнил мистер Кин.

Я кивнул.

— Точно сказать не могу. Не стоял рядом и не считал. Полагаю, он рассказывал только тем, кому мог доверять.

---

* Джеймс Смартерс (1888—1967), изобретатель электрической пишущей машинки, жил в Канзас-Сити.

— Кому мог доверять, — повторил я. Голос мой чуть сел.

— Да, — кивнул мистер Кин. — Жителям Дерри. Правда, коров у нас держали немногие. — Он посмеялся старой шутке*, прежде чем продолжить. — Я зашел к Лолу около десяти утра, на следующий день после первого визита Брэдли. Зашел только с тем, чтобы узнать, готовы ли фотографии с моей последней пленки — в те дни проявкой пленки и печатанием фотографий занимался только Мейкен — но, получив фотографии, я сказал, что прикуплю патроны для моего «винчестера».

«Собрался пострелять дичь, Норб?» — спросил меня Лол, передавая патроны.

«Возможно, удастся уложить нескольких вредителей», — ответил я, и мы посмеялись. — Мистер Кин хохотнул и шлепнул себя по костлявой ноге, будто лучшей шутки с того времени и не слышал. Он наклонился вперед и похлопал меня по колену. — Я о том, сынок, что городок маленький, новости распространяются быстро, по-другому и не бывает. Если сказать нужным людям, то все, кто должен знать, узнают... ты понимаешь, о чем я? Возьмешь еще одного червяка?

Я взял онемевшими пальцами.

— Растолстеешь. — Мистер Кин хихикнул. Выглядел он тогда таким старым... бесконечно старым, очки с бифокальными стеклами сползли с длинного носа, тонкая кожа обтянула скулы без единой морщинки. — На следующий день я принес в аптеку карабин, а Боб Таннер, который работал усерднее всех, кого я потом нанимал, прихватил с собой охотничье ружье своего отца. Где-то в одиннадцать к нам заглянул Грегори Коул, чтобы купить питьевой соды, и я готов поклясться, что у него из-за пояса торчала рукоятка кольта сорок пятого калибра.

«Только не отстрели себе яйца из этой штуковины», — пошутил я.

«Ради этого я прошел весь путь из Милфорда, и у меня жуткое похмелье, — говорит он. — Наверное, кому-то я отстрелю яйца еще до захода солнца».

Примерно в половине второго я повесил на дверь табличку «СКОРО БУДУ. ПОЖАЛУЙСТА, ПРОЯВИТЕ ТЕРПЕНИЕ», взял карабин и

---

* Жители Дерри на английском Derrymen. По произношению слово это близко к dairymen — дояры, работники молочной фермы.

вышел через черный ход в переулок Ричарда. Спросил Боба Таннера, пойдет ли он со мной, но он сказал, что хочет закончить приготовление лекарства для миссис Эмерсон и присоединится ко мне позже. «Оставьте мне одного живого», — попросил он, но я честно признал, что обещать этого не могу.

Канальная улица полностью опустела — ни автомобилей, ни пешеходов. Разве что время от времени проезжал грузовичок с товарами. Я увидел Джейка Пиннета, пересекающего улицу, и в обеих руках он держал по винтовке. Он встретился с Энди Криссом, и вдвоем они пошли к одной из скамей, которые стояли там, где теперь Военный мемориал... ты знаешь, где Канал уходит под землю.

Пити Ваннесс, Эл Нелл и Джимми Гордон сидели на ступенях здания суда, ели сандвичи и фрукты из корзинок для ленча, чем-то менялись. Совсем как дети на школьном дворе. Все при оружии. Джимми Гордон принес с собой «спрингфилд» времен Первой мировой войны, и винтовка, казалось, размером превосходила его.

Я увидел парнишку, который шагал к Подъему-в-милю... думаю, это был Зак Денбро, отец твоего давнего друга, того самого, который стал писателем, и Кенни Бортон крикнул ему из окна читальной комнаты «Кристиан сайенс»: «Тебе пора убраться отсюда, парень; сейчас начнется стрельба». Зак глянул ему в лицо и умчался со всех ног.

Везде я видел мужчин, вооруженных мужчин, они стояли в дверных проемах, и сидели на ступенях, и выглядывали из окон. Грег Коул сидел в дверном проеме чуть дальше по улице. Кольт лежал у него на коленях, а два десятка патронов он поставил рядом с собой, как оловянных солдатиков. Брюс Джейгермейер и этот швед, Олаф Терамениус, стояли в тени, под козырьком кинотеатра «Бижу».

Мистер Кин смотрел на меня, сквозь меня. Острота взгляда исчезла; глаза затуманились, смягчились, как случается с глазами мужчины, когда он вспоминает один из лучших моментов своей жизни — первую круговую пробежку, или первую форель, форель, которую он сумел вытащить из реки, или первую женщину, которая легла под него по своей воле.

— Я помню шум ветра, сынок, — мечтательно продолжил он. — Я помню, как шумел ветер, когда часы на здании суда пробили дважды. Боб Таннер подошел ко мне сзади, а я так нервничал, что едва не снес ему голову.

Он только кивнул мне и пересек улицу, направляясь к «Бакалее Вэннока», а за ним тянулась его тень.

Ты мог бы подумать, что народ начал расходиться, когда прошло сначала десять минут, пятнадцать, двадцать? Но никто не ушел. Все просто ждали. Потому что...

— Знали, что они приедут, так? — спросил я. Мог бы и не спрашивать.

Он просиял, как учитель, довольный блестящим ответом ученика.

— Совершенно верно! Мы знали. Никто об этом не говорил, ни у кого не возникло и мысли сказать: «Ладно, давайте подождем до двадцати минут третьего, а потом, если они не приедут, я пойду работать». Улица по-прежнему пустовала, но в два двадцать пять два автомобиля, красный и темно-синий, спустились с холма Подъем-в-милю к перекрестку. «Шевроле» и «ласалль». Конклины, Патрик Гоуди и Мэри Хаузер сидели в «шевроле», братья Брэдли, Мэллой и Китти Донахью — в «ласалле».

Въехали на перекресток, как и положено, а потом Эл Брэдли нажал на педаль тормоза так резко, что «шевроле», за рулем которого сидел Гоуди, едва не врезался в «ласалль». Слишком уж пустынной была улица, и Брэдли это понял. Он давно уже превратился в зверя, а для того, чтобы развился звериный инстинкт самосохранения, много времени не требуется, особенно если тебя четыре года гоняют, как колонка в кукурузе.

Он открыл дверцу «ласалля», постоял на подножке, а потом рукой дал знак Гоуди — мол, возвращаемся. Гоуди спросил: «Что, босс?» — я ясно расслышал эти два слова, единственные услышанные мною из тех, что произнес кто-то из них в тот день. Еще я помню солнечный зайчик. От карманного зеркальца. Мэри Хаузер в тот самый момент пудрила носик.

Именно тогда Лол Мейкен и Бифф Марлоу, его помощник, выбежали из магазина. «Руки вверх, Брэдли, вы окружены!» — крикнул Лол, но прежде чем Брэдли успел оглядеться, открыл огонь. Первый раз промахнулся, вторую пулю всадил в плечо Брэдли. Тут же хлынула кровь. Брэдли другой рукой ухватился за дверную стойку «ласалля», нырнул обратно в кабину. Включил передачу, и тут выстрелы загремели со всех сторон.

Закончилось все за четыре, может, пять минут, но тогда минуты эти сильно растянулись. Пити, Эл и Джимми по-прежнему си-

дели на ступенях здания суда и всаживали пулю за пулей в задний борт «шевроле». Я видел, как Боб Таннер стреляет, опустившись на одно колено. Джейгермейер и Тераминиус палили в правый борт «ласалля» из-под козырька кинотеатра. Грег Коул стоял в ливневой канаве, обеими руками держа кольт сорок пятого калибра, и раз за разом нажимал на спусковой крючок.

Пятьдесят, может, и шестьдесят мужчин стреляли одновременно. После того как все закончилось, Лол Мейкен выковырял тридцать шесть пуль из кирпичных стен своего магазина. И сделал он это три дня спустя, когда все, кто хотел, уже успели подойти и перочинным ножом добыть себе сувенир. В какие-то моменты казалось, что это битва на Марне. И вокруг магазина Мейкена пули повыбивали многие окна.

Брэдли начал разворачивать «ласалль» и делал это быстро, но к тому времени, как автомобиль описал полкруга, пули пробили все четыре колеса. Вдребезги разлетелись и фары, и ветровое стекло. Слепой Мэллой и Джордж Брэдли отстреливались из пистолетов через опущенные стекла задних боковых дверец. Я видел, как одна пуля попала Мэллою в шею и буквально разорвала ее. Он выстрелил еще дважды и упал на дверцу со свисающими вниз руками.

Гоуди попытался развернуть «шевроле», да только врезался в зад «ласалля» Брэдли. Тут для них все и закончилось. Передний бампер «шевроле» зацепился за задний бампер «ласалля», и они лишились последнего шанса выехать с перекрестка.

Джо Конклин вылез с заднего сиденья, встал на перекрестке с пистолетами в обеих руках и открыл огонь. Стрелял он в Джейка Пеннета и Энди Крисса. Эти двое скатились со скамьи, где сидели, на траву. Энди принялся орать: «Меня убили! Меня убили!» — но ни одна пуля его не задела; как и Джейка.

Джо Конклин успел расстрелять все патроны, прежде чем в него попали. Полы его расстегнутого пиджака подхватил ветер, ветер дергал штанины его брюк, словно какая-то женщина, которую Джо не видел, пыталась их обметать. Из машины он вылез в соломенной шляпе, но ее сорвало с головы, и все увидели, что волосы расчесаны на прямой пробор. Один пистолет он сунул подмышку, второй стал перезаряжать, когда чья-то пуля сразила его, и он повалился на землю. Кенни Бортон потом похвалялся, что именно он уложил Джо, но это мог быть кто угодно.

Брат Конклина, Кэл, выскочил из машины, как только Джо упал, и тут же рухнул рядом с дырой в голове.

Потом вылезла Мэри Хаузер. Может, она хотела сдаться, не знаю. В правой руке она по-прежнему держала пудреницу, в зеркало которой смотрела, когда пудрила носик. Она что-то кричала, но грохот выстрелов не позволял расслышать слова. Пули летали вокруг нее. Одна вышибла пудреницу у нее из руки. Она попыталась вернуться в салон, когда пуля попала ей в бедро. Но ей все-таки удалось залезть на переднее сиденье.

Эл Брэдли до отказа вдавил в пол педаль газа, и ему удалось сдвинуть «ласалль» с места. Он протащил за собой «шевроле» футов десять, прежде чем сорвал с него бампер.

Парни поливали «ласалль» свинцом. Все окна выбили. Одно крыло валялось на земле. Убитый Мэллой висел на дверце, но оба брата Брэдли были живы. Джордж отстреливался с заднего сиденья. Его женщина, мертвая, сидела рядом с ним: пуля попала ей в глаз.

Далеко Эл Брэдли не уехал. Скоро его автомобиль ткнулся в бордюрный камень и застыл. Он вылез из-за руля и побежал к Каналу. Его изрешетили пулями.

Патрик Гоуди выскользнул из «шевроле» с таким видом, будто собирается сдаться, но потом выхватил револьвер тридцать восьмого калибра из наплечной кобуры. Нажал на спусковой крючок раза три, стреляя наобум, а потом рубашка вспыхнула у него на груди. Его отбросило на борт «шевроле», он заскользил по нему, пока не уселся на подножку. Патрик выстрелил еще раз и, насколько мне известно, только эта пуля и задела одного из нас. Отрикошетила от чего-то и черканула по руке Грега Коула. Оставила шрам, который он, напившись, всем показывал, пока кто-то, может, Эл Нелл, не сказал ему, отведя его в сторону, что о случившемся с бандой Брэдли лучше помалкивать.

Хаузер вновь вылезла из машины, и на этот раз ее желание сдаться не вызывало сомнений, потому что она подняла руки. Может, никто и не хотел ее убивать, но она оказалась под перекрестным огнем, и погибла под пулями.

Джордж Брэдли сумел добежать до той скамьи около Военного мемориала, а потом чей-то выстрел из ружья разнес ему затылок зарядом дроби. На землю он падал уже мертвым, надув в штаны.

(Не отдавая себе отчет в том, что делаю, я взял из банки еще одного лакричного червя.)

— Они стреляли по автомобилям еще минуту или две, прежде чем огонь начал стихать, — продолжил мистер Кин. — Когда у мужчин закипает кровь, остывает она не сразу. Именно тогда я огляделся и увидел шерифа Салливана за спинами Нелла и других, расположившихся на ступенях здания суда. Он стрелял в «шеви» из помпового ружья «ремингтон». Не позволяй никому говорить, что его там не было; Норберт Кин сидит перед тобой и говорит тебе, что он там был.

К тому времени, когда стрельба прекратилась, эти автомобили уже и не выглядели, как автомобили — просто рухлядь с валяющимися вокруг осколками стекла. Люди двинулись к ним. Никто не говорил ни слова. Тишину нарушали лишь завывание ветра да хруст стекла под сапогами. Именно тогда началось фотографирование. И ты должен знать — когда дело доходит до фотографий, история заканчивается.

Мистер Кин покачивался на своем стуле, глядя на меня, шлепанцы мерно стукали об пол.

— Ничего такого в «Дерри ньюс» не написали, — только и смог я сказать. Наутро газета вышла с заголовком «ПОЛИЦИЯ ШТАТА И ФБР ПЕРЕСТРЕЛЯЛИ БАНДУ БРЭДЛИ В ЖАРКОМ БОЮ». Ниже следовал подзаголовок: «При активной поддержке местной полиции».

— Разумеется, нет, — мистер Кин радостно рассмеялся. — Я видел, как издатель, Мак Лафлин, всадил две пули в Джо Конклина.

— Боже, — пробормотал я.

— Наелся лакрицей, сынок?

— Наелся, — кивнул я. Облизнул губы. — Мистер Кин, а как удалось... при таком количестве свидетелей... скрыть эту историю?

— Так никто ничего не скрывал. — На лице мистера Кина читалось искреннее удивление. — Просто об этом много не говорили. И действительно, что произошло особенного? В тот день убили не президента или мистера Гувера*. Точно так же отстреливают бешеных собак, укус которых — верная смерть.

— Но женщины?

— Пара проституток, — безразлично отмахнулся он. — Кроме того, случилось это в Дерри, а не в Нью-Йорке или Чикаго. Место,

* Гувер, Джон Эдгар (1895—1972) — директор ФБР с 1924 до 1972 г.

сынок, определяет значимость новостей ничуть не меньше, чем то, что в этом месте случилось. А потому заголовок о смерти двенадцати человек при землетрясении в Лос-Анджелесе набирают бо́льшим шрифтом, чем об убийстве трех тысяч в какой-нибудь Богом забытой стране на Ближнем Востоке.

«*Кроме того, случилось это в Дерри*».

Эту фразу я слышал раньше и, предполагаю, если продолжу расследование, услышу еще... и еще... и еще. Местные жители произносят ее точно так же, как могли бы сказать: «Из-за силы тяжести», — спроси я их, почему при ходьбе они не отрываются от земли. Они говорят об этом, как о законе природы, который должен понимать каждый человек. И, разумеется, самое худшее в том, что я понимаю.

Но у меня оставался еще один вопрос, и я задал его мистеру Кину:

— В тот день, когда началась стрельба, вы видели кого-то незнакомого?

От быстрого ответа мистера Кина температура у меня упала градусов на десять... или мне так показалось.

— Ты про клоуна? Как тебе удалось узнать о нем, сынок?

— Наверное, кто-то сказал, — уклончиво ответил я.

— Я видел его только мельком. Как только началась стрельба, я ни на что другое не отвлекался. Только раз огляделся и увидел его под козырьком кинотеатра «Бижу», за спинами этих шведов. Только он был не в клоунском костюме или в чем-то таком, а в крестьянском комбинезоне с нагрудником и рубашке из хлопчатобумажной ткани под ним. Но лицо покрывал слой белого грима, которым они пользуются, и на гриме краснела нарисованная широченная клоунская улыбка. И во все стороны торчали клочья искусственных волос. Оранжевых. Смешно торчали.

Лол Мейкен не видел этого парня, а Бифф видел. Только он все перепутал, потому что думал, что видел его в одном из окон жилого дома, расположенного слева. Однажды я спросил о клоуне у Джимми Гордона — он погиб в Перл-Харборе, знаешь ли, пошел на дно вместе со своим кораблем, кажется «Калифорнией», — и он сказал, что видел клоуна за Военным мемориалом.

Мистер Кин покачал головой, улыбнулся:

— Забавно, как люди воспринимают происходящее вокруг них в такой ситуации, а еще забавнее их воспоминания о том, что про-

изошло, когда все заканчивается. Ты можешь услышать шестнадцать различных историй, и ни одна из них не совпадет с другой. Возьми, к примеру, оружие этого клоуна...

— Оружие? — переспросил я. — Так он тоже стрелял?

— Да, — кивнул мистер Кин. — В тот момент, когда я увидел его, он вроде бы стрелял из «винчестера» с поворотным затвором, и только потом до меня дошло — я так подумал, потому что сам стрелял из такого «винчестера». Биффу Марлоу показалось, что клоун стрелял из «ремингтона», потому что он сам стрелял из «ремингтона». А когда я спросил Джимми, тот ответил, что клоун стрелял из «спрингфилда», такого же, как у него. Любопытно, правда?

— Любопытно, — выдавил я. — Мистер Кин... никто из вас не задавался вопросом, а какого черта там оказался клоун, тем более в крестьянском комбинезоне?

— Конечно, — ответил мистер Кин. — Мелочь, ты понимаешь, но мы задумались. Решили, что это кто-то из наших. Хотел поучаствовать, но не желал, чтобы его узнали. Может, член Городского совета. Хорст Мюллер или даже Трейс Ноудлер, тогда наш мэр. Или кто-нибудь из практикующих специалистов. Врач или адвокат. Думаю, в таком гриме я бы не узнал и собственного отца.

Он рассмеялся, и я спросил, что ему вспомнилось забавное.

— Возможно, это был настоящий клоун, — ответил он. — В двадцатых и тридцатых годах окружная ярмарка в Эсти проводилась гораздо раньше, чем теперь, и была в самом разгаре на той неделе, когда в Дерри пожаловала банда Брэдли. На окружной ярмарке выступали клоуны. Возможно, один из них прослышал, что мы тоже устраиваем аттракцион, и приехал, потому что захотел принять в нем участие.

Он холодно улыбнулся.

— Я уже заканчиваю, но хочу сказать тебе еще кое-что, раз уж тебе интересно, и ты так внимательно слушаешь. Мне рассказал об этом Бифф шестнадцать лет спустя, после нескольких кружек пива, которые мы выпили в бангорском «Пилоте». Рассказал ни с того ни с сего. По его словам, клоун высовывался из окна так далеко, что Бифф даже удивился, как тот не падает. Бифф говорил, что из окна торчали не только голова, плечи и руки. Бифф говорил, что клоун вылез из окна по колени, повис в воздухе, стреляя по автомобилям, на которых приехала банда Брэдли, с широченной крас-

ной улыбкой на лице. «Он напоминал фонарь из тыквы, который сильно напугали», — так сказал Бифф.

— Словно он летал, — подсказал я.

— Да, — согласился мистер Кин. — Бифф сказал кое-что еще. Что-то не давало ему покоя не одну неделю. Он не мог понять, что именно. И вроде бы ответ близко, вертится на кончике языка, но в руки не дается. Как комар или песчаная мушка, которую не отогнать. Он сказал, что истина ему открылась как-то ночью, когда он поднялся с кровати по малой нужде. Стоял перед унитазом, отливал, ни о чем особо не думая, и тут все встало на свои места: стрельба началась в два двадцать пять, ярко светило солнце, но этот клоун тени не отбрасывал. Совсем не отбрасывал.

Часть 4

ИЮЛЬ 1958 ГОДА

Ты спишь, и ждешь меня, и ждешь огня, и я несу
его тебе, сраженный красотой твоей. Сраженный.

«Патерсон», Уильям Карлос Уильямс

Появилась я на свет, девочка-красотка,
Посмотрите, как кругла и упруга попка.
Дал шлепка мне акушер, дескать, с днем рожденья
Киска тоже хороша, всем на загляденье*.

*«Моя киска», Сидни Симьен***

---

* Перевод Натальи Рейн.

** Симьен, Сидни (1938—1998) — американский певец, песня «Моя киска» / «My Toot Toot» (1984) принесла ему мировую славу.

Глава 13
АПОКАЛИПТИЧЕСКАЯ БИТВА КАМНЕЙ

1

Билл приходит первым. Сидя на стуле с высокой спинкой у самой двери читального зала, он наблюдает, как Майк обслуживает последних вечерних посетителей: старушку с несколькими готическими романами карманного формата, мужчину с огромным томом по истории Гражданской войны и тощего подростка, который хочет взять книгу с наклейкой на верхнем углу пластиковой обложки, указывающей, что книга выдается только на семь дней. Билл видит, не испытывая ни удивления, ни гордости за собственную прозорливость, что это его последний роман. Удивляться он, похоже, уже не способен, а прозорливость, в конце концов, не более чем реальность, в которую поверил, но она обернулась всего лишь грезой.

Симпатичная девушка в юбке из шотландки, полы которой скреплены большой золотой булавкой («Господи, я не видел такой уж не знаю сколько лет, — думает Билл. — Неужели они возвращаются?»), скармливает четвертаки ксероксу и копирует лист за листом, поглядывая на большие часы с маятником, которые стоят за стойкой. Все звуки, как и положено в библиотеке, тихие и успокаивающие: поскрипывание подошв и каблуков по красно-черному линолеуму, мерное тиканье часов, отсчитывающих секунду за секундой, кошачье урчание копировальной машины.

Юноша берет роман Уильяма Денбро и подходит к девушке у ксерокса в тот самый момент, когда та заканчивает копирование и начинает собирать свои листы.

— Оригинал можешь оставить на столе, Мэри, — говорит Майк. — Я уберу.

Девушка одаривает Майка благодарной улыбкой.

— Спасибо, мистер Хэнлон.

— Спокойной ночи. Спокойной ночи, Билли. Идите сразу домой.

— Бука схватит тебя, если ты... не будешь... осторожен! — страшным голосом произносит Билли, тощий юноша, и обнимает девушку за талию.

— Не думаю, что оно польстится на таких уродцев, как вы, — говорит Майк, — но тем не менее будьте осторожны.

— Будем, мистер Хэнлон, — отвечает девушка вполне серьезно и кулачком легонько бьет юношу в плечо: — Пошли, уродец, — и хихикает. И в это мгновение из симпатичной желанной старшеклассницы превращается в неуклюжую одиннадцатилетнюю девочку-подростка, какой в свое время была Беверли Марш... когда они проходят мимо, Билла потрясает ее красота... и он ощущает страх: хочет подойти к юноше и сказать ему, что домой он должен идти по хорошо освещенным улицам и не оглядываться, если кто-то с ним заговорит.

«На скейтборде осторожным быть нельзя, мистер», — произносит фантомный голос в голове Билла, и он улыбается печальной улыбкой взрослого.

Наблюдает, как юноша открывает девушке дверь. Они выходят в вестибюль, сближаются, и Билл готов поставить роялти за книгу, которую юноша по имени Билли держит под мышкой, что тот поцеловал девушку, прежде чем открыть наружную дверь. «Дурак ты, Билли, если не поцеловал, — думает Билл. — А теперь доведи ее до дома целой и невредимой. Ради бога, доведи ее до дома целой и невредимой».

— Сейчас приду, Большой Билл! — кричит ему Майк. — Немного приберусь, и все.

Билл кивает, кладет ногу на ногу. Бумажный пакет, который лежит на коленях, негромко шуршит. В пакете пинта бурбона, и Билл думает, что никогда в жизни ему не хотелось так выпить, как сейчас. Он уверен, если не лед, то уж вода у Майка наверняка най-

дется, и чувствует, что сойдет и вода, тем более что потребуется ее немного.

Он думает о Сильвере, прислоненном к стене Майкова гаража на Палмер-лейн. И, вполне естественно, мысли его перескакивают к тому дню, когда они все встретились в Пустоши (все, кроме Майка), и каждый вновь пересказал свою историю: прокаженный под крыльцом; мумия, идущая по льду; кровь из сливного отверстия, и мертвые мальчики в Водонапорной башне, и движущиеся фотографии, и оборотни, преследующие маленьких мальчиков по пустынным улицам...

В тот день, накануне праздника Четвертого июля, они ушли в Пустошь дальше, чем всегда, теперь он это вспоминает. В городе стояла жара, а в тени на восточном берегу Кендускига царила прохлада. Он помнит, что неподалеку находился один из бетонных цилиндров, мерно жужжащий сам с собой, совсем как недавно ксерокс жужжал для симпатичной старшеклассницы. Билл вспоминает и жужжание, и то, как, покончив с историями, все посмотрели на него.

Они хотели, чтобы он сказал им, что теперь делать, а он этого не знал. И незнание вызывало отчаяние.

Глядя на большущую тень Майка, перемещающуюся по обшитой темными деревянными панелями стене зала справочной литературы, Билл внезапно осознает: он не знал, что делать, потому что 3 июля они собрались не в полном составе. Окончательно их команда сформировалась позже, в заброшенном гравийном карьере, который находился за свалкой, где выбраться из Пустоши не составляло труда, точно так же, как на Канзас-стрит и на Мерит-стрит. Собственно, именно над карьером сейчас проходил участок автомагистрали. Названия у карьера не было; его давно уже забросили, осыпающиеся склоны заросли травой и кустами. Однако боезапаса там хватало — во всяком случае, хватило для апокалиптической битвы камней.

Но до того, на берегу Кендускига, Билл не знал, что сказать... что они хотели от него услышать? Что он сам хотел им сказать? Он вспоминает, как переводил взгляд с одного лица на другое... смотрел на Бена, Бев, Эдди, Стэна, Ричи. И вспоминает музыку. Литл Ричард. «Вомп-бомп-э-ломп-бомп...» Музыку. Тихую. И искорки света, бьющие ему в глаза. Он вспоминает искорки света, бьющие ему в глаза, потому что...

2

Ричи повесил транзисторный приемник на самую нижнюю ветку дерева, к которому привалился. И хотя все они укрылись в тени, солнечные лучи, отраженные от поверхности воды Кендускига, били в хромированный корпус радиоприемника, а потом уже добирались до глаз Билла.

— У-убери э-эту ш-туковину, Ри-и-ичи, — попросил его Билл. — О-она ме-еня с-слепит.

— Конечно, Большой Билл, — тут же ответил Ричи, без всяких острот. Он не только снял радиоприемник с ветки, но и выключил, о чем Билл сразу же пожалел; тишина, нарушаемая лишь плеском воды да далеким мерным гудением насосов дренажной системы, стала очень уж громкой. Их взгляды скрещивались на лице Билла, и ему хотелось предложить им смотреть куда-то еще: чего так на него таращиться? Он что, чудик какой-то?

Но, разумеется, поступить так он не мог, потому что они ждали одного: чтобы он сказал им, что теперь делать. То, что они узнали, давило мертвым грузом, и они рассчитывали, что он укажет им верный путь. «*Почему я?!*» — хотелось ему закричать, но, разумеется, он знал ответ на этот вопрос. Потому что, нравилось ему это или нет, другого кандидата на роль лидера не было. Потому что он выдвигал идеи, потому что его брата убило неизвестно что, но главным образом потому, что он (как именно, он до конца так и не поймет) стал Большим Биллом.

Он посмотрел на Беверли и быстро отвел взгляд от безмятежного доверия, которое читалось в ее глазах. Да и вообще, когда он смотрел на Беверли, в нижней части живота возникали какие-то странные ощущения. Трепетание.

— Мы не-не мо-ожем пойти в по-олицию, — наконец сказал он. Даже для его ушей голос звучал хрипло и очень уж громко. — Мы не-е мо-ожем по-ойти и к на-ашим п-предкам. Если то-олько... — Он с надеждой посмотрел на Ричи. — К-как на-асчет т-твоего о-отца и ма-атери, Очкарик? О-они в-вроде бы но-ормальные?

— Любезный, — ответил Ричи Голосом дворецкого Тудлса, — вы определенно ничего не понимаете, говоря так о моих маменьке и папеньке. Они...

— Переходи на американский, Ричи, — подал голос Эдди, который сидел рядом с Беном. Там он устроился по одной простой

причине: тень Бена полностью накрывала его. Лицом — маленьким, сморщенным, озабоченным — Эдди напоминал старичка. Правая рука сжимала ингалятор.

— Они подумают, что меня пора отправлять в «Джунипер-Хилл». — Сегодня Ричи пришел в старых очках. Днем раньше дружок Генри Бауэрса, которого звали Кард Джейгермейер, подкрался к Ричи сзади, когда тот выходил из кафе с рожком фисташкового мороженого. «Ты водишь!» — закричал Джейгермейер, который весил больше Ричи на добрых сорок фунтов, и с силой ударил Ричи по спине сцепленными руками. Ричи полетел в сливную канаву, оставшись без очков и без рожка с мороженым. Левое стекло разбилось, и мать Ричи ужасно на него рассердилась, а от его оправданий отмахнулась.

«Я знаю только одно: ты слишком много времени болтаешься без дела, — заявила она ему. — Похоже, Ричи, ты думаешь, что где-то растет очечное дерево и мы снимаем с него новую пару очков, как только ты разбиваешь старую».

«Но, мама, этот парень толкнул меня, зашел сзади, этот большой парень, и толкнул меня...» — Ричи уже едва не плакал. Он не мог убедить мать вникнуть в ситуацию, и бессилие причиняло больше боли, чем отправивший в канаву удар Карда Джейгермейера, такого тупого, что его даже не направили в летнюю школу.

«Я ничего не хочу об этом слышать, — сухо отчеканила Мэгги Тозиер. — Но когда ты в следующий раз увидишь своего отца, который придет домой, едва держась на ногах, отработав допоздна три дня подряд, подумай об этом, Ричи. Пожалуйста, подумай».

«Но, мама...»

«Я сказала, хватит», — резко и окончательно оборвала сына Мэгги... хуже того, по голосу чувствовалось, что она вот-вот заплачет. Она вышла из комнаты и включила телевизор, слишком громко. А Ричи, такой несчастный, остался сидеть за кухонным столом.

Это воспоминание и заставило Ричи снова покачать головой.

— Родители у меня нормальные, но такому они никогда не поверят.

— А к-как на-асчет д-других ре-ебят?

И они начали оглядываться — Билл вспомнит об этом много лет спустя, — словно искали того, кого нет рядом.

— Каких? — В голосе Стэна слышалось сомнение. — Я не могу назвать кого-то еще, кому можно доверять.

— Тем не ме-енее... — начал Билл с тревогой в голосе, а потом возникла короткая пауза: Билл думал, как продолжить.

3

Если бы Бену Хэнскому задали такой вопрос, он бы ответил, что Генри Бауэрс ненавидит его больше, чем любого другого члена Клуба неудачников из-за случившегося в тот день, когда они с Генри прыгнули в Пустошь с Канзас-стрит, и в другой день, когда он, Ричи и Беверли убежали из «Аладдина», но прежде всего потому, что он не дал Генри списать годовую контрольную, в результате чего Генри отправили в летнюю школу, и тот в очередной раз навлек на себя гнев отца, полоумного Буча Бауэрса.

Если бы спросили Ричи, он бы сказал, что Генри ненавидит его больше других из-за того дня, когда он провел Генри и его мушкетеров, уйдя от них в Универмаге Фриза.

Стэн Урис сказал бы, что Генри ненавидит его больше всех, поскольку он еврей (когда Стэн учился в третьем классе, а Генри в пятом, как-то зимой Генри тер лицо Стэна снегом до тех пор, пока у Стэна не пошла кровь и он не начал вопить от боли и страха).

Билл Денбро верил, что Генри Бауэрс ненавидел его больше всего, потому что он был худощавым, потому что он заикался и потому что любил красиво одеваться («По-о-осмотрите на э-э-этого г-г-гребаного пе-е-едика!» — воскликнул Генри в День профессиональной ориентации, который проводился в школе в апреле, а Билл пришел в галстуке; и еще до конца дня галстук с него сдернули и повесили на дерево, растущее на Картер-стрит, далеко от школы).

Генри Бауэрс действительно ненавидел всех четверых, но мальчишка из Дерри, который занимал первую строчку в личном хит-параде ненависти Генри, до третьего июля не имел к Клубу неудачников ни малейшего отношения. Первая строка принадлежала Майклу Хэнлону, чернокожему мальчишке, который жил в четверти мили от фермы Бауэрса.

Отца Генри, Оскара Бауэрса по прозвищу Буч, совершенно справедливо считали полоумным. В ухудшении своего финансового, физического и душевного состояния он винил семью Хэнлонов во-

обще, а отца Майка в особенности. Буч обожал рассказывать своим немногим друзьям и единственному сыну о том, как Уилл Хэнлон засадил его в тюрьму округа, когда все его, Хэнлона, куры передохли.

— Чтобы ему выплатили страховку, понимаете. — Он оглядывал своих слушателей и его глаза сверкали драчливостью (только-посмейте-меня-перебить), как у капитана Билли Бонса в «Адмирале Бенбоу». — Некоторые из его друзей солгали, чтобы подтвердить его слова, и мне пришлось продать мой «меркурий».

— Кто солгал, папа? — спросил тогда восьмилетний Генри, негодуя из-за несправедливости, допущенной по отношению к отцу. Про себя он подумал, что найдет этих лжецов, когда вырастет, обмажет их медом, свяжет и посадит в муравейник, как в некоторых вестернах, которые показывали по субботам в кинотеатре «Бижу».

И поскольку его сын никогда не уставал слушать эту историю (хотя, если б Буча спросили, он бы заявил, что рассказывал все, как было), Бауэрс-старший заливал его уши ненавистью и жалобами на тяжелую судьбу. Он объяснял сыну, что все ниггеры глупые, но некоторые еще и хитрые, что в глубине души все они ненавидят белых мужчин и хотят вспахать «бороздку» белой женщины. Может, дело совсем не в страховке за подохших куриц, говорил Буч. Может, Хэнлон хотел возложить на него вину, потому что видел в нем конкурента, торгующего той же продукцией. Он так и поступил, в этом можно не сомневаться, как мы не сомневаемся в том, что говно прилипнет к одеялу. А потом в городе нашлись белые обожатели ниггера, которые согласились подтвердить его слова, да еще пригрозили отправить Буча в тюрьму штата, если тот не заплатит ниггеру. «И почему нет? — раз за разом спрашивал Буч своего сына, который слушал, широко раскрыв глаза, молчаливый и с грязной шеей. — Почему нет? Я всего лишь человек, который сражался с японцами за свою страну. Таких, как я, много, а он единственный в округе ниггер».

После истории с курами одно неприятное событие следовало за другим. На тракторе «Дир» лопнула тяга; на северном поле сломалась борона; чирей на шее начал нарывать и его пришлось вскрыть, потом начал нарывать снова, и дело закончилось хирургическим вмешательством; ниггер использовал деньги, полученные нечестным путем для того, чтобы сбивать цены Буча, и покупатели перетекли к нему.

Генри только и слышал: ниггер, ниггер, ниггер. Все ставилось в вину ниггеру. У ниггера красивый белый дом со вторым этажом и котлом на жидком топливе, тогда как Буч, его жена и сын вынуждены жить чуть ли не в лачуге с обитыми рубероидом стенами. Когда ферма не приносила дохода и Бучу приходилось какое-то время работать в лесу, вина все равно ложилась на ниггера. И когда их колодец пересох в 1956 году, виновник остался прежним.

В тот же год Генри, тогда десятилетний, начал прикармливать собаку Майка, Мистера Чипса, бульонными косточками и картофельными чипсами. Очень скоро Мистер Чипс вилял хвостом и бежал на зов Генри. И однажды Генри скормил ему фунт гамбургера, щедро сдобренного ядом для насекомых. Яд он нашел в сарае и три недели копил деньги, чтобы купить мясо в «Костелло».

Мистер Чипс съел половину отравленного мяса и остановился. «Давай, заканчивай пиршество, ниггерская псина», — прошипел Генри. Мистер Чипс завилял хвостом. Генри звал его так с самого начала, и он думал, что это всего лишь еще одна кличка. Когда начались боли, Генри достал из кармана бельевую веревку и привязал Мистера Чипса к березе, чтобы тот не мог убежать домой. А потом сел на плоский, нагретый солнцем камень, оперся подбородком на ладони и наблюдал, как умирает собака. Сидеть пришлось долго, но Генри полагал, что потратил время не зря. В конце у Мистера Чипса начались судороги, а из пасти потекла зеленая пена.

«И как тебе это нравится, ниггерская псина? — спросил Генри собаку, которая повернула глаза на звук голоса Генри и попыталась вильнуть хвостом. — Тебе пришелся по вкусу твой ленч, говенная дворняга?»

Когда собака умерла, Генри отвязал веревку, пошел домой и рассказал отцу о том, что сделал. К тому времени старший Бауэрс уже совсем рехнулся; годом позже жена уйдет от него после того, как он изобьет ее чуть ли не до смерти. Генри точно так же боялся отца, а иногда жутко ненавидел, но при этом и любил. И в тот день, рассказав об отравлении псины, почувствовал, что наконец-то подобрал ключик к отцовской любви, поскольку Буч хлопнул сына по спине (так сильно, что Генри едва не повалился на пол), привел в гостиную и дал пива. Тогда Генри впервые попробовал пиво и всю оставшуюся жизнь будет ассоциировать его вкус с двумя положительными эмоциями: победой и любовью.

«Хорошее дело, и отлично сделано!» — воскликнул полоумный отец Генри. Они чокнулись коричневыми бутылками и выпили. Насколько мог понять Генри, ниггеры так и не узнали, кто убил их собаку, но предполагал, что определенные подозрения у них возникли. Он надеялся, что возникли.

Другие члены Клуба неудачников видели Майка только издали, то есть знали о его существовании — не могли не знать, раз уж Майк был единственным в городе негритянским ребенком, — но не более того, потому что Майк не ходил в начальную школу Дерри. Его мать была набожной баптисткой, и Майка отправили в Церковную школу на Нейболт-стрит. Между географией, литературой и арифметикой там еще заучивали Библию, разбирали значение десяти заповедей в безбожном мире и обсуждали повседневные моральные проблемы (что делать, если на твоих глазах приятель что-то украл или учитель при тебе упомянул имя Господа всуе).

Майка Церковная школа вполне устраивала. Случалось, он подозревал, что чего-то лишен — скажем, более активного общения с детьми своего возраста, — но с этим соглашался подождать до средней школы. Он, конечно, немного нервничал, из-за цвета своей кожи, но, с другой стороны, насколько он видел, его мать и отца в городе уважали, и Майк надеялся, что точно так же будут относиться и к нему.

Исключение из этого правила составлял, само собой, Генри Бауэрс.

И хотя Майк старался этого не показывать, Генри вызывал у него ужас. В 1958 году Майк, стройный и хорошо сложенный, ростом превосходил Стэнли Уриса, но Билла Денбро еще не догнал. Его быстрые ноги несколько раз спасали его от кулаков Генри. И, разумеется, он учился в другой школе. Из-за этого, плюс из-за разницы в возрасте, их пути редко пересекались. И Майк прилагал все усилия к тому, чтобы как можно реже встречаться с Генри. Ирония судьбы: хотя Генри ненавидел Майка Хэнлона больше, чем любого другого парня в Дерри, Майку доставалось от него меньше, чем остальным.

Но все-таки доставалось. Весной, после убийства собаки Майка, Генри выскочил из кустов, когда Майк шел в город, чтобы взять книги в библиотеке. Стоял конец марта, солнышко припекало, по такой погоде Майк мог бы поехать и на велосипеде, но в те дни

твердое покрытие на Уитчем-роуд обрывалось сразу за фермой Бауэрсов, а это означало, что в марте дорога превращалась в болото.

«Привет, ниггер», — осклабился выскочивший из кустов Генри.

Майк попятился, стреляя взглядом то направо, то налево, выискивая шанс на спасение. Он знал: если удастся проскочить мимо Генри, то он сумеет от него убежать. Генри был крупнее, сильнее, но и медлительнее.

«Хочу сделать себе смоляное чучелко. — Генри надвинулся на Майка. — Ты для этого недостаточно черный, но я это сейчас исправлю».

Майк глянул налево и чуть наклонился в ту же сторону. Генри приманку проглотил — рванулся туда же, слишком резко и быстро, чтобы сразу изменить направление движения. А Майк, подвижный и верткий, метнулся направо (в средней школе он уже на втором году обучения попадет в основной состав футбольной команды, и только перелом ноги в последнем сезоне помешает ему установить школьный рекорд по полученным очкам). И он легко бы проскочил мимо Генри, если бы не грязь. На ней Майк поскользнулся и упал на колени. Генри навалился на него, прежде чем он успел подняться.

«Ниггерниггерниггер!» — вопил Генри, словно в религиозном экстазе, валяя Майка по грязи. Грязь лезла Майку под воротник куртки, в брюки. Он чувствовал, как грязь набивается в ботинки, но не плакал, пока Генри не начал бросать грязь ему в лицо, забив обе ноздри.

«Теперь ты черный! — ликующе кричал Генри, втирая грязь Майку в волосы. — Теперь ты ДЕЙСТВИТЕЛЬНО черный! — Он рванул вверх поплиновую куртку Майка и рубашку и вывалил пригоршню грязи ему на пупок. — Теперь ты черный, как полночь в ШАХТЕ! — триумфально кричал Генри. И плеснул Майку грязью в оба уха. Потом поднялся, засунул грязные руки под ремень и заорал: — Я убил твою собаку, черный мальчик!» — но Майк этого не услышал: слова заглушила грязь, забившая уши, и его собственные рыдания.

Генри пнул грязь ногой, окатив Майка черными брызгами, повернулся и ушел домой, не оглядываясь. Чуть позже Майк поднялся из лужи и, все еще плача, тоже направился домой.

Мать Майка, конечно, пришла в ярость; она хотела, чтобы Уилл Хэнлон позвонил шерифу Бортону и тот заехал к Бауэрсам еще до

захода солнца. «Он и раньше задевал Майки, — услышал Майк ее голос. Он сидел в ванной, а его родители разговаривали на кухне. Ванну он наполнил второй раз. Первая порция стала черной, едва он в нее сел. От ярости мать даже заговорила с техасским выговором, и Майк едва ее понимал. — Пусть с ним разберется закон, Уилл Хэнлон! И с псом, и со щенком! Вызови полицию, ты слышишь меня?»

Уилл слышал, но к шерифу не обратился. А когда жена чуть успокоилась (Майк к тому времени уже два часа как спал), напомнил ей правду жизни. Шеф Бортон — не шеф Салливан. Если бы его кур потравили при шерифе Бортоне, он бы никогда не получил двухсот долларов, и ему пришлось бы просто утереться; некоторые люди встают с тобой плечом к плечу, если правда на твоей стороне, а некоторые — нет; и Бортон относился ко вторым, потому что был размазней.

— У Майка и раньше возникали проблемы с этим парнем, да, — согласился он с Джессикой. — Но не так чтобы много, потому что он сторонился Генри Бауэрса. После этого случая он станет еще более осторожным.

— Ты собираешься спустить ему это с рук?

— Как я понимаю, Бауэрс рассказывает сыну разные истории о наших взаимоотношениях, и тот ненавидит всю нашу семью. К тому же отец наверняка говорил ему, что белый человек должен ненавидеть ниггеров. Отсюда все и идет. Наш сын негр, и изменить этого я не могу, как и не могу сказать тебе, что Генри Бауэрс будет последним, от кого ему достанется только потому, что у него коричневая кожа. Ему придется сталкиваться с этим всю жизнь, как сталкиваюсь я, и как сталкиваешься ты. Да в той самой Церковной школе, куда он ходит по твоему настоянию, учительница сказала им, что черные не так хороши, как белые, поскольку Хам, сын Ноя, смотрел на своего отца, пьяного и голого, а вот два других мальчика глаза отвели. Поэтому сыновья Хама навсегда обречены рубить дрова и таскать воду. И Майки говорит, что она, рассказывая эту историю, смотрела на него.

Джессика вскинула глаза на мужа, притихшая и несчастная. Две слезы, по одной из каждого глаза, появились и медленно поползли по щекам.

— И никуда от этого не деться?

Ответил он мягко, но безжалостно. В те времена жены верили мужьям, и у Джессики не было повода сомневаться в ее Уилле.

— Нет. От слова «ниггер» никуда не деться ни теперь, ни в мире, в котором нам суждено жить, тебе и мне. Ниггеры Мэна все равно ниггеры. Иной раз я думал, что вернулся в Дерри по одной причине — здесь об этом не забудешь. Но я поговорю с мальчиком.

На следующий день он позвал Майка в амбар. Сел на дышло бороны, похлопал по ней, приглашая сына сесть рядом.

— Тебе лучше бы держаться подальше от этого Генри Бауэрса.

Майк кивнул.

— Его отец полоумный.

Майк снова кивнул. Об этом в городе говорили. Майк лишь несколько раз мельком видел Бауэрса-старшего и только получил подтверждение этого вывода.

— Я не говорю, что у него чуть-чуть съехала крыша. — Уилл закурил баглеровскую сигарету* и посмотрел на сына. — Он в трех шагах от безумия. И таким вернулся с войны.

— Мне кажется, Генри тоже псих. — Майк говорил тихо, но твердо, что Уилла порадовало... хотя он, куда как более умудренный жизнью, едва не погибший в спаленном клубе, который назывался «Черное пятно», не верил, что такой ребенок, как Генри, мог быть безумным.

— Знаешь, он слишком много слушал отца, но это естественно, — ответил Уилл. И однако в этом вопросе Майк был ближе к истине. То ли из-за тесного общения с отцом, то ли по какой-то другой причине — из-за чьего-то внешнего воздействия — Генри медленно, но неотвратимо скатывался в пучину безумия.

— Я не хочу, чтобы ты всегда и от всего убегал, — продолжил Уилл, — но поскольку ты негр, иной раз это оптимальный выход. Ты понимаешь, о чем я?

— Да, папа, — ответил Майк, думая о Бобе Готиере, который пытался объяснить Майку, что «ниггер» не может быть плохим словом, так как оно не сходит с языка его отца. Более того, убеждал Майка Боб, это хорошее слово. Когда участник телепрограммы «Бокс по пятницам» получал хорошую трепку, но оставался на ногах, его отец говорил: «Голова у него такая же крепкая, как у ниг-

* Баглеровская сигарета — под маркой «Баглер» в США с 1932 года продавался табак и папиросная бумага для самодельных сигарет.

гера»; когда кто-то отличался на работе (мистер Готиер работал на мясоперерабатывающем заводе «Стар биф»), его отец говорил: «Этот парень работает, как ниггер». «И мой отец такой же христианин, как твой», — закончил Боб. Майк помнил, как смотрел на белое серьезное лицо Боба Готиера, обрамленное капюшоном лыжного костюма, и ощущал... нет, не злость — бесконечную грусть. Ему хотелось плакать. Он видел в лице Боба искренность и добрые намерения, но чувствовал одиночество, отстраненность и пропасть, разделявшую его и этого мальчика.

— Я вижу, ты понимаешь, о чем я..— Уилл потрепал сына по волосам. — И если дойдет до драки, ты должен обдумать свои действия. Должен спросить себя, стоит ли ради Бауэрса лезть на рожон. Стоит?

— Нет, — ответил Майк. — Думаю, что не стоит.

Прошло какое-то время, прежде чем он изменил свое мнение. И произошло это 3 июля 1958 года.

4

Когда Генри Бауэрс, Виктор Крисс, Рыгало Хаггингс, Питер Гордон и умственно отсталый старшеклассник Стив Сэдлер (его прозвали Лось, как одного из персонажей «Арчи комикс») гнали запыхавшегося Майка Хэнлона через грузовой двор к находившейся в полумиле Пустоши, Билл и прочие члены Клуба неудачников все еще сидели на берегу Кендускига, размышляя над стоявшей перед ними проблемой.

— Ду-умаю, я з-знаю, г-где е-его искать, — наконец прервал паузу Билл.

— В канализации, — сказал Стэн, и все подпрыгнули от внезапного треска. Эдди виновато улыбнулся, возвращая ингалятор на колени.

Билл кивнул:

— Не-есколько д-дней то-ому на-азад я ра-аспрашивал мо-оего о-отца о ка-анализационной си-истеме.

«Раньше здесь было болото, — объяснил Зак сыну, — и отцы-основатели умудрились расположить центр города в самой худшей его части. Та часть канала, что проложена под Центральной и Главной улицами и выходит на поверхность в Бэсси-парк, на самом деле

дренажная канава, по которой, так уж вышло, протекает Кендускиг. Большую часть года эти дренажные тоннели практически пусты, но они играют важную роль весной для отвода излишков воды или при наводнениях... — он помолчал, возможно, вспоминая наводнение прошлого года, когда потерял младшего сына, — ...благодаря насосам».

«На-а-асосам?» — переспросил Билл, чуть отвернув голову, даже не подумав об этом. Когда он сильно заикался, с губ летела слюна.

«Дренажным насосам, — уточнил отец. — Они в Пустоши. Бетонные цилиндры, которые выступают из земли на три фута».

«Б-Б-Бен Хэ-э-энском на-азывает их ш-ш-шахтами мо-о-орлоков». — Билл улыбнулся.

Улыбнулся и Зак... только тенью улыбки, свойственной ему в прошлом. Они были в мастерской Зака, где тот рассеянно крутил в руке нагель*.

«На самом деле это грязевые насосы, малыш, — уточнил Зак. — Они установлены в цилиндрах на глубине порядка десяти футов и прокачивают нечистоты и стоки, когда уровень земли ровный или даже чуть поднимается. Механизмы эти старые, и городу давно пора купить новые насосы, но Городской совет всегда ссылается на бедность, когда этот вопрос включают в повестку заседания бюджетного комитета. Если бы я получал четвертак всякий раз, когда мне приходилось, стоя по колено в дерьме, ремонтировать эти насосы... но тебе, наверное, неинтересно все это слушать, Билл. Почему бы тебе не посмотреть телик? Кажется, сегодня показывают «Шугарфут»**.

«Я хо-очу по-о-ослушать», — ответил Билл, и не только из-за сделанного ранее вывода, что под Дерри обитает нечто ужасное.

«А почему ты хочешь послушать о грязевых насосах?»

«До-доклад в ш-школе», — нашелся Билл.

«Сейчас каникулы».

«В с-следующем го-году».

«Знаешь, это довольно скучная тема, — покачал головой Зак. — Учитель, наверное, поставит тебе двойку за то, что ты его усыпишь. Смотри — это Кендускиг, — он провел прямую линию по тонкому

---

* Нагель — большой деревянный гвоздь.

** «Шугарфут» — телесериал-вестерн, демонстрировавшийся в 1957—1961 гг.

слою опилок на столе, из щели в котором торчала ножовка, — а это Пустошь. Поскольку центр расположен ниже жилых кварталов... Канзас-стрит, Олд-Кейп или Западного Бродвея... большую часть стоков центра города приходится откачивать в реку. Сточные воды жилых домов в основном попадают в Пустошь своим ходом. Понимаешь?»

«Д-д-да», — ответил Билл, придвигаясь к отцу, чтобы получше рассмотреть рисунок, теперь его плечо касалось предплечья отца.

«Когда-нибудь сточные воды перестанут напрямую сбрасывать в реку, и на всем этом будет поставлен крест. Но пока эти насосы стоят в... как их назвал твой приятель?»

«В шахтах морлоков», — ответил Билл безо всякого заикания; ни он сам, ни его отец этого не заметили.

«Да. Эти насосы нужны для перекачивания стоков, и со своей работой они справляются очень даже неплохо. Если только не идет сильный дождь и объем стоков не возрастает многократно. Потому что хотя самотечные дренажи и коллекторы сточных вод с насосами должны функционировать независимо, на самом деле они то и дело пересекаются. Видишь? — Он нарисовал несколько иксов, отходящих от Кендускига, и Билл кивнул. — Насчет дренирования воды тебе нужно знать следующее — вода течет куда только может. Если она поднимается высоко, то начинает заполнять и дренажи, и коллекторы. Когда вода в самотечных дренажах поднимается достаточно высоко, она заливает эти насосы, вызывает в них короткое замыкание. Добавляет мне хлопот, потому что я должен их чинить».

«Папа, а о-они большие, эти дренажи и коллекторы?»

«Тебя интересуют размеры?»

Билл кивнул.

«Главные дренажные коллекторы диаметром, наверное, в шесть футов. Второстепенные, отходящие от жилых кварталов, думаю, фута три или четыре. Некоторые чуть больше. И поверь мне, Билли, когда я тебе это говорю, — более того, можешь сказать своим друзьям: вы никогда не должны лезть в эти трубы, ни в игре, ни на спор, ни почему либо еще».

«Почему?»

«Их строили с десяток разных городских советов начиная с 1885 года. Во время Депрессии Управление общественных работ

построило добавочные дренажную и канализационную системы, тогда на общественные работы выделяли много денег. Но парня, который руководил этими проектами, убили на Второй мировой, а пять лет спустя департамент водоснабжения обнаружил, что чертежи дренажной системы по большей части пропали. Примерно девять фунтов чертежей бесследно исчезли между 1937 и 1950 годами. Я хочу, чтобы ты это себе уяснил — никто не знает, куда и почему идут все эти чертовы тоннели и трубы.

Когда они работают, никому нет до этого дела. Когда не работают, троим или четверым бедолагам из департамента водоснабжения приходится выяснять, какой насос залило или в каком тоннеле образовалась пробка. И когда они спускаются вниз, то обязательно берут с собой ленч. Внизу темно, воняет, и там крысы. Этого уже достаточно для того, чтобы не лезть туда, но есть и еще одна, более веская причина — в дренажной системе можно заблудиться. Такое уже случалось».

Заблудиться под Дерри. Заблудиться в канализационных тоннелях. Мысль эта настолько ужаснула Билла, что пару секунд он не мог произнести ни слова. Потом спросил:

«Но разве туда не могли по-ослать людей, чтобы на-анести...»

«Мне нужно закончить с этими нагелями, — резко оборвал его Зак и повернулся к сыну спиной. — Иди в дом и смотри телевизор».

«Н-н-но па-а-а...»

«Иди, Билл». — И Билл вновь ощутил холод. Тот самый холод, который превращал ужины в пытку, когда отец пролистывал журналы по электротехнике (он надеялся на повышение в следующем году), а мать читала один из бесконечных английских детективов: Марш, Сэйерс, Иннеса, Оллингэм. От этого холода еда полностью теряла вкус; все равно что есть замороженное блюдо, так и не побывавшее в духовке. Иногда после ужина он шел в свою комнату и лежал на кровати, держась за живот, который скручивало спазмами, и думал: «*Через сумрак столб белеет, в полночь призрак столбенеет*». После смерти Джорджа он все чаще и чаще вспоминал эту скороговорку, хотя мать научила его ей еще за два года до смерти Джорджа. Для Билла эта скороговорка превратилась в талисман: в тот день, когда он сможет подойти к матери и, глядя ей в глаза, произнести эту скороговорку, не запинаясь и не заикаясь, холод исчез-

нет; глаза матери вспыхнут, она обнимет его и скажет: «Прекрасно, Билли! Какой хороший мальчик! Какой хороший мальчик!»

Об этом он, разумеется, никому не говорил. Никакие пытки не заставили бы его выдать эту тайную фантазию, которая хранилась в глубине его сердца. Ни дыба, ни испанский сапог, ни дикие лошади, к которым его бы привязали, чтобы разорвать. Если бы он смог произнести эту фразу, которой мать мимоходом научила его одним субботним утром, когда они с Джорджем смотрели на Гая Мэдисона и Энди Дивайна в «Приключениях Дикого Билла Хикока», она стала бы поцелуем, разбудившим Спящую Красавицу, вырвавшим ее из холодных снов в теплый мир любви сказочного принца.

«*Через сумрак столб белеет, в полночь призрак столбенеет*».

Ничего этого он не сказал своим друзьям 3 июля — но пересказал все, что узнал от отца, о канализационной и дренажной системах Дерри. Вымысел давался Биллу легко и непринужденно (иной раз выдумка рассказывалась даже легче правды), и теперь разговор с отцом обрел вымышленный фон, отличный от реального: он и его старик, рассказал Билл, вместе смотрели телевизор и пили кофе.

— Твой отец позволяет тебе пить кофе? — спросил Эдди.

— Ко-о-онечно, — ответил Билл.

— Здорово! — воскликнул Эдди. — Моя мать кофе мне не дает. Говорит, что содержащийся в нем кофеин опасен для здоровья. — Он помолчал. — Но сама пьет много кофе.

— Мой отец позволяет мне пить кофе. Если я хочу, — вставила Беверли, — но он бы меня убил, если б узнал, что я курю.

— Почему вы так уверены, что эта тварь в канализации? — спросил Ричи, переводя взгляд с Билла на Стэна Уриса и снова на Билла.

— В-все на э-это у-у-указывает, — ответил Билл. — Го-олоса, ко-оторые с-слышала Бе-е-еверли, до-оносились из с-сливного о-отверстия. И к-кровь. Когда к-клоун г-гнался за нами, эта о-оранжевая пу-уговица ле-ежала у во-одостока. И Дж-Дж-Джордж...

— Это был не клоун, Большой Билл, — вмешался Ричи. — Я тебе говорил. Я знаю, это безумие, но за нами гнался оборотень. — Он оглядел остальных. — Клянусь Богом. Я его видел.

— Для те-ебя он был оборотнем, — уточнил Билл.

— Что?

— Ра-азве ты не по-онимаешь? Для те-ебя он был о-о-оборотнем, по-о-отому что ты с-с-смотрел этот ту-упой фи-ильм в «А-А-Аладдине».

— Я не догоняю.

— Кажется, я тебя понял, — Бен смотрел на Билла.

— Я по-ошел в би-иблиотеку и ра-азобрался с э-этим, — объяснил Билл. — Я думаю, это г-г-г... — напрягся и выплюнул это слово, — ...глэмор.

— Глагол? — с сомнением переспросил Эдди.

— Г-г-глэмор, — повторил Билл. Потом пересказал статью из энциклопедии и главу из книги «Правда ночи». Глэмор, выяснил он, гэльское имя для существа, которое вселилось в Дерри. У других наций и других культур в другие времена это существо называли иначе, но все имена означали одно и то же. Индейцы равнин называли его «маниту». Этот маниту иногда принимал образ пумы, лося или орла. Те же самые индейцы верили, что маниту может вселяться в них и в такие моменты они могли превращать облака в животных, именем которых называли свой род. Жители Гималаев называли его тэллус, или тейлус, что означало злое колдующее существо, которое может прочитать твои мысли. А потом принять образ страшилища, которого ты боишься больше всего. В Центральной Европе его называли эйлак, брат вурдалака или вампира. Во Франции это был луп-гару, или оборотень. Слово это зачастую переводится неправильно как вервольф*, но, объяснил им Билл, луп-гару мог становиться вообще кем угодно: волком, ястребом, овцой, даже насекомым.

— В том, что ты прочитал, где-нибудь написано, как победить глэмора? — спросила Беверли.

Билл кивнул, но, судя по выражению его лица, не очень-то верил, что такое возможно.

— У жи-ителей Ги-ималаев был ри-итуал и-избавления от него, но он та-акой о-о-отвратительный.

Они смотрели на него. Слушать не хотелось, но ведь ничего другого не оставалось.

— На-азывался он ри-и-итуал Чу-Чудь. — И Билл принялся объяснять, в чем этот ритуал состоял. — Если ты — гималайский святой, то ты выслеживал тейлуса. Тейлус высовывал язык. Ты вы-

* Вервольф — от немецкого Werwolf, волк-оборотень.

совывал язык. Вы с тейлусом накладывали языки друг на друга, потом прикусывали их, сцеплялись и смотрели друг другу в глаза.

— Ой, меня сейчас вырвет. — Беверли повалилась на землю. Бен осторожно похлопал ее по спине. Потом огляделся, проверяя, не видит ли это кто. Никто не видел. Ричи, Стэн и Эдди как зачарованные смотрели на Билла.

— И что потом? — спросил Эдди.

— Э-то з-з-звучит, к-ак б-бред, но в к-книге на-аписано, ч-что в-вы на-ачинаете ра-асказывать а-анекдоты и за-агадывать за-агадки.

— Что? — переспросил Стэн.

Билл кивнул, и его лицо говорило всем, кто хотел знать — обходясь без слов, — что он не делает открытия, а всего лишь докладывает о нем.

— И-именно так. Пе-ервым э-этот монстр те-ейлус ра-асказывает а-анекдот, а по-отом т-ты, и в-вы де-елаете э-это по о-очереди...

Беверли села, подтянув колени к груди, обхватив их руками.

— Не понимаю, как люди могут говорить со сцепленными языками.

Ричи немедленно высунул язык, схватил его пальцами и нараспев произнес:

— Мой отец работает на говносвалке! — Эта детская выходка на какое-то время сняла напряжение.

— Мо-ожет, о-общение те-е-елепатическое, — продолжил Билл. — В лю-юбом с-случае, е-если че-еловек за-асмеется пе-ервым, не-есмотря на б-б-...

— Боль? — спросил Стэн.

Билл кивнул.

— ...то-огда те-ейлус у-убивает его и с-с-съедает. Его ду-ушу, я ду-умаю. Н-но е-если че-еловеку у-удается за-аставить те-ейлуса за-асмеяться пе-ервым, он у-уходит на с-сто лет.

— В книге написано, откуда появляется эта тварь? — спросил Бен.

Билл покачал головой.

— Ты в это хоть чуть-чуть веришь? — спросил Стэн. По голосу чувствовалось, что ему хочется поднять все это на смех, но духа не хватает.

Билл пожал плечами:

— По-очти ве-ерю. — Он хотел добавить что-то еще, но покачал головой и больше не произнес ни слова.

— Это многое объясняет, — медленно заговорил Эдди. — Клоуна, прокаженного, оборотня... — Он посмотрел на Стэна. — Наверное, даже мертвых мальчиков.

— Похоже, это работенка для Ричарда Тозиера, — заговорил Ричи Голосом диктора кинохроники. — Человека тысячи анекдотов и шести тысяч загадок.

— Если мы пошлем тебя, нас всех будет ждать смерть, — ответил на это Бен. — Медленная. В мучениях. — И все опять рассмеялись.

— Так что же нам с этим делать? — спросил Стэн, и вновь Билл смог только покачать головой... он чувствовал, что почти знает ответ.

Стэн поднялся:

— Пойдемте куда-нибудь еще. Засиделись мы тут.

— А мне здесь нравится, — возразила Беверли. — В теньке так хорошо. — Она посмотрела на Стэна. — Тебе, наверное, захотелось подурачиться. Пойти на свалку и бить камнями бутылки.

— Мне нравится бить камнями бутылки на свалке. — Ричи встал рядом со Стэном. — Это во мне говорит Джей-ди, бэби. — Он поднял воротник и закружил по берегу, как Джеймс Дин в фильме «Бунтарь без причины». — Они меня достали. — Ричи с задумчивым видом почесывал грудь. — Вы знаете кто. Родители. Школа. Об-ЩЕ-ство. Все. Это давит, бэби. Это...

— Это говно, — закончила за него Беверли и вздохнула.

— У меня есть петарды, — сказал Стэн, и они разом забыли про глэморов, маниту и неубедительную имитацию Джеймса Дина, исполненную Ричи, едва только Стэн достал из кармана коробку «Блэк кэт»*. Коробка эта произвела впечатление даже на Билла.

— Го-господи Иисусе, С-Стэн, где ты э-это в-взял?

— У одного толстяка, с которым иногда хожу в синагогу, — ответил Стэн. — Я выменял их у него на пачку комиксов с Суперменом и Маленькой Лулу.

— Давай взорвем их все! — закричал Ричи, вне себя от радости. — Давай взорвем их, Стэнни, и я никому больше не скажу, что

* «Блэк кэт» — известнейшая американская компания по производству пиротехники.

ты и твой отец убили Христа, обещаю тебе. Я буду всем говорить, что нос у тебя маленький, Стэнни! Я буду всем говорить, что ты необрезанный!

На этом Беверли завизжала от смеха и залилась краской, будто ее сейчас хватит удар, а потом просто закрыла лицо руками. Билл засмеялся, Эдди засмеялся, к ним присоединился и Стэн. Смех этот перелетел через широкий, обмелевший Кендускиг, в день, предшествующий Четвертому июля, летний звук, ясный и веселый, как солнечные лучи, отражающиеся от поверхности воды, и никто из них не увидел оранжевых глаз, пристально смотрящих на них из зарослей ежевики. Заросли эти оккупировали тридцать футов берега слева от того места, где они сидели, и посреди из земли торчала, по терминологии Бена, «шахта морлоков». Поверх этой окруженной кустами бетонной трубы и смотрели на них вышеупомянутые глаза, каждый в диаметре больше двух футов.

S

Причиной, по которой Майк убегал от Генри Бауэрса и его нетакой-уж-веселой ватаги, заключалась в том, что на следующий день вся страна праздновала очередную годовщину своей независимости. В Церковной школе был оркестр, и Майк играл в нем на тромбоне. Четвертого июля оркестру предстояло пройти в составе праздничного парада, играя «Боевой гимн Республики», «Вперед, христианское воинство» и «Америка прекрасная». Этого парада Майк с нетерпением ждал больше месяца. На последнюю генеральную репетицию он пошел пешком, потому что на велосипеде лопнула цепь. Репетицию назначили на половину третьего, но из дома Майк вышел в час дня: хотел отполировать до зеркального блеска тромбон, хранящийся в музыкальной комнате школы. Хотя на тромбоне он играл не лучше, чем Ричи имитировал голоса, инструмент он обожал, и если накатывала тоска, то полчаса маршей Сузы, гимнов или патриотических песен вновь поднимали ему настроение. В одном из карманов с клапаном рубашки цвета хаки лежала жестянка с полировальной пастой Сэддлера для меди, две или три тряпки торчали из кармана джинсов. О Генри Бауэрсе он и думать забыл. Но взгляд, брошенный через плечо при приближении к Нейболт-стрит и Церковной школе разом заставил бы Майка вспомнить

о нем, потому что Генри, Виктор, Рыгало, Питер Гордон и Лось Сэдлер рассыпались поперек дороги позади него. Если бы они вышли из дома Бауэрса на пять минут позже, Майк успел бы скрыться за вершиной следующего холма; апокалиптическая битва камней (и все, что за ней последовало) могла бы произойти по-другому или не произойти вовсе.

Но Майк сам, годы спустя, пришел к выводу, что, возможно, тем летом никто из них не был хозяином собственной судьбы; а удача и свобода выбора если играли какую-то роль, то определенно не главную. За ленчем, где они встретились после многолетней разлуки, он мог бы рассказать другим о нескольких подозрительных совпадениях, но по крайней мере об одном он не имел ни малейшего понятия. В тот день посиделки в Пустоши закончились, когда Стэн Урис показал коробку с петардами «Блэк кэт», и Клуб неудачников в полном составе направился к свалке, чтобы поджечь их. А Виктор, Рыгало и остальные пришли на ферму Бауэрса, потому что у Генри были те же петарды, а также круглые («бомбы с вишнями»*) и цилиндрические (М-80) фейерверки (через несколько лет последние будут запрещены). Большие парни собирались пойти за углехранилище грузового двора и оприходовать сокровища Генри.

Никто из них, даже Рыгало, при обычных обстоятельствах никогда не зашел бы на ферму Бауэрса — прежде всего из-за полоумного папаши Генри, но и еще по одной причине: любой приход заканчивался тем, что приходилось помогать Генри полоть, собирать камни, которые появлялись вновь и вновь, рубить дрова, таскать воду, скирдовать сено, собирать все, что созрело аккурат на тот момент — горох, огурцы, помидоры, картофель. Аллергией к работе эти парни не страдали, но им хватало дел и дома, так что не хотелось вкалывать еще и на полоумного отца Генри, который бил всех без разбора (однажды с поленом набросился на Виктора Крисса, когда тот уронил корзину с помидорами, которую нес к придорожному ларьку). Плохо, когда тебя дубасят березовым поленом. Еще хуже, когда при этом приговаривают: «Я убью всех япошек! Я убью всех япошек! Я убью всех гребаных япошек!» — как приговаривал Буч Бауэрс.

* «Бомба с вишнями» — рассыпной фейерверк красного цвета.

И Рыгало Хаггинс, пусть и тупой, выразился на этот счет лучше всех. «Я не связываюсь, нах, с психами», — сказал он Виктору Криссу двумя годами раньше. Виктор рассмеялся и согласился.

Но против пения сирен обо всех этих фейерверках устоять не смог никто.

— Послушай, Генри, — попытался увильнуть Виктор, когда Генри позвонил ему в девять утра и пригласил зайти, — я встречу тебя около углехранилища в час дня. Пойдет?

— Ты появишься у углехранилища в час дня, но меня там не будет, — ответил Генри. — У меня слишком много работы. Если ты подвалишь к углехранилищу в три часа, я там буду. И первая М-80 разорвется у тебя в жопе, Вик.

Вик помялся, а потом согласился прийти и помочь с работой.

Пришли и остальные, и впятером, работая как проклятые, они закончили все вскоре после полудня. Когда Генри спросил отца, можно ли ему пойти погулять, Бауэрс-старший лениво махнул рукой. В тот день он устроился на заднем крыльце с квартовой молочной бутылкой, заполненной очень крепким сидром, под рукой, у самого кресла-качалки. Портативный радиоприемник «Филко» стоял на поручне (в этот день «Ред сокс» играли с «Вашингтонскими сенаторами», и любой человек в здравом уме не мог ждать от этой игры ничего хорошего). На коленях у Буча лежал японский меч — сувенир с войны. Буч говорил, что вырвал этот меч из руки умирающего япошки на острове Тарава, но на самом деле купил за шесть бутылок «будвайзера» и три ручки в Гонолулу. И теперь Буч всегда доставал этот меч, когда напивался. А поскольку все ребята, в том числе и Генри, не сомневались, что рано или поздно он пустит меч в ход, представлялось целесообразным держаться от Буча подальше, когда меч лежал у него на коленях.

Парни едва вышли на дорогу, как Генри заметил идущего впереди Майка Хэнлона.

— Это ж ниггер! — И его глаза вспыхнули, как у ребенка, подумавшего о Санта-Клаусе, который обязательно придет на Рождество.

— Ниггер? — На лице Рыгало Хаггинса отразилось недоумение — он-то видел Хэнлонов очень редко, — а потом его глаза тоже вспыхнули. — Да! Ниггер! Давай его поймаем, Генри!

Рыгало припустил следом, топая, как слон. Остальные последовали за ним, но Генри схватил Рыгало и остановил его. Ему чаще

других приходилось гоняться за Майком Хэнлоном, он знал, что это тот самый случай, когда сказать «поймаем его» куда как проще, чем сделать. Бегать этот черный мальчишка умел.

— Он нас не видит. Давайте пойдем быстро, пока он нас не заметит. Сократим расстояние.

Так они и поступили. Сторонний наблюдатель мог бы улыбнуться: все пятеро выглядели так, будто борются за медаль в спортивной ходьбе. Толстый живот Лося Сэдлера колыхался вверх-вниз под футболкой с эмблемой средней школы Дерри. Пот катился по раскрасневшемуся лицу Рыгало. Но расстояние между ними и Майком сокращалось — двести ярдов, сто пятьдесят, сто — и пока этот маленький негритенок Самбо* не оглянулся. Они уже слышали, как он что-то насвистывает.

— Что ты собираешься с ним сделать? — тихо спросил Виктор Крисс. В голосе звучал исключительно интерес, но, по правде говоря, Виктор волновался. В последнее время Генри тревожил его все больше и больше. Он бы ничего не имел против, если б Генри хотел избить этого Хэнлона, даже раздеть догола и забросить его брюки и трусы на верхушку дерева, но он опасался, что на уме у Генри что-то другое. Последнее время произошло несколько неприятных инцидентов с учениками начальной школы Дерри, которых Генри называл «эти маленькие говнюки». Генри привык помыкать этими маленькими говнюками и терроризировать их, но в последние месяцы они раз за разом ускользали от них. В марте Генри с друзьями гнались за очкариком по фамилии Тозиер, загнали его в Универмаг Фриза, а там потеряли, хотя, казалось, он уже у них в руках. А в последний учебный день этот Хэнском...

Но Виктор не любил об этом думать.

Его тревожило другое: Генри может зайти СЛИШКОМ ДАЛЕКО. О том, что такое СЛИШКОМ ДАЛЕКО, Виктор тоже не любил думать... но обеспокоенное сердце вновь и вновь поднимало этот вопрос.

— Мы его поймаем и отведем в углехранилище, — ответил Генри. — Думаю, сунем по петарде в его ботинки и посмотрим, потанцует ли он.

---

* Маленький негритенок Самбо — герой детской книги «История маленького негритенка Самбо»(1899), написанной шотландской писательницей Элен Баннерман (1862—1946).

— Но не М-80, так, Генри?

Если Генри задумал что-то такое, Виктор решил, что участвовать в этом не будет. М-80 в каждом ботинке оторвало бы ниггеру стопы, а это Виктор и называл «СЛИШКОМ ДАЛЕКО».

— У меня их всего четыре. — Генри не отрывал глаз от спины Майка Хэнлона. Они сократили расстояние до семидесяти пяти ярдов, и он тоже понизил голос. — Думаешь, я потрачу две на этого гребаного черномазого?

— Нет, Генри. Конечно, нет.

— Хватит и пары «Блэк кэт». Потом разденем его и выбросим одежду в Пустошь. Может, он обожжется ядовитым плющом, пока будет ее искать.

— А еще мы изваляем его в угле. — Тусклые глаза Рыгало вспыхнули. — Хорошо, Генри? Это круто?

— Круто, круто. — Небрежность в голосе Генри Виктору не понравилась. — Мы изваляем его в угле, как однажды я извалял его в грязи. И... — Генри широко улыбнулся, показав зубы, которые уже начали гнить. — И я ему кое-что скажу. Кажется, когда я говорил ему это в прошлый раз, он меня не услышал.

— Что, Генри? — спросил Питер. Питера Гордона захватила эта охота. Он принадлежал к одной из «лучших семей» Дерри, жил на Западном Бродвее и через два года собирался уехать в частную школу в Гротоне, где получил бы необходимую подготовку для поступления в престижный колледж — таким он, во всяком случае, видел свое будущее 3 июля. Питер был умнее Вика Крисса, но провел в этой компании слишком мало времени, чтобы заметить, как разрушается психика Генри.

— Услышишь, — ответил Генри. — А теперь заткнись. Он близко.

Расстояние до Майка сократилось до двадцати пяти ярдов, и Генри уже собирался открыть рот, чтобы приказать схватить его, когда Лось Сэдлер «взорвал» первую петарду этого дня. Накануне вечером он съел три тарелки тушеной фасоли и пернул чуть ли не громче ружейного выстрела.

Майк оглянулся, и Генри увидел, как широко раскрылись его глаза.

— Хватайте его! — проревел Генри.

Майк на мгновение застыл, а потом сорвался с места, зная, что его жизнь зависит от быстроты ног.

6

Неудачники шли сквозь бамбуковые заросли Пустоши колонной по одному, выстроившись в следующем порядке: Билл, Ричи, следом за ним Беверли, стройная и красивая, в синих джинсах и белой блузке без рукавов, в плетеных сандалиях на босу ногу, за ней Бен, стараясь не пыхтеть слишком громко (хотя температура в этот день поднялась до 27 градусов, он надел один из своих мешковатых свитеров), Стэн и в арьергарде Эдди, у которого из правого переднего кармана брюк торчал ингалятор. Билл представлял себе, что это «сафари в джунглях», как часто случалось с ним, когда ему приходилось пересекать эту часть Пустоши. Высокий белый бамбук ограничивал видимость тропой, которую они здесь проложили, черная земля хлюпала под ногами, и встречались участки, которые приходилось обходить или перепрыгивать, если не хочешь измазать обувь. Лужи стоячей воды покрывала тонкая радужная пленка. Пахло свалкой и гниющей растительностью.

Едва Кендускиг скрылся за поворотом, Билл остановился и повернулся к Ричи:

— В-впереди ти-игр, То-озиер.

Ричи кивнул и повернулся к Беверли.

— Тигр, — выдохнул он.

— Тигр, — передала она Бену.

— Людоед? — спросил Бен, задержав дыхание.

— Вокруг него кровь, — подтвердила Беверли.

— Тигр-людоед, — пробормотал Бен, повернувшись к Стэну, и тот сообщил эту новость Эдди, маленькое лицо которого раскраснелось от волнения.

Они растворились в бамбуке, сойдя с тропинки черной земли, которая петляла по зарослям, чудесным образом не зарастая. Тигр прошел перед ними, и они все увидели его чуть ли не наяву: большущего, весом, наверное, в четыреста фунтов, с мощными мышцами, грациозно перекатывающимися под шелковистой полосатой шерстью. Они увидели чуть ли не наяву зеленые глаза тигра, капельки крови вокруг пасти — все, что осталось он последней кучки воинов-пигмеев, которых тигр сожрал живьем.

Бамбук чуть слышно зашелестел, зловеще и музыкально, и замер. Возможно, подул и стих летний ветерок... а может, африканский тигр прошел по Пустоши в сторону Олд-Кейп.

— Ушел. — Билл шумно выдохнул и вернулся на тропинку. Остальные последовали его примеру.

Только Ричи пришел в этот день вооруженным, и теперь он держал в руке пистолет с пистонами.

— Если б ты дал команду, я бы его пристрелил, Большой Билл, — мрачно упрекнул он Билла и мушкой поправил сползающие с носа старые очки.

— Во-округ ва-а-атузи, — ответил Билл. — С-с-стрельба — боольшой риск. Т-ты же н-не хо-очешь, ч-чтобы о-они на-абросились на н-нас?

— Нет, — признал Ричи правоту Большого Билла.

Билл махнул рукой — мол, вперед, — и они вновь двинулись по тропе, резко сужавшейся на выходе из зарослей бамбука. Тропинка вновь привела их на берег Кендускига, там, где выступающие из воды камни позволяли переправиться через реку. Ранее Бен показал им, как и где их нужно установить. Ты берешь большой камень и кладешь в воду. Потом берешь второй камень и кладешь в воду, стоя на первом. Берешь третий и кладешь в воду, стоя на втором, и продолжаешь переступать и класть, пока не добираешься до противоположного берега (в это время года глубина реки не превышала фута, и во многих местах виднелись коричнево-желтые песчаные отмели), не замочив ног. Идея была столь простой, что могла прийти в голову и младенцу, но никто из них не смог до этого додуматься, пока Бен не объяснил что к чему. Насчет этого котелок у него варил отлично, но, показав, как и что надо сделать, Бен не давал тебе понять, что сам ты — тупица.

Колонной по одному они вышли на берег и двинулись через реку по сухим пятнам-камням, которые они положили поперек русла.

— Билл! — вдруг воскликнула Беверли.

Билл застыл, не оглядываясь, вытянув руки перед собой.

— В воде пираньи. Я видела, как два дня назад они съели целую корову. Через минуту после того, как она упала в воду, от нее остались обглоданные кости. Не свались!

— Понял, — кивнул Билл. — Осторожнее, парни!

Они двинулись дальше, переступая по камням. Товарный поезд загромыхал по насыпи, когда Эдди Каспбрэк добрался до середины реки и едва не потерял равновесие от внезапного рева тепловозного гудка. Он посмотрел в сверкающую на солнце воду и на

мгновение среди солнечных зайчиков, которые стрелами света били в глаза, действительно увидел кружащих в воде пираний. И они не были частью игры, которая основывалась на джунглевой фантазии Билла; в этом Эдди нисколько не сомневался. Рыбы, которых он видел, выглядели, как золотые рыбки-переростки, с отвратительными челюстями сома или окуня. Острые зубы во множестве торчали между толстых губ, и пираньи цветом не отличались от золотых рыбок. Были оранжевыми, как пушистые помпоны, какие иной раз видишь на костюмах клоунов в цирке.

Они кружили в мелкой воде, скрежеща зубами.

Эдди замахал руками. *«Сейчас я упаду,* — подумал он. — *Сейчас я упаду, и они сожрут меня живьем...»*

А потом Стэнли Урис крепко ухватил его за запястье и помог удержать равновесие.

— Еле успел. Если бы ты упал, мать устроила бы тебе взбучку.

О матери в тот момент Эдди как раз и не думал. Остальные уже выбрались на другой берег и теперь считали вагоны товарняка. Эдди бросил дикий взгляд на Стэна, потом вновь всмотрелся в воду. Увидел проплывающий мимо пакет из-под картофельных чипсов, но ничего больше. Вновь вскинул глаза на Стэна.

— Стэн, я видел...

— Что?

Эдди покачал головой.

— Наверное, ничего. Я просто...

(*но они там были, да, они там были, и они сожрали бы меня живьем*)

...немного струхнул. Из-за тигра. Пошли.

Западный берег Кендускига — берег Олд-Кейпа — превращался в море грязи при дожде и весной, когда вода со всей Пустоши стекала в Кендускиг, но сильного дождя в Дерри не было уже больше двух недель, так что грязь высохла, и берег покрылся потрескавшейся коркой, из которой торчали бетонные цилиндры, отбрасывающие короткие тени. В двадцати ярдах ниже по течению бетонная труба обрывалась над Кендускигом. Из нее в реку стекал поток грязной, бурой воды.

— Здесь жутковато. — И Бен выразил общее мнение, потому что остальные кивнули.

Билл повел всех вверх по берегу и в густые заросли кустарника, где жужжали насекомые и стрекотали цикады. Время от време-

ни слышалось тяжелое хлопанье крыльев — какая-то птица поднималась в воздух. Однажды тропу перед ними перебежала белка, а пять минут спустя, когда они подходили к невысокому гребню, который огораживал городскую свалку, большая крыса с кусочком целлофана, застрявшим в усиках, прошмыгнула мимо Билла, следуя тайному пути, проложенному в ее собственном природном микрокосме.

Теперь в воздухе стоял резкий и едкий запах свалки. В небо поднимался черный столб дыма. Землю по-прежнему покрывала густая растительность (за исключением тропы, по которой они шли), но среди зелени появлялось все больше мусора. Билл назвал его «свалочная перхоть», доставив несказанное удовольствие Ричи. Он смеялся чуть ли не до слез. «Ты должен это записать, Большой Билл, — изрек Ричи. — Это действительно классно».

Газеты, зацепившиеся за ветки, колыхались и хлопали, как уцененные флаги; в солнечных лучах поблескивали серебром жестяные банки, кучкой лежащие в зеленой ложбинке; куда как ярче солнце отражалось от осколков разбитой пивной бутылки. Беверли заметила куклу с такой ярко-розовой пластиковой «кожей», что она выглядела обожженной. Беверли подняла куклу и тут же отбросила с криком отвращения, увидев серовато-белых жучков, в большом количестве ползающих под заплесневевшей юбкой и по гниющим ногам. Вытерла пальцы о джинсы.

Они поднялись на гребень и посмотрели на свалку.

— Дерьмо, — пробормотал Билл и засунул руки в карманы.

Остальные столпились вокруг него.

Сегодня жгли северную часть свалки, но здесь, под ними, смотритель свалки (Армандо Фацио, Мэнди для друзей, холостяк, брат уборщика начальной школы Дерри) чинил «Д-9» времен Второй мировой войны, использовавшийся для того, чтобы сгребать мусор в кучи, которые потом поджигались. Рубашку он снял, а большой радиоприемник, который стоял на водительском сиденье под брезентовым навесом, транслировал развлекательную программу, предшествующую игре «Ред сокс» с «Сенаторами».

— Вниз нам не спуститься, — согласился Бен. Мэнди Фацио был человеком хорошим, но, увидев детей на свалке, тут же гнал их прочь — из-за крыс, из-за яда, который он регулярно разбрасывал, чтобы крыс не расплодилось слишком много, — потому что дети могли порезаться, удариться, обжечься, и еще по одной, самой глав-

ной причине: он свято верил, что свалка — не место для детей. «Вы же хорошие, да? — кричал он на подростков, которых свалка притягивала возможностью пострелять из духовушек по бутылкам (или крысам, или чайкам) и шансом найти что-нибудь полезное: механическую игрушку, которая еще работала, стул, который можно починить, телевизор с еще целой вакуумной трубкой — и она так классно взрывалась, если запустить в нее кирпичом. — Вы же хорошие дети, да? — орал Мэнди (орал он не от злости, а по причине глухоты, и слуховой аппарат носить не желал). — Разве родители не учили вас быть хорошими? Хорошие мальчики и девочки не играют на свалке! Идите в парк! Идите в библиотеку! Идите в Общественный центр и играйте в настольный хоккей! Будьте хорошими!»

— Это точно, — кивнул Ричи. — Свалка исключается.

Какое-то время они посидели, глядя сверху вниз на Мэнди, который возился с бульдозером, в надежде, что тот покончит со своим занятием и уйдет, но не особо в это веря: наличие радиоприемника предполагало, что Мэнди решил провести здесь всю вторую половину дня. «*Такое разозлит и святого*», — подумал Билл. Лучшего места, чем свалка, для поджога петард просто не было. Их клали под консервные банки, а потом, когда петарды разгорались, банки взлетали в воздух. А если петарду положить в бутылку, поджечь и убежать со всех ног, то бутылка взрывалась. Не всегда, но довольно часто.

— Жаль, что у нас нет М-80, — вздохнул Бен, не зная, как скоро один из таких фейерверков швырнут ему в голову.

— Моя мама говорит, что люди должны довольствоваться тем, что у них есть. — Слова эти Эдди произнес так серьезно, что все рассмеялись.

А когда смех стих, они вновь повернулись к Биллу.

Билл какое-то время сосредоточенно думал.

— Я з-знаю ме-есто. С-старый г-гравийный ка-арьер на к-краю Пу-устоши у-у г-грузового д-двора...

— Точно! — воскликнул Стэн, поднимаясь. — Я знаю это место. Ты гений, Билл.

— Там отличное эхо, — согласилась Беверли.

— Так пошли, — подвел итог Ричи.

Все шестеро — магическое число минус один — зашагали по гребню холма, опоясывающему свалку. Мэнди Фацио поднял го-

лову, увидел их силуэты на фоне синего неба: прямо-таки индейцы в боевом походе. Хотел на них накричать — «Пустошь не место для детей» — но вместо этого вернулся к работе. На его-то свалку они не зашли.

7

Майк Хэнлон пробежал мимо Церковной школы, не сбавив хода, и помчался на Нейболт-стрит к грузовому двору. Уборщиком в Церковной школе работал мистер Гендрон, глубокий старик, еще более глухой, чем Мэнди Фацио. К тому же большую часть летних дней он предпочитал проводить в подвале, спал рядом с бойлером, по случаю лета отключенным, вытянувшись на старом шезлонге и с «Дерри ньюс» на коленях. Майк бы еще барабанил в дверь и звал старика, когда Генри Бауэрс подскочил бы к нему и оторвал голову.

И Майк побежал дальше.

Но не сломя голову; пытаясь контролировать скорость, пытаясь следить за дыханием. Пока он еще не выдохся. Генри, Рыгало и Лось Сэдлер его не тревожили — даже полные сил они бежали, как хромающие буйволы, но Виктор Крисс и Питер Гордон были куда быстрее. Пробегая мимо дома, где Билл и Ричи видели клоуна — или оборотня, — он рискнул обернуться и обнаружил, что Питер Гордон практически догнал его. Питер радостно улыбался, во весь рот, во все тридцать два зуба, и Майк подумал: *«Интересно, стал бы он так улыбаться, зная, что произойдет, если они меня поймают?.. Или он думает, что они просто собираются хлопнуть меня по спине, сказать: «Ты вода», — и убежать?»*

И когда на Майка надвинулись ворота с надписью на них: «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. НАРУШИТЕЛИ БУДУТ НАКАЗАНЫ» — он рванул изо всех сил. В боку пока не кололо, дыхание участилось, но находилось под контролем, однако Майк знал, что колоть начнет, если он и дальше будет бежать с такой скоростью. У полуоткрытых ворот он еще раз оглянулся и увидел, что вновь оторвался от Питера. Виктор отставал шагов на десять, остальные — на сорок, а то и на пятьдесят ярдов. Но даже с такого расстояния Майк разглядел черную ненависть на лице Генри.

Он проскочил в щель, развернулся, захлопнул ворота, услышал, как щелкнула задвижка. Мгновением спустя Питер Гордон врезался в сетчатые ворота, и тут же подбежал Виктор Крисс. Улыбка сползла с лица Питера — ее сменила обида. Он поискал рукоятку, которая поворачивала бы задвижку, но не нашел: задвижка закрывалась и открывалась только изнутри.

Не в силах поверить в случившееся, он крикнул:

— Парень, открой ворота! Так нечестно.

— А что, по-твоему, честно? — тяжело дыша, спросил Майк. — Пятеро на одного?

— Нечестно, — повторил Питер, словно не расслышал вопросов Майка.

Майк посмотрел на Виктора, увидел тревогу в его глазах. Виктор хотел что-то сказать, но тут к воротам подоспели и остальные.

— Открывай, нигтер! — проревел Генри и начал трясти ворота с такой силой, что Питер удивленно вытаращился на него. — Открывай! Открывай немедленно!

— Не открою, — ровным голосом ответил Майк.

— Открывай! — рявкнул Рыгало. — Открывай, гребаная обезьяна!

Майк попятился от ворот, сердце гулко стучало в груди. Он не помнил, чтобы когда-нибудь так боялся, так расстраивался. Они выстроились вдоль ворот, кричали, обзывали прозвищами, которых он никогда не слышал: ночная вошь, черножопый, обезьянья харя и всякими другими. Он не обратил внимания, как Генри достал что-то из кармана, потом чиркнул о ноготь деревянной спичкой... но когда что-то круглое и красное перелетело через ворота, инстинктивно отпрыгнул, поэтому «бомба с вишнями» разорвался слева от него, подняв облако пыли.

Взрыв заставил их на мгновение замолчать. Майк, не веря своим ушам, смотрел на них, они — на него. На лице Питера Гордона отражался шок, даже Рыгало, и тот, похоже, начал соображать, что пахнет жареным.

«*Теперь они боятся Генри*, — внезапно подумал Майк, и тут в нем заговорил новый голос, возможно, впервые, уже не ребенка, а взрослого. — *Они боятся, но их это не остановит. Ты должен сматываться, Майки, а не то что-то случится. Не все они захотят, чтобы это случилось — Виктор не захочет, может, и Питер Гордон, — но это случится, потому что Генри постарается, чтобы случилось. Так что сваливай. И сваливай быстро*».

Он попятился еще на два или три шага, а потом Генри Бауэрс сказал:

— Я убил твою собаку, ниггер.

Майк застыл с таким ощущением, будто ему в живот запустили шаром для боулинга. Он посмотрел в глаза Генри Бауэрса и увидел, что тот сказал чистую правду: он убил Мистера Чипса.

И этот момент истины растянулся для Майка чуть ли не на вечность — глядя в безумные, заливаемые потом глаза Генри, на его почерневшее от ярости лицо, он впервые понял так много: среди прочего и то, что Генри гораздо безумнее, чем Майк даже мог себе представить. А прежде всего он осознал, что мир жесток, и факт этот даже в большей степени, чем правда о смерти собаки, заставил его крикнуть:

— Ты вонючий белый мерзавец!

Генри завопил от ярости и атаковал ворота, полез наверх, демонстрируя ужасающую силу. Майк задержался еще на мгновение, чтобы убедиться, что тот взрослый голос — настоящий, и да, так оно и вышло: после недолгого колебания остальные рассредоточились и тоже полезли на забор.

Майк повернулся и помчался через грузовой двор, черная тень билась у его ног. Товарный поезд, который видели Неудачники, когда пересекали Пустошь, давно уже уехал, и не единого звука не долетало до ушей Майка, за исключением собственного дыхания да мелодичного позвякивания сетки забора, через который перелезали Генри и остальные.

Майк уже бежал через три ряда железнодорожных путей. Его кроссовки отбрасывали шлак, куски которого валялись между рельсами. Он споткнулся и упал, пересекая вторые пути, почувствовал, как боль вспыхнула в лодыжке. Поднялся и побежал дальше. Услышал грохот: Генри спрыгнул вниз с вершины забора.

— Щас я доберусь до тебя, ниггер! — проревел он.

Здравомыслящая часть Майка решила, что теперь его единственный шанс — Пустошь. Если он доберется туда, то сможет спрятаться в кустах, в бамбуке... или, если станет совсем уж плохо, залезть в одну из дренажных труб и переждать там.

Он мог все это сделать, да, возможно... но в груди разгорелась жаркая искра ярости, напрочь лишенная здравомыслия. Он мог понять, почему Генри при первой возможности гнался за ним, но Мистер Чипс?.. Убить Мистера Чипса? «МОЯ СОБАКА — не ниггер, ты,

вонючий мерзавец», — на бегу думал Майк, и распиравшая его злость нарастала.

Теперь он слышал другой голос, голос своего отца: *«Я не хочу, чтобы ты всегда и от всего убегал... И если дойдет до драки, ты должен обдумать свои действия. Должен спросить себя, стоит ли ради Бауэрса лезть на рожон...»*

Майк бежал по прямой к складам-ангарам. За ними возвышался еще один проволочный забор, отделявший грузовой двор от Пустоши. Он намеревался перелезть через этот забор и спрыгнуть на другую сторону. Теперь же повернул направо, к гравийному карьеру.

Этот гравийный карьер примерно до 1935 года использовался как углехранилище — здесь уголь загружали в паровозы составов, которые следовали через станцию Дерри. Потом появились тепловозы, за ними — электровозы. Потом на протяжении долгих лет (остатки угля растащили местные жители, которые пользовались угольными печами) один из местных подрядчиков добывал здесь гравий, но он разорился в 1955 году, и с тех пор карьер пустовал. Железнодорожные пути по дуге подходили к карьеру, а потом уходили от него, но рельсы заржавели, и между гниющими шпалами вырос крестовник-желтуха. Те же растения росли и вокруг карьера, борясь за солнечные лучи с золотарником и подсолнечником. Среди растительности во множестве валялись куски спеченного шлака, так называемого клинкера.

На пути к карьеру Майк снял рубашку. Подбежав к склону, он оглянулся. Генри бежал через пути. Остальные следовали за ним. Возможно, это и был оптимальный вариант. Используя рубашку как мешок, Майк накидал в нее увесистые куски клинкера. И побежал к забору, держа рубашку в руках, но карабкаться не стал, привалился к нему спиной. Вытряс клинкер из рубашки, наклонился, поднял несколько кусков.

Генри клинкера не видел; он видел только ниггера, попавшего в ловушку, прижавшегося спиной к забору. И с ревом помчался к нему.

— Это тебе за мою собаку, мерзавец! — крикнул Майк, не подозревая, что по щекам полились слезы, и со всего размаха швырнул клинкер в Генри. Удар с громким «бонг» пришелся в лоб. А потом клинкер отскочил в сторону. Генри упал на колени. Руки поднялись к голове. Сквозь пальцы тут же проступила кровь, как у фокусника в аттракционе.

Остальные остановились, на их лицах читалось полнейшее изумление. Они просто не верили своим глазам. Генри завопил от боли, вскочил, все еще держась за голову. Майк бросил еще один клинкер. Генри увернулся. Шагом двинулся на Майка, а когда Майк бросил третий клинкер, оторвал руку от рваной раны на лбу и небрежно отбил его рукой. Генри ухмылялся.

— Тебя ждет сюрприз, — прорычал он. — Такой... гр-р-р... — Четвертый кусок спеченного угля угодил Генри точно в кадык. Генри вновь плюхнулся на колени. Питер Гордон таращился на него. Лось Сэдлер хмурил брови, словно пытался решить сложную арифметическую задачу.

— Чего ждете? — удалось выдавить из себя Генри. Кровь сочилась между пальцев. Он не говорил — хрипел. — Хватайте его! Хватайте этого маленького членососа!

Майк не стал смотреть, послушают они Генри или нет. Он бросил рубашку, развернулся к забору и начал карабкаться. Чьи-то руки схватили его за ступню. Он глянул вниз и увидел искаженное лицо Генри Бауэрса, измазанное кровью и углем. Майк дернул ногой. Кроссовка осталась в руке Генри. Голой стопой он резко двинул вниз, в лицо Генри. Почувствовал, как что-то хрустнуло. Генри опять закричал, отшатнулся, теперь держась за нос, из которого хлестала кровь.

Другая рука — Рыгало Хаггинса — ухватила Майка за брючину, но он сумел вырваться. Перебросил ногу через забор, и тут что-то с оглушающей силой ударило его по щеке. Потекла теплая струя. Что-то еще угодило в бедро, потом в руку. Они бросали в Майка его же камни.

Он повис на руках, потом спрыгнул, дважды перекатился. Заросшая кустами земля уходила вниз, и, возможно, только это спасло Майку зрение, а может, и жизнь. Генри Бауэрс вновь подошел к забору и зашвырнул через него «М-80». Фейерверк разорвался с жутким грохотом и выжег участок травы.

Майк, у которого звенело в ушах, перекувырнулся и не без труда поднялся на ноги. Теперь он стоял в высокой траве, на краю Пустоши. Он протер рукой правую щеку, и ладонь окрасилась кровью. Кровь Майка не испугала; он знал, что из такой передряги без единой царапины ему не выбраться.

Генри метнул «бомбу с вишнями», но Майк вовремя заметил опасность и отскочил в сторону.

— Хватаем его! — проревел Генри и полез на забор.

— Черт, Генри, я не знаю... — Для Питера Гордона все зашло слишком далеко, сложившаяся ситуация определенно ему не нравилась. Уж до крови-то дело никак дойти не могло — во всяком случае, по части его команды — с учетом того, как все складывалось в их пользу.

— А надо бы знать. — Генри посмотрел на Питера, зависнув на середине забора, напоминая раздувшегося ядовитого паука в человеческом образе. Его злобные глаза не отрывались от Питера. Кровь стекала по лицу. Майк ударом ноги сломал Генри нос, но тот пока этого не осознавал. — Тебе лучше знать, а не то я разберусь с тобой, гребаный ублюдок.

Другие тоже полезли на забор, Питер и Виктор с явной неохотой, Рыгало и Лось — энергично, как и всегда.

Майк не стал их дожидаться, повернулся и бросился в кусты.

— Я тебя найду, ниггер! — проорал вслед Генри. — Я тебя найду!

8

Неудачники добрались до края гравийного карьера, который теперь превратился в гигантскую, заросшую сорняками оспину на теле земли. Последний автомобиль с гравием уехал отсюда три года назад. Они все сгрудились вокруг Стэна, опасливо глядя на коробку с петардами, и тут прогремел первый взрыв. Эдди подпрыгнул — он все еще размышлял о пираньях, которых вроде бы видел в реке (он не знал, как выглядят настоящие пираньи, но склонялся к тому, что не похожи они на зубастых золотых рыбок-переростков).

— Не беспокойтесь, Эдди-сан. — Ричи заговорил Голосом китайского кули. — Всего лись длугие мальсики взлывают фейелвелки.

— Вы-ыходит х-хреново, Ри-и-ичи, — осадил его Билл. Все рассмеялись.

— Я буду стараться, Большой Билл. Чувствую, что ты одаришь меня своей любовью, если все-таки станет получаться. — И начал посылать ему воздушные поцелуи. Билл наставил на него палец-пистолет. Бен и Эдди, стоявшие бок о бок, улыбались.

— «Я так молод, а ты так стара, — вдруг запел Стэн Урис, на удивление точно имитируя Пола Анку*, — так, дорогая моя...»

— Он могет пе-е-еть! — заверещал Ричи Голосом Пиканинни. — Падумать только, этот малчык могет петь! — И тут же продолжил Голосом диктора кинохроники: — Хочу, чтобы ты немедленно здесь расписался, парень, где отмечено пунктиром. — Ричи обнял Стэна за плечи и ослепительно улыбнулся. — Мы отрастим тебе волосы, парень. Мы дадим тебе гитару. Мы...

Билл дважды ткнул Ричи в плечо, быстро и легонько. Им всем не терпелось поджечь петарды.

— Вскрывай коробку, Стэн, — выразила общее желание Беверли. — Спички у меня есть.

Они вновь сгрудились и смотрели, как Стэн осторожно вскрывает коробку с петардами. На черной этикетке вились затейливые китайские иероглифы, с которыми соседствовала отрезвляющая надпись на английском: «Не держите в руке с зажженным фитилем», — заставившая Ричи рассмеяться.

— Как хорошо, что сказали. Я-то всегда держал их в руке после того, как зажигал фитиль. Думал, что это лучший способ избавиться от ногтей.

Очень осторожно, чуть ли не с благоговением, Стэн удалил красную целлофановую обертку и выложил блок картонных трубок — синих, и красных, и зеленых — на ладонь. Их фитили заплели в китайскую косичку.

— Я развяжу их... — начал Стэн, и тут раздался второй взрыв, куда более громкий. Эхо медленно прокатилось по Пустоши. Облако чаек поднялось с восточной стороны свалки, они пронзительно кричали, выражая свое недовольство. Неудачники подпрыгнули от неожиданности. Стэн выронил петарды, и ему пришлось их поднимать.

— Взорвали динамит? — нервно спросила Беверли. Она смотрела на Билла, который стоял, подняв голову, широко раскрыв глаза. Она подумала, что никогда он не выглядел таким красивым — но в посадке головы читалось что-то напряженное, что-то тревожное. Он напоминал оленя, учуявшего запах пожара.

---

* Анка, Пол Альберт (р. 1941) — американо-канадский автор-исполнитель и актер ливанского происхождения.

— Думаю, взорвали М-80, — спокойно заметил Бен. — В прошлом году на Четвертое июля я пришел в парк, и старшеклассники взорвали пару штук. Одну бросили в железный мусорный контейнер. Грохнуло так же.

— В контейнере пробило дыру, Стог? — спросил Ричи.

— Нет, но одну стенку выперло наружу. Будто кто-то продавил ее своим задом. Они убежали.

— Эту взорвали ближе, — указал Эдди. Он тоже смотрел на Билла.

— Будем взрывать петарды или нет? — спросил Стэн. Он уже отсоединил фитили десятка петард, а остальные аккуратно положил обратно в вощеную бумагу.

— Конечно, — кивнул Ричи.

— У-убери и-их.

Все вопросительно посмотрели на Билла, в тревоге: резкий тон сказал им гораздо больше, чем слова.

— У-убери и-их, — повторил Билл, лицо его перекосило — так он старался выдавить из себя слова. С губ летела слюна. — Ч-что-то се-ейчас с-случится.

Эдди облизнул губы, Ричи большим пальцем сдвинул очки вверх по потному носу, Бен, не отдавая себе отчета в том, что делает, шагнул к Беверли.

Стэн открыл рот, собрался что-то сказать, но раздался еще взрыв, послабее.

— Ка-амни.

— Что, Билл? — переспросил Стэн.

— Ка-а-амни. С-снаряды. — И Билл начал собирать камни, рассовывая по карманам, пока они не оттопырились. Все остальные смотрели на него, как на психа... а потом Эдди почувствовал, как на лбу выступил пот. И внезапно понял, какие ощущения возникают при приступе малярии. Он ощутил нечто такое, что ощущал в тот день, когда они с Биллом познакомились с Беном (только Эдди, как и остальные, теперь называл для себя Бена исключительно Стогом), в тот день, когда Генри Бауэрс походя расквасил ему нос... только ощущение это было очень уж сильным. Будто Пустоши предстояло превратиться во вторую Хиросиму.

Бен начал собирать камни, потом Ричи, двигаясь быстро, молча. Очки сползли с носа, упали на землю. Он рассеянно сложил их, сунул за пазуху.

— Зачем ты это делаешь, Ричи? — высоким испуганным голосом спросила Беверли.

— Не знаю, детка, — ответил Ричи, продолжая собирать камни.

— Беверли, может, тебе на какое-то время лучше вернуться к свалке, — предложил Бен, набрав полные руки камней.

— Хрен тебе, — фыркнула Беверли. — Хрен тебе, Бен Хэнском. — И принялась собирать камни.

Стэн задумчиво смотрел, как они собирали камни, словно фермеры-лунатики. Потом последовал их примеру, губы его сжались в тонкую, осуждающую полоску.

Эдди почувствовал знакомые ощущения — горло начало сжиматься, превращаясь в соломинку.

«*Не сейчас, черт побери*, — внезапно подумал он. — *Не сейчас, когда я нужен моим друзьям. Как и сказала Беверли, хрен тебе*».

И занялся тем же, что и его друзья.

9

Генри Бауэрс за очень уж короткий срок стал слишком большим, чтобы оставаться быстрым и проворным при обычных обстоятельствах, но сложившиеся обстоятельства кардинально отличались от обычных.

Боль и ярость терзали его, и на пару превратили Генри, пусть на короткое время, в гения силы, начисто лишенного духа. Связность мыслей ушла. Его сознание чем-то напоминало травяной пожар, случившийся поздним летом в опускающихся сумерках: все розово-красное и дымно-серое. Он мчался за Майком Хэнлоном, как бык — за красной тряпкой. Майк бежал по едва заметной тропе, протоптанной по краю карьера, которая со временем привела бы к свалке, а Генри уже не разбирал, тропа перед ним или не тропа. Ломился напрямик, сквозь высокую траву и кусты, с шипами и без, не замечая ни царапин, которые оставляли на его коже шипы, ни ударов веток по лицу, шее, рукам. Значение имело только одно: курчавая голова ниггера, расстояние до которой неуклонно сокращалось. В правой руке Генри держал М-80, в левой — спичку. Догнав ниггера, он собирался чиркнуть спичкой, зажечь фитиль и засунуть фейерверк ниггеру в штаны.

Майк знал, что Генри приближается, а остальные наступают ему на пятки. И пытался прибавить скорости. Теперь он уже ощущал жуткий страх и только невероятным усилием воли сдерживал панику. На железнодорожных путях он подвернул лодыжку сильнее, чем ему поначалу показалось, и теперь заметно прихрамывал. А грохот и треск, с которыми Генри ломился сквозь кусты, вызывали неприятное чувство, что гонится за ним не человек, а песубийца или разъяренный медведь.

Тропа нырнула в гравийный карьер, и Майк скорее упал, чем сбежал вниз. Скатился по склону на дно, вскочил, пробежал полкарьера, и лишь тогда увидел шестерых подростков. Они стояли в ряд, и на лицах всех читалось одинаково странное выражение. Только потом, когда у Майка появилась возможность обдумать случившееся, он понял, что в их лицах показалось ему таким странным: казалось, они его ждали.

— Помогите, — выдохнул Майк и, хромая, поспешил к ним. Интуитивно обращался он к высокому рыжеволосому мальчишке. — Парни... большие парни...

Тут в карьер ворвался Генри. Увидел шестерых подростков и, притормозив, остановился. На мгновение на лице его отразилось сомнение, потом он оглянулся. Увидел свои войска, и уже ухмылялся, когда вновь посмотрел на Неудачников (Майк теперь стоял рядом и чуть позади Билла Денбро, тяжело дыша).

— Я тебя знаю, сопляк, — сказал он Биллу. Посмотрел на Ричи: — И тебя тоже знаю. Где твои очки, очкарик? — Но прежде чем Ричи успел ответить, Генри увидел Бена. — Твою мать! Жирдяй и еврей тоже здесь! А это твоя телка, жирдяй?

Бен подпрыгнул, словно его внезапно шлепнули по заду.

В этот момент к Генри подтянулся Питер Гордон. За ним — Виктор Крисс, который занял место с другой стороны Генри. Последними прибыли Рыгало и Лось. Они встали рядом с Питером и Виктором, так что теперь две группы напоминали армии, изготовившиеся к бою.

Тяжело дыша, больше напоминая быка, чем человека, Генри продолжил:

— Я бы с удовольствием врезал вам всем, но сегодня мне не до вас. Мне нужен этот ниггер. Брысь отсюда, мелюзга!

— И побыстрее! — самодовольно поддакнул Рыгало.

— Он убил мою собаку! — выкрикнул Майк пронзительным, дрожащим голосом. — Он сам сказал!

— А ты поди сюда, — прорычал Генри, — и тогда, может, я тебя не убью.

Майка трясло, но он не сдвинулся с места.

За всех ответил Билл. Спокойно и четко.

— Пу-устошь наша. А в-вы, де-етки, у-уходите о-отсюда.

Глаза Генри широко раскрылись. Будто ему внезапно отвесили оплеуху.

— И кто меня заставит? Ты, лошадиная жопа?

— М-мы, — ответил Билл. — Т-ты н-нас до-остал, Ба-ауэрс. П-проваливай.

— Заикающийся урод! — рявкнул Генри. Наклонил голову и бросился вперед.

Билл держал в левой руке пригоршню камней. Они все держали по пригоршне камней, за исключением Майка и Беверли, которая сжимала один камень в правой руке. Билл начал бросать камни в Генри, не торопясь, всякий раз со всей силы прицеливаясь. Первый, правда, пролетел мимо, но второй угодил Генри в плечо. Если бы третий не попал в цель, Генри врезался бы в Билла и свалил на землю. Но он угодил в наклоненную голову Генри.

От боли тот вскрикнул, поднял голову... и в него разом ударили четыре камня: брошенный Ричи Тозиером попал в грудь, Эдди — в плечо, Стэном Урисом — в голень, Беверли (это был ее единственный камень) — в живот.

Он вытаращился на них, не веря своим глазам, и внезапно воздух наполнился свистящими снарядами. Генри повалился на спину, на лице его читались боль и изумление.

— Ко мне, парни! — прокричал он. — Помогите!

— А-а-атакуем их, — тихо приказал Билл и, не дожидаясь, последуют за ним или нет, побежал вперед.

Они последовали, бросая камни не только в Генри, но и в остальных. Большие парни нагибались, чтобы тоже вооружиться, но прежде чем они успели это сделать, их засыпало камнями. Питер Гордон вскрикнул от боли, когда камень, брошенный Беном, отлетел от скулы, разбив ее в кровь. Он отступил на пару шагов, бросил камень-другой... а потом убежал. С него хватило — на Западном Бродвее в такие игры не играли.

Генри сгреб камни с земли. К счастью для Неудачников, в основном маленькие. Бросил тот, что побольше, и поранил Беверли руку. Она вскрикнула.

Бен с ревом бросился на Генри Бауэрса. Тот успел повернуть голову и увидеть его, но на шаг в сторону времени уже не хватило. Не сумел он и принять боевую стойку. Бен весил больше ста пятидесяти фунтов, почти сто шестьдесят. Так что схватки не получилось. Бауэрс не распластался на земле — взлетел. Приземлился на спину, и его еще протащило пару футов. Бен побежал к нему, и только смутно почувствовал боль в ухе, в которое угодил брошенный Рыгалом Хаггинсом камень размером с мяч для гольфа.

Генри, еще не придя в себя, поднимался на колени, когда Бен сблизился с ним и ударил ногой, крепко приложившись кроссовкой к левому бедру Генри. Тот тяжело рухнул на спину. Его глаза зажглись злобой.

— Нельзя бросаться камнями в девочек! — проорал Бен. Никогда раньше не испытывал он такой ярости. — Нельзя... — Тут он увидел пламя в левой руке Генри: тот зажег деревянную спичку, поднес огонек к толстому фитилю М-80 и швырнул фейерверк Бену в лицо. Но Бен автоматически, не думая, что делает, отбил фейерверк ладонью, как бадминтонная ракетка отбивает волан. М-80 полетел вниз. Генри увидел это, глаза его округлились, и он, крича, откатился в сторону. Мгновением позже фейерверк взорвался, покрыв копотью рубашку на спине Генри и вырвав из нее здоровенный клок.

Тут же камень, брошенный Лосем Сэдлером, угодил в Бена, и тот рухнул на колени. Зубы лязгнули, прикусив язык. Бен моргал, утратив ориентацию. Лось двинулся на него, но прежде чем добрался до стоящего на коленях Бена, Билл зашел сзади и превратил спину большого парня в мишень. Лось развернулся, проревев: «Ты напал на меня со спины, трус! Так нечестно, твою мать!»

Но не успел он пойти в атаку, как Ричи присоединился к Биллу. Риторика Лося насчет того, что честно, а что — нет, Ричи не впечатлила; он видел, как пятеро больших парней гнались за одним испуганным и маленьким — едва ли такой поступок ставил их в один ряд с королем Артуром и рыцарями Круглого стола. Один из камней Ричи рассек Лосю кожу над левой бровью, и Лось взвыл от боли.

Эдди и Стэн подскочили к Ричи и Биллу. К ним подошла и Беверли. По руке ее текла кровь, глаза сверкали. Летели камни. Рыгало Хаггингс вскрикнул, когда один угодил ему в локоть. Он неуклюже запрыгал, потирая ушиб. Генри поднялся. На спине рубашка висела лохмотьями, но кожу ему каким-то чудом не обожгло. Прежде чем он успел повернуться, камень, брошенный Беном Хэнскомом, угодил Генри в затылок, заставив вновь плюхнуться на колени.

Наибольший урон в тот день причинил Неудачникам Виктор Крисс, отчасти потому, что был неплохим питчером, а в основном — парадоксально — потому, что не испытывал никаких эмоций. Находиться здесь ему хотелось все меньше и меньше. Битва камней грозила серьезными травмами: участнику могли пробить череп, вышибить несколько зубов, даже глаз. Но раз уж он попал сюда, то намеревался не отступать, а постоять за себя.

Подобное хладнокровие позволило ему выждать тридцать лишних секунд и набрать пригоршню подходящего размера камней. Один он швырнул в Эдди, когда Неудачники вновь выстроились в боевую цепь, и попал тому в подбородок. Эдди упал, плача, потекла кровь. Бен повернулся к Эдди, но тот уже поднимался, кровь ярко выделялась на бледной коже, глаза превратились в щелочки.

Виктор метнул камень в Ричи и попал в грудь. Ричи бросил камень в Виктора, но тот легко увернулся и следующий камень швырнул в Билла. Билл наклонил голову — недостаточно быстро: камень порвал щеку.

Тут Билл повернулся к Виктору. Их взгляды встретились, и в глазах заики Виктор увидел нечто такое, что до смерти напугало его. Как ни странно, с его губ едва не сорвались слова: «Я больше не буду», — да только такого не говорят какому-то сопляку. Не говорят, если не хочешь, чтобы друзья перестали держать тебя за человека.

Билл двинулся на Виктора, Виктор — на Билла. Одновременно, словно по какому-то телепатическому сигналу, они принялись швыряться друг в друга камнями, сокращая разделявшее их расстояние. А вокруг камни летать перестали: остальные опустили руки, наблюдая за этой парой; даже Генри повернул голову.

Виктор нагибался, уворачивался — Билл ничего такого не делал. Камни Виктора попадали ему в грудь, в плечо, в живот. Один

задел ухо. Словно не замечая боли, Билл размеренно бросал камень за камнем, вкладывая в каждый бросок всю силу. Третий угодил Виктору в коленную чашечку, и он издал сдавленный стон. Камней у него больше не осталось, тогда как Билл сжимал в руке гладкий кусок белого кварца размером с утиное яйцо. И Виктору Криссу камень этот казался очень большим и твердым. Разделяло их менее пяти футов.

— У-у-убирайся о-о-отсюда, — услышал Виктор, — и-или я п-проломлю те-ебе го-олову. Я н-не шу-учу.

Заглянув в глаза Билла, Виктор понял, что так оно и есть. Он молча развернулся и последовал за Питером Гордоном.

Рыгало и Лось нерешительно переглянулись. Струйка крови текла у Лося из уголка рта. Текла кровь и по щеке Рыгала из рваной раны на голове.

Генри шевелил губами, но с них не срывалось ни звука. Билл повернулся к нему:

— У-у-убирайся.

— А если не уберусь? — Голос Генри вроде бы звучал воинственно, но в глазах его Билл видел совсем другое. Генри боялся, а потому уже смирился с тем, что придется уйти. Казалось бы, Биллу следовало радоваться, даже торжествовать, но он чувствовал лишь усталость.

— Е-если н-не у-у-уберешься, м-мы в-вас до-обьем. Ду-умаю, м-мы в-вшестером о-отправим в-всех в бо-ольницу.

— Всемером, — поправил его Майк Хэнлон, присоединившись к ним. В обеих руках он держал по камню размером с мяч для софтбола. — Иди сюда, Бауэрс. Я с удовольствием врежу тебе.

— Ты гребаный ниггер! — взвизгнул Генри, голос дрогнул, в нем послышались слезы. И этот вопль начисто лишил Рыгало и Лося желания продолжать борьбу. Камни выпали из разжавшихся пальцев. Рыгало огляделся, словно не понимая, где он и как сюда попал.

— Убирайтесь из нашего места! — крикнула Беверли.

— Молчи, манда, — огрызнулся Генри. — Ты... — Четыре камня полетели одновременно, ударив Генри в четыре места. Он вскрикнул и повалился на заросшую сорняками землю. Заплясали лохмотья рубашки. Лежа, он переводил взгляд с суровых, совсем взрослых лиц этих сопляков на испуганные лица Рыгало и Лося. Эти двое ему не помогут. Никто ему не поможет. Лось даже отвернулся.

Генри поднялся, всхлипывая, втягивая сопли сломанным носом.

— Я убью вас всех! — крикнул он и побежал к тропе. Через несколько мгновений он скрылся из виду.

— У-уходите. — Билл повернулся к Рыгало. — У-убирайтесь. И бо-ольше н-не п-приходите сю-юда. Пу-устошь на-аша.

— Не следовало тебе сердить Генри, пацан, — ответил Рыгало. — Пошли, Лось.

И они ушли, опустив головы, не оглядываясь. Семеро подростков стояли неровным полукругом, все в крови. Апокалиптическая битва камней длилась менее четырех минут, но Билл чувствовал себя так, словно прошел всю Вторую мировую войну, от первого до последнего дня, отвоевал на обоих театрах боевых действий, без единой увольнительной.

Тишину нарушала только отчаянная, свистящая борьба Эдди Каспбрэка, который пытался протолкнуть воздух в легкие. Бен направился к нему, почувствовал, что три булочки с кремом и четыре шоколадных пирожных, которые он съел по дороге в Пустоши, зашевелились и принялись жечь желудок, пробежал мимо Эдди в кусты и проблевался как можно тише, не привлекая к себе внимания.

Так что к Эдди подошли Ричи и Бев. Беверли обняла его за тонкую талию, а Ричи достал ингалятор из кармана.

— Кусай, Эдди, — предложил он, и когда Эдди попытался втянуть в себя воздух, нажал на клапан.

— Спасибо, — наконец-то выдавил он.

Бен вернулся из кустов, раскрасневшийся, вытирая рот рукой. Беверли подошла к нему, взяла его руки в свои.

— Спасибо, что заступился за меня.

Бен кивнул, не отрывая глаз от своих грязных кроссовок.

— Всегда готов, детка.

Один за другим они поворачивались к Майку, Майку с его черной кожей. Смотрели на него пристально, осторожно, раздумчиво. Майк сталкивался с подобным любопытством прежде — не было дня в его жизни, чтобы не сталкивался, — поэтому не отводил глаз.

Билл перевел взгляд с Майка на Ричи. Ричи посмотрел на него. И Билл буквально почувствовал, как что-то щелкнуло — какая-то последняя деталь встала на положенное ей место в машине неизвестного ему назначения. По спине словно рассыпались ледышки.

«*Теперь мы все вместе*», — подумал он, мысль эта показалась ему очень точной, очень правильной, и на мгновение Биллу показалось, что он произнес эти слова вслух. Но, разумеется, озвучивать эту мысль необходимости не было; он видел это по глазам Ричи, Бена, Эдди, Беверли, Стэна.

«*Теперь мы все вместе*, — вновь подумал он. — *И да поможет нам Бог. Теперь действительно все начинается. Господи, пожалуйста, помоги нам*».

— Как тебя зовут, парень? — спросила Беверли.

— Майк Хэнлон.

— Хочешь повзрывать петарды? — спросил Стэн, и улыбка Майка вполне сошла за ответ.

Глава 14
АЛЬБОМ

1

Как выясняется, Билл не остается в одиночестве: они все приносят выпивку.

Билл — бурбон, Беверли — водку и пакет апельсинового сока, Ричи — упаковку из шести банок пива, Бен Хэнском — бутылку виски «Дикая индюшка», а у Майка упаковка с шестью банками пива стоит в маленьком холодильнике в комнате отдыха сотрудников библиотеки.

Эдди Каспбрэк входит последним, с небольшим пакетом из плотной, коричневой бумаги.

— Что ты принес, Эдди? — спрашивает Ричи. — «Зарекс» или «Кулэйд»?*

Нервно улыбаясь, Эдди достает из пакета сначала бутылку джина, потом бутылку сливового сока.

В повисшей оглушающей тишине Ричи говорит: «Кто-нибудь должен вызвать людей в белых халатах. Эдди Каспбрэк наконец-то свихнулся».

— Джин и сливовый сок очень полезны для здоровья, — виноватым голосом отвечает Эдди... и все дико хохочут, звуки их веселья разносятся по затихшей библиотеке, эхом отражаются от стен, волнами прокатываются по стеклянному коридору, соединяющему взрослую библиотеку с детской.

---

* «Зарекс», «Кулэйд» — растворимые порошки для приготовления прохладительных напитков.

— Валяй, — говорит Бен, вытирая слезящиеся глаза. — Валяй, Эдди. Готов поспорить, этот коктейль способствует перемещению «почты».

Улыбаясь, Эдди наполняет на три четверти бумажный стаканчик соком, не торопясь добавляет две крышечки джина.

— Ох, Эдди, как я тебя люблю! — восклицает Беверли, и Эдди поднимает голову, ошарашенный, но улыбающийся. Она оглядывает стол. — Я вас всех люблю.

— М-мы тоже любим тебя, Б-Бев, — отвечает Билл.

— Да, — кивает Бен. — Мы любим тебя. — Его глаза открываются шире, он смеется. — Я думаю, мы по-прежнему любим друг друга... Вы знаете, сколь редко такое случается?

Возникает короткая пауза, и Майк не особо удивлен, заметив, что Ричи в очках.

— Контактные линзы начали жечь глаза, и мне пришлось их снять, — объясняет он, отвечая на вопрос Майка. — Не пора ли нам перейти к делу?

Они все смотрят на Билла, как и тогда, в гравийном карьере, и Майк думает: «Они смотрят на Билла, когда им нужен лидер, на Эдди — если требуется штурман. «Перейти к делу», до чего противная фраза. Должен ли я им сказать, что убитые, найденные тогда и теперь, не подверглись сексуальному насилию, что тела не изувечили, а частично съели? Должен я им сказать, что я заготовил семь шахтерских касок с мощными электрическими фонарями и сейчас они лежат у меня дома, одна для Стэна Уриса, который не смог приканды-бать, как мы раньше говорили? Или, может, просто предложить им разойтись по номерам и хорошенько выспаться, потому что завтра, днем или ночью, все закончится — либо для Оно, либо для нас?»

Ничего из этого говорить необходимости нет, и причина тому — только что произнесенные слова: они по-прежнему любят друг друга. За прошедшие двадцать семь лет многое изменилось, а взаимная любовь каким-то чудом — нет. «И это, — думает Майк, — наша единственная реальная надежда».

Единственное, что действительно остается — так это довести начатое до конца, завершить процесс соединения прошлого с настоящим, свернуть полоску существования в некое подобие колеса. «Да, — думает Майк, — сегодняшняя задача — соорудить это колесо; завтра мы посмотрим, вращается ли оно, как раньше... как вращалось, когда мы выгнали больших парней из гравийного карьера и из Пустоши».

— Ты помнишь остальное? — спрашивает Майк Ричи.

Ричи отхлебывает пива и качает головой.

— Я помню твой рассказ о птице... и дымовую яму. — Улыбка расползается по лицу Ричи. — Я вспомнил об этом вечером, когда шел сюда, следом за Бевви и Беном. Такая гребаная жуть тогда...

— Бип-бип, Ричи, — улыбается Беверли.

— Ну, вы знаете, — продолжая улыбаться, он сдвигает очки вверх по переносице характерным жестом того давнего Ричи. Подмигивает Майку. — Мы с тобой, так, Майки?

Майк коротко смеется, кивает.

— Мисс Скавлетт! Мисс Скавлетт! — пронзительно кричит Ричи Голосом Пиканинни. — В коптильне становится очень уж жавко, мисс Скавлетт!

Билл смеется.

— Еще один инженерный и архитектурный триумф Бена Хэнскома.

Беверли кивает:

— Мы рыли яму для клубного дома, когда ты, Майк, принес в Пустошь отцовский альбом с фотографиями.

— Господи! — Билл резко выпрямляется. — И фотографии...

Ричи мрачно кивает:

— Тот же фокус, что и в комнате Джорджи. Только на этот раз мы все это видели.

— Я вспомнил, что случилось с лишним серебряным долларом, — говорит Бен.

Они все поворачиваются к нему.

— Я отдал остальные три одному моему приятелю, прежде чем приехал сюда, — поясняет Бен. — Для его детей. Я помнил, что был четвертый, но не мог вспомнить, что с ним сталось. Теперь вспомнил. — Он смотрит на Билла. — Мы отлили из него серебряный кругляш, так? Ты, я и Ричи. Поначалу мы собирались отлить серебряную пулю...

— Ты практически не сомневался, что нам это удастся, — соглашается Ричи. — Но в конце...

— Мы с-струсили. — Билл медленно кивает. Воспоминание естественным путем занимает положенное ему место, и когда это происходит, Билл слышит все тот же тихий, но явственный щелчок. «Мы приближаемся», — думает он.

— Мы пошли на Нейболт-стрит, — добавляет Ричи. — Мы все.

— Ты спас мне жизнь, Большой Билл, — внезапно говорит Бен, и Билл качает головой. — Спас, точно, — настаивает Бен, и на этот раз Билл головой не качает. Подозревает, что, возможно, спас, только еще не помнит как... и он ли спасал? Он думает, что, возможно, Беверли... но не помнит. Пока, во всяком случае, не помнит.

— Прошу меня извинить. — Майк встает. — У меня упаковка пива в холодильнике комнаты отдыха.

— Возьми мое, — предлагает Ричи.

— Хэнлон не пить пиво белого человека, — отвечает Майк. — Особенно твое, Балабол.

— Бип-бип, Майки, — торжественно произносит Ричи, и Майк уходит за пивом под общий добродушный смех.

Включает свет в комнате отдыха, обшарпанной, с продавленными креслами, с кофеваркой «Сайлекс», которую давно следовало отмыть, информационной доской со старыми объявлениями, сведениями о расценках и часах работы, несколькими карикатурами из «Нью-йоркера», пожелтевшими, с загнувшимися углами. Майк открывает маленький холодильник и чувствует шок, ледяной и пробирающий до костей, как бывает в феврале, когда стоит мороз и кажется, что апрель не наступит никогда. Синие и оранжевые воздушные шарики выплывают из холодильника сплошным потоком, десятки шариков, новогодний букет из шариков, и сквозь страх, сковавший сознание Майка, вдруг прорывается бессвязная мысль: «Не хватает только Гая Ломбардо с его «Испокон веку»*. Шарики мимо лица Майка поднимаются к потолку. Он пытается кричать, не может кричать, увидев, что прикрывали шарики, что Оно засунуло в холодильник рядом с пивом, словно на ночную закуску, которая могла потребоваться ему после того, как все его никчемные друзья расскажут свои никчемные истории и разойдутся по арендованным постелям в своем родном городе, который уже и не родной.*

Майк отступает на шаг, руки поднимаются к лицу, отсекая увиденное. Натыкается на стул, чуть не падает и убирает руки. Ничего не меняется, оторванная голова Стэна Уриса лежит рядом с упаковкой из шести банок пива «Бад лайт», голова не мужчины, а одиннадцатилетнего мальчика. Рот раскрыт в беззвучном крике, но Майк не видит ни зубов, ни языка, потому что рот набит перьями. Перья

---

* Ломбардо, Гай Альберт (1902—1977) — канадско-американский дирижер, аранжировщик, композитор. Песня «Испокон веку»/«Auld Lang Syne» — традиционный новогодний хит, впервые исполненный Гаем Ломбардо в 1929 г.

светло-коричневые и невероятно огромные. Он прекрасно знает, у какой птицы такие перья. Да, Да, конечно. Он видел эту птицу в мае 1958 года, и они все видели ее в начале августа 1958 года, и потом, годы спустя, навещая в больнице умирающего отца, он выяснил, что Уилл Хэнлон однажды тоже видел эту птицу, после того как сумел выбраться из горящего клуба «Черное пятно». Кровь с шеи Стэна, в бахроме лоскутков кожи, капала вниз и образовала лужу на нижней полке. Свернувшись, кровь стала темно-рубиновой и поблескивала в слабом свете лампочки, установленной в холодильнике.

— А... а... а... — удается выдавить из себя Майку, но никаких других звуков с его губ не слетает. Потом голова открывает глаза, и это ярко-серебряные глаза клоуна Пеннивайза. Они поворачиваются к Майку, и голова начинает корчиться с набитым перьями ртом. Она пытается говорить, возможно, хочет произнести пророчество, как оракул в греческой трагедии.

«Подумал, что надо бы присоединиться к вам, Майк, потому что без меня вам не победить. Вы не можете победить без меня, и ты это знаешь, так? У вас мог бы быть шанс, если бы собрались все, но мой типично американский рассудок не выдержал напряжения, если ты понимаешь, о чем я, придурок. Все, на что способны вы шестеро, — посудачить о прежних временах, а потом найти свою смерть. Я и подумал, что мне по силам сбить вас с этого пути. Сбить вас, сечешь, Майки? Сечешь, дружище? Сечешь, гребаный поганый ниггер?»

«Ты не настоящая!» — кричит Майк, но ничего не слышит; он словно становится телевизором с отключенным звуком.

Невероятно, абсурдно, голова подмигивает ему.

«Я настоящая, будь уверен. Настоящая, как капли дождя. И ты знаешь, о чем я говорю, Майки. То, что вы вшестером намереваетесь сделать, сродни попытке взлететь на реактивном самолете без посадочного шасси. Нет никакого смысла взлетать, если не сможешь приземлиться, так? И нет никакого смысла спускаться под землю, если не сможешь подняться обратно. Вам никогда не додуматься до правильных загадок и анекдотов. Вам никогда не рассмешить меня, Майки. Вы все забыли, как выворачивать ваши крики наизнанку. Бип-бип, Майки, и что ты скажешь? Помнишь птицу? Всего лишь воробей, но выглядит о'кей! Таких еще поискать надо, да? Большая, как амбар, большая, как эти тупые японские монстры, которые пугали тебя, когда ты был маленьким мальчиком. Дни, когда ты знал, как отогнать ту птицу от своего порога, ушли навсегда. Поверь в это,

Майки. Если ты знаешь, как использовать свою голову по назначению, ты уедешь отсюда, уедешь из Дерри, немедленно. Если не знаешь, как ее использовать, она станет такой же, как эта. Сегодняшний указатель на великой дороге жизни — «Используй ее по назначению, прежде чем потеряешь, дорогой ты мой».

Голова перекатывается на лицо (перья во рту мерзко шуршат) и вываливается из холодильника. Ударяется об пол и катится к нему, как отвратительный шар для боулинга, слипшиеся от крови волосы сменяются ухмыляющимся лицом; она катится к нему, оставляя на полу липкий след крови и ошметки перьев, губы шевелятся вокруг перьевого кляпа.

«Бип-бип, Майки! — кричит голова, а Майк в ужасе пятится от нее, выставив перед собой руки, будто этим может не подпустить ее к себе. — Бип-бип, бип-бип, бип-на-хрен-бип!»

Внезапно раздается громкий хлопок — звук пластмассовой пробки, вылетающей из бутылки дешевого шампанского. Голова исчезает. («Настоящая, — думает Майк, чувствуя тошноту. — Ничего сверхъестественного в этом хлопке нет, всего лишь воздух ворвался во внезапно освободившееся пространство... настоящая, Господи, настоящая»). Тонкая сеточка капель крови зависает в воздухе. Потом падает на пол. И нет никакой необходимости прибираться в комнате отдыха; Кэрол ничего не увидит, когда придет сюда завтра утром, даже если ей придется прокладывать путь сквозь воздушные шарики, чтобы добраться до кофеварки и налить себе первую чашку кофе. Как удобно. Майк пронзительно смеется.

Поднимает голову и видит, что воздушные шарики никуда не делись. На синих надпись: «НИГГЕРЫ ДЕРРИ — В АУТЕ». *На оранжевых:* «НЕУДАЧНИКИ ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРОИГРЫВАЮТ, НО СТЭНЛИ УРИС НАКОНЕЦ-ТО ВЫРВАЛСЯ ВПЕРЕД».

«Нет никакого смысла взлетать, если не сможешь приземлиться, — заверяла его голова. — Нет никакого смысла спускаться под землю, если не сможешь подняться обратно». Последняя фраза вновь наводит его на мысли о шахтерских касках. Голова сказала правду? И внезапно он вспоминает день, когда пришел в Пустошь впервые после битвы камней. 6 июля, через два дня после того, как на параде Четвертого июля он промаршировал в составе оркестра... через два дня после того, как впервые воочию увидел клоуна Пеннивайза. И после того дня в Пустоши, после того, как он прослушал их истории и, поколебавшись, рассказал собственную, он пришел домой и спросил отца, можно ли заглянуть в его альбом с фотографиями.

А почему он пошел в Пустошь шестого июля? Он знал, что найдет их там? Вроде бы знал — и не только, что они там будут, но и где именно. Они говорили о клубном доме, Майк это помнит, но ему показалось, что они говорили об этом, не зная, как поговорить о чем-то другом, более важном.

Майк, подняв голову, смотрит на воздушные шарики, но теперь их не видит, пытаясь вспомнить, что происходило в тот день, в тот жаркий-жаркий день. Внезапно осознает, что очень важно вспомнить все, каждый нюанс, даже состояние души.

Потому что тот день стал отправной точкой. Раньше остальные говорили о том, чтобы убить Оно, но не предпринимали никаких действий, не строили планов. С появлением Майка круг замкнулся, колесо начало вращаться. Именно в тот день, только позже, Билл, Ричи и Бен пошли в библиотеку и всерьез взялись за разработку идеи, высказанной Биллом за день до этого, или за неделю, или за месяц. Все началось...

— Майк? — зовет Ричи из зала справочной литературы, где собрались остальные. — Ты там не умер?

«Почти», — думает Майк, глядя на воздушные шарики, на кровь, на перья в холодильнике.

— Думаю, вам лучше прийти сюда, — кричит он в ответ.

Он слышит, как скрипят стулья, слышит их невнятные голоса, слышит восклицание Ричи: «Ну что теперь?» — а другое ухо, уже в его памяти, слышит, как Ричи говорит что-то еще, и внезапно он вспоминает то, что выискивал в памяти; более того, он понимает, почему это что-то ускользало от него. Реакция других, когда он вышел на поляну в самой темной, самой далекой, самой заросшей части Пустоши... не было никакой реакции. Ни удивления, ни вопросов, как он их нашел, ничего. Бен ел «Твинки», вспоминает он, Беверли и Ричи курили. Билл лежал на спине, заложив руки под голову, смотрел в небо. Эдди и Стэн с сомнением смотрели на веревки, натянутые на колышках, очерчивающие квадрат со стороной примерно в пять футов.

Ни удивления, ни вопросов, ничего. Он просто пришел, и его приняли в компанию. Словно, сами того не зная, они его ждали. И этим третьим ухом, ухом памяти, он слышит, как Ричи говорит Голосом Пиканинни, который уже звучал этим вечером: «Бозе, мисс Клозе, сюда...

2

...опять пвишел этот чевный малчык. Я не знать, чего ему надо в Пустоши! Посмотви на эту кувчавую голову, Большой Билл! — Билл не шевельнулся, по-прежнему мечтательно глядя на тучные летние облака, проплывающие по небу. Обдумывал что-то важное. И пусть его обращение осталось без ответа, Ричи нисколько не обиделся. Просто продолжил: — От одного взгляда на эту кувчавую голову у меня возникает мысль о еще одном мятном джулепе! Пожалуй, я выпью его на веванде, где чуть прохлаже...»

— Бип-бип, Ричи, — оборвал его Бен с набитым «Твинки» ртом, и Беверли засмеялась.

— Привет, — нерешительно поздоровался Майк. Его сердце билось чуть сильнее, чем обычно, но он настроился довести дело до конца. Он должен их поблагодарить, и его отец говорил, что долги всегда надо отдавать... и по возможности быстрее, пока не наросли проценты.

Стэн оглянулся:

— Привет, — и вновь сосредоточился на огороженном веревками квадрате по центру поляны. — Бен, ты уверен, что получится?

— Получится, — заверил его Бен. — Привет, Майк.

— Хочешь сигарету? — спросила Беверли. — У меня остались две.

— Нет, благодарю. — Майк глубоко вдохнул. — Я хотел еще раз поблагодарить вас за то, что вы мне помогли в тот день. Эти парни хотели покалечить меня. Мне очень жаль, что некоторым из вас тоже досталось.

Билл махнул рукой, как бы говоря, что это ерунда.

— О-они в-весь г-год до-оставали н-нас. — Он сел, а потом вдруг пристально посмотрел на Майка. — Мо-огу я ко-ое-что у те-ебя с-спросить?

— Конечно. — Майк робко присел. С такими преамбулами он уже сталкивался. Этот Денбро намеревался спросить его, каково это — быть негром.

Но услышал совсем другой вопрос.

— Когда Л-л-ларсен* по-одавал не-еберущиеся подачи в «Ми-ировых се-ериях»**, к-как, по-о-твоему, е-ему п-просто ве-езло?

---

* Ларсен, Дональд Джеймс (р. 1929) — американский бейсболист, питчер.

** Мировая серия — решающая серия игр в сезоне, право играть в которой получают лучшие команды Американской и Национальной бейсбольных лиг.

Ричи глубоко затянулся, закашлялся. Беверли добродушно похлопала его по спине.

— Ты пока новичок, Ричи. Еще научишься.

— Я думаю, все обрушится, Бен. — Эдди озабоченно смотрел на огороженный квадрат. — Не хочу хоронить себя заживо своими же руками.

— Не похоронишь ты себя заживо, — ответил Бен. — А если такое и случится, будешь сосать блинский старый ингалятор, пока кто-нибудь тебя не откопает.

Слова эти показались Стэнли Урису невероятно смешными. Он оперся о локти, запрокинул голову и хохотал, пока Эдди не пнул его в голень, предложив заткнуться.

— Везло, — наконец ответил Майк. — Я думаю, в подачах, которые не отбивают, больше везения, чем мастерства.

— Я-я то-оже, — кивнул Билл. Майк ждал продолжения, но Билл уже сказал все, что хотел. Он снова лег, подложив руки под голову, и принялся изучать проплывающие над ними облака.

— А что вы задумали? — Майк повернулся к квадрату земли, огороженному натянутыми на колышках веревками.

— У Стога это идея недели, — ответил Ричи. — В прошлый раз он затопил Пустошь, и получилось неплохо, но эта идея — высший класс. Нынче у нас месячник строительства нашего клубного дома. А следующий месяц...

— Х-хватит те-ебе на-аезжать н-на Бе-ена. — Билл по-прежнему смотрел в небо. — По-олучится хо-орошо.

— Ну что ты, Билл. Я же шучу.

— И-иногда ты шу-утишь с-слишком м-мно́го, Ри-ичи.

Упрек Ричи снес молча.

— Я все-таки не понимаю, — покачал головой Майк.

— Все очень просто, — ответил Бен. — Они хотели шалаш на дереве, и мы можем его построить, но у людей есть дурная привычка ломать кости, когда они падают с дерева...

— Куки... Куки... одолжи мне косточки*, — пропел Стэн и вновь рассмеялся. Остальные вытаращились на него. Чувством юмора Стэн не отличался, и шутки его были весьма своеобразны.

---

* Стэн копирует популярную песню «Куки, Куки, одолжи расческу»/«Kookie, Kookie, lend me your comb» из упомянутого выше популярного детективного телесериала «Сансет-Стрип, 77» (1958—1964).

— Вы сходить с ума, сеньор, — прокомментировал Ричи. — Эта, я думать, от жары.

— Короче, мы зароемся в землю примерно на пять футов в границах обозначенного мной квадрата. Глубже не получится, потому что доберемся до грунтовых вод. Здесь они довольно близки к поверхности. Потом мы укрепим стены, чтобы они не обвалились. — Он многозначительно посмотрел на Эдди, но Эдди тревожился.

— А что потом? — заинтересовался Майк.

— Потом настелим крышу.

— Как?

— Положим доски. Сделаем люк или что-то такое, чтобы входить и выходить, даже окна, если захотим...

— Нам по-онадобятся пе-етли, — вставил Билл, по-прежнему глядя на небо.

— Мы их сможем купить в «Скобяных товарах Рейнольдса», — тут же предложил Бен.

— И ка-арманные де-еньги в-всем вы-ыдали на не-еделю.

— У меня есть пять долларов, — сказала Беверли. — Заработала, оставаясь с соседскими детьми.

Ричи тут же пополз к ней на руках и коленях.

— Я люблю тебя, Бевви. — Он смотрел на нее по-собачьи преданными глазами. — Ты выйдешь за меня замуж? Мы будем жить в обшитом сосной бунгало...

— Где? — переспросила Беверли, а Бен наблюдал за ними с тревогой, озабоченностью, но и с улыбкой.

— Обшитом бусной сонгало, — ответил Ричи. — Пяти долларов хватит, сладенькая, ты, и я, и малышка заживем втроем...

Беверли засмеялась, покраснела и отошла от него.

— Мы ра-азделим ра-асходы, — указал Билл. — Потому-то мы и создаем клуб.

— Накрыв яму досками, мы скрепим их сверхпрочным клеем — «Тэнгл-Трэк», так он называется — и сверху положим дерн. Может, набросаем сосновых иголок. Будем сидеть внизу, а люди... такие, как Генри Бауэрс... будут ходить прямо над нами и не знать, что мы здесь.

— Ты подумал и об этом? — изумился Майк. — Это круто.

Бен улыбнулся. Пришла его очередь краснеть.

Билл внезапно сел и посмотрел на Майка:

— Хо-очешь по-омогать?

— Да... конечно, — ответил Майк. — Это будет весело.

Остальные переглянулись — Майк это почувствовал, не только увидел. «*Нас семеро*», — подумал он, и безо всякой на то причины по телу пробежала дрожь.

— И когда вы собираетесь зарыться в землю?

— О-очень с-скоро, — ответил Билл, и Майк знал — *знал*, — что Билл говорит не только о подземном клубном доме, задуманном Беном. И Бен это знал. Как и Ричи, Беверли, Эдди. Стэн Урис перестал улыбаться. — М-мы со-обираемся на-ачать э-этот п-проект о-очень с-скоро.

Последовала пауза, и Майк внезапно понял следующее: во-первых, они хотят что-то сказать, что-то ему сказать... а во-вторых, у него не было уверенности, что он хотел это услышать. Бен взял палку, принялся что-то чертить на земле, его волосы падали на лицо. Ричи грыз и без того обгрызенные ногти. Только Билл пристально смотрел на Майка.

— Что-то не так? — Майку стало не по себе.

— М-м-мы к-к-клуб, — очень медленно заговорил Билл. — Ты мо-ожешь быть в к-клубе, если хо-очешь, но те-ебе придется х-хранить наши секреты.

— Ты про клубный дом? — спросил Майк. Охватившая его тревога только нарастала. — Само собой...

— У нас есть и другой секрет, малыш. — Ричи по-прежнему не смотрел на Майка. — И Большой Билл говорит, что этим летом у нас более важное дело, чем рытье подземных клубных домов.

— В этом он прав, — добавил Бен.

Внезапно что-то пшикнуло. Майк подпрыгнул. Но это Эдди нажал на клапан ингалятора. Он виновато посмотрел на Майка, пожал плечами, потом кивнул.

— Что ж, не держите меня в неведении, — попросил Майк. — Расскажите мне.

Билл оглядывал остальных.

— К-кто-нибудь н-не хо-очет, ч-чтобы он во-ошел в к-клуб?

Никто не сказал ни слова, не поднял руки.

— К-кто хо-очет ра-ассказать? — спросил Билл.

Последовала долгая пауза, и на этот раз Билл ее не прерывал. Наконец Беверли вздохнула и посмотрела на Майка.

— Детей убивают. Мы знаем, кто это делает, и это не человек.

3

Они рассказали ему, один за другим: клоун на льду, прокаженный под крыльцом, кровь и голоса в сливном отверстии, мертвые мальчики в Водонапорной башне. Ричи поведал о том, что произошло, когда они с Биллом вернулись на Нейболт-стрит. Билл заговорил последним, рассказал о школьной фотографии, которая двигалась, и о фотографии, в которую он сунул руку. Закончил объяснением, что неведомое существо убило его брата, а Клуб неудачников решил убить этого монстра... кем бы он на самом деле ни был.

Позже, возвращаясь домой, Майк думал, что слушать ему следовало с нарастающим недоверием, переходящим в ужас, а потом удирать сломя голову, не оглядываясь, убежденному, что его или поднимает на смех компания белых подростков, которые не любят черных, или его занесло к шестерым психам, которые каким-то образом заразились этой дурью друг от друга, как целый класс может подцепить грипп от одного больного.

Но он не убежал, потому что, несмотря на ужас, испытывал какое-то удивительное спокойствие. Спокойствие — и что-то еще, что-то более важное: ощущение, что он дома. «*Теперь нас семеро*», — подумал он, когда Билл наконец-то закончил.

Он открыл рот, не уверенный в том, что сейчас скажет.

— Я видел клоуна.

— Что? — в унисон спросили Ричи и Стэн, а Беверли повернула голову так быстро, что хвост метнулся с левого плеча к правому.

— Я видел его Четвертого. — Майк говорил медленно, главным образом Биллу. Его глаза, ясные, сосредоточенные, не отрывались от глаз Майка, требовали, чтобы он продолжал. — Да, Четвертого июля... — На мгновение он замолчал, подумав: «*Но я его узнал. Я узнал его, потому что увидел не в первый раз. И не в первый раз увидел что-то... что-то нехорошее*».

Тут он подумал о птице, впервые действительно позволил себе подумать о птице — за исключением кошмаров — с мая. Он-то считал, что сходит с ума. Приятно выяснить, что ты все-таки не безумен... но облегчение это пугало. Он облизнул губы.

— Давай, — нетерпеливо бросила Бев. — Не тяни.

— Дело в том, что я участвовал в параде. Я...

— Я тебя видел, — вставил Эдди. — Ты играл на саксофоне.

— Если на то пошло, на тромбоне, — поправил его Майк. — Я играл в составе оркестра нейболтской Церковной школы. Так или иначе, я видел клоуна. Он раздавал воздушные шарики детям на перекрестке в центре города, где сходятся три улицы. Такой же, как и говорили Бен и Билл. Серебряный костюм, оранжевые пуговицы, белый грим на лице, большая красная улыбка. Я не знаю, помада это была или грим, но выглядело, как кровь.

Другие кивали, оживившись, только Билл продолжал пристально смотреть на Майка.

— О-оранжевые пу-учки во-олос? — спросил он Майка, а потом бессознательно коснулся головы пальцами.

Майк кивнул.

— Увидев его... я испугался. И пока я смотрел на него, он повернулся и помахал мне рукой, словно прочитал мои мысли, или мои чувства, или как это называется. И это... ну... испугало меня еще сильнее. Тогда я не знал почему, но он так испугал меня, что я пару минут не мог играть на тромбоне. Вся слюна у меня во рту пересохла, и я почувствовал... — Он коротко глянул на Беверли. Теперь он все вспомнил с невероятной четкостью: как слепило солнце, яростно отражалось от его тромбона и от хрома автомобилей, как громко играла музыка, каким ярко-синим было небо. Клоун поднял руку в белой перчатке (в другой он держал связку воздушных шариков) и медленно помахал из стороны в сторону, а его кровавая улыбка была слишком красной и слишком широкой — крик, вывернутый наизнанку. Он помнил, как кожа его мошонки начала сжиматься, как в кишках вдруг забурлило, и он испугался, что сейчас непроизвольно наложит в штаны. Но такого в присутствии Беверли он сказать не мог. В присутствии девушек такого не говорят, даже в присутствии тех девушек, при которых можно сказать «сука» или «мерзавец». — Я испугался, — закончил он, чувствуя, что этого недостаточно, просто не зная, как сказать остальное.

Но они все кивали, словно поняли, и Майк ощутил, как по нему прокатилась волна невероятного облегчения. Каким-то образом этот клоун посмотрел на него, улыбнулся ему своей красной улыбкой, его белая перчатка покачивалась из стороны в сторону... но боялся он клоуна больше, чем гнавшихся за ним Генри Бауэрса и его дружков. Гораздо больше.

— Потом мы прошли мимо, — продолжил Майк. — Поднялись по холму на Главную улицу. И я увидел его снова, он опять разда-

вал воздушные шарики детям. Только многие дети брать их не хотели. Некоторые, совсем маленькие, плакали. Я не мог понять, как он сумел добраться сюда так быстро. Даже подумал, что клоунов, наверное, два, понимаете, и одеты они одинаково. Команда. Но когда он повернулся ко мне и вновь помахал мне рукой, я понял, это он. Тот же самый человек.

— Он не человек, — возразил Ричи, и Беверли содрогнулась. Билл обнял ее, и она с благодарностью на него посмотрела.

— Он помахал мне рукой... а потом подмигнул. Как будто у нас был общий секрет. Или... или, возможно, он в курсе, что я его узнал.

Билл убрал руку с плеч Беверли.

— Ты его у-у-узнал?

— Думаю, да, — кивнул Майк. — Мне надо кое-что проверить, прежде чем ответить наверняка. У моего отца есть фотографии... он их собирает... послушайте, вы здесь часто играете, да?

— Конечно, — ответил Бен. — Потому-то мы и строим клубный дом.

Майк снова кивнул.

— Я проверю и посмотрю, прав ли я. Если прав, принесу эти фотографии.

— С-старые фотографии? — спросил Билл.

— Да.

— Ч-что еще?

Майк открыл рот и снова закрыл. В неуверенности огляделся, потом все-таки решился.

— Вы подумаете, что я чокнутый. Чокнутый или вру.

— Т-ты ду-умаешь, ч-что м-мы чо-окнутые?

Майк покачал головой.

— Можешь поспорить, что нет, — подал голос Эдди. — У меня много чего не так, но я не ку-ку. Думаю, что нет.

— Да, — согласился Майк. — Ты не чокнутый.

— И м-мы н-не ду-умаем, ч-что т-ты п-п-п-псих.

Майк еще раз оглядел всех, откашлялся.

— Я видел птицу. Два, три месяца тому назад. Я видел птицу.

Стэнли Урис повернулся к Майку:

— Что за птицу?

— Она выглядела, как воробей, — с явной неохотой заговорил Майк, — отчасти, но и как малиновка. С оранжевой грудкой.

— И что такого ты заметил в этой птице? — спросил Бен. — В Дерри птиц много. — Но, судя по голосу, ему было не по себе, и, взглянув на Стэна, Майк понял, что Стэн вспоминает случившееся с ним в Водонапорной башне, и то, как он переломил ход событий, начав выкрикивать названия птиц. Но Стэн напрочь забыл о своих воспоминаниях, стоило Майку продолжить.

— Эта птица была больше дома на колесах.

Он оглядывал их потрясенные, изумленные лица. Ждал смеха, но никто не засмеялся. Стэн выглядел так, будто его хватили по голове кирпичом. Лицо побледнело настолько, что обрело цвет приглушенных ноябрьских солнечных лучей.

— Клянусь, это правда. Это была гигантская птица, вроде тех птиц из фильмов ужасов, которые считаются доисторическими.

— Да, как в «Гигантском когте»*, — вставил Ричи. Он думал, что птица выглядит очень уж ненастоящей, но к тому времени, когда она добралась до Нью-Йорка, так разнервничался, что высыпал часть попкорна вниз, через ограждение балкона кинотеатра «Аладдин». За такое Фокси Фоксуорт мог бы вышвырнуть его из зала, но фильм все равно закончился. Иногда тебе дают под зад, но, как сказал Большой Билл, случается, пинка даешь ты.

— Но она не выглядела доисторической. И она не напоминала тех птиц, как-они-там-называются, о которых рассказывали истории древние греки и римляне.

— Ру-у-ух? — предположил Билл.

— Точно. Не такая была птица. Я же говорю, что-то среднее между воробьем и снегирем. Двумя самыми распространенными птичками. — И Майк нервно рассмеялся.

— Г-г-где...

— Расскажи нам, — попросила Беверли, и, собравшись с мыслями, Майк рассказал. Рассказывая, наблюдая, как на их лицах отражались тревога и испуг, но не недоверие или насмешка, он ощущал, будто тяжелая ноша скатывается с плеч. Как Бен с мумией, или Эдди с прокаженным, или Стэн с утонувшими мальчиками, он видел нечто такое, что свело бы взрослого с ума, не ужасом увиденного, а нереальностью происходящего, не поддающегося никакому логическому объяснению. С другой стороны, взрослые зачастую

* «Гигантский коготь» — научно-фантастический фильм (1957), вошедший в историю, как один из худших фильмов, прежне всего из-за безобразных спецэффектов.

игнорируют неподдающееся объяснению. Лицо Илии сгорело дочерна от света Божьей любви, или Майк так понял; но Илия был стар, когда это случилось, и возможно, это все изменило. Разве еще один из библейских персонажей, молодой, почти ребенок не начал бороться с ангелом на равных?

Он увидел птицу и продолжил жить, как и прежде; встроил эти воспоминания в свой взгляд на мир. А в таком возрасте взгляд этот необычайно широк. Но случившееся с ним в тот день тем не менее затаилось в темных уголках его сознания, и иногда во сне он убегал от этой жуткой птицы, которая накрывала его своей тенью. Некоторые из этих снов он помнил, другие — нет, но сны не уходили, словно тени, которые двигались сами по себе.

Сколь мало он забыл и как сильно та история давила на него (когда он занимался повседневными делами: помогал отцу, ходил в школу, катался на велосипеде, выполнял поручения матери, ждал появления негритянских рок-групп в программе «Американская эстрада»), определилось прежде всего облегчением, которое он испытал, поделившись с другими. А рассказав все, Майк понял, что впервые позволил себе подумать об этом с того раннего утра у Канала, когда он увидел те странные бороздки... и кровь.

4

Майк рассказал о птице на старом металлургическом заводе и о том, как залез в трубу, чтобы укрыться от нее. В тот же день, только позже, трое Неудачников — Бен, Ричи, Билл — шагали к публичной библиотеке Дерри. Бен и Ричи поглядывали по сторонам, опасаясь нарваться на Бауэрса и компанию, но Билл смотрел под ноги, хмурясь, поглощенный своими мыслями. Примерно через час после своего рассказа Майк ушел, сказав, что отец просил его прийти к четырем, чтобы собрать горох. Беверли, по ее словам, надо было зайти в магазин и приготовить обед отцу. У Эдди и Стэна тоже нашлись дела. Но прежде чем разойтись, они начали рыть то, чему предстояло стать — окажись Бен прав — их подземным клубным домом. Для Билла (он подозревал, что и для всех) первая отброшенная лопата земли стала чем-то символичным. Если им действительно предстояло что-то сделать группой, всем вместе — они начали.

Бен спросил Билла, верит ли он истории Хэнлона. Они миновали Общественный центр Дерри и уже подходили к библиотеке, каменному зданию, укрывшемуся в тени вязов, возраст которых перевалил за сотню лет. Каким-то чудом их пока не тронула голландская болезнь, которая в последние годы стала бичом этих деревьев.

— Да. Я ду-умаю, э-это п-правда. Г-г-глупо, но правда. А ты, Ри-и-ичи?

Ричи кивнул.

— Да. Мне противно в это верить, если вы понимаете, о чем я, но, пожалуй, я верю. Помните, что он сказал насчет языка птицы?

Билл и Бен кивнули. Оранжевые вздутия на нем.

— Это фирменный знак, — продолжил Ричи. — Как у любого злодея из комиксов. Лекса Лютора или Джокера, кого ни возьми. Эта тварь всегда оставляет свою метку.

Билл задумчиво кивнул. Все равно что злодей из комиксов. Потому что они так воспринимали это чудовище? Так о нем думали? Да, возможно. Детский лепет, но создавалось ощущение, что эта тварь на детском лепете и расцветала.

Они перешли улицу.

— Я с-с-спросил С-С-Стэна, с-слышал ли о-он о-о-о та-акой п-птице. Н-не о-обязательно та-акой бо-ольшой, к-как э-эта, н-но п-просто на-а...

— Настоящей? — подсказал Ричи.

Билл кивнул.

— О-он с-сказал, ч-что, во-озможно, та-акая п-птица мо-ожет б-быть в Ю-Южной А-Америке и-или в А-А-Африке, но то-олько н-не з-здесь.

— Так он в нее не поверил? — спросил Бен.

— О-он по-оверил, — ответил Билл. А потом рассказал им о том, что предположил Стэн, когда Билл провожал его к тому месту, где Стэн оставил велосипед. Идея Стэна состояла в следующем: никто из них не мог увидеть эту птицу, пока Майк не рассказал свою историю. Что-то еще — возможно, но не эту птицу, потому что она была личным монстром Майка Хэнлона. А теперь... теперь эта птица стала собственностью всего Клуба неудачников, так? По разумению Стэна, она могла выглядеть по-разному: вороной для Билла, ястребом для Ричи, золотистым орлом для Беверли, но теперь Оно могло быть птицей для них всех. Билл сказал Стэну, что те-

перь, если исходить из его идеи, любой из них мог увидеть прокаженного, мумию, а то и мертвых мальчиков.

«Это означает, что мы должны достаточно скоро перейти к делу, если хотим что-то предпринять, — ответил Стэн. — Оно знает...»

«Ч-что? — резко спросил Билл. — В-все, ч-что м-мы з-знаем?»

«Чел, если Оно это знает, нам крышка, — ответил Стэн. — Но, будь уверен, Оно знает, что мы знаем об Оно, и я думаю, Оно попытается нас кокнуть. Ты все еще думаешь о нашем вчерашнем разговоре?»

«Да».

«Мне хотелось бы пойти с тобой».

«Б-Бен и Ри-и-ичи по-пойдут. Бен действительно у-умный, и Ри-и-ичи тоже, когда не ду-урачится».

Они уже подошли к библиотеке, когда Ричи спросил Билла, зачем, собственно, они сюда пришли. Билл им рассказал, говорил медленно, чтобы не так сильно заикаться. Идея вертелась у него в голове последние две недели, но обрела конкретные очертания только благодаря рассказу Майка о птице.

Что ты делаешь, если хочешь избавиться от птицы?

Ты в нее стреляешь и убиваешь ее.

Что ты делаешь, если хочешь избавиться от монстра? Фильмы предполагают, что его можно убить, выстрелив серебряной пулей.

Бен и Ричи слушали с должным уважением. Потом Ричи спросил:

— И где ты возьмешь серебряную пулю, Большой Билл? Закажешь по почте?

— К-как с-смешно. Мы должны с-сделать ее.

— Как?

— Я думаю, для того мы и пришли в библиотеку, — ответил на вопрос Ричи Бен. Ричи кивнул и сдвинул очки вверх. Билл подумал, что в глазах за очками, помимо ума и интереса, читается сомнение. Он и сам сомневался. Но по крайней мере дурачиться Ричи определенно не собирался, а это уже шаг в нужную сторону.

— Ты думаешь об отцовском «вальтере»? — спросил Ричи. — Том самом, что мы брали на Нейболт-стрит?

— Да, — кивнул Билл.

— Даже если мы сможем отлить серебряные пули, где мы возьмем серебро? — спросил Ричи.

— Позвольте мне позаботиться об этом, — спокойно ответил ему Бен.

— Что ж... хорошо, — пожал плечами Ричи. — Мы позволим Стогу позаботиться об этом. А что потом? Опять Нейболт-стрит?

Билл кивнул:

— О-опять Не-ейболт-стрит. И мы с-снесем э-ту гребаную го-олову.

Все трое еще немного постояли, переглядываясь с очень серьезным видом, а потом вошли в библиотеку.

S

— Будь я проклят, опять этот черный парень! — воскликнул Ричи Голосом ирландского копа.

Прошла неделя, приближалась середина июля, и строительство подземного клубного дома подходило к концу.

— Доброго вам утра, мистер О'Хэнлон, сэр! И каким прекрасным, прекрасным обещает быть этот день, прекрасным, как растущий картофель, так говорила мне моя старая матушка...

— Насколько мне известно, утро заканчивается в полдень, Ричи, — Бен появился из ямы, — а полдень уже два часа как миновал.

Они с Ричи обшивали стены ямы досками. Бен снял свитер — день жаркий, работа тяжелая, футболка посерела от пота и прилипла к груди и толстому животу. На свой внешний вид он сейчас внимания не обращал, но Майк подозревал, что Бен, заслышав приближающуюся Беверли, оказался бы в мешковатом свитере, прежде чем кто-либо успел бы сказать «щенячья любовь».

— Не придирайся, а то я перепутаю тебя со Стэном-Суперменом. — Из ямы Ричи вылез пять минут назад, сказав Бену, что пора перекурить.

«Вроде бы ты говорил, что сигарет у тебя нет», — удивился Бен.

«Нет, — согласился Ричи, — но это дело принципа».

Майк держал под мышкой отцовский альбом с фотографиями.

— Где народ? — спросил он. Майк знал, что Билл где-то неподалеку, потому что оставил свой велосипед под мостом рядом с Сильвером.

— Билл и Эдди полчаса назад двинули на свалку за досками, — ответил Ричи. — Стэнни и Беверли пошли в «Скобяные товары Рейнольдса» за петлями. Уж не знаю, какую хрень собрался уста-

новить там Стог, чтобы лазить снизу вверх и сверху вниз, ты понимаешь, но едва ли это будет что-то путное. За ним нужен глаз да глаз, знаешь ли. Между прочим, ты должен нам двадцать три цента, если хочешь остаться в клубе. Твой взнос на петли.

Майк перекинул альбом из правой руки в левую, залез в карман, отсчитал двадцать три цента (в его личной сокровищнице остался один десятицентовик) и протянул Ричи. Потом подошел к яме, заглянул в нее.

Только это была уже не яма. Стены аккуратно обшили досками. Каждую стену подперли. Доски, конечно, были самые разные, но Бен, Билл и Стэн подогнали их по размеру с помощью инструментов из мастерской Зака Денбро (Билл каждый вечер отвозил все инструменты домой, трепетно следя за тем, чтобы на место они возвращались такими же чистенькими, какими и брал их каждое утро). Между подпорками Бен и Беверли прибили перемычки. Яма все еще нервировала Эдди, впрочем, он всегда находил повод для волнений. С одной стороны от ямы аккуратно уложили квадратные куски дерна, которыми потом они собирались замаскировать крышу.

— Похоже, вы знаете, что делаете, — высказал свое мнение Майк.

— Само собой, — ответил Бен и указал на альбом: — Это что?

— Альбом моего отца о Дерри, — ответил Майк. — Он коллекционирует старые фотографии, открытки и газетные статьи о городе. Это его хобби. Я просматривал альбом пару дней назад... говорил вам, что, по-моему, видел клоуна раньше. И я видел. Здесь. Поэтому и принес альбом. — От стыда он не решился добавить, что не попросил у отца разрешения взять альбом. Боялся вопросов, к которым это могло привести, и утащил альбом из дома, как вор, пока отец окучивал картофель на западном поле, а мать развешивала выстиранное белье на заднем дворе. — Подумал, что вы тоже должны на него взглянуть.

— Так давай поглядим, — предложил Ричи.

— Я бы подождал, пока соберутся все. Думаю, так будет лучше.

— Хорошо. — По правде говоря, Ричи особо и не хотелось смотреть на фотографии Дерри еще и в этом альбоме. Особенно после того, что случилось в комнате Джорджи. — Хочешь помочь мне и Бену с обшивкой стен?

— Конечно. — Майк осторожно положил отцовский альбом подальше от строящегося клубного дома, чтобы на него случайно не попала земля, если ее будут выбрасывать снизу, и взял лопату Бена.

— Рой здесь, — указал Бен. — Углубись на фут. Потом я поставлю подпорку и буду ее держать, а ты забросаешь яму землей.

— Хороший план, чел, — глубокомысленно изрек Ричи, усевшись на краю ямы, свесив вниз ноги.

— А ты чего сидишь? — спросил Майк.

— Сил нет, — ответил Ричи.

— А как продвигается ваша задумка с Биллом? — Майк снял рубашку и начал копать. В яме было жарко, даже для Пустоши. В кустах сонно, словно летние часы, стрекотали цикады.

— Ну... неплохо, — ответил Ричи, и Майку показалось, что он бросил на Бена предостерегающий взгляд. — Пожалуй.

— А почему бы тебе не включить радио, Ричи? — спросил Бен. Он поставил доску в яму, которую вырыл Майк, и зафиксировал ее. Транзисторный приемник Ричи, как и всегда, висел на толстой ветке ближайшего дерева.

— Батарейки сели, — ответил Ричи. — Ты же взял мои последние двадцать пять центов на петли, помнишь? Это жестоко, Стог, очень жестоко. После всего, что я для тебя сделал. А кроме того, здесь я могу поймать только УАБИ, а они играют лишь слюнявый рок.

— Что? — переспросил Майк.

— Стог думает, что Томми Сэндс и Пэт Бун поют рок-н-ролл, но только потому, что он больной на голову. Элвис поет рок-н-ролл. Эрни К. Доу поет рок-н-ролл. Карл Перкинс поет рок-н-ролл. Бобби Дарин. Бадди Холли. «Ох, Пегги... моя Пегги...»

— Пожалуйста, Ричи, — попытался остановить его Бен.

— А также Фэтс Домино, — Майк оперся о лопату, — Чак Берри, Литл Ричард, «Шеп и Лаймлайтс», Лаверн Бейкер, «Фрэнки Лаймон и тинейджерс», «Хэнк Баллард и Миднайтерс», «Коастерс», «Айли бразерс», «Крестс», «Чордс», Стикс Макги...

Они таращились на него в таком изумлении, что Майк рассмеялся.

— После Литл Ричарда я от тебя отстал, — признал Ричи. Ему нравился Литл Ричард, но в то лето из всех рок-н-роллщиков его главным кумиром был Джерри Ли Льюис. Недавно мать Ричи вошла в гостиную в тот момент, когда Джерри Ли показывали в «Аме-

риканской эстраде». Он как раз улегся на рояль и играл, свесив руки вниз, а волосы падали на лицо. При этом Джерри Ли пел «Секрет средней школы». Ричи испугался, что она сейчас грохнется в обморок. Не грохнулась, но получила от увиденного такую сильную эмоциональную травму, что за обедом в тот вечер предложила отправить Ричи в спортивный лагерь. Теперь же Ричи мотнул головой, чтобы волосы упали на глаза и запел: «Сегодня в школе танцуют рок, пора и тебе шагнуть за порог...»

Бен закружил по дну ямы, держась за толстый живот, делая вид, что его сейчас вырвет. Майк зажал нос, но смеялся так сильно, что из глаз брызнули слезы.

— В чем дело? — спросил Ричи. — Какая муха вас укусила? Я же хорошо спел! Действительно хорошо!

— Да ладно. — Майк так заливался смехом, что едва мог говорить. — Это ж так смешно. Я хочу сказать, правда смешно.

— У негров нет вкуса, — фыркнул Ричи. — Я думаю, так даже написано в Библии.

— Твоя мутер. — Майк засмеялся еще сильнее. А когда Ричи, в искреннем недоумении, спросил, что это значит, Майк уселся на землю и, качаясь взад-вперед, схватившись за живот, просто визжал от смеха.

— Ты, наверное, думаешь, что я завидую. — Ричи ничего не понимал. — Ты, наверное, думаешь, что я хочу быть негром.

Теперь уж Бен повалился на землю, безумно хохоча. Все его тело тряслось. Глаза вылезли из орбит.

— Хватит, Ричи, — сумел просипеть он. — Я наложу в штаны. Я с-сдохну, если ты не п-прекратишь.

— Я не хочу быть негром, — продолжил Ричи. — Кому охота носить розовые штаны, и жить в Бостоне, и покупать пиццу кусками? Я хочу быть евреем, как Стэн. Я хочу владеть ломбардом и продавать людям ножи с выкидными лезвиями, и пластмассовую собачью блевотину, и подержанные гитары.

Бен и Майк уже рыдали от смеха. И смех их разносился по зеленой заросшей ложбине, которую ошибочно называли Пустошью, заставляя птиц подниматься в воздух, а белок на мгновение замирать, прерывая свои дела. Это был смех беззаботной юности, пронзительный, веселый, полный жизни, чистый, свободный. И практически все живые существа, которые его слышали, реагировали одинаково, но одно существо вывалилось из бетонной дренажной

трубы в Кендускиг, в его верхнем течении, уже неживым. День назад над Дерри разразился сильнейший ливень (будущий клубный дом практически не пострадал: как только начались земляные работы, Бен каждый вечер накрывал яму куском брезента, который Эдди реквизировал с задворок «Источника Уоллиса»; вонял брезент ужасно, но с отведенной ему функцией справлялся), и в дренажных трубах и тоннелях два или три часа бурлили потоки воды. Именно эта вода и вытолкнула труп на солнце, чтобы его скоренько нашли мухи.

Этого девятилетнего мальчика звали Джимми Каллум. От лица остался только нос. Все остальное превратилось в жуткое месиво. Голое мясо усеивали глубокие черные дыры, и, пожалуй, только Стэнли Урис смог бы определить, что дыры эти — от ударов клювом. Ударов очень большим клювом.

Вода перекатывалась через грязные хлопчатобумажные штаны Джимми Каллума. Его белые руки оставались на поверхности, как дохлые рыбы. Руки тоже исклевали, но не так сильно. Рубашка с огурцовым узором раздувалась и опадала, раздувалась и опадала, как мочевой пузырь.

Билл и Эдди, нагруженные досками, найденными на свалке, пересекли Кендускиг по выступающим из воды камням в каких-то сорока ярдах от тела. Они услышали, как заливаются смехом Ричи, Бен и Майк, улыбнулись сами и прибавили шагу, не заметив тела Джимми Каллума, чтобы посмотреть, что так развеселило их друзей.

6

Они все еще смеялись, когда Билл и Эдди вышли на поляну, вспотев под тяжелым грузом. Эдди, обычно бледный как смерть, и то чуть раскраснелся. Они свалили доски на уже почти исчезнувшую кучу расходных материалов. Бен вылез из ямы, чтобы проинспектировать добычу.

— Отлично! — воскликнул он. — Вау! Круто!

Билл плюхнулся на землю.

— М-мне сейчас с-свалиться с и-инфарктом и-или чу-уть подождать?

— Подождать, — рассеянно ответил Бен. Он тоже принес в Пустошь кое-какой инструмент и теперь склонился над новыми доска-

ми, выбивая гвозди и выкручивая шурупы. Одну доску отбросил — треснутая. При постукивании по второй в трех местах обнаружились полости, так что Бен отбросил и ее. Эдди сидел на куче земли, наблюдая за ним. Пустил в рот струю из ингалятора, когда Бен вытаскивал из доски ржавый гвоздь, воспользовавшись молотком-гвоздодером. Гвоздь вылезал со скрипом, напоминавшим визг маленького неприятного зверька, которому не понравилось, что на него наступили.

— Ты подхватишь столбняк, если поранишься о ржавый гвоздь, — проинформировал Эдди Бена.

— Да? — переспросил Ричи. — Что такое сифняк? Звучит, как женская болезнь.

— Мозгов у тебя, как у птицы, — огрызнулся Эдди. — Не сифняк, а столбняк. И означает это сжатие челюстей. Вызывают болезнь особые микробы, которые живут в ржавчине. Понимаешь, если ты порежешься о ржавый гвоздь, они могут попасть в твое тело и... э... твоим нервам придет пипец. — Эдди покраснел еще сильнее и вновь прыснул из ингалятора в рот.

— Сжатие челюстей, господи. — Слова Эдди произвели впечатление на Ричи. — Не позавидуешь.

— Будь уверен. Сначала твои челюсти сцепляются так сильно, что ты не можешь их разжать даже для того, чтобы поесть. Тебе проделывают дырку в щеке и кормят жидкостью через трубку.

— Ух ты! — Майк стоял в яме, подняв голову, широко раскрыв глаза. Белки яркими пятнами выделялись на коричневом лице. — Правда?

— Мне сказала мама, — ответил Эдди. — А потом у тебя сжимается горло, и ты уже ничего не можешь есть, и умираешь от голода.

Они молча переваривали весь этот ужас.

— Это неизлечимо, — веско добавил Эдди.

И вновь ему ответило молчание.

— Поэтому я всегда остерегаюсь ржавых гвоздей и подобного дерьма, — подвел итог Эдди. — Однажды мне делали противостолбнячную прививку, и это действительно больно.

— Тогда почему ты ходишь на свалку с Биллом и тащишь сюда все это барахло? — спросил Ричи.

Эдди коротко глянул на Билла, смотревшего вниз, в яму, которой предстояло стать клубным домом, и любовь и обожание, чи-

тавшиеся в этом взгляде, вполне могли сойти за ответ, но Эдди тихонько сказал:

— Иной раз что-то нужно сделать, не считаясь с риском. Эта первая важная истина, которую я узнал не от мамы.

Опять последовало молчание, но не такое уж неловкое, потом Бен принялся выбивать ржавые гвозди, и вскоре к нему присоединился Майк Хэнлон.

Транзистор Ричи, лишенный голоса (по крайней мере до тех пор, пока родители не выдадут Ричи очередную порцию карманных денег на неделю, или он сам не найдет лужайку, которую надо выкосить), покачивался на нижней ветви под легким ветерком. У Билла появилось время подумать над тем, как все это странно, странно и замечательно, что этим летом они все собрались здесь. Знакомые ему дети уезжали к родственникам. Знакомые ему дети уезжали с родителями в отпуск в «Диснейленд» в Калифорнию или на Кейп-Код, или — в одном случае — в невообразимо далекое место с необычным и каким-то ускользающим названием — Гштаад. Дети уезжали в церковный лагерь, дети уезжали в скаутский лагерь, дети уезжали в лагеря для богатых детей, где их учили плавать и играть в гольф, где ты учился говорить: «Эй, отличный удар», — вместо «Чтоб ты сдох», — когда твой соперник в теннисе подавал на вылет; дети, родители которых просто увозили их КУДА ПОДАЛЬШЕ. Билл мог это понять. Некоторые знакомые ему дети хотели уехать КУДА ПОДАЛЬШЕ, напуганные монстром, бродившим в то лето по Дерри, но Билл подозревал, что родителей, которые боялись этого монстра, гораздо больше. Люди, которые планировали провести отпуск дома, внезапно принимали решение уехать КУДА ПОДАЛЬШЕ.

(*Гштаад. Это в Швеции? В Аргентине? В Испании?*)

Все это напоминало полиомиелитную панику в 1956 году, когда заразились четверо детей, которые пошли поплавать в Мемориальный бассейн О'Брайана. Взрослые — для Билла слово это было стопроцентным синонимом мам и пап — решили тогда, как и теперь, что уехать КУДА ПОДАЛЬШЕ лучше. Безопаснее. И все, кто мог уехать, уехали. Билл понимал, что такое «КУДА ПОДАЛЬШЕ», и он мог размышлять над удивительной притягательностью такого слова, как Гштаад, но притягательность эта тянула лишь на блеклую тень страсти; Гштаад — это КУДА ПОДАЛЬШЕ; Дерри — страсть.

«И никто из нас не уехал КУДА ПОДАЛЬШЕ, — думал Билл, наблюдая, как Бен и Майк выбивают гвозди из принесенных со свалки досок, тогда как Эдди направился в ближайшие кусты, чтобы отлить («Ты должен это делать, как только возникло желание, чтобы не растягивать мочевой пузырь, — однажды сказал он Биллу, — но нужно и остерегаться ядовитого плюща. Кому охота обжечь свой крантик»). — *Мы все здесь, в Дерри. Никаких лагерей, никаких родственников, никаких отпусков родителей, никаких КУДА ПОДАЛЬШЕ. Мы все здесь. На месте, и можем рассчитывать друг на друга».*

— На свалке есть дверь. — Эдди вышел из кустов, застегивая молнию ширинки.

— Надеюсь, ты стряхнул лишнее, Эдс, — обратился к нему Ричи. — Если ты этого не сделал, ты можешь заболеть раком. Моя мама мне так говорила.

На лице Эдди отразилось недоумение, потом тревога, наконец он заметил ухмылку Ричи. Сразил его (или попытался сразить) взглядом «да-кто-поверит-в-такую-чушь», а потом продолжил:

— Она такая большая, что вдвоем мы бы ее не унесли. Но Билл говорит, если мы все пойдем туда, то сможем дотащить.

— Конечно, все стряхнуть не удается никому. — Ричи тоже гнул свое. — Эдс, хочешь знать, что однажды сказал мне один умный человек?

— Не хочу, — ответил Эдди, — и я не хочу, чтобы ты называл меня Эдс, Ричи. Я серьезно. Я же не зову тебя Дик, как в «С тебя капает, Дик*?» — и не понимаю, почему...

— Этот умный человек сказал мне следующее. — Ричи словно и не услышал Эдди. — «Сколько ни тряси — последняя капля в трусы». Поэтому в мире так много больных раком, Эдди, любовь моя.

— В мире так много больных раком, потому что такие кретины, как ты и Беверли Марш, курят, — возразил Эдди.

— Беверли — не кретинка, — угрожающе заявил Бен. — Думай, что говоришь, Эдди.

— Эй, вы, бип-бип, — рассеянно ввернул Билл. — А е-если говорить о Бе-еверли, она си-ильная. И по-оможет нам притащить ту д-дверь.

Бен спросил, что это за дверь.

---

* Дик — не только имя, но и одно из названий мужского полового органа.

— К-красного де-ерева, ду-умаю.

— Кто-то выбросил дверь из красного дерева? — В голосе Бена слышалось изумление, но недоверие отсутствовало.

— Люди выбрасывают все, — пожал плечами Майк. — Это называют свалкой. Меня просто зло берет, когда я прихожу туда. Просто зло берет.

— Да, — согласился Бен. — Многие вещи можно так легко починить. А в Китае и Южной Америке у людей ничего нет. Так говорит моя мама.

— В Мэне тоже есть люди, у которых ничего нет, Санни Джим*, — мрачно заметил Ричи.

— Ч-что э-это? — спросил Билл, заметив лежащий на земле альбом, который принес Майк. Майк объяснил, добавив, что хочет показать им клоуна на картинках, когда Беверли и Стэн вернутся с петлями.

Билл и Ричи переглянулись.

— Что не так? — спросил Майк. — Вы увидели его на фотографии, когда были в комнате твоего брата, Билл?

— Да, — ответил Билл, но больше ничего не сказал.

Они по очереди работали в яме, пока не подошли Стэн и Беверли, неся по пакету из плотной коричневой бумаги. В пакетах лежали петли. И пока Майк говорил, Бен сидел, скрестив ноги, и мастерил окна, еще без стекол, которым предстояло открываться и закрываться, поворачиваясь на петлях, в двух длинных досках. Возможно, только Билл заметил, как быстро и легко двигались пальцы Бена; какими они были проворными и знающими, будто пальцы хирурга. Билл ими восхищался.

— Некоторым из этих картинок больше ста лет, говорил мой отец. — Альбом лежал у Майка на коленях. — Он находит их на распродажах, которые люди устраивают у себя во дворе, или в комиссионных магазинах. Иногда покупает или выменивает у других коллекционеров. Некоторые стереоскопические — их две на одной длинной карточке, а когда смотришь на них через специальное устройство, похожее на бинокль, то видишь одну картинку, только она трехмерная, как «Дом восковых фигур»** или «Тварь из Черной лагуны».

---

* Санни Джим — прозвище зануды, брюзги.

** «Дом восковых фигур» — фильм ужасов (1953).

— С чего ему нравится весь этот хлам? — спросила Беверли. На ней были обычные «левисы», но она сделала что-то удивительное с манжетами, обшила верхние четыре дюйма каким-то ярким материалом с узором пейсли*, так что выглядели они, как брюки из фантазии какого-нибудь матроса.

— Да, — кивнул Эдди. — Дерри по большей части такой скучный город.

— Точно я не знаю, но думаю, дело в том, что он здесь не родился, — неуверенно ответил Майк. — Понимаете... ну, не знаю... для него здесь все новое, или как если бы войти в кинозал на середине фильма...

— Са-амо со-обой, — прервал его Билл, — ты хочешь знать, с чего все на-ачалось.

— Да, — кивнул Майк. — У Дерри богатая история, мне это тоже интересно. И я думаю, часть истории города как-то связана с той тварью... с Оно, если вы хотите так ее называть.

Он посмотрел на Билла, и Билл кивнул, в его глазах застыла задумчивость.

— Я пролистал альбом после парада Четвертого июля, потому что знал: я видел этого клоуна раньше. Знал. И посмотрите.

Он открыл альбом, перевернул пару страниц, закрыл, протянул Бену, который сидел справа от него.

— Н-не т-трогайте с-с-страницы! — предупредил Билл, и такая властность слышалась в его голосе, что они подпрыгнули. Ричи видел, что он сжал в кулак пальцы, которые поранил, сунувшись в альбом Джорджа. Сжал со всей силы.

— Билл прав, — поддержал его Ричи таким робким, столь неричиским голосом, что прозвучали эти слова очень убедительно. — Будьте осторожны. Как и говорил Стэн, если мы видели, как это случилось, вы тоже сможете увидеть, если это случится.

— Почувствовать, — мрачно добавил Билл.

Альбом переходил из рук в руки, все брали его с опаской, за края, словно большой кусок старого динамита, потеющий каплями нитроглицерина.

Альбом вернулся к Майку. Он открыл его на одной из первых страниц.

---

* Узор пейсли — имитирующий узор кашмирской шали, со сложным рисунком типа «огурцы».

— Папа говорит, что дату этой картинки определить невозможно, но, вероятно, она относится к середине восемнадцатого века. Он отремонтировал одному парню пилу за ящик старых книг и картинок. Это одна из них. Он говорит, что стоит она баксов сорок, а то и больше.

Это была гравюра на дереве, размером с большую открытку. Когда альбом добрался до Билла, он с облегчением увидел, что отец Майка закрыл ту часть страницы, где располагались картинки, защитной пластиковой пленкой. Как зачарованный, он смотрел на картинку и думал: «*Вот. Я вижу его... или Оно. Действительно вижу. Это лицо врага*».

Картинка изображала клоуна, жонглирующего большущими кеглями посреди грязной улицы. На обеих сторонах улицы было несколько жилых домов и несколько явно нежилых, как догадался Билл, магазинов, или факторий, или как они тогда назывались. Билл бы и не подумал, что это Дерри, если бы не Канал. Он уже был на гравюре, с аккуратно вымощенными берегами. В верхней части гравюры Билл видел мулов на пешеходной дороге, проложенной вдоль Канала, которые тянули баржу.

С полдесятка детей собрались вокруг клоуна. Один — в пастушеской соломенной шляпе. Второй — с обручем и палкой, чтобы катить его. Не с той палкой, какую теперь можно купить в «Вулворте» вместе с обручем, — с обычной отрубленной или отломанной ветвью. Билл видел короткие выступы там, где ветки поменьше срезали ножом или топором. «*Эту штуковину сделали не на Тайване и не в Корее*», — думал он, не отрывая глаз от мальчишки, который мог бы быть им, родись он на четыре или пять поколений раньше.

Клоун широко улыбался. Гримом он не пользовался (но для Билла все его лицо выглядело загримированным), и был лысым, если не считать двух пучков волос, которые торчали над ушами, как рога, и Билл без труда узнал их клоуна. «*Двести лет назад, а то и больше*», — подумал он и почувствовал, как поднимется внутри волна ужаса, ярости и волнения. Двадцать семь лет спустя, сидя в публичной библиотеке Дерри и вспоминая, как он впервые заглянул в альбом отца Майка, Билл осознал, что тогда оказался в шкуре охотника, нашедшего первый свежий след старого тигра-людоеда. Двести лет назад... так давно, и одному Богу известно, насколько давнее. Он задался вопросом, как долго дух Пеннивайза пребывает

здесь, в Дерри... но вдруг понял, что ему совершенно не хочется искать ответ на этот вопрос.

— Дай мне, Билл! — попросил Ричи, но Билл еще какое-то время подержал альбом, с тревогой глядя на гравюру, уверенный, что она сейчас придет в движение: кегли (если это были кегли), которыми жонглировал клоун, начнут взлетать и падать, взлетать и падать, ребятишки — смеяться и аплодировать (только, возможно, смеяться и аплодировать будут не все; некоторые закричат в ужасе и разбегутся), мулы, которые тянули баржу, выйдут за пределы гравюры.

Этого не случилось, и он передал альбом Ричи.

Когда альбом вернулся к Майку, тот перевернул несколько страниц, ища нужную.

— Эта картинка из тысяча восемьсот пятьдесят шестого. Линкольна изберут президентом еще через четыре года.

Альбом вновь пошел по рукам. На сей раз все смотрели на цветную картинку, что-то вроде карикатуры, на которой кучка пьяниц стояла перед салуном, тогда как толстяк политик с пушистыми бакенбардами произносил речь, стоя на доске, которая лежала на двух больших бочках. В одной руке он держал кружку с пенящимся пивом. Доска, на которой он стоял, ощутимо прогибалась под его тяжестью. Чуть в стороне группа женщин в капорах с отвращением взирала на это фиглярство и пристрастие к спиртному. Надпись под картинкой гласила: «ПОЛИТИКА ВЫЗЫВАЕТ ЖАЖДУ», — ГОВОРИТ СЕНАТОР ГАРНЕР».

— По словам отца, такие картинки были очень популярны за двадцать лет до Гражданской войны, — объяснял Майк. — Их называли «дурашки», и люди посылали их друг другу. Знаете, как шутки в «Мэде»*.

— Са-а-атира, — уточнил Билл.

— Да, — кивнул Майк, — но теперь посмотрите в нижний угол.

Картинка напоминала «Мэд» и в другом — множеством деталей и побочными шутками, как на карикатурах на фильмы на развороте Морта Дракера**. В углу улыбающийся толстяк выливал стакан пива в пасть пятнистой собаке. Женщина сидела на пятой точке посреди лужи. Двое мальчишек приклеивали спички с серной

* «Мэд» — юмористический журнал, основанный в 1952 г.

** Дракер, Морт (р. 1929) — известный американский карикатурист.

головкой к подошвам туфель процветающего бизнесмена, девушка, которая шла на каблуках, споткнулась, и ее бросило на вяз, да так, что из-под юбки показались панталоны. Но, несмотря на обилие деталей, все сразу и без помощи Майка поняли, на кого нужно смотреть. Одетый в яркий клетчатый костюм-тройку коммивояжера, клоун играл в наперстки с пьяными лесорубами. Он подмигивал одному из них — судя по удивленно отвисшей челюсти, только что указавшему не на тот наперсток. И коммивояжер-клоун забирал у него монетку.

— Опять он, — выдохнул Бен. — И что — на сто лет позже?

— Примерно, — ответил Майк. — А это картинка из 1891 года.

Это была вырезка с первой страницы «Дерри ньюс». Заголовок радостно восклицал: «**УРРА! МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ РАБОТАЕТ!**» И ниже, более мелкими буквами: «*Весь город пришел на пикник*». Картинка, еще одна гравюра на дереве, запечатлела церемонию разрезания ленточки при открытии Металлургического завода Китчнера; по стилю она напомнила Биллу репродукции издательства «Карриер-энд-Айвс», которыми его мать украсила гостиную, хотя сильно уступала в качестве. Мужчина в сюртуке и цилиндре держал большие раскрытые ножницы над ленточкой, натянутой перед воротами Металлургического завода, толпа, человек пятьсот, наблюдала. Слева клоун — их клоун — ходил колесом для группы детей. Автор гравюры запечатлел его головой вниз, превратив улыбку в крик.

Майк быстро передал альбом Ричи.

За гравюрой на дереве последовала фотография, под которой Уилл Хэнлон написал: «1933: Отмена* в Дерри». И хотя никто из них практически ничего не знал ни о законе Вольстида**, ни о его отмене, фотография говорила сама за себя. Она запечатлела «Источник Уиллиса» на Адских пол-акра. Зал чуть ли не до потолка заполняли мужчины в белых рубашках с отложными воротниками, в соломенных шляпах, в лесорубских рубашках, в футболках, в деловых костюмах. Все с победоносным видом держали в руках стаканы и бутылки. Окно-витрину украшали две большие надписи: «С ВОЗВРАЩЕНИЕМ, ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО» и «СЕГОДНЯ ПИВО БЕСПЛАТНО». Клоун, одетый, как самый крутой денди (белые туфли,

---

* Подразумевается отмена «сухого закона».

** Закон Вольстида — «сухой закон», принятый Конгрессом в 1919 г.

гетры, гангстерские брюки) поставил одну ногу на подножку автомобиля «Рэо» и пил шампанское из женской туфельки с высоким каблуком.

— Тысяча девятьсот сорок пятый год, — сказал Майк.

Снова «Дерри ньюс». Заголовок: «ЯПОНИЯ СДАЕТСЯ — ВСЕ ЗАКОНЧЕНО! СЛАВА БОГУ, ВСЕ ЗАКОНЧЕНО!» Парад змеей извивался по Главной улице в направлении холма Подъем-в-милю. И на заднем плане они видели клоуна, в серебристом костюме с оранжевыми пуговицами, застывшего в россыпи точек на крупнозернистом газетном фотоснимке, предполагающего (во всяком случае, для Билла), что ничего не закончено, никто не сдался, никто не победил, все по нулям по-прежнему правило, дуля с маком по-прежнему обычай; и исходить надо бы из того, что все по-прежнему потеряно.

Билл похолодел, во рту пересохло, его охватил испуг.

Внезапно точки на фотоснимке исчезли, и он пришел в движение.

— Так это... — начал Майк.

— С-с-смотрите. — Слово вылетело изо рта Билла, как частично растаявший ледяной кубик. — В-все с-с-смотрите н-на э-это!

Они сгрудились вокруг альбома.

— Господи! — прошептала Беверли, потрясенная увиденным.

— Это ОНО! — Ричи чуть не кричал, от волнения молотя Билла по спине. Он повернулся, посмотрел на бледное напряженное лицо Эдди, на застывшего Стэна Уриса. — Именно это мы видели в комнате Джорджа! Именно это...

— Ш-ш-ш, — оборвал его Бен. — Послушайте. — И, чуть не плача, добавил: — Их слышно... Господи, их слышно оттуда.

И в тишине, которая нарушалась только шелестом листьев под летним ветерком, они все осознали, что действительно слышно. Оркестр играл какой-то военный марш, едва различимый и далекий... то ли из-за расстояния... то ли из-за прошедших лет... то ли причина крылась в чем-то еще. Радостные возгласы толпы напоминали голоса, которые доносятся из радиоприемника, у которого сбита настройка. Слышались и какие-то хлопки, очень слабые, словно кто-то щелкал пальцами.

— Фейерверки, — прошептала Беверли, потерла глаза трясущимися руками. — Это фейерверки, да?

Никто не ответил. Все, глазами в пол-лица, смотрели на движущуюся картинку.

Парад направлялся к ним, но перед тем, как его участники выходили на самый передний план и следующим шагом переступали бы из картинки в мир, отстоящий от них на тринадцать лет... они исчезали, словно скрывались за невесть откуда возникшим поворотом. Сначала солдаты Первой мировой войны, с такими старыми лицами под касками, напоминающими тарелки для супа, вместе с плакатом «ВЕТЕРАНЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ДЕРРИ ПРИВЕТСТВУЮТ ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ НАШИХ ХРАБРЫХ ПАРНЕЙ», потом бойскауты, киванианцы*, Ассоциация медсестер тыла, христианский оркестр Дерри, ветераны Второй мировой Дерри, наконец, оркестр средней школы. Толпа бурлила. Из окон вторых и третьих этажей офисных и административных зданий летели разматывающиеся цветные бумажные ленты и конфетти. Клоун пританцовывал по тротуару, вставал на руки, ходил колесом, имитировал снайпера, имитировал салют. И Билл впервые обратил внимание, что люди отворачивались от него — но не потому, что видели, не по этой причине; скорее ощущали движение воздуха или какой-то неприятный запах.

Только дети действительно видели его и подавались назад.

Бен протянул руку к картинке, совсем как Билл в комнате Джорджа.

— Не-е-е-ет! — закричал Билл.

— Я думаю, все нормально, Билл, — успокоил его Бен. — Смотри. — И он на мгновение положил руку на защитную пластиковую пленку, лежавшую поверх картинки, а потом убрал. — Но если пленку снять...

Беверли вскрикнула. Клоун прекратил свои кульбиты, как только Бен убрал руку. Поспешил к ним, его нарисованный кровавой краской рот дергался и смеялся. Билл отпрянул, но альбом держал крепко, думая, что клоун исчезнет вместе с парадом, оркестром, бойскаутами и кабриолетом «кадиллак», в котором ехала «Мисс Дерри» 1945 года.

Но клоун не исчез за поворотом, который находился на самом краю фотоснимка. Вместо этого он невероятно быстро вскарабкался на фонарный столб, который возвышался в левом углу. Свесился с него, как обезьяна с ветки, и внезапно его лицо прижалось к защитной пластиковой пленке, которую Уилл Хэнлон натянул по-

* Киванианцы — члены общественной организации «Киванис интернейшнл».

верх всех страниц альбома. Беверли вновь вскрикнула, на сей раз к ней присоединился Эдди, хотя его крик, почти что неслышный, больше напоминал выдох. Пластик выгнулся — потом они все признали, что это видели. Билл заметил, как чуть расплющился красный нос клоуна, точно так же, как расплющивается нос, если прижимаешься к оконному стеклу.

— Я убью вас всех! — Клоун смеялся и кричал. — Попытайтесь только остановить меня, и я убью вас всех! Сведу вас с ума, а потом убью! Вы не сможете остановить меня! Я — Пряничный человечек! Я — Подросток-оборотень!

И на мгновение Оно превратилось в подростка-оборотня, посеребренная луной морда человека-волка смотрела на них поверх воротника серебристого костюма, скаля белые зубы.

— Вы не сможете остановить меня, я прокаженный!

Морду волка сменило лицо прокаженного, страшное, с отслаивающейся кожей, с гниющими язвами, которое смотрело на них глазами живого трупа.

— Вы не сможете остановить меня, я — мумия!

Лицо прокаженного состарилось, пошло морщинами. Древние повязки наполовину размотались и свисали вниз. Бен отвернулся, побелел как снег, одна рука распласталась на шее и ухе.

— Вы не сможете остановить меня, я — мертвые мальчики!

— Нет! — выкрикнул Стэн Урис. Его глаза вылезли из орбит. «Потрясенная плоть», — вдруг подумал Билл, и эти слова он использует в романе двенадцать лет спустя, понятия не имея, откуда они взялись, просто использует, как писатели всегда используют нужное слово в нужное время, взяв его, как дар из дальнего космоса,

(*иного мира*)

откуда иной раз приходят нужные слова.

Стэн вырвал у него альбом и захлопнул. Держал, сжимая обеими руками, сухожилия вздулись на запястьях и предплечьях. Он оглядел остальных, и глаза его говорили о том, что он на грани безумия.

— Нет — повторил он. — Нет, нет, нет.

И внезапно Билл понял, что его в большей степени заботит состояние Стэна, его повторяющиеся отрицания, а не клоун, ему стало ясно, что именно такую реакцию клоун и надеялся спровоцировать, потому что...

«Потому что Оно, возможно, боится нас... действительно боится, впервые за свою долгую, долгую жизнь».

Он схватил Стэна и дважды тряхнул, сильно, держа за плечи. Зубы Стэна клацнули, он выронил альбом. Майк подобрал его и торопливо отложил в сторону, не желая прикасаться к нему после увиденного.

Но альбом принадлежал его отцу, и он интуитивно понимал, что отец никогда не увидит того, что только что видели они.

— Нет. — Стэн притих.

— Да, — возразил Билл.

— Нет, — стоял на своем Стэн.

— Да. М-мы...

— Нет.

— ...в-все э-это ви-идели, Стэн. — Билл оглядел остальных.

— Да, — кивнул Бен.

— Да, — кивнул Ричи.

— Да, — кивнул Майк. — Господи, да.

— Да, — кивнула Беверли.

— Да, — выдавил Эдди из своего быстро сжимающегося горла.

Билл посмотрел на Стэна, требуя, чтобы тот не отводил глаз.

— Не по-оддавайся, чел. Т-ты то-оже э-это видел.

— Я не хотел! — взвизгнул Стэн. Лоб покрывала пленка пота.

— Но т-ты ви-идел.

Стэн посмотрел на остальных, медленно переводя взгляд с одного на другого. Пробежался рукой по коротким волосам, с содроганием выдохнул. Но глаза очистились от безумия, которое так встревожило Билла.

— Да, — повторил он за всеми. — Да. Хорошо. Да. Этого ты хотел? Да.

«Мы по-прежнему все вместе, — подумал Билл. — *Оно нас не остановило. Мы по-прежнему можем убить Оно... если не струсим»*.

Билл оглядел остальных и в каждой паре глаз увидел какую-то часть истерики Стэна. Она присутствовала, пусть и не такая сильная.

— Д-да. — Он улыбнулся Стэну. Через мгновение улыбнулся и Стэн, и шок, отражавшийся на его лице, пусть и не полностью, но ушел. — Именно э-этого я и хо-отел, трусохвост.

— Бип-бип, придурок, — огрызнулся Стэн, и все рассмеялись. Истерически, визгливо, но Билл полагал, что лучше такой смех, чем никакой.

— Да ладно. — Он заговорил только потому, что кто-то должен был что-то сказать. — Да-авайте до-остроим к-клубный д-дом. Никто не п-против?

Он увидел благодарность в их глазах и порадовался за них... но их благодарность не могла изгнать охвативший его ужас. Более того, эта благодарность в какой-то степени вызвала у него даже ненависть к ним. Неужто ему суждено навсегда скрывать собственный ужас, чтобы не порушить те хрупкие узы, что делают их единым целым? Да и вообще, даже так думать нечестно, правда? Потому что в какой-то степени он использовал их — использовал своих друзей, рисковал их жизнями — чтобы отомстить за убитого брата. Но только ли в этом дело? Нет, потому что Джордж мертв, и Билл подозревал, что за него удалось бы отомстить только ценой жертв со стороны живых. И кем при таком раскладе выглядел он? Эгоистичным говнюком, который размахивал оловянным мечом и пытался изображать из себя короля Артура?

«*Господи,* — мысленно простонал он, — *если взрослым приходится постоянно думать о таком, я не хочу взрослеть*».

Его решимость не ослабела, но обрела привкус горечи.

Горечи.

Глава 15
Дымовая яма

1

Ричи Тозиер сдвигает очки к переносице (этот жест уже становится привычным, хотя последние двадцать лет он носил контактные линзы) и с изумлением думает о том, что атмосфера в комнате изменилась, пока Майк вспоминал происшествие с птицей на развалинах Металлургического завода Китчнера и они говорили об альбоме его отца с фотографиями и движущейся картинкой.

Ричи почувствовал, как комнату заполняет какая-то безумная, пьянящая энергия. За последнюю пару лет он девять или десять раз пробовал кокаин, в основном на вечеринках; если ты известный диджей, кокаин дома лучше не держать — и ощущения схожие, но не совсем. Чувство это было более чистым, более сильным. Ричи подумал, что оно знакомо ему по детству, когда он просыпался с ним каждый день и воспринимал как должное. И если, предполагал Ричи, ребенком он когда-нибудь задумывался об этом глубинном пласте энергии (он не мог вспомнить, задумывался ли), то просто счел его как нечто само собой разумеющееся, то, что всегда будет с тобой, как цвет глаз или отвратительно искривленные пальцы ног.

Что ж, как выяснилось, это неправда. Энергия, которую ты бодро выкачивал ребенком, энергия, которая, как тебе казалось, никогда не закончится, иссякла между восемнадцатью и двадцатью четырьмя годами, уступила место чему-то гораздо более скучному, такому же фальшивому, как кокаиновый кайф: целеустремленности, возможно, или намерениям, или какому-то другому умному сло-

ву из лексикона Молодежной торговой палаты. Происходило это незаметно — не разом, как раскат грома. И возможно, думал Ричи, это-то и пугало больше всего. Ты не мог перестать быть ребенком мгновенно, с громким взрывным «ба-бах», как взрывались эти клоунские воздушные шары с надписями а-ля «Бирма-Шейв». Ребенок медленно выходил из тебя, как воздух из проколотой шины. И однажды, подойдя к зеркалу, ты обнаруживал, что на тебя смотрит взрослый. Ты мог по-прежнему носить синие джинсы, ходить на концерты Спрингстина и Сигера, красить волосы, но из зеркала на тебя все равно смотрело лицо взрослого. И происходили эти изменения, пока ты спал, возможно, как визиты Зубной феи**.*

«Нет, — думает Ричи. — Не Зубной феи. Феи взросления».

Он громко смеется — забавный, однако, образ, — и когда Беверли вопросительно смотрит на него, машет рукой.

— Не обращай внимания, крошка, — говорит он. — Подумал тут о своем.

Но теперь эта энергия снова здесь. Нет, еще не вся — пока не вся, — но возвращается. И речь не только о нем. Он чувствует, как энергия эта наполняет комнату. Ричи думает, что и Майк выглядит тип-топ, впервые с того момента, как они собрались на тот ужасный ленч в ресторане у Торгового центра. Войдя в вестибюль и увидев Майка, сидящего с Беном и Эдди, Ричи с ужасом подумал: «Этот человек сходит с ума, похоже, он готовится покончить с собой». Но теперь ничего такого нет и в помине. Не то чтобы отступило на второй план — просто ушло. Ричи сидел рядом и наблюдал, как остатки этого безумия соскользнули с лица Майка, когда он «оживлял» воспоминания о птице и альбоме. Теперь его подпитывала та самая энергия. То же самое он мог сказать и об остальных. Это чувствовалось по выражению лиц, голосам, жестам.

Эдди наливает себе еще один стаканчик джина и сливового сока. Билл выпивает бурбон. Майк открывает новую банку пива. Беверли поднимает голову, смотрит на воздушные шарики, которые Билл привязал к аппарату для просмотра микрофильмов, стоящему на столе библиотекарей в общем зале, и торопливо добивает третью

---

* «Бирма-Шейв» — американская компания по производству крема для бритья. Проводила громкие рекламные компании.

** Зубная фея — сказочный персонаж, который дает детям деньги или подарки за выпавший молочный зуб. Его кладут под подушку, и фея берет молочный зуб и заменяет деньгами, как только ребенок засыпает.

«отвертку». Они все пьют и пьют, но никто не пьянеет. Ричи не знает, из какого источника поступает энергия, которую он ощущает, но точно не из бутылок или банок со спиртным.

«НИГГЕРЫ ДЕРРИ — В АУТЕ»*: синие шарики.*

«НЕУДАЧНИКИ ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРОИГРЫВАЮТ, НО СТЭНЛИ УРИС НАКОНЕЦ-ТО ВЫРВАЛСЯ ВПЕРЕД»*: оранжевые.*

Ричи думает, открывая банку пива: «Мало того, что Оно может обратиться в любого чертова монстра по своему выбору. Мало того, что Оно использует наши страхи. Так теперь Оно еще и Родни Дэнджерфилд в женском наряде».*

Нарушает паузу Эдди.

— И сколь много знает Оно о том, что мы сейчас делаем? — спрашивает он.

— Оно здесь побывало, так? — говорит Билл.

— Не уверен, что это имеет какое-то значение, — отвечает Эдди.

Билл кивает:

— Это всего лишь виртуальные образы. Означают ли они, что Оно может видеть нас, знать, что мы делаем? Я в этом сомневаюсь. Мы можем видеть ведущего выпуска новостей на экране телевизора. А он нас — нет.

— Эти шарики не просто виртуальные образы, — Беверли тычет большим пальцем за плечо. — Они настоящие.

— Если на то пошло, это так, — подает голос Ричи, и все смотрят на него. — Образы — настоящие. Конечно, настоящие. Они...

И внезапно что-то еще встает на место, что-то новое. Еще одно воспоминание возвращается с такой силой, что он зажимает уши руками. А глаза за стеклами очков широко раскрываются.

— Боже мой! — восклицает Ричи. Хватается за стол, приподнимается, вновь плюхается на стул с громким шлепком. Сшибает банку пива, слишком резко потянувшись к ней, поднимает, выпивает то, что в ней осталось. Смотрит на Майка, а остальные удивленно и озабоченно смотрят на него.

— Жжет! — Он почти кричит. — Жжет в глазах! Майк! В глазах жжет...

Майк кивает, чуть улыбается...

---

* Родни Дэнджерфилд (1921—2004, настоящее имя Джейкоб Коэн) — известный американский комик.

— Ри-и-ичи? — спрашивает Билл. — Ты о ч-чем?

Но Ричи почти не слышит его. Воспоминание прокатывается по нему приливной волной, бросая то в жар, то в холод, и внезапно он понимает, что воспоминания возвращаются одно за другим, по очереди. Если б он вспомнил все сразу, эффект не отличался бы от выстрела психологического помпового ружья, поднесенного к виску. Ему бы сорвало крышу.

— Мы видели приход Оно, — говорит он Майку. — Мы видели, как Оно пришло, так? Ты и я... или только я? — Он хватает руку Майка, которая лежит на столе. — Ты тоже это видел, Майки, или только я? Ты видел? Лесной пожар? Кратер?

— Я видел, — ровным голос отвечает Майк и сжимает руку Ричи. Тот на мгновение закрывает глаза, думая, что за всю жизнь не испытывал такого облегчения, даже в тот раз, когда самолет, на котором он летел из Лос-Анджелеса в Сан-Франциско съехал с взлетной полосы и просто остановился. Никто не погиб, никто не получил травм. Часть багажа вывалилась из верхних полок, только и всего. Он прыгнул на желтый аварийный надувной трап, внизу помог женщине отойти от самолета. Она подвернула лодыжку, споткнувшись о бугорок, скрытый высокой травой. Она смеялась и причитала: «Не могу поверить, что я не мертва, не могу поверить, просто не могу поверить». На что Ричи — одной рукой он почти нес женщину, а другой махал пожарным, которые подзывали к себе появляющихся из самолета пассажиров — ответил: «Ладно, ты мертва, ты мертва, ты мертва, теперь тебе полегчало?» — И они оба закатились безумным смехом... но такого сильного облегчения, как сейчас, он тогда не ощутил.

— О чем это вы? — спрашивает Эдди, переводя взгляд с одного на другого.

Ричи смотрит на Майка, но тот качает головой:

— Излагай, Ричи. Я на сегодня наговорился.

— Вы не знаете, а может, не помните, потому что вы ушли, — говорит им Ричи. — Мы с Майки остались, последние два индейца в дымовой яме.

— В дымовой яме, — задумчиво повторяет Билл. Взгляд его синих глаз устремлен куда-то вдаль.

— Жжение в глазах под контактными линзами, — продолжает Ричи. — Впервые я его ощутил сразу после звонка Майка в Калифорнию. Тогда я не знал, что это такое, а теперь знаю. Дым. Дым двад-

цатисемилетней давности. — Он смотрит на Майка. — Это что-то психологическое, как, по-твоему? Психосоматическое? Подсознательное?

— Не думаю, — спокойно отвечает Майк. — По-моему, твои ощущения столь же реальны, как эти шарики, как голова, которую я увидел в холодильнике, или труп Тони Трекера, который видел Эдди. Расскажи им, Ричи.

— Случилось это через четыре или пять дней после того, как Майк принес в Пустошь альбом своего отца. Наверное, как раз пошла вторая половина июля. Клубный дом мы уже построили. Но... эта дымовая яма — твоя идея, Стог. Ты почерпнул ее из какой-то книги.

Улыбаясь, Бен кивает.

Ричи думает: «День выдался пасмурным. Ни ветерка. В воздухе пахло грозой. Как и в другой день, где-то месяц спустя, или около того, когда мы стояли в воде, образовав круг, и Стэн резал нам руки осколком бутылки из-под колы. Воздух застыл в предвкушении чего-то такого, что должно случиться, и Бен еще сказал, что в клубном доме так быстро стало совсем плохо именно из-за отсутствия тяги».

17 июля. Да, именно он, день дымовой ямы. 17 июля, почти через месяц после того, как начались летние каникулы и в Пустоши сформировалось ядро Клуба неудачников — Билл, Эдди и Бен. «Позвольте взглянуть прогноз погоды на тот день почти двадцать семь лет назад, — думает Ричи, — и я скажу, что там написано, еще прежде, чем его прочитаю: Ричи Тозиер, он же Великий прорицатель. «Жарко, влажно, вероятность гроз». И опасайтесь видений, которые могут прийти, пока вы внизу, в дымовой яме...»

Это случилось через два дня после того, как нашли тело Джимми Каллума, через день после того, как мистер Нелл вновь пришел в Пустошь и сидел на клубном доме, не зная, что под ним, потому что они уже настелили крышу, и Бен самолично проследил за укладкой кусков дерна. Обнаружить, что внизу что-то есть, можно было только одним способом: проползти вокруг, опустившись на четвереньки. Клубный дом, как и плотина, стал триумфом Бена, но об этом достижении мистер Нелл остался в полном неведении.

Он допрашивал их подробно, официально, записывал ответы в блокнот с черной обложкой, но они мало что могли ему сказать — во всяком случае, о Джимми Каллуме — и мистер Нелл вновь ушел,

еще раз напомнив им, чтобы они не играли в Пустоши в одиночку... никогда. Ричи догадался, что мистер Нелл велел бы им выметаться отсюда, если бы кто-то в полицейском управлении Дерри действительно верил, что этого мальчика (или кого-то из детей) убили именно в Пустоши. Но копы прекрасно все понимали: останки заканчивали здесь свой путь в силу особенностей дренажной и канализационной систем Дерри.

Мистер Нелл приходил шестнадцатого, да, тоже в жаркий и влажный день, но солнечный, а вот семнадцатого небо затянули тяжелые облака.

— Ричи, ты собираешься рассказывать или нет? — спрашивает Бев. Она чуть улыбается полными бледно-розовыми губами, глаза ее сверкают.

— Просто думаю, с чего начать. — Ричи снимает очки, вытирает о рубашку, и внезапно понимает с чего: с того момента, как земля разверзлась у его и Билла ног. Разумеется, он знал о клубном доме — как и Билл, как и все остальные, но по-прежнему пугался, когда у ног внезапно появлялась черная дыра.

Он помнит, как Билл привез его на багажнике Сильвера к привычному месту на Канзас-стрит, а потом спрятал велосипед под маленьким мостом. Он помнит, как они вдвоем шагали по тропе к полянке, иногда протискиваясь боком, потому что кусты буквально смыкались друг с другом: была середина лета, и в Пустоши все бурно росло. Помнит, как отмахивался от комаров, которые жужжали у самых ушей, сводя с ума; даже помнит, как Билл сказал (как же ясно он помнит теперь, когда все вернулось, будто случилось это даже не вчера, а происходит прямо сейчас): «По-по-постой се-се...

2

— секундочку, Ри-и-ичи. У те-ебя на ш-шее сидит один че-ертовски бо-ольшой.

— Господи, — выдохнул Ричи. Комаров он ненавидел. Маленькие летающие вампиры, вот кто они, если придерживаться только фактов. — Убей его, Большой Билл.

Билл хлопнул Ричи по шее.

— О-ох!

— Ви-и-идишь?

Билл выставил руку перед лицом Ричи. Раздавленный комар лежал в середине пятна крови, красневшего на ладони. «*Моей крови*, — подумал Ричи, — *которая питье для тебя и многих других*».

— Да, — ответил он.

— Не во-олнуйся. Э-этот г-гаденыш у-уже ни-икогда не с-станцует та-анго. — Они пошли дальше, убивая комаров, отмахиваясь от туч мошкары, которую привлекала какая-то составляющая запаха их пота — нечто такое, что годы спустя назовут «феромонами». Чем бы они ни были.

— Билл, когда ты собираешься сказать остальным о серебряных пулях? — спросил Ричи, когда они подходили к полянке. В данном случае под остальными подразумевались Бев, Эдди, Майк и Стэн, хотя Ричи подозревал, что Стэн уже догадывался, почему они частенько бывают в библиотеке. Стэн быстро соображал что к чему, даже слишком быстро, иногда думал Ричи, что не всегда шло ему на пользу. В тот день, когда Майк принес в пустошь альбом отца, Стэн едва не дал дёру. Если на то пошло, Ричи почти не сомневался, что Стэна они больше не увидят, и Клуб неудачников станет секстетом (это слово Ричи очень нравилось, но обязательно с ударением на первый слог). Но на следующий день Стэн вернулся, и Ричи еще больше его зауважал. — Скажешь им об этом сегодня?

— Н-не се-егодня, — ответил Билл.

— Думаешь, они не сработают?

Билл пожал плечами, и Ричи, который, возможно, понимал Билла Денбро лучше, чем кто бы то ни было, пока в жизни последнего не появилась Одра Филлипс, догадался обо всем, что мог бы сказать сейчас Билл, если бы не препятствия на пути его речи: отлитые детьми серебряные пули годятся для книг, годятся для комиксов... Другими словами, это бред. Опасный бред. Они могут попытаться это сделать, да. У Бена Хэнскома, возможно, все получится, да. В кино они бы сработали, да. Но...

— Думаешь, нет?

— У меня есть и-и-идея, — ответил Билл. — Проще. Но если только Бе-е-еверли...

— Беверли — что?

— Не бе-ери в го-олову.

И больше по этому поводу Билл ничего не сказал.

Они вышли на поляну. Если приглядеться внимательнее, могло показаться, что трава здесь примята сильнее, чем везде, а лис-

тья и сосновые иглы словно набросаны на дерн специально. Билл поднял обертку от шоколадного кекса — почти наверняка брошенную Беном — и рассеянно сунул в карман.

Мальчишки подошли к центру поляны... и кусок земли, длиной в десять дюймов и шириной в три, отвалился в жутком скрипе петлей, открыв черную щель-окно. Из этой черноты выглядывали глаза, и у Ричи по спине пробежал холодок. Но это были всего лишь глаза Эдди, и всего лишь Эдди, которого неделей позже они навестят в больнице, прорычал голосом злого тролля:

— Кто идет по моему мосту?

Снизу донеслись смешки, вспыхнул ручной фонарик.

— Селяне, сеньор. — Ричи, присев на корточки, покручивая рукой воображаемый ус, заговорил Голосом Панчо Ванильи.

— Да? — откликнулась снизу Беверли. — Дайте взглянуть на ваши жетоны.

— Купоны? — радостно воскликнул Ричи. — Не нужны нам никакие блинские купоны.

— Пошел к черту, Панчо, — ответил Эдди и закрыл щель в земле. Снизу снова послышались приглушенные смешки.

— Выходите с поднятыми руками! — прокричал Билл хрипловатым, командным голосом. Принялся кружить по выложенной дёрном крыше клубного дома. Чувствовал, что дерн под его ногами пружинит, но чуть-чуть; крышу они построили крепкую. — У вас нет ни единого шанса! — кричал он, видя себя бесстрашным лосанджелесским полицейским Джо Фрайди*. — Выходите немедленно, сопляки. Не то я начну СТРЕЛЯТЬ!

И он подпрыгнул, чтобы подчеркнуть значимость своих слов. Снизу донеслись крики и смех. Билл улыбался, не замечая, как Ричи смотрит на него — по-умному, не как ребенок на ребенка, но — на краткий миг — как взрослый на ребенка.

«*Он не знает, что заикается не всегда*», — подумал Ричи.

— Давай впустим их, Бен, пока они не проломили крышу, — послышался голос Бев, и мгновение спустя потайная дверца откинулась, как люк субмарины. Показалось раскрасневшееся лицо Бена — Ричи сразу понял, что Бен сидел рядом с Беверли.

Билл и Ричи спустились, Бен закрыл дверцу. Теперь они все сидели, привалившись спинами к дощатым стенам, подтянув колени к груди, лица тускло подсвечивал фонарик Бена.

---

* Джо Фрайди — герой «Драгнета», популярного полицейского сериала.

— Т-так ч-что т-тут п-происходит? — спросил Билл.

— Ничего особенного, — ответил Бен. Он действительно сидел рядом с Беверли, и лицо его не только раскраснелось, но и светилось от счастья. — Мы просто...

— Расскажи им, Бен, — прервал его Эдди. — Расскажи им эту историю! Поглядим, что они скажут!

— Для твоей астмы пользы от этого не будет, — предупредил Стэн голосом единственного-здесь-здравомыслящего-человека.

Ричи сидел между Майком и Беном, обхватив колени сцепленными руками. Внизу царила восхитительная прохлада. Восхитительная таинственность. Следуя взглядом за лучом фонарика, скользящего от лица к лицу, он на время забыл испуг, который пару минут назад вызвала у него внезапно открывшаяся в земле щель.

— О чем вы говорите?

— Бен рассказывал нам об одном индейском обряде, — ответила Бев. — Но Стэн прав, для твоей астмы, Эдди, пользы от этого не будет.

— А может, ничего страшного и не случится. — В голосе Эдди слышалась только легкая тревога, что Ричи, конечно же, заценил. — Обычно она беспокоит меня, если я разволнуюсь. В любом случае мне хотелось бы поучаствовать.

— По-о-оучаствовать в ч-чем? — спросил Билл.

— В обряде «Дымовая яма», — ответил Эдди.

— И ч-что э-это та-акое?

Луч фонаря Бена ушел наверх, взгляд Ричи последовал за ним. И пока луч бесцельно кружил по деревянной крыше, Бен рассказывал про обряд. Луч пересекал выдолбленные и расколотые панели двери из красного дерева, которую они всемером притащили со свалки тремя днями раньше — за день до того, как копы нашли тело Джимми Каллума. О Джимми, тихом, маленьком мальчике, который тоже носил очки, Ричи помнил одно: в дождливые дни тот любил играть в скрэббл. «*Больше ему в скрэббл не сыграть*», — подумал Ричи и содрогнулся. В сумраке клубного дома никто этого не увидел, но Майк Хэнлон, сидевший с ним плечом к плечу, с любопытством на него посмотрел.

— Эту книгу я взял в библиотеке на прошлой неделе, — начал Бен. — Она называется «Призраки Великих равнин» — об индейских племенах, которые жили на западе сто пятьдесят лет назад. Пайюты, пауни, кайова, ото, команчи. Правда хорошая книга. Мне

хотелось бы как-нибудь поехать туда, где они жили. В Айову, Небраску, Колорадо, Юту...

— Заткнись и расскажи об обряде «Дымовая яма». — Беверли ткнула его в бок локтем.

— Конечно, — кивнул Бен. — Хорошо. — И Ричи не сомневался, что ответ Бена не изменился бы, если б Бев ткнула его локтем и сказала: «Выпей этот яд прямо сейчас, Бен». — Видите ли, практически у всех этих племен существовал особый обряд, и наш клубный дом напомнил мне о нем. Если им предстояло принять важное решение — то ли двинуться вслед за стадами бизонов, то ли найти новый источник чистой воды, то ли вступить в бой или заключить мир с врагами, они вырывали в земле большую яму и накрывали ветвями, оставляя маленькое вентиляционное отверстие.

— Ды-ы-ымовую яму, — уточнил Билл.

— Твой острый ум не перестает изумлять меня, Большой Билл, — произнес Ричи ну очень серьезным голосом. — Тебе пора участвовать в «Двадцати одном»*. Готов спорить, ты побьешь старину Чарли ван Дорена.

Билл сделал вид, будто собирается ударить его, и Ричи отпрянул, крепко приложившись головой к подкосу.

— Черт!

— Ты этого заслужил, — вынес вердикт Билл.

— Я упью тепя, мерский гринго, — заверещал Ричи. — Нам не нушны никакие вонюсие...

— Может, хватит, парни? — вмешалась Беверли. — Это интересно. — И одарила Бена очень теплым взглядом. Ричи тут же подумал, что из ушей Стога через пару минут повалит пар.

— Хо-орошо, Бен, — кивнул Билл. — М-мы с-слушаем.

— Конечно, — просипел Бен. Ему пришлось откашляться, прежде чем он сумел продолжить. — Подготовив дымовую яму, они разжигали внизу костер. Использовали зеленые ветки, чтобы дыма было побольше. Потом все индейские воины спускались в яму и садились вокруг костра. В книге написано, что это был религиозный обряд, но одновременно и поединок, понимаете? Где-то через полдня большинство воинов вылезали из ямы, потому что не выдерживали дыма, и оставались только двое или трое. Им открывались видения.

---

* «Двадцать одно» — телевикторина, вышедшая в эфир в конце 1950-х гг.

— Да, если я буду дышать дымом пять или шесть часов, у меня скорее всего тоже начнутся видения, — заметил Майк, и все рассмеялись.

— Предполагалось, что видения подскажут племени, что нужно делать, — продолжил Бен. — Я не знаю, правда это или нет, но в книге написано, что в большинстве случаев видения подсказывали правильное решение.

В клубном доме воцарилась тишина, и Ричи посмотрел на Билла. А потом до него дошло, что они все смотрят на Билла, и возникло ощущение — опять, — что история Бена о дымовой яме не просто любопытная информация, которую ты узнаешь из книги, а потом пытаешься повторить, вроде химического эксперимента или трюка фокусника. Он это знал, и все это знали. Возможно, Бен понял это даже до того, как начал рассказывать. История эта — руководство к действию.

Им должны открыться видения... в большинстве случаев видения подсказывали правильное решение.

Ричи подумал: *«Готов спорить, если б мы спросили его, Стог ответил бы, что книга буквально прыгнула ему в руки. Словно что-то хотело, чтобы он прочитал именно эту книгу и рассказал нам об обряде «Дымовая яма». Потому что здесь собралось племя, так? Да. Мы. И да, нам нужно знать, что случится дальше».*

Эта мысль привела к другой: *«Предполагалось, что это случится? Должно было случиться с того самого момента, как Бен указал, что подземный клубный дом лучше дома на дереве? И что из этого мы придумали сами, а о сколь многом подумали за нас?»*

Ему казалось, что мысль эта в определенном смысле даже греет. Приятно осознавать, что есть нечто больше тебя, умнее, и это нечто думает за тебя, как взрослые готовят тебе еду, покупают одежду, планируют твое время, и Ричи не сомневался: сила, которая свела их вместе, которая использовала Бена, чтобы тот рассказал им о дымовой яме, — совсем не та сила, что убивала детей. Эта сила противостояла другой... противостояла

(*да ладно, ты можешь это сказать*)

Оно. И тем не менее ему не нравилось, что он не контролирует свои действия, что его направляют, используют.

Они все смотрели на Билла; ждали, что скажет Билл.

— А ч-что, и вп-п-рямь к-круто.

Беверли выдохнула, Стэна передернуло... и все.

— И вп-п-рямь к-круто, — повторил Билл, глядя на руки, и, возможно, причину следовало искать в тусклом свете фонарика, который держал Бен или в собственном воображении, но у Ричи сложилось впечатление, что Билл чуть побледнел и выглядит очень испуганным, пусть и улыбается. — Может, это ви-идение по-одскажет нам, ч-что де-елать с на-ашей п-п-п-проблемой.

«*Если кому-то и будет видение, так это Биллу*», — подумал Ричи, но тут он как раз и ошибся.

— Конечно, там написано, что срабатывает такое только для индейцев, но попробовать будет интересно.

— Да, скорее всего мы отключимся от дыма и умрем здесь, — мрачно предрек Стэн. — Это действительно будет интересно, будьте уверены.

— Ты не хочешь этого делать, Стэн? — спросил Эдди.

— Скорее хочу. — Стэн вздохнул. — Боюсь, из-за вас у меня едет крыша, понимаете? — Он повернулся к Биллу. — Когда?

— Се-ейчас. Ло-ови мо-омент, т-так?

В клубном доме повисла ошарашенная, раздумчивая тишина. Потом Ричи поднял руки, откинул дверцу и впустил тусклый свет застывшего летнего дня.

— Топорик при мне. — Бен вылез из клубного дома следом за ним. — Кто поможет мне нарубить ветки?

В итоге помогали все.

3

На подготовку ушел час. Они принесли четыре или пять охапок зеленых веток, с которых Бен обрубил все сучки и ободрал все листья.

— Дым они дадут, — заявил он. — Не знаю только, удастся ли нам их разжечь.

Беверли и Ричи спустились на берег Кендускига и принесли кучу больших камней, использовав вместо мешка куртку Эдди (мать всегда заставляла его брать с собой куртку, даже если температура воздуха превышала двадцать пять градусов: может пойти дождь, говорила миссис Каспбрэк, и если у тебя будет куртка, она не даст тебе промокнуть до нитки).

— Ты в этом участвовать не сможешь, Бев, — заметил Ричи, когда они несли камни к клубному дому. — Ты девочка. Бен говорил, что только воины спускались в дымовую яму — не скво.

Беверли остановилась, посмотрела на Ричи, во взгляде читались удивление и раздражение. Прядь волос выбилась из конского хвоста. Беверли выпятила нижнюю губу и сдула прядь со лба.

— Я могу уложить тебя на лопатки, когда захочу, Ричи. И ты это знаешь.

— Это не вашно, мисс Скавлетт! — Ричи округлил глаза. — Ты все равно девочка, и всегда будешь девочкой! Ты не индейский воин!

— Тогда я буду воинессой, — ответила Беверли. — Так мы несем эти камни к клубному дому или мне посмотреть, как они будут отскакивать от твоего сраного кумпола?

— Помилуйте, мисс Скавлетт! — заорал Ричи. — Нет никакого сральника в человеческом кумполе.

Беверли так смеялась, что выронила свой край куртки, и камни высыпались. Она бросала на Ричи мрачные взгляды, пока они собирали камни, а Ричи шутил, кричал на разные Голоса и думал, какая же она красавица.

Хотя Ричи шутил, говоря о том, что в дымовую яму вход ей заказан по половому признаку, Билл Денбро придерживался того же мнения, но уже на полном серьезе.

Она стояла перед ним, подбоченившись, ее щеки пылали от злости.

— Можешь взять эти слова и запихнуть длинной палкой сам знаешь куда, Заика Билл! Я в этом тоже участвую, или я уже не член вашего вшивого клуба?

— Де-дело н-не в э-этом, Бе-Бе-Бев, и т-ты э-это зна-а-аешь, — терпеливо пытался объяснить он. — Кто-то должен остаться на-наверху.

— Почему?

Билл попытался ответить, но голосовые связки его не слушались. Он посмотрел на Эдди, прося помощи.

— Стэн это уже говорил. Насчет дыма. Билл думает, что такое возможно. Мы можем отключиться, сидя там, внизу. И умрем. Билл говорит, что именно это происходит с людьми при пожарах. Они не сгорают. Они задыхаются от дыма. Они...

Теперь она повернулась к Эдди:

— Хорошо. Он хочет, чтобы кто-то остался наверху на случай беды?

Несчастный Эдди кивнул.

— Так почему не ты? Астма-то у тебя.

Эдди промолчал. Она вновь повернулась к Биллу. Остальные стояли вокруг, сунув руки в карманы, разглядывая свои кроссовки.

— Причина в том, что я девочка, так? Это настоящая причина, да?

— Бе-е-е-е...

— Можешь ничего не говорить, — фыркнула она. — Только кивни или покачай головой. Башка твоя не заикается, так? Причина в том, что я девочка?

Билл нехотя кивнул.

Она долго смотрела на него, губы задрожали, и Ричи подумал, что она сейчас заплачет. Вместо этого Беверли взорвалась.

— Да на хер вас всех! — Она поворачивалась, глядя на каждого, и они подавались назад под ее взглядом, словно он обжигал. — На хер вас всех, если вы думаете то же самое! — Она опять посмотрела на Билла и заговорила быстро, бомбардируя его словами: — Это больше, чем паршивая детская игра вроде салочек, войны или пряток, и ты это знаешь, Билл. Нам надо это сделать. Это часть игры. И ты не должен исключать меня только потому, что я девочка. Понимаешь? Тебе лучше это понять, иначе я уйду прямо сейчас. А если я уйду, то совсем. Навсегда. Ты понимаешь?

Она замолчала. Билл смотрел на нее. Он, похоже, успокоился, но Ричи охватил страх. Он подумал, что они могут лишиться шанса (если он у них и был) найти способ добраться до твари, которая убила Джорджи Денбро и других детей, добраться до Оно и убить Оно. «*Семь*, — думал Ричи, — *это магическое число. Нас должно быть семеро. Только так, а не иначе*».

Где-то запела птица; замолчала; запела вновь.

— Хо-о-орошо. — Ричи облегченно выдохнул. — Но к-к-кто-то должен остаться на-аверху. Кто хо-очет?

Ричи думал, что Эдди или Стэн наверняка вызовутся добровольцами, но Эдди ничего не сказал. И Стэн молчал, бледный и насупленный. Майк сунул большие пальцы за ремень, как Стив Маккуин в сериале «Взять живым или мертвым», и двигались только его глаза.

— Ну, ч-ч-что же вы? — добавил Билл, и Ричи понял, что теперь все серьезно — к этому подвели страстная речь Бев и суровое,

слишком взрослое лицо Билла. Обряд этот — еще один шаг на их пути, возможно, такой же опасный, как его с Биллом экспедиция в дом 29 по Нейболт-стрит. Они это знали... и никто не отступился. Внезапно Ричи почувствовал, что очень гордится ими, очень гордится, что он среди них. После стольких лет, когда его не брали в расчет, теперь он вошел в число главных действующих лиц. Наконец-то без него не могли обойтись. Он не знал, остаются они неудачниками или нет, но в том, что они единое целое, сомнений не было. Они друзья. Чертовски близкие друзья. Ричи снял очки и энергично протер стекла подолом рубашки.

— Я знаю, что делать. — С этими словами Бев достала из кармана книжицу спичек. Переднюю обложку украшали фотографии (такие маленькие, что рассмотреть их без увеличительного стекла не представлялось возможным) претенденток на титул «Мисс Рейнгольд»* 1958 года. Беверли зажгла одну спичку и тут же ее задула. Оторвала еще шесть и добавила к сгоревшей. Встала к ним спиной, а потом повернулась лицом, держа правую руку перед собой. Из сжатого кулака торчали белые концы семи спичек. — Тяните. — Она сунула руку Биллу под нос. — Тот, кому достанется сгоревшая спичка, останется наверху и вытащит остальных, если они начнут давать дуба.

Билл встретился с ней взглядом.

— Т-так в-вот че-его т-ты хо-очешь?

Она улыбнулась, и от этой улыбки ее лицо сделалось ослепительно красивым.

— Да, большой болван, именно этого я и хочу. А как насчет тебя?

— Я лю-ю-юблю тебя, Б-Бев, — ответил Билл, и ее щеки запламенели.

Билл же этого вроде бы и не заметил. Он внимательно изучал концы спичек, торчащие из ее сжатого кулака и наконец потянул за один. Ему досталась спичка с синей, несгоревшей головкой. Бев повернулась к Бену и предложила выбрать одну из шести оставшихся.

---

* «Мисс Рейнгольд» — ежегодный конкурс, который проводила пивоваренная компания «Рейнгольд бир». Любители пива выбирали девушку, которая в следующем году становилась «Лицом компании», изображалась на всех рекламных щитах и плакатах, а также на этикетках. Последнюю «Мисс Рейнгольд» того периода выбрали в 1964 г.

— Я тоже люблю тебя, — просипел Бен. Лицо обрело цвет спелой сливы, казалось, его сейчас хватит удар. Но никто не рассмеялся. Где-то в глубинах Пустоши опять запела птица. «*Стэн может сказать, какая именно*», — рассеянно подумал Ричи.

— Спасибо, — улыбнулась Бев, и Бен вытянул спичку. С синей головкой.

Она предложила спички Эдди. Тот улыбнулся, очень застенчиво, невероятно нежной и такой ранимой улыбкой:

— Что ж, я тоже люблю тебя, Бев, — и наобум вытянул спичку. С синей головкой.

Оставшиеся четыре спичечных конца в сжатом кулаке Бев протянула Ричи.

— Ах, как ше я лублу вас, мисс Скавлет! — проорал Ричи во всю мощь своих легких, рассылая губами воздушные поцелуи. Беверли лишь смотрела на него, чуть улыбаясь, и Ричи вдруг охватил стыд. — Я правда люблю тебя, Бев. — Он коснулся рукой ее волос. — Ты крутая.

— Спасибо, — ответила она.

Он вытащил спичку и посмотрел в полной уверенности, что ему досталась сгоревшая. Он ошибся.

Беверли предложила спички Стэну.

— Я люблю тебя. — С этими словами он вытащил спичку из ее кулака. С синей головкой.

— Ты или я, Майк. — Она повернулась к Майку, предлагая вытащить одну из двух оставшихся.

Он шагнул к ней.

— Я не так хорошо знаю тебя, чтобы любить, но все равно люблю. Наверное, ты могла бы преподать моей матери уроки крика.

Все рассмеялись, и Майк вытащил спичку. Тоже несгоревшую.

— Похоже, о-оста́ваться в-все ра-авно те-ебе, Бев, — указал Билл.

Смущенная — столько шума, и все зря, — Беверли разжала кулак.

Все увидели, что и у последней спички синяя, несгоревшая головка.

— Т-ты по-одменила с-спички! — возмущенно воскликнул Билл.

— Нет. — Никакого негодующего протеста, что могло бы вызвать подозрения, только крайнее изумление. — Честное слово, не подменяла.

Потом она показала им свою ладонь. Они все увидели чуть заметное пятнышко сажи, оставленное сгоревшей спичечной головкой.

— Билл, матерью клянусь!

Билл еще пару секунд смотрел на нее, потом кивнул. По общему молчаливому согласию все семеро вернули спички Биллу. Семь штук, с синими головками. Стэн и Эдди принялись шарить по земле под ногами, но сгоревшей спички не нашли.

— Я не подменяла спичку, — повторила Беверли, ни к кому не обращаясь.

— Так что же нам теперь делать? — спросил Ричи.

— Мы в-в-все спустимся вниз, — ответил Билл. — Потому что и-именно э-это от нас т-требуется.

— А если мы все отключимся? — спросил Эдди.

Билл посмотрел на Беверли.

— Е-если Бе-е-ев го-оворит п-п-правду, а о-она го-оворит п-п-правду, не о-о-отключимся.

— Откуда ты знаешь? — спросил Стэн.

— З-знаю, и-и-и в-все.

Вновь запела птица.

4

Бен и Ричи спустились первыми, остальные начали передавать им камни. Ричи брал их и отдавал Бену, который выкладывал каменный круг на земляном полу клубного дома, по центру.

— Достаточно, — наконец решил Бен. — Этого хватит.

Остальные тоже спустились вниз, каждый с охапкой зеленых веток, порубленных топориком Бена. Последним — Билл. Он закрыл потайную дверцу и откинул закрепленное на петлях узкое окно.

— В-в-вот. Э-это на-аша ды-ымовая яма. У н-нас е-есть ра-астопка?

— Можете воспользоваться этим, если хотите. — Майк достал из кармана мятую книжку комиксов Арчи. — Я ее уже прочитал.

Билл одну за другой вырывал станицы, медленно и степенно. Другие сидели у стены, колено к колену, плечо к плечу, наблюдали, молчали. Напряжение нарастало.

Билл положил на бумагу маленькие веточки, посмотрел на Беверли:

— У те-е-ебя е-есть с-спички.

Она чиркнула одной, маленький желтый огонек вспыхнул в густом сумраке.

— Наверное, эта хрень все равно не загорится. — Ее голос слегка дрожал, и она поднесла спичку к бумаге в нескольких местах. Когда пламя почти добралось до пальцев, бросила спичку в середину маленького костра.

Потрескивая, взметнулись желтые языки пламени, выхватывая из сумрака их лица, с которых разом ушла напряженность, и в этот момент Ричи целиком и полностью поверил в правдивость индейской истории Бена, подумал, что так оно и было в те далекие дни, когда следовавшие за стадами бизонов (такими огромными, что от горизонта до горизонта покрывали землю, которая сотрясалась от их топота) индейцы знали о белом человеке только понаслышке или из легенд. В этот момент Ричи мог представить себе индейцев, кайова, или пауни, или как они там назывались, сидящих в дымовой яме, колено к колену, плечо к плечу, наблюдающих, как языки пламени вгрызаются в зеленое дерево, покрывая его горячими язвами, прислушиваясь к слабому, но устойчивому шипению сока, выпаривающегося из влажных веток, ожидая появления видения.

Да, сидя здесь, он мог во все это поверить... и глядя на серьезные лица своих друзей, которые пристально смотрели на языки пламени и обугливающиеся страницы, вырванные из комикса Арчи, принесенного Майком, Ричи видел, что они тоже в это верят.

Ветки занялись. Клубный дом начал заполняться дымом. Часть его, белая, как хлопковые дымовые сигналы в каком-нибудь вестерне с Рэндольфом Скоттом или Оди Мерфи, которые показывали по субботам, уходила через дымовое отверстие. Но, поскольку наверху воздух практически застыл, большая часть дыма оседала внизу. От его едкости жгло глаза и першило в горле. Ричи услышал, как дважды кашлянул Эдди, сухо, словно одна доска упала на другую... и вновь воцарилась тишина. «*Не следует ему тут быть*», — подумал он... но при этом чувствовал, что здесь Эдди самое место.

Билл подбросил новую порцию зеленых веточек в дымящийся костер и спросил тонким, совершенно не похожим на его привычный, голосом:

— У ко-ого-нибудь е-есть ви-идения?

— Я вижу, как мы вылезаем отсюда, — ответил Стэн Урис, и Беверли рассмеялась, но смех тут же перешел в приступ удушливого кашля.

Ричи откинул голову, привалился затылком к стене, посмотрел на дымовое отверстие, узкий прямоугольник матово-белого света. Подумал о статуе Пола Баньяна в тот мартовский день... но то был лишь мираж, галлюцинация

(*видение*)

— Дым меня добивает, — пожаловался Бен. — У-ф-ф!

— Так уходи, — пробормотал Ричи, не отрывая глаз от дымового отверстия. Он чувствовал, что берет ситуацию под контроль. Он чувствовал, что стал легче фунтов на десять. И точно чувствовал, что клубный дом прибавил в размерах. Раньше толстая правая нога Бена Хэнскома прижималась к его левой ноге, а костлявое плечо Билла Денбро упиралось в его правую руку. Теперь он не соприкасался ни с одним из них. Неторопливо глянул направо, потом налево, чтобы убедиться, что может доверять своим ощущениям, и они его не подвели. От Бена, который расположился слева, его отделял добрый фут. Справа Билл сидел на еще большем расстоянии.

— Местечко становится больше, друзья и соседи, — возвестил Ричи. Глубоко вдохнул, закашлялся. В груди, глубоко в груди, кашель отдался болью, как бывает при простуде, при гриппе или при чем-то еще. Какое-то время он думал, что кашель не пройдет. Он будет кашлять и кашлять, пока остальные не вытащат его наверх. «*Если смогут вытащить*», — подумал Ричи, но мысль эта едва проклюнулась сквозь дым и уж точно не испугала.

Потом Билл несколько раз стукнул его по спине, и кашель прекратился.

— Ты не знаешь, что ты не вечен. — Ричи вновь смотрел на дымовое отверстие, а не на Билла. И каким же оно казалось ярким! Закрывая глаза, он все равно видел этот прямоугольник, плавающий в темноте, только ярко-зеленым, а не ярко-белым.

— Э-это ты о ч-чем? — спросил Билл.

— О заикании. — Ричи замолчал, услышав, что кашляет кто-то еще, только не мог понять, кто именно. — Ты должен говорить на разные Голоса, Большой Билл, а не я. Ты...

Кашель стал громче. Внезапно клубный дом залил свет, так резко вспыхнувший, такой яркий, что Ричи пришлось прищуриться. Но он сумел разглядеть Стэна Уриса, который карабкался наружу.

— Извините, — выдавил Стэн сквозь судорожный кашель. — Извините, больше не могу...

— Все нормально, — услышал Ричи собственный голос. — Не нужны тебе никакие блинские купоны. — Голос его словно доносился из другого тела.

Мгновение спустя потайная дверца захлопнулась, но хлынувшего вниз свежего воздуха хватило, чтобы в голове у него чуть прояснилось. И прежде чем Бен отодвинулся, чтобы занять часть места, освобожденного Стэном, Ричи успел вновь почувствовать ногу Бена, которая прижималась к его ноге. И с чего это он решил, что клубный дом становится больше?

Майк Хэнлон подбросил в костер очередную порцию зеленых веток. Ричи опять задышал неглубоко, глядя на дымовое отверстие. Счет времени он потерял, но смутно отдавал себе отчет, что в клубном доме уютно и тепло, если забыть про дым.

Он огляделся, рассматривая своих друзей. Увидеть их удалось с трудом, они растворялись в дымовых тенях и все еще белом летнем свете. Беверли привалилась головой к подкосу, руки ее лежали на коленях. Она закрыла глаза, слезы текли по щекам к мочкам. Билл сидел, положив ногу на ногу, прижав подбородок к груди. Бен...

И в тот самый момент Бен поднялся на ноги, вновь открывая дверцу.

— Вот идет Бен, — возвестил Майк, который сидел напротив Ричи, скрестив ноги, с прямой, как доска, спиной, словно истинный индеец, и красными, как у куницы, глазами.

Сверху повеяло прохладой. Воздух немного очистился, потому что дым уходил через открытую дверцу. Кашляющий, сотрясаемый рвотными спазмами Бен с помощью Стэна вылез на поверхность, и прежде чем кто-то из них успел захлопнуть дверцу, Эдди, пошатываясь, поднялся, смертельно бледный, с синюшными мешками не только под глазами, но и на скулах. Его узкая грудь быстро-быстро поднималась и опускалась. Он попытался нащупать край люка и упал бы, если б Бен не схватил его за одну руку, а Стэн — за другую.

— Извините, — едва слышно пропищал Эдди, и тут его вытащили наверх. Потайная дверца захлопнулась вновь.

Последовал долгий, спокойный период. Дыма прибавлялось, в клубном доме повис густой туман. *«По мне, выглядит, как гороховый суп, Ватсон»*, — подумал Ричи и на мгновение представил себя Шерлоком Холмсом (Холмсом, который выглядел совсем как Бэзил Рэтбоун в кино и был черно-белым), который целенаправленно шел по Бейкер-стрит. Мориарти находился где-то неподалеку, элегантный кэб ждал, и игра была в самом разгаре.

Мысль эта пришла на удивление ясная, на удивление объемная, прямо-таки увесистая, не какая-то греза из тех, в которые он постоянно проваливался (*решающий момент для «Босокс»*, вторая половина девятого иннинга, все базы заняты, подача, мяч отбит... поднимается все выше... УЛЕТАЕТ! Круговая пробежка, Тозиер... и рекорд Бейба** побит!*), а что-то чуть ли не реальное.

И ситуация представляется ему достаточно забавной, чтобы подумать: все, что он из этого вынесет, так это видения Бэзила Рэтбоуна в роли Шерлока Холмса, и важность видений, похоже, переоценена.

Да только противник их — не Мориарти. Их противник — некое Оно... и Оно реально. Оно...

Тут потайная дверца открывается, и Беверли пытается выбраться наружу, заходясь сухим кашлем, прижимая ладонь ко рту. Бен тянет ее за одну руку, Стэн подхватывает под другую. Отчасти она вылезает сама, отчасти ее вытаскивают. Мгновение — и она наверху и ее нет.

— О-он с-становится бо-о-ольше, — подал голос Билл.

Ричи огляделся. Увидел круг камней, в котором горел костер, «выплевывая» клубы дыма. Напротив сидел Майк, скрестив ноги, напоминая тотем, вырезанный из черного дерева, смотрел на него поверх огня покрасневшими от дыма глазами. Да только от Майка его отделяли не меньше двадцати футов, и Билл оказался еще дальше, по правую руку Ричи. Подземный клубный дом расширился до размеров бального зала.

— Не важно, — ответил Майк. — Оно скоро придет. Что-то придет.

— Д-да, — кивает Билл. — Но я... я... я...

---

* «Босокс» — так иногда называют профессиональную бейсбольную команду «Ред сокс» из Бостона.

** Рут, Джордж Герман по прозвищу Бейб (Малыш) (1895—1948) — легендарный бейсболист, кумир болельщиков.

Он закашлялся. Попытался унять кашель, но тот только усиливался, сухой, раздирающий горло. Смутно Ричи увидел, как Билл с трудом поднялся, потянулся к потайной дверце. Откинул ее.

— У-у-у-удачи...

И исчез, вытащенный на поверхность остальными.

— Похоже, ты да я, старина Майки, — произнеся эти слова, Ричи закашлялся. — Я не сомневался, что это будет Билл...

Кашель усилился, Ричи согнулся пополам, сухо кашляя, не в силах набрать в легкие воздух. В голове бухало — удар сменялся ударом, — она превратилась в налитую кровью репу, глаза под очками наполнились слезами.

Издалека донесся голос Майка:

— Поднимайся наверх, если больше не можешь, Ричи. Угорать незачем. Еще помрешь.

Он протянул к Майку руку, помахал ею,

(*никаких блинских купонов*)

показывая, что не выходит из игры. Мало-помалу Ричи начал справляться с кашлем. Майк был прав: что-то должно случиться, и скоро. Ричи хотел увидеть это.

Он откинулся назад, вновь оглядел дымовую яму. После приступа кашля он вдруг ощутил невероятную легкость, и теперь казалось, что он плавает на воздушной подушке. Ощущения эти ему нравились. Вдыхая часто и неглубоко, он думал: *«Когда-нибудь я стану звездой рок-н-ролла. Именно так, да. Я буду знаменитым, буду выпускать пластинки и альбомы, сниматься в кино. Буду носить черный пиджак спортивного покроя и белые шузы, буду ездить на желтом «кадиллаке». А когда вернусь в Дерри, они будут кусать локти от зависти, даже Бауэрс. Я в очках, но что, на хрен, такого? Бадди Холли тоже в очках. Я буду играть, пока не посинею, и танцевать, пока не почернею. Я стану первой рок-звездой из Мэна. Я...»*

Мысль уплыла. Значения это не имело. Он понял, что ему больше нет необходимости по чуть-чуть втягивать воздух. Его легкие приспособились. Он мог вдыхать столько дыма, сколько хотел. Может, он прибыл с Венеры.

Майк добавил в костер веточек. Чтобы не отставать от него, Ричи поступил так же.

— Как сам, Рич? — спросил Майк.

Ричи улыбнулся:

— Лучше. Хорошо, почти. А ты?

Майк кивнул и улыбнулся в ответ:

— Все хорошо. В голову приходят странные мысли?

— Да. Минуту назад я считал себя Шерлоком Холмсом. Потом подумал, что могу танцевать, как парни из «Доувеллс». Глаза у тебя такие красные, что ты не поверишь.

— У тебя тоже. Пара куниц в клетке, вот кто мы.

— Да?

— Да.

— Хочешь сказать, все путем?

— Все путем. Хочешь сказать, ты нашел нужное слово?

— Я нашел, Майки.

— Да, хорошо.

Они улыбнулись друг другу, потом Ричи откинул голову назад, привалившись затылком к стене, и посмотрел вверх, на дымовое отверстие. А вскоре начал уплывать куда-то в сторону. Нет... не в сторону. Вверх. Он уплывал вверх. Как

(*летаем внизу здесь мы все*)

воздушный шарик.

— К-к-как в-в-в-вы т-т-там, па-арни. В по-о-орядке?

Голос Билла, спускающийся сквозь дымовое отверстие. Долетающий с Венеры. Обеспокоенный. Глубоко внутри Ричи почувствовал, как вновь плюхнулся на прежнее место.

— В порядке, — услышал он свой голос, далекий и раздраженный. — В порядке, мы говорим, все в порядке, отвали, Билл, дай нам узнать слово, мы говорим, мы нашли нужное

(*место*)

слово.

Клубный дом еще прибавил в размерах, его выстилал пол из полированного дерева. Дым сгустился до тумана, сквозь него костер проглядывался с трудом. Этот зал! Господи помилуй! Огромный, как какой-нибудь бальный зал в одном из музыкальных фильмов МГМ*. Майк смотрел на него от дальней стены, силуэт, едва различимый сквозь туман.

Ты здесь, старина Майки?

Здесь и с тобой, Ричи.

Ты по-прежнему хочешь сказать, что все в порядке?

---

* МГМ — «Метро-Голдвин-Майер», одна из крупнейших киностудий Голливуда.

Да... но возьми меня за руку... ты можешь протянуть руку?

Думаю, да.

Ричи протянул руку и, хотя Майк находился у дальней стены этого огромного зала, ощутил, как сильные коричневые пальцы сомкнулись на его запястье. И ему сразу стало хорошо, каким хорошим было это прикосновение — хорошо найти стремление в поддержке, поддержку в стремлении, найти твердое в дыму и дым в твердом...

Он запрокинул голову и посмотрел на дымовое отверстие, такое белое и маленькое. Теперь оно было гораздо выше, на высоте многих миль. Венерианский световой фонарь.

Процесс пошел. Он воспарил. «Поехали», — подумал Ричи и начал подниматься все быстрее сквозь дым, туман, смог, как ни назови.

5

Клубный дом они покинули.

Вдвоем стояли бок о бок посреди Пустоши, и уже начало смеркаться.

Он знал, что это Пустошь, но вокруг все было другим. Листва гуще, пышнее, с более резкими запахами. Таких растений он никогда не видел, а приглядевшись, Ричи понял, что за некоторые деревья он принял гигантские папоротники. До него доносился шум Кендускига, шум бегущей воды, куда более громкий, чем прежде. От ленивого скольжения по руслу не осталось и следа — вода ревела, как в реке Колорадо, вырывающейся из Гранд-Каньона.

И он почувствовал, как жарко. В Мэне летом тоже бывало жарко и достаточно влажно, чтобы ночью тело иной раз становилось липким от пота, но с такими жарой и влажностью Ричи не сталкивался никогда в жизни. Низкий туман, молочный и густой, заполнял низины и стелился по земле, обтекая ноги мальчиков. В воздухе стоял резкий запах горящих зеленых веток.

Он и Майк, не обменявшись ни словом, двинулись на шум бегущей воды, прокладывая путь сквозь незнакомую растительность. Толстые лианы свисали между деревьями, будто похожие на паутину гамаки, однажды Ричи услышал, как кто-то ломится

сквозь подлесок. По звукам животное это размерами превосходило оленя.

Он остановился на несколько мгновений, чтобы оглядеться, повернулся на триста шестьдесят градусов, изучая горизонт. Он знал, где должен возвышаться толстый белый цилиндр Водонапорной башни, но не обнаружил ее на положенном месте. Как не обнаружил железнодорожной ветки, идущей к грузовому двору в конце Нейболт-стрит или жилого района Олд-Кейп: место домов заняли низкие обрывы и холмы из красного песчаника, торчащие среди гигантских папоротников и сосен.

Над головой раздалось хлопанье крыльев. Мальчики пригнулись, и над ними пролетела эскадрилья летучих мышей. Таких огромных летучих мышей Ричи не видел никогда и напугался даже сильнее, чем в те мгновения, когда Билл пытался разогнать Сильвера, и они слышали, как их настигает оборотень. Безмолвие и чужеродность этого места наводили страх, но еще больше ужасало другое: они его знали, и знали хорошо.

«*Пугаться нечего*, — сказал себе Ричи. — *Помни — это всего лишь сон или видение, или как ты его сам назовешь. На самом деле мы со стариной Майки сидим в нашем клубном доме, надышавшись дымом. Очень скоро Большой Билл занервничает, потому что какое-то время мы не откликаемся, а потом они с Беном спустятся и вытащат нас. Как поет Конуэй Твитти** — *это всего лишь фантазия*».

Но теперь он видел: крылья летучих мышей такие изорванные, что сквозь них пробивался свет мутного солнца, а когда они проходили под гигантским папоротником, Ричи заметил толстую желтую гусеницу, которая ползла поперек широкого зеленого листа, отбрасывая тень. И крохотные черные насекомые прыгали и жужжали на теле гусеницы. Если это и сон, то таких отчетливых снов он еще никогда не видел.

Они шли на звук воды в густом, стелящемся, доходящем до колен тумане, и Ричи не мог сказать, касаются его ноги земли или нет. Наконец они добрались до места, где и туман, и земля обрывались. Ричи смотрел, не веря своим глазам. Он видел перед собой не Кендускиг... и тем не менее Кендускиг. Вода ревела и пенилась в узком

* Конуэй Твитти (1933—1993, настоящее имя Гарольд Ллойд Дженкинс) — один из самых успешных американских исполнителей кантри-музыки.

русле, пробитом в скальной породе... и, глядя на другой берег, он видел века, запечатленные в слоях камня, красном, оранжевом, снова красном. Эту реку они по камням перейти бы не смогли; тут требовался веревочный мост, а если упадешь, поток унесет тебя сразу. Шумела вода злобной, тупой яростью, и пока Ричи, разинув рот, смотрел на реку, из нее выпрыгнула розовато-серебристая рыба, пролетела по невероятно высокой дуге, на ходу хватая насекомых, тучи которых висели над поверхностью. Рыба плюхнулась в воду, но Ричи успел разглядеть ее и понял, что такой рыбы не видел никогда в жизни, даже в книжках.

Птицы стаей летели в небе, издавая грубые крики. Не десяток, не два — на мгновение небо потемнело от птиц, они закрыли собой солнце. Еще какое-то животное ломанулось сквозь кусты, за ним последовали другие. Ричи развернулся, сердце больно ухало в груди, и он увидел, как мимо пробежала вроде бы антилопа, направляясь на юго-восток.

«Что-то грядет. И они это знают».

Птицы улетели, вероятно, дружно решив перебраться куда-то южнее. Мимо них опять пробежало какое-то животное... и еще одно. Вновь наступила тишина, нарушаемая только мерным урчанием Кендускига. В тишине висело ожидание, тишина ждала, когда же что-то свершится, и Ричи это не нравилось. Он чувствовал, как волосы на затылке шевелятся и пытаются встать, и вновь схватил Майка за руку.

«Ты знаешь, где мы? — прокричал он Майку. — *Ты нашел нужное слово?»*

«Господи, да, — ответил Майк. — *Я нашел. Это прошлое, Ричи! Прошлое!»*

Ричи кивнул. Прошлое, начало времен, давнишнее, давнишнее прошлое, когда мы все жили в лесу и нигде, кроме леса. Они находились в Пустоши и в прошлом, и только Господь Бог знал, за сколько тысяч лет до нашего времени. Они перенеслись в невообразимое прошлое, до ледникового периода, когда Новая Англия — те же тропики — ничем не отличалась от нынешней Южной Америки... Если настоящее, откуда они отбыли, все еще существовало. Он вновь огляделся, нервно, уже ожидая увидеть бронтозавра, поднявшего к небу длинную шею и разглядывающего их сверху вниз, с пастью, набитой землей и вырванными с корнем растениями, или саблезубого тигра, выходящего из подлеска.

Но их окружала тишина, которая обычно наступает за пять или десять минут до того, как яростно громыхнут лиловые головы, столкнувшиеся в небе, ветер умрет полностью, а воздух вдруг окрасится необычной пурпурной желтизной и его наполнит густой запах перезаряженных автомобильных аккумуляторов.

«Мы в прошлом, за миллион лет до нашей эры, может, за десять миллионов, или за восемьдесят, но мы здесь, и что-то должно случиться, я не знаю что, но что-то, и я боюсь, я хочу чтобы это закончилось я хочу вернуться Билл пожалуйста Билл пожалуйста вытащи нас отсюда мы словно падаем в фотографию в какую-то фотографию пожалуйста пожалуйста помоги...»

Рука Майка напряглась, сжимая его руку, и он понял, что тишины больше нет. Ей на смену пришла ровная низкая вибрация — Ричи скорее чувствовал ее, чем слышал, она давила на его натянутые барабанные перепонки, гудела в маленьких косточках, которые и передавали звук. Она нарастала. Ровная, монотонная. Ричи не мог ее хоть как-то охарактеризовать. Она просто была:

(*слово в начале было слово место*)

невыразительный, бездушный звук. Ричи оперся о дерево, около которого они стояли, и когда рука коснулась ствола, обхватила его, почувствовал, как вибрация передается изнутри. И в тот же момент осознал, что ощущает ее стопами, что она покалыванием поднимается к лодыжкам и икрам, превращая сухожилия в камертоны.

Вибрация нарастала. И нарастала.

И исходила с неба. Сам того не желая, но не в силах удержаться, Ричи поднял голову. Солнце расплавленной монетой горело в ореоле тумана. Под ним зеленой болотистой низиной застыла Пустошь. И Ричи подумал, что знает, каким будет видение: им предстояло засвидетельствовать приход Оно.

Вибрация обрела голос: рокочущий рев, который набирал и набирал силу, пока не сделался оглушающим. Ричи зажал уши руками и закричал. Но не смог расслышать собственного крика. Рядом с ним Майк Хэнлон тоже зажимал уши руками и кричал, и Ричи видел, что из носа у Майка течет кровь.

Облака на западе осветились запылавшим красным огнем. Огонь этот приближался к ним, расширяясь из полоски в ручей, в реку зловещего цвета. А потом, когда горящий, падающий объект пробил облака, налетел ветер. Горячий и опаляющий, дымный и удушающий. Эта штуковина в небе напоминала пламенеющую спи-

чечную головку гигантских размеров, слишком яркую, чтобы на нее можно было смотреть. Дуги электрических разрядов срывались с нее, синие зигзаги били в землю, оставляя после себя гром.

«*Звездолет!* — закричал Ричи, падая на колени и закрывая глаза руками. — *Господи, это звездолет!*» Но Ричи верил — и потом расскажет это остальным как сможет, — что это был не звездолет, хотя он каким-то образом и добрался сюда сквозь космос. То, что спустилось на Землю в тот далекий день, пришло из места, которое находилось гораздо дальше другой звездной системы или другой галактики, и слово «звездолет» первым пришло в голову, возможно, только потому, что разум Ричи не мог иначе воспринять увиденное.

Послышался взрыв — ревущий звук, за которым земля содрогнулась, сбив их с ног. На этот раз Майк схватился за руку Ричи. Раздался еще один взрыв. Ричи открыл глаза и увидел яркое пламя и колонну дыма, поднимающуюся в небо.

«*Оно!* — крикнул он Майку, в экстазе ужаса — никогда в жизни, ни до, ни после, никакая другая эмоция не поразит его так глубоко, не сокрушит до такой степени. — *Оно! Оно! Оно!*»

Майк поднял его на ноги, и они побежали вдоль берега юного Кендускига, не замечая, как близко от них обрыв. Раз Майк споткнулся и упал на колени. Потом пришла очередь Ричи. Он порвал штаны и содрал кожу на ногах. Ветер усиливался и гнал на них запах горящего леса. Дым делался все гуще, и Ричи смутно осознал, что они с Майком бегут не одни. Другие животные тоже пришли в движение. Убегали от дыма, огня, смерти в огне. Возможно, убегали и от Оно.

Прибывшего в их мир.

Ричи начал кашлять. Он слышал, как рядом с ним кашляет Майк. Дым делался гуще, вымывая зеленые, и серые, и красные краски дня. Майк снова упал, и его рука выскользнула из руки Ричи. Он попытался ее найти и не смог.

«*Майк!* — закричал он в панике, кашляя. — *Майк, где ты? Майк! МАЙК!*»

Но Майк исчез; Майка нигде не было.

«*ричи! ричи! ричи!*

(ХРЯСТЫ)

«*ричи! ричи! ричи, с тобой...*

6

— ...все в порядке?

Его глаза открылись, и он увидел Беверли, стоявшую рядом с ним на коленях, вытирающую ему рот платком. Остальные — Билл, Эдди, Стэн и Бен — сгрудились позади нее, с озабоченными и испуганными лицами. У Ричи жутко болело пол-лица. Он попытался что-то сказать Беверли, но мог только хрипеть. Попытался откашляться — и его чуть не вырвало. Горло и легкие, казалось, устилал дым.

Наконец ему удалось просипеть:

— Это ты врезала мне, Беверли?

— Больше ничего не могла придумать.

— Хрясть, — пробормотал Ричи.

— Я не знала, очухаешься ли ты, вот и все. — Внезапно Беверли разрыдалась.

Ричи неуклюже похлопал ее по плечу, Билл положил руку ей на шею. Она тут же повернулась, взяла ее, сжала.

Ричи удалось сесть. Мир тут же закачался на волнах, а когда выровнялся, Ричи увидел привалившегося к соседнему дереву Майка с ошеломленным и пепельно-серым лицом.

— Я блевал? — спросил Ричи Бев.

Она кивнула, все еще плача.

Хрипатым, запинающимся Голосом ирландского полицейского Ричи спросил:

— На тебя попало, дорогая?

Бев рассмеялась сквозь слезы и покачала головой.

— Я повернула тебя на бок. Боялась... бо-боялась, что ты за-за-за-захлебнешься б-блевотиной. — И она снова разрыдалась.

— Не-е-честно, — Билл по-прежнему держал ее руку. — З-здесь за-аикаюсь то-олько я.

— Неплохо, Большой Билл. — Ричи попытался встать и тяжело шлепнулся на землю. Мир продолжал покачиваться на волнах. Он закашлялся и отвернул голову, осознав, что опять начнет блевать, за секунду до того, как это произошло. Вырвало его зеленой пеной и густой, тягучей слюной. Ричи закрыл глаза и просипел:

— Кто-нибудь хочет перекусить?

— Ф-фу, дерьмо! — воскликнул Бен, с отвращением и смеясь.

— По-моему, выглядит скорее как блевотина. — Но, если честно, говорил Ричи с закрытыми глазами. — Дерьмо обычно лезет с

другого конца, во всяком случае, у меня. Насчет тебя не знаю, Стог. — Открыв наконец глаза, он увидел, что клубный дом в двадцати ярдах, окно и потайная дверца открыты, из них поднимается дым, уже почти прозрачный.

На сей раз Ричи сумел подняться на ноги. Первые несколько секунд он не сомневался, что или снова блеванет, или отключится, или совместит первое со вторым.

— Хрясть, — пробормотал он, наблюдая, как мир расплывается и колышется у него перед глазами. Когда приступ головокружения прошел, он направился к Майку. Глаза его оставались красными, как у куницы, а по влажным манжетам Ричи догадался, что и Майку не удалось сохранить содержимое желудка.

— Для белого мальчика ты держался неплохо, — просипел Майк и легонько двинул кулаком в плечо Ричи.

Ричи не нашелся с ответом — а такое случалось с ним крайне редко.

Подошел Билл. За ним остальные.

— Ты нас вытащил? — спросил Ричи.

— Я и Б-Б-Бен. Т-ты к-кричал. В-вы о-оба. Н-но... — Он посмотрел на Бена.

— Должно быть, из-за дыма, Билл. — Однако уверенности в голосе этого толстого мальчика не слышалось вовсе.

— Ты про то, о чем я думаю? — сухо спросил Ричи.

Билл пожал плечами:

— О ч-чем т-ты, Ри-Ричи?

Ответил Майк:

— Поначалу нас там не было, так? Вы спустились вниз, услышав наши крики, но поначалу нас там не было?

— Все заволокло дымом, — напомнил Бен. — Да еще вы своими криками нагоняли страха. Но крики... они доносились... ну...

— О-они до-оносились и-из да-а-алекого далека, — подхватил Билл. Сильно заикаясь, он рассказал, что, спустившись вниз, они не смогли увидеть ни Ричи, ни Майка. В панике принялись ощупывать пол и стены, опасаясь, что оба умрут, задохнувшись дымом, если они не будут действовать быстро. И наконец Билл ухватил руку Ричи. Дернул «че-е-ертовски си-сильно», и Ричи вынырнул из густого дыма, уже теряя сознание. Билл обернулся и увидел Бена, который держал в медвежьих объятьях Майка. Оба кашляли. Бен поднял Майка и вышвырнул через потайную дверцу.

Бен, слушая все это, кивал:

— Я продолжал шарить в дыму руками, понимаете? Больше ничего не делал, только шарил, словно хотел пожать кому-то руку. Ты схватил одну, Майк. Чертовски хорошо, что ты ее схватил, Майк. Я думаю, если б не схватил, мы бы тебя не нашли.

— Вас, парни послушать, так наш клубный дом гораздо больше, чем на самом деле, — заметил Ричи. — Вы ходили, искали. А там каждая стена всего в пять футов.

Повисла тишина, и все смотрели на Билла, который задумчиво хмурился.

— О-он бы-ыл бо-ольше, — наконец заговорил он. — Т-так, Бен?

Бен пожал плечами:

— Точно, больше. Если, конечно, дело не в дыме.

— Это не дым, — возразил Ричи. — Перед тем как все произошло — перед тем как мы вышли, — я, помнится, подумал, что он не меньше бального зала в кино. В одном из этих мюзиклов. Вроде «Семи невест для семи братьев». Я едва мог разглядеть Майка у противоположной стены...

— Перед тем как вы вышли? — переспросила Беверли.

— Ну... вроде того... я хочу сказать...

Она схватила Ричи за руку:

— Это случилось, да? Правда случилось! Вам было видение, как в книге Бена! — Она просияла. — Это правда случилось?

Ричи посмотрел на свои ноги, потом на Майка. Увидел, что с колена вельветовых брюк Майка вырван клок, и его джинсы порваны на обоих коленях. Сквозь дыры проглядывали кровоточащие ссадины.

— Если это называется видением, упаси меня Бог от еще одного. Ничего не знаю насчет нашего Кингфиша*, но когда я спускался туда, дыр на штанах не было. А они, между прочим, почти новые. Мамаша меня за них взгреет.

— Что произошло? — одновременно спросили Бен и Эдди.

Ричи и Майк переглянулись. Потом Ричи спросил:

— Беви, сигареты есть?

У нее нашлись две, завернутые в тряпицу. Ричи сунул одну в рот, Бев дала ему прикурить, но после первой затяжки он так закашлялся, что отдал сигарету ей.

---

* Кингфиш — персонаж юмористического радио- и телесериала «Амос и Энди», действие которого происходит в афроамериканской среде.

— Не могу. Извини.

— Это было прошлое, — сказал Майк.

— Хрена с два, — возразил Ричи. — Не просто прошлое. Давнишнее прошлое.

— Да, правильно. Мы остались в Пустоши, но Кендускиг пробегал милю в минуту. Глубокий. Чертовски бурный. В нем плавала рыба. Думаю, лосось.

— М-мой о-отец го-о-оворит, ч-что з-здесь да-а-авно у-уже нет ры-ыбы и-из-за с-сточных вод.

— Мы перенеслись в совсем далекое прошлое. — Ричи неуверенно оглядел всех. — Думаю, на миллион лет, не меньше.

Ему ответило гробовое молчание.

— Но что случилось? — наконец выговорила Беверли.

Ричи чувствовал, как слова поднялись к горлу, но, когда попытался выпустить их наружу, почувствовал, что его снова вырвет.

— Мы видели приход Оно, — все-таки выжал он из себя. — Я думаю, именно это.

— Господи, — пробормотал Стэн. — Господи.

Что-то резко пшикнуло — Эдди воспользовался ингалятором.

— Оно пришло с неба, — подхватил Майк. — Ничего такого я больше увидеть не хочу. Что-то пылало так ярко, что мы не могли на него смотреть. Это что-то разбрасывало молнии и гремело громом. Шум... — Он покачал головой и посмотрел на Ричи. — Ревело так, словно наступил конец света. А когда эта хрень упала на землю, начался лесной пожар. На том для нас все и закончилось.

— Это был звездолет? — спросил Бен.

— Да, — ответил Ричи.

— Нет, — ответил Майк.

Они переглянулись.

— Да, пожалуй, он, — поправился Майк.

И одновременно скорректировал свой ответ и Ричи:

— Нет, не думаю, что звездолет, знаете ли, но...

Они опять переглянулись. В некотором замешательстве.

— Говори ты, — предложил Ричи Майку. — Думаю, мы про одно и то же, но они не врубаются.

Майк откашлялся в кулак и обвел остальных почти что виноватым взглядом.

— Я не знаю, как мне это рассказать.

— По-о-опробуй, — предложил Билл.

— Что-то пришло с неба, но не совсем звездолет. И не метеорит. Скорее... ну... Ковчег Завета Господнего, из Библии, с Духом Божьим в нем... только без всякого Бога. Чувствуя Оно, наблюдая за его приходом, ты знал, что добра от него не жди, что Оно — это зло.

Майк посмотрел на них.

Ричи кивнул.

— Оно пришло... извне. У меня возникло такое чувство. Извне.

— Откуда — извне, Ричи? — спросил Эдди.

— Извне всего, — ответил тот. — И когда Оно спускалось... образовалась самая большая дыра, какую можно увидеть в жизни. Оно превратило большой холм в дырку от пончика, во что-то такое. Оно приземлилось там, где сейчас центральная часть Дерри.

Он оглядел всех.

— Усекли?

Беверли бросила недокуренную сигарету, растоптала каблуком.

— Оно всегда было здесь, — продолжил Майк, — с незапамятных времен... до того как вообще появились люди, разве что тогда они обитали в Африке, прыгали по деревьям и жили в пещерах. Кратер исчез, вероятно, в ледниковый период, когда долина стала глубже, а кратер заполнился валунами и землей, которые тащил с собой ледник... но Оно уже тогда было там, спало, возможно, дожидаясь, пока растает лед, дожидаясь, когда придут люди.

— Вот почему Оно использует канализационные коллекторы и дренажные тоннели, — вставил Ричи. — Для Оно они что автострады.

— Вы не видели, как выглядело Оно? — резким, чуть охрипшим голом спросил Стэн Урис.

Майк и Ричи покачали головами.

— Сможем мы побить Оно? — в наступившей тишине спросил Эдди. — Если Оно такое?

Ему никто не ответил.

Глава 16
НЕВЕЗУХА ЭДДИ

1

К тому времени, когда Ричи заканчивает, они все кивают. Эдди кивает вместе со всеми, вспоминает вместе со всеми, когда боль внезапно простреливает вверх по левому предплечью. Простреливает? Нет. Разрывает левое предплечье: такое ощущение, будто кто-то пытается заточить на кости ржавую пилу. У Эдди перекашивает лицо, он сует руку во внутренний карман пиджака, перебирает пузырьки, ищет нужный на ощупь, достает экседрин. Отправляет в рот две таблетки, запивает джином со сливовым соком. Боль в руке целый день то появлялась, то исчезала. Поначалу он списывал боль на бурсит: такое иногда с ним случалось в дождливый день. Но по ходу рассказа Ричи у него всплывают новые воспоминания, и он понимает, откуда боль. «Мы уже идем не по Аллее памяти, — думает Эдди. — Это все больше и больше похоже на Лонг-Айленд-экспресс-суэй».*

Пятью годами раньше, на обычной диспансеризации (Эдди проходил обычную диспансеризацию каждые полгода) врач между делом отметил: «У тебя тут давний перелом, Эд... упал с дерева мальчишкой?»

«Что-то вроде этого», — согласился Эдди, но не потрудился сказать доктору Роббинсу, что его мать, без сомнения, упала бы замертво от кровоизлияния в мозг, если б увидела или услышала, что ее Эдди

---

* Бурсит — воспаление локтевой суставной сумки.

лазает по деревьям. По правде говоря, он и не смог бы точно вспомнить, как сломал руку. Это не казалось чем-то важным (хотя теперь Эдди находит такое отсутствие интереса весьма странным — он, в конце концов, человек, который очень трепетно воспринимает каждый чих или изменение цвета стула). Но это старый перелом, сущая безделица, случившаяся с ним давным-давно, в детстве, которое он едва помнил, да и вспоминать не хотел. Перелом давал о себе знать во время длительных поездок в дождливый день, но пара таблеток аспирина приводили все в норму. Никаких проблем.

Однако теперь это не та боль, которая легко снимается аспирином; теперь какой-то безумец точит ржавую пилу, выбивает какой-то ритм на кости, и он помнит, что такие же ощущения были у него в больнице, особенно поздно вечером, в первые три или четыре дня после случившегося. Он лежал в постели, потея в летнюю жару, дожидаясь, когда же медсестра принесет таблетку, слезы беззвучно скатывались по щекам в ушные раковины, и он думал: «Будто какой-то псих затачивает в моей руке пилу».

«Если это Аллея воспоминаний, — думает Эдди, — то я готов обменять ее на одну большую мозговую клизму: пусть прочистит его, как толстую кишку».

Не отдавая себе отчета, что собирается заговорить, Эдди произносит:

— Руку мне сломал Генри Бауэрс. Помните?

Майк кивает.

— Перед тем как пропал Патрик Хокстеттер. Числа я не помню.

— Я помню, — бесстрастно отвечает Эдди. — 20 июля. Хокстеттер считался пропавшим... с?.. Двадцать третьего?

— С двадцать второго, — поправляет его Беверли Роган, хотя не говорит им, почему так уверена в дате: дело в том, что она видела, как Оно утащило Хокстеттера. И она не говорит им, хотя верила тогда, как верит и сейчас, что Патрик Хокстеттер к тому моменту совсем рехнулся, был еще безумнее, чем Генри Бауэрс. Она им скажет, но сейчас очередь Эдди. Она им скажет после Эдди, а потом, полагает она, Бен расскажет о развязке тех июльских событий... серебряной пуле, которую они так и не решились сделать. «Трудно представить себе более кошмарной повестки дня», — думает Беверли... но почему она охвачена такой безумной радостью? И когда она в последний раз чувствовала себя такой молодой? Она едва может усидеть на месте.

— Двадцатое июля, — повторяет Эдди, передвигая ингалятор по столу от одной руки к другой. — Через три или четыре дня после истории с дымовой ямой. Остаток лета я провел в гипсе. Помните?

Ричи хлопает себя по лбу характерным жестом, который они все помнят с тех давних дней, и Билл думает с улыбкой и тревогой, что на мгновение Ричи действительно выглядел, как Бивер Кливер.

— Ну как же, разумеется! Рука у тебя была в гипсе, когда мы пошли в тот дом на Нейболт-стрит, так? И потом... в темноте... — Но тут Ричи трясет головой, на лице написано недоумение.

— Что, Ри-ичи? — спрашивает Билл.

— Еще не могу вспомнить эту часть, — признается Ричи. — А ты?

Билл медленно качает головой.

— Хокстеттер был с ними в тот день, — говорит Эдди. — Тогда я в последний раз видел его живым. Может, им заменили Питера Гордона. Думаю, Бауэрс больше не хотел иметь с Питером никаких дел. После того, как тот сбежал в день битвы камней.

— Они все умерли, так? — ровным голосом спрашивает Беверли. — После Джимми Каллума умирали только дружки Бауэрса... или его бывшие дружки.

— Все, кроме Бауэрса, — соглашается Майк, глянув на воздушные шарики, привязанные к аппарату для просмотра микрофильмов, — Бауэрс в «Джунипер-Хилл». Частной закрытой психиатрической лечебнице в Огасте.

— И к-как о-они с-сломали тебе руку, Э-Эдди?

— Твое заикание усиливается, Большой Билл, — без тени улыбки говорит Эдди и допивает джин со сливовым соком.

— Не обращай внимания. Ра-асскажи нам.

— Расскажи нам, — повторяет Беверли и легонько касается пальцами его предплечья. Боль простреливает руку.

— Хорошо. — Эдди вновь наполняет стакан, смотрит в него и начинает. — Через пару дней после того, как я вернулся домой из больницы, вы пришли ко мне и показали эти серебряные шарики. Ты помнишь, Билл?

Билл кивает.

Эдди смотрит на Беверли:

— Билл спросил тебя, выстрелишь ли ты ими, если до этого дойдет... потому что в меткости никто не мог сравниться с тобой. Ка-

жется, ты ответила «нет»... что ты слишком боишься. И ты сказала нам что-то еще, но я никак не могу вспомнить, что именно. Вроде бы... — Эдди высовывает язык и почесывает кончик, словно сдирает что-то прилипшее. Ричи и Бен улыбаются. — Что-то связанное с Хокстеттером?

— Да, — кивает Беверли. — Я расскажу, когда ты закончишь. Валяй.

— После того, после того, как вы все ушли, ко мне в комнату зашла мать, и мы крепко поссорились. Она не хотела, чтобы я и дальше общался с кем-то из вас. И она могла заставить меня согласиться... умела она, умела найти подход к мальчику, вы понимаете...

Билл снова кивает. Он помнит миссис Каспбрэк, необъятную женщину со странным лицом, лицом шизофренички, которое могло выглядеть каменным, яростным, несчастным и испуганным одновременно.

— Да, она могла убедить меня согласиться, — повторяет Эдди. — Но кое-что еще случилось в тот день, когда Бауэрс сломал мне руку. Нечто такое, что действительно меня потрясло.

С его губ слетает легкий смешок, он думает: «Это действительно меня потрясло, все так... и это все, что ты можешь сказать? Какой смысл говорить, если ты не можешь сказать людям, что ты действительно чувствуешь? В книге или в кино то, что выяснилось перед тем, как Генри Бауэрс сломал мне руку, изменило бы всю мою жизнь, и ничего не пошло бы так, как пошло... в книге или кино я обрел бы свободу. В книге или кино мне не пришлось бы держать в моем номере в «Таун-хаусе» целый чемодан таблеток, я не женился бы на Майре, не принес бы сюда этот идиотский гребаный ингалятор. В книге или кино. Потому что...»

Внезапно, на глазах у всех, ингалятор Эдди сам по себе катится по столу. И когда катится, издает сухое шуршание, похожее на звук маракаса, или на перекатывание маленьких косточек, или даже на смех. Добравшись до противоположного края стола, между Ричи и Беном, ингалятор подпрыгивает в воздух и падает на пол. Ричи пытается его схватить, но раздается резкий крик Билла:*

— Не т-трогай его!

---

* Мара́кас, или мара́ка — древнейший ударно-шумовой инструмент коренных жителей Антильских островов — индейцев таино, разновидность погремушки, издающей при потряхивании характерный шуршащий звук.

— Воздушные шарики! — кричит Бен, и они все поворачиваются. На шариках, которые привязаны к аппарату для просмотра микрофильмов, теперь надпись: «ЛЕКАРСТВО ОТ АСТМЫ ВЫЗЫВАЕТ РАК!» *Под слоганом оскаленные черепа.*

Они взрываются в два приема, сначала половина, потом остальные.

Эдди смотрит на это действо, во рту пересыхает, знакомое ощущение удушья начинает сужать дыхательные пути зажимными болтами.

— Кто с-сказал тебе и ч-что тебе сказали?

Эдди облизывает губы, хочет пойти за ингалятором, но не решается. Кто знает, чем он теперь наполнен?

Он думает о том дне, 20 июля, о том, как мать дала ему чек, со всеми заполненными графами, за исключением суммы прописью, и доллар наличными для него — карманные деньги.

— Мистер Кин, — отвечает он, и собственный голос доносится до ушей издалека. — Мне сказал мистер Кин.

— Не самый лучший человек в Дерри, — отмечает Майк, но Эдди, ушедший в свои мысли, едва слышит его.

Да, тот день выдался жарким, но в торговом зале «Аптечного магазина на Центральной» царила прохлада, деревянные лопасти вентиляторов лениво вращались под лепным потолком, в воздухе стоял умиротворяющий запах изготовляемых на месте порошков и готовых лекарств. В этом месте продавали здоровье — его мать не произносила этих слов вслух, но свято верила в них, и в свои одиннадцать с половиной лет Эдди даже не подозревал, что его мать может ошибаться, в этом или чем-то еще.

«Что ж, мистер Кин положил этому конец», *— думает он теперь с ностальгической злостью.*

Он помнит, что какое-то время провел у стойки с комиксами, вращал ее, чтобы посмотреть, нет ли новых выпусков «Бэтмена», или «Супербоя», или его фаворита, «Пластичного человека». Он уже отдал список матери (она посылала его в аптеку, как других мальчиков посылали в бакалейную лавку на углу) и ее чек мистеру Кину; тот подбирал все необходимое, проставлял в чеке нужную сумму и давал Эдди расписку, чтобы потом мать могла списать эти деньги со своего банковского счета. Эдди не видел в этом ничего необычного. Три различных лекарства для матери, плюс бутылка геритола, потому что, как она загадочно сказала ему: «В нем много железа,

Эдди, а женщинам железа нужно больше, чем мужчинам». Еще его витамины, бутылка «Эликсира доктора Суэтта» для детей... и, разумеется, его лекарство от астмы.

Все всегда шло по заведенному порядку. Потом он заглянул бы в «Костелло-авеню маркет» со своим долларом и купил два шоколадных батончика и «пепси». Съел бы батончики, выпил «пепси» и всю дорогу домой бренчал бы мелочью в кармане. Но этот день выдался другим; закончить его Эдди предстояло в больнице, что уже говорило об отличии этого дня от всех прочих, однако заведенный порядок начал нарушаться раньше — когда его позвал мистер Кин. Потому что вместо того, чтобы вручить Эдди большой белый пакет, набитый лекарствами, и отдать расписку, а потом убедиться, что Эдди засунул ее глубоко в карман, откуда она не выпадет, мистер Кин задумчиво посмотрел на него и сказал:

— Зайди...

2

...на минутку ко мне в кабинет, Эдди. Я хочу с тобой поговорить.

Эдди посмотрел на фармацевта настороженно, немного испуганно. В голове мелькнула мысль, что мистер Кин заподозрил его в воровстве. На парадной двери висело объявление, которое он всегда прочитывал, когда входил в «Аптечный магазин на Центральной». Написали его осуждающими черными буквами, такими большими, что даже Ричи Тозиер мог прочитать без очков: «МЕЛКОЕ ВОРОВСТВО — это НЕ ХОХМА, и это НЕ ПРИКОЛ, и это НЕ ЗАБАВА! МЕЛКОЕ ВОРОВСТВО — это ПРЕСТУПЛЕНИЕ, И МЫ ПОДАДИМ В СУД».

Эдди никогда в жизни ничего не своровал, но это объявление всегда вызывало у него чувство вины — создавало ощущение, будто мистеру Кину известно о нем что-то такое, чего не знал он сам.

А потом мистер Кин запутал его еще больше, спросил:

— Как насчет газировки с мороженым?

— Ну...

— За счет заведения. В это время дня я всегда прошу принести мне ее в кабинет. Хорошая энергетическая подпитка для тех, кому не нужно следить за весом, и могу сказать, что нам двоим точно не нужно. Моя жена говорит, что выгляжу я, как фаршированная ве-

ревка. Твой приятель, этот паренек Хэнском, вот кому нужно следить за весом. Какое тебе мороженое, Эдди?

— Видите ли, мама велела мне возвращаться домой. Как только...

— Чувствую, ты предпочитаешь шоколадное. Подойдет тебе шоколадное? — Глаза мистера Кина блеснули, но сухим блеском, как солнце, отражающееся от кусочков слюды в пустыне. Так, во всяком случае, подумал Эдди, большой поклонник таких авторов вестернов, как Макс Бранд и Арчи Джосилен.

— Конечно, — сдался Эдди. Что-то нервировало его в манере мистера Кина подталкивать к переносице очки в золотой оправе. Да и сам мистер Кин выглядел и озабоченным, и чем-то очень довольным. Эдди не хотелось идти в кабинет мистера Кина. Его приглашали туда не ради газировки. И что бы ему там ни сказали, Эдди точно знал — новости не будут из разряда хороших.

«Может, он собирается сказать мне, что у меня рак, — мелькнула в голове Эдди безумная мысль. — *Этот детский рак. Лейкемия. Боже!»*

«Не тупи, — ответил он себе сам, пытаясь рассуждать у себя в голове здравомысляще, как Заика Билл. Заика Билл уже стал главным героем в жизни Эдди, заменив собой Джока Махони из телесериала «Всадник с гор», который показывали утром по субботам. И пусть Большой Билл не мог говорить, как все, соображал он — лучше не бывает. — *Этот тип — фармацевт, а не врач, в конце концов»*. Но Эдди все равно нервничал.

Мистер Кин поднял крышку прилавка и поманил Эдди костлявым пальцем. Эдди пошел. Пусть и против воли.

Руби, продавщица, сидела у кассового аппарата и читала журнал о кино «Силвер скрин».

— Руби, тебя не затруднит приготовить две газировки с мороженым? — обратился к ней мистер Кин. — Одну — с шоколадным, вторую — с кофейным?

— Конечно. — Руби заложила страницу, которую читала, фольгой от жвачки и встала.

— Принеси их в кабинет.

— Конечно.

— Пошли, сынок, я тебя не съем. — И мистер Кин подмигнул Эдди, на самом деле подмигнул, чем потряс его до глубины души.

Эдди никогда не заходил за прилавок и теперь с интересом разглядывал все эти бутылки, таблетки, банки. Окажись он здесь один,

занялся бы изучением ступки и пестика, весов и гирек, стеклянных емкостей, заполненных капсулами. Но мистер Кин препроводил его в кабинет и плотно закрыл за собой дверь. Когда щелкнула собачка замка, Эдди почувствовал нарастающую напряженность в груди и попытался ее подавить. В белом пакете среди лекарств для матери лежал полностью заправленный ингалятор, и он мог пустить в рот длинную струю, как только выйдет из этого кабинета.

На углу стола мистера Кина стояла банка с лакричными червяками. Он пододвинул ее к Эдди, приглашая угоститься.

— Спасибо, я не хочу, — вежливо отказался Эдди.

Мистер Кин сел на вращающийся стул, стоявший за столом, переставил банку поближе к себе и взял одного червяка. Потом выдвинул ящик, что-то оттуда достал. Положил на стол рядом с высокой банкой лакричных червей, и Эдди охватила настоящая тревога: компанию банке составил ингалятор. Мистер Кин запрокинул голову. Его затылок коснулся настенного календаря. Изображались на календаре все те же таблетки. Под ними большие буквы складывались в слово «СКУИББ»*. И...

...на один кошмарный момент, когда мистер Кин только открыл рот, чтобы заговорить, Эдди вспомнил случившееся с ним в обувном магазине: тогда мать раскричалась на него, еще маленького мальчика, за то, что он сунул ногу в рентгеновский аппарат, которые стояли тогда в обувных магазинах. И в этот кошмарный момент Эдди подумал, что мистер Кин сейчас скажет следующее: «*Эдди, девять из десяти врачей соглашаются с тем, что лекарство от астмы вызывает рак, точно так же, как рентгеновские аппараты, которые ставили в обувных магазинах. Ты им, наверное, уже заболел. Я считаю, что тебе надо это знать*».

Однако на самом деле мистер Кин сказал совсем другое. Настолько неожиданное, что Эдди не нашелся с ответом; мог только сидеть, дурак дураком, на деревянном стуле с прямой спинкой по другую сторону стола мистера Кина.

— Это продолжается довольно долго.

Эдди открыл рот и снова закрыл.

— Сколько тебе лет, Эдди? Одиннадцать, так?

— Да, сэр, — едва слышно ответил Эдди. Дышалось ему с трудом. Он еще не свистел, как кипящий чайник (в таких ситуациях

* «Скуибб» — фармакологическая компания.

Ричи восклицал: «Кто-нибудь, выключите Эдди! Он уже закипел!»), но такое могло случиться в любую секунду. Он с вожделением глянул на ингалятор, лежащий на столе мистера Кина, но, поскольку ждали от него другого, ответил: — В ноябре исполнится двенадцать.

Мистер Кин кивнул. Потом наклонился вперед, как фармацевт в телевизионном рекламном ролике, и сцепил руки перед собой. Линзы его очков блестели в ярком свете потолочных флуоресцентных ламп.

— Ты знаешь, что такое плацебо, Эдди?

Нервничая, Эдди поделился с ним своей лучшей догадкой:

— Это такие штуки у коров, из которых течет молоко, да?

Мистер Кин рассмеялся и откинулся на спинку стула.

— Нет, — ответил он, и Эдди покраснел до корней своих коротко стриженных волос. Теперь он уже мог слышать свист в собственном дыхании. — Плацебо — это...

Его прервал энергичный двойной стук в дверь. Не дожидаясь «войдите», Руби переступила порог, держа в обеих руках по старомодному стакану для газировки с мороженым.

— С шоколадным, как я понимаю, тебе. — Она улыбнулась Эдди, а он, как мог, ей, но никогда раньше, за всю жизнь, его интерес к газировке с мороженым не находился на столь низком уровне. Эдди охватил испуг, как перед всем вообще, так и по вполне конкретному поводу; такое всегда случалось с ним, когда он сидел на смотровом столе доктора Хэндора в одних трусах, дожидаясь, когда доктор придет, и зная, что его мать в приемной, занимает большую часть дивана и крепко, словно псалтырь, держит перед глазами книгу (обычно «Силу позитивного мышления» Нормана Винсента Пила или «Народную медицину Вермонта» доктора Джарвиса). Раздетый, беззащитный, он чувствовал, что на пару они загнали его в ловушку.

Он отпил газировки, когда Руби выходила из кабинета, не ощущая вкуса.

Мистер Кин подождал, пока за девушкой закроется дверь, потом улыбнулся сухой, слюда-на-солнце, улыбкой.

— Расслабься, Эдди. Я тебя не съем и не сделаю тебе ничего дурного.

Эдди кивнул, потому что мистер Кин был взрослым, а со взрослыми следовало соглашаться всегда (так учила его мать), но при этом подумал: *«Да уж, слышал я это вранье. Что-то такое говорил*

врач, когда открыл стерилизатор, и в нос ударил резкий, пугающий запах спирта. Запах уколов и запах вранья, и сводилось все к одному: когда они говорят, что больно не будет, как укус комарика, означает это, что от боли захочется выть».

Он еще раз попытался засосать газировку через соломинку, и, наверное, напрасно. Все оставшееся пространство в сжимающемся горле требовалось ему для того, чтобы проталкивать в легкие воздух. Он вновь посмотрел на ингалятор, лежащий на столе мистера Кина, хотел попросить, но не решился. Странная мысль пришла Эдди в голову: может, мистер Кин знает, что ему нужен ингалятор, но он не решается его попросить, может, мистер Кин

(*мучает*)

дразнит его. Только такая мысль — глупость, так? Взрослый, особенно взрослый, помогающий другим людям поправить здоровье, не стал бы так дразнить маленького мальчика, правда? Конечно же, нет. Об этом даже думать нельзя, потому что такая мысль привела бы к необходимости ужасного переосмысления окружающего мира, каким его представлял себе Эдди.

Но ингалятор лежал, лежал здесь, так близко и так далеко, совсем как вода, до которой не может добраться человек, умирающий от жажды в пустыне. Он лежал здесь, на столе. Под улыбающимися слюдяными глазами мистера Кина.

Эдди хотелось, больше чем когда бы то ни было, оказаться сейчас в Пустоши, со своими друзьями. Мысль о монстре, каком-то огромном монстре, шныряющем под городом, где он родился и вырос, использующем дренажные тоннели и канализационные трубы, чтобы перебираться с места на место, пугала, другая мысль — вступить в борьбу с этим чудовищем и победить, пугала еще больше... но все лучше, чем находиться здесь. Как можно бороться со взрослым, который говорил, что больно не будет, когда ты знал, что будет, да еще как? Как можно бороться со взрослым, который задавал тебе странные вопросы и говорил что-то непонятное вроде: «Это продолжалось достаточно долго»? То есть, чуть ли не случайно, думая совсем о другом, Эдди открыл одну из великих истин детства: настоящие монстры — взрослые. Ничего знаменательного не случилось, мысль эта не сверкнула ослепительной вспышкой, не объявила о себе колокольным звоном и трубным гласом. Просто пришла и ушла, почти похороненная под другой всесокрушающей мыслью: мне нужен мой ингалятор и я хочу уйти отсюда.

— Расслабься, — вновь повторил мистер Кин. — Твои беды, Эдди, большей частью от того, что ты постоянно напряжен и зажат. Возьмем, к примеру, твою астму. Посмотри сюда.

Мистер Кин выдвинул ящик стола, порылся в нем, потом достал воздушный шарик. Набирая в узкую грудь как можно больше воздуха (его галстук подпрыгивал, будто узкая лодка на небольшой волне), надул его. На шарике Эдди прочитал: «АПТЕЧНЫЙ МАГАЗИН НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ». ЛЕКАРСТВА, ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА, ПЕРЕВЯЗОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ». Мистер Кин перекрутил резиновое горлышко и выставил шарик перед собой.

— Давай представим себе, что это легкое. Твое легкое. Мне следовало бы надуть два, но, раз у меня остался только один шарик от распродажи, которую мы устроили сразу после Рождества...

— Мистер Кин, могу я взять ингалятор? — В голове у Эдди начало стучать. Он чувствовал, как пережимается дыхательное горло, а на лбу выступает пот. Его стакан с газировкой и шоколадным мороженым стоял на краю стола мистера Кина. Вишенка наверху медленно проваливалась в сбитые сливки.

— Через минутку, — ответил мистер Кин. — Слушай и смотри внимательно, Эдди. Пора кому-то это сделать. Если Рассу Хэндору не хватает мужества, придется мне. Твое легкое — такой же шар, только обтянуто мышцами. Эти мышцы — как руки человека, работающего с мехами, ты понимаешь? У здорового человека они помогают легкому расширяться и сокращаться. Но если хозяин легких постоянно зажат и напряжен, мышцы начинают работать против легких, а не помогать им. Смотри!

Мистер Кин положил узловатую, костлявую, с почечными бляшками руку на воздушный шар и надавил. Шар раздулся и вылез из-под его кулака. Эдди сжался, готовясь к хлопку. Одновременно почувствовал, что дыхательное горло перекрыто полностью. Наклонился через стол и схватил ингалятор. Плечом ударил тяжелый стакан с мороженым и газировкой. Стакан слетел со стола и с грохотом разбился об пол.

Грохот этот Эдди слышал смутно. Он сдергивал крышку с ингалятора, всовывал наконечник в рот, нажимал на клапан. Со всхлипом попытался вдохнуть, и мысли его, как и всегда в такие моменты, понеслись паническим потоком, наталкивались друг на друга: *«Пожалуйста мамочка я задыхаюсь я не могу ДЫШАТЬ ох мой дорогой Боже ох мой дорогой Иисус добрый и милосердный я не*

могу ДЫШАТЬ пожалуйста я не хочу умирать не хочу умирать пожалуйста...»

А потом туман, выплеснувшийся из ингалятора, сконденсировался на распухших стенках дыхательного горла, и он снова смог дышать.

— Извините. — Эдди чуть не плакал. — Мне очень жаль, что стакан разбился... я все уберу и заплачу за него... только, пожалуйста, не говорите маме, хорошо? Извините, мистер Кин, но я не мог вдохнуть...

Раздался двойной стук в дверь, и Руби всунула голову в кабинет.

— У вас все...

— Все отлично, — оборвал ее мистер Кин. — Оставь нас.

— Ну, тогда изви-и-ните! — Руби закатила глаза и закрыла дверь.

Эдди вновь задышал со свистом. Еще раз пустил в рот струю из ингалятора, опять начал извиняться. Замолчал, лишь заметив, что мистер Кин ему улыбается — своей особенной сухой улыбкой. Руки он сложил на животе. Сдувшийся воздушный шарик лежал на столе. Новая мысль пришла в голову Эдди. Он пытался ее прогнать, но не смог. Мистер Кин выглядел так, будто приступ астмы Эдди доставил ему больше удовольствия, чем газировка с кофейным мороженым, стакан с которой наполовину опустел.

— Не волнуйся, — ответил он, — потом Руби здесь приберется, и, по правде говоря, я даже рад, что ты разбил стакан. Потому что я пообещаю ничего не говорить твоей матери, если ты пообещаешь не говорить ей об этом нашем разговоре.

— Конечно, обещаю, — с жаром воскликнул Эдди.

— Хорошо, — кивнул мистер Кин. — Мы достигли взаимопонимания. И ты чувствуешь себя гораздо лучше, так?

Эдди кивнул.

— Почему?

— Почему? Ну... потому что я принял лекарство. — Он посмотрел на мистера Кина, как в школе смотрел на миссис Кейси, если давал ответ, в правильности которого сомневался.

— Но ты принял не лекарство, — возразил мистер Кин. — Ты принял плацебо. Плацебо, Эдди, выглядит как лекарство, и по вкусу как лекарство, но это не лекарство. Плацебо — не лекарство, потому что не содержит активных компонентов. Или если это лекар-

ство, то лекарство крайне необычное. Лекарство для головы. — Мистер Кин улыбнулся. — Ты это понимаешь, Эдди? Лекарство для головы.

Эдди понял, чего там; мистер Кин говорил ему, что он — чокнутый. Но онемевшие губы выдали другой ответ:

— Нет, я вас не понимаю.

— Позволь рассказать тебе короткую историю, — продолжил мистер Кин. — В 1954 году в университете Депола* проводились исследования с больными язвой. Ста пациентам давали таблетки. Всем говорили, что таблетки помогут им вылечить язвенную болезнь, но при этом половине пациентов давали плацебо... если на то пошло, драже «М-энд-М» с одинаковой розовой глазурью. — Мистер Кин издал странный пронзительный смешок, словно описывал какую-то удачный розыгрыш, а не научный эксперимент. — Из ста пациентов девяносто три отметили значительное улучшение своего состояния, а у восьмидесяти одного это улучшение зафиксировали проведенные обследования. И что ты думаешь? Какой вывод ты сделаешь из этого эксперимента?

— Я не знаю, — еле слышно ответил Эдди.

Мистер Кин постучал себя по голове.

— Большинство болезней начинаются здесь, вот что я думаю. Я уже много, очень много лет занимаюсь этим бизнесом, и узнал о плацебо задолго до того, как врачи из университета Депола провели свое исследование. Обычно плацебо прописывают старикам. Пожилые люди, и мужчины, и женщины, приходят к доктору, убежденные, что у них болезнь сердца, или рак, или диабет, и еще какая-то ужасная напасть. Но очень часто ничего этого нет и в помине. Они неважно себя чувствуют только потому, что они старые, ничего больше. Но что в такой ситуации делать врачу? Говорить им, что они — часы без ходовой пружины? Ха! Едва ли. Врачи слишком любят полагающиеся им вознаграждения. — И теперь губы мистера Кина изогнулись, выражая нечто среднее между улыбкой и презрительной усмешкой.

Эдди просто сидел, ожидая, когда все закончится, закончится, закончится. «*Но ты принял не лекарство*» — эти слова не выходили из головы.

---

* Университет Депола — частный крупнейший католический университет США. Расположен в Чикаго.

— Врачи им это не говорят, и я им это не говорю. Зачем суетиться? Иногда такой старичок или старушка приходят сюда с рецептом, на котором прямо написано: «Placebo», или 25 миллиграмм «Blue skies»*, так это называл старый док Пирсон.

Мистер Кин хохотнул и глотнул газировки с кофейным мороженым.

— И что в этом плохого? — спросил он Эдди, а поскольку Эдди сидел и молчал, сам же и ответил: — Ничего! Абсолютно ничего! По крайней мере... обычно. Плацебо — дар божий для стариков. А есть и другие случаи — раковые больные, люди с прогрессирующей сердечной недостаточностью, с ужасными болезнями, которые мы еще не понимаем и не можем лечить, и некоторые из них дети, такие, как ты, Эдди! Если в таких случаях плацебо помогает пациенту почувствовать себя лучше, в чем вред? Ты видишь вред, Эдди?

— Нет, сэр, — ответил Эдди, глядя на пятна шоколадного мороженого и взбитых сливок, лужу газировки и осколки стакана на полу. Посреди этого безобразия лежала вишенка, словно сгусток свернувшейся крови на месте преступления. У него вновь сдавило грудь.

— Тогда мы с тобой одного поля ягоды! Мыслим одинаково. Пять лет назад, когда у Вернона Майтленда обнаружили рак пищевода — болезненную, очень болезненную разновидность рака, — и у врачей закончились все эффективные средства, которые позволяли снимать боль, я пришел к нему в больницу с пузырьком шариков из сахарозы. Видишь ли, он был моим самым близким другом. И я ему сказал: «Верн, это экспериментальное болеутоляющее средство. Врач не знает, что я даю тебе это лекарство, поэтому, ради бога, будь осторожен и не выдай меня. Они могут не сработать, но, думаю, они сработают. Принимай не больше одной в день, и только если боль станет совсем уж невыносимой». Он благодарил меня со слезами на глазах. Со слезами, Эдди! И это лекарство для него сработало! Всего лишь шарики из сахарозы, но они убивали большую часть боли... потому что боль — здесь.

И мистер Кин, очень серьезно, вновь постучал себя по голове.

— Мое лекарство тоже работает, — указал Эдди.

— Я знаю, что работает, — кивнул мистер Кин и улыбнулся выводящей из себя, самодовольной улыбкой взрослого. — Оно сраба-

* «Blue skies» — небесная синева (*англ.*).

тывает для твоей груди, потому что воздействует на твою голову. «Гидрокс», Эдди, это вода с капелькой камфорного масла для медицинского привкуса.

— Нет! — В дыхании Эдди вновь послышался свист.

Мистер Кин отпил газировки, отправил в рот ложечку тающего кофейного мороженого и брезгливо вытер подбородок носовым платком, пока Эдди вновь воспользовался ингалятором.

— Я хочу уйти. — Эдди приподнялся со стула.

— Позволь мне закончить, пожалуйста.

— Нет! Я хочу уйти, вы получили свои деньги, и я хочу уйти.

— Позволь мне закончить. — Слова эти мистер Кин произнес так категорично, что Эдди опустился на стул. Как же иной раз дети ненавидят взрослых за их власть. Как же ненавидят!

— Отчасти эта проблема вызвана тем, что твой доктор, Расс Хэндор, слабак. Но главная причина в твоей матери, в ее абсолютной уверенности в том, что ты болен. А ты, Эдди, попал между двух огней.

— Я не чокнутый, — выдохнул Эдди.

Стул под мистером Кином заскрипел, как гигантский сверчок.

— Что?

— Я сказал, что я не чокнутый! — прокричал Эдди. И тут же его лицо залила краска стыда.

Мистер Кин улыбнулся. Думай что хочешь, говорила его улыбка. Думай что хочешь, но и я буду думать что хочу.

— Эдди, я тебе говорю только одно: физически ты совершенно здоров. В твоих легких астмы нет — она в твоем разуме.

— То есть вы говорите, что я чокнутый.

Мистер Кин наклонился вперед, пристально глядя на Эдди поверх сцепленных на столе рук.

— Я не знаю. — Голос звучал мягко. — Ты чокнутый?

— Это все ложь! — воскликнул Эдди, удивленный, что такие громкие слова вырвались из его сжатой груди. Он думал о Билле, о том, как Билл отреагировал бы на такие потрясающие известия. Билл знал бы, что ответить, заикаясь или нет. Билл знал, когда должно проявить храбрость. — Все это одна большая ложь. У меня астма, астма!

— Да, — кивнул доктор Кин, и теперь обычно сухая улыбка превратилась в оскал черепа. — Но откуда она у тебя взялась?

В голове у Эдди бушевал смерч. И как же ему стало плохо, совсем плохо.

— Четыре года назад, в 1954-м — как это ни странно, в тот самый год, когда университет Депола проводил свои исследования, — доктор Хэндор начал прописывать тебе «Гидрокс». Название обозначает водород и кислород, два компонента воды. С того времени я потворствовал этому обману, но больше не стану. Твоя астма воздействует на твой разум, а не на тело. Твоя астма — результат нервного напряжения диафрагмы по воле твоего сознания... или твоей матери. Физически ты совершенно здоров.

Повисла гнетущая тишина.

Эдди так и сидел на стуле, в голове все смешалось. На мгновение он позволил себе предположить, что мистер Кин говорит правду, но вывод этот вел к слишком уж жутким последствиям. С другой стороны, а зачем мистеру Кину лгать, тем более в столь серьезном вопросе? Мистер Кин сидел и улыбался своей яркой, сухой, бессердечной пустынной улыбкой.

«У меня есть астма, есть. В тот день, когда Генри Бауэрс ударил меня в нос, день, когда мы с Биллом пытались построить плотину в Пустоши, я чуть не умер. И я должен думать, что мое сознание всего лишь... всего лишь это выдумало?

Но с чего ему лгать? (И только по прошествии многих лет, в библиотеке, Эдди задал себе еще более ужасный вопрос: «С чего ему нужно было говорить правду?»)».

Смутно он услышал голос мистера Кина:

— Я никогда не упускал тебя из виду, Эдди. И рассказал тебе все это, потому что теперь ты достаточно взрослый, чтобы меня понять, и еще по одной причине — я заметил, что у тебя наконец-то появились друзья. Они хорошие друзья, так?

— Да, — кивнул Эдди.

Мистер Кин качнулся на стуле назад (снова раздался скрип, заставляющий вспомнить о сверчках) и закрыл один глаз: может, подмигнул, а может, и нет.

— И я готов спорить, твоя мать их не очень-то жалует, так?

— Они ей очень даже нравятся, — ответил Эдди, думая о том, как мать осуждала Ричи Тозиера («у него не рот, а помойка... и я принюхалась к его дыханию, Эдди... думаю, он курит»), как пренебрежительно наказывала ему не одалживать деньги Стэнли Урису, потому что тот — еврей, как терпеть не могла Билла Денбро и

этого «толстяка». Но повторил ту же фразу. — Они ей очень даже нравятся.

— Правда? — Мистер Кин продолжал улыбаться. — Что ж, может, это так, может — нет, но, во всяком случае, у тебя есть друзья. Почему бы тебе не поговорить с ними об этой проблеме? Это... это психологическая слабость. Выясни, что они тебе скажут.

Эдди не ответил. Для него разговор с мистером Кином закончился; он уже решил, что молчать — безопаснее. И боялся, что расплачется, если в самом скором времени не уйдет из этого кабинета.

— Что ж! — Мистер Кин встал. — Думаю, на этом все, Эдди. Если я тебя расстроил, извини. Я лишь выполняю свой долг, каким я его вижу. Я...

Но прежде чем он успел сказать что-то еще, Эдди сбежал, с ингалятором в одной руке и белым пакетом с порошками и таблетками в другой. Одна нога поскользнулась на пятне мороженого, и он чуть не упал. За дверью припустил еще быстрее, пулей вылетел из «Аптечного магазина на Центральной», несмотря на свистящее дыхание. Руби оторвалась от журнала о кино, разинув рот, посмотрела ему вслед.

Спиной он чувствовал, что мистер Кин стоит в дверях и поверх прилавка для лекарств по рецепту лицезрит его бесславное бегство, худющий, аккуратный, задумчивый и улыбающийся. Улыбающийся той самой сухой пустынной улыбкой.

Он остановился на перекрестке, где сходились Канзас-стрит, Центральная и Главная улицы. Сев на низкую каменную стенку около автобусной остановки, вновь пустил в горло струю из ингалятора. Его горло уже стало склизким от этого медицинского привкуса,

(*это вода с капелькой камфорного масла для медицинского привкуса*)

и Эдди подумал, что его скорее всего вывернет наизнанку, если сегодня он еще раз воспользуется ингалятором.

Он сунул ингалятор в карман и, наблюдая за проезжающими автомобилями, направился по Главной улице к холму Подъем-в-милю. Он старался ни о чем не думать. Ослепительно жаркое солнце пекло голову. Каждый проезжающий автомобиль «выстреливал» в глаза дротиками отраженного света, и в висках уже начала стучать боль. Он не мог заставить себя по-прежнему злиться на мистера Кина, но с тем, чтобы испытывать жалость к Эдди Каспбрэку

проблем не возникало. Он очень жалел Эдди Каспбрэка. Он полагал, что Билл Денбро не стал бы тратить время на жалость к себе, но ничего не мог с собой поделать.

Более всего ему хотелось последовать совету мистера Кина: пойти в Пустошь и рассказать все своим друзьям, послушать, что они скажут, узнать, какие они могут предложить ответы. Но сейчас сделать это он не мог. Мать ждала его домой,

(*по воле твоего сознания... или твоей матери*)

и если бы он не вернулся,

(*главная причина в твоей матери, в ее абсолютной уверенности в том, что ты болен*)

все могло закончиться плачевно. Она предположила бы, что он был с Биллом, или с Ричи, или с «жиденком», как она называла Стэна (настаивая, что называет его так не из предвзятости — просто «выкладывает карты на стол»: под этим подразумевалась правдивость в сложных ситуациях). И, стоя на уличном углу, безуспешно пытаясь хоть как-то упорядочить ход мыслей, Эдди знал, что она сказала бы ему, узнав, что еще один из его друзей негр, а еще один — девочка, и не такая маленькая, потому что у нее уже начала наливаться грудь.

Медленно он двинулся дальше, в ужасе от того, что в такую жару придется карабкаться на холм Подъем-в-милю. Тротуар, по его разумению, раскалился до такой степени, что можно жарить яичницу. Впервые ему захотелось, чтобы в школе вновь начались занятия и он оказался бы в новом классе, подлаживаясь под требования новой учительницы, чтобы наконец-то закончилось это жуткое лето.

Он остановился на середине подъема, недалеко от того места, где двадцать семь лет спустя Билл Денбро вновь набредет на Сильвера, и вытащил из кармана ингалятор. Прочитал на наклейке: «Аэрозоль гидрокса. Применять по необходимости».

И еще какой-то элемент головоломки встал на место. «*Применять по необходимости*». Он был еще ребенком, сосунком (как иногда называла его мать, когда «выкладывала карты на стол»), но даже одиннадцатилетний ребенок знал, что никто никому не даст настоящее лекарство, а потом напишет на нем «*применять по необходимости*». Будь это настоящее лекарство, так легко убить себя, принимая его, едва возникнет желание. Эдди здраво рассудил, что так можно окочуриться даже от аспирина.

Он сверлил взглядом ингалятор, не заметив старушки, которая с любопытством посмотрела на него, направляясь вниз, к Главной улице, с корзинкой для продуктов в руке. Эдди чувствовал, что его предали. И в тот момент он едва не выбросил пластиковую бутылочку в канаву... «*Нет*, — подумал он, — *лучше сразу отправить ее в водосток*». Конечно! Почему нет? Пусть эта бутылочка достанется Оно, пребывающему где-то в подземных тоннелях и коллекторах. «*Подавись пла-це-бо, ты, стомордое уродище!*» Эдди дико рассмеялся и вплотную приблизился к тому, чтобы так и поступить. Но в конце концов привычка оказалась слишком сильной. Он снова убрал ингалятор в правый передний карман брюк и пошел дальше, едва замечая редкие автомобильные гудки или рокот дизельного двигателя автобуса, когда тот проезжал мимо. И конечно же, Эдди понятия не имел, как скоро ему придется узнать, что такое боль — настоящая боль.

3

Двадцать пять минут спустя, когда Эдди выходил из «Костелло-авеню маркет» с «пепси» и двумя шоколадными батончиками «Пейдей», его ждал неприятный сюрприз: слева от маленького магазина, на дробленом гравии стояли на коленях Генри Бауэрс, Виктор Крисс, Лось Сэдлер и Патрик Хокстеттер. В первый момент Эдди подумал, что они играют в кости; потом увидел, что собирают деньги в «общий котел» на бейсбольной рубашке Виктора. Рядом грудой лежали их учебники летней школы.

В обычный день Эдди тихонько ретировался бы в магазин и попросил мистера Гедро позволить ему выйти через черный ход, но этот день никак не тянул на обычный. Эдди замер на месте, одной рукой схватившись за сетчатую дверь с маленькими рекламными плакатами сигарет: «ВИНСТОН» — ВКУС НАСТОЯЩИХ СИГАРЕТ», «ИЗ ДВАДЦАТИ ОДНОГО СОРТА ОТЛИЧНОГО ТАБАКА ПОЛУЧАЕТСЯ ДВАДЦАТЬ ЛУЧШИХ СИГАРЕТ», и с мальчиком-посыльным, кричащим «ТРЕБУЙТЕ «ФИЛИП МОРРИС», а в другой держа коричневый пакет с магазинными покупками и белый — из аптеки.

Виктор Крисс увидел его и ткнул локтем Генри. Тот поднял голову; как и Патрик Хокстеттер. Лось, который соображал медленнее, продолжал отсчитывать центы еще секунд пять, прежде чем

понял, что вокруг него установилась какая-то странная тишина, и тоже поднял голову.

Генри встал, отряхивая с колен мелкие камешки. Две лонгеты торчали из-под повязки на носу, и заговорил он гнусавым голосом.

— Чтоб мне сдохнуть. Один из камнеметчиков. И где твои друзья, говнюк? В магазине?

Эдди покачал головой прежде, чем сообразил, что это очередная ошибка.

Улыбка Генри стала шире.

— Что ж, это хорошо. Я не против того, чтобы разобраться с вами по одному. Спускайся вниз, говнюк.

Виктор стоял рядом с Генри. Патрик Хокстеттер — чуть сзади, его застывшую бессмысленную улыбку Эдди знал со школы. Лось еще поднимался.

— Иди сюда, говнюк, — добавил Генри. — Давай поговорим о бросании камней. Давай об этом поговорим, хочешь?

Теперь, уже слишком поздно, Эдди решил, что лучше всего ему вернуться в магазин. В магазин, где он будет под защитой взрослого. Но когда он попятился, Генри рванулся вперед и схватил его. Дернул Эдди за руку, дернул сильно, и его улыбка сменилась злобным оскалом. Другой рукой Эдди больше не держался за сетчатую дверь. Он слетел со ступенек и обязательно ткнулся бы лицом в гравий, если бы Виктор не поймал его под мышки, и тут же не отбросил. Эдди удалось удержаться на ногах, но, чтобы сохранить равновесие, он дважды повернулся вокруг оси. Теперь четверо парней смотрели на него с расстояния в десять футов, Генри — чуть впереди остальных, вновь улыбаясь. Волосы на затылке стояли торчком.

Слева от Генри был Патрик Хокстеттер, действительно жуткий парень. До этого дня Эдди не приходилось видеть, чтобы он с кем-то водил компанию. Патрика отличал и избыток веса, так что его брюхо нависало над ремнем с пряжкой Красного всадника. Его идеально круглое лицо всегда было белым, как сметана. Теперь же оно чуть подрумянилось, нос просто обгорел, и краснота растекалась с крыльев на щеки. В школе Патрик обожал убивать мух зеленой пластмассовой линейкой и складывать их в пенал. Иногда он показывал свою коллекцию дохлых мух какому-нибудь новенькому ученику на школьном дворе во время перемены. Его толстые губы

улыбались, но серо-зеленые глаза оставались серьезными и задумчивыми. Он никогда не произносил ни слова, когда демонстрировал свою коллекцию, что бы ни говорил ему новичок. Такое же выражение лица было у него и сейчас.

— Как поживаешь, Человек-камень? — Генри двинулся к Эдди. — Сегодня камни с собой прихватил?

— Не трогай меня. — Голос Эдди дрожал.

— «Не трогай меня», — передразнил Генри, вскинув руки в притворном ужасе. Виктор рассмеялся. — А что сделаешь, если трону, Человек-камень? Что? — С невероятной быстротой он выбросил руку вперед и врезал Эдди по скуле. Грохнуло, как при ружейном выстреле. Голова Эдди дернулась. Из левого глаза потекли слезы.

— Мои друзья в магазине, — пробормотал Эдди.

— «Мои друзья в магазине», — пронзительным голосом прокричал Патрик Хокстеттер. — Ой! Ой! Ой! — И начал обходить Эдди справа.

Эдди уже поворачивался к нему, когда Генри ударил его второй раз, уже по другой скуле.

«Не плачь, — сказал он себе, — *этого они от тебя хотят, но ты этого не сделаешь, Эдди, Билл бы этого не сделал, Билл не заплакал бы, и ты тоже не запла...»*

Виктор шагнул вперед и открытой ладонью толкнул Эдди в грудь. Эдди отступил на полшага, а потом упал через Патрика, который присел у его ног. Он ударился спиной о гравий, попытался оттолкнуться от него руками, а потом — у-уф — из легких разом вышел весь воздух.

Генри Бауэрс прыгнул на него, коленями прижал руки, задом уселся на живот.

— Прихватил с собой камни, Человек-камень? — проревел Генри, и безумный блеск его глаз испугал Эдди куда больше, чем боль в руках или невозможность вдохнуть. Генри рехнулся, сомнений не оставалось. И рядом вертелся Патрик.

— Хочешь побросать камни? Я дам тебе камней! Вот! Вот тебе камни!

Генри сгреб пригоршню дробленого гравия, опустил руку на лицо Эдди, и принялся втирать гравий в кожу, раздирая щеки, веки, губы. Эдди открыл рот и закричал.

— Тебе нужны камни! Я дам тебе камней, Человек-камень! Тебе нужны камни? Хорошо! Хорошо! Хорошо!

И начал набивать дробленым гравием открытый рот Эдди. Камешки царапали десны, скрежетали на зубах, отскакивали от пломб. Эдди снова закричал и выплюнул гравий.

— Хочешь еще камней? Да? Добавить еще? Добавить...

— Прекрати! Слышишь! Прекрати! Ты, мальчик! Отстань от него! Немедленно! Ты меня слышишь? Отстань от него!

Заплаканными, полуприкрытыми глазами Эдди увидел, как большая рука опустилась вниз, схватила Генри за воротник рубашки и правую лямку комбинезона. Дернула, и Генри отлетел в сторону. Приземлился на гравий и вскочил. Эдди так быстро подняться не удалось. Он попытался встать, но тело поначалу не слушалось. Он жадно хватал ртом воздух и выплевывал изо рта окровавленные камешки.

Ему на помощь пришел мистер Гедро, в длинном белом фартуке, и чувствовалось, что он в ярости. На лице владельца магазина не читалось страха, хотя Генри перерос его на три дюйма и весил фунтов на пятьдесят больше. На лице владельца магазина не читалось страха, потому что он был взрослым, а Генри — ребенком. «*Да только сейчас*, — подумал Эдди, — *это ничего не значит. Мистер Гедро просто не понимает. Он не понимает, что Генри рехнулся*».

— Убирайтесь отсюда! — Мистер Гедро надвигался на Генри, пока мыски его туфель не уперлись в мыски кроссовок высокого мальчика с угрюмым лицом. — Убирайтесь отсюда и не смейте возвращаться. Такого я не потерплю. Четверо на одного! Что скажут ваши матери?

Он оглядел остальных горящими злыми глазами. Лось и Виктор опустили головы. Принялись изучать свои кроссовки. Патрик продолжал смотреть то ли на мистера Гедро, то ли сквозь него пустыми серо-зелеными глазами. А мистер Гедро перевел взгляд на Генри и успел сказать:

— Садитесь на свои велосипеды и... — когда Генри сильно толкнул его в грудь.

Выражение крайнего изумления, появившееся на лице мистера Гедро, при других обстоятельствах выглядело бы комично. Он отлетел назад, из-под ног брызнул гравий, ударился пятками о нижнюю ступеньку лестницы, ведущей к дверям его магазина, и плюхнулся на третью.

— Да как ты... — начал он.

Тень Генри нависла над ним.

— Убирайся в магазин.

— Ты... — Но на этот раз мистер Гедро замолчал сам. Потому что увидел (Эдди это понял) огонь безумия в глазах Генри. Быстро поднялся, фартук хлопнул об ноги, повернулся, начал подниматься, споткнулся, упал на одно колено, тут же вскочил, но, споткнувшись, выказал страх, а потому лишился последних остатков власти взрослого над детьми.

У двери мистер Гедро оглянулся.

— Я звоню копам!

Генри сделал вид, будто сейчас прыгнет на него, и мистер Гедро ретировался в магазин. И Эдди понял, что для него все кончено. Невероятно, непостижимо, но здесь он защиты не найдет. Оставалось одно — уносить ноги.

И пока Генри стоял у лестницы и сверлил взглядом мистера Гедро, а остальные будто зачарованные смотрели (и, за исключением Патрика Хокстеттера, не без ужаса) на это неожиданно успешное покушение на власть взрослых, Эдди увидел свой шанс. Развернулся и побежал.

Он уже миновал полквартала, когда Генри обернулся, сверкая глазами.

— Хватай его! — проревел он.

Астма или нет, в тот день Эдди заставил своих преследователей попотеть. На некоторых участках, иной раз длиной по пятьдесят футов, он не помнил, как подошвы его туфель касались земли. Несколько мгновений он даже лелеял робкую мысль, что ему удастся от них убежать.

А потом, буквально перед тем, как он выбежал на Канзас-стрит, где, возможно, смог бы почувствовать себя в безопасности, с подъездной дорожки на тротуар, прямо под ноги Эдди, неожиданно выехал маленький мальчик на трехколесном велосипеде. Эдди попытался свернуть, но при такой скорости лучше бы перепрыгнул через мальчишку (звали его Ричард Коуэн, ему предстояло вырасти, жениться и стать отцом Фредерика Коуэна, которого утопила в унитазе и частично съела тварь, поднявшись над унитазом облаком черного дыма, а потом превратившись в невообразимого монстра), хотя бы предпринял такую попытку.

Одна нога Эдди зацепилась за заднюю подножку велосипеда, на котором этот маленький говнюк мог стоять одной ногой, если хотел толкать велосипед, как самокат. Ричард Коуэн, чьего еще не

рожденного сына Оно убьет двадцать семь лет спустя, даже не покачнулся на своем сидении. Эдди, однако, взлетел в воздух, приземлился, ударившись плечом о тротуар, подскочил, вновь приземлился, по инерции его протащило еще десять футов, сдирая кожу на локтях и коленях. Он пытался встать, когда Генри Бауэрс врезался в него, как снаряд базуки, и Эдди распластался на тротуаре. Носом ткнулся в бетон. Полилась кровь.

Генри откатился в сторону, как парашютист-десантник, и вновь вскочил. Схватил Эдди за загривок и кисть правой руки. Из раздутого, зажатого между лонгетами носа вырывался жаркий и влажный воздух.

— Тебе нужны камни, Человек-камень? Конечно! Срань вонючая! — Он заломил руку Эдди за спину. Эдди закричал — Камни для Человека-камня, так, Человек-камень? — Он заломил руку еще выше. Эдди закричал громче. За спиной он слышал приближающиеся шаги остальных. И малыш на трехколесном велосипеде начал вопить. «*Добро пожаловать в клуб, парень*», — подумал Эдди, и, несмотря на боль, несмотря на слезы и страх, с губ сорвался громкий смех, очень уж похожий на ослиный рев.

— Думаешь, это смешно? — спросил Генри, и в голосе звучало скорее изумление, чем ярость. — Думаешь, это смешно? — А может, в голосе звучал и испуг? По прошествии многих лет Эдди подумает: «*Да, испуг. В голосе звучал испуг*».

Эдди извернулся, хотя Генри по-прежнему держал его за запястье. Кожа стала скользкой от пота, и он почти вырвался из пальцев Генри. Может, поэтому Генри заломил руку Эдди еще сильнее. Эдди услышал треск в руке — такой звук раздается, когда зимой ломается ветка под тяжестью льда и снега. От руки по всему телу покатилась боль, дикая и ослепляющая. Он пронзительно закричал, но крик этот до его ушей донесся откуда-то издалека. Мир становился серым и, когда Генри отпустил его и оттолкнул, он вроде бы полетел над тротуаром. Прошло много времени, прежде чем он приземлился на этот самый тротуар. Пока летел, он успел хорошенько рассмотреть каждую трещинку. Успел даже полюбоваться отражением лучей июльского солнца во вкраплениях слюды в бетоне тротуара. Успел заметить квадраты «классиков», давным-давно нарисованных розовым мелком. Потом — на миг — эти розовые полосы начали изгибаться, менять форму, стали чем-то еще. Теперь они выглядели, как черепаха.

Наверное, он потерял бы сознание, но ударился сломанной рукой, и это принесло новую боль — резкую, острую, обжигающую, ужасную. Он почувствовал скрежет трущихся друг о друга торцов кости в месте перелома. Прикусил язык так, что брызнула кровь. Перекатился на спину и увидел стоящих над ним Генри, Виктора, Лося и Патрика. Выглядели они невероятно высокими, невероятно здоровенными, напоминая людей, которые принесли гроб и теперь заглядывали в могилу.

— Тебе это нравится, Человек-камень? — спросил Генри, голос его долетал издалека, прорываясь сквозь облака боли. — Тебе нравятся такие игры, Человек-камень? Тебе нравится такая заварушка?

Патрик Хокстеттер засмеялся.

— Твой отец полоумный, — услышал Эдди свой голос, — и ты такой же.

Ухмылка слетела с лица Генри в мановение ока, словно ему влепили пощечину. Он поднял ногу, чтобы пнуть Эдди... и тут в жарком, застывшем воздухе послышался и начал нарастать вой полицейской сирены.

— Генри, я думаю, нам лучше сматываться, — сказал Лось.

— Я точно знаю, что мне тут делать больше нечего, — поддержал его Виктор. Из какого же далека доносились их голоса! Они, казалось, приплывали, как воздушные шары клоуна. Виктор побежал к библиотеке, через Маккэррон-парк, чтобы не маячить на улице.

Генри на мгновение замешкался, возможно, надеясь, что полицейский автомобиль едет по своим делам куда-то еще и он сможет продолжить заниматься своими. Но сирена неумолимо приближалась.

— Повезло тебе, падла, — бросил он и вместе с Лосем последовал за Виктором.

Патрик Хокстеттер чуть задержался.

— Это тебе довесок, — прошептал он низким, сиплым голосом. Вдохнул и выплюнул большой комок зеленой слизи на потное, окровавленное лицо Эдди. Выхаркнул. — Не ешь все сразу, если не хочешь. — И губы Патрика разошлись в желчной, пугающей улыбке. — Часть оставь на потом, если хочешь.

Он медленно повернулся и тоже ушел.

Эдди попытался стереть харкотину с лица здоровой рукой, но от малейшего движения боль вспыхивала с новой силой.

«Да уж, выходя из аптеки, ты и думать не думал, что очень скоро будешь лежать на тротуаре Костелло-авеню со сломанной рукой и с харкотиной Патрика Хокстеттера, ползущей по лицу. Так? Ты даже не выпил «пепси». Жизнь полна сюрпризов, верно?»

Невероятно, но Эдди вновь рассмеялся. Едва слышно, конечно, и смех болью отдавался в сломанной руке, но он грел душу. И Эдди отметил кое-что еще: никакой астмы. Дыхание нормальное, во всяком случае, пока. Оно и к лучшему. В таком состоянии он не смог бы дотянуться до ингалятора. Ни при каких обстоятельствах.

Сирена выла и выла совсем близко. Эдди закрыл глаза, и веки просвечивали красным. Потом красное стало черным — на него легла тень. Маленького мальчика на трехколесном велосипеде.

— Все хорошо? — спросил маленький мальчик.

— По мне видно, что у меня все хорошо?

— По тебе видно, что у тебя все ужасно. — И маленький мальчик отъехал, напевая детскую песенку.

Эдди опять начал смеяться. Подъехала полицейская машина; он услышал скрип тормозов. Ему захотелось, чтобы приехал мистер Нелл, хотя Эдди и знал, что мистер Нелл — пеший патрульный.

«Так почему, скажи на милость, ты смеешься?»

Эдди не знал, как не знал, почему, несмотря на боль, он испытывает такое огромное облегчение. Может, причина состояла в том, что он по-прежнему жив, отделался всего лишь сломанной рукой и все еще поправимо? Тогда его полностью устроил такой ответ, но годы спустя, сидя в библиотеке Дерри со стаканом джина и сливового сока перед собой и ингалятором под рукой, он сказал остальным, что чувствовал — причина не только в этом; он был достаточно взрослым, чтобы это чувствовать, хотя и не мог понять или выразить словами, в чем еще.

«Я думаю, что тогда впервые в жизни ощутил настоящую боль, — мог бы сказать он своим друзьям. — *И она оказалась совсем не такой, как я ее себе представлял. Она не уничтожила меня как личность... у меня появилась база для сравнения, я выяснил, что человек может существовать, испытывая боль и несмотря на боль».*

Эдди повернул голову направо и увидел большие черные шины «Файрстоун», сверкающие хромом колпаки, пульсирующие синие огни. И тут же услышал голос мистера Нелла, густой ирландский, невероятно ирландский, куда более похожий на голос Ирландско-

го копа в исполнении Ричи, чем на настоящий голос мистера Нелла... но, возможно, сказывалось расстояние:

— Господи Йисусе, это же малыш Каспбрэк!

В этот самый момент Эдди «улетел».

4

И, за одним исключением, довольно долго где-то «летал».

В себя он пришел совсем ненадолго в «скорой». Увидел мистера Нелла, который сидел у стены, пил что-то из маленькой бутылки коричневого стекла и читал книгу карманного формата. Называлась книга «Суд — это я»*. Такой большой груди, как у девушки на обложке, Эдди видеть не доводилось. Его взгляд сместился с мистера Нелла на водителя. Тот обернулся к Эдди и одарил его широкой зловещей улыбкой, лицо было мертвенно-бледным от грима и талька, глаза сверкали, как новенькие четвертаки. За рулем «скорой помощи» сидел Пеннивайз.

— Мистер Нелл, — прохрипел Эдди.

Мистер Нелл поднял голову и улыбнулся:

— Как себя чувствуешь, мой мальчик?

— ...водитель... водитель...

— Да мы в минуту приедем. — Мистер Нелл протянул Эдди маленькую коричневую бутылку. — Глотни. Сразу полегчает.

Эдди выпил чего-то такого, что напоминало жидкий огонь. Закашлялся, вновь разбередив руку. Опять посмотрел на водителя. Какой-то незнакомый мужчина со стрижкой-ежиком. Не клоун.

Эдди вновь провалился в небытие.

И снова пришел в себя уже в палате приемного отделения. Медсестра влажной прохладной тряпкой стирала с его лица кровь, грязь, харкотину и кусочки гравия. Лицо щипало, но влажная тряпка приятно холодила кожу. Он услышал голос матери, бушующей за дверьми, и попытался попросить медсестру не впускать ее, но ни слова не срывалось с его губ, как он ни старался.

— ...если он умирает, я хочу это знать! — кричала его мать. — Вы меня слышите? Знать это — мое право, и увидеть его — мое

* «Суд — это я» — первый роман (1947) Микки Спиллейна (1918—2006, настоящее имя Фрэнк Моррисон Спиллейн) о частном детективе Майке Хаммере.

право! Вы знаете, что я могу вас засудить? Я знакома с адвокатами, со многими адвокатами! Некоторые из моих лучших друзей — адвокаты!

— Не пытайся говорить, — посоветовала Эдди медсестра. Молодая, и он чувствовал, как ее груди прижимались к его руке. На мгновение у него мелькнула безумная мысль, что медсестра — Беверли Марш, а потом он в очередной раз отключился.

Когда очнулся, мать уже была в палате и со скоростью пулемета что-то выговаривала доктору Хэндору. Габариты Сони Каспбрэк поражали воображение, ее ноги, толстенные, но на удивление гладкие, обтягивали эластичные чулки. На бледном лице выделялись пламенеющие пятна румян.

— Мама, — удалось вымолвить Эдди, — ...все хорошо... я в порядке...

— Нет, ты не в порядке, — простонала миссис Каспбрэк. Она заломила руки, и Эдди услышал, как хрустнули костяшки ее пальцев. Почувствовал, как от одного взгляда на нее его дыхание начинает учащаться. Он же видел, в каком она состоянии, как на нее подействовало последнее происшествие с ним. Он хотел сказать ей: «Успокойся, а не то тебя хватит удар», — но не смог. В горле слишком пересохло. — Ты не в порядке, ты получил тяжелую травму, очень тяжелую травму, но все с тобой будет хорошо, это я тебе обещаю, Эдди, все с тобой будет хорошо, даже если нам придется привезти всех специалистов, какие только есть в телефонном справочнике. Ох, Эдди... Эдди... твоя бедная рука.

Она разразилась громогласными рыданиями. Эдди увидел, что медсестра, которая умыла его, смотрит на нее без всякого сочувствия.

И по ходу этого спектакля доктор Хэндор бормотал:

— Соня... пожалуйста, Соня... Соня... — Тощий, болезненного вида мужчина, с маленькими усиками, которым не хватало густоты, да и подстригал он их неровно, поэтому на левой стороне они были подлиннее, чем на правой. И он явно нервничал. Эдди помнил, как этим утром охарактеризовал его мистер Кин, и пожалел доктора Хэндора.

Наконец, собравшись с духом, Расс Хэндор сумел добавить голосу твердости.

— Если вы не возьмете себя в руки, вам придется выйти, Соня.

Она развернулась к нему, и он отступил на шаг.

— Я ничего такого не сделаю! Даже не предлагайте! Здесь в мучениях лежит мой сын! Мой сын лежит здесь на ложе боли!

Эдди поразил их всех, обретя нормальный голос.

— Я хочу, чтобы ты вышла, мама. Если им придется сделать что-то такое, от чего я буду кричать, а я думаю — им придется, будет лучше, если ты выйдешь.

Она повернулась к нему, изумленная... и обиженная. Увидев обиду на ее лице, Эдди почувствовал, как неумолимо начинает сжимать грудь.

— Я, конечно же, не уйду! — вскричала она. — Как ты мог такое сказать, Эдди! У тебя бред. Ты не понимаешь, что говоришь, это единственное объяснение!

— Я не знаю, о каком вы говорите объяснении, и оно меня не интересует, — подала голос медсестра. — Мне понятно только одно: мы стоим и ничего не делаем, тогда как нам надо заниматься рукой вашего сына.

— Вы говорите мне... — начала Соня, и голос ее, высокий, поднялся еще на пару октав, что случалось, когда она слишком волновалась.

— Пожалуйста, Соня, — вмешался доктор Хэндор. — Давайте не будем спорить. Давайте поможем Эдди.

Соня замолчала, но ее сверкающие глаза — глаза медведицы, детенышу которой грозила беда, — пообещали медсестре, что в самом скором будущем ей не миновать неприятностей. Даже судебного иска. Потом глаза затуманились, влага загасила их блеск, а может, спрятала. Она взяла Эдди за здоровую руку и сжала с такой силой, что он поморщился от боли.

— Сейчас тебе плохо, но ты скоро поправишься. Скоро поправишься, я тебе это обещаю.

— Конечно, мама, — прохрипел Эдди. — Могу я взять мой ингалятор?

— Конечно. — Соня торжествующе посмотрела на медсестру, словно ее оправдали, сняв какое-то нелепое обвинение. — У моего сына астма. Это серьезная болезнь, но он держится достойно.

— Хорошо, — бесстрастно ответила медсестра.

Его мать держала ингалятор так, чтобы он мог вдохнуть. Мгновением позже доктор Хэндор уже ощупывал сломанную руку. Как мог осторожно, но боль пронзила Эдди. Он был на грани крика и скрипел зубами, чтобы сдержаться. Боялся, что, закричи он, его мать тоже начнет кричать. Пот крупными каплями выступил у него на лбу.

— Вы причиняете ему боль! — воскликнула миссис Каспбрэк. — Я знаю, что причиняете! В этом нет необходимости! Прекратите! Нет никакой необходимости причинять ему боль! Он очень слабенький, он не вынесет такой боли!

Эдди увидел, как возмущенный взгляд медсестры уперся в усталые, полные тревоги глаза доктора Хэндора. Услышал молчаливый диалог. «*Выпроводите отсюда эту женщину, доктор!*» — требовала медсестра. «*Не могу. Боюсь*», — ответил он, отводя глаза.

Боль придавала невероятную ясность мышлению (хотя, по правде говоря, Эдди не хотел очень уж часто ощущать такую ясность: цену приходилось платить слишком высокую), и этот молчаливый разговор убедил Эдди согласиться со всем, что говорил ему доктор Кин. Его ингалятор наполнялся обычной водой с капелькой пахучего вещества. Его астма гнездилась не в горле или легких, а в голове. Так или иначе, ему предстояло сжиться с этой истиной.

Он посмотрел на свою мать и благодаря все той же боли разглядел ее до мельчайших подробностей: каждый цветок на платье из «Лейн Брайант»*, пятна пота под мышками (мягкие подкладки, которые она там носила, пропитались насквозь), потертости и царапины на туфлях. Он увидел, какие маленькие у нее глаза и как они прячутся в мешках плоти, и тут ему в голову пришла ужасная мысль: эти глаза почти как у хищника и похожи на глаза прокаженного, который вылез из подвала дома 29 по Нейболт-стрит. «*Я иду, Эдди, все хорошо... от того, что ты убегаешь, пользы тебе не будет, Эдди*».

Доктор Хэндор мягко обхватил ладонями сломанную руку Эдди и сжал. Боль взорвалась.

Эдди лишился чувств.

5

Ему дали выпить какой-то жидкости, и доктор Хэндор наложил на руку гипс. Эдди услышал, как он сказал матери, что это перелом по типу «зеленой ветки»**, не более серьезный, чем любой другой детский перелом. «Такие переломы обычно случаются у детей, ког-

---

* «Лейн Брайант» — сеть магазинов одежды для крупных женщин.

** Перелом по типу «зеленой ветки» — неполный перелом (надлом) длинной трубчатой кости.

да они падают с деревьев», — пояснил он, и тут же Эдди услышал возмущенный ответ его матери: «Эдди не лазает по деревьям! А теперь я хочу знать правду! Насколько он плох?»

Потом медсестра дала ему таблетку. Опять он почувствовал прикосновение ее груди к своему плечу и порадовался возможности ощутить это мягкое давление. Даже сквозь застилающий глаза туман Эдди видел, что медсестра злится, и ему показалось, что он сказал: «Она — не прокаженный, пожалуйста, не думайте так, она трясется надо мной, потому что любит меня», — но, вероятно, не произнес ни слова, потому что сердитое лицо медсестры не изменилось.

Потом он смутно помнил, как его везли по коридору и позади, затихая, слышался голос матери: «Что значит, приемные часы? Не говорите мне про приемные часы, это мой сын!»

Затихая. Эдди радовался, что она затихала, радовался, что он затихал. Боль ушла, а вместе с ней и ясность мышления. Он не хотел думать. Он хотел дрейфовать. Чувствовал, что правая рука стала слишком тяжелой. Задался вопросом, наложили ему гипс или нет. Не мог разобраться, в гипсе его рука или нет. Он смутно слышал голоса из радиоприемников, стоящих в палатах, смутно видел других пациентов в больничных халатах, вышагивающих по широким коридорам, и было жарко... так жарко. Когда Эдди вкатили в палату, он увидел солнце, скатывающееся к горизонту злым оранжево-кровавым шаром, и вдруг подумал: «*Как большая пуговица на клоунском костюме*».

— Вставай, Эдди, ты можешь ходить, — произнес голос, и он обнаружил, что может. Скользнул между чистых прохладных простыней. Голос сообщил ему, что этой ночью он будет ощущать боль, но не должен звонить с просьбой принести таблетку болеутоляющего, если только боль не станет слишком уж сильной. Эдди спросил, можно ли ему попить. Ему дали стакан с водой и соломинку с гофрированной серединой, чтобы он мог ее согнуть. Он выпил всю воду, вкусную и холодную.

Боль он в ту ночь ощущал, много боли. Лежал без сна, держа в левой руке кнопку вызова, но не нажимая на нее. Снаружи бушевала гроза, и когда вспыхивала сине-белая молния, он отворачивался от окон, боясь, что увидит чудовищную ухмыляющуюся физиономию, выгравированную на небе этим электрическим огнем.

Наконец он заснул, и ему приснился сон. Он увидел, как Билл, Бен, Ричи, Стэн, Майк и Бев — его друзья — приехали в больницу на велосипедах (Билл привез Ричи на багажнике Сильвера). Он удивился, что Бев в платье — приятного глазу зеленого цвета. Как вода в Карибском море на обложке «Нэшнл джиогрэфик». Эдди не мог вспомнить, видел ли он ее когда-либо в платье; на память приходили только джинсы и бриджи да, как это назвали девочки, «школьный комплект» — юбки и блузки, блузки обычно белые, с круглыми воротниками, юбки обычно коричневые, плиссированные, подрубленные по середину икры, так что ссадины на коленках не выставлялись на всеобщее обозрение.

Во сне он видел, как приехали они к двум часам пополудни, когда к пациентам начинали пускать посетителей, и его мать, которая терпеливо ждала с одиннадцати утра, принялась кричать на них так громко, что все на нее оборачивались.

«Если вы думаете, что войдете туда, вам следует еще разок хорошенько подумать! — кричала его мать, и теперь клоун, который все это время тоже провел в комнате ожидания (но сидел в углу и до этого момента прикрывал лицо иллюстрированным журналом «Лук»*), вскочил и принялся беззвучно аплодировать, быстро сводя и разводя руки в белых перчатках. Он прыгал и плясал, прошелся колесом, сделал сальто назад, пока миссис Каспбрэк кричала на таких же, как Эдди, Неудачников, пока они один за другим прятались за спину Билла, который стоял как скала, побледневший, но внешне спокойный, глубоко засунув руки в карманы джинсов (может, для того, чтобы никто, включая самого Билла, не мог видеть, дрожат они или нет). Клоун оставался невидимым для всех, кроме Эдди... хотя младенец, который мирно спал на руках своей матери, вдруг проснулся и громко расплакался.

«Вы и так сделали много зла! — кричала мать Эдди. — Я знаю, что это за мальчишки. Они плохо учились в школе, они на плохом счету в полиции! И если эти мальчишки имеют на вас зуб, это не причина для них иметь зуб и на Эдди. Я ему это сказала, и он со мной согласился. Он хочет, чтобы я велела вам уйти, он больше не желает иметь с вами дела, больше не желает никого из вас видеть.

* «Лук»/«Look» — популярный американский журнал (1937—1971), выходивший дважды в месяц, в котором упор делался на фотографии, а не на длинные статьи. В конце 1950-х гг. тираж составлял порядка 4 млн. экземпляров.

Отныне ему не нужна ваша так называемая дружба! Ни с кем из вас! Я знала, что это приведет к беде, и посмотрите, что из этого вышло! Мой Эдди в больнице! Такой слабенький мальчик, как он...»

Клоун скакал, прыгал, садился на шпагат, стоял на одной руке. Улыбка его становилась совсем уж настоящей, и в своем сне Эдди осознал, что именно этого клоун, разумеется, и хотел — вбить среди них славный большущий клин, развести их в стороны и уничтожить малейший шанс на совместные действия. Охваченный мерзким экстазом, клоун сделал двойной кувырок и сочно чмокнул его мать в щеку.

— Ма-а-альчишки, ко-о-оторые с-сделали э-это... — начал Билл.

— Нечего тебе со мной говорить! — завизжала миссис Каспбрэк. — Не смей мне что-то говорить! Я сказала, ваши с ним пути разошлись! Навсегда!

Потом в комнату ожидания вбежал интерн и сказал матери Эдди, что она должна успокоиться или ей придется покинуть больницу. Клоун начал таять, исчезать, и при этом меняться. Эдди увидел прокаженного, мумию, птицу; он увидел и оборотня, и вампира с зубами — бритвенными лезвиями, торчащими в разные стороны, как зеркала в зеркальном лабиринте в ярмарочном парке аттракционов; он увидел Франкенштейна, какую-то тварь, мясистую и похожую на моллюска, открывающего и закрывающего пасть; он увидел десяток других страшных монстров, сотню. Но аккурат перед тем как клоун исчез окончательно, он увидел самое жуткое: лицо своей матери.

«Нет! — попытался он закричать. — *Нет! Нет! Это не она! Это не моя мать!»*

Никто не оглянулся. Никто не услышал. И на грани пробуждения, с ужасом, от которого его бросило сначала в жар, а потом в холод, он понял, что никто и не мог услышать. Он умер. Оно убило его, и он умер. Стал призраком.

6

От горько-сладкого триумфа, который испытала Соня Каспбрэк, отвадив так называемых друзей Эдди, не осталось и следа, едва на следующий день, 21 июля, она вошла в отдельную палату Эдди. Она не могла сказать, почему такое случилось с ощущением триумфа,

или почему ощущение это вдруг сменилось безотчетным страхом; наверное, дело было в бледном лице ее сына, на котором не отражались ни боль, ни тревога. Нет, такого выражения у него она еще не видела. На нем читалась проницательность. Проницательность, и настороженность, и решимость.

Столкновение между друзьями Эдди и его матерью произошло не в комнате ожидания, как приснилось мальчику; она знала, что они придут — «друзья» Эдди, которые, вероятно, учили его курить, несмотря на астму, «друзья», оказывающие на него такое тлетворное влияние, что он, приходя вечером домой, мог говорить только о них, «друзья», из-за которых ему сломали руку. Она высказала все это своей соседке, миссис Ван Претт. «Пришла пора выложить на стол несколько карт», — сурово заявила миссис Каспбрэк. Миссис Ван Претт мучилась от какого-то кожного заболевания и практически всегда с жаром, даже подобострастно, соглашалась со всем, что говорила миссис Каспбрэк, но в этом случае совершила безрассудный поступок — возразила.

— Мне кажется, вам надо радоваться тому, что у него появились друзья, — ответила ей миссис Ван Претт, когда они развешивали выстиранное белье в прохладе раннего утра перед работой. Происходило все это в первую неделю июля. — И для него меньше опасности, если он гуляет с другими детьми, миссис Каспбрэк, или вы так не думаете? Учитывая, что творится в этом городе, все эти убийства бедных детей?

На это миссис Каспбрэк только сердито фыркнула (собственно, не смогла найтись с адекватной словесной репликой, хотя потом придумала десятки, некоторые били не в бровь, а в глаз), но когда вечером того же дня миссис Ван Претт позвонила ей, и голос звучал озабоченно, чтобы спросить, пойдет ли она с ней, как и обычно, поиграть в бинго, миссис Каспбрэк холодно ответила, что в этот вечер ей хочется побыть дома и дать отдых ногам.

Что ж, она надеялась, что теперь миссис Ван Претт довольна. Она надеялась, что теперь миссис Ван Претт знает: в это лето в Дерри маньяк, убивающий детей и младенцев, не единственная опасность. Ее сын лежал на ложе боли в Городской больнице, ему могло парализовать правую руку, она о таком слышала, и, не дай бог, мелкие осколки кости могли по кровеносным сосудам попасть в сердце, продырявить его и убить Эдди. Господь Бог, конечно же,

такого никогда не допустит, но она слышала о подобных случаях, то есть Господь Бог такое все же допускал. Пусть и редко.

Она кружила по длинному, укутанному тенью крыльцу Городской больницы, зная, что они обязательно появятся, полная решимости отплатить им за их так называемую «дружбу», за этот дух товарищества, который приводил к сломанным рукам и ложу боли, отсечь их раз и навсегда.

В конце концов они пришли, в чем она и не сомневалась, и к своему ужасу, она увидела, что один из них — ниггер. Против ниггеров она ничего не имела; полагала, что у себя на юге они имеют полное право ездить на автобусах, куда им захочется, и есть в закусочных-ресторанах для белых, и не сидеть в отдельной зоне в кинотеатрах, при условии, что они не пристают к белым

(*женщинам*)

людям, но она также свято верила в, как она говорила, птичью теорию: вороны летают с воронами, а не со снегирями. Скворцы общаются со скворцами, не крутятся среди соек или соловьев. «Каждому свое» — таким был ее девиз, и, увидев Майка Хэнлона, который ехал на велосипеде вместе с остальными с таким видом, будто имел на это полное право, она укрепилась в решимости положить всему этому конец, не говоря уж о том, что разозлилась еще больше. «*Ты никогда не говорил мне, что один из твоих «друзей» — ниггер*», — мысленно упрекнула она Эдди, словно тот был здесь и мог ее услышать.

«*Что ж*, — думала она двадцать минут спустя, входя в больничную палату, где лежал ее сын с огромной гипсовой повязкой на руке (у нее защемило сердце от одного взгляда на него), — *я дала им от ворот поворот... каламбур — это к слову*». Никто не попытался возразить, за исключением этого мальчишки Денбро, который так ужасно заикался. Только ему хватило духа отвечать ей. Девочка, кем бы она ни была, только сверкнула однозначно блядскими глазами — с Нижней Главной улицы или откуда-нибудь похуже, как сразу определила Соня Каспбрэк, — но ей хватило ума не раскрывать рта. Если бы произнесла хоть звук, Соня все бы ей выдала: объяснила, какие девочки таскаются с мальчиками. Известно, как называют таких девочек, и она не допустит, чтобы ее сын, сейчас или когда-либо, с ними общался.

Остальные стояли, потупившись, переминаясь с ноги на ногу. Этого она от них и ожидала. А когда высказала им все, что хотела,

они уселись на велосипеды и укатили. Этот Тозиер устроился на багажнике позади Денбро на огромном, опасном для катания велосипеде, и миссис Каспбрэк, внутренне содрогнувшись, задалась вопросом, а сколько раз точно так же ездил на этом страшном велосипеде ее Эдди, рискуя руками, и ногами, и шеей, и жизнью.

«*Я сделала это ради тебя, Эдди*, — думала она, входя в больницу с высоко поднятой головой. — *Я знаю, вначале ты, возможно, почувствуешь разочарование, и это естественно. Но родители всегда знают, что лучше для их детей; Бог создал родителей прежде всего для того, чтобы направлять, воспитывать... и оберегать. Пережив первичное разочарование, ты поймешь*». И если она испытывала в тот момент облегчение, то лишь потому, что старалась ради Эдди, а не себя. А что еще можно испытывать, как не облегчение, спасая сына от дурной компании.

Да только теперь, когда она смотрела на лицо Эдди, облегчение омрачила нарастающая тревога. Он не спал, хотя она на это рассчитывала. Вместо того чтобы проснуться при ней от тяжелого, обеспеченного сильными болеутоляющими сна вялым, туго соображающим, психологически уязвимым, он смотрел на нее цепко и настороженно, а ведь обычно Эдди отличал мягкий и робкий взгляд. Как и Бен Хэнском (хотя Соня этого не знала), Эдди относился к тем мальчикам, которые могли быстро взглянуть на лицо, чтобы узнать эмоциональный настрой собеседника, и тут же отводили глаза. Но теперь Эдди смотрел на нее в упор («*Может, сказывается действие лекарств*, — подумала она. — *Конечно же, это лекарства. Мне нужно переговорить с доктором Хэндором насчет лекарств, которые здесь ему дают*»), и именно она почувствовала желание отвести взгляд. «*Судя по его виду, он ждал меня*», — подумала она, и ей бы порадоваться от этой мысли — мальчик, ждущий свою мать, что может быть приятнее взгляду Господа...

— Ты прогнала моих друзей. — Голос звучал бесстрастно, в нем не слышалось ни сомнения, ни вопроса.

Она дернулась, будто ее уличили в чем-то предосудительном, и, конечно же, первой в голове сверкнула виноватая мысль: «*Как он узнал? Не может он этого знать!*» — но тут же она рассердилась на себя (и на него) за подобные чувства. Улыбнулась ему.

— Как мы сегодня себя чувствуем, Эдди?

Да, она отреагировала правильно. Кто-то, какая-нибудь девица, добровольно выполняющая обязанности медсестры, или даже

вчерашняя некомпетентная и враждебная медсестра, сболтнул лишнее. Кто-то.

— Как мы себя чувствуем? — спросила снова, когда Эдди не ответил. Подумала, что он ее не услышал. Ни в одной из медицинских книг и журналов она не читала, что перелом руки может отразиться на слухе, но предположила, что такое возможно, возможно все.

Эдди по-прежнему ей не отвечал.

Она приблизилась к кровати, ненавидя себя за нарастающую нерешительность, даже робость, не доверяя этому чувству, потому что никогда раньше не испытывала ни нерешительности, ни робости в отношениях с Эдди. Ощущала она и злость, но это чувство только нарождалось. Да какое право имел он приводить ее в такое состояние, после того, сколько она для него сделала, стольким пожертвовала ради него.

— Я говорила с доктором Хэндором, он уверяет, что ты будешь совершенно здоров, — бодро затараторила Соня, садясь на стоящий у кровати деревянный стул с прямой спинкой. — Разумеется, если возникнет самая незначительная проблема, мы поедем к специалисту в Портленд. В Бостон, если потребуется. — Она улыбнулась, будто облагодетельствовав его.

Эдди в ответ не улыбнулся. И продолжал молчать.

— Эдди, ты меня слышишь?

— Ты прогнала моих друзей, — повторил он.

— Да, — ответила она, перестав притворяться, но больше ничего не сказала. В молчанку могли играть двое. Просто смотрела на него и улыбалась.

Но случилось странное; ужасное, если на то пошло. Глаза Эдди... начали каким-то образом увеличиваться в размерах. Серые крапинки на его радужках вроде бы задвигались, как бегущие грозовые облака. И внезапно она поняла, что он не обижен на нее, не дуется или что-то из этой оперы. Он в ярости... и вот тут Соня испугалась, почувствовав, что в палате в этот момент находится нечто большее, чем ее сын. Она опустила глаза, раскрыла сумочку, начала рыться в ней в поисках бумажной салфетки.

— Да, я их прогнала. — Она обнаружила, что голос у нее остается ровным и достаточно уверенным... если ей нет необходимости смотреть на сына. — У тебя серьезная травма, Эдди. Пока тебе

не нужны никакие посетители, кроме твоей мамочки, и тем более тебе не нужны такие посетители. Если бы не они, ты бы сейчас сидел дома и смотрел телевизор или строил в гараже автомобиль для Мыльничной гонки*.

Эдди мечтал построить гоночный автомобиль и отправиться с ним в Бангор. Призом для победителя служила полностью оплаченная поездка в Акрон, штат Огайо, на Национальное мыльничное дерби. Соня не рубила под корень эту мечту, пока ей казалось, что создание гоночного автомобиля из ящиков для апельсинов и колес от детского возка «Чу-Чу флайер»** остается только мечтой. Конечно же, она никогда не позволила бы Эдди рисковать жизнью, участвуя в гонке на таком опасном транспортном средстве, ни в Дерри, ни в Бангоре, ни — особенно — в Акроне, куда, как сообщил Эдди, добираться пришлось бы на самолете, а там его ждал самоубийственный спуск по крутому склону в поставленном на колеса и лишенном тормозов ящике из-под апельсинов. Но, как часто говорила мать Сони, меньше знаешь — крепче спишь (ее мать также придерживалась и другого принципа — скажи всю правду и посрами дьявола, — однако когда дело доходило до поговорок или афоризмов, Соню, как и большинство людей, отличала удивительная избирательность).

— Руку мне сломали не мои друзья, — говорил Эдди все тем же бесстрастным голосом. — Я рассказал об этом доктору Хэндору вчера вечером, а сегодня утром мистеру Неллу, который приходил ко мне. Руку мне сломал Генри Бауэрс. С ним были и другие парни, но сделал это Генри. Если б со мной были мои друзья, этого бы не случилось. А случилось только потому, что я был один.

Тут Соне вспомнились слова миссис Ван Претт о том, что с друзьями ребенок в большей безопасности, и злость вернулась прыжком тигра. Она вскинула голову.

— Это не имеет значения, и ты это знаешь. Что с тобой, Эдди? Ты думаешь, твоя мать вчера с дуба рухнула? Так ты думаешь? Я прекрасно знаю, что руку тебе сломал Генри Бауэрс. Ирландский коп, о котором ты говоришь, заходил и к нам в дом. Этот большой мальчик сломал тебе руку, потому что ты и твои «друзья» чем-то его ра-

---

* Мыльничная гонка — проводящиеся в США с 1934 г. гонки детских самодельных, без двигателей, автомобилей.

** Диаметр колес детского возка «Чу-Чу флайер» — порядка 17 см.

зозлили. А теперь подумай, что бы было, если бы ты послушал меня и с самого начала держался от них подальше?

— Я думаю, тогда случилось бы нечто гораздо худшее, — ответил Эдди.

— Эдди, ты, конечно, шутишь.

— Я говорю серьезно. — И она почувствовала силу, идущую из него, идущую от него, накатывающую волнами. — Билл и остальные мои друзья вернутся, мама. Это я точно знаю. И когда они вернутся, ты не будешь их останавливать. Ты не скажешь им ни слова. Они мои друзья, и ты не лишишь меня друзей только потому, что боишься одиночества.

Она уставилась на него, словно громом пораженная, в ужасе. Слезы наполнили глаза и потекли по щекам, впитываясь в пудру.

— Вот как ты, значит, говоришь с родной матерью, — вымолвила она сквозь рыдания. — Может, именно так твои «друзья» говорят со своими родителями. Наверное, этому ты научился от них.

Плача, она чувствовала себя спокойнее. Обычно, если она начинала плакать, плакал и Эдди. Кто-то мог бы сказать — запрещенный прием, но, если речь шла о спасении ее сына, годились любые средства. Так она, во всяком случае, думала.

Она подняла голову, слезы струились из глаз, она чувствовала себя неописуемо несчастной, обездоленной, преданной... и уверенной. Эдди, полагала она, не устоит против такого потока слез и горя. Эта холодная решимость уйдет с его лица. Может, он начнет хватать ртом воздух и в дыхании появится свист, и это будет знак, это всегда служило знаком, что борьба окончена и она одержала очередную победу... ради него, разумеется. Всегда ради него.

Ее ждало потрясение — выражение его лица осталось прежним, более того, решимости только прибавилось, и рыдания разом оборвались. На его лице читалась и печаль, а это пугало еще больше: Соня осознала, что в какой-то степени печаль это взрослая, а от одной мысли об Эдди как о взрослом в голове начинала панически трепыхаться маленькая птичка. Такое случалось редко, лишь когда она задумывалась, а что будет с ней, если Эдди не захочет поступать в бизнес-колледж, который находился в Дерри, или в университет Мэна в Ороно, или в частный университет Хассона в Бангоре, откуда мог каждый день возвращаться домой после занятий, что будет, если он встретит девушку, влюбится, захочет жениться. «*И что будет со мной при таком раскладе?* — кричала паникующая

птичка, когда Соню посещали эти странные кошмарные мысли. — Какое место уготовано мне в такой жизни? Я люблю тебя, Эдди! Я люблю тебя! Я забочусь о тебе и люблю тебя! Ты не умеешь готовить, менять постельное белье, стирать майки и трусы! Да и зачем тебе? Я знаю, что, как и когда надо делать! Я знаю, потому что люблю тебя».

И он сказал то же самое:

— Мама, я люблю тебя. Но я люблю и моих друзей. Я думаю... я думаю, ты заставляешь себя плакать.

— Эдди, ты причиняешь мне такую боль, — прошептала она, и новые слезы, от которых бледное лицо Эдди двоилось и троилось, покатились по щекам. И если несколькими мгновениями раньше слезы лились намеренные, то теперь их сменили настоящие. Характер, надо отметить, у Сони был крепкий: похоронив мужа, она не сломалась, нашла работу на сжимающемся рынке труда, что было непросто, воспитывала сына и, когда возникала такая необходимость, боролась за него. И по-настоящему, без всякого расчета, сейчас она плакала, пожалуй, впервые с тех пор, как пятилетний Эдди тяжело болел бронхитом и она пребывала в полной уверенности, что Эдди умрет, когда он лежал на ложе боли, пылая от высокой температуры, кашляя и задыхаясь. Теперь причиной слез служило это ужасно взрослое, в чем-то чужое выражение его лица. Она боялась за Эдди, но так же, в каком-то смысле, боялась его самого, боялась ауры, которая, казалось, окружала сына... и чего-то от нее требовала.

— Не заставляй меня выбирать между тобой и моими друзьями, мама. — Голос дрожал, звучал напряженно, но оставался под контролем. — Потому что это несправедливо.

— Они — плохие друзья, Эдди! — чуть ли не в истерике выкрикнула она. — Я это знаю, чувствую всем сердцем, они не принесут тебе ничего, кроме боли и горя! — И самое ужасное заключалось в том, что говорила она искренне; какая-то ее часть интуитивно поняла это по глазам Билла Денбро, который стоял перед ней, глубоко засунув руки в карманы, с рыжими волосами, пламенеющими под летним солнцем. Его глаза были такими серьезными, такими отстраненными и далекими... совсем как теперь глаза Эдди.

И не та ли аура, которую теперь она ощущала вокруг Эдди, тогда окружала Билла? Та же, но только сильнее. Она полагала, что да.

— Мама...

Она поднялась так резко, что чуть не свалила стул.

— Я вернусь вечером. Шок, происшествие, боль, из-за этого ты так со мной говоришь. Я знаю. Ты... ты... — Она замолчала, потому что в голове все смешалось, унеся в вихре слова, которые она хотела сказать. — Случившееся с тобой ужасно, но все у тебя будет хорошо. И ты увидишь, что я права Эдди. Они плохие друзья. Не нашего круга. Не для тебя. Ты все обдумаешь и спросишь себя, давала ли тебя твоя мама плохой совет. Ты все обдумаешь, и... и...

«Я же убегаю, — подумала она с тоской и щемящим ужасом. — *Я убегаю от собственного сына! Господи, пожалуйста, не допусти этого!»*

— Мама.

Она все равно едва не убежала, потому что теперь боялась его, да, он являл собой нечто большее, чем ее Эдди; она чувствовала присутствие в нем других, его «друзей» и чего-то еще, чего-то, прячущегося за них, и она боялась, как бы это что-то не выглянуло, чтобы показаться ей. Она видела, что Эдди сам не свой, у него какая-то ужасная болезнь, из тисков которой он не может вырваться, как пятилетним не мог вырваться из тисков бронхита и едва не умер.

Она замерла, взявшись за ручку двери, не желая слушать, что он может сказать... а когда он сказал, прозвучала эта фраза так неожиданно, что поначалу она просто ничего не поняла. Когда же до нее дошло, слова обрушились, как мешок цемента, и на мгновение она подумала, что сейчас упадет без чувств.

— Мистер Кин сказал, что мое лекарство от астмы — простая вода.

— Что? Что? — Она повернулась к нему, сверкая глазами.

— Простая вода. С какой-то добавкой для медицинского привкуса. Он сказал, что это пла-це-бо.

— Это ложь. Ложь, и ничего больше! Почему мистер Кин решил сказать тебе такую ложь? Что ж, полагаю, в Дерри есть и другие аптеки. Полагаю...

— У меня было время подумать над этим, — голос Эдди звучал мягко, но неумолимо, и он смотрел ей в глаза, — и я не сомневаюсь, что он сказал мне правду.

— Эдди, уверяю тебя, это не так! — Паника вернулась, трепеща крылышками.

— Я думаю, это правда, иначе на ингаляторе написали бы какое-то предупреждение насчет того, что слишком частое использование может убить тебя, по крайней мере вызвать рвоту. Даже...

— Эдди, я не хочу этого слышать! — воскликнула она и закрыла руками уши. — Ты... ты... ты не в себе, и в этом все дело!

— Даже если это лекарство, которое можно купить без рецепта, они прилагают специальную инструкцию, — продолжил Эдди, не повышая голоса. Его серые глаза не отрывались от ее глаз, и она не могла опустить их, не могла даже шевельнуть ими. — Даже если это сироп от кашля «Викс»... или твой геритол.

Он на пару секунд замолчал. Ее руки упали. Стали слишком тяжелыми. У нее не осталось сил и дальше прижимать их к ушам.

— И... должно быть, ты это тоже знала, мама.

— Эдди! — вскричала она.

— Потому что... — продолжил он, словно она и не раскрывала рта — теперь он хмурился, сосредоточившись на том, что занимало его, — ...потому что родители должны разбираться в лекарствах, которые принимают их дети. Я пользовался ингалятором пять, иногда шесть раз в день. И ты не позволила бы мне этого делать, если бы думала, что это лекарство может мне навредить. Потому что твоя работа — оберегать меня. Я это знаю, потому что ты всегда так говорила. Поэтому... ты знала, мама? Ты знала, что это простая вода?

Она ничего не ответила. Ее губы тряслись. Тряслось, похоже, все ее лицо. Она больше не плакала. Слишком испугалась, чтобы плакать.

— Потому что, если ты знала, — Эдди продолжал хмуриться, — если ты действительно знала, я хочу, чтобы ты сказала мне — почему? Что-то я могу понять сам, но почему моя мама хотела, чтобы я принимал воду за лекарство... и считал, что у меня астма здесь, — он указал на свою грудь, — тогда как мистер Кин говорит, что вся моя астма только там. — И он указал на голову.

Она подумала, что все объяснит. Объяснит спокойно и логично. Как боялась, что он умрет в пять лет, как это свело бы ее с ума, учитывая, что она потеряла Фрэнка двумя годами раньше. Как пришла к пониманию, что защитить своего ребенка можно лишь неусыпным вниманием к нему и любовью, что за ребенком надо следить, как за садом, удобрять, удалять сорняки и да, иногда обрезать и прореживать, пусть это и больно. Она могла бы сказать,

что иногда для ребенка лучше — особенно такого болезненного ребенка, как Эдди, — думать, что он болен, чем действительно болеть. И она могла бы закончить свою тираду словами о непроходимой тупости врачей и удивительной силе любви; она могла бы сказать: она знала, что у него астма, и не имело никакого значения, что думали по этому поводу врачи и что они ему прописывали. Она могла бы сказать, что лекарства готовятся не только в ступках зловредных аптекарей, сующих нос в чужие дела. Эдди, могла бы она сказать, это лекарство, потому что материнская любовь делает его таковым, и я могу придавать воде целительные свойства, пока ты хочешь этого и позволяешь мне это делать. Это сила, которую Бог дает любящим и заботливым матерям. Пожалуйста, Эдди, пожалуйста, любовь моего сердца, ты должен мне поверить.

Но в итоге она не сказала ничего. Слишком испугалась.

— Но, возможно, нам даже не нужно об этом говорить, — продолжил Эдди. — Мистер Кин, возможно, шутил со мной. Иногда взрослые... ты понимаешь, они любят подшучивать над детьми. Потому что дети готовы верить чуть ли не всему. Нехорошо так поступать с детьми, но иногда взрослые это делают.

— Да! — с жаром воскликнула Соня Каспбрэк. — Им нравится подшучивать, и иногда они такие глупые... злобные... и... и...

— Значит, я буду по-прежнему общаться с Биллом и остальными моими друзьями и продолжать принимать лекарство от астмы. Вероятно, это наилучший выход. Или ты так не думаешь?

Только теперь она поняла, уже слишком поздно, как ловко — и как жестоко — ее загнали в ловушку. Он практически шантажировал ее, но что она могла с этим поделать? Она хотела спросить, откуда у него такая расчетливость, такое умение манипулировать людьми, открыла рот, чтобы спросить... а потом закрыла. Потому что, учитывая его настроение, он скорее всего ответил бы.

Но она знала одно. Да. Одно она знала наверняка: больше никогда, никогда, никогда, никогда в жизни ноги ее не будет в аптеке сующего нос в чужие дела мистера Кина.

— Мама? — прервал ее размышления его голос, на удивление застенчивый.

Она подняла голову и увидела, что перед ней снова Эдди, только Эдди, и с радостью двинулась к нему.

— Ты меня обнимешь, мама?

Она обняла, но осторожно, чтобы не причинить боль сломанной руке (и не сдвинуть осколки кости, которые могли попасть в систему кровообращения и добраться до сердца — а какой матери хочется убить свое дитятко любовью?), а Эдди обнял ее.

7

По разумению Эдди, его мать ушла очень вовремя. На протяжении этого ужасного противостояния он чувствовал, как в горле и легких скапливается воздух, застрявший там и не сдвигающийся с места, затхлый и тяжелый, грозящий отравить его.

Он держался, пока за ней не захлопнулась дверь, а потом начал жадно раскрывать рот и хрипеть. Но спертый воздух ходил взад-вперед по сжатому горлу, словно теплая кочерга. Он потянулся за ингалятором, стукнул сломанную руку, но его это не волновало. Выпустил в горло сильную струю. Глубоко вдохнул камфорный вкус, думая: «*Не важно, плацебо это или нет, как ни назови, главное, что помогает*».

Лег на подушки, закрыл глаза, впервые после появления матери в палате задышав свободно. Он напугался, сильно напугался. Что он ей наговорил, как себя вел с ней... это был он — и совсем не он. Что-то действовало в нем, действовало через него, какая-то сила... и его мать тоже это почувствовала. Эдди видел это в ее глазах, в ее трясущихся губах. Он не мог сказать, что сила эта — зло, но ее огромная мощь пугала. То же самое чувствуешь, когда в парке развлечений садишься на действительно опасный аттракцион и осознаешь, что вылезти не удастся, пока поездка не закончится, какая бы тебе ни грозила опасность.

«*Назад пути нет*, — подумал Эдди, ощущая жаркую тяжесть гипсовой повязки на сломанной руке, зуд кожи под ней. — *Никто не вернется домой, пока мы не дойдем до конца. Но, господи, я так боюсь, так боюсь*». И он знал истинную причину, по которой не позволил ей отсечь его от друзей: один бы он этого не вынес.

Он немного поплакал, а потом погрузился в тревожный сон. Снилась ему темнота, в которой механизмы — насосы — что-то перекачивали и перекачивали.

8

Вечером, когда Билл и остальные Неудачники пришли в больницу, опять собирался дождь. Эдди не удивился их появлению. Знал, что они вернутся.

День выдался жарким — все соглашались, что третья неделя июля стала самой жаркой в это необычно жаркое лето, — и к четырем пополудни в небе начали собираться грозовые тучи, лилово-черные и огромные, беременные дождем, заряженные молниями. Люди спешили закончить свои дела и заметно нервничали, то и дело поглядывая на небо. Большинство склонялось к тому, что гроза разразится к обеду и вымоет из воздуха тяжелую духоту. Парки и детские площадки Дерри, где летом и так не толпился народ, к шести вечера опустели полностью. Но дождь все не начинался, и качели висели недвижно, не отбрасывая тени в странно желтом ровном свете. Отдаленные раскаты грома, собачий лай, гул автомобилей, проезжающих по Внешней Главной улице, — никакие другие звуки не слышались в палате Эдди, пока не пришли Неудачники.

Билл зашел первым, за ним — Ричи, Беверли и Стэн, Майк и, наконец, Бен. В свитере под горло выглядел он совсем несчастным.

Они приблизились к кровати, такие серьезные. Даже Ричи не улыбался.

«Их лица, — думал Эдди. — *Их лица. Оосподи-суси! Какие у них лица!»*

Он видел в них то самое, что мать днем увидела в его лице: такое странное сочетание силы и беспомощности. В желтоватом предгрозовом отсвете, ложащемся на кожу, лица становились призрачными, далекими, расплывчатыми.

«Мы на перепутье, — подумал Эдди. — *Впереди что-то новое... а сейчас мы на перепутье. И что нас ждет, когда мы минуем его? Куда мы попадем? Куда?»*

— П-привет, Э-Э-Эдди, — поздоровался Билл. — Ка-ак де-ела?

— Нормально, Большой Билл. — Эдди попытался улыбнуться.

— Вчера денек у тебя, как я понимаю, выдался тот еще. — Едва Майк произнес эти слова, как накатил раскат грома. В палате Эдди не горел ни верхний свет, ни настольная лампа, и все они, казалось, то растворялись, то появлялись в синюшном свете, вливающемся в окно. Эдди подумал о том, что этим светом накрыт сейчас весь Дерри, под ним сейчас лежит Маккэррон-парк, он неровными лу-

чами проваливается сквозь дыры в крыше Моста Поцелуев, в нем Кендускиг напоминает дымчатое стекло, широкая лента которого небрежно брошена в Пустоши. Он подумал о детских качалках, доски которых замерли под разными углами рядом со зданием начальной школы под громоздящимися черными облаками. Он подумал об этом предгрозовом желтом свете, о безмолвии: казалось, весь город заснул... или умер.

— Да, — ответил он, — хоть куда.

— М-мои с-старики по-ослезавтра и-идут в ки-и-ино, — сообщил Билл. — Ко-огда на-ачнется в-второй фи-ильм, мы и-их с-сделаем. Се-е-е...

— Серебряные шарики, — подсказал Ричи.

— Я думал...

— Так будет лучше, — прервал его Бен. — Я по-прежнему думаю, что мы смогли бы сделать пули, но этого недостаточно. Будь мы взрослыми...

— Да, мир был бы замечательным, будь мы взрослыми! — воскликнула Беверли. — Взрослые могут делать все, что захотят, так? Взрослые могут делать все, что захотят, и у них всегда все получается правильно. — Она рассмеялась, нервный дребезжащий смех разнесся по палате. — Билл хочет, чтобы я застрелила Оно. Можешь ты себе такое представить, Эдди? Просто зови меня Беверли Оукли*.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — покачал головой Эдди, но подумал, что понимает: в общих чертах картину он себе представлял.

Бен объяснил. Они расплавят один из его серебряных долларов и отольют два серебряных шарика, диаметром чуть меньше, чем в шарикоподшипнике. Потом, если под домом 29 по Нейболт-стрит действительно обитает оборотень, Беверли пустит шарик в голову Оно из «Яблочка», рогатки Билла. И прощай, оборотень. А если они правы в том, что это одно существо со многими мордами, тогда — прощай, Оно.

Вероятно, на лице Эдди отразилось крайнее изумление, потому что Ричи рассмеялся и кивнул:

---

* Оукли, Энни (1860—1926) — знаменитый стрелок, выступала с цирковыми номерами.

— Я тебя понимаю, чел. Я тоже подумал, что у Билла поехала крыша, когда он начал говорить о том, чтобы воспользоваться рогаткой вместо пистолета его отца. Но сегодня днем... — Он замолчал и откашлялся. — «*Но сегодня, после того как твоя маман прогнала нас чуть ли не пинками*» — вот что он собирался сказать, но решил, что без таких подробностей можно и обойтись. — Сегодня мы пошли на свалку. Билл прихватил «Яблочко». И посмотри. — Из заднего кармана Ричи достал сплющенную банку, в которой когда-то плескались в сиропе кусочки ананаса, расфасованные компанией «Дель Монте». Посередине зияла рваная дыра диаметром примерно в два дюйма. — Беверли проделала ее камнем, с двадцати футов. По мне, что дырка от пули тридцать восьмого калибра. Де Балаболь в этом убежден. А когда де Балаболь убежден, он убежден.

— Прошибить банку — это одно, — стояла на своем Беверли. — Если речь о чем-то еще... о чем-то живом... Билл, это должен сделать ты. Действительно.

— Не-е-ет, — покачал головой Билл. — Мы в-все с-стреляли. Ты ви-и-идела, ч-что и-из э-этого вы-ышло.

— И что вышло? — спросил Эдди.

Билл объяснил, медленно, с остановками, пока Беверли смотрела в окно, так плотно сжав губы, что они побледнели. Она, по причинам, которые даже сама не могла объяснить, не просто боялась: пребывала в глубоком шоке от того, что произошло. По пути сюда она с жаром уговаривала их, что отливать они должны все-таки пули... нет, не так уж она верила, не больше Билла или Ричи, что пули сработают, когда придет время пустить их в ход, зато точно знала: если что-то случится в том доме, оружие должно быть в чьих-то еще

(*Билла*)

руках.

Но факты оставались фактами. Каждый брал по десять камней и стрелял из «Яблочка» по десяти банкам, поставленным в двадцати футах. Ричи попал в одну из десяти (и то камень только черканул по ней). Бен сшиб две, Билл — четыре, Майк — пять.

Беверли, небрежно натягивая резинку и практически не целясь, попала в девять банок точно по центру. Десятая тоже упала, но камень отскочил от верхнего ободка.

— Но сначала м-м-мы до-олжны сделать с-снаряды.

— Послезавтра? — переспросил Эдди. — Меня к тому времени уже выпишут. — Мать, конечно, будет протестовать... но он не думал, что протесты будут очень уж бурными. После сегодняшнего разговора — едва ли.

— Рука болит? — спросила Беверли. Она пришла в розовом платье (во сне он видел другое платье; возможно, Беверли надевала его днем, когда мать прогнала их), с маленькими аппликациями-цветочками. И в шелковых или нейлоновых чулках. Выглядела она очень взрослой, и при этом совсем юной, как девочка, играющая в переодевания, с мечтательным и задумчивым лицом. «*Готов спорить, у нее такое же лицо, когда она спит*», — подумал Эдди.

— Не так чтобы сильно, — ответил он.

Они еще какое-то время поговорили, их голоса периодически прерывались громовыми раскатами. Эдди не спросил, что случилось, когда они приходили к больнице днем, никто из них об этом происшествии не упомянул. Ричи достал йо-йо, пару раз отправил ее «спать», убрал.

Разговор увядал, и в одну из пауз короткий щелчок заставил Эдди повернуть голову. Билл что-то держал в руке, и на мгновение Эдди почувствовал, как его сердце тревожно забилось: он подумал, что это нож. Но тут Стэн включил верхний свет, разгоняя сумрак, и Эдди увидел, что это всего лишь шариковая ручка. При свете они выглядели, как и всегда, настоящими, его друзьями, и никем больше.

— Я подумал, что мы должны расписаться на твоем гипсе. — Билл встретился с Эдди взглядом.

«*Но речь не об этом*, — подумал Эдди с внезапной и тревожащей ясностью. — *Это договор. Это договор, Большой Билл, не так ли, или что-то максимально к нему близкое*». Он испугался... потом устыдился и разозлился на себя. Если бы он сломал руку до этого лета, кто расписался бы на его гипсе? За исключением матери и, возможно, доктора Хэндора? Его тетушки из Хейвена?

Его окружали друзья, и тут его мать ошибалась: не были они плохими друзьями. «*Возможно*, — подумал он, — *нет такого понятия, как хорошие друзья или плохие друзья, возможно, есть только друзья, которые стоят рядом с тобой, когда ты в беде, и не дают тебе почувствовать себя одиноким. Может, они достойны того, чтобы тревожиться за них, надеяться на их благополучие, жить ради них. Может, они достойны того, чтобы умереть за них, если уж*

до этого дойдет. Нет хороших друзей. Нет плохих друзей. Есть только люди, с которыми ты хочешь быть, с которыми тебе нужно быть, которые поселились в твоем сердце».

— Конечно. — Эдди чуть осип. — Конечно, отличная идея, Большой Билл.

Билл торжественно наклонился над его кроватью и расписался на горе гипса, в которой покоилась заживающая рука Эдди, большими, сцепленными буквами. Ричи расписался с широким росчерком. У Бена узенькие, в противовес его габаритам, буквы сильно наклонялись назад, грозя упасть в любой момент. У Майка Хэнлона буквы получились большими и кривоватыми, потому что он был левшой и никак не мог найти удобный угол. В итоге его роспись оказалась выше локтя. Когда Беверли склонилась над Эдди, он уловил аромат каких-то цветочных духов. Расписалась она аккуратными кругленькими буковками. Последним подошел Стэн. В его подписи буквы буквально слипались между собой. Оставил он ее на запястье Эдди.

Потом все они отступили от кровати, словно осознавая, что сделали. Снаружи вновь тяжело громыхнуло. Молния окатила деревянные стены и крышу больницы волной ослепительного света.

— Все расписались? — спросил Эдди.

Билл кивнул.

— П-приходи к-ко м-мне по-осле у-у-ужина по-о-ослезавтра, е-если с-сможешь, хо-орошо?

Теперь кивнул Эдди, и тему закрыли.

Какое-то время они еще поговорили, перескакивая с одного на другое. Коснулись и самого животрепещущего в том июле для Дерри вопроса — суда над Ричардом Маклином, которого обвиняли в том, что он насмерть забил молотком своего приемного сына Дорси и приложил руку к исчезновению старшего брата Дорси, Эдди Коркорэна. Маклину только через два дня предстояло сломаться прямо во время допроса в зале суда и, плача, сознаться в убийстве Дорси, но Неудачники сошлись на том, что Маклин скорее всего не имеет никакого отношения к исчезновению Эдди. Этот мальчик или убежал из дома... или его утащило Оно.

Ушли они где-то без четверти семь, и дождь все еще не начинался. Он только грозил полить и после того, как пришла мать Эдди, посидела у него и вновь отправилась домой (она ужаснулась, уви-

дев росписи на гипсе, и ужаснулась еще больше от его решимости покинуть больницу на следующий день: представляла себе, что он проведет неделю, а то и больше, в абсолютном покое, «чтобы концы обломков успели срастись», как она выразилась).

И в конце концов грозовые тучи разорвало и унесло. В тот вечер ни единой капли дождя не упало на Дерри. Духота осталась, и ночью люди спали кто на крыльце, кто на лужайке, а кто и в спальном мешке на полу.

Дождь пошел на следующий день, но уже после того, как Беверли увидела нечто ужасное, случившееся с Патриком Хокстеттером.

Глава 17

ЕЩЕ ОДИН ПРОПАВШИЙ: СМЕРТЬ ПАТРИКА ХОКСТЕТТЕРА

1

Закончив, Эдди вновь наполняет стакан слегка дрожащей рукой. Смотрит на Беверли и говорит:

— Ты видела Оно, так? Ты видела, как Оно утащило Патрика Хокстеттера на следующий день после того, как вы все расписались на моем гипсе.

Остальные наклоняются вперед.

Беверли откидывает волосы огненной волной. Под ними лицо выглядит неестественно бледным. Она достает из пачки сигарету — последнюю — и чиркает зажигалкой «Бик». Но, похоже, не может совместить огонек с кончиком сигареты. Через мгновение Билл легонько, но твердо ухватывает ее запястье, и его стараниями огонек смещается в нужное место. Беверли благодарно смотрит на него, выдыхает облако сизого дыма.

— Да, — говорит она, — я видела, как это случилось.

Ее бьет дрожь.

— Он был чо-о-окнутым, — напоминает Билл и думает: *«Тот факт, что Генри позволил такому недоумку, как Патрик Хокстеттер, присоединиться к их компании, когда лето покатилось к осени... о чем-то говорит, так? Или о том, что Генри терял свое очарование, свою привлекательность, или о том, что безумие самого Генри быстро прогрессировало, а потому и Хокстеттер начал казаться ему*

нормальным парнем. И первое, и второе указывало на одно — нарастающую... что?.. деградацию Генри? Это правильный термин? Да, в свете того, что с ним сталось, где он закончил, пожалуй, что да».

«Есть и что-то еще, подтверждающее эту версию», — думает Билл, но пока только смутно помнит, что именно. Он, и Ричи, и Беверли как-то оказались рядом с гаражом «Трекер бразерс» — уже начался август и занятия в летней школе, благодаря которым Генри не слишком их донимал, практически закончились — и разве не Виктор Крисс подошел к ним? Очень испуганный Виктор Крисс? Да, было и такое. Все стремительно катилось к развязке, и Билл теперь думает, что каждый ребенок в Дерри это чувствовал — а особенно Неудачники и компания Генри. Но произошло это позже.

— Да, это ты понял правильно, — бесстрастно соглашается Беверли. — Патрик Хокстеттер рехнулся. Ни одна из девочек не садилась перед ним в школе. А если садилась, решала задачу по арифметике или писала сочинение или изложение, то внезапно ощущала его руку... легкую, как перышко, но теплую и потную. Мясистую. — Она сглатывает слюну, и в горле что-то щелкает. Другие смотрят на нее без тени улыбки. — Ты чувствуешь ее на боку, а может, и на груди. Никто из нас тогда не мог похвастать большой грудью. Но Патрика, похоже, это и не волновало.

Ты чувствуешь... это прикосновение, дергаешься, оборачиваешься, а там Патрик, улыбается толстыми резиновыми губами. У него был пенал...

— Полный дохлых мух, — внезапно подает голос Ричи. — Конечно. Он убивал их зеленой линейкой и складывал в пенал. Я даже помню, как он выглядел: красный, с белой рифленой пластмассовой крышкой, которая сдвигалась, открываясь и закрываясь.

Эдди кивает.

— Ты дергаешься, а он улыбается, потом открывает пенал и ставит его так, чтобы ты видела дохлых мух внутри, — продолжает Беверли. — И самое страшное — самое ужасное — он улыбается и ничего не говорит. Миссис Дуглас знала. Грета Боуи жаловалась ей на него, и я думаю, что Салли Мюллер что-то ей один раз сказала. Но... мне кажется, миссис Дуглас тоже его боялась.

Бен качнулся назад на стуле, руки сцеплены за шеей. Беверли до сих пор не может поверить, что он такой тощий.

— Я уверен, что ты права.

— Ч-что с н-ним с-случилось, Беверли? — спрашивает Билл.

Она вновь сглатывает слюну, пытаясь отогнать кошмарную мощь того, что она увидела в тот день в Пустоши, когда связанные между собой роликовые коньки висели у нее на плече, а колено саднило от боли после падения на Сент-Криспин-лейн, еще одной короткой обсаженной деревьями улицы, которая тупиком обрывалась там, где земля резко уходила вниз (и до сих пор уходит), обрываясь в Пустошь. Она помнит (ох уж эти воспоминания, они такие яркие и сильные, если приходят), что на ней были джинсовые шорты, если по правде, то очень уж короткие, чуть-чуть закрывающие трусики. В последний год она стала обращать больше внимания на свое тело — точнее, в последние полгода, по мере того, как оно начало округляться и становиться все более женственным. Увидеть это она, конечно же, могла благодаря зеркалу, но прежде всего ее убеждало поведение отца, который в последнее время стал резче, чаще пускал в ход ладонь, а то и кулак. Казалось, он не находил себе места, как зверь в клетке, а она нервничала, находясь рядом с ним, и напряжение только усиливалось. Оказавшись рядом, они генерировали какой-то особый запах, которого раньше никогда не было — до этого лета. И когда мать уходила, ситуация только усугублялась. Если этот запах и был, какой-то запах, тогда отец тоже его ощущал, потому что Беверли видела его все реже по мере того, как погода становилась жарче, отчасти из-за турниров его летней лиги боулинга, отчасти потому, что он помогал своему другу Джо Таммерли чинить автомобили... но она подозревает, что свою лепту вносил и запах, который они генерировали, находясь рядом, ни один из них этого и не хотел, но генерировали, и ничего не могли с этим поделать, как невозможно не потеть в июле.

Видение птиц, сотен и тысяч, спускающихся на коньки крыш, на телефонные провода, на телевизионные антенны, вновь прерывает ее мысли.

— Ядовитый плющ, — говорит она вслух.

— Ч-ч-что? — переспрашивает Билл.

— Что-то насчет ядовитого плюща, — медленно отвечает она, глядя на него. — Но дело не в нем. Меня словно обожгло ядовитым плющом. Майк?..

— Не важно, — говорит Майк. — Все придет. Расскажи нам, что ты помнишь, Беверли.

«*Я помню синие шорты,* — могла бы она сказать им, — *и как сильно они выцвели, и как плотно обтягивали бедра и зад. В одном*

кармане у меня лежала полупустая пачка «Лаки страйк», в другом — «Яблочко».

— Ты помнишь «Яблочко»? — спрашивает она Ричи, но кивают они все.

— Билл дал рогатку мне, — говорит она. — Я не хотела ее брать, но... он... — Она улыбается Биллу, немного игриво. — Большому Биллу сказать «нет» никто не мог, и все дела. Я ее взяла, и потому в тот день пошла в Пустошь одна. Чтобы попрактиковаться. Я все еще не знала, хватит ли мне духа воспользоваться ею, когда возникнет необходимость. Да только... я воспользовалась ею в тот день. Пришлось. Я убила одного из них... одну часть Оно. Это было ужасно. Даже теперь мне трудно думать об этом. И один из других добрался меня. Смотрите.

Она поднимает руку и поворачивает так, что все могут видеть сморщенный шрам в верхней части предплечья, у самого локтя. Это красный круг диаметром с гаванскую сигару, и впечатление такое, будто кто-то приложил ее к коже Беверли. Он чуть заглублен, и от одного взгляда на него по спине Майка бежит холодок. Это еще одна часть истории, вроде задушевной беседы Эдди против его воли с мистером Кином. Майк о ней подозревал, но никогда не слышал.

— В одном ты был прав, Ричи, — продолжает Беверли. — «Яблочко» оказалось смертоносным оружием. Я его боялась, но в каком-то смысле и полюбила его.

Ричи смеется и хлопает ее по спине.

— Черт, я знал это и тогда, глупая юбка.

— Знал? Правда?

— Да, правда, — кивает он. — Что-то такое читалось в твоих глазах, Беверли.

— Я хочу сказать, выглядела рогатка, как игрушка, но была настоящим оружием. Пробивала реальные дыры.

— И в тот день ты пробила в чем-то дыру, — мурлычет Бен.

Беверли кивает.

— Так Патрика...

— Нет, господи, нет! — восклицает Беверли. — Я о другом... подождите. — Она вдавливает окурок в пепельницу, несколько раз прикладывается к стакану, но пьет маленькими глоточками, пытаясь взять себя в руки. Наконец ей это удается. Ну... не совсем. И у нее создается ощущение, что это все, чего она может добиться в этот вечер. — Знаете, я каталась на роликах. Упала, сильно ободра-

ла ногу. Тогда решила, что пойду в Пустошь и потренируюсь в стрельбе из рогатки. Сначала направилась к клубному дому, чтобы посмотреть, нет ли там кого из вас. Никого не нашла. Только запах дыма. Вы помните, как долго в клубном доме пахло дымом?

Они кивают, улыбаясь.

— Нам так и не удалось избавиться от этого запаха, так? — спрашивает Бен.

— Потом я двинулась к свалке, — говорит Беверли, — потому что именно там мы проводили... пристрелки, кажется, так мы их называли, я знала, что на свалке много такого, по чему можно пострелять. В том числе и крысы, знаете ли. — Она замолкает. Лоб блестит пленочкой пота. — Вот по кому я действительно хотела стрелять. По кому-то живому. Не по чайкам — я знала, что чайку мне не подстрелить — а вот крысу... я хотела посмотреть, получится ли. Хорошо хоть, что я подошла к свалке со стороны Канзас-стрит, а не от Олд-Кейп, потому что от железнодорожной насыпи там открытое пространство. Они бы меня увидели, и одному Богу известно, чем бы все закончилось.

— Кто бы те-ебя у-увидел?

— Они, — отвечает Беверли. — Генри Бауэрс, Виктор Крисс, Рыгало Хаггинс и Патрик Хокстеттер. Они были на свалке и...

Внезапно, к всеобщему изумлению, она начинает смеяться, как ребенок, щеки становятся розово-красными. Она смеется, пока слезы не выступают на глазах.

— Какого черта, Беверли? — спрашивает Ричи. — Поделись шуткой.

— Это была шутка, все так, — отвечает Беверли. — Конечно же, шутка, но, думаю, они убили бы меня, если увидели, что я за ними подсматриваю.

— Теперь я вспоминаю! — кричит Бен и тоже начинает смеяться. — Я помню, как ты нам рассказывала!

Сквозь смех Беверли выдавливает из себя:

— Они спустили штаны и поджигали перду.

Мгновение гробовой тишины, а потом все хохочут. Смех эхом разносится по библиотеке.

Думая о том, как рассказать им о смерти Патрика Хокстеттера, она решает напомнить, что Канзас-стрит отделяло от свалки что-то похожее на пояс астероидов. По нему к свалке вел разбитый проселок (он считался городской дорогой и даже имел название — Олд-Лайм-стрит), единственная настоящая дорога в Пустоши, и служи-

ла она для проезда городских мусоровозок. Беверли шла вдоль Олд-Лайм-стрит, но не по ней: стала более осторожной (она полагала, все стали) после того, как Эдди сломали руку. Особенно, если была одна.

Она пробиралась сквозь густую растительность, огибая участки, заросшие ядовитым плющом, который выделялся красноватыми, жирно блестящими листьями, вдыхая дымную вонь свалки, слыша крики чаек. Слева, сквозь разрывы в листве, она видела Олд-Лайм-стрит.

Остальные смотрят на нее в ожидании. Она заглядывает в пачку сигарет, обнаруживает пустоту. Ричи молча выдает ей свою.

Она закуривает, оглядывает их и говорит:

— Направляясь к свалке со стороны Канзас-стрит...

2

...ты словно попадаешь в некое подобие пояса астероидов. Пояса мусороидов. Поначалу не видишь ничего, кроме кустов, растущих из болотистой земли, а потом на глаза попадался первый мусороид: ржавая банка из-под соуса для спагетти «Принс» или бутылка из-под газировки, облепленная жучками, которые сползлись на сладкие остатки какой-нибудь крем-соды или напитка из травяных экстрактов. Потом внимание привлекает кусочек фольги, застрявший в листве, сверкающий в солнечных лучах. Можно увидеть кроватную пружину (а то и шлепнуться на землю, зазевавшись и зацепившись за нее) или кость, которую притащила какая-то собака, обглодала и бросила.

«*В самой свалке ничего плохого нет*, — думала Беверли, — *пожалуй, это даже интересное место*». Но что не нравилось, и даже пугало, так это ее расползание. Благодаря вот этому поясу мусороидов.

Она подходила все ближе; деревья прибавляли в высоте, главным образом хвойные, кусты редели. Птицы кричали пронзительными, сварливыми голосами, воздух пропитывал запах гари.

Справа от нее к стволу сосны привалили под углом ржавый холодильник «Амана». Беверли взглянула на него и вспомнила сотрудника полиции штата, который приходил к ним в школу, когда она училась в третьем классе. Среди прочего он рассказал им, чем

опасны выброшенные холодильники: ребенок мог забраться в него, играя, скажем, в прятки, и задохнуться внутри. Хотя у кого могло возникнуть желание забраться в паршивый, старый...

Она услышала крик так близко, что подпрыгнула от неожиданности, а за криком последовал смех. Беверли улыбнулась. Так вот они где. Ушли из клубного дома, провонявшего дымом, и перебрались сюда. Может, били бутылки камнями, может, отыскивали что-нибудь полезное.

Она прибавила шагу, ссадина на ноге забылась, ей не терпелось увидеть их... увидеть его, с рыжими, как и у нее, волосами, увидеть, улыбнется ли он ей, в свойственной ему манере, одним уголком губ. Она знала, что слишком юна, чтобы полюбить парня, что может только «влюбляться», но все равно любила Билла. И шла быстрее, ролики тяжелым грузом покачивались на плече, а резинка «Яблочка» мягко похлопывала по левой ягодице.

И она подошла к ним чуть ли не вплотную, когда до нее дошло, что компания собралась там не ее — Бауэрса.

Она уже вышла из кустов, и примерно в семидесяти ярдах находился самый крутой склон свалки, лавина мусора, лежащая на склоне гравийного карьера. Бульдозер Мэнди Фацио виднелся слева. А перед ней лежали выброшенные автомобили. В конце каждого месяца их сплющивали прессом и отвозили в Портленд, но сейчас на свалке их находилась дюжина, а то и больше, некоторые стояли на ступицах, другие перевернули на борт, один или два лежали на крыше, словно подохшие собаки. Их сваливали в два ряда, и она шла по проходу между ними, будто бандитка из будущего, размышляя о том, а не разбить ли ей какое-нибудь лобовое стекло из «Яблочка». Один карман ее синих шортов вспучивался от маленьких металлических шариков, которыми она и собиралась попрактиковаться.

Голоса и смех доносились из-за брошенных автомобилей, по ее левую руку, с границы свалки. Беверли обошла последний, «студебекер» без капота и двигательного отсека. Приветственный крик замер на ее губах. Рука, вскинутая в приветствии, не просто упала вниз — казалось, отсохла.

Беверли сконфузилась, мелькнула мысль: *«Господи, почему они все голые?»*

Затем пришло осознание, кто они, а с ним и испуг. Она замерла перед оставшейся половиной «студебекера», ее тень прилипла к

задникам ее кроссовок. Мгновение она была у них на виду: если бы кто-то из четверых, сидевших на корточках кружком, поднял голову, то обязательно увидел бы ее, девочку ростом чуть выше среднего, с парой роликов на одном плече, длинными, стройными ногами с одним окровавленным коленом (кровь еще сочилась), отвисшей челюстью и пунцовыми щеками.

Прежде чем рвануть обратно за «студебекер», она заметила, что голые они наполовину: рубашки на них, а штаны и брюки спущены до лодыжек, словно они собрались приступить к «Делу номер два» (память пребывающей в шоке Беверли услужливо подсказала эвфемизм, к которому прибегали взрослые, когда она еще только училась ходить) — да только кто слышал о четырех больших парнях, которые занимались «Делом номер два» одновременно?

Спрятавшись за автомобилем, она подумала о том, чтобы смыться, и смыться как можно быстрее. Сердце гулко билось, мышцы напитались адреналином. Она огляделась, обратив внимание на то, что упустила, когда шла сюда, когда думала, что голоса принадлежат ее друзьям. Ряд автомобилей, разделявший ее и парней, был очень уж разреженный. Они не стояли дверца к дверце, как за неделю или меньше до того дня, когда приезжал пресс, чтобы превратить их в блоки искореженного металла. Пока она шла сюда, мальчишки несколько раз могли заметить ее, и на обратном пути она могла попасться кому-нибудь на глаза.

К тому же ее разбирало бесстыдное любопытство: чем в конце концов они занимались.

Очень осторожно она выглянула из-за «студебекера».

Генри и Виктор Крисс стояли более или менее лицом к ней. Патрик Хокстеттер расположился слева от Генри. Рыгало Хагтинса она видела со спины. Отметила, что у него очень большой, очень волосатый зад, и полуистерический смех внезапно запузырился в горле, как пена над стаканом имбирного эля. Ей пришлось зажать рот руками и метнуться обратно за «студебекер», изо всех сил сдерживая смех.

«Ты должна выметаться отсюда, Беверли. Если они поймают тебя...»

Все еще прижимая руки ко рту, она посмотрела в ту сторону, откуда пришла. Ширина прохода между автомобилями не превышала десяти футов, на земле валялись банки, поблескивали куски плексигласа, росли сорняки. Издай она хоть звук, они бы ее услышали... особенно, если б отвлеклись от своего занятия. Когда она

подумала, сколь небрежно шла по свалке, у нее заледенела кровь. Опять же...

Что они могли делать?

Она снова выглянула, на этот раз увидев куда как больше. Неподалеку грудой лежали книги — школьные учебники и рабочие тетради. Мальчишки пришли сюда прямо с летних занятий, которые большинство детей называли «Школой для тупиц» или «Как-бы-школой». А поскольку Виктор и Генри находились к ней лицом, она видела их штучки. То были первые штучки, которые Беверли увидела в своей жизни, если не считать картинок в книжке, которую Бренда Эрроусмит показывала ей годом раньше, и на тех картинках многого увидеть не удалось. Бев разглядела, что их штучки похожи на трубки, которые висели между ног. У Генри — маленькая и безволосая, а у Виктора — куда как больше, в пушке черных волос вокруг нее.

«У Билла тоже есть такая же», — подумала Бев, и внезапно покраснело, похоже, все ее тело: от волны жара голова закружилась, и чуть ли не схватило живот. В тот момент она чувствовала то же самое, что и Бен Хэнском в последний учебный день, когда смотрел на ее браслет на лодыжке и наблюдал, как он поблескивает на солнце... но только к тем ощущениям не подмешивалось охватившее ее чувство ужаса.

Она вновь оглянулась. Теперь проход между автомобилями, ведущий к спасительной Пустоши, значительно прибавил в длине. Она боялась шевельнуться. Если б они узнали, что она видела их штучки, ей бы от них досталось. И крепко. Они могли сильно ее поколотить.

Рыгало Хаггинс внезапно взревел, заставив ее подпрыгнуть, а Генри закричал:

— Три фута! Ни хрена себе, Рыгало! Три фута! Так, Вик?

Вик согласился, и они все зашлись диким хохотом.

Бев попыталась еще раз выглянуть из-за «студебекера» с обрубленной передней частью.

Патрик Хокстеттер повернулся и приподнял зад так, что чуть ли не коснулся им носа Генри. В руке Генри держал какой-то серебристый, поблескивающий предмет. Через мгновение Бев поняла, что это зажигалка.

— Ты вроде бы сказал, что уже на подходе, — услышала она голос Генри.

— Да, — ответил Патрик. — Я тебе скажу, когда. Готовься!.. Готовься!.. Уже идет! Го... давай!

Генри щелкнул зажигалкой. Одновременно раздался характерный звук пердежа. Ошибиться Бев не могла. Звуки эти регулярно слышались в ее доме, обычно по субботним вечерам, после бобов и сосисок. Ее отец любил поесть тушеные бобы. И в тот момент, как Генри щелкнул зажигалкой, а Патрик перднул, Беверли увидела такое, что у нее отвисла челюсть. Струя ярко-синего пламени вырвалась из зада Патрика. Таким же пламенем горел запальный фитиль в газовой колонке.

Мальчишки вновь загоготали, а Беверли нырнула за автомобиль, подавляя безумный смех. Она смеялась, но не потому, что находила увиденное смешным. В каком-то смысле — да, это было забавно, но в основном смеялась она потому, что испытывала глубокое отвращение к происходящему, помноженное на ужас. Она смеялась, потому что не знала другого способа отреагировать на увиденное. Как-то сказался тот факт, что впервые она вживую посмотрела на мальчишечьи штучки, но, с другой стороны, ее чувства по большей части определялись не этим. В конце концов, она знала, что у мальчишек есть штучки, точно так же, как она знала, что у девчонок есть другие штучки; то есть она получила всего лишь подтверждение. Но в остальном то, что они делали, казалось таким странным, таким нелепым и одновременно настолько примитивным, что она, несмотря на приступ смеха, отчаянно боролась с охватывающим ее отвращением.

«Прекрати, — говорила она себе, как будто в этом был выход, — *прекрати, они услышат тебя, поэтому просто прекрати, Бевви!»*

Но не получалось. Единственное, что ей удалось, так это смеяться, не вовлекая в процесс голосовые связки, поэтому смех вырывался из нее практически беззвучно, благо руки крепко зажимали рот, но щеки у нее стали красными, а глаза наполнились слезами.

— Срань господня, больно! — взревел Виктор.

— Двенадцать футов! — прокричал Генри. — Клянусь Богом, Вик, двенадцать гребаных футов! Клянусь именем моей матери!

— Мне без разницы, даже если бы были двадцать гребаных футов, ты обжег мне жопу! — негодовал Виктор, и эти слова вызвали еще более громкий гогот; все еще пытаясь молчаливо смеяться под прикрытием автомобиля, Беверли подумала о фильме, который видела по телику. Там играл Джон Холл. Рассказывалось в фильме о

племени из джунглей, у которого был какой-то тайный ритуал, и если ты видел этот ритуал, то тебя приносили в жертву богу этого племени, здоровенному каменному идолу. Мысли эти не оборвали ее смешки, наоборот, придали им истеричности. Они все более напоминали безмолвные крики. У нее болел живот. Слезы ручьем катились по лицу.

3

В тот жаркий июльский день Генри, Виктор, Рыгало и Патрик оказались на свалке, поджигая «выхлопные газы» друг друга, благодаря Рине Давенпорт.

Генри знал, что происходит, если плотно подзаправиться тушеными бобами. Результат скорее всего лучше всего описывался детским стишком, который он выучил, сидя на колене своего отца, когда еще носил короткие штанишки: «К бобам в радость музыки сладость. Чем больше ешь, тем дольше поёшь! Чем дольше поёшь, тем лучше живешь! И снова к еде — бобы на столе!»

Рина Давенпорт и отец Генри обхаживали друг друга почти восемь лет. Рина была толстой, сорокалетней и обычно грязной. Генри предполагал, что Рина и его отец иногда трахались, хотя представить себе не мог, как кто-нибудь мог улечься на Рину Давенпорт.

Рина гордилась своими тушеными бобами. Она замачивала их в субботу вечером, а потом тушила на медленном огне все воскресенье. Генри полагал, что бобы ничего — во всяком случае, годились на то, чтобы набивать ими рот и жевать, — но после восьми лет приелось бы что угодно.

Причем малые количества Рину не устраивали: бобов она тушила много. И когда показывалась в воскресенье вечером на своем стареньком зеленом «Де Сото» (под зеркалом заднего вида болталась маленькая резиновая кукла-голыш, которая выглядела, как самая юная жертва суда Линча), то на пассажирском сиденье стояло двенадцатигаллонное ведро из оцинкованного железа, в котором дымились тушеные бобы. Вечером они втроем ели бобы: Рина без устали нахваливала свою стряпню, Буч Бауэрс что-то бурчал, подбирая подливу куском хлеба с отрубями, или просто предлагал ей заткнутся, если по радио шел какой-нибудь спортивный репор-

таж, Генри молча ел, глядя в окно, думая о своем (именно над воскресной тарелкой бобов ему в голову пришла мысль отравить Мистера Чипса, собаку Майка Хэнлона). На следующий вечер Буч подогревал бобы. По вторникам и средам Генри брал с собой в школу пластиковый контейнер с тушеными бобами. К четвергу или пятнице ни Генри, ни его отец есть бобы больше не могли. В обоих спальнях пахло пердой, несмотря на открытые окна. Буч брал остатки, смешивал с другими объедками и скармливал Бипу и Бопу, двум свиньям Бауэрсов. Рина появлялась с полным ведром дымящихся тушеных бобов только в воскресенье, и цикл повторялся. В этот день Генри прихватил с собой огромное количество оставшихся бобов, и вчетвером они съели их в полдень на школьной игровой площадке, сидя под тенью старого вяза. Съели столько, что едва не лопнули.

Пойти на свалку предложил Патрик, зная, что во второй половине жаркого летнего дня там никого не будет. К тому времени, когда они добрались до свалки, бобы уже исправно выполняли возложенную на них функцию.

Ч

Мало-помалу Беверли овладела собой. Она понимала, что надо выбираться отсюда: оставаясь на свалке, она подвергала себя гораздо большей опасности. Они очень увлеклись своей забавой и, даже если бы заметили, как она убегает, им еще предстояло ее догнать (она решила для себя, что в самом крайнем случае, если деваться будет некуда, несколько выстрелов из «Яблочка» смогли бы убедить их не продолжать погоню).

И она уже начала выползать из-за «студебекера», когда услышала голос Виктора.

— Я должен идти, Генри. Отец хочет, чтобы я сегодня помог ему собрать кукурузу.

— Да ладно, — отмахнулся Генри. — Переживет.

— Нет, он на меня зол. Из-за того, что случилось вчера.

— Да наплюй на него, если он не понимает шуток.

Беверли слушала уже более внимательно, предположив, что речь идет о той стычке, которая закончилась переломом руки Эдди.

— Нет, я должен идти.

— По-моему, у него болит жопа, — вставил Патрик.

— Думай, с кем говоришь, падла, — огрызнулся Виктор, — а то пожалеешь.

— Мне тоже надо идти, — подал голос Рыгало.

— И твой отец хочет, чтобы ты помог ему убирать кукурузу? — зло спросил Генри. Возможно, так он шутил: отец Рыгало умер.

— Нет, я получил работу разносчика в «Недельной покупке». Сегодня должен туда прийти.

— Что за бред ты несешь с этой «Недельной покупкой»? — По голосу чувствовалось, что теперь Генри еще и расстроился, не только злится.

— Это работа, — объяснил Рыгало. — Я зарабатываю деньги.

Генри пренебрежительно фыркнул, и Беверли вновь выглянула из-за «студебекера». Виктор и Рыгало стояли, затягивая ремни. Генри и Патрик по-прежнему сидели на корточках со спущенными штанами. Зажигалка поблескивала в руке Генри.

— А ты не дашь стрекача? — спросил Генри Патрика.

— Нет, — ответил Патрик.

— Тебе не нужно собирать кукурузу или идти на сраную работу?

— Нет, — ответил Патрик.

— Ладно, до скорого, Генри, — неуверенно попрощался Рыгало.

— Само собой, — ответил Генри и его плевок шмякнулся рядом с башмаком Рыгало.

Вик и Рыгало двинулись к двум рядам раскуроченных автомобилей... к «студебекеру», за которым скрючилась Беверли. На мгновение она замерла, застыв от страха, словно кролик. Потом попятилась в зазор между «студебекером» и разбитым, без единой дверцы «фордом». Посмотрела направо-налево, слыша их приближающиеся шаги. Во рту пересохло, спина взмокла от пота, какая-то часть ее рассудка уже задалась вопросом, а как она будет выглядеть в таком же гипсе, как у Эдди, с росписями всех Неудачников. Потом Беверли нырнула в «форд» со стороны пассажирского сиденья. Свернулась клубочком на грязном коврике, стараясь занять как можно меньше места. В кабине было жарко, как в духовке, и так сильно пахло пылью, гниющей обшивкой и старым крысиным дерьмом, что Беверли пришлось приложить максимум усилий, чтобы не чихнуть или не закашлять. Она услышала, как Виктор и Ры-

гало прошли совсем рядом, негромко разговаривая. Потом голоса смолкли.

Беверли раз за разом трижды чихнула, быстро и тихо, приложив ко рту ладони.

Она решила, что теперь сможет уйти, если не забудет про осторожность. Собралась вылезти из «форда» уже со стороны водителя, перебраться в проход между двумя рядами автомобилей и дать деру. Она полагала, что ей это удастся, но шок — ведь ее едва не накрыли — лишил Беверли смелости. Она пришла к выводу, что остаться в «форде» безопаснее. И потом, раз уж Виктор и Рыгало ушли, эта парочка вскоре могла последовать за ними. Тогда она вернется к клубному дому. Желание пострелять из рогатки испарилось, как дым.

Опять же, ей хотелось отлить.

«Ну же, — подумала она. — *Ну же, поднимайтесь и уходите, поднимайтесь и уходите, ПО-ЖА-А-АЛУЙСТА!»*

Мгновением позже Патрик заржал и зарычал от боли.

— Шесть футов! — проревел Генри. — Как гребаная паяльная лампа! Клянусь Богом!

На какое-то время воцарилась тишина. Пот тек по спине. Через треснутое лобовое стекло солнце жгло шею. Мочевой пузырь давил.

Генри взревел так громко, что Беверли — а она уже чуть ли не задремала, несмотря на все неудобства, — сама едва не вскрикнула.

— Черт побери, Хокстеттер! Ты спалил мою гребаную жопу! Что ты делаешь с зажигалкой?

— Десять футов. — Патрик засмеялся (от этого смеха Беверли сразу замутило, словно она увидела червя, выползающего из салата в ее тарелке). — Десять футов, и ни дюйма меньше, Генри. Ярко-синего пламени. Десять футов, и ни дюйма меньше. Клянусь Богом!

— Дай сюда, — буркнул Генри.

«Уходите, уходите, тупоголовые, валите отсюда, убирайтесь!»

Патрик заговорил снова, но так тихо, что Беверли едва расслышала его. Если бы в тот испепеляющий полдень дул хоть самый слабенький ветерок, она не разобрала бы ни слова.

— Давай я тебе кое-что покажу.

— Что? — спросил Генри.

— Кое-что, — ответил Патрик. — Это приятно.

— Что? — вновь спросил Генри.

И тишина.

«Я не хочу смотреть, я не хочу смотреть на то, что они сейчас делают, и потом, они могут увидеть меня, более того, скорее всего увидят, потому что ты израсходовала всю удачу, отпущенную тебе на сегодня, девочка. Поэтому оставайся, где сидишь. Не выглядывай».

Но любопытство взяло верх над здравым смыслом. Что-то странное было в этой тишине, что-то пугающее. Дюйм за дюймом она поднимала голову, пока ее глаза не оказались на уровне треснутого, мутного лобового стекла «форда». Она могла не тревожиться насчет того, что ее увидят: оба мальчика сосредоточились на том, что делал Патрик. Беверли не поняла, что видит, но знала — это что-то отвратительное... впрочем, ничего другого она от Патрика и не ожидала, он всегда был не в себе.

Одну руку он сунул между бедер Генри, другую — между своих. Одной рукой он поглаживал штучку Генри, другой — свою. Только не просто поглаживал... сжимал, тянул вниз, потом вверх.

«И что он такое делает?» — гадала ничего не понимающая Беверли.

Она не знала, это точно, но ее это действо пугало. Такого страха она не испытывала с тех пор, как кровь выплеснулась из сливного отверстия в раковине и окатила всю ванную. *«Если они узнают, что ты это видела, чем бы это ни было,* — кричал внутренний голос, — *они не просто взгреют тебя — могут и убить».* И однако она не могла отвести глаз.

Она увидела, как штучка Патрика чуть удлинилась, но не сильно: по-прежнему висела между ног, как дохлая змея. Зато у Генри — на удивление выросла. Рука Патрика ходила по ней взад-вперед, вверх-вниз, иногда замирала, чтобы сжать, иногда пальцы щекотали странный, тяжелый мешочек, который висел под штучкой Генри.

«Это его яйца, — подумала Беверли. — *Мальчикам все время приходится ходить с таким хозяйством? Господи, я бы сошла с ума».* В другой части ее рассудка послышался шепот: *«И у Билла такие же».* Тут же она представила себе, как держит их, сжимает в ладошке, гладит... и снова ее пробило жаром, лицо стало пунцовым.

Генри смотрел на руку Патрика, как загипнотизированный. Его зажигалка лежала на каменном выступе, сверкая в лучах жаркого солнца.

— Хочешь, чтобы я взял в рот? — спросил Патрик. Его толстые, мясистые губы изогнулись в улыбке.

— Что? — переспросил Генри, словно выходя из забытья.

— Я возьму в рот, если хочешь. Я не от...

Мелькнула рука Генри. Бил он не кулаком, но и не открытой ладонью — чуть согнул пальцы. Патрик распластался на земле. Ударился головой о гравий. Беверли опустила голову, сердце выпрыгивало из груди, зубы сцепились, сдерживая крик. Уложив Патрика на землю, Генри повернулся, и Беверли показалось, что взгляды их на мгновение встретились, прежде чем она опустила голову и свернулась клубочком на грязном коврике у переднего сиденья выброшенного на свалку «форда».

«Пожалуйста, Боже, Ты позаботился о том, чтобы солнце било ему в глаза, да? — молила она. — *Пожалуйста, Боже, я сожалею, что подсматривала. Пожалуйста, Боже!»*

Тянулась мучительная пауза. Белая блузка прилипла к потному телу. Капельки пота, как мелкие жемчужины, блестели на загорелых руках. Мочевой пузырь болезненно пульсировал. Она чувствовала, что очень скоро обмочит трусики. Ждала, что сейчас яростное, безумное лицо Генри появится в проеме на месте дверцы пассажирского сиденья «форда», не сомневалась, что так оно и будет: как он мог не увидеть ее? Он вытащит ее из кабины и изобьет. Он...

Новая и еще более ужасная мысль пришла в голову, и вновь ей пришлось вести отчаянную борьбу с позывами надуть в штаны. Допустим, он что-то сделает с ней свой штукой? Допустим, захочет, чтобы она вставила ее в свою понятно что? Она знала, куда положено ей входить, все так. Внезапно знания эти во всей красе выскочили из памяти. Беверли подумала, что сойдет с ума, если Генри попытается вставить в нее свою штуку.

«Пожалуйста, нет, пожалуйста, Господи, не дай ему заметить меня, пожалуйста, хорошо?»

Потом Генри заговорил, и к своему нарастающему ужасу Беверли поняла, теперь он находится гораздо ближе от нее, чем раньше.

— Пидорские штучки не по мне.

— Тебе же понравилось, — откликнулся Патрик, его голос доносился с более дальнего расстояния.

— Мне не понравилось! — прокричал Генри. — А если ты кому-нибудь скажешь, что понравилось, я тебя убью, маленький вонючий пидор!

— У тебя встало. — По интонациям Патрика чувствовалось, что он улыбается. И хотя Беверли сама безумно боялась Генри, улыбка эта ее не удивила. Патрик же чокнулся, был куда безумнее Генри, а безумцы ничего не боялись. — Я видел.

Гравий скрипел под ногами, все ближе и ближе. Беверли посмотрела наверх, ее глаза чуть не вылезли из орбит. Сквозь лобовое стекло «форда» она увидела затылок Генри. Смотрел он на Патрика, но если бы повернулся...

— Если трепанешь кому-нибудь, я скажу, что ты членосос. А потом убью тебя.

— Ты меня не испугаешь, Генри. — Патрик засмеялся. — Но я, возможно, никому не скажу, если ты дашь мне доллар.

Генри переступил с ноги на ногу. Чуть развернулся, и Беверли теперь видела не его затылок, а часть лица, пусть и под острым углом. «*Пожалуйста, пожалуйста, Господи*», — молила она, а позывы отлить становились все сильнее.

— Если ты скажешь, — говорил Генри тихо и размеренно, — я расскажу, что ты делаешь с кошками. И с собаками. Я расскажу о твоем холодильнике. И ты знаешь, что потом будет, Хокстеттер? Они придут, заберут тебя и посадят в гребаный дурдом.

Патрик молчал.

Генри забарабанил пальцами по капоту «форда», в котором пряталась Беверли.

— Ты меня слышишь?

— Я тебя слышу. — Теперь голос Патрика звучал угрюмо. И в нем слышался страх. И тут он взорвался. — Тебе понравилось! У тебя встало! Никогда не видел, чтобы у кого-нибудь так сильно вставало!

— Да, готов спорить, ты перевидал много стояков, гребаный жалкий пидор. Только помни, что я сказал тебе о холодильнике. Твоем холодильнике. И если еще раз попадешься мне на глаза, я вышибу тебе мозги.

Вновь Патрик промолчал.

Генри двинулся дальше. Беверли повернула голову, увидела, как он прошел мимо водительской половины «форда». Если б чуть повернул голову налево, заметил бы ее. Но не повернул. Мгновением позже она услышала, что он уходит вслед за Виктором и Рыгало.

Так что теперь остался один Патрик.

Беверли ждала, но ничего не менялось. Проползли пять минут. Желание справить малую нужду сделалось неодолимым. Она мог-

ла бы вытерпеть еще две или три минуты, но не больше. И ей было не по себе из-за того, что она не знала, где Патрик и чем занимается.

Вновь она выглянула через лобовое стекло и увидела, что он просто сидит. Генри забыл зажигалку. Патрик сложил свои книги и тетради в небольшую холщовую сумку, повесил на шею, как разносчик газет, но штаны и трусы по-прежнему оставались на лодыжках. Он играл зажигалкой. Вертел колесико, смотрел на пламя, практически невидимое под ярким солнцем, захлопывал крышку, повторял все по-новой. Процесс словно гипнотизировал его. Из уголка рта на подбородок бежала струйка крови, губы справа раздулись. Он этого и не замечал. Вновь Беверли охватило отвращение. Патрик — безумец, без всяких сомнений, и ей больше всего хотелось убраться отсюда.

Очень осторожно, на животе, ногами вперед, она переползла через выступ, по которому проходил карданный вал, протиснулась под рулем. Поставила ноги на землю, выбралась из кабины «форда». Потом быстро побежала в ту сторону, откуда пришла. Уже среди сосен оглянулась. Никого. Свалка дремала под жарким солнцем. Беверли почувствовала, как напряжение уходит из груди, как расслабляется скрученный в узел желудок. Оставалось только желание отлить — такое сильное, что ей становилось нехорошо.

Пробежав по тропе несколько шагов, Беверли юркнула направо. Молнию шортов расстегнула еще до того, как кусты сомкнулись за ней. Посмотрела вниз, чтобы убедится, что не сядет на ядовитый плющ. Потом опустилась на корточки, ухватившись рукой за какой-то куст, чтобы не плюхнуться в свою же лужу.

Она уже надевала шорты, когда услышала шаги, приближающиеся со стороны свалки. Сквозь кусты мелькнули синие джинсы и вылинявшая клетчатая школьная рубашка. Патрик. Она присела, дожидаясь, пока он пройдет к Канзас-стрит. Нынешняя позиция нравилась ей куда больше прежней. Маскировка отличная, мочевой пузырь пуст, а Патрик целиком и полностью в своем безумном мире. И после его ухода она могла спокойно направляться к клубному дому.

Но Патрик не прошел мимо. Остановился совсем рядом с тем местом, где Беверли нырнула в кусты, и уставился на ржавый холодильник «Амана» по другую сторону тропы.

Беверли могла видеть его сквозь кусты, сама оставаясь практически невидимой. Теперь, после того как она облегчилась, любо-

пытство вновь вышло на первый план. А если бы Патрик и заметил ее, она не сомневалась, что уж от него-то она точно убежит. Он не был таким толстым, как Бен, но лишнего веса хватало. Беверли тем не менее достала из заднего кармана шортов «Яблочко», а из переднего — с полдесятка стальных шариков. Безумец Патрик или нет, но пущенный в колено шарик убедит его воздержаться от дальнейшей погони.

Теперь Беверли вспомнила холодильник. На свалке выброшенных холодильников хватало, но внезапно ей пришло в голову, что этот — единственный, с которого Мэнди Фацио не снял запорный механизм или просто не оторвал дверцу.

Патрик начал что-то напевать себе под нос, покачиваясь взад-вперед перед ржавым холодильником, и Беверли почувствовала, как по спине снова пробежал холодок. Он напоминал гадкого типа из фильма ужасов, собравшегося достать труп из склепа.

Что он задумал?

Но если бы Беверли это знала или могла предположить, что произойдет, когда Патрик закончит некий личный ритуал и откроет ржавую дверцу выброшенной «Аманы», она бы сразу убежала со всех ног.

S

Никто — даже Майк Хэнлон — не имел ни малейшего понятия, до какой степени свихнулся двенадцатилетний Патрик Хокстеттер, сын торговца краской. Его мать, добрая католичка, умрет в 1962 году, через четыре года после того, как Патрика пожрало зло, существовавшее в Дерри и под ним. Хотя проверки уровня интеллектуального развития показывали нижнюю границу нормы, Патрик уже дважды оставался на второй год, в первом и третьем классах. В этом году он ходил в летнюю школу, чтобы не провести следующий учебный год в пятом классе. Учителя считали его безразличным учеником (о чем некоторые и писали в табелях начальной школы Дерри на шести строчках, которые отводились для «КОММЕНТАРИЕВ УЧИТЕЛЯ») и с нарушениями психики (о чем не написал ни один — слишком неопределенными были их ощущения, слишком расплывчатыми, чтобы выразить их даже на шестидесяти строчках, а не на шести). Если бы он родился десятью годами позже, школьный консультант

по обучению отправил бы его к детскому психологу, который сумел бы (а может, и не сумел; Патрик был гораздо умнее, чем показывали результаты проверки уровня интеллектуального развития) распознать пугающие глубины, которые скрывались за этим обрюзгшим и бледным круглым лицом.

Он был социопатом и, возможно, к жаркому июлю 1958 года стал полноценным психопатом. Он не мог вспомнить время, когда считал других людей — чего там, любых живых существ — «настоящими». Он твердо верил, что существует только он сам, возможно, один-единственный во всей вселенной, и это, безусловно, доказывало его «реальность». Он не понимал, что такое чувство боли, не понимал, когда ему причиняли боль (характерный пример — полное безразличие к тому, что Генри ударил его на свалке). Но пусть он находил реальность совершенно бессмысленным понятием, концепцию «правил» Патрик понимал прекрасно. И даже если все учителя находили его странным (и миссис Дуглас, его учительница в пятом классе, и миссис Уимс, которая учила Патрика в третьем классе, знали о пенале с дохлыми мухами, в определенном смысле понимали, к каким это может привести последствиям, но у каждой было от двадцати до двадцати восьми учеников, и у всех находились какие-то заморочки), ни у одного с ним не возникало дисциплинарных проблем. Он мог сдать совершенно пустой лист с контрольной работой (или пустой, за исключением одного большого, красивого вопросительного знака), и миссис Дуглас выяснила, что лучше держать Патрика подальше от девочек из-за его шаловливых ручонок, но на уроках он вел себя тихо, так тихо, что иной раз ничем не отличался от большого куска глины, который вылепили в форме мальчика. Не замечать Патрика не составляло труда, учился он плохо, но никому не доставлял хлопот, в отличие, скажем, от Генри Бауэрса и Виктора Крисса, наглых, активно мешающих учебному процессу мальчишек, которые отнимали деньги у малышни или портили школьную собственность, если предоставлялась такая возможность, и девочек, как та, которую крайне неудачно назвали Элизабет Тейлор: она страдала эпилепсией, голова у нее работала только от случая к случаю, и ее приходилось останавливать, когда на школьной площадке она задирала юбку, чтобы похвастаться новыми трусиками. Другими словами, в начальной школе Дерри учились дети с самыми разными странностями, и в этом водовороте даже Пеннивайз мог остаться незамеченным. Но,

разумеется, никто из учителей Патрика (само собой, и его родители) понятия не имели о том, что пятилетний Патрик убил своего брата-младенца Эйвери.

Когда мать вернулась из больницы с Эйвери, Патрику это не понравилось. Его не волновало (так, во всяком случае, поначалу сказал он себе), сколько будет детей у его родителей, двое, пятеро или пять десятков, при условии, что этот ребенок или дети не изменят его жизненный уклад. Но он обнаружил, что Эйвери изменил. Еду подавали поздно. Ночью младенец плакал и будил его. Родители постоянно толклись около детской кроватки, и очень часто, когда он хотел привлечь их внимание к себе, ему это не удавалось. Патрик испугался, а такое случалось с ним лишь несколько раз в жизни. Если родители принесли его, Патрика, из больницы, подумал он, и если он «настоящий», тогда получалось, что и Эйвери мог быть «настоящим». И могло даже получиться так, что родители захотят совсем избавиться от него, Патрика, когда Эйвери станет достаточно большим, чтобы ходить и говорить, приносить отцу экземпляр «Дерри ньюс», брошенный разносчиком на крыльцо, и подавать матери формы для выпечки хлеба. Не то чтобы он боялся, что они будут любить Эйвери больше (хотя Патрик точно знал, что они любят младенца больше, и в этом случае его суждение, вероятно, соответствовало действительности). Его волновало другое: 1) с появлением Эйвери ранее установленные правила отменили или они изменились; 2) Эйвери мог оказаться «настоящим»; 3) существовала вероятность, что его могли вышвырнуть вон, оставив только Эйвери.

Как-то раз Патрик вошел в комнату Эйвери днем, примерно в половине третьего, вскоре после того, как школьный автобус привез его с занятий. Стоял январь. Начал падать снег. Сильный ветер дул со стороны Маккэррон-парк и дребезжал замерзшими стеклами наружных рам. Мать спала у себя в спальне. Накануне Эйвери устроил ей веселую ночь. Отец был на работе. Эйвери спал на животе, повернув головку набок.

Патрик, с бесстрастным круглым лицом, повернул голову Эйвери так, что лицо младенца уткнулось в подушку. Эйвери засопел и снова повернул голову набок. Патрик это отметил, постоял, думая об этом. Снег таял на его желтых сапогах и водой стекал на пол. Прошло, наверное, минут пять (быстро думать у Патрика не получалось), а потом он снова повернул головку Эйвери, уткнув его ли-

цом в подушку и подержал. Эйвери дернулся под рукой, пытаясь высвободить голову. Но сопротивлялся очень слабо. Патрик убрал руку. Эйвери вновь повернул головку на бок, коротко вскрикнул, но не проснулся. Снаружи выл ветер, дребезжал стеклами. Патрик подождал, чтобы убедиться, что вскрик Эйвери не разбудил мать. Убедился.

Патрик почувствовал охватившее его возбуждение. Казалось, впервые мир предстал перед ним во всей красе. Природа сильно обделила его эмоциями, но в эти несколько мгновений он чувствовал себя, как дальтоник, которому сделали укол, позволивший на короткое время увидеть все в цвете... или как наркоман, который только что принял дозу, отправившую его мозги на орбиту. Для него это было внове. Он не подозревал, что такое возможно.

Очень осторожно он опять повернул головку Эйвери, уткнув лицом в подушку. На этот раз, когда младенец задергался, Патрик его не отпустил. Еще сильнее вдавил головку в подушку. Эйвери принялся приглушенно кричать, и Патрик знал, что он проснулся. Подумал о том, что братик пожалуется на него матери, если он отпустит Эйвери. И не отпускал. Младенец пытался вырваться. Патрик держал его крепко. Младенец пукнул. Попытки вырваться ослабевали. Наконец Эйвери застыл. Патрик подержал его в том же положении еще пять минут, чувствуя, как возбуждение достигло пика, а потом начало спадать; действие укола прекратилось. Мир снова стал серым, доза свое отработала.

Патрик спустился вниз, положил на тарелку пирожки, налил стакан молока. Мать спустилась через полчаса. Сказала, что не слышала, как он вернулся, так устала (*«Больше ты уставать не будешь, мамочка*, — подумал Патрик. — *Не волнуйся, я об этом позаботился»*). Она посидела с ним, съела один из его пирожков, спросила, как прошли занятия. Патрик ответил, что хорошо, и показал свой рисунок дома и дерева. Лист бессмысленных каракулей и загогулин, нарисованных черным и коричневым карандашами. Мать сказала, что очень красиво. Патрик каждый день приносил домой такие же черно-коричневые завитушки с закорючками. Иногда пояснял, что это индюшка, иногда — рождественская елка, иногда — мальчик. И мать всегда говорила, что это красиво... хотя иной раз, в самой глубинной части рассудка (она даже сомневалась, существует ли эта часть) тревожилась. Что-то не нравилось ей в этих черно-коричневых рисунках.

О смерти Эйвери она узнала только в пять часов вечера; ранее полагала, что ребенок просто долго спит после бессонной ночи. К тому времени Патрик уже смотрел мультсериал про «Кролика-крестоносца» по их телевизору с экраном с диагональю в семь дюймов и продолжал смотреть, когда поднялся крик. Соседка, миссис Хенли, прибежала, когда показывали очередную серию «Вертолетчиков» (кричащая мать Патрика держала младенца у открытой двери кухни, исходя из какой-то безумной идеи, что холодный воздух может его оживить; Патрик замерз, и ему пришлось взять из стенного шкафа свитер). «Дорожный патруль», любимый сериал Бена Хэнскома, показывали, когда с работы вернулся мистер Хокстеттер. К тому времени, когда прибыл врач, начался «Фантастический театр», с «вашим ведущим Трумэном Брэдли». «Кто знает, какие странности могут встречаться во вселенной?» — размышлял Трумэн Брэдли, когда мать Патрика визжала и вырывалась из рук мужа на кухне. Доктор отметил абсолютное спокойствие Патрика, его взгляд, в котором не читалось вопроса, и решил, что мальчик в глубоком шоке. Предложил дать Патрику успокоительное. Патрик не возражал.

Смерть определили как несчастный случай. Годы спустя могли бы возникнуть определенные вопросы, в силу отклонений от обычных симптомов смерти младенцев в колыбели. Но в те времена причину смерти просто записали в свидетельство, и младенца похоронили. Патрик этому порадовался, потому что, как только суета улеглась, еду ему опять начали подавать вовремя.

В безумии второй половины того дня и вечера — люди входили и выходили из дома, красные огни машины «Скорой помощи» Городской больницы пульсировали на стенах, миссис Хокстеттер кричала, и выла, и отказывалась принять успокоительное — только отец Патрика практически вплотную подошел к раскрытию преступления. Он двадцать минут стоял у пустой колыбельки Эйвери после того, как тело увезли, просто стоял, не в силах поверить в случившееся. А посмотрев вниз, увидел пару следов на паркетном полу. Оставил следы снег, стаявший с желтых резиновых сапог Патрика. И когда мистер Хокстеттер смотрел на следы, ужасная мысль поднялась в голову, как газ поднимается из глубокой скважины. Рука метнулась ко рту, глаза широко раскрылись. Перед мысленным взором начала формироваться картина случившегося. Но, прежде чем она обрела четкие очертания, мистер Хокстеттер выско-

чил из комнаты, хлопнув дверью так сильно, что треснула дверная коробка.

Патрику он не задал ни единого вопроса.

Ничего такого Патрик больше не делал, хотя сделал бы, если б представилась такая возможность. Он не испытывал чувства вины. Его не мучили кошмары. По прошествии времени он, однако, начал осознавать, что могло случиться с ним, если бы его поймали. Существовали правила. И тем, кто им не следовал, грозили неприятности... или тем, кого ловили, когда они нарушали эти правила. Человека могли посадить под замок или даже на электрический стул.

Но не уходящее из памяти чувство возбуждения — эти яркие цвета и острые ощущения — было слишком мощным и восхитительным, чтобы не попытаться испытать его вновь. Патрик убивал мух. Сначала просто расплющивал их материнской мухобойкой. Потом обнаружил, что не менее эффективно убивать их можно и пластмассовой линейкой. Он также открыл для себя прелести липкой бумаги. Ее длинный рулон стоил в «Костелло-авеню-маркет» какие-то два цента, и Патрик иной раз по два часа стоял в гараже, наблюдая, как мухи садятся на липкую бумагу, а потом пытаются вырваться. Стоял, разинув рот, его обычно мутные глаза сверкали, пот тек по круглому лицу и грузному телу. Патрик убивал и жучков, но сначала пытался поймать их живыми. Иногда он утаскивал длинную иглу из материнской подушечки для шитья, нанизывал на нее японского жука, садился, скрестив ноги, на землю в саду и наблюдал, как тот умирает. И в такие моменты выражением лица напоминал мальчика, читающего очень хорошую книгу. Однажды он нашел сбитую автомобилем кошку, которая умирала в ливневой канаве на Нижней Главной улице, и сидел, наблюдая за ней, пока какая-то старуха не увидела, как он пинает ногой мяукающее умирающее животное. Она шуганула его метлой, которой подметала дорожку от тротуара к крыльцу. *«Иди домой!* — кричала она ему. — *Ты что, спятил?»* Патрик пошел домой. На старуху он не рассердился. Его поймали, когда он нарушал правила, ничего больше.

Потом, в прошлом году (ни Майка Хэнлона, ни кого-то из остальных не удивило бы, узнай они, что случилось это в тот самый день, когда погиб Джордж Денбро), Патрик нашел ржавый холодильник «Амана» — один из самых больших мусороидов в поясе, окружавшем свалку.

Как и Бев, он слышал о предупреждениях, касающихся таких вот выброшенных бытовых приборов, о том, как миллионы детей задыхаются в них каждый год. Патрик долго стоял, глядя на холодильник, лениво играя в «карманный бильярд». Возбуждение вернулось, только более сильное, чем прежде, уступающее по интенсивности лишь тому случаю, когда он прикончил Эйвери. Возбуждение вернулось, потому что в ледяных сумеречных просторах, которые заменяли Патрику Хокстеттеру разум, появилась идея.

Неделей позже у Льюсов, которые жили в трех домах от Хокстеттеров, пропал кот, Бобби. Дети Льюсов, которые помнили Бобби с рождения, часами обшаривали округу в его поисках. Они даже скинулись на объявление в колонке «Пропали и разыскиваются» городской газеты. Ничего из этого не вышло. А если кто-то из них видел в тот день Патрика, одетого в толстую куртку-пуховик (наводнение 1957 года чуть ли не сразу сменилось сильными холодами), с картонной коробкой в руках, то ничего не заподозрил.

Энгстромы, которые жили на параллельной улице и их двор граничил со двором Хокстеттеров, лишились щенка кокер-спаниеля за десять дней до Дня благодарения. В следующие шесть или восемь месяцев в других домах регулярно пропадали собаки и кошки, и, конечно же, всех их крал Патрик, не говоря о дворовых котах и собаках с Адских пол-акра.

Всех их, одного за другим, он сажал в ржавый холодильник «Амана» около свалки. Всякий раз, когда приносил очередное животное, сердце его гулко билось, глаза горели и слезились от возбуждения, он ожидал обнаружить, что Мэнди Фацио сорвал запорный механизм, а то и просто кувалдой сшиб дверцу с петель. Но Мэнди почему-то не трогал этот холодильник. Возможно, не подозревал о его существовании, возможно, сила воли Патрика не подпускала его к холодильнику... а может, делала это другая сила.

Кокер Энгстромов протянул дольше всех. Несмотря на холода, он еще не сдох, когда Патрик вернулся в третий раз, чтобы взглянуть на него, хотя утратил исходную живость (он вилял хвостом и лизал Патрику руки, когда тот достал его из коробки и посадил в холодильник). Когда Патрик вернулся первый раз, на следующий день, щенок чуть не вырвался на свободу. Патрику пришлось бежать за ним через всю свалку, пока не удалось в прыжке схватить за заднюю лапу. Щенок кусал Патрика острыми маленькими зуба-

ми, но Патрик, не обращая на это внимания, отнес щенка к холодильнику и вновь посадил туда. При этом у него встал член. Такое случалось и раньше.

При втором визите щенок снова попытался вырваться, но двигался слишком уж медленно. Патрик вернул его в холодильник, с силой захлопнул ржавую дверцу и привалился к ней спиной. Он слышал, как щенок скребется внутри. Слышал его подвывания. «Хороший песик, — прошептал Патрик Хокстеттер. Он стоял с закрытыми глазами, учащенно дыша. — Очень хороший песик». На следующий день, когда открылась дверца, щенок смог только повернуть глаза в сторону Патрика. Днем позже Патрик нашел кокера мертвым. Вокруг пасти застыла пена. Морда кокера напомнила ему кокосовый леденец на палочке, и он хохотал, доставая окоченевшее тельце из камеры-морилки и выбрасывая в кусты.

В это лето число жертв (Патрик думал о них, если такие мысли приходили ему в голову, как о «подопытных животных») уменьшилось. Патрик не только считал себя настоящим, но и обладал хорошо развитым инстинктом самосохранения и обостренной интуицией. Он почувствовал, что его подозревают. Насчет того, кто именно, уверенности у него не было. Мистер Энгстром? Возможно. В один весенний день мистер Энгстром обернулся и долго смотрел на Патрика в магазине «Эй-энд-Пи». Мистер Энгстром покупал сигареты, а Патрика послали за хлебом. Миссис Джозефс? Возможно. Она иногда сидела у окна гостиной с подзорной трубой и, по словам миссис Хокстеттер, постоянно совала нос в чужие дела. Мистер Джакубуа, с наклейкой общества защиты животных на заднем бампере автомобиля? Мистер Нелл? Кто-то еще? Точно Патрик не знал, но интуиция подсказывала, что он под подозрением, а с интуицией он никогда не спорил. Он поймал нескольких бродячих животных на Адских пол-акра, причем выбирал только тощих и больных, и этим ограничился.

Однако он обнаружил, что холодильник около свалки обрел над ним странную власть. Когда в школе ему становилось скучно, Патрик его рисовал. Иногда холодильник снился ему — в этих снах высота «Аманы» достигала семидесяти футов, и холодильник сверкал белой эмалью, превращался в величественный саркофаг, залитый ледяным лунным светом. В этих снах гигантская дверь открывалась, и он видел огромные глаза, которые смотрели на него из холодильника. Патрик просыпался в холодном поту, но все равно

не мог полностью отказаться от тех радостей, что дарили ему визиты к холодильнику.

Сегодня он наконец-то выяснил, кто его подозревал. Бауэрс. Узнав, что Генри Бауэрсу известен секрет его камеры-морилки, Патрик почти что впал в панику, во всяком случае, насколько мог, подошел к этому состоянию. По правде говоря, не очень-то близко, но все равно находил это — не страх, а внутреннее беспокойство — давящим и неприятным. Генри знал. Знал, что Патрик иногда нарушает правила.

Его последней жертвой стал голубь, которого двумя днями раньше он нашел на Джексон-стрит. После удара об автомобиль голубь не мог летать. Патрик пошел домой, взял в гараже свою картонную коробку, посадил в нее голубя. Голубь несколько раз клюнул Патрика в руку, оставив неглубокие, кровавые ранки. Патрик не обращал на это внимание. Когда на следующий день проверил холодильник, голубь уже сдох, но трупик Патрик не выбросил. Теперь же, после угрозы Генри вывести его на чистую воду, Патрик решил сразу же избавиться от голубя. Подумал даже о том, чтобы принести ведро воды и тряпки, чтобы оттереть холодильную камеру. Пахло в ней не очень. Если бы Генри рассказал, и мистер Нелл пришел проверить его слова, он бы понял, что кто-то — если на то пошло, не единожды — там умер.

«*Если он скажет*, — думал Патрик, стоя среди сосен и глядя на ржавый холодильник «Амана», — *я скажу, что он сломал руку Эдди Каспбрэку. Разумеется, об этом уже знали, но не могли ничего доказать, потому что, по их словам, все они в тот день играли в доме Генри, и полоумный отец Генри это подтвердил. Но, если он скажет, я тоже скажу. Око за око.*

Но сейчас это не важно. Сейчас нужно избавиться от птицы. Потом оставить дверцу холодильника открытой, вернуться с водой и тряпками и все вымыть. Точно».

Себе на погибель Патрик открыл дверцу холодильника.

Сначала увиденное вызвало у него недоумение, умственные способности не позволяли осознать, что перед ним. Для него это ничего не значило. Он не представлял себе, с какого бока к этому подступиться. Просто смотрел, склонив голову набок, широко раскрыв глаза.

От голубя остался скелет в обрамлении перышек. Плоть обглодали всю, дочиста. И повсюду, вокруг скелета, на стенках, на

потолке холодильной камеры, на проволочных полках висели десятки каких-то штуковин цвета кожи, которые выглядели, как большие макаронные ракушки. Патрик видел, что они двигаются, подрагивают, словно их раскачивает ветер. Только никакого ветра не было. Патрик нахмурился.

Внезапно одна из «ракушек» раскрыла мембранные крылья, такие же, как у насекомых. Патрик успел только сообразить, что происходит, а «ракушка» уже практически преодолела расстояние, разделяющее холодильник и левую руку Патрика. В следующее мгновение она с чмоканьем ударилась в руку. Возникло ощущение жара. И тут же прошло, будто никакого удара и не было... но бледная поверхность «ракушки» быстро начала розоветь, а потом ошеломляюще быстро добрала красноты.

Хотя Патрик почти ничего не боялся в привычном смысле слова (трудно бояться того, что «ненастоящее»), один вид живых существ вызывал у него крайнее омерзение. В семь лет теплым августовским днем он вышел из озера Брюстер и обнаружил на животе и ногах четыре или пять пиявок. Он докричался до хрипоты, прежде чем отец оторвал их.

И теперь благодаря внезапному озарению Патрик понял, что это какой-то странный вид летающей пиявки. И они наводнили его холодильник.

Он начал кричать, бить по твари, присосавшейся к его руке. А тварь уже раздулась чуть ли не до размера теннисного мяча. На третьем ударе тварь разорвалась с тошнотворным чавкающим звуком. Кровь — его кровь — потекла по руке, от локтя к запястью, но желеобразная безглазая голова твари осталась на месте. Она заканчивалась, как и узкая голова птицы, чем-то вроде клюва, только не плоским или острым, а цилиндрическим и тупым, похожим на хоботок комара. И хоботок утопал в руке Патрика.

Все еще крича, он зажал пальцами сочащуюся кровью голову твари и потянул. Хоботок вышел легко, а следом хлынул поток крови, смешанной с какой-то желтовато-белой жидкостью, похожей на гной. В руке осталась дыра размером с десятицентовую монету.

А тварь, даже разорванная напополам, продолжала извиваться и двигаться в его пальцах, стремясь вонзить в них хоботок.

Патрик отбросил тварь, повернулся... и новые «ракушки» вылетели из холодильника, атаковав его, когда он пытался найти руч-

ку дверцы и закрыть. Они вцепились ему в кисти, руки, шею. Одна присосалась ко лбу. Подняв руку, чтобы сшибить ее, Патрик увидел на кисти четыре твари, все мелко подрагивали, становясь сначала розовыми, а потом красными.

Никакой боли он не чувствовал... лишь ощущал, как из него выпивают кровь. И пока Патрик кричал, вертелся, бил себя по голове и шее руками, к которым присосались летающие пиявки, разум убеждал его: «Это нереально, это всего лишь дурной сон, не волнуйся, это нереально, нет ничего реально...»

Но кровь, льющаяся из раздавленных пиявок, выглядела вполне реальной, и жужжание их крыльев казалось вполне реальным... так же, как и его ужас.

Одна из пиявок попала под рубашку и присосалась к груди. И пока он отчаянно колотил по ней рукой и наблюдал за кровяным пятном, расползающимся вокруг того места, где она сидела, еще одна «приземлилась» на правый глаз. Патрик его закрыл, но ничего от этого не выгадал. Почувствовал, как глаз на мгновение опалило огнем, когда хоботок твари пробил веко и принялся высасывать жидкость из глазного яблока. Патрик чувствовал, как глаз «схлопывается» в глазнице, и снова закричал. И тут же пиявка влетела в рот и присосалась к языку.

При этом боли он практически не ощущал.

Шатаясь, размахивая руками, Патрик двинулся по тропе в обратную сторону, к выброшенным на свалку автомобилям. Паразиты облепили его. Некоторые, насосавшись до предела, взрывались, как воздушные шарики; когда это происходило с самыми большими, Патрика окатывало полпинтой* его же собственной горячей крови. Он чувствовал, как раздувается пиявка у него во рту, и раскрыл его пошире, потому что в голове осталась только одна связная мысль: не дать ей взорваться там; не дать, не дать.

Но она взорвалась. Изо рта Патрика выплеснулся поток крови и плоти пиявки, совсем как блевотина. Он упал на землю, стал кататься, все еще крича. Мало-помалу крики начали затихать, словно доносились издалека.

А перед тем как потерять сознание, Патрик увидел фигуру, выступившую из-за последнего в ряду автомобиля. Поначалу он подумал, что это человек, возможно, Мэнди Фацио, и он спасен. Но

* 1 пинта = 0,57 л.

когда фигура приблизилась, Патрик увидел, что лицо непрерывно меняется, как расплавленный воск. В какие-то моменты черты начинали затвердевать, и лицо становилось узнаваемым, но тут же менялось снова, словно его обладатель никак не мог решить, как он хотел бы выглядеть.

— Здравствуй и прощай, — послышался булькающий голос откуда-то из-за меняющегося лица, и Патрик попытался закричать вновь. Он не хотел умирать; как единственный «настоящий» этого мира, он просто не мог умереть. Если он умирал, вместе с ним уходил в небытие весь мир.

Фигура ухватилась за облепленные пиявками руки Патрика и потащила его к Пустоши. Заляпанная кровью холщовая сумка с книгами, зацепленная лямкой за шею, волочилась вместе с ним, ударяясь о землю, подпрыгивая на камнях. Патрик, все еще пытаясь закричать, потерял сознание.

Очнулся он только однажды, в темном вонючем аду, где постоянно капала вода, где не было света, совсем не было света. Очнулся в тот самый момент, когда Оно начало кормиться.

6

Сначала Беверли не очень-то понимала, что она видит или что происходит у нее на глазах... Патрик Хокстеттер вдруг замахал руками, запрыгал, завопил. Она осторожно поднялась, держа рогатку в одной руке и два металлических шарика в другой. Она слышала, как Патрик, спотыкаясь, бредет по тропе к свалке, по-прежнему оглушительно крича. В этот момент Беверли на сто процентов выглядела той красоткой, какой со временем стала, и если бы Бен Хэнском увидел ее такой, его сердце могло бы и не выдержать.

Она выпрямилась во весь рост, склонила голову налево. Волосы она заплела в две косы, которые заканчивались красными бархатными бантиками, купленными в магазине «Дали» за десять центов. Она замерла, изготовившись к прыжку, совсем как кошка или рысь. Вес тела перенесла на левую ногу, чуть развернулась в сторону Патрика, штанины ее выцветших шортов задрались, открывая краешки желтых хлопчатобумажных трусиков. Шорты эти почти не закрывали ноги, роскошные, несмотря на ссадины, синяки и грязь.

«Это уловка. Он увидел тебя, знает, что по-честному ему тебя не догнать, и пытается тебя подманить. Не ходи, Бевви».

Но другая часть ее рассудка слышала в этих криках слишком много боли и страха. Ей хотелось увидеть, что случилось с Патриком — если с ним что-то случилось — с более близкого расстояния. А больше всего ей хотелось, чтобы она пришла в Пустошь другим путем и вообще не видела всего этого безобразия.

Крики Патрика смолкли. Мгновением позже Беверли услышала еще чей-то голос — но знала, что это всего лишь ее воображение. Потому что услышала, как ее отец сказал: «Здравствуй и прощай». Но ее отца в этот день в Дерри не было: в восемь утра он уехал в Брансуик. Они с Джо Таммерли собирались забрать в Брансуике пикап «шеви». Бев тряхнула головой, чтобы прочистить мозги. Голос больше не заговорил. Конечно же, ее воображение, ничего больше.

Она вышла из кустов на тропу, готовая убежать, как только Патрик бросится к ней. Все ее ощущения обострились, даже кошачьи усы не могли быть такими чуткими. Беверли посмотрела на тропу и глаза у нее округлились. Кровь. Много крови.

«Фальшивая кровь, — настаивал ее разум. — *Такая продается в «Дали» по сорок девять центов за бутылку. Будь осторожна, Бевви!»*

Она присела, коснулась крови пальцами. Пристально посмотрела на них. На фальшивую кровь не похоже.

В левую руку воткнулось что-то горячее, чуть пониже локтя. Она посмотрела вниз, и первым делом сверкнула мысль, что это репей. Нет — не репей. Репей не мог трястись и вибрировать. К ней присосалось что-то живое. А мгновением спустя Беверли поняла, что эта тварь кусает ее. Она изо всей силы ударила по ней тыльной стороной ладони правой руки, и тварь лопнула, разбрызгивая кровь. Девочка отступила на шаг, собравшись закричать, раз уже все закончилось... да только увидела, что не закончилось. Бесформенная голова твари оставалась на руке, вонзившись пастью в ее плоть.

С криком отвращения и страха, Беверли потянула голову на себя и увидела, как хоботок выходит из руки, будто маленький кинжал. И с него капала кровь. Теперь она понимала, откуда взялась кровь на тропе, и ее взгляд метнулся к холодильнику.

Она увидела, что дверца закрыта и защелкнута, но несколько паразитов остались снаружи и ползают по бело-ржавой поверхнос-

ти. И в тот самый момент, когда Беверли смотрела на холодильник, одна из пиявок раскрыла мембранные, как у мухи, крылья и, жужжа, полетела к ней.

Беверли действовала на автомате. Вложила металлический шарик в пяту, растянула резинку. И хотя боли в левой руке не чувствовалось, она увидела, как из раны, пробитой в коже этой тварью, при сокращении мышц выплеснулась кровь. Беверли не стáла ее стирать, подсознательно подманивая летающую пиявку.

«Черт! Мимо!» — подумала она, когда «Яблочко» щелкнуло, и металлический шарик полетел, сверкающим кусочком отраженного солнечного света. И, как позже Беверли скажет другим Неудачникам, она знала, что промахнулась, точно так же, как играющий в боулинг знает, что сбить все кегли не удастся, как только неудачно брошенный шар отрывается от руки. Но потом увидела, как искривилась траектория движения шарика. Произошло это в доли секунды, но Беверли все увидела ясно и отчетливо: траектория искривилась. Шарик угодил в летающую тварь и разнес ее в клочья. Она упала на тропу дождем желтоватых капель.

Беверли поначалу попятилась, широко раскрыв глаза, с дрожащими губами, лицо стало пепельным. Она не отрывала взгляда от дверцы холодильника, ожидая, что еще какая-нибудь тварь унюхает или почувствует ее присутствие. Но паразиты только медленно ползали взад-вперед, как осенние мухи, которых холод лишил возможности летать.

Наконец она повернулась и побежала.

Паника черным пологом застила мысли, но полностью Беверли ей не сдалась. Держа «Яблочко» в левой руке, она время от времени оглядывалась. Кровь по-прежнему ярко сверкала на тропе и на листьях некоторых кустов. Словно Патрика на ходу мотало из стороны в сторону.

Беверли вновь выскочила на открытое пространство, к вывезенным на свалку автомобилям. Впереди увидела большое пятно крови, уже впитывавшейся в усыпанную гравием землю. Землю здесь словно взрыли, более темные полоски появились на белесой поверхности. Как будто была какая-то борьба. И от этого места уходили две бороздки, которые разделяли примерно два с половиной фута.

Беверли остановилась, тяжело дыша. Посмотрела на руку и с облегчением увидела, что кровотечение практически прекратилось,

хотя кровь пятнала нижнюю часть предплечья и ладонь. Зато появилась и запульсировала ноющая боль. Знакомая боль, какую ей приходилось ощущать где-то через час после посещения стоматолога, когда начинало сходить на нет действие новокаина.

Она посмотрела на тропу, ничего не увидела, взгляд вернулся к бороздкам, которые уходили от свезенных на свалку автомобилей, уходили от свалки, тянулись в Пустошь.

Эти твари сидели в холодильнике. Они облепили Патрика, точно облепили, кровь — тому свидетельство. Он добрался до этого места, а потом

(*здравствуй и прощай*)

случилось что-то еще. Что именно?

И она очень боялась, что знала. Эти пиявки были частью Оно, и они пригнали Патрика к другой части Оно, как охваченного паникой бычка гонят по взгону для скота на забой.

«Сматывайся! Сматывайся, Бевви!»

Вместо этого она пошла вдоль бороздок в земле, крепко сжимая «Яблочко» в потной руке.

«Ну хотя бы позови остальных!»

«Позову... чуть позже».

Она шла и шла, земля полого уходила вниз, становилась мягче. Открытая местность вновь сменилась густой растительностью. Где-то громко застрекотала цикада. Замолчала. Комары кружили над окровавленной рукой. Беверли их отгоняла, крепко закусив губу.

Что-то лежало на земле. Беверли остановилась. Подняла. Самодельный бумажник, какие дети делали на занятиях в мастерских Общественного центра. Бев сразу поняла, что ребенок, который сделал этот бумажник, мастерством не отличался. Стежки, закрепляющие пластик, уже разлезлись, и внешняя стенка отделения для купюр почти оторвалась. В отделении для мелочи нашлись двадцать пять центов. Помимо денег в бумажнике лежала библиотечная карточка на имя Патрика Хокстеттера. Беверли отбросила бумажник вместе с библиотечной карточкой и мелочью. Вытерла пальцы о шорты.

Еще через пятьдесят футов нашла кроссовку. Кусты стали такими густыми, что она не могла идти по бороздкам, но не требовалось быть следопытом, чтобы находить путь по каплям и брызгам крови на листьях и траве.

След привел к крутому, густо заросшему склону. Один раз Беверли поскользнулась, ее потащило вниз, она оцарапалась об острые шипы. Новые полоски крови появились на правом бедре. Теперь она тяжело дышала, потные волосы облепили голову. Кровавый след вывел на одну из едва заметных троп, проложенных в Пустоши. Где-то рядом находился Кендускиг.

На тропе лежала вторая кроссовка Патрика, с окровавленными шнурками.

Беверли приблизилась к реке, наполовину растянув резинку «Яблочка». На земле вновь появились бороздки, уже не такие глубокие. «*Потому что он остался без кроссовок*», — подумала она.

Миновала последний поворот и вышла к реке. Бороздки спустились к берегу и подвели Беверли к бетонному цилиндру — одной из насосных станций. Там они оборвались. Беверли заметила, что железная крышка цилиндра чуть сдвинута.

Когда она нагнулась над цилиндром и посмотрела вниз, оттуда донеслось хрипловатое жуткое хихиканье.

Тут Беверли не выдержала. Паника, до сих пор сдерживаемая, вырвалась наружу. Беверли развернулась и помчалась к поляне, к клубному дому, подняв окровавленную левую руку, чтобы защитить лицо от хлеставших ее ветвей.

«*Иногда я тоже тревожусь, папочка*, — мелькнула дикая мысль. — *Иногда я ОЧЕНЬ тревожусь*».

7

Через четыре часа все Неудачники, за исключением Эдди, сидели в кустах рядом с тем местом, где пряталась Беверли, наблюдая, как Патрик Хокстеттер подходит к холодильнику и открывает его. Небо над головой потемнело от грозовых облаков, в воздухе вновь стоял запах дождя. Билл держал в руке конец длинной бельевой веревки. Вшестером они скинулись и купили веревку и аптечку первой помощи Джонсона. Билл аккуратно перебинтовал ранку Беверли.

— Ро-одителям с-скажешь, ч-что си-ильно по-оцарапалась, ко-огда ка-аталась на ро-оликах.

— Мои ролики! — воскликнула Беверли. Она про них совсем забыла.

— Вон они, — указал Бен. Они лежали неподалеку, и Беверли сама пошла за ними, прежде чем Бен, или Билл, или кто-то еще предложил бы их принести. Она помнила, что положила их на землю, прежде чем отлить. И не хотела, чтобы другие подходили к тому месту.

Билл сам привязал второй конец бельевой веревки к ручке на дверце холодильника, хотя подошли они к нему все вместе, очень осторожно, готовые убежать при первых признаках движения. Бен предложил Беверли вернуть «Яблочко» Биллу; тот настоял, чтобы она оставила рогатку при себе. Но, как выяснилось, ничего у холодильника не двигалось.

Хотя крови на тропе перед холодильником хватало, паразиты исчезли. Возможно, их унесло ветром.

— Можно привести сюда шефа Бортона, и мистера Нелла, и сотню других копов, но ничего путного из этого не выйдет. — В голосе Стэна Уриса слышалась горечь.

— Не выйдет, — согласился Ричи. — Ни хрена они не увидят. Как твоя рука, Бев?

— Болит. — Она помолчала, переводя взгляд с Билла на Ричи и снова на Билла. — Родители увидят дыру, которую эта тварь проделала в моей руке?

— Ду-умаю, что н-нет, — ответил Билл. — П-приготовьтесь бе-ежать. Се-ейчас бу-уду за-авязывать у-узел.

Он обмотал концом веревки хромированную, в пятнах ржавчины ручку, работая с осторожностью сапера, обезвреживающего боевую мину. Завязал двойной узел и начал отступать от холодильника, разматывая бельевую веревку.

Нервно улыбнулся остальным, когда они чуть отошли.

— У-уф. Ра-ад, ч-что с э-этим за-акончили.

Теперь, находясь на безопасном (как они надеялись) расстоянии от холодильника, Билл вновь предупредил всех, чтобы они были готовы дать деру. Гром бабахнул у них над головой, и все подпрыгнули. Упали первые капли дождя.

Билл что есть силы дернул за веревку. Двойной узел соскользнул с рукоятки, но уже после того, как открылась дверца. Из холодильника лавиной высыпались оранжевые помпоны. С губ Стэна Уриса сорвался стон. Остальные смотрели, разинув рты.

Дождь прибавил. Гром снова грохнул прямо над ними, заставив всех вздрогнуть, лилово-синяя молния разорвала небо, когда

дверца холодильника откинулась полностью. Ричи увидел это первым и пронзительно закричал. Билл зло, испуганно вскрикнул. Остальные промолчали.

На обратной стороне дверцы краснели выведенные засыхающей кровью слова:

«ОСТАНОВИТЕСЬ, ПОКА Я НЕ УБИЛ ВАС ВСЕХ. МУДРЫЙ СОВЕТ ОТ ДРУГА. ПЕННИВАЙЗ».

К дождю добавился град. Дверцу холодильника раскачивало взад-вперед поднявшимся ветром, написанные кровью буквы начали размываться, красноватые потеки придавали надписи вид афиши какого-то фильма ужасов.

Бев не замечала, что Билл встал, пока не увидела, как он пересекает тропу, направляясь к холодильнику. Он потрясал над головой обоими кулаками. Вода текла по лицу, рубашка прилипла к спине.

— *М-мы те-ебя у-убьем!* — проорал Билл.

Загрохотал гром. Вспыхнула яркая молния. Так близко, что Беверли ощутила запах озона. Где-то неподалеку затрещало падающее дерево.

— Билл, вернись! — кричал Ричи. — Вернись, чел! — Он начал подниматься, но Бен рывком усадил его.

— *Ты убил моего брата Джорджа! Сучий сын! Мерзавец! Вонючая тварь! Покажись нам! Покажись!*

Град усилился, жаля их даже сквозь листву. Беверли подняла руку, чтобы прикрыть лицо. Она видела, как на щеках Билла появляются красные отметины.

— Билл, вернись! — что есть мочи закричала она, но очередной громовой раскат заглушил ее. Грохот прокатился по Пустоши под черными облаками.

— *Дай нам посмотреть на тебя, гандон!*

Билл яростно пнул груду помпонов, высыпавшихся из холодильника. Отвернулся и зашагал к Неудачникам, наклонив голову. Казалось, он не чувствовал ударов градин, которые уже покрыли землю, как снег.

Он начал ломиться сквозь кусты, и Стэну пришлось схватить его за руку, чтобы он не уткнулся лицом в колючки. Билл плакал.

— Все нормально, Билл. — Бен неуклюже обнял его.

— Да, — сказал Ричи. — Не волнуйся. Мы не струсим. — Он обвел остальных диким взглядом. Глаза сверкали на мокром лице. — Кто-нибудь струсил?

Все покачали головами.

Билл посмотрел на них, вытирая глаза. Все промокли до нитки, напоминая щенков одного помета, только что перешедших вброд реку.

— А з-знаете, О-оно на-ас бо-оится. Я э-это чу-у-увствую. К-клянусь Бо-огом, чу-увствую.

Бен рассудительно кивнул:

— Думаю, ты прав.

— По-о-омогите м-мне. По-ожалуйста. По-о-омогите м-м-мне.

— Мы поможем, — ответила Беверли. Обняла Билла. И только осознав, как легко сомкнулись ее руки у него на спине, поняла, какой он тощий. Она чувствовала его сердце, бьющееся под рубашкой. Чувствовала, как оно бьется рядом с ее сердцем. И никакое объятие не казалось ей таким крепким и сладостным. Ричи обнял их обоих, положил голову на плечо Беверли. Бен проделал то же самое с другой стороны. Стэн Урис обнял Ричи и Бена. Майк помялся, а потом одной рукой обвил талию Беверли, а другой — подрагивающие плечи Билла. Они постояли, обнявшись, а град тем временем вновь превратился в дождь, такой сильный, что вода, казалось, вытесняла воздух. Молнии гуляли по небу, гром говорил. Они стояли под дождем, единым целым, обнимая друг друга, слушая, как дождь шипит в кустах. И это Беверли запомнила лучше всего: шум дождя, и их общее молчание, и смутное сожаление, что Эдди нет с ними. Она это все запомнила.

И запомнила, что ощущала себя очень юной и очень сильной.

Глава 18
«ЯБЛОЧКО»

1

— Ладно, Стог, — говорит Ричи. — Твоя очередь. Рыжая выкурила все свои сигареты и большую часть моих. Время позднее.

Бен смотрит на часы. Действительно поздно: почти полночь. «Времени осталось только на одну историю, — *думает он.* — Одну историю до полуночи. Для поддержания тонуса. И что это будет за история?» *Шутка, конечно, и не очень удачная; осталась только одна история, во всяком случае, только одна из тех, которые он помнит, и это история серебряных круглящей — как они отлили эти круглящи в мастерской Зака Денбро 23 июля и как использовали 25-го.*

— У меня тоже есть шрамы, — говорит он. — Помните?

Беверли и Эдди качают головами; Билл и Ричи кивают. Майк сидит молча, глаза на усталом лице внимательно следят за происходящим.

Бен встает и расстегивает рубашку, разводит полы в стороны. Все видят старый шрам в форме буквы «Н». Его линии изломаны — когда появился шрам живот был гораздо больше — но форма узнаваема.

Другой толстый шрам, спускающийся от поперечины буквы «Н», более заметен. Он напоминает веревку на виселице, только без петли.

Рука Беверли поднимается ко рту.

— Оборотень! В том доме! Господи Иисусе! — И она поворачивается к окнам, словно хочет посмотреть, не шныряет ли кто в темноте.

— Совершенно верно, — кивает Бен. — Но хотите узнать кое-что забавное? Два дня назад этого шрама не было. Визитка Генри была; я это точно знаю. Потому что показывал ее одному моему другу, Рикки Ли, бармену в Хемингфорд-Хоуме. Но этот... — Он невесело смеется, начинает застегивать рубашку. — Этот вернулся только что.

— Как шрамы на наших руках.

— Да, — говорит Майк, пока Бен застегивает пуговицы. — Оборотень. В тот день мы все видели Оно как оборотня.

— Потому что таким раньше ви-идел Оно Ри-ичи, — бурчит Билл. — Ведь так?

— Да, — кивает Майк.

— Тогда мы были очень близки, правда? — спрашивает Беверли. В ее голосе слышится восторг. — Так близки, что могли читать мысли друг друга.

— Старина Большой Волосатик едва не добрался до твоих кишок, Бен, чтобы сделать из них подтяжки. — Но, произнося эти слова, Ричи не улыбается. Сдвигает очки к переносице, а за ними его лицо бледное, и осунувшееся, и мрачное.

— Билл спас твой бекон, — резко добавляет Эдди. — Я хочу сказать, спасла нас Бев, но если бы не ты, Билл...

— Да, — соглашается Бен. — Ты, Билл. Я же совершенно растерялся в том дурдоме.

Билл указывает на пустой стул.

— Мне помог Стэн Урис. И он за это заплатил. Возможно, потому и умер.

Бен Хэнском качает головой:

— Не говори так, Билл.

— Но это п-правда. И если э-это твоя ви-ина, то и моя тоже, и всех остальных, потому что мы не отступились. Даже после Патрика, даже после надписи на том холодильнике, мы не отступились. В основном вина, конечно, на мне, потому что я хо-отел, чтобы мы шли дальше. Из-за Джо-Джорджа. Может, еще и по другой причине. Если я убью того, кто у-убил Джорджа, думал я, мои ро-одители снова станут лю-ю-ю...

— Любить тебя? — мягко спрашивает Беверли.

— Да, конечно. Но я не ду-у-умаю, что это чья-то ви-ина, Бен. Таким уж был Стэн.

— На новое столкновение с Оно его не хватило, — говорит Эдди. Он думает о мистере Кине, открывшем ему глаза на лекарство от астмы, о том, что он до сих пор не отказался от этого лекарства. Он думает о том, что, возможно, смог отказаться от привычки быть больным, но от привычки верить, что он болен, — нет. И, если вспомнить, как все обернулось, возможно, эта привычка спасла ему жизнь.

— В тот день он показал себя молодцом, — говорит Бен. — Стэн и его птицы.

Смех проносится по комнате, все смотрят на стул, на котором сидел бы Стэн, живи они в справедливом, здравомыслящем мире, где победа всегда доставалась хорошим парням. «Мне недостает его, — *думает Бен.* — Господи, как же мне его недостает!»

— Ричи, — говорит он, — помнишь день, когда ты сказал ему, что по дошедшим до тебя слухам он убил Христа. И Стэн тогда ответил с каменным лицом: «Думаю, это был мой отец».

— Помню. — Голос Ричи так тих, что его едва слышно. Он достает носовой платок из заднего кармана, снимает очки, вытирает глаза, возвращает очки на место. Убирает носовой платок и добавляет, не отрывая взгляда от рук: — Почему бы тебе просто не рассказать эту историю, Бен?

— Щемит, да?

— Да. — Голос у Ричи такой хриплый, что понять его трудно. — Да, конечно. Щемит.

Бен оглядывается, потом кивает:

— Хорошо. Еще одна история до полуночи. Чтобы держать нас в тонусе. У Билла и Ричи возникла идея насчет пуль...

— Нет, — поправляет его Ричи, — первым об этом подумал Билл, и первым занервничал...

— Я только начал т-т-тревожиться...

— Как я понимаю, значения это не имеет, — прерывает его Бен. — Мы трое провели немало времени в библиотеке в тот июль. Пытались выяснить, как нам изготовить серебряные пули. Серебро у меня было; четыре доллара, доставшиеся от отца. Потом Билл занервничал, думая о том, что с нами будет, если оружие даст осечку, когда монстр потянется к нашим глоткам. А когда мы увидели, как метко стреляет Беверли из рогатки Билла, то решили отлить из одного серебряного доллара кругляши. Собрали все необходимое и както вечером все пришли к Биллу. Эдди, ты тоже пришел...

— Я сказал матери, что мы будем играть в «Монополию», — говорит Эдди. — Рука у меня болела, но идти мне пришлось пешком. Так она на меня разозлилась. И всякий раз, когда позади меня кто-то появлялся, я оборачивался, думая, что это Бауэрс. И боль от этого не уменьшалась.

Билл улыбается:

— А что мы делали, так это стояли и смотрели, как Бен работает. Я думаю, Бен смог бы отлить и на-настоящие серебряные пули.

— У меня такой уверенности нет, — отвечает Бен, хотя и теперь знает, что смог бы. Он помнит, как сгущались снаружи сумерки (мистер Денбро обещал потом развезти их по домам), стрекот цикад в траве, появление первых светлячков. В столовой Билл аккуратно разложил на столе игровое поле «Монополии», чтобы все выглядело так, будто игра продолжалась уже добрый час.

Он помнит круг желтого света, падающий на верстак Зака. Он помнит, как Билл говорит: «То-олько по-о...

2

...аккуратнее. Я не хочу о-оставлять бе-еспорядок. Мой отец ра-а... — он несколько раз повторил «а», но потом все-таки выговорил все слово, — ...разозлится.

Ричи картинно вытер щеку.

— Ты подаешь полотенце к брызгам, Заика Билл?

Билл сделал вид, что сейчас ударит его. Ричи подался назад, заверещал Голосом Пиканинни.

Бен не обращал на них внимания. Наблюдал, как Билл выкладывает под свет необходимые принадлежности и инструменты. Какая-то часть его разума мечтала о том, чтобы когда-нибудь и у него появился такой замечательный верстак, но главным образом он сосредоточился на предстоящей работе. Дело предстояло менее трудное, чем отливка серебряных пуль, но все равно требующее точности и аккуратности. Неряшливости не терпела никакая работа. Этому его никто не учил, никто не говорил, но как-то он знал.

Билл настоял на том, чтобы Бен отлил кругляши, точно так же, как продолжал настаивать, что «Яблочко» должно быть при Беверли. Эти решения обсуждались и оспаривались, но только двадцать

семь лет спустя, рассказывая эту историю, Бен осознал следующее: ни у кого из них не возникло и мысли, что серебряная пуля или кругляш не смогут остановить монстра — их уверенность подкреплялась тысячью фильмов ужасов.

— Ладно. — Бен хрустнул пальцами и посмотрел на Билла. — Формы у тебя?

— Ох! — Билл даже подпрыгнул. — Се-ейчас. — Он сунул руку в карман, достал носовой платок. Положил на верстак, развернул. На платке лежали два стальных шара с отверстием в каждом. Заливочные формы для подшипниковых шариков.

Остановившись на кругляшах, а не на пулях, Билл и Ричи вернулись в библиотеку и принялись изучать технологию изготовления шариков для подшипников.

— Покой нам только снится, — прокомментировала миссис Старрет. — Пули на одной неделе, шарики для подшипников — на следующей! И это называется «школьные каникулы»!

— Не хотим, чтобы мозги простаивали, — ответил ей Ричи. — Правда, Билл?

— П-п-правда.

Как выяснилось, отлить шарик для подшипника — сущий пустяк при условии, что у тебя есть заливочная форма. Решить эту проблему помогли ненавязчивые вопросы, заданные сыном Заку Денбро... и никто из Неудачников не удивился, когда выяснилось, что во всем Дерри заливочные формы для таких шариков продавались только в одном магазине — «Высокоточные инструменты и штампы Китчнера», который принадлежал прапраправнучатому племяннику хозяев Металлургического завода Китчнера.

Билл и Ричи пошли в магазин вдвоем, и вся наличность, которую в срочном порядке смогли наскрести Неудачники, — десять долларов и пятьдесят девять центов — лежала в кармане Билла. Когда Билл спросил, сколько будут стоить две двухдюймовые формы для отливки шариков, Карл Китчнер — выглядел он ветераном алкогольного фронта, а пахло от него, как от старой попоны — задал встречный вопрос: зачем мальчикам понадобились формы для отливки шариков. Право на ответ Ричи предоставил Биллу, зная, что так будет проще: дети насмехались над заиканием Билла, взрослых оно ставило в неловкое положение. Поэтому иногда заикание оказывалось чрезвычайно полезным.

Билл добрался только до половины байки, придуманной на этот случай им и Ричи — что-то насчет модели мельницы, которую они собирались построить в рамках научного проекта, — когда Китчнер махнул рукой, предлагая ему замолчать, и назвал невероятную цену: пятьдесят центов за каждую форму.

Едва веря в такую удачу, Билл достал из кармана бумажный доллар.

— И не рассчитывайте, что я дам вам пакет. — В налитых кровью глазах Карла Китчнера читалось пренебрежение человека, который точно знает, что в этом мире он повидал все, и как минимум дважды. — Пакет получает только тот, кто оставляет здесь не меньше пяти баксов.

— М-мы о-обойдемся, сэ-эр, — ответил Билл.

— И не болтайтесь перед витриной, — предупредил Китчнер. — Вам обоим пора стричься.

— Т-ты ко-огда-нибудь за-амечал, Ри-и-ичи, — спросил Билл уже на улице, — что в-в-взрослые не п-п-продадут те-ебе ни-ичего, к-кроме мо-ороженого или, во-озможно, би-илета в ки-ино, с-сначала не с-спросив, а за-ачем те-ебе э-это ну-ужно.

— Это точно, — кивнул Ричи.

— По-очему? По-очему так?

— Потому что они думают, что мы опасны.

— Д-да? Т-ты та-ак ду-умаешь?

— Да, — кивнул Ричи и рассмеялся: — Давай поболтаемся перед витриной, а? Поднимем воротники и будем фыркать на людей, и пусть наши волосы растут и растут.

— Пошел т-ты, — отмахнулся Билл.

3

— Хорошо. — Бен внимательно оглядел формы и положил на верстак. — А теперь...

Неудачники раздвинулись, освобождая ему место, с надеждой глядя на него, совсем как человек, ничего не смыслящий в автомобилях, у которого в дороге сломался двигатель, смотрит на механика. Бен не замечал выражений их лиц, его занимала только предстоящая работа.

— Дай мне снаряд и паяльную лампу, — распорядился он.

Билл протянул ему обрезанный корпус минометной мины. Военный сувенир. Зак подобрал ее через пять дней после того, как он вместе с армией генерала Паттона вошел в Германию, форсировав реку. В свое время, когда Билл был маленьким, а Джорджу надевали подгузники, его отец использовал обрезанный корпус в качестве пепельницы. Потом Зак бросил курить, и железяка исчезла. И только неделю назад Билл обнаружил ее у дальней стены гаража.

Бен вставил обрезанный корпус в тиски, закрепил, взял у Беверли паяльную лампу. Другую руку сунул в карман, достал серебряный доллар, бросил его в импровизированный тигель. Раздался глухой звук.

— Тебе дал его отец, да? — спросила Беверли.

— Да, — кивнул Бен, — только я не очень хорошо его помню.

— Ты действительно хочешь это сделать?

Бен посмотрел на нее и улыбнулся:

— Да.

Она улыбнулась в ответ. Другой награды ему и не требовалось. Если б Беверли улыбнулась ему дважды, он бы отлил столько серебряных шариков, что их хватило бы на стаю оборотней. Бен торопливо отвел взгляд.

— Ладно. Начинаем. Нет проблем. В два счета управимся, так?

Они неуверенно кивнули.

Много лет спустя, вспоминая все это, Бен подумает: «*В наши дни ребенок может просто пойти в магазин и купить пропановую горелку... или таковая найдется в мастерской отца*».

В 1958 году все было не так; у Зака была паяльная лампа с бензиновым бачком, и Беверли, глядя на нее, заметно нервничала. Бен видел, что она нервничает, хотел сказать ей, что беспокоиться не о чем, но боялся, что у него дрогнет голос.

— Не волнуйся, — сказал он Стэну, который стоял рядом с Беверли.

— Что? — Стэн недоуменно воззрился на него.

— Не волнуйся.

— Я и не волнуюсь.

— А я думал, волнуешься. И просто хотел сказать, что паяльная лампа совершенно безопасна. На случай, если ты волнуешься.

— С тобой все в порядке, Бен? — спросил Стэн.

— Все отлично, — пробормотал Бен. — Дай мне спички, Ричи.

Ричи передал ему книжицу спичек. Бен открыл клапан на сифонной трубке, поднес спичку к эжектору. С глухим хлопком вспыхнуло сине-оранжевое пламя. Регулируя клапан, Бен убрал оранжевую составляющую и синим факелом начал нагревать дно корпуса миномётной мины.

— Воронка у тебя? — спросил он Билла.

— Да-а, з-здесь. — Билл протянул ему самодельную воронку, которую Бен смастерил раньше. Крошечная дырочка в ее основании соответствовала отверстию в заливной форме. Бен сделал воронку без единого замера. Билла это удивило, просто поразило, но он не знал, как сказать об этом Бену, не вогнав того в краску. Поглощенный делом, Бен мог говорить с Беверли — и заговорил, с сухой сдержанностью хирурга, обращающегося к медсестре.

— Бев, руки у тебя дрожат меньше, чем у остальных. Вставь воронку в отверстие. Надень рукавицу, чтобы не обжечься.

Билл протянул ей рабочую рукавицу отца. Беверли вставила жестяную воронку в отверстие заливочной формы. Все молчали. Паяльная лампа шипела слишком громко. Прищурившись, они смотрели на струю пламени.

— По-о-одождите! — вдруг воскликнул Билл и метнулся в дом. Через минуту он вернулся с дешевыми, полностью закрывающими глаза солнцезащитными очками «Черепаха», которые год или даже больше валялись в одном из ящиков на кухне. — Лучше на-адень и-их, С-Стог.

Бен взял очки, улыбнулся, надел.

— Черт, это же Фабиан*, — воскликнул Ричи. — Или Фрэнки Авалон**, или один из этих итальяшек с «Американской эстрады».

— Пошел ты, Балабол, — фыркнул Бен, но не сумел сдержать смех. Мысль о том, что он кому-то напомнил Фабиана или кого-то похожего, показалась ему очень уж забавной. Но пламя дернулось, и смех мгновенно стих. Бен вновь сконцентрировался на деле.

Две минуты спустя он протянул паяльную лампу Эдди, который осторожно взял ее здоровой рукой.

---

* Фабиан (р. 1943, настоящее имя Фабиано Энтони Форте) — американский певец, кумир молодежи конца 1950-х — начала 1960-х гг.

** Авалон, Фрэнки (р.*1939) — американский певец и актер, кумир молодежи конца 1950-х — начала 1960-х.

— Готово. — Бен повернулся к Биллу. — Дай мне вторую рукавицу. Быстро! Быстро!

Билл дал ему рукавицу, Бен надел ее и, держа корпус минометной мины защищенной рукой, другой повернул рукоятку винта тисков.

— Держи крепко, Бев.

— Я готова, меня ждать не придется, — ответила она.

Бен наклонил тигель над воронкой. Остальные наблюдали, как ручеек расплавленного серебра перетекает из одного сосуда в другой. Бен налил, сколько нужно, ни каплей больше. И на мгновение ощутил себя на седьмом небе. Его словно окутало белое зарево, и все вокруг чудесным образом преобразилось. На мгновение он перестал быть невзрачным толстым Беном Хэнскомом, который носил мешковатые свитера, чтобы скрыть брюхо и сиськи; он превратился в Тора, управляющегося с громом и молниями в кузнице богов.

Потом это чувство ушло.

— Ладно, — кивнул он. — Сейчас я вновь расплавлю серебро. Кто-то должен взять гвоздь и проковырять отверстие в воронке, пока расплав не затвердел.

Это сделал Стэн.

Бен вновь зажал обрезанный корпус минометной мины в тиски и взял у Эдди паяльную лампу.

— Так, переходим к номеру два.

И принялся за работу.

Ч

Десять минут спустя серебро залили и во вторую форму.

— Что теперь? — спросил Майк.

— Теперь мы час поиграем в «Монополию», — ответил Бен, — пока они затвердеют в формах. Потом я зубилом разобью формы по линии разъема, и мы закончим.

Ричи озабоченно взглянул на треснутое стекло «Таймекса». Часы побывали не в одной передряге, но продолжали тикать.

— Когда вернутся твои старики?

— Н-не ра-аньше по-оловины о-о-одиннадцатого, — ответил Билл. — О-они по-ошли на с-с-сдвоенный се-еанс в «А-а-а-а»...

— В «Аладдин».

— Да. А потом они заедут за пи-пиццей. Они почти в-всегда так де-елают.

— Значит, времени у нас много, — заметил Бен.

Билл кивнул.

— Тогда пошли в дом, — предложила Бев. — Я хочу позвонить домой. Обещала, что позвоню. А вам всем придется помолчать. Он думает, что я в Общественном центре и оттуда меня подвезут.

— А если он захочет приехать и забрать тебя раньше? — спросил Майк.

— Тогда будет беда, — ответила Бев.

Бен подумал: «*Я защищу тебя, Бев*». И тут же перед мысленным взором поплыла очередная греза с таким сладким завершением, что по его телу пробежала дрожь. Отец Бев начинал наезжать на нее: кричит и все такое (даже в грезе Бен не мог представить себе, как обращался с дочерью Эл Марш). Бен заслонял ее собой и предлагал Маршу отвалить.

«*Хочешь неприятностей, толстяк, продолжай защищать мою дочь*».

Хэнском, обычно тихий книгочей, мог превращаться в разъяренного тигра, если его задевали за живое. С предельной прямотой он говорит Элу Маршу: «*Прежде чем ты доберешься до нее, тебе придется иметь дело со мной*».

Марш делает шаг вперед... а потом стальной блеск в глазах Хэнскома заставляет его остановиться.

«*Ты пожалеешь*», — бормочет он, но понятно, запал его иссяк: на поверку он оказался бумажным тигром.

«*Что-то я в этом сомневаюсь*», — говорит Бен Хэнском со сдержанной улыбкой Гэри Купера, и отец Беверли сваливает.

«*Что с тобой произошло, Бен?* — Бев плачет, но ее глаза сияют и полны звезд. — *Ты выглядел так, будто собрался его убить*».

«*Убить его?* — повторяет Хэнском, и улыбка Гэри Купера по-прежнему изгибает его губы. — *Никогда, бэби. Он, может, и подонок, но по-прежнему твой отец. Я, может, и взгрел бы его маленько, но только потому, что выхожу из себя, если кто-то грубо разговаривает с тобой. Понимаешь?*»

Она бросается ему на грудь, обнимает за шею, целует (*в губы! в ГУБЫ!*).

«*Я люблю тебя, Бен!*» — Она рыдает. Он чувствует, как ее маленькие грудки плотно прижимаются к его груди...

Он содрогнулся, усилием воли отгоняя от себя эту яркую, невероятно четкую картинку. Ричи стоял у двери, спрашивал его, идет ли он, и только тут Бен понял, что в мастерской он остался один.

— Да. — Бен шагнул к нему. — Конечно, иду.

— Выживаешь из ума, Стог, — заметил Ричи, когда Бен переступал через порог, но хлопнул Бена по плечу. Тот улыбнулся и на мгновение обхватил рукой шею Ричи.

S

С отцом у Бев проблем не возникло. С работы он пришел поздно, сказала ей мать по телефону, заснул перед телевизором, проснулся только для того, чтобы добраться до кровати.

— Тебя привезут домой, Бевви?

— Да. Отец Билла Денбро обещал развезти нас всех.

В голос миссис Марш внезапно вкралась тревога.

— Ты, часом, не на свидании, Бевви?

— Нет, конечно же нет. — Бев смотрела в арку между темным коридором, где стояла, и столовой, где остальные сидели вокруг стола с разложенным на нем игровым полем «Монополии». «*Но мне хотелось бы*». — Мальчики здесь есть, но всех, кто приходит на занятия, записывают в журнал, и каждый вечер кто-нибудь из родителей развозит всех по домам. — Хоть тут она говорила правду. В остальном так отчаянно лгала, что в темноте чувствовала, как горят щеки.

— Хорошо, — ответила мать. — Просто хотела убедиться. Потому что твой отец жутко разозлится, если узнает, что ты в таком возрасте ходишь на свидания. — И, словно спохватившись, добавила: — Я бы тоже разозлилась.

— Да, я знаю. — Бев по-прежнему смотрела в столовую. Она знала; и однако была здесь, не с одним мальчиком, а с шестью, в доме, откуда ушли родители. Она увидела, что Бен озабоченно смотрит на нее и с улыбкой помахала ему рукой. Он покраснел, но ответил тем же.

— А кто-нибудь из твоих подружек там есть?

«Каких подружек, мама?»

— Да, тут Пэтти О'Хара. И Элли Гейгер. Она внизу, играет в настольный шаффлборд. — Она стыдилась легкости, с которой врала. Сожалела, что говорит не с отцом: тогда бы ее переполнял страх, а не стыд. Бев даже решила, что она не очень хорошая девочка. — Я люблю тебя, мама, — добавила она.

— И я тоже, Бев. — Мать сделала короткую паузу. — Будь осторожна. В газете написали, что, возможно, появилась еще одна жертва. Мальчик по имени Патрик Хокстеттер. Он пропал. Ты его знала, Бев?

Она на мгновение закрыла глаза.

— Нет, мама.

— Ну... тогда, до свидания.

— До свидания.

Бев присоединилась к остальным и где-то с час они играли в «Монополию». Выигрывал Стэн.

— Евреи очень хорошо умеют делать деньги. — Он поставил отель на Атлантик-авеню и еще два теплицы на Вентнор-авеню. — Это всем известно.

— Господи, сделай меня евреем, — тут же откликнулся Бен, и все засмеялись. Бен к тому моменту практически разорился.

Беверли время от времени через стол бросала взгляды на Билла, отмечая его чистые руки, синие глаза, прекрасные рыжие волосы. Когда он передвигал маленький серебряный башмачок, который служил ему фишкой, по игровому полю, она думала: *«Если бы он держал меня за руку, я бы, наверное, умерла* от *радости»*. Теплый свет загорался в ее груди, и она тайком улыбалась, глядя на свои руки.

6

Вечер закончился без происшествий. Бен взял с полки зубило Зака и воспользовался молотком, чтобы вскрыть заливные формы по линии разъема. Они легко развалились. Из форм выкатились два маленьких шарика. На одном они смогли разглядеть часть даты: 925. На втором, как показалось Беверли, волнистые линии напоминали волосы статуи Свободы. Какое-то время они молча смотрели на них, потом Стэн взял один.

— Довольно маленькие.

— Таким был камень в праще Давида, когда тот вышел против Голиафа, — заметил Майк. — По мне, они что надо.

Бен согласно кивнул. Такими же они казались и ему.

— Мы все с-сделали? — спросил Билл.

— Все, — ответил Бен. — Держи, — бросил он второй кругляш Биллу, который этого не ожидал и едва успел поймать.

Кругляши пошли по кругу. Каждый пристально разглядывал их, восхищаясь округлостью, весом, реальностью. Когда оба вернулись к Бену, он зажал их в руке и посмотрел на Билла.

— Что нам теперь с ними делать?

— О-о-отдай их Бе-еверли.

— Нет!

Билл посмотрел на нее. Лицо оставалось добрым, но в нем проступала строгость.

— Бе-е-ев, мы это у-уже п-проходили, и...

— Я все сделаю, — прервала она Билла. — Буду стрелять в этих чертовых тварей, когда придет время, если оно придет. В результате нас всех, наверное, убьют, но я это сделаю. Я только не хочу брать их домой, вот и все. Кто-нибудь из моих

(*отец*)

родителей может их найти. Тогда мне хана.

— Разве у тебя нет тайника? — удивился Ричи. — Разве так можно? У меня их четыре или пять.

— Один есть, — ответила Беверли, имея в виду узкую щель у дна ее пружинного матраса, в которую она прятала сигареты, комиксы, а в последнее время журналы о кино и моде. — Но такое я класть туда не рискну. Подержи их у себя, Билл. Пока не придет время, подержи у себя.

— Хорошо, — согласился Билл, и тут же на подъездную дорожку выплеснулись лучи фар. — Й-йопс! Они ра-аньше. С-сматываемся о-о-отсюда.

Они все сидели вокруг игрового поля «Монополии», когда Шерон Денбро открыла дверь кухни.

Ричи закатил глаза, сделал вид, будто вытирает со лба пот; остальные весело рассмеялись. Ричи выдал очередной прикол.

Через мгновение Шерон вошла в комнату.

— Отец ждет твоих друзей в машине, Билл.

— Хо-орошо, ма-ама. Мы в-все ра-авно ка-ак раз за-аканчивали.

— Кто выиграл? — спросила Шерон, радостно улыбаясь маленьким друзьям Билла. «Девочка вырастет красавицей», — подумала она. Предположила, что через год-другой за детками придется приглядывать, если обычную компанию мальчиков разбавят девочки. Но пока, конечно же, не имело смысла волноваться о том, что секс поднимет свою отвратительную голову.

— Вы-ыиграл С-Стэн, — ответил Билл. — Е-е-евреи о-о-очень хо-орошо у-умеют де-елать деньги.

— Билл! — воскликнула Шерон, ужаснувшись и покраснев... потом посмотрела на них, изумленно, потому что все они захохотали, включая Стэна. Изумление перешло в нечто похожее на страх (хотя позже, в постели, она ничего не сказала мужу). Что-то висело в воздухе, вроде статического электричества, только более мощное, более пугающее. Она чувствовала: если прикоснуться — получишь убийственный разряд. «*Что с ними происходит?*» — подумала она в ужасе, и кажется, открыла рот, чтобы спросить вслух. Но Билл уже извинялся (по-прежнему с дьявольским блеском в глазах), а Стэн говорил, что все нормально, это у них такая шутка, которую они иногда с ним разыгрывают, и Шерон пришла в такое замешательство, что ничего не смогла сказать.

Однако она почувствовала облегчение, когда дети ушли, а собственный заикающийся, ставящий ее в тупик сын поднялся к себе в комнату и выключил свет.

7

25 июля 1958 года Клуб неудачников впервые сошелся с Оно в открытой схватке, и Оно едва не пустило кишки Бена на подтяжки. Выдался этот день жарким, влажным и безветренным. Погоду Бен помнил достаточно хорошо: последний день жары. Потом резко и надолго похолодало, а небо затянуло серыми облаками.

Они появились у дома 29 по Нейболт-стрит примерно в десять утра, Билл привез Ричи на Сильвере, Бен приехал на «роли», его ягодицы свисали по обе стороны седла, Беверли — на красном «швинне» для девочек. Рыжие волосы, убранные со лба зеленой

лентой, развевались за спиной. Майк прибыл один, а пятью минутами позже пришли вместе Стэн и Эдди.

— Ка-а-а-ак т-твоя ру-ука, Э-Э-Эдди?

— Не так уж и плохо. Болит, если я поворачиваюсь на этот бок, когда сплю. Ты все привез?

В проволочной корзинке, закрепленной у руля, лежал брезентовый сверток. Билл достал его, развернул. Рогатку протянул Беверли, которая взяла ее, скорчив гримасу, но ничего не сказав. Лежала в свертке и жестяная коробочка из-под мятных пастилок «Сукретс». Билл открыл ее и показал всем два серебряных шарика. Неудачники молча смотрели на них, собравшись тесной кучкой на выжженной лужайке перед домом 29 по Нейболт-стрит, на которой, похоже, росли только сорняки. Билл, Ричи и Эдди уже видели этот дом. Остальные — нет, и с любопытством на него поглядывали.

«*Окна напоминают глаза*, — подумал Стэн, и рука его потянулась к книжке в обложке, которая лежала в заднем кармане. Он прикоснулся к ней, потому что она приносила удачу. Стэн носил ее практически всюду — атлас М.К. Хэнди «Птицы Северной Америки». — *Они выглядят, как грязные слепые глаза*».

«*Дом воняет*, — подумала Беверли. — *Я ощущаю его вонь... но не носом, вроде бы не носом*».

Майк подумал: «*Совсем как в тот раз, на том месте, где стоял Металлургический завод. То же ощущение... словно нам предлагают войти*».

«*Одно из жилищ Оно, это точно*, — подумал Бен. — *Одно из таких мест, как шахты морлоков, откуда Оно выходит и куда возвращается. И Оно знает, что мы здесь. Оно ждет, что мы войдем*».

— Вы-ы все хотите это сделать? — спросил Билл.

Они посмотрели на него, бледные и серьезные. Никто не сказал «нет». Эдди вытащил из кармана ингалятор и пустил в рот долгую струю.

— Дай-ка и мне, — попросил Ричи.

Эдди в удивлении глянул на него, ожидая подвоха.

Ричи протянул руку.

— Без всяких шуток. Можно мне?

Эдди приподнял одно плечо — движение получилось очень уж неуклюжим — и протянул ингалятор. Ричи нажал на клапан и глубоко вдохнул.

— Не мог без этого. — Он вернул ингалятор, кашлянул, но взгляд его оставался серьезными.

— И мне дай, — протянул руку Стэн. — Хорошо?

В итоге ингалятор пустили по кругу. Когда он вернулся к Эдди, тот засунул его в задний карман, снаружи остался только носик. И все снова повернулись к дому.

— Кто-нибудь живет на этой улице? — тихо спросила Беверли.

— В этом конце нет, — ответил Майк. — Уже нет. Думаю, иногда здесь ночуют бродяги, которые приезжают в товарняках.

— Они ничего не увидели бы, — вставил Стэн. — Для них никакой угрозы нет. Для большинства из них, во всяком случае. — Он посмотрел на Билла. — Как думаешь, Билл, кто-нибудь из взрослых может увидеть Оно?

— Не з-з-знаю, — ответил Билл. — Кто-то, на-аверное, мо-ожет.

— Как бы мне хотелось, чтобы мы встретили хотя бы одного такого, — мрачно изрек Ричи. — Недетское это дело, вы понимаете, о чем я?

Билл понимал. Когда братья Харди* попадали в беду, появлялся Фентон Харди и вызволял их. То же самое проделывал и отец Рика Брэнта** в «Научных приключениях Рика Брэнта». Черт, даже у Нэнси Дрю*** был отец, который приходил очень вовремя, если всякие злые люди связывали Нэнси и бросали в заброшенную шахту или разбирались с ней как-то по-другому.

— С нами должен быть взрослый. — Ричи смотрел на запертый дом с облупившейся краской на стенах, грязными окнами, укрытым тенью крыльцом. Он тяжело вздохнул. На мгновение Бен почувствовал, что их решимость дает слабину.

— По-одойдите сюда. — Билл двинулся к дому. — По-осмотрите на э-это.

Они обошли крыльцо слева, там, где выломали декоративную загородку. Розовые кусты росли на прежнем месте... и оставались

---

* Романы о подростках Фрэнке и Джо Харди, детективах-любителях (их отец — профессиональный частный детектив), предназначенные для детей и подростков, начали выходить в 1927 г. и с небольшими перерывами книги издаются до сих пор.

** Рик Брэнт — герой серии научно-фантастических романов (1947—1989) Джона Блейна.

*** Нэнси Дрю — детектив-любитель, героиня многих романов для детей и подростков.

черными и омертвевшими там, где к ним прикасалось Оно, когда вылезало из-под крыльца.

— Оно просто их коснулось и вот что из этого вышло? — в ужасе спросила Беверли.

Билл кивнул.

— Вы-ы все еще у-уверены?

Сразу никто не ответил. Не были они уверены; пусть даже все понимали, что Билл войдет в дом и без них, уверены не были. На лице Билла читался и стыд. Как он уже говорил, Джордж им братом не был.

«*Но все другие дети*, — подумал Бен Хэнском. — *Бетти Рипсом, Черил Ламоника, маленький Клементс, Эдди Коркорэн (возможно), Ронни Грогэн... даже Патрик Хокстеттер. Оно убивает детей, черт побери, детей!*»

— Я иду, Большой Билл, — сказал он.

— Черт, да. — поддержала его Беверли.

— Конечно, — кивнул Ричи. — Ты думаешь, мы позволим тебе поразвлечься в одиночку, каша-во-рту?

Билл смотрел на них, кадык ходил вверх-вниз, потом он кивнул. Протянул жестянку Беверли.

— Ты так хочешь, Билл?

— Хо-очу.

Она кивнула — и в ужасе от ответственности, и польщенная его доверием. Открыла жестянку, достала кругляши, сунула один в правый передний карман джинсов. Второй положила в резиновую пяту «Яблочка», и именно за пяту она несла рогатку. Чувствовала крепко зажатый в кулаке шарик. Сначала холодный, потом теплеющий.

— Пошли. — В голосе слышались нотки дрожи. — Пошли, пока я не струсила.

Билл кивнул, потом пристально посмотрел на Эдди.

— Ты-ы с-сможешь э-это с-сделать, Э-Э-Эдди?

Эдди кивнул.

— Конечно, смогу. В прошлый раз я был один. Сейчас со мной друзья. Так? — Он посмотрел на них и улыбнулся. Застенчивый, хрупкий и прекрасный.

Ричи хлопнул его по спине.

— Именно так, сеньорр. Ежли кто попытается стиббрить твой ингаляторр, мы его урроем. И уррывать будем медленно.

— Это ужасно, Ричи, — смеясь, оценила его старания Беверли.

— Ле-езем по-од к-крыльцо, — скомандовал Билл. — В-все вы за м-мной. Потом в по-одвал.

— Если ты идешь первым и эта тварь бросится на тебя, что мне делать? — спросила Бев. — Стрелять сквозь тебя?

— Е-если п-придется, — ответил Билл. — Но я ду-умаю, с-сначала те-ебе на-адо б-бы за-айти с-со с-стороны.

Тут Ричи дико захохотал.

— Мы о-обыщем весь д-дом, если придется. — Билл пожал плечами. — Может, ничего не на-айдем.

— Ты в это веришь? — спросил Майк.

— Нет, — коротко ответил Билл. — Оно та-ам.

И Бен не сомневался, что он прав. Дом 29 по Нейболт-стрит окружала ядовитая аура. Невидимая — да... но она чувствовалась. Он облизнул губы.

— Го-отовы? — спросил их Билл.

Они все посмотрели на него.

— Готовы, Билл, — ответил Ричи.

— То-огда по-ошли. Держись в-вплотную за мной, Бе-е-беверли. — Он опустился на колени и сквозь кусты полез под крыльцо.

8

За Биллом последовала Беверли, потом Бен, Эдди, Ричи, Стэн, Майк. Листья под крыльцом хрустели, и от них поднимался кислый, затхлый запах. Бен поморщился. Разве так пахнет прелая листва? Он думал, что нет. От них, решил он, идет запах мумии, в тот самый момент, когда ее нашли и сдвинули крышку саркофага: пыль и горечь древней дубильной кислоты.

Билл уже добрался до разбитого окна и всматривался в подвал. Беверли подползла к нему сзади.

— Что-нибудь видишь?

Билл покачал головой.

— Но это ни-ичего н-не з-значит. Г-глянь, у-угольная ку-уча, по ко-оторой мы с Ри-и-ичи выбрались наружу.

Бен, который смотрел в подвал между ними, увидел угольный бункер. Он ощущал возбуждение, не только страх, и возбуждение это его радовало, причем интуитивно он понимал, что причина —

этот самый угольный бункер. Куча угля являлась для него некой известной достопримечательностью, о которой он только читал или слышал от других.

Билл развернулся и ногами вперед легко соскользнул через окно в подвал. Беверли отдала «Яблочко» Бену, сжав его руку вокруг пяты, чтобы шарик оказался в кулаке.

— Передашь рогатку мне в ту самую секунду, когда я встану на землю, — велела она. — В ту самую секунду.

— Понял тебя.

Вниз она соскользнула так же легко и непринужденно, как Билл. И в один захватывающий дух — во всяком случае, для Бена — момент ее блузка вылезла из джинсов, обнажив плоский белый живот. А потом Бен затрепетал, когда ее руки коснулись его при передаче рогатки.

— Все, она у меня. Спускайся сам.

Бен развернулся и начал протискиваться сквозь окно. Ему следовало бы предвидеть, что произойдет: по-другому быть и не могло. Он застрял. Его зад уперся в раму прямоугольного окна, и Бен не мог продвигаться дальше. Начал вылезать обратно и осознал, к своему ужасу, что вылезти-то он может, но при этом скорее всего сдернет с себя штаны — и, возможно, трусы — до колен. После чего огромных размеров жопа засверкает перед лицом его возлюбленной.

— Поторопись! — нетерпеливо бросил Эдди.

Бен уперся руками в землю. Поначалу не мог сдвинуться, но потом зад все-таки протиснулся в окно. Джинсы зажали промежность, расплющивая яйца. Верхняя рама сдернула рубашку чуть ли не до лопаток. Теперь застряло брюхо.

— Втяни живот, Стог. — Ричи истерически хохотнул. — Втяни живот, а не то нам придется посылать Майка за лебедкой его отца, чтобы вытаскивать тебя отсюда.

— Бип-бип, Ричи, — процедил Бен, скрипя зубами. Втянул живот насколько мог. До этого крайне неприятного момента он в полной мере не понимал, какое огромное отрастил брюхо. Чуть продвинулся, но снова застрял.

Повернул голову, борясь с паникой и клаустрофобией. Его лицо стало ярко-красным и блестело от пота.

— Билл! Можете вы потянуть меня?

Он почувствовал, как Билл ухватился за одну его лодыжку, а Беверли — за другую. Вновь, как можно сильнее, втянул живот. И таки протиснулся в окно. Билл подхватил его. Они оба чуть не упали. На Бев Бен смотреть не мог. Еще ни разу в жизни ему не было так стыдно.

— Т-ты в по-орядке, че-ел?

— Да.

Билл нервно рассмеялся. Беверли присоединилась к нему, потом даже Бен хохотнул, хотя пройдут годы, прежде чем он сможет увидеть что-то забавное в этом эпизоде.

— Эй! — крикнул Ричи. — Эдди нужна помощь, сечете?

— Ко-онечно.

Билл и Бен встали у окна. Эдди проскользнул внутрь на спине. Билл подхватил его ноги над коленками.

— Смотри, что делаешь, — сварливым, нервным голосом воскликнул Эдди. — Я боюсь щекотки.

— Рамон такой щекотистый, сеньорр, — прокомментировал сверху Ричи.

Бен обхватил Эдди за талию, стараясь не задеть гипс и перевязь. На пару с Биллом они осторожно протащили Эдди сквозь окно, словно труп. Эдди вскрикнул лишь раз, и на том спуск закончился.

— Э-Э-Эдди?

— Да. Все хорошо. Пустяки. — Но на лбу блестели большие капли пота, и дышал он учащенно и со свистом. Он обежал взглядом подвал.

Билл вновь отступил от окна. Беверли стояла рядом с ним, теперь держа «Яблочко» за рукоятку и за пяту, в любой момент готовая к выстрелу. Глаза контролировали весь подвал. Спустился Ричи, за ним Стэн и Майк. Бен позавидовал непринужденности, с которой они это проделали. Теперь они все стояли в подвале, где месяцем раньше побывали Билл и Ричи.

В помещении царил сумрак, но не темнота. Тусклый свет проникал сквозь грязные окна и расползался по земляному полу. Подвал показался Бену очень большим, даже слишком большим, словно он видел перед собой какую-то оптическую иллюзию. Пыльные балки пересекались над головой. Трубы, идущие от котла, заржавели. С водопроводных труб свисали какие-то белые тряпки. Запах оставался и в подвале. Отвратительно грязный запах. «*Оно здесь, точно*, — подумал Бен. — *Да, здесь*».

Билл направился к лестнице. Остальные двинулись за ним. Он остановился у первой ступеньки, глянул под нее. Сунул ногу и что-то вытолкнул. Все уставились на этот предмет. Белую клоунскую перчатку, теперь запачканную пылью и грязью.

— На-аверх.

Лестница вывела их в грязную кухню. Посередине, на покоробившемся линолеуме, стоял деревянный стул с прямой спинкой. Другой мебели не было. В углу лежали пустые бутылки. Бен заметил, что хватало их и в кладовой. Он ощущал запах спиртного, в основном вина, и давно выкуренных сигарет. Эти запахи преобладали, но чувствовался и другой запах. И он становился все сильнее.

Беверли подошла к шкафчикам на стене, открыла один. Пронзительно закричала, когда черно-коричневая амбарная крыса прыгнула ей чуть ли не в лицо. Крыса приземлилась на столешницу и оглядела их черными глазками. Все еще крича, Беверли подняла «Яблочко», растянула резинку.

— НЕТ! — проревел Билл.

Она повернулась к нему, на бледном лице читался ужас. Потом кивнула и расслабила руку — серебряный шарик по-прежнему был в пяте. Но Бен подумал, что до выстрела оставалось совсем ничего. Беверли попятилась, наткнулась спиной на Бена, подпрыгнула. Он обнял ее рукой, крепко.

Крыса пробежала всю столешницу, спрыгнула на пол, забежала в кладовую и исчезла.

— Оно хотело, чтобы я выстрелила, — говорила Беверли едва слышно. — Чтобы истратила половину нашего боезапаса на крысу.

— Да, — кивнул Билл. — Это ка-ак в тренировочном центре ФБР в К-К-Квантико, в ка-аком-то с-смысле. Они по-осылают тебя по этой бу-утафорской улице и по-одсовывают тебе цели. И ты те-еряешь ба-аллы, если с-стреляешь в добропорядочных граждан, а не в п-преступников.

— Я не смогу этого сделать. — Беверли чуть не плакала. — Только все испорчу. На, бери.

Она протянула ему «Яблочко», но Билл покачал головой:

— Т-ты до-олжна, Бе-е-еверли.

Из-за дверцы одного из столиков донесся писк. Ричи направился туда.

— Очень близко не подходи! — крикнул Стэн. — Оно может...

Ричи заглянул за дверцу, на лице отразилось отвращение. Дверцу он захлопнул со стуком, эхо которого разнеслось по всему дому.

— Крысеныши. — По голосу чувствовалось, что его мутит. — Никогда столько не видел... наверное, никто не видел. — Он потер губы тыльной стороной ладони. — Их там сотни. — Он оглядел всех, уголок рта дернулся. — Их хвосты... они все запутались, Билл, запутались в клубок, — Ричи скорчил гримасу, — как змеи.

Они посмотрели на дверцу шкафчика, из-за которой по-прежнему доносился писк. «*Крысы*, — подумал Бен, глядя на бледное лицо Билла и, за его плечом, посеревшее — Майка. — *Все боятся крыс. Оно это тоже знает*».

— По-ошли. Т-т-тут, на Ней-ей-ейболт-стрит, ве-еселье не прекращается.

Они двинулись в прихожую. Здесь неприятно перемешивались запахи гниющей штукатурки и мочи. Сквозь грязные стекла они видели улицу и велосипеды. Бев и Бен поставили свои на подставки, Билл — прислонил к корявому клену. Бен подумал, что велосипеды от него за тысячу миль, словно он смотрел на них с обратной стороны подзорной трубы. Пустынная улица с проплешинами асфальта на мостовой, выцветшее жаркое небо, мерный гул локомотива... все это казалось ему грезами, галлюцинациями. Что было реальным — так это грязная прихожая с ее вонью и тенями.

В одном углу лежала груда коричневого стекла — битые пивные бутылки.

В другом — напитавшийся влагой и разбухший эротический журнал формата «дайджест». На обложке женщина наклонилась над стулом. Ее юбка задралась, демонстрируя верхний обрез сетчатых чулок и черные трусики. Картинка не показалась Бену особенно сексуальной, и он не смутился, когда Беверли посмотрела на нее. От влаги кожа женщины стала желтой, а сама обложка сморщилась, отчего на лице женщины появились морщины. Ее сладострастная усмешка превратилось в похотливую гримасу мертвой шлюхи.

(*Годы спустя, когда Бен вспоминал эту историю, Бев внезапно пронзительно вскрикнула, отчего все вздрогнули — они скорее не слушали историю, а заново переживали те события.* «Это была она! — *взвизгнула Бев.* — Миссис Керш! Это была она!»)

И пока Бен смотрел, молодая/старая шлюха с обложки эротического журнала подмигнула ему. Завиляла задом в непристойном приглашении.

Похолодев, но весь в поту, Бен отвернулся.

Билл распахнул дверь слева от себя, и вслед за ним они вошли в комнату со сводчатым потолком, которая когда-то была гостиной. Мятые зеленые штаны свисали с люстры. Как и подвал, комната показалась Бену слишком большой, длинной, как товарный вагон. Гораздо более длинной, чем дом, каким он смотрелся снаружи...

«*Так то снаружи*, — заговорил в голове новый голос, шутливый, визгливый, и Бен внезапно осознал, отчего в душе все онемело — он слышал самого Пеннивайза. Клоун говорил с ним по какому-то неведомому внутреннему радио. — *Снаружи все кажется меньше, чем на самом деле, верно, Бен?*»

— Уходи, — прошептал он.

Ричи — бледный, напряженный — повернулся к нему:

— Ты что-то говоришь?

Бен покачал головой. Голос пропал. Бен посчитал, что это важно. Это хорошо. Но при этом

(*снаружи*)

он все понял. Дом этот — особое место, некий портал, возможно, один из многих, через который Оно находило путь во внешний мир. Этот вонючий, гниющий дом, где все было не так. Он не только казался очень большим: стены и потолок пересекались не под теми углами, перспектива нарушалась. Бен только миновал дверь из прихожей в гостиную, и от остальных его отделяло расстояние, чуть ли не большее, чем Бэсси-парк... но, удаляясь, они, казалось, увеличивались, вместо того чтобы становиться меньше. Пол стал наклонным и...

Майк обернулся.

— Бен! — крикнул он, и Бен увидел тревогу на его лице. — Догоняй! Мы потеряем тебя!

Бен едва смог расслышать последнее слово. Оно с трудом достигло его ушей, как будто остальных уносил скорый поезд.

Внезапно перепугавшись, Бен бросился бежать. Дверь за его спиной захлопнулась с глухим стуком. Он закричал... и что-то, казалось, пролетело по воздуху у него за спиной, раздув рубашку. Он оглянулся, но ничего не увидел. Тем не менее сомнений в том, что что-то пролетело, у него не возникло.

Он догнал своих друзей. Запыхавшись, жадно глотая воздух, и мог бы поклясться, что пробежал не меньше полумили... но, огля-

нувшись, увидел, что дальняя стена гостиной от него в каких-то десяти футах.

Майк ухватил его за плечо, сжал чуть ли не до боли.

— Ты напугал меня, чел. — Ричи, Стэн и Эдди удивленно уставились на Майка. — Он выглядел таким маленьким, — объяснил Майк. — Словно отстал на милю.

— Билл!

Билл оглянулся.

— Мы должны следить за тем, чтобы все держались рядом друг с другом. — Бен тяжело дышал. — Это место — как зеркальный лабиринт на ярмарке или что-то такое. Мы можем потеряться. Я думаю, Оно хочет, чтобы мы потерялись. Разделились.

Билл какое-то мгновение смотрел на него, плотно сжав губы.

— Хорошо. Мы в-все де-ержимся друг друга. Никто не о-отделяется.

Они все кивнули, испуганные, сбившись в кучку у двери из гостиной. Стэн коснулся рукой птичьего атласа в заднем кармане. Эдди держал в руке ингалятор, сжимал его, разжимал, снова сжимал и разжимал, как дохляк весом в девяносто восемь фунтов, пытающийся нарастить мышцы с помощью теннисного мяча.

Билл открыл дверь, и они увидели узкий коридор. Обои с гирляндами роз и эльфами в зеленых шапочках отклеивались от пропитавшейся водой штукатурки. На потолке желтели неровные пятна протечек. Тусклый свет пробивался сквозь грязное окно в другом конце коридора.

Внезапно коридор начал удлиняться. Потолок поднялся, уходя ввысь со скоростью ракеты. Размеры дверей росли вместе с уходящим потолком. Лица эльфов вытягивались, делались враждебными, глаза превратились в кровоточащие черные дыры.

Стэн закричал и закрыл руками глаза.

— Э-э-это не на-а-а-АСТОЯЩЕЕ! — крикнул Билл.

— Настоящее! — крикнул в ответ Стэн, закрывая глаза маленькими кулачками. — Настоящее, ты это знаешь. Господи, я схожу с ума, это безумие, это безумие...

— С-с-смотри! — проревел Билл Стэну, всем остальным, и Бен, у которого кружилась голова, увидел, как Билл присел, а потом подпрыгнул, вытянув над собой сжатую в кулак руку. Сначала его кулак не касался ничего, а потом послышался сильный удар. Побел-

ка посыпалась из того места, где больше не было потолка... а потом он появился. Коридор снова стал коридором, узким, с низким потолком, грязным. Но стены уже не уходили в вышину. И Билл стоял перед ними, глядя на них, покачивая окровавленную руку, обсыпанную побелкой. А над его головой в мягкой от сырости штукатурке отпечатался четкий след его кулака.

— Не-е-е на-а-астоящее, — повторил он Стэну, им всем. — Всего лишь ло-ожная ли-и-ичина. Как хэ-э-э-эллоуиновская маска.

— Для тебя — возможно, — тупо ответил Стэн. На его лице отражались потрясение и ужас. Он озирался, словно уже не понимая, где находится. Глядя на Стэна, ощущая кислый запах пота, струящийся из его пор, Бен, которого победа Билла переполнила радостью, снова испугался. Стэн вплотную подошел к предельной черте. Еще чуть-чуть, и он забьется в истерике, возможно, начнет кричать, и что тогда будет?

— Для тебя, — повторил Стэн. — Но, если бы я попытался такое проделать, ничего бы не вышло. Потому что... у тебя был брат, Билл, а у меня нет никого. — Он опять огляделся, сначала посмотрел в гостиную, воздух в которой сделался темно-коричневым, таким густым и туманным, что они едва различали дверь, через которую входили, потом перевел взгляд на коридор, более светлый, но при этом и какой-то темный, какой-то грязный, какой-то совершенно безумный. Эльфы танцевали на отслаивающихся обоях под гирляндами роз. Солнце светило в стекла окна в дальнем конце коридора, и Бен знал: если они дойдут до окна, то увидят дохлых мух... разбитое стекло... и что еще? Доски раздвинутся, сбрасывая их в смертельную темноту, где загребущие пальцы дожидались, чтобы схватить всех и каждого? Стэн, конечно, прав, Господи, ну как они могли пойти в логово Оно, прихватив с собой два идиотских серебряных шарика и гребаную рогатку?

Он видел, как паника Стэна перескакивает от одного к другому, к третьему, совсем как пожар в прериях, раздуваемый ветром. От паники округлились глаза у Эдди, отвисла челюсть у Бев, словно она ахнула и забыла закрыть рот, а Ричи обеими руками подтолкнул очки к переносице и принялся вертеть головой, выискивая преследующего их дьявола.

Они дрожали, готовые броситься врассыпную, забыв предупреждение Билла держаться вместе. Они прислушивались к набрав-

шему силу урагана ветру паники. Словно во сне Бен услышал голос мисс Дэйвис, помощника библиотекаря, читающей маленьким деткам: «Кто идет по моему мосту?» И он видел их, малышей, совсем крошек, наклоняющихся вперед, с застывшими и серьезными лицами, а в их взглядах стоял вечный вопрос любой сказки: обведут монстра вокруг пальца... или Оно набьет брюхо?

— У меня никого нет, — проверещал Стэн Урис, и вдруг стал таким маленьким, совсем маленьким, чтобы проскользнуть в щель между половицами, словно письмо. — У тебя был брат, чел, но у меня никого нет!

— Е-е-есть! — проорал в ответ Билл. Он схватил Стэна, Бен решил, что сейчас Билл врежет ему и мысленно застонал: «*Нет, Билл, пожалуйста, так поступил бы Генри, если ты это сделаешь, Оно убьет нас всех прямо сейчас*».

Но Билл не ударил Стэна, грубо развернул спиной к себе и вытащил книгу из заднего кармана джинсов.

— Отдай! — закричал Стэн и заплакал. Все остальные застыли как громом пораженные, а потом отпрянули от Билла, глаза которого горели, и лоб светился, как лампа. Он протянул атлас Стэну, как священник протягивает крест, отгоняя вампира.

— У тебя е-е-есть пти-и-и-и...

Он поднял голову, жилы на шее вздулись, как канаты, кадык торчал наконечником стрелы, вонзившимся в горло. Бена переполняли страх и жалость к своему другу Биллу Денбро; но при этом он испытывал невероятное облегчение. Разве он усомнился в Билле? Кто-нибудь из них усомнился? «*Ох, Билл, скажи это, пожалуйста, разве ты не можешь сказать?*»

И каким-то чудом Билл смог.

— У тебя есть ПТИ-И-И-ИЦЫ! Твои ПТИ-И-ИЦЫ!

Он сунул книгу в руки Стэна. Тот взял атлас, тупо уставился на Билла. На его щеках блестели слезы. Он так крепко сжал книгу, что побелели костяшки пальцев. Билл смотрел на него. Потом оглядел остальных.

— По-о-ошли.

— Птицы помогут? — спросил Стэн. Тихо и хрипло.

— В Водонапорной башне они помогли, так? — напомнила Беверли.

Стэн неуверенно посмотрел на нее.

Ричи хлопнул его по плечу.

— Пошли, Стэнище. Ты мужчина или мышь?

— Скорее мужчина, — дрожащим голосом ответил Стэн, левой рукой вытирая с лица слезы. — Насколько я знаю, мыши не обделывают штаны.

Они рассмеялись, и Бен мог поклясться, что почувствовал, как дом подается от них, подается от этого звука. Майк обернулся.

— Эта большая комната. Та, через которую мы только что прошли. Посмотрите!

Они посмотрели. Гостиная почернела. Ее заполнил не дым, не какой-то газ; ее заполнила чернота, чуть ли не твердая чернота. Воздух, который начисто лишили света. И чернота эта, казалась, накатывала на них, когда они всматривались в нее, чуть ли не облепляла их лица.

— Пошли да-*альше*.

Они отвернулись от черноты и зашагали по коридору. В него выходили три двери, две — с грязно-белыми фарфоровыми ручками, третья — с дырой, через которую проходила ось ручки. Билл схватился за первую ручку, повернул, открыл дверь. Бев держалась вплотную, подняв «Яблочко».

Бен отпрянул, чувствуя, что остальные делают то же самое, они все сгрудились за спиной Билла, как перепуганные куропатки. Дверь вела в спальню, всю обстановку которой составлял грязный, в пятнах, матрас. От стальных пружин остались одни воспоминания в виде ржавых кругов *на желтой обивке матраса. За единственным* окном качались и кивали подсолнухи.

— Здесь ничего... — начал Билл, и тут же обивка начала ритмично надуваться и сдуваться, а потом резко разорвалась посередине. Черная липкая жидкость выплеснулась из матраса, еще сильнее замазала обивку, потом потекла на пол, к двери, выбрасывая длинные веревкообразные щупальца.

— Закрой ее, Билл! — прокричал Ричи. — Закрой эту гребаную дверь!

Билл захлопнул ее, оглянулся на них и кивнул:

— Пошли.

Он едва успел прикоснуться к ручке второй двери — с другой стороны узкого коридора, — когда из-за тонкого дерева донесся и начал набирать силу трескучий крик.

9

Даже Билл отпрянул от этого нарастающего, нечеловеческого звука. Бен чувствовал, что этот треск может свести его с ума; перед мысленным взором возник поджидающий их за дверью гигантский сверчок, как в фильме «Начало конца», где из-за радиации все насекомые стали большими, или, может, в «Черном скорпионе», или еще в одном, о муравьях в ливневой канализации Лос-Анджелеса. Он не смог бы даже убежать, если бы жуткое трещащее чудище вышибло дверь и принялось гладить его огромными волосатыми лапищами. Он смутно слышал, как рядом Эдди часто и со свистом всасывает воздух.

Крик нарастал, не теряя трескучей, насекомной составляющей. Билл отошел еще на шаг, кровь отлила от лица, глаза вылезли из орбит, губы превратились в лиловый шрам под носом.

— Застрели эту тварь, Беверли! — услышал Бен собственный крик. — Застрели ее через дверь, застрели, пока она не схватила нас! — А солнечные лучи падали на пол коридора сквозь грязное окно в дальнем конце тяжелым давящим грузом.

Беверли подняла рогатку, словно загипнотизированная, а треск становился все громче, громче, громче...

Но прежде чем она до отказа растянула резинку, Майк закричал:

— Нет! Нет, Бев! Господи! Чтоб я сдох! — И, невероятно, Майк засмеялся. Протиснулся вперед, взялся за ручку, повернул, толкнул дверь. Она со скрипом вышла из разбухшей от сырости дверной коробки. — Это же лосиная дудка. Всего лишь лосиная дудка, ничего больше. Чтобы отпугивать ворон!

За дверью они увидели пустую комнату. На полу лежала банка из-под «Стерно» с отрезанными донышками. Посередине в банке натянули вощеную веревку, концы завязали снаружи, у пробитых дырок. И хотя никакого ветра в комнате не было — единственное окно закрыто и забито досками, свет проникал только в щели отдельными лучиками, — источником этого жуткого треска, конечно же, служила банка.

Майк подошел и с силой ее пнул. Треск прекратился, как только банка полетела в дальний угол.

— Всего лишь лосиная дудка. — Он повернулся к остальным, словно извиняясь. — Мы ставим их на пугала. Пустяковина. Деше-

вый трюк. Но я-то не ворона. — Он посмотрел на Билла, больше не смеясь, но улыбаясь. — Я все еще боюсь Оно — думаю, мы все боимся, — но Оно тоже боится нас. И, по правде говоря, думаю, сильно боится.

Билл кивнул:

— Я то-оже т-так ду-умаю.

Они двинулись к двери в конце коридора, и когда Бен увидел, как Билл сунул палец в дыру, оставшуюся на месте дверной ручки, он понял, что там все и закончится: за этой дверью никакие трюки их поджидать не будут. Завоняло еще сильнее, и усилилось грозное ощущение, что две противоборствующие силы смыкаются вокруг них. Бен посмотрел на Эдди: одна рука на перевязи, вторая сжимает ингалятор. Посмотрел на Бев — она стояла с другой стороны, бледная, поднявшая рогатку, которая напоминала вилку. Подумал: «Если нам придется бежать, я постараюсь защитить тебя, Беверли. Клянусь, постараюсь».

Она, должно быть, уловила его мысль, потому что повернулась и натужно улыбнулась ему. Бен улыбнулся в ответ.

Билл потянул дверь на себя. Петли туго заскрипели и замолчали. За дверью находилось ванная комната... какая-то странная. Кто-то в ней что-то разбил — поначалу Бен понял только это. Не бутылку... а что?

Повсюду, злобно поблескивая, лежали белые крошки и осколки. Потом Бен понял. Действительно чистое безумие. Он рассмеялся. Ричи присоединился к нему.

— Кто-то разрешил дедушке пропердеться, — высказал свое предположение Эдди. Майк, смеясь, закивал. Стэн улыбнулся. Только Билл и Беверли оставались мрачными.

Пол усеивали мелкие осколки фаянса. Все, что осталось от взорвавшегося унитаза. Наклонившийся бачок стоял в луже воды. Не разбился он только потому, что туалет стоял в углу и бачок соскользнул по стенке.

Они столпились позади Билла и Беверли, под ногами хрустели осколки фаянса. «*Кто бы это ни был*, — подумал Бен, — *унитаз он разнес вдребезги*». Представил себе Генри Бауэрса, бросающего в унитаз два или три фейерверка М-80, захлопывающего крышку сиденья и удирающего со всех ног. А что еще, кроме динамита, могло так развороти́ть унитаз? Несколько увесистых кусков осталось, но буквально считанных. Большая часть унитаза превратилась

в мелкие осколки, чем-то напоминающие дротики, какими стреляют из духовых трубок. Обои (те же гирлянды роз и танцующие эльфы) испещрили дырки. Выглядели они так, будто кто-то выстрелил из дробовика, но Бен понимал, что это все те же осколки фаянса, вогнанные в стены силой взрыва.

Ванна стояла на фигурных ножках в виде лап, и грязь долгие годы собиралась между тупых когтей. Бен заглянул в нее и увидел на дне слой песка и грязи. Сверху на них смотрела ржавая душевая головка. Раковина и шкафчик-аптечка над ней остались нетронутыми. За открытыми дверцами шкафчика они видели пустые полки с маленькими кольцами ржавчины там, где раньше стояли бутылки.

— Я бы не подходил близко, Большой Билл! — с тревогой воскликнул Ричи, и Бен оглянулся.

Билл приближался к сливному отверстию в полу, над которым раньше стоял унитаз. Он наклонился над ним... потом повернулся к остальным.

— Я с-слышу ра-аботающие на-асосы... как в Пу-устоши!

Бев подошла к Биллу. Бен шагнул за ней, и да, услышал мерное гудение. Да только, эхом проносясь по трубам, оно совсем не напоминало работу машин. Казалось, звуки эти издает что-то живое.

— О-о-оттуда Оно п-приходило. — Лицо Билла смертельно побелело, но глаза ярко сверкали от возбуждения. — Оттуда Оно п-приходило в тот де-ень, и оттуда Оно п-приходит в-всегда! Из ка-а-анализации!

Ричи покивал.

— В подвале мы Оно не увидели. Оно спустилось по лестнице. Потому что в дом приходило отсюда.

— И это *сделало* Оно? — спросила Беверли.

— Оно то-о-оропилось, ду-умаю, — серьезным голосом ответил Билл.

Бен заглянул в трубу. Диаметром примерно в три фута и черную, как шахта. Внутреннюю керамическую поверхность покрывала корочка чего-то такого, о чем не хотелось и думать. Поднимающееся из трубы гудение действовало гипнотически... и внезапно он что-то увидел. Не теми глазами, которыми смотрел на мир, сначала не ими, но третьим глазом, глубоко упрятанным в разуме.

Оно мчалось к ним, приближалось со скоростью экспресса. Оно в своем естественном обличье, каким бы оно ни было: другое обличье,

почерпнутое из их мыслей, Оно приняло бы только по прибытии сюда. Оно приближалось, поднимаясь из грязных труб и черных катакомб, глаза Оно сверкали звериным желтовато-зеленым светом; приближалось, приближалось; Оно приближалось.

А потом — сначала как искры — он увидел в этой темноте глаза Оно. Они обрели форму — сверкающие и злобные. К гудению машин присоединился новый звук: «У-у-у-у-у-у...» — из канализационной трубы дохнуло зловонием, и Бен подался назад, кашляя и задыхаясь.

— Оно близко! — прокричал он. — Билл, я видел Оно, совсем рядом!

Беверли подняла рогатку.

— Хорошо.

Что-то вырвалось из канализационной трубы. Бен, когда позже пытался восстановить в памяти это первое столкновение с Оно, смог вспомнить только какую-то серебристо-оранжевую форму. Не призрачную — вполне материальную, и Бен чувствовал, что под этой оболочкой скрывается что-то еще, не менее реальное... но его глаза не могли разглядеть то, что он видел перед собой, во всяком случае, достаточно точно.

Потом Ричи попятился, его лицо превратилось в маску ужаса, и он закричал: «Оборотень! Билл! Это Оборотень! Подросток-оборотень!» И внезапно переменчивость формы исчезла, приняв единый образ для Бена и для всех остальных. Они все увидели Оно, каким его видел Ричи.

Оборотень возвышался над канализационной трубой, поставив волосатые ноги по обе ее стороны, где раньше крепился унитаз. Зеленые глаза Оно сверкали на звериной морде. Пасть Оно раскрылась, и сквозь зубы сочилась желтовато-белая пена. Раздалось громовое рычание. Оборотень-Оно протянуло руки к Беверли, манжеты школьного пиджака задрались, обнажая покрытые шерстью предплечья. Пахло от Оно жаром, сырой землей и убийством.

Беверли закричала. Бен схватил ее сзади за блузку и рванул на себя так сильно, что швы под мышками лопнули. Когтистая лапа рассекла воздух в том месте, где мгновением раньше стояла Беверли. Ее отбросило на стену. Серебряный шарик выскочил из пяты «Яблочка». На мгновение сверкнул в воздухе. Майк, быстрее быстрого, поймал его и вернул Беверли.

— Стреляй, бэби. — Голос его звучал совершенно спокойно; даже размеренно. — Стреляй немедленно.

Оборотень вновь взревел, и рев этот перешел в леденящий душу вой. Морду он вскинул к потолку.

Вой сменился смехом. Оно прыгнуло на Билла, когда Билл повернулся, чтобы взглянуть на Беверли. Бен толкнул Билла, и тот распластался на полу.

— Пристрели Оно, Бев! — крикнул Ричи. — Ради Бога, пристрели Оно!

Оборотень рванулся вперед, и у Бена не возникло сомнений, ни тогда, ни потом, что Оно точно знало, кто командует парадом. Оно хотело добраться именно до Билла. Беверли растянула резинку и выстрелила. Шарик полетел, и вновь мимо цели, только на этот раз траектория его движения не искривилась. Шарик разминулся с Оно больше чем на фут, пробил дыру в обоях над ванной. Билл — к его рукам прилипли кусочки фаянса, в десятке мест порезав кожу до крови, — громко выругался.

Оборотень резко повернул голову. Его блестящие зеленые глаза уставились на Беверли. Автоматически Бен заслонил ее, пока она полезла в карман за вторым серебряным шариком. Джинсы на ней были очень узкие. И надела она их не для того, чтобы кого-то подразнить своей фигуркой; как и в случае с шортами, которые были на ней в день Патрика Хокстеттера и его холодильника, ей пришлось надевать купленное в прошлом году. Пальцы сомкнулись на шарике, но он тут же выскользнул. Она схватила его вновь, вытащила, вывернув карман, и на пол посыпались четырнадцать центов, два корешка билетов в «Аладдин» и шовная пыль.

Оборотень прыгнул на Бена, который стоял перед Беверли, защищая ее... и перекрывая линию огня. Голова Оборотня чуть склонилась набок, как у хищника, собравшегося вцепиться в жертву, челюсти щелкали. Бен протянул руки к Оно. В его реакции не осталось места для ужаса — он ощущал только прочищавшую мозги злость, смешанную с недоумением и осознанием того, что время внезапно и необъяснимо остановилось. Он вцепился руками в грубую шерсть — «*Шкура*, — подумал он, — *я держу Оно за шкуру*», — и почувствовал над ней крепкую кость черепа Оно. Бен отталкивал эту волчью голову со всей силы, но, пусть он и был крупным мальчиком, безо всякого результата. И если бы он не отступил и не вжался спиной в стену, тварь перегрызла бы ему горло.

Оно двинулось на Бена, сверкая зеленовато-желтыми глазами. Оно рычало при каждом выдохе. Оно воняло сточными водами и чем-то еще, каким-то необычным, неприятным запахом, вроде бы гниющего фундука. Тяжелая лапа Оно поднялась, и Бен сделал все, что мог, чтобы отскочить в сторону. Лапа со здоровенными когтями прочертила бескровные раны по обоям и влажной штукатурке под ними. Бен смутно услышал громкий крик Ричи, Эдди требовал от Беверли, чтобы та стреляла, стреляла. Но Беверли не выстрелила. У нее оставался только один-единственный шанс. Значения это не имело; она собиралась сделать так, чтобы этого выстрела ей хватило. Исчезло все, что мешало ей смотреть на мир, ставший вдруг удивительно выпуклым и рельефным; никогда позже не увидит она столь ясно прочерченные три измерения реальности. Она знала каждый оттенок, каждый угол, каждое расстояние. Страх ушел. Беверли охватил охотничий азарт, она ощущала уверенность в скором и удачном завершении охоты. Пульс замедлился. Истерическая дрожь в руке, держащей «Яблочко», ослабла и пропала. Теперь она могла точно наводить рогатку на цель. Беверли глубоко вдохнула. Ей казалось, что легкие никогда не заполнятся до конца. Смутно, издалека, она слышала какие-то хлопки. Не важно, что бы они ни означали. Она сдвинулась влево, ожидая, когда невероятная голова Оборотня попадет в зазор между зубцами «вилки» поверх резинки, принявшей форму растянутой буквы «V».

Лапы Оборотня вновь опустились. Бен попытался поднырнуть под них... но внезапно Оно схватило его. Дернуло на себя, как тряпичную куклу. Челюсти раскрылись.

— Ублюдок...

Бен ткнул большим пальцем в глаз Оно. Чудовище взревело от боли, и когтистая лапа продрала мальчику свитер. Бен втянул живот, но один коготь прочертил обжигающую линию боли по груди и животу. Кровь полилась на брюки, кроссовки, на пол. А Оборотень отбросил его в ванну. Бен ударился головой, перед глазами вспыхнули звезды, ему удалось сесть, он увидел, что на колени хлещет кровь.

Оборотень развернулся. С необыкновенной ясностью Бен отметил, что на нем вылинявшие джинсы «Леви Страусс», с расползшимися швами. Красная, в соплях, бандана, какую мог бы носить машинист, торчала из заднего кармана. На спине серебряно-оран-

жевого школьного пиджака Оно Бен прочитал: «КОМАНДА УБИЙЦ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ДЕРРИ». Ниже имя — «ПЕННИВАЙЗ». И под ним, по центру, номер: 13.

Оно опять двинулось на Билла. Он успел подняться и теперь стоял спиной к стене, пристально глядя на Оно.

— Пристрели его, Беверли! — вновь крикнул Ричи.

— Бип-бип, Ричи, — услышала она собственный голос, донесшийся с расстояния тысячи миль. Голова Оборотня внезапно появилась в «вилке». Она прищурила глаз поверх пяты и отпустила ее. Дрожь в руках исчезла полностью. Она выстрелила плавно и естественно, как стреляла по банкам на свалке в тот день, когда они определяли, кто из них самый меткий.

Бен успел подумать: «*Ох, Беверли, если ты промажешь на этот раз, нам всем конец, и я не хочу умирать в этой грязной ванне, но не могу из нее вылезти*». Беверли не промахнулась. Круглый глаз — не зеленый, а убийственно-черный — внезапно появился по центру носа Оно: Беверли целилась в правый глаз, но попала на полдюйма левее.

Крик Оно — почти человеческий крик удивления, боли, страха и ярости — едва не оглушил их. У Бена от этого крика зазвенело в ушах. А потом идеально круглая дыра в носу Оно исчезла, скрытая потоком крови. Нет, кровь не текла — била из раны фонтаном, словно под высоким давлением. Кровь Оно окатила волосы и лицо Билла. «*Не важно*, — истерично подумал Бен. — *Не волнуйся, Билл. Все равно никто не увидит этой крови, когда мы выйдем отсюда. Если выйдем*».

Билл и Бев двинулись на Оборотня, а за их спинами пронзительно закричал Ричи:

— Выстрели в Оно снова, Бев! Убей!

— Убей Оно! — крикнул Майк.

— Да, убей Оно! — поддержал его Эдди.

— Убей! — крикнул Билл, его рот изогнулся в дрожащую дугу. Волосы усыпала желтовато-белая пыль штукатурки. — Убей Оно, Бев! Не дай уйти!

«*Стрелять-то нечем*, — бессвязно подумал Бен, — *кругляшей не осталось. Что вы такое говорите, как она может убить Оно?*» Но он посмотрел на Беверли и понял. И если бы его сердце и до этого мгновения не принадлежало ей, оно бы тут же стало ее. Она

вновь растянула резинку. Пальцы сжимали пяту, скрывая, что в ней пустота.

— Убей Оно! — крикнул Бен и неуклюже полез через край ванны. Его джинсы и трусы промокли от крови и прилипли к телу. Он понятия не имел, серьезная у него рана или нет. Боль обожгла его в самом начале, а потом вроде бы и прошла, но крови-то вылилось немерено.

Зеленоватые глаза Оборотня перебегали с одного на другого, теперь помимо боли в них читалась и неуверенность. Кровь по-прежнему мощным потоком изливалась на пиджак.

Билл Денбро улыбнулся. Мягкой, обаятельной улыбкой... но глаз она не коснулась.

— Не следовало тебе начинать с моего брата, — сказал он. — Отправь этого ублюдка в ад, Беверли.

Неопределенность исчезла из глаз чудовища — Оно поверило. Плавно, одним движением, повернулось и нырнуло в канализационную трубу. На ходу меняясь. Форменный пиджак средней школы Дерри растворился в шкуре, оба обесцветились. Череп Оно вытянулся, словно сделанный из воска, который размягчился и потек. И силуэт Оно изменился. На мгновение Бену показалось, что он чуть ли не увидел истинную форму Оно, и сердце зашлось у него в груди, заставив жадно хватать ртом воздух.

— Я убью вас всех, — донесся из канализационной трубы громогласный голос. Грубый, жестокий, нечеловеческий. — Убью вас всех... убью вас всех... убью вас всех... — Слова затихали, размывались, исчезали, пока полностью не растворились в гуле машин, который поднимался по трубам.

Дом, казалось, тяжело, неслышно осел. Но он не оседал — осознал Бен, — он каким-то необъяснимым образом сжался, возвращаясь к обычным размерам. Рухнули магические чары, которыми пользовалось Оно для того, чтобы дом 29 по Нейболт-стрит казался бóльшим, чем был на самом деле. Дом сжался, как эластик. Вновь стал обычным домом, в котором пахло сыростью и гнилью, брошенным жильем, в который иногда залезали алкоголики и бродяги, чтобы выпить. Поговорить и провести ночь под крышей, а не под дождем.

Оно ушло.

И после ухода Оно тишина казалась очень уж громкой.

10

— М-мы до-олжны о-отсюда с-с-сматываться. — Билл подошел к ванне, из которой пытался выбраться Бен, и схватил его за руку. Беверли стояла около канализационной трубы. Посмотрела на себя, и хладнокровие исчезло вспышкой, которая, казалось, превратила ее кожу в теплый чулок. Должно быть, сработал тот глубокий вдох. Хлопки, которые она слышала... это отлетали пуговицы с блузки. Отлетели все до единой. Теперь блузка раскрылась, и маленькие груди торчали наружу. Беверли запахнула полы.

— Ри-и-ичи, — позвал Билл. — Помоги мне с Бе-еном. Он ран...

Ричи подскочил к нему, потом Стэн и Майк. Вчетвером они поставили Бена на ноги. Эдди подошел к Беверли и неуклюже обнял ее за плечи здоровой рукой.

— Ты молоток, — похвалил он ее, и Беверли залилась слезами.

Бен, пошатываясь, сделал два шага к стене и привалился к ней, чтобы не упасть. Голова кружилась. Свет то и дело мерк перед глазами. Его тошнило.

А потом рука Билла, сильная и успокаивающая, обвила его плечи.

— Тя-яжелая ра-ана, С-Стог?

Бен заставил себя посмотреть на живот. Обнаружил, что два простых действия — наклонить голову и раздвинуть края разреза на свитере — потребовали от него больше мужества, чем понадобилось для того, чтобы заставить себя войти в этот дом. Он ожидал увидеть, что половина внутренностей болтается снаружи, как нелепое вымя. Вместо этого обнаружилось, что поток крови усох до едва текущего ручейка. Оборотень полоснул его сильно, но не смертельно.

К ним подошел Ричи. Посмотрел на разрез, который наискось спускался с груди на верхнюю часть живота. Перевел взгляд на лицо Бена.

— Оно чуть не пустило твои кишки на подтяжки, Стог. Ты это знаешь?

— Да пошел ты...

Взгляды их встретились, они на какое-то время замерли, а потом разом истерически расхохотались, забрызгав друг друга слюной. Ричи обнял Бена, похлопал по спине.

— Мы побили Оно, Стог! Мы побили Оно!

— М-мы не-не-не-не побили Оно, — мрачно возразил Билл. — Нам просто по-овезло. Уходим о-отсюда, по-ока Оно не на-адумало ве-ернуться.

— Куда? — спросил Майк.

— В Пу-устошь.

Беверли подошла к ним, по-прежнему в запахнутой блузке. Ее щеки ярко горели.

— В клубный дом?

Билл кивнул.

— Могу я надеть чью-нибудь рубашку? — Беверли покраснела еще пуще. Билл посмотрел на нее, и кровь бросилась ему в лицо. Он торопливо отвел глаза, но в то же мгновение Бен все понял и ощутил гнетущую ревность. Потому что в этот самый миг Билл увидел Беверли, какой раньше ее видел только Бен.

Остальные тоже посмотрели и отвернулись. Ричи кашлянул в ладонь. Стэн покраснел. И Майк Хэнлон отступил на шаг или два, словно действительно испугавшись округлости маленькой белой груди, которая виднелась под рукой Беверли.

Беверли вскинула голову, тряхнула спутанными волосами. По-прежнему раскрасневшаяся и прекрасная.

— Я ничего не могу поделать с тем, что я девочка... или с тем, что у меня начинает расти наверху... а теперь, пожалуйста, кто-нибудь может дать мне рубашку?

— Ко-онечно. — Билл уже стягивал белую футболку через голову, обнажая худую грудь, на которой не составляло труда пересчитать ребра, и загорелые, в веснушках, плечи. — Бе-ери.

— Спасибо, Билл. — На короткий жаркий, дымящийся миг взгляды их встретились. На этот раз Билл не отвел глаза. Смотрел твердо, по-взрослому.

— Пу-устяки.

«*Удачи тебе, Большой Билл*, — подумал Бен и отвернулся от этого взгляда. Он причинял ему боль, бил в то глубокое место, до которого не могли добраться никакие вампиры или оборотни. Но в то же время никто не отменял такое понятие, как пристойность. Бен еще не знал значения этого слова, но идею очень даже понимал: глазеть на них в тот момент, когда они так смотрят друг на друга, так же неправильно, как и таращиться на грудь Беверли, когда она отпустила блузку, чтобы надеть футболку Билла. — *Раз уж так вышло. Но ты никогда не будешь любить ее так, как я. Никогда*».

Футболка Билла доходила Беверли до колен. Если бы не выглядывающие из-под подола джинсы, казалось бы, что она в комбинации.

— По-ошли о-отсюда, — повторил Билл. — Не з-знаю, ка-ак ва-а-а-м, но м-мне на-а-а се-егодня х-хватит.

Как выяснилось, хватило всем.

11

Менее чем через час они сидели в клубном доме, с откинутыми дверцей и окном. Внизу царила прохлада, и в тот день в Пустоши стояла блаженная тишина. Говорили они мало, погруженные в свои мысли. Ричи и Бев передавали друг другу «мальборо». Эдди приложился к ингалятору. Майк несколько раз чихнул и извинился. Сказал, что словил простуду.

— Это все, что ты могеть словить, сеньор, — добродушно ввернул Ричи, но никто не засмеялся.

Бен все ожидал, что безумная стычка на Нейболт-стрит в итоге ничем не будет отличаться от сна. «*Она растает и уйдет из памяти*, — думал он, — *как бывает с дурными снами. Ты просыпаешься, жадно хватая ртом воздух, весь в поту, но через пятнадцать минут не можешь вспомнить, что тебе снилось*».

Как бы не так! Все, что произошло, начиная с того момента, как он протиснулся в окно подвала, и до мгновения, когда Билл на кухне стулом разбил окно, чтобы они смогли вылезти из дома, оставалось в его памяти ясным и четким. Это был не сон. И запекшаяся рана на груди и животе тоже не была сном, и не имело значения, увидит ее его мать или нет.

Наконец Беверли поднялась.

— Я должна идти домой. Хочу переодеться, пока не вернулась мать. Она меня уроет, если увидит в мальчишечьей футболке.

— Урроет, сеньоррита, — кивнул Ричи, — но она урроет тебя медленно.

— Бип-бип, Ричи.

Билл молча смотрел на нее.

— Футболку я тебе верну, Билл.

Он кивнул и махнул рукой, показывая, что это не важно.

— Тебе не нагорит? Если вернешься домой без нее?

— Не-ет. Они е-едва за-амечают, ч-что я во-о-обще е-есть.

Она кивнула, прикусила пухлую нижнюю губу, одиннадцатилетняя девочка, высокая для своего возраста и просто красивая.

— Что теперь, Билл?

— Я н-не з-з-знаю.

— Это не закончилось, так?

Билл кивнул.

— Теперь Оно еще больше хочет добраться до нас, — сказал Бен. — Хочет.

— Отольем новые серебряные кругляши? — спросила его Бев. Он обнаружил, что едва может встретиться с ней взглядом. «*Я люблю тебя, Бев... позволь мне хотя бы это. Пусть у тебя будет Билл, или весь мир, или что ты там пожелаешь. Только позволь мне это, позволь любить тебя, и больше мне ничего и не нужно*».

— Не знаю, — ответил Бен. — Мы можем, но... — Он не договорил, пожал плечами. Не мог сказать, что чувствует, не мог выразить четко свои мысли — вроде бы все, как в кино о монстрах, но это же не кино. Мумия кое в чем выглядела иначе... и эти отличия только подтверждали ее реальность. То же самое относилось и к Оборотню — Бен мог это утверждать, потому что видел его парализующим крупным планом, какого не увидишь ни в одном кино, даже в трехмерном, потому что ощущал кончиками пальцев подшерсток грубой и жесткой шерсти Оно, потому что заметил маленький злобный оранжевый (как помпон!) огонек в одном из зеленых глаз Оно. Все это было... ну... грезами-ставшими-былью. И обратившись в быль, они ускользали из-под власти грезившего, становились смертельно опасными сами по себе, способными на независимые действия. Серебряные кругляши сработали благодаря их общей — всех семерых — вере в то, что они сработают. Но Оно кругляши не убили. И в следующий раз Оно предстанет перед ними в новом обличье, над которым серебро властно не будет.

«*Власть, сила,* — думал Бен, глядя на Беверли. В общем, все нормально; ее глаза снова встретились с глазами Билла, и они смотрели друг на друга так, будто вокруг никого не осталось. Лишь одно мгновение, но для Бена оно растянулось надолго. — *Все всегда упирается во власть. Я люблю Беверли Марш, и она обладает властью надо мной. Она любит Билла Денбро, то есть он обладает властью над ней. Но, как я понимаю, он на пути к тому, чтобы полюбить ее. Может, причина в ее лице, в том, как она выглядела, когда говори-*

ла, что она девочка и ничего не может с этим поделать. Может, дело в обнаженной груди, показавшейся на секунду. Может — в том, как она иногда выглядит, если удачно падает свет, или в ее глазах. Не важно. Но если он начинает ее любить, она начинает приобретать власть над ним. У Супермена есть сила, но лишь когда рядом нет криптонита. У Бэтмена есть сила, пусть он не может летать и видеть сквозь стены. У моей матери есть власть надо мной, а у ее босса на работе — над ней. У всех есть какая-то власть, за исключением разве что детей и младенцев».

Но тут он подумал, что власть есть даже у маленьких детей: они могут кричать, пока ты что-то не сделаешь, чтобы они заткнулись.

— Бен? — спросила Беверли, глядя на него. — Проглотил язык?

— Что? Нет. Я думал о силе. Силе кругляшей. — Билл пристально посмотрел на него. — Задался вопросом, откуда эта сила взялась.

— О-о-от... — начал Билл и закрыл рот. На лице отразилась задумчивость.

— Я действительно должна идти, — прервала паузу Беверли. — Еще увидимся, так?

— Конечно, приходи завтра, — ответил Стэн. — Мы будем ломать Эдди вторую руку.

Раздался смех. Эдди сделал вид, что бросает в Стэна ингалятор.

— Тогда пока. — И Беверли вылезла из клубного дома.

Бен посмотрел на Билла и увидел, что тот не смеялся. Задумчивость не сходила с его лица, и Бен понимал, что ему придется два или три раза позвать Билла, прежде чем тот ответит. Он знал, о чем думал Билл; в ближайшие дни он и сам будет об этом думать. Не все время, нет. Он будет развешивать и снимать белье по просьбе матери, играть в салки и войну в Пустоши, а первые четыре дня августа, когда зарядят дожди, они всемером устроят безумный марафон игры в пачиси в доме Ричи Тозиера, будут ставить блоки, «сбивать» фишки, точно рассчитывать бросок кубика с тем, чтобы он лег нужной гранью кверху. Его мать скажет ему, что, по ее мнению, самая красивая женщина Америки — Пэт Никсон, и придет в ужас, когда Бен отдаст свой голос Мэрилин Монро (если не считать цвета волос, он считал, что Бев выглядела, как Мэрилин Монро). Время уходило и на поедание бесконечных сладостей — «Твинки», «Ринг-Дингов» и «Хелл-догов», и на чтение на заднем крыльце научно-фантастического романа Айзека Азимова «Лаки Старр и луны Юпитера». Для всего этого находилось время, пока рана на груди

и животе заживала, превращаясь в шрам и начиная чесаться, потому что жизнь продолжалась, и в одиннадцать лет Бен, пусть был умным и сообразительным, не строил планов на будущее. Он мог жить с тем, что произошло в доме на Нейболт-стрит. В мире, в конце концов, чудес хватало.

Но выпадали периоды, когда он вновь задавал себе и пытался ответить на те же вопросы: сила серебра, сила кругляшей — откуда берется такая сила? Откуда берется любая сила? Как ты ее получаешь? Как используешь?

И ему казалось, что их жизнь, возможно, зависит от этих вопросов. Однажды вечером, когда он засыпал под мерную убаюкивающую дробь дождя по крыше и окнам, ему пришел в голову еще один вопрос, возможно, *единственный* важный вопрос. Оно обладало какой-то реальной формой; он почти что увидел ее. Увидеть форму — все равно что открыть секрет. Это справедливо и для силы? Вероятно, да. Ибо разве неверно утверждение, что сила, как и Оно, переменчива по форме? Силой может быть и младенец, кричащий в ночи, и атомная бомба, и серебряный кругляш, и взгляд Беверли на Билла, и ответный взгляд Билла.

И тогда чем, чем именно была сила?

12

За две следующие недели ничего особенного не произошло.

DEPPU:
Четвертая интерлюдия

Ты должна была проиграть
Нельзя выигрывать все время.
Ты должна была проиграть
Нельзя выигрывать все время,
что я говорил!
Я знаю, милая моя,
Я вижу, что грядет беда...

«Ты должна была проиграть»
*Джон Ли Хукер**

6 апреля 1985 г.

Вот что я вам скажу, друзья и соседи: сегодня я пьян. Пьян вусмерть. Ржаное виски. Пошел в «Источник Уоллиса», где начал, потом за час до закрытия заглянул в винный магазин на Центральной улице и купил пинту ржаного виски. Я знал, что собираюсь сделать. Вечером напиться задешево, чтобы утром заплатить втридорога. И теперь он сидит, пьяный ниггер, в публичной библиотеке после закрытия. Передо мной раскрытая книга, по левую руку — бутылка «Олд Кентукки». «Скажи всю правду и посрами дьявола» — как говаривала моя матушка, но она забыла сказать мне что иногда тебе никак не посрамить мистера Раздвоенное Копыто трезвым. Ирландцам это известно, но, разумеется, они белые ниггеры Господа нашего, и, кто знает, может, они на шаг впереди.

---

* Хукер, Джон Ли (1917—2001) — американский блюзовый певец, гитарист.

Хочу написать о выпивке и дьяволе. Помните «Остров сокровищ»? Старого морского волка в «Адмирале Бенбоу»? «Мы еще им покажем, Джим!» Готов спорить, старый пердун даже в это верил. Насосавшись рому — или ржаного виски — поверишь во что угодно.

Выпивка и дьявол. Хорошо.

Иной раз нравится мне позабавить себя, задаваясь вопросом: сколько мне будет отпущено, если я действительно опубликую что-нибудь из написанного глубокой ночью? Если я действительно вытащу на свет Божий несколько скелетов из шкафа Дерри. У библиотеки есть совет директоров. Одиннадцать человек. Один из них семидесятилетний писатель, которого два года назад хватил удар, и он не способен без посторонней помощи найти свой стул на заседании (иногда можно увидеть, как он достает из волосатых ноздрей больших сухих козлов и аккуратно укладывает в ухо, вероятно, на хранение). Еще один директор — напористая женщина, которая приехала из Нью-Йорка с мужем врачом и не устает произносить длинные, визгливые монологи о провинциальности Дерри, о том, что здесь никто не понимает ЕВРЕЙСКИХ ПЕРЕЖИВАНИЙ и как приходится ехать в Бостон за юбкой, если хочешь выйти из дома в чем-то приличном. В последний раз эта худосочная дамочка говорила со мной, не прибегая к услугам посредника, во время рождественской вечеринки совета года полтора назад. Она прилично набралась джином и спросила меня, понимает ли кто в Дерри ПЕРЕЖИВАНИЯ ЧЕРНЫХ. Я тоже выпил немало джина, поэтому ответил: «Миссис Глэдри, евреи, возможно, большая загадка, но ниггеры для всего мира — открытая книга». Она поперхнулась, развернулась так резко, что из-под широкой юбки на мгновение показались трусики (не слишком интересное зрелище, я бы предпочел увидеть на ее месте Кэрол Дэннер), и на том закончился мой последний неформальный разговор с миссис Рут Глэдри. Невелика беда.

Другие директора — потомки лесных баронов. Их поддержка библиотеки — акт наследственного искупления грехов; они насиловали леса, а теперь заботятся о книгах, точно так же, как распутник, достигнув средних лет, может решить, что пора бы и позаботиться о незаконнорожденных детях, которых наплодил в молодости. Их деды и прадеды в прямом смысле этого слова раздвигали ноги лесам к северу от Дерри и Бангора и насиловали этих наряженных в зеленое девственниц топорами и кондаками*. Они руби-

* Кондак — приспособление для перекатки бревен.

ли деревья, обрезали ветки и никогда не оглядывались. Они порвали девственную плеву этим великим лесам, когда президентом был Гровер Кливленд*, и практически завершили свое грязное дело, когда Вудро Вильсона** хватил удар. Эти злодеи в кружевных воротниках насиловали великие леса, брюхатили их обрубленными ветками и мусором и превратили Дерри из сонного маленького кораблестроительного городка в бурлящий вертеп, где салуны никогда не закрывались, а проститутки работали ночами напролет. Один из старожилов, Эгберт Тарэгуд — ему сейчас девяносто три — рассказывал мне, как привел тощую, как доска, проститутку в маленькую каморку на Пекарной улице (ее больше не существует; жилой комплекс для среднего класса чинно стоит на том месте, где когда-то ревела Пекарная улица).

«Только спустив в нее, я осознал, что она лежит в луже спермы глубиной в дюйм. И сперма эта уже загустела, превратившись в желе. «Девочка, — говорю я, — разве ты не думаешь о себе?» Она смотрит вниз и отвечает: «Я постелю новую простыню, если ты хочешь повторить. Две вроде бы еще лежат в шкафу, в коридоре. Я знаю, что до девяти или десяти еще соображала, на чем лежу, но к полуночи моя манда так онемела, что могла быть и в Эллсуорте».

Таким был Дерри в первые двадцать или чуть больше лет двадцатого века: процветание, и пьянка, и гулянка. По Пенобскоту и Кендускигу бревна плыли нескончаемым потоком с ледохода в апреле до ледостава в ноябре. В двадцатых бизнес начал хиреть без военных и строительных заказов. Лесные бароны положили деньги в нью-йоркские и бостонские банки, которые пережили биржевой крах, и оставили экономику Дерри жить — или умирать — саму по себе. Они удалились в роскошные особняки на Западном Бродвее, а детей отправили в частные школы Нью-Хэмпшира, Массачусетса и Нью-Йорка. Жили на проценты с капитала и пользовались своими политическими связями.

Так что через семьдесят лет после того, как Эгберт Тарэгуд потратил свой любовный пыл и доллар на проститутку в залитой спермой кровати на Пекарной улице, от их господства остались лишь бескрайние вырубки в округах Пенобскот и Арустук да великолепные викторианские особняки, занимающие два квартала Западно-

* Кливленд, Гровер (1837—1908) — 22-й (1885—1889) и 24-й (1893—1897) президент США.

** Вильсон, Вудро (1856—1924) — 28-й (1913—1921) президент США.

го Бродвея... и, разумеется, моя библиотека. Да только я не успел бы и надрочить член (сравнение использую сознательно), как эти добрые люди с Западного Бродвея отняли бы у меня «мою библиотеку», попытайся я опубликовать что-нибудь о «Легионе белой благопристойности», пожаре в «Черном пятне», расстреле банды Брэдли... или историю Клода Эру и «Серебряного доллара».

Так называлась пивная, где в сентябре 1905 года произошло, вероятно, самое странное массовое убийство в истории Америки. В Дерри еще есть несколько старожилов, которые заявляют, что помнят эту историю, но доверяю я, если на то пошло, только Тарэгуду. Ему тогда было восемнадцать.

Сейчас Тарэгуд живет в Доме престарелых Полсона. Зубов у него нет, а французский акцент уроженца долины Сент-Джона столь силен, что понять его, вероятно, может только другой старожил штата Мэн, при условии, если его слова запишут на бумаге по правилам фонетики. Сэнди Айвз, фольклорист из университета Мэна, о котором я упоминал ранее в этих беспорядочных записях, помог мне расшифровать мои аудиозаписи.

Клода Эру Тарэгуд назвал *«адын пахой канак, сын шуки, зглуд катого зверил тобе, как кобыл в унном швете»*.

(Перевод: «Один плохой канак, сын шлюхи, взгляд которого сверлил тебя, как кобылий в лунном свете»)

По словам Тарэгуда, он — и все, кто работал с Эру, — не сомневался в том, что тот хитер, как пес, крадущий кур... отчего его налет с топором на «Серебряный доллар» представляется еще более удивительным. Совершенно не в его характере. До того дня лесорубы Дерри верили, что самое большее, на что способен Эру, так это устроить лесной пожар.

Лето 1905 года выдалось долгим и жарким, так что пожаров в лесах хватало. Самый крупный — потом Эру признался, что устроил его, подсунув горящую свечу под кучу щепок и веток — случился в Больших индейских лесах Хейвена. Тогда сгорело двадцать тысяч акров зрелой древесины, и дым чувствовался на расстоянии тридцати пяти миль, в Дерри, когда запряженные лошадьми вагоны ползли по Подъему-в-милю.

Весной того года какое-то время шли разговоры об организации профсоюза. Этим занимались четверо лесорубов (организовывать было особо некого; рабочие Мэна тогда относились к профсоюзам так же враждебно, как в большинстве своем и сейчас), в том числе и Клод Эру, который, вероятно, представлял себе профсоюз-

ную деятельность, как возможность говорить людям умные слова и чаще пьянствовать на Пекарной и Поварской улицах. Эру и трое остальных называли себя «организаторами», лесные бароны полагали их «смутьянами». Во всех лагерях лесорубов, от Тонро до Хейвен-Виллиджа и от Саммер-Плантейшн до Миллинокета, на столовых висели объявления, извещавшие лесорубов, что любой, замеченный в разговорах о создании профсоюза, будет немедленно уволен с работы.

В мае того же года состоялась короткая забастовка неподалеку от Трафэм-Нотч, с которой быстренько разобрались силами штрейкбрехеров и «городских констеблей» (и это более чем странно, вы понимаете, потому что почти тридцать «городских констеблей» размахивали ручками топоров и крушили черепа, хотя до того майского дня в Трафэм-Нотч, и это все знали, не было ни единого констебля, да и проживало там в начале века всего 79 человек), но Эру и другие организаторы рассматривали случившееся как большую победу в своем благородном деле. Соответственно, они приехали в Дерри, чтобы напиться и продолжить «организовывать»... или «смущать умы», в зависимости от того, с чьей стороны смотреть. В любом случае такой работой можно заниматься только на трезвую голову. Они же обошли едва ли не все бары на Адских пол-акра и закончили свой поход в «Спящем серебряном долларе». Там, обняв друг друга за плечи, пьяные в стельку, они горланили профсоюзные песни вперемешку с жалостливыми, вроде «Глаза моей мамы смотрят с Небес», хотя лично я думаю, что любую мать, которая, глядя оттуда, увидела бы своего сыночка в таком скотском состоянии, не стали бы осуждать за то, что она отвернулась.

Согласно Эгберту Тарэгуду, по всеобщему убеждению существовала только одна причина, объясняющая участие Эру в профсоюзном движении. Причина эта звалась Дэйви Хартуэллом. Он был главным «организатором» или «смутьяном», а Эру влюбился в него. Не только он; большинство мужчин, причастных к организующемуся профсоюзу, любили Хартуэлла глубоко и страстно; той гордой любовью, которую мужчины приберегают для представителей своего пола, наделенных той харизмой, что возводит их в ранг святых. «*Дэвви Ардувелл фел себе так, шлофто полфина мир принатлекать ему, а фторая он зопирать на самок*», — объяснил Тарэгуд.

(Перевод: «Дэйви Хартуэлл вел себя так, будто половина мира принадлежит ему, а вторую он запер на замок».)

«Он быть феликим селофек фнутри; неть нушты гофорить, что не быть. В нем шустфовать шила, шуствовать доштоенстфо, как и в поводке, так и в расхофоре. Неть нушты гофорить, сто он не быть хорох селофеком. Лудя к ему тянулить».

Эру пошел за Хартуэллом организовывать профсоюз, как пошел бы за ним, если бы тот решил стать кораблестроителем в Бревере, что находился дальше от океана, или в Бэте, по пути к океану, или отправился бы строить эстакады в Вермонте, или попытался вернуть с запада «Пони-экспресс»*. Эру был хитрым и злобным, и я полагаю, что в любом романе сие гарантировало отсутствие у него каких-либо положительных качеств. Но иногда, если человеку всю жизнь не доверяют, да и он сам ни к кому не испытывает доверия, если он одиночка (или неудачник), как по собственному выбору, так и по сложившемуся к нему отношению, он может найти друга или любовника и просто жить ради этого человека, как собака живет ради своего хозяина. И, похоже, именно такие отношения сложились между Эру и Хартуэллом.

Так или иначе, все четверо провели ночь в гостинице «Брентвуд-Армс», которую лесорубы тогда называли «Плавающим псом» (причина канула в Лету — этого не помнит даже Эгберт Тарэгуд). Четверо зарегистрировались в гостинице; никто не выписался. Одного, Энди Делессепса, больше никто не видел; насколько мы можем судить, вполне возможно, что остаток жизни он провел в Портсмуте, ни в чем себе не отказывая. Но я почему-то в этом сомневаюсь. Еще двоих «смутьянов», Эмсела Бикфорда и самого Дэйви Хартуэлла, нашли в Кендускиге, плавающих лицом вниз. У Бикфорда недоставало головы; кто-то снес ее ударом двуручного лесорубского топора. Хартуэлл лишился обеих ног, и те, кто нашел его, клялись, что никогда не видели на человеческом лице такой боли и ужаса. Ему что-то засунули в рот, отчего раздулись щеки, и когда те, кто обнаружил тело, перевернули его и растянули челюсти, в грязь выпали семь пальцев ног. Некоторые думали, что оставшиеся три он потерял за те годы, что рубил лес; другие склонялись к тому, что он их проглотил перед тем, как умереть.

На спине каждого человека крепилась бумажка с одним словом: «ПРОФСОЮЗ».

---

* «По́ни-экспресс» — небольшая американская курьерская компания XIX в., поддерживавшая конную почту в Северной Америке.

Клод Эру не предстал перед судом за то, что случилось в «Серебряном долларе» вечером 9 сентября 1905 года, поэтому нет никакой возможности точно узнать, как в ту майскую ночь ему удалось избежать судьбы остальных «смутьянов». Мы только можем высказывать предположения: долгое время прожив в одиночестве, он знал, когда нужно действовать быстро, и, возможно, обладал шестым чувством, которое позволяло предвидеть беду. Но почему тогда он не взял с собой Хартуэлла? Или, возможно, его увели в лес вместе с остальными «агитаторами»? Может, Эру оставили напоследок, и он сумел убежать, когда крики Хартуэлла (приглушенные, потому что рот ему набили его же пальцами) разносились в темноте, вспугивая с гнезд птиц. Узнать это невозможно, точных сведений не получить, но сердцем чувствую — это правильная версия.

Клод Эру стал человеком-призраком. Он заходил в лагерь лесорубов в долине Сент-Джон, вставал в очередь в столовой вместе со всеми, получал полную тарелку, съедал все и уходил, прежде чем кто-нибудь понимал, что он здесь не работает. Несколько недель спустя он появился в пивной Уинтерпорта, говорил о профсоюзе и клялся, что отомстит тем, кто убил его друзей, и в первую очередь Гамильтону Трекеру, Уильяму Мюллеру и Ричарду Боуи. Все они жили в Дерри, их дома с башенками и остроконечными двускатными крышами стоят на Западном Бродвее и поныне. Годы спустя они и их потомки сожгут «Черное пятно».

Можно не сомневаться, что были люди, которые хотели бы избавиться от Клода Эру, особенно после того, как в июне того года заполыхали пожары. Но хотя Эру видели часто, на одном месте он не сидел и как зверь чуял опасность. Насколько мне удалось выяснить, ни одной официальной жалобы на него не подавали, то есть полиция в этом не участвовала. Возможно, существовали опасения, что Эру расскажет лишнее, если его привлекут к суду за поджог.

Какими бы ни были причины, в то жаркое лето вокруг Дерри и Хейвена горели леса. Пропадали дети, количество драк и убийств превысило среднюю норму, и пелена страха накрыла город, такая же реальная, как дым от пожаров, который чувствовался на вершине холма Подъем-в-милю.

Дожди наконец-то пошли первого сентября, и лило целую неделю. Центр Дерри затопило, что никого удивить не могло, но большие дома на Западном Бродвее стояли высоко над центром города, и в некоторых из этих домов слышались вздохи облегчения. «*Пусть*

этот безумный канак прячется в лесах всю зиму, если ему того хочется, — возможно, говорили там. — *В это лето он уже ничем не навредит, а до следующего июня, когда подсохнет земля, мы его поймаем*».

Потом наступило 9 сентября. Я не могу объяснить, что тогда произошло; Тарэгуд не может объяснить; насколько мне известно, никто не может. Я могу только описать случившееся.

В «Сонном серебряном долларе» толпились лесорубы, пили пиво, закусывали. Снаружи сгущались сумерки, чтобы перейти в туманный вечер. В Кендускиге вода поднялась высоко, она отливала тусклым серебром, заполняя Канал от края до края, и, согласно Эгберту Тарэгуду, дул сильнейший ветер: «*такей, хто хачем натить дыу в твоить шанах и отавать усе, хто там хесть*». Улицы превратились в болота. За одним из столов в глубине зала люди Уильяма Мюллера играли в карты. Мюллер был совладельцем железной дороги и лесных массивов площадью в миллионы акров, и люди, что сидели за покрытым клеенкой столом, отчасти были лесорубами, отчасти — железнодорожными рабочими, а по существу — головорезами. Двое из них, Тинкер Маккатчеон и Флойд Колдервуд, отсидели в тюрьме. Компанию им составляли Латроп Раундс (прозвище у него было Эль-Катук, такое же малопонятное, как и название гостиницы «Плавающий пес»), Дэвид Грениер, по прозвищу Стагли, и Эдди Кинг, бородач в очках, таких же толстых, как его пузо. Вполне возможно, что они, среди прочих, два с половиной последних месяца разыскивали Клода Эру. И с той же вероятностью можно предположить, хотя доказательств нет, что они участвовали в майской разборке, после которой Хартуэлла и Бикфорда нашли в реке.

По словам Тарэгуда, народу в пивной хватало. Десятки людей пили пиво, ели и плевали на грязный, посыпанный опилками пол.

Дверь открылась, и вошел Клод Эру с обоюдоострым лесорубским топором в руке. Протолкнулся к стойке, локтями освободив себе место. Эгберт стоял слева от него. И, по его словам, пахло от Эру, как от тушеного лесного хорька. Бармен принес Эру стакан пива, два сваренных вкрутую яйца в миске и солонку. Эру расплатился купюрой в два доллара, получил сдачу, доллар и восемьдесят пять центов, засунул деньги в один из карманов с клапаном лесорубской куртки. Посолил яйца и съел их. Посолил пиво, выпил, рыгнул.

— Снаружи места больше, чем внутри, Клод, — добродушно заметил Тарэгуд, словно половина стражей порядка северного Мэна не гонялись за Эру тем летом.

— Знаешь, это правда, — ответил Эру, только, учитывая, что он был канаком, получилось у него, вероятно, так: «Ты шнаеть, тета прафта».

Он заказал второй стакан, выпил, снова рыгнул. Разговоры у стойки продолжались, никакой тебе тишины, как в вестерне, когда в салун входит плохой или хороший парень и со зловещим видом направляется к бару. Несколько человек поздоровались с ним. Клод кивал им, махал рукой, но не улыбался. Тарэгуд говорил, что выглядел Эру так, словно пребывал в полутрансе. За столом в глубине зала продолжалась игра в покер. Эль-Катук сдавал карты. Никто не удосужился сказать игрокам, что Клод Эру в баре — хотя их столик находился в каких-то двадцати футах от стойки, а поскольку имя Клода несколько раз выкрикивалось людьми, которые его знали, трудно представить себе, как они продолжали играть, словно не подозревая о потенциально смертельной угрозе, какую таило в себе его присутствие. Но они продолжали.

Допив второй стакан пива, Эру попрощался с Тарэгудом, подхватил топор и двинулся к столу, за которым люди Мюллера играли в пятикарточный стад-покер. Там он начал рубить.

Флойд Колдервуд как раз налил себе стакан ржаного виски и ставил бутылку на стол, когда подошел Эру и отрубил Колдервуду кисть. Колдервуд посмотрел на свою кисть и закричал: она все еще держала бутылку, но внезапно перестала к чему-либо присоединяться, оканчиваясь обрубками хрящей и рассеченными венами. На мгновение пальцы отрубленной кисти еще крепче сжали бутылку, а потом кисть упала на стол, как дохлый паук. Из запястья хлынула кровь.

В баре кто-то потребовал пива, а еще кто-то спросил бармена, которого звали Джонеси, по-прежнему ли тот красит волосы.

— Никогда их не красил, — раздраженно ответил Джонеси; он гордился своими волосами.

— А одна шлюха у «Ма Кортни» говорит, что волосы у тебя вокруг шланга белые, как снег, — гнул свое лесоруб, спросивший о волосах.

— Она наврала, — ответил Джосели.

— Скинь портки и дай нам посмотреть, — предложил еще один лесоруб по фамилии Фолкленд, с которым пил Эгберт Тарэгуд, прежде чем пришел Эру. Фраза эта вызвала всеобщий смех.

А позади них вопил Флойд Колдервуд. Несколько мужчин, привалившихся к стойке, мимоходом оглянулись, аккурат в тот момент,

когда Клод Эру вонзал топор в голову Тинкера Маккатчеона. Тинкер, мужчина крупный, с седеющей бородой, приподнялся — кровь потоками стекала по лицу — и снова сел. Эру выдернул топор из головы Тинкера. Тот начал подниматься вновь, и Эру ударил еще раз, теперь уже в спину. Звук раздался такой, говорил Тарэгуд, словно выстиранное белье бросили на коврик. Тинкер повалился на стол, карты выпали из его руки.

Другие игроки кричали и вопили. Колдервуд орал в голос, пытаясь зажать левой рукой правую, из обрубка которой хлестала кровь. У Стагли Грениера, по словам Тарэгуда, был пистолет-в-сумке (то есть в плечевой кобуре), и он пытался ухватиться за рукоятку, но никак не получалось. Эдди Кинг попробовал встать и свалился со стула, упал на спину. Прежде чем он успел подняться, Эру уже стоял над ним, вскинув над головой топор. Кинг закричал и поднял вверх обе руки, моля о пощаде.

— Пожалуйста, Клод, я только женился в прошлом месяце! — крикнул Кинг.

Топор пошел вниз, его лезвие почти целиком ушло в толстое брюхо Кинга. Брызги крови взлетели до потолочных балок «Доллара». Эдди на спине начал отползать от стола. Клод выхватил из него топор, как выхватывает из дерева мягкой породы опытный лесоруб, покачав из стороны в сторону, чтобы ослабить сжимающую хватку древесины. Освободив, вновь вскинул над головой. Опустил, и Эдди Кинг перестал кричать. Клод Эру с ним, однако, не закончил; принялся рубить в щепу для растопки.

За стойкой разговор переключился на грядущую зиму. Вераон Стэнчфилд, фермер из Пальмиры, утверждал, что зима будет мягкой. Исходил из принципа — чем больше дождя осенью, тем меньше снега зимой. Элфи Ноглер, ферма которого находилась на Ноглер-роуд в Дерри (ее уже нет; там, где Элфи Ноглер выращивал горох, и фасоль, и свеклу, теперь ответвление — длиной 8,8 мили — шестиполосной автострады), с ним не соглашался. Элфи заявлял, что зима будет о-го-го. Он насчитывал аж восемь колец на некоторых гусеницах бабочки «монарх». Третий мужчина предвещал гололед. Четвертый — грязь. Конечно же, вспомнили и ураган 1901 года. Джонеси наполнял стаканы пивом и раздавал миски с крутыми яйцами. За их спинами продолжались крики и лились реки крови.

В этот самый момент моего разговора с Тарэгудом я выключил диктофон и спросил его:

— Как такое могло случиться? Как мне понимать ваши слова? Вы не знали, что происходит, или знали, но предпочитали не вмешиваться, или как?

Подбородок Тарэгуда уткнулся в верхнюю пуговицу его заляпанной едой жилетки. Брови сдвинулись. Он долго, долго молчал. Стояла зима, и я слышал — очень тихие — крики и смех детей, катающихся с высокой горки в Маккэррон-парк. Пауза в комнатке Тарэгуда, маленькой, заставленной мебелью, пропахшей лекарствами, так затянулась, что я уже хотел повторить вопрос, когда он ответил:

— Мы знали. Но это не имело значения. В каком-то смысле это напоминало политику. Ага, в каком-то смысле. Как и управление городом. Лучше всего не мешать заниматься политикой или городскими делами людям, которые в этом разбираются. Не надо рабочему человеку в это вмешивается. Пользы не будет.

— Вы действительно говорите о судьбе или просто боитесь прямо сказать об этом? — внезапно спросил я. Вопрос буквально вылетел из меня, и я не ожидал, что Тарэгуд, старый, и тугодум, и малограмотный, ответит... но он ответил, и его ответ меня не удивил.

— Ага. Вероятно, говорю.

Я снова включил диктофон.

Пока мужчины у стойки толковали о погоде, Клод Эру продолжал махать топором. Стагли Грениер наконец-то сумел вытащить свой пистолет-в-сумке. Топор в очередной раз опускался на Эдди Кинга, уже порубленного в капусту. Пуля после выстрела Грениера попала в топор и, выбив искру, отскочила с жалобным воем.

Эль-Катук поднялся и попытался попятиться. В руке он все еще держал колоду, из которой сдавал. Карты начали вываливаться из его руки, падали на пол. Клод двинулся за ним. Эль-Катук вскинул руки. Грениер выстрелил еще раз, и пуля прошла футах в десяти от Эру.

— Остановись, Клод, — взмолился Эль-Катук. По словам Тарэгуда, он вроде бы попытался улыбнуться. — Меня с ними не было. Я в этом не участвовал.

Эру что-то прорычал.

— Я был в Миллинокете, — взвизгнул Эль-Катук. — Я был в Миллинокете, клянусь именем матери! Спроси кого хочешь, если не веришь мне...

Клод поднял топор, с которого капала кровь, и Эль-Катук бросил оставшиеся карты ему в лицо. Топор опустился со свистом. Эль-

Катук увернулся от удара. Топор вонзился в вагонку, которой была обита задняя стена зала. Эль-Катук попытался убежать. Эру вытащил топор из стены и ткнул между лодыжек Эль-Катука. Тот повалился на пол. Стагли Грениер снова выстрелил в Эру, на этот раз более удачно. Он целил в голову обезумевшего лесоруба; пуля пробила мягкие ткани бедра.

Тем временем Эль-Катук торопливо полз к двери, волосы падали ему на лицо. Эру опять взмахнул топором, оскалив зубы, что-то бормоча, и мгновение спустя отрубленная голова Катука, с торчащим между зубами языком, покатилась по засыпанному опилками полу. Голова остановилась у сапога лесоруба по фамилии Варни, который провел в «Долларе» большую часть дня и уже так набрался, что не соображал, на земле он или на море. Варни пнул голову, даже не посмотрев, что это, и крикнул Джонеси: «Пива!»

Эль-Катук прополз еще три фута — кровь хлестала из шеи, словно из трубы высокого давления, — прежде чем понял, что он мертв, и только тогда затих. Оставался только Стагли. Эру повернулся к нему, но тот уже вбежал в сортир и запер дверь.

Эру пустил в ход топор, крича и беснуясь, на губах выступила пена. Когда он ворвался в сортир, то Стагли там не нашел, хотя в маленьком, с дырявой крышей помещении не было ни одного окна. Эру на мгновение застыл, наклонив голову, с забрызганными кровью и слизью руками, а потом, взревев, откинул сиденье с тремя дырками. И успел увидеть сапоги Стагли, исчезающие под доской, за которой находилась внешняя часть выгребной ямы. Через несколько мгновений Стагли уже бежал по Биржевой улице под дождем, в говне с головы до пят, крича, что его убивают. Он пережил резню в «Серебряном долларе», единственный из всех, кто сидел за тем столом, но выдержал только три месяца шуточек о том, как он спасся, и навсегда уехал из Дерри.

Эру вышел из сортира и остановился перед ним, словно бык после атаки, опустив голову, держа топор перед собой. Он тяжело дышал, ошметки чужих мозгов облепили его до самой макушки.

— Закрой дверь, Клод, из этого сральника воняет хуже некуда! — крикнул ему Тарэгуд.

Клод выронил топор на пол и закрыл дверь. Потом направился к столу, за которым сидели его жертвы, пинком отшвырнул попавшуюся на пути отрубленную ногу Эдди Кинга, сел и обхватил голову руками. Мужчины у стойки вернулись к выпивке и пре-

рванным разговорам. Пять минут спустя в пивной появились новые люди, среди них три помощника шерифа (старшим был отец Лола Мейкена, но с ним случился сердечный приступ, когда он увидел всю эту кровищу, и его пришлось увезти к доктору Шрэтту). Клода Эру увели. Он не сопротивлялся, скорее спал, чем бодрствовал.

В тот вечер все бары на Пекарной и Биржевой улицах гудели, переваривая новость о резне в «Серебряном долларе». Праведная пьяная ярость начала набирать силу, и после закрытия баров более семидесяти человек направились в центр города, где находилась тюрьма и здание суда. Они несли с собой факелы и фонари. Некоторые захватили ружья, другие — топоры, третьи — кондаки.

Шериф округа собирался вернуться из Бангора только к полудню следующего дня, так что в городе его не было, а Гус Мейкен лежал в лазарете доктора Шрэтта с сердечным приступом. Два помощника шерифа, которые сидели в участке и играли в криббидж, услышали приближающуюся толпу и тут же смылись. Пьяницы ворвались в тюрьму и выволокли Клода Эру из камеры. Он особо не протестовал, заторможенный и безучастный.

Они пронесли его на своих плечах, как героя футбольного матча; пронесли его до Канальной улицы; там линчевали, повесив на старом вязе, крона которого нависала над Каналом. «*Он настолько был не в себе, что и дернулся-то только пару раз*», — сказал Тарэгуд. И, если верить городским архивам, кроме Клода Эру, в этой части Мэна никого никогда не линчевали. Нет нужды говорить, что в «Дерри ньюс» об этом не написали ни слова. Многие из тех, кто спокойно продолжал пить, пока Эру махал топором в «Серебряном долларе», приняли деятельное участие в его казни. К полуночи настроение их заметно переменилось.

Я задал Тарэгуду последний вопрос: видел ли он в тот изобилующий насилием день человека, которого не знал? Который показался ему странным, неуместным, забавным, каким-то клоуном? Который мог пить в баре днем, а ближе к вечеру приняться подзуживать остальных, когда пьянка продолжалась и пошли разговоры о суде Линча?

— Может, и видел, — ответил Тарэгуд. К тому времени он устал, клевал носом, ему хотелось спать. — Только было это давно, мистер. Очень и очень давно.

— Но вы что-то помните.

— Помню, я подумал, что где-то под Бангором проводится окружная ярмарка. В тот вечер я пил пиво в «Бадье крови». «Бадью» и «Серебряный доллар» разделяли шесть домов. Там был один парень... смешной такой... делал сальто и кувыркался... жонглировал стаканами... показывал трюки... прикладывал четыре десятицентовика ко лбу и они там оставались... забавно, знаешь ли...

Его костлявый подбородок вновь упал на грудь. Он собирался заснуть у меня на глазах. Слюна начала пузыриться в уголках его рта, где морщинок было никак не меньше, чем складок на женском кошельке.

— И потом видел его, — добавил Тарэгуд. — Подумал, что он очень уж хорошо провел тот вечер... и решил остаться.

— Да, он тут уже давно, — кивнул я.

Мне ответил едва слышный храп. Тарэгуд уснул в своем кресле, стоящем у окна, с порошками и таблетками, выстроившимися на подоконнике, как солдаты старости на плацу. Я выключил диктофон, какое-то время посидел с ним, этим странным путешественником во времени из 1890 (или около того) года, который помнил, какой была Америка без автомобилей, электрических фонарей, самолетов и штата Аризона. Пеннивайз уже тогда жил здесь, гнал их по тропе к еще одному знаковому жертвоприношению — всего лишь одному из многих в длинной череде знаковых жертвоприношений, которые совершались в Дерри. Это, совершенное в сентябре 1905 года, положило начало очередному периоду ужаса, который включил в себя и взрыв Металлургического завода Китчнера на Пасху следующего года.

Вот тут возникают интересные (и, насколько я понимаю, жизненно важные) вопросы. К примеру, чем в действительности питается Оно? Я знаю, что некоторых из детей частично съели — на них нашли следы зубов — но, возможно, мы сами побуждаем Оно это делать? Конечно же, нас учили с самого раннего детства: монстр тебя съест, если поймает в лесной чаще. Это, вероятно, самое худшее, что мы можем себе представить. Но ведь монстры живут нашей верой, так? Меня неудержимо ведет к этому выводу. Пища — это, возможно, жизнь, но источник силы — не пища, а вера. И кто, как не ребенок, способен поверить безоговорочно?

Но есть проблема — дети растут. В церкви власть веры увековечивается и обновляется периодическими ритуальными действиями. В Дерри, похоже, эта власть увековечивается и обновляется

теми же периодическими и ритуальными действиями. Может такое быть, что Оно защищает себя одним простым фактом: когда дети вырастают и становятся взрослыми, они или совсем не способны верить, или их вера ослаблена неким артритом души и воображения?

Да, я думаю, в этом весь секрет. И если я позвоню, как много они вспомнят? Сколь многому поверят? Этого хватит, чтобы раз и навсегда покончить с этим ужасом, или только — чтобы убить их всех? *Их призывают* — я это знаю точно. Каждое убийство в новом цикле — это зов. Мы дважды почти что убили Оно, и в конце загнали в самые глубины лабиринта тоннелей и вонючих каверн под городом. Но, мне представляется, Оно знает другой секрет: хотя Оно, возможно, бессмертно (или почти бессмертно), мы-то нет. Оно нужно только подождать, пока акт веры, который превратил нас в потенциальных убийц монстра, а также в источник силы, станет невозможным. Двадцать семь лет. Может, для Оно этот период — то же, что для нас короткий и освежающий дневной сон. И Оно просыпается таким же, каким и засыпало, а мы тем временем оставляем позади треть жизни. Наши перспективы сузились; наша вера в магию, благодаря которой магия и возможна, потускнела, как блеск кожи новой пары туфель после того, как походишь в них целый день.

Зачем призывать нас назад? Почему просто не дать нам умереть? Думаю, потому что мы почти убили Оно, потому что испугали. Потому что Оно хочет отомстить.

И теперь, когда мы больше не верим в Санта-Клауса, в Зубную фею, в Гензеля и Гретель или тролля под мостом, Оно готово разобраться с нами. «*Возвращайтесь*, — говорит Оно. — *Возвращайтесь, давайте доведем до конца начатое в Дерри. Приносите ваши палки, и ваши шарики, и ваши йо-йо! Мы поиграем. Возвращайтесь, и мы посмотрим, помните ли вы самое простое: каково это — быть детьми, которые верят без оглядки, а потому боятся темноты*».

Это чистая правда, не на сто, а на тысячу процентов: я испуган. Чертовски испуган.

Часть 5

РИТУАЛ ЧУДЬ

Этого не сделать. От протечек
Прогнили занавески. Петли
Разошлись. Освободи плоть
От машины, не строй больше
Мостов. Сквозь какой воздух
Полетишь ты, связывая континенты? Пусть слова
Падают, как им угодно — тогда они, возможно,
Найдут любовь. То будет редкое
Испытание. Они хотят спасти так много,
Потоп сделал свою работу

«Патерсон» Уильям Карлос Уильямс

Смотри и помни. Смотри на эту землю.
Далеко, далеко, через фабрики и траву,
Конечно, конечно, они позволят тебе пройти.
Заговори тогда и спроси и лес, и песок:
Что вы слышите? Что говорит земля?
Землю забрали: это не твой дом.

*«Лекция о путешествии для изгнанников». Карл Шапиро**

---

* Шапиро, Карл Джей (1913—2000) — известный американский поэт. Лауреат Пулитцеровской (1945) и многих других литературных премий.

Глава 19
НОЧНЫЕ БДЕНИЯ

1
Публичная библиотека Дерри — 1:15

После того как Бен Хэнском закончил историю серебряных крутляшей, они хотели поговорить, но Майк сказал, что всем пора спать.

— На сегодня с вас хватит. — Да, по Майку чувствовалось, что ему хватило: лицо усталое, осунувшееся, и Беверли подумала, что выглядит он больным.

— Но мы не закончили, — возразил Эдди. — Как насчет остального? Я по-прежнему не помню...

— Майк п-п-прав, — оборвал его Билл. — Или мы все вспомним, или не-ет. Я думаю, в-вспомним. Мы уже вспомнили все, что т-требовалось.

— Может, все, что нам на пользу? — предположил Ричи.

Майк кивнул:

— Мы встретимся завтра. — Он посмотрел на часы. — То есть уже сегодня.

— Здесь? — спросила Беверли.

Майк медленно покачал головой.

— Я предлагаю встретиться на Канзас-стрит. Там, где Билл обычно прятал велосипед.

— Мы пойдем в Пустошь. — Эдди содрогнулся.

Майк снова кивнул.

Несколько мгновений все молча переглядывались, потом Билл встал. Остальные последовали его примеру.

— Я хочу, чтобы остаток ночи вы проявляли предельную осторожность, — продолжил Майк. — Оно побывало здесь, и может появиться там, где окажетесь вы. Но после этой встречи настроение у меня поднялось. — Он посмотрел на Билла. — Я бы считал, что еще не все потеряно, так, Билл?

Билл согласно кивнул:

— Да. Думаю, все еще можно сделать.

— Оно тоже это знает, — продолжил Майк. — И Оно приложит все усилия, чтобы изменить расклад в свою пользу.

— И что нам делать, если покажется Оно? — спросил Ричи. — Заткнуть нос, закрыть глаза, три раза обернуться кругом и думать о хорошем? Сыпануть какого-нибудь волшебного порошка в лицо Оно? Спеть песню из репертуара Элвиса Пресли? Что?

Майк покачал головой:

— Если бы я мог вам сказать, никаких проблем бы и не было, так? Я только знаю, что есть другая сила — во всяком случае, была в нашем детстве, которая хотела, чтобы мы остались живы и сделали эту работу. Может, она все еще здесь. — Он пожал плечами устало, чуть ли не обреченно. — Я думал, что двое, может, трое из вас вечером в библиотеке не появятся. Либо смоются, либо погибнут. Но вы пришли все, и надежды у меня прибавилось.

Ричи посмотрел на часы:

— Четверть второго. Как быстро летит время, если хорошо его проводишь, так, Стог?

— Бип-бип, Ричи. — Бен сухо улыбнулся.

— Беверли, хочешь пройтись со мной до «Та-а-аун-хауса»? — спросил Билл.

— Хорошо. — Она уже надевала куртку. Библиотека стала какой-то слишком тихой, кутающейся в тенях, пугающей. Билл вдруг почувствовал, как напряжение двух последних дней разом дало о себе знать, навалившись на плечи. Будь это просто усталость, он бы воспринял это как должное, но нет, к усталости добавилось ощущение, что у него едет крыша, что он грезит наяву, впадает в паранойю. Не отпускала мысль, что за ним наблюдают. «*Может, меня здесь и нет*, — подумал он. — *Может, я в лечебнице для душевнобольных доктора Сьюарда, по соседству — развалины графского дома, а в палате по другую сторону коридора — Ренфилд, он со своими му-*

хами и я со своими монстрами, мы оба уверены, что вечеринка продолжается, и одеты соответственно, только не во фраки, а в смирительные рубашки».

— А ты, Ри-ичи?

Ричи покачал головой.

— Я позволю Стогу и Каспбрэку проводить меня домой. Так, парни?

— Конечно, — кивнул Бен, коротко глянул на Беверли, которая стояла вплотную к Биллу, и почувствовал боль, уже, казалось, забытую. Новое воспоминание появилось на грани сознания, на расстоянии вытянутой руки — и тут же уплыло.

— Как насчет тебя, Ма-а-айк? — спросил Билл. — Хочешь пройтись со м-мной и Бев?

Майк покачал головой:

— Мне надо...

И тут Бев закричала, ее пронзительный вопль разорвал воцарившееся в библиотеке спокойствие. Сводчатый купол подхватил крик, и эхо, как смех баньши, заметалось, захлопало крыльями вокруг них.

Билл повернулся к ней; Ричи выронил пиджак спортивного покроя, который снимал со спинки стула; послышался звон разбивающегося стекла: невольным движением руки Эдди смахнул на пол пустую бутылку из-под джина.

Беверли пятилась от них, вытянув перед собой руки, ее лицо побледнело как полотно, глаза вылезли из орбит.

— Мои руки! — прокричала она. — Мои руки!

— Что... — начал Бен — и увидел кровь, медленно капающую между её трясущихся пальцев. Он двинулся к ней и внезапно почувствовал, как на руках появились линии болезненного тепла. Боль не была острой, скорее напоминала боль, которая ощущается в старой зажившей ране.

Шрамы на ладонях, которые появились в Англии, вскрылись и кровоточили. Он повернул голову и увидел Эдди Каспбрэка, тупо уставившегося на свои руки. Они тоже кровоточили. Как и руки Майка. И Ричи. И Бена.

— Мы в этом до самого конца, так? — спросила Беверли. Она заплакала. И этот звук усилился застывшей пустотой библиотеки. Казалось, здание плакало вместе с ней. Билл подумал, что сойдет с ума, если ему придется слишком долго слушать этот плач. — Да поможет нам Бог, мы в этом до самого конца. — Рыдание сорвалось

с ее губ, из носа потекли сопли. Беверли вытерла их тыльной стороной ладони, и новые капли крови упали на пол.

— Бы-ы-ыстро! — Билл схватил Эдди за руку.

— Что?..

— Быстро!

Он протянул другую руку, и через мгновение Беверли взялась за нее. Она по-прежнему плакала.

— Да. — Выглядел Майк оцепенелым, заторможенным. — Да, это правильно, так? Все начинается снова, правда, Билл? Все начинается снова.

— Д-да, я ду-умаю...

Майк взял другую руку Эдди, и Ричи взял другую руку Беверли. Мгновение Бен смотрел на них, а потом, словно во сне, поднял окровавленные руки и встал между Майком и Ричи. Схватил их за руки. Круг замкнулся.

(*Чудь это ритуал Чудь и Черепаха не может нам помочь*)

Билл попытался вскрикнуть, но ни звука не сорвалось с его губ. Он увидел, что голова Эдди запрокинулась, жилы на шее вздулись. Бедра Беверли крутанулись дважды, яростно, словно в оргазме, коротком и резком, как выстрел пистолета двадцать второго калибра. Губы Майка странно шевельнулись. Словно он хотел одновременно засмеяться и скорчить гримасу. В тишине библиотеки захлопали открывающиеся и закрывающиеся двери, звуком напоминая катящиеся шары для боулинга. В зале периодики журналы взлетели, подхваченные безветренным ураганом. В кабинете Кэрол Дэннер ожила пишущая машинка и принялась печатать в бешеном темпе:

черезсумрак
столббелеет
вполночьпризрак
столбенеетчерезсумракстолббелеетвполночь

Каретку заклинило. Пишущая машинка зашипела, послышалась электронная отрыжка, будто внутри все перегорело. Во втором секторе стеллаж с книгами по оккультизму вдруг наклонился, сбросив на пол произведения Эдгара Кейси*, Нострадамуса, Чарльза Форта** и апокрифы.

---

* Кейси, Эдгар (1877—1945) — американский ясновидящий и врачеватель.

** Форт, Чарльз Гой (1874—1932) — американский исследователь «непознанного», составитель справочников по сенсациям, публицист, предтеча современного уфологического движения.

Билл почувствовал нарастающее ощущение силы. Смутно осознавал, что у него встал член и поднялись дыбом волосы на голове. Замкнутый круг силу генерировал невероятную.

Все двери в библиотеке разом захлопнулись.

Старинные часы за столом библиотекаря ударили один раз.

А потом все ушло, будто кто-то щелкнул выключателем.

Они опустили руки, переглянулись, окончательно еще не придя в себя. Никто не произнес ни слова. И пока ощущение силы уходило, Билл почувствовал, как его охватывает обреченность. Он взглянул на их бледные, напряженные лица, потом на свои руки. Кровь запачкала ладони, но раны, которые нанес Стэнли Урис зазубренным осколком бутылки из-под колы в августе 1958 года, вновь закрылись, оставив только белые шрамы, похожие на веревки с завязанными на них узлами. Билл подумал: «*Тогда мы в последний раз собрались всемером... в тот день, когда Стэн резал нам руки в Пустоши. Стэна нет; он мертв. И это последний раз, когда мы что-то делаем вшестером. Я это знаю, чувствую*».

Беверли, дрожа, прижалась к нему. Билл обнял ее. Они все смотрели на него, их глаза в полумраке казались огромными и блестящими, во всей комнате островком света выделялся только длинный стол, за которым они сидели, заставленный пустыми бутылками, стаканами и пепельницами, набитыми окурками.

— Достаточно. — Билл осип. — На сегодня веселье заканчиваем. Бальные танцы переносятся на другой раз.

— Я вспомнила. — Беверли, с мокрыми от слез бледными щеками, вскинула на Билла огромные глаза. — Я вспомнила все. Мой отец прознал о вас. Погоня. Бауэрс, и Крисс, и Хаггинс. Как я бежала. Тоннель... птицы... Оно... Я помню все.

— Да, — подал голос Ричи. — Я тоже.

Эдди кивнул:

— Насосная станция...

— И как Эдди... — прервал его Билл.

— Расходимся, — подвел черту Майк. — Отдохните. Уже поздно.

— Пошли с нами, Майк, — предложила Беверли.

— Нет. Мне надо все запереть. И я хочу кое-что записать. Если угодно, протокол собрания. Много времени это не займет. Вы идите.

Они двинулись к двери, особо не разговаривая. Билл и Беверли шли рядом, Эдди, Ричи и Бен — чуть позади.

Билл открыл и подержал дверь, пропуская Беверли. Она поблагодарила его, и, когда выходила на гранитные ступени, Билл подумал, какой юной она выглядит, какой ранимой... С ужасом понял, что может вновь влюбиться в нее. Попытался подумать об Одре, но Одра осталась так далеко. Сейчас, наверное, она спала в их доме во Флите, где как раз вставало солнце, и молочник уже начал развозить молоко.

Небо над Дерри вновь затянули облака, и на пустой улице густыми полосами лежал низкий туман. Перед собой они видели Общественный центр, узкий, высокий, викторианский, окутанный темнотой. Билл подумал: «*Что бы ни бродило по Общественному центру, оно бродило в одиночестве*»*. Ему пришлось подавить безумный смешок. Их шаги отдавались как-то слишком громко. Рука Беверли робко коснулась его руки, и Билл с благодарностью сжал ее.

— Все началось до того, как мы успели подготовиться, — сказала она.

— А мы ко-огда-нибудь успевали по-одготовиться?

— Ты успевал, Большой Билл.

Прикосновение ее руки вдруг стало восхитительным и жизненно необходимым. Он задался вопросом, а каково это, коснуться ее грудей второй раз в жизни, и предположил, что он все узнает уже сегодня ночью. Более полные, зрелые... и его рука найдет волосы, когда накроет ее возвышающийся лобок. Он подумал: «*Я любил тебя, Беверли... я люблю тебя. Бен любил тебя... он любит тебя. Мы любили тебя тогда... мы любим тебя теперь. И нам надо крепче любить тебя, потому что все началось. И пути назад нет*».

Он оглянулся и увидел библиотеку, от которой их отделяли полквартала. Ричи и Эдди стояли на верхней ступени; Бен — у нижней, глядя им вслед. Руки он засунул в карманы, стоял, ссутулившись, и, искаженный смещающимися линзами низкого тумана, мог сойти за одиннадцатилетнего. И Билл, если бы мог, послал бы Бену такую мысль: «*Это не важно, Бен. Любовь имеет значение, забота... желание — да, время — нет. Может, это все, что мы можем взять*

* Билл чуть видоизменяет фразу из романа американской писательницы Ширли Джексон (1916—1965) «Приведение Хилл-Хауса» (1959): «Что бы ни бродило по Хилл-Хаусу, оно бродило в одиночестве».

с собой, когда уйдем из-под синевы в темноту. Слабое утешение, но все лучше, чем никакого».

— Мой отец узнал, — внезапно заговорила Беверли. — Как-то днем я пришла из Пустоши, и он только-только узнал. Я рассказывала вам, что он говорил мне, когда злился?

— Что?

— «Ты меня тревожишь, Бевви». Вот что он говорил. «Ты очень меня тревожишь». — Она рассмеялась и содрогнулась. — Я думаю, он собирался причинить мне боль, Билл. Я хочу сказать, он и раньше причинял мне боль, но в последний раз все было иначе. Он... во многом человеком он был странным. Я любила его. Я очень его любила, но...

Она посмотрела на него, возможно, ожидая, что он произнесет за нее это слово. Он не произнес; слово это ей предстояло произнести самой, раньше или позже. Ложь и самообман — балласт, который они не могут себе позволить.

— Я его и ненавидела. — И ее рука на долгую секунду сжала руку Билла. — За всю жизнь я никому этого не говорила. Я думала, Бог тут же убьет меня, если скажу такое вслух.

— Тогда скажи еще раз.

— Нет, я...

— Давай. Будет больно, но, возможно, этот нарыв созревал уже слишком долго.

— Я ненавидела моего отца. — И она зарыдала. — Ненавидела его, боялась его, никогда не была для него достаточно хорошей и ненавидела его, ненавидела, но и любила.

Билл остановился, крепко прижал ее к себе. И ее руки обхватили его в паническом объятии. Слезы оросили ему шею. Он ощущал ее тело, налитое и упругое. Чуть отстранился, не хотел, чтобы она почувствовала его вставший член... но она придвинулась к нему.

— Мы провели там все утро, — продолжила Беверли, — играли в салки или во что-то еще. Совершенно невинное. В тот день мы даже не говорили об Оно, по крайней мере тогда... а обычно мы говорили об Оно каждый день, в какой-то момент. Помнишь?

— Да, — кивнул он. — В какой-то мо-омент. Помню.

— Небо затянуло тяжелыми облаками... стояла жара. Мы играли все утро. Я пришла домой где-то в половине двенадцатого.

Думала съесть сандвич и тарелку супа после того, как приму душ. А потом вернусь в Пустошь и еще поиграю. Мои родители в тот день работали. Но, как выяснилось, он был дома. Он был дома. И он...

2

Нижняя Главная улица – 11:30

...швырнул ее через гостиную, едва она переступила порог. Удивленный крик вырвался у нее и смолк, когда Беверли ударилась о стену с такой силой, что онемело плечо. Она плюхнулась на продавленный диван. Дверь в коридор с грохотом захлопнулась. За дверью стоял ее отец.

— Ты меня тревожишь, Бевви. Иногда ты очень меня тревожишь. Ты это знаешь. Я тебе об этом говорю, так? Ты знаешь, что говорю.

— Папа, что...

Он медленно шел к ней через гостиную с задумчивым, грустным, беспощадным лицом. Не хотелось ей видеть эту беспощадность, но она там была, пленка грязи на стоячей воде. Он рассеянно покусывал костяшки пальцев правой руки, одетый в брюки и рубашку цвета хаки. А посмотрев вниз, Беверли заметила, что его высокие ботинки оставляют следы на ковре ее матери. «*Мне придется его пылесосить*, — бессвязно подумала она. — *Пылесосить. Если он не изобьет меня до такой степени, что я не смогу взяться за пылесос. Если он...*»

Грязь. Черная грязь. Мысленно она отвлеклась от происходящего, в голове звякнул тревожный звонок. Она была в Пустоши с Биллом, Ричи, Эдди и остальными. В Пустоши есть место с такой вот черной, вязкой грязью, какая налипла на ботинки отца, болотистое место, где растет рощица скелетообразных белых растений, которые Ричи называет бамбуком. Когда дул ветер, стволы глухо стукались друг о друга, издавая звуки, похожие на бой барабанов вуду, и неужто ее отец побывал в Пустоши? Неужто ее отец...

ШМЯК!

Его рука опустилась и ударила ее по лицу. Затылком она ударилась о стену. Он засунул большие пальцы за ремень, смотрел на

нее, и на лице читалось отстраненное любопытство. Беверли почувствовала, как из левого уголка нижней губы течет струйка теплой крови.

— Я видел, ты становишься большой. — Она подумала, что он скажет что-то еще, но пока он решил этим ограничиться.

— Папа, я не понимаю, о чем ты? — спросила она тихим дрожащим голосом.

— Если ты соврешь мне, я изобью тебя до полусмерти, Бевви, — предупредил он, и она с ужасом осознала, что смотрит он не на нее, а на репродукцию издательства «Карриер-энд-Айвс», которая висела на стене над диваном. Мысленно она вновь отвлеклась, на этот раз перенеслась в прошлое. *Ей четыре года, она сидит в ванне с синей пластмассовой лодкой и фигурным мылом — моряком Папаем; ее отец, такой большой и так горячо любимый, опустился на колени рядом с ванной, в серых хлопчатобумажных штанах и полосатой футболке, в одной руке у него мочалка, в другой — стакан с апельсиновой газировкой. Он мылит ей спину и говорит: «Дай мне взглянуть на твои ушки, Бевви; твоя мамуля хочет ими поужинать». И она слышит, как маленькая Бевви смеется, глядя снизу вверх на его доброе лицо, которое, как ей представляется, останется таким навсегда.*

— Я... я не буду лгать, папочка. Что случилось? — Он расплылся у нее перед глазами, потому что потекли слезы.

— Ты была в Пустоши с мальчишками?

Ее сердце бухнуло, взгляд вновь упал на заляпанные грязью ботинки. Это черная, прилипчивая грязь. Если ступить в нее слишком глубоко, она сдернет с тебя кроссовку или туфлю... и оба, Ричи и Билл, не сомневались, что чуть дальше начинается трясина, которая может засосать человека целиком.

— Я иногда играю там с...

Шмяк! Ладонь, жесткая от мозолей, вновь опустилась. Беверли вскрикнула от боли, испуганная. Выражение его лица пугало ее. Он не смотрел на нее, и это тоже пугало. Что-то с ним было не так. Что-то изменилось к худшему... А если он собирался ее убить? А если он...

(*перестань Беверли он твой ОТЕЦ а ОТЦЫ не убивают ДОЧЕРЕЙ*)

потерял над собой контроль? А если?..

— Что ты позволяла им с собой делать?

— Делать? Что?.. — Она понятия не имела, о чем он.

— Снимай штаны.

Ее замешательство нарастало. Она не находила связи в том, что он говорил. А от попытки понять его ее замутило как при морской болезни.

— Что... зачем?..

Его рука поднялась, она отпрянула.

— Снимай их, Беверли. Я хочу посмотреть, целая ли ты.

Теперь перед ее мысленным взором возник новый образ, еще более безумный, чем прежние: *она снимает джинсы, и одна нога отваливается вместе с ними. Отец ремнем гоняет ее по комнате, а она пытается упрыгать от него на одной ноге. Папочка кричит: «Я знал, что ты не целая! Я это знал! Знал!»*

— Папочка, я не знаю...

Его рука опустилась, но теперь не отвесила ей оплеуху, а схватила. Сжала плечо с такой силой, что Беверли закричала. Он поднял ее и впервые взглянул ей в глаза. Она снова закричала, увидев, что в них. Увидев... пустоту. Ее отец исчез. И Беверли внезапно осознала, что она в квартире наедине с Оно, наедине с Оно в это сонное августовское утро. Она не ощущала того густого замеса силы и неприкрытого зла, который чувствовала полторы недели назад в том доме на Нейболт-стрит — его как-то разбавила человечность ее отца, — но Оно было здесь, использовало отца.

Он отбросил ее. Она ударилась о кофейный столик, перелетела через него, с криком распласталась на полу. *«Так, значит, это происходит*, — подумала Беверли. — *Я расскажу Биллу, и он будет знать. Оно в Дерри везде. Оно просто... Оно просто заполняет возникающие пустоты, и все дела».*

Она перекатилась на спину. Отец шел к ней. Она поползла от него на пятой точке, волосы падали на глаза.

— Я знаю, что ты там была, — заговорил он. — Мне сказали. Я не поверил. Я не поверил, что моя Беверли может болтаться с мальчишками. Потом увидел сам, сегодня утром. Мою Бевви с мальчишками. Еще нет двенадцати лет, и уже шляется с мальчишками! — Эта последняя мысль вызвала у него новый приступ ярости. Его сухопарую фигуру затрясло, как от электрического разряда. — Еще нет двенадцати лет! — прокричал он и пнул ее в бедро, заставив вскрикнуть от боли. Челюсти щелкнули, вцепившись в этот факт, или идею, или что там означали для него эти слова, как челюсти голодного пса вцепляются в кусок мяса. — Еще нет двенадцати! Еще нет двенадцати! Еще нет ДВЕНАДЦАТИ!

Он вновь пнул ее, Беверли отпрыгнула. Они уже перебрались на кухню. Его ботинок ударил по ящику под плитой, зазвенели стоящие в нем кастрюли и сковородки.

— Не убегай от меня, Бевви. Не делай этого. А не то тебе будет хуже. Поверь мне. Поверь своему отцу. Это серьезно. Болтаться с мальчишками, позволять им делать с тобой незнамо что... если тебе нет двенадцати — это серьезно, Бог — свидетель. — Он схватил ее за плечо и поднял на ноги. — Ты хорошенькая девочка. Есть много людей, которые с радостью обесчестят хорошенькую девочку. И многие хорошенькие девочки хотят, чтобы их обесчестили. Ты была их потаскушкой, Бевви?

Наконец-то она поняла, какую мысль подбросило ему Оно... да только какая-то ее часть знала, что мысль эта давно поселилась у него в голове, и Оно только воспользовалось тем, что лежало под ногами, ожидая, когда поднимут.

— Нет, папочка. Нет, папочка...

— Я видел, как ты курила! — проревел он. На этот раз он ударил ладонью так сильно, что она отлетела к кухонному столу, на который и улеглась спиной. Поясницу пронзила дикая боль. Солонка и перечница полетели на пол. Перечница разбилась. Черные цветы расцвели и исчезли у нее перед глазами. Звуки стали слишком громкими. Она увидела его лицо. Что-то в его лице. Он смотрел на ее грудь. И внезапно она поняла, что блузка вылезла из джинсов, что несколько пуговичек расстегнулись, и что бюстгальтера на ней нет... пока у нее был только один бюстгальтер, «пробный». Мыслями она перенеслась в дом на Нейболт-стрит, где Билл отдал ей свою футболку. Она знала, как выпирают ее груди под тонкой хлопчатобумажной тканью, но брошенные вскользь взгляды мальчишек ее не смущали; они казались совершенно естественными. А взгляд Билла — более чем естественным, теплым и желанным. Пусть даже и опасным.

Теперь же она ощущала вину, смешанную с ужасом. Так ли неправ ее отец? Разве не приходили к ней

(*ты была их потаскушкой*)

такие мысли? Дурные мысли? Те самые, о которых он говорил?

«*Это не то же самое! Это не то же самое, как и*

(ты была их потаскушкой)

взгляд, которым он сейчас смотрит на меня! Не то же самое!»

Она заправила блузку в джинсы.

— Бевви?

— Папочка, мы просто играли, вот и все. Мы играли... Мы... не делали ничего такого... ничего плохого. Мы...

— Я видел, как ты курила, — повторил он, шагнув к ней. Его взгляд скользнул по груди и узким, еще не округлившимся бедрам. Он заговорил нараспев, высоким голосом школьника, который напугал ее еще больше: — Девочка, которая жует жвачку, будет курить! Девочка, которая курит, будет пить! И девочка, которая пьет, все знают, что будет делать такая девочка!

— Я НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЛА! — закричала она, когда его руки легли ей на плечи. Он не сжимал их, не причинял ей боли. Руки были нежными. И почему-то это напугало Беверли больше всего.

— Беверли, — он говорил с неоспоримой, безумной логикой одержимого, — я видел тебя с мальчиками. Теперь ты хочешь сказать мне, что девочка делает с мальчиками в тех зарослях рядом со свалкой совсем не то, что девочка обычно делает, лежа на спине?

— Отстань от меня! — крикнула Беверли. Злость вырвалась из глубокой скважины, о существовании которой она не подозревала. Злость сине-желтым пламенем вспыхнула в голове. Мешала думать. Все те разы, когда он пугал ее; все те разы, когда он стыдил; все те разы, когда он причинял боль. — Просто отстань от меня!

— Не смей так говорить с папочкой. — В его голосе слышалось удивление.

— *Я не делала того, о чем ты говоришь! Никогда не делала!*

— Может, и нет. Может — да. Я собираюсь проверить и убедиться. Я знаю как. Снимай штаны.

— *Нет.*

Его глаза широко раскрылись, обнажив желтоватые белки вокруг темно-синих радужек.

— Что ты сказала?

— Я сказала — нет. — Он смотрел ей в глаза и, возможно, увидел ревущую в них злость, яркий факел бунта. — Кто тебе сказал?

— Бевви...

— Кто тебе сказал, что мы там играем? Незнакомец? Мужчина, одетый в оранжевое и серебристое? В перчатках? Он выглядел, как клоун, пусть даже он и не клоун? Как его звали?

— Бевви, тебе лучше остановиться...

— Нет, это тебе лучше остановиться.

Он взмахнул рукой, не открытой ладонью, а сжатым кулаком, с тем, чтобы врезать так врезать. Бевви присела. Кулак просвистел у нее над головой и ударил в стену. Отец заорал и отпустил ее, сунув кулак в рот. Она попятилась от него маленькими, семенящими шажками.

— *Вернись сюда!*

— Нет. Ты хочешь сделать мне больно. Я люблю тебя, папочка, но я тебя ненавижу, когда ты такой. Больше ты этого сделать не сможешь. Оно заставляет тебя это делать, ты пустил Оно в себя.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, но тебе лучше подойти ко мне. Больше я просить не буду.

— Нет, — ответила Беверли и снова заплакала.

— Не заставляй меня подойти к тебе и привести сюда, Бевви. Ты станешь очень несчастной маленькой девочкой, если я это сделаю. Подойди ко мне.

— Скажи мне, кто тебе сказал, — ответила она, — и я подойду.

Он прыгнул на нее с такой кошачьей быстротой и ловкостью, что она, пусть этого и ждала, едва не попалась. Схватилась за ручку кухонной двери, приоткрыла на щель, в которую смогла проскользнуть, и помчалась по коридору к парадной двери так же быстро, как двадцать семь лет спустя будет убегать от миссис Керш. За ее спиной Эл Марш врезался в дверь, вновь захлопнул ее, по центру появилась трещина.

— *НЕМЕДЛЕННО ВЕРНИСЬ, БЕВВИ!* — проорал он, распахивая дверь и бросаясь за ней.

Парадную дверь закрыли на задвижку: Беверли вошла в квартиру через черный ход. Ее руки тряслись. Одной она пыталась открыть задвижку, другой понапрасну дергала ручку. За спиной вновь заорал отец; звериным

(*снять штаны с потаскушки*)

криком. Наконец она повернула барашек задвижки, и парадная дверь распахнулась.

Горячий воздух ходил взад-вперед по горлу. Беверли обернулась и увидела, что отец совсем рядом, тянется к ней, улыбаясь и корча рожи, с торчащими изо рта лошадиными желтоватыми зубами.

Беверли проскочила через сетчатую дверь и почувствовала, как его пальцы скользнули по ее блузке, ни за что не зацепившись. Она

слетела со ступенек, потеряла равновесие, распласталась на бетонной дорожке, ободрав оба колена.

— *НЕМЕДЛЕННО ВЕРНИСЬ, БЕВВИ, ПОКА Я РЕМНЕМ НЕ СПУСТИЛ С ТЕБЯ ШКУРУ!*

Он сошел по ступенькам, а она поднялась, с дырками на обеих штанинах,

(*снимай штаны*)

из коленок сочилась кровь, обнажившиеся нервные окончания пели: «Вперед, Христово воинство». Беверли оглянулась — он уже надвигался на нее, Эл Марш, уборщик и техник-смотритель, неприметный мужчина, одетый в брюки цвета хаки и рубашку того же цвета с двумя нагрудными, с клапанами, карманами, кольцо с ключами цепочкой крепилось к его ремню, волосы развевались. Но в глазах его не было, не было того Эла Марша, который тер ей спинку и бил в живот (а делал он и то, и другое, потому что она его тревожила, очень тревожила), не было того Эла Марша, который однажды попытался заплести ей, семилетней, косичку (получилось хуже некуда, но потом они смеялись на пару, глядя в зеркало на торчащие во все стороны волосы), который по воскресеньям готовил потрясающий гоголь-моголь с корицей, гораздо вкуснее того, что продавали за четвертак в «Кафе-мороженом» Дерри, не было фигуры-отца, мужского начала в ее жизни, образа, лишенного всякой сексуальной примеси. Все это в глазах отсутствовало напрочь. Она видела в них только жажду убийства. Она видела в них Оно.

Беверли побежала. Побежала от Оно.

Мистер Паскуаль, вздрогнув, удивленно поднял голову. Он поливал лужайку и слушал репортаж об очередной игре «Ред сокс» по транзисторному радиоприемнику, который стоял на перилах крыльца. Братья Циннерманы оторвались от старого автомобиля «Хадсон-Хорнет», который купили за двадцать пять долларов и мыли практически каждый день. Один держал в руке шланг, другой — ведро с мыльным раствором. У обоих отвисла челюсть. Миссис Дентон выглянула из окна своей квартиры на втором этаже. На коленях у нее лежало платье одной из шести дочерей, другие платья дожидались своей очереди в корзине, изо рта торчали булавки. Маленький Ларс Терамениус быстренько утянул возок «Ред бул флайер» с потрескавшегося тротуара и встал на засыхающей

лужайке мистера Паскуаля. Он разрыдался, когда Бевви, которая весной потратила целое утро, научив его завязывать шнурки кроссовок так, чтобы они не развязывались, крича, с широко раскрытыми глазами, пробежала мимо него. Мгновением позже за ней проследовал ее отец, громко зовя Бевви, и Ларс (ему тогда было три с половиной года, через двенадцать лет он погибнет в мотоциклетной аварии) увидел в лице мистера Марша что-то ужасное и нечеловеческое. Потом его три недели мучили кошмары. В них он видел мистера Марша, превращающегося в паука прямо в своей одежде.

Беверли бежала. Она полностью отдавала себе отчет, что цена этого забега — ее жизнь. Если отец догонит ее, он не посмотрит на то, что они на улице. В Дерри люди иногда творили безумства; чтобы это понимать, ей не требовалось читать газеты или знать историю города. Если он ее поймает, то задушит или забьет до смерти то ли руками, то ли ногами. А когда все бы закончилось и кто-нибудь пришел и забрал его, он сидел бы в камере, точно так же, как сидел в ней отчим Эдди Коркорэна, ошеломленный и не понимающий, что натворил.

Она бежала к центру города, и по пути ей встречалось все больше людей. Они таращились — сначала на нее, потом на бегущего следом отца, — на лицах отражалось удивление, на некоторых даже изумление. Но этим все и заканчивалось. Какое-то время люди еще смотрели им вслед, а потом шли дальше, прежним маршрутом. Воздух, который поступал в легкие Беверли и выходил из них, становился все тяжелее.

Она пересекла Канал, кроссовки стучали по бетону тротуара, а справа от нее автомобили погромыхивали по тяжелым деревянным балкам моста. Слева она видела каменную арку, там, где Канал уходил под центр города. Она резко пересекла Главную улицу, не обращая внимания на гудение клаксонов и визг тормозов. Пересекла, потому что Пустошь находилась по другую сторону улицы. От нее Беверли отделяла чуть ли не миля, и, чтобы попасть туда, ей предстояло сохранить отрыв от отца на крутом Подъеме-в-милю (или на одной из еще более крутых боковых улиц). Но ничего другого не оставалось.

— ВЕРНИСЬ, МАЛЕНЬКАЯ СУЧКА, Я ТЕБЯ ПРЕДУПРЕЖДАЮ!

Уже на другой стороне улицы она позволила себе обернуться, тяжелая копна рыжих волос в этот момент переместилась на

одно плечо. Ее отец пересекал мостовую, обращая на автомобили не больше внимания, чем она, и ярко-красное лицо блестело от пота.

Она нырнула в переулок, который проходил за Складским рядом. В переулок выходили зады зданий, выстроившихся вдоль Подъема-в-милю: «Стар биф», «Армаур митпакинг», «Хемпхилл сторейдж-энд-уэрхаусинг», «Игл биф-энд-кошер митс». Узкий, вымощенный брусчаткой переулок сужался еще сильнее в тех местах, где в него выкатывали мусорные контейнеры и баки. Брусчатку покрывала слизь, и один только Бог ведал, что и когда здесь проливали. Воздух наполняли разные запахи, одни слабые, другие резкие, третьи просто валили с ног... но все говорили о мясе и забое скота. Жужжали тучи мух. Из некоторых зданий доносился леденящий кровь визг вгрызающихся в кости пил. Она то и дело поскальзывалась на брусчатке. Ударилась бедром об оцинкованный мусорный бак, и из нескольких газетных свертков наружу вылезла требуха, как большие сочные цветы в джунглях.

— ТЕБЕ И ТАК УЖЕ КРЕПКО ВЛЕТИТ, БЕВВИ! Я ТЕБЕ ЭТО ОБЕЩАЮ! ДАЛЬШЕ БУДЕТ ТОЛЬКО ХУЖЕ, ДЕВОЧКА!

Двое мужчин стояли у двери на погрузочной площадке «Киршнер пакинг уокс», жевали толстые сандвичи, корзинки для ленча стояли под рукой.

— Тебя остается только раскаяться, девочка, — прокомментировал один. — Видать, ты крепко насолила папеньке. — Второй рассмеялся.

Он приближался. Она слышала грохот его шагов и тяжелое дыхание чуть ли не у себя за спиной. Глянув направо, увидела черное крыло его тени, бегущей по высокому дощатому забору.

А потом из его груди вырвался крик изумления и ярости: ноги его заскользили, и он плюхнулся на брусчатку. Через миг он поднялся, но с губ более не срывались слова — только бессвязные злобные крики, а мужчины на погрузочной платформе хохотали и хлопали друг друга по спине.

Переулок свернул налево... и Беверли остановилась, ее рот в ужасе раскрылся. Городская мусоровозка стояла на выезде из переулка. Зазор с обеих сторон не превышал девяти дюймов. Двигатель работал на холостых оборотах. Перекрывая этот мерный гул, до нее доносился неспешный разговор из кабины мусоровозки.

И тут мужчины прервали работу, чтобы перекусить. До полудня оставалось три или четыре минуты. Еще чуть-чуть, и начнут бить часы на здании суда.

Она снова услышала отца, он приближался. Беверли упала на брусчатку и поползла под мусоровозкой, отталкиваясь локтями и ободранными коленями. Запахи дизельного топлива и выхлопных газов, смешавшись с густым запахом мяса, вызвали тошноту. Легкость, с какой Беверли продвигалась вперед, не радовала: она скользила по склизкой грязи, покрывавшей брусчатку. Но Беверли продолжала ползти и только раз слишком поднялась над брусчаткой, коснувшись горячей выхлопной трубы мусоровозки. Ей пришлось прикусить губу, чтобы сдержать крик.

— Беверли? Ты под ней? — Слова разделялись вдохами: забег и отцу дался нелегко. Она обернулась и встретилась с ним взглядом: он, нагнувшись, заглядывал под мусоровозку.

— Оставь... меня в покое! — удалось вымолвить ей.

— Сука, — ответил он сиплым, захлебывающимся слюной голосом, улегся на брусчатку, звякнув ключами, и пополз следом. Движения его рук и ног нелепым образом имитировали плавание стилем брасс.

Беверли добралась до кабины мусоровозки, схватилась за огромную шину — ее пальцы утонули в протекторе до второй фаланги — и резко поднялась. Ударилась копчиком о передний бампер, а в следующее мгновение снова бежала, направляясь к Подъему-в-милю. Спереди блузку и джинсы покрывала липкая слизь, вонь от которой поднималась до небес. Оглянувшись, она увидела кисти и веснушчатые руки отца, показавшиеся из-под кабины мусоровозки, совсем как клешни воображаемого ребенком чудовища, вылезающего из-под кровати.

Быстро, не думая, она нырнула в проход между «Складом Фельдмана» и «Флигелем братьев Трекер». Этот проход, слишком узкий, чтобы зваться проулком, заполняли сломанные ящики, сорняки, подсолнухи и, само собой, мусор. Беверли метнулась за кучу ящиков и присела за ними. Несколько мгновений спустя она увидела отца, который проскочил мимо устья прохода и начал подниматься на холм.

Беверли встала, повернулась и поспешила к дальнему концу прохода. Там его перегораживал сетчатый забор. Она вскарабка-

лась на него, перелезла, спустилась вниз, оказавшись на территории Теологической семинарии Дерри. Побежала по идеально выкошенной лужайке и вокруг здания. Услышала, как внутри играют на органе что-то классическое. Ноты приятные и спокойные, казалось, отпечатывались на неподвижном воздухе.

От Канзас-стрит семинарию отделала высокая зеленая изгородь. Беверли посмотрела сквозь нее и увидела отца, который, тяжело дыша, шел по противоположной стороне улицы. Под мышками на рубашке темнели круги пота. Он оглядывался, уперев руки в бока. Ключи на кольце позвякивали, ярко блестя на солнце.

Беверли наблюдала за ним, тоже тяжело дыша, сердце испуганно и быстро-быстро колотилось в горле. Ей очень хотелось пить, а собственный запах вызывал отвращение. *«Если бы я рисовала комикс,* — подумала она, — *то обязательно изобразила бы идущие от меня волны вони».*

Ее отец медленно перешел на ту сторону, где находилась семинария.

У Беверли перехватило дыхание.

«Пожалуйста, Господи, я больше не могу бежать. Помоги мне, Господи. Не дай ему найти меня».

Эл Марш медленным шагом шел по тротуару мимо спрятавшейся по другую сторону зеленой изгороди дочери.

«Дорогой Боже, не дай ему унюхать меня!»

Он не унюхал — возможно, потому, что, упав в переулке и поползав под мусоровозкой, пахнул ничуть не лучше, чем она. Он ушел. Беверли наблюдала, как отец спускается по склону холма Подъем-в-милю, пока он не скрылся из виду.

Она медленно поднялась. Одежда грязная, лицо грязное, спина болела в том месте, где она обожглась о выхлопную трубу мусоровозки. Но все это бледнело в сравнении со смерчем, который бушевал в ее мыслях. Беверли чувствовала, что ее унесло на край мира, где становились неприменимы обычные нормы поведения. Она не могла представить себе, как пойдет домой; но и не могла представить, как не пойдет. Она ослушалась своего отца, ослушалась его...

Беверли пришлось вытолкать из головы эту мысль, потому что от этого ныло под ложечкой, она слабела, и ее начинало трясти.

Она любила своего отца. Разве не об этом говорила одна из десяти заповедей: «Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет, и да долголетен будеши на земли». Да. Но это был не он. Не ее отец. Если на то пошло, он был кем-то совсем другим. Самозванцем. Оно...

Внезапно она похолодела, потому что в голове сверкнул жуткий вопрос. А не случилось ли такое и с остальными? Или что-то подобное? Она должна их предупредить. Они причинили Оно боль, и, возможно, Оно пытается принять меры, чтобы обезопасить себя, чтобы они никогда больше не смогли причинить Оно боль. Да и потом, куда ей теперь идти? Они — единственные ее друзья. Билл. Билл сообразит, что делать дальше. Билл подскажет ей, что делать дальше.

Беверли остановилась там, где дорожка, выходящая с территории семинарии, пересекалась с Канзас-стрит, и выглянула из-за изгороди. Ее отец ушел. Она повернула направо и зашагала по Канзас-стрит к Пустоши. Возможно, никого из них там сейчас и не будет. Они разошлись по домам, на ленч. Но они вернутся. А пока она может спуститься в прохладный клубный дом и постараться хоть как-то успокоиться. Она оставит маленькое окно открытым, чтобы в подземный дом попадало хоть немного солнечного света, и, возможно, даже сумеет поспать. Ее уставшее тело и перенапрягшийся разум ухватились за эту мысль. Сон, да, он точно пошел бы ей на пользу.

Опустив голову, она прошла мимо последних домов. Далее дома уже не строили, потому что земля слишком круто скатывалась в Пустошь, в Пустошь, куда (она просто не могла в это поверить) прокрался ее отец, чтобы шпионить за ней.

Она, конечно, не слышала шагов у себя за спиной. Парни старались изо всех сил, чтобы не издавать ни звука. Добыча уже раньше убегала от них, и на этот раз они намеревались ее не упустить. Они приближались и приближались, ступая неслышно, как кошки. Рыгало и Виктор ухмылялись, но лицо Генри оставалось отсутствующим и серьезным. Непричесанные волосы торчали во все стороны. Взгляд блуждал, как и у Эла Марша в квартире. Один грязный палец он прижимал к губам — *ш-ш-ш-ш* — пока они сокращали разделявшее их расстояние с семидесяти футов до пятидесяти... до тридцати.

В то лето Генри устойчиво продвигался над какой-то психической бездной. Шагал по мосту, который неумолимо сужался и сужался. В день, когда он позволил Патрику Хокстеттеру поласкать себя, мост этот превратился в проволоку канатоходца. Проволока лопнула этим утром. Он вышел во двор в одних только рваных, пожелтевших от мочи трусах и посмотрел в небо. Призрак луны, что светила прошлой ночью, еще не закатился за горизонт, и как только взгляд Генри упал на луну, она внезапно изменилась, превратившись в ухмыляющийся череп. Генри упал на колени перед этим лицом-черепом, охваченный ужасом и радостью. Голоса-призраки заговорили с луны. Голоса менялись, иногда сливались в единое бормотание, в котором не разобрать ни слова... но он чувствовал истину, состоявшую в том, что все эти голоса один голос, один разум. Голос велел ему разыскать Виктора и Рыгало и прийти с ними на угол Канзас-стрит и Костелло-авеню около полудня. Голос сказал, он сам поймет, что нужно делать. И действительно, появилась эта манда. Он ждал, чтобы голос сказал ему, что делать дальше. Ответ пришел, когда они продолжали сокращать дистанцию. Голос послышался не с луны, а из канализационной решетки, мимо которой они проходили. Голос тихий, но отчетливый. Рыгало и Виктор посмотрели на решетку, словно ошарашенные, загипнотизированные, потом вновь повернулись к Беверли.

«*Убей ее*», — приказал голос из канализации.

Генри Бауэрс сунул руку в карман джинсов и достал продолговатый предмет длиной в девять дюймов, отделанный по бокам пластмассой, имитирующей слоновую кость. У одного края этого сомнительного произведения искусства поблескивала маленькая хромированная кнопка. Генри нажал на нее. Из щели в конце рукоятки выскочило шестидюймовое лезвие. Он подбросил нож на ладони. Прибавил шагу. Виктор и Рыгало — они по-прежнему выглядели ошарашенными — тоже прибавили шагу, чтобы не отстать.

Беверли не слышала их в прямом смысле этого слова; не звуки шагов заставили ее обернуться, когда Генри Бауэрс чуть ли не вплотную приблизился с ней. Согнув колени, осторожно ставя ноги на бетон тротуара, с застывшей улыбкой на лице, Генри двигался бесшумно, как индеец. Нет; сработало чувство, слишком явное, однозначное и сильное, чтобы проигнорировать его, чувство, что...

3

Публичная библиотека Дерри — 1:55

...за тобой наблюдают.

Майк Хэнлон отложил ручку, посмотрел на заполненную тенями перевернутую чашу главного зала библиотеки. Увидел островки света, созданные подвешенными к потолку круглыми плафонами; увидел тающие в сумраке книги; увидел металлические лестницы, изящными спиралями уходящие к стеллажам. Он не увидел ничего лишнего или находящегося не на месте.

И тем не менее не верил, что он в библиотеке один. Больше не верил.

Когда все остальные ушли, Майк прибрался с аккуратностью, давно вошедшей в привычку. Действовал он на автопилоте, мыслями унесшись на миллион миль — и на двадцать семь лет. Очистил пепельницы, выбросил пустые бутылки (прикрыл их другим мусором, чтобы не шокировать Кэрол), банки, предназначенные для последующей переработки, положил в ящик, который стоял за его столом. Потом взял щетку и подмел осколки бутылки из-под джина, которую разбил Эдди.

Наведя порядок на столе, пошел в зал периодики и подобрал разлетевшиеся журналы. И пока занимался этими простыми делами, его мозг прокручивал рассказанные Неудачниками истории — делая упор прежде всего на то, что осталось за кадром. Они верили, что вспомнили все. Он полагал, что Билл и Беверли действительно вспомнили почти все. Но не полностью. Остальное могло к ним прийти... если бы позволило время. В 1958 году времени для подготовки не было. Они говорили и говорили — их разговоры прервала только битва камней да единичное проявление группового героизма в доме 29 по Нейболт-стрит — и, возможно, за разговорами до дела так бы и не дошло. Но наступило 14 августа, и Генри с дружками просто загнали их в канализационные тоннели.

«*Может, мне следовало им сказать*», — думал Майк, раскладывая по местам последние журналы. Но что-то очень уж противилось этой идее — голос Черепахи, как он думал. Может, этот самый голос, а может, и принцип спиральности тоже сыграл свою роль. Возможно, тому завершающему событию предстояло повториться, пусть и на каком-то другом, более высоком уровне. К завтрашнему

дню он приготовил фонари и шахтерские каски; в том же стенном шкафу лежали аккуратно сложенные и перетянутые резинками чертежи дренажной и канализационной систем Дерри. Но когда они были детьми, все их разговоры и все их планы, сырые, а то и просто никакие, в конце обернулись ничем; в конце их просто загнали в подземные тоннели, навязали им последующую за этим схватку. И это случится снова? Вера и сила, он уже пришел к этому выводу, взаимозаменяемы. А окончательная истина еще проще? Ни один акт веры невозможен, если тебя грубо не зашвырнут в бурлящий эпицентр событий? Как новорожденный безо всякого парашюта вылетает из чрева матери, словно падает с неба? И раз ты падаешь, тебе приходится верить в парашют, в его существование, так? Дергая за кольцо, уже падая, ты выносишь последнее суждение по этому предмету, каким бы оно ни было.

«Господи Иисусе, прямо-таки чернокожий Фултон Шин»*, — подумал Майк и рассмеялся.

Майк прибирался, наводил порядок, размышлял, а тем временем другая часть его разума ожидала, что он наконец-то закончит и сочтет себя достаточно уставшим, чтобы пойти домой и несколько часов поспать. Но, покончив со всем, что собирался сделать, Майк обнаружил, что сна ни в одном глазу, и он бодр, как никогда. Вот он и направился к единственной в библиотеке запираемой комнате, сетчатая дверь в которую находилась в глубине его кабинета, открыл ее ключом, висевшим на его кольце с ключами, и вошел. В этой комнате, огнестойкой при закрытой и запертой сейфовой двери, хранились ценнейшие первые издания, книги с автографами писателей, которые давно уже умерли (среди подписанных изданий библиотека могла похвастаться «Моби Диком» и «Листьями травы» Уитмена), исторические материалы, связанные с городом, и личные архивы тех нескольких писателей, которые жили и работали в Дерри. Майк надеялся, если все закончится хорошо, убедить Билла оставить его рукописи публичной библиотеке Дерри. Шагая по третьему проходу хранилища, освещенному лампами под жестяными колпаками, вдыхая знакомые библиотечные запахи затхлости, и пыли, и клея, и старой бумаги, он думал: *«Когда я умру, меня, наверное, положат в гроб с библиотечной карточкой в одной*

* Фултон, Джон Шин (1895—1979, настоящее имя Питер Джон Шин) — американский католический архиепископ, известный радио- и телепроповедник.

руке и штампом «ПРОСРОЧЕНО» *в другой. Может, это даже и лучше, ниггер, чем умереть с пистолетом в руке?»*

Остановился он на середине третьего прохода. Его большой стенографический блокнот, заполненный историями Дерри и его собственными записями, стоял между «Старым Дерри» Фрика и «Историей Дерри» Мишо. Блокнот Майк засунул так глубоко, что он был практически невидимым. Никто бы никогда не смог его найти, если б специально не искал.

Майк достал блокнот и вернулся к столу, за которым они сидели, по пути выключив свет в хранилище и заперев сетчатую дверь. Сел, пролистал исписанные страницы, думая о том, какой он создал странный и ущербный документ: наполовину история, наполовину скандал, отчасти дневник, отчасти исповедь. Он ничего не писал с 6 апреля. «*Скоро придется покупать новый блокнот*», — подумал он, переворачивая несколько оставшихся пустых листов. С улыбкой подумал об исходном черновике романа «Унесенные ветром» Маргарет Митчелл, написанном во многих и многих стопках школьных тетрадей. Потом снял с ручки колпачок и написал «31 мая», отступив на две строчки от последней записи. Какое-то время посидел, оглядывая пустынную библиотеку, а потом принялся записывать все, что произошло в три последних дня, начиная с его телефонного разговора со Стэнли Урисом.

Майк усердно писал пятнадцать минут, потом концентрация начала слабеть. Он прерывался все чаще и чаще. Мешал образ оторванной головы Стэнли Уриса в холодильнике. Окровавленной головы Стэна, с открытым, набитым перьями ртом, вываливающейся из холодильника и катящейся по полу к нему. С огромным усилием Майк отделался от этого образа и продолжил работу, но буквально через пять минут выпрямился и развернулся, в полной уверенности, что увидит голову, катящуюся по черно-красным клеткам старого линолеума, с блестящими стеклянными глазами, как у висящей на стене головы оленя. Ничего не увидел, никакой головы. Ничего не услышал, кроме приглушенных ударов собственного сердца.

«Возьми себя в руки, Майки. Это нервы, и все. Ничего больше».

Легко сказать. Слова стали ускользать от него, мысли отошли за пределы досягаемости. Что-то начало давить на затылок, сильнее и сильнее.

За ним наблюдали.

Майк положил ручку и поднялся из-за стола.

— Есть здесь кто-нибудь? — Голос эхом отразился от ротонды, заставив его вздрогнуть. Он облизнул губы, предпринял вторую попытку. — Билл?.. Бен?..

«*Билл-илл-илл... Бен-ен-ен...*»

Внезапно Майк решил, что хочет уйти домой. А блокнот он мог взять с собой. Потянулся к нему... и услышал едва различимый звук шагов.

Огляделся. Острова света окружали еще более сгустившиеся тени. Больше ничего... во всяком случае, ничего такого, что он мог увидеть. Он ждал, под гулкие удары сердца.

Вновь услышал шаги, только на этот раз сумел определить, откуда они доносятся. Из стеклянного коридора, соединявшего взрослую библиотеку с детской. Там. Кто-то. Что-то.

Майк бесшумно подошел к столу выдачи книг. Деревянные клинья держали открытыми половинки большой стеклянной двери в коридор, и он видел какую-то его часть. Видел вроде бы ноги, и внезапно охвативший его ужас заставил задаться вопросом: а вдруг Стэн все-таки пришел, вдруг Стэн выйдет сейчас из темноты с птичьим атласом в руке, бледным лицом, синюшными губами, разрезами на предплечьях и запястьях. «*Я наконец-то пришел*, — скажет Стэн. — *Мне потребовалось время, чтобы вылезти из ямы в земле, но я наконец-то пришел...*»

Еще шаг, и Майк увидел обувь, обувь и обтрепанный низ штанин — джинсу и тесемки на фоне голых, без носков, лодыжек. И в темноте, почти на шесть футов выше лодыжек, поблескивали глаза.

Одной рукой Майк ощупывал поверхность полукруглого стола, медленно обходя его, не отрывая взгляда от этих неподвижных, поблескивающих глаз. Его пальцы наткнулись на деревянный угол маленького ящика — просроченные библиотечные карточки. Бумажная коробочка — скрепки и резинки. Наконец пальцы нашли что-то металлическое и схватили его. Нож для вскрытия писем с надписью «ИИСУС СПАСЕТ» на рукоятке. Непрочная вещица, которая пришла по почте от Баптистской церкви Благодати в рамках кампании по сбору пожертвований. Майк уже лет пятнадцать не посещал службы, но при жизни его мать постоянно ходила в эту церковь, и он отослал им пять долларов, которые пригодились бы

и ему самому. Хотел выбросить этот нож, но почему-то не выбросил, и нож до сих пор лежал среди хлама на его половине стола (часть стола, отведенная Кэрол, всегда оставалась безупречно чистой).

Майк со всей силы сжал рукоятку и всмотрелся в темный коридор.

Еще шаг... еще. Теперь обтрепанные штанины он видел до колен. Различал и силуэт, которому принадлежали ноги: крупный, широкий. Плечи округлые. Вроде бы растрепанные волосы. Фигура обезьяноподобная.

— Кто вы?

Ответа не последовало. Незваный гость просто стоял, разглядывая его.

Пусть и по-прежнему испуганный, Майк уже признал ложной парализующую идею — перед ним Стэн Урис, поднявшийся из могилы, призванный в Дерри шрамами на руках, каким-то сверхъестественным магнетизмом, который превратил его в зомби, совсем, как в хаммеровском фильме ужасов*. Этот незваный гость мог быть кем угодно, но только не Стэном, рост которого не превышал пяти футов и семи дюймов.

Фигура сделала еще шаг, и теперь свет от ближайшей к стеклянному коридору круглой лампы осветил ноги уже до самой талии и шлевки на поясе джинсов, без ремня.

И внезапно Майк понял, кто перед ним. Понял еще до того, как незваный гость заговорил.

— Ой, да это же ниггер. Бросался в кого-то камнями, ниггер? Хочешь знать, кто отравил твою гребаную собаку?

Фигура двинулась вперед. Свет упал на лицо Генри Бауэрса. Располневшее и обрюзгшее. Кожа блестела нездоровой сальностью; обвисшие щеки и подбородок покрывала щетина, наполовину черная, наполовину седая. Три волнистые морщины глубоко прорезали лоб над кустистыми бровями. Другие образовывали круглые скобки у уголков полногубого рта. Маленькие злобные глазки прятались в глубине бесцветной плоти, налитые кровью и лишен-

---

* Хаммеровский фильм ужасов — английская кинокомпания «Хаммер филм продакшн», основанная в 1934 г., больше всего известна серией фильмов «Хаммеровский ужас», вышедшей на экраны в 1950—1970 гг. Среди них «Проклятие Франкенштейна», «Мумия», «Дракула».

ные мыслей. Это было лицо преждевременно состарившегося человека, который в тридцать девять выглядел на семьдесят три. Но лицо это принадлежало и двенадцатилетнему мальчишке. Одежду Генри покрывали зеленые пятна, оставленные кустами, в которых он прятался весь день.

— Не хочешь поздороваться, ниггер? — спросил Генри.

— Привет, Генри. — В голове мелькнула смутная мысль, что он уже два дня не слушал радио и даже не читал газету, хотя последнее возвел в ранг ритуала. Произошло много чего. Дел навалилось невпроворот.

Очень плохо.

Генри вышел из коридора между детской и взрослой библиотеками и застыл, буравя Майка маленькими свинячьими глазками. Его губы разошлись в мерзкой ухмылке, обнажив гнилые зубы, свойственные многим жителям мэнской глубинки.

— Голоса. Ты слышишь голоса, ниггер?

— Чьи голоса, Генри? — Майк убрал обе руки за спину, как школьник, вызванный к доске, чтобы прочитать наизусть стихотворение, и переложил нож для вскрытия писем из левой руки в правую. Напольные часы, подаренные библиотеке Хорстом Мюллером в 1923 году, ровненько отбивали секунды в застывшем пруду библиотечной тишины.

— С луны, — ответил Генри и сунул руку в карман. — Они приходят с луны. Множество голосов. — Он помолчал, нахмурившись, потом тряхнул головой. — Множество, но в действительности это один голос. Голос Оно.

— Ты видел Оно, Генри?

— Да. Франкенштейн. Оторвал Виктору голову. Тебе бы это слышать. С таким звуком, будто застежка большу́щей молнии резко идет вниз. Потом Оно двинулось на Рыгало. Рыгало попытался бороться с Оно.

— Попытался?

— Да. Только потому я и спасся.

— Ты оставил его умирать.

— Не говори так! — Щеки Генри полыхнули тусклым багрянцем. Чем дальше он отходил от пуповины, связывающей взрослую библиотеку с детской, тем моложе становился в глазах Майка. Он видел прежнюю злобу на лице Генри, но видел и кое-что еще: ре-

бенка, которого воспитал полоумный Буч Бауэрс на хорошей ферме, с годами превратившейся в кусок дерьма. — Не говори так! Оно могло убить и меня.

— Нас Оно не убило.

Глаза Генри насмешливо блеснули.

— Пока не убило. Но убьет. Если я оставлю Оно кого-нибудь из вас. — Он вытащил из кармана продолговатый предмет длиной в девять дюймов, отделанный по бокам пластмассой, имитирующей слоновую кость. У одного края этого сомнительного произведения искусства блестела хромированная кнопка. Генри нажал на нее. Из рукоятки выскочило лезвие длиной шесть дюймов. Покачивая нож на ладони, он двинулся к столу, чуть быстрее.

— Посмотри, что я нашел. Я знал, куда смотреть. — Одно красное веко опустилось, отвратительно подмигивая. — Человек с луны сказал мне. — Генри вновь продемонстрировал гнилые зубы. — «Днем прячься. Вечером поймай попутку». Старик. Ударил его. Думаю, убил. Автомобиль бросил в Ньюпорте. Когда переходил границу Дерри, услышал этот голос. Посмотрел в водосток. Там лежала эта одежда. И нож. Мой старый нож.

— Ты кое-что забываешь, Генри.

Генри молча ухмылялся, покачивая головой.

— Мы выбрались, и ты выбрался. Если Оно хочет нас, Оно хочет и тебя.

— Нет.

— Я думаю, да. Может, вы, дурачки, и делали работу Оно, но любимчиков у Оно не было, так? Оно забрало обоих твоих друзей, и пока Рыгало дрался с Оно, ты сумел сбежать. Я думаю, Генри, ты часть того дела, которое Оно хочет довести до конца. Я действительно так думаю.

— Нет.

— Может, ты увидишь Франкенштейна. Или Оборотня. Или Вампира. Или Клоуна, а, Генри? Может, ты сможешь увидеть, как в действительности выглядит Оно, Генри. Мы видели. Хочешь, чтобы я рассказал тебе? Хочешь, чтобы я...

— Заткнись! — выкрикнул Генри и бросился на Майка.

Майк отступил в сторону, выставив ногу. Генри споткнулся об нее и заскользил по красно-черному линолеуму, как шайба, какой играют в шаффлборд. Ударился головой о ножку стола, за которым вечером сидели Неудачники, рассказывая свои истории. На мгно-

вение застыл, оглушенный. Пальцы, державшие рукоятку ножа, разжались.

Майк метнулся за ним, метнулся за ножом. В тот момент он мог бы прикончить Генри, мог бы всадить нож для вскрытия писем с надписью «ИИСУС СПАСЕТ» на рукоятке, который прислали по почте из церкви его матери, в шею Генри, а потом позвонить в полицию. Какое-то официальное расследование последовало бы, но не слишком активное. В Дерри и без того хватало странных смертей и насилия.

Остановило его осознание, ударившее как молния: убив Генри, он выполнит работу Оно, точно так же, как Генри выполнял работу Оно, стремясь убить Майка. И кое-что еще: другое выражение лица Генри, которое он увидел, усталый, затравленный взгляд ребенка, с которым жестоко обошлись, направив на кривую дорожку с неизвестно какой целью. Пока Генри рос, его отравляло безумие Буча Бауэрса: и уж конечно, он принадлежал Оно даже до того, как заподозрил, что Оно существует.

Поэтому, вместо того чтобы нанести удар в незащищенную шею Генри, Майк упал на колени и потянулся за ножом. Он повернулся под его рукой — вроде бы по собственной воле — и пальцы Майка сомкнулись на лезвии. Боли он не почувствовал — только кровь полилась из трех пальцев правой руки и с ладони, на которой белели шрамы.

Он отпрянул. Генри перекатился, встал на колени, схватил нож, и теперь они стояли лицом друг к другу, у обоих текла кровь: у Майка — из пальцев и ладони, у Генри — из носа. Генри мотнул головой, и красные капли улетели в темноту.

— Думал, вы были такие умные! — хрипло крикнул он. — Гребаные сосунки — вот кем вы были! В честной борьбе мы бы вас побили!

— Убери нож, Генри. — Майк говорил ровным голосом. — Я позвоню в полицию. Они приедут и увезут тебя в «Джунипер-Хилл». Ты будешь вне Дерри. И в безопасности.

Генри попытался заговорить и не смог. Не смог сказать этому ненавистному черномазому, что не будет он в безопасности ни в «Джунипер-Хилл», ни в Лос-Анджелесе, ни в тропических лесах Тимбукту. Раньше или позже взойдет луна, белая как кость и холодная как снег, и голоса-призраки зазвучат вновь, и поверхность

луны превратится в лицо Оно, лопочущее, и смеющееся, и приказывающее. Он проглотил склизкую кровь.

— Вы никогда не дрались честно!

— А вы? — спросил Майк.

— Ты паршиваячерномазаяниггерскаясволочь! — проорал Генри и вновь прыгнул на Майка.

Майк отклонился назад, чтобы уйти от этой неуклюжей атаки, потерял равновесие, упал на спину. Генри опять ударился о стол, его отбросило в сторону, он повернулся, схватил Майка за руку. Майк взмахнул ножом для вскрытия писем и глубоко вонзил его в предплечье Генри. Тот закричал, но вместо того чтобы отпустить руку Майка, сжал еще крепче. Потянулся к нему, волосы падали на глаза, кровь из носа текла на толстые губы.

Майк уперся ногой в бок Генри, чтобы отбросить его, но Генри взмахнул рукой, и нож, описав широкую дугу, на все шесть дюймов вошел Майку в бедро. Вошел безо всяких усилий, как в мягкий кекс или в масло. Генри вытащил нож, с которого капала кровь, и Майк с криком боли оттолкнул его.

Он с трудом поднялся, но Генри вскочил куда проворнее, и Майк с трудом увернулся от следующей атаки. Он чувствовал, как кровь струится по ноге очень уж сильным потоком, наполняя туфлю. «*Кажется, он задел мне бедренную артерию,* — подумал Майк. — *Господи, это плохо. Всюду кровь. Кровь на полу. И туфли придется выкинуть, черт, я их только два месяца как купил...*»

Генри снова попер на него, тяжело дыша и пыхтя, как разъяренный бык. Майк отшатнулся в сторону и вновь взмахнул ножом для вскрытия писем. Прорвал рубашку Генри и полоснул по ребрам. Генри крякнул, когда Майк отшвырнул его от себя.

— Подлый ниггер! — завопил он. — Посмотри, что ты сделал!

— Брось нож, Генри, — предложил Майк.

Из-за спины Майка донеслось мерзкое хихиканье. Генри посмотрел... а потом закричал в диком ужасе, прижав руки к щекам, словно глубоко оскорбленная старая дева. Майк глянул на стол дежурного библиотекаря. Послышался громкий, дребезжащий звон, и за столом появилась голова Стэнли Уриса. Пружина вворачивалась в оторванную шею, с бахромы кожи капала кровь. Лицо покрывал белый грим. На щеках краснели пятна румян. Большие оранжевые помпоны занимали место глаз. Эта жуткая голова Стэ-

на-из-табакерки покачивалась взад-вперед на пружине, словно один из гигантских подсолнухов, что росли на Нейболт-стрит. Рот открылся, и скрипучий, смеющийся голос забубнил: *«Убей его, Генри! Убей ниггера, убей черномазого, убей его, убей его, УБЕЙ ЕГО!»*

Майк развернулся к Генри, с ужасом понимая, что его перехитрили, отвлекли внимание, при этом где-то на периферии сознания мелькнул вопрос: чью голову на конце пружины увидел Генри? Стэна? Виктора Крисса? Может, своего отца?

Генри взревел и бросился на Майка. Рука с ножом ходила вверх-вниз, как игла швейной машинки.

— Все-е-е-е, ниггер! — кричал Генри. — Все-е-е-е, ниггер! Все-е-е-е, ниггер!

Майк отступил, и нога, которую проткнул Генри, подогнулась под ним. Он повалился на пол. Ногу он практически не чувствовал. Она стала холодной и чужой. Посмотрев вниз, он увидел, что слаксы кремового цвета стали ярко-красными.

Лезвие ножа сверкнуло перед носом Майка.

И Майк ударил ножом для вскрытия писем с надписью «ИИСУС СПАСЕТ» в тот самый момент, когда Генри поворачивался, чтобы нанести новый удар. Генри наткнулся на нож, как жук на булавку. Теплая кровь полилась Майку на руку. Послышался треск, и когда он отдернул руку, в ней осталась только рукоятка. Лезвие застряло у Генри в животе.

— Бо-о-о-же! Ниггер! — проорал Генри, схватившись рукой за выступающую часть обломившегося лезвия. Кровь текла между пальцами. Генри смотрел на нее, не веря, выпучив глаза. Голова позади стола, покачивающаяся на пружине, как черт-из-табакерки, разбрасывающая капли крови, визжала и смеялась. Чувствуя, что слабеет, а перед глазами все плывет, Майк повернулся и увидел, что это голова Рыгало Хаггинса, человеческая пробка от бутылки шампанского, в бейсболке «Нью-йоркских янки», повернутой козырьком на затылок. Он громко застонал, и звук этот донесся до его ушей издалека, эхом. Он понимал, что сидит в луже теплой крови... собственной крови. *«Если я не наложу жгут на ногу, то умру»*.

— Бо-о-о-о-о-о-же! Ни-и-и-и-и-и-г-г-е-е-е-р! — орал Генри. Прижимая одну руку к кровоточащей ране на животе, сжимая нож в выкидным лезвием в другой, он двинулся от Майка к выходной двери. Его как пьяного мотало из стороны в сторону, и движение Генри по главному залу, где каждый шаг отдавался эхом, напоми-

нало траекторию шарика в электронном пинболе. Он наткнулся на стул и перевернул его. Его рука, которой он пытался на что-нибудь опереться, скинула на пол стопку газет. Добравшись до двери, он открыл ее, ткнув рукой, и нырнул в ночь.

Сознание покидало Майка. Он возился с пряжкой ремня, едва чувствуя пальцы. Наконец расстегнул и вытащил из шлевок. Обернул кровоточащую ногу, крепко затянул. Держа ремень одной рукой, пополз к столу дежурного библиотекаря. Там стоял телефонный аппарат. Майк не знал, каким образом ему удастся добраться туда, но это было не важно. Просто добраться — вот что главное. Мир плыл перед глазами, его то и дело скрывали полотнища серого. Он высунул язык, прикусил его и тут же ощутил резкую боль. Мир вернулся в фокус. Майк понял, что держит в руке сломавшийся нож для вскрытия писем, и отбросил его. И в конце концов путь ему преградил стол дежурного библиотекаря, высокий, как Эверест.

Майк подсунул под себя здоровую ногу и начал подниматься на ней, схватившись за край стола той рукой, что не держала ремень. Глаза превратились в щелочки, губы тряслись от напряжения. Наконец ему удалось подняться. Стоя на одной ноге, как аист, он подтянул к себе телефонный аппарат с приклеенным к боковой поверхности бумажным прямоугольником, на котором написали три номера: пожарной охраны, полиции и больницы. Дрожащим пальцем, который отстоял от него миль на десять, Майк набрал номер больницы: 555-3711. Закрыл глаза, когда пошли длинные гудки... а потом его глаза широко раскрылись — ему ответил клоун Пеннивайз.

— Привет, ниггер! — прокричал Пеннивайз, и тут же раздался его резкий, пронзительный смех — словно в ухо насыпали осколки стекла. — Что скажешь? Как дела? Я думаю, ты сдох, а что думаешь ты? Я думаю, Генри с тобой покончил! Хочешь воздушный шарик, Майки? Хочешь воздушный шарик? Как дела? Привет тебе!

Взгляд Майка сместился на напольные часы, мюллеровские часы, как их называли, и он не удивился, что циферблат сменило лицо отца, серое, помеченное раком. Его глаза закатились, виднелись только выпученные белки. Внезапно отец высунул язык, и тут же часы начали бить.

Рука более не держалась за стол. Еще несколько секунд Майк, покачиваясь, стоял на здоровой ноге, а потом упал. Трубка болта-

лась из стороны в сторону, словно амулет гипнотизера. Ему с трудом удавалось стягивать ремень на ноге.

— Привет, дарагой Амос! — радостно кричал Пеннивайз из мотающейся трубки. — Ето я, Кингфиш! Я есть сейчас в Дерри, и тута труф. Или не так, парень?

— Если здесь кто-нибудь есть, — прохрипел Майк, — настоящий голос за тем, который слышу я, пожалуйста, помогите мне. Я Майк Хэнлон, нахожусь в публичной библиотеке Дерри и истекаю кровью. Если вы здесь, я вас не услышу. Мне не дают вас услышать. Если вы здесь, пожалуйста, поторопитесь.

Он лег на бок и подтягивал ноги к груди, пока не принял позу эмбриона. Дважды обмотал ремень вокруг правой руки и сосредоточился на том, чтобы удержать мир, уплывающий за ватные шарообразные облака серого.

— Привет тебе, как дела? — кричал Пеннивайз из свисающей со стола, болтающейся трубки. — Как поживаешь, ты, паршивый черномазый? Привет...

4

Канзас-стрит — 12:20

...тебе, — сказал Генри Бауэрс. — Как поживаешь, ты, маленькая манда?

Беверли отреагировала мгновенно — повернулась, чтобы убежать. Такой быстрой реакции они не ожидали, и ей, наверное, удалось бы оторваться... если б не волосы. Генри потянулся к ним, схватил несколько длинных прядей и дернул на себя. Ухмыльнулся ей в лицо. Дыхание его было густым, теплым и вонючим.

— Как поживаешь? — спросил ее Генри Бауэрс. — Куда идешь? Собралась снова поиграть со своими говенными друзьями. Я собираюсь отрезать тебе нос и заставить тебя съесть его. Тебе это понравится?

Она пыталась вырваться. Генри смеялся и, держа за волосы, дергал голову из стороны в сторону. Лезвие ножа блестело опасностью в пробивающемся сквозь дымку солнечном свете.

Загудел автомобильный клаксон. Долго и протяжно.

— Эй! Эй! Что это вы делаете? Отпустите девочку!

За рулем хорошо сохранившегося «форда» модели 1950 года сидела старушка. Она свернула к тротуару и наклонялась через укрытое одеялом пассажирское сиденье, чтобы посмотреть в боковое окно. При виде ее сердитого честного лица из глаз Виктора Крисса впервые ушла ошарашенная пустота, и он нервно взглянул на Генри.

— Что?..

— Пожалуйста! — пронзительно закричала Бев. — У него нож! Нож!

Злость на лице старушки сменилась озабоченностью, удивлением и страхом.

— Что вы делаете? Отпустите ее!

На другой стороне улицы — Бев это видела совершенно отчетливо — Герберт Росс поднялся с кресла на своем крыльце, подошел к перилам. Посмотрел на улицу. Лицо его оставалось таким же пустым и бесстрастным, как и у Рыгало Хаггинса. Он сложил газету, повернулся и скрылся в доме.

— Отпустите ее! — пронзительно прокричала старушка.

Генри оскалился и внезапно побежал к ее автомобилю, таща Беверли за волосы. Бев споткнулась, упала на одно колено, а он продолжал ее тащить, вызывая мучительную чудовищную боль. Она чувствовала, как выдираются волосы.

Старушка закричала и торопливо подняла стекло на пассажирской дверце. Генри, не переставая реветь, ударил ножом, и лезвие заскользило по стеклу. Нога старушки сорвалась с педали сцепления старенького «форда», автомобиль трижды дернулся, продвигаясь по Канзас-стрит, въехал правыми колесами на тротуар и заглох. Генри двинулся за ним, по-прежнему таща за собой Беверли. Виктор облизывал губы и оглядывался. Рыгало надвинул бейсболку «Нью-йоркских янки» на лоб и в недоумении принялся ковырять в ухе.

Бев на мгновение увидела бледное, испуганное лицо старушки. Она нажимала на кнопки блокировки дверного замка, сначала на пассажирском сиденье, потом со своей стороны. После этого она повернула ключ зажигания. Двигатель «форда» фыркнул и завелся. Генри замахнулся ногой и ударом сапога сшиб задний фонарь.

— Пошла отсюда, сухожопая старая крыса!

Покрышки взвизгнули, когда «форд» съехал на мостовую. Проезжающему мимо пикапу пришлось огибать его, чтобы не столкнуться. Водитель возмущенно нажал на клаксон. Генри, улыбаясь,

повернулся к Бев, и она с размаху врезала ему обутой в кроссовку ногой по яйцам.

Улыбка на губах Генри разом превратилась в гримасу дикой боли. Нож вывалился из руки и запрыгал по тротуару. Другая рука отпустила ее спутанные волосы (напоследок еще раз хорошенько дернув), а потом он упал на колени, пытаясь закричать, держась за промежность. Бев видела свои рыжие волосы, оставшиеся на его руке, и в то же мгновение ужас, который она испытывала, превратился в слепящую ярость. Она глубоко, с всхлипом, вдохнула и смачно харкнула на макушку Генри.

Повернулась и побежала.

Рыгало бросился за ней, но через три шага остановился. Он и Виктор подошли к Генри, который оттолкнул их, а потом, шатаясь, поднялся на ноги, все еще держась за яйца обеими руками; в то лето его били туда уже не в первый раз.

Он наклонился и поднял с тротуара нож.

— ...ней, — просипел он.

— Что, Генри? — озабоченно переспросил Рыгало.

Генри повернулся к нему, потное, перекошенное болью лицо пылало такой дикой ненавистью, что Рыгало отступил на шаг.

— Я сказал... пошли... за ней! — удалось выдавить ему, и он заковылял за Беверли, все еще держась за промежность.

— Нам ее теперь не поймать, — неуверенно возразил Виктор. — Черт, да ты еле идешь.

— Мы ее поймаем. — Генри тяжело дышал, его верхняя губа поднималась и опускалась в неосознанной презрительной ухмылке. Капли пота собирались на лбу и скатывались по багровым щекам. — Мы ее поймаем, не боись. Потому что я знаю, куда она шла. Она шла в Пустошь, чтобы встретиться с ее говенными...

S

«Дерри таун-хаус» — 2:00

— ...друзьями, — услышал он голос Беверли.

— Что? — Билл повернулся к ней. Мысли его были далеко. Они шли, держась за руки, молчание только сближало их, усиливая взаимное влечение. Из ее фразы он уловил лишь последнее слово.

В квартале от них, сквозь низко висящий туман, светились окна отеля «Таун-хаус».

— Я сказала, вы были моими лучшими друзьями. Единственными на то время друзьями. — Она улыбнулась. — Заводить друзей я никогда не умела, хотя в Чикаго у меня есть близкая подруга. Ее зовут Кей Макколл. Думаю, тебе бы она понравилась, Билл.

— Вероятно. С друзьями у меня тоже не очень, — улыбнулся и он. — А тогда другие нам были и не ну-ужны. — Он видел капельки влаги в ее волосах, ему нравилось, как свет уличных фонарей создавал нимб вокруг головы Беверли.

— Сейчас мне кое-что нужно.

— Ч-что?

— Мне нужно, чтобы ты меня поцеловал, — ответила она.

Он подумал об Одре, и впервые до него дошло, что Одра похожа на Беверли. Задался вопросом, а может, все дело в этом сходстве, благодаря которому ему и хватило духа предложить Одре встретиться в конце той голливудской вечеринки, где их познакомили. Он почувствовал укол вины... а потом обнял Беверли, свою подругу детства.

Ее поцелуй был и требовательным, и теплым, и сладким. Груди прижались к его расстегнутому пиджаку, бедра коснулись его бедер... отодвинулись, коснулись снова. А когда бедра отодвинулись второй раз, он зарылся обеими руками в ее волосы и сам прижался к ней. Она чуть ахнула, ощутив его поднимающийся член, ткнулась лицом ему в шею. И он почувствовал ее слезы, теплые и тайные.

— Пошли, — прошептала она. — Быстро.

Билл взял ее за руку, и они без остановки прошли остаток пути до отеля. Старое фойе, уставленное кадками с растениями, сохраняло увядающее обаяние. Интерьер целиком и полностью соответствовал вкусам лесопромышленников девятнадцатого столетия. В столь поздний час они не увидели никого, за исключением ночного портье, который, положив ноги на стол, смотрел телевизор в своем офисе. Открытая дверь туда находилась за стойкой. Билл нажал кнопку третьего этажа пальцем, который чуть подрагивал... от возбуждения? Нервозности? Вины? Всего перечисленного? Да, конечно, и от почти что безумного счастья и страха. Эти чувства плохо сочетались друг с другом, но, похоже, обойтись без какого-либо не представлялось возможным. Он повел ее по коридору к своему

номеру, решив по какой-то не очень понятной причине, что изменять, если уж изменять, надо полностью, то есть у себя, а не у нее. И почему-то подумал о Сьюзен Браун, своем первом литературном агенте и своей первой — когда ему еще не исполнилось и двадцати — любовнице.

«Я изменяю. Изменяю жене». Он пытался это переварить, но происходящее казалось одновременно и реальным, и нереальным. Сильнее всего ощущалась тоска по дому: старомодное чувство отрезанности от привычного мира. Одра, наверное, уже встала, варит кофе, сидит за кухонным столом, возможно, учит роль, возможно, читает роман Дика Френсиса.

Его ключ задребезжал в замочной скважине номера 311. Если бы они пошли в номер Беверли на пятом этаже, то увидели бы мигающую лампочку сообщений на ее телефонном аппарате; ночной портье, который смотрел телевизор, передал бы Беверли просьбу ее подруги Кей немедленно позвонить в Чикаго (после третьего отчаянного звонка Кей он наконец-то вспомнил о том, чтобы надиктовать это сообщение на автоответчик): и после восхода солнца им пятерым, возможно, не пришлось бы скрываться от полиции Дерри. Но они пошли в его номер — как, вероятно, и было предопределено.

Дверь открылась. Они переступили порог. Она посмотрела на него — глаза горели, щеки пылали, грудь быстро-быстро вздымалась и опадала. Он обнял ее, и его сокрушило ощущение, что он все делает правильно, что прошлое и настоящее смыкаются в кольцо без малейшего намека на шов. Ногой он неуклюже захлопнул дверь, и она засмеялась теплым дыханием ему в рот.

— Мое сердце... — Она положила его руку себе на левую грудь. Он чувствовал учащенное биение под этой сводящей с ума мягкостью.

— Твое се-ердце...

— Мое сердце.

Они уже добрались до кровати, еще полностью одетые, целующиеся. Ее рука скользнула ему под рубашку, потом выбралась оттуда. Пальчиком она провела по пуговицам, остановилась на поясе... а потом тот же палец продвинулся ниже, исследуя каменную толщину его члена. Мышцы, о существовании которых он не подозревал, ныли и трепетали у него в паху. Он оборвал поцелуй и отодвинулся от нее.

— Билл?

— Должен п-прерваться на ми-ми-минуту, — ответил он. — А не то кончу в ш-штаны, как по-одросток.

Она нежно рассмеялась, посмотрела на него.

— Дело в этом? Или появились сомнения?

— Сомнения, — повторил. — Они у меня в-всегда.

— А у меня нет. Я его ненавижу.

Он взглянул на нее, улыбка увяла.

— До этой ночи рассудком я этого не понимала. Знала, конечно — как-то — полагаю, знала. Он бьет и причиняет боль. Я вышла за него замуж, потому что... потому что, наверное, мой отец всегда тревожился обо мне. Как бы я ни старалась, он тревожился. И, думаю, я знала, что с Томом он бы одобрил мой выбор. Потому что Том тоже стал тревожиться. Очень тревожиться. А пока кто-то тревожился обо мне, я была в безопасности. Больше чем в безопасности. Живой. — Она мрачно посмотрела на него. Блузка Беверли вылезла из слаксов, открывая белую полоску живота. Ему захотелось ее поцеловать. — Но это была не жизнь, а кошмар. Выйдя замуж за Тома, я вернулась в кошмар. Почему человек это делает, Билл? Почему человек по собственной воле возвращается в кошмар?

— Я могу п-представить себе то-олько о-одну причину: лю-юди во-озвращаются назад, чтобы ра-азобраться в себе.

— Кошмар — это здесь, — вздохнула Бев. — Кошмар — это Дерри. В сравнении с этим Том — мелочевка. Теперь я вижу его куда как лучше. Я презираю себя за те годы, что прожила с ним... ты не знаешь... что он заставлял меня делать, и, да, я делала это почти что с радостью, знаешь ли, потому что он тревожился обо мне. Я бы заплакала... но иногда так стыдно. Ты знаешь?

— Нет, — спокойно ответил он и накрыл ее руки своей. Она сжала его ладонь. Глаза подозрительно заблестели, но слезы не полились. — Все о-ошибаются. Но это не э-экзамен. Ты просто проходишь этот этап, делая все, что в т-твоих силах.

— Я хочу сказать, что не изменяю Тому и не пытаюсь использовать тебя, чтобы отомстить ему или что-то в этом роде. Для меня это что-то... разумное, и естественное, и сладкое. Но я не хочу навредить тебе, Билл. Или обманом заставить тебя сделать что-то такое, о чем потом ты будешь сожалеть.

Он подумал об этом, подумал со всей серьезностью. Но странная скороговорка — через сумрак и так далее — вдруг закружила в

голове, ворвавшись в его мысли. День выдался долгим. После звонка Майка и приглашения на ленч в «Нефрит Востока» прошла, похоже, сотня лет. Так много историй. Так много воспоминаний, схожих с фотографиями из альбома Джорджа.

— Друзья не о-о-обманывают друг друга. — Он наклонился к ней. Их губы встретились, и он начал расстегивать ее блузку. Одной рукой Беверли обняла его за шею и притянула к себе, а другой расстегнула молнию на своих слаксах и стащила их. На мгновение его рука задержалась на ее животе; потом трусики последовали за слаксами; после чего он подстраивался, и она направляла.

Когда он входил в нее, она выгнулась навстречу и прошептала:

— Будь моим другом... я люблю тебя, Билл.

— Я тоже люблю тебя. — Он улыбался в ее голое плечо. Они начали медленно, и он почувствовал, как его стал прошибать пот, когда она чуть ускорилась под ним. Лишние мысли отсекались, сознание все более сосредотачивалось на их единении. Ее поры открылись, источая восхитительный мускус.

Беверли почувствовала приближение оргазма. Устремилась к нему, потянулась, ни на миг не сомневаясь, что он придет. Ее тело внезапно завибрировало и, казалось, подскочило вверх, еще не испытав оргазм, но достигнув плато, на которое она никогда не поднималась ни с Томом, ни с двумя любовниками, бывшими у нее до Тома. Она осознавала, что дело идет не к простому оргазму; грядет взрыв тактической атомной бомбы. Она немного испугалась... но тело вновь подхватило заданный ритм. Она почувствовала, как Билл застыл, как все его тело стало таким же твердым, как та часть, что находилась в ней, и в тот самый момент она кончила — начала кончать; ни с чем не сравнимое наслаждение агонией выплеснулось из всех вдруг открывшихся шлюзов, и Беверли укусила Билла в плечо, чтобы приглушить свои крики.

— Господи, — выдохнул Билл, и хотя потом уверенности у нее поубавилось, в тот момент она не сомневалась, что он плачет. Он подался назад, и она подумала, что он хочет выйти из нее — попыталась приготовиться к этому действу, которое всегда приносило с собой мимолетное, необъяснимое ощущение потери и пустоты — и вдруг он с силой снова вошел в нее. Она тут же испытала второй оргазм, хотя такого за собой не знала, и одновременно распахнулось окно памяти, и Беверли увидела птиц, тысячи птиц, опускаю-

щихся на коньки крыш, и на телефонные провода, и на почтовые ящики по всему Дерри, весенних птиц на фоне белесого апрельского неба, и пришла боль, смешанная с удовольствием — но боль легкая, не вызывающая особых эмоций, как не вызывает особых эмоций белесое весеннее небо. Легкая физическая боль смешивалась с легким физическим удовольствием и чувством самоутверждения. У нее потекла кровь... потекла... потекла...

— Вы все? — внезапно закричала она, широко раскрыв глаза, потрясенная.

На этот раз он подался назад и вышел из нее, но, донельзя потрясенная вспыхнувшим откровением, она едва это заметила.

— Что? Беверли? О чем ты?..

— Вы все? Я отдалась вам всем?

Она увидела ошеломленное лицо Билла, его отвисшую челюсть... и внезапное понимание. Но сказалось не ее откровение; даже потрясенная до глубины души, она это видела. Открылось и ему.

— Мы...

— Билл? Что это?

— Так ты нас вытащила, — ответил он, и глаза его заблестели так ярко, что испугали ее. — Беверли, неужели ты не по-о-онимаешь? Так ты нас вытащила! Мы все... но мы были... — Внезапно на его лице отразились испуг, неуверенность.

— Ты помнишь остальное? — спросила она.

Он медленно покачал головой.

— Не в подробностях. — Билл поднял на нее глаза, и Беверли увидела, что он очень испуган. — Наше же-е-елание выбраться — вот что в действительности позволило нам выбраться оттуда. И я не у-уверен... Беверли. Я не уверен, что взрослые могут это сделать.

Она долго молча глядела на него, села на край кровати, сняла остатки одежды, не задумываясь над тем, что делает. Билл любовался ее гладким и прекрасным телом, линия позвоночника едва различалась в сумраке, когда она наклонилась, чтобы снять нейлоновые, до колен чулки. Волосы тяжелой массой падали на одно плечо. Билл подумал, что снова захочет ее до того, как настанет утро, и чувство вины вернулось, сглаживаемое лишь слабым утешением: Одра по другую сторону океана. *«Бросаю еще одну монетку в музыкальный автомат*, — подумал Билл. — *Песня называется «Чего она не знает, то ей не повредит»*. Но где-то вредило. Скажем, в пространствах между людьми.

Беверли встала, разобрала постель.

— Ложись. Нам нужно поспать. Нам обоим.

— Хо-орошо. — Потому что она сказала правду, день выдался очень долгим. Больше всего ему хотелось спать... но не одному, сегодня — точно не одному. Шок, вызванный последним потрясением, сглаживался, возможно, слишком быстро, и сейчас он чувствовал себя таким усталым, таким выдохшимся. Реальность все более переходила в сон, и, несмотря на не отпускающее его чувство вины, он также понимал, что это безопасное место. Какое-то время он мог полежать здесь, поспать в ее объятьях. Он жаждал ее тепла и дружелюбия. Сексуальный заряд оставался у обоих, но это не могло причинить вреда ни одному из них.

Билл снял носки и рубашку и забрался к ней в постель. Она прижалась к нему теплыми грудями, длинными прохладными ногами. Он обнимал ее, ощущая их различия: ее тело длиннее, чем у Одры, груди и бедра более полные, но это желанное тело.

«*Дорогая, с тобой следовало быть Бену*, — сонно подумал он. — *Я считаю, именно так и должно было быть. Почему с тобой не Бен?*

Потому что ты был тогда, и ты — сейчас, вот и все. Потому что то, что должно повториться, всегда повторяется. Кажется, это сказал Боб Дилан... или, может, Рональд Рейган. А может, это я, потому что Бен — тот, кто должен проводить даму домой».

Беверли прижималась, но не сексуально (хотя, пусть он и засыпал, она чувствовала, как его конец напрягается у ее ноги, и радовалась этому), а с тем, чтобы ощущать его тепло. Она и сама наполовину спала. Беверли искренне радовалась тому, что она здесь, рядом с ним, после стольких лет. Она знала это, потому что чувствовала и привкус горечи. Понимала, что у них только эта ночь, может, и возможность еще раз насладиться друг другом завтрашним утром. А потом им предстояло уйти в канализационные тоннели, как они ушли туда прежде, и найти Оно. Круг сожмется еще сильнее и их нынешние жизни плавно перетекут в их детство; они превратятся в существ, пребывающих на каком-то безумном листе Мебиуса.

Или это произойдет, или они все там умрут.

Она повернулась. Он просунул руку между ее боком и рукой, мягко обхватил ладонью грудь. И ей незачем было лежать без сна, задаваясь вопросом, не сожмутся ли пальцы, чтобы причинить боль.

Мысли начали разбегаться — она соскальзывала в сон. Как всегда, она увидела яркие цветы на лугу, по которому шла — множест-

во цветов, которые покачивались под синим небом. Цветы растаяли, и возникло ощущение падения — ощущение, которое в детстве иногда будило ее. Она просыпалась, как от толчка, вся в поту, с раскрытым в крике ртом. Из учебника по психологии, прочитанном в колледже, она узнала, что в детских снах падение — обычное дело.

Но на этот раз она не проснулась, как от толчка. Чувствовала теплую и успокаивающую тяжесть руки Билла, его ладонь и пальцы, обнимающие грудь. «*Если я и падаю*, — подумала она, — *то падаю не одна*».

Потом она приземлилась и побежала: этот сон, каким бы он ни был, развивался быстро. Она бежала за ним, преследуя сон, тишину, может, даже время.

Годы летели. Годы бежали. Если ты разворачиваешься и бежишь за своим детством, ты действительно должен рвать подметки и выкладываться полностью. Двадцать девять, год, когда она начала мелировать волосы (*быстрее*). Двадцать два, год, когда она влюбилась в футболиста, которого звали Грег Мэллори, и он практически изнасиловал ее после вечеринки в студенческом общежитии (*быстрее, быстрее*). Шестнадцать, когда она напилась с двумя подружками на обзорной площадке Холма синешейки в Портленде. Четырнадцать... двенадцать...

быстрее, быстрее, быстрее...

Она бежала в сон, догоняя двенадцать, догнала, проскочила сквозь барьер памяти, один из тех, которыми Оно окружило их всех (по вкусу он напоминал холодный туман, заполнивший легкие, которым она дышала во сне), вбежала в одиннадцатилетие, бежала, бежала, как очумелая, бежала, чтобы обогнать дьявола, теперь оглядываясь, оглядываясь...

6

Пустошь — 12:40

через плечо, выискивая их взглядом, когда, спотыкаясь и оскальзываясь, спускалась вниз по склону. Не видела, пока не видела. Она «действительно приложила его», как иногда говорил ее отец... одной мысли об отце хватило, чтобы по ней прокатилась волна чувства вины и отчаяния.

Она заглянула под хлипкий мост, надеясь увидеть прислоненного к стойке Сильвера, но велосипеда не было. Лежала только горка игрушечного оружия, которое они больше не забирали домой, и ничего больше. Она зашагала по тропе, оглянулась... и вот они: Рыгало и Виктор поддерживали между собой Генри. Все стояли на насыпи, как индейцы-часовые в фильме с Рэндольфом Скоттом. Бледный как смерть Генри указал на нее. Виктор и Рыгало начали помогать ему спуститься по склону. Земля и гравий летели из-под ног.

Беверли долго, словно загипнотизированная, смотрела на них. Потом повернулась и побежала через ручеек, вытекающий из-под моста, игнорируя камни, положенные Беном, расплескивая мелкую воду кроссовками. Она бежала по тропе, горячий воздух врывался в горло. Чувствовала, как дрожат мышцы ног. Сил у нее оставалось немного. Клубный дом. Если бы она успела добраться туда, они бы, наверное, не смогли бы ее поймать.

Она бежала по тропе, ветки хлестали по лицу, по раскрасневшимся щекам, одна ударила по глазу, который начал слезиться. Бев свернула направо, продралась через кусты, вышла на поляну. Увидела, что замаскированные потайная дверца и окно открыты, из них доносится рок-н-ролл. Заслышав шум, Бен Хэнском выглянул из клубного дома. В одной руке он держал коробку мятных леденцов, в другой — комикс Арчи.

Глянул на Бев, у него отвисла челюсть. При других обстоятельствах, она нашла бы это смешным.

— Бев, какого черта...

Она не ответила. Позади, не так уж и далеко, трещали ветки. Донеслось сдавленное проклятие. Похоже, Генри оживал. Она молча подбежала к квадратной дыре, с развевающимися волосами, за которые помимо всякой дряни, налипшей, когда она ползла под мусоровозкой, зацепились листочки и обломки веток.

Бен увидел, что она несется на него, будто сто первая воздушно-десантная дивизия, и исчез так же быстро, как и появился. Беверли соскочила вниз, и он неуклюже ее поймал.

— Закрой все, — она тяжело дышала, — ради бога, поторопись, Бен! Они идут сюда!

— Кто?

— Генри и его дружки! Генри рехнулся, у него нож...

Этого Бену хватило. Он отбросил «Джуниор минтс» и комикс. Крякнув, опустил дверцу. Сверху ее покрывали куски дерна. Клей удерживал их на месте. Несколько кусков дерна чуть елозили, но не более того. Беверли поднялась на цыпочки и закрыла окно. Их окутала темнота.

Беверли принялась лихорадочно искать Бена, нашла, в панике крепко прижалась к нему. Через мгновение он тоже обнял ее. Оба стояли на коленях. Внезапно до Беверли дошло, что где-то в темноте продолжает играть транзистор Ричи: Литл Ричард пел «Девочке с этим не сладить».

— Бен... радио... они услышат...

— Господи!..

Он задел ее массивным бедром и чуть не свалил в темноте. Она услышала, как транзисторный приемник упал на землю. «Девочке с этим не сладить, парни стоят и смотрят, — сообщил им Литл Ричард с присущим ему грубоватым энтузиазмом. — «Девочке с этим не сладить, — подтвердили подпевающие. — Девочке с этим не сладить!» — Бен тоже тяжело дышал. На пару они напоминали два паровых двигателя. Внезапно что-то хрустнуло... и тишина.

— Черт, — вырвалось у Бена. — Я его раздавил. Ричи мне задаст. — Он потянулся к ней в темноте. Она почувствовала, как его рука коснулась одной ее груди и тут же отдернулась, словно обжегшись. Она поискала его, ухватилась за рубашку, потянула к себе.

— Беверли, что...

— Ш-ш-ш...

Он замолк. Они сели рядышком, обнявшись, глядя наверх. Темнота не была кромешной: узкая полоска светилась по одну сторону потайной дверцы, еще три очерчивали окно. Одна из трех — достаточно широкая, чтобы в клубный дом проникал косой луч. Беверли молилась, чтобы Генри с дружками этих щелей не увидели.

Она уже слышала их. Поначалу не могла разобрать слов... потом смогла, и крепче прижалась к Бену.

— Если бы она пошла в бамбук, мы бы увидели ее следы. — Голос Виктора.

— Они играют где-то здесь. — Голос Генри звучал напряженно, слова вылетали по одному, словно каждое давалось ему с трудом. — Мне говорил Козявка Талиендо. В тот день, когда нас закидали камнями, они пришли отсюда.

— Да, они играют в войну и все такое, — добавил Рыгало.

Внезапно оглушающие шаги раздались у них над головой: выложенная дерном крыша чуть просела. Земля посыпалась на поднятое лицо Беверли. Один, двое, может, и втроем они стояли на крыше клубного дома. Желудок скрутило. Ей пришлось прикусить губу, чтобы подавить крик. Ладонь Бена легла ей на щеку, прижала ее лицо к его предплечью. Он тоже смотрел вверх, не зная, гадают ли они... или точно знают и разыгрывают их.

— У них есть какое-то место, — продолжил Генри. — Так говорил мне Козявка. Дом на дереве или что-то такое. Они называют его своим клубом.

— Если они хотят клуб, я им накостыляю*, — бросил Виктор. Рыгало захохотал, как гиена.

Топтание над головой. Крыша чуть зашаталась. Конечно, они не могли этого не заметить. Обычная земля так себя не ведет.

— Пойдем к реке, — решил Генри. — Готов спорить, она там.

— Хорошо, — согласился Виктор.

Шаги, шаги. Они уходили. Выдох облегчения прорвался сквозь стиснутые зубы Беверли... и тут Генри добавил:

— Рыгало, останешься здесь, будешь стеречь тропу.

— Ладно, — ответил Рыгало и заходил взад-вперед, иногда в стороне от крыши, иной раз прямо по ней. Земля продолжала осыпаться. Бен и Беверли тревожно поглядывали друг на друга. Напряженные лица становились все грязнее. Бев вдруг поняла, что в клубном доме теперь пахнет не только дымом... теперь здесь воняло потом и помойкой. «*Это от меня*», — с отвращением подумала она. Но, несмотря на запах, еще сильнее обняла Бена. Его большое тело вдруг стало таким желанным, таким уютным, и она только радовалась, что обнимать было чего. Перед летними каникулами он, возможно, был трусливым толстяком, но теперь стал другим. Изменился, как и они все. Если бы Рыгало обнаружил, что они здесь, Бен мог сильно его удивить.

— Если они хотят клуб, я им накостыляю, — повторил Рыгало и захихикал. Наверное, точно так же хихикал бы и тролль. — Накостыляю им, если они хотят клуб. Это хорошо. Круто.

---

* На английском фраза звучит: «I club them, if they want a club». Клуб и накостылять передаются одним словом — «club», потому Рыгало и смеется.

Она почувствовала, как торс Бена сотрясается резкими, короткими движениями, словно он малыми порциями втягивает воздух в легкие и точно так же выпускает его. Встревожившись, она подумала, что он заплакал, но присмотрелась к его лицу и поняла, что он пытается сдержать смех. Его глаза, наполнившиеся слезами, встретившиеся с ее, дико вращались. Он отвернулся. В слабом свете, едва проникающем в щели у потайной дверцы и окна, она видела, что лицо Бена побагровело от усилия не засмеяться.

— Накостылять им, если хотят клуб-тулуп. — И с этими словами Рыгало уселся по центру крыши. На сей раз она задрожала сильнее, и Бен услышал тихий, но зловещий треск одной из подпорок. Крыша предназначалась для того, чтобы держать маскирующий слой дерна... но теперь к дерну добавилось сто шестьдесят фунтов Рыгало.

«*Если он сейчас не встанет, то плюхнется к нам на колени*», — подумала Бев, и ее тоже начал разбирать смех. Смех пытался вырваться из нее воплями и ревом. Мысленным взором она увидела, как приоткрывает окно, высовывает руку и щекочет спину Рыгало Хаггинса, сидящего под теплым солнышком, хихикающего и что-то бормочущего. В последней отчаянной попытке сдержать смех она уткнулась лицом в грудь Бена.

— Ш-ш-ш-ш, — прошептал Бен. — Ради бога, Бев...

Затрещало. На этот раз сильнее.

— Выдержит? — прошептала она в ответ.

— Возможно, если он не пернет, — ответил Бен, и мгновением позже Рыгало именно так и поступил — выдал длинную, как минимум на три секунды, очередь. Они еще крепче прижались друг другу, заглушая смешки. У Беверли так заболела голова, что она испугалась, как бы ее не хватил удар.

А потом она услышала, что Генри откуда-то издалека зовет Рыгало.

— Что? — Рыгало поднялся, и на лица Бена и Беверли вновь посыпалась земля. — Что, Генри?

Генри что-то прокричал в ответ. Беверли разобрала только два слова: «берег» и «кусты».

— Хорошо! — откликнулся Рыгало и в последний раз прошелся по крыше клубного дома. Вновь раздался треск, еще более громкий, и на колени Бев упала щепка. Она изумленно уставилась на нее.

— Еще пять минут, — прошептал Бен. — Больше бы крыша не выдержала.

— Ты слышал, как он запердел? — спросила Бев и начала смеяться.

— Прозвучало, как начало третьей мировой. — Бен присоединился к ней.

Они слишком долго сдерживались, а потому испытывали теперь огромное облегчение, но смеяться старались все-таки тихо.

Наконец, не подозревая, что собирается это сказать (и, конечно же, не потому, что фраза эта имела хоть какое-то отношение к сложившейся ситуации), Бев повернулась к Бену.

— Спасибо за стихотворение, Бен.

Бен разом перестал смеяться и бросил на нее серьезный, настороженный взгляд. Достал из заднего кармана грязный носовой платок, медленно вытер лицо.

— Стихотворение?

— Хайку. Хайку на почтовой открытке. Ты послал ее, так?

— Нет, — ответил Бен. — Я не посылал тебе хайку. Потому что, если такой мальчик, как я, такой толстяк, как я, сделал бы что-то подобное, девочка, вероятно, подняла бы его на смех.

— Я не смеялась. Я подумала, что стихотворение прекрасное.

— Я не могу написать ничего прекрасного. Билл, возможно. Не я.

— Билл напишет, — согласилась она. — Но такого милого ему никогда не написать. Дашь платок?

Он протянул ей платок, и она принялась вытирать лицо.

— Как ты узнала, что это я? — наконец спросил он.

— Я не узнала, — ответила Беверли. — Просто поняла.

Шея Бена судорожно дергалась. Он смотрел на свои руки.

— Ничего такого я этим сказать не хотел.

Она пристально посмотрела на него.

— Надеюсь, ты только сейчас так говоришь. Если нет, ты испортишь мне день, а должна признать, он у меня и так не из лучших.

Он продолжал смотреть на свои руки, а когда разлепил губы, ей с трудом удалось расслышать его слова.

— Я хочу сказать, что люблю тебя, Беверли, но не хочу ничему мешать.

— Ты не помешаешь. — Она обняла Бена. — Сейчас мне нужна вся любовь, которую я могу получить.

— Но тебе особенно нравится Билл.

— Может, и нравится, но это не имеет значения. Будь мы взрослыми, наверное, имело бы. А так вы все нравитесь мне особенно. Вы — единственные мои друзья. И я тоже люблю тебя, Бен.

— Спасибо. — Он помолчал, собрался с духом и признался. Даже сумел заставить себя поднять на нее глаза. — Стихотворение написал я.

Какое-то время они посидели молча. Беверли ощущала себя в безопасности. Защищенной. И когда они так сидели, лицо отца и нож Генри, возникающие перед ее мысленным взором, уже не казались такими яркими и угрожающими. Она не смогла бы выразить словами это чувство защищенности, да и не пыталась, хотя много позже поняла, в чем дело: ее обнимал мужчина, который, не задумываясь, умер бы ради нее. Это она просто знала, по какой-то составляющей запаха, идущего из пор Бена, по чему-то самому первобытному, на что реагировали ее собственные железы.

— Остальные собирались вернуться, — внезапно заволновался Бен. — Что, если их поймают?

Беверли выпрямилась, осознав, что уже почти задремала. Билл, вспомнила она, пригласил Майка Хэнлона к себе на ленч. Ричи собирался пойти домой со Стэном и перекусить сандвичами. И Эдди обещал принести игровую доску для пачиси. Они могли подойти совсем скоро, не подозревая о том, что Генри с дружками в Пустоши.

— Мы должны перехватить Билла и остальных, — решила Беверли. — Генри охотится не только за мной.

— Если мы вылезем, а они как раз вернутся...

— Да, но мы-то знаем, что они здесь. Билл и остальные — нет. Эдди даже не может бежать, они уже сломали ему руку.

— Ооссподи-суси! — выдохнул Бен. — Тогда нам придется рискнуть.

— Да. — Она сглотнула слюну и посмотрела на «Таймекс». В полумраке циферблат едва просматривался, но ей показалось, что уже второй час. — Бен...

— Что?

— Генри действительно рехнулся. Как тот парень в «Школьных джунглях». Он собирался меня убить, а эти двое ему в этом только бы помогли.

— Нет, — отмахнулся Бен. — Генри, конечно, псих, но не до такой степени. Он только...

— Только — что? — спросила Беверли. Вспомнила Генри и Патрика на свалке автомобилей под ярким солнцем. Пустые глаза Генри.

Бен не ответил. Он думал. Многое менялось, так? А когда ты сам часть этих перемен, заметить их сложнее. Надо отступить в сторону, чтобы увидеть их... и при этом еще придется постараться. Когда закончился учебный год, он только боялся Генри, но лишь потому, что Генри был крупнее и измывался над младшими: мог схватить первоклассника, до боли заломить ему руку за спину и отпустить, плачущего, дав еще и пинка. Но ничего больше. Потом он изрезал живот Бену. Далее последовала битва камней, и Генри бросал М-80 людям в голову. Эти фейерверки могли убить человека. Легко могли убить. И выглядел он теперь по-другому... почти что одержимым. Его следовало остерегаться постоянно, как следует остерегаться тигров или ядовитых змей, если ты в джунглях. Но к этому привыкаешь. Настолько привыкаешь, что не видишь в этом ничего необычного, принимаешь за атрибут жизни. Но Генри рехнулся, так? Да. Бен понимал это и в последний день школьных занятий, но сознательно отказывался в это верить или помнить об этом. В такое не хотелось верить, и помнить о таком не хотелось. И внезапно в голову проникла мысль — решительная мысль, не позволяющая сомневаться в ее непреложности, — проникла и расползлась, как холодная октябрьская грязь. «*Оно использует Генри. Может, и других тоже, но их Оно использует уже через Генри. И если это соответствует действительности, то Беверли все говорит правильно. Это тебе не заворот руки за спину или подзатыльник во время самостоятельных занятий в конце учебного дня, пока миссис Дуглас читает за столом свою книгу, и не толчок на школьной игровой площадке, после которого ты падаешь и обдираешь коленку. Если Оно использует Генри, тогда Генри может пустить в ход нож*».

— Одна старая женщина увидела, как они пытались меня побить, — говорила Беверли. — Генри бросился за ней. Разбил задний фонарь ее автомобиля.

Это встревожило Бена больше всего. Интуитивно он понимал, как и большинство детей, что они живут ниже плоскости зрения,

а потому и плоскости мышления, большинства взрослых. Когда взрослый шел по улице, погруженный в свои взрослые мысли о работе, о встречах и покупке автомобиля или о чем там еще думают взрослые, он никогда не замечал детей, играющих в классики, или в войну, или в пятнашки, или в чай-чай-выручай, или в прятки. Хулиганы вроде Генри могли всласть измываться над другими детьми, если помнили о том, что должны оставаться ниже плоскости видения взрослых. В самом крайнем случае проходящий взрослый мог сказать что-то вроде: «Почему бы вам это не прекратить?» — и двинуться дальше, не дожидаясь, чтобы посмотреть, прекратил хулиган безобразничать или нет. Так что хулиган обычно вел себя смирно, а когда взрослый поворачивал за угол... принимался за свое. Словно взрослые думали, что реальная жизнь начинается лишь после того, как человек становился выше пяти футов.

Если Генри набросился на какую-то старушку, он тем самым поднялся выше плоскости видения взрослых. И Бен не мог найти более убедительного свидетельства безумия Генри.

По лицу Бена Беверли поняла, что он ей верит, и испытала облегчение. Она могла не говорить о том, что мистер Росс просто сложил газету и ушел в дом. Она не хотела говорить об этом. Слишком это пугало.

— Пошли на Канзас-стрит. — Бен резко открыл потайную дверцу. — Приготовься к тому, что придется бежать.

Он высунулся из клубного дома и огляделся. На поляне царило спокойствие. Слышалось лишь журчание Кендускига, протекающего совсем рядом, пение птиц, мерное урчание дизельного двигателя тепловоза на железнодорожной станции. Больше ничего — и это настораживало. Наверное, гора упала бы с плеч Бена, если б он услышал, как Генри, Виктор и Рыгало с руганью ломятся через кусты на берегу. Но эти звуки до его ушей не доносились.

— Вылезаем. — Он выбрался сам и помог вылезти Беверли. Она тоже тревожно огляделась, руками пригладила волосы, поморщилась, почувствовав, какие сальные.

Он взял ее за руку, и сквозь кусты они направились на Канзас-стрит.

— Нам лучше не показываться на тропе.

— Нет, — возразила Беверли. — Мы должны спешить.

Он кивнул.

— Хорошо.

Они вышли на тропу и зашагали на Канзас-стрит. Однажды она споткнулась о камень на тропе и...

7

Территория семинарии — 2:17

...Генри тяжело упал на посеребренный луной тротуар. Что-то буркнул, а вместе с бурчанием полилась кровь, расплескалась по треснутому бетону. В лунном свете она выглядела черной, как кровь жука. Генри долго и тупо смотрел на кровь, потом поднял голову, чтобы оглядеться.

Канзас-стрит в столь поздний час спала. Дома стояли темные, лишь кое-где горели ночники.

Ага. Канализационная решетка.

Шарик с улыбающейся физиономией, привязанный к одному из стальных прутьев, покачивался под слабым ветерком.

Генри поднялся на ноги, прижимая к животу липкую руку. Ниггер приложил его крепко, но Генри приложил ниггера сильнее. Дассэр. И Генри чувствовал, что по сравнению с ниггером он еще очень легко отделался.

— Парню крышка, — пробормотал Генри и, пошатываясь, миновал воздушный шарик. Свежая кровь, продолжающая сочиться из раны на животе, заблестела на руке. — С ним покончено. Сделал сопляка. Сделаю их всех. Будут знать, как бросать камни.

Мир покачивался на длинных, пологих волнах, тех самых комберах, какие показывали по стоящему в палате телику перед каждой серией «Отдела 5-О»,

(*арестуй их, Дэнно, ха-ха, Джек гребаный Лорд* в порядке. Джек гребаный Лорд очень даже в порядке*)

и Генри мог Генри мог Генри мог почти...

(*слышать звук, который издавали большие парни с Оаху, когда поднимались на гребень и сотрясали*

---

* «Арестуй их, Дэнно» — ключевая фраза, которой заканчивается почти каждая серия «Отдела 5-0».

(сотрясалисотрясалисотрясали

(реальность мира. «Пайплайн». «Шантис»**. Помните «Пайплайн»? «Пайплайн» была очень ничего. «Уайп-аут»***. Безумный смех в самом начале, напоминающий смех Патрика Хокстеттера. Гребаный пидор. Дрочил себе, как и мне)*

что его волновало, так это

(черт, гораздо лучше, чем хорошо, все просто ОТЛИЧНО, все ПРОСТО ЗАМЕЧАТЕЛЬНО

(хорошо Пайплайн седлай ее не отступай мои ребята ловят волну и

(седлают

(седлаютседлаютседлают

(волна и тротуар серфингуют со мной седлай

(волну седлай мир но держи)

ухо в голове: оно продолжало слышать тот громкий дребезжащий звон; глаз в голове: он продолжал видеть голову Виктора, поднимающуюся на конце той пружины, с веками, и щеками, и лбом, татуированными розочками крови.

Генри смотрит налево и сквозь застилающий глаза туман видит, что дома уступили место высокой зеленой изгороди. Над ней возвышается узкая, мрачная викторианская глыба Теологической семинарии. Все окна темны. Последние выпускники покинули стены семинарии в июне 1974 года. Тем же летом двери семинарии закрылись, и если кто теперь и входил в это здание, то в одиночестве... и по разрешению клуба болтливых женщин, которые именовали себя «Историческим обществом Дерри».

Генри подошел к дорожке, которая вела к парадной двери. Ее перегораживала тяжелая цепь, с которой свисала металлическая табличка с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. ТЕРРИТОРИЯ ОХРАНЯЕТСЯ ПОЛИЦЕЙСКИМ УПРАВЛЕНИЕМ ДЕРРИ».

Здесь ноги Генри заплелись, и он вновь тяжело плюхнулся на тротуар. Шмяк! Впереди автомобиль выехал на Канзас- с Хоторнстрит. Свет залил мостовую и тротуары. Генри всматривался в ослепительное сияние, пока не увидел мигалки на крыше: к нему приближался легавомобиль.

---

* «Пайплайн» — считается лучшей песней о серфинге.

** «Шантис»/«The Chantays» — калифорнийская серф-рок-группа, «Пайплайн» — песня этой группы.

*** «Уайп-аут» — еще одна известная песня о серфинге.

Он прополз под цепью и свернул налево, под прикрытие зеленой изгороди. Ночная роса приятно холодила разгоряченное лицо. Генри уткнулся в траву, поворачивал голову из стороны в сторону, пил, что мог выпить.

Патрульная машина проплыла мимо, не снижая скорости.

Потом внезапно включилась мигалка, разгоняя темноту вспышками синего света. На пустынных улицах в сирене не было никакой необходимости, но она вдруг заревела во всю мощь. С мостовой донесся визжащий скрип покрышек.

«*Поймали, меня поймали*», — запричитал разум... и лишь потом Генри сообразил, что патрульная машина удаляется от него по Канзас-стрит. Мгновение спустя адский, пронзительный вой наполнил ночь, надвигаясь на него с юга. Он представил себе огромного, с шелковистой шерстью, черного кота, прыжками несущегося в темноте, с зелеными глазами и стоящей дыбом шерстью, Оно в новом обличье, спешащее к нему, спешащее пожрать его.

Мало-помалу (и только по мере того, как вой стал стихать) он сообразил, что мимо проехала «скорая», в том же направлении, что и легавомобиль. Дрожа всем телом, Генри лежал на мокрой траве, теперь слишком холодной, борясь

(*пей друг веселись друг рок-н-ролль у нас курицы в сарае в каком еще сарае в моем они сарае*)

с тошнотой. Он боялся, что выблюет все кишки, если его начнет рвать... а ему предстояло убрать еще пятерых.

«*Скорая» и патрульная машина. Куда они направлялись? Разумеется, в библиотеку. К ниггеру. Но они опоздали. Я его прирезал. Могли бы и не включать сирену, парни. Он ее не услышит. Он такой же мертвый, как и заборный столб. Он...*

А мертвый ли?»

Генри облизнул трескающиеся губы сухим языком. Будь ниггер мертв, сирена не оглашала бы ночь криком раненой пантеры. А оглашала только потому, что он им позвонил. Так возможно — только возможно — ниггер не мертв.

— Нет, — выдохнул Генри, перекатился на спину и уставился в небо, на миллиарды сверкающих там звезд. Оно прибыло оттуда, это он знал. Откуда-то с неба... Оно...

(*прибыло извне охочее до земных женщин прибыло чтобы ограбить всех женщин и изнасиловать всех мужчин слушай Фрэнк ты*

хотел сказать ограбить всех мужчин и изнасиловать всех женщин кто ведет это шоу глюпый человек, ты или Джессус? Виктор частенько так говорил или что-то похожее на это)
прибыло из межзвездного пространства. От одного взгляда на звездное небо по коже побежали мурашки: слишком оно большое, слишком черное. И так легко представить себе, как оно все становится красным, так легко представить себе, как из линий огня формируется Лицо...

Он закрыл глаза, дрожа всем телом, прижимая руки к животу, и подумал: «*Ниггер мертв. Кто-то услышал, как мы дрались и вызвал копов, чтобы они проверили, что там такое, ничего больше*».

Но зачем «скорая»?

— Заткнись, заткнись, — простонал Генри. Он вновь почувствовал прежнюю ярость; вспоминал, как они снова и снова били его в те давние дни — давние дни, которые казались теперь такими близкими и жизненно важными, — как всякий раз, когда он уже думал, что они у него в руках, каким-то образом они ускользали, просачиваясь сквозь пальцы. Так произошло и в тот последний день, когда Рыгало увидел эту сучку, бегущую по Канзас-стрит к Пустоши. Он это помнил, да, помнил достаточно ясно. Когда тебя пинают в яйца, ты это запоминаешь. А в то лето с ним такое случалось снова и снова.

Генри с трудом сел, морщась от пронзающей кишки боли.

Виктор и Рыгало помогли ему спуститься в Пустошь. Он шел как мог быстро, несмотря на дикую боль в яйцах и нижней части живота. Потому что пришло время с этим покончить. Они следовали по тропе, ведущей к поляне, от которой пять или шесть троп расходились, словно радиусы паутины. Да, именно здесь играли эти сопляки; и определить это мог не только Тонто*. Тут и там валялись обертки от конфет и батончиков, оборванный конец от рулона пистонов, черных и красных. Несколько досок и опилки говорили о том, что здесь еще и что-то строили.

Он помнил, как стоял посреди поляны и оглядывал деревья в поисках шалаша, построенного на одном из них. Если бы нашел, то залез бы в него и, прячься девчонка там, перерезал бы ей глотку, а потом щупал бы за сиськи, пока они не перестали бы двигаться.

---

* Тонто — индеец, верный друг и спутник Одинокого рейнджера.

Но найти шалаш он не смог, как не смогли ни Виктор, ни Рыгало. И знакомое раздражение охватило его. Они с Виктором оставили Рыгало стеречь поляну, а сами пошли к реке. Но и там не нашли следов девчонки. Он помнил, как наклонился, поднял камень и...

8

Пустошь — 12:55

...бросил в воду, разъяренный и сбитый с толку.

— И куда, на хрен, она пошла? — спросил он, развернувшись к Виктору.

Виктор покачал головой:

— Не знаю. У тебя кровь.

Генри посмотрел вниз, увидел темное пятно, размером с четвертак, на промежности джинсов. Резкая боль ушла, низ живота едва заметно ныл, но трусы становились маловаты и уже жали. Яйца распухали. Вновь он почувствовал нарастающую злость, будто узловатая веревка стянула сердце. Это сделала девчонка.

— Где она? — прошипел Генри, глядя на Виктора.

— Не знаю, — ответил Виктор лишенным эмоций голосом, с отсутствующим видом, будто загипнотизированный или получивший солнечный удар. — Убежала, наверное. Она уже могла добраться до Олд-Кейп.

— Туда она не пошла, — возразил Генри. — Она прячется. У них есть какое-то место, и она там прячется. Может, это не шалаш на дереве. Может, что-то еще.

— Что?

— Я... не... знаю! — проорал Генри, и Виктор отпрянул.

Генри стоял в Кендускиге, оглядываясь, холодная вода, бурля, перетекала через его сапоги. Его взгляд остановился на бетонном цилиндре, возвышающемся над насыпью в двадцати футах ниже по течению — насосной станции. Генри вышел из воды и направился к цилиндру. Кожа на лице, казалось, натянулась, глаза широко раскрылись, чтобы видеть больше и лучше. И он буквально почувствовал, как короткие волосики в ушах зашевелились, пришли в движение, словно водоросли под приливной волной.

Низкое гудение доносилось из насосной станции, и он видел трубу, которая выходила из насыпи и заканчивалась над Кендускигом. Поток густой жижи вытекал из трубы в воду.

Он наклонился над железной решеткой, накрывающей цилиндр.

— Генри? — нервно спросил Виктор. — Генри? Что ты делаешь?

Генри не потрудился ответить. Одним глазом приник к круглой дыре в решетке, но не увидел ничего, кроме черноты. Приложил к дыре ухо.

— *Жди...*

Голос приплыл к нему из черных глубин, и Генри почувствовал, как внутри у него все похолодело, вены и артерии превратились в ледяные трубки. Но вместе с этими ощущениями пришло и почти незнакомое чувство: любовь. Его глаза раскрылись еще шире. Глупая улыбка растянула губы. Тот же голос, что и с луны. Только теперь Оно оказалось внизу, на насосной станции... внизу, в канализационных тоннелях.

— *Жди... наблюдай...*

Он ждал, но больше ему ничего не сказали — только мерно гудели насосы. Он вернулся к Виктору, который настороженно поглядывал на него. Ничего ему не сказал, позвал Рыгало. Какое-то время спустя тот появился.

— Давай сюда, — бросил ему Генри.

— Что будем делать, Генри? — спросил Рыгало.

— Ждать. Наблюдать.

Они тихонько подкрались к поляне и сели, не выходя на нее. Генри попытался стянуть вниз трусы, чтобы они не давили на распухшие яйца, но попытка эта вызвала очень уж сильную боль.

— Генри, что... — начал Рыгало.

— Ш-ш-ш!

Рыгало замолчал. У Генри была пачка «Кэмел», но сигареты он раздавать не стал. Не хотел, чтобы сучка унюхала табачный дым, если находилась где-то неподалеку. Он мог бы объяснить, но не видел в этом необходимости. Голос произнес только два слова, и ему все стало ясно. Они здесь играли. Скоро придут другие. И чего гоняться только за одной сучкой, если они могли добраться до всех семерых маленьких говнюков?

Они ждали и наблюдали. Виктор и Рыгало, казалось, заснули с открытыми глазами. Просидели они недолго, но этого времени Ген-

ри хватило, чтобы подумать о многом. К примеру, о том, как этим утром он нашел нож. В последний учебный день Генри носил с собой другой нож, а потом где-то его потерял. Этот был круче.

Его прислали по почте.

В каком-то смысле.

Генри стоял на крыльце, глядя на помятый, наклонившийся почтовый ящик у их дома, пытаясь понять, что же такое он видит. Над ящиком висели воздушные шарики. Два привязали к металлическому крюку, на который почтальон иногда вешал посылки, остальные — к флагштоку. Красные, желтые, синие, зеленые. Словно какой-то странный цирк глубокой ночью прошел по Уитчем-роуд, оставив по себе этот след.

Подходя к почтовому ящику, он увидел, что на шариках нарисованы лица — лица сопляков, которые доставали его все лето, выставляли на посмешище при любой возможности.

Он смотрел на эти физиономии, разинув рот, а потом шары полопались, один за другим. Его это порадовало. Он словно заставил их полопаться. Только подумав об этом, убил силой мысли.

Крышка почтового ящика неожиданно распахнулась. Генри подошел, чтобы посмотреть, нет ли чего внутри. Хотя почтальон добирался в такую даль только после полудня, Генри не удивился, увидев в почтовом ящике плоскую прямоугольную посылку. Вытащил ее. Прочитал адрес: «Мистеру ГЕНРИ БАУЭРСУ, БДП* № 2, ДЕРРИ, штат МЭН». Прочитал обратный адрес: «Мистер РОБЕРТ ГРЕЙ, ДЕРРИ, штат МЭН».

Он разорвал оберточную бумагу, бросил на землю. Внутри оказалась белая коробка. Открыв ее, Генри увидел нож с выкидным лезвием, лежащий на белой вате. Он отнес коробку в дом.

Его отец спал на соломенном тюфяке в окружении пустых банок из-под пива, живот возвышался над желтыми трусами. Генри опустился рядом с ним на колени, прислушался к храпу и дребезжащему дыханию отца, наблюдая, как его лошадиные губы поджимаются и морщатся при каждом вдохе.

Генри приставил торец ножа, из которого выскакивало лезвие, к тощей шее отца. Тот чуть дернулся, а потом вернулся в глубокий пивной сон. Генри держал нож у шеи минут пять, глаза его затуманились задумчивостью, подушечка большого пальца поглаживала

* БДП — бесплатная доставка почты (в сельскую местность).

серебристую кнопку на боковой поверхности ножа. Голос с луны заговорил с ним — шептал, как весенний ветер, вроде бы теплый, но с запрятанным внутрь холодом, шуршал, как растревоженные осы в гнезде, убеждал, как ловкий политик.

Все, что услышал Генри от голоса, показалось ему верным, и он нажал на серебристую кнопку. В ноже что-то щелкнуло, сработала пружина, и шесть дюймов стали вонзились в шею Буча Бауэрса. Лезвие вошло в шею так же легко, как зубцы вилки входят в хорошо сваренную куриную грудку. Острие выскочило с другой стороны, капая кровью.

Глаза Буча открылись. Он уставился в потолок. Челюсть отвисла. Кровь побежала из уголков рта вниз по щекам к мочкам ушей. В горле забулькало, большущий кровавый пузырь образовался между обвисших губ и лопнул. Рука отца нашла колено Генри и судорожно сжала его. Генри не возражал. Рука отпала сама. Мгновением позже прекратилось бульканье. Буч Бауэрс умер.

Генри вытащил нож, вытер его о грязную простыню, которая прикрывала соломенный тюфяк отца, и заталкивал лезвие обратно, пока не щелкнула пружина. Без особого интереса посмотрел на отца. Пока он стоял на коленях рядом с Бучем, приставив нож к его шее, голос сказал ему о том, что нужно сделать в этот день. Объяснил все. И Генри пошел в другую комнату, чтобы позвонить Рыгало и Виктору.

Теперь они сидели втроем, все вместе, и пусть яйца ужасно болели, нож, лежащий в переднем левом кармане, вселял спокойствие. Он чувствовал, что скоро снова пустит его в ход. Другие вернутся, чтобы продолжить их детские игры, и тогда начнется резня. Голос с луны все ему расписал, пока он стоял на коленях рядом с отцом, и по пути в город он не мог оторвать глаз от бледного призрака-диска в небе. И видел не луну, а человеческое лицо — ужасное мерцающее лицо-призрак с кратерными дырами вместо глаз и беззубой ухмылкой, растянутой чуть ли не до скул. Оно говорило

(*здесь внизу мы летаем Генри мы все летаем ты тоже скоро будешь летать*)

всю дорогу. «*Убей их всех, Генри*», — вещал голос-призрак с луны, и Генри понимал, о ком речь. Чувствовал, что затея эта ему по душе. Он убьет их всех, своих мучителей, и тогда все эти неприятные мыс-

ли — что он теряет хватку, что неумолимо приближается к большому миру, где не сможет верховодить, как на игровой площадке начальной школы Дерри, к миру, где жирдяй, и ниггер, и этот заикающийся выродок будут расти, а он только становиться старше — уйдут.

Он убьет их всех, и голоса — и те, что внутри, и тот, что говорил с ним с луны, — оставят его в покое. Он убьет их, и вернется домой, и будет сидеть на заднем крыльце, положив на колени отцовский японский меч-сувенир. Будет пить отцовское пиво. Будет слушать радио, но не бейсбол. Бейсбол — это для обывателей. Вместо этого он послушает рок-н-ролл. Хотя Генри этого не знал (и плевать хотел, если б знал), в этом он и Неудачники придерживались одного мнения: рок-н-ролл — это очень даже круто. *«У нас курицы в сарае, в каком еще сарае, в моем они сарае»**. И все тогда будет хорошо, все тогда будет отлично; все тогда будет тип-топ, а что может произойти потом, уже не будет иметь ровно никакого значения. Голос о нем позаботится — Генри это чувствовал. *«Если ты заботишься об Оно, Оно позаботиться о тебе. Так заведено в Дерри с незапамятных времен»*.

Но сопляков нужно остановить, остановить скоро, остановить сегодня. Так сказал ему голос.

Генри достал из кармана новый нож, посмотрел на него. Покрутил, восхищаясь тем, как подмигивает солнце и соскальзывает с хромированной поверхности. А потом Рыгало схватил его за руку и просипел:

— Посмотри на это, Генри! Ё-моё! Посмотри!

Генри посмотрел, и яркий свет понимания вспыхнул в голове. Квадратный участок поляны поднимался, словно по волшебству, открывая растущую щель темноты. Только на мгновение он почувствовал ужас, решив, что это обладатель того голоса... потому что Оно обитало где-то под городом. Потом услышал скрип земли в петлях и понял. Они не смогли найти шалаш на дереве, потому что его и не было.

— Господи, мы же стояли прямо над ними, — прошептал Виктор, когда из квадратного люка в центре поляны появились голова

---

* Слова из песни «Что скажешь»/«What do you say?» Чабби Чекера (р. 1941, настоящее имя Эрнест Эванс), американского певца и автора песен, очень популярного в конце 1950-х — начале 1960-х гг.

и плечи Бена. Виктор уже рванулся на поляну, но Генри схватил и удержал его.

— Разве мы не собираемся сделать их, Генри? — спросил Виктор, когда Бен вылезал из подземелья. Оба тяжело дышали.

— Мы их сделаем, — ответил Генри, не сводя глаз с ненавистного жирдяя. «*Еще один любитель бить по яйцам. Я тебе ударю по яйцам так, что ты сможешь носить их, как серьги, жирная падла. Подожди и увидишь, что так и будет*». — Не волнуйся.

Жирдяй помогал сучке вылезти из ямы. Она тревожно огляделась, и на мгновение Генри решил, что она смотрит прямо на него. Но потом ее взгляд сместился в сторону. Парочка пошепталась, направилась к подлеску и исчезла из виду.

— Пошли. — Генри поднялся, когда треск веток и шуршание листьев стихло. — За ними. Но идем тихо и близко не подходим. Я хочу взять их всех.

Втроем они пересекли поляну, пригнувшись, зыркая во все стороны, словно разведчики в тылу врага. Рыгало остановился, чтобы заглянуть в клубный дом, и изумленно покачал головой.

— Я же сидел у них на голове.

Генри нетерпеливо махнул рукой, предлагая не задерживаться.

Они шли по тропе, чтобы не шуметь. Половина пути до Канзас-стрит осталась позади, когда сучка и жирдяй, держась за руки («*Ну не клево ли?*» — чуть ли не в экстазе подумал Генри), появились буквально перед ними.

К счастью, спиной к Генри и его компании, и никто из них не оглянулся. Генри, Виктор и Рыгало застыли, а потом сошли с тропы в кусты. И вскоре Бен и Беверли превратились в две рубашки, едва видимые сквозь зелень. Троица продолжила преследование... осторожно. Генри вновь достал нож и...

9

Генри подвозят — 2:30

...надавил на хромированную кнопку на рукоятке. Лезвие выскочило. Генри мечтательно посмотрел на него. Ему нравилось, как звездный свет играл на стали. Он понятия не имел, сколько прошло времени. Теперь он то уплывал из реальности, то возвращался в нее.

Какой-то звук вторгся в сознание Генри и начал нарастать. Шум автомобильного двигателя. Он приближался. Глаза Генри раскрылись в темноте. Он крепче сжал нож, ожидая, что автомобиль проедет мимо.

Не проехал. Свернул к тротуару за зеленой изгородью и остановился, двигатель теперь работал на холостых оборотах. Поморщившись (живот у него затвердевал; уже стал как доска, и кровь лениво сочилась меж пальцев, обретя вязкость кленового сока в период его сбора, который начинался в конце марта или в начале апреля), Генри поднялся на колени и чуть раздвинул жесткие ветки зеленой изгороди. Увидел свет фар и силуэт автомобиля. Копы? Его рука сжимала нож и расслаблялась, сжимала и расслаблялась, сжимала и расслаблялась.

«Я прислал за тобой автомобиль, Генри, — прошептал голос. — *Вроде такси, ты понимаешь. В конце концов, нам как-то надо побыстрее доставить тебя в «Таун-хаус». Ночь проходит».*

Голос издал сухой смешок и замолчал. Остались только стрекот цикад да шум работающего на холостых оборотах двигателя. *«Похоже, у него глушитель «бомба с вишнями»*», — рассеянно подумал Генри.

Он неуклюже поднялся и вновь вышел на дорожку, ведущую к парадному входу в семинарию. Выглянул из-за изгороди. Не легавомобиль: никаких мигалок на крыше и обводы другие. Обводы... старой модели.

Генри вновь услышал хихиканье... а может, это ветер шелестел листвой.

Он вышел из тени изгороди, прополз под цепью, вновь поднялся, направился к автомобилю, который появился в этом черно-белом полароидном мире лунного света и непроницаемых теней. Выглядел Генри ужасно: джинсы, чуть ли не до колен пропитавшиеся кровью, почерневшая от крови рубашка, белое пятно лица под короткой казенной стрижкой.

На пересечении дорожки и тротуара Генри вновь всмотрелся в автомобиль, пытаясь понять, кто за рулем. Что это за автомо-

---

* Глушитель «бомба с вишнями» — особый вид глушителя, разработанный в 1968 г. В нем выхлопные газы проходят по каналу, изолированному от корпуса слоем фиберглясса. Название получил за громкий звук и красный цвет корпуса, вызывающий ассоциации с фейерверком «бомба с вишнями» (рассыпной фейерверк красного цвета).

биль, Генри уже понял — тот самый, который мечтал приобрести его отец: «Плимут-Фьюри» модели 1958 года. Автомобиль был красно-белым, и Генри знал (отец частенько говорил ему об этом), что под капотом урчит двигатель «V-8 327» мощностью в 255 лошадиных сил, способный разогнать «Фьюри» до скорости семьдесят миль в час за девять секунд, подавая высокооктановый бензин через четырехкамерный карбюратор. «*Я собираюсь купить этот автомобиль, а потом, когда я умру, меня могут в нем похоронить*», — обожал говорить Буч... да только, разумеется, автомобиль этот он не купил, а похоронили его за счет штата, после того как Генри, бушующего и кричащего о монстрах, увезли в дурдом.

«*Если за рулем он, не думаю, что я смогу сесть в машину*», — подумал Генри, сжимая нож, пьяно покачиваясь из стороны в сторону, глядя на силуэт на водительском сиденье.

Потом пассажирская дверца «Фьюри» распахнулась, зажглась лампочка под крышей, и водитель повернулся к нему. Рыгало Хаггинс. Лицо его оставляло желать лучшего. Один глаз вытек. Через гниющую дыру в пергаментной щеке виднелись почерневшие зубы. На голове Рыгало красовалась бейсболка «Нью-йоркских янки», которую он носил в тот день, когда умер. Он развернул ее козырьком назад. Серо-зеленая плесень обрамляла козырек.

— Рыгало! — воскликнул Генри, и дикая боль пронзила живот, заставив его вскрикнуть вновь, уже без слов.

Мертвые губы Рыгало разошлись в усмешке, пойдя беловато-серыми трещинами. Он протянул скрюченную руку к открытой дверце, приглашая садиться.

Генри замялся, а потом, волоча ноги, обошел «Фьюри» спереди, проходя мимо радиаторной решетки, протянул руку, чтобы коснуться эмблемы на капоте, как делал всегда, когда отец мальчишкой брал его в демонстрационный зал в Бангоре, чтобы посмотреть на точно такой же автомобиль. Когда он добрался до пассажирской стороны, мягкая волна серого накрыла его, и ему пришлось схватиться за открытую дверцу, чтобы не упасть. Он постоял, опустив голову, тяжело дыша. Наконец мир стал прежним — по крайней мере частично, — и он смог обогнуть дверцу и плюхнуться на сидение. Боль вновь вгрызлась в живот, свежая кровь выплеснулась на руку. Она напоминала теплое желе. Генри

откинул голову и скрипнул зубами, жилы на шее натянулись. А потом боль чуть отпустила.

Дверца захлопнулась сама собой. Лампочка под крышей погасла. Генри увидел, как разлагающаяся рука Рыгало взялась за ручку переключения скоростей и врубила первую передачу. Белые суставы блестели сквозь прогнившую кожу на костяшках пальцев.

«Фьюри» покатил по Канзас-стрит к холму Подъем-в-милю.

— Как поживаешь, Рыгало? — услышал Генри свой голос. Глупый, конечно, вопрос — Рыгало здесь быть не мог, мертвецы автомобили не водят, — но ничего другого в голову не приходило.

Рыгало не ответил. Единственный запавший глаз смотрел на дорогу. Его зубы неприятно поблескивали сквозь дыру в щеке. До Генри вдруг дошло, что от старины Рыгало смердит. Старина Рыгало вонял, как большое ведро гнилых помидоров.

Крышка бардачка откинулась, ударив Генри по коленям, в свете зажегшейся внутри маленькой лампочки он увидел бутылку «Тексас драйвер», наполовину пустую. Генри достал бутылку, открыл и сделал большой глоток. Спиртное проскочило по горлу прохладным шелком и влилось в желудок раскаленной лавой. Генри содрогнулся, застонал, а потом почувствовал себя чуть лучше, уже не столь оторванным от окружающего мира.

— Спасибо, — поблагодарил он.

Голова Рыгало повернулась к нему. Генри услышал, как сухожилия шеи заскрипели, словно несмазанные петли. Рыгало с мгновение сверлил его взглядом мертвого глаза, и Генри только теперь понял, что Рыгало лишился и большей части носа. Создавалось ощущение, будто кто-то полакомился носом Рыгало. Может, собака. Или крысы. Скорее крысы. В тоннелях, куда они загнали в тот день сопляков, крыс хватало.

Двигаясь так же медленно, голова Рыгало повернулась обратно, лицом к дороге. Генри не возражал. Когда старина Рыгало так смотрел на него... что ж, Генри чувствовал себя не в своей тарелке. Что-то читалось во взгляде единственного мертвого глаза. Упрек? Злость? Что-то еще?

«За рулем этого автомобиля мертвый мальчишка».

Генри посмотрел на свою руку и увидел на коже огромные мурашки. Быстро отхлебнул из бутылки. Пошло легче, тепло стало расходиться по телу.

«Плимут» спустился с холма Подъем-в-милю, выкатился на кольцевую развязку, по которой транспорт двигался против часовой стрелки... только в этот ночной час никакого транспорта не было. Все светофоры мигали желтым, заливая световыми импульсами темные близлежащие дома и пустынные улицы. Стояла такая тишина, что Генри слышал, как щелкают реле в каждом светофоре... или ему только казалось, что он слышит?

— Я никогда не собирался бросить тебя там в тот день, Рыгало, — сказал Генри. — Я хочу сказать... ну, ты понимаешь... если у тебя возникали такие мысли.

Вновь заскрипели мертвые сухожилия. Опять Рыгало посмотрел на него запавшим глазом. Губы растянулись в жуткой усмешке, обнажившей черно-зеленые десны, на которых разросся свой сад плесени. «*И что означает эта усмешка?* — спросил себя Генри, когда автомобиль скользил по Главной улице мимо Универмага Фриза на одной стороне и кинотеатра «Аладдин» и закусочной «У Нэна» на другой. — *Прощающая усмешка? Усмешка давнего друга? Или усмешка, которая говорит:* «Я разберусь с тобой, Генри. Я разберусь с тобой за то, что в тот день ты бросил меня и Вика!» *Что это за усмешка?*»

— Ты должен понимать, как все тогда было, — начал Генри и замолчал. Как тогда было? В голове у него все смешалось, словно элементы картинки-головоломки, которые только что вывалили на один из этих говенных карточных столов в комнате отдыха в «Джунипер-Хилл». Как было в точности? Они крались за жирдяем и сучкой до Канзас-стрит, затаились в кустах, наблюдая, как те поднимаются по склону наверх. Если бы они скрылись из виду, то он с Виктором и Рыгало бросились бы за ними: двое лучше, чем ни одного, а с остальными можно разобраться и позже.

Но они не скрылись. Просто привалились к ограждению, разговаривали, смотрели на улицу. Время от времени поглядывали вниз, на Пустошь, но Генри и его дружки из кустов не высовывались.

Небо, помнил Генри, постепенно темнело — с запада наплывали облака. Воздух густел. Собирался дождь.

И что произошло потом? Что?..

Костлявая когтистая рука сомкнулась на предплечье Генри, и он вскрикнул. Он уплывал в ватную серость, но ужасное прикосно-

вение Рыгало и боль, от крика пронзившая кинжалом живот, вернули его обратно. Генри оглянулся и увидел лицо Рыгало в каких-то двух дюймах от своего. Глубоко вдохнул и тут же пожалел об этом. Старина Рыгало и впрямь смердел. Вновь Генри подумал о ведре помидоров, надолго забытом в темном углу сарая. Желудок скрутило.

Внезапно он вспомнил, чем все закончилось... во всяком случае, для Рыгало и Вика. Как что-то вышло из темноты, когда они стояли под шахтой с дренажной решеткой наверху, гадая, куда пойти. Что-то... Генри не мог сказать, что именно, пока Виктор не закричал: «Франкенштейн! Это Франкенштейн!» И — да, к ним приближался созданный Франкенштейном монстр, с болтами, торчащими из шеи, глубоким шрамом на лбу, в башмаках, похожих на детские кубики.

«Франкенштейн! — вновь прокричал Вик. — Фран...» А потом Вик остался без головы. Голова Вика уже летела через тоннель, чтобы стукнуться о дальнюю стену, издав глухой чавкающий звук. Желтые водянистые глаза монстра остановились на нем, Генри, и он замер. Потерял контроль над мочевым пузырем и почувствовал, как теплый поток стекает по ногам.

Тварь шагнула к нему, и Рыгало... Рыгало...

— Послушай, я знаю, что убежал, — признался Генри. — Не следовало мне этого делать, но... но...

Рыгало только смотрел на него.

— Я заблудился, — прошептал Генри, как бы объясняя старине Рыгало, что ему тоже досталось. Прозвучало не очень, с тем же успехом он мог сказать: «*Да, я знаю, что тебя убили, Рыгало, но и я занозил палец*». Но как же все было ужасно... действительно ужасно. Он долгие часы бродил по миру вонючей темноты, пока наконец, он это помнил, не стал кричать. В какой-то момент он упал в колодец — и падал долго, успев подумать: «*Как хорошо, сейчас я умру, и меня здесь больше не будет*» — и оказался в быстром потоке воды. Он предположил, что находится под Каналом. Потом его вынесло в меркнущий солнечный свет, он доплыл до берега и выбрался из Кендускига менее чем в пятидесяти ярдах от того места, где двадцатью шестью годами позже утонет Адриан Меллон. Поскользнулся, упал, ударился головой, потерял сознание. Пришел в себя уже в темноте. Каким-то образом нашел до-

рогу до Шоссе 2, откуда его подвезли домой. Там Генри уже ждали копы.

Но это было тогда, и с тех пор утекло много воды. Рыгало закрыл его собой, и монстр Франкенштейна содрал с его черепа левую половину лица — это все, что успел увидеть Генри, прежде чем дал деру. Но теперь Рыгало вернулся и на что-то указывал.

Генри увидел, что они остановились перед «Дерри таун-хаусом», и внезапно все понял. «Таун-хаус» — единственный отель, оставшийся в Дерри с той поры. В 1958 году приезжие могли остановиться также в «Восточной звезде» в конце Биржевой улицы или в «Приюте странника» на Торо-стрит. Но оба эти отеля исчезли, когда Дерри начал активно застраиваться (Генри все это знал, не зря же в «Джунипер-Хилл» он ежедневно читал «Дерри ньюс»). Остался только «Таун-хаус» да несколько паршивеньких маленьких мотелей у автострады.

«Их всех я найду здесь, — подумал Генри. — *В одном месте. Всех, кто остался. Спящими в своих кроватях, с образами круглых леденцов — или, возможно, канализационных тоннелей, — пляшущими в голове. И я до них доберусь. Прикончу одного за другим».*

Он вновь достал бутылку «Тексас драйвер», глотнул. Почувствовал свежую кровь, вытекшую на колени, и сиденье под ним стало липким, но спиртное поднимало настроение, со спиртным все это уже и не имело значения. Он предпочел бы хороший бурбон, но полагал, что «Драйвер» лучше, чем ничего.

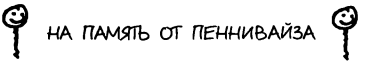
— Слушай, — сказал он Рыгало, — мне жаль, что я убежал. Не знаю, почему убежал. Пожалуйста... не сердись.

Рыгало заговорил в первый и единственный раз, но не своим голосом. Из гниющего рта Рыгало раздался низкий и властный голос, ужасающий голос. При первых же звуках Генри испуганно заверещал. Это был голос с луны, голос клоуна, голос, который он слышал во снах о дренажных коллекторах и канализационных тоннелях, где бежала и бежала вода.

— Заткнись и разберись с ними, — приказал голос.

— Конечно! — взвизгнул Генри. — Конечно, без вопросов, я и сам хочу, никаких проблем...

Он вернул бутылку в бардачок. Горлышко звякнуло, как зубы. А потом он увидел лист бумаги там, где лежала бутылка. Достал, развернул, оставляя на углах кровяные следы. Поверху тянулся логотип, ярко-алыми буквами.



Ниже большими буквами напечатали:

БИЛЛ ДЕНБРО 311
БЕН ХЭНСКОМ 404
ЭДДИ КАСПБРЭК 609
БЕВЕРЛИ МАРШ 518
РИЧИ ТОЗИЕР 217

Номера их комнат. Это хорошо. Сэкономит время.

— Спасибо, Ры...

Но Рыгало ушел. Водительское кресло пустовало. На нем лежала только бейсболка «Нью-йоркских янки» с плесенью на козырьке. И какая-то слизь осталась на круглой головке ручки переключения скоростей.

Генри уставился на пустое водительское кресло, удары сердца болью отдавались в горле... а в следующее мгновение ему показалось, что он уловил какое-то движение на заднем сиденье. Он торопливо вылез из автомобиля, открыв дверцу и в спешке чуть не вывалившись на мостовую. Направляясь к парадной двери отеля, по широкой дуге обошел «Плимут-Фьюри», двигатель которого по-прежнему работал на холостых оборотах, напоминая приглушенные разрывы круглых рассыпных фейерверков (фейерверки такого типа запретили в штате Мэн в 1962 году).

Шел Генри с трудом; каждый шаг раздирал живот. Но он поднялся на тротуар и постоял там, глядя на восьмиэтажный кирпичный отель. Вместе с библиотекой, кинотеатром «Аладдин» и семинарией отель относился к считанным зданиям, которые Генри помнил с тех давних дней. Он видел, что на верхних этажах окна почти все темные, а два фонаря матового стекла по сторонам парадной двери мягко светились в ночи, окруженные туманным ореолом.

С трудом переставляя ноги, Генри двинулся к фонарям, прошел между ними, плечом толкнул дверь.

Вестибюль окутывала ночная тишина. На полу лежал выцветший турецкий ковер. Потолок представлял собой огромный витраж, выполненный из прямоугольных панелей, на которых изображались сцены из лесорубского прошлого Дерри. Везде стояли мяг-

кие диваны и вольтеровские кресла, в огромном камине, в котором ничего не горело, на металлической подставке для дров лежал березовый ствол, настоящее дерево — не газовая горелка. Камин в вестибюле отеля «Таун-хаус» не был декоративным атрибутом интерьера. В нескольких низких кадках зеленели растения. Двустворчатая стеклянная дверь вела в бар и ресторан, в такой поздний час уже закрытые. Из какой-то комнатушки доносились тихие звуки работающего телевизора.

Генри пересек вестибюль. Кровь перепачкала его джинсы и рубашку. Кровь въелась в кожу рук. Кровь, как боевая краска, исполосовала его щеки и лоб. Глаза вылезали из орбит. Любой, кто увидел бы его в вестибюле отеля, бросился бы бежать, крича от ужаса. Но никто ему не встретился.

Двери кабины лифта разошлись, едва Генри нажал на кнопку вызова. Он посмотрел на бумажку в руке, потом на кнопки с цифрами. После короткого размышления нажал на «6», и двери кабины сомкнулись. Под гудение электромотора кабина поползла вверх.

«*Начну сверху и буду спускаться вниз*».

Генри привалился к дальней стенке кабины, полуприкрыв глаза. Гудение лифта успокаивало. Как и гудение насосов дренажной системы. Тот день: воспоминания о нем продолжали возвращаться к Генри. До чего же все выглядело предопределенным, словно все они просто играли роли. Вик и старина Рыгало... они казались, ну... что ли, загипнотизированными. Он помнил...

Кабина остановилась, тряхнув его и вызвав приступ боли в животе. Двери разошлись. Генри вышел в пустынный коридор (снова растения, уже в подвесных горшках, растения-пауки, он не хотел касаться ни одного из них, этих сочащихся влагой зеленых ползучих растений, слишком уж они напоминали тех тварей, которые свешивались вниз там, в темноте). Он сверился с бумажкой. Каспбрэк в номере 609. Генри тащился по коридору, одной рукой опираясь о стену, оставляя на обоях кровавые следы (но он отходил от стены, когда приближался к одному из этих висячих растений-пауков; не хотел иметь с ними никаких дел). Дыхание сухими хрипами вырывалось из горла.

Наконец, нужная ему дверь. Генри достал из кармана нож с выкидным лезвием, облизнул пересохшие губы, постучал. Никакой реакции. Постучал вновь, громче.

— Кто там?

Сонный голос. Хорошо. Он будет в пижаме, до конца не проснувшийся. И когда он откроет дверь, Генри ударит его ножом во впадину у шеи, уязвимую впадину, пониже кадыка.

— Коридорный, сэр, — ответил Генри. — Сообщение от вашей жены.

Женат ли Каспбрэк? Может, он сморозил глупость? Генри ждал, подобравшись. Услышал шаги — шорох шлепанцев.

— От Майры? — В голосе слышалась тревога. Хорошо. В последующие секунды тревоги у него только прибавится. На правом виске Генри запульсировала жилка.

— Наверное, сэр. Имени нет. Только сказано, что от вашей жены.

Последовала пауза. Потом металлическое позвякивание: Эдди возился с цепочкой. Улыбаясь, Генри нажал кнопку на рукоятке ножа. Щелчок. Он прижал лезвие к щеке, изготовился. Услышал, как повернулся барашек врезного замка. Еще мгновение, и он вонзит нож в горло этого костлявого маленького говнюка. Генри ждал. Дверь открылась и Эдди...

10

Неудачники собираются вместе — 13:20

...увидел Стэна и Ричи, только что вышедших из «Костелло-авеню маркет». Каждый ел «Ракету», мороженое, которое выдвигалось из трубки.

— Эй! — крикнул он. — Подождите.

Они повернулись, и Стэн помахал ему рукой. Эдди побежал к ним как мог быстро, но, по правде говоря, не так уж и быстро. Одна рука была в гипсе, другой он прижимал к боку игровую доску для пачиси.

— Что скажешь, Эдди? Что скажешь, мальчуган? — спросил Ричи раскатистым Голосом джентльмена с Юга (хотя он более всего напоминал голос Фогхорна Легхорна в мультфильмах «Уорнер бразерс»). — Ах, батюшки... Ах, батюшки... у мальчугана сломана рука! Ах, батюшки... окажи любезность, по-онеси за него игро-овую дооску для пачиси!

— Доску я и сам донесу! — Эдди чуть запыхался. — Дашь лизнуть?

— Твоя мамочка этого не одобрит, Эдди. — Ричи печально покачал головой. Начал есть быстрее. Он только что добрался до шоколадной середины, своей любимой части. — Микробы, мальчуган! Ах, батюшки... Ах, батюшки, можно подцепить жутких микробов, доедая за кем-то еще.

— Я готов рискнуть, — ответил Эдди.

С неохотой Ричи протянул мороженое Эдди, но отдернул руку, едва Эдди дважды хорошенько приложился к нему языком.

— Если хочешь, доешь мое, — предложил Стэн. — Я никак не переварю ленч.

— Евреи много не едят, — с важным видом указал Ричи. — Это часть их религии.

Теперь они неспешно шагали втроем, направляясь к Канзас-стрит и Пустоши. Дерри, казалось, забылся глубоким сном в послеполуденной жаре. В большинстве домов, мимо которых они проходили, окна закрывали жалюзи. Игрушки валялись на лужайках, словно их владельцев торопливо оторвали от игры и уложили спать. Далеко на западе рокотал гром.

— Это правда? — спросил Эдди Стэна.

— Нет, Ричи подшучивает над тобой, — ответил Стэн. — Евреи едят столько же, сколько и обычные люди. — Он указал на Ричи. — Как он.

— Знаешь, ты очень груб со Стэном. — Эдди повернулся к Ричи. — Ты бы хотел, чтобы о тебе говорили всякую чушь только потому, что ты католик?

— Католики тоже хороши, — отмахнулся Ричи. — Отец как-то сказал мне, что Гитлер был католиком, а Гитлер убил миллионы евреев. Так, Стэн?

— Да, пожалуй, — ответил Стэн. Выглядел он смущенным.

— Моя мать пришла в ярость, когда отец это сказал, — продолжил Ричи. Его лицо осветила улыбка воспоминаний. — В дикую ярость. А еще у нас, католиков, была инквизиция, с дыбой, тисками для больших пальцев и тому подобным. Я считаю, все религии такие странные.

— Согласен с тобой, — кивнул Стэн. — Мы не ортодоксы или что-то в этом роде. Я хочу сказать, едим ветчину и бекон. Я даже плохо представляю себе, что это такое — быть иудеем. Я родился в

Дерри, иногда мы ездим в синагогу в Бангор, скажем, на Йом-Кипур, но... — Он пожал плечами.

— Ветчину? Бекон? — Эдди ничего не понимал. Он и его мать принадлежали к методистской церкви.

— Ортодоксальные евреи такого не едят, — пояснил Стэн. — Где-то в Торе сказано, что нельзя есть валяющегося в грязи и шагающего по дну океанов. Как это точно звучит, я не скажу. Но свинина исключается, как и лобстеры. Мои родители, правда, их едят, и я тоже.

— Это странно. — Эдди расхохотался. — Никогда не слышал о религии, которая говорила тебе, что ты можешь есть. Потом они начнут говорить тебе, какой ты должен покупать бензин.

— Кошерный, — ответил Стэн и сам рассмеялся. Ни Ричи, ни Эдди не поняли, над чем он смеется.

— Ты должен признать, Стэнни, это довольно странно, — повернулся к нему Ричи. — Я хочу сказать, тебе нельзя съесть сосиску только потому, что ты иудей.

— Да? — усмехнулся Стэн. — Ты ешь мясо по пятницам?

— Господи, нет! — в ужасе воскликнул Ричи. — Нельзя есть мясо по пятницам, потому что... — Он заулыбался. — Ладно, я понимаю, о чем ты.

— Католики действительно отправляются в ад, если едят мясо по пятницам? — изумленно спросил Эдди, не имея ни малейшего представления о том, что его дедушки и бабушки были набожными польскими католиками, которые считали, что есть мясо по пятницам все равно что выйти из дома без одежды.

— Вот что я тебе скажу, Эдди, — ответил ему Ричи. — Я не думаю, что Бог пошлет меня вниз поджариваться на огне только за то, что я по забывчивости съем в пятницу сандвич с копченой колбасой, но стоит ли рисковать? Так?

— Думаю, не стоит, — кивнул Эдди. — Но мне это кажется таким... — «таким глупым», хотел сказать он, но вспомнил историю, которую рассказала в воскресной церковной школе миссис Портли, когда он был маленьким — ходил только в первый класс маленьких верующих. По словам миссис Портли, один плохой мальчик однажды украл с подноса кусочек хлеба, который раздавали на причастии, и положил в карман. Он отнес этот кусочек домой и бросил в унитаз только для того, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. И тут же — так, во всяком случае, миссис Портли сообщила за-

слушавшимся маленьким верующим — вода в унитазе окрасилась ярко-красным. Это была Кровь Христова, сказала миссис Портли, и она явилась маленькому мальчику, потому что он совершил очень плохой поступок, который называется СВЯТОТАТСТВОМ. Она явилась ему, чтобы он понял, что он может подвергнуть свою бессмертную душу опасности адских мук, бросив тело Христова в унитаз.

Раньше Эдди очень даже нравилось принимать причастие, что ему разрешили только в прошлом году. Методисты вместо вина использовали виноградный сок, а тело Христово представляли кубики свежего, упругого чудо-хлеба*. Ему нравилась эта идея — есть и пить по ходу религиозного ритуала. Но после рассказа миссис Портли его отношение к ритуалу изменилось, появился страх. Мужество требовалось даже для того, чтобы потянуться за кусочком хлеба, и он всегда боялся электрического разряда... или, хуже того, что хлеб внезапно изменит цвет в его руке, станет сгустком крови, и бестелесный Голос загремит на всю церковь: «*Недостоин! Недостоин! В ад его! В ад*!» Часто после причастия горло его сжималось, воздух со свистом входил в легкие и выходил из них, и он в паническом нетерпении ждал, когда же благословение закончится, и он сможет выскочить на церковную паперть и воспользоваться ингалятором.

«*Не будь дураком*, — говорил он себе, становясь старше. — *Это всего лишь история, и миссис Портли уж точно никакая не святая: мама говорила, что она развелась, когда жила в Киттери, и ездит играть в бинго в Бангор, а истинные христиане в азартные игры не играют, истинные христиане оставляют азартные игры язычникам и католикам*».

Все это имело смысл, но тревоги его не развеяло. История о хлебе, который раздавали тем, кто принимал причастие, превратившем воду в унитазе в кровь, беспокоила его, не отпускала, не давала заснуть. И однажды ночью он понял, что окончательную ясность в эту историю можно внести только одним способом: украсть кусочек хлеба, бросить в унитаз и посмотреть, что получится.

Но на такой эксперимент духа ему не хватило; его рациональный разум не выдерживал мрачного образа: кровь растекается по воде, грозя потенциальным проклятием. Его разум не мог устоять

* Чудо-хлеб — сорт белого хлеба из муки высшего сорта, который производится в США с 1921 г.

перед магическим заклинанием: «*Это мое тело, берите его, ешьте; это моя кровь, пролитая за вас и за многих*»*.

Нет, он никогда бы не провел такой эксперимент.

— По-моему, все религии странные, — высказался по этому поводу Эдди. «*Но и могущественные*, — добавил его разум, — *почти колдовские... или это тоже СВЯТОТАТСТВО?*» Мысли перекинулись на случившееся с ними в доме 29 по Нейболт-стрит, и впервые он увидел безумную параллель: Оборотень, если на то пошло, появился из унитаза.

— Послушайте, мне кажется, все спят. — Ричи небрежно бросил пустую трубку из-под «Ракеты» в ливневую канаву. — Чувствуете, как тихо? Или сегодня все на день отправились в Бар-Харбор?

— Э-э-э-э-й, па-а-арни? — раздался за их спинами голос Билла. — По-о-одождите!

Эдди повернулся, он всегда радовался, слыша голос Большого Билла. На Сильвере тот обогнул угол Костелло-авеню, оставив Майка далеко позади, хотя у того «швинн» был самой новой модели.

— Хай-йо, Сильвер, ВПЕРЕ-Е-ЕД! — прокричал Билл и помчался к ним со скоростью не меньше двадцати миль в час, игральные карты выдавали пулеметную дробь, потом крутанул педали назад, заблокировав заднее колесо, и оставил на асфальте восхитительно длинный черный резиновый след.

— Заика Билл! — воскликнул Ричи. — Как поживаешь, мальчуган? Ах, батюшки... Ах, батюшки... Как ты, мальчуган?

— Но-ормально, — ответил Билл. — Видели Бена и Бе-е-еверли?

К ним подъехал Майк. На его лице блестели маленькие капельки пота.

— Как быстро катит твой велик, а?

Билл рассмеялся:

— То-очно не з-знаю. Довольно бы-ыстро.

— Я их не видел, — ответил Ричи. — Они, вероятно, там, в клубе. Поют дуэтом. Ш-бум, ш-бум... ю-да-да-да-да-да... ты светишь мне, как солнце, сладкая моя.

Стэн Урис издал рвотный звук.

---

* Эдди перефразирует Евангелие от Матфея (26:26, 28): «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое..: пейте из нее все, сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов».

— Он просто завидует, — объяснил Ричи Майку. — Евреи не могут петь.

— Би-и-и...

— Бип-бип, Ричи, — закончил за него Ричи, и все рассмеялись.

Они вновь направились к Пустоши, Майк и Билл катили велосипеды. Разговор, поначалу оживленный, увял. Глянув на Билла, Эдди увидел тревогу на его лице, и подумал, что эта мертвая тишина достает и его. Он знал, что Ричи пошутил, но сейчас создавалось ощущение, будто все жители Дерри на этот день действительно отправились в Бар-Харбор... или куда-то еще. Ни одного автомобиля не проехало мимо. Им не встретилась ни одна старушка, катящая тележку с продуктами в свой дом или квартиру.

— Очень уж тихо, да? — ввернул Эдди, но Билл только кивнул.

Они перешли на ту сторону Канзас-стрит, за которой находилась Пустошь, и тут увидели бегущих к ним, что-то кричащих Беверли и Бена. Вид Беверли шокировал Эдди. Всегда такая чистенькая, аккуратная, волосы вымыты, завязаны в конский хвост... а сейчас выглядела так, будто извалялась во всех канавах вселенной. Глаза дикие, широко раскрытые. На щеке царапина. Джинсы в грязи. Блузка порвана.

Бен отстал от нее, бежал, тяжело дыша, брюхо моталось из стороны в сторону.

— В Пустошь идти нельзя! — Беверли жадно ловила ртом воздух. — Парни... Генри... Виктор... они где-то там... нож... у него нож...

— По-о-омедленнее. — Билл, как и обычно, безо всяких усилий, подсознательно, взял командование на себя. Посмотрел на подбегающего Бена. Его щеки горели, внушительная грудь вздымалась.

— Она говорит, что Генри спятил, Большой Билл, — пояснил Бен.

— Черт, ты хочешь сказать, что раньше он был в своем уме? — спросил Ричи и сплюнул между зубов.

— За-а-аткнись, Ри-ичи, — бросил Билл и вновь повернулся к Беверли: — Ра-асскажи.

Рука Эдди заползла в карман и коснулась ингалятора. Он не знал, о чем пойдет речь, но не сомневался, что ничего хорошего от Беверли они не услышат.

Заставляя себя говорить как можно спокойнее, Беверли изложила отредактированную версию своей истории — начиная с того момента, как Генри, Виктор и Рыгало поймали ее на улице. Об отце она им ничего не сказала — отчаянно стыдилась случившегося.

Когда она закончила, Билл какое-то время стоял молча, наклонив голову, сунув руки в карманы, с привалившимся к груди рулем Сильвера. Остальные ждали, частенько бросая взгляды на ограждение, тянувшееся по краю обрыва. Билл думал долго, и никто ему не мешал. Эдди осознал, внезапно и естественно, что дело, возможно, идет к развязке. Не потому ли день такой тихий, а? Да еще это ощущение, что весь город вымер и в нем остались только покинутые дома.

Ричи думал о фотографии в альбоме Джорджа, которая внезапно пришла в движение.

Беверли думала об отце, о том, какими тусклыми были его глаза.

Майк думал о птице.

Бен — о мумии и запахе сгнившей корицы.

Стэн Урис думал о джинсах, мокрых джинсах, с которых капала вода, и о руках, белых, как смятая бумага, с которых тоже капала вода.

— По-о-ошли, — наконец заговорил Билл. — Мы с-спустимся в-вниз.

— Билл... — На лице Бена отразилась тревога. — Беверли говорит, что Генри действительно спятил. Он хотел убить...

— Пу-устошь н-не и-их. — Билл обвел рукой зеленую долину справа от них и под ними, кустарник, деревья, бамбук, сверкающую под солнцем воду. — Э-это не и-их со-о-обственность. — Он оглядел всех, с суровым лицом. — М-мне на-адоело и-их бо-ояться. Мы по-обили их в би-итве ка-амней, и, если н-нам п-придется по-обить и-их с-снова, мы э-это с-сделаем.

— Но, Билл, а если это не просто они?

Билл повернулся к Эдди, и тот испытал настоящий шок, увидев, какое усталое и отрешенное у Билла лицо... что-то пугало в этом лице, но только позже, гораздо позже, уже взрослым, засыпая после посиделок в библиотеке, Эдди осознал, что именно его пугало: он видел лицо мальчика, которого подталкивали к грани безумия, лицо мальчика, который, по большому счету, степенью здра-

вомыслия и возможностью контролировать собственные поступки ничем не отличался от Генри. Но при этом никуда не делся и истинный Билл, выглядывающий из этих испуганных, одержимых глаз... злой, полный решимости Билл.

— И ч-что с то-ого, е-если н-не то-олько о-они?

Ему никто не ответил. Раздался раскат грома, уже ближе. Эдди посмотрел на небо и увидел черные грозовые тучи, наползающие с запада. Будет проливняк, как иной раз говорила его мать.

— А те-е-еперь во-от ч-что я ва-ам с-скажу. — Билл оглядел всех. — Никто из вас не до-олжен и-идти со м-мной, если вы не хотите. Ре-ешать вам.

— Я пойду, Большой Билл, — ровным голосом откликнулся Ричи.

— Я тоже, — кивнул Бен.

— И я. — Майк пожал плечами.

Согласились Беверли и Стэн, последним — Эдди.

— Не думаю, Эдди, — покачал головой Ричи. — Твоя рука, знаешь ли, не выглядит боеспособной.

Эдди посмотрел на Билла.

— Он м-мне ну-ужен, — ответил Билл. — Ты де-ержись рядом со м-мной, Э-Э-Эдди. Я за то-обой присмотрю.

— Спасибо Билл. — Усталое, полубезумное лицо Билла вдруг показалось ему прекрасным — прекрасным и любимым. Его охватило изумление. «*Наверное, я умру за него, попроси он об этом. Что же это за сила? Если ее заботами ты выглядишь, как Билл сейчас, возможно, не такая уж это и хорошая сила*».

— Да, у Билла есть абсолютное оружие. — Ричи поднял левую руку и помахал правой у подмышки. — Биологическая бомба.

Бен и Майк рассмеялись. Эдди улыбнулся.

Снова громыхнуло, на этот раз так громко и близко, что они подпрыгнули и сбились в кучку. Поднялся ветер, выметая мусор из ливневой канавы. Первое темное облако проплыло, закрывая затуманенный солнечный диск, и их тени растаяли. Ветер дул холодный, и пот на здоровой руке Эдди разом остыл. По телу пробежала дрожь.

Билл повернулся к Стэну и задал вроде бы неуместный вопрос:

— П-птичий а-атлас при тебе, Стэн?

Стэн похлопал по карману.

Билл вновь оглядел всех.

— Тогда по-ошли вниз.

И они спустились по склону цепочкой по одному, за исключением Билла, который, как и обещал, держался рядом с Эдди. Он позволил Ричи скатить Сильвера вниз, но сам поставил велосипед на привычное место под мостом. Потом они постояли, оглядываясь.

От надвигающегося грозового фронта не потемнело, даже не стало сумрачнее, но свет тем не менее изменился. Окружающие их предметы застыли в сонном расслаблении: лишенные теней, с резкими обводами, точеные. От ужаса и предчувствия дурного у Эдди засосало под ложечкой: он осознал, что свет этот ему знаком. Именно с таким светом они столкнулись в доме 29 по Нейболт-стрит.

Зигзаг молнии вытатуировал облака, достаточно яркий, чтобы заставить его вздрогнуть. Он поднял руку, прикрывая лицо, и вдруг понял, что считает про себя: «Один... два... три...» — и тут накатил гром, бабахнуло так, будто рядом взорвался фейерверк «М-80», и они сдвинулись еще ближе.

— Утром про дождь ничего не говорили, — нервно заметил Бен. — В газете написали — жарко и дымка.

Майк оглядывал небосвод. Облака напоминали килевые суда с черным дном, с высокими бортами и тяжело нагруженные, которые решительно рассекали голубую дымку, расстилавшуюся по небу от горизонта до горизонта, когда они с Биллом выходили из дома Денбро после ленча.

— До чего быстро плывут облака, — вырвалось у него. — Никогда не видел, чтобы гроза надвигалась с такой скоростью.

И его слова подтвердил гром.

— По-ошли. — Билл комментировать не стал. — Да-авайте положим и-игровую до-оску Э-Э-Эдди в к-клубный до-ом.

Они двинулись по тропе, которую протоптали за недели, минувшие после строительства и разрушения плотины. Билл и Эдди шагали впереди, их плечи задевали зеленую листву растущих у тропинки кустов, остальные — следом. Вновь задул ветер, заставив шептаться кроны деревьев и ветки кустов. Впереди сухо стучали друг о друга стебли бамбука, как барабаны в книге о джунглях.

— Билл? — прошептал Эдди.

— Что?

— Я подумал, такое бывает только в фильмах, но... — С губ Эдди сорвался смешок. — Я чувствую, что за нами кто-то наблюдает.

— Так о-они з-здесь, са-амо со-обой, — ответил Билл.

Эдди нервно огляделся и крепче прижал к себе игровую доску для пачиси. Он...

11
Номер Эдди — 3:05

...открыл дверь монстру из комикса ужасов.

Залитый кровью призрак стоял перед ним, и это мог быть только Генри Бауэрс. Выглядел Генри, как труп, поднявшийся из могилы. Лицо напоминало застывшую маску ненависти и жажды убийства, маску колдуна. Его правая рука находилась на уровне щеки, и когда глаза Эдди широко раскрылись и он только начал набирать в легкие воздух, рука пошла вниз с зажатым в ней ножом, лезвие которого блестело, как шелк.

Не раздумывая — времени не было; если б задумался, погиб бы на месте, — Эдди захлопнул дверь. Она ударила Генри по предплечью, изменив траекторию движения ножа, который опустился по виляющей из стороны в сторону дуге в каком-то дюйме от шеи Эдди.

Когда дверь прижала руку Генри к дверному косяку, послышался хруст. Генри сдавленно вскрикнул, пальцы разжались, нож запрыгал по полу. Эдди пнул его ногой, отбросив под телевизор.

Генри навалился на дверь. Весил он на сотню фунтов больше, чем Эдди, и того отшвырнуло, словно куклу. Край кровати ударил его под колени, и он повалился на нее. Генри вошел в комнату и захлопнул за собой дверь. Когда Эдди сел, глядя на незваного гостя широко раскрытыми глазами, он уже поворачивал барашек дверного замка. В горле у Эдди засвистело.

— Ладно, пидор, — прорычал Генри и глянул на пол в поисках ножа. Ножа он не увидел. Рука Эдди уже ощупывала прикроватный столик, наткнулась на одну из двух заказанных им ранее бутылок с минеральной водой «Перье». Полную бутылку — вторую он выпил перед тем, как пойти в библиотеку, потому что нервы расша-

лились, вызвав жуткую изжогу. «Перье» благотворно сказывалась на пищеварении.

Когда Генри, решив, что искать нож бесполезно, двинулся к кровати, Эдди сжал горлышко зеленой грушевидной бутылки в кулаке и отбил донышко ударом о край прикроватного столика. Пенная минералка потекла по нему, заливая стоящие на столике пузырьки с таблетками.

Рубашку и джинсы Генри покрывала кровь, засохшая и свежая. Его правая рука изгибалась под странным углом.

— Маленький пидор. Сейчас я научу тебя, как бросать камни.

Он добрался до кровати и потянулся к Эдди, который все еще с трудом понимал, что происходит. Прошло не более сорока секунд с того момента, как он открыл дверь. Генри попытался его схватить. Эдди выбросил вперед руку с зажатой в ней бутылкой «Перье» с отбитым донышком. Зазубренные края вонзились Генри в лицо, разорвали правую щеку, пробили правый глаз. Генри чуть слышно, на вдохе, вскрикнул и отшатнулся. Его взрезанный глаз, истекающий желто-белой жидкостью, вывалился из глазницы. Из щеки кровь била фонтаном. Крик Эдди был даже громче. Он поднялся с кровати и шагнул к Генри — возможно, чтобы помочь, он точно он не знал, — и Генри снова бросился на него. Эдди ударил бутылкой «Перье», словно шпагой, и на этот раз зеленые острия глубоко вонзились Генри в кисть левой руки, изрезав несколько пальцев. Потекла свежая кровь. Генри что-то прохрипел — примерно такие звуки раздаются, когда человек откашливается, — и толкнул Эдди правой рукой.

Эдди отлетел назад, ударился о письменный стол. Левая рука изогнулась, каким-то образом оказалась под ним, и он на нее упал. Ярко вспыхнула боль. Он почувствовал, как кость ломается вдоль линии прежнего перелома, и ему пришлось сжать зубы, чтобы сдержать крик.

Тень заслонила свет.

Генри стоял над ним, покачиваясь взад-вперед. Колени у него подгибались. С левой руки кровь капала на халат Эдди.

Эдди по-прежнему сжимал в правой руке горлышко разбитой бутылки «Перье», и когда колени Генри чуть ли не полностью согнулись, выставил ее перед собой, остриями вперед, уперев крышку в свою грудину. Генри повалился вперед, как срубленное дерево,

насаживаясь на стеклянные острия. Эдди почувствовал, как бутылка разламывается в его правой руке, и боль вновь пронзила левую руку, которая оставалась под ним. Новый теплый поток окатил его тело. Эдди не знал, чья это кровь, его или Генри.

Тот дергался, как вытащенная на берег форель. Его ноги выбивали по ковру чечетку. До Эдди долетало его зловонное дыхание. Наконец Генри затих и откатился в сторону. Бутылка торчала у него из живота, нацелившись крышкой в потолок, будто там выросла.

— Гыр. — И больше Генри ничего не сказал. Смотрел в потолок. Эдди подумал, что тот умер.

Эдди поборол обморок, стремившийся уложить его на лопатки, поднялся на колени, встал. Боль в сломанной руке, которая висела уже перед ним, помогла чуть прочистить мозги. Хрипя, с трудом проталкивая воздух в легкие, Эдди добрался до ночного столика, где в луже пенной воды лежал ингалятор. Поднял, поднес ко рту, пустил живительную струю. От отвратительного вкуса спрея его передернуло, но он добавил вторую струю. Посмотрел на лежащее на полу тело... неужели Генри? Такое возможно? Он самый. Постаревший, с короткой стрижкой, в волосах преобладала седина, с толстым, белым, расплывшимся телом, но тот самый Генри. И Генри умер. Наконец-то Генри...

— Гыр, — повторил Генри и сел. Его руки хватали воздух, будто ловя нечто, что видел только он. Из вывалившегося глаза продолжало что-то капать. Генри огляделся, увидел Эдди, вжавшегося в стену, и попытался встать.

Открыл рот — и из него потоком хлынула кровь. Генри снова повалился на пол.

С гулко бьющимся сердцем Эдди потянулся за телефоном, но только сшиб его со стола на кровать. Потом схватил трубку, набрал «0». Телефон звонил, и звонил, и звонил.

«*Давай же,* — думал Эдди, — *что ты там делаешь внизу, дрочишь? Давай же, пожалуйста, сними эту чертову трубку!*»

Телефон звонил и звонил. Эдди не отрывал глаз от Генри, ожидая, что тот в любой момент вновь начнет подниматься. «*Господи, как много крови!*»

— Регистрационная стойка, — ответил наконец недовольный сонный голос.

— Соедините меня с номером мистера Денбро, — попросил Эдди. — Как можно быстрее. — Другим ухом он прислушивался.

Сильно ли они нашумели? Кто-нибудь будет стучать в дверь и спрашивать, все ли в порядке?

— Вы уверены, что хотите, чтобы я туда позвонил? — спросил портье. — Сейчас десять минут четвертого.

— Да, позвоните! — Эдди чуть не кричал. Рука, державшая трубку, тряслась. В другой руке словно свили гнездо отвратительно жужжащие осы. Генри снова шевельнулся? Нет, конечно же, нет.

— Хорошо, хорошо, — ответил портье. — Не кипятитесь, друг мой.

Послышался щелчок. Потом бурчание звонка в номере. «Давай, Билл, давай, да...»

Внезапная мысль, до ужаса правдоподобная, пришла в голову. А если Генри сначала заглянул в номер Билла? Или Ричи? Бена? Бев? А может, Генри прежде всего посетил библиотеку? Конечно же, где-то он уже побывал; если бы кто-то не подрезал крылышки Генри, на полу мертвым лежал бы он, Эдди, и нож с выкидным лезвием торчал бы из его груди точно так же, как сейчас горлышко бутылки «Перье» вырастало из брюха Генри. А может, Генри навестил уже всех остальных, застав их полусонными, как и его? Может, все они мертвы? Мысль эта просто убивала, и Эдди понял, что, если в номере Билла не снимут трубку, он сейчас закричит.

— Пожалуйста, Большой Билл, — прошептал Эдди. — Пожалуйста, отзовись.

Трубку сняли, и он услышал голос Билла, на удивление осторожный.

— А-а-алло?

— Билл, — сказал... почти пролепетал Эдди. — Билл, слава богу.

— Эдди? — Голос Билла на мгновение отдалился, он обратился к кому-то еще, поясняя, кто звонит. Затем вернулся. — Ч-что с-случилось, Эдди?

— Генри Бауэрс. — Эдди вновь смотрел на лежащее на полу тело. «*Он чуть переместился? Не так-то просто убедить себя, что нет*». — Билл, он пришел сюда... и я его убил. У него был нож. Я думаю... — Он понизил голос. — Я думаю, тот самый нож, что и тогда. Когда мы ушли в канализационные тоннели. Ты помнишь?

— Я по-омню, — мрачно ответил Билл. — Эдди, слушай меня. Я хочу, чтобы ты...

12

Пустошь – 13:55

...ве-е-ернулся и попросил Бе-е-ена по-одойти ко м-мне.

— Хорошо, — ответил Эдди и тут же отстал. Они приближались к поляне. Под облачным небом прокатывались раскаты грома, кусты пели под напором ветра.

Бен подошел к Биллу, когда они выходили на поляну. Потайная дверца осталась откинутой, неправдоподобный черный квадрат на зеленом фоне. Ясно и отчетливо слышалось журчание реки, и внезапно Билл со всей определенностью осознал: этот звук в этом месте он слышит в последний раз за все свое детство. Он глубоко вздохнул, втягивая в себя запахи земли, и воздуха, и сажи с далекой свалки, дымящейся, как пробудившийся вулкан, который никак не может решить, изливаться ему лавой или нет. Он увидел стаю птиц, летящих от железнодорожной эстакады к Олд-Кейп. Посмотрел на клубящиеся облака.

— Что такое? — спросил Бен.

— Почему о-они не пы-ытаются на-апасть на нас? — спросил Билл. — Они з-з-здесь. Э-Э-Эдди со-овершенно п-прав. Я чу-у-увствую их.

— Да, — кивнул Бен. — Возможно, они настолько глупы, что думают, будто мы полезем в клубный дом. Окажемся в ловушке.

— Во-о-озможно. — Билл вдруг жутко разозлился на свое заикание, не позволяющее ему говорить быстро. Впрочем, кое-что он все равно не решился бы сказать: о том, что буквально мог видеть глазами Генри Бауэрса, о том, что он и Генри, будучи пешками, контролируемыми противоборствующими силами, стали очень близки, пусть и находились по разные стороны баррикады.

Генри ожидал, что они не отступят и примут бой.

Оно ожидало, что они не отступят и примут бой.

И умрут.

Ледяная вспышка белого света, казалось, заполнила голову. Их признают жертвами маньяка, который терроризировал Дерри после смерти Джорджа. — всех семерых. Возможно, их тела найдут, может — и нет. Все будет зависеть от того, сможет и захочет ли Оно прикрыть Генри и — в меньшей степени — Виктора и Рыгало. Да, для посторонних, для всего города, они станут жертвами маньяка,

серийного убийцы. «*И это правильно, по большому счету так оно и есть. Оно хочет, чтобы мы умерли. Генри — подходящий инструмент, Оно даже не придется высовываться. Думаю, я должен умереть первым... Беверли и Ричи еще смогут организовать сопротивление, или Майк, но Стэн испуган, как и Бен, хотя я думаю, он покрепче Стэна. И у Эдди сломана рука. Зачем я привел их сюда? Господи! Зачем я это сделал?*»

— Билл? — озабоченно позвал Бен. Остальные уже стояли рядом с ними у клубного дома. Снова прогремел гром, кусты шуршали, бамбук постукивал в меркнущем предгрозовом свете.

— Билл... — На этот раз Ричи.

— Ш-ш-ш. — Все замолчали под взглядом его сверкающих, одержимых глаз.

Он посмотрел на подлесок, на тропинку, которая вилась по нему, уходя к Канзас-стрит, и почувствовал, как его разум внезапно поднялся, перескочил на более высокий уровень. В разуме заикание отсутствовало напрочь; наоборот, судя по его ощущениям, мысли уносил бешеный поток интуиции — словно все тайное открывалось ему.

«*Джордж на одном конце, я и мои друзья на другом. А потом все остановится*

(снова)

снова, да, снова, потому что такое случалось раньше и никогда не обходилось без большой жертвы в конце, что-то ужасное требовалось, чтобы поставить жирную точку, я не понимаю, как я могу это знать, но я знаю... и они... они...»

— Они по-о-озволяли этому случаться, — пробормотал Билл, глядя на хвостик уходящей в подлесок тропы. — Ко-о-онечно же, по-о-озволяли.

— Билл? — позвала Бев. Стэн стоял по одну сторону от нее, небольшого росточка, аккуратный и подтянутый, в синей рубашке поло и хлопчатобумажных брюках. Майк — по другую, пристально вглядывался в Билла, словно читая его мысли.

«*Они позволяют этому случаться, всегда позволяют, и все успокаивается, жизнь продолжается, Оно... Оно...*

(засыпает)

засыпает... или впадает в спячку, как медведь... а когда все начинается снова, они знают... люди знают... они знают, что это, должно быть, Оно».

— Я п-п-п-п-п...

«Пожалуйста Господи пожалуйста Господи через сумрак столб белеет в полночь призрак столбенеет Господи Иисусе ПОЖАЛУЙСТА ДАЙ МНЕ ВОЗМОЖНОСТЬ СКАЗАТЬ».

— Я п-привел вас сю-юда, по-о-отому ч-что бе-е-езопасного ме-еста не-ет. — Слюна летела с его губ; Билл вытер их обратной стороной ладони. — Де-е-ерри — это Оно. Вы по-о-онимаете ме-еня? — Он пронзил их взглядом, они чуть подались назад, с блестящими от жуткого испуга глазами. — Де-ерри — это О-О-Оно! В лю-юбом ме-есте, ку-уда мы по-ойдем... ко-огда О-О-Оно до-о-оберется до на-ас, они э-этого не у-увидят, они э-э-этого не у-услышат, не у-узнают. — Билл с мольбой смотрел на них. — В-вы по-о-онимаете, к-как в-все с-складывается? В-все, ч-что нам о-остается, т-так э-это по-опытаться за-акончить на-ачатое.

Беверли увидела мистера Росса, поднимающегося, смотрящего на нее, складывающего газету, уходящего в дом. *«Они не увидят, они не услышат, они не узнают. И мой отец*

(снимай штаны потаскушка)

хотел меня убить».

Майк подумал о ленче с Биллом. Мать Билла пребывала в мире собственных грез, она не заметила ни одного из них, читая роман Генри Джеймса. Ричи подумал об ухоженном, чистеньком, но абсолютно пустом доме Стэна. Стэн и сам удивился; во время ленча его мать практически всегда была дома, а в тех редких случаях, когда уезжала, обязательно оставляла записку, в которой указывала, где ее можно найти. В этот день записки Стэн не обнаружил. Мать уехала на автомобиле — и все. *«Наверное, отправилась по магазинам со своей подругой Дебби»*, — нахмурившись, предположил Стэн, а потом принялся готовить сандвичи с яичным салатом. Ричи совсем об этом забыл, а сейчас вспомнил. Эдди подумал о своей матери. Уходя из дома с игровой доской для пачиси, он не услышал обычных наставлений: *«Будь осторожен, Эдди, найти какое-нибудь укрытие, если пойдет дождь, Эдди, не участвуй в опасных играх, Эдди»*. Она не спросила, взял ли он с собой ингалятор, не сказала, когда ему нужно вернуться домой, не предупредила, что надо быть осторожнее с «грубыми мальчиками, с которыми ты играешь». Она с головой ушла в мыльную оперу, которую показывали по телику, будто его и не существовало.

Будто его и не существовало.

И та же мысль, в том или ином виде, мелькнула у каждого: в какой-то момент, между утренним подъемом и ленчем, они все стали призраками.

Призраками.

— Билл. — Стэн вдруг охрип. — А если мы выберемся? Через Олд-Кейп?

Билл покачал головой.

— Н-не ду-умаю. На-ас по-оймают в ба-а-а-амбуке... та-а-ам т-т-т-трясина... и-или в Ке-е-ендускиге по-оявятся на-а-астоящие пи-и-ираньи... и-или бу-удет ч-что-то е-еще.

И опять каждый увидел свою версию одного и того же. Бен — кусты, внезапно превратившиеся в растения-людоеды. Беверли — летающих пиявок вроде тех, что выбрались из старого холодильника. Стэн — болотистый участок посреди бамбуковых зарослей, выплевывающий живые трупы детей, которых засосала тамошняя знаменитая трясина. Майк Хэнлон представил себе маленьких рептилий Юрского периода с множеством острых зубов, внезапно выскочивших из-под гниющего дерева, напавших на них, раздирающих на куски. Ричи увидел Ползущий Глаз, прыгнувший на них сверху, когда они пробегали под железнодорожной эстакадой. А Эдди — как они карабкаются по склону к Олд-Кейп только для того, чтобы обнаружить, что наверху их поджидает прокаженный, на теле которого копошатся насекомые и черви.

— Если бы смогли как-нибудь выбраться из города... — пробормотал Ричи и замолчал, вздрогнув, услышав громогласный отрицательный ответ с неба. Пошел дождь, пока еще слабый, но грозящий в самом скором времени перейти в мощный ливень. От жаркой дымки, окутавшей сонный Дерри, не осталось и следа, словно ее и не было. — Мы будем в безопасности, если сможем выбраться из этого гребаного города.

— Бип-би... — начала Беверли, когда из кустов вылетел камень и ударил Майка по голове. Его качнуло назад, из-под шапочки волос потекла кровь, и он упал бы, если бы Билл его не поддержал.

— Научит тебя, как бросаться камнями! — донесся до них насмешливый голос Генри.

Билл видел, что остальные оглядываются, со страхом в глазах, готовые броситься в разные стороны. И, если бы они это сделали, для них действительно было бы все кончено.

— Бе-е-ен! — резко бросил он.

Бен посмотрел на него.

— Билл, мы должны бежать. Они...

Еще два камня вылетели из кустов. Один попал Стэну в бедро. Он вскрикнул. Скорее от неожиданности, чем от боли. Беверли увернулась от второго. Камень упал на землю и скатился через люк в клубный дом.

— Т-ты по-омнишь пе-ервый де-ень, ко-огда ты п-пришел сю-юда? — прокричал Билл, перекрывая гром. — Ко-огда за-акончились за-анятия?

— Билл... — начал Ричи.

Билл вскинул руку, приказывая замолчать, его глаза не отрывались от Бена, пригвоздив того к земле.

— Конечно, — ответил Бен, пытаясь смотреть во все стороны одновременно. С кустов лилась вода, их гнуло из стороны в сторону чуть ли не до земли.

— Ша-а-ахта. На-а-асосная станция. Ту-у-уда мы до-олжны по-ойти. Отведи нас!

— Но...

— О-о-отведи нас ту-у-уда!

Из кустов вновь полетели камни, и на мгновение Билл увидел лицо Виктора Крисса, испуганное, ошарашенное и яростное. А потом камень ударил ему в скулу, и теперь уже Майк удержал Билла от падения. На мгновение в глазах у него потемнело. Щека онемела. Потом чувствительность вернулась пульсирующей болью, и он ощутил текущую кровь. Провел рукой по щеке, дернулся, нащупав растущую болезненную шишку, посмотрел на кровь, вытер руку о джинсы. Его волосы трепал ветер.

— Научит тебя бросать камни, заикающийся говнюк! — Генри то ли кричал, то ли смеялся.

— О-о-отведи нас! — проорал Билл. Теперь он понимал, почему послал Эдди за Беном; именно через ту насосную станцию им следовало войти в тоннели, через нее, и никакую другую, и только Бен мог отличить ее от других: все они выстроились вдоль берегов Кендускига, пусть и не на одинаковом расстоянии друг от друга. — На-айди ее! Че-ерез не-е-ее мы по-опадем в-вниз. До-о-оберемся до О-О-Оно!

— Билл, ты не можешь этого знать! — воскликнула Беверли.

— Я знаю! — яростно прокричал он ей — им всем.

Бен еще мгновение стоял, облизывая губы, глядя на Билла. Потом повернулся и побежал через поляну к реке. И тут же ярчайший зигзаг молнии прорезал небо, лилово-белый, а последовавший за ним раскат грома заставил Билла отшатнуться. Мимо его носа пролетел камень размером с кулак и угодил Бену в зад. Тот вскрикнул от боли, и рука его метнулась к ушибленному месту.

— Получай, жирдяй! — Генри по-прежнему то ли кричал, то ли смеялся. Зашуршали, затрещали кусты, и Генри появился на поляне. Дождь, и без того нешуточный, превратился в ливень. Вода стекала по волосам Генри на брови, вниз по щекам. Улыбка демонстрировала все его зубы. — Научит тебя, как бросать ка...

Майк подобрал доску, оставшуюся после строительства крыши клубного дома, и швырнул ее. Доска дважды перевернулась в воздухе и ударила Генри по лбу. Тот вскрикнул, прижал руку ко лбу, словно человек, которому пришла в голову хорошая мысль, и плюхнулся на землю.

— Бе-е-ежим! — проревел Билл. — За-а Бе-е-еном!

Снова затрещали кусты, и когда остальные Неудачники устремились за Беном, на поляну вывалились Виктор и Рыгало. Генри поднялся, и втроем они устремились в погоню.

Даже позже, когда воспоминания о том дне приходили к Бену, у него в голове остались лишь спутанные образы этого забега. Он помнил ветки, с листьев стекала вода, ветки хлестали его по лицу, окатывали холодной водой; помнил, как молнии били одна за другой, а гром гремел не переставая; и он помнил, как крики Генри, требовавшего, чтобы они вернулись и вступили в честный бой, сливались с шумом Кендускига по мере того, как они приближались к реке. Всякий раз, когда он сбавлял ход, Билл шлепал его по спине, заставляя ускориться.

«А если я не смогу ее найти? Если я не смогу найти именно эту насосную станцию?»

Воздух с шумом вырывался из легких и врывался в них, горячий, с привкусом крови. Глубокая царапина жгла бок. Болел зад, в том месте, где ударил камень. Беверли говорила, что Генри и его дружки хотят их убить, и Бен в это верил, да, верил.

Он выскочил на берег Кендускига столь внезапно, что едва не свалился в воду. Ему удалось удержаться на суше, но тут сам берег, подмытый весенним половодьем, обрушился под тяжестью Бена,

и его потащило к кромке быстро бегущей воды. Рубашка задралась, холодная глинистая земля липла к коже.

Билл наклонился над ним и рывком поставил на ноги.

Из кустов, которые подходили близко к берегу, выбегали остальные. Ричи и Эдди появились последними. Ричи поддерживал Эдди за пояс. Его очки, с которых капала вода, держались на самом кончике носа.

— Ку-ку-куда? — прокричал Билл.

Бен посмотрел налево, потом направо, прекрасно понимая, что каждая лишняя секунда может стоить им жизни. Река уже поднялась, и черное от облаков небо придавало бурлящей воде грозный серо-стальной цвет. Кусты и деревья с искривленными стволами гнулись под ветром. И он слышал, как тяжело, со всхлипами, дышал Эдди.

— Ку-у-уда?

— Я не... — начал Бен и тут увидел наклоненное дерево и пещеру под ним, где он прятался в тот первый день. Он задремал, а когда проснулся, услышал голоса Билла и Эдди. Тогда большие парни пришли... увидели... победили. «*Пока, мальчики. Это была действительно очень маленькая, детская плотина, поверьте мне*». — Туда! — крикнул он. — За мной!

Опять сверкнула молния, и на сей раз Бен даже услышал ее гудение, похожее на звук, который издавал перегруженный трансформатор для игрушечной железной дороги. Она ударила в дерево, и бело-синий электрический огонь развалил его основание на множество щепок и зубочисток, размером очень даже подходящих для какого-нибудь сказочного великана. Дерево с оглушающим треском упало в реку, взметнув огромный столб брызг. От страха Бен глубоко вдохнул и унюхал что-то горячее, гнилое, дикое. Огненный шар прокатился по стволу упавшего дерева, вспыхнул еще ярче и погас. Прогремел гром — не над головой, а вокруг них, словно они стояли в центре грозового облака. Дождь лил как из ведра.

Билл ударил Бена по спине, выводя из ступора.

— По-о-ОШЛИ!

И Бен пошел, побежал, спотыкаясь, по кромке воды, волосы падали на глаза. Добрался до дерева — пещера под ним приказала долго жить, — перебрался через него, упираясь мысками в мокрую кору, царапая ладони и предплечья.

Билл и Ричи подняли Эдди, а когда он неуклюже перевалился через ствол, его поймал Бен. Оба повалились на землю. Эдди вскрикнул.

— Ты в порядке? — прокричал Бен.

— Похоже на то! — крикнул в ответ Эдди, поднимаясь. Полез за ингалятором и чуть не выронил. Бен взял у него ингалятор, и Эдди одарил его благодарным взглядом, когда Бен сунул ингалятор ему в рот и нажал на клапан.

Ричи перелез через дерево, потом Стэн и Майк. Билл подсадил Беверли, Бен и Ричи поймали ее, когда она соскальзывала с другой стороны. Волосы прилипли ко лбу, щекам, голове, синие джинсы стали черными.

Билл перелезал через дерево последним, он забрался на ствол, перекинул ноги на другую сторону, увидел бегущих к ним по воде Генри, Рыгало и Виктора и, соскальзывая на землю, закричал:

— Ка-а-амни! Бросайте камни!

Камней на берегу хватало, а поваленное дерево превратилось в идеальную баррикаду. Через пару секунд все семеро швыряли камни в Генри и его дружков. Те почти уже добежали до дерева, так что расстреливали их в упор. И им прошлось отступить, крича от боли и ярости, потому что камни ударяли им в лицо, грудь, руки, ноги.

— Поучи нас бросать камни! — крикнул Ричи и бросил один, размером с куриное яйцо, в Виктора. Попал в плечо, и камень отлетел вверх. — Ах, батюшки... Ах, батюшки... поучи нас, мальчуган! Мы хорошие ученики!

— Да-а-а-а! — поддержал его Майк. — Как вам это нравится? Как вам это нравится?

Ответа они не услышали. Троица отступала, пока не оказалась на безопасном расстоянии, а потом они сбились в кучку и начали совещаться. Через несколько мгновений устремились на берег, поскальзываясь на мокрой земле, по которой в Кендускиг уже во множестве стекали ручейки, хватаясь за ветки, чтобы удержаться на ногах, и исчезли в подлеске.

— Они собираются нас обойти, Большой Билл. — Ричи сдвинул очки к переносице.

— Э-это ни-ичего. Да-авай, Бен. Мы-ы за то-обой.

Бен побежал вдоль берега, остановился (ожидая, что Генри с дружками выскочат перед ним) и увидел насосную станцию в двад-

цати ярдах от себя. Остальные бежали за ним к бетонному цилиндру. Другие цилиндры торчали из земли на противоположном берегу, один — довольно близко, второй — ярдах в сорока выше по течению. Из этих двух в Кендускиг выливались потоки мутной воды. А из того, к которому они направлялись, вытекал лишь тоненький ручеек. И Бен обратил внимание, что насос в этом бетонном цилиндре не гудел. Сломался.

Он взглянул на Билла задумчиво... даже испуганно.

Билл смотрел на Ричи, Стэна и Майка.

— М-мы до-олжны с-с-сдвинуть к-крышку. По-о-омогите м-м-мне.

В крышке сделали специальные захваты для рук, но от дождя они сделались скользкими, а сама крышка была очень тяжелой. Бен встал рядом с Биллом, и Билл чуть подвинул руки, чтобы хватило места и рукам Бена. Тот слышал, как внизу капает вода, и звук этот ему определенно не нравился, словно вода капала в колодец.

— Да-а-авайте! — воскликнул Билл, и все пятеро надавили. Крышка со скрипом чуть сдвинулась.

Беверли встала рядом с Ричи, Эдди уперся в крышку одной здоровой рукой.

— Раз, два, три, взяли! — скомандовал Ричи. Крышка сдвинулась еще. Появился полумесяц черноты.

— Раз, два, три, взяли!

Полумесяц сделался шире.

— Раз, два, три, взяли!

Бен толкал, пока перед глазами не заплясали черные точки.

— Отходим! — закричал Майк. — Она падает, падает!

Они отскочили, глядя, как большая круглая крышка накреняется и сваливается. Краем она вонзилась в мокрую землю, а потом перевернулась и улеглась рядом с цилиндром, будто огромная шапка. Жучки спрыгивали с крышки на мятую траву.

— Ох, — вырвалось у Эдди.

Билл заглянул в бетонный цилиндр. Железные скобы спускались к кругу черной воды, по которой теперь барабанили капли дождя. Посреди грудой мертвого железа стоял насос, наполовину ушедший под воду. Он видел, как вода затекает в раструб подводящей трубы, и мелькнула мысль, от которой засосало под ложечкой: «*Туда мы и должны пойти. Туда*».

— Э-Э-Эдди. Са-а-адись на ме-еня!

Эдди с тревогой взглянул на него.

— На-а с-с-спину. Де-ержись з-здоровой ру-укой, — и показал как.

Эдди все понял, но энтузиазма не выказал.

— Быстро! — рявкнул Билл. — О-они с-скоро бу-удут здесь!

Эдди обвил рукой шею Билла. Стэн и Майк подняли его так, чтобы он смог обхватить ногами талию Билла. И когда Билл неуклюже перелезал через край цилиндра, Бен увидел, что Эдди крепко зажмурил глаза.

Шум дождя перекрывали другие звуки: треск ломающихся веток, голоса. Генри, Виктор и Рыгало. Самая отвратительная кавалерия этого мира.

Держась за бетонный край цилиндра, Билл начал осторожно спускаться, переставляя ноги с одной железной скобы на другую. От воды скобы сделались скользкими. Эдди мертвой хваткой сжимал шею Билла, и тот подумал, что сейчас ему представится возможность убедиться, какие страдания приносит астма.

— Я боюсь, Билл, — прошептал Эдди.

— Я то-о-оже.

Он отпустил бетонный край, схватился за верхнюю скобу. И хотя Эдди почти что душил его и он чувствовал, что стал весить на добрых сорок фунтов больше, Билл на мгновение застыл, чтобы посмотреть на Пустошь, на Кендускиг, на бегущие облака. Внутренний голос — не испуганный, скорее уверенный голос — сказал ему, что он должен посмотреть, на случай, если больше никогда не увидит наземного мира.

Он и посмотрел, а потом начал спускаться, с Эдди на спине.

— Я больше не могу, — прошептал Эдди.

— Бо-ольше и не на-адо, — ответил Билл. — Мы по-очти в-внизу.

Одна его нога вошла в холодную воду. Он поискал и нащупал следующую скобу. Под ней — еще одну, а потом лестница закончилась. Он уже стоял на полу, по колено в воде, рядом с насосом.

Присел, поморщившись, когда зад опустился в холодную воду, подождал, пока Эдди слезет. Глубоко вдохнул. Запах — не фонтан, но рука Эдди не пережимала горло, и это радовало.

Билл поднял голову. До среза цилиндра порядка десяти футов. Остальные сгрудились вокруг цилиндра, смотрели вниз.

— Да-авайте! — крикнул он. — По о-одному! Бы-ыстро!

Беверли спустилась первой. Легко перекинула ногу через край, потом полезла, перехватывая руками за скобы. Стэн — следующим. За ним — Бен и Майк. Ричи оставался последним. Он подождал наверху, прислушиваясь к продвижению Генри и его дружков. Прикинул, судя по звукам, что они выйдут на берег левее насосной станции, но не сильно с ней разминутся.

И в этот момент Виктор заорал:

— Генри! Сюда! Тозиер!

Ричи огляделся и увидел, что они бегут к нему. Виктор вырвался вперед... а потом Генри оттолкнул его так сильно, что Виктор шлепнулся на колени. Генри держал в руке нож, все точно, какой годился для забоя свиней. С лезвия капала вода.

Ричи посмотрел вниз, увидел, как Бен и Стэн помогают Майку сойти с лестницы, и сам перемахнул через край цилиндра. Генри понял, что он делает, и закричал. Ричи, дико расхохотавшись, хлопнул левой рукой по локтевому сгибу правой, предплечье взметнулось к небу, пальцы сжались в кулак, повторяя, наверное, самый древний жест в мире. А чтобы гарантировать, что Генри все поймет, Ричи еще и выставил средний палец.

— Ты умрешь внизу! — проревел Генри.

— Докажи! — хохоча, прокричал в ответ Ричи. Ужас пробирал от одной мысли о спуске в это бетонное горло, но он не мог не смеяться. А потом Голосом ирландского копа добавил: — Бог знает, что ирландская удача никогда не иссякнет, мой дорогой мальчик.

Генри поскользнулся на мокрой траве и припечатался задом менее чем в двадцати футах от Ричи, который стоял на верхней железной скобе, так что над бетонным цилиндром виднелись только голова и грудь.

— Пока, каблуки-бананы! — крикнул Ричи, наслаждаясь триумфом и начал спускаться. Мокрые скобы выскальзывали из рук, и раз он чуть не упал. Но потом Билл и Майк схватили его, и мгновение спустя он уже стоял по колено в воде рядом с остальными. Ричи дрожал всем телом, по спине прокатывались волны жара и холода, и он никак не мог сдержать смех.

— Тебе бы видеть его, Большой Билл. Неуклюжий, как и всегда, не может устоять на ногах...

Голова Генри появилась в круге наверху. Щеки краснели свежими царапинами от веток. Губы шевелились. Глаза сверкали.

— Ладно! — прокричал он. Бетонный цилиндр чуть глушил слова. — Я иду. Теперь вы мои.

Он перекинул ногу через край, поискал верхнюю скобу, нашел, перекинул другую.

— Ко-огда о-о-он с-спустится до-остаточно ни-изко, м-мы все е-его х-хватаем. Тя-я-янем в-вниз. По-о-од во-о-оду. По-о-онятно?

— Да, губернатор. — И Ричи отдал честь трясущейся рукой.

— Понятно, — кивнул Бен.

Стэн подмигнул Эдди, который не понимал, что происходит... за исключением одного — Ричи определенно рехнулся. Смеялся, как безумец, когда Генри Бауэрс — ужасный Генри Бауэрс — спускался вниз, чтобы перебить их всех, как крыс в бочке.

— Мы готовы встретить его, Билл! — прокричал Стэн.

Генри замер. Спустившись на три скобы. Через плечо посмотрел на Неудачников. И впервые на лице его отразилось сомнение.

И тут до Эдди дошло. Бауэрс с дружками могли спускаться только по одному. Прыгать — слишком высоко, учитывая, что посреди бетонного цилиндра высился насос. А они поджидали каждого всемером, тесным маленьким кружком.

— И-иди сю-юда, Ге-енри, — доброжелательным голосом позвал Билл. — Че-е-его т-ты ж-ждешь?

— И правда, Генри, — поддакнул Ричи. — Тебе же нравится бить малышню. Иди сюда.

— Мы тебя ждем, Генри. — Голос Бена переполняло радушие. — Не думаю, что тебе здесь понравится, но спускайся, если хочешь. Если только ты не струсил. — И Бен заквохтал, как курица. К нему присоединился Ричи, потом остальные. Это пренебрежительное кудахтанье поднималось, отражаясь от влажных стен, по которым стекала дождевая вода. Генри смотрел на них сверху вниз, с ножом в левой руке, и лицо его стало цвета старых кирпичей. Он простоял секунд тридцать и начал подниматься. Неудачники проводили его свистом и оскорблениями.

— А те-еперь у-уходим в то-оннель, — прошептал Билл. — Бы-ы-ыстро.

— Зачем? — спросила Беверли, но отвечать Биллу не пришлось. В жерле бетонного цилиндра вновь появился Генри и бросил вниз камень размером с футбольный мяч. Беверли вскрикнула, и Стэн тут же прижал Эдди к круглой стене. Камень ударился о ржавый корпус насоса с музыкальным «дзинь», отскочил влево и стукнул-

ся о бетонную стену, разминувшись с Эдди менее чем на полфута. Отбитая бетонная крошка чиркнула его по щеке. Камень упал в воду. Во все стороны полетели брызги.

— Бы-ы-ыстро! — повторил Билл, и они сгрудились у подводящей трубы насоса. Диаметр канала составлял порядка пяти футов. Билл отправлял их туда одного за другим (смутный цирковой образ — большие клоуны, выходящие из маленького автомобиля — промелькнул в голове со скоростью метеора; годы спустя он использует этот образ в книге «Черная стремнина»), последним залез сам, увернувшись еще от одного камня. Новые камни летели вниз, попадали в корпус насоса и отлетали под разными углами.

Когда камни перестали падать, Билл выглянул из укрытия и увидел, что Генри быстро-быстро спускается по лестнице.

— Х-х-хватаем его! — прокричал он остальным. Ричи, Бен и Майк выскочили из-за Билла. Ричи потянулся и схватил Генри за лодыжку. Генри выругался и дернул ногой, словно пытаясь сбросить маленькую зубастую собачку — терьера, скажем, или пекинеса. Но Ричи забрался повыше, ухватившись за скобу, и вонзил зубы в лодыжку Генри. Тот закричал и начал подниматься. Обувка с этой ноги свалилась, упала в воду и утонула.

— Он меня укусил! — кричал Генри. — Укусил меня! Этот членосос меня укусил!

— Да, и как хорошо, что весной я сделал прививку от столбняка! — крикнул ему Ричи.

— Забрасываем их камнями! — бушевал Генри. — Забрасываем! Отправим их в каменный век, вышибем им мозги!

Вниз вновь полетели камни. Но мальчишки успели ретироваться в трубу. Только руку Майка задел маленький камушек, и он, морщась, прижимал ее к телу, выжидая, пока уйдет боль.

— Патовая ситуация, — прокомментировал Бен. — Они не могут спуститься, мы не можем подняться.

— Мы и не до-олжны здесь подниматься, — ответил Билл, — и в-вы все это знаете. Кое-кому хо-очется, чтобы мы во-ообще не поднялись на по-оверхность.

Они смотрели на него. В глазах застыли боль и испуг. Никто ничего не сказал.

До них долетел голос Генри, ярость в нем маскировалась под насмешку:

— Эй, мы можем просидеть здесь весь день.

Беверли отвернулась и смотрела в глубины подводящей трубы. Свет с удалением от шахты быстро мерк, и многого она разглядеть не могла. Видела только бетонный тоннель, нижнюю треть которого заполняла бегущая вода. Она обратила внимание, что уровень воды теперь выше в цилиндре, в который они спустились. И поняла почему: насос не работал, так что в Кендускиг сливалась только часть воды. Она чувствовала, как клаустрофобия сжимает горло, как кожа покрывается мурашками. Если вода поднимется высоко, они утонут.

— Билл, мы должны туда идти?

Он пожал плечами, сказав этим все. Да, должны; что еще им оставалось? Погибнуть от рук Генри, Виктора и Рыгало в Пустоши? Или от чьих-то еще — возможно, куда более страшных — в городе? Она очень хорошо поняла его мысль — никакого заикания в этом пожатии плеч не было. Лучше им самим прийти к Оно. Вытащить из логова, вызвать на решающий поединок, как в вестерне. Более честно. Более смело.

— Как назывался тот ритуал, о котором ты нам говорил, Большой Билл? Из библиотечной книжки?

— Чу-Чу-Чудь. — Билл улыбнулся.

— Чудь, — повторил Ричи. — Ты кусаешь язык Оно, и Оно кусает твой, так?

— Та-а-ак.

— А потом вы рассказываете анекдоты.

Билл кивнул.

— Забавно. — Ричи смотрел в черную трубу. — Не могу вспомнить ни одного.

— Я тоже, — признался Бен. Страх тяжело навалился ему на грудь, душил. Он чувствовал: если бы не спокойствие и уверенность Билла... и не присутствие Беверли, он бы сел в воду и разрыдался, как младенец... или просто сошел с ума. Но он точно знал, что скорее умрет, чем покажет Беверли, как он напуган.

— Ты знаешь, куда идет труба? — спросил Стэн Билла.

Билл покачал головой.

— Ты знаешь, как найти Оно?

Билл вновь покачал головой.

— Мы узнаем, когда приблизимся, — внезапно вмешался в их разговор Ричи. Глубоко вдохнул. — Если мы должны это сделать, давайте сделаем.

Билл кивнул:

— Я по-пойду пе-первым. Потом Э-Эдди. Бе-Бе-Бен. Бев. Стэн-Су-Су-Супермен. Ма-Ма-Майк. Ты по-последним, Ри-Ричи. Какаждый де-держит ру-руку на п-плече то-то-того, кто и-идет в-в-впереди. Будет те-темно.

— Вы выходите? — крикнул сверху Генри Бауэрс.

— Где-нибудь мы выйдем, — пробормотал Ричи. — Надеюсь.

Они сформировали колонну слепцов. Билл оглянулся только раз, чтобы убедиться, что рука каждого лежит на плече стоящего впереди. Потом, чуть наклонившись, чтобы преодолевать сопротивление потока, Билл Денбро повел друзей в темноту, в которую чуть ли не годом раньше уплыл бумажный кораблик, сделанный им для брата.

Глава 20
КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ

1
Том

Тому Рогану приснился совершенно безумный сон. В нем он убивал отца.

Часть его рассудка понимала, насколько безумен этот сон; его отец умер, когда Том учился еще в третьем классе. Ну... «умер» — не совсем точно. «Покончил с собой», пожалуй, больше соответствовало действительности. Ральф Роган смешал себе коктейль из джина и щелока. На посошок, так сказать. Тома назначили ответственным за брата и сестер и пороли, если что-то шло не так.

Нет, он не мог убить своего отца... да только в этом пугающем сне он стоял рядом с отцом, прижимая к его шее что-то такое, напоминающее совершенно безобидную рукоятку... но она была вовсе не безобидная, так? У края имелась кнопочка, и если бы он на нее нажал, из рукоятки выдвинулось бы лезвие и пронзило шею отца. «*Я не собираюсь ничего такого делать. Папуля, не волнуйся*, — подумал во сне его мозг аккурат перед тем, как палец нажал на кнопку, и выскочило лезвие. Глаза спящего отца раскрылись, он уставился в потолок; челюсть отвисла, послышалось кровавое бульканье. — *Папуля, я этого не делал!* — закричал его разум. — *Кто-то другой...*»

Он изо всех сил пытался проснуться и не мог. Что ему удалось (и, как выяснилось, ни к чему хорошему это не привело), так пере-

скочить в другой сон. В нем Том брел по длинному, темному тоннелю, разбрызгивая ногами воду. Яйца болели, саднило лицо, исхлестанное ветками. С ним шел кто-то еще, но он различал только смутные силуэты. Это значения не имело. Что имело, так это сосунки, которые находились где-то впереди. Они провинились. Они заслужили

(*порки*)

наказания.

Где бы ни обреталось это чистилище, в нем воняло. Вода капала, и падение каждой капли эхом разносилось по тоннелю. Его туфли и брюки намокли. Маленькие говноеды уходили все дальше в этот лабиринт тоннелей и, возможно, думали, что

(*Генри*)

Том и его друзья заблудятся, но в дураках остались они сами,

(*ха-ха, облажались*!)

потому что у него нашелся еще один друг, особый друг, и этот друг пометил путь, по которому они шли с помощью... с помощью...

(*луношаров*)

каких-то хреновин, больших и круглых, светившихся изнутри. Чем-то они напоминали старинные уличные фонари, которые всегда так загадочно светятся в ночи. Один из таких шаров висел в воздухе на каждом перекрестке, и стрелка на его боковой поверхности указывала, по какому тоннелю ему и

(*Виктору и Рыгало*)

его невидимым друзьям идти дальше. И направление всегда указывалось правильное, да, правильное; он слышал, как другие идут впереди, до него долетало эхо всплесков их шагов и неразборчивого шепота их разговоров. И расстояние до них сокращалось, они догоняли сосунков. А когда догонят... Том посмотрел вниз и увидел, что по-прежнему держит в руке нож с выкидным лезвием.

На мгновение он испугался — все это напоминало астральные впечатления, о которых он иногда читал в таблоидах-еженедельниках, когда душа покидает твое тело и входит в чужое. И форма его тела казалась ему какой-то другой, словно он был не Томом. А

(*Генри*)

кем-то еще, кем-то более молодым. Он начал вырываться из этого сна, запаниковал, а потом с ним заговорил голос, успокаивающий голос, нашептывающий на ухо: «*Не важно, когда это происходит, и не важно, кто ты. Важно другое — Беверли впереди, она с ними,*

мой дорогой друг, и знаешь что? Она сделала нечто куда худшее, чем тайком выкуренная сигарета. Знаешь что? Она трахнулась со своим давним другом Биллом Денбро! Да, трахнулась! Она и этот заикающийся урод в одной постели! Они...»

«Это ложь! — попытался выкрикнуть он. — *Она бы не посмела!»*

Но он знал, что это не ложь. Она вытянула его ремнем

(*пнула меня в яйца*)

по яйцам и убежала, а теперь изменила ему, эта блудливая

(*шлюшка*)

маленькая сучка, в прямом смысле изменила ему, и, ох, дорогие друзья, ох, добрые соседи, она получит порку всех порок — сначала она, а потом этот Денбро, ее пишущий романы дружок. И любой, кто попытается встать у него на пути, тоже получит свою порцию, можете быть уверены.

Он прибавил шагу, хотя в груди уже свистело при каждом вдохе и выдохе. Впереди он различил еще один светящийся шар, парящий в темноте — еще один луношар. Он слышал голоса идущих впереди людей, и пусть это были детские голоса, его это уже не волновало. Как и сказал голос: *не важно, где, когда и с кем.* Беверли шла впереди и, ох, дорогие друзья, ох, милые соседи...

— Давайте, парни, пошевеливайтесь, — бросил он, и не имело значения, что и голос принадлежал не ему, он говорил голосом какого-то мальчишки.

Потом, когда они вышли под луношар, он оглянулся и впервые увидел своих спутников. Компанию ему составляли два мертвеца. Один лишился головы. Лицо второго разодрали пополам, словно гигантским когтем.

— Быстрее мы не можем, Генри, — ответил ему парень с разодранным лицом, и половинки его губ двигались по-отдельности, не синхронно. Именно тогда Том криком разорвал сон в клочья и вернулся в свое тело, оказавшись на самом краю вроде бы бездонной пропасти.

Он изо всех сил пытался сохранить равновесие, но не сложилось, и он свалился на пол. И хотя пол устилал ковер, боль пронзила ушибленное колено, и ему пришлось глушить крик, вжавшись ртом в предплечье.

«Где я? Куда меня, на хрен, занесло?»

Он увидел слабый, но чисто белый свет, и на мгновение, успев, правда, испугаться, подумал, что вновь вернулся в сон, и это све-

тится один из тех бредовых шаров. Потом вспомнил, что оставил дверь ванны приоткрытой и не выключил флуоресцентную лампу. Он всегда оставлял свет включенным, если останавливался на ночь в незнакомом месте; гарантировал тем самым, что не стукнется обо что-нибудь голенью, если ночью встанет отлить.

Мысль эта позволила полностью восстановить контакт с реальностью. Ему приснился сон, безумный сон. Он в Дерри, штат Мэн. Приехал сюда следом за женой и, когда ему снился жуткий кошмар, свалился с кровати. Это все; ничего больше.

«*Это не просто кошмар*».

Он подскочил, словно слова эти прозвучали рядом с его ухом, а не в голове. Но произнес их не его внутренний голос, а совершенно другой — холодный, чужой... но при этом гипнотизирующий и заслуживающий доверия.

Том медленно поднялся, нашарил стакан с водой на прикроватном столике, выпил. Дрожащей рукой прошелся по волосам. Глянул на часы, лежащие на столике. Десять минут четвертого.

Спать. Ждать до утра.

Чужой голос ответил: «*Но утром вокруг будут люди... слишком много людей. А кроме того, на этот раз ты сможешь опередить их там, внизу. На этот раз ты сможешь быть первым*».

Там, внизу? Том подумал о своем сне: вода, капающие в темноте капли.

Свет вдруг стал ярче. Он повернул голову: не хотел, но ничего не мог с собой поделать. С губ сорвался стон. К ручке двери в ванную привязали шарик. Он парил на конце нити длиной в три фута, наполненный призрачным белым светом; выглядел совсем как блуждающий огонек на болоте, лениво дрейфующий между обросшими мхом деревьями. На раздутой оболочке шара нарисовали стрелу, кроваво-красную стрелу.

Она указывала на дверь в коридор.

«*Не имеет значения, кто я*, — вновь заговорил успокаивающий голос, Том осознал, что звучит он не в его голове и не под ухом, а доносится из воздушного шарика, из сердцевины этого странного, прекрасного, белого света. — *Важно другое: я стараюсь сделать так, чтобы все сложилось, как тебе того хочется, Том. Я хочу увидеть, как ты ее выпорешь; я хочу увидеть, как ты выпорешь их всех. Когда-то они слишком часто переходили мне дорогу... а сейчас у них для*

этого кишка тонка. Поэтому слушай, Том. Слушай очень внимательно. Сейчас они все вместе... следуй за прыгающим шаром...»

Том слушал. Голос из воздушного шара объяснял.

Объяснил все.

Когда закончил, лопнул вспышкой света, и Том начал одеваться.

2
Одра

Одре тоже снились кошмары.

Она проснулась, как от толчка, сидя в кровати, простыня сползла до пояса, ее маленькие груди поднимались и опускались в такт быстрому, возбужденному дыханию.

Как и Тому, ей снилось что-то путаное и горестное. Как и Тому, ей казалось, что она стала кем-то еще — точнее, ее сознание перенесли в другое тело и другой разум (и частично слили с ним). Она находилась в темноте, ее окружали другие люди, и она ощущала гнетущее чувство опасности — они сознательно шли навстречу этой опасности, и она хотела закричать, потребовать, чтобы они остановились, объяснили ей, что происходит... но личность, с которой она слилась, вроде бы все знала и верила, что это необходимо.

Она также отдавала себе отчет в том, что их преследуют, и расстояние до преследователей сокращается, мало-помалу.

В этом сне был Билл, и, должно быть, она помнила его слова о том, что он полностью забыл свое детство, раз уж в своем сне видела его десяти- или двенадцатилетним мальчишкой — когда все волосы еще были при нем! Она держала Билла за руку, смутно осознавая, что очень его любит, и ее готовность идти основывалась на непоколебимой вере, что Билл защитит ее и всех остальных, что Билл, Большой Билл, каким-то образом проведет их через всю эту тьму и они вновь увидят дневной свет.

Но в каком же она пребывала ужасе.

Они подошли к разветвлению нескольких тоннелей. Билл остановился, переводя взгляд с одного тоннеля на другой, и один из детей — мальчик с гипсовой повязкой на руке, которая светилась в темноте призрачно-белым, — заговорил:

— Туда, Билл. В нижний.

— Т-т-ты у-у-уверен?

— Да.

И они полезли в нижний тоннель, и наткнулись на дверь, маленькую деревянную дверь, высотой не больше трех футов, дверь, какую можно увидеть в книге сказок, а на двери — какой-то знак. Одра не могла вспомнить, что это за знак, какая странная руна или символ, потому что от одного его вида весь ее ужас сконцентрировался в одной точке, и она вырвала себя из другого тела, из тела девочки, кем бы

(*Беверли — Беверли*)

та ни была. Одра проснулась, сидя на незнакомой кровати, вся в поту, с широко раскрытыми глазами, учащенно дыша, словно только что бежала. Ее руки метнулись к стопам, наполовину ожидая, что она найдет их мокрыми и холодными от воды, по которой она шла во сне. Но нет, обнаружила, что ноги сухие.

И все равно Одра не могла понять, где она — определенно, что не в их доме в каньоне Топанга и не в арендованном доме во Флите. Это место она ни с чем не могла связать — непонятная комната, обставленная кроватью, комодом, двумя стульями и телевизором.

«*Господи. Приди в себя, Одра...*»

Она энергично потерла лицо руками, и тошнотворное чувство ментального головокружения начало уходить. Она в городе Дерри. Дерри, штат Мэн, где ее муж провел детство, которое, по его словам, больше не помнил. Незнакомый ей город, судя по ощущениям, не очень хорошее место для жизни, но вполне определенное, отмеченное на карте. Она здесь, потому что здесь Билл, и завтра она его увидит, в «Дерри таун-хаусе». И независимо от того, что здесь не так, независимо от причины, по которой у него на руках появились эти шрамы, этой напасти они будут противостоять вместе. Она позвонит ему, скажет, что она здесь, потом присоединится к нему. А потом... что ж...

Если на то пошло, Одра понятия не имела, что будет потом. Головокружение, ощущение, что она находится в неком несуществующем месте, грозило вернуться. В девятнадцать лет она отправилась в турне по захолустью в составе никому не известной маленькой труппы: сорок не-самых-лучших представлений пьесы «Мышьяк и старые кружева» в сорока не-самых-лучших городках и городишках. И все за сорок семь не-самых-лучших дней. Нача-

ли они в театре «Пибоди Диннер» в Массачусетсе, а закончили в «Сыграй это снова, Сэм» в Саусалито*. И где-то по пути, в каком-то городке Среднего Запада, в Эймсе, штат Айова, или в Гранд-Айле, штат Небраска, или, возможно, в Джубилее, штат Северная Дакота, она точно так же проснулась глубокой ночью и запаниковала, не зная, в каком она городе, какой сейчас день, почему она здесь и кто она. Даже собственное имя казалось ей нереальным.

Прежние ощущения вернулись. Она проснулась от кошмарного сна и теперь испытывала вызванный им ужас. Город, казалось, сжимался вокруг нее, как питон. Она это чувствовала, и ощущения это вызывало крайне неприятные. Она уже раскаивалась, что не послушала Фредди и не осталась в Англии.

Она сосредоточилась на Билле, хватаясь за мысль о нем точно так же, как утопающая схватится за что угодно, за деревяшку, за спасательный круг, за все, что

(*мы все летаем здесь внизу, Одра*)

держится на поверхности.

Ее пробрал холод, она обхватила руками обнаженную грудь, увидела мурашки, покрывшие кожу. На мгновение ей показалось, что чей-то голос заговорил вслух, но у нее в голове. Словно там поселился кто-то чужой.

«*Я схожу с ума? Господи, это правда?*»

«*Нет*, — ответил ее разум. — *Это всего лишь дезориентация... разница в часовых поясах... тревожься о своем муже. Никто не говорил у тебя в голове. Никто...*»

«*Мы все летаем здесь внизу, Одра*, — донесся голос из ванной. Настоящий голос, реальный, как здания. И лукавый. Лукавый, и издевательский, и злобный. — *Ты тоже будешь летать*». Слова сменились непристойным смехом, который, затихая, перешел в бульканье, какое иной раз слышится в забитом сливном отверстии. Одра вскрикнула... прижала руки ко рту.

— Я этого не слышала.

Она сказала это вслух, побуждая голос возразить ей. Он не возразил. В комнате царила тишина. Лишь где-то далеко ночь разорвал тепловозный гудок.

Внезапно она поняла, что до утра ждать невозможно и с Биллом ей необходимо увидеться прямо сейчас. Она находилась в стандартном номере мотеля, точно таком же, как тридцать девять дру-

* Саусолито — прибрежный городок в Калифорнии.

гих номеров этого мотеля, но вдруг поняла, что все зашло чересчур далеко. Все. Когда начинаешь слышать голоса, это уже перебор. Слишком страшно. Казалось, она соскальзывала в кошмар, из которого только что вырвалась. Ощущала испуг и жуткое одиночество. «*Даже хуже*, — подумала Одра. — *Я ощущаю себя мертвой*». Сердце внезапно пропустило два удара, заставив ее ахнуть и кашлянуть. Паника охватила Одру, она увидела себя пленницей собственного тела, задалась вопросом, а вдруг весь этот ужас имеет под собой самую обыкновенную физиологическую причину: может, у нее развивается инфаркт. Или это уже случилось.

Сердце забилось, но неровно.

Одра включила лампу на прикроватном столике, взглянула на часы. Двенадцать минут четвертого. Он, конечно, спит, но сейчас это не важно — она готова на все, лишь бы услышать его голос. Она хотела провести остаток ночи с ним. Если бы Билл лежал рядом, ее сердце билось бы в такт его и успокоилось. Кошмары бы ушли. Он продавал кошмары другим, — такую уж выбрал профессию, — но ей дарил только умиротворенность. За пределами странного холодного ореха, встроенного в его воображение, для него не существовало ничего, кроме умиротворенности. Она взяла телефонный справочник, нашла номер «Дерри таун-хауса», позвонила.

— «Дерри таун-хаус».

— Вас не затруднит соединить меня с номером мистера Денбро? Мистера Уильяма Денбро?

— Этому парню всегда звонят в такой час? — спросил ночной портье и, прежде чем она успела спросить, как ей понимать этот вопрос, переключил ее на номер Денбро. Раздался гудок, второй, третий; Одра легко представила себе, как он спит, укрывшись по макушку; она представила себе, как тянется одной рукой, ощупывает прикроватный столик в поисках телефонного аппарата. Она это уже видела, и любящая улыбка коснулась ее губ. На четвертом гудке улыбка исчезла... раздался пятый, шестой. На седьмом портье разорвал связь.

— Этот номер не отвечает.

— Сама вижу, Шерлок. — Одра еще сильнее расстроилась и испугалась. — Вы уверены, что соединили меня с номером мистера Денбро?

— Да, — ответил портье. — Не прошло и пяти минут, как мистеру Денбро звонили из другого номера отеля. Я знаю, что трубку

он брал, потому что на коммутаторе лампочка горела одну или две минуты. Должно быть, он ушел в номер того, кто ему позвонил.

— Из какого номера ему звонили?

— Не помню. Думаю, с шестого этажа. Но...

Одра положила трубку на рычаг. Она все поняла. Женщина. Какая-то женщина позвонила ему... и он ушел к ней. *«И что теперь, Одра? Что мы будем с этим делать?»*

Она почувствовала, что вот-вот заплачет. Слезы жгли глаза и нос; из груди готово было вырваться рыдание. Злости, по крайней мере пока, не было... только острое чувство потери. Ее бросили.

«Одра, возьми себя в руки. Ты делаешь слишком поспешные выводы. Сейчас глубокая ночь, тебе приснился дурной сон, и теперь ты уже представляешь себе Билла с другой женщиной. Но это же не единственный вариант. Что ты сейчас сделаешь, так это сядешь. Уснуть тебе уже не удастся. Включи свет, дочитай роман, который начала в самолете. Помнишь, что говорит Билл? Лучший вид снотворного. Книговалиум. И больше никаких приступов раздражения. Никаких диких выдумок и никаких голосов. Дороти Сэйерс и лорд Питер — лучшее от этого средство. «Почерк убийцы». Эта книга займет тебя до зари. А потом...»

Внезапно вспыхнул свет в ванной: она увидела полоску под дверью. Затем щелкнула запорная собачка, и дверь в ванную распахнулась. Глаза Одры широко раскрылись, инстинктивно она прикрыла грудь руками. Сердце бешено колотилось о ребра, во рту она почувствовала кислый привкус адреналина.

Тот же голос, низкий и завораживающий, произнес: *«Мы все летаем здесь внизу, Одра»*, — последнее слово прозвучало длинным, растянутым криком: «Одра-а-а-а-а», — после чего раздались те же самые булькающие звуки, очень похожие на смех.

— Кто здесь? — воскликнула она, отшатнувшись. *«Это уже не мое воображение, ни в коем разе, ты не скажешь мне...»*

Включился телевизор. Она обернулась и увидела клоуна в серебристом костюме с большими оранжевыми пуговицами, прыгающего на экране. На месте глаз чернели пустые глазницы, а когда его густо накрашенные губы разошлись в еще более широкой улыбке, Одра увидела, что зубы у него острые, как бритвы. Он поднял отрубленную голову, с которой капала кровь. Глаза закатились, между век виднелись только белки, рот раскрылся, но Одра понимала, что это голова Фредди Файрстоуна. Клоун смеялся и танце-

вал. Размахивал головой, и капли крови изнутри падали на экран. Она слышала, как они шипят.

Она попыталась закричать, но с губ сорвался лишь слабый писк. Не глядя, нащупала платье, лежащее на спинке стула, и сумочку. Потом выскочила в коридор и захлопнула за собой дверь, тяжело дыша, побледнев как полотно. Сумочку поставила между ног, через голову надела платье.

— Летаем, — послышался за спиной низкий, хихикающий голос, и Одра почувствовала, как холодный палец поглаживает ее голую пятку.

Она взвизгнула и отпрыгнула от двери. Белые трупные пальцы торчали в дверной щели, шевелились, что-то выискивая, ногти отрывались от пальцев, демонстрируя лилово-белые, бескровные пятачки кожи под ними. Каждое соприкосновение пальцев с ковром сопровождалось неприятным шуршанием.

Одра подхватила ямку сумочки и босиком бросилась к двери в конце коридора. Ее охватила паника, в голове билась только одна мысль: найти «Дерри таун-хаус» и Билла. И не важно, сколько сейчас женщин в его постели, хоть целый гарем. Главное — найти его, чтобы он увез ее подальше от жуткого чудовища, обитающего в этом городе.

Она выскочила на дорожку и на автостоянку, оглядываясь в поисках своего автомобиля. На мгновение мозг отключился полностью, и она даже не могла вспомнить, на какой машине приехала. Потом вспомнила: табачно-коричневый «датсун». Увидела его, утонувшего по ступицы в недвижном, стелящемся по земле тумане, и поспешила туда. Она не могла найти в сумочке ключи. Копалась в ней с нарастающей паникой, нащупывая бумажные салфетки, косметику, мелочь, солнцезащитные очки, пластинки жевательной резинки. Она не замечала ни потрепанный «Форд-ЛТД», припаркованный бампер в бампер с ее автомобилем, ни мужчину, сидевшего за рулем. Она не заметила, как открылась водительская дверца «ЛТД» и оттуда вышел мужчина; она пыталась переварить ужасную мысль: ключи от «датсуна» остались в номере. Она не могла туда вернуться; просто не могла.

Пальцы коснулись чего-то твердого, зазубренного и металлического под коробочкой с мятными пастилками «Алтоид», и она схватилась за ключ, торжествующе вскрикнув. Успела подумать, что это ключ от их «ровера», который стоял на железнодорожной

станции Флита в трех тысячах миль отсюда, но потом обнаружила брелок из акрилового пластика компании по аренде автомобилей, к которому крепился ключ. Вытащила ключ из сумочки, не без труда вставила в замок, часто-часто дыша, повернула. И тут рука легла на ее плечо, и она закричала... на этот раз закричала громко. В ответ где-то тявкнула собака, и все.

Рука, крепкая как сталь, сжала плечо и развернула Одру на сто восемьдесят градусов. Перед собой она увидела мужчину с рыхлым, бугорчатым лицом. Глаза блестели. Когда распухшие губы разошлись в гротескной улыбке, она увидела, что некоторые из передних зубов мужчины сломаны. Пеньки выглядели пугающе.

Одра попыталась заговорить и не смогла. Рука сдавила плечо еще сильнее, пальцы вдавливались в плоть.

— Не тебя ли я видел в кино? — прошептал Том Роган.

3
Номер Эдди

Беверли и Билл быстро, без единого слова, оделись, и поднялись в номер Эдди. На пути к лифту они услышали, как где-то позади зазвонил телефон. Приглушенно, издалека.

— Билл, может, у тебя?

— Во-озможно, — ответил он, — мо-ожет, кто-то е-еще из наших, — и нажал на кнопку «ВВЕРХ».

Эдди открыл им дверь, бледный и напряженный. Его левая рука висела под странным углом, напоминая о давних временах.

— Я в норме, — сообщил он. — Принял две таблетки дарвона. Боль уже не такая и сильная. — Но насчет нормы он, конечно, погрешил против истины. Губы сжимал так сильно, что они почти исчезли, полиловев от шока.

Билл посмотрел мимо него, увидел тело на полу. Одного взгляда хватило, чтобы два вопроса отпали сами собой: во-первых, это Генри Бауэрс, во-вторых, он мертв. Он прошел мимо Эдди, присел рядом с телом. Бутылку «Перье» загнали Генри в брюхо. Острия утянули с собой и рубашку. Из-под полуоткрытого века блестел глаз. Рот, заполненный свернувшейся кровью, перекосило. Кисти напоминали лапы хищной птицы.

Тень упала на Билла, и он поднял голову. Подошла Беверли. Она бесстрастно разглядывала Генри.

— Он все время го-онялся за нами, — напомнил Билл.

Она кивнула.

— Он не выглядит постаревшим. Ты согласен, Билл? Он совершенно не выглядит постаревшим. — Она резко повернулась к Эдди, который сидел на кровати. Эдди выглядел постаревшим; постаревшим и измученным. Сломанная рука лежала у него на коленях. — Мы должны вызвать Эдди врача.

— Нет, — в унисон ответил Билл и Эдди.

— Но ему больно! У него сломана...

— Ситуация та же, что и в по-оследний раз. — Билл поднялся и обнял Беверли, глядя ей в глаза. — Как только мы да-адим о себе знать... как только с-свяжемся с го-го-городом...

— Они арестуют меня за убийство, — сухо закончил Эдди. — Или арестуют нас всех. Задержат нас. Или сделают что-то еще. Потом произойдет какой-нибудь инцидент. Один из тех инцидентов, какие случаются только в Дерри. Может, они посадят нас в тюрьму, где мы все получим по пуле от взбесившегося помощника шерифа. Может, мы все умрем от пищевого отравления или надумаем повеситься в своих камерах.

— Эдди, это безумие! Это...

— Неужели? — спросил Эдди. — Помни, это Дерри.

— Но мы уже взрослые! Конечно же, ты не думаешь... я хочу сказать, он пришел сюда ночью... напал на тебя...

— С че-ем? — спросил Билл. — Г-где но-о-ож?

Она огляделась, ножа не заметила, встала на колени, чтобы заглянуть под кровать.

— Не трать времени, — говорил Эдди все так же сухо, с легким присвистом в дыхании. — Я ударил дверью по его руке, когда он попытался всадить в меня нож. Генри его уронил, и я ногой отбросил нож под телевизор. Его там нет. Я уже посмотрел.

— Бе-еверли, по-озвони остальным, — распорядился Билл. — Ду-умаю, я смогу наложить шину на руку Эдди.

Она долго смотрела на него, потом перевела взгляд на труп. Подумала, что ситуация ясна для любого копа, у которого в голове не только опилки. В номере беспорядок. У Эдди сломана рука. Стопроцентный случай самозащиты от ночного незваного гостя. И тут она вспомнила мистера Росса. Мистер Росс встал, посмотрел. А потом сложил газету и ушел в дом.

«Как только мы дадим о себе знать... как только свяжемся с городом...»

Слова эти заставили ее вспомнить Билла-мальчишку, с бледным, усталым и полубезумным лицом, Билла, говорящего, что Дерри и есть Оно. *«Вы меня понимаете? В любом месте, куда мы пойдем... когда Оно доберется до нас, они этого не увидят, они этого не услышат, не узнают. Вы понимаете, как все складывается? Все, что нам остается, так это попытаться закончить начатое»*.

Стоя в номере Эдди, глядя на труп Генри, Беверли подумала: *«Они оба говорят, что мы вновь стали призраками, что все началось, чтобы повториться. Все. Ребенком я могла это принять, потому что дети почти что призраки. Но...»*

— Вы уверены? — в отчаянии спросила она. — Билл, ты уверен?

Он уже сидел на кровати рядом с Эдди, мягко ощупывая его руку.

— А-а-а т-ты не-ет? После в-в-всего того, ч-что с-случилось се-егодня?

Да. Все, что случилось. Жуткое завершение их ленча. Красивая пожилая женщина, которая превратилась в ведьму у нее на глазах, (*мой отьец выносил меня, не моя муттер*) истории, рассказанные в библиотеке, и то, что им сопутствовало. Все это вместе взятое. И все же... ее разум отчаянными криками требовал поставить на этом точку, добавить здравомыслия, потому что, если она этого не сделает, они наверняка закончат эту ночь походом в Пустошь, где найдут одну известную им насосную станцию и...

— Не знаю, — ответила она. — Просто... не знаю. Даже после всего того, что случилось, Билл, мне представляется, что мы можем позвонить полиции. Возможно.

— По-озвони о-остальным, — повторил он. — По-осмотрим, ч-что они с-скажут.

— Хорошо.

Сначала она позвонила Ричи, потом Бену. Оба согласились прийти немедленно. Ни один не спросил, что произошло. Она нашла в справочнике домашний номер Майка и набрала его. Ответа не дождалась. После десятка звонков положила трубку.

— По-опробуй би-иблиотеку, — предложил Билл. Он снял два коротких карниза для штор с меньшего из двух окон в номере Эдди и привязывал их к руке поясом от банного халата и шнурком от пижамы.

Прежде чем она нашла номер, в дверь постучали. Бен и Ричи пришли одновременно. Бен — в джинсах и рубашке навыпуск, Ричи — в модных серых хлопчатобумажных брюках и пижамной куртке. Его глаза настороженно оглядывали комнату из-под очков.

— Господи, Эдди, что с твоей...

— Боже! — воскликнул Бен, увидев на полу Генри.

— Ти-ихо! — резко бросил Билл. — И закройте д-дверь!

Ричи закрыл, впился взглядом в труп.

— Генри?

Бен шагнул к трупу и остановился, словно боялся, что тот его укусит. Беспомощно посмотрел на Билла.

— Ра-а-асскажи. — Билл повернулся к Эдди. — Г-гребаное за-а-аикание то-олько у-усиливается, — Эдди коротко рассказал о случившемся, пока Беверли искала номер публичной библиотеки Дерри и набирала его. Она предположила, что Майк решил переночевать там, возможно, на диване в своем кабинете. И того, что произошло, она никак не ожидала. Трубку сняли на втором гудке, и незнакомый голос сказал: «Алло».

— Алло, — ответила она, вскинула руку, призывая остальных к тишине. — Мистера Хэнлона, пожалуйста.

— Кто это? — спросил голос.

Беверли облизнула губы. Билл пристально смотрел на нее. Бен и Ричи оглянулись. И тут у нее в душе шевельнулась настоящая тревога.

— Кто вы? — ответила она вопросом. — Вы не мистер Хэнлон.

— Я Эндрю Рейдмахер, начальник полиции Дерри, — ответил голос. — Мистер Хэнлон сейчас в Городской больнице. Совсем недавно на него совершили нападение, и он тяжело ранен. А теперь, пожалуйста, скажите, кто вы? Мне нужно ваше имя.

Но последнее Беверли едва слышала. Шок волнами прокатывался по ней, голова пошла кругом. Мышцы живота, паха и ног расслабились, она перестала их чувствовать и подумала: «*Теперь понятно, что происходит, когда люди от испуга дуют в штаны. Само собой. Ты теряешь контроль над этими мышцами...*»

— Как тяжело он ранен? — услышала она свой голос, вдруг сделавшийся таким тонким, и тут же Билл оказался рядом с ней, его рука легла ей на плечо, и Бен подошел, и Ричи, и она ощутила безмерную благодарность. Вытянула свободную руку, и Билл сжал ее.

Ричи положил свою поверх руки Билла, Бен — поверх руки Ричи. Подошел Эдди, и его здоровая рука легла сверху.

— Я хочу знать ваше имя, — властным голосом повторил Рейдмахер, и в то самое мгновение обосравшийся маленький трусишка, выращенный ее отцом и пестуемый мужем, почти что ответил: *«Я — Беверли Марш и сейчас нахожусь в «Дерри таун-хаусе». Пожалуйста, пришлите мистера Нелла. У нас мертвый мужчина, который наполовину мальчик, и мы все очень испуганы»*.

Но она произнесла другие слова:

— Я... боюсь, я не могу вам его назвать. Пока не могу.

— Что вам об этом известно?

— Ничего, — ответила потрясенная Беверли. — С чего вы подумали, что мне что-то известно? Господи Иисусе!

— У вас привычка такая, звонить в библиотеку в половине четвертого ночи? — фыркнул Рейдмахер. — Довольно трепа, милая девушка. Это нападение, и, судя по тому, как выглядит мистер Хэнлон, к восходу солнца оно может стать убийством. Я снова вас спрашиваю: кто вы и что об этом знаете?

Закрыв глаза, изо всех сил сжимая руку Билла, Бев задала очередные вопросы:

— Он может умереть? Вы это говорите не только для того, чтобы напугать меня? Он действительно может умереть? Пожалуйста, скажите мне.

— Он очень тяжело ранен. И если это не пугало вас раньше, то должно напугать теперь. А теперь я хочу знать, кто вы и почему...

Словно со стороны она наблюдала, как ее правая рука рассекает воздух, возвращая трубку на рычаг. Она посмотрела на Генри и дернулась, как от пощечины, нанесенной ледяной рукой. Один глаз Генри закрылся. Из другого, выбитого, что-то сочилось.

Казалось, Генри ей подмигивал.

4

Ричи звонил в больницу. Билл повел Беверли к кровати, где она села рядом с Эдди, уставившись в никуда. Подумала, что заплачет, но слезы не пришли. В тот момент ей хотелось только одного — чтобы кто-нибудь прикрыл Генри Бауэрса. Этот подмигивающий взгляд действовал ей на нервы.

Ричи в мгновение ока превратился в корреспондента «Дерри ньюс». Как стало известно в редакции, на мистера Майкла Хэнлона, старшего библиотекаря, совершено нападение, когда он задержался по работе в библиотеке. Больница может что-то сообщить о состоянии мистера Хэнлона?

Ричи слушал, кивая.

— Я понимаю, мистер Керпаскян... Через «а»?.. Да-да... Хорошо. Вы?..

Он слушал, настолько войдя в роль, что пальцем начал что-то записывать в воображаемый блокнот.

— А-га... а-га... да. Я понимаю. Что ж, как и обычно в таких случаях, мы процитируем вас, сославшись на «источник». Потом, позже, мы сможем... а-га... точно! — Ричи рассмеялся, смахнув со лба пот. Снова принялся слушать. — Хорошо, мистер Керпаскян. Да, я... да, я записал. Ка-Е-Эр-Пэ-А-Эс-Ка-Я-Эн, точно! Чешский еврей? Правда? Это... это крайне необычно. Да, обязательно. Доброй ночи. Спасибо вам.

Он положил трубку и закрыл глаза.

— Господи! — хрипло выкрикнул он. — Господи! Господи! Господи! — Замахнулся, чтобы сбросить телефонный аппарат со стола, потом просто опустил руку. Снял очки, протер стекла полой пижамы. — Он жив, но состояние очень тяжелое. Генри исполосовал его ножом, как рождественскую индейку. Один удар задел бедренную артерию. Майк потерял всю кровь, которую может потерять человек и при этом остаться в живых. Ему удалось перетянуть ногу неким подобием жгута, иначе он бы умер до того, как его нашли.

Беверли заплакала. Она плакала, как ребенок. Прижав обе руки к лицу. Какое-то время тишину в комнате нарушали лишь ее всхлипы да свистящее дыхание Эдди.

— Майк не единственный, кого исполосовали, как рождественскую индейку, — наконец прервал паузу Эдди. — Генри выглядел так, словно отработал двенадцать раундов против Рокки Бальбоа.

— Т-ты в-все е-еще хо-очешь по-ойти в по-олицию, Бев?

На прикроватном столике лежали бумажные салфетки, но они превратились в слипшуюся, набухшую массу посреди лужи «Перье». Беверли пошла в ванную, по широкой дуге обогнув Генри, взяла полотенце, смочила в холодной воде. Приложила к разгоряченному опухшему лицу, наслаждаясь ощущениями прохлады. Почувствовала, что может достаточно ясно соображать, еще не

здраво, но уже достаточно ясно. И внезапно у нее пропали последние сомнения в том, что благоразумие их убьет, попытайся они опереться на него. Этот коп, Рейдмахер, у него возникли подозрения. Почему нет? Люди не звонят в библиотеку в половине четвертого ночи. Он уже предположил, что она что-то знает и ее мучает чувство вины. А что он предположит, если выяснится, что она звонила ему из комнаты, где на полу лежал покойник, в живот которого воткнута «розочка» из бутылки «Перье»? Что она и еще четверо незнакомцев приехали в город днем раньше, чтобы встретиться после долгих лет разлуки, и этот парень тоже оказался в городе? Признала бы она их историю достоверной, окажись на месте копа? Признал бы кто-нибудь? Конечно, они бы могли подкрепить свою байку утверждением, что приехали в Дерри с одной целью — добить чудовище, которое жило в дренажных тоннелях под городом. Реалистическая нотка всегда добавляет убедительности.

Бев вышла из ванной и посмотрела на Билла:

— Нет, я не хочу идти в полицию. Я думаю, Эдди прав — что-то может с нами случиться. Что-то фатальное. Но истинная причина не в этом. — Она оглядела всех четверых. — Мы поклялись это сделать. Поклялись. Твой брат... Стэн... все остальные... теперь Майк. Я готова, Билл.

Билл посмотрел на них.

Ричи кивнул.

— Да, Большой Билл. Давай попробуем.

— Наши шансы уменьшились, — заметил Бен. — Мы потеряли уже двоих. — Билл молчал. — Ладно, — кивнул Бен. — Она права. Мы поклялись.

— Э-Э-Эдди?

Эдди чуть улыбнулся.

— Как я понимаю, меня опять спустят по лестнице на спине, да? Если лестница все еще там.

— Только на этот раз никто камнями бросаться не будет, — сказала Беверли. — Они мертвы. Все трое.

— Мы сделаем это прямо сейчас, Билл? — спросил Ричи.

— Да, — ответил Билл. — Я ду-у-умаю, са-амое в-время.

— Можно сказать? — внезапно спросил Бен.

Билл посмотрел на него, улыбнулся:

— Ко-о-онечно.

— Лучших друзей, чем вы, у меня никогда не было. Чем бы все ни закончилось, я просто... вы понимаете, хотел вам это сказать.

Он смотрел на них, они, со всей серьезностью, на него.

— Я рад, что вспомнил вас, — добавил Бен. Ричи фыркнул. Беверли хихикнула. Потом они все смеялись, глядя друг на друга, совсем как раньше, несмотря на то, что Майк находился в больнице, возможно, умирал или уже умер, несмотря на сломанную (опять) руку Эдди, несмотря на то, что за окном царила самая черная, предрассветная тьма.

— Стог, у тебя такой слог. — Ричи смеялся и вытирал глаза. — Ему следовало стать писателем, Большой Билл.

Билл улыбнулся.

— И на этой но-о-оте...

5

Они поехали на лимузине, одолженном Эдди. За руль сел Ричи. Низкий туман сгустился, плыл по улицам, как сигаретный дым, не добираясь до уличных фонарей. В небе яркими осколками льда сверкали звезды — весенние звезды, но, приблизив голову к наполовину открытому окну у пассажирского сиденья, Билл подумал, что слышит далекий летний гром. Где-то у горизонта собиралась гроза.

Ричи включил радио, и Джин Винсент запел хит пятидесятых «Би-боп-а-лулу». Вдавил другую кнопку и получил Бадди Холли. Третья порадовала Эдди Кокрэном и «Летним блюзом».

— Я хотел бы помочь тебе, сынок, но ты слишком мал, чтобы голосовать, — произнес низкий голос.

— Выключи, Ричи, — мягко попросила Беверли.

Он потянулся к радиоприемнику, но его рука застыла в воздухе.

— Оставайтесь на этой волне. Вас ждут новые участники «Рок-шоу Ричи Тозиера «Только мертвые»! — Смеющийся, кричащий голос клоуна перекрыл гитарные аккорды Эдди Кокрэна. — Не трогай этот диск, оставайся в этой могиле рока, они ушли из хит-парадов, но не из наших сердец, и вы идете, идете сюда, идете к ним! Здесь, внизу, мы играем исключительно хиты! Одни-и-и-и хиты! И если вы мне не верите, послушайте приглашенного ди-

джея замогильной смены* этого утра Джорджи Денбро! Скажи им, Джорджи!

И внезапно из радиоприемника завизжал брат Билла.

«Ты отправил меня на улицу, и Оно убило меня! Я думал, Оно в подвале, Большой Билл, я думал, Оно в подвале, но Оно пряталось в водостоке, пряталось в водостоке и убило меня, ты позволил Оно убить меня, Большой Билл, ты позволил...»

Ричи так резко крутанул диск, что отломил его, и он упал на коврик у переднего сиденья.

— В глубинке рок-н-ролл действительно паршивый. — В его голосе слышалась дрожь. — Бев права. Обойдемся без радио, согласны?

Никто не ответил. Уличные фонари освещали бледное, застывшее, задумчивое лицо Билла, а когда на западе вновь загремел гром, они все это услышали.

6
В Пустоши

Тот же мост.

Ричи припарковался рядом с ним, они вылезли из лимузина, подошли к ограждению — тому же ограждению — и посмотрели вниз.

Та же Пустошь.

Казалось, она нисколько не изменилась за прошедшие двадцать семь лет; для Билла эстакада автомагистрали (единственный новый элемент) выглядела нереальной, такой же эфемерной, как комбинированный кадр, снятый по способу дорисовки, или рирпроекция** в кино. Корявые маленькие деревья и кусты поблескивали в обволакивающем их тумане, и Билл подумал: *«Наверное, мы подразумеваем именно это, когда говорим о живучести памяти, это или что-то подобное, нечто такое, что мы видим в нужное время и под*

---

* На радио замогильной сменой называют время от полуночи до восьми утра.

** Рирпроекция — визуальное изображение какого-либо объекта съемки, используемое в качестве фона.

нужным углом, образ, который дает эмоциям такой же импульс, как реактивный двигатель. Ты видишь этот образ так ясно, будто все, произошедшее в этом временном промежутке, уносит в сторону. Если желание замыкает круг между тем, что есть, и тем, что хочется, тогда круг этот замкнулся».

— По-ошли, — скомандовал Билл и полез через ограждение. Они последовали за ним вниз по склону. Из-под ног сыпалась земля и камешки. Когда они добрались до самого низа, Билл автоматически глянул под мост, чтобы убедиться, на месте ли Сильвер, а потом мысленно рассмеялся. Сильвер стоял у стены в гараже Майка. Сильверу, похоже, роли в этой пьесе не досталось, хотя это казалось очень даже странным, учитывая его столь неожиданное появление.

— О-о-отведи нас ту-у-уда! — Билл повернулся к Бену.

Бен посмотрел на него, и Билл прочитал мысль в его глазах: «Прошло двадцать семь лет, Билл, прикинь», — но затем Бен кивнул и направился в подлесок.

Тропинка — их тропинка — давно заросла, так что им пришлось продираться сквозь заросли терновника, других колючих кустов и дикой гортензии, аромат которой просто удушал. Вокруг сонно стрекотали цикады, изредка им попадались светлячки, первые гости на сладком празднике лета. Билл полагал, что дети по-прежнему играли в Пустоши, но прокладывали свои пути и тайные тропы.

Они вышли на поляну, где построили клубный дом, — теперь поляна исчезла, заросла кустами и виргинскими соснами с тусклыми иголками.

— Смотрите, — прошептал Бен и пересек поляну (в их памяти она оставалась на прежнем месте, на нее только наложили еще одну рирпроекцию). Он наклонился, за что-то дернул. На земле лежала дверь из красного дерева, которую они нашли на свалке, притащили сюда и приспособили под часть крыши их клубного дома. На новом месте, где на нее наткнулся Бен, она пролежала лет двенадцать, а то и больше. Ползучие растения обжили ее и основательно укоренились на грязной поверхности.

— Оставь ее в покое, Стог, — пробормотал Ричи. — Это прошлое.

— О-о-отведи нас ту-у-уда, — повторил Билл из-за их спин.

Вслед за Беном они двинулись к Кендускигу, забирая влево от поляны, которой больше не существовало. Шум бегущей воды на-

растал, но они едва не свалились в Кендускиг, прежде чем кто-то из них увидел реку: листва зеленой стеной встала на самом краю берега. Собственно, край этот обвалился под ковбойскими сапогами Бена, и Билл удержал его от падения, схватив за воротник.

— Спасибо, — поблагодарил Бен.

— De nada*. В те да-авние дни ты бы у-утащил меня за со-обой. В-вниз по те-ечению?

Бен кивнул и повел их по заросшему берегу, продираясь сквозь кусты, думая, насколько проще все было, когда твой рост не превышал четырех футов и пяти дюймов и ты мог проскочить под всеми этими переплетениями (что на тропе, что в голове, полагал он), легко и непринужденно поднырнув под них. Что ж, все изменилось. *«Наш урок на сегодня, мальчики и девочки, состоит в следующем: чем больше все меняется, тем больше все меняется. И кто бы ни сказал, что чем больше все меняется, тем больше все остается прежним, очевидно, что его отличала сильная умственная отсталость. Потому что...»*

Нога Бена за что-то зацепилась, и он с грохотом повалился на землю, чуть не ударившись головой о бетонный цилиндр насосной станции. Его практически полностью отгородили от мира кусты ежевики. Поднявшись, Бен обнаружил, что шипы исцарапали ему лицо, кисти и предплечья в двух десятках мест.

— Скорее в трех, — уточнил он вслух, чувствуя, как кровь течет по щекам.

— Что? — переспросил Эдди.

— Ничего. — Бен наклонился, чтобы посмотреть, обо что он споткнулся. Вероятно, о корень.

Но он ошибся. Его рука коснулась металлической крышки, которая закрывала бетонный цилиндр. Кто-то скинул ее с положенного места.

«Разумеется, — подумал Бен. — *Мы и скинули. Двадцать семь лет назад»*.

Но осознал, что это бред, еще до того, как увидел металл, блестевший сквозь ржавчину на двух параллельных царапинах. В тот день насос не работал. Рано или поздно кто-нибудь обязательно пришел бы, чтобы его починить, и, конечно, ремонтники поставили бы крышку на место.

---

* De nada — не за что (*исп.*).

Он поднялся, и все пятеро собрались вокруг цилиндра. Посмотрели вниз. До них донеслись слабые, но знакомые звуки: внизу капала вода. И все. Ричи захватил все спички, которые смог найти в номере Эдди. Теперь он зажег целую книжицу и бросил вниз. На мгновение они увидели влажные стены бетонного цилиндра и махину насоса, возвышающегося по центру. Больше ничего.

— Должно быть, крышку сбросили давно. — По голосу чувствовалось, что Ричи как-то не себе. — Совсем не обязательно, чтобы...

— Крышку сбросили недавно, — возразил Бен. — Во всяком случае, после последнего дождя. — Он взял у Ричи другую книжицу спичек, зажег одну, указал на свежие царапины.

— По-под ней ч-что-то ле-ежит, — сказал Билл, когда Бен затушил спичку.

— Что? — спросил Бен.

— Не мо-огу сказать. Вы-ыглядит, ка-ак ля-лямка. Вы с Ри-ичи помогите мне пе-еревернуть ее.

Они взялись за крышку и откинули, как гигантскую монету. На этот раз спичку зажгла Беверли, и Бен осторожно, держа за лямку, поднял женскую сумочку, которая лежала под железной крышкой. Беверли уже собралась затушить спичку, когда бросила взгляд на лицо Билла. И застыла, пока пламя не добралось до ее пальцев. Только тогда она разжала их, и спичка погасла уже на лету.

— Билл? Что такое? Что не так?

В глазах Билла застыл ужас. Он не мог оторвать взгляда от потертой кожаной сумочки с длинной кожаной лямкой. Внезапно он вспомнил название песни, которая звучала по радиоприемнику, стоявшему в подсобке магазина изделий из кожи, где он купил ей эту сумочку. «Саусалитовская летняя ночь». Это уже какая-то запредельная странность. Вся слюна исчезла у него изо рта, оставив язык и внутреннюю поверхность щек сухими и гладкими, как хром. Билл слышал цикад, видел светляков, в нос бил запах буйной растительности, которая окружала его, и думал: *«Это еще один трюк еще одна иллюзия она в Англии и это просто дешевый фортель, потому что Оно напугано, и да, Оно возможно не так уверено в себе, как раньше, когда вызывало сюда нас всех, и, действительно, Билл, будь благоразумен: сколь много в этом мире потертых кожаных сумочек с длинной лямкой? Миллион? Десять миллионов?»*

Вероятно, больше. Но такая только одна. Он купил ее для Одры в Бербанке, в магазине изделий из кожи, в подсобке которого звучала «Саусалитовская летняя ночь».

— Билл? — Беверли трясла его за плечо. Где-то далеко. В двадцати семи лье под водой. И как называлась группа, которая пела «Саусалитовскую летнюю ночь»? Ричи наверняка знал.

— И я знаю, — спокойным голосом проговорил Билл, глядя в испуганное, с широко раскрытыми глазами лицо Ричи, и улыбнулся. — «Дизель». Как насчет того, чтобы вспомнить все?

— Билл, что случилось? — прошептал Ричи.

Билл закричал. Вырвал спички из руки Беверли, зажег одну, вырвал сумочку у Бена.

— Билл, господи, что...

Он расстегнул молнию, перевернул сумочку. И в вываливающемся содержимом было так много от Одры, что больше он не закричал только по одной причине: разум отключился. Среди бумажных салфеток, пластинок жевательной резинки, косметики он увидел жестяную коробочку мятных пластинок «Алтоидс»... и украшенную драгоценными камнями пудреницу, которую ей подарил Фредди Файрстоун после того, как она подписала контракт на съемки в фильме «Комната на чердаке».

— Моя же-е-ена там, внизу. — Он упал на колени и начал запихивать вещи обратно в сумочку. Отбросил несуществующие волосы со лба, даже не подумав об этом.

— Твоя жена? Одра? — изумленно спросила Беверли. У нее округлились глаза.

— Ее су-умочка. Ее ве-ещи.

— Господи, Билл, — пробормотал Ричи. — Быть такого не можешь, ты знаешь...

Он нашел ее бумажник из крокодиловой кожи. Открыл, поднял. Ричи зажег еще спичку и взглянул на лицо, которое видел в пяти или шести фильмах. Фотография на выданном в штате Калифорния водительском удостоверении не поражала качеством исполнения, но выглядела вполне убедительно.

— Но Ге-Ге-Генри мертв, и Виктор, и Рыгало... кто мог утащить ее туда? — Билл поднялся, оглядел всех лихорадочно блестящими глазами. — Кто мог?

Бен положил руку ему на плечо.

— Судя по всему, нам лучше спуститься вниз и выяснить, так?

Билл уставился на него, словно не понимая, кто перед ним, а потом глаза его прояснились.

— Да. Э-Э-Эдди?

— Билл, я тебе очень сочувствую.

— Сможешь забраться на меня?

— Однажды смог.

Билл наклонился, и Эдди обвил ему шею здоровой рукой. Бен и Ричи подняли его, чтобы он смог обхватить ногами талию Билла. И когда Билл перебросил ногу через край бетонного цилиндра, Бен увидел, что глаза Эдди крепко закрыты... и на мгновение услышал, как ломится сквозь заросли самая отвратительная кавалерия этого мира. Он повернулся, ожидая увидеть всю троицу, выходящую из кустов и тумана, но услышал лишь треск бамбука, росшего в четверти мили или около того, вызванный поднявшимся ветром. Их давние враги ушли навсегда.

Билл, держась руками за неровный, шероховатый край бетонного цилиндра, начал осторожно спускаться, переступая со скобы на скобу. Эдди держал его за шею мертвой хваткой, и Билл едва мог дышать. «*Ее сумочка, дорогой Боже, каким образом попала сюда ее сумочка? Не важно. Но, если Ты есть, дорогой Боже, если ты слышишь просьбы, сделай так, чтобы с ней ничего не случилось, чтобы ей не пришлось страдать за то, что мы с Бев сделали сегодня или за то, что я сделал однажды летом еще мальчишкой... это был клоун? Ее утащил вниз Боб Грей? Если так, не уверен, сможет ли ей помочь и сам Господь Бог*».

— Я боюсь, Билл, — тонким голосом прошептал Эдди.

Нога Билла коснулась холодной, стоячей воды. Он спустился в нее, вспоминая ощущения и сырой запах, вспоминая клаустрофобию, которую вызывало это место... и, между прочим, а что с ними там произошло? Как они шли по этим тоннелям и коллекторам? Куда именно пришли и как именно *из них выбрались? Он до сих пор не* мог ничего этого вспомнить; да и *думал теперь только об Одре.*

— Я то-о-оже.

Он присел, поморщился, когда холодная вода залилась в брюки и окатила яйца, подождал, пока Эдди слезет с него. Потом они стояли по колено в воде и наблюдали, как остальные спускаются по лестнице.

Глава 21
ПОД ГОРОДОМ

1
Оно – август 1958 г.

Случилось что-то новое.

В первый раз за целую вечность что-то новое. До появления вселенной существовали только двое. Само Оно и Черепаха. Черепаха, глупая старая рухлядь, никогда не вылезал из своего панциря. Оно думало, что Черепаха, возможно, подох, мертв последний миллиард лет или около того. Даже если не подох, он оставался глупой старой рухлядью, и пусть даже Черепаха разом и целиком выблевал эту вселенную, умным он от этого все равно не стал.

Черепаха ретировался в свой панцирь задолго до того, как Оно появилось на Земле и обнаружило, что глубина воображения здешней живности необычна, а потому особо интересна. И такой уровень воображения придавал пище отменный вкус. Зубы Оно рвали плоть, скованную экзотическими ужасами и яркими страхами: пища представляла себе ночных чудовищ и движущиеся трясины; против воли заглядывала в бездонные бездны.

И на этой изобильной пище Оно вело очень простую жизнь: просыпалось, чтобы поесть, и засыпало, чтобы видеть сны. Оно создало место, каким хотело его видеть, и благосклонно взирало на него мертвыми огнями, которые служили Оно глазами. Для Оно Дерри являл собой предубойный загон, где вместо овец находились люди.

Потом... эти дети.

Что-то новое.

Впервые за вечность.

Когда Оно ворвалось в дом на Нейболт-стрит с тем, чтобы убить их всех, ощущая смутную неуверенность из-за того, что еще не сделало этого (и, конечно же, неуверенность уже сама по себе была для Оно внове), случилось нечто совершенно неожиданное, нечто абсолютно немыслимое, и речь шла о боли, боли, невероятной, ревущей боли, которая растекалась по всей форме, которую приняло Оно, и на мгновение возник даже страх, потому что только одно объединяло Оно с глупым старым Черепахой и космологией метавселенной, лежащей за пределами хилой икринки этой вселенной: все живое должно подчиняться законам формы, которую оно принимает. Впервые Оно осознало, что способность менять форму имеет не только плюсы, но и минусы. Никогда раньше Оно не испытывало боли, никогда раньше не испытывало страха, и на мгновение подумало, что может умереть — голову в тот момент заполняла огромная, слепяще-белая, серебряная боль, которая рычала, и мяукала, и ревела, и каким-то образом детям удалось ускользнуть.

Но теперь они приближались. Они вошли во владения Оно под городом, семь маленьких глупых деток брели сквозь темноту без света и оружия. И Оно, понятное дело, намеревалось их убить.

Оно открыло для себя великую истину: никакие перемены или сюрпризы не нужны. И никакой новизны тоже не нужно. Оно хотело только есть, и спать, и видеть сны, и снова есть.

Вслед за болью и тем коротким, но ярким страхом накатило еще одно новое чувство (все истинные чувства были для Оно, хотя имитировать чувства Оно умело прекрасно): злость. Оно собиралось убить детей, потому что они благодаря какому-то невероятному случаю причинили Оно боль. Но сначала Оно намеревалось заставить их страдать, потому что на один короткий миг они заставили Оно их испугаться. «*Идите ко мне, детки, и посмотрите, как мы летаем здесь внизу... как мы все летаем*».

Но одна мысль не отпускала, хотя Оно всеми силами гнало ее прочь. Простая мысль: если все проистекало от Оно (а именно так и происходило с тех пор, как Черепаха выблевал эту вселенную и отключился в своем панцире), как могло какое-то существо этого или другого мира дурить или причинять боль Оно, пусть даже по мелочи и на самое короткое время? Как такое возможно?

И тут последний элемент нового открылся Оно, на этот раз не чувство, а хладнокровное умозаключение: *допустим, Оно не одно, как всегда в это верило?*

Допустим, есть еще и кто-то Другой?

И допустим, эти дети — агенты этого Другого?

Допустим... допустим...

Оно начала бить дрожь.

Злость — это новое. Боль — это новое. Воспрепятствование намерениям Оно — это новое. Но самым ужасным из всего нового стал страх. Не страх перед детьми, это ушло, но страх быть не единственным.

Нет, никаких Других нет. Конечно же, нет. Может, потому, что они дети, их воображение обладало некой грубой силой, которую Оно недооценило. Но теперь они приближались, и Оно не собиралось им мешать. А когда они приблизятся, Оно намеревалось забросить их одного за другим в метавселенную... в мертвые огни своих глаз.

Да.

Когда они доберутся сюда, Оно забросит их, орущих и обезумевших, в мертвые огни.

2

В тоннелях — 14:15

Бев и Ричи располагали на пару, возможно, десятью спичками, но Билл запретил их использовать. Тем более что некоторое время тусклый свет в тоннель попадал. Темноту он, конечно, не разгонял, но Билл видел, что находится в пределах четырех футов, а в такой ситуации не имело смысла тратить спички.

Билл полагал, что свет проникает в тоннель через вентиляционные каналы в перекрытиях над их головами и через круглые отверстия в решетках, которые закрывали бетонные колодцы насосных станций. Казалось невероятно странным, что они под городом, но, разумеется, тоннель привел их именно туда.

Уровень воды повысился. Трижды мимо них проплывали дохлые животные: крыса, котенок и какая-то раздувшаяся блестящая тушка, возможно, лесного сурка. Билл услышал, как кто-то что-

то брезгливо пробормотал, когда тушка проследовала вдоль их колонны.

Пока они шли по относительно спокойной воде, но чувствовалось, что скоро их ждут перемены: впереди доносился глухой рев. И с каждым их шагом он набирал силу. Тоннель поворачивал направо. Они миновали поворот и увидели три трубы, из которых вода сливалась в их тоннель. Трубы располагались вертикально одна над другой, как огни светофора. Здесь тоннель заканчивался. Заметно посветлело. Оглядевшись, Билл увидел, что тоннель привел их в большую каверну высотой в пятнадцать футов. Крышей служила канализационная решетка, и вода лилась на них, как из ведра, словно они стояли под душем.

Билл перевел взгляд на три трубы. Из верхней вытекала почти что прозрачная вода, хотя там хватало листьев, веток и мелкого мусора: окурков, оберток жевательной резинки и тому подобного. Из средней трубы лилась серая вода. А из нижней — серовато-коричневая комковатая жижа.

— Э-Э-Эдди!

Эдди подошел к нему. Волосы прилипли к голове. Гипсовая повязка намокла, с нее капало.

— В ка-акую и-из ни-их? — Если требовалось что-то построить — спрашивали Бена, если хотелось узнать, как куда-то пройти — Эдди. Они об этом не говорили, все и так знали. Если оказывались на новой для себя территории и хотели вернуться к знакомому месту, Эдди выводил их куда надо, поворачивая направо-налево с такой непоколебимой уверенностью, что остальным не оставалось ничего другого, как следовать за ним и надеяться, что они идут верной дорогой... надо отметить, что надежды оправдывались всегда. Когда Билл и Эдди начали играть в Пустоши, Билл, как он рассказывал Ричи, всякий раз боялся заблудиться, а Эдди таких страхов не знал и постоянно выводил Билла именно туда, куда они и хотели попасть. «Если бы я за-а-аблудился в Хейнсвиллском лесу и Э-Эдди был со мной, я бы со-овсем не волновался, — объяснял Билл Ричи. — Он п-просто з-знает, ку-уда и-идти. Мой о-отец говорит, ч-что у некоторых людей в голове встроенный ко-о-омпас. Эдди такой».

— Я тебя не слышу! — прокричал Эдди.

— Я спросил, в ка-акую?

— Какую что? — Эдди держал в одной руке ингалятор, и Билл подумал, что выглядит он скорее как мокрая ондатра, а не мальчишка.

— В ка-акую нам ле-езть?

— Что ж, все зависит от того, куда мы ходим пойти, — ответил Эдди, и Билл с радостью задушил бы его, пусть даже Эдди дал совершенно логичный ответ.

Эдди с сомнением оглядел все три трубы. Они могли влезть в любую, только нижняя выглядела совсем непривлекательной.

Билл знаком предложил остальным стать кружком.

— И где, на хрен, О-О-Оно? — спросил он всех.

— Под центром города, — предположил Ричи. — Аккурат под центром города. Около Канала.

Беверли закивала. Как и Бен. Как и Стэн.

— Ма-а-айк?

— Да, — ответил он. — Именно там. Около Канала. Или под Каналом.

Билл перевел взгляд на Эдди.

— В ка-акую?

Эдди с неохотой указал на самую нижнюю... и, хотя у Билла упало сердце, он нисколько не удивился.

— В ту.

— Какая гадость, — поморщился Стэн. — Это ж труба с нечистотами.

— Мы не... — начал Майк и замолчал. Склонил голову и прислушался. В глазах появилась тревога.

— Что... — больше Билл ничего не сказал, потому что Майк поднес палец к губам, призывая к тишине. Теперь и Билл слышал всплески воды, приближающиеся к ним. Бурчание и приглушенные слова. Генри не сдавался.

— Быстро, — разорвал паузу Бен. — Пошли.

Стэн посмотрел в тоннель, по которому они пришли, потом на самую нижнюю из труб. Плотно сжал губы и кивнул.

— Пошли. Говно смывается.

— Стэн-Супермен выдает прикол! — воскликнул Ричи. — Это круто, круто, кру...

— Ричи, а чего бы тебе не заткнуться? — зашипела на него Беверли.

Билл показал пример, первым подойдя к трубе, поморщился от запаха и полез в нее. Запах: труба канализационная, пахло говном, но и еще чем-то, так? Не такой убойный, более живой запах. Если б урчание животного могло пахнуть (а Билл полагал, что могло, если означенное животное ело понятно что), это и был бы тот самый запах, что пробивался сквозь первый. «*Мы идем в правильном направлении, все точно. Оно здесь бывало... и частенько*».

Когда они углубились в трубу футов на двадцать, запах стал еще более резким и отвратительным. Они продвигались медленно, против неглубокого потока субстанции, которая не была грязью. Билл оглянулся:

— Ты по-ойдешь с-следом за м-мной, Э-Э-Эдди. Ты мо-ожешь мне по-онадобиться.

Свет померк до серого, продержался какое-то время, а потом пропал полностью, и они шагнули

(*из-под синевы и*)

в темноту. Билл брел по жиже, чувствуя, как ноги пробиваются сквозь нее, вытянув перед собой руку, и какая-то его часть ожидала, что в любой момент он может наткнуться на жесткие волосы, а в темноте зажгутся зеленые глаза-лампы. И жизнь оборвется ослепительной вспышкой боли, когда Оно сорвет голову с его плеч.

Темноту наполняли звуки, все они усиливались и эхом отражались от стен. Он слышал, как друзья идут позади него, иногда что-то бормочут. Он слышал бульканье и странные лязгающие стоны. Однажды поток тошнотворной теплой воды прокатился вокруг и между его ног, окатив по бедра и заставив отпрянуть. Он почувствовал, как Эдди отчаянно вцепился за его рубашку, а потом уровень жижи понизился до привычного. И тут же Ричи, идущий последним, крикнул:

— Я думаю, Билл, нас только что обоссал Веселый зеленый великан*.

Билл слышал, как вода или навозная жижа бежит в трубах меньшего диаметра над их головами. Он вспомнил разговор с отцом о канализационной системе Дерри, и подумал, что знает, какая это труба: вода сюда попадала только при очень сильных дождях или наводнениях, а содержимое труб, которые находились над головами, покинув Дерри, сбрасывалось в Торо-Стрим или реку Пенобс-

* Веселый зеленый великан — герой рекламных роликов.

кот. Город предпочитал не сбрасывать свое дерьмо в Кендускиг, потому что от него завонял бы Канал. Но вся так называемая «серая вода» поступала в Кендускиг, и если канализационные трубы не могли справиться с потоком нечистот, избыток сбрасывался в эту трубу, как только что и произошло. За одним сбросом мог последовать и второй. Билл с тревогой поднял голову, ничего не видя, но понимая, что где-то наверху, а может, и по сторонам, есть сливные колодцы, которые в любой момент могут...

Он не подозревал, что добрался до конца трубы, пока не вывалился из нее. Отчаянно замахал руками, пытаясь удержаться на ногах, но плюхнулся на живот в полужидкую массу на два фута ниже устья трубы, из которой только что выпал. Кто-то, попискивая, пробежал по его руке. Он закричал и сел, прижав трясущуюся руку к груди, понимая, что по ней только что пробежала крыса; он до сих пор чувствовал отвратительное прикосновение безволосого хвоста.

Билл попытался встать и стукнулся головой о низкий потолок этой новой трубы. Стукнулся сильно, вновь упал на колени, а перед глазами в темноте вспыхнули большие красные цветы.

— Бу-удьте о-осторожны! — услышал он свой крик. Слова разнеслись гулким эхом. — Тут высокий уступ! Э-Эдди! Ты г-где?

— Здесь! — Рука, которой Эдди махал перед собой, задела нос Билла. — Помоги мне, Билл. Я ничего не вижу. Этот...

Раздалось громкое «*кра-а-а-а-ш-ш-ш*»! Беверли, Майк и Ричи разом вскрикнули. Произойди это при свете, столь идеальная синхронность могла бы вызвать смех, но здесь, в темноте, в канализационной трубе, она ужасала. Внезапно все они уже вываливались из трубы. Билл сжал Эдди в медвежьем объятии, пытаясь уберечь его сломанную руку.

— Господи, я уже подумал, что утону, — простонал Ричи. — Нас всех окатило говенной водой, незабываемые впечатления, тут надо бы как-нибудь провести экскурсию класса, Билл. Первым пойдет мистер Карсон...

— А потом мисс Джиммисон прочитает лекцию о личной гигиене, — дрожащим голосом добавил Бен, и все разразились пронзительным смехом. Когда же смех стих, Стэн внезапно расплакался.

— Не надо, чел. — Ричи неуклюже обнял Стэна за липкие плечи. — А то мы все расплачемся, чел.

— Я в порядке! — громко ответил Стэн сквозь слезы. — Пусть страшно, это я выдержу, но мне тошно от всей этой грязи, мне тошно от того, что я не знаю, где я сейчас.

— Ты ду-умаешь с-спички е-еще на ч-что-то го-о-одятся? — спросил Билл Ричи.

— Я отдал свои Бев.

Билл почувствовал, как рука коснулась его руки в темноте и вдавила в ладонь книжицу спичек. На ощупь сухих.

— Я держала их под мышкой, — объяснила Бев. — Могут и зажечься. Попробуй.

Билл оторвал спичку и чиркнул. Она вспыхнула, и он поднял ее над головой. Его друзья сбились в кучку, щурясь от яркого огонька. Испачканные нечистотами, все они выглядели очень маленькими и очень испуганными. Позади он видел канализационную трубу, по которой они пришли сюда. Труба, в которой они стояли сейчас, уступала той размерами. И уходила в двух направлениях. Пол покрывал толстый слой липких отложений. И...

Он шумно втянул в себя воздух и загасил спичку, которая уже начала жечь пальцы. Прислушался. Звуки быстро бегущей воды время от времени перемежались ревом сбрасываемых излишков: срабатывали предохранительные клапаны, отправляя канализационные стоки в Кендускиг, от которого они ушли на... он понятия не имел, как далеко. Генри и его дружков он не слышал... пока.

— С-справа от ме-еня ме-ертвец, — заговорил Билл ровным, спокойным голосом. — Фу-утах в де-есяти о-от нас. Я думаю, это, во-озможно Па-Па-Па...

— Патрик? — спросила Беверли, ее голос дрожал на грани истерики. — Это Патрик Хокстеттер?

— Да. Хочешь, ч-чтобы я за-ажег е-еще о-одну с-спичку?

— Тебе придется, — ответил ему Эдди. — Если я не увижу, как идет труба, то не узнаю, в какую сторону нам повернуть.

Билл зажег спичку. В ее свете все увидели позеленевший, раздувшийся труп, который когда-то был Патриком Хокстеттером. Он улыбался им из темноты, на удивление доброжелательно, но только одной половиной лица: вторую обглодали живущие в трубах крысы. Тут же валялись и учебники Патрика из летней школы. От сырости они разбухли до размеров словарей.

— Господи, — хрипло прошептал Майк, глаза у него округлились.

— Я снова их слышу, — воскликнула Беверли. — Генри и остальных.

Хорошая акустика, похоже, донесла до них и ее голос: Генри завопил где-то в канализационной трубе, и на мгновение возникло ощущение, будто он уже рядом с ними.

— Мы до вас доберее-е-е-емся...

— Давай, давай! — крикнул в ответ Ричи, его глаза лихорадочно блестели. — Не останавливайся, каблуки-бананы! Тут тебя ждет бассейн, как в «Ассоциации молодых христиан». Не сбавляй...

И тут крик такого жуткого страха и боли долетел к ним из трубы, что догорающая спичка выскользнула из пальцев Билла, упала и погасла. Эдди здоровой рукой обнимал его за талию, и теперь Билл обнял Эдди, почувствовав, что его тело вибрирует, как натянутая струна. Стэн Урис прижался к Биллу с другой стороны. Крик нарастал и нарастал... а потом они услышали непотребный вязкий чавкающий хлопок, и крик оборвался.

— Кто-то добрался до одного из них, — послышался из темноты полный ужаса голос Майка. — Кто-то... какой-то монстр... Билл, мы должны выбираться отсюда... пожалуйста...

Билл слышал, что оставшиеся, один или двое, по звукам определить не удавалось, спотыкаясь, спешат к ним по канализационной трубе.

— В ка-акую с-с-сторону, Э-Э-Эдди? — нервно спросил он. — Ты з-знаешь?

— К Каналу? — уточнил Эдди, стряхивая руки Билла.

— Да!

— Направо. Мимо Патрика... или через него. — Голос Эдди вдруг стал жестким. — Меня это не волнует. Он один из тех, кто сломал мне руку. Да еще плюнул мне в лицо.

— По-ошли. — Билл еще раз глянул в трубу, по которой они пришли. — Це-епочкой по о-одному! Де-ержимся за то-ого, к-кто в-впереди, ка-ак и ра-аньше.

Он двинулся первым, касаясь правым плечом склизкой керамической поверхности трубы, стиснув зубы, не желая наступить на Патрика... или продавить его.

Они крались все дальше в темноту, тогда как по другим трубам вокруг них бежала вода, а над ними, на поверхности, бушевала гроза, принеся в Дерри раннюю темень — темень, которая выла ветром, и вспыхивала электрическим огнем, и грохотала падающими деревьями; звуки эти напоминали предсмертные вопли гигантских доисторических животных.

3

Оно — май 1985

Теперь они снова приближались, и хотя все прошло, как планировалось, вернулось нечто такое, чего Оно не предвидело: этот сводящий с ума, унизительный страх... это ощущение Другого. Оно ненавидело страх, набросилось бы на него и сожрало, если б сумело... но страх насмешливо танцевал вне пределов досягаемости, и убить страх Оно могло только одним способом — убив их.

Конечно, для такого страха не было причин; теперь они стали старше, и число их сократилось с семи до пяти. Пять — число силы, но оно не обладало загадочными магическими свойствами числа семь. Да, действительно подосланный Оно человек не убил библиотекаря, но библиотекаря ждала смерть в больнице. Чуть позже, еще до того, как затеплится заря, Оно намеревалась послать к нему медбрата-наркомана, который покончит с библиотекарем окончательно и бесповоротно.

Женщина писателя находилась теперь у Оно, живая и неживая — ее разум полностью уничтожил один взгляд на Оно без всех его масок и чар, а все чары, естественно, являли собой зеркала, которые показывали насмерть перепуганному зрителю голографические образы — самое худшее, что таилось в его или ее мозгу, точно так же, как обычное зеркало пускало солнечный зайчик в широко раскрытый, ничего не подозревающий глаз, и вызывало слепоту.

Теперь разум жены писателя пребывал с Оно, пребывал в Оно, за пределами метавселенной, в черноте, недоступной Черепахе, в запределье вне всяких пределов.

Она пребывала в глазу Оно; она пребывала в разуме Оно.

Она пребывала в мертвых огнях.

Да, чары эти были удивительные. Взять, к примеру, Хэнлона. Он этого не помнил, во всяком случае, на сознательном уровне, но его мать могла бы рассказать ему, откуда взялась птица, которую он видел в развалинах Металлургического завода. Шестимесячным младенцем мать оставила его спать в детской кроватке у дома, а сама пошла на задний двор, чтобы развесить выстиранные пеленки и подгузники. Его дикие крики заставили ее прибежать обратно. Большая ворона сидела на спинке кроватки и клевала малютку

Майка, как злое существо из сказки, какие рассказывают в детской. Майк кричал от боли и ужаса, но не мог отогнать ворону, почуявшую легкую добычу. Мать врезала вороне кулаком и прогнала прочь, увидела, что ворона в двух или трех местах клюнула Майка в пухлые ручки, оставив кровавые следы, и отвезла к доктору Стиллвэгону, чтобы сделать малышу прививку от столбняка. Какая-то часть Майка запомнила это навсегда, — крошечный ребенок, гигантская птица, — и когда Оно пришло к Майку, тот вновь увидел гигантскую птицу.

Но когда еще один слуга Оно, муж той девочки из прошлого, притащил женщину писателя, Оно не стало надевать маску — у себя дома Оно никогда этого не делало. Слуга-муж глянул и упал, умерев от шока, его лицо посерело, глаза залила кровь, хлынувшая из мозга, где лопнул с десяток сосудов. Жена писателя выдала только одну яркую, полную ужаса мысль — ДОРОГОЙ ИИСУС ОНО ЖЕНСКОГО ПОЛА, — и на том мысленный процесс оборвался. Она заплыла в мертвые огни. Оно спустилось со своего места и позаботилось о физических останках женщины: подготовило к тому, чтобы в последующем подкормиться ими. *И теперь Одра Денбро висела высоко посреди всего, опутанная нитями паутины, с головой, свешивающейся на плечо, с широко раскрытыми и остекленевшими глазами, оттянутыми вниз пальцами ног.*

Но в них оставалась сила. Она уменьшилась, но оставалась. Они приходили сюда детьми и каким-то образом, не имея шансов, вопреки тому, что должно было быть, вопреки тому, что могло быть, тяжело ранили Оно, почти убили, заставили удрать в глубины земли, где Оно съежилось, раненое, страдающее, ненавидящее и дрожащее, в растекающейся луже собственной необыкновенной крови.

Вот вам и еще новое, если угодно: впервые за бесконечную историю существования Оно потребовался план; впервые Оно обнаружило, что боится просто получить желаемое с Дерри, своих личных охотничьих угодий.

Оно всегда и хорошо кормилось детьми. Многих взрослых Оно использовало в своих целях (при этом они и не знали, что их используют), и за долгие годы некоторые даже пошли в пищу — у взрослых есть свои ужасы, их железы тоже можно подоить, открыть до такой степени, что все реагенты страха выплеснутся в тело и придадут мясу особый вкус. Но страхи взрослых очень уж сложные.

У детей они проще и обычно куда более сильные. Страхи детей зачастую фокусируются на чем-то одном... а если нужна приманка, какой ребенок устоит перед клоуном?

Смутно Оно понимало, что эти детки каким-то образом обратили против Оно его же оружие, случайно, разумеется (не специально же, не по наущению Другого), объединив семь чрезвычайно впечатлительных разумов, тем самым подвергнув Оно серьезной опасности. Поодиночке любой из них стал бы едой и питьем для Оно, и, если бы они не собрались вместе, Оно, конечно же, отыскало бы их одного за другим: богатое воображение каждого привлекло бы Оно точно так же, как льва влечет к водопою запах зебры. Но вместе они раскрыли тревожащий секрет, о котором Оно не имело ни малейшего понятия: у веры есть оборотная сторона. Если десять тысяч средневековых крестьян могут создать вампиров, веря в их существование, то может найтись один человек, — возможно, ребенок, — который представит себе, что для убийства вампира требуется осиновый кол. Но кол — это всего лишь безобидная деревяшка; вера — дубина, которая вгоняет кол в тело вампира.

И однако, в конце Оно удалось спастись, уйдя в глубину, и вымотанные, охваченные ужасом дети предпочли не преследовать Оно, когда их враг был наиболее уязвим. Предпочли поверить, что Оно мертво или умирает, и вернулись на поверхность.

Оно знало об их клятве, знало, что они вернутся, как лев знает, что зебра вернется к водопою. Оно начало планировать еще до того, как стало погружаться в сон. Знало, что проснется исцеленным, обновленным, тогда как детство каждого из семерых сгорит, как толстая свеча. Прежняя сила их воображения приглушится и ослабнет. Они более не смогут представить себе, что в Кендускиге водятся пираньи, или что наступив на трещину, ты можешь сломать матери спину, или что твой дом сгорит, если ты убьешь севшую на тебя божью коровку. Вместо этого они будут верить в страховой полис. Вместо этого они будут верить, что к обеду необходимо вино, хорошее, но не знаменитое, что-то вроде «Пуйи-Фюиссе»* трехлетней выдержки, и пусть бутылка немного постоит открытой, хорошо, официант? Вместо этого они будут верить, что каждая таблетка «Ролэйд» нейтрализует в сорок семь раз больше кислоты, содержа-

* «Пуйи-Фюиссе» — французское белое сухое вино более чем со столетней историей.

щейся в желудочном соке, чем весит сама. Вместо это они будут верить общественному телевидению, будут верить политику Гэри Харту, будут бегать от инфаркта, перестанут есть красное мясо, чтобы избежать рака прямой кишки. Они будут обращаться к доктору Рут*, если им захочется хорошо потрахаться, и к проповеднику Джерри Фолуэллу, если понадобиться спасти свою душу. И с каждым уходящим годом их фантазии будут мельчать. Оно знало, что проснувшись, позовет их назад: страх — плодородная почва, и взрастает на ней ярость, а ярость требует отмщения.

Оно собиралось позвать их, а потом убить.

Да только теперь, когда они уже шли, страх вернулся. Они выросли, и воображение у них ослабло, но не так сильно, как хотелось бы. Оно почувствовало не предвещающее ничего хорошего, тревожащее нарастание их силы, когда они собрались вместе, и впервые задалось вопросом: а не ошибка ли принятое решение?

Но с чего такой минор? Выбор сделан, и все не так уж плохо. Писатель наполовину свихнулся из-за своей жены, и это хорошо. Писатель — самый сильный из них, он все эти годы готовил свой разум к этому столкновению, и когда писатель умрет, облепленный собственными кишками, когда их драгоценный Большой Билл умрет, остальные станут легкой добычей.

Оно покормится всласть... а потом, возможно, опять уйдет в глубину. И заснет. На какое-то время.

4

В тоннелях — 4:30

— Билл! — крикнул Ричи в отдающую эхом трубу. Он продвигался вперед как мог быстро, но недостаточно быстро. Помнил, как детьми они шли по трубе, которая уводила от насосной станции в Пустоши. Теперь он полз на четвереньках, и труба казалась очень уж узкой. Очки постоянно соскальзывали на кончик носа, и он то и дело поднимал их к переносице. Он слышал Бев и Бена, ползущих следом.

---

* Рут Вестхаймер (р. 1928, настоящее имя Карола Рут Зигель), более известная как Доктор Рут — американский сексопатолог, ведущая теле- и радиопередач, автор множества книг.

— Билл! — вновь закричал он. — Эдди!

— Я здесь! — донесся до него голос Эдди.

— Где Билл? — прокричал Ричи.

— Впереди! — отозвался Эдди. Совсем близко, и Ричи, скорее почувствовал, чем увидел его. — Он не станет ждать!

Голова Ричи стукнулась о ногу Эдди. Через миг голова Бев уперлась Ричи в зад.

— Билл! — проорал Ричи во всю мощь легких. Труба не пустила крик в стороны и вернула таким сильным эхом, что заболели уши. — Билл, подожди нас! Мы должны идти вместе, или ты забыл?

Издалека донесся крик Билла: «*Одра! Одра! Где ты?*»

— Черт бы тебя побрал, Большой Билл! — пробормотал Ричи. Очки свалились с носа. Он выругался, поискал их, подобрал, вернул на место, мокрые. Набрал полную грудь воздуха и прокричал: — Без Эдди ты заблудишься, гребаный говнюк! Подожди! Подожди нас! Ты меня слышишь, Билл? *ПОДОЖДИ НАС, ЧЕРТ ПОБЕРИ!*

Повисла мучительная тишина. Похоже, все затаили дыхание. Ричи слышал лишь один звук: падающих капель. Воды в трубе практически не было, лишь изредка встречались небольшие лужи.

— Билл! — Трясущейся рукой он провел по волосам, борясь со слезами. — ОТЗОВИСЬ... ПОЖАЛУЙСТА, ЧЕЛ! ПОДОЖДИ! ПОЖАЛУЙСТА!

Наконец донесся голос Билла, еще более тихий:

— Я жду.

— Спасибо Тебе, Господи, за маленькие радости, — прошептал Ричи и хлопнул Эдди по заду. — Шевелись.

— Не знаю, насколько меня хватит с одной рукой, — оправдываясь, ответил Эдди.

— Все равно шевелись, — повторил Ричи, и Эдди пополз дальше.

Билл, осунувшийся и уже вымотанный донельзя, ждал их в коллекторе, куда выходили три трубы, расположенные одна над другой, как линзы неработающего светофора. Там они все смогли выпрямиться в полный рост.

— Там, — Билл показал. — К-Крисс. И Ры-ы-ыгало.

Они посмотрели. Беверли застонала, и Бен обнял ее. Скелет Рыгало Хаггинса, в истлевших лохмотьях, выглядел более или менее целым. У Виктора отсутствовала голова. Билл огляделся и увидел в стороне оскаленный череп.

Тот самый. Оторванный от скелета Крисса. «*Зря вы, ребятки, тогда за нами полезли*», — подумал Билл и содрогнулся.

Эта часть канализационной системы более не использовалась. Ричи подумал, что причина предельно ясна. В городе ввели в строй станцию по переработке сточных вод. Пока они учились бриться, водить автомобиль, курить, трахаться и многому другому, не менее нужному и полезному, в США появилось агентство по охране окружающей среды. И в какой-то момент агентство решило, что негоже сбрасывать сточные воды (даже серую воду) без переработки в реки и речушки. В результате эта часть канализационной системы просто разрушалась, вместе с ней разлагались и тела Виктора Крисса и Рыгало Хаггинса. Как и потерянные мальчишки Питера Пэна, Виктор и Рыгало никогда не повзрослели. От них остались скелеты, одетые в превратившиеся в лохмотья футболки и джинсы. Мох вырос на ребрах Виктора и вокруг орла на пряжке его ремня.

— До них добрался монстр, — тихо заметил Бен. — Помните? Мы слышали, как это случилось.

— Одра ме-ертва, — Билл говорил, как автомат. — Я это знаю.

— Ты не можешь этого знать! — с таким жаром воскликнула Беверли, что Билл вздрогнул и посмотрел на нее. — Наверняка ты знаешь, что умерло много других людей, и большинство из них — дети. — Она подошла к нему вплотную, уперла руки в боки. Грязь запачкала ей лицо и руки, налипла на волосы. Ричи подумал, что она совершенно ослепительна. — И ты знаешь, *чья* это работа.

— М-мне не с-следовало го-оворить ей, куда я е-еду, — простонал Билл. — Зачем я это сделал? Зачем я...

Беверли вскинула руки и схватила его за рубашку. В изумлении Ричи наблюдал, как она трясет Большого Билла.

— Хватит! Ты знаешь, зачем мы сюда пришли. Мы поклялись, и мы это сделаем! Ты меня понимаешь, Билл? Если она мертва, то мертва... но Оно — нет! И нам нужен ты. До тебя доходит? Нам нужен ты! — Теперь она плакала. — Ты должен стоять с нами плечом к плечу! Ты должен стоять с нами плечом к плечу, как и прежде, или никто из нас отсюда не выберется!

Билл долго молча смотрел на нее, и Ричи поймал себя на том, что думает: «*Давай же, Большой Билл, давай, давай...*»

Билл оглядел всех и кивнул.

— Э-Эдди.

— Я здесь, Билл.

— Ты в-все еще по-омнишь, какая т-труба?

Эдди указал на трубу, рядом с которой лежал скелет Виктора.

— Та. По-моему, очень уж маленькая, а?

Билл снова кивнул.

— Ты сможешь по ней пролезть? Со сломанной рукой?

— Ради тебя смогу, Билл.

Билл улыбнулся; невероятно усталой, самой жуткой улыбкой, какую доводилось видеть Ричи.

— О-отведи нас туда, Э-Эдди. Давайте мы это с-сделаем.

5

В тоннелях — 4:55

Ползя по трубе, Билл напоминал себе о порожке в самом ее конце, но все равно он стал для него неожиданностью. В один момент его руки продвигались по неровной, покрытой отложениями, поверхности старой трубы, в следующий — сорвались в пустоту. Его потащило вперед, он инстинктивно повернулся, при приземлении сильно приложился плечом.

— О-осторожно! — услышал он собственный крик. — Здесь по-о-рожек! Э-Э-Эдди!

— Здесь! — Рука, которой Эдди махал перед собой, задела лоб Билла. — Вытащишь меня отсюда?

Билл обхватил Эдди руками и вытащил из трубы, стараясь не зацепить сломанную руку. Бен вылез следующим, потом Бев, Ричи.

— У тебя есть с-спички, Ри-и-ичи?

— У меня есть, — ответила Беверли. Билл почувствовал, как рука коснулась его руки в темноте и вдавила в ладонь книжицу спичек. — Тут их восемь или десять, *но у Бена есть еще. Из номера.*

— Ты держала их по-о-од мышкой, Бе-е-ев?

— На этот раз нет. — *В темноте она крепко обняла его. Он прижал ее к себе, с закрытыми глазами, пытаясь вобрать в себя то утешение, которое ей так хотелось ему дать.*

Наконец Билл мягко *высвободился и чиркнул спичкой.* Память — великая сила. Все они тут же посмотрели направо. Останки Патрика лежали на прежнем месте, среди нескольких заросших

мхом или плесенью бугорков, в которые могли превратиться книги. Что осталось от Патрика узнаваемым, так это полукруг зубов, два или три с пломбами.

Рядом с телом лежало что-то еще. Какой-то кружок, поблескивающий в мерцающем свете спички.

Билл затушил эту спичку и зажег другую. Поднял кружок.

— Обручальное кольцо Одры. — Голос звучал бесстрастно, выхолощено.

Спичка догорела в его пальцах. В темноте он надел кольцо.

— Билл? — нерешительно спросил Ричи. — Ты представляешь себе...

6

В тоннелях — 14:20

...как долго они бродили по тоннелям под Дерри после того, как покинули то место, где лежало тело Патрика Хокстеттера, но Билл не сомневался, что обратного пути ему не найти никогда. Он продолжал думать о том, что говорил ему отец: «*Там можно бродить неделями*». Если бы внутренний компас подвел Эдди, Оно даже не пришлось бы их убивать; они кружили бы по подземелью, пока не умерли... или, если бы забрели не в ту часть, утонули бы, как крысы в дождевой цистерне.

Но Эдди нисколько не волновался. Изредка просил Билла зажечь спичку, которых оставалось все меньше, задумчиво оглядывался, а потом они шли дальше. Направо и налево поворачивал, казалось, наугад. Иногда трубы превращались в тоннели, такие большие, что Билл, подняв руку, не дотягивался до потолка. Случалось, им приходилось продвигаться на четвереньках, а однажды пять ужасных минут (которые, по его ощущениям, растянулись на пять часов) они ползли на животах. Эдди первым, остальные — уткнувшись носом в каблуки предыдущего.

Не сомневался Билл только в одном: каким-то образом они попали в ту часть канализационной системы Дерри, которая не использовалась. Все трубы, по которым что-то текло, остались позади или выше. Рев бегущей воды поутих и теперь слышался, как далекий гром. Эти трубы проложили в стародавние времена. Их

внутреннюю поверхность покрывала не керамика, а какой-то крошащийся глиноподобный материал, который иногда сочился неприятно пахнущей жидкостью. Запахи человеческих испражнений — эти ядреные запахи, которые грозили задушить их всех, — заметно ослабли, но их заменил другой запах, наводящий ужас и древний, что было гораздо хуже. Бен думал, что это запах мумии. Эдди — запах прокаженного. Ричи полагал, что так пахнет самая древняя в мире фланелевая куртка, теперь истлевшая и прогнившая, куртка лесоруба, очень большая, достаточно большая, чтобы налезть, скажем, на Пола Баньяна. Беверли казалось, что именно такой запах идет из ящика с носками отца. У Стэнли Уриса этот запах вызвал воспоминание самого раннего детства — на удивление еврейское воспоминание для мальчика, который смутно осознавал свое еврейство. Этот запах глины, смешанной с маслом, навел его на мысли о безглазом, лишенном рта демоне, которого звали Голем, созданном в Средние века вероотступниками-евреями, чтобы тот спас их от гоев, которые грабили их, насиловали их женщин и изгоняли с насиженных мест. Майк думал о сухом запахе перьев в мертвом гнезде.

Добравшись до конца узкой трубы, они как угри выскользнули из нее вниз, на закругляющуюся поверхность другой трубы, которая шла под острым углом к этой, и обнаружили, что снова могут встать в полный рост. Билл пощупал головки оставшихся в книжице спичек. Четыре. Он плотно сжал губы, решив не говорить о том, сколь мал их запас спичек... пока не останется другого выхода.

— Ка-а-ак на-а-астроение?

Все что-то пробурчали в ответ, и он кивнул в темноте. Никакой паники и никаких слез, после того как расплакался Стэн. Хорошо. Он нащупал их руки, и какое-то время они просто постояли, набираясь уверенности и вселяя ее друг в друга. Билла охватило ликование, он чувствовал, что каким-то образом они представляют собой нечто большее, чем простое сложение их семи «я». Единым целым они обретали большую силу.

Он зажег одну из оставшихся спичек, и они увидели узкий тоннель, уходящий вниз под небольшим углом. С потолка этого тоннеля свешивалась паутина, кое-где порванная водой, превращенная в лохмы. От ее вида по спине Билла пробежал холодок. Сухой пол покрывал слой древнего гумуса, образовавшегося, возможно, из листьев, грибов... или какого-то очень уж давнего, перепревше-

го дерьма. Впереди он увидел груду костей и зеленые лохмотья. Возможно, когда-то раньше они представляли собой материю, которая называлась «полированный хлопок». Из нее шили рабочую одежду. Билл представил себе, как один из рабочих департамента утилизации стоков Дерри заблудился, пришел сюда, и здесь его нашло...

Спичка догорала. Билл наклонил головку вниз, чтобы она посветила чуть дольше.

— Ты з-знаешь, г-где мы? — спросил он Эдди.

Эдди указал в ту сторону, куда полого понижался тоннель.

— Канал там. До него меньше полумили, если только тоннель куда-нибудь не свернет. Сейчас мы, думаю, под холмом Подъем-в-милю. Но, Билл...

Спичка обожгла пальцы Билла, и ему пришлось ее бросить. Они вновь оказались в темноте. Кто-то — Билл подумал, что Беверли, — вздохнул. Но прежде чем спичка погасла, Билл заметил тревогу на лице Эдди.

— Ч-что? Ч-что та-акое?

— Говоря, что мы под холмом Подъем-в-милю, я имел в виду, что мы действительно под холмом. Мы уже долго идем вниз. Никто так глубоко канализационные трубы не прокладывает. Тоннель на такой глубине называется шахтой.

— И как глубоко, по-твоему, мы забрались, Эдди? — спросил Ричи.

— На четверть мили, — ответил Эдди. — Может, больше.

— Господи Иисусе, — вырвалось у Беверли.

— В любом случае это не канализационные трубы, — подал голос Стэн, стоявший сзади. — Это можно определить по запаху. Он мерзкий, но это не канализационный запах.

— Я бы предпочел канализационный, — признался Бен. — А этот похож...

Крик донесся до них из трубы, по которой они недавно ползли. Волосы у Билла на затылке встали дыбом. Все семеро сбились в кучку, ухватившись друг за друга.

— ...доберемся до вас, сучьи дети. Мы доберемся до ва-а-а-а-а...

— Генри, — выдохнул Эдди. — Господи, он все еще идет за нами.

— Меня это не удивляет, — ответил Ричи. — Некоторые люди слишком глупы, чтобы вовремя остановиться.

Они слышали доносящееся издалека тяжелое дыхание, скрип сапог, шелест одежды.

— ...а-а-а-а-с.

— По-ошли, — скомандовал Билл.

Они двинулись по тоннелю, на этот раз колонной по двое, за исключением Майка, который ее замыкал: Билл и Эдди, Ричи и Бев, Бен и Стэн.

— Ка-ак да-алеко, по-о-твоему, Ге-енри?

— Трудно сказать, Большой Билл, — ответил Эдди. — Из-за эха не определишь. — Он понизил голос. — Ты видел груду костей?

— Да. — И Билл перешел на шепот.

— У него пояс с инструментами. Я думаю, это один из рабочих департамента утилизации стоков.

— Я то-оже та-ак по-одумал.

— И как долго?..

— Я не з-знаю, — ответил Билл, и Эдди здоровой рукой сжал руку Билла.

Минут через пятнадцать они услышали, как в темноте что-то к ним приближается.

Ричи остановился, заледенев от пяток до макушки. Внезапно он вновь стал трехлеткой. Прислушивался к этому хлюпающему, шуршащему движению — все ближе и ближе, ближе — и шелестящим, как от ветра в листве, звукам, он знал, что они увидят еще до того, как Билл зажег спичку.

— Глаз! — закричал он. — Господи, это Ползучий Глаз.

Поначалу остальные не могли точно сказать, что видят перед собой (у Беверли создалось ощущение, что отец таки нашел ее, даже под землей, Эдди вроде бы увидел ожившего Патрика Хокстеттера: каким-то образом Патрик обошел их и очутился впереди), но крик Ричи, безапелляционность Ричи, зафиксировала форму существа, появившегося перед ними. Теперь они видели то, что видел Ричи.

Гигантский Глаз заполнял тоннель, диаметр его остекленевшего черного зрачка, окруженного красновато-коричневой радужкой, составлял два фута. Раздутый, заключенный в роговицу белок, покрывали пульсирующие красные жилки. Этот лишенный век и ресниц желатиновый ужас двигался на подушке щупалец, напрочь лишенных кожи. Щупальца ощупывали крошащуюся поверхность тоннеля, утопали в ней, как пальцы, и в свете мерцающей спички

Билла создавалось впечатление, будто Глаз отрастил эти кошмарные пальцы, которые тащили Оно вперед.

Глаз смотрел на них с тупой, лихорадочной алчностью. Спичка погасла.

В темноте Билл почувствовал, как эти похожие на ветки щупальца гладят его щиколотки... но не мог сдвинуться с места. Тело окаменело. Он ощущал приближение Оно, чувствовал идущий от него жар, слышал, как пульсирует кровь, смачивающая мембраны Оно. Билл представил себе липкость, которую ощутит, когда тело Оно прикоснется к нему, но все равно не мог кричать. Даже когда новые щупальца добрались до талии Билла, ухватились за петли для ремня и потащили его к Глазу, он не мог кричать или сопротивляться. Словно все тело охватила убийственная сонливость.

Беверли почувствовала, как одно щупальце обвилось вокруг ее уха и внезапно затянулось петлей. Вспыхнула боль, и Беверли, дергающуюся и стонущую, тоже потащило вперед, будто старуха-учительница вышла из себя и тащит в глубину класса, где ей предстояло сидеть на табуретке в дурацком колпаке*. Стэн и Ричи попытались податься назад, но лес невидимых щупалец уже колыхался и что-то шептал вокруг них. Бен обнял одной рукой Беверли и попытался оттащить ее от Оно. В панике она вцепилась в его руки мертвой хваткой.

— Бен... Бен, Оно схватило меня...

— Нет, не схватило... Подожди... Я сейчас дерну...

Он дернул, и Беверли закричала от боли. Ухо надорвалось, потекла кровь. Щупальце, сухое и жесткое, потерлось о рубашку Бена, замерло. Потом завязалось узлом на его плече.

Билл вытянул руку перед собой, и она вдавилась в желатинную поддающуюся мягкость. «*Глаз!* — кричал его разум. — *Господи, моя рука в Глазу! Господи! Дорогой Боже! Глаз! Моя рука в Глазу!*»

Тут он начал вырываться, но щупальца неумолимо тащили его к Оно. Его кисть исчезла во влажном алчном жару. Потом предплечье. Его рука уже по локоть погрузилась в Глаз. В любой момент его тело могло прижаться к этой липкой поверхности, и Билл чувствовал, что сейчас сойдет с ума. Но боролся отчаянно, колотя по щупальцам другой рукой.

---

* Дурацкий колпак — бумажный колпак, надевавшийся ленивым ученикам в виде наказания.

Эдди стоял словно во сне, вслушиваясь в приглушенные крики и звуки борьбы его друзей, которых затягивало в Глаз. Он чувствовал окружающие его щупальца, но ни одно еще не занялось им всерьез.

«*Беги домой!* — достаточно громко скомандовал его разум. — *Беги домой, Эдди, к своей мамочке. Дорогу ты найдешь!*»

Билл закричал в темноте, громко и отчаянно, а за криком послышались отвратительные хлюпанье и чмоканье.

И тут Эдди вышел из ступора — Оно пыталось сожрать Большого Билла!

— Нет! — взревел Эдди... в полном смысле взревел. Никто бы никогда не подумал, что этот рев, который сделал бы честь викингу, исторгся из такой узкой груди, груди Эдди Каспбрэка, легких Эдди Каспбрэка, которые страдали от астмы сильнее любых других легких во всем Дерри. Он бросился вперед, перепрыгивая через щупальца, не видя их, сломанная рука в мокрой гипсовой повязке билась ему в грудь, качаясь на перевязи. Здоровую руку он сунул в карман и достал ингалятор.

(*кислота вот какой вкус у его лекарства как у кислоты кислота соляная кислота*)

Он наткнулся на спину Билла Денбро и оттолкнул его в сторону. Послышался плеск, словно ладонью шлепнули об воду, потом тихое голодное мяуканье, которое Эдди не столько услышал ушами, как ощутил разумом. Он поднял ингалятор

(*кислота это кислота если я хочу чтобы это была кислота поэтому жги оно жги оно жги*)

— ЭТО СОЛЯНАЯ КИСЛОТА, ТВАРЬ! — прокричал Эдди и нажал на клапан. Одновременно ударил глаз ногой. Ступня глубоко вошла в желе, пробив роговицу. Ногу обдало горячей жидкостью. Он вытащил ступню обратно, только смутно отдавая себе отчет в том, что лишился ботинка. — ПОШЕЛ НА ХРЕН! КАНАЙ ОТСЮДА, СЭМ! ПРОВАЛИВАЙ, ХОСЕ! ЧТО Б ДУХУ ТВОЕГО ЗДЕСЬ НЕ БЫЛО! ПОШЕЛ НА ХРЕН!

Он почувствовал, как щупальца коснулись его, но очень уж нерешительно. Вновь нажал на клапан ингалятора, окатив Глаз струей лекарства от астмы, и почувствовал/услышал мяуканье... теперь жалобно-удивленное.

— Врежьте Оно! — бушевал Эдди. — Это всего лишь гребаный Глаз! Врежьте от души! Слышите меня! Врежь Оно, Билл! Выбейте

все дерьмо из этой твари! Господи Иисусе, чего вы, нах, боитесь? Я размазываю Оно по стенке, А У МЕНЯ СЛОМАНА РУКА.

Билл почувствовал, как к нему возвращаются силы. Он выдернул из Глаза руку, с которой капала какая-то гадость, и тут же снова ударил по нему. Сжатым кулаком. Мгновением позже рядом с ним оказался Бен. Врезался в Глаз, буркнул от удивления и отвращения, принялся осыпать его дрожащую желатиновую поверхность градом ударов.

— Отпусти ее! — кричал он. — Ты меня слышишь? Отпусти ее! И вали отсюда! Вали отсюда!

— Всего лишь Глаз! Всего лишь гребаный Глаз! — яростно кричал Эдди. Он опять нажал на клапан ингалятора и почувствовал, что Оно отступает. Щупальца, которые касались его, отвалились. — Ричи! Ричи! Врежь ему! Это всего лишь Глаз!

Ричи поплелся вперед, не веря, что он это делает, приближается к самому жуткому, самому ужасному монстру в мире. Но приближался.

Ударил только раз, слабенько, и соприкосновение его кулака с Глазом — толстым, мокрым и каким-то хрящеватым — привело к тому, что содержимое желудка фонтаном выплеснулось наружу. «Эр-р-р» — последовал звук, и осознание того, что он в прямом смысле блеванул на Глаз, привело к повторной реакции желудка. Ричи нанес только один удар, но, раз уж он создал этого конкретного монстра, вероятно, больше и не требовалось. Щупальца их больше не касались. Они слышали, что Оно отступает... а потом тишину нарушило только свистящее дыхание Эдди и тихий плач Беверли, которая одну руку прижимала к кровоточащему уху.

Билл зажег одну из трех оставшихся спичек, и они увидели свои ошарашенные, потрясенные лица. Левую руку Билла покрывала густая слизь, которая выглядела смесью наполовину застывшего яичного белка и соплей. Кровь тоненьким ручейком медленно стекала по шее Беверли. А на щеке Бена появилась новая царапина. Ричи медленно подтолкнул очки к переносице.

— Мы все в по-орядке? — хрипло спросил Билл.

— А ты, Билл? — поинтересовался Ричи.

— Д-да. — Он повернулся к Эдди и крепко прижал к себе худенького мальчишку. — Ты с-спас мне жи-изнь, чел.

— Оно сожрало твой ботинок. — С губ Беверли сорвался дикий смешок. — Это же ужасно.

— Я куплю тебе новые кеды. — Ричи в темноте стукнул Эдди по спине. — Как ты это сделал, Эдди?

— Выстрелил в него из ингалятора. Притворился, что это кислота. Такой вкус во рту, как если у меня выдается плохой день. Сработало отлично.

— *«Я размазываю Оно по стенке, А У МЕНЯ СЛОМАНА РУКА»*, — Ричи захохотал, как безумный. — Не хило, Эдс. Если на то пошло, классный прикол, вот что я тебе скажу.

— Я терпеть не могу, когда ты называешь меня Эдс.

— Я знаю. — Ричи крепко его обнял. — Но кто-то должен закалять тебя, Эдс. Когда твое беззаботное детство закончится и ты вырастешь, тебе придется на собственном опыте убедиться, что жизнь не всегда такая легкая, малыш!

Тут уж Эдди буквально завизжал от смеха.

— Этот твой самый говенный Голос, Ричи, какой мне только доводилось слышать.

— Держи ингалятор наготове, — предложила Беверли. — Он еще может нам понадобиться.

— Вы нигде не видели Оно? — спросил Майк. — Когда зажигали спичку?

— Оно у-у-ушло, — ответил Билл и тут же мрачно добавил: — Но мы все ближе к Оно. К тому ме-есту, где Оно о-о-обитает. И я ду-умаю, на э-этот раз Оно о-от нас до-осталось.

— Генри все идет за нами, — тихо просипел Стэн. — Я его слышу.

— Тогда пошли, — предложил Бен.

Они так и сделали. Тоннель по-прежнему уходил вниз, и запах — та же неприятная звериная вонь — усиливался. Иногда они слышали Генри, но крики его доносились издалека и не особо их волновали. Все они чувствовали — аналогично ощущениям отстраненности и разобщения с реальностью, которые испытали в доме на Нейболт-стрит, — что пересекли границу этого мира и ступили в некую странную пустоту. Билл понимал (хотя тогда и не сумел бы выразить словами свои впечатления), что они приближаются к черному и опустошенному сердцу Дерри.

Майку казалось, что он буквально слышит биение этого больного, аритмичного сердца. Беверли почувствовала, что какая-то злая сила окружает ее, сжимается вокруг нее, стремится оторвать

от остальных, оставить в одиночестве. Занервничав, она раскинула руки, схватилась за руки Билла и Бена. И у нее создалось ощущение, что тянуться ей пришлось слишком далеко, поэтому она взволнованно крикнула: «Возьмитесь за руки! Похоже, нас оттаскивает друг от друга!»

Стэн первым понял, что снова видит. В воздухе возникло слабое, непонятное свечение. Поначалу он различал только руки — одна сжимала руку Бена, вторая — Майка. Потом разглядел пуговицы на заляпанной грязью рубашке Майка и кольцо капитана Миднайта — дешевый подарок из коробки хлопьев, — который Эдди любил носить на мизинце.

— Вы тоже видите? — спросил Стэн и остановился. Остановились и остальные. Билл огляделся, только сейчас осознав, что вокруг не полная темнота, света не так, чтобы много, но он есть, а тоннель, на удивление, сильно расширился, и они находились в помещении с арочным потолком, которое размерами не уступает тоннелю Самнера* в Бостоне. «*Превосходит*», — поправился он, когда осмотрелся со все возрастающим благоговейным трепетом.

Они подняли головы, чтобы разглядеть потолок, который находился в пятидесяти, а то и больше, футах над ними и поддерживался выступающими каменными ребрами. Между ними висели полотнища грязной паутины. Пол вымостили камнем, но его покрывал слой грязи, так что отзвуки их шагов не изменились. От закругляющихся к потолку стен их отделяли футов пятьдесят с каждой стороны.

— Строители, похоже, свихнулись, отгрохав такое. — Ричи нервно рассмеялся.

— Выглядит, как кафедральный собор, — выдохнула Беверли.

— Откуда идет свет? — полюбопытствовал Бен.

— Су-удя по в-всему, п-прямо из с-стен, — ответил Билл.

— Мне это не нравится, — заявил Стэн.

— По-ошли. Ге-енри ды-ышит на-ам в с-спину...

Громкий, резкий крик разорвал сумрак, потом раздались шелестящие, тяжелые удары крыльев. Из темноты появился темный силуэт, один глаз горел, второй напоминал потушенную лампу.

— Птица! — закричал Стэн. — Смотрите, птица!

---

* Тоннель Самнера — транспортный тоннель под Бостонской гаванью. Соединяет Бостон с международным аэропортом Логана.

Оно пикировало на них, как заправский штурмовик, чешуйчатый оранжевый клюв открывался и закрывался, показывая розовое нутро рта, нежное, как атласная подушка в гробу.

Нацелилось Оно прямо на Эдди.

Клюв ткнулся в плечо, и Эдди почувствовал, как боль растекается по мышцам, будто кислота. Кровь потекла на грудь. Эдди вскрикнул, когда ему в лицо ударил поток тлетворного тоннельного воздуха, разогнанного крыльями Оно. Птица развернулась и полетела назад, глаз злобно блестел, вращаясь в глазнице, блеск этот пропадал лишь на мгновения, когда глаз закрывала тонкая мембрана века. Когти Оно искали Эдди, который, закричав, пригнулся. И когти вспороли рубашку, рассекли материю, нарисовав на спине Эдди неглубокие алые линии вдоль лопаток. Эдди, крича, пытался отползти в сторону, когда птица ринулась в очередную атаку.

Майк рванулся вперед, сунув руку в карман, вытащил перочинный ножик с одним лезвием, открыл его. И когда птица вновь попыталась подхватить Эдди, ударил ножиком по лапе. Ножик вошел глубоко. Брызнула кровь. Птица отлетела, а потом атаковала вновь, складывая крылья, превращаясь в пулю. Майк в последний момент отпрыгнул в сторону, ткнул ножиком. Промахнулся, и лапа птицы с такой силой ударила ему по запястью, что рука онемела (потом синяк протянулся до локтя). Перочинный ножик отлетел в темноту.

Птица возвращалась, торжествующе крича, и Майк накрыл своим телом Эдди, в ожидании худшего.

Стэн шагнул к тому месту, где лежали мальчики. Встал над ними, маленький и аккуратный, несмотря на грязные руки, штаны, рубашку, и внезапно как-то странно вытянул руки вперед: ладони вверх, пальцы вниз. Птица издала очередной крик и спикировала на Стэна, разминувшись с ним на какие-то дюймы. Ветром волосы Стэна подняло, после пролета птицы они вернулись на прежнее место. Стэн развернулся на сто восемьдесят градусов, чтобы лицом встретить следующую атаку.

— Я верю в алых танагр, хотя никогда ни одной не видел, — четко и ясно произнес он. Птица закричала и заложила вираж, уходя в сторону, словно он в нее выстрелил. — То же самое я могу сказать о грифах, об илистых жаворонках с Новой Гвинеи, о бразильских фламинго. — Птица закричала вновь, описала широкой круг и внезапно улетела в тоннель, с пронзительным клекотом. — Я верю

в золотистого лысого орла! — крикнул вслед Стэн. — Думаю, я даже верю, что где-то может быть птица феникс! Но в тебя я не верю, так что пошла отсюда к чертовой бабушке! Убирайся! Скатертью дорожка, Джек!

Он замолчал, и тишина всех просто оглушила.

Билл, Бен и Беверли подошли к Майку и Эдди. Помогли Эдди подняться, Билл осмотрел раны.

— Ца-арапины не-еглубокие. Но, на-аверное, че-ертовски бо-ольно.

— Оно порвало мне рубашку, Большой Билл. — Щеки Эдди блестели от слез, и в дыхании вновь слышался свист. Рев варвара исчез; с трудом верилось, что он вообще имел место быть. — И что я скажу маме?

Билл улыбнулся.

— По-очему бы не на-ачать во-олноваться о-об э-этом, ко-огда мы вы-ыберемся отсюда? П-прысни ле-екарство, Э-Эдди.

Эдди прыснул, глубоко вдохнул, потом чихнул.

— Это было круто, чел, — похвалил Ричи Стэна. — Чертовски круто.

Стэна трясло.

— Такой птицы нет, ничего больше. Никогда не было и никогда не будет.

— Мы идем! — где-то позади проорал Генри. Голосом совершенно свихнувшегося человека. Дико захохотал и завизжал. Он напоминал нечто такое, что вылезло через щель в крыше ада. — Я и Рыгало. Мы идем и доберемся до вас, гребаные сосунки! Вам не убежать!

— У-убирайся о-отсюда, Ге-енри! — прокричал в ответ Билл. — По-ока еще есть в-в-время!

Генри ответил злобным бессвязным криком, послышался шум шагов, и в то самое мгновение Билл осознал предназначение Генри: он был настоящим, смертным, они не могли остановить его ингалятором или птичьим атласом. С Генри магия помочь не могла. Он был слишком глуп.

— По-ошли. Мы до-олжны де-ержаться в-впереди не-е-его.

Они пошли, взявшись за руки, порванная рубашка Эдди хлопала за спиной. Свет делался ярче, тоннель — больше. Они по-прежнему продвигались вниз по наклонному полу, а потолок ушел так

высоко, что они его уже едва различали. Им казалось, что идут они не по тоннелю, а по гигантской подземной площади, приближаясь к какому-то циклопическому замку. Стены пылали зеленовато-желтым огнем. Запах усиливался, и они ощущали вибрацию, возможно, настоящую, а возможно, существующую только в их воображении. Вибрацию мерную и ритмичную.

Более всего похожую на сердцебиение.

— Тоннель заканчивается! — закричала Беверли. — Посмотрите! Там глухая стена!

Но подходя ближе — муравьи на этой громадной площади, вымощенной огромными плитами, каждая из которых размером превышала Бэсси-парк, — они увидели, что стена не совсем глухая. В нее встроили одну дверцу. И пусть стена поднималась на сотни футов, дверца эта была очень маленькой. Не больше трех футов в высоту, из тех, что можно увидеть в книге сказок, изготовленная из толстых дубовых досок, сцепленных вместе крестообразными полосками железа. Они все разом поняли, что дверца эта предназначена для детей.

В голове Бена вдруг зазвучал голос библиотекарши, читающей малышам: «*Кто идет по моему мосту?*» И он видел малышей, совсем крошек, наклоняющихся вперед, с застывшими и серьезными лицами, а в их взглядах стоял вечный вопрос любой сказки: обведут монстра вокруг пальца... или Оно набьет брюхо?

Дверцу украшал какой-то знак, у ее подножия лежала груда костей. Маленьких костей. Один только Бог ведал, скольких детей.

Они подошли к обиталищу Оно.

И знак на двери: что он означал?

Билл решил, что это бумажный кораблик.

Стэн увидел птицу, взлетающую в небо — возможно, феникса.

Майк — лицо под капюшоном, и наверное, если б капюшон сдвинулся, оно принадлежало бы полоумному Бучу Бауэрсу.

Ричи увидел два очкастых глаза.

Беверли — кисть, сжимающуюся в кулак.

Эдди поверил, что перед ним лицо прокаженного. Проваленные глаза, оскаленный рот — болезнь, впечатанная в лицо.

Бен Хэнском увидел груду бинтов, от которой вроде бы шел запах древних пряностей.

Позже, в одиночестве (крики Рыгало все еще звучали в ушах) добравшись до этой дверцы, Генри Бауэрс увидит на ней луну, полную, круглую... и черную.

— Я боюсь, Билл. — У Бена дрожал голос. — Без этого никак нельзя?

Билл дотронулся до костей мыском, а потом раздавил в пыль, наступив ногой. Он тоже боялся... но следовало помнить о Джордже. Оно оторвало Джорджу руку. Косточки от руки лежали в этой куче? Да, разумеется, лежали.

Они делали это ради тех, кому эти кости принадлежали, Джорджа и остальных... тех, кого притащили сюда, тех, кого еще только могли притащить, тех, кого оставили разлагаться в других местах.

— Нельзя.

— А если она заперта? — пискнула Беверли.

— О-она не за-аперта, — ответил Билл, а потом поделился истиной, которую знало его сердце: — Та-акие ме-еста ни-икогда не за-апираются.

Он поднес правую руку со сведенными вместе пальцами к дверце и толкнул. Она распахнулась, окатив всех потоком желтовато-зеленого света. Тут же в нос ударил запах зоопарка, невероятно сильный, невероятно насыщенный.

Один за другим они пролезли в сказочную дверцу и очутились в логове Оно. Билл...

7

В тоннелях — 4:59

...остановился так резко, что остальные наткнулись на него и друг на друга, совсем как товарные вагоны при экстренном торможении.

— Что такое? — спросил Бен.

— Оно п-приходило сю-юда. Г-Г-Глаз. Вы по-о-омните?

— Я помню, — ответил Ричи. — Эдди остановил его ингалятором. Притворившись, что это кислота. Еще сказал что-то эдакое. Классный был прикол, только я не помню, какой именно.

— Э-это не ва-ажно. Мы не у-увидим ничего такого, что видели ра-аньше. — Билл зажег спичку и оглядел остальных. Их лица в пламени спички выглядели светящимися изнутри, светящимися и загадочными. А еще — очень молодыми. — Ка-ак вы?

— Мы в порядке, Большой Билл, — ответил Эдди, но его лицо перекосилось от боли. Шина, наложенная Биллом, разваливалась. — А ты?

— Но-ормально, — ответил Билл и потушил спичку до того, как его лицо могло сказать им обратное.

— Как это случилось? — спросила Беверли, в темноте коснувшись его руки. — Билл, каким образом она могла...

— По-отому что я у-упомянул *на-азвание города. О-она п-приехала* за м-мной. Даже ко-огда я на-называл город, ч-что-то в-внутри т-требовало, ч-чтобы я за-аткнулся. Я не по-ослушался. — Он беспомощно покачал головой. — Но даже если о-она приехала в Де-е-ерри, я не по-онимаю, ка-ак она по-опала сю-юда. Если ее п-притащил сю-юда не Ге-е-енри, то-огда кто?

— Оно, — ответил Бен. — Мы знаем, Оно не всегда выглядит страшилищем. Оно могло прийти к ней и сказать, что ты в опасности. Притащить ее сюда, чтобы... нейтрализовать тебя, что ли. Лишить нас стержня. Потому что ты им был всегда, Большой Билл. Стержнем, на котором все держалось.

— Том? — задумчиво, почти удивленно произнесла Беверли.

— К-кто? — Билл зажег новую спичку.

Она посмотрела на него с отчаянной искренностью.

— Том. Мой муж. Он тоже знал. Во всяком случае, думаю, я сказала ему название города, точно так же, как ты сказал Одре. Я не знаю, запомнил он *или нет. Тогда он сильно на меня злился.*

— Господи, что у нас такое? Мыльная опера, в которой все рано или поздно появляются? — спросил Ричи.

— Не мыльная опера. — Билл говорил так, словно его мутило. — Шоу. Как цирк. Бев уехала из города и вышла замуж за Генри Бауэрса. И когда она ушла от него, он, само собой, приехал сюда. Совсем как настоящий Генри.

— Нет, я вышла замуж не за Генри, — возразила Бев. — Я вышла за своего отца.

— Если он бил тебя, какая разница? — спросил Эдди.

— По-одойдите ко м-мне, — попросил Билл. — Б-ближе.

Они подошли. Билл нащупал с одной стороны руку Ричи, с другой — здоровую руку Эдди. Скоро они образовали круг, как и в прошлый раз, когда их было больше. Кто-то обнял Эдди за плечи. Он хорошо помнил эти ощущения, теплые и успокаивающие.

Билл почувствовал ту же силу, какую помнил с прошлого раза, но в отчаянии понял, что многое действительно изменилось. Сила стала совсем слабенькой — она едва мерцала, как огонек свечи в спертом, лишенном кислорода воздухе. И темнота вроде бы сгустилась, победно надвинулась на них. И до него долетал запах Оно. *«По этому тоннелю, — думал он, — не так уж и далеко, находится дверца с особым знаком. И что за этой дверцей? Это единственное, чего я не могу вспомнить. Я помню, как напряг пальцы. Потому что они очень уж сильно тряслись, и я помню, как открыл дверцу. Я даже помню поток хлынувшего из нее света, который казался живым, словно не свет это был, а флуоресцентные змеи. Я помню запах, как в обезьяннике большого зоопарка, а может, и хуже. А потом... ничего».*

— К-кто-нибудь и-из ва-ас по-омнит, как в действительности вы-ыглядело Оно?

— Нет, — ответил Эдди.

— Я думаю... — начал Ричи, а потом Билл буквально увидел, как в темноте он покачал головой. — Нет.

— Нет, — сказала Беверли.

— Н-да. — Голос Бена. — Это единственное, чего я по-прежнему не могу вспомнить. Как выглядело Оно... или как мы победили Оно.

— Чудь, — ответила Беверли. — Так ты победил Оно. Только я не помню, что это значит.

— Держитесь за ме-еня, — сказал Билл, — а я буду держаться за вас.

— Билл, — голос Бена звучал очень уж спокойно, — что-то идет.

Билл прислушался. Услышал шаркающие шаги, приближающиеся к ним из темноты... и испугался.

— О-О-Одра? — позвал он... уже зная, что это не она.

Тот, кто шаркал ногами на каждом шагу, приближался.

Билл зажег спичку.

8

Дерри — 5:00

Первая неприятность приключилась в тот день поздней весны 1985 года за две минуты до восхода солнца. Чтобы должным образом оценить масштаб этой неприятности, следовало знать два факта, известные, разумеется, Майку Хэнлону (который в это время лежал без сознания в отдельной палате Городской больницы Дерри), и оба касались Баптистской церкви Благодати, которая стояла на углу Уитчем- и Джексон-стрит с 1897 года. Венчал церковь изящный белый шпиль, самый высокий из шпилей всех протестантских церквей Новой Англии. Все четыре стороны основания шпиля украшали циферблаты, сами часы изготовили в Швейцарии, откуда их и привезли в 1898 году. Единственные похожие на эти часы можно увидеть в ратуше Хейвен-Виллидж, городке, расположенном в сорока милях от Дерри.

Часы городу подарил Стивен Боуи, лесной барон, который жил на Западном Бродвее. Обошлись они ему в семнадцать тысяч долларов. Боуи мог позволить себе такие расходы. Набожный прихожанин и церковный староста в течение сорока лет (несколько из них он параллельно возглавлял «Легион белой благопристойности»), Боуи также славился своими благочестивыми проповедями в День матери, который он всегда уважительно называл Воскресенье матери.

Со дня установки до 31 мая 1985 года эти часы честно отбивали каждый час и каждые полчаса — за одним уважительным исключением. В тот день, *когда взорвался Металлургический завод* Китчнера, часы не пробили полдень. *Жители города полагали, что* преподобный Джоллин *заглушил часы, чтобы таким образом по*казать, что церковь скорбит о погибших детях, и Джоллин никого в этом не разубеждал, хотя к часам не подходил. Они просто не пробили полдень.

Не пробили они и в пять утра 31 мая 1985 года.

В этот самый миг все старожилы Дерри открыли глаза и сели, потревоженные, как им казалось, безо всякой на то причины. Принимались лекарства, вставлялись челюсти, закуривались сигары и сигареты.

Старики заступали на вахту.

Был среди них и Норберт Кин, которому давно перевалило за девяносто. Он прошлепал к окну и посмотрел на темное небо. Вечерний прогноз обещал ясное солнышко, но кости говорили ему, что будет дождь, и сильный. Он почувствовал испуг, глубоко внутри; почувствовал угрозу, словно проникший в организм яд неумолимо прокладывал дорогу к сердцу. Почему-то подумал о том дне, когда банда Брэдли беззаботно приехала в Дерри, под прицелы семидесяти пяти пистолетов и винтовок. После такого в душе человека воцаряется покой, он испытывает чувство глубокого удовлетворения, потому что все... все сделано правильно. Кин не мог выразиться более точно, даже если говорил сам с собой. После такого у человека возникало ощущение, что он может жить вечно, и Норберт Кин, если на то пошло, прожил чуть ли не целую вечность. 24 июня ему исполнялось девяносто шесть лет, и он каждый день отшагивал три мили. Но в тот момент его охватил страх.

— Эти дети. — Он смотрел в окно, не отдавая себе отчета в том, что говорит вслух. — При чем тут эти чертовы дети? Что они учудили на этот раз?

Девяностодевятилетний Эгберт Тарэгуд, который находился в «Серебряном долларе», когда Клод Эру настроил свой топор и сыграл на нем «Марш мертвецов» для четырех человек, проснулся в тот же самый миг, сел и издал хриплый крик, которого никто не услышал. Ему снился Клод, только Клод пришел по его душу, и топор опустился вниз, и после этого Тарэгуд увидел собственную кисть, дергающуюся и сжимающую пальцы на барной стойке.

«*Что-то не так*, — подумал он, пусть уже мало чего соображал, испуганный и дрожащий в кальсонах с пятнами мочи. — *Что-то жутко не так*».

Дэйв Гарденер, который вытащил изуродованное тело Джорджа Денбро из водостока и чей сын нашел первую жертву нового цикла прошлым летом, открыл глаза ровно в пять и подумал, даже не посмотрев на часы, которые стояли на комоде: «*На церкви Благодати часы не пробили пять... Что не так?*» Испуг нарастал, а причину он определить не мог. С годами дела у Дэйва шли в гору. В 1965 году он купил «Корабль обуви». Потом второй «Корабль обуви» появился в торговом центре Дерри, третий — в Бангоре. И внезапно угроза нависла над всем, ради чего он положил жизнь. «*Какая угроза?* — спрашивал он себя, глядя на спящую жену. — *Ка-*

кая угроза? Что ты так задергался? Только потому, что не пробили часы?» Но ответа он найти не мог.

Поднялся, подошел к окну, подтянув пижамные штаны. Небо затягивали надвинувшиеся с запада тучи, и тревога Дэйва только возросла. Впервые за очень долгое время он подумал о криках, которые двадцать семь лет назад позвали его на крыльцо, откуда он и увидел маленькую фигурку в желтом дождевике, ребенка, которого вроде бы потоком утаскивало в водосток. Дэйв смотрел на надвигающиеся облака и думал: *«Мы в опасности. Мы все. Весь Дерри»*.

Шеф Эндрю Рейдмахер, который действительно верил, что старается изо всех сил, чтобы оборвать новую череду убийств детей, захлестнувшую Дерри, стоял на крыльце своего дома, заложив большие пальцы за ремень «Сэм Браун», смотрел на облака и испытывал то же беспокойство. Чувствовал: что-то должно случиться. Во-первых, польет как из ведра. Но этим не закончится. Он содрогнулся... и пока стоял, вдыхая запах бекона, который жарила его жена, долетавший сквозь сетчатую дверь, первые большущие капли дождя упали на бетонную дорожку перед его ухоженным домом на Рейнольдс-стрит, а на горизонте за Бэсси-парк пророкотал гром.

По телу Рейдмахера вновь пробежала дрожь.

9

Джордж – 5:01

Билл поднял горящую спичку... и с его губ сорвался протяжный, отчаянный крик.

Из глубин тоннеля, пошатываясь, к нему направлялся Джордж, одетый все в тот же желтый, испачканный кровью дождевик. Один рукав болтался, пустой и ненужный. На белом как мел лице сверкали серебром глаза. Их взгляд не отрывался от глаз Билла.

— Мой кораблик! — Джордж возвысил голос. — Я не могу найти его, Билл. Везде искал и не могу найти, и теперь я мертв, и это твоя вина твоя вина ТВОЯ ВИНА...

— Дж-Дж-Джорджи! — вскричал Билл. Чувствовал, как у него срывает крышу.

Джордж, пошатываясь и спотыкаясь, все приближался и теперь протянул к Биллу оставшуюся руку, белую руку, кисть которой напоминала птичью лапу, с грязными ногтями и скрюченными пальцами.

— Твоя вина, — прошептал Джордж и усмехнулся. Билл увидел не зубы — клыки. Они медленно сдвигались и раздвигались, как зубья в медвежьем капкане. — Ты отправил меня на улицу, и все это... твоя... вина.

— Не-е-е-ет, Дж-Дж-Джорджи! — закричал Билл. — Я не-е-е-е з-з-знал...

— Я убью тебя! — рявкнул Джордж, и из клыкастого рта вырвались какие-то собачьи звуки: скулеж, тявканье, лай. Должно быть, смех. До ноздрей Билла теперь долетал запах Джорджа, и пахло от Джорджа гнилью. От него шел подвальный запах, мерзкий запах, запах самого страшного монстра, затаившегося в углу, желтоглазого, дожидающегося удобного момента, чтобы вспороть живот какому-нибудь маленькому мальчику. Зубы Джорджа клацнули. Словно бильярдные шары ударились друг о друга. Желтый гной начал сочиться из глаз, потек по щекам... и спичка погасла.

Билл почувствовал, что его друзья исчезли, разумеется, они исчезли, оставили его одного. Они отсекли его от себя, как прежде родители, потому что Джордж говорил правду: вина лежала на нем. И скоро он ощутит, как единственная рука хватает его за шею, скоро почувствует, как клыки рвут тело, и это будет правильно. Он послал Джорджа на смерть и всю взрослую жизнь писал об ужасе этого предательства, да, обряжал этот ужас в разные наряды, точно так же, как Оно надевало разные маски, прежде чем предстать перед ними, но монстр под всем этим камуфляжем оставался одним и тем же — Джордж, выбегающий под слабеющий дождь с бумажным корабликом, борта которого пропитаны парафином. И теперь настал час искупления.

— Ты заслуживаешь смерти за то, что убил меня, — прошептал Джорджи. Он находился уже рядом. Билл закрыл глаза.

Но тут желтый свет озарил тоннель, и Билл снова открыл глаза. Ричи держал спичку в поднятой руке.

— Борись с Оно, Билл! — крикнул Ричи. — Ради бога, борись с Оно!

«*Что они здесь делают?*» — Билл в недоумении оглядел их. Они не убежали. Как такое могло случиться? Как они могли остаться, узнав, что он так подло убил собственного брата?

— Борись с Оно! — кричала Беверли. — Билл, борись! Только ты можешь это сделать! Пожалуйста...

Какие-то пять футов отделяли его от Джорджа. Внезапно тот высунул язык. Его покрывали какие-то белые наросты. Билл снова закричал.

— Убей Оно, Билл! — криком требовал Эдди. — Это не твой брат! Убей, пока Оно еще маленькое! Убей Оно СЕЙЧАС!

Джордж посмотрел на Эдди, на мгновение сосредоточил на нем взгляд серебряно-серых глаз, и Эдди, отлетев назад, спиной ударился в стену, будто его оттолкнули. Билл стоял, зачарованный, наблюдая, как его брат подходит к нему, его брат Джордж, после стольких лет, Джордж тогда и Джордж теперь, и он слышал поскрипывание желтого дождевика Джорджа, по мере того как Джордж сокращал разделявшее их расстояние, слышал позвякивание пряжек на галошах, ощущал запах, похожий на запах мокрых листьев, словно под дождевиком тело Джорджа слепили из этих самых листьев, словно в галошах Джорджа находились листья-ноги, да, человек-лист, вот кто шел к нему, Джордж, фантом с раздутым лицом и телом, слепленными из опавших листьев, тех самых, которые иной раз забивают водостоки после сильного дождя.

Откуда-то издалека до него донесся визг Беверли.

(*через сумрак*)

— Билл, пожалуйста, Билл...

(*столб белеет*)

— Мы вместе поищем мой кораблик, — говорил Джордж. Густой желтый гной — пародия на слезы — стекал по его щекам. Он протянул руку к Биллу и склонил голову набок. Губы растянулись, обнажая жуткие клыки.

(*в полночь призрак столбенеет в полночь ПРИЗРАК СТОЛБЕНЕЕТ*)

— Мы его найдем, — говорил Джордж, и Билл ощущал дыхание Оно, напоминающее вонь раздавленного животного, лежащего на автостраде в полночь. И по мере того, как раскрывался рот Джорджа, Билл видел маленьких тварей, которые там ползали. — Здесь внизу все по-прежнему тихо, мы все летаем здесь внизу, мы будем летать, Билл. Мы будем летать...

Рука Джорджа, цвета рыбьего брюшка, сомкнулась на шее Билла.

(*В ПОЛНОЧЬ ПРИЗРАК СТОЛБЕНЕЕТ ОН ВИДИТ ПРИЗРАКОВ МЫ ВИДИМ ПРИЗРАКОВ ОНИ МЫ ТЫ ВИДИШЬ ПРИЗРАКОВ*)

Перекошенное лицо Джорджа потянулось к шее Билла.

— ...летаем...

— Через сумрак столб белеет! — прокричал Билл. Голос стал низким, совсем не похожим на его собственный, и Ричи тут же вспомнил, что Билл заикался, только когда говорил своим голосом: если прикидывался кем-то другим, не заикался никогда.

Псевдо-Джордж, шипя, отпрянул. Рука Оно поднялась к лицу, словно защищая его.

— Да! — истерически заорал Ричи. — Ты врезал Оно, Билл! Добивай Оно! Добивай! Добивай!

— Через сумрак столб белеет, в полночь призрак столбенеет! — прогремел Билл и двинулся на псевдо-Джорджа. — Ты не призрак! Джордж знает, что я не хотел его смерти! Мои родители ошибались! Они винили в этом меня и ошибались! Ты меня слышишь?

Псевдо-Джордж резко повернулся, пища, как крыса. Оно начало разваливаться под желтым дождевиком. И дождевик уже стекал на пол желтыми каплями, разделялся на островки желтого. Теряя форму Оно, становился аморфным.

— Через сумрак столб белеет, сукин ты сын! — кричал Билл Денбро. — В полночь призрак столбенеет! — Он прыгнул на Оно, его пальцы ухватились за желтый дождевик, который уже не был дождевиком. Он ухватил какую-то странную теплую ириску, и она расползлась под его пальцами, как только они сжались в кулак. Билл упал на колени. Потом вскрикнул Ричи, которому догорающая спичка обожгла пальцы, и тоннель вновь погрузился в темноту.

Билл почувствовал, как что-то нарастает в груди, что-то горячее и удушающее, обжигающее, как крапива. Он сел, обхватил руками колени, подтянул их к подбородку в надежде унять боль, хотя бы ослабить ее, и благодарный темноте, радуясь тому, что другие не видят его муки.

Он услышал звук, сорвавшийся с губ — хриплый всхлип. За ним последовал второй, третий.

— *Джордж!* — крикнул он. — *Джордж, мне так жаль! Я никогда не хотел, чтобы с тобой с-случилось что-то п-плохое!*

Возможно, ему хотелось бы сказать что-то еще, но он не смог. Теперь он рыдал, лежа на спине, закрыв рукой глаза, вспоминая кораблик, вспоминая, как дождь барабанил по окнам его спальни, вспоминая лекарства и бумажные салфетки на столике у кровати, температурный жар в голове и теле, вспоминая Джорджа, прежде

всего вспоминания Джорджа, Джорджа в его желтом дождевике с капюшоном.

— Джордж, мне так жаль! — прокричал он сквозь слезы. — Мне так жаль. Так жаль, пожалуйста, мне так ЖА-А-АЛЬ...

А потом они все сгрудились вокруг него, его друзья, и никто не зажег спичку, и кто-то обнял его, он не мог сказать, кто, возможно, Беверли, или, может, Бен, или Ричи. Они были с ним, и на этот краткий миг темнота была во благо.

10
Дерри — 5:30

К половине шестого утра уже сильно лило. Синоптики бангорских радиостанций выражали легкое изумление и снисходительно извинялись перед людьми, которые на основании вчерашних прогнозов запланировали пикники или прогулки на свежем воздухе. Невезуха, дорогие друзья, один из фортелей, какие всегда неожиданно выдает погода в долине Пенобскот.

Синоптик с УЗОНа, Джим Уитт, назвал возникший грозовой фронт «удивительно дисциплинированной» системой низкого давления. И выразился, пожалуй, слишком мягко. На достаточно небольшой территории условия менялись разительно: облака в Бангоре, сильный дождь в Хэмпдене, моросящий — в Хейвене, приличный — в Ньюпорте. А в Дерри, расположенном в каких-то тридцати милях от центра Бангора, лило как из ведра. На шоссе 7 в некоторых местах уровень воды достигал восьми дюймов, а неподалеку от «Рулин фармс» забилась дренажная труба, и вода поднялась настолько, что автомобили по шоссе проехать больше не могли. К шести часам дорожная полиция выставила на асфальте оранжевые знаки «ОБЪЕЗД» с обеих сторон затопленного участка.

Горожане, которые стояли под навесом автобусной остановки на Главной улице в ожидании первого автобуса, чтобы уехать на работу, смотрели через перила на Канал, в котором вода уже начала зловещий подъем. О наводнении речь, конечно, не шла. Вода находилась на четыре фута ниже отметки 1977 года, а в том году и наводнения не было. Но дождь лил и, похоже, не думал стихать, а раскаты грома прокатывались под низкими облаками. Вода бурны-

ми потоками бежала со склона холма Подъем-в-милю и ревела в водостоках и дренажных решетках.

«*Никакого наводнения*», — соглашались все, но на каждом лице читалась тревога.

В 5:45 вспышкой лилового света взорвался трансформатор, установленный около заброшенного гаража братьев Трекеров, разбросав куски металла по крытой дранкой крыше. Один из металлических кусков перерубил провод высокого напряжения, который тоже упал на крышу, извиваясь, как змея, выстрелив мощным потоком искр. Крыша загорелась, несмотря на ливень, и скоро полыхал весь гараж. С крыши провод высокого напряжения упал на заросшую сорняками полоску земли, которая вела к площадке за гаражом, где дети обычно играли в бейсбол. Первый звонок в пожарную команду поступил в этот день в 6:02, а уже через семь минут пожарники подъехали к гаражу Трекеров. Едва ли не первым на землю спрыгнул Кельвин Кларк, один из близнецов, что учились в одном классе с Биллом, Беном, Беверли и Ричи. В третьем шаге от пожарной машины подошва его кожаного сапога ступила на провод под напряжением. От мощного электрического разряда смерть наступила мгновенно. Язык вывалился изо рта, а резиновый плащ начал дымиться. И запахло от него, как от горящих на городской свалке шин.

В 6:05 жители Мерит-стрит в Олд-Кейпе ощутили что-то вроде подземного взрыва. Тарелки попадали с полок, картины — со стен. В 6:06 все унитазы на Мерит-стрит внезапно взорвались гейзером дерьма и сточных вод, словно каким-то образом их поток развернулся в трубах и потек в противоположном направлении, не в резервуары нового завода по переработке сточных вод, сооруженного в Пустоши, а из них. В некоторых случаях дерьмо и вода летели с такой силой, что вышибали куски штукатурки на потолке. Женщину, которую звали Энн Стюарт, убило древней шестеренкой, которую вынесло из унитаза обратным потоком. Словно большущая пуля, шестеренка пробила сначала матовое стекло душевой кабины, а потом шею женщины, которая мыла волосы. Энн едва не оторвало голову. Эта шестеренка пережила взрыв Металлургического завода, а потом семьдесят пять лет пролежала в канализационной системе Дерри. Другая женщина погибла в тот самый момент, когда от обратного потока, разогнанного расширяющимся

метаном, ее унитаз взорвался, словно бомба. Несчастную, которая как раз сидела на нем, пролистывая последний номер каталога «Банана репаблик», разнесло в клочья.

В 6:19 молния ударила в так называемый Мост Поцелуев, перекинутый через Канал между Бэсси-парк и средней школой Дерри. Щепки взлетели в воздух, а потом спикировали в набравшую скорость воду в Канале, которая их и унесла.

Набирал силу ветер. В 6:30 прибор, стоявший в вестибюле здания суда, показывал, что его скорость составляет пятнадцать миль в час. К 6:45 она возросла до двадцати четырех миль.

В 6:46 Майк Хэнлон очнулся в палате Городской больницы Дерри. В сознание он приходил медленно: долгое время думал, что видит сон. Если и так, то сон ему снился странный — сон тревоги, как бы назвал его профессор доктор Абельсон, психоаналитик, у которого он учился в колледже. Вроде бы причины для тревоги больше и не было, но Майк тем не менее тревожился; обычная комната с белыми стенами, казалось, вопила об угрозе.

Но в конце концов Майк осознал, что уже пришел в себя. Понял, что обычная белая комната — больничная палата. Бутылки висели над его головой, одна — с прозрачной жидкостью, вторая — с темно-красной, наполненная донорской кровью. На полке, прикрепленной к стене, он увидел телевизор с темным экраном, услышал мерный шум дождя, бьющего в окно.

Майк попытался шевельнуть ногами. Одна двигалась легко, но другая, правая нога, не двигалась вовсе. Нога эта практически потеряла чувствительность, и Майк понял, что она туго перебинтована.

Мало-помалу события прошлого вечера вернулись: он сел, чтобы записать все в блокнот, и тут появился Генри Бауэрс. Привет из прошлого, веселенькая шутка. Они дрались, и Генри...

«Генри? Куда подевался Генри? Отправился на поиски остальных?»

Майк потянулся за кнопкой вызова. Она висела в изголовье, и он уже держал ее в руках, когда открылась дверь. На пороге возник медбрат. Две расстегнутые пуговицы на куртке и взлохмаченные черные волосы придавали ему сходство с Беном Кейси. На шее висел медальон святого Христофора. Даже в нынешнем состоянии, соображая очень и очень туго, Майк сразу понял, кто перед ним. В 1958 году в Дерри погибла шестнадцатилетняя девушка, Черил

Ламоника. Ее убило Оно. У нее был четырнадцатилетний брат, Марк, и именно он стоял сейчас на пороге его палаты.

— Марк? — прошептал он. — Мне надо с тобой поговорить.

— Ш-ш-ш. — Одну руку Марк держал в кармане. — Никаких разговоров.

Он прошел в палату, а когда встал у изножья кровати, Майк увидел, какие пустые глаза у Марка Ламоники, и у него засосало под ложечкой. Марк склонил голову, словно слушая далекую музыку. Достал руку из кармана.

С зажатым в ней шприцем.

— Это поможет тебе заснуть, — Марк двинулся в обход кровати.

11

Под городом — 6:49

— Ш-ш-ш-ш! — внезапно воскликнул Билл, хотя не слышалось ни единого звука, за исключением их шагов.

Ричи зажег спичку. Стены тоннеля разошлись, и все пятеро казались такими маленькими в сравнении с этой огромной каверной под городом. Они сбились в кучку, и Беверли испытала чувство déjà vu, глядя на гигантские каменные плиты пола и свисающую с потолка паутину. Оно находилось близко. Близко.

— Что ты слышишь? — спросила она Билла, пытаясь сразу смотреть во все стороны, пока не погасла спичка Ричи, ожидая новый сюрприз, выползающий или вылетающий из темноты. Роган, кто угодно? Инопланетянин из жуткого фильма с Сигурни Уивер? Большущая крыса с оранжевыми глазами и серебряными зубами? Но нет, их окружал только пыльный запах темноты, да откуда-то издалека доносился шум бегущей воды, будто наверху заполнялись дренажные коллекторы.

— Ч-что-то не-е-е-хорошо. Майк...

— Майк? — переспросил Эдди. — Что с ним?

— Я тоже это чувствую, — подал голос Бен. — Может... Билл, он умер?

— Нет. — Затуманенные глаза Билла не выражали никаких эмоций. Вся тревога слышалась в голосе, ощущалась по напрягшемуся

телу. — Он... О-о-о-о-н... — Билл сглотнул слюну. В горле что-то щелкнуло. Глаза широко раскрылись. — Нет... не-е-е-т!

— Билл? — в тревоге воскликнула Беверли. — Билл, что такое? Что?..

— Х-х-х-хватайте мои ру-у-у-ки! — закричал Билл. — С-с-с-скорее!

Ричи бросил спичку. Взял Билла за одну руку. Беверли — за другую. Свободной рукой принялась хватать темноту, пока Эдди не поймал ее пальцами сломанной руки. Бен нашел его здоровую руку и замкнул круг, схватившись за другую руку Ричи.

— Пошли ему нашу силу! — крикнул Билл странным, басовитым голосом. — Пошли ему нашу силу, кем бы Ты ни был, пошли ему нашу силу! Сейчас! Сейчас! Сейчас!

Беверли почувствовала, как что-то уходит от них и несется к Майку. Ее голова моталась из стороны в сторону, словно в экстазе, и свистящее дыхание Эдди смешивалось с нарастающим грохотом воды в дренажных коллекторах.

12

— Сейчас, — прошептал Марк Ламоника. Вздохнул, совсем как человек, чувствующий приближение оргазма.

Майк снова и снова нажимал на кнопку вызова. Слышал, как звенит звонок на сестринском посту в коридоре, но никто не приходил. Шестым чувством он понимал, что медсестры сидят там, читают утреннюю газету, пьют кофе, слышат, но и не слышат, слышат, но не реагируют, и среагируют только после, когда все будет кончено, потому что так уж заведено в Дерри. Здесь знают: кое-что лучше не слышать и не видеть... пока все не закончится.

Майк разжал пальцы, и кнопка вызова вывалилась из рук.

Марк наклонился к нему, кончик иглы поблескивал. Медальон святого Христофора гипнотически покачивался из стороны в сторону, когда медбрат стягивал простыню.

— Сюда, — прошептал он. — В грудину. — И снова вздохнул.

Майк внезапно почувствовал, как в него вливается сила — какая-то первобытная сила, которая накачивала его тело энергией, как электрический ток — аккумулятор. Он застыл, пальцы скрючились словно в судороге, глаза раскрылись. Он что-то промычал, и

тут же паралич, сковывающий тело, отступил, словно изгнанный увесистой оплеухой.

Правая рука Майка метнулась к столику у кровати. На нем стояли пластиковый кувшин с водой и тяжелый стеклянный стакан. Пальцы сомкнулись на стакане. Ламоника почувствовал изменения в состоянии пациента; мечтательное самодовольство исчезло из взгляда, на смену ему пришло настороженное недоумение. Он чуть приподнялся, а потом Майк поднял стакан и вогнал его в лицо Марка.

Тот закричал и отшатнулся, уронил шприц, руки поднялись к разбитому лицу; кровь полилась по запястьям на белую куртку.

Сила ушла так же неожиданно, как и появилась. Майк тупо уставился на осколки стакана на кровати и его больничной пижаме, на собственную окровавленную руку. Услышал быстрый, легкий звук приближающихся шагов, доносящийся из коридора.

«Теперь они идут, — думал он. — *Да, теперь идут. А кто появится после того, как они уйдут? Кто появится следующим?»*

И они ворвались в палату, медсестры, которые спокойно сидели, когда у них под ухом надрывался звонок кнопки вызова. Майк закрыл глаза и начал молиться о том, чтобы все закончилось. Он молился о своих друзьях, которые сейчас где-то под городом, молился, чтобы с ними ничего не случилось, молился, чтобы они положили этому конец.

Майк точно не знал, Кому молится... но все равно молился.

13

Под городом — 6:54

— У не-его в-все хо-о-орошо, — сказал наконец Билл.

Бен не знал, как долго они простояли в темноте, держась за руки. И он почувствовал, как что-то — что-то из них, что-то из их круга — ушло и вернулось. Но он понятия не имел, куда это что-то — если оно и существовало — уходило и что там делало.

— Ты уверен, Большой Билл? — спросил Ричи.

— Д-д-да. — Билл отпустил руки Беверли и Ричи. — Но мы до-олжны закончить это как мо-ожно бы-ыстрее. По-ошли.

Они пошли, Ричи и Билл периодически зажигали спички. *«У нас нет даже пугача,* — подумал Бен. — *Но так и задумано, правда? Чудь. И что это означает? Каким мы увидели Оно? Что оказалось под последней маской? И даже если мы не убили Оно, то тяжело ранили. Как нам это удалось?»*

Каверна, по которой они шли, — Бен уже не мог называть ее тоннелем — увеличивалась и увеличивалась в размерах. Их шаги отдавались эхом. Бен помнил этот запах, тошнотворный запах зоопарка. Он обратил внимание, что спички больше не нужны — появился свет, некое подобие света: призрачное свечение, интенсивность которого нарастала. В этом мутном свете его друзья выглядели ходячими трупами.

— Впереди стена, Билл, — предупредил Эдди.

— Я з-з-знаю.

Бен почувствовал, как сердце начинает ускорять ход. Во рту появилась горечь, разболелась голова. Он ощутил себя медлительным и испуганным. Он ощутил себя толстым.

— Дверца, — прошептала Беверли.

Да, они увидели дверцу. Когда-то, двадцать семь лет назад, чтобы войти в нее, им приходилось всего лишь пригнуться. Теперь войти они могли только утиным шагом или на четвереньках. Они выросли; и получили окончательное *тому доказательство, если оно* кому-то требовалось.

Те точки на *шее* и *запястьях Бена, где обычно замеряют пульс,* горели огнем, кровь в них *стремилась пробить кожу. Бен чувствовал,* как трепыхается сердце, грозя аритмией. *«Голубиный пульс»,* — мелькнула случайная мысль, и Бен облизнул губы.

Яркий зеленовато-желтый свет выбивался из-под дверцы; он же вырывался из затейливой замочной скважины, такой густой свет, что его, казалось, можно резать ножом.

Увидели они и знак на двери, каждый — свой, и совсем не тот, что раньше. Беверли — лицо Тома. Билл — отрубленную голову Одры с пустыми глазами, которые сверлили его обвиняющим взглядом. Эдди — оскаленный череп, удобно устроившийся на двух скрещенных костях, символ ядовитого вещества. Ричи — бородатую физиономию дегенеративного Пола Баньяна, с глазами-щелочками убийцы. А Бен — Генри Бауэрса.

— Билл, нам хватит сил? — спросил он. — Сможем мы это сделать?

— Я н-не з-з-знаю, — ответил Билл.

— А если она заперта? — пискнула Беверли. Лицо Тома корчило ей рожи.

— О-она не за-аперта, — ответил Билл. — Та-акие ме-еста никогда не за-апираются. — Он поднес правую руку со сведенными вместе пальцами к дверце и толкнул. Дверца распахнулась, окатив всех потоком желтовато-зеленого света. Тут же в нос ударил запах зоопарка, запах прошлого стал настоящим, невероятно живой, невероятно сильный.

«Круг, колесо», — вдруг подумал Билл и оглядел остальных. Потом опустился на четвереньки и полез в дверцу. Его примеру последовали Беверли, Ричи, Эдди. Последним — Бен, по коже у него побежали мурашки от прикосновения к древней грязи на полу. Он миновал портал, а когда выпрямлялся в этом странном свечении, которое огненными змеями ползало по стенам, сочащимся водой, последнее воспоминание заняло положенное место, и Бена словно оглушило ментальным молотом.

Он вскрикнул, покачнулся, схватившись рукой за голову, и тут же пришла бессвязная мысль: «Неудивительно, что Стэн покончил с собой! Господи, лучше бы я поступил так же!» То же выражение остолбенелого ужаса и осознания, что их ждет, он увидел на лицах остальных: последний ключ повернулся в последнем замке.

Потом Беверли пронзительно закричала, вцепившись в Билла, а Оно уже спешило вниз по занавесу из паутины, кошмарный Паук, прибывший на Землю из-за пределов времени и пространства, Паук, не укладывающийся в лихорадочные представления об обитателях самых мрачных глубин ада. *«Нет*, — хладнокровно подумал Билл, — *это не Паук, вовсе нет, но это не тот образ, который Оно вытащило из наших разумов; эта форма наиболее близкая — из того, что мы можем воспринять — к*

(мертвым огням)

истинному образу Оно».

Рост Оно составлял футов пятнадцать, цветом Оно не отличалось от безлунной ночи. Каждая из лап толщиной не уступала бедру культуриста. Глаза сверкали злобными рубинами, вылезая из глазниц, заполненных сочащейся из них серебристой жидкостью. Зазубренные жвала открывались и закрывались, открывались и закрывались, роняя клочья пены. Застывший от ужаса, балансируя на грани безумия, Бен с олимпийским спокойствием отметил,

что пена эта живая; она ударялась о вонючие плиты каменного пола и начинала уползать в щели между ними, как простейшие организмы.

«Но Оно являет собой и что-то еще, есть окончательная форма, которую я вижу очень смутно, как можно видеть силуэт человека, который ходит за экраном во время показа фильма, какая-то другая форма, но я не хочу ее видеть, пожалуйста, Господи, не дай мне ее увидеть...»

Но ведь это не имело значения, так? Они видели то, что видели, и Бен каким-то образом понимал, что Оно заключено в эту форму, форму Паука, их общим непрошенным и неизвестно откуда взявшимся зрительным восприятием. И в борьбе именно с таким Оно они сохранят жизнь или найдут смерть.

Существо визжало и мяукало, и Бен нисколько не сомневался в том, что каждый звук, издаваемый Оно, он слышит дважды, сначала в голове, а через доли секунды — ушами. *«Телепатия, — думал он, — я читаю мысли Оно»*. Тень Оно, напоминающая яйцо, скользила по древней стене логова, где обитало чудовище. Тело Оно покрывали жесткие волосы, и Бен видел жало, достаточно длинное, чтобы насадить на него человека. С жала капала прозрачная жидкость, и Бен видел, что она тоже живая; как и слюна, яд уползал в щели между плитами. Жало, да... но под ним гротескно выпирало брюхо, почти что волочилось по полу, когда Оно двинулось, чуть изменив направление, взяв курс на их лидера, Большого Билла.

«Это же яйцевая камера, — подумал Бен, и его разум, казалось, завизжал от выводов, *которые из этого следовали. — Кем бы ни было Оно, которое мы не можем увидеть, эта форма по крайней мере символически правильная: Оно — женского пола, и Оно беременно... Оно и тогда было беременно, и никто из нас этого не знал, за исключением Стэна, ох, Господи Иисусе, ДА, это Стэн, Стэн — не Майк, Стэн понял, Стэн сказал нам... Потому-то мы и должны были вернуться, что бы ни случилось, потому что Оно — женского пола, потому что Оно беременно чем-то невообразимо ужасным... и время родов близится»*.

Невероятно, но Билл Денбро выступил вперед, чтобы встретить Оно.

— Билл, нет! — вскрикнула Беверли.

— Не по-о-о-одходите! — прокричал Билл, не оглядываясь. А Ричи уже бежал к нему, выкрикивая его имя, и Бен обнаружил,

что ноги несут его к Биллу. Он вроде бы чувствовал, как колышется впереди фантомный живот, и ощущение это ему нравилось. «*Я должен снова стать ребенком*, — подумал он. — *Только так и можно не сойти с ума. Должен снова стать ребенком... должен с этим сжиться. Каким-то образом*».

Он бежал, выкрикивая имя Билла. Боковым зрением видел, что рядом бежит Эдди, сломанная рука болталась, конец пояса от банного халата, которым Билл закрепил шину, тащился по полу. Эдди уже вынул ингалятор. Он выглядел, как заморенный голодом стрелок, сжимающий в руке странного вида пистолет.

Бен услышал, как Билл прокричал: «*Ты у-у-убила моего брата, г-г-г-гребаная СУКА!*»

Тут Оно нависло над Биллом, похоронив его в своей тени, лапы Оно принялись молотить воздух. Бен услышал нетерпеливое мяуканье, взглянул в вечные, злые, красные глаза... и на мгновение увидел форму, скрытую за образом паука; увидел огни, увидел бесконечную, ползущую, волосатую тварь, состоящую из света и только из него, оранжевого света, мертвого света, который насмехался над жизнью.

Ритуал начался во второй раз.

Глава 22
РИТУАЛ ЧУДЬ

1
В логове Оно – 1958 г.

Это Билл удержал их на месте, когда огромный Паук спустился со своей паутины, подняв вонючий ветер, который взъерошил им волосы. Стэн закричал, как младенец, карие глаза вылезли из орбит, пальцы царапали щеки. Бен пятился, пока его толстый зад не уперся в стену слева от дверцы. Почувствовал, как ягодицы ожгло холодным огнем, и отступил от стены, но уже как во сне. Конечно же, ничего такого наяву случиться не могло; это был самый жуткий в мире кошмарный сон. Он обнаружил, что не может поднять руки. К ним словно привязали тяжеленные гири.

Эта паутина так и притягивала взгляд Ричи. Тут и там, частично обернутые паутинными прядями, которые двигались, как живые, висели наполовину съеденные тела. Ричи подумал, что узнал Эдди Коркорэна, висящего под самым потолком, хотя Эдди остался без обеих ног и одной руки.

Беверли и Майк прижались другу к другу, словно Гензель и Гретель в лесу, наблюдая, парализованные, как Паук добрался до пола и направился к ним, а его искаженная тень бежала следом по стене.

Билл посмотрел на них, высокий, худенький мальчик в заляпанной грязью и дерьмом футболке, которая когда-то была белой, в джинсах с отворотами, грязных кедах. Волосы падали на лоб, гла-

за блестели. Он оглядел всех, казалось, освобождая от любых обязательств, и вновь повернулся к Пауку. А потом — невероятно — двинулся к Оно, не побежал, но пошел быстрым шагом, согнув руки в локтях, сжав кулаки.

— Т-т-т-ы у-у-убил моего б-брата!

— Нет, Билл! — закричала Беверли, вырвалась из объятий Майка и побежала к Биллу, ее рыжие волосы развевались за спиной. — Оставь его! — крикнула она пауку. — Не смей трогать!

«*Черт! Беверли!*» — подумал Бен, и в следующее мгновение он тоже бежал, живот мотало из стороны в сторону, ноги работали словно поршни. Боковым зрением он видел, что слева бежит Эдди Каспбрэк, держа ингалятор в здоровой руке, как пистолет.

И тут Оно нависло над невооруженным Биллом, накрыло его своей тенью. Лапы били воздух. Бен потянулся к плечу Беверли. Схватил, потом его рука соскользнула. Беверли повернулась к нему, с дикими глазами, ощерившись.

— Помоги ему! — выкрикнула она.

— Как? — криком ответил Бен. Развернулся к Пауку, услышал нетерпеливое мяуканье Оно, взглянул в вечные, злые, красные глаза, и на мгновение увидел форму, скрытую за образом паука; увидел что-то гораздо худшее, чем паук. Что-то целиком состоящее из сводящего с ума света. Решимость Бена дала слабину... но ведь его просила Бев. Бев, которую он любил.

— Черт бы тебя побрал, оставь Билла в покое! — проорал он.

Мгновением позже рука так сильно ударила его по спине, что он чуть не упал. Рука Ричи, и, хотя слезы бежали по его щекам, Ричи исступленно улыбался. Уголки его рта едва не достигали мочек ушей. Слюна текла между зубов.

— Давай сделаем ее, Стог! — прокричал Ричи. — Чудь! Чудь!

«*Ее?* — тупо подумал Бен. — *Он сказал, ее?*»

— Ладно, — ответил он вслух, — но что это такое? Что такое Чудь?

— Что б мне сдохнуть, если я знаю, — ответил Ричи и побежал к Биллу, в тень Оно.

Оно каким-то образом удалось сесть на задние лапы. Передние молотили воздух над самой головой Билла. И Стэн Урис, вынужденный подойти, приближающийся к Оно, несмотря на то что тело и душа молили об обратном, увидел, что Билл стоит, подняв голо-

ву, и смотрит на Оно, и его синие глаза сцеплены взглядом с нечеловеческими оранжевыми глазами чудовища, глазами, из которых лился мертвенный свет. Стэн остановился, понимая, что ритуал Чудь — чем бы он ни был — начался.

2

Билл в пустоте — впервые

— ...кто ты и зачем пришел ко Мне?

— Я — Билл Денбро. Ты знаешь, кто я и почему я здесь. Ты убила моего брата, и я здесь, чтобы убить Тебя. Ты выбрала не того ребенка, сука.

— Я вечная. Я Пожирательница миров.

— Да? Правда? Что ж, ты уже поела в последний раз, сестричка.

— У тебя нет силы; сила здесь; почувствуй силу, мелюзга, а потом снова скажи, что ты пришел, чтобы убить Вечность. Ты думаешь, что видишь Меня? Ты видишь лишь то, что позволяет тебе увидеть твой разум. Хочешь увидеть Меня? Тогда пошли! Пошли, мелюзга! Пошли!

Брошенный...

(*через*)

нет, не брошенный, выстреленный, выстреленный, как живая пуля, как Человек-ядро в цирке Шрайна, который приезжал в Дерри каждый май. Его подняли и швырнули через покои Паучихи. «*Это мне только чудится*, — прокричал он сам себе. — *Мое тело остается на прежнем месте, глаза в глаза с Оно, держись, это всего лишь игра воображения, держись, смелее, не отступай, не отступай...*»

(*сумрак*)

Летя вперед, мчась по черному тоннелю, со стен которого капала вода, выложенному разрушающимися, крошащимися плитами, возраст которых составлял пятьдесят лет, сто, тысячу, миллион-миллиард, кто мог дать точный ответ, проскакивая в мертвой тишине перекрестки, некоторые подсвеченные зеленовато-желтым огнем, другие — шарами, наполненными призрачным белым светом, третьи — чернильно-черные, он несся со скоростью тысяча

миль в час мимо груд костей, как человеческих, так и иных, несся, будто снабженный ракетным двигателем дротик в аэродинамической трубе, теперь уже вверх, не к свету, а к тьме, какой-то исполинской тьме

(*столб*)

и; наконец, вырвался наружу, в абсолютную черноту, черноту, которая являлась всем, и космосом, и вселенной, и пол этой черноты был твердым, твердым, как полированный эбонит, и он скользил по нему на груди, и животе, и бедрах, как шайба в шаффлборде. Он оказался в бальном зале вечности, и вечность была черной.

(*белеет*)

— *прекрати, зачем ты это говоришь? Тебе это не поможет, глупый мальчишка, и*

— *в полночь призрак столбенеет!*

— *прекрати.*

— *через сумрак столб белеет в полночь призрак столбенеет!*

— *прекрати это! прекрати это! Я требую, Я приказываю, чтобы ты прекратил!*

— *Не нравится тебе, да?*

И думая: «*Если только я смогу сказать это вслух, сказать, не заикаясь, мне удастся разбить эту иллюзию...*»

— *это не иллюзия, глупый маленький мальчишка — это вечность, Моя вечность, ты в ней затерян, затерян навсегда, тебе никогда не найти пути назад; ты теперь вечный, приговоренный к блужданию в черноте... после встречи со Мной лицом к лицу, вот что это.*

Но здесь находилось что-то еще. Билл это чувствовал, ощущал, каким-то образом даже улавливал запахи: что-то большое, впереди в черноте. Форма. Испытывал он не страх, а благоговейный трепет; он приближался к силе, рядом с которой меркла сила Оно, и у Билла оставалось лишь время бессвязно подумать: «*Пожалуйста, пожалуйста, кем бы ты ни был, помни, что я очень маленький...*»

Он мчался к этому что-то и увидел, что это великая Черепаха, панцирь которой покрывали плиты разных сверкающих цветов. Голова древней рептилии медленно высунулась из панциря, и Билл подумал, что почувствовал смутное пренебрежительное удивление в твари, которая забросила его в эту черноту. Билл увидел, что глаза у Черепахи добрые. Билл подумал, что никого старше Черепахи невозможно представить себе, что Черепаха куда как старше Оно, которое объявило себя вечным.

— Кто ты?

— Я Черепаха, сынок. Я создал вселенную, но, пожалуйста, не вини меня за это; у меня разболелся живот.

— Помоги мне! Пожалуйста, помоги мне!

— Я не беру чью-то сторону в таких делах.

— Мой брат...

— ...у него свое место в метавселенной; энергия вечна, и это должен понимать даже такой ребенок, как ты...

Теперь он летел мимо Черепахи, и даже при его огромной скорости покрытый плитами панцирь тянулся и тянулся по правую сторону от Билла. Он подумал, что едет в поезде, и навстречу едет другой поезд, очень-очень длинный, и со временем начинает казаться, будто второй поезд стоит на месте или даже изменил направление движения на противоположное. Билл все еще мог слышать Оно, воющее и гудящее, высокий и злой голос, нечеловеческий, наполненный безумной ненавистью. Но когда Черепаха начинал говорить, голос Оно блокировался полностью. Черепаха говорил в голове Билла, и Билл каким-то образом понимал, что есть еще и Другой, Высший Другой, обитающий в пустоте, которая находилась за пределами этой пустоты. Этот Высший Другой, возможно, создатель Черепахи, который только наблюдал, и Оно, которое только ело. Этот Другой был силой вне этой вселенной, силой, превосходящей все прочие силы, творцом всего сущего.

И внезапно Билл подумал, что теперь он все понимает: Оно намеревалось зашвырнуть его за некую стену, находящуюся в конце этой вселенной, отправить в какое-то другое место,

(*которое старый Черепаха называл метавселенной*)

где действительно жило Оно; где Оно существовало, как гигантское, светящееся ядро, которое могло быть всего лишь песчинкой в разуме Другого; ему предстояло увидеть Оно без покровов и масок, пятном яркого, смертоносного света, а потом он будет из милосердия аннигилирован или обречен на вечную жизнь, безумным, но при этом в здравом уме, внутри одержимой мыслями об убийстве, бескрайней, бесформенной, голодной твари.

— Пожалуйста, помоги мне! Ради других...

— ты должен помочь себе сам, сынок...

— Но как? Пожалуйста, скажи мне! Как? Как? КАК?

Он уже добрался до покрытых чешуей задних лап Черепахи; и потом ему хватило времени, чтобы разглядеть эту исполинскую

древнюю плоть, особенно его удивили тяжеленные ногти — странного голубовато-желтого цвета, и он разглядел галактики, плавающие в каждом из них.

— Пожалуйста, ты хороший, и я это чувствую и верю, что ты хороший, и я умоляю тебя... неужели ты мне не поможешь?

— ты уже знаешь, есть только Чудь и твои друзья.

— Пожалуйста, пожалуйста...

— сынок, ты должен настаивать, что через сумрак столб белеет, а в полночь призрак столбенеет... это все, что я могу тебе сказать. Как только ты забираешься в такое космологическое дерьмо, подобное этому, тебе не остается ничего другого, как выбросить из головы все инструкции...

Билл осознал, что голос Черепахи становится все слабее. И сам Черепаха остался позади. Он летел в черноту, которая была чернее черного. И голос Черепахи забивал, заглушал, перекрывал ликующий, торопливый голос Твари, которая забросила его в эту черную пустоту — голос Паучихи, голос Оно.

— как тебе здесь нравится, Маленький друг? тебе нравится? ты счастлив? дашь девяносто восемь баллов, потому что штука это хорошая и под нее можно танцевать? Можешь поймать на миндалины и перекидывать с правой на левую? Ты получил удовольствие от общения с моим другом Черепахой? Я думала, этот старый пердун давно уже сдох, хотя пользы тебе от него было не больше, чем от дохлого. Неужели ты думал, он сможет тебе помочь?

— нет нет нет нет через сумрак нет он че-е-е-е-е-рез нет...

— перестань лепетать; время коротко; давай поговорим, пока есть такая возможность. Расскажи мне о себе, Маленький друг... скажи мне, тебе нравится вся эта холодная чернота, которая окружает тебя? Ты наслаждаешься этой экскурсией в пустоту, которая лежит перед Вовне? подожди, пока ты не попадешь туда, Маленький друг! подожди, пока не попадешь туда, где Я! подожди этого! Подожди мертвых огней! Ты посмотришь, и ты сойдешь с ума... но ты будешь жить... и жить... и жить... внутри них... внутри Меня...

Оно расхохоталось диким смехом, и Билл осознавал, что голос Оно начал и таять, и набирать силу, словно он одновременно удалялся от Оно... и приближался к Оно. И разве не это происходило? Да. Он думал, что так оно и есть. Потому что, хотя оба голоса зву-

чали совершенно синхронно, один, к которому он мчался, был совершенно инородным, произносил звуки, которые не могли издать человеческие язык или гортань. «*Это голос мертвых огней*», — подумал Билл.

— *время коротко; давай поговорим, пока еще есть такая возможность...*

Человеческий голос Оно слабел, как слабеет голос бангорских радиостанций, когда сидишь в автомобиле и едешь на юг. Яркий, слепящий ужас наполнял разум Билла. Вскоре связь с Оно-Паучихой могла прерваться... и какая-то часть Билла понимала, что, несмотря на смех Оно, несмотря на веселье, именно к этому Оно и стремилось. Не просто отправить его туда, где в действительности находилось Оно, но разорвать их ментальный контакт. Разрыв этот означал его полное уничтожение. Разрыв связи означал, что пути к спасению больше нет; он это знал: так после смерти Джорджа родители вели себя по отношению к нему. Это единственный урок, которому научила его их леденящая холодность.

Удаляться от Оно... и приближаться к Оно. Но первое почему-то имело более важное значение. Если Оно хотело съесть маленьких детей, которые остались там, или засосать их в себя, или что там еще хотело сделать с ними Оно, почему не отправило их всех сюда? Почему только его?

Потому что Оно требовалось избавить Паучиху-Оно от него, вот почему. Что-то как-то связывало Паучиху-Оно и Оно, которое звалось мертвыми огнями. Живя в этой черноте, Оно могло быть неуязвимым, находясь только здесь и нигде больше... но Оно пребывало так же и на Земле, под Дерри, в определенном телесном обличье. И каким бы отвратительным это обличье ни было, Оно оставалось телесным... а значит, смертным.

Билл несся сквозь черноту, его скорость все нарастала. «*Почему я чувствую, что большая часть разговоров Оно — блеф, бессмысленный треп? Почему? Как такое может быть?*»

Теперь он это понимал, возможно... только возможно.

«*Есть только Чудь*», — сказал Черепаха. И, допустим, это и есть тот самый ритуал? Допустим, они глубоко впились зубами в языки друг друга, не физически, но ментально, образно? И, допустим, если Оно сможет забросить Билла достаточно далеко в пустоту, достаточно приблизит к вечной, неуничтожимой ипоста-

си Оно, ритуал закончится? Оно освободится от него. Убьет его и выиграет все...

— ты рассуждаешь правильно, сынок, но времени совсем мало, скоро будет поздно...

«Оно боится. Боится меня! Боится нас!»

...он ускорялся, ускорялся, и впереди появилась стена, он почувствовал ее, почувствовал ее в черноте, стену на границе пространства-времени, а за стеной лежала другая вселенная. Мертвые огни...

— не говори со мной, сынок, и не говори сам с собой... благодаря этому тебя легче оторвать, кусай сильнее, если тебе небезразлично, если ты решишься, если тебе достанет смелости, если ты проявишь мужество... вгрызайся, сынок!

Билл вгрызся — не по-настоящему, а мысленно.

Во весь голос, только не своим собственным (если на то пошло, голосом своего отца, хотя Билл сойдет в могилу, так этого и не узнав; некоторые тайны таковыми остаются, и, может, оно к лучшему), набрав полные легкие воздуха, он прокричал: *«ЧЕРЕЗ СУМРАК СТОЛБ БЕЛЕЕТ В ПОЛНОЧЬ ПРИЗРАК СТОЛБЕНЕЕТ А ТЕПЕРЬ ОТПУСТИ МЕНЯ!»*

Он почувствовал, как у него в голове закричало Оно, крик этот переполняли раздражение, недовольство, ярость... но в нем слышались страх и боль. Оно не привыкло к тому, чтобы что-то шло не так, как определяло Оно. Никогда раньше такого не случалось, и до самых последних мгновений Оно даже не подозревало, что такое возможно.

Билл почувствовал, как дергается Оно, не тянет к себе, а отталкивает... пытается отшвырнуть его.

— Я СКАЗАЛ: «ЧЕРЕЗ СУМРАК СТОЛБ БЕЛЕЕТ!»

— ПРЕКРАТИ!

— ВОЗВРАЩАЙ МЕНЯ НАЗАД! ТЫ ДОЛЖНО! Я ПРИКАЗЫВАЮ! Я ТРЕБУЮ!

Оно закричало снова, боли в этом крике прибавилось... возможно, потому, что Оно провело свою долгую жизнь, причиняя боль, кормясь ею, а испытывать боль прежде Оно не приходилось.

И все равно Оно пыталось оттолкнуть Билла, избавиться от него, слепо и упрямо настаивая на собственном выигрыше, раз уж

прежде Оно всегда выигрывало. Оно отталкивало Билла... но он чувствовал, что скорость его замедляется, и гротескный образ возник перед его мысленным взором: язык Оно, покрытый живой слюной, растянутый, как толстая резинка, кровоточащий. Он увидел себя, вцепившегося зубами в кончик, вгрызающегося в него все глубже, лицо его покрывал гной — кровь Оно, — который струями выплескивало из языка, его окутывало зловонное дыхание Оно, но он по-прежнему держался, как-то держался, тогда как Оно боролось в слепой боли и нарастающей ярости, не желая, чтобы язык начал сжиматься...

(*Чудь, это Чудь. держись, прояви смелость, прояви мужество, защищай брата, защищай друзей; верь, верь во все, во что верил раньше; верь, что полицейский позаботится о том, чтобы ты добрался домой, если ты скажешь ему, что заблудился; верь, что Зубная фея живет в громадном глазурном замке, а Санта-Клаус — под Северным полюсом, делает игрушки в компании эльфов, и капитан Миднайт может быть настоящим, да, может, пусть даже Карлтон, старший брат Сисси и Кельвина Кларков, говорит, что все это детские выдумки, верь, что твои отец и мать снова полюбят тебя, а ты обретешь бодрость духа и слова будут гладко слетать с твоих губ; верь, что вы больше не неудачники, и незачем вам прятаться в яме и называть ее клубным домом; верь, что тебе больше не надо плакать в комнате Джорджи, потому что ты не мог спасти его или знать, какая над ним нависла угроза; верь в себя, верь в жар этого желания*).

Внезапно Билл начал смеяться во тьме, *но смехом радостного* изумления — не истерическим.

«*ЧЕРТ, Я ВО ВСЕ ЭТО ВЕРЮ!*» — прокричал он, и то была чистая правда: даже в одиннадцать лет он замечал, что все иной раз оборачивается как надо буквально в мановение ока. Вокруг мерцал свет, он вскинул руки вперед и вверх, поднял голову, и вдруг почувствовал, как наливается силой.

Услышал очередной крик Оно... и внезапно его потянуло назад, в ту сторону, откуда он примчался, и перед мысленным взором Билла оставался этот образ: его зубы, глубоко вонзившиеся в странное мясо языка Оно, сцепленные мертвой хваткой. Он летел сквозь черноту, голова впереди, ноги сзади, концы шнурков заляпанных грязью кедов развевались как флаги, ветер этой пустоты свистел в ушах.

Он пронесся мимо Черепахи и увидел, что голова спряталась в панцире; голос звучал глухо и искаженно, словно панцирь являл собой колодец вечностей:

— неплохо, сынок, но я бы довел дело до конца; не дай Оно ускользнуть, у энергии есть свойство рассеиваться, ты знаешь; то, что ты можешь сделать в одиннадцать, потом зачастую сделать уже нельзя.

Голос Черепахи таял, таял. Осталась только мчащаяся чернота... а потом появилось жерло циклопического тоннеля... запахи древности и разложения... паутины скользили по лицу, как сгнившие полотнища паутины в доме с привидениями... плиты, покрытые мхом, пролетали мимо, и перекрестки, теперь все темные, луношары исчезли, и Оно кричало, кричало:

— ...отпусти меня отпусти меня я уйду никогда не вернусь отпусти МЕНЯ МНЕ БОЛЬНО БОЛЬНО БО-О-О-О-ЛЬНО...

— Через сумрак столб белеет! — прокричал Билл, едва не теряя сознание. Он видел впереди свет, но свет этот таял, мерцая, словно большие свечи, которые давали его, догорали... и на мгновение он увидел себя и остальных, стоявших рядком, взявшись за руки. Эдди стоял с одной стороны от него, Ричи — с другой. Он увидел собственное тело, осевшее, с запрокинутой назад головой, его глаза не отрывались от глаз Паучихи, которая извивалась и дергалась, как дервиш, сучила волосатыми лапами, яд капал с жала.

Оно кричало в предсмертной агонии.

Билл искренне в это верил.

А потом он влетел в свое тело с той же силой, с какой бейсбольный мяч, отбитый по прямой, влетает в перчатку одного из защитников. Сила эта вырвала его руки из рук Эдди и Ричи, бросила его самого на колени, и он заскользил по полу к границе паутины. Инстинктивно, не думая, схватился за одну из нитей, и его рука тут же онемела, будто в нее впрыснули полный шприц новокаина. Сама нить толщиной не уступала растяжке телефонного столба.

— Не трогай это, Билл! — крикнул Бен, и Билл рывком отдернул руку, оставив на нити полоску кожи с ладони, аккурат под пальцами. Потекла кровь, а Билл с трудом поднялся на ноги, не отрывая глаз от Паучихи.

Оно пятилось от них, уходило в сгущающийся сумрак в дальнем конце своего логова, а свет все тускнел. На полу оставались

лужи и лужицы черной крови: каким-то образом их противостояние разорвало внутренности Оно в десятке, а то и в сотне мест.

— Билл, паутина! — закричал Майк. — Берегись!

Билл отступил, вскинув голову, а нити паутины Оно уже падали вниз, ударялись о каменный пол по обе стороны от него, как мясистые белые змеи. Они немедленно начали терять форму, уползать в щели между плитами. Паутина разваливалась, отрывалась от мест крепления. Одно из тел, подвешенное как бабочка, спикировало вниз, ударилось об пол с таким звуком, будто разлетелся гнилой арбуз.

— Паучиха! — закричал Билл. — Где Оно?

Он все еще слышал Оно в голове, мяукающее и кричащее от боли, и смутно осознавал, что Оно ушло в тот самый тоннель, куда забросило Билла... но ушло для того, чтобы улететь в то место, куда собиралось отправить Билла... или чтобы спрятаться, пока они не уйдут? Чтобы умереть? Чтобы избежать смерти?

— Господи, свет! — закричал Ричи. — Огни гаснут! Что случилось, Билл? Где ты был? Мы думали, ты умер!

В мельтешении мыслей Билл знал, что это неправда: если бы они действительно подумали, что он умер, то бросились бы врассыпную, и Оно разделалось бы с ними поодиночке. А может, Ричи сказал только часть правды: они думали, что он умер, но верили, что он жив.

«Мы должны удостовериться! Если Оно умирает или вернулось, откуда пришло, где находится другая часть Оно, это прекрасно. А если Оно только ранено? Если сможет поправиться? Что...»

Пронзительный крик Стэна взорвался в его мыслях, как звон разбитого стекла. В затухающем свете Билл увидел, как одна из нитей паутины упала Стэну на плечо. Прежде чем Билл успел ему помочь, Майк броском в ноги отшвырнул Стэна в сторону. Нить упала на пол, прихватив клок рубашки Стэна.

— Уходим! — крикнул Бен всем. — Уходим отсюда. Она вся падает! — Он схватил Беверли за руку и потащил ее к дверце в стене, пока Стэн поднимался и в замешательстве оглядывался. Потом подскочил к Эдди. Вдвоем они двинулись к Бену и Беверли, помогая друг другу. В тающем свете оба выглядели, как фантомы.

Наверху паутина пришла в движение, разваливаясь, теряя наводящую ужас симметрию. Тела неторопливо поворачивались в воздухе, словно кошмарные балансиры. Перекрестья нитей выва-

ливались, как прогнившие перекладины какой-то необычной лестничной конструкции. Упавшие на каменный пол куски шипели, как кошки, теряли форму, расползались.

Майк Хэнлон прокладывал путь между ними с той же легкостью, с какой позже будет проходить оборону десятка футбольных команд других школ, наклонив голову, точными маневрами уходя от контакта. Ричи присоединился к нему. Невероятно, но Ричи хохотал, хотя волосы дыбом стояли у него на голове, словно иглы дикобраза. Свет угасал, фосфоресценция стен исчезала.

— Билл! — крикнул Майк. — Скорей к нам! Уходи оттуда!

— А если Оно не сдохло? — прокричал в ответ Билл. — Мы должны пойти за Оно, Майк! Мы должны убедиться!

Часть паутины провисла вниз, как парашют, и упала с жутким звуком: казалось, с кого-то сдирали кожу. Майк схватил Билла за руку и потащил прочь, из-под падающих кусков.

— Оно мертво! — прокричал присоединившийся к ним Эдди. Его глаза лихорадочно горели, дыхание со свистом вырывалось из груди. Падающие куски паутины оставили сложный рисунок шрамов на его гипсовой повязке. — Я слышал Оно, Оно умирало, такие звуки не издают, если собираются смыться. Оно умирало, я в этом уверен!

Руки Ричи вынырнули из темноты, схватили Билла, заключили в объятия. Он начал энергично молотить Билла по спине.

— Я тоже слышал, Большой Билл... Оно умирало, Большой Билл! Оно умирало... а ты не заикался! Совсем не заикался! Как тебе это удалось? Как, черт побери?..

Голова у Билла шла кругом. Усталость хватала его толстыми и неуклюжими руками. Он не мог вспомнить, когда ощущал такую усталость... но он помнил тягучий, почти скучающий голос Черепахи: «*Я бы довел дело до конца; не дай Оно ускользнуть... то, что ты можешь сделать в одиннадцать, потом зачастую сделать уже нельзя*».

— Но мы должны убедиться...

Тени соединяли руки, и теперь темнота стала почти что кромешной. Но прежде чем свет окончательно померк, Билл подумал, что увидел тень сомнения на лице Беверли... и в глазах Стэна. И при этом в уходящем свете он слышал неприятные шепчуще-шелестяще-ударные звуки: невообразимая паутина Оно распадалась на части.

3

Билл в пустоте — снова

— ты опять здесь, Старичок! но что случилось с твоими волосами? ты лысый как бильярдный шар! грустно! как грустно, что люди так мало живут! каждая жизнь — короткая брошюра, написанная идиотом! ай-ай-ай, и все такое...

— Я по-прежнему Билл Денбро. Ты убила моего брата, и ты убила Стэна-Супермена, и ты пыталась убить Майка. И я собираюсь тебе кое-что сказать: на этот раз я не остановлюсь, пока не доведу дело до конца...

— Черепаха был глуп, слишком глуп, чтобы лгать. Он сказал тебя правду, Старичок... такое возможно только раз, ты ранил меня... ты захватил меня врасплох. Такое никогда больше не повторится. Я позвала вас сюда. Я.

— Ты позвала, это так, но ты не единственная...

— твой друг Черепаха... он уже несколько лет как умер. Старый идиот блеванул внутри панциря и подавился до смерти галактикой или двумя. Грустно это, ты согласен? но так же и довольно странно, заслуживает упоминания в книге Рипли «Хочешь верь, хочешь — нет», *вот что я думаю, случилось это примерно в то время, когда у тебя возник тот самый писательский психологический блок*, ты, должно быть, почувствовал его уход, Старичок...*

— Этому я тоже не верю.

— но ты поверишь... ты все увидишь на этот раз, Старичок. Я постараюсь, чтобы ты увидел все, включая и мертвые огни...

Билл чувствовал, как голос Оно набирает силу, ревет и грохочет... наконец-то он в полной мере ощутил ярость Оно и пришел в ужас. Он потянулся к языку разума Оно, сосредоточиваясь, в отчаянии пытаясь вновь обрести прежнюю детскую веру, и одновременно понимая неумолимую правду слов Оно: в последний раз Оно застали врасплох. На этот... что ж, Оно подготовилось к встрече, даже если их призвал и кто-то еще.

И однако...

Он ощутил собственную ярость, чистую и звенящую, когда его взгляд уперся в глаза Оно. Он почувствовал старые шрамы Оно, по-

---

* О психологическом писательском блоке подробно рассказано в романе Стивена Кинга «Мешок с костями».

чувствовал, что они действительно чуть не убили Оно, и раны эти до сих пор ноют.

И когда Оно зашвырнуло его в черноту, когда он почувствовал, как сознание выдирают из тела, он сконцентрировался на том, чтобы ухватиться за язык Оно... и не вышло.

4
Ричи

Остальные четверо наблюдали, будто парализованные. И видели точное повторение случившегося — в их первый приход сюда. Паучиха, которая, казалось, хотела схватить Билла и подтащить к пасти, внезапно застыла. Глаза Билла не отрывались от рубиновых глаз Оно. Создавалось ощущение контакта... суть которого они не могли себе и представить. Но они чувствовали борьбу, чувствовали, как каждый из соперников стремился навязать свою волю другому.

А потом Ричи посмотрел на новую паутину и увидел первое отличие.

Тела остались такими же, как и прежде, частично съеденными и частично сгнившими... но на самом верху, в одном углу, Ричи увидел тело не только совсем свежее, но и скорее всего живое. Беверли вверх не смотрела — полностью сосредоточила внимание на Билле и Паучихе, — но Ричи, даже охваченный ужасом, отметил сходство между Беверли и женщиной в паутине. Волосы длинные и рыжие. Глаза открытые, но остекленевшие и неподвижные. Струйка слюны стекала из левого уголка рта к подбородку. Ее прицепили к одной из главных нитей с помощью паутинной упряжи. Нити охватывали талию, а потом уходили под мышки, и она висела, наклонившись в полупоклоне, со свободно болтающимися руками и ногами. Туфли на ногах отсутствовали.

Обратил внимание Ричи и еще на одно тело, уже в нижней части паутины. Этого мужчину он никогда раньше не видел... но его разум почти на подсознательном уровне уловил схожесть этого мужчины с недавно почившим (о чем, однако, никто не жалел) Генри Бауэрсом. Кровь выплеснулась из обоих глаз незнакомца и окрасила пену вокруг его рта и на подбородке. Он...

И тут Беверли закричала:

— Что-то не так! Что-то пошло не так, сделайте что-нибудь, ради бога, неужели никто не может что-нибудь СДЕЛАТЬ...

Взгляд Ричи метнулся к Биллу и Паучихе... и он почувствовал/услышал чудовищный смех. Лицо Билла неуловимо вытянулось. Кожа стала пергаментно-желтоватой, блестящей, как у глубокого старика. Глаза закатились, между веками остались только белки.

«Ох, Билл, где ты?»

И на глазах Ричи кровь внезапно хлынула, пузырясь, из носа Билла. Его губы дергались в попытке закричать... и теперь Паучиха снова приближалась к нему. Наклонялась, нацеливая жало.

«Оно собирается его убить... во всяком случае, убить его тело... пока его разум где-то еще. То есть навсегда оставить его разум блуждать. Оно побеждает... Билл, где ты? Ради бога, где ты?»

И откуда-то из невообразимого далека до него донесся очень слабый крик Билла... и звуки, хотя и бессвязные, начали собираться в слова, полные

(*Черепаха мертв Господи Черепаха мертв*)

отчаяния.

Бев закричала снова и приложила руки к ушам, будто для того, чтобы заглушить этот затихающий голос. Жало Паучихи поднялось, и Ричи рванулся к Оно, губы его разошлись в широченной, чуть ли не до ушей, улыбке, и он заговорил своим лучшим Голосом ирландского копа:

— Постой, постой, моя милая девочка! И что это, по-твоему, ты делаешь? Отстань от *этого мальчика, а не то я задеру твои нижние* юбчонки и отшлепаю по попке!

Паучиха перестала смеяться, и Ричи почувствовал поднимающийся вал злости и боли в голове Оно. *«Я причинил боль Оно!* — торжествующе подумал он. — *Причинил боль, как насчет этого, причинил боль Оно, и знаете что? Я УХВАТИЛ ЯЗЫК ОНО! У БИЛЛА ПОЧЕМУ-ТО НЕ ВЫШЛО, И КОГДА ОНО ОТВЛЕКЛОСЬ, Я...»*

А потом под крики Оно (в голове Ричи они звучали жужжанием разъяренного пчелиного роя) Ричи вышвырнули из собственного тела в черноту, и он смутно отдавал себе отчет в том, что Оно пытается стряхнуть его, освободить свой язык. И у Оно получалось очень даже неплохо. Ужас волной прокатился по нему и сменился ощущением вселенской глупости. Он вспомнил Беверли с его йо-йо, показывающую ему, как заставить йо-йо «уснуть», выгулять со-

бачку, облететь вокруг света. Теперь же он, Ричи, превратился в человека-йо-йо, а язык Оно стал нитью. Теперь с ним выполнялся некий трюк, и назывался он не «выгулять собачку», но, возможно, «выгулять Паучиху», и разве это не смешно, а?

Ричи рассмеялся. Невежливо это, смеяться с полным ртом, но он сомневался, что в здешних краях кто-нибудь читал книги по этикету мисс Маннерс. Ричи засмеялся снова, еще громче.

Паучиха кричала и отчаянно трясла его, кипя от злости: Оно снова застали врасплох. Еще бы, Оно верило, что вызов ему может бросить только писатель, а теперь этот человек, смеющийся, как безумный мальчишка, вцепился в язык, когда Оно менее всего этого ожидало.

Ричи почувствовал, что он соскальзывает.

— секундочку терпения, сеньоррита, мы пойдем туда вместе, а не то я не прродам вам никаких лотеррейных билетиков, а каждый из них с большим выигррышем, клянусь именем матерри.

Он почувствовал, что его зубы вновь вцепились в язык Паучихи, теперь еще сильнее. Но ощутил и дикую, быстро приближающуюся боль, когда Оно вогнало свои клыки уже в его язык. И все-таки это было ужасно смешно. Даже в черноте, мчась следом за Биллом, связанный с собственным миром одной только ниточкой — языком невообразимого монстра, даже с застилающим голову красным туманом, вызванным болью от укусов клыков монстра, все это было чертовски смешно. Гляньте сами, господа хорошие, и убедитесь, что диджей может летать.

И он летел, именно так.

Никогда Ричи не попадал в такую черноту, даже не подозревал, что она может существовать, а теперь летел сквозь нее, как ему казалось, со скоростью света, и при этом его трясли, как терьер трясет пойманную крысу. Он почувствовал, что впереди что-то есть, какой-то исполинский труп. Черепаха, о котором Билл упомянул затихающим голосом? Должно быть. Он увидел только панцирь, мертвую оболочку. И пролетел мимо, уносясь все дальше в черноту.

«Действительно набрал крейсерскую скорость», — подумал Ричи, и вновь ему захотелось посмеяться.

— Билл, Билл, ты слышишь меня?

— его нет, он в мертвых огнях, отпусти меня! ОТПУСТИ МЕНЯ!

(Ричи?)

Невероятно далеко. Невероятно далеко в этой черноте.

— Билл! Билл! Я здесь! держись! ради бога, держись!

— он мертв, вы все мертвы, ты слишком старый, неужели не понимаешь? А теперь отпусти МЕНЯ!

— эй, сука, рок-н-роллу все возрасты покорны.

— ОТПУСТИ МЕНЯ!

— доставь меня к нему и я, возможно, отпущу.

— Ричи

ближе, он уже ближе, слава богу...

— Я иду, Большой Билл! Ричи спешит на помощь! Собираюсь спасти твой отбитый зад! Я у тебя в долгу с того дня на Нейболт-стрит, помнишь?

— отпусти МЕН-Я-Я-Я-Я!

Теперь Оно корчилось от боли, и Ричи понимал, что Оно никак от него такого не ожидало: пребывало в полной уверенности, что нет другого соперника, кроме Билла. Что ж, хорошо. Промашка вышла. Ричи не собирался убивать Оно прямо сейчас, не было у него абсолютной уверенности в том, что Оно можно убить. Но Билл мог погибнуть, и Ричи чувствовал, что времени на спасение Билла остается всего ничего. Билл стремительно приближался к какому-то малоприятному местечку, к чему-то такому, о чем не хотелось даже думать.

— Ричи, нет! Возвращайся! Тут край всего! Мертвые огни!

— разве можно повернуть, если едешь на катафалке в полночь, сеньорр... и где ты, сладкое дитя? Улыбнись, чтобы я мог увидеть, где ты!

И внезапно... Билл, вот он, летел рядом,

(*справа, слева, здесь привычных ориентиров не было*)

с одной стороны или с другой. А впереди Ричи углядел/почувствовал нечто быстро приближающееся, и уж тут его смех как ветром сдуло. Это был барьер такой странной, негеометрической формы, что разум Ричи не мог его воспринять. Вместо этого разум представил себе барьер в доступных ему образах, точно так же, как представил себе Оно в образе Паучихи, и позволил Ричи увидеть этот барьер в виде колоссального серого забора, сделанного из окаменелых деревянных штакетин. Штакетины эти уходили вверх и вниз, словно прутья клетки. А между ними сиял ослепительный свет. Сиял и двигался, улыбался и рычал. Свет жил.

(*мертвые огни*)

Больше, чем жил: его наполняла сила — магнетизм, притяжение, может, и что-то еще. Ричи чувствовал, как его поднимает и опускает, закручивает и тянет, словно он преодолевал пороги, сидя на надутой автомобильной камере. Он чувствовал, как свет с любопытством движется по его лицу... и свет обладал разумом.

Это Оно, это Оно, остальная часть Оно.

— отпусти меня, ты обещал, что ОТПУСТИШЬ меня...

— Я знаю, но иногда, сладенькая, я лгу. Моя мамочка била меня за это, но мой папуля, он решил просто не обращать...

Он чувствовал, что Билла, кувыркающегося, вращающегося, тащит к одному из зазоров между штакетинами, чувствовал злые пальцы света, расстояние до которых неумолимо сокращалось, и в последнем отчаянном усилии попытался дотянуться до своего друга.

— Билл! Руку! Дай мне руку! ТВОЮ РУКУ, ЧЕРТ ПОБЕРИ, ТВОЮ РУКУ!

Рука Билла рванулась к нему, пальцы сжимались и разжимались, живой огонь играл и переливался на обручальном кольце Одры, рисуя рунические, мавританские узоры — колеса, полумесяцы, звезды, свастики, переплетенные кольца, которые соединялись, образуя цепи. Тот же свет играл и на лице Билла, и казалось, что оно покрыто татуировками. Ричи вытянулся насколько мог, слыша, как кричит и воет Оно.

(*мне его не достать дорогой Боже мне его не достать он проскочит барьер*)

Потом пальцы Билла сомкнулись с пальцами Ричи, и тот сжал руку в кулак. Ноги Билла влетели в зазор между штакетинами, и на одно безумное мгновение Ричи осознал, что видит все кости, вены и капилляры, словно ноги Билла попали в самую мощную рентгеновскую установку вселенной. Ричи почувствовал, как мышцы его руки растянулись, словно ириска, почувствовал, как трещит и стонет плечевой сустав, протестуя против такой дикой перегрузки.

Он собрал всю свою силу и закричал: «Тащи нас назад! Тащи нас назад, а не то я тебя убью! Я... заговорю тебя до смерти!»

Паучиха закричала вновь, и Ричи почувствовал, как крепкая удавка оплела его тело. Рука превратилась в раскаленный стержень боли. Рука Билла начала выскальзывать из его руки.

— Держись крепче, Большой Билл.

— Держусь! Ричи, держусь!

«И тебе лучше держаться, — мрачно подумал Ричи, — *потому что, думаю, здесь ты можешь отшагать десять миллиардов миль и не найти ни одного гребаного платного туалета»*.

Их тащило назад, безумный свет мерк, превращаясь в россыпь точечных огоньков, которые со временем тоже погасли. Они неслись сквозь черноту, как торпеды. Ричи держался за язык Оно зубами и за запястье Билла рукой, которую не отпускала боль. Появился Черепаха: появился и в мгновение ока исчез.

Ричи чувствовал, что они приближаются к тому, что проходило за реальный мир (хотя Ричи полагал, что больше никогда не сможет думать об этом мире как о «реальном» и будет воспринимать его как некую ловкую картинку, которая приводится в движение множеством кабелей, скрытых задником... кабелей, похожих на главные нити паутины). «Но с нами теперь все будет в порядке, — думал Ричи. — Мы вернемся. Мы...»

Опять началась болтанка — их бросало, трясло, швыряло из стороны в сторону. Оно в последний раз пыталось оторвать их от языка и оставить Вовне. И Ричи ощутил, что его хватка слабеет. Услышал гортанный, триумфальный рев Оно и сосредоточился на том, чтобы удержаться... но продолжал соскальзывать. Отчаянно цеплялся зубами, но язык Оно, казалось, терял плотность и материальность — превращался в паутинку.

— Помогите! — прокричал Ричи. — Я не могу удержаться! Помогите! Кто-нибудь, помогите нам!

S
Эдди

Эдди лишь отчасти отдавал себе отчет в том, что происходит; что-то чувствовал, что-то видел, но словно сквозь кисейный занавес. Билл и Ричи боролись изо всех сил, чтобы вернуться. Их тела оставались здесь, но все остальное — их сущность — находилось где-то далеко-далеко.

Он видел, как Паучиха повернулась, чтобы пронзить Билла жалом, и тогда Ричи побежал к Оно, начал орать этим нелепым Голосом ирландского копа, к которому он прибегал в те далекие годы... только за прошедшее время Ричи достиг немалых успехов,

потому что теперь Голос практически не отличался от голоса мистера Нелла.

Паучиха повернулась к Ричи, и Эдди увидел, как ее жуткие красные глаза выпучиваются из орбит. Ричи закричал снова, на этот раз Голосом Панчо Ванильи, и Эдди ощутил, как Паучиха завопила от боли. Бен хрипло вскрикнул, когда разрез появился на теле Оно, протянулся вдоль одного из старых шрамов. Поток жижи, черной, как сырая нефть, хлынул из разреза. Ричи хотел сказать что-то еще... и его голос начал стихать, как у певца в конце песни. Голова его запрокинулась, глаза уставились в глаза Оно. Паучиха вновь застыла.

Время шло... Эдди не мог сказать, сколько его утекло. Ричи и Паучиха смотрели друг на друга. Эдди чувствовал связь между ними, чувствовал ураган слов и эмоций, бушующий где-то вдалеке. Он не мог понять, что именно там происходит, но ощущал накал событий.

Билл лежал на полу, из носа и ушей шла кровь, пальцы подергивались, длинное лицо побледнело, глаза оставались закрытыми.

Паучиха уже кровоточила в четырех или пяти местах, тяжело раненая, но еще очень даже живая, а потому опасная, и Эдди подумал: «*Почему мы просто стоим? Мы могли бы добить эту тварь, пока она не может оторвать глаз от Ричи! Почему никто не шевельнется, черт побери?*»

Он ощутил дикую радость — и чувство это было более резким и... близким. «*Они возвращаются!* — хотел закричать он, — но рот слишком пересох, а горло слишком сжало. — *Они возвращаются!*»

Потом голова Ричи начала медленно поворачиваться из стороны в сторону. Тело под одеждой вдруг затряслось. Очки сползли на кончик носа, на мгновение зависли... упали и разбились о каменный пол.

Паучиха шевельнулась, ее лапы, покрытые жесткой шерстью, сухо застучали по полу. Эдди услышал крик жуткого торжества, а мгновением позже в его голову ворвался голос Ричи:

(*помогите! я не могу удержаться! помогите! кто-нибудь, помогите нам!*)

Тут Эдди побежал к Паучихе, здоровой рукой выхватывая из кармана ингалятор, его губы растянулись в гримасе, воздух со свис-

том и болью проходил по гортани, которая, судя по ощущениям, сузилась до игольного ушка. Внезапно перед ним возникло лицо матери, и она закричала: «Не подходи к этой твари, Эдди! Не приближайся к Оно! От таких тварей можно подхватить рак!»

— Заткнись, мама! — прокричал Эдди высоким, пронзительным голосом — никаким другим просто бы не смог. Голова Паучихи повернулась на этот звук. Глаза Оно на мгновение оторвались от глаз Ричи.

— На тебе! — провопил Эдди остатками голоса. — На, получи!

Он прыгнул на Оно, одновременно нажимая на клапан ингалятора, и на мгновение детская вера в лекарство вернулась к нему, вера, что лекарство может решить все проблемы, что оно улучшит тебе настроение, если тебя отколошматили большие парни, или помяли в давке у двери, когда все хотели поскорее покинуть школу, или когда ты сидел рядом со стоянкой у гаража братьев Трекеров и только смотрел, как играют другие, потому что мать не разрешала играть в бейсбол. Это было хорошее лекарство, сильное лекарство, и, прыгая в морду Паучихи, ощущая зловонное дыхание Оно, чувствуя, как его сокрушает направленная на них ярость Оно, желание уничтожить их всех, он пустил струю из ингалятора в рубиновый глаз.

Почувствовал-услышал крик Оно — уже не ярости, а только боли, вопль дикой боли. Увидел капельки, рассыпавшиеся по этой кроваво-красной выпуклости, увидел, как капельки становятся белыми, увидел, как они разъедают поверхность глаза (так разъела бы ее карболовая кислота), увидел, как гигантский глаз начинает опадать, будто взбитый кровавый яичный белок, и из него бежит отвратительный поток крови и гноя.

— Возвращайся, Билл! — крикнул Эдди напоследок, и ударил Оно, почувствовал жар Оно, почувствовал влажное тепло и понял, что его здоровая рука проскочила в пасть Паучихи.

Снова нажал на клапан ингалятора, теперь пустив струю в горло, в вонючий пищевод, и тут же пришла внезапная, ослепляющая боль, резкая, как падение тяжелого ножа: челюсти Оно сомкнулись и отхватили руку Эдди у плеча.

Эдди, с хлещущей из обрубка руки кровью, упал на пол, смутно осознавая, что Билл поднимается, а Ричи, качаясь из стороны в сторону и спотыкаясь, бредет к нему, как пьяница на исходе долгой ночи.

— ...Эдс...

Издалека. Не важно. Он чувствовал, как все уходит из него вместе с потоком крови... ярость, боль, страх, сумбур и обида. Он полагал, что умирает, но ощущал... ах, Господи, ощущал такое просветление, такую чистоту... казался себе только что вымытым окном, которое пропускает весь восхитительно-пугающий свет внезапно наступившего дня; этот свет, о Боже, этот совершенно естественный свет, который каждую секунду, появляется на горизонте, если не в одном, то в другом месте.

— ...эдс боже мой билл бен кто-нибудь он остался без руки его...

Он посмотрел вверх, на Беверли, и увидел, что она плачет, слезы текли по ее грязным щекам, когда она подсовывала под него руку; он обратил внимание, что она сняла блузку и теперь пыталась остановить поток крови, и что она кричала, зовя на помощь. Потом он посмотрел на Ричи и облизнул губы. Слабость, нарастала слабость. Он становился все чище и чище, опорожняясь, все инородное вытекало из него, вот он и становился чище, и свет мог проходить сквозь него, и, будь у него достаточно времени, он мог бы прочитать проповедь на сей счет, поделиться своим знанием. «*Не плохо*, — начал бы он. — *Это совсем не плохо*». Но сначала ему хотелось сказать другое.

— Ричи, — прошептал он.

— Что? — Ричи стоял на четвереньках, в отчаянии глядя на него.

— Не зови меня Эдс, — ответил Эдди и улыбнулся. Медленно поднял левую руку и коснулся щеки Ричи. — Ты знаешь, я... я... — Эдди закрыл глаза, думая, как закончить фразу, и, пока думал об этом, умер.

6

Дерри — 7:00–9:00

К семи утра скорость ветра в Дерри достигла тридцати семи миль в час, а при отдельных порывах увеличивалась до сорока пяти. Гарри Брукс, представитель Национальной метеорологической службы в международном аэропорту Бангора, позвонил в штаб-

квартиру НМС в Огасте. Ветер дует с запада, сообщил он, образуя странный полукруг... раньше ему такого видеть не доводилось... выглядит, как ураган местного значения, практически полностью бушующий в административных границах Дерри. В 7:10 все основные радиостанции Бангора передали первое штормовое предупреждение. Взрыв трансформатора у гаража «Трекер бразерс» обесточил часть Дерри, которая, относительно Пустоши, находилась по другую сторону Канзас-стрит. В 7:17 уже в Олд-Кейп с оглушительным треском рухнул старый клен, раздавив магазинчик «Ночная сова» на углу Мерит-стрит и Кейп-авеню. Пожилого покупателя, Раймонда Фогарти, убило свалившимся на него холодильным шкафом с пивом. В октябре 1957 года Раймонд Фогарти, тогда священник Первой методистской церкви Дерри, отпевал Джорджа Денбро. Клен также оборвал достаточно проводов, чтобы оставить без электричества и Олд-Кейп, и более модный район Шербурн-Вудс, расположенный чуть дальше. Часы на церкви Благодати не отбивали ни шесть часов, ни семь. В 7:20, через три минуты после того, как рухнул клен, и через час пятнадцать минут после внезапного выплеска нечистот из унитазов Олд-Кейпа, часы на церкви Благодати пробили тринадцать раз. А через минуту голубовато-белая молния ударила в шпиль. Хитер Либби, жена священника, так уж вышло, в тот самый момент выглянула в окно на кухне и сказала, что «шпиль взорвался, будто его начинили динамитом». Выкрашенные белым доски, обломки балок, швейцарская часовая машинерия полетели вниз, остатки шпиля загорелись, но дождь, точнее, тропический ливень, быстро затушил огонь. Улицы, ведущие вниз по склонам холмов к центру города, превратились в бурлящие реки. Рев воды в подземной части Канала, под Главной улицей, заставлял людей тревожно переглядываться. В 7:25, когда оглушающий грохот падения шпиля Баптистской церкви Благодати еще отдавался по всему Дерри, уборщик, который приходил в «Источник Уоллиса» каждое утро, за исключением воскресенья, чтобы вымыть пол, увидел нечто, заставившее его с криком выбежать на улицу. Этот парень, ставший хроническим алкоголиком одиннадцатью годами раньше, когда окончил первый семестр в университете Мэна, получал за свою работу, если говорить о деньгах, сущие гроши. Настоящая зарплата по молчаливой договоренности состояла в его праве выпить хоть все пиво, которое оставалось с вечера в бочонках за стойкой. Ричи Тозиер мог вспомнить уборщика (а мог и не

вспомнить); звали его Винсент Карузо Талиендо, но, когда он учился в пятом классе, его больше знали как Козявку Талиендо. И когда он мыл пол в то апокалиптическое утро, подходя все ближе и ближе к стойке бара, прямо у него на глазах все семь кранов, три — «Будвайзера», два — «Наррагансетта», один — «Шлица» (известного поддатым завсегдатаям «Уоллиса» как «Слитс») и один — «Миллер лайт», наклонились вперед, словно их потянули невидимые руки, а в следующее мгновение из них хлынули струи золотисто-белой пены. Винс рванул к стойке, не думая о призраках или фантомах. Его беспокоило другое: утренний заработок утекал псу под хвост. А потом резко остановился, глаза Винса округлились, крик ужаса огласил пустынную, пропахшую пивом пещеру «Источника Уоллиса». Пиво уступило место крови. Она пузырилась в хромированных раковинах, перехлестывала через край, стекала вниз по стойке бара. А из кранов лезли волосы и куски плоти. Козявка Талиендо наблюдал за этим действом как зачарованный, не мог даже набрать в грудь воздуха, чтобы снова закричать. Потом послышался глухой удар: взорвался один из бочонков, что стояли за стойкой. Дверцы всех шкафчиков в баре распахнулись. Повалил зеленоватый дым, как после какого-нибудь циркового фокуса. Козявка решил, что с него хватит. С криком выбежал на улицу, превратившуюся в неглубокий канал. Плюхнулся на задницу, вскочил, в ужасе обернулся. Одно из окон бара со звоном разлетелось вдребезги, словно разбитое пулями. Осколки засвистели вокруг головы Винса. Мгновением позже разлетелось второе окно. Вновь каким-то чудом его не задело... и он тут же понял, что пришла пора навестить сестру, которая жила в Истпорте. Тотчас отправился в путь, и путешествие Винса по Дерри и из него потянуло бы на отдельную сагу... но скажем лишь, что в конце концов из города он выбрался. Другим повезло меньше. Алозиус Нелл, которому не так давно исполнилось семьдесят семь, сидел вместе с женой в гостиной их дома на Стрефэм-стрит, наблюдая, как гроза бушует над Дерри. В 7:32 у него случился инфаркт. Неделей позже его жена рассказала брату, что Алозиус уронил кофейную чашку на ковер, выпрямился, глаза его широко раскрылись, и он закричал: *«Постой, постой, моя милая девочка! И что это, по-твоему, ты делаешь? Отстань от этого мальчика, а не то я задеру твои нижние юбч...»* — потом упал со стула и раздавил собой кофейную чашку. Морин Нелл, которая хорошо знала, как барахлило его сердце в последние три года, сразу поняла, что для него все кончено, и, расслабив мужу узел галстука,

побежала к телефону, чтобы позвонить отцу Макдоуэллу. Но телефон не работал. Из трубки шел звук, напоминающий вой полицейской сирены. И хотя Морин чувствовала, что, возможно, совершает святотатство, за которое ей потом придется держать ответ перед святым Петром, она попыталась сама совершить над мужем последние обряды. Морин не сомневалась, как потом она сказала брату, что Бог ее поймет, даже если святой Петр — нет. Алозиус был хорошим человеком и хорошим мужем, а если и пил слишком много, так это давала о себе знать ирландская кровь. В 7:49 несколько взрывов потрясли Торговый центр Дерри, построенный на месте Металлургического завода Китчнера. Никто не погиб; центр открывался в 10:00, а бригада из пяти уборщиков обычно прибывала к 8:00 (и в такое утро, если б и прибыла, то наверняка не в полном составе). Детективы, которые потом проводили расследование, идею террористического акта отвергли. Они предположили — очень обтекаемо, — что причиной взрывов послужило проникновение воды в систему электроснабжения Торгового центра. Но какой бы ни была причина, о покупках в Торговом центре жители Дерри могли забыть надолго. Один взрыв полностью уничтожил ювелирный магазин Зейла. Кольца с бриллиантами, браслеты с золотыми пластинами, жемчужные ожерелья, обручальные кольца и электронные часы «Сейко» разлетелись в разные стороны градом сверкающих побрякушек. Музыкальный автомат пролетел весь восточный коридор и приземлился в фонтан у магазина «Джей. К. Пенни», где исполнил пузырящуюся интерпретацию главной темы из «Истории любви», прежде чем замолкнуть навсегда. Тот же взрыв пробил дыру в кафе «Баскин-Роббинс», соединив тридцать один сорт мороженого в один густой суп, который ручейками растекся по полу. Взрыв, который прогремел в «Сирсе», сорвал часть крыши, а поднявшийся ветер подхватил ее, как воздушного змея, и протащил тысячу ярдов, пока крыша не срезала верхушку силосной башни фермера, которого звали Брент Килгаллон. Шестнадцатилетний сын фермера выбежал из дома с «кодаком» матери и сфотографировал результат. «Нэшнл энкуайер» заплатил за эту фотографию шестьдесят долларов, на которые мальчишка купил новые шины для своего мотоцикла «ямаха». Третий взрыв разнес магазин женской одежды «Покупай-или-проиграешь». Горящие юбки, джинсы и нижнее белье разлетелись по залитой водой автомобильной стоянке. Последний взрыв прогремел в расположенном в Торговом

центре отделении «Дерри фармерс траст». И тут отлетела часть крыши. Взвыла сирена охранной сигнализации и не умолкала четыре часа, пока подъехавшие электрики не отключили автономную линию подвода электроэнергии. Ссудные контракты, банковские документы, депозитные расписки, счета, бланки поднялись в небо и улетели, подхваченные ветром. И деньги: по большей части десятки и двадцатки, но хватало и пятерок, и купюр в пятьдесят и сто долларов. Банковские служащие говорили, что потери составили чуть больше семидесяти пяти тысяч долларов. Позже, после массовой перетряски руководства (и весомой помощи ФКССС А*), некоторые признавали — исключительно в частных беседах, неофициально, — что ветром унесло более двухсот тысяч долларов. Ребекка Полсон из Хейвен-Виллидж нашла купюру в пятьдесят долларов, трепыхающуюся на коврике у двери черного хода, две двадцатки в курятнике и сотенную, прилепившуюся к стволу дуба на ее заднем дворе. Они с мужем использовали эти деньги, чтобы внести два взноса за купленный в кредит снегоход «Бомбардье-Скиду». Доктор Хейл, вышедший на пенсию врач, который жил на Западном Бродвее почти пятьдесят лет, погиб в 8:00. Доктор Хейл хвалился, что из этих пятидесяти лет последние двадцать пять он ежедневно совершал двухмильную прогулку от своего дома на Западном Бродвее до Дерри-парк и обратно. Ничто не могло его остановить, ни ветер, ни дождь, ни град, ни снег, ни ледяной вихрь с северо-запада, ни мороз. Отправился он на прогулку и 31 мая, несмотря на то что экономка всячески пыталась его отговорить. Последние слова в этом мире он произнес, обернувшись, когда выходил за дверь, натягивая шляпу на уши: «Нельзя быть такой глупой, Хильда. Подумаешь, с неба что-то капает. Если б ты жила здесь в пятьдесят седьмом, то знала бы, что такое настоящая гроза!» И едва доктор Хейл вышел на улицу, крышка смотрового колодца перед домом Мюллеров внезапно отделилась от земли, как полезная нагрузка ракеты «Редстоун»**. Крышка так быстро и аккуратно отсекла голову доброму доктору, что он прошел еще три шага, прежде чем мертвым рухнул на тротуар. А ветер все усиливался.

---

* ФКССС А/FSLIK (Federal Saving and Loan Insurance Corporation) — Федеральная корпорация страхования ссудно-сберегательных ассоциаций; федеральное ведомство, страхующее депозиты в сберегательных институтах-членах (создано в 1934 г., ликвидировано в 1989 г.).

** «Редстоун» — одна из первых американских ракет с атомной боеголовкой.

7

Под городом – 16:15

Эдди водил их по темным тоннелям час, может, и полтора, прежде чем признал, тоном более недоуменным, чем испуганным, что впервые в жизни заблудился.

Они слышали шум воды в дренажных коллекторах, но акустике в этих тоннелях доверять не следовало, поэтому никто не мог сказать, где находится источник шума, впереди или сзади, над головой или под ногами. Спички закончились. Они заблудились в темноте.

Билл испугался... очень испугался. Он вспомнил разговор с отцом в его мастерской. «*Примерно девять фунтов чертежей бесследно исчезли... Я хочу, чтобы ты это себе уяснил — никто не знает, куда и зачем идут все эти чертовы тоннели и трубы. Когда они работают, никому нет до этого дела. Когда не работают, троим или четверым бедолагам из департамента водоснабжения приходится выяснять, какой насос залило или в каком тоннеле образовалась пробка... Внизу темно, воняет, и там крысы. Этого уже достаточно для того, чтобы не лезть туда, но есть и еще одна, более веская причина — в дренажной системе можно заблудиться. Такое уже случалось...*»

Такое уже случалось. Такое уже случалось. Это случилось с...

Конечно, случилось. *Тому свидетельство, к примеру, груда костей в рабочей одежде, мимо которой они прошли по пути к логову* Оно.

Билл почувствовал, как в душе поднимается *паника, и погнал* ее вглубь, под замок. Это ему удалось, но не без труда. Он чувствовал ее: паника дергалась и извивалась, словно живое существо, готовая в любой момент вырваться из заточения. Ко всему прочему не давал покоя и еще один вопрос: убили они Оно или нет? Ричи считал, что да, и Майк, и Эдди тоже. Но ему не нравилось сомнение на лице Бев и Стэна, которое он заметил перед тем, как свет окончательно угас и они ретировались через маленькую дверцу. Подальше от падающей паутины.

— И что нам теперь делать? — спросил Стэн.

Билл уловил в голосе Стэна испуганную дрожь маленького мальчика и знал, что вопрос адресован именно ему.

— Да, — сказал Бен. — Что? Черт, жаль, у нас нет фонарика... или хотя бы све... свечки. — Биллу показалось, что он услышал сдавленное рыдание, заставившее Бена запнуться на последнем слове. И это напугало его больше всего. Бен бы очень удивился, услышав такое, но Билл полагал, что толстяк — парень крепкий и находчивый, даже покрепче Ричи, не говоря уже о Стэне. И если ситуация такова, что даже Бен может сломаться, тогда их дела совсем плохи. Но перед мысленным взором Билла снова и снова возникал не скелет рабочего городского департамента, а Том Сойер и Бекки Тэтчер, заблудившиеся в пещере Макдугала. Билл отталкивал этот образ, но он по-прежнему возвращался.

Его тревожило и кое-что еще, но усталый мозг мальчика не мог проанализировать эту слишком уж большую и неопределенную идею. Возможно, из-за своей простоты идея постоянно от него ускользала: они удалялись друг от друга. Связь, благодаря которой они все лето являли собой единое целое, слабела. Они сошлись с Оно лицом к лицу и победили. Оно, возможно, умерло, как считали Ричи и Эдди, или получило такие тяжелые ранения, что улеглось спать на сто, или тысячу, или десять тысяч лет. Они предстали перед Оно, увидели Оно без маски и, пусть Оно выглядело жутко, — кто бы сомневался! — от вида Оно никто не умер, а потому Оно лишили едва ли не самого мощного оружия. В конце концов, все они видели пауков. Чуждых людям ползающих тварей, и Билл точно знал, что отныне любой из них, увидев паука,

(*если мы отсюда выберемся*)

обязательно содрогнется от отвращения. Но паук оставался всего лишь пауком. Возможно, по большому счету, когда все маски ужаса сброшены, нет ничего такого, что не смог бы воспринять человеческий разум. Эта мысль бодрила. За исключением,

(*мертвые огни*)

пожалуй, того, что находилось там, далеко, но, возможно, даже этот невообразимый живой огонь, который обосновался у входа в метавселенную, умер или умирал. Мертвые огни и само путешествие в черноте уже затуманилось и вспоминалось с трудом. Да и не имело это значения. А что имело значение, — Билл это чувствовал, но не осознавал — так это развал их дружбы... их дружба разваливалась, а они по-прежнему оставались в темноте. Другой действовал посредством их дружбы, возможно, сумел превратить их в нечто

большее, чем просто детей. Но теперь они вновь становились детьми. Билл это чувствовал, так же, как и остальные.

— Что теперь, Билл? — спросил Ричи, наконец-то высказав общее мнение.

— Я н-не з-з-знаю, — ответил Билл. Заикание вернулось, такое же, как и прежде. Он его слышал, они слышали, и Билл стоял в темноте, вдыхая сырой запах их нарастающей паники, гадая, сколько пройдет времени, прежде чем кто-то — Стэн, вероятнее всего Стэн — не спросит в лоб: «*А почему ты не знаешь? Ты нас в это втянул!*»

— А где Генри? — с тревогой спросил Майк. — Все еще здесь или как?

— О господи! — скорее простонал, чем сказал Эдди. — Я про него забыл. Конечно, он здесь, конечно, здесь, наверняка заблудился, как и мы, и мы можем в любой момент наткнуться на него... Оосподи, Билл, у тебя нет никаких идей? Твой отец тут работает. У тебя совсем нет идей?

Билл прислушивался к далекому насмешливому шуму воды и пытался отыскать в голове ту самую идею, которую Эдди — да и все остальные — имел право требовать. Потому что, да, он привел их сюда и должен их отсюда вывести. Но в голову ничего не приходило. Ни-че-го.

— У меня есть идея, — подала голос Беверли.

В темноте Билл услышал звук, который не смог определить. Тихий, шелестящий звук — не пугающий. За ним последовал другой, и этот определился сразу: расстегиваемая молния. «Что?..» — подумал он и тут же понял. Она раздевалась. По какой-то причине Беверли раздевалась.

— Что ты делаешь? — спросил Ричи, и от изумления его голос на последнем слове дал петуха.

— Я кое-что знаю, — ответила Беверли в темноте, и Биллу показалось, что она, если судить по голосу, вдруг стала старше. — Я знаю, потому что мне сказал отец. Я знаю, как снова связать нас воедино. А если этой связи не будет, нам отсюда не выбраться.

— Какой связи? — В голосе Бена слышались недоумение и ужас. — О чем ты говоришь?

— О том, что соединит нас навсегда. Покажет...

— Н-н-нет, Бе-е-еверли! — Билл внезапно понял, понял все.

— ...покажет, что я люблю вас всех, — продолжила Беверли, — что вы все мои друзья.

— Что она такое го... — начал Майк.

Ровным, спокойным голосом Беверли перебила его.

— Кто первый? — спросила она. — Думаю...

8

В логове Оно — 1985 г.

...он умирает. — Беверли плакала. — Его рука, Оно сожрало его руку. — Она потянулась к Биллу, приникла к нему, но Билл ее оттолкнул.

— Оно опять уходит! — проревел он. Кровь запеклась на губах и подбородке. — По-ошли! Ричи! Бе-е-ен! На э-этот раз мы до-олжны п-прикончить ее!

Ричи развернул Билла к себе, посмотрел как на буйно помешанного.

— Билл, мы должны помочь Эдди. Перетянуть жгутом руку, вытащить его отсюда.

Но Беверли уже положила голову Эдди себе на колени и закрыла ему глаза.

— Идите с Биллом. Если выяснится, что из-за вас он умер зазря, если Оно вернется еще через двадцать пять лет, или через пятьдесят, или через тысячу, клянусь, я... я не дам покоя вашим душам. Идите!

Какое-то мгновение Ричи неуверенно смотрел на нее. Потом обратил внимание, что ее лицо начинает терять четкие очертания. Расплывается, становится белым пятном в сгущающихся тенях. Свет мерк. Этот фактор и стал решающим.

— Хорошо. — Он повернулся к Биллу: — На этот раз мы доведем дело до конца.

Бен стоял у паутины, которая вновь начала разваливаться. Он тоже заметил тело, подвешенное под самым потолком, и молил Бога, чтобы Билл не посмотрел вверх.

Но когда первые куски нитей начали падать на пол, Билл вскинул голову.

Он увидел Одру, которая словно опускалась вниз в очень старом, скрипящем лифте. Падала на десять футов, останавливалась, раскачиваясь из стороны в сторону, потом резко падала еще на пятнадцать. Ее лицо не менялось. Глаза, фарфорово-синие, оставались широко раскрытыми. Босые ноги качались взад-вперед, как маятники. Волосы рассыпались по плечам. Рот приоткрылся.

— ОДРА! — закричал он.

— Билл, пошли! — позвал Бен.

Паутина разваливалась над ними, с грохотом падала на пол, начинала распадаться. Ричи внезапно обхватил Билла за пояс и подтолкнул вперед, уводя из-под провисшей паутины, которую в некоторых местах отделяли от пола какие-то десять футов.

— Пошли, Билл! Пошли! Пошли!

— Это Одра! — в отчаянии крикнул Билл. — Э-это ОДРА!

— Мне насрать, даже если это Папа Римский, — мрачно ответил Ричи. — Эдди мертв, *и мы должны убить Оно, если Оно до сих* пор живо. На этот раз мы должны довести дело до конца, Большой Билл. Или она жива, или нет. А теперь, пошли.

Билл помедлил еще с мгновение, а потом лица детей, мертвых детей, пронеслись перед его мысленным взором, как фотографии из альбома Джорджа. «ШКОЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ».

— Хо-о-орошо. По-ошли. Б-Бог меня п-простит.

Он и Ричи пробежали под провисшей паутиной, прежде чем она рухнула, и присоединились к Бену, который еще раньше вышел на более безопасное место. *Они побежали за Оно, а Одра тем вре*менем продолжала раскачиваться в пятидесяти футах над каменным полом, в коконе, подвешенном к разваливающейся паутине.

9
Бен

Они пошли по следу черной крови Оно — маслянистым лужицам гноя, который убегал в щели между плитами. А когда пол начал подниматься к полукруглому черному отверстию в дальнем конце каверны, Бен увидел и кое-что новое: череду яиц. Черных, с жесткой оболочкой, размерами не уступающих страусиным. Из них

шел матовый свет. Бен понял, что оболочка полупрозрачная. Видел, как внутри шевелится что-то черное.

«Детеныши Оно, — подумал он и почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. — *У Оно выкидыш. Боже! Боже!»*

Ричи и Билл остановились, тупо, ошарашено уставились на яйца.

— Идите! Идите! — крикнул Бен. — Я с ними разберусь. Добейте Оно!

— Держи! — Ричи бросил ему книжицу спичек с логотипом «Дерри таун-хаус».

Бен ее поймал. Билл и Ричи побежали дальше. Какое-то мгновение Бен провожал их взглядом в меркнущем свете. Они побежали в темноту, куда ретировалось Оно, и скрылись из виду. Тогда он посмотрел на ближайшее из яиц, с тонкой оболочкой, с шевелящейся тенью внутри, и почувствовал, как тает его решимость. Это... эй, парни, это уже чересчур. Это слишком ужасно. И конечно же, они умрут без его помощи; их же не откладывали, они вывалились.

Но время родов Оно приближалось... а если даже один сумеет выжить... даже один...

Собрав всю волю в кулак, представив себе бледное умирающее лицо Эдди, Бен опустил тяжелый сапог «Дезерт драйвер» на первое яйцо. Оно, чавкнув, раскололось, из-под сапога вытекла вонючая плацента. Паук размером с крысу на подгибающихся лапках попытался убежать прочь, и Бен слышал в голове его пронзительные крики, напоминающие звуки, которые издает ножовка, если ее быстро-быстро изгибать туда-сюда, словно наигрывая какую-то музыку.

Бен двинулся за ним, и ноги его более всего напоминали ходули, но тем не менее наступил на паука. Почувствовал, как захрустел хитин, внутренности выплеснулись из-под каблука. Содержимое желудка вновь подкатило к горлу, и на этот раз Бену не удалось справиться с тошнотой. Его вырвало, а потом он крутанул каблук, впечатывая маленькую тварь в камни, слушая, как затихают крики в голове.

«Сколько? Сколько яиц? Разве я не читал, что пауки могут откладывать тысячи... или миллионы? Я не смогу столько раздавить, я сойду с ума...»

«Ты должен. Ты должен. Давай, Бен... сделаем это вместе!»

Он перешел к следующему яйцу, воспроизведя процесс во всех подробностях под затухающим светом. Повторилось все: чавкающий хруст, растекание вонючей жидкости, последний смертельный удар. Следующее яйцо. Следующее. Следующее. Бен медленно продвигался к черной арке, в которой скрылись его друзья. Темнота стала кромешной, Беверли и разваливающаяся паутина остались позади. Он слышал, как падают куски паутины. Яйца бледно светились в темноте. Подходя к очередному, он зажигал спичку и разбивал его. И каждый раз успевал раздавить паука до того, как спичка гасла. Он понятия не имел, что будет делать, если спички закончатся до того, как он раздавит последнее яйцо и расплющит его невообразимое содержимое.

10
Оно — 1985 г.

Они шли.

Оно чувствовало, что они идут следом, сокращают расстояние, и страх Оно нарастал. Может, Оно и не вечно — эта невероятная мысль наконец-то пришла в голову. Что хуже, Оно чувствовало смерть своих детенышей. Третий из этих отвратительных ненавистных мужчин-мальчишек переходил от одного яйца к другому, едва не теряя разум от отвращения, но продолжал идти, методично вышибая жизнь из каждого из яиц Оно.

«Нет!» — взвыло Оно, шатаясь из стороны в сторону, чувствуя, как жизненная сила вытекает из сотни ран. Ни одна не была смертельной, но каждая исполняла свою песню боли, каждая замедляла продвижение. Одна лапа висела на тоненькой полоске мяса. Один глаз ослеп. Оно ощущало и огромную рану внутри, результат действия яда, который одному из мужчин-мальчишек удалось впрыснуть в горло.

А они шли, сокращали разделявшее их расстояние, и как такое могло случиться? Оно подвывало и мяукало, а когда почувствовало, что они совсем рядом, сделало единственное, что теперь оставалось: повернулось, чтобы сражаться.

11
Беверли

Прежде чем свет окончательно угас и воцарилась тьма, она увидела, как жена Билла опустилась на двадцать футов и зависла. Начала вращаться, рыжие волосы разметались. «*Его жена,* — подумала Беверли, — *но я была его первой любовью, и если он полагал, что какая-то другая женщина была у него первой, то лишь по одной причине: он забыл... забыл Дерри*».

Потом она осталась в темноте, наедине со звуками падающей паутины и мертвой, недвижной тяжестью Эдди. Она не хотела расставаться с ним, не хотела, чтобы он полностью лежал на грязном полу этого места. Поэтому держала его голову на сгибе онемевшей руки, а другой рукой убирала волосы с его влажного лба. Думала Беверли о птицах... решила, что интерес к ним переняла от Стэна. Бедного Стэна, который не смог заставить себя вновь все это пережить.

«*Они все... я была их первой любовью*».

Она попыталась это вспомнить... такие мысли поднимали настроение, когда приходилось сидеть в полной темноте, не зная, откуда доносятся все эти звуки. Такие мысли скрашивали одиночество. Поначалу ничего не вспоминалось; голову забивали только образы птиц — ворон, и граклов, и скворцов, весенних птиц, которые откуда-то возвращались, когда по улицам еще бежала талая вода, и последние пятна грязного снега оставались в тенистых местах, куда не заглядывали солнечные лучи.

По ее разумению, в Дерри эти птицы впервые попадались на глаза в весенний облачный день, заставляя задаться вопросом, а откуда же они прилетели. Внезапно и разом они усеивали весь Дерри, наполняя белый воздух пронзительной болтовней. Они усаживались на телефонные провода и коньки викторианских особняков Западного Бродвея: они дрались из-за места на алюминиевых перекладинах телевизионной антенны, установленной на крыше бара «Источник Уоллиса»; они облепляли темные ветви вязов, растущих на Нижней Главной улице. Они обживались, говорили друг с другом заливистыми кричащими голосами деревенских старух, собравшихся на еженедельный вечер игры в «бинго», а потом, по какому-то сигналу, который не могли уловить люди, все разом взлетали, —

и от их крыльев небо становилось черным — чтобы опуститься где-то еще.

«Да, птицы, я думала о них, потому что мне было стыдно. Как я теперь понимаю, стыдилась я благодаря моему отцу, а может, к этому приложило руку и Оно. Возможно».

За птицами приоткрылось другое воспоминание, смутное и неопределенное. Может, таким ему и предстояло остаться навсегда, она...

И тут поток мыслей оборвался: внезапно Беверли осознала, что Эдди...

12

Любовь и желание — 14 августа 1958 г.

...подходит к ней первым, потому что испуган больше всех. Подходит к ней не как друг того лета и не как любовник на этот момент. Подходит, как подходил к матери тремя или четырьмя годами раньше, чтобы его успокоили. Он не подается назад от ее гладкой обнаженности, и поначалу она даже сомневается, что он это чувствует. Он трясется, и хотя она крепко прижимает его к себе, темнота такая черная, что она не может его разглядеть, пусть он и предельно близко. Если бы не шершавый гипс, он мог бы сойти за призрака.

— Что ты хочешь? — спрашивает он ее.

— Ты должен вставить в меня свою штучку, — говорит Беверли.

Эдди пытается отпрянуть, но она держит его крепко, и он приникает к ней. Она слышит, как кто-то — думает, что Бен — шумно втягивает воздух.

— Бевви, я не могу этого сделать. Я не знаю как...

— Я думаю, это легко. Но ты должен раздеться. — В голове возникает мысль о сложностях, связанных с рубашкой и гипсом, — их надо сначала отделить, потом соединить — и уточняет: — Хотя бы сними штаны.

— Нет, я не могу! — Но она думает, что часть его может, и хочет, потому что трястись он перестал, и она чувствует что-то маленькое и твердое, прижимающееся к правой стороне ее живота.

— Можешь, — возражает она и тащит его на себя. Поверхность под ее спиной и ногами твердая, глинистая и сухая. Далекий шум воды навевает дремоту и успокаивает. Она тянется к Эдди. В этот момент перед ее мысленным взором появляется лицо ее отца, суровое и угрожающее,

(я хочу посмотреть, целая ли ты)

и тут она обнимает Эдди за шею, ее гладкая щека прижимается к его гладкой щеке, и когда он нерешительно касается ее маленьких грудей, она вздыхает и думает в первый раз: «Это будет Эдди», — и вспоминает июльский день — неужели это было всего лишь в прошлом месяце? — когда в Пустошь никто не пришел, кроме Эдди, и он принес с собой целую пачку комиксов про Маленькую Лулу, которые они читали большую часть дня. Маленькая Лулу, которая собирала библянику и вляпывалась в самые невероятные истории, про ведьму Хейзл и всех остальных. И как весело они провели время.

Она думает о птицах; особенно о граклах, и скворцах, и воронах, которые возвращаются весной, и ее руки смещаются к ремню Эдди и расстегивают его, и он опять говорит, что не сможет это сделать; она говорит ему, что сможет, она знает, что сможет, и ощущает не стыд или страх, а что-то вроде триумфа.

— Куда? — спрашивает он, и эта твердая штучка требовательно тыкается во внутреннюю поверхность ее бедра.

— Сюда, — отвечает она.

— Бевви, я на тебя упаду. — И она слышит, болезненный свист в его дыхании.

— Я думаю, так и надо, — говорит она ему, и нежно обнимает, и направляет. Он пихает свою штучку вперед слишком быстро, и приходит боль.

— С-с-с-с. — Она втягивает воздух, закусив нижнюю губу, и снова думает о птицах, весенних птицах, рядком сидящих на коньках крыш, разом поднимающихся под низкие мартовские облака.

— Беверли? — неуверенно спрашивает он. — Все в порядке?

— Помедленнее, — говорит она. — Тебе будет легче дышать. — Он замедляет движения, и через некоторое время дыхание его ускоряется, но Беверли понимает, на этот раз причина не в том, что с ним что-то не так.

Боль уходит. Внезапно он двигается быстрее, потом останавливается, замирает, издает звук — какой-то звук. Она чувствует,

что-то это для него означает, что-то экстраординарное, особенное, что-то вроде... полета. Она ощущает силу: ощущает быстро нарастающее в ней чувство триумфа. Этого боялся ее отец? Что ж, он боялся не зря. В этом действе таилась сила, мощная, разрывающая цепи сила, ранее запрятанная глубоко внутри. Беверли не испытывает физического наслаждения, но душа ее ликует. Она чувствует их близость. Эдди прижимается лицом к ее шее, и она обнимает его. Он плачет. Она обнимает его, и чувствует, как его часть, которая связывала их, начинает опадать. Не покидает ее, нет, просто опадает, становясь меньше.

Когда он слезает с нее, она садится и в темноте касается его лица.

— Ты получил?

— Получил — что?

— Как ни назови. Точно я не знаю.

Он качает головой, она это чувствует, ее рука по-прежнему касается его щеки.

— Я не думаю, что это в точности... ты знаешь, как говорят большие парни. Но это было... это было нечто. — Он говорит тихо, чтобы другие не слышали. — Я люблю тебя, Бевви.

Тут ее память дает слабину. Она уверена, что были и другие слова, одни произносились шепотом, другие громко, но не помнит, что говорилось. Значения это не имеет. Ей приходилось уговаривать каждого? Да, скорее всего. Но значения это не имело. Один за другим они уговаривались на это, на эту особую человеческую связь между миром и бесконечным, единственную возможность соприкосновения потока крови и вечности. Это не имеет значения. Что имеет, так это любовь и желание. Здесь, в темноте, ничуть не хуже, чем в любом другом месте. Может, и лучше, чем в некоторых.

К ней подходит Майк, потом Ричи, и действо повторяется. Теперь она ощущает некоторое удовольствие, легкий жар детского незрелого секса, и закрывает глаза, когда к ней подходит Стэн, и думает об этих птицах, весне и птицах, и она видит их, снова и снова, они прилетают все сразу, усаживаются на безлистные зимние деревья, всадники ударной волны набегающего самого неистового времени года, она видит, как они вновь и вновь поднимаются в воздух, шум их крыльев похож на хлопанье многих простыней на ветру, и Беверли думает: «Через месяц все дети будут бегать по Дерри-парк с

воздушными змеями, стараясь не зацепиться веревкой с веревками других змеев». *Она думает*: «Это и есть полет».

Со Стэном, как и с остальными, она ощущает это печальное увядание, расставание с тем, что им так отчаянно требовалось обрести от этого действа, — что-то крайне важное — оно находились совсем близко, но не сложилось.

— Ты получил? — вновь спрашивает она, и хотя не знает точно, о чем речь, ей понятно, что не получил.

После долгой паузы к ней подходит Бен.

Он дрожит всем телом, но эта дрожь вызвана не страхом, как у Стэна.

— Беверли. Я не могу. — Он пытается произнести эти слова тоном, подразумевающим здравомыслие, но в голосе слышится другое.

— Ты сможешь. Я чувствую.

И она точно чувствует. Есть кое-что твердое; и много. Она чувствует это под мягкой выпуклостью живота. Его размер вызывает определенное любопытство, и она легонько касается его штуковины. Бен стонет ей в шею, и от его жаркого дыхания ее обнаженная кожа покрывается мурашками. Беверли чувствует первую волну настоящего жара, который пробегает по ее телу — внезапно ее переполняет какое-то чувство: она признает, что чувство это слишком большое

(и штучка у него слишком большая, сможет она принять ее в себя?)

и для него она слишком юна, того чувства, которое слишком уж ярко и остро дает о себе знать. Оно сравнимо с М-80 Генри, что-то такое, не предназначенное для детей, что-то такое, что может взорваться и разнести тебя в клочья. Но сейчас не место и не время для беспокойства: здесь любовь, желание и темнота. И если они не попробуют первое и второе, то наверняка останутся только с третьим.

— Беверли, не...

— Да. Научи меня летать, — говорит она со спокойствием, которого не чувствует, понимая по свежей теплой влаге на щеке и шее, что он заплакал. — Научи, Бен.

— Нет...

— Если ты написал то стихотворение, научи. Погладь мои волосы, если хочешь, Бен. Все хорошо.

— Беверли... я... я...

Он не просто дрожит — его трясет. Но вновь она чувствует: страх к этому состоянию отношения не имеет — это предвестник агонии, вызванной самим действом. Она думает о

(птицах)

его лице, его дорогом, милом жаждущем лице, и знает, что это не страх; это желание, которое он испытывает, глубокое, страстное желание, которое теперь едва сдерживает, и вновь она ощущает силу, что-то вроде полета, словно смотрит сверху вниз и видит всех этих птиц на коньках крыш, на телевизионной антенне, которая установлена на барę «Источник Уоллиса», видит улицы, разбегающиеся, как на карте, ох, желание, точно, это что-то, именно любовь и желание научили тебя летать.

— Бен! Да! — неожиданно кричит она, и он больше не может сдерживаться.

Она опять чувствует боль и, на мгновение, ощущение, что ее раздавят. Потом он приподнимается на руках, и она снова может дышать.

У него большой, это да — и боль возвращается, и она гораздо глубже, чем когда в нее входил Эдди. Ей приходится опять прикусить нижнюю губу и думать о птицах, пока жжение не уходит. Но оно уходит, и она уже может протянуть руку и одним пальцем коснуться его губ, и Бен стонет.

Она снова ощущает жар и чувствует, как ее сила внезапно переливается в него: она с радостью отдает эту силу и себя вместе с ней. Сначала появляется ощущение покачивания, восхитительной, нарастающей по спирали сладости, которая заставляет ее мотать головой из стороны в сторону, беззвучное мурлыканье прорывается меж сжатых губ, это полет, ох, любовь, ох, желание, ох, это что-то такое, чего невозможно не признавать, соединяющее, передающееся, образующее неразрывный круг: соединять, передавать... летать.

— Ох, Бен, ох, мой дорогой, да, — шепчет она, чувствуя, как пот выступает на лице, чувствуя их связь, что-то твердое в положенном месте, что-то, как вечность, восьмерка, покачивающаяся на боку. — Я так крепко люблю тебя, дорогой.

И она чувствует, как что-то начинает происходить, и об этом что-то не имеют ни малейшего понятия девочки, которые шепчутся и хихикают о сексе в туалете для девочек, во всяком случае, насколько ей об этом известно; они только треплются о том, какой жуткий этот секс, и теперь она понимает, что для многих из них

секс — неосуществленный, неопределенный монстр; они говорят об этом действе только в третьем лице. Ты Это делаешь, твоя сестра и ее бойфренд Это делают, твои мама с папой все еще Это делают, и как они сами никогда не будут Это делать; и да, можно подумать, что девичья часть пятого класса состоит исключительно из будущих старых дев, и Беверли очевидно, что ни одна из этих девчонок даже не подозревают о таком... таком завершении, и ее удерживает от криков только одно: остальные услышат и подумают, что Бен делает ей больно. Она подносит руку ко рту и сильно ее кусает. Теперь она лучше понимает пронзительный смех Греты Боуи, и Салли Мюллер, и всех прочих: разве они, все семеро, не провели большую часть этого самого длинного, самого жуткого лета их жизней, смеясь, как безумные? Они смеялись, поскольку все, что страшно и неведомо, при этом и забавно, и ты смеешься, как иной раз малыши смеются и плачут одновременно, когда появляется клоун из заезжего цирка, зная, что он должен быть смешным... но он так же и незнакомец, полный неведомой вечной силы.

Укус руки крик не останавливает, и она может успокоить других, — и Бена, — лишь показав, что происходящее в темноте ее полностью устраивает.

— Да! Да! Да! — И вновь голову заполняют образы полета, смешанные с хриплыми криками граклов и скворцов; звуки эти — самая сладкая в мире музыка.

И она летит, поднимается все выше, и теперь сила не в ней и не в нем, а где-то между ними, и он вскрикивает, и она чувствует, как дрожат его руки, и она выгибается вверх и вжимается в него, чувствуя его спазм, его прикосновение, их полнейшее слияние в темноте. Они вместе вырываются в животворный свет.

Потом все заканчивается, и они в объятьях друг друга, и когда он пытается что-то сказать — возможно, какое-нибудь глупое извинение, которое может опошлить то, что она помнит, какое-то глупое извинение, которое будет висеть, как наручник — она заглушает его слова поцелуем и отсылает его.

К ней подходит Билл.

Он пытается что-то сказать, но заикание достигает пика.

— Молчи. — Она чувствует себя очень уверенно, обретя новое знание, но при этом понимает, что устала. Устала, и у нее все болит. Внутренняя и задняя поверхность бедер липкие, и она думает,

причина в том, что Бен действительно кончил, а может, это ее кровь. — Все будет очень даже хорошо.

— Т-т-ты у-у-у-уверена?

— Да, — говорит Беверли и обеими руками обнимает его за шею, ощущая влажные от пота волосы. — Можешь поспорить.

— Э-э-э-это... Э-э-э-это...

— Тс-с-с...

С ним не так, как с Беном; тоже страсть, но другая. Быть с Биллом — это самое лучшее завершение из всех возможных. Он добрый, нежный и почти что спокойный. Она чувствует его пыл, но пыл этот умеренный и сдерживается тревогой за нее, возможно, потому, что только Билл и она сама осознают значимость этого действа, как и то, что о нем нельзя говорить ни кому-то еще, ни даже между собой.

В конце она удивлена неожиданным подъемом и успевает подумать: «Ох! Это произойдет снова, я не знаю, выдержу ли...»

Но мысли эти сметает абсолютной сладостью действа, и она едва слышала его шепот: «Я люблю тебя, Бев, я люблю тебя, я всегда буду любить тебя», *— он повторяет и повторяет эти слова без заикания. На миг она прижимает его к себе, и они замирают, его гладкая щека касается ее щеки.*

Он выходит из нее, ничего не сказав, и какое-то время она проводит одна, одеваясь, медленно одеваясь, ощущая тупую пульсирующую боль, которую они, будучи мальчишками, прочувствовать не могли, ощущая сладкую истому и облегчение от того, что все закончилось. Внизу пустота, и хотя она радуется, что ее тело вновь принадлежит только ей, пустота вызывает странную тоску, которую она так и не может выразить... разве что думает о безлистных деревьях под зимним небом, деревьях с голыми ветками, деревьях, ожидающих черных птиц, которые рассядутся на них, как священники, чтобы засвидетельствовать кончину снега.

Она находит своих друзей, поискав в темноте их руки.

Какое-то время все молчат, а когда слышится голос, Беверли не удивляется тому, что принадлежит он Эдди.

— Я думаю, когда мы повернули направо два поворота назад, нам следовало повернуть налево. Господи, я это знал, но так вспотел и нервничал...

— Ты всю жизнь нервничаешь, Эдс, — говорит Ричи. Голос такой довольный. И в нем никаких панических ноток.

— Мы и в других местах поворачивали не в ту сторону, — продолжает Эдди, игнорируя его, — но это была самая серьезная ошибка. Если мы сможем вернуться туда, то потом все будет хорошо.

Они формируют неровную колонну, Эдди первый, за ним Беверли, ее рука на плече Эдди так же, как рука Майка — на ее плече. Идут вновь, на этот раз быстрее. Прежнее волнение Эдди бесследно улетучивается.

«Мы идем домой, *— думает Беверли, и по телу пробегает дрожь облегчения и радости.* — Домой, да. И все будет хорошо. Мы сделали то, за чем приходили, и теперь можем возвращаться назад уже обычными детьми. И это тоже будет хорошо».

Они идут сквозь темноту, и Беверли осознает, что шум бегущей воды все ближе.

Глава 23
ИСХОД

1
Дерри – 9:00–10:00

Без десять минут десятого скорость ветра над Дерри в среднем составляла пятьдесят пять миль в час с порывами до семидесяти. Анемометр в здании суда зафиксировал один порыв в восемьдесят одну милю, после чего стрелка свалилась на ноль. Ветер вырвал установленный на крыше вращающийся датчик и забросил в залитый дождем сумрак дня. Как и кораблик Джорджа Денбро, его больше никто не видел. К девяти тридцати то, что в департаменте водоснабжения считали совершенно невозможным — могли бы в этом поклясться, — стало не только возможным, но и почти неизбежным: центр Дерри могло затопить впервые с августа 1958 года. Тогда многие старые дренажные трубы оказались забитыми или разрушились во время неожиданно сильной грозы. Без четверти десять мужчины с суровыми лицами съезжались к обеим сторонам Канала на легковушках и в пикапах, безумно ревущий ветер пытался содрать с них непромокаемые куртки и дождевики. Впервые с октября 1957 года на бетонных берегах Канала начали укладывать мешки с песком. Арка, в которую уходил Канал, чтобы пройти под перекрестком, где сходились три улицы, заполнилась водой практически доверху. Здесь пройти по Главной улице, Канальной и у подножия холма Подъем-в-милю можно было только на своих двоих, и те, кто, расплескивая воду, спешил помочь в уклад-

ке мешков с песком, чувствовали, как гудят улицы от безумного потока проносящейся под ними воды. Примерно так же гудит и эстакада автомагистрали, если по ней проезжали мимо друг друга тяжелогруженые трейлеры, но здесь вибрация была постоянной, и люди радовались, что находятся в северной части центра города, достаточно далеко от этого мерного урчания, которое скорее чувствовалось, чем слышалось. Перекрывая шум дождя и воды в Канале, Гарольд Гарденер спросил Альфреда Зитнера, которому принадлежало «Риелторское агентство Зитнера», расположенное в западной части города, не провалятся ли улицы. Зитнер прокричал в ответ, что скорее замерзнет ад. Перед мысленным взором Гарольда на мгновение возникли Адольф Гитлер и Иуда Искариот, катающиеся на коньках, а потом он продолжил укладывать мешки с песком. Вода лишь на какие-то три дюйма не доходила до края бетонных стен Канала. В Пустоши Кендускиг уже вышел из берегов, и не вызывало сомнений, что к полудню там образуется огромное, неглубокое вонючее озеро, из которого будут торчать кроны деревьев и некоторых кустов, а вся остальная буйная растительность уйдет под воду. Мужчины продолжали работу, останавливаясь, лишь когда заканчивались мешки с песком... а потом, без десяти десять, их вогнал в ступор жуткий грохот. Позже Гарольд Гарденер сказал жене, что подумал, а не настал ли конец света. Но центр города не провалился сквозь землю — тогда не провалился. Зато рухнула Водонапорная башня. Только Эндрю Кин, внук Норберта Кина, своими глазами видел, как это произошло, но в то утро он выкурил очень уж много колумбийской красной и поначалу подумал, что у него глюки. Он бродил по залитым дождем улицам Дерри примерно с восьми утра, отправясь в путь чуть ли не в ту самую минуту, когда душа доктора Хейла поднималась в небо, где ее ждала большая семейная медицинская практика. Он вымок до нитки (сухим оставался только пакетик с двумя унциями марихуаны, который Эндрю держал под мышкой), но совершенно этого не чувствовал. Его глаза широко раскрылись. Он как раз добрался до Мемориального парка, граничащего с холмом, на котором высилась Водонапорная башня. И, если только он не ошибался, Водонапорная башня наклонилась, как та гребаная башня в Пизе, красующаяся на всех этих коробках с макаронами. *«Bay!»* — воскликнул Эндрю Кин, и его глаза раскрылись еще шире, будто изнутри их подпирали ма-

ленькие пружинки. И тут же послышался скрежет. У него на глазах наклон Водонапорной башни все увеличивался и увеличивался. Эндрю застыл как столб, мокрые джинсы прилипли к тощим ягодицам, мокрая головная повязка с узором пейсли роняла на глаза капли воды. Белые плитки отваливались со стены Водонапорной башни, обращенной к центру города... нет, не совсем отваливались... скорее отскакивали. Заметная трещина появилась примерно в двадцати футах над каменным основанием башни. Из трещины ударила вода, а плитки теперь уже не отскакивали — отлетали, и их уносило ветром. В Водонапорной башне что-то заскрежетало, и Эндрю увидел, как она движется, будто стрелка огромных часов, от двенадцати к часу или двум. Мешочек с травкой выпал из-под мышки и застрял в рубашке у ремня. Эндрю этого не замечал. Стоял как зачарованный. Из башни донеслись резкие звенящие звуки, будто одна за другой лопались струны самой большой в мире гитары. То рвались тросы, установленные внутри цилиндра, которые должным образом компенсировали напряжение, создаваемое давлением воды. Водонапорная башня начала клониться быстрее и быстрее, доски и балки ломались, щепки летели в воздух. «ГРЕ-Е-Е-БА-А-АНЫЙ НАСРАТЬ!» — прокричал Эндрю Кин, но его голос растворился в грохоте падения Водонапорной башни и реве одного с тремя четвертями миллионов галлонов, без малого восьми тысяч тонн воды, выливающихся из боковой трещины. Вода выплеснулась серой приливной волной, и, конечно, будь Эндрю с той стороны Водонапорной башни, куда покатила эта волна, он бы тут же отправился в мир иной. Но Бог благоволит пьяницам, маленьким детям и торчкам. Эндрю стоял в таком месте, откуда мог все видеть, но на него не попало ни капли вылившейся из башни воды. «*ГРЕБАНЫЕ СПЕЦЭФФЕКТЫ!* — прокричал Эндрю, когда волна понеслась по Мемориальному парку, как нож бульдозера, срезав солнечные часы, рядом с которыми частенько стоял мальчик — звали его Стэн-Супермен Урис — и наблюдал за птицами в отцовский бинокль. — *СТИВЕНУ СПИЛБЕРГУ И НЕ СНИЛОСЬ!*» Не устояла и каменная купальня для птиц. Какое-то мгновение Эндрю видел, как она переворачивалась, купальня на постаменте, постамент на купальне, а потом все исчезло. Клены и березы, которые отгораживали Мемориальный парк от Канзас-стрит, посшибало, как кегли в боулинге. Падая, деревья порвали все провода. Волна перехлестнула через улицу, на-

чала расширятся, все больше напоминая воду, а не нож бульдозера, который срезал солнечные часы, купальню для птиц и деревья, но ей хватило энергии, чтобы сорвать с фундаментов десяток домов, которые стояли на другой стороне Канзас-стрит, и скинуть их в Пустошь. Они свалились туда с тошнотворной легкостью, в большинстве своем целыми. Эндрю Кин узнал один из них, принадлежавший семье Карла Массенсика. Мистер Массенсик преподавал ему в шестом классе, настоящий зверь. Когда дом переваливал через край склона и скользил вниз, Эндрю Кин осознал, что видит свечу, ярко горевшую в одном из окон, и на мгновение задался вопросом, а может, все это ему только чудится, если вы понимаете, о чем речь. Но тут же в Пустоши раздался взрыв и взметнулось желтое пламя, словно от лампы Коулмана* вспыхнула солярка, вытекающая из пробитого бака. Эндрю смотрел на дальнюю сторону Канзас-стрит, где всего лишь сорок секунд назад аккуратным рядком стояли дома представителей среднего класса. «*Теперь они Исчезнувший город, и тебе лучше в это поверить, сладенький*». На их месте остались десять подвалов, издали напоминавших бассейны. Последнюю мысль Эндрю хотел озвучить, но кричать больше не мог. Его кричалка, похоже, свое отработала. Диафрагма ослабела и стала бесполезной. Он услышал несколько сопровождаемых хрустом ударов, словно великан спускался по лестнице в сапогах с насыпанными в них крекерами. Это Водонапорная башня скатывалась с холма, гигантский белый цилиндр, выплескивающий из себя остатки воды, а концы толстых тросов, удерживавших ее на месте, метались из стороны в сторону и щелкали, как металлические хлысты, прорывали канавы в мягкой земле, которые тут же заполнялись дождевой водой. И на глазах Эндрю, который стоял, вдавив подбородок между ключиц, Водонапорная башня, уже в горизонтальном положении, длиной более ста двадцати пяти футов, взлетела в воздух. На мгновение застыла — сюрреалистический образ, какие, наверное, приходят в голову одетым в смирительные рубашки обитателям комнат с мягкими стенами, — с помятой, блестящей от дождя наружной стенкой, разбитыми стеклами, болтающимися оконными створками, мигалкой (все еще продолжающей мигать) на крыше, призванной предупреждать о препятствии низко летящие

* Лампа (фонарь) Коулмана — переносная лампа, в которой источником света является горящий сжиженный газ.

самолеты, а потом упала на улицу с рвущим барабанные перепонки грохотом. На Канзас-стрит хватало воды, вылившейся из Водонапорной башни, и теперь вся она текла к центру города с холма Подъем-в-милю. «*Там тоже есть дома*», — подумал Эндрю Кин, и внезапно колени у него подогнулись. Он тяжело плюхнулся на пятую точку, и брызги полетели во все стороны. Он смотрел на разбитый каменный фундамент, где всю его жизнь стояла Водонапорная башня. Смотрел и гадал, поверит ли ему кто-нибудь. Гадал, а поверит ли он себе.

2

Убийство — 10:02, 31 мая 1985 г.

Билл и Ричи увидели, как Оно повернулось к ним. Жвала открывались и закрывались, один зрячий глаз злобно смотрел на них сверху вниз, и Билл понял, что у Оно есть свой источник света, как у наводящего ужас светляка. Но свет был мерцающим и тусклым: Оно крепко досталось. Мысли Оно гудели

(*отпустите меня! отпустите меня и вы получите все что только могли пожелать — деньги славу состояние власть — я могу вам все это дать*)

в его голове.

Билл шел к Паучихе без оружия, не отрывая взгляда от ее единственного глаза. Он чувствовал, как нарастает в нем сила, вливаясь в него, напрягая мышцы рук, наполняя сжатые в кулаки пальцы своей мощью. Ричи шагал рядом, его губы растянулись, обнажив зубы.

(*я верну тебе жену — я могу это сделать, только я — она ничего не вспомнит, как не вспоминали вы семеро*)

Они подошли близко, совсем близко. Билл чувствовал идущую от Оно вонь и внезапно в ужасе осознал, что это запах Пустоши, запах, который они принимали за вонь канализации, и сточных вод, и горящей свалки... но разве в действительности они верили в эти источники запаха? Нет, это был запах Оно, и, возможно, в Пустоши он ощущался сильнее всего, но висел и над всем Дерри, как облако, а люди просто его не замечали, как работники зоопарка че-

рез какое-то время перестают замечать вонь своих подопечных и даже удивляются, когда посетители при входе морщат носы.

— Работаем в паре, — прошептал он Ричи, и тот кивнул, не отрывая глаз от Паучихи, которая теперь пятилась от них, поблескивая отвратительными, волосатыми лапами. Ее наконец-то припер-ли к стене.

(*я не могу дать вам вечную жизнь но могу прикоснуться к вам и вы проживете очень очень долго — двести лет, триста, может пять-сот — я могу сделать вас богами Земли — если вы позволите мне уйти если вы позволите мне уйти если вы позволите мне...*)

— Билл? — хрипло спросил Ричи.

С криком, рвущимся из него, нарастающим и нарастающим, Билл бросился на Паучиху. Ричи не отставал от него ни на шаг. Они ударили вместе правыми кулаками, но Билл понимал, что бьют совсем не кулаки: удар наносила их общая сила, поддержанная силой Другого; это была сила памяти и желания; а прежде всего это была сила любви и незабытого детства, слившиеся в одно большое колесо.

Вопль Паучихи заполнил голову Билла, казалось, расколол ему мозги. Он почувствовал, как его правый кулак глубоко проник в копошащуюся мокроту. За кулаком последовала рука, по плечо. Он вытащил руку, с которой капала черная кровь Паучихи. Гной лился из проломленной им дыры.

Он увидел Ричи, стоящего под раздувшимся телом Оно, залитого черной блестящей кровью, в классической боксерской стойке, его кулаки наносили удар за ударом.

Паучиха ударила их лапами. Билл почувствовал, как одна разорвала ему бок, и рубашку, и кожу. Жало Оно бессильно упиралось в пол. Крики раздавались в голове ударами колокола. Оно неуклюже наклонилось, пытаясь укусить его, но Билл, вместо того чтобы отступить, бросился вперед, собираясь нанести удар уже не кулаком, а всем телом, превратив себя в торпеду. Он влетел в брюхо Оно, как в футболе — разогнавшийся защитник, который опускает плечи и просто ломится вперед.

На мгновение почувствовал, как плоть Оно просто подается назад, чтобы сжаться, а потом отбросить его. С нечленораздельным криком он надавил сильнее, толкаясь ногами вперед и вверх, проламывая Оно руками. И проломил: его окатило горячей кровью.

Кровь текла по лицу, в уши, попадала в нос тонкими извивающимися струйками.

Он вновь оказался в черноте, по самые плечи в содрогающемся теле Оно. И пусть уши заливала кровь, он слышал мерные *бум-Бум-бум-БУМ*, совсем как звуки большого барабана, того самого, что возглавляет парад, когда цирк въезжает в город, в окружении лилипутов и пританцовывающих на ходулях клоунов.

Биение сердца Оно.

Он услышал, как Ричи закричал от боли. Крик перешел в стон, а потом оборвался. Билл резко ударил вперед обеими сжатыми в кулаки руками. Он задыхался, облепленный пульсирующими внутренностями Паучихи, залитый ее кровью.

Бум-БУМ-бум-БУМ-...

Руки его проникали все глубже, раздирая, разрывая, разделяя, в поисках источника этого звука. Его склизлые пальцы сжимались и разжимались, грудь раздувалась в поисках воздуха.

Бум-БУМ-бум-БУМ...

И внезапно оно оказалось в его руках, огромное и живое, качающее и пульсирующее в его ладонях, отталкивающее их, а потом снова сжимающееся.

(*НЕТНЕТНЕТНЕТ*)

«*Да!* — крикнул Билл, задыхаясь, утопая во внутренностях. — *Да! Испытай это на себе, сука! ИСПЫТАЙ НА СЕБЕ! ТЕБЕ НРАВИТСЯ? ТЫ В ВОСТОРГЕ? ДА?*»

Он свел пальцы вместе над пульсирующим сердцем Оно, образовав ладонями обратную букву «V», а потом со всей силой, какая оставалась, сжал руки.

Услышал последний отчаянный крик боли и страха, когда сердце Оно лопнуло под его руками, заскользило между пальцами трепыхающимися веревочками.

Бум, БУМ, бум, БУ...

Крик начал затихать, таять. Билл почувствовал, как тело Паучихи внезапно зажало его, как обжимает кулак эластичная перчатка. Потом все расслабилось. Билл почувствовал, как тело наклоняется, медленно валится в сторону. Одновременно он начал вылезать из тела, и сознание грозило его покинуть с секунды на секунду.

Паучиха повалилась на бок, огромный кусок горячего мяса. Лапы еще дрожали и дергались, терлись о стену тоннеля, царапали пол.

Билл отшатнулся, жадно хватая ртом воздух, отплевываясь в попытке очистить рот от отвратительного вкуса Оно. Ноги у него заплелись, он рухнул на колени.

И ясно услышал голос Другого; Черепаха, возможно, умер, но тот, кто создал его — нет.

«Сынок, ты действительно хорошо поработал».

Потом голос ушел. И вместе с ним ушла сила. Билл ощущал слабость, отвращение, чувствовал, что наполовину рехнулся. Оглянулся и увидел черный подыхающий кошмар — Паучиху, еще дергающую лапами.

— Ричи! — закричал он хриплым, сорванным голосом. — Ричи, ты где?

Молчание.

Свет померк. Умер вместе с Паучихой. Билл сунул руку в карман пропитанной кровью и слизью рубашки, чтобы достать последнюю книжицу спичек. Спички он нашел, но ни одна не зажглась: головки размокли от крови.

— Ричи! — снова закричал он, из глаз покатились слезы. Он опустился на четвереньки. Пополз вперед, ощупывая темноту то одной, то другой рукой. Наконец одна за что-то задела, и это что-то вяло дернулось при его прикосновении. Он пустил в ход другую руку... замер, когда они обе коснулись лица Ричи.

— Ричи! Ричи!

Нет ответа.

В темноте Билл подсунул одну руку под спину Ричи, другую — под колени. С трудом поднялся и, шатаясь, двинулся в ту сторону, откуда они пришли, с Ричи на руках.

3

Дерри — 10:00–10:15

В 10:00 мерная вибрация, которая, сотрясала улицы центральной части Дерри, перешла в рокочущий грохот. В «Дерри ньюс» потом написали, что опоры подземной части Канала, ослабленные резким напором воды, вызванным столь сильным ливнем, не выдержали. Некоторые, однако, не согласились с этим утверждением. «Я там был, поэтому знаю, — говорил потом Гарольд Гарденер

своей жене. — Дело не только в том, что опоры не выдержали. Произошло землетрясение, вот главная причина. Гребаное землетрясение».

В любом случае результат остался прежним. По мере того как грохот нарастал и нарастал, начали дребезжать оконные стекла, посыпалась штукатурка с потолков, а нечеловеческие звуки, которые издавали изгибающиеся балки и фундаменты, слились в пугающий хор. Трещины побежали по выщербленному пулями кирпичному фасаду магазина Мейкена, словно чьи-то загребущие руки. Тросы, поддерживающие маркизу кинотеатра «Аладдин», оборвались, и она упала на улицу. Переулок Ричарда, который проходил за «Аптечным магазином на Центральной», неожиданно завалило лавиной желтых кирпичей рухнувшего здания «Профессионального центра Брайана О'Дода», построенного в 1952 году. Огромное облако желтушной пыли поднялось в воздух, и ветер унес его как вуаль.

Одновременно взорвалась статуя Пола Баньяна, стоящая перед Городским центром, словно учительница рисования, давным-давно угрожавшая разобраться с этим уродищем, показала, что слова у нее не расходятся с делом. Бородатая улыбающаяся голова взлетела вертикально вверх. Одну ногу выбросило вперед, другую — назад, будто Пол слишком уж энергично исполнил шпагат, что и привело к расчленению тела. Торс просто разорвало на мелкие кусочки, а пластиковый топор поднялся в дождливое небо, исчез, но потом вернулся, бешено вращаясь. Он пробил крышу Моста Поцелуев, а потом и настил.

И тут же, в 10:02, центр Дерри просто провалился в землю.

Большая часть воды из треснувшей Водонапорной башни пересекла Канзас-стрит и выплеснулась в Пустошь, но какая-то часть потекла по улице и с холма Подъем-в-милю вылилась в деловой район. Возможно, вода эта оказалась той самой соломинкой, что сломала спину верблюда... а может, как и сказал жене Гарольд Гарденер, произошло землетрясение. Трещины побежали по асфальту Главной улицы. Сначала узкие... потом они начали расширяться, как голодные рты, и рев переполненного Канала сделался оглушающе громким. Все начало трястись. Неоновая вывеска «ПРОДАЖА МОКАСИН» перед сувенирным магазином Коротышки Сквайрса упала на тротуар, на котором вода уже поднялась на три фута. Через несколько мгновений само здание, расположенное по соседству с

книжным магазином «Мистер Пейпербэк», начало проваливаться сквозь землю. Бенни Энгстром первым заметил этот феномен и ткнул локтем Альфреда Зитнера. У того, когда он глянул в указанном направлении, отвалилась челюсть, и он ткнул локтем уже Гарольда Гарденера. В считанные секунды укладка мешков с песком прервалась. Мужчины по обе стороны Канала стояли и смотрели на центр города, по-прежнему усердно поливаемый дождем, и на всех лицах читались изумление и ужас. Дом, первый этаж которого занимал магазин «Сувениры и всякая всячина Сквайрса», казалось, построили в гигантском лифте, и сейчас этот лифт спускался. Дом уходил в, казалось бы, твердый бетон неторопливо и с достоинством. А когда остановился, любой мог встать на четвереньки на залитом водой тротуаре и залезть в окно третьего этажа. Вода бурлила вокруг дома, а мгновением позже на крыше появился и сам Коротышка, размахивая руками и взывая о помощи. Но он исчез, когда соседнее офисное здание, в котором располагался книжный магазин, также ушло под землю. К сожалению, оно опустилось не вертикально, как дом Коротышки, а заметно наклонилось (в какой-то момент очень напоминая гребаную Пизанскую башню, изображаемую на всех этих коробках с макаронами). И когда оно наклонилось, с крыши и из стен полетели кирпичи. Несколько попали в Коротышку. Гарольд Гарденер видел, как тот подался назад, прикрывая голову руками... а потом три верхних этажа здания, в котором располагался книжный магазин «Мистер Пейпербэк», аккуратно сползли в сторону наклона, как три верхних оладьи из стопки. Коротышка исчез. Кто-то из мужчин, укладывающих мешки, закричал, а потом все поглотил грохот рушащегося центра Дерри. Людей сшибало с ног и отбрасывало от Канала. Гарольд Гарденер увидел, как здания, стоящие на Главной улице напротив друг друга, наклоняются вперед, словно женщины, решившие что-то обсудить за карточной игрой, когда их головы почти соприкасаются. При этом мостовая тонула, ломалась, проваливалась. Вода бурлила. А потом у домов по обеим сторонам улицы центр тяжести выходил за пределы зоны устойчивости, и они один за другим рушились: «Северо-восточный банк», «Северный национальный», «Табачный магазин Элви», «Музыкальный магазин Бэндлера». Только рушились не на мостовую, потому что мостовая уже провалилась в Канал, сначала растянувшись, как ириска, потом развалившись

на куски бетона и асфальта. Гарольд увидел, как круглый бетонный остров в центре перекрестка, на котором сходились три улицы, разом исчез из виду, а на его месте забил гейзер, и внезапно осознал, что сейчас произойдет.

— Уходим отсюда! — закричал он Элу Зитнеру. — Здесь все затопит! Эл! Здесь все затопит!

Эл Зитнер, казалось, не слышит его. Лицом он напоминал лунатика или загипнотизированного человека. Он стоял в мокрой, в красно-синюю клетку спортивной куртке, в рубашке с отложным воротником от «Лакоста» с маленьким крокодильчиком на левой стороне груди, в синих носках с вышитыми на них с каждой стороны белыми клюшками для гольфа, в коричневых резиновых сапогах с резиновыми подошвами из «Л.Л. Бина». Наблюдал, как, возможно, миллион его личных инвестиций утопает в улице, и тричетыре миллиона инвестиций его друзей, парней, с которыми он играл в покер, играл в гольф, катался на лыжах в Рэнгли, где у него была таймшерная квартира в кондоминиуме. Внезапно его родной город — Дерри, штат Мэн — господи помилуй, стал выглядеть так же дико, как тот гребаный город, по которому итальяшки возили людей на длинных, узких каноэ. Волны перекатывались и бурлили между зданиями, которые еще стояли. Канальная улица оканчивалась зазубренной черной доской вышки для прыжков, нависшей над пенящимся озером. Так что не приходилось удивляться, что Зитнер не услышал Гарольда. Другие, однако, пришли к тому же выводу, что и Гарденер: нельзя вываливать в бегущую воду столько дерьма без катастрофических последствий. Некоторые побросали мешки с песком и дали деру. Гарольд Гарденер входил в их число. Потому и выжил. Другим повезло меньше, и они остались в непосредственной близости от Канала, горловину которого перекрыли тонны асфальта, бетона, кирпичей, штукатурки, стекла и товаров, стоимостью в добрых четыре миллиона долларов. Вода, не имея возможности попасть в Канал, разливалась, без разбора подхватывая и мешки с песком, и людей. Гарольд все время думал, что и ему не выбраться; как быстро он ни бежал, уровень воды поднимался еще быстрее. Но спастись ему все-таки удалось, поднявшись по крутому склону, заросшему кустами. Оглянулся он только раз и увидел мужчину, как ему показалось, Роджера Лернерда, главного специалиста по ссудам в кредитном союзе Гарольда, пытающегося

завести свой автомобиль на стоянке у «Мини-торгового центра на Канальной». Даже сквозь рев ветра и воды он услышал, как затарахтел двигатель маленького автомобиля, вдоль бортов которого неслась черная вода. А потом, с оглушающим грохотом, Кендускиг выплеснулся из берегов и смахнул с лица земли и «Мини-торговый центр на Канальной», и ярко-красный автомобильчик Роджера Лернерда. Гарольд продолжил подъем, цепляясь за ветки, корни, за все, что выглядело достаточно крепким, чтобы выдержать его тяжесть. Высокая земля означала спасение. Как мог бы сказать Эндрю Кин, в это утро Гарольд Гарденер проникся идеей «высокой земли». И Гарольд слышал, как позади него продолжает рушиться центр Дерри. Звуки эти напоминали артиллерийскую канонаду.

4
Билл

— Беверли! — позвал он. Спина и руки гудели от боли. Ричи весил никак не меньше пятисот фунтов. «*Положи его на землю*, — шептал разум. — *Он мертв, ты чертовски хорошо знаешь, что он мертв, так чего бы тебе ни положить его на землю?*»

Но он не клал, не мог это сделать.

— Беверли! — вновь прокричал он. — Бен! Кто-нибудь!

Подумал: «*Это то место, куда Оно забрасывало меня... и Ричи... только Оно забрасывало нас дальше... гораздо дальше. На что оно было похоже? Все уходит из памяти, я забываю...*»

— Билл? — Ему ответил голос Бена, неуверенный и измученный, но достаточно близкий. — Где ты?

— Здесь, чел. Ричи со мной. Он... ранен.

— Говори. — Голос Бена приблизился. — Продолжай говорить.

— Мы убили Оно. — Билл двинулся на голос. — Мы убили эту суку. И, если Ричи мертв...

— Мертв? — Голос Бена наполнила тревога. Он находился близко, совсем близко... а потом его рука, ощупывая темноту, легонько коснулась носа Билла. — Что значит, мертв?

— Я... он... — Теперь они держали Ричи вместе. — Я не могу его увидеть. В этом все дело. Я н-не мо-огу е-его у-у-увидеть!

— Ричи! — крикнул Бен и потряс его. — Ричи, очнись! Очнись, черт тебя побери! — Слова наползали друг на друга, голос задрожал. — РИЧИ, ТЫ ОЧНЕШЬСЯ, ТВОЮ МАТЬ?

Из темноты раздался сонный, раздраженный, глуховатый голос:

— Хорошо, Стог. Хорошо. Не нужны нам никакие блинские купоны...

— Ричи! — взревел Билл. — Ричи, с тобой все в порядке?

— Сука отбросила меня, — ответил Ричи все тем же усталым голосом только что проснувшегося человека. — Я обо что-то сильно ударился. Это все... это все, что я помню. Где Бевви?

— Там же, — ответил Бен и быстро рассказал им о яйцах. — Я раздавил больше сотни. Думаю, все.

— Молю Бога, чтобы все, — сказал Ричи. По голосу чувствовалось, что он приходит в себя. — Опусти меня на землю, Большой Билл. Я смогу идти... Шум воды стал громче?

— Да, — ответил Билл. Все трое стояли в темноте, держась за руки. — Как твоя голова?

— Чертовски болит. Что случилось после того, как я отключился?

Билл рассказал им все, что мог заставить себя рассказать.

— И Оно мертво. — В голосе Ричи слышалось изумление. — Ты уверен, Билл?

— Да, — ответил Билл. — На этот раз я действительно у-у-уверен.

— Слава богу, — выдохнул Ричи. — Придержи меня, Билл, я сейчас блевану.

Билл придержал, Ричи блеванул, и они двинулись в обратный путь. То и дело ноги Билла отбрасывали в темноту что-то округлое. Осколки скорлупы яиц Паучихи, которые раздавил Бен, предположил он, и по телу его пробежала дрожь. Свидетельство того, что идут они в правильном направлении. И он радовался, что разбитые яйца сокрыты темнотой.

— Беверли! — прокричал Бен. — Беверли!

— Я здесь...

Ее ответный крик едва донесся до них, почти заглушенный рокотом воды. Они двинулись дальше, снова и снова зовя ее, ориентируясь по ее крикам.

Когда они наконец добрались до Беверли, Билл спросил, нет ли у нее спичек. Она вложила их ему в руку. Билл зажег одну и увидел их призрачные лица. Бен одной рукой обнимал Ричи, у которого

подгибались колени, а из правого виска сочилась кровь. Беверли сидела, положив голову Эдди себе на колени. Повернувшись в другую сторону, он увидел лежащую на каменном полу Одру: ноги вытянуты, лицо смотрит в другую сторону. От паутинной упряжи практически ничего не осталось.

Спичка обожгла пальцы, и Биллу пришлось бросить ее. В темноте он неправильно рассчитал расстояние, споткнулся об Одру, едва не упал.

— Одра! Одра, ты ме-еня с-слышишь?

Он сунул руку ей под спину, усадил. Потом его рука нырнула под гриву волос, пальцы он прижал к шее. Нащупал пульс: медленный и ровный.

Зажег еще спичку, и когда вспыхнул огонек, увидел, как отреагировали ее зрачки. Но отреагировали рефлекторно, потому что она по-прежнему смотрела в одну точку, даже когда он поднес спичку к ее лицу так близко, что покраснела кожа. Она была жива, но ни на что не реагировала. Черт, такое хуже, чем смерть, и Билл это знал. Одра находилась в кататонии.

Вторая спичка обожгла ему пальцы, и он ее затушил.

— Билл, не нравится мне этот шум воды, — донесся до него голос Бена. — Думаю, нам надо уходить.

— Как мы выберемся без Эдди? — пробормотал Ричи.

— Выберемся, — уверенно ответила Беверли. — Билл, Бен прав. Нам надо уходить.

— Я ее возьму.

— Конечно. Но мы должны идти.

— Куда?

— Ты узнаешь, — ответила Беверли. — Ты убил Оно. Ты найдешь путь, Билл.

Он поднял Одру, как раньше поднимал Ричи, и направился к остальным. По коже побежали мурашки: Одра превратилась в дышащую восковую фигуру.

— Куда идти, Билл? — спросил Бен.

— Я н-н-не...

(*ты узнаешь, ты убил Оно, и ты найдешь путь*).

...Ладно, по-ошли. Поглядим, может, и сумеем отыскать дорогу. Беверли, во-о-озьми. — Он протянул ей спички.

— Как насчет Эдди? — спросила она. — Мы должны вынести его.

— К-а-а-ак? — ответил Билл. — Это... Бе-еверли, э-это место ра-а-азваливается.

— Мы должны вынести его, — согласился Ричи. — Давай, Бен.

Вдвоем они подняли тело Эдди. Беверли зажгла спичку. Первой подошла к двери из сказки, открыла ее. Билл протащил в проем Одру, держа ее подальше от пола. Потом Ричи и Бен вынесли Эдди.

— Положите его, — сказала Беверли. — Здесь он может остаться.

— Тут слишком темно, — Ричи всхлипнул. — Вы понимаете... тут слишком темно. Эдс... он...

— Нет, все правильно, — возразил Бен. — Может, именно здесь он и должен остаться. Думаю, именно здесь.

Они положили Эдди на землю, и Ричи поцеловал его в щеку. Потом посмотрел на Бена невидящими глазами.

— Ты уверен?

— Да. Пошли, Ричи.

Ричи поднялся, повернулся к дверце.

— Пошла на хер, сука! — неожиданно крикнул он и захлопнул дверцу, пнув ее ногой.

Раздался громкий щелчок, словно дверца не только закрылась, но и защелкнулась на замок.

— Зачем ты это сделал? — спросила Беверли.

— Не знаю, — ответил Ричи, но он знал очень даже хорошо. Он обернулся буквально перед тем, как спичка, которую держала Беверли, погасла.

— Билл... знак на двери...

— А что с ним? — выдохнул Билл.

— Его нет, — ответил Ричи.

5

Дерри — 10:30

Стеклянный коридор между взрослой и детской библиотеками неожиданно взорвался в яркой вспышке света. Стекло разлетелось зонтиком, посекло листву деревьев, росших поблизости. От такого обстрела кто-то мог бы серьезно пострадать, а то и погибнуть,

но людей не было ни в библиотеке, ни рядом. В тот день она просто не открылась. Коридор, который так зачаровывал юного Бена Хэнскома, заново не построили: разрушения в Дерри были столь велики, что две библиотеки оставили отдельно стоящими зданиями. Через какое-то время никто из членов Городского совета Дерри уже не мог вспомнить, для чего предназначалась эта стеклянная пуповина. Возможно, только Бен и мог рассказать им, каково это, стоять снаружи холодным январским вечером, хлюпать носом, чувствовать, как в варежках немеют кончики пальцев, и смотреть на людей, которые ходят туда-сюда сквозь зиму, без пальто и окруженные светом. Он мог бы им все это рассказать... но, возможно, о таком не говорят на заседании Городского совета, не рассказывают, каково стоять в холодной темноте и учиться любить свет. Впрочем, все это досужие разговоры, а факты таковы: стеклянный коридор взорвался без всякой на то причины, никто не пострадал (и слава богу, потому что согласно окончательному подсчету количество жертв урагана, обрушившегося в то утро на Дерри, — если говорить только о людях — и так составило шестьдесят семь убитых и более трехсот двадцати раненых), и коридор так и не восстановили. После 31 мая 1985 года, чтобы пройти из детской библиотеки во взрослую, приходилось выходить на улицу. А если шел дождь или снег — надевать пальто.

6

К свету — 10:54, 31 мая 1985 г.

— Подождите. — Билл тяжело дышал. — Мне надо... передохнуть.

— Давай я тебе помогу, — вновь предложил Ричи. Эдди они оставили у логова Паучихи, и об этом никому говорить не хотелось. Но Эдди умер, а Одра была жива... по крайней мере формально.

— Сам справлюсь. — Билл жадно хватал ртом воздух.

— Хрена с два. Только получишь гребаный инфаркт. Давай я тебе помогу, Большой Билл.

— Как твоя го-о-олова?

— Болит, — ответил Ричи. — Не меняй тему.

С неохотой Билл позволил Ричи взять Одру. Могло быть и хуже: Одра была высокой и обычно весила сто сорок фунтов. Но в «Комнате на чердаке» она играла молодую женщину, которую держал заложницей психопат, вообразивший себя политическим террористом. И поскольку сцены на чердаке Фредди Файрстоун хотел отснять первыми, Одре пришлось сесть на жесткую диету — куриное мясо, творог, тунец — и сбросить двадцать фунтов. Однако после того как с ней на руках он отшагал четверть мили (или полмили, или три четверти, кто знал), эти сто двадцать фунтов тянули уже на все двести, а то и больше.

— С-с-спасибо, че-е-ел.

— Пустяки. Следующая очередь — твоя, Стог.

— Бип-бип, Ричи, — ответил Бен, и Билл не смог не улыбнуться. Усталой улыбкой, да и не задержалась она на его лице, но лучше какая-то, чем никакой.

— Куда теперь, *Билл? — спросила Беверли. — Вода шумит все* сильнее. Очень не хочется здесь утонуть.

— Сейчас прямо, потом налево, — ответил Билл. — Наверное, нам лучше прибавить шагу.

Они шли еще с полчаса, Билл указывал, где поворачивать. Шум воды продолжал нарастать и в конце концов окружил их, и в темноте этот долби-эффект пугал. Билл ощупывал влажную стену на очередном перекрестке, когда вода потекла по его туфлям. Поток был неглубоким, но быстрым.

— Передай мне Одру, — *сказал он Бену, который тяжело ды*шал. — Идем против течения. — Бен осторожно передал Одру Биллу, и тот закинул ее на плечо... так пожарные выносили людей из горящего дома. Если б она запротестовала... дернулась бы... сделала б хоть что-нибудь. — Что со спичками, Бев?

— Немного. Может, полдесятка. Билл... ты знаешь, куда мы идем?

— Думаю, д-д-да, — ответил он. — Пошли.

Он обогнул угол, и они последовали за ним. Вода пенилась, обтекая лодыжки Билла, потом дошла до икр, наконец до бедер. И шум нарастал. Тоннель, по которому они шли, мерно вибрировал. Какое-то время Билл думал, что поток слишком уж мощный, чтобы идти против него, но потом они миновали впускную трубу, через которую в тоннель поступало огромное количество воды — он даже

подивился ее бурлящей силе, — и скорость потока заметно упала, хотя глубина продолжала возрастать. Вода...

«Я вижу воду, поступающую по впускной трубе! Вижу ее!»

— Э-э-эй! — закричал Билл. — Вы ч-что-нибудь ви-и-идите?

— В последние пятнадцать минут стало светлее! — крикнула Беверли. — Где мы, Билл? Ты знаешь?

«Думаю, да», — едва не сорвалось с губ Билла.

— Нет. Пошли!

Он полагал, что они должны приближаться к забетонированной части русла Кендускига, которая называлась Каналом... той части, что проходила под центром города и заканчивалась в Бэссипарк. Но здесь был свет, свет, а никакого света в проходящем под городом Канале быть не могло. Однако в тоннеле становилось все светлее.

У Билла возникли серьезные проблемы с Одрой. Мешал уже не сам поток — скорость заметно упала, — а его глубина. *«Скоро она у меня поплывет»*, — подумал Билл. Он видел Бена по левую руку, а Беверли — по правую. Повернув голову, мог увидеть и Ричи, который шел сзади. На дне тоннеля появился мусор, судя по всему, отдельные кирпичи и их кучки. А впереди что-то торчало из воды, как нос тонущего корабля.

Бен направился к торчащему предмету, дрожа в холодной воде. Мокрая сигарная коробка плыла прямо на него. Коробку он оттолкнул, схватился за торчащий предмет. Его глаза широко раскрылись. Из воды торчала большая вывеска. Он прочитал буквы «АЛ», а ниже «НАЗА». Внезапно он все понял.

— Билл! Ричи! Бев! — крикнул он и расхохотался от удивления.

— Что такое, Бен? — откликнулась Бев.

Схватив вывеску обеими руками, Бен развернул ее. Одной стороной вывеска царапнула по стене. Теперь они могли прочитать «АЛАДДИ» и «НАЗАД В БУДУЩЕЕ».

— Это же вывеска «Аладдина», — заметил Ричи. — Как она?..

— Улица провалилась, — прошептал Билл. У него округлились глаза. Он смотрел вперед. Света там было больше.

— Что, Билл?

— Что, на хрен, произошло?

— Билл? Билл? Что?..

— Все эти дренажные коллекторы! — воскликнул Билл. — Все эти старые дренажные коллекторы! Очередное наводнение! И, думаю, на этот раз...

Он двинулся дальше, приподняв Одру над водой. Бен, Бев и Ричи шли следом. Пять минут спустя Билл поднял голову и увидел синее небо. Он смотрел сквозь трещину в перекрытии тоннеля, трещину, которая, уходя от него, расширялась чуть ли не до семидесяти футов. А из воды впереди торчали островки и целые архипелаги: груды кирпичей, задняя половина «плимута» с открытым багажником, к стене тоннеля, как пьяный, привалился счетчик с парковки с красной табличкой «НАРУШЕНИЕ» над шкалой.

Идти дальше стало крайне затруднительно. То и дело встречались горки и пригорки, и каждый шаг грозил вывихом, а то и переломом лодыжки. Вода неспешно текла на уровне их подмышек.

«*Сейчас здесь потише*, — подумал Билл. — *А окажись мы тут двумя часами раньше, даже одним, нам пришлось бы отчаянно бороться за жизнь*».

— И что, нах, это значит, Большой Билл? — Ричи стоял у его левого локтя, лицо смягчилось от написанного на нем изумления. Смотрел он на перекрытие тоннеля.

«*Только никакое это не перекрытие*, — подумал Билл. — *Это Главная улица. Точнее, то, что было Главной улицей*».

— Я думаю, центр Дерри уже в Канале и продвигается по Кендускигу. Очень скоро он попадет в Пенобскот, а потом окажется в Атлантическом океане, и мы от него окончательно избавимся. Ты поможешь мне с Одрой, Ричи? Не думаю, что мне одному...

— Конечно, — кивнул Ричи. — Конечно, Билл. Никаких проблем.

Он взял Одру у Билла. При таком освещении Билл мог разглядеть ее даже лучше, чем ему хотелось. Грязь на щеках и на лбу только маскировала, но не скрывала бледность лица Одры. Глаза оставались широко раскрытыми... широко раскрытыми и невинными во всех смыслах слова. Мокрые волосы висели патлами. Она слишком напоминала надувную куклу, каких продавали в «Ларце наслаждений» в Нью-Йорке и на улице Рипербан в Гамбурге. Разница заключалась только в ровных, редких вдохах и выдохах... но и это мог быть какой-нибудь технический трюк.

— Как нам отсюда выбраться? — спросил он Ричи.

— Пусть Бен подсадит тебя. Ты вытащишь Бев, вы вдвоем — твою жену. Потом Бен подсадит меня, а мы все вытащим Бена. После чего я покажу вам, как организовать волейбольный турнир для тысячи второкурсниц.

— Бип-бип, Ричи.

— Бибикни своему заду, Большой Билл.

Усталость волнами прокатывалась по телу Билла. Он поймал взгляд Беверли и несколько мгновений держался за него. Она ему чуть кивнула, и он улыбнулся в ответ.

— Подсадишь меня, Бен?

Бен, который тоже выглядел невероятно усталым, кивнул. Глубокая царапина бежала по его щеке.

— Думаю, с этим я справлюсь.

Он чуть наклонился и переплел пальцы. Билл поставил на них ногу, потянулся руками вверх. Этого не хватило. Бен поднял ступеньку, которую образовали его ладони, и только тогда Билл сумел зацепиться за край пролома. Он подтянулся на руках. Прежде всего увидел бело-оранжевый оградительный барьер. Потом — мужчин и женщин, толпящихся за этим и другими барьерами. И наконец — Универмаг Фриза, только уменьшившийся в размерах и какой-то перекошенный. Но очень быстро до него дошло, что часть универмага уже ушла в улицу и Канал под ней, а оставшиеся этажи накренились и грозят завалиться в любой момент, словно стопка небрежно сложенных книг.

— Посмотрите! Посмотрите! Кто-то на улице!

Какая-то женщина указывала на то место, где в широкой трещине появилась голова Билла, а потом и он сам.

— Слава богу, выжил кто-то еще!

Она направилась к Биллу, пожилая женщина с косынкой на голове. Коп задержал ее.

— Там опасно, миссис Нельсон. Вы это знаете. Улица может провалиться в любой момент.

«*Миссис Нельсон*, — подумал Билл. — *Я вас помню. Ваша сестра иногда сидела со мной и Джорджем*». Он поднял руку, показывая, что с ним все в порядке. Внезапно ощутил прилив хорошего настроения... и надежды.

Повернулся головой к трещине, лег на проседающий асфальт, стараясь как можно равномернее распределить свой вес, будто находился на тонком льду. Протянул руки вниз, к Бев. Она схватилась

за его кисти и он, собрав воедино остаток сил, вытащил ее из тоннеля. Солнце, которое уже скрылось за облаком, вдруг появилось вновь, вернув им тени. Беверли подняла голову, вздрогнула, потом поймала взгляд Билла и улыбнулась.

— Я люблю тебя, Билл. И молюсь, чтобы с ней все стало хорошо.

— С-с-спасибо, Бевви. — И его добрая улыбка вышибла у нее слезу. Он обнял ее, и толпа, собравшаяся за оградительными барьерами, зааплодировала. Фотограф из «Дерри ньюс» сделал снимок. Он появился в номере от 1 июня, который напечатали в Бангоре, потому что вода повредила печатные машины, установленные в типографии газеты. Подпись под фотографией сделали совсем короткую и настолько правдивую, что Билл вырезал фотографию и потом много лет носил ее в своем бумажнике: «ВЫЖИВШИЕ». Одно только слово, но больше и не требовалось.

Произошло это в Дерри, штат Мэн, без шести минут одиннадцать.

7

Дерри — в тот же день, позже

Стеклянный коридор между взрослой и детской библиотеками взорвался в 10:30. Через три минуты дождь прекратился. Не начал затихать — просто прекратился, словно Кто-то Там Наверху щелкнул переключателем. Ветер уже стал терять силу, причем терял ее так быстро, что люди недоуменно переглядывались, словно подозревали вмешательство чего-то сверхъестественного. А уж по звукам все это напоминало выключение двигателей «Боинга-747», благополучно припарковавшегося к телескопическому трапу. Солнце впервые выглянуло в 10:47. К полудню небо очистилось полностью, и вторая половина того дня выдалась в Дерри ясной и жаркой. В 15:30 ртуть в рекламном термометре «Оранж краш», который висел на двери магазина «Подержанная роза, поношенная одежда», поднялась до отметки 83 градуса* — рекорд-

* 83 градуса по шкале Фаренгейта соответствуют 28,33 градуса по шкале Цельсия.

но высокой температуры для весны. Люди ходили по улицам, как зомби, особо не разговаривали, с поразительно одинаковым выражением лиц. На них читалось глупое изумление: это могло бы показаться очень даже смешным, если б все не было так печально. К вечеру в Дерри уже прибудут съемочные группы Эй-би-си, Си-би-эс, Эн-би-си и Си-эн-эн, и потом репортеры служб новостей займутся важным делом — донести некую версию правды о случившемся до большинства людей; превратить случившееся в реальность... хотя хватало таких, кто говорил, что реальность — идея, не заслуживающая доверия, нечто, возможно, не более убедительное, чем кусок парусины, растянутый на переплетении проводов, напоминающих главные нити некой паутины. На следующее утро в Дерри приедут журналисты Брайан Гамбл и Уиллард Скотт из ежедневной программы «Сегодня». По ходу программы Гамбл возьмет интервью у Эндрю Кина. «Водонапорная башня просто упала и покатилась с холма, — сказал Эндрю. — Это было зашибись. Вы понимаете, о чем я? Типа Стивену Спилбергу и не снилось, ага. Эй, когда я видел вас в телевизоре, мне казалось, что вы, знаете ли, гораздо крупнее». Ты сам и твои соседи на экране телевизора — это превращает случившееся в реальность. Позволяет занять некую позицию и, уже стоя на ней, попытаться постичь этот непостижимый ужас. Это был НЕНОРМАЛЬНЫЙ УРАГАН. В последующие дни заголовок «ЧИСЛО ПОГИБШИХ» уступит месту «ПОСЛЕДСТВИЯ УРАГАНА-УБИЙЦЫ». Это был по существу «САМЫЙ СТРАШНЫЙ ВЕСЕННИЙ УРАГАН ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ШТАТА МЭН». Все эти заголовки, при всей их ужасности, приносили пользу — помогали притупить исключительную странность того, что произошло... хотя, наверное, «странность» — мягко сказано. «Безумство» подошло бы больше. И после того как люди видели себя в телевизоре, случившееся становилось более конкретным, менее безумным. Но в часы, остававшиеся до прибытия съемочных телевизионных групп, по заваленным мусором, грязным улицам бродили только жители Дерри, и их ошеломленные лица говорили о том, что они просто не могут поверить своим глазам. Только жители Дерри, практически не разговаривающие между собой, разглядывающие то, что лежало на земле, иногда что-то поднимающие. Потом отбрасывающие поднятое, пытающиеся осознать, что же все-таки произошло за последние семь или восемь часов. Мужчи-

ны стояли на Канзас-стрит, курили, смотрели на дома, сползшие в Пустошь. Другие мужчины и женщины, столпившись у бело-оранжевых оградительных барьеров, смотрели в черную дыру, которая до десяти утра была центром города. Заголовок воскресного номера газеты гласит: «МЫ ОТСТРОИМСЯ, клянется МЭР ДЕРРИ», — и, возможно, так оно и будет. Но в последующие недели, когда Городской совет лихорадочно решал, с чего начинать восстановление города, гигантский кратер, поглотивший центр Дерри, продолжал увеличиваться в размерах, не так чтобы очень активно, но продолжал. Через четыре дня после урагана рухнуло административное здание «Бангор гидроэлектрик компании». Еще через три дня — здание «Флаинг догхаус», где готовили самые вкусные в Восточном Мэне краут- и чили-доги. Периодически сточные воды вдруг начинали течь в обратном направлении и выплескивались из унитазов в отдельных и многоквартирных домах, в административных зданиях. Особенно тяжелая ситуация сложилась в Олд-Кейпе, и люди начали оттуда уезжать. 10 июня открылся сезон скачек в Бэсси-парк. Первый заезд стартовал в восемь вечера, как и планировалось, и это, похоже, всем подняло настроение. Но секция трибун под открытым небом рухнула, когда рысаки выходили на последнюю прямую, и полдесятка людей получили травмы. Среди них оказался и Фокси Фоксуорт, управляющий кинотеатром «Аладдин» до 1973 года. Фокси провел две недели в больнице, куда его доставили с переломом ноги и разрывом яичка. А когда его выписали, он решил перебраться к сестре в Самерсуорт, штат Нью-Хэмпшир.

И не он один. Дерри разваливался.

8

Они наблюдали, как санитар закрывает задние двери «скорой» и идет к пассажирскому сиденью кабины. «Скорая» начала подниматься на холм, держа путь к Городской больнице. Ричи остановил ее, буквально прыгнув под колеса, и убедил раздраженного водителя, который поначалу настаивал, что места в машине нет, переменить свое мнение. В итоге Одру положили на носилки, а носилки поставили на пол.

— И что теперь? — спросил Бен. Под его глазами висели огромные коричневые мешки, а шею покрывала грязь.

— Я во-о-озвращаюсь в «Таун-хаус», — ответил Билл. — Бу-уду спать ше-естнадцать часов.

— Поддерживаю, — кивнул Ричи. С надеждой посмотрел на Бев: — Есть сигареты, красотка?

— Нет, — покачала головой Беверли. — Думаю, опять брошу курить.

— Вполне здравая мысль.

Они медленно пошли в гору, все четверо, бок о бок.

— Все за-а-акончено, — сказал Билл.

Бен кивнул:

— Мы это сделали. Ты это сделал, Большой Билл.

— Мы все это сделали, — возразила Беверли. — Так жаль, что мы не смогли вынести оттуда Эдди. Я жалею об этом больше всего.

Они добрались до угла Верхней главной улицы и Пойнт-стрит. Мальчишка в красном дождевике и зеленых сапогах пускал бумажный кораблик по быстрому потоку воды в ливневой канаве. Поднял голову, увидел, что они смотрят на него, нерешительно помахал рукой. Билл подумал, что это тот самый мальчишка со скейтбордом, приятель которого видел акулу из фильма «Челюсти» в Канале. Улыбнулся и шагнул к мальчишке.

— Те-е-перь все хорошо, — сказал он.

Мальчик очень серьезно всмотрелся в него, потом заулыбался сам. Улыбка получилась солнечной и полной надежды.

— Да. Я думаю, да.

— Можешь по-оспорить на свою ш-шкуру.

Мальчишка рассмеялся.

— Ты бу-удешь осторожнее на с-своем скейтборде?

— Едва ли, — ответил мальчишка, и теперь рассмеялся Билл. С трудом подавил желание взъерошить ему волосы — тому могло бы не понравиться — и вернулся к остальным.

— Это кто? — спросил Ричи.

— Друг. — Билл сунул руки в карманы. — Вы помните, как мы вышли оттуда в прошлый раз?

Беверли кивнула.

— Эдди привел нас обратно в Пустошь. Только почему-то на другой берег Кендускига. Со стороны Олд-Кейп.

— Ты и Стог скинули крышку с одной из этих насосных станций, — Ричи повернулся к Биллу, — потому что вы были самые сильные.

— Да, — кивнул Бен. — Скинули. Солнце уже опустилось чуть ли не к самому горизонту, но еще не зашло.

— Да, — вздохнул Бил. — И тогда мы были все вместе.

— Но ничто не длится вечно. — Ричи посмотрел вниз, в ту сторону, откуда они пришли, и вздохнул: — Взгляните, к примеру, на это.

Он вытянул руки. Шрамы на ладонях исчезли. Беверли вытянула руки... Бен... Билл. Все грязные, но без единого шрама.

— Ничто не длится вечно, — повторил Ричи. Посмотрел на Билла, и Билл увидел слезы, которые медленно текли сквозь грязь на щеках Ричи.

— Кроме, возможно, любви, — уточнил Бен.

— И желания, — добавила Беверли.

— Как насчет друзей? — спросил Билл и улыбнулся. — Что думаешь, Балабол?

— Что ж, — Ричи улыбался и тер глаза, — должен об етом падумать, парень, да уж, должен об етом падумать.

Билл протянул руки, остальные последовали его примеру, они образовали круг и какое-то время постояли, семеро, число которых уменьшилось до четырех, но они все равно могли сейчас встать в этот круг. Они переглянулись. Бен тоже плакал, слезы лились из глаз, но он и улыбался.

— Я так сильно вас люблю. — На мгновение он изо всех сил сжал руки Беверли и Ричи, потом отпустил. — А не поглядеть ли нам, знают ли в этих краях, что такое завтрак? И мы должны позвонить Майку. Сказать, что с нами все в порядке.

— Хоррошая мысль, сеньорр, — кивнул Ричи. — Иной рраз я думать, из тебя выйти толк. Что сказать, Бальсой Билла?

— Я думать, а не пойти ли тебе на хрен, — ответил Билл.

Все еще смеясь, они вошли в «Таун-хаус», и когда Билл толкнул стеклянную дверь, Беверли открылось нечто такое, о чем она никому не сказала, но и никогда не забыла. На мгновение она увидела их отражения в стекле, но шестерых, а не четверых, потому что Эдди шел следом за Ричи, а Стэн — за Биллом, с легкой улыбкой на лице.

9

К свету — 14 августа 1958 г., сумерки

Солнце аккуратно сидит на горизонте, чуть сплюснутый красный шар, заливающий Пустошь ровным лихорадочным светом. Железная крышка на одном из бетонных цилиндров над насосной станцией чуть приподнимается, опускается, приподнимается вновь, начинает сдвигаться.

— То-олкай ее, Бе-е-ен, о-она с-сломает мне плечо...

Крышка продолжает сдвигаться, наклоняется, падает в кусты, которые растут у бетонного цилиндра. Дети, семеро, вылезают один за другим и оглядываются, глуповато моргая в молчаливом изумлении. Такое ощущение, что они никогда раньше не видели дневного света.

— Здесь так спокойно, — тихо говорит Беверли.

И действительно, слышатся только громкое журчание воды да убаюкивающее стрекотание насекомых. Гроза закончилась, но уровень воды в Кендускиге еще высокий. Ближе к городу, около того места, где реку забирают в бетонный корсет и называют Каналом, она даже вышла из берегов, хотя о наводнении речь не идет — дело ограничится разве что несколькими залитыми подвалами. На этот раз.

Стэн отходит от них, лицо у него непроницаемое и задумчивое. Билл оглядывается и поначалу думает, что Стэн увидел на берегу маленький костер. Его первое впечатление — это огонь, красное пламя и такое яркое, что смотреть на него просто невозможно. Но Стэн поднимает огонь правой рукой, угол падения света меняется, и Билл видит, что это всего лишь бутылка из-под кока-колы, из новых, прозрачных бутылок, которую кто-то бросил на берегу. Он наблюдает, как Стэн берет бутылку за горлышко, а потом ударяет по камню, торчащему из земли. Бутылка разбивается, и Билл понимает, что теперь они все следят за Стэном, который копается среди осколков, и лицо у него спокойное, серьезное, сосредоточенное. Наконец он поднимает узкий заостренный осколок. Закатывающееся за горизонт солнце вышибает из него красные сполохи, и Билл снова думает: «*Как огонь*».

Стэн поднимает голову, смотрит на Билла, и тот внезапно понимает: ему все совершенно ясно, и идея абсолютно правильная.

Он направляется к Стэну, вытянув перед собой руки, ладонями вверх. Но Стэн пятится от него, заходит в воду. Черные мушки летают над самой поверхностью, и Билл видит стрекозу с переливающимися разными цветами крыльями, маленькую летающую радугу, которая скрывается в зарослях тростника на другом берегу. Где-то начинает квакать лягушка, а когда Стэн поднимает левую руку и до крови режет ладонь осколком стекла, Билл в каком-то исступленном восторге думает: «*Как здесь бурлит жизнь!*»

— Билл?

— Конечно. Обе.

Стэн режет одну ладонь. Больно, но не очень. Кричит козодой, спокойный звук, умиротворяющий. Билл думает: «Козодой зовет луну».

Он смотрит на свои руки (обе ладони кровоточат), потом вокруг. Все уже подошли — Эдди с зажатым в руке ингалятором, Бен с большим пузом, торчащим сквозь дыры в свитере, Ричи, его лицо без очков такое беззащитное, Майк, молчаливый и серьезный, обычно полные губы сжаты в узкую полоску. И Беверли. С поднятой головой, широко раскрытыми, ясными глазами, и волосы у нее прекрасные, несмотря на то, что в грязи. Никто не произносит ни слова.

«*Мы все. Мы все здесь*».

И он видит их, действительно видит их всех в последний раз, потому что каким-то образом понимает, что больше все вместе, все семеро, они не соберутся. Беверли протягивает руки, через мгновение — Ричи и Бен, Майк и Эдди. Стэн режет их одну за другой, когда солнце начинает сползать за горизонт, и горячее ярко-красное свечение охлаждается до сумеречного бледно-розового. Козодой кричит вновь, и Билл видит первые завитки тумана над водой, и чувствует, что стал частью всего — это удивительные ощущения, о которых он никому не скажет, как много лет спустя Беверли никому не скажет о том, что увидела отражения двух мертвых мужчин, которые мальчиками были ее друзьями.

Ветер шелестит листвой деревьев и кустов, заставляя их вздыхать, и Билл думает: «*Это прекрасное место, и я его никогда не забуду. Тут прекрасно, и они прекрасны; каждый из них великолепен*». Козодой кричит снова, сладко и протяжно, и на мгновение Биллу кажется, что он с козодоем — одно целое, словно и он может вот

так спеть, а потом растаять в сумерках, словно и он может улететь, храбро воспарить в небо.

Он смотрит на Беверли, и она ему улыбается. Закрывает глаза и разводит руки в стороны. Билл берет ее левую руку, Бен — правую. Билл чувствует тепло ее крови, которая смешивается с его собственной. Остальные присоединяются, и они образуют круг, их руки теперь сцеплены в этом особо сокровенном единении.

Стэн смотрит на Билла: в этом взгляде и настойчивость, и страх.

— По-о-оклянитесь м-мне, что вы ве-е-ернетесь, — говорит Билл. — Поклянитесь мне, если О-О-Оно не у-у-умерло, вы ве-е-ернетесь.

— Клянусь, — отвечает Бен.

— Клянусь. — Ричи.

— Да, я клянусь. — Бев.

— Клянусь в этом, — бормочет Майк Хэнлон.

— Да. Клянусь. — Эдди, тоненько и тихо.

— Я тоже клянусь, — шепчет Стэн, но его голос срывается, и он смотрит вниз, произнося эти слова.

— Я к-к-клянусь.

Это все; все. Но они стоят еще какое-то время, чувствуя силу, которую дает круг, замкнутая фигура, образованная ими. Свет разрисовывает их лица бледными выцветшими красками; солнце зашло и закат умирает. Они стоят вместе, в едином кругу, а темнота вползает в Пустошь, заполняя тропы, которые они протоптали этим летом, поляны, на которых они играли в салочки и в войну, потайные местечки на берегу, где сидели и обсуждали важные детские вопросы, или курили сигареты Беверли, или просто молчали, наблюдая, как проплывающие по небу облака отражались в воде. Глаз дня закрывается.

Наконец Бен опускает руки. Пытается что-то сказать, качает головой и уходит. Ричи следует за ним, потом Беверли и Майк, они идут вместе. Никаких разговоров. Они просто поднимаются по крутому склону на Канзас-стрит и уходят один за другим. И когда Билл думает об этом двадцать семь лет спустя, он осознает, что они действительно больше ни разу не собирались все вместе. Вчетвером — часто, иногда впятером, может, раз или два — вшестером. Всемером — больше никогда.

Он уходит последним. Долго стоит, положив руки на побеленный поручень, смотрит на Пустошь внизу, а над головой звезды засевают летнее небо. Стоит под синим и над черным и наблюдает, как Пустошь заполняется чернотой.

«*Я никогда больше не захочу здесь играть*», — внезапно думает он, и, что удивительно, мысль эта не наполняет его ужасом, не вызывает огорчения, наоборот, приносит невероятное ощущение свободы.

Билл стоит еще несколько мгновений, а потом отворачивается от Пустоши и идет домой, шагает по темному тротуару, сунув руки в карманы, время от времени поглядывая на дома Дерри, окна которых тепло светятся в ночи.

Через пару кварталов прибавляет шагу, думая об ужине... миновав еще квартал-другой, начинает насвистывать.

DERRI:

Последняя интерлюдия

> В это время на океане полным-полно кораблей, и мы, несомненно, встретим их сколько угодно. Мы всего лишь пересекаем океан, — мистер Микобер поиграл моноклем, — всего лишь пересекаем. Расстояние весьма эфемерно.
>
> *Чарльз Диккенс «Давид Копперфильд»*

4 июня 1985 г.

Билл пришел минут двадцать назад и принес блокнот с моими записями — Кэрол нашла его на одном из библиотечных столиков и отдала Биллу, когда он ее об этом попросил. Я думал, этот блокнот мог взять шеф Рейдмахер, но, вероятно, он не захотел с ним связываться.

Заикание Билла вновь исчезает, но за последние четыре дня бедняга постарел на четыре года. Он сказал мне, что завтра собирается забрать Одру из Городской больницы (где я сам до сих пор обретаюсь), но только для того, чтобы на частной машине «Скорой помощи» отвезти в Психиатрический институт Бангора. Физически она в порядке — мелкие ссадины и ушибы уже зажили. Психически...

— Ты поднимаешь ее руку, и она остается наверху. — Билл сидел у окна и вертел в руках банку диет-колы. — Так и висит в воздухе, пока кто-нибудь не опустит ее. Рефлексы есть, но очень за-

медленные. Электроэнцефалограмма, которую они сняли, показывает сильно подавленную альфа-волну. Она в ка-а-ататоническом состоянии, Майк.

— У меня есть идея, — ответил я. — Может, не очень хорошая. Если тебе не понравится, так и скажи.

— Какая?

— Я пробуду здесь еще неделю, — ответил я. — Вместо того чтобы ехать с Одрой в Бангор, почему бы тебе не привезти ее ко мне, Билл? Проведи с ней неделю. Поговори, даже если она не будет тебе отвечать. Она... она контролирует свои физиологические отправления?

— Нет, — угрюмо сказал Билл.

— Ты сможешь... я хочу сказать, сумеешь...

— Сумею ли я переодеть ее? — Билл улыбнулся, но улыбка была такая вымученная, что мне приходится отвести глаза. Так же улыбался мой отец, когда рассказывал мне о Буче Бауэрсе и курицах. — Да. Думаю, это я сделать смогу.

— Не стану убеждать тебя взвалить на себя такую ношу, если ты к этому не готов, — продолжил я, — но, пожалуйста, помни, ты сам согласился, что многое из случившегося было предопределено свыше. Возможно, и роль Одры в этой истории.

— Не с-следовало мне говорить ей, куда я е-еду.

Иногда лучше промолчать, я так и поступил.

— Хорошо, — наконец вырвалось у него. — Если ты серьезно...

— Я серьезно. Ключи от моего дома у сестры-хозяйки. В морозилке у меня лежат пара стейков Дельмонико. Возможно, это тоже предопределено.

— Она ест главным образом мягкую пищу и... э... пьет.

— Что ж, — я постарался сдержать улыбку, — может, еще возникнет повод что-нибудь отпраздновать. Кстати, на верхней полке в кладовой лежит бутылка хорошего вина. «Мондави». Местного, но хорошего.

Он подошел и пожал мне руку.

— Спасибо, Майк.

— Пустяки, Большой Билл.

Он отпустил мою руку.

— Утром Ричи улетел в Калифорнию.

Я кивнул:

— Думаю, он останется на связи.

— Во-озможно. Во всяком случае, на какое-то время. Но... — Он пристально посмотрел на меня. — Это случится снова. Я так думаю.

— Мы все забудем? — уточнил я.

— Да. Собственно, процесс уже пошел. Пока мелочи. Детали. Потом все больше и больше.

— Может, оно и к лучшему.

— Может. — Он снова сел, посмотрел в окно, руки не давали покоя банке с диет-колой. Почти наверняка думал о жене, такой молчаливой, и прекрасной, и пластилиновой, лежащей в кататоническом состоянии с широко раскрытыми глазами. О звуке захлопывающейся и запирающейся дверцы. Он вздохнул. — Возможно.

— Бен? Беверли?

Он повернулся ко мне с легкой улыбкой:

— Бен пригласил ее поехать к нему в Небраску, и она согласилась, пока на какое-то время. Ты знаешь о ее подруге в Чикаго?

Я кивнул. Беверли рассказала Бену, а Бен вчера мне. Если я все правильно излагаю (ничего не преуменьшая), тогда получается, что последнее описание ее удивительного, замечательного мужа Тома, в гораздо большей степени соответствовало действительности, чем первое. Четыре года или около того удивительный, замечательный Том держал Беверли в эмоциональных, психологических, а зачастую и физических тисках. Удивительный, замечательный Том попал сюда, выбив информацию о местонахождении Бев из ее единственной близкой подруги.

— Она сказала мне, что через пару недель вернется в Чикаго и подаст в полицию заявление о его исчезновении. В смысле, Тома.

— Умно, — кивнул я. — Внизу его никто никогда не найдет. — *«И Эдди тоже»*, подумал я, но не сказал.

— Не найдет, — согласился Билл. — А когда она вернется в Чикаго, готов спорить, Бен составит ей компанию. И знаешь, что еще? Совсем уж бредовое?

— Что?

— Думаю, она действительно не помнит, что произошло с Томом.

Я просто смотрел на него.

— Она забыла или забывает. И я уже не могу вспомнить, как выглядела дверца. Д-дверца в логово Оно. Пытаюсь вспомнить... и происходит что-то совсем странное: перед мысленным взором воз-

никают козлики, идущие по мосту. Из сказки «Три козлика». Тоже бред, правда?

— В конце концов, они смогут проследить путь Тома до Дерри, — заметил я. — Он оставил бумажный след шириной в милю. Аренда автомобиля, билеты на самолет.

— Я в этом не уверен. — Билл закурил. — Я думаю, билет на самолет он оплатил наличными и назвался вымышленным именем. А машину, на которой добрался сюда, купил по дешевке или украл.

— Почему?

— Да ладно, — отмахнулся Билл. — Ты думаешь, он приехал сюда только для того, чтобы отшлепать ее?

Мы долго смотрели друг на друга. Потом он встал:

— Послушай, Майк...

— Времени нет, должен сматываться, — кивнул я. — Это я понимаю.

Он рассмеялся, смеялся долго, а потом стал серьезным.

— Спасибо, что пустил нас в свой дом, Майки.

— Я не собираюсь заверять тебя, что будет какая-то разница. Насколько мне известно, никакого терапевтического воздействия мой дом ни на кого не оказывает.

— Что ж... еще увидимся. — А потом он удивил меня. Удивил и растрогал. Поцеловал в щеку. — Благослови тебя Господь, Майк. До скорого.

— Все, возможно, образуется, Билл, — сказал я ему. — Не теряй надежду. Все может измениться к лучшему.

Он улыбнулся и кивнул, но, думаю, у нас обоих из головы не выходило одно слово: *кататония*.

5 июня 1985 г.

Бен и Беверли зашли сегодня попрощаться. Они не улетают — Бен арендовал большой «кадиллак» в агентстве «Хертц», на котором они и отправятся в Небраску без всякой спешки. Когда они смотрят друг на друга, в их глазах появляется что-то эдакое, и я готов поставить на кон мою пенсию — если они еще не спелись, это произойдет прежде, чем они доберутся до Небраски.

Беверли обняла меня, велела побыстрее поправляться и расплакалась.

Бен тоже обнял меня, в третий или четвертый раз спросил, напишу ли я ему. Я ответил, что обязательно напишу, и точно буду ему писать... какое-то время. Потому что на этот раз я от них ничем не отличаюсь.

Тоже начинаю все забывать.

Как и говорил Билл, пока это мелочи, детали. Но есть ощущение, что процесс будет расширяться. И, возможно, через месяц или через год только этот блокнот будет напоминать мне о том, что произошло здесь, в Дерри. Полагаю, и сами слова могут начать выцветать, и со временем страницы станут такими же чистыми, как и при покупке этого блокнота в отделе канцелярских принадлежностей в Универмаге Фриза. Это ужасная мысль, и днем она представляется мне абсолютно паранойяльной... но, вы понимаете, при ночных бдениях становится более чем логичной.

Это забывание... такое предположение вызывает панику, но в некотором смысле сулит и робкое облегчение, убеждает меня, как ничто другое, что на этот раз они действительно убили Оно; и никому не нужно стоять на страже в ожидании начала нового цикла. Слепая паника, робкое облегчение. Облегчение я могу только приветствовать, робкое или любое другое.

Билл позвонил, чтобы сказать, что они с Одрой въехали в мой дом. Перемен в ее состоянии нет.

«*Я всегда буду помнить тебя*», — так сказала мне Беверли перед тем, как они с Беном ушли.

Думаю, в ее глазах я увидел другое.

6 июня 1985 г.

Интересная статья появилась сегодня в «Дерри ньюс», на первой странице. Под заголовком: «УРАГАН ЗАСТАВЛЯЕТ ХЕНЛИ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ РАСШИРЕНИЯ ПЛАНОВ СТРОИТЕЛЬСТВА». Вышеуказанный Хенли — Тим Хенли, мультимиллиардер-застройщик, который смерчем ворвался в Дерри в конце шестидесятых. Именно Хенли и Зитнер организовали консорциум, стараниями которого и появился Торговый центр Дерри (он, согласно еще одной статье на первой странице, восстановлению не подлежит). Тим Хенли стремился к тому, чтобы Дерри рос и развивался. Разумеется, мотив получения прибыли, несомненно, присутствовал, но этим дело не ограничивалось: Хенли искренне хотел, чтобы его планы реализовались. И его неожиданный отказ от расширения строительства дает определен-

ную пищу для размышлений. Вывод, что Хенли недоволен Дерри, наиболее очевидный, но не единственный. Вполне возможно, что разрушение Торгового центра поставило его на грань разорения.

И в статье есть намеки, что Хенли не одинок; другие инвесторы и потенциальные инвесторы в будущее Дерри скорее всего призадумались. Разумеется, Элу Зитнеру уже можно не беспокоиться: Господь прибрал его к себе, когда центр города провалился сквозь землю. Перед другими же, включая Хенли, стоит довольно-таки серьезная проблема: как отстроить городскую территорию, которая процентов на пятьдесят ушла под воду?

Я склоняюсь к тому, что после долгого и омерзительно живого существования Дерри, возможно, умрет... как умирает паслен, время цветения которого пришло и ушло.

Во второй половине дня позвонил Биллу Денбро. Состояние Одры без изменений.

Часом раньше я сделал еще звонок, Ричи Тозиеру в Калифорнию. Звонок принял его автоответчик, порадовав меня мелодией «Криденс клеаруотер ревайвел», которая служила музыкальным фоном. Эти машины постоянно меня путают: забываю, когда надо говорить. Я надиктовал имя, телефон, а после короткой паузы выразил надежду, что Ричи вновь может носить контактные линзы. Уже собирался класть трубку, когда услышал: «Майки? Как поживаешь?» В голосе звучала теплота, чувствовалось, что Ричи доволен моим звонком... но при этом угадывалось и замешательство. Так бывает, когда человека застают врасплох.

— Привет, Ричи, — ответил я. — У меня все хорошо.

— Отлично. Боль досаждает?

— Есть немного, но уже не так, как раньше. Что досаждает, так это зуд. Жду не дождусь, когда они снимут повязку с ребер. Между прочим, «Криденс» мне понравились.

Ричи рассмеялся.

— Черт, это не «Криденс», это «Рок-н-ролльные девушки» из нового альбома Фогарти. «Сентрфилд», так он называется. Ты его не слышал?

— Вроде нет.

— Надо тебе его прикупить. Отличный альбом. Все равно что... — он замолчал, потом продолжил. — Все равно что прежние времена.

— Я прикуплю, — ответил я, и, возможно, так и сделаю. Мне всегда нравился Джон Фогарти. «Зеленая река», по мне, лучшая

песня «Криденс». «*Возвращайся домой, говорит он, пока не угас свет, говорит он*».

— Как Билл?

— Они с Одрой сторожат мой дом, пока я здесь.

— Хорошо. Это хорошо. — Он помолчал. — Хочешь услышать кое-что очень странное, Майки?

— Конечно. — Но я уже представлял себе, что он сейчас скажет.

— Что ж... сижу я в моем кабинете, слушаю популярные новинки, просматриваю рекламные объявления, читаю служебные записки... бумаг у меня на столе две горы, чтобы их разобрать, нужно целый месяц пахать по двадцать четыре часа в сутки. Поэтому я включил автоответчик, но с громкой связью, чтобы брать трубку, если звонит человек, с которым я хочу поговорить, а всякие кретины пусть записываются на пленку. А тебя я заставил так долго говорить по одной простой причине...

— ...потому что поначалу понятия не имел, кто я такой.

— Господи, именно так! Как ты узнал?

— Потому что мы снова начали забывать. Теперь уже мы все.

— Майки, ты уверен?

— Можешь назвать мне фамилию Стэна? — спросил я.

На том конце провода воцарилось молчание... долгое молчание. В паузе я слышал, пусть и очень тихий, голос женщины, которая разговаривала с кем-то в Омахе... а может, в Рутвене, штат Аризона... или во Флинте, штат Мичиган. Я ее слышал, но очень плохо, совсем как астронавта, который покидает солнечную систему в космическом корабле, отделившемся от ракеты-носителя, и благодарит кого-то за вкусные пирожные.

— Кажется, Андервуд, — наконец неуверенно ответил Ричи, — но это не еврейская фамилия, так?

— Его фамилия Урис.

— Урис! — воскликнул Ричи, с облегчением и при этом потрясенный. — Господи, это кошмар! Фамилия вертелась у меня на языке, но я никак не мог ее вспомнить. Кто-то приносит игру «Счастливый случай», я говорю: «Извините, я боюсь, что диарея вернулась, поэтому мне лучше прямо сейчас пойти домой». Но ты все равно помнишь, Майк, как и прежде.

— Нет. Я заглянул в мою записную книжку.

Вновь долгая пауза.

— Так ты не помнил?

— Нет.

— Без балды?

— Без балды.

— Тогда на этот раз все действительно закончилось. — И в его голосе слышится неподдельное облегчение.

— Да, я тоже так думаю.

И опять в проводах повисла тишина, через всю страну, от Мэна до Калифорнии. Я уверен, мы оба думали об одном и том же: «*Все закончилось, да, и через шесть недель или через шесть месяцев мы полностью забудем друг друга. Все закончилось, но нам это обошлось в нашу дружбу и жизни Стэна и Эдди*». Я уже их почти забыл, понимаете? Как ни ужасно это звучит, я почти забыл Стэна и Эдди. У Эдди была астма или хроническая мигрень? Будь я проклят, если помню наверняка, хотя думаю, что его донимала мигрень. Спрошу Билла. Он скажет.

— Ладно, *передай привет Биллу и его красотке-жене.* — *Радость* в голосе Ричи явно искусственная.

— Обязательно, Ричи. — Я закрываю глаза и тру лоб. Он помнит, что жена Билла в Дерри, но забыл, как ее зовут и что с ней случилось.

— Если окажешься в Лос-Анджелесе, номер у тебя есть. Мы встретимся и где-нибудь пожуем вместе.

— Конечно. — Я почувствовал, как горячие слезы жгут глаза. — А если ты заглянешь сюда, сделаем то же самое.

— Майки?

— На связи.

— Я люблю тебя, чел.

— И я тоже.

— Отлично. Держи хвост пистолетом.

— Бип-бип, Ричи.

Он рассмеялся.

— Да, да, да. Засунь его себе в ухо, Майки. Да, малыш, в свое ухо.

Он положил трубку, я тоже. Потом откинулся на подушку, закрыл глаза и долго их не открывал.

7 июня 1985 г.

Начальник полиции Эндрю Рейдмахер, который занял этот пост после ухода шефа Бортона на пенсию в конце шестидесятых годов, погиб. История странная, и я не могу не связать ее с тем, что происходило в Дерри... с тем, что только что закончилось в Дерри.

Здание, в котором располагались суд и полицейское управление, находится на границе той части города, которая свалилась в Канал, и пусть оно устояло, обрушение — или наводнение — должно быть, причинило серьезный урон несущим конструкциям, о чем никто не догадывался.

Как следовало из газетной статьи, Рейдмахер в тот вечер работал допоздна в своем кабинете. Собственно, после урагана и наводнения он каждый вечер задерживался на работе. Кабинет начальника полиции давно уже перенесли с третьего этажа на пятый, под чердак, где хранились архивы и ненужные вещи. Среди них — стул наказаний, о котором я уже рассказывал на этих страницах. Изготовленный из железа, весил он больше четырехсот фунтов. Во время ливня 31 мая немало воды попало в здание и, вероятно, прочность пола чердака заметно уменьшилась (по информации из той же статьи). Какой бы ни была причина, стул наказаний проломил пол и упал прямо на шефа Рейдмахера, который сидел за столом и читал полицейские рапорты. Он погиб мгновенно. Патрульный Брюс Эндин, вбежавший в кабинет, нашел его лежащим на обломках стола с ручкой в руке.

Вновь говорил с Биллом по телефону. Одра начала есть твердую пищу, но по чуть-чуть, сообщил он, а в остальном изменений нет. Я спросил его, чем мучился Эдди, астмой или мигренью.

— Астмой, — без запинки ответил он. — Ты не помнишь его ингалятор?

— Конечно, помню, — ответил я и вспомнил, но только после слов Билла.

— Майк?

— Да.

— Какая была у него фамилия?

Я глянул на записную книжку, которая лежа на столике у кровати, но не взял ее.

— Что-то не вспоминается.

— Вроде бы Керкорян. — В голосе Билла слышалось страдание, — но не совсем. Хотя у тебя все записано, так?

— Так, — ответил я.

— Слава богу.

— У тебя есть какие-то идеи насчет Одры?

— Одна, — ответил он, — но такая безумная, что я не хочу об этом говорить.

— Точно?
— Да.
— Хорошо.
— Майк, это пугает, правда? Все это забывание.
— Да, — ответил я. И оно пугало.

8 июня 1985 г.

Компания «Рейтеон», которая в июле намеревалась начать строительство завода в Дерри, в последнюю минуту остановила свой выбор на Уотервилле. Передовица «Дерри ньюс» выражает недоумение и, если я правильно читаю между строк, толику страха.

Думаю, я представляю себе, в чем заключается идея Билла. Только действовать ему нужно быстро, до того как остатки магии покинут эти места. Если уже не покинули.

И то, о чем я думал раньше, оказалось совсем не паранойей. Имена, фамилии и адреса остальных в моей записной книжке выцветают. По цвету и качеству чернил, которыми сделаны эти записи, можно подумать, что появились они в книжке на пятьдесят или на семьдесят пять лет раньше, чем все остальные. Выцветание началось четыре или пять дней назад. И я убежден, что к сентябрю от этих записей ничего не останется.

Наверное, я могу каким-то образом их сохранить; могу переписывать изо дня в день. Но я также убежден, что и они будут выцветать, и очень скоро занятие это станет упражнением в фатальности... все равно что написать пятьсот раз «*Я не плююсь жвачкой в классе*». Я буду записывать имена, которые ничего не будут для меня значить, по той причине, что не смогу вспомнить, чьи это имена.

Что было, то прошло, что было, то прошло.

Билл, действуй быстро... но будь осторожен!

9 июня 1985 г.

Проснулся ночью от жуткого кошмара, который не мог вспомнить, в панике, едва дыша. Потянулся к кнопке вызова, но не позвонил. Вдруг представил себе, что по звонку придет Марк Ламоника со шприцем... или Генри Бауэрс с ножом.

Схватил записную книжку и позвонил Бену Хэнскому в Небраску... адрес и телефонный номер выцвели еще больше, но я мог их

разобрать. Шиш с маслом. Механический записанный голос телефонной компании сообщил мне, что этот номер отключен.

Бен был толстым или у него была косолапость?

Лежал без сна до рассвета.

10 июня 1985 г.

Мне говорят, что завтра меня выписывают.

Я позвонил Биллу и сообщил об этом — наверное, хотел предупредить, что времени у него остается все меньше и меньше. Билл — единственный, кого я ясно помню, и нисколько не сомневаюсь, что он ясно помнит только меня. Полагаю, только потому, что мы до сих пор в Дерри.

— Хорошо, — ответил он. — К завтрашнему дню мы очистим территорию.

— Свою идею не забыл?

— Нет. Похоже, пришло время проверить ее.

— Будь осторожен.

Он рассмеялся, и его ответ я и понял, и не понял:

— На с-скейтборде о-осторожным бы-ыть не-ельзя, чел.

— Как я узнаю, что из этого вышло, Билл?

— Ты узнаешь. — И он положил трубку.

Мое сердце с тобой, Билл, независимо от того, как все обернется. Мое сердце со всеми вами, и я думаю, даже если мы забудем друг друга наяву, то будем помнить в наших снах.

Я почти закончил с этим дневником, и, полагаю, дневником все это и останется, история давних скандалов и странностей, которые произошли в Дерри, не покинет этих страниц. Я ничего не имею против. Думаю, после того как меня завтра выпишут, придет пора задуматься о новой жизни... хотя какой она будет, мне пока не очень-то ясно.

Я любил вас всех, вы знаете.

Я так сильно вас любил.

Эпилог

БИЛЛ ДЕНБРО ОБГОНЯЕТ ДЬЯВОЛА-2

Я знал невесту, она танцевала пони,
Я знал невесту, она танцевала стролл,
Я знал невесту, она гуляла с друзьями,
Я знал невесту, она танцевала рок-н-ролл.

*Ник Лоув**

На скейтборде осторожным быть нельзя.

Какой-то мальчишка

---

* Ник Лоув (р. 1949, настоящее имя Николас Дрейн Лоув) — английский музыкант, автор песен, продюсер.

1

Полдень солнечного дня.

Билл стоял голым в спальне Майка Хэнлона, смотрел на отражение своего худощавого тела в зеркале на двери. Лысая голова блестела в падающем через окно свете, который отбрасывал тень Билла на пол и на стену. Грудь без единого волоска, бедра и икры тощие, но мускулистые. «*И все-таки*, — подумал он, — *это тело взрослого, двух мнений тут быть не может. Есть небольшой животик, спасибо пристрастию к хорошим стейкам, и к пиву «Кирин», и к сытным ленчам у бортика бассейна, когда предпочтение отдавалось французской или голландской кухне, а не диетическим блюдам. И зад у тебя тоже обвис, старина Билл. Ты еще можешь подать эйс, если резко ударишь по мячу, и меткость тебя не подведет, но уже не способен бегать за старым колесом, как тебе удавалось в семнадцать. У тебя складки жира на боках, и твои яйца уже начинают отвисать, как и у всех мужчин средних лет. На твоем лице морщины, которых не было в семнадцать... Черт, их не было и на твоей первой авторской фотографии, на которой ты пытался выглядеть так, будто что-то знаешь... все равно что. Ты слишком стар для того, что задумал, Билли-малыш. Убьешься сам и убьешь ее*».

Он надел трусы.

«*Если бы мы в это верили, то никогда бы не смогли... сделать, уж не помню, что мы там сделали*».

Потому что он действительно не помнил, что они сделали, или какие события привели к тому, что Одра превратилась в кататонический овощ. Он только знал, что собирался сделать сейчас и отдавал себе отчет, что забудет и это, если не сделает незамедлительно. Одра сидела внизу в кресле Майка, волосы падали ей на плечи, а она сосредоточенно смотрела на экран телевизора, где показывали телевикторину «Звоним за долларами». Она не разговаривала и двигалась, только если Билл ее направлял.

«Там другое. Ты просто слишком старый, чел. Поверь в это».

«Я не верю».

«Тогда умри здесь, в Дерри. Невелика потеря».

Он надел высокие носки, единственные джинсы, которые привез с собой, майку, купленную в «Шёт шэк» в Бангоре. Ярко-оранжевую майку. С надписью на груди: «И ГДЕ, ЧЕРТ ПОБЕРИ, ДЕРРИ, ШТАТ МЭН?» Он сел на кровать Майка, которую последние ночи делил со своей теплой, но трупоподобной женой, и надел... кеды: их он тоже купил вчера в Бангоре.

Встал и вновь посмотрел на себя в зеркало. Увидел мужчину средних лет в мальчишеской одежде.

«Ты выглядишь нелепо».

«А какой подросток выглядит иначе»?

«Ты не подросток. Откажись от задуманного».

— Хрена с два, давай подпустим рок-н-ролла, — тихо сказал Билл и вышел из комнаты.

2

В снах, которые приснятся ему в последующие годы, из Дерри он будет всегда уходить в одиночестве, на закате солнца. Город пуст; в нем никого не осталось. Теологическая семинария и викторианские особняки на Западном Бродвее чернеют на фоне огненного неба: все закаты, которые он когда-либо видел, соединились в этом.

Он слышит свои шаги, эхом отражающиеся от бетона. Единственный другой звук — журчание воды, сливающейся в канализационные решетки...

3

Билл выкатил Сильвера на подъездную дорожку, поставил на подставку. Проверил шины. Нашел, что передняя в полном порядке, а задняя чуть мягковата. Взял велосипедный насос, купленный Майком, и подкачал ее. Поставив насос на место, проверил игральные карты и прищепки. Колеса при вращении по-прежнему издавали тот будоражащий треск автоматной очереди, который Билл помнил с детства. Отлично.

«Ты рехнулся».

«Возможно. Поглядим».

Он вновь вернулся в гараж. Взял масленку, смазал цепь и звездочку. Поднявшись, посмотрел на Сильвера, легко, осторожно нажал на грушу клаксона. Звук ему понравился. Билл кивнул и пошел в дом.

Ч

...и он вновь видит все эти здания нетронутыми, какими они были раньше: кирпичный форт начальной школы Дерри, Мост Поцелуев, изрисованный сложной вязью инициалов, оставленных влюбленными старшеклассниками, которые могли бы взорвать мир своей страстью, но, повзрослев, превращались в страховых агентов, и в продавцов автомобилей, и в официанток, и в парикмахерш; он видит статую Пола Баньяна, возвышающуюся на фоне кровавого неба, и покосившееся побеленное ограждение, которое тянется вдоль тротуара Канзас-стрит по краю Пустоши. Он видит их, какими они были, и они навсегда такими останутся в какой-то части его разума... и его сердце разрывается от любви и благоговения.

«Покидаем, покидаем Дерри, — думает он. — *Мы покидаем Дерри, и, если какая-то история и была, это будут ее последние пять или шесть страниц; будь готов к тому, чтобы поставить эту историю на полку и забыть ее. Солнце садится, и нет никаких звуков, кроме моих шагов и журчания воды в дренажных тоннелях. Это пора...*

S

Передача «Звоним за долларами» уступила место «Колесу фортуны». Одра послушно сидела перед телевизором, глаза не отрывались от экрана. Выражение лица и поза не изменились, когда Билл телевизор выключил.

— Одра. — Он подошел к ней, взял за руку. — Пошли.

Она не шевельнулась, ее рука лежала в его, теплый воск. Билл взял ее за другую руку, лежавшую на подлокотнике Майкова кресла, и поднял на ноги. Утром он одел ее примерно так же, как теперь

оделся сам: джинсы «левис» и синяя блузка-безрукавка. И выглядела бы она прекрасно, если бы не пустой взгляд широко раскрытых глаз.

— По-ошли, — повторил Билл, и вывел ее через дверь на кухню Майка, а потом из дома. Она шла с готовностью... хотя свалилась бы со ступеней заднего крыльца на землю, но Билл обнял ее за талию и помог спуститься с лестницы.

Подвел к Сильверу, который стоял на подставке, залитый ярким солнечным светом. Одра остановилась у велосипеда, уставившись в стену гаража Майка.

— Садись, Одра.

Она не шевельнулась. Терпеливые усилия Билла привели к тому, что она перекинула длинную ногу через багажник, закрепленный над крылом заднего колеса Сильвера. Наконец встала так, что багажник оказался между ее ног, не касаясь промежности. Билл легонько надавил на макушку Одры, и она села.

После этого и он взгромоздился на седло Сильвера и ударом пятки поднял подставку. Уже собрался взяться за руки Одры и потянуть на себя, чтобы обхватить ими свою талию, но прежде чем успел это сделать, они сами пришли в движение и поползли вкруг него, как маленькие, ошарашенные мышки.

Билл смотрел на них, его сердце билось часто-часто, скорее уже не в груди, а под самым горлом. Он видел первое самостоятельное движение, сделанное Одрой после того, как это случилось... что бы это ни было.

— Одра?

Ответа не последовало. Он попытался повернуть голову и взглянуть на нее, но не получилось. Так что видел он только ее руки, обхватившие его талию, с остатками красного лака, которым в маленьком английском городке покрасила ногти умная, очаровательная, талантливая молодая женщина.

— Мы отправляемся на велосипедную прогулку. — Билл покатил Сильвера к Палмер-Лайн, слушая, как гравий похрустывает под шинами. — Я хочу, чтобы ты держалась крепко, Одра. Я думаю... думаю, мы можем ехать бы-ы-ыстро.

«Если мне хватит духу».

Ему вспомнился мальчишка, которого он встретил в Дерри после своего приезда сюда, когда еще ничего не закончилось. *«На скейтборде осторожным быть нельзя»*, — сказал мальчишка.

«Что правда, то правда, пацан».

— Одра? Ты готова?

Никакого ответа. Или ее руки чуть крепче обхватили его? Скорее он принимал желаемое за действительное.

Он добрался до конца подъездной дорожки и посмотрел направо. Палмер-Лейн вливалась в Верхнюю Главную улицу, и следующий поворот налево приводил к холму, склон которого спускался к центру города. Вниз. Набирая скорость. Этот образ вызвал дрожь страха, и тревожная мысль

(*у стариков кости более ломкие, Билли-малыш*)

проскочила в голове слишком быстро, чтобы задержаться и запомниться. Но...

Тревогой все не ограничивалось, так? Было и желание... чувство, которое возникло, когда он увидел того мальчишку, идущего со скейтбордом под мышкой. Желание мчаться быстро, желание ощущать обдувающий тебя ветер, не зная, куда ты несешься или от чего убегаешь, просто мчаться. Лететь.

Тревога и желание. Разница между «смогу ли» и «хочу» — разница между взрослым, который просчитывает стоимость, и ребенком, который просто платит и уходит, к примеру. Разница в целый мир. И при этом не такая уж большая. Если на то пошло, муж и жена — одна сатана. То же самое вы чувствуете, когда вагончик на русских горках оказывается на вершине первого крутого спуска, где, собственно, и начинается заезд.

Тревога и желание. Что ты хочешь и что боишься попробовать. Где ты был и куда хочешь прийти. Что-то такое есть в рок-н-ролльной песне о том, как тебе нужны девушка, автомобиль, место, куда попасть и где остаться. *«Ох, пожалуйста, Господи, Ты можешь это понять?»*

Билл на мгновение закрыл глаза, чувствуя мягкий, мертвый вес жены за спиной, чувствуя холм, который находился где-то впереди, чувствуя удары собственного сердца.

Держись, смелее, не отступай.

Он вновь покатил Сильвера.

— Хочешь подпустить немного рок-н-ролла, Одра?

Нет ответа. Ну и ладно. Он-то готов.

— Тогда поехали.

Билл закрутил педали. Сначала получалось не очень. Сильвера опасно мотало из стороны в сторону, вес Одры не способствовал

устойчивости... но, вероятно, она как-то старалась поддержать равновесие, даже бессознательно, иначе они бы рухнули. Билл встал на педали, его руки с невероятной силой сжали рукоятки руля, голову он вскинул к небу, глаза превратились в щелочки, жилы на шее вздулись.

«Свалюсь прямо здесь, расшибу ее голову и свою...»

(нет, не свалишься, давай, Билл, давай, сукин сын)

Он стоял на педалях, крутил их, чувствуя каждую сигарету, которую выкурил за последние двадцать лет в повысившемся кровяном давлении и учащенном биении сердца. *«Да пошли вы!»* — подумал он, и охватившая его безумная радость растянула губы в улыбке.

Игральные карты, издававшие одиночные выстрелы, теперь принялись щелкать чаще. Это были новые карты, специальные карты для велосипедов, и щелкали они хорошо и громко. Билл почувствовал, как ветер начал обдувать его лысую голову, и улыбка стала шире. *«Ветер — моя работа,* — подумал он. — *Я создаю ветер, нажимая на эти гребаные педали»*.

В конце улицы высился знак «СТОП». Билл начал тормозить... а потом (улыбка стала еще шире, обнажая все больше и больше его зубов) снова нажал на педали.

Проигнорировав знак «СТОП», Билл Денбро повернул налево, на Верхнюю Главную улицу над Бэсси-парк. Вновь не учел веса Одры, и они едва не перевернулись. Велосипед повело в сторону, он наклонился, потом выпрямился. Ветер усилился, охлаждая пот на лбу, испаряя его, ветер обтекал его уши с низким будоражащим звуком, напоминающим шум океана в морских раковинах, но на самом деле не похожим ни на один звук на Земле. Билл полагал, что звук этот знаком тому мальчишке со скейтбордом. *«Но с этим звуком тебе предстоит расстаться, пацан,* — подумал он. — *В жизни многое меняется. Это грязный трюк, так что готовься к нему»*.

Он быстрее крутил педали, и с увеличением скорости прибавилось устойчивости. Обломки статуи Пола Баньяна, упавшего колосса, остались слева. Билл прокричал:

— *Хай-йо, Сильвер, ВПЕРЕ-Е-ЕД!*

Руки Одры сильнее сжали его талию; он чувствовал, как она шевелится, прижимаясь к его спине. Но желания повернуться и посмотреть на нее не возникло... ни желания, ни потребности. Он все быстрее крутил педали, громко смеясь, высокий худощавый лы-

сый мужчина, склонившийся над рулем, чтобы уменьшить лобовое сопротивление. Люди оборачивались на него, когда он мчался мимо Бэсси-парк.

Теперь Верхняя Главная улица пошла вниз, под крутым углом, к провалившему под землю центру города, и голос в голове зашептал, что, если он не затормозит, просто влетит в яму, образовавшуюся на месте перекрестка, где сходились три улицы, как адская летучая мышь, и убьет их обоих.

Вместо того чтобы затормозить, он продолжил крутить педали, заставляя велосипед мчаться еще быстрее. Теперь он летел с холма Главной улицы и уже видел впереди бело-оранжевые оградительные барьеры и дымящиеся бочки, в которых горело хэллоуиновское пламя, отмечающие край провала, и вершины домов, торчавшие над улицами, словно рожденные воображением безумца.

— *Хай-йо, Сильвер, ВПЕРЕ-Е-ЕД!* — неистово прокричал Билл Денбро, мчась по склону холма, еще не зная к чему, в последний раз ощущая Дерри своим домом, особенно остро осознавая, что он живой под настоящим небом, и теперь все — желание, желание, желание.

Он мчался с холма на Сильвере, он мчался, чтобы обогнать дьявола.

6

...расставания».

Итак, ты уходишь, и есть желание оглянуться, оглянуться один только раз, пока тает закат, напоследок увидеть непритязательные силуэты Новой Англии: шпили, Водонапорную башню, Пола с его топором на плече. Но оглядываться — идея не из лучших, все истории твердят об этом. Посмотрите, что случилось с женой Лота. Лучше не оглядываться. Лучше верить, что все будет хорошо, даже после того, что случилось... и, возможно, так и будет; кто может сказать, что такое невозможно? Не все кораблики, уплывающие в темноту, больше не находят солнца или руки другого мальчишки; если жизнь чему-то учит, так одному: счастливых концовок так много, что человеку, который не верит в Бога, надо бы усомниться в собственном здравомыслии.

«Ты уходишь и уходишь быстро, когда солнце начинает закатываться за горизонт», — *думает он в этом сне. Вот что ты делаешь, И если у тебя есть время еще на одну мысль, может, тебе стоит подумать о призраках... призраках детей, стоящих в воде на закате солнца, стоящих, образовав круг, стоящих, взявшись за руки, их лица юные, само собой, но и решительные... достаточно решительные, чтобы положить начало тем взрослым, которыми они станут, достаточно решительные, чтобы, возможно, понять, что взрослые, которыми они станут, обязательно должны положить начало людям, какими они были до того, как превратились во взрослых, до того, как пытались осознать, что они тоже смертны. Круг замыкается, колесо вращается, и в этом все сущее.*

Тебе не нужно оглядываться, чтобы увидеть этих детей; часть твоего разума видит их всегда, навеки живет с ними, навеки их любит. Они, возможно, не лучшая твоя часть, но именно они ответственны за то, каким ты стал.

Дети, я вас люблю. Я так сильно вас люблю.

Вот и уезжай побыстрее, уезжай, пока последний свет соскальзывает за горизонт, уезжай из Дерри, от памяти... но не от желания. Это остается, яркая камея всего, кем мы были и во что верили детьми, всего, что сияет в наших глазах, даже когда мы потерялись, и в ночи завывает ветер.

Уезжай и продолжай улыбаться. Поймай на радио рок-н-ролл и иди по жизни со всем мужеством, которое сможешь собрать, и со всей верой, которую сумеешь сохранить. Держись, смелее, не отступай.

Все остальное — темнота.

7

— Эй!

— Эй, мистер, вы...

— ...осторожнее!

— Этот чертов идиот наверняка...

Слова пролетали мимо, бессмысленные, как флаги на ветру или оторвавшиеся воздушные шарики. Вот и оградительные барьеры. В ноздри ему бил запах горящего в бочках керосина. Он видел зияющую темноту на месте улицы, слышал бег воды в этой приближающейся темноте, и звуки эти вызвали у него смех.

Он бросил Сильвера влево, проскочил так близко от барьеров, что штанина коснулась одного. Колеса Сильвера отделяли какие-то три дюйма от того места, где обрывался асфальт, и места для маневра не оставалось. Впереди, перед «Ювелирным магазином Кэша», вода поглотила всю мостовую и половину тротуара. Барьер перекрывал доступ на тротуар, который, подмытый снизу, буквально висел над провалом.

— Билл? — Голос Одры, ошеломленный и хрипловатый. Она словно только что проснулась, вырвалась из крепкого сна. — Билл, где мы? Что мы делаем?

— *Хай-йо, Сильвер!* — прокричал Билл, направляя Сильвера на барьер, который торчал из выбитой витрины магазина Кэша, под прямым углом к ней. — *ХАЙ-ЙО, СИЛЬВЕР, ВПЕРЕ-Е-ЕД!*

Сильвер на скорости не меньше сорока миль в час ударил барьер, и его части разлетелись в разные стороны, оранжевая перекладина — в одну, подставки, напоминающие букву «А», — в другие. Одра закричала, и обхватила Билла так крепко, что у него перехватило дыхание. Люди, что стояли вдоль Главной улицы, Канальной и Канзас-стрит, наблюдали.

Сильвер влетел на висящий над провалом участок тротуара. Билл почувствовал, как его левые бедро и колено чиркнули по стене ювелирного магазина. Почувствовал, как заднее колесо Сильвера вдруг просело, и понял, тротуар за ними рушится...

...а потом инерция Сильвера вынесла их на более безопасный участок тротуара. Билл крутанул руль, чтобы объехать перевернутый мусорный бак, и вновь выехал на мостовую. Заскрежетали тормоза. Он увидел радиаторную решетку приближающегося грузовика, и все равно не смог оборвать смех. Он проскочил то место, которое секундой позже занял грузовик. Черт, нечего тратить время попусту!

Крича, с льющимися из глаз слезами, Билл нажимал и нажимал грушу клаксона, вслушиваясь в каждый хриплый неприятный звук, вырывающийся в яркий дневной свет.

— Билл, мы же убьемся! — крикнула Одра, и, хотя в голосе слышался ужас, она тоже смеялась.

Билл повернул и на этот раз ощутил, что Одра повторила движение его тела, отчего управлять велосипедом стало проще, и им обоим держаться на нем стало проще, по крайней мере в этот короткий промежуток времени, и теперь они взаимодействовали, будто три живых существа.

— Ты так думаешь? — прокричал он в ответ.

— Я это знаю! — ответила она, а потом ухватила Билла за промежность, где член стоял столбом. — Но не останавливайся!

Насчет этого он ничего не сказал. Скорость Сильвера на холме Подъем-в-милю стала падать. Пулеметная дробь игральных карт распалась на отдельные выстрелы. Билл остановился и повернулся к Одре. Бледной, с широко раскрытыми глазами, несомненно, испуганной и ничего не понимающей... но очнувшейся, очнувшейся и смеющейся.

— Одра! — Он смеялся вместе с ней, помог слезть с Сильвера, прислонил велосипед к удачно оказавшейся под рукой каменной стене, обнял Одру. Принялся целовать лоб, глаза, щеки, губы, шею, груди.

И пока он это делал, она обнимала его.

— Билл, что случилось? Я помню, как вышла из самолета в Бангоре, а потом — ничего. Ты в порядке?

— Да.

— А я?

— Да. Теперь.

Она чуть оттолкнула его, чтобы взглянуть ему в глаза.

— Билл, ты по-прежнему заикаешься?

— Нет. — Билл снова поцеловал ее. — Заикание ушло.

— Навсегда?

— Да, — кивнул он. — Думаю, на этот раз оно ушло навсегда.

— Ты говорил что-то насчет рок-н-ролла?

— Не знаю. Говорил?

— Я тебя люблю, — ответила она.

Он кивнул и улыбнулся. А улыбаясь, Билл выглядел очень юным, даже с лысой головой.

— Я тоже тебя люблю. Остальное — ерунда.

8

Он просыпается от этого сна, не в силах в точности вспомнить, что это был за сон. Знает только одно: во сне он снова стал ребенком. Он прикасается рукой к гладкой спине жены, которая сладко спит рядом, и которой снятся свои сны; он думает, как это хорошо, быть ребенком, но хорошо быть и взрослым, иметь возможность по-

размышлять о таинстве детства... о детской вере и детских желаниях. «Когда-нибудь я напишу об этом», — *думает он и знает, что это всего лишь рассветная мысль, мысль, которая приходит в голову сразу после пробуждения. Но до чего приятно думать об этом в чистой утренней тишине, думать, что у детства есть свои милые секреты, и оно посвящает в тайну смерти, перед лицом которой только и проявляются настоящие отвага и любовь. Думать о том, что взгляд в будущее подразумевает собой взгляд в прошлое, и потому жизнь каждого создает собственную имитацию бессмертия: колесо.*

Об этом иной раз думает Билл Денбро ранним утром, после того, как ему снились сны, в которых он почти что вспоминал свое детство и друзей, деливших его с ним.*

Эта книга начата в Бангоре, штат Мэн, 9 сентября 1981 г., и закончена в Бангоре, штат Мэн, 28 декабря 1985 г.

* Пользуясь случаем, переводчик выражает искреннюю благодарность русскоязычным фэнам Стивена Кинга (прежде всего, Александру Викторову из Саратова, Борису Игонину из Минска, Петру Кадину из Северодвинска, Сергею Ларину из Рязани, Антону Могилевскому из Тель-Авива, Александру Сергееву из Мичуринска, Сергею Сухову из Новосибирска и Анатолию Филиппенко из Ижевска), принявшим участие в работе над черновыми материалами перевода и администрации сайтов «Стивен Кинг.ру — Творчество Стивена Кинга», «Русский сайт Стивена Кинга» и «Стивен Кинг. Королевский клуб», усилиями которых эту работу удалось провести.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1. ТЕНЬ ПРОШЛОГО 7

Глава 1. После наводнения (1957 г.) 9
Глава 2. После фестиваля (1984 г.) 24
Глава 3. Шесть телефонных звонков (1985 г.) 49
ДЕРРИ: Первая интерлюдия 163

Часть 2. ИЮНЬ 1958 ГОДА 181

Глава 4. Бен Хэнском падает 183
Глава 5. Билл Денбро обгоняет дьявола-1 243
Глава 6. Один из пропавших: рассказ из лета 1958 г. 277
Глава 7. Плотина в Пустоши 319
Глава 8. Комната Джорджи и дом на Нейболт-стрит 354
Глава 9. Зачистка 427
ДЕРРИ: Вторая интерлюдия 481

Часть 3. ВЗРОСЛЫЕ 521

Глава 10. Воссоединение 523
Глава 11. Пешие экскурсии 589
Глава 12. Три незваных гостя 676
ДЕРРИ: Третья интерлюдия 705

Часть 4. ИЮЛЬ 1958 ГОДА 721

Глава 13. Апокалиптическая битва камней 723
Глава 14. Альбом 769

Глава 15. Дымовая яма 805
Глава 16. Невезуха Эдди 838
Глава 17. Еще один пропавший: смерть Патрика Хокстеттера.... 888
Глава 18. «Яблочко» 925
ДЕРРИ: Четвертая интерлюдия 966

Часть 5. РИТУАЛ ЧУДЬ 981

Глава 19. Ночные бдения 983
Глава 20. Круг замыкается 1078
Глава 21. Под городом 1102
Глава 22. Ритуал Чудь 1149
Глава 23. Исход 1191
ДЕРРИ: Последняя интерлюдия 1220

Эпилог. БИЛЛ ДЕНБРО ОБГОНЯЕТ ДЬЯВОЛА-2 1231

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен

Оно

Роман

Ответственный редактор А. Батурина
Компьютерная верстка: В.Е. Кудымов
Технический редактор Т.В. Полонская

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

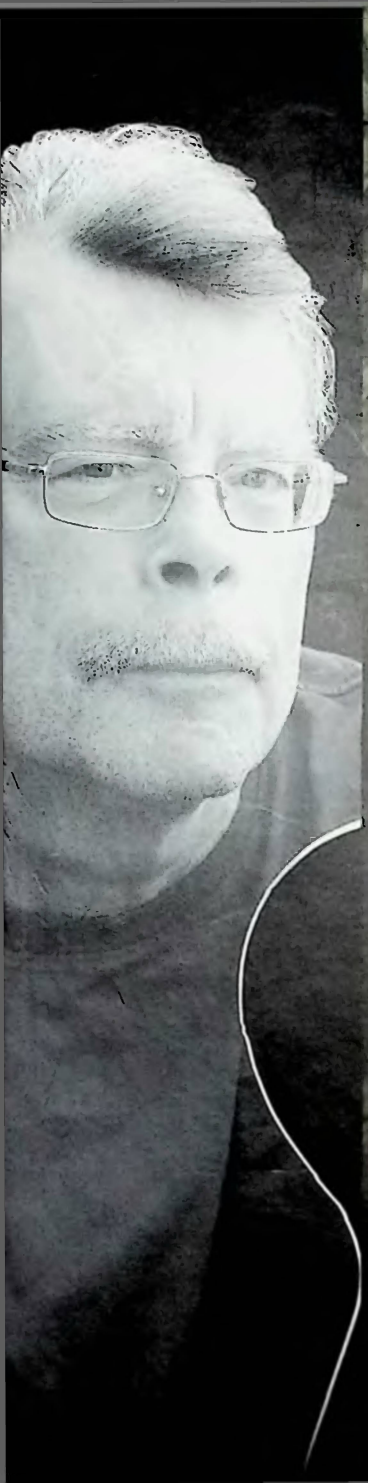
«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 12.01.18. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 65,52.
С.: Король на все времена. Доп. тираж 17000 экз. Заказ № 0707/18.
С.: Кинг: КИНО. Доп. тираж 8000 экз. Заказ № 0708/18.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлёво-1, комплекс №3 «А». www.pareto-print.ru



Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени. Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

В маленьком провинциальном городке Дерри много лет назад семерым подросткам пришлось столкнуться с кромешным ужасом — живым воплощением зла. Прошли годы... Подростки повзрослели, и ничто, казалось, не предвещало новой беды. Но кошмар прошлого вернулся, неведомая сила повлекла семерых друзей назад, в новую битву со Злом. Ибо в Дерри опять льется кровь и бесследно исчезают люди. Ибо вернулось порождение ночного кошмара, настолько невероятное, что даже не имеет имени...

www.ast.ru
ISBN 978-5-17-065495-6
9 785170 654956